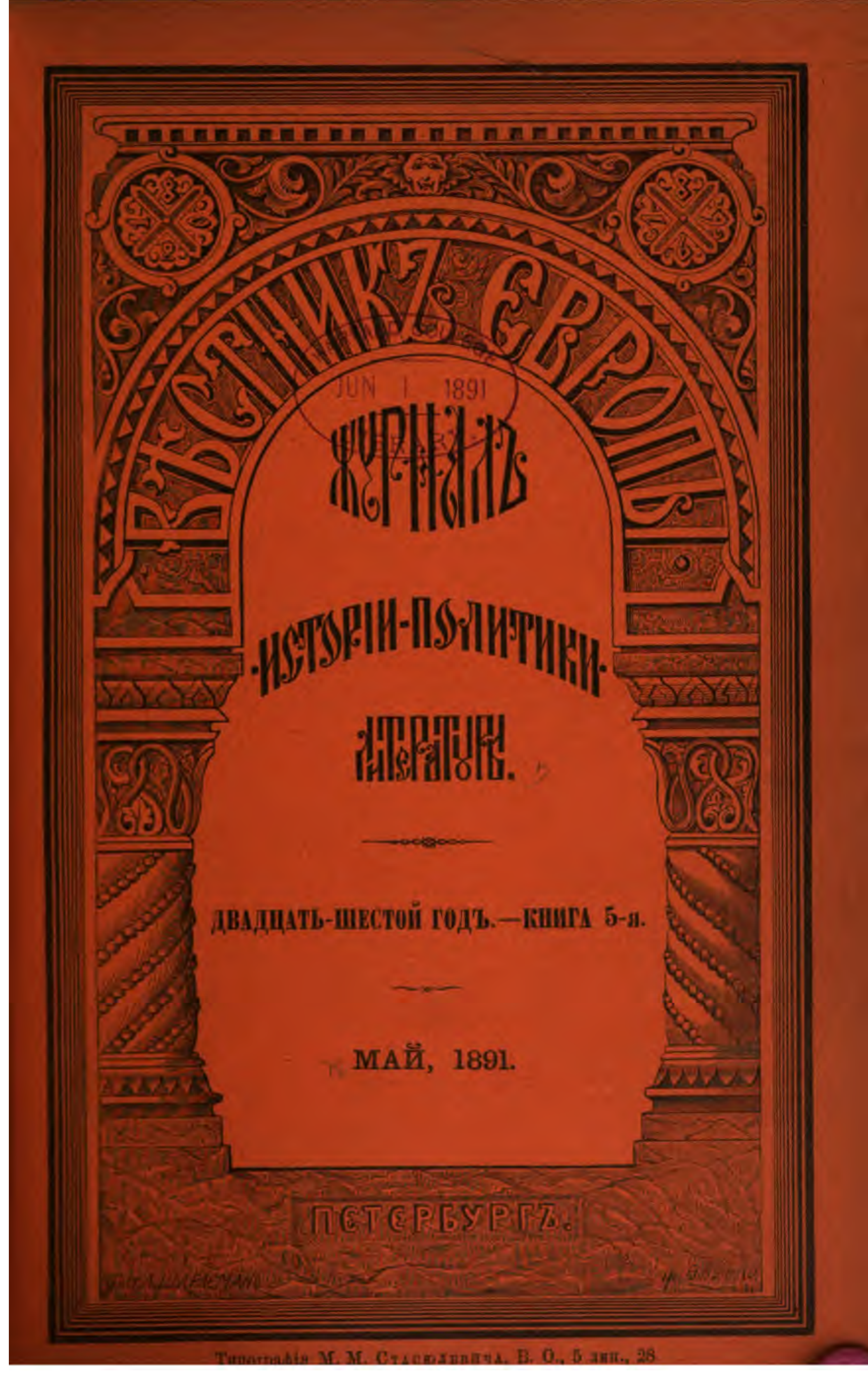
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
JUN 1 1891
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.
МАЙ, 1891.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1891.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1891 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LV. — ТОМЪ CCCXXIII. — 1/13 МАЯ, 1891.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

563-47

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

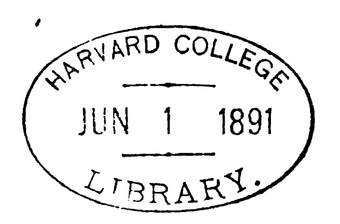
Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1891

(1814)



Н. А. РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ

Очеркъ музыкальной дѣятельности.

1865—1890 г.

Осенью 1864 года покойный А. Н. Сѣровъ читалъ при „Безплатной Музыкальной Школѣ", въ залѣ с.-петербургской городской думы, публичныя лекціи о музыкѣ,—то, что французы называютъ „conférences". Говоря объ общихъ взглядахъ на музыкальное искусство, о его развитіи и его задачахъ, Сѣровъ, между прочимъ, высказалъ тогда ту мысль, что въ русской музыкѣ никогда не будетъ *симфоній*, потому, будто бы, что отвлеченная музыка и строгія формы симфоній совсѣмъ несвойственны духу и характеру русскихъ композиторовъ. При этомъ онъ приводилъ въ примѣръ М. И. Глинку, который, при всемъ своемъ могучемъ дарованіи, не могъ совладать съ задуманной имъ симфоніей „Тарасъ Бульба", какъ съ задачей, для русскаго музыканта неосуществимой.

Очень скоро, однако, ему пришлось отказаться отъ такого приговора относительно русскихъ композиторовъ. 19-го декабря 1865 г., въ концертѣ „Безплатной музыкальной школы", подъ управленіемъ М. А. Балакирева, была исполнена въ первый разъ симфонія Николая Андреевича Римскаго-Корсакова, совсѣмъ юнаго музыканта, впервые выступавшаго тогда съ этимъ произведеніемъ на музыкальномъ поприщѣ. Симфонія имѣла большой успѣхъ, и молодой композиторъ былъ принятъ публикой очень сочувственно. Отчетъ о первомъ исполненіи этой симфоніи находимъ въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", отъ 23-го декабря 1865 г.; авторъ фельетона (Ц. А. Кюи) писалъ о новомъ произведеніи

въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ случается по временамъ говорить о явленіяхъ музыкальной жизни Петербурга, я въ первый разъ берусь за перо съ такимъ удовольствіемъ, какъ сегодня. Сегодня мнѣ выпала дѣйствительно завидная доля писать о молодомъ, начинающемъ русскомъ композиторѣ, явившемся впервые передъ публикой со своимъ крайне талантливымъ произведеніемъ, съ *первою русской симфоніей*. Публика слушала симфонію съ возрастающимъ интересомъ, и послѣ анданте и финала къ громкимъ рукоплесканіямъ прибавила вызовы автора. И когда на эстрадѣ явился авторъ, офицеръ морской службы, юноша лѣтъ 22, всѣ сочувствующіе молодости, таланту, искусству, всѣ вѣрующіе въ его великую у насъ будущность, всѣ тѣ, наконецъ, кто не нуждается въ авторитетномъ имени, подчасъ посредственности, для того, чтобы восхищаться прекраснымъ произведеніемъ,—всѣ встали, какъ одинъ человѣкъ, и громкое единодушное привѣтствіе начинающему композитору наполнило залу городской думы". Послѣ подробнаго разбора симфоніи, музыкальный критикъ писалъ далѣе: „Вообще музыка г. Корсакова отличается простотою, здоровьемъ, силою, легкостью изобрѣтенія, свободнымъ теченіемъ и глубокимъ развитіемъ мысли, разнообразіемъ. Если его музыку необходимо сравнивать, то ближе всего она подходитъ къ музыкѣ Глинки, имѣющей эти же качества въ высшей степени. Именно полное отсутствіе болѣзненности, изысканности и насильственнаго сочиненія заставляютъ меня возлагать особенныя надежды на будущность г. Римскаго-Корсакова, который съ перваго же сочиненія, публично исполненнаго, является совершенно готовымъ композиторомъ. Симфонія эта очень хороша даже при самыхъ строгихъ требованіяхъ, но если взять въ соображеніе, что это первый трудъ 22-лѣтняго юноши, то приходится сказать, что такъ не начиналъ до сихъ поръ *ни одинъ* композиторъ... Въ заключеніе не могу не вернуться къ тому истинно радостному впечатлѣнію, которое произвело на публику появленіе новаго русскаго композитора въ лицѣ г. Римскаго-Корсакова, не могу вторично не предсказать ему великой будущности, если только обстоятельства его жизни сложатся благопріятно для дальнѣйшаго его музыкальнаго развитія".

Таковъ былъ написанный подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отзывъ о первой симфоніи г. Римскаго-Корсакова. Съ того времени прошло 25 лѣтъ, періодъ времени, въ теченіе котораго русская музыка сдѣлала громадный шагъ впередъ. За эти 25 лѣтъ создалась цѣлая новая школа русской музыки, богатая произве-

деніями разнообразнаго рода и характера. То была первая русская симфонія; въ настоящее же время мы имѣемъ большой рядъ произведеній симфонической музыки и въ числѣ ихъ не мало капитальнѣйшихъ вещей, вызывающихъ горячія похвалы и удивленіе у музыкантовъ западной Европы, столь гордящихся высокой культурой своей музыки и своими музыкальными геніями прошлаго времени и потому не особенно щедрыхъ на похвалы музыкѣ русской. Понятно, что при такомъ сильномъ и быстромъ прогрессѣ въ нашей музыкѣ должны были выступить болѣе серьезныя и высокія требованія въ отношеніи къ композиторскимъ работамъ; поэтому первая симфонія г. Корсакова, среди произведеній позднѣйшаго времени, является сравнительно слабымъ произведеніемъ. Но тѣмъ не менѣе она заключаетъ всѣ данныя, чтобы признать въ ея авторѣ высокодаровитаго художника, съ сильнымъ оригинальнымъ талантомъ, и цитированный выше музыкальный критикъ имѣлъ полное основаніе предсказывать г. Римскому-Корсакову великую будущность, судя по первому же его творческому труду.

Первая симфонія г. Римскаго-Корсакова издана только въ послѣднее время; при изданіи въ ней сдѣланы нѣкоторыя измѣненія [1]), также исправлено кое-что въ инструментовкѣ. Написанная въ обыкновенной симфонической формѣ, въ 4-хъ частяхъ, она начинается небольшимъ вступленіемъ (andante) съ очень милой, симпатичной музыкой. Первое „аллегро" основано на двухъ довольно недурныхъ темахъ, ясно и просто изложенныхъ и очень талантливо разработанныхъ въ средней части. Слѣдующее „анданте"—лучшая часть симфоніи—написано на замѣчательно красивую народную тему (пѣсня „про татарскій полонъ") [2]), гармонизированную и разработанную съ большимъ вкусомъ; это поэтическая музыка, полная чарующей прелести. Въ 3-й части находимъ живое, не лишенное огня и увлеченія „скерцо" и задушевное, отчасти въ шумановскомъ родѣ, „тріо". Финалъ нѣсколько рутиненъ въ началѣ, но въ среднемъ заключаетъ талантливую музыку, проникнутую силой и энергіей.

Въ то время, когда эта симфонія была исполнена въ первый разъ, автору ея было всего 21 годъ. Онъ родился 6-го марта 1844 г. въ новгородской губерніи, въ г. Тихвинѣ. Предназначаемый

---

[1]) Первоначально она была написана въ тональности Es-moll; теперь она переложена въ E-moll, прежде „анданте" составляло 3-ю часть, теперь же „анданте" поставлено ранѣе „скерцо".

[2]) См. „Сборникъ Русск. Народн. Пѣсенъ", сост. Римскимъ-Корсаковымъ. Ч. I, стр. 20.

родителями для службы во флотѣ, г. Римскій-Корсаковъ воспитывался въ Морскомъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1862 г. Музыкой (игрой на фортепіано) онъ занимался съ ранняго дѣтства и также рано проявлялъ способности къ композиторству. По пріѣздѣ въ Петербургъ его учителемъ на фортепіано, а также руководителемъ въ юношескихъ попыткахъ сочиненія музыки былъ Ѳ. А. Канилле. Въ 1861 году г. Корсаковъ познакомился съ гг. Балакиревымъ, Кюи и Мусоргскимъ, подъ ихъ вліяніемъ обратился къ болѣе серьезнымъ занятіямъ музыкой и началъ пользоваться совѣтами М. А. Балакирева по инструментовкѣ и по формѣ сочиненій, совершенно такъ же, какъ его совѣтами пользовались тогда гг. Кюи и Мусоргскій и позднѣе—Бородинъ. Вскорѣ по выходѣ изъ Морского училища г. Корсаковъ отправился въ заграничное плаваніе въ Сѣверную и Южную Америку, гдѣ оставался почти три года. Слѣдовательно, исполненіе его первой симфоніи, въ концѣ 1865 г., происходило вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ изъ плаванія.

Черезъ годъ послѣ первой симфоніи исполнялось, также въ концертѣ „Безпл. музык. школы" (11-го декабря 1865 г.), второе оркестровое произведеніе г. Корсакова—„Увертюра на русскія темы", написанная на три русскія народныя пѣсни: подблюдная—„Слава Богу на небѣ", хороводная—„У воротъ воротъ", и свадебная—„На Иванушкѣ чапанъ". Русскія народныя пѣсни представляютъ богатый и благодарный матеріалъ для музыки; Глинка первый показалъ, какой художественности можно достигнуть въ музыкальномъ произведеніи при умѣломъ обращеніи съ подобнымъ матеріаломъ. Его „Камаринская", построенная на двухъ народныхъ пѣсняхъ, и очень многое въ „Жизни за Царя" и въ „Русланѣ", написанное если не на народныя пѣсни, то на темы, близко къ нимъ подходящія по характеру и по внѣшней структурѣ, служатъ великими образцами, въ которыхъ геніальный художникъ указалъ, чѣмъ именно должна быть музыка истинно національная. Послѣдователи Глинки, идя по указанному имъ пути, продолжали работать въ томъ же направленіи. Въ то время, когда началъ писать г. Корсаковъ, у его руководителя въ композиторскихъ работахъ, г. Балакирева, были уже написаны двѣ увертюры на русскія темы (изъ которыхъ вторая впослѣдствіи передѣлана имъ въ симфоническую поэму „Русь"); кромѣ того, у г. Балакирева былъ тогда составленъ его извѣстный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ котораго впослѣдствіи заимствовали многіе русскіе композиторы темы для своихъ произведеній. У г. Римскаго-Корсакова, какъ мы видѣли, вторая часть первой

симфоніи тоже была уже написана на народную тему, и во второмъ своемъ произведеніи онъ предпринялъ работу въ такомъ же родѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что русскія народныя пѣсни представляютъ многія существенныя особенности и отличаются отъ общей западно-европейской музыки своеобразностью, какъ по ритмической ихъ конструкціи и мелодическому складу, такъ и въ отношеніи гармонизаціи, которую онѣ допускаютъ; поэтому композиторъ, работающій надъ русскими народными пѣснями, чтобы вполнѣ сохранить ихъ національный характеръ, долженъ пользоваться совсѣмъ особыми пріемами по ихъ разработкѣ и гармонизаціи. Не всѣмъ композиторамъ въ одинаковой степени удается музыка въ этомъ родѣ; можно указать не мало совсѣмъ неудачныхъ попытокъ создавать русскую музыку, для чего, какъ оказалось, необходимы особыя данныя, особый характеръ творчества. Глинка обладалъ этими данными въ сильной степени; онъ первый создалъ истинно - національную, культурную русскую музыку. Послѣ него на той же національной почвѣ съ большимъ успѣхомъ работали гг. Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Мусоргскій, Бородинъ. Одинъ изъ хорошихъ образцовъ музыки этого рода представляетъ „Увертюра на русскія темы", Римскаго-Корсакова, исполненная въ первый разъ, какъ упомянуто, въ 1866 г. и потомъ заново переработанная и переинструментованная въ 1880 г. Строгая выдержанность русскаго характера музыки, большое мастерство и изящество фактуры, превосходная инструментовка, во всемъ масса вкуса и художественности—вотъ отличительныя свойства этой увертюры, которая сдѣлалась однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ произведеній г. Корсакова и часто исполняется даже въ лѣтнихъ загородныхъ концертахъ.

Стремленіе къ народности въ искусствѣ доказывается и третьимъ оркестровымъ произведеніемъ г. Корсакова, носящимъ заглавіе: „Фантазія на сербскія темы"; оно исполнялось въ 1-й разъ 12-го мая 1867 г., въ концертѣ, устроенномъ г. Балакиревымъ „для славянскихъ гостей", по случаю пріѣзда въ то время въ Петербургъ депутатовъ изъ Праги, съ Палацкимъ и Ригеромъ во главѣ, чествованныхъ тогда разнаго рода празднествами. Оригинальныя сербскія темы, на которыхъ построена эта фантазія, разработанныя очень смѣло и ново, при эффектной, блестящей инструментовкѣ, придаютъ этому произведенію много свѣжести и своеобразности, и оно слушается всегда съ интересомъ.

Въ томъ же 1867 году Римскій-Корсаковъ написалъ произведеніе, ясно указывавшее настоящее его призваніе и тотъ родъ музыки, который наиболѣе соотвѣтствовалъ характеру его твор-

ческаго дарованія. Мы говоримъ о его музыкальной картинѣ „Садко“, программой для которой взятъ эпизодъ изъ извѣстной русской былины о „Садко, новгородскомъ гостѣ“ (см. сборн. Рыбникова). Это былъ первый опытъ г. Корсакова въ программной музыкѣ, но опытъ такой талантливый, что послѣ него г. Корсаковъ сразу занялъ мѣсто первокласснаго композитора.

Программная музыка получила полное развитіе только въ текущемъ столѣтіи и скоро пріобрѣла такое преобладающее значеніе, что многіе позднѣйшіе композиторы отдавали лучшія свои силы именно этого рода музыкѣ. Стремленіе къ программной музыкѣ замѣтно уже у Бетховена, какъ напримѣръ въ его музыкѣ къ „Прометею“, въ увертюрахъ „Коріоланъ“, „Эгмонтъ“, въ „Пасторальной симфоніи“, въ финалѣ 9-й симфоніи на текстъ шиллеровской оды „Къ радости“; кромѣ того, музыка бо̀льшей части его симфоній до такой степени обладаетъ всѣми свойствами программной музыки, что, напримѣръ, Шуманъ, Вагнеръ, Берліозъ старались объяснить словами ихъ содержаніе и писали настоящія къ нимъ программы. Шуманъ оставилъ прекрасные образцы программной музыки: оркестровой—въ своемъ „Манфредѣ“, и фортепіанной—въ „Carnaval“, „Kinderscenen“ и мн. др. У Берліоза и Листа вся симфоническая музыка исключительно программная; у Листа бо̀льшая часть фортепіанныхъ піесъ тоже не что иное, какъ музыка на вполнѣ опредѣленную программу. Такое стремленіе къ музыкѣ съ ясно очерченнымъ, опредѣленнымъ программой содержаніемъ—вполнѣ понятно и объяснимо. Музыка, какъ и всякое другое искусство, поэзія, живопись, скульптура, не можетъ быть чѣмъ-то отвлеченнымъ, абсолютнымъ, и уже пережила то состояніе, когда она была искусствомъ ради искусства. Начиная съ Бетховена, музыка перестала существовать ради только внѣшней красоты звука, перестала быть игрою звуковъ, арабесками звуковъ, сгруппированныхъ въ изящную законченную форму, и изъ музыки чисто формальной превратилась въ музыку чувства и настроеній, гдѣ музыкальный звукъ и музыкальныя формы сдѣлались только художественными средствами внутренняго, психическаго содержанія. Но разъ такое содержаніе есть, человѣкъ нашего вѣка—вѣка точныхъ наукъ, желѣза и паровыхъ машинъ— не станетъ ограничиваться общимъ чувствомъ, общимъ настроеніемъ, чѣмъ-то смутнымъ и неопредѣленнымъ, что̀ можетъ его только волновать, не давая никакого разрѣшенія для его безпокойнаго и пытливаго ума; этимъ онъ не можетъ удовлетвориться и потребуетъ болѣе опредѣленнаго, яснаго и точнаго. Поэтому культъ абсолютной, чистой инструментальной музыки (симфоніи,

сонаты, квартеты и проч.) постепенно падаетъ, исчезаетъ; на его смѣну выступаетъ музыка, сочиняемая на какую-либо программу: съ довольно обширнымъ, мотивированнымъ и развиваемымъ текстомъ, или заключающуюся лишь въ нѣсколькихъ словахъ, характеризующихъ содержаніе піесы или каждой изъ ея частей, или, наконецъ, заключающуюся въ одномъ общемъ заглавіи,—но непремѣнно съ какимъ-нибудь яснымъ, опредѣленнымъ указаніемъ, что̀ именно хотѣлъ выразить авторъ въ своемъ произведеніи. Не станемъ разбирать, хорошо или дурно, отрадно или печально это явленіе, представляетъ ли оно естественный, логическій и послѣдовательный ходъ развитія музыки, или только временное уклоненіе отъ болѣе нормальнаго пути, по которому музыка слѣдовала прежде и, какъ многіе думаютъ, должна слѣдовать и впредь, но констатируемъ это явленіе, какъ фактъ весьма знаменательный и обращающій на себя вниманіе.

Римскій-Корсаковъ, вступая въ область программной музыки, конечно, долженъ былъ имѣть въ виду симфоническую музыку Листа и Берліоза; только въ ихъ произведеніяхъ онъ могъ найти такую ясность и точность детальной изобразительности и ту колоритность оркестровыхъ красокъ, какія мы находимъ въ его музыкальной картинѣ „Садко“. Однако, назвать его послѣдователемъ Листа или Берліоза нѣтъ никакого основанія. Ихъ произведенія дали ему только указанія, чего можно достигнуть въ описательной музыкѣ; многіе же пріемы сочиненія музыки и самая манера распоряженія музыкальнымъ матеріаломъ у него совсѣмъ иные и отличающіеся оригинальностью и самостоятельностью. Кромѣ того, музыка „Садко“ до такой степени русская по ея складу, духу и характеру, какую находили ранѣе только въ произведеніяхъ Глинки, вліяніе котораго отражается въ „Садко“, какъ и въ другихъ произведеніяхъ г. Корсакова, несомнѣнно. Программа этой музыкальной картины не сложна. Садко—богатый новгородскій купецъ и знаменитый гусляръ; корабль его остановился посреди моря и не двигался далѣе; царь морской требовалъ дани,—нужно было кого-нибудь бросить въ море. По жребію бросили самого Садко, котораго царь морской скоро увлекъ въ свое подводное царство и заставилъ играть на гусляхъ. Заигралъ Садко—и расплясалось все подводное царство; отъ пляски той всколыхалось океанъ-море и стало топить корабли. Тогда Садко оборвалъ струны на гусляхъ, пляска прекратилась и море успокоилось. Чудесно воспроизвелъ г. Корсаковъ эту программу, во всѣхъ ея подробностяхъ, въ своемъ произведеніи, сохраняя за нимъ въ то же время всѣ качества хорошей музыки. Краси-

выя, интересныя темы, превосходная ихъ разработка, тщательная, безукоризненная отдѣлка деталей, тонкая, колоритная инструментовка и замѣчательная цѣльность и законченность формы—таковы качества этого въ высшей степени талантливаго произведенія. Начинается оно изображеніемъ спокойнаго безпредѣльнаго моря: въ колеблющихся переливахъ струнныхъ инструментовъ, въ мягкихъ аккордахъ духовыхъ, при тремоло литавръ, какъ бы слышится тихій плескъ волнъ и чувствуется ощущеніе воды. Такъ же мастерски написана волшебная картина подводнаго царства, построенная на двухъ небольшихъ темахъ, развитыхъ и разработанныхъ такъ разнообразно и талантливо, что интересъ не оставляетъ слушателя ни на минуту. Пляска, основанная на бойкой, чисто русской темѣ, начинается очень скромно въ альтахъ, затѣмъ постепенно разростается, принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры и незамѣтно пріобрѣтаетъ совершенно другой характеръ: передъ слушателями рисуется грандіозная картина бури, замѣчательная по силѣ, энергіи и выразительности. Въ самомъ разгарѣ пляска обрывается... и музыкальная картина заканчивается тѣмъ же изображеніемъ спокойнаго моря, какъ и начинается.

„Садко", несмотря на то, что написанъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, когда его автору было только 23 года, остается и въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Римскаго-Корсакова. Кромѣ того, „Садко" заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что въ русской музыкѣ это было первое программное симфоническое произведеніе, служащее прототипомъ другихъ произведеній въ этомъ родѣ. Говоря о программной музыкѣ г. Корсакова, слѣдуетъ замѣтить, что программы его произведеній всегда отличаются удачнымъ выборомъ и большимъ чувствомъ мѣры, никогда не переходящимъ предѣлы музыкальной компетенціи. Не задаваясь грандіозными задачами, не гоняясь за возможно бо̀льшею эффектностью сюжетовъ, онъ выбираетъ для своихъ произведеній такія программы, которыя при содержательности и интересности текста не представляютъ ничего превышающаго, такъ сказать, правоспособность музыки, и потому въ его произведеніяхъ всегда можно найти самое полное соотвѣтствіе музыки съ содержаніемъ программы, какъ ни у кого изъ другихъ композиторовъ. Это мы видѣли въ „Садко" и находимъ также во второмъ программномъ произведеніи г. Корсакова—большой симфоніи „Антаръ", написанной на сюжетъ, заимствованный изъ арабской сказки Сенковскаго. Эта симфонія была исполнена въ первый разъ въ 1868 г., въ одномъ изъ симфониче-

скихъ собраній Русскаго Музыкальнаго Общества, подъ управленіемъ г. Балакирева.

Изъ четырехъ частей симфоніи „Антаръ“ — только первая имѣетъ болѣе сложное и разнообразное содержаніе; въ остальныхъ же трехъ программа указываетъ одно общее настроеніе. Содержаніе первой части въ короткихъ словахъ слѣдующее: Антаръ, поклявшійся ненавидѣть людей за зло, которымъ они платили за его добрыя дѣла, удалился въ Шамскую пустыню, въ окрестности развалинъ Пальмиры. Пери Гюль-Назаръ, царица Пальмиры, желая спасти Антара, является ему въ видѣ газели; Антаръ готовъ ее настигнуть, но видя, что чудовищная птица (въ которую превратился злой духъ, чтобы погубить Пери) также преслѣдуетъ газель, онъ измѣняетъ намѣреніе и изъ преслѣдователя обращается въ защитника, — копье его вонзается въ чудовище, которое съ крикомъ улетаетъ; черезъ мгновеніе исчезаетъ и газель. Антаръ засыпаетъ и видитъ себя въ чертогахъ Пери Гюль-Назаръ, гдѣ невольницы служатъ ему и услаждаютъ слухъ пѣніемъ. Пери, въ благодарность за свое спасеніе, обѣщаетъ Антару три великія наслажденія въ жизни, и когда онъ рѣшается испытать ихъ — видѣніе исчезаетъ, и онъ опять остается среди развалинъ въ пустынѣ. Музыка этой части, воспроизводя всѣ разнообразныя детали программы, имѣетъ нѣсколько эпизодическій характеръ, который не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ музыки симфонической, и котораго можно бы было избѣжать болѣе строгой обработкой въ отношеніи формы; но если разсматривать эту часть симфоніи какъ музыкальную иллюстрацію данной программы, то съ этой точки зрѣнія она не оставляетъ желать ничего лучшаго и представляетъ превосходнѣйшій образецъ описательной музыки. Въ началѣ имѣемъ чудесное изображеніе пустыни и необыкновенно вѣрно и удачно схваченное настроеніе, мрачность и суровость котораго усиливается еще болѣе, когда въ оркестрѣ появляется тема Антара, проникнутая тяжелымъ, безотраднымъ чувствомъ. Эта характерная, очень музыкальная тема проведена черезъ всѣ четыре части симфоніи; она появляется часто, но всегда разнообразно, каждый разъ съ новой гармонизаціей, съ новой инструментовкой, измѣняясь до неузнаваемости, сообразно съ различными настроеніями Антара. Изображеніе пустыни и изложеніе темы Антара составляютъ вступленіе съ превосходной музыкой. Затѣмъ появленіе газели, построенное на красивой темѣ въ восточномъ вкусѣ, характеризующей пери Гюль-Назаръ, и тяжелый полетъ чудовищной птицы изображены такъ образно, такъ музыкально и такъ интересно, что всегда при исполненіи приковываютъ къ себѣ все вниманіе

слушателя. Далѣе слѣдуютъ танцы и пляски невольницъ царицы Пальмиры—эпизодъ съ очень хорошей восточной музыкой, симфонически разработанной съ большимъ изяществомъ и талантливостью. Въ концѣ опять имѣемъ мрачное изображеніе пустыни съ характеризующей Антара темой.

Остальныя три части симфоніи изображаютъ три наслажденія, дарованныя Антару. Первое наслажденіе—*„сладость мщенія“*—выражено музыкой съ такою мощью, энергіей и страстью, которыя передать словами нѣтъ никакой возможности; надо слышать эту необыкновенно оригинальную музыку и находиться подъ ея впечатлѣніемъ, чтобы оцѣнить всю силу ея выразительности, чтобы понять, какія разнообразныя настроенія могутъ быть передаваемы черезъ посредство звуковъ. Съ первыхъ же тактовъ этой части музыка—въ началѣ безъ ясно очерченной темы, съ рѣзкими, суровыми гармоніями, съ постепеннымъ наростаніемъ силы звука и колоритной инструментовкой—пріобрѣтаетъ чрезвычайно мрачный характеръ какой-то злобной ненависти, постепенно усиливающейся и доходящей до дикаго неистовства. Появляющаяся въ заключеніи тема Антара въ медленномъ движеніи, половинными нотами, съ удивительно оригинальной гармонизаціей, производитъ впечатлѣніе усталости, пресыщенности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сожалѣнія, какъ бы еще не совсѣмъ угасшаго въ душѣ Антара. Эта часть симфоніи принадлежитъ къ наиболѣе сильнымъ проявленіямъ творчества г. Корсакова.

Третья часть симфоніи—*„сладость власти“*—въ родѣ красиваго, эффектнаго марша, съ хорошими темами (изъ которыхъ вторая—оригинальная арабская мелодія) и изящной инструментовкой, буквально чаруетъ слушателя красотой своей музыки, написанной притомъ же съ удивительнымъ мастерствомъ. Сколько здѣсь превосходныхъ контрапунктическихъ разработокъ, какъ чудесно сдѣлано соединеніе двухъ темъ, какъ ловко введена тема Антара (опять въ новомъ ритмѣ, съ новой гармонизаціей и съ новымъ настроеніемъ), какое оригинальное, новое и смѣлое заключеніе небывалою послѣдовательностью аккордовъ, построенныхъ на нисходящихъ ступеняхъ совсѣмъ своеобразной гаммы, представляющей послѣдовательное чередованіе двухъ полу-тоновъ и двухъ тоновъ [1])!

Въ четвертой части симфоніи изображено послѣднее наслажденіе, дарованное Антару,—*„сладость любви“*. Программа гласитъ, что Антаръ умолялъ Пери отнять у него жизнь при первомъ при-

[1]) D, cis, c, b, as, g, fis, e, d, cis.....d.

знакѣ его охлажденія; Пери, послѣ долгаго обоюднаго счастья, замѣтивъ однажды, что онъ разсѣянъ и задумчиво глядитъ въ даль, угадала причину; она страстно обняла Антара, послѣднимъ поцѣлуемъ соединила его душу съ своею, и онъ на вѣки уснулъ на ея груди. Музыка этого любовнаго эпизода, построенная на оригинальной арабской мелодіи, комбинируемой съ темой Пери изъ первой части,—полна чарующей прелести и прекрасна по настроенію, проникнутому нѣгой, счастьемъ, спокойствіемъ. Но опять появляется тема Антара, внося чувство грусти и разочарованія... еще одинъ порывъ страсти, звуки постепенно замираютъ, тема Антара звучитъ въ послѣдній разъ едва слышно и сливается съ темой Пери, гармонизированной необыкновенно мягкими аккордами. Здѣсь масса вдохновенія, глубокаго музыкальнаго лиризма и теплоты чувства, что̀ обусловливаетъ за этою частью симфоніи высокое художественное значеніе. Это достойный финалъ прекрасной симфоніи „Антаръ“, которая по оригинальности замысла и по талантливости выполненія представляетъ безусловно одно изъ выдающихся явленій въ современной музыкѣ.

„Антаръ“ чаще другихъ произведеній г. Римскаго-Корсакова исполняемъ былъ за границей, всегда имѣлъ тамъ большой успѣхъ и обращалъ на себя вниманіе музыкантовъ и музыкальныхъ критиковъ. Первый разъ въ Германіи эта симфонія была исполнена въ 1881 г. на большомъ музыкальномъ собраніи „Всеобщаго германскаго музыкальнаго общества“ [1]), состоявшемся въ томъ году въ Магдебургѣ, и встрѣчена нѣмецкою прессою съ большимъ сочувствіемъ. Наиболѣе обстоятельная и обширная статья объ „Антарѣ“ была тогда напечатана въ лейпцигскомъ муз. журналѣ „Neue Zeitschrift für Musik“ (№ 30, 22-го іюля). Авторъ статьи, Бернгардъ Фогель, начинаетъ съ заявленія, что „Антаръ“ произвелъ на него сильное впечатлѣніе и что подробное изученіе этой партитуры доставило ему великое удовольствіе. Затѣмъ, разбирая симфонію очень подробно, дѣлая массу нотныхъ выписокъ изъ партитуры, онъ указываетъ, что г. Римскій-Корсаковъ, какъ музыкантъ, руководствуется въ своемъ произведеніи большими симфоническими формами Бетховена, относительно же поэтическаго содержанія — слѣдуетъ по пути Берліоза и Листа. Въ концѣ статьи онъ выводитъ заключеніе, что „Римскаго-Корсакова, очевидно находяща-

---

[1]) Это общество—„Allgemeiner deutscher Musik-Verein“—основано въ 1859 г.; на его ежегодныхъ собраніяхъ, назначаемыхъ каждый годъ въ различныхъ городахъ Германіи, продолжающихся всегда нѣсколько дней и представляющихъ настоящее музыкальное празднество, исполняются почти исключительно только новыя для Германіи произведенія.

гося въ періодѣ полной художественной зрѣлости, слѣдуетъ считать наиболѣе выдающимся представителемъ современнаго музыкальнаго направленія въ Россіи и композиторомъ, которому суждено составить себѣ успѣшную пропаганду собственными своими произведеніями". Другой музыкальный критикъ писалъ въ берлинской „Allgem. deut. Musik-Zeitung" (№ 26, 1-го іюля 1881 г.), что симфонія „Антаръ"—„произведеніе геніальное по изобрѣтательности, поэтическое по содержанію и производящее въ высшей степени сильное впечатлѣніе по инструментовкѣ". Въ такомъ же родѣ, съ нѣкоторыми разногласіями въ мнѣніяхъ относительно частностей симфоніи, были отзывы и многихъ другихъ спеціально-музыкальныхъ журналовъ и политическихъ газетъ. Для курьеза приводимъ еще слѣдующую замѣтку изъ „Beilage der Leipziger Nachrichten" (№ 165, 15-го іюля 1881 г.), характерную по лаконизму. Вотъ она, вся полностію: „Н. Римскій-Корсаковъ—художникъ (Meister); художникъ по тематической разработкѣ, по инструментовкѣ, по изложенію и по формѣ цѣлаго. Глубоко впечатлительная натура, строгій мыслитель".

Первое исполненіе „Антара" въ Брюсселѣ, въ январѣ 1887 г., точно также было привѣтствовано прессой съ большими похвалами и имѣло тамъ такой успѣхъ, что эта симфонія, черезъ нѣсколько дней, была исполняема въ Амстердамѣ, 13-го февраля того же года, въ музыкальномъ обществѣ „Orkest Vereenigung" и съ такими же блестящими результатами.

Въ Парижѣ „Антаръ" былъ исполненъ въ первый разъ подъ личнымъ управленіемъ автора, въ одномъ изъ русскихъ симфоническихъ концертовъ во время всемірной выставки 1889 года. Объ этихъ концертахъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить ниже, мы имѣемъ подъ рукою болѣе 20 статей и замѣтокъ парижскихъ газетъ и журналовъ. Французскіе музыкальные критики отнеслись къ „Антару" съ горячимъ одобреніемъ, какъ къ произведенію капитальному, оригинальному и талантливому, восхваляя его болѣе чѣмъ всѣ другія, исполнявшіяся въ тѣхъ концертахъ, русскія произведенія. Такъ напр., музыкальный рецензентъ „Moniteur'a", замѣчая, что „Антаръ" скорѣе настоящая поэма или драма симфоническая, чѣмъ симфонія, указываетъ, что вся первая часть изобилуетъ выразительными мотивами и богатствомъ инструментовки вполнѣ удивительными; что тутъ съ начала до конца необыкновенно разнообразная и увлекательная музыка, которою слухъ очарованъ, а мысль прельщена какъ бы живымъ разсказомъ, и что авторъ ея „становится тутъ на ряду съ великими художниками". Газета „National" отозвалась объ „Антарѣ",

какъ о чудесной дескриптивной симфоніи, вполнѣ заслуживающей горячихъ апплодисментовъ кружка ея французскихъ почитателей. Авторъ статьи въ „Indépendance“ писалъ: „Римскій-Корсаковъ большой художникъ, которому прекрасно извѣстны всѣ средства гармоніи и инструментовки, но, кромѣ того, онъ умѣетъ и хочетъ быть яснымъ и мелодичнымъ; онъ придаетъ своимъ фразамъ совсѣмъ особенные обороты, но не смѣшиваетъ странное съ прекраснымъ. Его мелодіи, сильныя, смѣлыя и рѣшительныя, отнюдь не имѣютъ той „нарумяненной граціи“, которой такъ злоупотребляетъ музыка нашего запада“, и т. д. Въ журналѣ „Ménestrel“ находимъ такія строки: „Римскій-Корсаковъ выполнилъ свою задачу съ несравненнымъ мастерствомъ. Музыка „Антара“ очень рельефна и обладаетъ такимъ блескомъ оркестроваго колорита, который не былъ еще превзойденъ даже въ наше время... Здѣсь мы находимъ богатое и плодотворное творческое воображеніе—проявленіе музыкальной натуры высшаго порядка“. Музыкальный рецензентъ „Monde illustré“, указывая на оригинальность „Антара“, говоритъ, „что съ самаго начала поражаешься необычайными сочетаніями оркестровыхъ красокъ и особенно оригинальною новизною мелодій; эта музыка не похожа ни на какую другую, она не связана ни съ какою извѣстною школою, ни съ какими традиціями“. Были, конечно, отзывы и менѣе благопріятные, какъ напр. C. Belaigue, сотрудника „Revue des deux Mondes“, порицавшаго всю русскую музыку, исполняемую тогда въ Парижѣ, и высказавшагося вообще противъ программной музыки; но и онъ признаетъ, что тѣмъ не менѣе въ „Антарѣ“ „есть прекрасныя части“. Точно также рецензентъ газеты „Le Gil Blas“ не очень довѣряетъ программной музыкѣ, но, становясь на точку зрѣнія автора „Антара“, признаетъ, что надо хвалить замѣчательный талантъ, съ которымъ онъ выполнилъ свою идею“.

II.

Одновременно съ музыкой симфонической Римскій-Корсаковъ началъ сочинять музыку вокальную, и точно также и въ этой области сразу проявилъ несомнѣнную даровитость, написавъ въ теченіе 1866 и 1867 гг. серію 16 романсовъ, замѣчательно талантливыхъ, вполнѣ самостоятельныхъ и заключающихъ высокія художественныя достоинства. Приблизительно въ то же время начали писать романсы его музыкальные товарищи: гг. Кюи, Мусоргскій и Бородинъ. Эти молодые, начинавшіе въ то время ком-

позиторскую дѣятельность, музыканты были воспитаны въ вокальной музыкѣ, главнымъ образомъ, на произведеніяхъ Глинки и Даргомыжскаго и явились преемниками и послѣдователями этихъ послѣднихъ. Ихъ общимъ руководителемъ, какъ извѣстно, былъ М. А. Балакиревъ, ранѣе ихъ выступившій на композиторскомъ поприщѣ; также извѣстно, что всѣ они составляли такъ-называемый „балакиревскій кружокъ", руководились одними и тѣми же взглядами на направленіе и задачи въ музыкальномъ искусствѣ и первое время, въ теченіе даже многихъ лѣтъ, работали, такъ сказать, сообща, провѣряя и критикуя другъ друга. Однакоже такія совмѣстныя занятія нисколько не повліяли на самостоятельность ихъ творчества; такъ сильна была ихъ талантливость, столько въ каждомъ изъ нихъ было самобытности, что во всѣхъ ихъ композиторскихъ работахъ сразу обнаруживались ихъ индивидуальныя особенности, явно выступающія даже въ произведеніяхъ одного и того же рода музыки,—напримѣръ, въ такой тѣсной и ограниченной области, какъ романсы. Если сравнивать между собою романсы гг. Балакирева, Римскаго-Корсакова, Кюи, Бородина, Мусоргскаго, то положительно нельзя не удивляться, до какой степени романсы одного отличаются отъ романсовъ другихъ, и сколько у каждаго изъ нихъ разнообразія и въ выборѣ сюжетовъ, и въ манерѣ сочиненія музыки, и во всѣхъ пріемахъ композиціи. Для сопоставленія возьмемъ романсы другихъ современныхъ композиторовъ, напр. гг. Рубинштейна, Чайковскаго, Давыдова, Направника; у нихъ, за весьма рѣдкими исключеніями (напр. „Персидскія пѣсни" г. Рубинштейна), отнюдь не найдемъ большого различія, а наоборотъ столько сходства въ музыкѣ, столько общихъ пріемовъ, что нерѣдко, не зная заранѣе, кѣмъ именно написанъ тотъ или другой романсъ, не мудрено перемѣшать ихъ авторовъ. Даже если обратиться къ романсамъ такихъ корифеевъ этого рода музыки, какъ Фр. Шубертъ и Шуманъ, композиторовъ двухъ разныхъ поколѣній, то и у нихъ можно замѣтить бо̀льшее сходство, бо̀льшую аналогію, чѣмъ у композиторовъ новой русской школы.

Обращаясь къ разбору вокальныхъ произведеній Римскаго-Корсакова, обратимъ прежде всего вниманіе на то, что всегда его романсы отличаются хорошимъ выборомъ сюжетовъ изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній. Римскаго-Корсакова вдохновляли на музыку стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гейне, Мея, Никитина, Кольцова, Некрасова, Фета, гр. Ал. Толстого, Плещеева, и никогда его муза не служила къ воспроизведенію въ звукахъ какихъ-нибудь ничтожныхъ или сомнитель-

наго достоинства стиховъ, какіе нерѣдко находимъ въ романсахъ, столь излюбленныхъ пѣвицами и неразборчивой публикой, въ родѣ „Страшная минута“, „Шелохнулась занавѣска“, „Она хохотала“ и т. п. Въ музыкальномъ отношеніи его романсы вполнѣ удовлетворяютъ тѣмъ раціональнымъ требованіямъ, которыя выработались на лучшихъ произведеніяхъ этого рода и которыя можно резюмировать въ слѣдующемъ: полнѣйшее сліяніе музыки съ текстомъ, правильная и естественная декламація и близкое соотвѣтствіе музыкальной формы съ формой стихотворенія, взятаго для романса. При этомъ романсы Римскаго-Корсакова всегда отличаются содержательностью музыки, которая, несмотря на кажущееся полнѣйшее подчиненіе тексту стихотворенія, не теряетъ своего абсолютнаго достоинства; поэтому въ романсахъ Римскаго-Корсакова мы найдемъ много превосходной музыки, богатой тематическою и гармоническою изобрѣтательностью, интересной по новизнѣ и оригинальности и въ высшей степени талантливой. Слѣдуетъ обратить вниманіе на чудесные аккомпанименты корсаковскихъ романсовъ, чрезвычайно богатые, разнообразные, написанные съ замѣчательнымъ мастерствомъ и большимъ чувствомъ мѣры, такъ что при всемъ ихъ богатствѣ они никогда не переходятъ за предѣлы фортепіанныхъ аккомпаниментовъ и удобны для исполненія. Пользуясь средствами фортепіаннаго сопровожденія для передачи настроенія и иллюстраціи деталей текста стихотвореній, Римскій-Корсаковъ нерѣдко придаетъ аккомпаниментамъ своихъ романсовъ характеръ описательной музыки и создаетъ настоящія музыкальныя картинки съ чудеснымъ поэтическимъ содержаніемъ. Это совсѣмъ особенный, не встрѣчаемый у другихъ композиторовъ, родъ романсовъ съ дескриптивной музыкой, и надо замѣтить, что онъ удается Римскому-Корсакову по преимуществу,—всѣ лучшіе его романсы именно въ этомъ родѣ. Одинъ изъ подобныхъ романсовъ („На сѣверномъ голомъ утесѣ“) даже инструментованъ авторомъ, и съ оркестровымъ сопровожденіемъ, усиливающимъ колоритность и рельефность музыки, пріобрѣтаетъ особенную прелесть и производитъ по истинѣ чарующее впечатлѣніе. Можно указать и многіе другіе изъ корсаковскихъ романсовъ, вполнѣ пригодные для инструментовки, роскошные и колоритные аккомпаниметы которыхъ какъ бы сами напрашиваются на краски оркестра.

Первые опыты Римскаго-Корсакова въ области романсовъ были такъ же удачны и блистательны, какъ и въ симфонической музыкѣ. Въ числѣ самыхъ раннихъ его четырехъ романсовъ, написанныхъ одновременно съ первой симфоніей и изданныхъ какъ

его второе сочиненіе (opus 2), находимъ „Восточный романсъ“ на текстъ Кольцова: „Плѣнившись розой, соловей—И день, и ночь поетъ надъ ней“ и т. д., съ отличной музыкой въ восточномъ характерѣ, въ которой столько талантливости, художественности, законченности письма и совершенно самобытной оригинальности, что просто не хочется вѣрить, чтобы этотъ романсъ былъ написанъ едва начинающимъ композиторомъ; существуя уже 25 лѣтъ, „Восточный романсъ“ такъ же свѣжъ, новъ и интересенъ, какъ будто написанъ только теперь, въ настоящее время. Рядомъ съ нимъ, въ той же серіи, имѣемъ такую прелестную вещь, какъ „Колыбельная пѣсня“ (изъ пролога драмы „Псковитянка“, Мея), превосходная по настроенію, отличающаяся большою пѣвучестью, съ красивой широкой мелодіей, и которая въ общемъ такъ хороша, что подъ ней не отказался бы, пожалуй, подписать свое имя и самъ Глинка.

Въ 1866 году Римскій-Корсаковъ написалъ восемь романсовъ, еще болѣе удивительныхъ и представляющихъ громадный интересъ. Изъ числа этихъ восьми, составляющихъ въ ряду произведеній г. Корсакова op. 3 и op. 4, укажемъ, какъ наиболѣе выдающіеся: „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная тьма“ (слова Пушкина), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ романсовъ по своей превосходной музыкѣ, по глубокому лиризму и по безподобной декламаціи; „Южная ночь“ (слова Щербины), съ очень красивой, поэтической музыкой, превосходнаго настроенія, и три романса съ музыкой дескриптивнаго характера: „На сѣверномъ голомъ утесѣ“ (изъ Гейне, переводъ М. Михайлова), въ „Тихой рощѣ замолкъ соловей“ (слова Никитина), и „Тихо вечеръ догораетъ“ (слова Фета); эти три послѣдніе—настоящія художественныя музыкальныя картинки, написанныя съ громаднымъ вкусомъ и изумительною талантливостью.

Четвертый выпускъ романсовъ Римскаго-Корсакова (op. 5), написанныхъ въ 1867 году, заключаетъ два прекрасныхъ лирическихъ романса: „Мой голосъ для тебя и ласковый, и томный“ (сл. Пушкина), и „Какъ небеса твой взоръ блистаетъ“ (сл. Лермонтова); затѣмъ очень колоритный, широко написанный, красивый романсъ „Свитязанка“ (сл. Мея) и въ высшей степени оригинальную „Еврейскую пѣсню“ (сл. Мея), съ безподобной музыкой въ восточномъ характерѣ.

Слѣдующая серія изъ шести его романсовъ (op. 8) издана въ 1870 году. Здѣсь всѣ шесть романсовъ высокаго музыкальнаго достоинства и написаны съ большимъ художественнымъ мастерствомъ; особенное же вниманіе обращаютъ на себя:

„Ночь“, музыкальная картинка; „Тайна“, съ замѣчательно красивой музыкой и удивительно поэтическимъ настроеніемъ; „Въ царство розы и вина приди“, очень оригинальный по замыслу и выполненію; и „Я вѣрю—я любимъ“ (сл. Пушкина), одинъ изъ прелестнѣйшихъ и увлекательнѣйшихъ лирическихъ романсовъ, который при исполненіи производитъ глубокое впечатлѣніе.

Позднѣе болѣе крупныя работы привлекали вниманіе Римскаго-Корсакова, и онъ мало писалъ романсовъ. Въ 1877 году были изданы два его романса (ор. 25); въ 1882 году онъ написалъ четыре и въ 1883 году—еще четыре романса. Эти позднѣйшіе романсы также очень интересны, талантливы и заключаютъ не мало хорошей музыки, но въ общемъ уступаютъ написаннымъ ранѣе. Изъ нихъ наиболѣе выдаются: милый и изящный романсъ „Къ моей пѣснѣ“ (сл. Гейне); „Заклинаніе“ (сл. Пушкина), въ отличной музыкѣ котораго, отличающейся силой выразительности, чувствуется что-то таинственное, призрачное, мистическое; „Пѣсня Зюлейки“ (изъ Абидосской невѣсты Байрона), въ высшей степени поэтическая, граціозная и симпатичная, и „Горними тихо летѣла душа небесами“ (сл. гр. А. Толстого), съ замѣчательно красивой мелодіей, изящнѣйшимъ аккомпаниментомъ и прекраснымъ настроеніемъ въ музыкѣ.

Всѣхъ романсовъ Римскаго-Корсакова тридцать два, которые, какъ видно изъ сдѣланнаго разбора, представляютъ цѣнный и богатый—если не въ количественномъ, то уже безусловно въ качественномъ отношеніи—вкладъ въ музыкальную литературу. Въ сущности, они еще мало распространены, а нѣкоторые даже и совсѣмъ въ публикѣ неизвѣстны; наши пѣвцы и пѣвицы, къ сожалѣнію, какъ-то игнорируютъ ихъ, не понимая ихъ художественнаго значенія и предпочитая болѣе доступные шаблонно-рутинные романсы, не требующіе ни музыкально-развитого вкуса, ни той тонкости музыкальной интерпретаціи, какіе необходимы для хорошаго исполненія романсовъ Римскаго-Корсакова.

Прежде, чѣмъ перейдемъ отъ романсовъ къ операмъ Римскаго-Корсакова, упомянемъ, что въ области вокальной музыки имъ написано нѣсколько отдѣльныхъ хоровъ. Особенно важнаго значенія въ его творческой дѣятельности эти работы не имѣютъ, но въ общемъ онѣ представляютъ весьма солидный трудъ, характеризующій автора, и среди нихъ можно найти нѣсколько вполнѣ хорошихъ произведеній, написанныхъ съ большимъ мастерствомъ и талантливостью. Всѣ эти работы относятся къ одному и тому же, довольно непродолжительному, періоду времени, приблизительно къ половинѣ семидесятыхъ годовъ, и заключаются

въ слѣдующихъ произведеніяхъ: два трехголосныхъ женскихъ хора (ор. 13) на стихотворенія Лермонтова: „Тучки небесныя“ и „Ночевала тучка золотая“; 4 варіаціи и фугетта на тему русской пѣсни „Надоѣли ночи“; для четырехголоснаго женскаго хора (ор. 14), шесть хоровъ безъ сопровожденія (ор. 16), изъ которыхъ одинъ для женскихъ голосовъ, одинъ для мужскихъ голосовъ, и четыре для смѣшаннаго хора; два хора для смѣшанныхъ голосовъ (ор. 18); 15 русскихъ пѣсень для хора (ор. 19) и хоръ „Слава“ съ оркестромъ (ор. 20); послѣдній еще не изданъ и имѣется только въ рукописи.

Теперь посмотримъ, что̀ сдѣлано Римскимъ-Корсаковымъ въ оперной музыкѣ. Первую свою оперу „Псковитянка“, содержаніе которой заимствовано изъ драмы того же названія Л. Мея, онъ началъ еще въ 1868 году. Это была смѣлая попытка для молодого композитора, которому въ то время было всего только 24 года. Большая драма Мея, съ сложными драматическими коллизіями, съ очень разнообразными характерами дѣйствующихъ лицъ, съ народными массами, съ большой сценой псковского вѣча, съ сильной трагической развязкой, представляетъ для оперныго композитора если и благодарную задачу, то вмѣстѣ съ тѣмъ очень трудную, серьезное выполненіе которой требуетъ выдающихся творческихъ силъ. Однако и эту задачу Римскій-Корсаковъ выполнилъ блестящимъ образомъ, давъ при первомъ же своемъ опытѣ замѣчательное произведеніе, которое смѣло можетъ быть поставлено на-ряду съ лучшими образцами русской оперной музыки. Надъ этой оперой Римскій-Корсаковъ работалъ довольно долго, цѣлыхъ три года. Сценаріумъ оперы и либретто онъ написалъ самъ очень удачно, практично и въ общемъ весьма близко къ драмѣ Мея; можно, пожалуй, пожалѣть, что совсѣмъ выпущенъ прологъ драмы, безъ котораго остаются непонятными отношенія Ивана Грознаго къ Ольгѣ, вполнѣ разъясняющіяся только въ самомъ концѣ оперы. Сочиняя музыку „Псковитянки“, Римскій-Корсаковъ слѣдовалъ новѣйшему направленію, которое имѣетъ начало въ операхъ Глинки и Вагнера, вносившихъ въ свою оперную музыку стиль и пріемы музыки симфонической, той музыки, достоинство которой обусловливается не одною только мелодическою красотою (какъ въ операхъ итальянской школы), но, кромѣ того, богатствомъ гармоніи, разнообразіемъ ритмики, роскошью многоголоснаго стиля, съ его имитаціями и контрапунктами, колоритностью красокъ оркестра,—однимъ словомъ, той музыки, въ которой каждый изъ ея составныхъ элементовъ содѣйствуетъ достиженію наибольшей художественной красоты и драматической

выразительности. Эта идея пользоваться въ оперной музыкѣ формами и пріемами прекрасно разработаннаго, доведеннаго до большого совершенства, стиля симфонической музыки, примѣнена въ „Псковитянкѣ“ въ широкихъ размѣрахъ; благодаря этому, мы имѣемъ въ этой оперѣ массу превосходной, въ высшей степени интересной музыки. Въ тематическомъ отношеніи музыка „Псковитянки“ отличается ясностью, свѣжестью и большимъ вкусомъ; не мало введено въ музыку русскихъ народныхъ темъ, придающихъ ей много національнаго характера, и сдѣлано это съ очень хорошимъ выборомъ и умѣстнымъ употребленіемъ въ соотвѣтствующихъ сценическихъ положеніяхъ. Въ гармоническомъ отношеніи „Псковитянка“ чрезвычайно богата, заключая много превосходныхъ гармоническихъ пріемовъ, часто очень новыхъ и оригинальныхъ, иногда слишкомъ смѣлыхъ и рискованныхъ, но большею частію красивыхъ и естественныхъ; изобиліе гармоническихъ пріемовъ переходитъ иногда даже въ излишество и мѣстами чувствуется гармоническая тяжеловѣсность, лишающая музыку необходимой ясности и прозрачности. Оркестрована эта опера, для того времени, когда она была написана, очень хорошо, съ большимъ вкусомъ, хотя далеко не съ тѣмъ изяществомъ и совершенствомъ, какъ позднѣйшія оперы Римскаго-Корсакова. Музыкальныя формы, употребленныя въ „Псковитянкѣ“, зависятъ главнымъ образомъ отъ хода и развитія дѣйствія; здѣсь нѣтъ традиціоннаго дѣленія оперы на аріи, дуэты и т. п., но болѣе раціональное дѣленіе на сцены, связанныя между собою самымъ естественнымъ образомъ. Конечно, многое написано въ болѣе или менѣе законченныхъ и закругленныхъ формахъ, но все это связано, соединено, и дѣйствіе проходитъ плавно, непрерывно, безъ тѣхъ шаблонныхъ формальныхъ заключеній въ каждомъ отдѣльномъ нумерѣ, которыя въ операхъ стараго направленія такъ непріятно нарушали естественный ходъ дѣйствія. Не малое мѣсто отведено также речитативному стилю, не вездѣ вполнѣ удавшемуся, но мѣстами достигающему такой естественности декламаціи и такой выразительности, какъ у лучшихъ композиторовъ музыки этого стиля. Хоры составляютъ значительную и притомъ лучшую часть этой оперы. Вся ихъ фактура—ихъ чудесный многоголосный стиль, превосходное голосоведеніе, а также замѣчательная звучность обусловливаютъ за ними высокія музыкальныя достоинства; только въ операхъ Глинки и Бородина можно указать такіе превосходные хоры, какіе находимъ въ „Псковитянкѣ“. При этомъ укажемъ, какъ на заслуживающее особеннаго вниманія, употребленіе хора во 2-мъ дѣйствіи (сцена псковского вѣча), гдѣ хоръ

играетъ главную роль и изображаетъ настоящую народную толпу; слушатель тутъ забываетъ поющихъ хористовъ и хористокъ, а видитъ и слышитъ массу дѣйствующихъ лицъ, тотъ самый псковской людъ, который такъ удачно изображенъ въ драмѣ Мея. Обратимъ также особенное вниманіе на то, что Римскій-Корсаковъ въ первой же своей оперѣ съумѣлъ достигнуть очень хорошей музыкальной характеристики дѣйствующихъ лицъ. Мрачный, суровый царь Иванъ Грозный очерченъ у него замѣчательно образно музыкой, съ оттѣнкомъ религіознаго настроенія. Спокойная, нѣсколько величавая личность князя Токмакова, намѣстника псковского; хитроватый, трусливый, комичный въ своей трусости, бояринъ Матута; посадничій сынъ Михайло Туча—горячій предводитель псковской вольницы; мамка Власьевна—всѣ они охарактеризованы музыкой съ замѣчательною рельефностью, правдивостью и выдержанностью. Менѣе удалась въ этомъ отношеніи Ольга, пріемышъ князя Токмакова, побочная дочь Ивана Грознаго; но и въ драмѣ Мея это довольно блѣдный, мало выдающійся характеръ. Еще надо замѣтить, что музыка „Псковитянки" очень хорошо выдержана въ русскомъ стилѣ, такъ что и по содержанію, и по музыкѣ это несомнѣнно національная опера.

Охарактеризовавъ общія свойства музыки „Псковитянки", сдѣлаемъ бѣглый разборъ оперы и укажемъ на болѣе выдающіяся въ ней мѣста. Большое оркестровое вступленіе къ „Псковитянкѣ" очень удачно построено на трехъ темахъ, характеризующихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Ивана Грознаго, Михаила Тучу и Ольгу; поэтому она слушается съ истиннымъ интересомъ только тогда, когда опера уже знакома. Первое дѣйствіе значительно уступаетъ по достоинству всѣмъ остальнымъ, но и въ немъ не мало очень хорошихъ вещей. Укажемъ на двѣ первыя сцены: на игру въ горѣлки, въ формѣ прелестнаго оркестроваго скерцо, съ коротенькими, отрывистыми вокальными фразами, и на замѣчательно красивый женскій хоръ („по малину я ходила молода"), на фонѣ котораго идетъ речитативный разговоръ двухъ мамокъ. Затѣмъ здѣсь находимъ безподобную сказку про „витязя Горыню, змѣя Тугарина и царевну Ладу", сказку въ высшей степени талантливую, оригинальную, превосходно иллюстрированную оркестровымъ сопровожденіемъ, и чудесную, совсѣмъ въ русскомъ характерѣ, пѣсню Тучи. Менѣе удаченъ слѣдующій дуэтъ Тучи съ Ольгой, который, несмотря на хорошую въ немъ музыку, нѣсколько монотоненъ, лишенъ теплоты и увлеченія и въ голосахъ звучитъ недостаточно хорошо. Дѣйствіе заканчивается сценой князя Токмакова съ бояриномъ Матутой, написанной такими чудесными,

естественно-правдивыми и выразительными речитативами, что эту сцену смѣло можно поставить на ряду съ лучшими образцами речитативнаго стиля.

Второе дѣйствіе, псковское вѣче, лучшее во всей оперѣ, самое сценическое, самое оригинальное и самое талантливое. Въ началѣ этой по истинѣ удивительной сцены звуки набата (безподобно изображаемые въ оркестрѣ), отдѣльные возгласы и безпорядочныя рѣчи сбѣгающагося народа, вся эта картина смятенія и волненія—выражены музыкой съ такою талантливостью, съ такою правдою въ настроеніи, что сразу овладѣваютъ вниманіемъ слушателя, производя очень сильное впечатлѣніе, постепенно все болѣе и болѣе усиливающееся съ развитіемъ дѣйствія. Въ этой сценѣ, полной жизни, движенія, увлеченія и художественной правды, каждый отдѣльный эпизодъ, каждая подробность заслуживаютъ вниманія и представляютъ громадный интересъ. Разсказъ гонца изъ Новгорода о кровавыхъ ужасахъ новгородскаго погрома, взрывы негодованія и отчаянія псковитянъ переданы въ музыкѣ съ такою же силою выразительности и естественностью, какъ и слѣдующая затѣмъ плавная, проникнутая достоинствомъ, рѣчь князя Токмакова, старающагося успокоить взволнованное вѣче. Превосходный хоръ народа, толкующаго о совершившихся событіяхъ, отдѣляетъ эту спокойную рѣчь отъ горячаго, энергичнаго воззванія Михайлы Тучи, слова котораго безпрестанно прерываются возгласами, возраженіями и одобреніями народа, и все это сдѣлано необыкновенно правдиво, сценично, естественно и въ высшей степени музыкально. Дальнѣйшее развитіе и окончаніе этого дѣйствія также безподобно хорошо. Послѣ горячаго воззванія Тучи псковская вольница уходитъ за нимъ изъ города, затягивая энергическую, увлекающую и возбуждающую пѣсню („Государи псковичи, собирайтесь на дворы"); пѣсня постепенно замираетъ вдали, остающіеся съ намѣстникомъ горожане погружены въ уныніе и отчаяніе, и дѣйствіе заканчивается, какъ и началось, зловѣщими звуками набатнаго колокола.

Третье дѣйствіе „Псковитянки" состоитъ изъ двухъ картинъ. Въ первой картинѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія два хора: первый—„Грозенъ царь идетъ во великій Псковъ", съ прекрасно написанной музыкой, хорошо характеризующей ожиданіе разгнѣваннаго царя съ его „злой опричиной". Второй—„Встрѣча царя Ивана", полный величія, блеска, написанный на 8 голосовыхъ партій, съ двумя оркестрами (мѣдный за сценой), на темѣ замѣчательно рельефной, пѣвучей, пластичной; превосходно сдѣлано здѣсь наростаніе хоровыхъ и инструментальныхъ массъ, съ та-

лантливыми модуляціями, постепенно увеличивающими блескъ и торжественность музыки, достигающей съ появленіемъ на сценѣ Ивана Грознаго рѣдкой грандіозности. Между этими двумя хорами находится сцена Ольги съ мамкой Власьевной, съ недурными речитативами этой послѣдней; но „аріозо“ Ольги совсѣмъ неудачно, заключая музыку крайне изысканную, съ награможденіемъ диссонирующихъ аккордовъ, какого-то болѣзненнаго настроенія, не соотвѣтствующаго ни сценическому положенію, ни характеру Ольги.

Вторая картина, заключающая сцену пріема царя княземъ Токмаковымъ въ своемъ терему, построена и мастерски разработана на темѣ, характеризующей Ивана Грознаго: среди этой мрачной, суровой по настроенію, музыки находимъ красивый эпизодъ появленія Ольги, ея теплое, прочувствованное обращеніе къ Грозному и милый женскій хоръ славленія.

Четвертому дѣйствію предшествуетъ оркестровое вступленіе съ прекрасной музыкой, характеризующей личность Ольги съ ея мечтательнымъ, полу-мистическимъ настроеніемъ. Первая картина, сцена въ лѣсу, начинается хорошей унисонной пѣсней дѣвушекъ, идущихъ на богомолье; далѣе находимъ чудесную музыку, сопровождающую речитативы Ольги и удивительно хорошо обрисовывающую лѣсную чащу, обаятельно дѣйствуя на слушателей своимъ чарующимъ настроеніемъ и безподобною красотою звука. Слѣдующая сцена—свиданія Ольги съ Тучей—менѣе удачна; она заключаетъ много хорошей и красивой музыки, но для сцены любовной въ ней мало страсти и увлеченія. Въ послѣдней картинѣ, въ царской ставкѣ, находимъ въ началѣ монологъ Ивана Грознаго („Обѣлилъ я Псковъ“... „А дѣвчонка все съума нейдетъ“ и т. д.), съ превосходно выдержанной музыкальной характеристикой, и очень своеобразный и также чудесно выдержанный эпизодъ доноса боярина Матуты. Далѣе слѣдуетъ большая сцена объясненія царя съ Ольгой,—сцена, которая по глубокому драматизму, по высокимъ музыкальнымъ достоинствамъ, по силѣ выразительности и по художественной правдѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Эта сцена, производящая при исполненіи очень сильное впечатлѣніе, прерывается раздающейся вдали пѣсней псковской вольницы („Государи псковичи“...), явившейся освободить Ольгу и вступающей въ битву съ царской стражей; на темѣ этой пѣсни построена мастерски написанная музыка, чудесно изображающая боевую схватку, горячую и энергичную. Слѣдуемымъ за симъ монологомъ Ивана Грознаго надъ тѣломъ Ольги, убитой въ схваткѣ, и небольшимъ заключительнымъ хоромъ, съ музыкой чудеснѣйшаго настроенія, заканчивается опера „Псково-

витянка“, замѣчательная не только какъ въ высшей степени талантливое произведеніе Римскаго-Корсакова, но и какъ одна изъ лучшихъ оперъ послѣ-глинкинскаго періода.

„Псковитянка“ была поставлена на сценѣ Маріинскаго театра 1-го января 1373 года, но несмотря на то, что пользовалась большой симпатіей публики и давала хорошіе сборы, года черезъ два была снята съ репертуара и съ тѣхъ поръ болѣе не появлялась на сценѣ. Почему эта опера съ высокими музыкальными и сценическими достоинствами, произведеніе, которое могло бы служить украшеніемъ опернаго репертуара, не исполняется болѣе 15 лѣтъ, почему за это время были возобновляемы многія другія оперы, съ гораздо мѐньшими достоинствами, въ томъ числѣ давно устарѣлыя итальянскія оперы, а не „Псковитянка“,—остается тайной театральной дирекціи.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Римскій-Корсаковъ задумывалъ передѣлать „Псковитянку“, и съ этою цѣлью написалъ прологъ и нѣсколько новыхъ сценъ для 4-го дѣйствія, а также новый заключительный хоръ. Сцены эти и хоръ были исполнены однажды въ концертѣ „Безпл. муз. школы“ (13-го ноября 1879 г.) и оставили по себѣ самое отрадное воспоминаніе. Новое оркестровое вступленіе къ первой картинѣ 4-го дѣйствія (заключающей сцену въ лѣсу), отличается очень тонко инструментованной, чрезвычайно красивой музыкой, чудесно передающей то необъяснимое обаяніе лѣса, которое нѣмцы передаютъ словомъ: Waldweben. Новыя сцены той же картины начинаются характернымъ хоромъ „каликъ перехожихъ“, суровымъ, мрачнымъ, проникнутымъ какимъ-то архаическимъ духомъ; хоръ прерывается мастерски написанною, очень интересною музыкой царской охоты и появленіемъ царя Ивана Васильевича, пришедшаго съ ловчими и опричниками на зовъ спасающагося въ лѣсу великаго молчальника Николы Салоса, который, нарушая обѣтъ молчанія, обращается къ Грозному съ укорами за его жестокость и угрожаетъ карой небесъ. Какъ бы въ подтвержденіе его словъ разражается гроза (написанная съ удивительною колоритностью оркестровыхъ красокъ); смущенный царь спѣшитъ прочь изъ лѣсу; отшельникъ возноситъ благодареніе къ Богу, что „далъ ему, нищему, убогому и странному, на силу сатанинскую возстати“. Гроза стихаетъ, вдали слышенъ женскій хоръ, и затѣмъ дѣйствіе должно было продолжаться такъ же, какъ и въ первоначальномъ видѣ. Сцѐны эти при исполненіи въ концертѣ производили очень сильное впечатлѣніе, которое, конечно, еще болѣе усилилось бы при сценической обстановкѣ. Точно также большихъ похвалъ заслуживалъ

исполненный въ томъ же концертѣ новый „заключительный хоръ“, который своею красивой темой и изящнѣйшими гармоническими и контрапунктическими сочетаніями положительно очаровывалъ слушателей. Впослѣдствіи авторъ отказался отъ идеи дѣлать какія-нибудь измѣненія въ „Псковитянкѣ“, рѣшивъ оставить ее именно въ томъ видѣ, какъ она была написана первоначально. Однако все, что̀ имъ было написано вновь, такъ талантливо, такъ интересно, что нельзя не желать, чтобы оно не оставалось въ рукописи, а было бы напечатано въ видѣ отдѣльныхъ сценъ, которыя могли бы исполняться въ концертахъ.

Надо еще замѣтить, что независимо отъ оперы „Псковитянка“ у Римскаго-Корсакова имѣются еще въ рукописи „антракты къ драмѣ Псковитянка“, которые были однажды исполнены въ концертѣ Русскаго Музыкальнаго Общества въ сезонъ 1879—1880 г., и которые, можно надѣяться, будутъ также изданы, какъ они того заслуживаютъ.

III.

Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ Римскій-Корсаковъ пользовался уже такою почетною извѣстностью въ музыкальномъ мірѣ, что въ 1871 году былъ приглашенъ въ с.-петербургскую консерваторію профессоромъ практическаго сочиненія музыки и инструментовки. Эту должность онъ занимаетъ и въ настоящее время. Двадцать лѣтъ непрерывной профессорской дѣятельности говорятъ сами за себя; за это время подъ руководствомъ Римскаго-Корсакова окончило консерваторскій курсъ много молодыхъ музыкантовъ, выступившихъ затѣмъ на композиторскомъ поприщѣ, въ качествѣ дирижеровъ оркестра или преподавателей музыки. Изъ числа консерваторскихъ учениковъ Римскаго-Корсакова, пріобрѣвшихъ бо̀льшую или мѐньшую извѣстность, назовемъ: гг. Лядова, Бернгарда, Саккети (профессора с.-петербургской консерваторіи), Аренскаго (профессоръ московской консерваторіи), Ипполитова-Иванова (директоръ тифлисскаго отдѣленія Русск. Муз. Общества), Крушевскаго, Казаченко, Соколова, Витоля, Антипова, Петрова. Изъ числа частныхъ, не-консерваторскихъ, его учениковъ, назовемъ А. К. Глазунова, который блестящимъ образомъ началъ свою композиторскую карьеру симфоніей, исполненною въ первый разъ въ 1882 г., когда ему было только 16 лѣтъ, но уже и въ то время, какъ въ этой симфоніи, такъ и въ другихъ своихъ раннихъ произведеніяхъ, обнаружилъ такую солидную подготовку, такую ком-

позиторскую технику, которымъ могъ бы позавидовать и опытный музыкантъ.

Docendo discimus,—гласитъ латинская пословица, и это выраженіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ Римскому-Корсакову. Будучи профессоромъ высшихъ курсовъ консерваторіи, онъ въ то же время самъ учился, съ энергіей и настойчивостью занимаясь контрапунктомъ и фугой. Фактъ—достойный вниманія. Авторъ такихъ произведеній, какъ „Садко", „Антаръ", „Псковитянка", которыхъ однихъ уже было бы достаточно, чтобы составить ему почетное имя, принимается за изученіе строгаго стиля музыки, безъ чего, казалось бы, можно было ему и обойтись, какъ то̀ доказывали его предъидущія произведенія. Совершенно аналогичный примѣръ представляетъ Глинка, который значительно позже того, какъ были написаны всѣ его произведенія, составившія ему безсмертную славу, въ 1856 г. поѣхалъ въ Берлинъ учиться строгому стилю у теоретика Дэна; тамъ въ Берлинѣ онъ и умеръ, когда умъ его всецѣло былъ занятъ контрапунктическими работами, и какой бы былъ результатъ подобныхъ занятій—трудно рѣшить. Что же касается Римскаго-Корсакова, то подобнаго рода занятія принесли великіе плоды: за это время онъ до такой степени усовершенствовалъ свою композиторскую технику, что всѣ послѣдующія его произведенія, несмотря на необыкновенную иногда оригинальность и смѣлость замысла и выполненія, отличаются всегда изумительною, вполнѣ образцовою чистотою и правильностью стиля, такъ что въ этомъ отношеніи въ настоящее время онъ мало найдетъ себѣ соперниковъ.

Постоянныя настойчивыя занятія контрапунктомъ и фугой, притомъ же, вѣроятно, въ связи съ изученіемъ музыкальныхъ классиковъ, оказали на Римскаго-Корсакова столь сильное вліяніе, что оно отразилось даже на его творчествѣ и на всей его музыкальной дѣятельности того времени. Къ этому періоду относятся, напр., такія его произведенія, какъ фортепіанныя пьесы на тему, состоящую изъ нотъ B. A. C. H.; „шесть фугъ для фортепіано", „Trois morceaux" для фортепіано, изъ которыхъ третій нумеръ опять фуга; нѣсколько хоровъ à capella, въ томъ числѣ 4 варіаціи и фугетта для женскихъ голосовъ. Затѣмъ онъ пишетъ квартетъ F-dur для смычковыхъ инструментовъ совсѣмъ въ стилѣ и въ духѣ музыки Гайдна. Въ этомъ квартетѣ и тѣни нѣтъ автора „Садко" и „Антара"; здѣсь и тематическій матеріалъ, и пріемы композиціи совсѣмъ иные. То̀, что̀ такъ дорого было въ его прежнихъ произведеніяхъ—богатая содержательность, горячее увлеченіе, сила выразительности, оригинальность замысла

и выполненія—въ этомъ квартетѣ отсутствуетъ; здѣсь находимъ сухую и блѣдную музыку, въ которой надъ содержаніемъ преобладаютъ форма и фактура, доведенныя—надо отдать справедливость—до замѣчательнаго техническаго мастерства [1]). Въ такомъ же родѣ написанъ секстетъ для смычковыхъ инструментовъ, отличающійся едва ли еще не бо̀льшимъ техническимъ совершенствомъ; секстетъ этотъ остается ненапечатаннымъ, но исполнялся публично въ одномъ изъ квартетныхъ собраній Русскаго Музык. Общества.

Вліяніе образцовъ классической музыки отразилось также въ значительной степени въ третьей симфоніи (C-dur) Римскаго-Корсакова, написанной первоначально въ 1873 г. и затѣмъ передѣланной въ 1886 году. Въ этой симфоніи вторая часть, „скерцо", сочиненное значительно раньше, выдѣляется отъ другихъ частей и о немъ мы будемъ говорить отдѣльно. Остальные же три: первая часть, анданте и финалъ, написаны по образцу бетховенскихъ симфоній; въ нихъ мы не находимъ индивидуальнаго характера и самобытности, присущей другимъ произведеніямъ Римскаго-Корсакова; здѣсь чувствуется, что авторъ какъ бы старался не отступать отъ великихъ образцовъ симфонической музыки, избѣгая полной самостоятельности и оригинальности. Въ сущности, это, пожалуй, хорошая музыка, которая инымъ можетъ нравиться за то мастерство, съ какимъ она написана; но она не способна ни увлечь, ни очаровать слушателя, подобно другимъ произведеніямъ Римскаго-Корсакова; это музыка довольно безжизненная, холодная, мало говорящая воображенію. Изъ этихъ трехъ частей, лучшая—первое аллегро, съ красивой второй темой, вносящей долю поэтичности, и съ довольно сильнымъ эпизодомъ въ разработкѣ первой темы, когда она является въ широкомъ ритмѣ въ $^3/_2$; анданте очень красиво и мило, но, будучи построено все на одной довольно коротенькой темкѣ, въ общемъ весьма однообразно и тяжеловато; финалъ же менѣе всего самостоятельный, и постороннее вліяніе въ немъ обнаруживается болѣе, чѣмъ въ предъидущихъ частяхъ.

Совсѣмъ въ другомъ характерѣ „скерцо" этой симфоніи, которое, какъ упомянуто, было задумано и набросано гораздо ранѣе остальныхъ частей, еще въ 1865 году. Здѣсь не видно ни посторонняго вліянія, ни стремленія къ старымъ образцамъ; авторъ является самимъ собою и въ одномъ изъ самыхъ симпатичныхъ

---

[1]) Укажемъ въ этомъ квартетѣ, для примѣра, въ началѣ финала на двойной канонъ, этотъ настоящій tour de force композиторской техники.

проявленій своего творчества. Легкая, воздушная тема въ капризномъ ритмѣ въ $^5/_4$, гармонизованная съ неподражаемымъ изяществомъ, появляющаяся то въ верхнихъ, то въ нижнихъ оркестровыхъ голосахъ, то въ той, то въ другой группѣ инструментовъ, переплетающаяся при своемъ многоголосномъ развитіи въ причудливыхъ комбинаціяхъ, производитъ по истинѣ чарующее впечатлѣніе. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается, когда послѣ милаго, мечтательнаго тріо тема скерцо (въ $^5/_4$) является въ соединеніи съ фразой изъ тріо (въ $^2/_2$), составляя двойной контрапунктъ,—мастерской пріемъ въ техническомъ отношеніи и въ то же время поражающій необыкновенною красотою и прелестью музыки. Такой же художественный эффектъ, полный вкуса и изящества, находимъ въ самомъ концѣ, гдѣ тема скерцо ловко и смѣло соединена съ главной темой тріо. Въ этомъ „скерцо" богатое сильное творчество идетъ рука объ руку съ мастерской техникой, и въ результатѣ получается одинъ изъ лучшихъ образцовъ симфонической музыки.

Третья симфонія Римскаго-Корсакова, передѣланная, какъ упомянуто выше, въ 1886 г., была исполнена въ первый разъ, въ первоначальномъ ея видѣ, въ 1873 году подъ личнымъ управленіемъ автора, въ концертѣ, устроенномъ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Въ этомъ концертѣ Римскій-Корсаковъ въ первый разъ выступилъ въ качествѣ капельмейстера, и вскорѣ затѣмъ ему представился случай для болѣе широкой дирижерской дѣятельности; въ 1874 году онъ сталъ директоромъ и дирижеромъ концертовъ „Безплатной музыкальной школы", замѣнивъ М. А. Балакирева, отказавшагося тогда отъ этого званія. Первые два концерта „Школы" подъ управленіемъ Римскаго-Корсакова (25 марта 1875 г. и 3 февраля 1876 г.) состояли изъ произведеній композиторовъ XVI—XVIII столѣтій: Палестрины, Аллегри, Баха, Генделя, Гайдна, и даже изъ бетховенскихъ произведеній была исполнена одна только увертюра „Коріоланъ". Такой исключительный составъ концертовъ „Безпл. муз. школы", особенно въ виду того, что ея прежніе концерты, подъ управленіемъ г. Балакирева, отличались совсѣмъ другимъ направленіемъ и продуцировали преимущественно музыку новѣйшихъ композиторовъ,—характеризуютъ въ извѣстной степени тогдашнее стремленіе Римскаго-Корсакова къ классическому старому въ музыкѣ, отразившееся, какъ мы видѣли, и на его композиторскихъ работахъ. Періодъ такого классическаго направленія продолжался у Римскаго-Корсакова не долго; въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ нѣтъ и слѣда этого направленія; исчезло оно очень скоро

и изъ концертовъ „Безпл. муз. школы“, которые опять приняли свой прежній передовой характеръ. Въ этихъ ежегодныхъ концертахъ большое мѣсто предоставлено было русской музыкѣ; всѣ почти современныя, интересныя новинки русской музыки, многіе отрывки изъ оперъ „Князь Игорь“ Бородина, „Борисъ Годуновъ“ (сцена въ кельѣ Пимена, въ театрѣ никогда не исполняемая) и „Хованщина“ Мусоргскаго, новыя сцены изъ „Псковитянки“ и отрывки изъ сочиняемой тогда Римскимъ-Корсаковымъ оперы „Майская Ночь“ исполнялись въ первый разъ въ концертахъ „Школы“ подъ управленіемъ Римскаго-Корсакова. Изъ произведеній иностранныхъ композиторовъ имъ были исполнены впервые въ Петербургѣ: симфоническія поэмы „Гамлетъ“, Листа, и „Le rouet d'Omphale“, Сенъ-Санса, симфонія „Іоанна д'Аркъ“ Мошковскаго и др. Римскій-Корсаковъ, оставаясь директоромъ „Безпл. муз. школы“ до 1881 г. (когда Балакиревъ вновь замѣстилъ его), отдавалъ массу времени и энергіи на постоянныя занятія съ большимъ хоромъ школы, состоящимъ изъ любителей и любительницъ. Надо знать этотъ родъ занятій, чтобы понять, что только искренняя и безпредѣльная преданность искусству могла заставить Римскаго-Корсакова отдавать свое время и силы на столь тяжелый и неблагодарный трудъ.

Независимо отъ профессуры въ с.-петербургской консерваторіи и директорства въ „Безпл. музык. школѣ“, Римскій-Корсаковъ состоялъ также въ должности инспектора военныхъ оркестровъ флота, на которую онъ былъ назначенъ въ 1873 г., по оставленіи имъ морской службы, совсѣмъ несовмѣстимой съ его музыкальными занятіями. Въ этой должности онъ оставался до ея упраздненія въ 1884 г. Также и этого рода дѣятельность не осталась безъ хорошихъ результатовъ въ музыкальномъ отношеніи. Инспектируя военные оркестры балтійскаго и черноморскаго флотовъ, Римскій-Корсаковъ не могъ, конечно, удовлетворяться выборомъ исполняемыхъ ими пьесъ, разныхъ плохихъ маршей, полекъ, вальсовъ, попурри изъ итальянскихъ оперъ и т. п., грубо и неискусно инструментованныхъ, которые обыкновенно составляли репертуары всѣхъ военныхъ оркестровъ. Чтобы поставить это дѣло на лучшую почву, онъ самъ началъ перекладывать для военныхъ оркестровъ подходящую для этой цѣли хорошую музыку, внося въ эту работу свойственный ему художественный вкусъ, талантливость и умѣнье первокласснаго инструментатора. Такимъ образомъ, за время состоянія инспекторомъ музыки флотовъ онъ наинструментовалъ много хорошихъ музыкальныхъ произведеній, значительно обогатившихъ репертуары военныхъ оркест-

ровъ, и написалъ нѣсколько сольныхъ пьесъ для гобоя, кларнета, тромбона. Къ сожалѣнію, бо́льшая часть этихъ работъ впослѣдствіи была затеряна.

Изъ числа работъ Римскаго-Корсакова семидесятыхъ годовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія его „Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ", изданный въ 1877 году. Изъ всѣхъ подобныхъ сборниковъ это наиболѣе выдающійся по богатству заключающагося въ немъ матеріала, прекрасно при томъ же систематизированнаго, по тщательности редакціи и по талантливости гармонизаціи. Сборникъ Римскаго-Корсакова состоитъ изъ двухъ частей: въ первой заключаются былины и повѣствовательныя пѣсни, пѣсни лирическія и пѣсни плясовыя,—всего 40 пѣсенъ; во второй—пѣсни хоровыя (святочныя, масляничныя, хороводныя и т. п.) и пѣсни обрядныя (свадебныя, величальныя),—всего 60 пѣсенъ. Въ примѣчаніяхъ къ каждой пѣснѣ Римскій-Корсаковъ тщательно обозначаетъ тѣ источники, которыми онъ пользовался; если пѣсня взята изъ какого-нибудь стариннаго сборника, онъ обозначаетъ годъ его изданія; точно также онъ указываетъ имена лицъ, сообщившихъ ему напѣвъ или текстъ пѣсни, обозначая при этомъ, хотя бы приблизительно, когда могла быть слышана пѣсня, а также и мѣстность, гдѣ она пѣлась или поется. Кромѣ того, у него указаны, въ какихъ сборникахъ имѣются варіанты напѣва и текста пѣсенъ, помѣщенныхъ въ его сборникѣ. Подобныя весьма цѣнныя указанія свидѣтельствуютъ, съ какою серьезностью и добросовѣстностью относился Римскій-Корсаковъ къ своему труду, въ предисловіи къ которому онъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что изъ множества пѣсенъ, сообщенныхъ ему разными лицами, онъ помѣстилъ только тѣ, за достовѣрность которыхъ могъ поручиться. Достоинство же этого сборника въ музыкальномъ отношеніи заключается въ той гармонизаціи этихъ пѣсенъ, которая введена въ фортепіанный аккомпаниментъ, ихъ сопровождающій. Мы уже упоминали, что напѣвы русскихъ народныхъ пѣсенъ имѣютъ отличительныя особенности въ своемъ складѣ и требуютъ совершенно особенныхъ пріемовъ гармонизаціи. Вотъ эти-то пріемы гармонизаціи, примѣненные Римскимъ-Корсаковымъ съ большимъ знаніемъ дѣла и не меньшею талантливостью, обусловливаютъ за его сборникомъ, независимо отъ вышеуказанныхъ его достоинствъ, высокое музыкальное значеніе. Позднѣе, въ 1882 году, Римскій-Корсаковъ принималъ участіе въ изданіи другого еще сборника народныхъ пѣсенъ, числомъ 40, собранныхъ и пѣтыхъ Т. И. Филипповымъ, но записанныхъ и гармонизованныхъ Римскимъ-Корсаковымъ.

Слѣдующимъ большимъ трудомъ Римскаго-Корсакова была опера „Майская Ночь“ (по Гоголю), поставленная на сценѣ въ С.-Петербургѣ въ январѣ 1880 года. Либретто этой оперы написано самимъ Римскимъ-Корсаковымъ частью стихами, частью прозой. Нельзя не назвать въ высшей степени удачной идею отступиться въ настоящемъ случаѣ отъ общепринятаго правила писать музыку непремѣнно на стихотворный текстъ; рѣшеніе пользоваться также и прозой дало возможность не только очень близко придерживаться содержанія, духа и характера повѣсти Гоголя, но даже сохранить во многихъ мѣстахъ въ неприкосновенности гоголевскій текстъ съ его характернымъ и выразительнымъ языкомъ. Такое отношеніе къ избранному для оперы сюжету заслуживаетъ большой похвалы. Не мало имѣется оперъ, написанныхъ на сюжеты извѣстныхъ и великихъ литературныхъ произведеній, съ ужаснѣйшимъ искаженіемъ этихъ послѣднихъ. Какъ прискорбно видѣть драгоцѣннѣйшіе памятники литературы подвергнутыми невѣжественнымъ, варварскимъ передѣлкамъ, съ извращеніемъ ихъ идеи, ихъ смысла, ради того, чтобы заключающаяся въ нихъ фабула могла служить основой какого-нибудь жалкаго опернаго либретто. Поэтому особенно пріятно замѣтить, что въ оперѣ „Майская Ночь“ прекрасная повѣсть Гоголя не подверглась подобнымъ искаженіямъ, а сохранена въ возможной полности, съ необходимѣйшими только измѣненіями, безъ которыхъ уже рѣшительно нельзя было обойтись.

Музыка этой оперы вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію ея либретто. Общее настроеніе, духъ и характеръ „Майской Ночи“, также какъ и всѣ ея детали переданы и очерчены музыкой съ большой художественной правдой, и передъ слушателями проносятся сцены, полныя то поэтической красоты, то самаго здороваго сельскаго веселья, то неподдѣльнаго юмора и комизма. Фантастическій элементъ, занимающій значительное мѣсто, вноситъ еще болѣе разнообразія, и нельзя не удивляться гибкости таланта автора, находящаго въ своемъ творчествѣ средства къ музыкальному воспроизведенію всѣхъ разнообразныхъ положеній и сценъ „Майской Ночи“. Мѣстный національный элементъ также не забытъ въ этой оперѣ; введенные мѣстами, съ хорошимъ выборомъ, малороссійскіе народные напѣвы придаютъ музыкѣ „Майской Ночи“ соотвѣтствующій колоритъ и характеръ. Музыкальная характеристика дѣйствующихъ лицъ проведена превосходно, съ обдуманностью и талантливостью удивительною; голова, писарь, винокуръ, пьяный Каленикъ, свояченица, удались въ этомъ отношеніи какъ нельзя лучше и въ музыкѣ очер-

чены очень типично. Затѣмъ инструментована опера такъ тонко, изящно, съ такимъ разнообразіемъ и вкусомъ, что ея инструментовку должно считать въ полномъ смыслѣ образцовою.

Первое дѣйствіе „Майской Ночи“ написано не вездѣ ровно и одинаково хорошо. Въ самомъ началѣ хороводъ („А мы просо сѣяли“), написанный на тему народной пѣсни, для двухъ хоровъ, слишкомъ разработанъ технически и излишне развитъ въ отношеніи музыкальной формы, поэтому недостаточно простъ и ясенъ для даннаго сценическаго положенія и нѣсколько монотоненъ. Въ дуэтѣ Левка съ Ганной, съ очень музыкальнымъ поэтическимъ началомъ и со многими хорошими детальными эпизодами, ощущаются длинноты, расхолаживающія общее впечатлѣніе. Въ тріо (Ганна, голова и Левкѐ) можно бы желать болѣе содержательной музыки, да и комизмъ здѣсь, собственно говоря, чисто внѣшній. Однакоже, и много хорошаго въ этомъ дѣйствіи; напримѣръ, милая, чудесно гармонизированная пѣсня Левка; его же прекрасный разсказъ про панночку, мастерски написанный въ балладномъ стилѣ; прелестнѣйшій женскій хорикъ („Завью вѣнки на всѣ святки“), основанный на темѣ одной изъ народныхъ малороссійскихъ „веснянокъ“ и сопровождаемый удивительно красивымъ оркестровымъ аккомпаниментомъ. Комическій элементъ введенъ въ это дѣйствіе очень удачно: появленіе пьянаго Каленика, пляшущаго гопакъ, насмѣшки надъ нимъ дивчатъ, его тщетные поиски своей хаты,— все это охарактеризовано музыкой съ удивительнымъ искусствомъ и неподражаемою правдивостью; при этомъ чрезвычайно талантливы всѣ фразы Каленика, какъ напримѣръ: „Я не посмотрю на какого-нибудь голову! Что̀ мнѣ голова? Самъ себѣ я голова!“ Это типичнѣйшіе речитативы, сразу навсегда запоминающіеся. Много комизма и въ повѣствованіи головы о томъ, какъ онъ выбранъ былъ въ провожатые царицы Екатерины и удостоился рядомъ съ кучеромъ царскимъ на козлахъ сидѣть; повѣствованіе это, повторяемое головой при каждомъ сколько-нибудь удобномъ случаѣ, написанное съ очень удачной музыкой, производитъ дѣйствительно въ высшей степени комическое впечатлѣніе. Свѣжимъ, здоровымъ юморомъ проникнута также пѣсня про голову (Левко съ хоромъ парубковъ), которою заканчивается первое дѣйствіе; эта бойкая, размашистая, удалая пѣсня написана очень талантливо.

Первая картина 2-го дѣйствія въ хатѣ головы заключаетъ столько хорошей музыки, такой талантливой и такъ удачно характеризующей всѣ эпизоды и частности этой картины, что интересъ слушателя не ослабляется ни на мгновеніе. Бесѣда за

ужиномъ головы, свояченицы и винокура представляетъ прекрасную сцену, написанную, въ высшей степени, непринужденно, легко и свободно. Вваливающійся въ хату пьяный Каленикъ и заваливающійся тамъ спать какъ дома, охарактеризованъ такъ же типично и съ такимъ же музыкальнымъ комизмомъ, какъ и въ первомъ дѣйствіи. Слѣдующій затѣмъ разсказъ винокура о его тещѣ и о подавившемся галушкой—оригинальнѣйшій образецъ комической музыки, отличающейся большой естественностью и образностью музыкальной рѣчи и необыкновенно удачною обрисовкою деталей въ оркестрѣ. Замѣтимъ, что вся партія винокура, въ смыслѣ музыкальной характеристики, выдержана удивительно хорошо, какъ въ общемъ, такъ и во всѣхъ частностяхъ, изъ которыхъ каждая добавляетъ новую черточку къ характеристикѣ этого типа бывалаго человѣка, шутника и краснобая. Такъ же удачно охарактеризованъ писарь, являющійся доложить пану-головѣ, что хлопцы безчинствуютъ на улицѣ. Писарь въ оперѣ „Майская Ночь“ несомнѣнно изъ отставныхъ военныхъ, всѣ его речитативы сопровождаются комичнѣйшей маршеобразной музыкой для мѣдныхъ инструментовъ, флейты и барабана. Особенно юмористичны эти звуки, когда голова, писарь и винокуръ собираются идти на расправу съ арестованнымъ парубкомъ и поютъ маленькое тріо, въ формѣ фугетты, на слова: „Пусть узнаютъ, что̀ значитъ власть!“ Въ подобномъ же родѣ много и другихъ эпизодовъ, отличающихся оживленіемъ, комизмомъ въ музыкѣ, неизсякаемымъ остроуміемъ и изобрѣтательностью.

Такую же чудесную комическую музыку находимъ и въ слѣдующей картинѣ. Укажемъ на шествіе головы, съ писаремъ и винокуромъ, пробирающихся въ потьмахъ, ощупью, спотыкаясь, что̀ такъ удачно изображено въ оркестрѣ хо́дами бассовъ pizzicato, прерываемыхъ увеличенными трезвучіями. Далѣе, обратимъ вниманіе на тріо („Сатана, сатана! Это самъ сатана!“), написанное въ формѣ фуги, на тему, которя́ сама по себѣ очень комична, а повторяемая нѣсколько разъ по очереди вступающими голосами, вызываетъ невольный хохотъ. Всѣ дальнѣйшіе эпизоды этой картины — сборы поджечь хату, въ которой сидитъ мнимый сатана, выходъ изъ хаты свояченицы, съ бранью накидывающейся на голову, приводъ десятниками Каленика, продолжающаго твердить свою фразу: „Самъ себѣ я голова“, и проч.—все это проведено очень живо, весело, музыкально, причемъ на каждомъ шагу встрѣчаются мѣста, положительно поражающія оригинальностью и остроуміемъ музыкальныхъ пріемовъ и техническимъ совершенствомъ фактуры.

Третье дѣйствіе (мѣстность на берегу озера) начинается небольшимъ оркестровымъ вступленіемъ, съ очень красивой музыкой поэтическаго настроенія и двумя прелестными, мелодическими пѣснями Левка, съ изумительно изящнымъ и тонко инструментованнымъ аккомпаниментомъ. Затѣмъ въ окнѣ полуразрушеннаго дома является панночка, изъ озера выходятъ на берегъ русалки, содержаніе оперы переходитъ въ тотъ сказочный, призрачный міръ, въ музыкальномъ изображеніи котораго Римскій-Корсаковъ безусловно не имѣетъ соперниковъ. Дѣйствительно, здѣсь онъ даетъ рядъ роскошныхъ музыкальныхъ картинъ фантастическаго характера, замѣчательно талантливыхъ и художественныхъ. Хоръ русалокъ, ихъ хороводъ и танцы заключаютъ массу превосходной, мастерски написанной музыки, полной красоты, вкуса и вдохновенія; среди пѣнія и танцевъ русалокъ эффектнымъ контрастомъ являются мелодическія фразы панночки, проникнутыя тоской и грустью—все это производитъ необыкновенно чарующее впечатлѣніе. Слѣдующая затѣмъ игра русалокъ въ ворона, съ мрачнымъ суровымъ характеромъ, еще лучше предъидущаго; по музыкѣ это едва ли не лучшее мѣсто во всей оперѣ, но въ сценическомъ отношеніи тутъ чувствуются нѣкоторыя длинноты и растянутость хода дѣйствія. Послѣ окончанія фантастическихъ сценъ, когда опять являются голова, писарь и всѣ остальныя дѣйствующія лица, встрѣчаются еще нѣсколько удачныхъ эпизодовъ (какъ, напримѣръ, чтеніе комисарова письма, увлекающее своимъ натуральнымъ комизмомъ); но вообще послѣднія сцены слабѣе предъидущихъ и, къ сожалѣнію, самое окончаніе расхолаживаетъ нѣсколько общее впечатлѣніе „Майской Ночи",—оперы, въ которой, какъ мы видѣли, высокія достоинства значительно превосходятъ ея нѣкоторые недостатки. Во всякомъ случаѣ это произведеніе—художественное, талантливое, очень интересное по фактурѣ, по инструментовкѣ, съ большимъ успѣхомъ исполняемое на многихъ частныхъ оперныхъ провинціальныхъ сценахъ, но оно, также какъ и „Псковитянка", давно уже исключено изъ репертуара нашей казенной оперной сцены въ Петербургѣ, а на московской сценѣ даже никогда и не появлялось.

П. Трифоновъ.

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

X *).

Въ день рожденія Петра Георгіевича Обуховы всегда давали парадный обѣдъ.

На этотъ разъ день этотъ совпалъ и съ нѣкоторыми другими семейными радостями.

Петръ Георгіевичъ получилъ новое повышеніе; на обѣдъ должна была пріѣхать и Ольга, а потому обѣдъ обѣщалъ быть особенно торжественнымъ и многолюднымъ.

Глафира Львовна, очень нарядная въ своей кружевной свѣтлой наколкѣ и новомъ шолковомъ платьѣ, пріятно шуршавшемъ по паркету, немножко волновалась и, проходя то изъ гостиной въ столовую, то изъ столовой въ гостиную и кабинетъ, заботливо оглядывала всѣ комнаты и особенно парадно накрытый столъ — тѣмъ зоркимъ взглядомъ опытной хозяйки, отъ вниманія которой ничто скрыться не можетъ.

Хотя Глафира Львовна и волновалась, и даже устала нѣсколько отъ обычныхъ въ этихъ случаяхъ для хозяйки хлопотъ, но волненіе ея было пріятное, а въ тѣ минуты, когда она вспоминала о повышеніи мужа и о томъ, что они теперь, наконецъ, „тайные“, волненіе это дѣлалось даже радостнымъ, и улыбка невольно пробѣгала по ея полнымъ румянымъ губамъ...

---

*) См. выше: апр. 615 стр.

Изъ всей многочисленной семьи Леонтьевыхъ одна Глафира Львовна никогда не была на сценѣ; она даже и не любила сцены. Семейная зараза не коснулась ее, и она не чувствовала въ себѣ никакихъ талантовъ, но нисколько этимъ и не огорчалась.

Старикъ Леонтьевъ шутя говаривалъ: „Глафира не артистка, она у насъ—математикъ!“

Еще будучи маленькой дѣвочкой, Глашенька съумѣла уже такъ поставить себя въ семьѣ, — больше, впрочемъ, побаивавшейся ее, чѣмъ любившей,—что ее всегда ставили въ примѣръ прочимъ дѣтямъ. Глашенька съ дѣтства была разсудительна, спокойна и благовоспитанна, въ контрастъ всѣмъ другимъ своимъ братьямъ и сестрамъ, отличавшимся большою рѣзвостью и шалостями. Она съ раннихъ лѣтъ какъ бы сознала надъ ними свое превосходство, но относилась къ нему такъ тактично, какъ, казалось, и ожидать того отъ ребенка было трудно. Она не важничала, не хвасталась имъ, но въ то же время не допускала фамильярности и короткой дружбы между собой и другими своими братьями и сестрами, какъ бы находя ихъ недостойными этого, и точно ни на одну минуту не желая утрачивать свою „примѣрность“, она не позволяла себѣ капризничать и шалить.

Въ 19-ть лѣтъ она прекрасно окончила курсъ ѓимназіи и получила первую золотую медаль. Съ этихъ поръ она стала давать уроки, предпочитая ихъ сценѣ, и преподавала даже музыку, признавая ее, впрочемъ, лишь настолько, насколько она давала ей возможность заработать лишнюю копѣйку.

Чрезъ четыре года, давая уроки дѣтямъ одного чиновнаго вдовца, она вдругъ совершенно неожиданно для своихъ домашнихъ, съ которыми вообще рѣдко откровенничала насчетъ себя, объявила имъ, что выходитъ за него замужъ.

Какъ это случилось и какъ вела себя съ нимъ Глашенька для того, чтобы привести дѣло къ такому пріятному результату, осталось навсегда тайной, удивившей нѣсколько всю семью, такъ какъ, несмотря на то, что Глашенька была молода и красива, за ней почему-то никто и никогда не ухаживалъ, и сама она обыкновенно никого своимъ особеннымъ вниманіемъ не удостоивала.

Вскорѣ послѣ свадьбы Петръ Георгіевичъ перешелъ въ Петербургъ.

Съ тѣхъ поръ прошло уже дѐвять лѣтъ; за это время Глафира Львовна пополнѣла, похорошѣла и пріобрѣла тотъ внушительный видъ, благодаря которому къ ней такъ шелъ ея титулъ „генеральши“.

Въ домѣ мужа она съумѣла сохранить за собой тотъ же автори-

тетъ, которымъ пользовалась раньше въ своей семьѣ. Она прекрасно поставила свой домъ и завела въ немъ образцовый порядокъ. Хозяйство вела замѣчательно, съ какой-то—непонятно даже откуда привившейся къ ней—„нѣмецкой аккуратностью“. Прислуга у нея была вся выдрессированная, боявшаяся одного ея взгляда, хотя она никогда не бранила ее, и даже дѣтей своихъ, которыхъ очень любила, держала чрезвычайно строго находя, вполнѣ основательно, что любовь не въ нѣжностяхъ.

Дѣти отъ первой жены—ихъ было трое—жили, за исключеніемъ старшей Софи, внѣ дома. Пасынокъ служилъ въ провинціи, а младшая еще училась въ московскомъ институтѣ.

Съ мужемъ Глафира Львовна жила очень дружно; они, казалось, какъ бы нарочно были созданы другъ для друга и обладали одинаковыми вкусами, взглядами и привычками.

На Петра Георгіевича Глафира Львовна сразу произвела благопріятное впечатлѣніе, и чѣмъ больше онъ приглядывался къ ней, тѣмъ впечатлѣніе это становилось все благопріятнѣе и благопріятнѣе. Но жениться на ней, тѣмъ не менѣе, онъ не рѣшался довольно долго. Она была дѣвушка не изъ его общества, безъ всякихъ средствъ, если не считать ея заработка уроками, который, само собою разумѣется, онъ не могъ позволить продолжать ей, еслибы она сдѣлалась его женой. Но главное, она вышла изъ такой семьи, которая отнюдь не казалась ему благонадежной и подходящей для него. Все это долго заставляло его колебаться, но зато, женясь, онъ невольно, съ каждымъ годомъ убѣждался все больше и больше, что лучшаго выбора онъ никакъ сдѣлать не могъ.

Первая его жена была женщина болѣзненная, вялая, скучная и далеко не воплощала въ себѣ всѣхъ желаній и требованій своего супруга.

Глафира же Львовна была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Она съ самаго начала вполнѣ приноровилась къ его вкусамъ и, не поступаясь черезъ-чуръ своими, съумѣла и тѣ, и другіе слить вполнѣ гармонично.

Предъ мужемъ она не чувствовала уже большого своего превосходства, какъ это было когда-то въ ея родной семьѣ, но они были, такъ сказать, равноправны. И Петръ Георгіевичъ никогда не отнималъ отъ нея этого равенства; она была не только полной хозяйкой въ его домѣ, но даже отчасти и его главной совѣтницей въ дѣлѣ его службы. Она знала его департаментъ и важнѣйшія въ немъ дѣла чуть не лучше его самого и всегда давала ему полезный и удачный совѣтъ.

По-своему, они очень любили, а главное, уважали другъ друга, но такъ какъ они оба были люди, не умѣвшіе отдаваться сильнымъ страстямъ, порывамъ и ласкамъ, то любовь ихъ казалась нѣсколько холодной на видъ, но они, зная, что въ душѣ очень цѣнятъ одинъ другого, не желали ничего бо̀льшаго и были вполнѣ довольны другъ другомъ.

Зато, каждый разъ, во времена какихъ-нибудь неожиданныхъ или ожиданныхъ семейныхъ радостей, въ родѣ послѣдняго произведенія „въ тайные", ихъ дружелюбныя отношенія, подъ впечатлѣніемъ удовольствія, дѣлались еще пріятнѣе и дружественнѣе.

Такъ было и теперь. Они были и довольны и событіями, и другъ другомъ, и всячески старались отблагодарить и наградить какъ-нибудь одинъ другого.

Онъ съ особеннымъ чувствомъ цѣловалъ теперь ея красивую, нѣсколько полную, бѣлую руку и на одной недѣлѣ сдѣлалъ два подарка: браслетъ и платье, что̀ было большой рѣдкостью и доказательствомъ усиленнаго прилива нѣжности, такъ какъ обыкновенно Петръ Георгіевичъ имѣлъ привычку дѣлать подарки только по строго положеннымъ на то днямъ—именинъ, рожденія жены, Новаго года и Пасхи; такое вниманіе и щедрость очень тронули Глафиру Львовну, и она, въ свою очередь, старалась отплатить ему внимательностью и заботами о немъ. Напримѣръ, она заказывала на обѣдъ исключительно его любимыя блюда, купила ему самаго дорогого портвейна, и даже въ чай, вмѣсто обычныхъ трехъ кусковъ сахара, стала класть четыре, какъ онъ это любилъ, но отъ чего она систематически въ продолженіе всѣхъ девяти лѣтъ старалась отъучить его,—и въ довершеніе всего, начала ему собственноручно вышивать прекрасный новый халатъ, который хотя и вышивался какъ будто тайкомъ отъ него, но про который Петръ Георгіевичъ, тѣмъ не менѣе, отлично догадывался, и этотъ халатъ, вкупѣ съ сладкимъ чаемъ и дорогимъ портвейномъ, глубоко трогалъ его...

Однако пробило уже половину шестого, и звонки въ передней стали раздаваться все чаще и чаще. Глафира Львовна заторопилась. Она поспѣшно переставила нѣсколько вазъ и рюмокъ, стоявшихъ, какъ ей казалось, не совсѣмъ прямо, на̀скоро отдала лакею кое-какія приказанія и вышла уже совсѣмъ въ гостиную, гдѣ Петръ Георгіевичъ и Софи занимали съѣзжавшихся гостей.

Петръ Георгіевичъ, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ, старался не сходить съ порога между гостиной и кабинетомъ, на которомъ стоялъ, точно для того, чтобы по-ровну раздѣлить себя и свое вниманіе между тѣми гостями, которые находились

въ гостиной, и тѣми, которые были въ кабинетѣ. Увидѣвъ жену, онъ издали, незамѣтно улыбнулся ей, той нѣжной улыбкой, которая невольно явилась у нихъ обоихъ за послѣдніе дни, подъ вліяніемъ усиленнаго прилива нѣжности другъ къ другу, вслѣдствіе пріятнаго повышенія по службѣ.

Софи же сидѣла въ гостиной на диванѣ, обязанная, пока не было самой Глафиры Львовны, занимать наиболѣе почетныхъ гостей и особенно стараго сановнаго графа, присутствіемъ котораго очень гордилась Глафира Львовна. Но по ихъ скучающимъ, натянуто-улыбающимся лицамъ Глафира Львовна поняла, что эта глупая Софи совсѣмъ не умѣетъ принять на себя роль любезной хозяйки и даетъ своимъ гостямъ чуть не засыпать подлѣ себя. Глафира Львовна сейчасъ же, съ самой любезной улыбкой, на какую только была способна, подошла туда и заговорила нарочно гораздо громче обыкновеннаго, чтобы только хоть какъ-нибудь поднять и оживить вялое настроеніе гостиной. Она, съ разными короткими, но внимательными вопросами и замѣчаніями о погодѣ, о дѣтяхъ, о болѣзняхъ женъ, переходила отъ одной группы къ другой, сердясь въ то же время въ душѣ на дамъ, которыя всегда запаздываютъ.

Однако, гостей все прибывало и прибывало, даже и дамы почти всѣ уже явились, а Ольги между тѣмъ все не было, несмотря на то, что она обѣщала пріѣхать какъ можно раньше, и это тѣмъ болѣе было досадно, что Ольга одна могла бы занять десять человѣкъ сразу. Сама Глафира Львовна всегда была точна, и потому считала себя въ правѣ требовать того же и отъ другихъ, и особенно отъ родной сестры.

Наконецъ, она, стоя возлѣ одной группы, спиной къ дверямъ, почувствовала за собой то легкое, едва уловимое движеніе, которое всегда происходитъ въ гостиной, когда является новая интересная личность, невольно привлекающая на себя вниманіе другихъ присутствующихъ.

Глафира Львовна обернулась, думая, что это Ольга, но это былъ Чемезовъ.

Она поспѣшно сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему навстрѣчу и любезно улыбалась ему все время, пока онъ здоровался съ ней и извинялся, что немного запоздалъ.

— О, нисколько не опоздали, напротивъ, многихъ еще нѣтъ... съ вашей стороны это очень мило...—И она обернулась, ища глазами мужа, но того уже не было на порогѣ; вѣроятно, успокоенный теперь присутствіемъ жены, онъ позволилъ себѣ окончательно перейти въ кабинетъ.

Тогда Глафира Львовна сама представила своего гостя, сказавъ просто, но внушительно:

— Чемезовъ!

Такою короткой рекомендаціей она хотѣла особенно подчеркнуть значеніе Чемезова, о которомъ полагала, что другіе не могли не знать и не слышать о немъ.

У Глафиры Львовны была маленькая слабость: принимать у себя болѣе или менѣе значительныхъ людей, особенно если они принадлежали къ административному міру; вотъ почему, хотя въ обыкновенное время она отзывалась о Чемезовѣ съ той же недовѣрчиво-насмѣшливой улыбкой, съ которой говорилъ о немъ и Петръ Георгіевичъ, и большинство людей ихъ круга, но тѣмъ не менѣе, разъ что онъ былъ ея гость, — она совсѣмъ не желала умалять его значеніе и силу, будучи на эти часы скорѣе склонна увеличить ихъ. Оставшись очень довольна тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело появленіе Чемезова, Глафира Львовна уже хотѣла усадить его подлѣ себя и Софи (имѣя на этотъ счетъ совсѣмъ, впрочемъ, не эгоистическія соображенія), но Чемезовъ прошелъ въ кабинетъ Петра Георгіевича.

— Это тотъ самый Чемезовъ, знаменитый? — спросилъ, съ ѣдкой усмѣшкой на словѣ: „знаменитый", графъ, важный старичокъ со звѣздами, присутствіемъ котораго Глафира Львовна особенно гордилась. Спрашивая, онъ прекрасно зналъ не только, какой это Чемезовъ, но и его самого даже.

Глафира Львовна, съ легкой улыбкой, наклонила въ отвѣтъ голову.

— Онъ очень молодъ! — замѣтила съ удивленіемъ одна изъ присутствующихъ дамъ.

Старый графъ скептически усмѣхнулся.

— Да, онъ очень молодъ!—повторилъ онъ за ней съ ироніей, той ироніей, съ которой почти всѣ люди его возраста и положенія говорили о Чемезовѣ.

— Такъ рѣдко случается — видѣть такого молодого и уже извѣстнаго администратора!—продолжала барыня, которой понравилась физіономія Чемезова и мужъ которой служилъ совсѣмъ по другому вѣдомству, а потому не имѣлъ ничего противъ назначенія Чемезова.

Но брови сановника вдругъ сердито сдвинулись и въ глазахъ блеснуло желчное, раздраженное выраженіе.

— Мое мнѣніе—чѣмъ рѣже это будетъ встрѣчаться, тѣмъ лучше это будетъ и для правительства, и для дѣла!—сказалъ онъ рѣзкимъ, враждебнымъ голосомъ.

Глафира Львовна тревожно обернулась на дверь кабинета и поспѣшила перевести непріятный разговоръ на какую-нибудь другую, менѣе личную и безобидную тему.

Въ душѣ она начинала сердиться все больше и больше. Всѣ уже съѣхались, проголодались и видимо ждали обѣда съ усиливающимся аппетитомъ; подъ вліяніемъ голода многіе уже стали приходить въ то недовольное расположеніе духа, которое является у людей съ пустымъ желудкомъ, и не знающихъ, какъ еще долго протомятъ ихъ ожиданіемъ обѣда. А Ольга между тѣмъ все не ѣхала и одна задерживала всѣхъ!

Это было и неловко, и непріятно. Глафира Львовна старалась удвоенною любезностью заглушать въ гостяхъ возростающій аппетитъ. Наконецъ, въ передней дрогнулъ сильный, раскатистый звоновъ. Глафира Львовна съ облегченіемъ вздохнула. Такъ звонить могла только Ольга, которая вѣчно всюду опаздывала, и потому такъ поспѣшно вбѣгала на лѣстницу, точно желала одной минутой наверстать пропущенный часъ.

— Наконецъ-то! — со сердитымъ упрекомъ во взглядѣ, но по возможности мягкимъ тономъ проговорила Глафира Львовна, увидѣвъ торопливо входящую сестру.

— Ахъ, милая, прости!—заговорила та прекраснымъ, звонкимъ, груднымъ голосомъ, которымъ сразу наполнила и оживила гостиную. — У насъ была репетиція, потомъ мнѣ надо было еще заѣхать въ два мѣста и домой переодѣться,—вотъ я и опоздала!

Мужчины поднялись ей на встрѣчу и разговаривавшіе въ кабинетѣ тоже вышли и любезно здоровались съ ней, просіявъ— не то отъ ея появленія, не то отъ того, что ничто, наконецъ, не задерживаетъ болѣе обѣда; въ это время жены ихъ оглядывали Ольгу съ какимъ-то полу-почтительнымъ, полу-насмѣшливымъ любопытствомъ.

Увидя, что всѣ оживились и повеселѣли, Глафира Львовна заторопилась обѣдомъ, и чрезъ минуту явившійся лакей, съ такими же великолѣпными баками и съ такой же внушительной физіономіей, какъ у самого Петра Георгіевича, торжественно возвѣстилъ, что кушать подано.

Глафира Львовна очень любила придерживаться у себя въ домѣ нѣкоторыхъ англійскихъ обычаевъ и порядковъ, и потому она и теперь взяла подъ-руку старика графа, предпочитавшаго въ душѣ идти съ Ольгой; страстнымъ ея поклонникомъ онъ состоялъ уже нѣсколько лѣтъ. Петръ Георгіевичъ предложилъ руку женѣ предсѣдателя, болѣзненной, худой женщинѣ, съ сердитымъ, желтымъ лицомъ, въ богатомъ, напутанномъ платьѣ; остальныхъ

паръ не вышло, и всѣ вошли въ столовую безпорядочной гурьбой; Глафирѣ Львовнѣ очень хотѣлось, чтобы Чемезовъ предложилъ руку Софи.

Когда стали закусывать, Чемезовъ подошелъ къ Ольгѣ.

— Вы не узнаете меня, Ольга Львовна?—спросилъ онъ, подходя къ ней и слегка кланяясь.

Она обернулась къ нему и, поднявъ на него глаза, мгновеніе глядѣла на него съ недоумѣніемъ, видимо не узнавая его и силясь припомнить, кто это. Но вдругъ лицо ея оживилось, и глаза съ ласковымъ удивленіемъ улыбнулись ему.

— Вы Чемезовъ? — сказала она еще не увѣренно, но уже радостно.

Онъ молча поклонился ей.

— Узнала? — спросила она, радуясь не то тому, что такъ скоро узнала, не то оттого, что это былъ именно онъ. И сейчасъ же просто и привѣтливо протянула ему руку, какъ своему старому хорошему знакомому, почти другу когда-то.

— Вы очень мало измѣнились,—продолжала она, съ улыбкой смотря на него:—я навѣрное бы узнала васъ, даже еслибы вы и не подошли ко мнѣ сами. Но какъ вы сюда попали?—спросила она съ легкимъ удивленіемъ, показывая въ сторону хозяевъ смѣющимися чему-то глазами.—Развѣ вы знакомы?

— Какъ же, вѣдь мы съ Петромъ Георгіевичемъ даже сослуживцы, по одному министерству служимъ; но въ домѣ у него я еще въ первый разъ.

— Я думаю,—сказала она, задумчиво смотря на него;—вамъ не легко было бы узнать меня, еслибы это не здѣсь случилось.

— Ну, еще бы! вѣдь я оставилъ васъ почти ребенкомъ!

— Ну, положимъ,—разсмѣялась она,—не совсѣмъ ребенкомъ; когда вы уѣхали, мнѣ вѣдь было почти 16 лѣтъ! Это только вы съ Сергѣемъ не хотѣли признавать меня тогда за большую! Но какъ все это уже давно было. А иногда, наоборотъ, кажется, что все это еще такъ недавно было.

— Да, почти двѣнадцать лѣтъ прошло уже!

— Неужели двѣнадцать? Боже мой, какъ много!—Съ минуту они молча и задумчиво смотрѣли другъ на друга, любопытнымъ и немного грустнымъ взглядомъ, точно сравнивая себя въ прошедшемъ и настоящемъ.

— Ну, я очень рада, — сказала она ласково, снова протягивая ему руку,—что мы съ вами опять встрѣтились! Я всегда

люблю встрѣчаться съ старыми друзьями, а съ вами—тѣмъ болѣе: вѣдь мы были какъ родные.

Чемезовъ горячо пожалъ въ отвѣтъ ея протянутую руку; быть съ ней ему вдругъ стало такъ легко и пріятно, и свободно, точно въ продолженіе этихъ 12 лѣтъ они не теряли изъ виду другъ друга и видались, какъ бывало прежде, чуть не каждый день. На него опять пахнуло молодостью. Вся она напоминала ему такое хорошее время, что ему пріятно было даже глядѣть на нее, ища на ея миломъ лицѣ—далеко не такомъ красивомъ, какъ вчера на сценѣ, но зато гораздо болѣе памятномъ и симпатичномъ ему—слѣдовъ чего-то прежняго, близкаго для него, и ему хотѣлось сѣсть съ ней куда-нибудь подальше отъ всего этого общества, гдѣ никто не помѣшалъ бы поговорить имъ о старинѣ и разспросить ее о всѣхъ ея родныхъ и о томъ, какъ она и они жили все это время.

Она точно угадала его мысли.

— Садитесь за обѣдомъ подлѣ меня,—сказала она.—Мы поговоримъ.

Но въ это время Глафира Львовна подошла къ нимъ. Мужчины покончили съ закуской, пора было садиться за столъ, и Глафирѣ Львовнѣ очень хотѣлось усадить Чемезова рядомъ съ Софи, а потому она уже нѣсколько разъ безпокойно поглядывала въ сторону сестры, предчувствуя, что та, пожалуй, разрушитъ ея планы.

— Ольга, — сказала она, подходя къ ней,—поручаю тебѣ весь этотъ конецъ стола; графъ и Андрей Яковлевичъ непремѣнно хотятъ сидѣть рядомъ съ тобой.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Ольга полу-шутливымъ, полу-испуганнымъ шопотомъ:—я не хочу, Богъ съ ними! оставь мнѣ лучше Юрія Николаевича! намъ съ нимъ хочется поговорить.

— Но вѣдь это можно и послѣ обѣда! — возразила хозяйка съ неудовольствіемъ въ голосѣ, но все еще съ любезною улыбкой на лицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я послѣ обѣда скоро уѣду,—у меня дома еще вотъ какая роль лежитъ! Садитесь, Юрій Николаевичъ!—сказала Ольга, смѣясь и поспѣшно отодвигая свой стулъ:—а то она насъ непремѣнно разлучитъ!

Глафира Львовна натянуто улыбнулась и, слегка пожавъ плечами, отошла.

Ольга всегда самымъ безцеремоннымъ образомъ разрушаетъ всѣ ея планы и при томъ не соблюдаетъ даже простыхъ приличій. Садиться за столъ, когда не сѣла еще хозяйка!

Подойдя къ своему мѣсту, Глафира Львовна съ любезной улыбкой попросила за столъ своихъ гостей.

Всѣ задвигали стульями, и въ столовой поднялся гулъ голосовъ.

Изъ-за яркаго свѣта высокихъ канделябръ и пара горячаго супа—лица казались словно подернутыми прозрачной дымкой; подъ утоленіемъ перваго аппетита всѣ примолкли, и слышно было одно звяканье ложекъ о тарелки.

Чемезовъ, перекидываясь съ Ольгой первыми отрывочными еще фразами, разсматривалъ ее, интересуясь той перемѣной, которая произошла съ ней за эти годы.

Въ ней измѣнилось не только лицо и фигура, но даже самый голосъ, и только въ глазахъ еще вспыхивало, порой, то довѣрчиво-смѣлое выраженіе, которое почему-то особенно помнилось ему въ ней прежде.

Она выросла и пополнѣла за эти годы, и къ ней такъ и просилось слово: „женщина“.

Но его удивляло, что сегодня Ольга совсѣмъ уже не походила на вчерашнюю Марію Стюартъ; ему почти не вѣрилось, что это была она.

Вчера, въ Маріи Стюартъ, все было такъ гармонично и величественно, а манеры и движенія самой Ольги, несмотря на присущую ей, повидимому, женственность, были порывисты и нервны.

Вчера она показалась ему очень высокой, съ роскошной фигурой, но, разсмотрѣвъ ее сегодня вблизи, онъ убѣдился, что она скорѣе даже худощава. На сценѣ она почти поражала своей красотой; въ дѣйствительности же ея совсѣмъ нельзя было назвать красивой. Напротивъ, черты ея были неправильны и чуть-чуть даже грубоваты, но зато у нея была прекрасная, почти античная форма головы съ замѣчательно изящной линіей шеи и маленькими ушами, и въ лицѣ ея было что-то, чтò по своей привлекательности было лучше красоты.

Главная и необъяснимая прелесть въ ней, почти неуловимая, заключалась безспорно въ ея глазахъ. Лучистые и яркіе отъ блеска въ нихъ, они поминутно мѣнялись не только выраженіемъ, но даже и цвѣтомъ, который, переливаясь какой-то причудливой игрой, казался то совсѣмъ темнымъ, то вдругъ становился свѣтлымъ, и вмѣстѣ съ нимъ мѣнялось и все лицо ея. Оно то потухало точно, — и въ тѣ минуты казалось совсѣмъ обыкновеннымъ, даже неинтереснымъ лицомъ,—то вдругъ сразу загоралось такимъ оживленіемъ и свѣтомъ, которые совсѣмъ преображали и красили ее.

Лицо это измѣнялось почти каждую минуту, и каждый разъ

въ немъ точно являлось что-то новое и незамѣченное прежде, и Чемезову казалось, что именно въ этой-то постоянной измѣнчивости и игрѣ лица и заключалась его главная прелесть.

Все въ ней было очень просто и естественно, почти даже слишкомъ просто для знаменитости, въ которой всегда ищутъ чего-то особеннаго и необыкновеннаго. Въ толпѣ можно было пройти мимо нея и не замѣтить ее, но при встрѣчѣ она уже навсегда оставалась въ памяти и что-то невольно подсказывало тогда, что въ ней таится прекрасная, высшая сила, отдѣляющая ее отъ другихъ обыкновенныхъ людей и невольно привлекающая ихъ къ ней, хотя сила эта и не кидалась въ глаза съ перваго взгляда.

Сегодня, какъ женщина, она нравилась Чемезову гораздо больше, чѣмъ вчера на сценѣ, и онъ находилъ, что въ жизни она еще лучше и симпатичнѣе, чѣмъ со сцены, хотя и далеко уже не такъ красива, какъ казалась оттуда. На ней было свѣтлое молочное платье, съ букетомъ свѣжихъ пунцовыхъ розъ на груди, и среди прочихъ солидныхъ дамскихъ туалетовъ она выдѣлялась яркимъ и живымъ пятномъ. И это тоже почему-то нравилось Чемезову.

— Я насилу отвоевала васъ отъ Глашеньки!—сказала она, смѣясь и лукаво смотря въ сторону сестры:—у нея было злостное намѣреніе усадить меня между ея сановными старичками, но я отдѣлалась, и теперь на меня дуются и старики, и Глашенька!— Въ смѣхѣ ея, когда она засмѣялась, говоря это, было что-то, такое славное, почти дѣтски-искреннее, что̀ невольно заражало другихъ.

— Впрочемъ, оставимъ ихъ Глашенькѣ!—сказала она вдругъ серьезно:—разскажите мнѣ лучше, что̀ вы дѣлали и какъ жили всѣ эти годы. Знаете, мнѣ, въ сущности, очень странно видѣть васъ подлѣ себя такимъ... такимъ...

— Такимъ старымъ!—подсказалъ онъ ей, смѣясь, но съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ на душѣ.

— Нѣтъ,—сказала она,—не то, но вѣдь я васъ знала еще студентомъ, а теперь вы вдругъ „особа", администраторъ, какъ говоритъ Петръ Георгіевичъ!

— Да,—сказалъ онъ въ тонъ ей,—и я васъ зналъ еще гимназисточкой, а теперь вы вдругъ „артистка, знаменитость", какъ говорится на театральномъ языкѣ!

— Ого!—сказала она, пристально вглядываясь въ него:— вотъ вы какой! все по старому, страсть поддразнивать? А помните,—разсмѣялась вдругъ она,—какъ вы съ Сережей слоёныя булки на перегонку ѣли?

— Нѣтъ,—засмѣялся онъ,—этого не помню что-то!

— А вотъ я такъ помню; это еще, когда вы „первокурсниками“, впрочемъ, были! У васъ у обоихъ была почему-то тогда слабость къ этимъ слоёнымъ булкамъ; я помню, Сережа...

— А что Сережа, какъ онъ поживаетъ? гдѣ онъ теперь?

— Теперь въ Иркутскѣ! Вѣдь онъ также на сценѣ, только въ провинціи; вы, можетъ быть, слышали,—онъ вскорѣ же послѣ вашего отъѣзда бросилъ университетъ и поступилъ тоже на сцену.

— Ну, и что же, подвизается съ успѣхомъ?

— О, да! Вѣдь у него большой талантъ; еслибы онъ захотѣлъ, то, конечно, могъ бы отлично перейти въ Москву, но онъ, какъ былъ, знаете, горячкой, такъ и остался: ни съ однимъ начальствомъ поладить не можетъ!

— Ну, а Пелагея Семеновна? Какъ она здорова, все такая же?

— Мама-то! все такая же, да она и не можетъ измѣниться! Представьте, мы съ ней еще недавно о васъ вспоминали: вѣдь вы ея большимъ любимцемъ когда-то были!..

— Да,—сказалъ Чемезовъ, припоминая снова то далекое время,—мы съ ней большими друзьями тогда были.

— А помните,—спросила она, вдругъ вся оживляясь:—какъ вы, студенты, бывало, гурьбой человѣкъ по 15, по 20, забирались въ раекъ нашего театра? Я помню, было двѣ партіи, отцовская и Дубравинская, и обѣ вѣчно воевали другъ съ другомъ. Разъ вы всѣ чуть даже не передрались тамъ! Вы съ Калашниковымъ, кажется, были коноводами отцовской партіи. А что,—спросила она вдругъ лукаво:—теперь, я думаю, вы уже не устроиваете больше по райкамъ такихъ демонстрацій?

— Нѣтъ,—засмѣялся онъ,—теперь ужъ неудобно! Каждому овощу свое время, Ольга Львовна... Нѣтъ,—мнѣ больше всего запомнились наши зимніе вечера послѣ театра... Бывало, всѣ уже разойдутся, останемся только мы вчетверомъ, Левъ Егоровичъ, вы, Сергѣй да я, и засидимся такъ чуть не до разсвѣта.

— Да, да,—подхватила она радостно:—я тоже это помню; всѣ въ домѣ ужъ спятъ, бывало, одни мы бодрствуемъ и міровые вопросы рѣшаемъ! И вѣдь какъ горячились, бывало, спорили!.. Да, хорошее это было время,—сказала она тихо, съ грустной, мечтательной улыбкой на лицѣ.

Съ какимъ-то задумчивымъ удовольствіемъ смотрѣли они другъ на друга, невольно будя и поднимая одинъ въ другомъ далекія, милыя имъ обоимъ, воспоминанія, отъ которыхъ они сами становились точно ближе и понятнѣе другъ для друга. И въ памяти Чемезова, при взглядѣ на нее, вдругъ такъ живо воскресло

опять все то, давно уже забытое имъ, время и тѣ зимнія ночи, которыя они просиживали, бывало, въ горячихъ спорахъ и разсужденіяхъ о самыхъ разнообразныхъ, ничѣмъ, въ сущности, не касавшихся ихъ, но тѣмъ не менѣе волновавшихъ вопросахъ—за кускомъ какой-нибудь холодной, оставшейся отъ обѣда, телятины или котлетъ.

— И знаете,—сказалъ онъ, смѣясь, но со вздохомъ:—никогда и нигдѣ не ѣлъ я потомъ такой вкусной телятины.

— Ну, нѣтъ,—разсмѣялась она:—мнѣ еще и теперь это случается... А помните, какъ вы дразнили меня? всегда, бывало, чуть не до слезъ доведете!

— Да, мы съ Сергѣемъ это любили, и вы такъ славно сердились, бывало; не даромъ васъ тогда Сергѣй „азартомъ" прозвалъ! все, бывало, обижается и негодуетъ на насъ съ нимъ!

— Ахъ, да, да, „азартомъ"! Я и забыла совсѣмъ объ этомъ названіи! А знаете, почему я тогда все обижалась на васъ такъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Да вѣдь я же влюблена въ васъ была!—воскликнула она вдругъ такъ громко, что ближайшіе сосѣди невольно обернулись на нихъ.

— Я слышу,—сказалъ громко черезъ столъ старый графъ, все время незамѣтно слѣдившій за Ольгой и ожидавшій только удобнаго случая, чтобы вступить съ ней въ разговоръ: — я слышу, какъ наша дорогая Ольга Львовна признается кому-то въ любви! Это должно быть очень пріятно!

Чемезову было нѣсколько неловко отъ привлеченнаго на нихъ на минуту общаго вниманія, и скорѣе непріятно, чѣмъ пріятно, что она такъ шутливо и безцеремонно говоритъ теперь объ этой любви своей къ нему, которая ему представлялась такой дѣтски-чистой и милой. И она, понявъ сама свою маленькую безтактность, тоже немного сконфузилась и покраснѣла.

— Да, я признаюсь въ любви,—сказала Ольга полушутя, полусмущенно:—но это ужъ „дѣла давно минувшихъ дней, преданье старины глубокой!"—И она вздохнула какъ бы съ комическимъ сожалѣніемъ.

Старый графъ насмѣшливо посмѣивался. Онъ всегда ревновалъ Ольгу ко всѣмъ новымъ поклонникамъ, а къ Чемезову, котораго ревновалъ еще и къ его мѣсту,—и тѣмъ болѣе.

— Въ такомъ случаѣ,—проговорилъ онъ ядовито:—это уже далеко не такъ пріятно, и я думаю, что молодой человѣкъ (онъ голосомъ подчеркнулъ слово: „молодой") предпочелъ бы, чтобы это были дѣла дней настоящихъ!

— Что дѣлать, ваше сіятельство! лучше когда-нибудь, чѣмъ никогда!—сказалъ Чемезовъ, смѣясь, но въ душѣ ему былъ очень непріятенъ этотъ публичный разговоръ о ихъ прежнихъ отношеніяхъ.

— Къ тому же,—сказала Ольга, слегка краснѣя, но съ вызывающимъ видомъ поддразнивая графа,—намъ остается еще и будущее.

Кругомъ всѣ разсмѣялись, кто одобрительно, кто насмѣшливо.

— Ну, что же,—сказалъ графъ, разводя руками:—слѣдуетъ пожелать только успѣха!

„Ни малѣйшаго такта!"—сердито подумала Глафира Львовна, бросая на сестру недовольный взглядъ.

Подлѣ Глафиры Львовны, на почетныхъ мѣстахъ, сидѣлъ, съ одной стороны, старый графъ, а съ другой—жена предсѣдателя, съ желтымъ, высохшимъ лицомъ и жидкими, масляными волосами, тщательно подобранными подъ кружевное, съ бантами, бандо.

Она привезла съ собой своего сына лицеиста — почти такого же золотушнаго и худосочнаго, какъ и она сама,—сидѣвшаго подлѣ Софи, но не спускавшаго бѣлесоватыхъ глазъ съ Ольги, чѣмъ видимо не мало безпокоилъ свою мамашу. Она все время бросала тревожно сердитые взгляды то на него, то на мужа, котораго ревновала, впрочемъ, больше изъ принципа, чѣмъ изъ-за какихъ-нибудь основаній къ тому, потому что, поглощенный только службой да винтомъ, онъ былъ равнодушенъ къ самымъ красивымъ женщинамъ и оставался безупречно вѣренъ своей супругѣ, больше, впрочемъ, по недостатку времени, чѣмъ изъ любви къ ней.

Онъ и теперь, не обращая никакого вниманія на Ольгу и почти даже не замѣчая ея присутствія, спокойно разсуждалъ о чемъ-то съ Петромъ Георгіевичемъ.

— Очень душно!—сказала предсѣдательша, безпокойно обмахиваясь платкомъ. Глафира Львовна, догадывавшаяся отчасти, почему предсѣдательшѣ душно, и по многимъ причинамъ не желавшая раздражать ее, старалась усиленною любезностью заглушить неудовольствіе; но предсѣдательша, сердившаяся отчасти и на Глафиру Львовну за то, что имѣетъ и приглашаетъ даже къ себѣ такую сестру, которая шокируетъ своимъ присутствіемъ всѣхъ порядочныхъ женщинъ и подвергаетъ опасности скромныхъ, неопытныхъ молодыхъ людей въ родѣ ея бѣднаго Поля,—оставалась все такъ же холодна и натянута и продолжала безпокойно обмахиваться платкомъ и бросать многозначительные взгляды на мужа и сына.

— Я вчера въ первый еще разъ видѣла Ольгу Львовну и была совсѣмъ поражена и очарована ею!—сказала вдругъ сосѣдка предсѣдательши, молоденькая, хорошенькая женщина, только-что вышедшая замужъ за обрусѣвшаго нѣмца, который служилъ подъ начальствомъ Петра Георгіевича и имѣлъ уже самыя прочныя надежды на блестящую карьеру. Она была еще очень наивна и неопытна, и хотя и старалась, по совѣту сообразительнаго мужа, подражать во всемъ женамъ его старшихъ сослуживцевъ, начиная даже отъ манеръ и туалетовъ, темныхъ и солидныхъ, въ которыхъ ея прелестное свѣженькое личико проигрывало, какъ проигрываетъ молодая зелень въ сѣрый, пасмурный день,—но еще не понимала того, что своими похвалами не доставитъ никакого удовольствія хозяйкѣ и только разсердитъ еще больше раздраженную предсѣдательшу, а угождать и слѣдовать ей во всемъ мужъ особенно совѣтовалъ ей.

Глафира Львовна холодно улыбнулась ей и, не желая поддерживать подобный разговоръ, поспѣшила перемѣнить его, разсказавъ кстати, что у дѣтей Долговыхъ дифтеритъ, чѣмъ очень встревожила всѣхъ дамъ. У большинства изъ нихъ были дѣти, и всѣ очень обезпокоились и заинтересовались непріятной новостью. Даже молоденькая Зальцъ, у которой тоже была уже маленькая дочка, испугалась, вспомнивъ, что ея горничная дружна съ горничной Долговыхъ и занесетъ, пожалуй, къ нимъ заразу.

Дамы быстро оживились и заговорили всѣ разомъ, съ видимымъ увлеченіемъ, о дѣтскихъ болѣзняхъ и дурныхъ прислугахъ, этихъ двухъ петербургскихъ злобахъ, о которыхъ каждая изъ нихъ страдала въ большей или меньшей степени.

Обѣдъ уже подходилъ къ концу. Гулъ голосовъ сильнѣе поднялся въ столовой; всѣ говорили громче и больше, чѣмъ сначала; мужчины, сидѣвшіе почти всѣ на одномъ концѣ стола, спорили и говорили о послѣднихъ новостяхъ по разнымъ министерствамъ, и горячились еще больше, чѣмъ ихъ дамы, заинтересованныя дѣтскими болѣзнями и прислугой.

— Я терпѣть не могу этихъ Глашенькиныхъ обѣдовъ!—сказала тихо Ольга Чемезову подъ общій гулъ голосовъ:—мнѣ всегда смертельная тоска со всѣми этими ея дѣйствительными и не-дѣйствительными совѣтниками и совѣтницами!

— Благодарю покорно!—разсмѣялся Чемезовъ.

— Ахъ, да вѣдь и вы!—воскликнула она, тоже смѣясь:—я и забыла совсѣмъ! Но вы совсѣмъ другое,—вы для меня не дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ какого-то важнаго тамъ департамента, которымъ я названія никогда не могу даже запо-

мнить, а все тотъ же Егорушка Чемезовъ, какъ васъ когда-то у насъ звали! Помните?

— И отлично! — сказалъ онъ, невольно прощая ей въ эту минуту ту маленькую безтактность съ графомъ, послѣ которой пріятное впечатлѣніе ихъ встрѣчи точно немножко испортилось уже для него.—Это самое лучшее,—продолжалъ онъ,— что вы могли мнѣ сказать...—И ему непремѣнно захотѣлось не только прочнѣе завязать съ ней самой ихъ возобновившееся знакомство, но повидать также и милую Пелагею Семеновну, которая такъ хорошо звала его когда-то просто „Егорушкой", и Сергѣя, и всю ихъ семью, среди которой протекли студенческіе годы.

— Въ чемъ вы еще выступите у насъ? - спросилъ онъ ее.

— Вѣроятно, въ „Грозѣ" и въ „Орлеанской дѣвѣ"...

— Мнѣ непремѣнно хочется еще разъ поглядѣть васъ; не можете ли попросить у васъ въ кассѣ, чтобы для меня оставили одинъ билетъ второго ряда на „Грозу", а то мнѣ сестра говорила, что на ваши спектакли едва-едва можно достать билетъ. Имъ вчера случайно уже одни знакомые, которые не могли сами ѣхать, передали свою ложу, а то, по всей вѣроятности, мнѣ бы такъ и не пришлось увидѣть васъ!

Глаза Ольги радостно вспыхнули и заблестѣли, и она улыбнулась счастливой, гордою улыбкой, которую не смогла сдержать.

— Съ удовольствіемъ... я очень рада, что вамъ хочется этого; нѣтъ, право...—сказала она вдругъ такъ искренно и задушевно, что невольно тронула и еще больше привлекла его къ себѣ:—будемъ опять такими же друзьями, какъ были прежде! Я очень, очень рада, что опять встрѣтилась съ вами! Вѣдь вы заѣдете ко мнѣ? Европейская, 24.

— Непремѣнно, непремѣнно, я и самъ хотѣлъ просить васъ объ этомъ.

— Поль, мой другъ! — раздался вдругъ тревожный голосъ предсѣдательши:—кушай, пожалуйста, осторожнѣе мороженое,—у Долговыхъ дифтеритъ! Мороженымъ вѣдь такъ легко простудиться!—прибавила она, обращаясь уже къ дамамъ, которыя, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Долговскаго дифтерита, вполнѣ сочувствовали ей. Несчастный Поль, разыгрывавшій взрослаго, элегантнаго молодого человѣка, страшно сконфузился и, замѣтивъ, какъ у Ольги, при трогательномъ воззваніи его мамаши, задрожали розовые уголки ея губъ, чуть не расплакался отъ обиды и досады.

Мамаша, отъ большой любви,—думалъ онъ съ негодованіемъ,—всегда компрометтируетъ и ставитъ его въ дурацкое положеніе при всемъ обществѣ; чрезъ нее онъ до сихъ поръ, несмотря

на свои 18 лѣтъ, все еще всѣми принимался чуть не за младенца, что̀ страшно огорчало и унижало его даже въ собственныхъ своихъ глазахъ.

Къ счастью для него, Глафира Львовна вскорѣ поднялась изъ-за стола, и всѣ перешли въ гостиную, куда подали кофе, ликеры и фрукты.

Большинство мужчинъ, взявъ свои чашки и закуривъ сигары, отправились въ кабинетъ Петра Георгіевича отдохнуть немножко, въ сладкомъ предвкушеніи винта; нѣкоторые же, въ томъ числѣ и старый графъ, окружили Ольгу, но дамы все еще продолжали держаться отъ нея нѣсколько отдѣльнымъ, видимо не очень расположеннымъ къ ней, кружкомъ, и только издали наблюдали ее любопытными взглядами, съ насмѣшливыми гримасами, тихо передавая другъ другу свои впечатлѣнія.

Одна только молоденькая Зальцъ продолжала глядѣть на Ольгу съ нескрываемымъ восхищеніемъ и, страстно желая заговорить съ ней, застѣнчиво вмѣшалась, наконецъ, въ ея разговоръ съ графомъ.

— Какъ жаль, что вы такъ рѣдко играете въ Петербургѣ! —заговорила она, слегка смущаясь и краснѣя отъ удовольствія, что говоритъ съ такой знаменитой актрисой. — Какъ было бы пріятно, еслибы вы всегда жили здѣсь; я бы, кажется, ни одного вашего спектакля не пропускала тогда!

— О, нѣтъ, такъ часто вамъ навѣрное скоро бы надоѣло! —сказала Ольга, привѣтливо улыбаясь своей хорошенькой, юной поклонницѣ, восторгъ которой невольно льстилъ ея самолюбію. Какъ ни была она избалована всеобщимъ поклоненіемъ, какъ ни привыкла къ подобнымъ похваламъ и восхищеніямъ почти всѣхъ знакомыхъ своихъ, но каждый новый поклонникъ или поклонница ея таланта приносили ей новое безотчетное удовольствіе. Юный Поль тоже не выдержалъ и, несмотря на непріятный инцидентъ съ мороженымъ и тревожные взгляды мамаши, издали безпокойно слѣдившей за нимъ, снова увлекся и, войдя опять въ свою роль вполнѣ взрослаго молодого человѣка, съ пріятною наружностью и манерами, объявилъ вдругъ Ольгѣ, что весь его классъ, изъ котораго большинство присутствовало на представленіи „Маріи Стюартъ", такъ восхищенъ ею, что устроилъ даже подписку для поднесенія ей букета въ слѣдующій спектакль.

— Мнѣ даже поручено узнать,—любезно расшаркиваясь, заключилъ онъ, вдохновенно вдругъ придумывая въ эту минуту никѣмъ не поручавшуюся ему миссію, которая, по его мнѣнію, должна была придать ему большое значеніе и достоинство въ

глазахъ „знаменитой артистки“:—какіе цвѣты вы предпочитаете болѣе другихъ?

— Ну, это раненько, раненько начали!—сказалъ полушутливо, полустрого старый графъ, комфортабельно усадившій свое большое, отяжелѣвшее еще больше послѣ обѣда, тѣло въ глубокое, удобное кресло, любезно подставленное для него заботливой хозяйкой.—Вотъ, погодите, увижу вашего Адольфа Фердинандовича,—разскажу ему ваши продѣлки!—Вы, скажу, полюбуйтесь, чѣмъ они у васъ въ классахъ занимаются! вы думаете—уроками географіи да грамматики,—а они вотъ что изволятъ дѣлать!

— Да помилуйте, графъ,—растерянно заговорилъ Поль, сильно побаивавшійся своего Адольфа Фердинандовича:—что же тутъ дурного? Мы только учимся почитать таланты...

— А вы лучше ваши грамматики почитайте, а не таланты! Придумали себѣ тоже почитаніе талантовъ! Ахъ, вы забавники, право, забавники!—И старикъ, котораго хорошій обѣдъ и присутствіе Ольги привели въ благодушное настроеніе духа, беззвучно разсмѣялся, отчего все его огромное тѣло плавно заколыхалось, а звѣзда на бортѣ фрака затряслась и запрыгала.

— Вы, молодой человѣкъ, въ талантахъ-то еще ничего не понимаете!—наставительно продолжалъ онъ, любя вообще послѣ обѣда слегка пожурить кого-нибудь.—Для этого житейскую школу надо пройти сначала, а вы всѣ просто увидите на сценѣ хорошенькую женщину, которой апплодируютъ другіе,—ну, вотъ и начнете приходить сейчасъ въ восторгъ, также апплодировать, кричать, вызывать, подносить букеты, раскупать карточки, и вообще разныя тамъ продѣлывать глупости, которыхъ, по настоящему, дѣлать вамъ вовсе еще не подобаетъ даже потому, что рано—и послѣ еще успѣете!

— Но позвольте, графъ,—вступилась Ольга, все время молча, съ лукавой улыбкой слушавшая ихъ разговоръ:—почему же вы думаете, что житейская школа лучше научитъ понимать, что такое талантъ, чѣмъ сама молодость, съ ея впечатлительностью и воспріимчивостью? Повѣрьте мнѣ, молодость всегда отзывчива ко всему хорошему! Не огорчайтесь, молодой человѣкъ,—графъ просто шутитъ—и поблагодарите отъ меня вашихъ товарищей. Я вѣрю, что они поняли меня не потому только, что я показалась имъ хорошенькой женщиной, и не оттого, что мнѣ апплодировали другіе.

— Разумѣется!—сказала съ жаромъ молоденькая Зальцъ:—прекрасное понятно каждому!

— Ну, милая барышня, вы это еще съ прописей помните!—

насмѣшливо сказалъ графъ, путая Зальцъ съ дочерью Петра Георгіевича и совсѣмъ недовольный заступничествомъ Ольги.—Изъ того, что прекрасное—хотя бы вотъ, напримѣръ, въ лицѣ нашей высокочтимой Ольги Львовны—понятно мнѣ и вамъ, еще совсѣмъ не слѣдуетъ, что оно точно такъ же понятно и моему кучеру Парѳену!

— О, неправда!—воскликнула Ольга горячо:—быть можетъ, въ райкѣ, дѣйствительно, не такъ тонко понимаютъ игру артиста, какъ у васъ, въ партерѣ,—съ этимъ я, пожалуй, согласна,—но зато чувствуютъ сильнѣе,—повѣрьте, графъ,—тамъ въ райкѣ, а не у васъ, въ партерѣ!

— Ну, ну, милая заступница райка,—засмѣялся графъ, ловя и цѣлуя руку Ольги,—я вѣдь знаю, что вы ярая демократка!

— Столъ готовъ, ваше сіятельство! — почтительно доложилъ Петръ Георгіевичъ, подходя къ графу съ колодой новыхъ, только-что вскрытыхъ, атласныхъ картъ.

— А, ну что-жъ, если готовъ, то не будемъ терять золотого времени!—сказалъ графъ, съ удовольствіемъ вынимая карту, и выцвѣвшіе глаза его на мгновеніе блеснули и оживились.

— Побалуйте меня, старика,—обратился онъ снова къ Ольгѣ: —присядьте къ намъ хоть на полчасика! вы такая счастливица, что, вѣрно, и мнѣ старику счастье принесете!

Ольга засмѣялась и равнодушно пошла за нимъ. Сама она не играла, но предпочитала сидѣть ужъ лучше съ графомъ, чѣмъ оставаться въ гостиной съ дамами Глафиры Львовны.

— Поль!—крикнула чуть не съ отчаяніемъ предсѣдательша, замѣтивъ, что ея Поль тоже отправляется за Ольгой въ кабинетъ; но Поль притворился, что не слышитъ, и поспѣшно скрылся за портьерами дверей.

Въ кабинетѣ было устроено три столика, за которые уже усаживались играющіе, и въ гостиной приготовляли еще четвертый —для дамъ.

Предсѣдательша очень любила винтить, и Глафира Львовна, устроивая „дамскій винтъ по двухсотой", заботилась именно о ней; но очевидное ухаживаніе сына за этой „ужасной женщиной" такъ волновало бѣдную предсѣдательшу, что она ужъ начинала подумывать, не пожертвовать ли ей сегодня винтомъ (что̀, въ сущности, было для нея очень тяжело и непріятно), чтобы только увезти скорѣе отсюда своего Поля. Но оставить опять-таки и мужа безъ себя съ этой же самой „ужасной женщиной" она тоже не рѣшалась, а между тѣмъ знала уже по опыту, что супругъ раньше шести роберовъ, все равно, ни за что не согла-

сится уѣхать,—развѣ только министръ потребуетъ его къ себѣ внезапно.

— Ахъ, съ этими дѣтьми такая мука! — съ глубокимъ вздохомъ сказала она своей сосѣдкѣ, не зная сама, на что ей лучше рѣшиться.

— Вы развѣ играете?—съ удивленіемъ спросилъ Чемезовъ, увидя, что Ольга вошла въ кабинетъ.

— О, нѣтъ!—засмѣялась она:—я въ картахъ страшно тупа, я даже „въ дурачки“ не умѣю! а вы, вѣрно, будете?

— Нѣтъ, я тоже постараюсь уйти вскорѣ незамѣтнымъ образомъ; у меня дома масса работы лежитъ.

— Ну, такъ идите, идите, только не забудьте же, смотрите, я васъ буду ждать: Европейская, 24.

— Непремѣнно, на-дняхъ же, если позволите!—Они крѣпко пожали другъ другу руки, и онъ вышелъ еще весь подъ впечатлѣніемъ ея милыхъ глазъ, проводившихъ его такимъ ласковымъ, хорошимъ взглядомъ, отъ котораго на душѣ его стало какъ-то тепло и отрадно.

— Завтра же поѣду къ ней! — сказалъ онъ себѣ, радуясь, что они такъ тепло встрѣтились другъ съ другомъ.

XI.

На другой день Чемезовъ, однако, не попалъ къ Ольгѣ и заѣхалъ къ ней только чрезъ два дня.

Когда, предварительно постучавъ и получивъ отвѣтъ: „войдите“,—Чемезовъ вошелъ, то въ первую минуту онъ невольно остановился на порогѣ, не зная, идти ему дальше, какъ было позволено, или же подождать, пока и комната, и хозяйка, примутъ болѣе удобный для пріема визитовъ видъ.

Ольга сидѣла на полу, прямо противъ него, предъ раскрытымъ сундукомъ, среди комнаты, и, наклонившись надъ нимъ, вынимала оттуда разныя платья, которыя стоявшая рядомъ съ ней горничная развѣшивала по стѣнамъ и раскладывала по всѣмъ стульямъ и столамъ, и безъ того заваленнымъ уже всевозможными картонками, юбками, лифами и т. п. вещами.

Увидѣвъ Чемезова, Ольга не выказала ни малѣйшаго смущенія, какъ будто бы онъ засталъ ее не въ старомъ, смятомъ халатѣ и на полу, а спокойно сидящую на диванѣ, въ ожиданіи визитовъ, и безупречно одѣтую.

Она на минуту только подняла голову, чтобы взглянуть, кто

вошелъ, и, увидѣвъ его, улыбнулась ему своей привѣтливой улыбкой и торопливо протянула руку.

— Ахъ, это вы! — сказала она, видимо очень довольная его приходомъ:—ну, вотъ умница, что зашли! А мнѣ только-что прислали изъ Москвы мои вещи; я вѣдь, знаете, разсчитывала всего на одинъ только спектакль и ничего съ собой не захватила, а между тѣмъ осталась еще на два,—вотъ и пришлось все выписывать! Вы меня ужъ извините,—я сейчасъ, въ одну минуту, разберусь, а вы садитесь и пейте пока съ Милочкой чай. Ахъ, да, впрочемъ, вы вѣдь другъ друга, вѣрно, ужъ не узнаете теперь,—васъ снова знакомить нужно.

Чемезовъ съ легкимъ недоумѣніемъ поклонился какой-то очень хорошенькой дамѣ, довольно равнодушно оглядѣвшей его всего прелестными синими глазами, похожими на глаза Ольги.

— Помнишь, Милочка, Юрія Чемезова, Сережина товарища; онъ у насъ лѣтъ 12 тому назадъ чуть не каждый день бывалъ?

— Кажется, помню,—сказала та неувѣренно, покачивая головой,—только смутно уже...

— Зато я васъ прекрасно помню!—сказалъ Чемезовъ, пожимая ея маленькую, сіявшую бриллiантами, ручку.—Сразу я тоже васъ не узналъ, но какъ только Ольга Львовна назвала васъ по имени, я сейчасъ же понялъ, кого вижу предъ собою!

— Ну, вотъ и отлично!—сказала Ольга, смѣясь:—напой его за это, Милочка, чаемъ, а я тоже сейчасъ освобожусь.

Но отъ чая Чемезовъ отказался; чрезъ часъ его ждалъ уже обѣдъ, и это, кажется, немного удивило хозяйку.

— Вѣдь я москвичка,—сказала она, точно оправдываясь:—у меня чай никогда со стола не сходитъ!

И уже не обращая на него больше вниманія, она снова принялась за свои вещи. Чемезовъ сѣлъ въ кресло, съ котораго подошедшая горничная наскоро сняла какія-то картонки, небрежно перекинувъ ихъ сейчасъ же на другой стулъ.

Почему-то Чемезовъ совсѣмъ не ожидалъ встрѣтить у Ольги кого-нибудь, и хотя Милочка была такой же близкій членъ Леонтьевской семьи, какъ и сама Ольга, но въ то время, когда онъ бывалъ у нихъ, Милочка была еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, лѣтъ 10—11, и училась въ театральной дирекціи, такъ что онъ даже рѣдко видалъ ее тогда; теперь она почему-то стѣсняла его, и ему было досадно, что при ней ему уже не придется поговорить съ Ольгой такъ, какъ онъ того желалъ, идя сюда. Разговоръ вообще не клеился. Ольга, поглощенная своимъ занятіемъ, перебрасывалась съ нимъ только отрывочными, короткими фра-

зами, а Милочка, не считавшая, вѣроятно, своей обязанностью занимать гостя сестры, ничѣмъ лично для нея не интереснаго, больше молчала, задумчиво слѣдя за ней своими прекрасными, ярко-синими глазами, рѣзко отдѣлявшимися отъ бѣлизны лица и темныхъ пушистыхъ волосъ и бровей.

Чемезовъ машинально смотрѣлъ, какъ Ольга вынимала изъ сундука разныя платья и пестрые, золотомъ тканые сарафаны, которые горничная, принявъ изъ ея рукъ, прежде чѣмъ повѣсить—какъ-то своеобразно приподнимала и встряхивала. Сначала, когда Чемезовъ только-что вошелъ и ему показалось, что онъ попалъ не вò-время, онъ невольно немножко смутился, но теперь онъ не ощущалъ уже больше ни неловкости, ни натянутости, которыя обязательно почувствовалъ бы, еслибы онъ явился такъ некстати съ своимъ визитомъ къ какой-нибудь другой барынѣ.

Напротивъ, хотя хозяйки не только не занимались имъ, но даже почти не обращали на него никакого вниманія, онъ чувствовалъ себя въ ихъ обществѣ такъ просто и спокойно, какъ еслибы бывалъ у нихъ каждый день и давно уже привыкъ бы заставать ихъ какъ и въ чемъ попало.

Онъ только внимательно приглядывался къ Ольгѣ, которая сидѣла предъ нимъ на полу въ какомъ-то старенькомъ турецкомъ капотѣ, съ наскоро, кое-какъ закрученными на затылкѣ волосами, Отъ ея движеній они скоро окончательно сползли и распустились по ея спинѣ пушистой, тяжелой массой, темно-бронзоваго цвѣта, перепутанной тонкими золотистыми нитями.

Его занимало то, что сегодняшняя Ольга опять ничуть не походила ни на вчерашнюю, ни на Ольгу въ „Маріи Стюартъ". Опять въ ней было что-то новое и неожиданное, хотя все такое же простое, естественное и симпатичное, какъ и тогда. Только при свѣтѣ дня она казалась словно старше и желтѣе, и прекрасные глаза ея, въ которыхъ заключалась вся сила и прелесть ея нервнаго лица, глядѣли вяло и утомленно.

Зато сестра ея Милочка сіяла вся молодостью и красотой. Лицомъ своимъ она нѣсколько напоминала Ольгу, но черты ея были гораздо тоньше и красивѣе Ольгиныхъ, хотя и не играли той прелестной выразительностью и подвижностью, какъ у той. Ея маленькая, хорошенькая головка походила на граціозныя головки Грёза. Въ сущности, она сравнительно даже мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Чемезовъ помнилъ ее,—только похорошѣла еще больше, и въ кокетливомъ личикѣ ея словно застыло навсегда что-то дѣтское, наивно-капризное, что̀, впрочемъ, очень шло къ ея легкой, миніатюрной фигуркѣ.

Милочка съ дѣтства считалась самой хорошенькой въ семьѣ и была дома всеобщей любимицей. Впослѣдствіи Чемезовъ слышалъ, что она почему-то изъ московскаго балета перешла на петербургскій и подвизалась здѣсь съ большимъ успѣхомъ, славясь и какъ хорошая танцовщица, а главное, какъ одна изъ самыхъ хорошенькихъ представительницъ его.

— Милочка,—сказала вдругъ Ольга, поднимаясь, наконецъ, съ пола:—не слушай Юрія Николаевича, налей ему все-таки чая, а то онъ соскучится такъ сидѣть и сбѣжитъ пожалуй. Да и мнѣ за-одно.

Чемезовъ засмѣялся на ея забавное желаніе напоить его непремѣнно чаемъ, но, чтобы доставить ей удовольствіе, уже не сталъ отказываться, а Ольга, подойдя къ трюмо, слегка нагнулась и, собравъ въ одинъ толстый жгутъ свои роскошные, длинные волосы, зашпилила ихъ низко на затылкѣ, какъ носила всегда, и слегка покачала головой, точно пробуя, не распадутся ли они опять.

— Когда же вы опять играете?—спросилъ ее Чемезовъ.

— Ахъ, ужъ и не говорите!—сказала она небрежно, скидывая съ кресла какія-то вещи и устало опускаясь въ него.— Съ этими переѣздами да раскладками и укладками такая возня, что, право, не до игры ужъ! И потомъ, по цѣлымъ днямъ народъ, одинъ уходитъ, другой приходитъ,—и приготовиться не дадутъ!

— Это уже по моему адресу,—сказалъ онъ, смѣясь и невольно вынимая часы.

— О, нѣтъ, — возразила она спокойно, ничуть не смутившись:—я не про васъ! Васъ, напротивъ, я и сама все поджидала эти дни; а то вѣдь не повѣрите, за день человѣкъ 20 перебываетъ—и товарищи, и рецензенты, и знакомые, и полузнакомые, и совсѣмъ даже незнакомые; право, есть такіе, что Богъ ихъ знаетъ, кто они и откуда, и зачѣмъ являются! А вѣдь со всѣми надо разговаривать и улыбаться...

— Какъ же вы будете играть завтра, если такъ утомились уже?

— О, это ничего не значитъ! Ужъ я привыкла; другой разъ къ вечеру такъ устанешь, что не только играть—говорить, кажется, не въ состояніи! А пріѣдешь въ театръ, начнешь одѣваться, а главное, выйдешь на сцену—и всю усталость, глядишь, какъ рукой сняло! Вѣдь мы, актеры, народъ нервный, „нутромъ живемъ“, какъ говоритъ Сергѣй... Ну вотъ, видите!—прервала она себя вдругъ съ досадой:—опять стучатъ! Войдите!—крикнула она нетерпѣливо, почти сердито.

Дверь отворилась, и вошли два господина: одинъ—толстый, высокій, съ бритой актерской физіономіей, безпощадно изуродованной оспой—ввалился грузно, громко отдуваясь на ходу, а другой, какъ-то робко и сконфуженно прятавшійся за спиной перваго, къ полному изумленію Чемезова, оказался тѣмъ самымъ Полемъ, котораго бѣдная мамаша такъ усердно и тревожно оберегала третьяго дня отъ „этой ужасной женщины"; а сегодня онъ умудрился уже попасть какъ разъ къ этой самой ужасной женщинѣ!

При видѣ Чемезова, физіономія Поля вдругъ вся вытянулась и приняла растерянно-испуганное выраженіе.

— Вотъ, Олечка,—заговорилъ бритый господинъ тѣмъ хорошо знакомымъ всѣмъ голосомъ, по которому Чемезовъ сейчасъ же узналъ въ немъ одного изъ любимцевъ петербургской сцены, котораго до сихъ поръ онъ видѣлъ только на сценѣ.—Привезъ тебѣ новаго поклонника, милая; т.-е., собственно говоря, привезъ-то не я его, а онъ меня; я-то ужъ отбояривался, отбояривался, да ничего съ нимъ не подѣлаешь,—вези да и только! Совсѣмъ вѣдь, милая, юнецъ изъ-за тебя ума рѣшился!

Ольга безучастно,—вовсе, кажется, не обрадованная новымъ поклонникомъ,—взглянула на „юнца", стоявшаго, видимо, какъ на горячихъ угольяхъ и, съ одной стороны, восхищеннаго до блаженства знакомствомъ съ знаменитой актрисой, а съ другой—совсѣмъ растерявшагося отъ неожиданной встрѣчи съ Чемезовымъ, хорошо знакомымъ не только съ его папашей, но даже и съ мамашей!

— Очень пріятно,—процѣдила ему сквозь зубы Ольга, едва взглядывая на него, но зато съ Барсуковымъ ласково цѣлуясь.

Въ первую минуту этотъ поцѣлуй немного озадачилъ Чемезова; но и она, и Барсуковъ сдѣлали это такъ просто, что онъ невольно понялъ, что для нихъ, старыхъ товарищей, поцѣлуй этотъ былъ, вѣроятно, такъ же простъ и обыкновененъ, какъ для него пожатіе руки.

— Ты, Олечка, меня ужъ покорми только, милая!—попросилъ Барсуковъ своимъ смѣшнымъ голосомъ, когда, послѣ взаимнаго представленія съ Чемезовымъ, грузно усѣлся въ кресло, слегка даже затрещавшее подъ нимъ:—а то, признаться, сей нетерпѣливый юнецъ не далъ мнѣ даже и червячка какъ слѣдуетъ заморить! Все упрашивалъ: поѣдемъ, да поѣдемъ скорѣе, а то, говоритъ, папаша съ мамашей обѣдаютъ ровно въ шесть, и мамаша сердиться будетъ, коли я, говоритъ, запоздаю.

Поль краснѣлъ и конфузился, стараясь въ то же время элегантно и съ достоинствомъ вертѣть свою трехуголку, и то съ пріятной

улыбкой взглядывалъ на Ольгу и Милочку, то безпокойно косился на Чемезова, присутствіе котораго совершенно связывало его.

— Ну, а я поѣду!—объявила вдругъ Милочка, поднимаясь и подходя къ зеркалу, предъ которымъ кокетливо и видимо любуясь своимъ отраженіемъ, всегда немного умилявшимъ ее, стала надѣвать шляпу.

Но Барсуковъ почему-то ужасно всполошился, увидя, что она хочетъ уходить, и не пускалъ ее.

— Ты бы лучше съ нами покушала, милая! тутъ поваръ, я знаю, превосходный,—уговаривалъ онъ ее, стаскивая съ нея насильно перчатки.—Оленька на сегодняшній день произведетъ меня въ свои метръ-д'отели, и я вамъ такой обѣдъ закажу, что вы всѣ пальчики оближите. Ну полно, оставайся, милая!

— Нельзя,—сказала Милочка, лукаво улыбаясь, и, слегка наклонившись къ уху Барсукова, прибавила ему тихо, но все-таки такъ, что и всѣ другіе слышали:—Ардальонъ Михайловичъ дожидается!

— А! ну, поѣзжай, поѣзжай, коли такъ,—вѣдь это тоже папаша своего рода, бранить будетъ!—согласился Барсуковъ, смѣясь и какъ-то лукаво подмигивая.

— Ахъ, возмутительный!—крикнула Милочка и, приподнявшись на цыпочки, закрыла ему ротъ своей маленькой продушенной собольей муфточкой.

— Вѣдь мы еще увидимся?—тихо спросила Ольга у Чемезова, увидѣвъ, что онъ тоже берется за шляпу:—приходите какъ-нибудь вечеркомъ, ну, хоть въ субботу, я свободна и никого не будетъ,—прибавила она, точно немного оправдываясь предъ нимъ за всю эту компанію, которую онъ засталъ, придя исключительно для нея, и чувствуя, что она совсѣмъ не нравится ему.

Онъ поклонился, но сказалъ, что не ручается, хотя и постарается, если ничто не задержитъ.

— Приходите!—повторила она какъ-то грустно, смотря на него:—мнѣ будетъ такъ жаль уѣхать отсюда, не повидавшись съ вами больше!

Всѣ поднялись, и бѣдный Поль тоже осторожно, видимо ожидая, что его оставятъ, взялся за свою треуголку, но его никто не приглашалъ остаться, и онъ по-неволѣ, смущенно раскланявшись со всѣми, вышелъ тоже въ переднюю.

Милочка, идя по передней, все приподнималась на цыпочки, чему-то лукаво смѣясь, шепталась съ Барсуковымъ, на что онъ отвѣчалъ ей какими-то таинственными, многозначительными мычаньями и каламбурами.

— А вы бы, молодой человѣкъ,—обратился онъ вдругъ къ растерянному Полю, когда они вышли въ маленькую переднюю,—помогли бы дамѣ ея бурнусы надѣть, а то я для этакой работы и старъ, и толстъ ужъ сталъ, такъ что мнѣ нагибаться-то и вредно, доктора запретили!

— Ахъ, я очень счастливъ!—пробормоталъ Поль, и дѣйствительно съ восторгомъ бросился къ Милочкинымъ галошамъ, такъ какъ роскошную бархатную темно-зеленую ротонду она успѣла уже надѣть съ помощью Чемезова, а Барсуковъ, стоя рядомъ съ Ольгой въ дверяхъ, вдругъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ ее въ голову.

— Ахъ, Олечка! Олечка,—сказалъ онъ, печально вздыхая:—какъ подумаешь только, что больше года тебя не видалъ! да и теперь уѣдешь... когда опять-то увидимся!

Ольга съ дружеской лаской пожала его толстую руку, нѣжно обвивавшую ея талію, и довѣрчиво прижалась къ его плотной, могучей фигурѣ.

Но въ ту минуту, когда Чемезовъ уже растворилъ дверь, пропуская впередъ себя Милочку, онъ вдругъ почти столкнулся на порогѣ съ маленькимъ, сѣдымъ старичкомъ, въ золотыхъ очкахъ, закутаннымъ въ огромную медвѣжью шубу и шапку, при видѣ котораго со всѣхъ сторонъ раздались радостныя восклицанія, а Ольга, вся оживившись и даже порозовѣвъ отъ удовольствія, подбѣжала къ нему и крѣпко обняла его поверхъ шубы.

Чемезовъ тоже прекрасно зналъ этого старичка,—когда-то онъ самъ былъ его ученикомъ. Это былъ одинъ изъ профессоровъ—теперь петербургскихъ, а раньше московскихъ, и почему-то его знала чуть не вся Москва и пол-Петербурга, зовя его просто: Яковъ Дементьевичъ.

Чемезовъ, увидѣвъ старика, невольно остановился на порогѣ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на доброе, старчески-розовое и пріятное лицо своего бывшаго профессора, который тоже, какъ и Леонтьевы, напоминалъ ему его первую молодость, и съ которымъ онъ всегда очень любилъ встрѣчаться и до сихъ поръ еще изрѣдка бывалъ у него. Но теперь Ольга совсѣмъ завладѣла имъ и, что-то быстро и радостно говоря ему, разоблачала его изъ его огромной шубы и безконечныхъ пестрыхъ вязаныхъ шарфовъ, въ которые онъ былъ укутанъ.

— Вотъ и отлично! нашего полка прибыло!—отъ души, весь сіяя своимъ широкимъ рябымъ лицомъ, радовался Барсуковъ:—Яковъ Дементьевичъ, вѣдь вы, батюшка, съ нами обѣдать-то будете? Ужъ не огорчайте насъ, родной, не отказывайтесь!

— Да зачѣмъ отказываться! Коли накормите, отчего же не пообѣдать; въ хорошей компаніи и выпить можно, не то что пообѣдать!—сказалъ добродушно Яковъ Дементьевичъ и, разоблачившись, наконецъ, отъ всѣхъ своихъ шарфовъ и высокихъ галошъ, еще разъ со всѣми поздоровался и перецѣловался.

XII.

— Ну, Бурсанька, заказывай обѣдъ! — крикнула весело Ольга:—корми насъ на славу!

— Да ужъ останетесь довольны! на радостяхъ даже и шипучую можно! Ужъ кутить, такъ кутить! Знай нашихъ малиновцевъ!

И Барсуковъ, больше всего на свѣтѣ любившій вкусно поѣсть и выпить и особенно въ компаніи, тутъ же поймалъ пробѣгавшаго по корридору человѣка и принялся, презрительно отвергнувъ сначала его мэню, заказывать свое собственное,—и дѣлалъ это съ такимъ смакомъ и вкусомъ, что всѣмъ невольно захотѣлось ѣсть, и даже самъ равнодушный и тупой на видъ татаринъ улыбался, смотря на его одушевившуюся, лоснящуюся физіономію.

— Да ты понимаешь ли?—озабоченно и строго спрашивалъ онъ у ухмылявшагося татарина.

— Зачѣмъ не понимать! Все сдѣлаемъ, какъ прикажете!

— То-то, братецъ, смотри не перепутай!

— А давно мы съ вами, Яковъ Дементьевичъ, не видались!—сказалъ Чемезовъ старику, снова возвращаясь вмѣстѣ со всѣми изъ передней въ комнату.

— Да, давненько! годика полтора, должно быть, будетъ; что съ вами подѣлаешь,—всѣ вы таковы: съ глазъ долой—и изъ сердца вонъ!

— Оставайтесь у насъ обѣдать!—ласково сказала Ольга, подходя къ Чемезову и беря отъ него шляпу.

Чемезовъ привыкъ обѣдать или въ клубѣ, или у сестры, и разъ привыкнувъ къ заведенному порядку, который постепенно, незамѣтно для него самого, становился его второй натурой, не любилъ отступать отъ него даже въ мелочахъ; но при видѣ Якова Дементьевича и Ольги, стоявшей рядомъ съ нимъ, на него опять пахнуло такой стариной, что ему самому захотѣлось остаться тутъ вмѣстѣ съ ними, и онъ невольно отдалъ Ольгѣ свою шляпу и согласился—къ полному ея удовольствію.

— А знаете что̀!—воскликнула вдругъ Милочка, сбрасывая съ себя ротонду:—я тоже съ вами останусь!

— Вотъ умница!—обрадовался Барсуковъ, покончившій, наконецъ, свои объясненія съ татариномъ:—что̀ хорошо, то всегда хорошо, и намъ веселѣе, да и тебѣ не скучно будетъ.—И отъ удовольствія, что она осталась и ихъ будетъ еще больше, онъ даже самъ, кряхтя и охая, стянулъ съ ея хорошенькихъ ножекъ теплыя галоши, видимо считая это огромной жертвой для себя и большой наградой для нея. Барсуковъ былъ не особенно доволенъ тѣмъ, что Ольга оставила обѣдать Чемезова. Обыкновенно, онъ легко и скоро не только сходился, но даже дружился съ людьми и рѣдко стѣснялся съ посторонними, но Чемезовъ почему-то былъ ему непріятенъ и стѣснялъ его. Онъ чувствовалъ, что это „не ихъ поля ягода", и что тотъ, въ свою очередь, глядитъ на всѣхъ ихъ нѣсколько свысока и недоброжелательно, какъ ему казалось, а Барсуковъ, какъ любимецъ публики, привыкъ, чтобы его вездѣ любили и ласкали. Чемезовъ слегка раздражалъ его, и онъ нарочно, чтобы показать ему, что онъ ничуть не желаетъ сдерживать себя для него и обращать на него вниманіе, принималъ на себя еще болѣе безцеремонный тонъ и манеру, которые, какъ ему казалось, шокируютъ Чемезова. Съ приходомъ Якова Дементьевича всѣ оживились и заговорили разомъ, перебивая другъ друга, а Барсуковъ даже принялся для чего-то собственноручно накрывать столъ, выдвинувъ его предварительно на середину комнаты.

Дамы увлеклись его затѣей и помогали ему, но дѣлали это такъ неудачно и неумѣло, что только мѣшали ему, и онъ безцеремонно гналъ ихъ прочь. Милочка совсѣмъ вошла въ роль хорошенькой субретки и, повязавъ себѣ вмѣсто передника какой-то бѣлый шолковый платокъ, засучила свои нарядные рукава, обнаружившіе ея прекрасныя, словно выточенныя изъ слоновой кости руки, и бѣгала, смѣясь и дурачась, вокругъ стола съ тарелками и ножами, поминутно падавшими у нея изъ рукъ.

Яковъ Дементьевичъ и Чемезовъ съ улыбкой смотрѣли на ихъ возню, и Чемезову было какъ-то и странно, и забавно видѣть себя въ этомъ обществѣ, которое и интересовало, и коробило его въ то же время своими выходками.

— А что, Юрій Николаевичъ, не помочь ли и намъ имъ? безъ насъ-то у нихъ дѣло, кажись, не сладится?—сказалъ Яковъ Дементьевичъ, невольно развеселившійся отъ звонкаго хохота Милочки и комичнаго неудовольствія Барсукова.

И поднявшись съ кресла, онъ тоже нацѣпилъ на себя сал-

фетку и, отобравъ отъ Милочки ножи и вилки, принялся съ серьезнымъ видомъ, но, дурачась на перегонку съ ней, помогать Барсукову въ его затѣѣ.

Кончилось тѣмъ, что Милочка-таки разбила, какъ и предсказывалъ ей Барсуковъ, всѣ тарелки, разомъ уронивъ ихъ; это привело ее вдругъ въ такой восторгъ, что она тоже упала на полъ и, подбирая ихъ разбитые осколки, хохотала до слезъ.

— Ну, что̀ я тебѣ говорилъ!—кричалъ Барсуковъ съ полнымъ торжествомъ и негодованіемъ:—ужъ сидѣла бы лучше, матушка, да глядѣла бы себѣ въ зеркало! А то тоже столъ вздумала накрывать!—вѣдь это не то, что у васъ тамъ въ балетѣ ножками дрыгать!

Но Милочка только сильнѣе заливалась, хохотала и кричала, почти задыхаясь, что она умретъ, если Барсуковъ не перестанетъ такъ браниться. Ольга звала на помощь какую-то Настю, вѣроятно, свою горничную, но та гдѣ-то пропала и явилась только на десятый зовъ своей барыни, и когда, наконецъ, вошла, то, къ удивленію Чемезова, вмѣсто того, чтобы подобрать черепки, вдругъ остановилась на порогѣ, чѣмъ-то радостно пораженная.

— Матушка, Пресвятая Богородица, да у насъ Яковъ Дементьевичъ сидитъ! а я, дура, и не знала!—воскликнула она, нисколько, повидимому, не смущаясь присутствіемъ гостей и хозяевъ. Яковъ Дементьевичъ, увидѣвъ ее, тоже почему-то очень обрадовался и, поднявшись съ пола, подошелъ къ ней и, обнявъ ее, троекратно облобызалъ ее въ обѣ щеки.

— Я, Настенька, я, матушка!—говорилъ онъ, ласково трепля ее по полному плечу:—вотъ пришелъ на дочку поглядѣть.

— А это-то что же?—спросила Настенька, ни къ кому собственно не обращаясь и указывая головой на битыя тарелки.

— А это вотъ балетчица ваша натворить все изволила,—сказалъ Барсуковъ, сердито разставляя по столу рюмки и стаканы.

— Ну, что-жъ,—спокойно рѣшила Настенька: — съ нихъ и взыскивать будемъ.

Настенька была полная, высокая женщина, лѣтъ за сорокъ, съ плутовато-пріятнымъ лицомъ, видимо очень веселая, словоохотливая и добродушная, хотя и сильно себѣ на умѣ. Она живо подобрала всѣ осколки въ свой передникъ, тутъ же на ходу подняла и поставила къ мѣсту какія-то картонки; обчистила платье поднявшейся, наконецъ, съ пола, но все еще не вполнѣ успокоившейся Милочки, которая вытирала тоненькимъ, надушонньмъ платкомъ свое раскраснѣвшееся личико и глаза.

— Запишите, мусью, на нашъ счетъ, — сказала Настенька,

увидѣвъ входящаго съ подносомъ, уставленнымъ разными закусками, татарина и небрежно передала ему битые черепки.

Вскорѣ всѣ, къ полному удовольствію проголодавшагося Барсукова, усѣлись обѣдать.

Ольга посадила подлѣ себя съ одной стороны Якоза Дементьевича, съ другой—Чемезова, а Милочка усѣлась напротивъ нихъ и зеркала, рядомъ съ Барсуковымъ, и перехватывала у него изъ рукъ пирожки и бутерброды, которые онъ приготовлялъ для себя.

Настенька осталась тутъ же и встала, сложивъ руки на своей полной груди, за стуломъ Милочки, гдѣ ей было виднѣе Якова Дементьевича, съ которымъ они другъ къ другу, кажется, очень благоволили.

— Ну, что-жъ, батюшка,—спросила она его,—когда-жъ къ намъ въ Москву опять побываете?

— Да ужъ раньше весны не попасть, милая!

— И совсѣмъ вамъ не слѣдовало въ Петербургъ переходить,—сказала она вдругъ, сокрушенно о чемъ-то вздыхая:—ну, что за городъ такой? одни нѣмцы, прости Господи, по улицамъ бѣгаютъ! То ли дѣло, Москва-матушка!

— Настенька у насъ вѣрный патріотъ своего отечества!—сказалъ, посмѣиваясь, Барсуковъ, съ удовольствіемъ смаковавшій маленькій, таявшій у него во рту, пирожокъ съ шампиньонами.

— А какъ же иначе!—воскликнула Настенька съ полнымъ убѣжденіемъ:—каждому свое мило; я еще удивляюсь только, какъ это здѣсь люди по русски-то говорить вовсе не разучатся! Гдѣ ни послушаешь, все по-нѣмецки лопочутъ! Вотъ и кушанья опять взять—ну, что это за ѣда такая: тюрбы да тортю разные! ни сытъ съ него не будешь, ни удовольствія тебѣ отъ него никакого,—такъ только, названья одни. А у насъ, въ Москвѣ, подали бы вамъ теперь соляночку изъ бѣлорыбицы и стерлядочекъ да растегайчиковъ бы парочку, да поросеночка въ сметанѣ, либо съ кашей, такъ не въ примѣръ бы лучше этого непутеваго тортю было бы! Оттого тутъ люди-то все жидкіе такіе, никакой комплекціи не имѣютъ.

— Философъ тоже!—засмѣялся Яковъ Дементьевичъ, сочувствовавшій ей въ душѣ и до сихъ поръ все еще скучавшій по своей излюбленной Москвѣ.

— А вотъ, Настя, я скоро совсѣмъ сюда переѣду,—сказала Ольга, поддразнивая свою камеристку.

— Никогда этого не будетъ!—возразила та спокойно.—Чего мы тутъ забыли? Намъ съ вами и тамъ хорошо: публика насъ любитъ, товарищи тоже, семейство все тамъ; въ Москвѣ-матушкѣ,

родились, въ ней, кормилицѣ, выросли, тамъ и помирать, Ольга Львовна, будемъ.

— А говорить-то все по старому,—замѣтилъ, смѣясь, Барсуковъ:—„мы да насъ"! Ну, что, Настенька, хорошо ли „васъ" вчера публика принимала?

— Насъ, батюшка, публика завсегда хорошо принимаетъ! Слава Тебѣ, Господи, нигдѣ еще не срамились!

Настенька видимо была тутъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ; съ ней всѣ шутили, всѣ разговаривали, и она очевидно привыкла къ тому, какъ къ должному, но все-таки держала себя тактично, не зазнавалась, и хотя ни разговорами, ни отвѣтами никогда не стѣснялась, но голосъ у нея былъ пріятный и ласковый, съ слегка пѣвучею московскою манерой, и даже рѣзкія слова выходили у нея какъ-то добродушно и пріятельски.

Чемезовъ не помнилъ ее,—должно быть, она поступила къ Леонтьевымъ уже послѣ его отъѣзда изъ Москвы,—но онъ приглядывался къ ней съ интересомъ и любопытствомъ, которые возбуждало въ немъ, впрочемъ, почти все въ этой семьѣ.

— Вѣдь моя Настя — это замѣчательный типъ, — сказала Ольга тихо Чемезову, замѣтивъ, что онъ внимательно смотрѣлъ на ея горничную: — во-первыхъ, она также почти всю жизнь провела при театрѣ; я взяла ее къ себѣ девять лѣтъ тому назадъ, послѣ смерти нашей знаменитой Б., а къ той она еще дѣвочкой попала!

— Да, особа типичная,—сказалъ, смѣясь, Чемезовъ.

— Нѣтъ,—сказала Ольга, чувствуя, что ея Настя не очень почему-то симпатична Чемезову:—она отличная и преданная по-собачьи—такихъ теперь уже немного—только плутъ страшный! Но это ничего, ее все-таки всѣ очень любятъ!—Вдругъ Ольга прервала самоё себя и какъ-то странно взглянула на него.

— Послушайте, — спросила она тихо, наклонясь къ нему, пока другіе смѣялись съ Настасьей:—вы не раскаяваетесь, что остались?

— Напротивъ,—сказалъ онъ, слегка удивляясь на ея откровенный вопросъ, къ которому совсѣмъ не приготовился:—артисты — такой интересный кружокъ!

— Ну, нѣтъ, это не то!—воскликнула она, слегка морщась отъ его фальшивой, натянутой нотки:—а мы просто хорошіе!—и она сама засмѣялась своей похвалѣ, невольно вырвавшейся у нея.— Вы не удивляйтесь, что я хвалю почти самоё себя. Но, право, это такъ; конечно, въ насъ много недостатковъ и такихъ, которые должны коробить такихъ людей, какъ „вы", т.-е. такихъ,

вѣрнѣе, какимъ вы стали. Прежде вѣдь вы были тоже нашъ! А теперь мы вамъ даже немного непріятны! Правду вѣдь я говорю?—спросила она горячо, смотря ему прямо въ глаза, точно заставляя его признаться.

— Правду,—отвѣтилъ онъ тихо, слегка смущаясь и оттого, что долженъ былъ отвѣтить ей такъ рѣзко, и оттого, что она дѣйствительно была права, утверждая это.

— Ну, вотъ видите! А мнѣ почему-то хочется вернуть васъ! Мнѣ почему-то странно и грустно думать, что вы стали намъ совсѣмъ чужой!

— Жаль, что вы не въ Петербургѣ живете!—задумчиво сказалъ Чемезовъ, отвѣчая какъ будто совсѣмъ не на ея слова.

Она вдругъ замолчала и нѣсколько мгновеній молча смотрѣла на него, думая о чемъ-то про себя.

— Нѣтъ, жаль скорѣй, что вы не въ Москвѣ!—сказала она немного грустно:—а я вѣдь въ сущности совсѣмъ не подхожу къ вашему Петербургу. Я вѣдь тоже патріотъ своего отечества! — разсмѣялась она, показывая глазами на Настеньку.

XIII.

— Ну, я такъ и зналъ, что Людмила Львовна здѣсь засидится!—раздался вдругъ съ другого конца комнаты совершенно неожиданно чей-то новый голосъ, и на порогѣ двери появился какой-то изящный господинъ, съ длинными сѣдыми баками, въ франтовскомъ пальто и цилиндрѣ и съ тросточкой подъ мышкой. Всѣ обернулись въ его сторону, а Милочка чуть-чуть покраснѣла и разсмѣялась.

— А я, Ардальонъ Михайловичъ,—воскликнула она въ тонъ ему,—такъ и знала, что вы непремѣнно явитесь сюда разыскивать меня.

— Мы, батюшка, за трапезой; присоединяйтесь-ка къ намъ! —закричалъ ему Барсуковъ, раздвигая между собой и Милочкой просторное мѣсто,

— Да помилуйте,—жаловался Ардальонъ Михайловичъ, снимая пальто и перчатки и подходя къ рукѣ хозяйки:—вѣдь это только одна Людмила Львовна способна сдѣлать! Позвала меня обѣдать, я пріѣхалъ; сижу, жду, жду—ни обѣда, ни хозяйки! Наконецъ ужъ пріѣзжаетъ кучеръ и объявляетъ, что Людмила Львовна обѣдать не пріѣдутъ, такъ какъ остались у сестрицы. Каково теперь положеніе гостя, пріѣхавшаго на обѣдъ!

— Да, батюшка,—сказалъ, сочувственно покачивая головой, Барсуковъ:—незавидное! ну, да она у насъ еще и не на то, голубушка, способна.—Но Милочка хохотала, находя, повидимому, все это происшествіе не столько неловкимъ, сколько забавнымъ.

— Увѣряю васъ, вы отъ этого въ проигрышѣ не останетесь,—говорила она, смѣясь:—право, намъ съ вами будетъ тутъ гораздо веселѣе, чѣмъ было бы у меня дома вдвоемъ!

— Позвольте, однако, Люд...

— Позвольте, однако, познакомить васъ, Ардальонъ Михайловичъ,—прервала его Ольга, указывая на Чемезова:—Юрій Николаевичъ Чемезовъ—Ардальонъ Михайловичъ Донецъ-Гонскій!

— Весьма пріятно!—сказалъ Ардальонъ Михайловичъ, дѣлая изящный поклонъ, полный и собственнаго достоинства, и любезной готовности завязать новое знакомство.

Мужчины подали другъ другу руки, и Ардальонъ Михайловичъ занялъ свое мѣсто, по дорогѣ кинувъ Настенькѣ очень ласково: „здравствуйте, Настюша! какъ поживаете?"

Чемезову не разъ случалось уже слышать про Донецъ-Гонскаго, какъ про одного изъ крупныхъ петербургскихъ дѣльцовъ, истинную профессію которыхъ вполнѣ точно опредѣлить всегда нѣсколько трудновато. Ардальонъ Михайловичъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти съ небольшимъ, прекрасно сохранившійся, несмотря на сильную сѣдину и лысину, всегда изящный и галантный, страстный поклонникъ и женщинъ, и картъ, и вина, и многихъ другихъ не менѣе пріятныхъ вещей. Ардальона Михайловича можно было встрѣтить вездѣ: и на биржѣ, и на Невскомъ, и въ балетѣ, и въ клубахъ, и на скачкахъ, и въ ресторанахъ, и на всѣхъ первыхъ представленіяхъ и бенефисахъ; въ продолженіе дня его сани или коляска, смотря по времени года, носились изъ одного конца города въ другой, и его элегантная фигура, съ сіяющимъ всегда довольствомъ и пріятной улыбкой лицомъ мелькала то тутъ, то тамъ, какъ какой-то блестящій метеоръ.

Одни говорили, что у него огромное состояніе, а другіе—что у него нѣтъ ничего, кромѣ вѣчныхъ долговъ и дутыхъ аферъ; но какъ бы тамъ ни было, а Ардальонъ Михайловичъ жилъ на широкую ногу, занималъ великолѣпную квартиру, держалъ отличныхъ, лучшихъ въ городѣ, лошадей, задавалъ дорогіе вечера и обѣды и ухаживалъ за всѣми модными актрисами, поднося имъ букеты и подарки. Онъ былъ женатъ, но жена его, женщина болѣзненная, рѣдко гдѣ показывалась и мало чѣмъ мѣшала ему, лечась то за границей на водахъ, то проживая гдѣ-то въ деревнѣ и только изрѣдка наѣзжая

въ роскошную квартиру своего супруга. Ни для кого не была тайной связь его съ Милочкой Леонтьевой; ею онъ любилъ даже щегольнуть въ обществѣ, какъ самой хорошенькой женщиной балета, которая вслѣдствіе того стоила ему очень больших денегъ; тѣмъ не менѣе въ обществѣ они всегда строго выдерживали тонъ просто хорошихъ знакомыхъ, и Чемезовъ при видѣ его, вспомнивъ вкратцѣ всю его біографію и даже то, что онъ жилъ съ какой-то балетной, вдругъ понялъ только теперь, что это и была именно Милочка; такое открытіе было ему крайне непріятно и даже больно.

Она, дочь покойнаго Леонтьева, котораго обожала вся Москва и котораго самъ онъ такъ глубоко уважалъ и любилъ—блестящая содержанка г-на Донецъ-Гонскаго! И этотъ господинъ, несимпатичный ему и раньше, сталъ ему теперь окончательно непріятенъ и даже противенъ.

Все его оживленіе и добродушное настроеніе, бывшее въ немъ съ начала обѣда, слетѣло послѣ этого, и онъ сдѣлался молчаливъ и угрюмъ—и уже не только одинъ Ардальонъ Михайловичъ, но и все это общество, въ которое онъ, неизвѣстно для чего, попалъ, стало ему совсѣмъ непріятно и раздражало своимъ смѣхомъ, шутками и манерами. Даже къ самой Ольгѣ зародилось въ немъ какое-то непріязненное чувство.

„Почёмъ знать, — можетъ быть и у нея въ Москвѣ остались свои Ардальоны Михайловичи? Да и почему бы она должна быть нравственнѣе своей сестры!"—думалось ему невольно.

Онъ подозрительно посматривалъ на ея бриллiанты въ ушахъ и на рукахъ, которыхъ не замѣтилъ раньше, а теперь все это принимало въ глазахъ его видъ оскорбительныхъ для нея доказательствъ.

Мысль объ ея виновности была ему несравненно больнѣе и непріятнѣе, чѣмъ мысль о виновности Милочки, которая все-таки была для него гораздо дальше, чѣмъ Ольга, такъ слившаяся съ его молодостью и воспоминаніями о ней... И эти чистыя воспоминанія какъ бы грязнились и отравлялись для него теперь двусмысленнымъ ея настоящимъ, за которое онъ не могъ уже поручиться, какъ когда-то поручился бы за честность и благородство ея отца, память котораго, какъ ему теперь казалось, она не умѣла достойно поддерживать. Онъ сидѣлъ хмуро, почти не принимая больше участія въ общемъ разговорѣ, а между тѣмъ другіе дѣлались все оживленнѣе и веселѣе.

Ардальонъ Михайловичъ мастерски разсказывалъ какіе-то, нѣсколько рискованные при дамахъ, анекдоты и смѣшилъ всѣхъ до

упаду; даже Яковъ Дементьевичъ, вытирая изъ-подъ очковъ катившіяся слезы, покатывался со смѣху своимъ старческимъ хохотомъ, переходившимъ поминутно въ удушливый кашель.

Ольга нѣсколько разъ пробовала втянуть въ общее оживленіе Чемезова, но видя, что это не удается, рѣшилась, повидимому, оставить его въ покоѣ и, уже не обращаясь къ нему больше, смѣялась и говорила съ другими. Варсуковъ всѣмъ подливалъ вина и къ общему удовольствію заставилъ выпить бокалъ шампанскаго даже и Настеньку, долго отнѣкивавшуюся только изъ приличія. Чемезовъ самъ почти не пилъ, и невольно удивлялся тому страшному количеству шампанскаго и даже водки, которое уничтожали, точно въ перегонку другъ съ другомъ, Барсуковъ съ Ардальономъ Михайловичемъ, который оставался, впрочемъ, все столь же элегантнымъ, какъ и всегда. Даже Милочка, вся раскраснѣвшаяся и смѣявшаяся еще больше и звонче, выпила три бокала шампанскаго, отчего, казалось, только еще хорошѣла, а для Чемезова дѣлалась все непріятнѣе, и онъ внимательно смотрѣлъ, пьетъ ли Ольга свое шампанское. Передъ ней стояли полные рюмки и бокалы, въ которые ей усердно подливали Барсуковъ и Ардальонъ Михайловичъ; хотя она почти не прикасалась къ нимъ, но лицо ея все-таки горѣло и глаза блистали, какъ у Милочки. Въ ней тоже чувствовалось легкое возбужденіе, но не отъ вина, а отъ того всеобщаго оживленія, которое уже само по себѣ слегка какъ бы опьяняло ее.

Разговоръ, вертѣвшійся до сихъ поръ больше на двусмысленныхъ анекдотахъ Ардальона Михайловича, которые Чемезовъ почти не слушалъ, занятый своими непріятными наблюденіями и мыслями, перешелъ въ горячій споръ, начало котораго онъ не замѣтилъ, поймавъ его только съ того момента, когда Ольга вдругъ горячо воскликнула:

— Какъ это можно „привить" талантъ! Талантъ рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, вмѣстѣ съ его душой, съ его глазами, которые даются ему природой! Какъ вы дадите человѣку зрѣніе, когда онъ родился слѣпымъ? Какъ же можно „привить" талантъ, даръ Божій, если его ужъ не вложилъ самъ Богъ?!

Но Ардальонъ Михайловичъ протестовалъ.

— Да помилуйте,—кричалъ онъ, тоже увлекшись:—вотъ вамъ лучшій примѣръ: это—Танюша, про которую я только-что вамъ разсказывалъ. Ну, понимаете, женщина была почти безграмотная, говорила: „колидоръ" и „пѣльты",—да она, впрочемъ, и сейчасъ почти такъ же говоритъ,—а вотъ насмотрѣлась въ продолженіе пяти лѣтъ на свою барыню и разныхъ француженокъ, у которыхъ служила,

заучила отъ нихъ кое-что, понатерлась за кулисами, и теперь, поглядите, всѣхъ ихъ затерла! А отчего, позвольте васъ спросить? —просто отъ того, что попалась въ руки умному человѣку, сложена великолѣпно, снаровка имѣется, мордашка препикантная,—курноса немного, ну, да это ничего, сходитъ,—голосъ звонкій, немножко, правда, визгливый, какъ вообще у всѣхъ горничныхъ, но и это тоже ничего...

— Тоже сходитъ,—посмѣялся Барсуковъ.

— Тоже сходитъ!—махнулъ рукой Ардальонъ Михайловичъ. —Нѣтъ, mon cher, вы представьте себѣ положеніе Черновой! Каково вамъ покажется—уступать мѣсто-то собственной горничной! Да какъ еще! и съ публикой, и съ антрепренеромъ, и съ поклонниками вмѣстѣ!

— Ну, что же это доказываетъ?—воскликнула запальчиво Ольга, которая, разъ разгорячившись, не могла уже скоро успокоиться.—Именно и доказываетъ только, что у этой вашей Танюши съ самаго рожденія таился талантъ, а развернулся только теперь, когда...

— Да помилуйте,—прервалъ ее Ардальонъ Михайловичъ:—какіе тамъ таланты! Просто обучили дѣвчонку уму-разуму, а талантовъ и теперь никакихъ не имѣется; да позвольте, къ чему они, когда...

— Когда и такъ сходитъ!—докончилъ за него съ хохотомъ Барсуковъ.

— Да и какъ вѣдь сходитъ-то еще, голубчикъ! Съ ума просто весь театръ сводитъ! Всѣ туда кинулись; Березниковъ на нее, говорятъ, ужъ сто тысячъ ухлопалъ! А вѣдь подобное безуміе всегда, знаете, заразительно! Одинъ ухлопалъ, ну и другому сейчасъ же хочется,—тоже конкурренція вѣдь своего рода; прошлый разъ вышла она въ трико какого-то поразительнаго цвѣта! какого собственно, и не растолкуешь! всѣ даже ахнули—ну и сейчасъ, конечно, громъ рукоплесканій!..

— Да позвольте, господа,—воскликнула Ольга уже съ полнымъ негодованіемъ:—вѣдь мы о талантѣ говорили, а не о трико! Зачѣмъ же вы трико, необычайнаго какого-то тамъ цвѣта, талантомъ называете?

— Мы не называли, мы...

— Но приравниваете—это все равно! вѣдь это же поруганіе искусства, просто святотатство какое-то!

— Да вы, Ольга Львовна, вѣдь вообще оперетки не признаете, я знаю это! — сказалъ, посмѣиваясь надъ ея жаромъ, Ардальонъ Михайловичъ.

— Да, конечно, если вся оперетка сводится на вопросъ о трико, то, конечно, не признаю, и, какъ актриса, сама стыжусь даже, что оперетка стала тоже одной изъ отраслей искусства!

— Она и балета вѣдь не признаетъ! — насмѣшливо сказала Милочка, тоже какъ будто задѣтая сестрой.

— Нѣтъ, признаю, и даже очень люблю его, только, конечно, опять-таки не по вопросу о трико и длинѣ юбокъ балеринъ! Да я и оперетку даже признаю, только въ ея первоначальной идеѣ, какъ остроумную сатиру на общественные нравы, а не какъ балаганный, пошлый фарсъ, какой изъ нея сдѣлали теперь, и который вамъ нравится только потому, что бьетъ васъ по чувственности!

— Да ты, Оленька, забываешь самое главное,—насмѣшливо заговорилъ Барсуковъ:—что по нынѣшней публикѣ игра на чувственность—самое правильное дѣло! Потому прежде старались дѣйствовать на душу, умъ, сердце, ну, а нынче-то эти высокіе предметы у большинства публики въ безсрочномъ отпуску находятся, а чувственность-то у каждаго при себѣ имѣется!—И онъ вдругъ похлопалъ по колѣнямъ Ардальона Михайловича своей пухлой рукой и проговорилъ съ какимъ-то пренебрежительнымъ добродушіемъ:

— Эхъ вы, публика! тоже!..

— Нѣтъ, это тоже неправда!—заступилась Ольга съ тѣмъ жаромъ, который невольно является у человѣка, когда передъ нимъ затрогиваютъ что-нибудь слишкомъ близкое и дорогое ему. —Не вся публика такова, и я, какъ артистка, играющая почти только въ однѣхъ драмахъ и даже трагедіяхъ, лучше чѣмъ кто-нибудь, знаю, насколько эта публика отзывчива ко всему истинно прекрасному и художественному! И повѣрьте, что и въ наши дни Шекспиръ, если только онъ переданъ хорошо, доставитъ такое же наслажденіе, какъ и прежде! Конечно, есть исключенія, но они не могутъ касаться всей публики и не могутъ опошлить ее всю, какъ не могутъ нѣсколько грязныхъ капель замутить весь океанъ!

Ольга говорила страстно и горячо, съ проснувшимся въ ней вдругъ вдохновеніемъ артиста; глаза ея блестѣли и все лицо горѣло пылкимъ румянцемъ и одушевленіемъ, красившими и совершенно преображавшими ее. Чемезовъ сначала только молча слушалъ, какъ говорила Ольга, и невольно любовался ею. Съ каждымъ ея словомъ душевный міръ ея все больше раскрывался предъ нимъ и дѣлался ему все понятнѣе, ближе и симпатичнѣе. Ему нравились ея искренняя вѣра и любовь къ искусству.

Своей страстностью она невольно заразила и увлекла и всѣхъ другихъ, и всѣ разомъ заговорили и загорячились, каждый отстаивая свое убѣжденіе.

Яковъ Дементьевичъ поддерживалъ Ольгу, соглашаясь съ тѣмъ, что въ общемъ толпа чутка и воспріимчива къ правдѣ и красотѣ, но со свойственной всѣмъ отживающимъ уже людямъ пристрастіемъ къ своему времени и поколѣнію находилъ все-таки, что нравственный уровень и духовное развитіе общества прежде, въ его время, были значительно выше настоящаго, а теперь сильно клонятся къ упадку. Но Чемезовъ не соглашался съ этимъ, доказывая, что при всеобщемъ сильномъ упадкѣ общество не могло бы выдѣлить изъ своей среды столько выдающихся талантливыхъ людей на различныхъ поприщахъ—литературы, искусства, науки. Ольга слушала его съ блестящими глазами и вполнѣ соглашалась съ нимъ; споръ, начавшись съ оперетoчнаго разномыслія, постепенно перешелъ въ отвлеченный, почти философскій. Вдругъ Ардальонъ Михайловичъ вынулъ часы и съ ужасомъ воскликнулъ, что уже половина девятаго, а ему еще въ восемь необходимо было быть въ одномъ мѣстѣ по дѣлу.

Всѣ засуетились. Яковъ Дементьевичъ вспомнилъ, что собирался сегодня въ Соляной-Городокъ на лекцію товарища, а Барсуковъ—что къ завтрашнему дню у него роль даже и не читана. Всѣ сразу встали и заспѣшили уходить, наскоро прощаясь съ хозяйкой.

Чемезовъ тоже очень удивился; онъ никакъ не думалъ, чтобы было уже такъ поздно; всѣ вышли въ переднюю и стали одѣваться, но уйти сразу, тѣмъ не менѣе, никакъ не могли. То Милочка возвращалась, позабывъ что-нибудь, то Барсуковъ задерживалъ всѣхъ, принимаясь вдругъ разсказывать, стоя уже въ передней и въ шубѣ, о какомъ-то случаѣ, происшедшемъ у нихъ на репетиціи, по поводу чего снова поднимались вопросы и разсужденія.

Въ послѣднюю минуту явилась опять откуда-то Настенька, ушедшая съ половины обѣда.

— А счетецъ-то Людмила Львовна позабыли!—сказала она, подавая Милочкѣ какой-то счетъ.

— Какой счетецъ?—спросила съ удивленіемъ Милочка, не ожидавшая никакихъ счетовъ.

— Да за тарелки-то! 12 р. 75 к., матушка барышня, пожалуйте!—спокойно пояснила Настенька.

Сначала никто не понималъ,—какія тарелки, и смотрѣли съ недоумѣніемъ то на Милочку, то на Настасью и ея счеты.

— Какія тарелки?—спросила Милочка, совсѣмъ позабывъ уже о предъ-обѣденномъ происшествіи.

— А битыя-то!—воскликнулъ вдругъ весело Барсуковъ:—не бей, матушка, впередъ! Молодецъ Настасья, люблю казака за обычай!

— Ну, что это за глупости!—сердито сказала Ольга съ неудовольствіемъ и, покраснѣвъ, хотѣла взять счетъ отъ своей горничной, но Настасья видимо чувствовала себя совсѣмъ въ своемъ правѣ и не отдавала ей счета.

— Да что вы это, матушка!—почти разсердилась она, отодвигаясь отъ Ольги:—Людмила Львовна бить будетъ, а мы плати! Воля ваша, а такъ не годится! кто билъ, тотъ и плати!

Милочка смѣялась, но платить, кажется, совсѣмъ не желала и отдѣлывалась шутками.

Ардальонъ Михайловичъ, разумѣется, тотчасъ же расплатился за нее, и всѣ вышли въ переднюю.

Когда Чемезовъ на прощаньѣ крѣпко пожалъ руку Ольги, она ласково подняла на него свои прекрасные глаза, еще блестѣвшіе отъ недавняго спора, и молча улыбнулась ему, какъ бы за что-то благодаря его и сочувствуя ему въ чемъ-то, понятномъ только имъ двоимъ.

— Ольга,—сказала вдругъ Милочка,—ну, чего тебѣ дома одной сидѣть? вѣдь рано еще, поѣдемъ лучше ко мнѣ!

Ольга сначала разсмѣялась и сказала, что это невозможно, потому что она устала, и ей надо еще разобраться и приготовиться къ завтрашнему дню, но тотчасъ передумала и, прежде чѣмъ другіе, шедшіе впереди, успѣли узнать о томъ, поспѣшно вернулась къ себѣ и чрезъ минуту догнала ихъ уже въ ротондѣ и мѣховой шапочкѣ на головѣ.

— Куда это?—удивился Чемезовъ; онъ думалъ, что Ольга уже совсѣмъ вернулась къ себѣ.

— Къ Милочкѣ, чай пить!—сказала она, смѣясь.

Онъ изумился такому внезапному рѣшенію и съ улыбкой покачалъ головой.

— Вотъ что значитъ артистическая-то натура!—воскликнулъ Барсуковъ съ удовольствіемъ:—всѣ рѣшенія по первому впечатлѣнію! Да знаете, что и я къ вамъ тоже, пожалуй, поѣду, только вотъ заѣду на минутку въ театръ да захвачу тамъ кого-нибудь съ собой, чтобы повеселѣе было!

— А роль-то какъ же?—спросила Милочка лукаво.

— Ну, Богъ съ ней! ночью прочту.

Милочка была очень рада и стала приглашать къ себѣ

и Чемезова; но онъ поспѣшилъ отказаться отъ этой новой, совсѣмъ не улыбавшейся ему, затѣи. Зато Ардальонъ Михайловичъ рѣшилъ, что часамъ къ десяти онъ тоже пріѣдетъ къ Милочкѣ пить чай и тоже захватитъ съ собой кого-нибудь.

Всѣ высыпали на улицу съ шумнымъ говоромъ и смѣхомъ, раздававшимся на свѣжемъ воздухѣ особенно громко и звучно, такъ что проходившіе мимо невольно оглядывались на нихъ; распрощавшись другъ съ другомъ, всѣ они разъѣхались по разнымъ сторонамъ...

XIV.

Оставшись одинъ, Чемезовъ почти обрадовался, что разстался, наконецъ, съ этой шумной компаніей, въ которой, впрочемъ, оставался по доброй волѣ и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, интересуясь новыми для него типами.

Привыкнувъ къ тишинѣ своей одинокой квартиры и ровному, но не шумному оживленію въ домѣ Олениныхъ, онъ невольно почувствовалъ утомленіе послѣ шести часовъ, проведенныхъ у Ольги, и даже легкую головную боль, оставшуюся отъ гула голосовъ и громкаго хохота.

Онъ шелъ пѣшкомъ, размышляя дорогой, по своей привычкѣ, и объ Ольгѣ и объ ея родственникахъ, друзьяхъ и знакомыхъ, составлявшихъ, по его мнѣнію, какой-то странный, совершенно разношерстный кружокъ, гдѣ идеально честный Яковъ Дементьевичъ сходился чуть не на „ты“ съ извѣстнымъ всему Петербургу Донецъ-Гонскимъ, репутація котораго была болѣе чѣмъ сомнительна; гдѣ толстый, неопрятный на видъ и нахальный, какъ казалось Чемезову, Барсуковъ безцеремонно обнималъ Ольгу, спокойно позволявшую ему цѣловать себя, и гдѣ ея горничная Настасья, „страшный плутъ“, по выраженію самой же Ольги, не только распоряжалась всѣмъ домомъ, но даже пользовалась какимъ-то особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ и самой хозяйки, и всѣхъ ея гостей.

Все это удивляло и коробило Чемезова, невольно задѣвая въ немъ ту нравственную чистоплотность, какой, къ его огорченію, совсѣмъ, кажется, не было у Ольги.

И потомъ эта Милочка—вся въ брилліантахъ и кружевахъ, подаренныхъ господиномъ Донецъ-Гонскимъ! Что̀ она такое, и какъ можетъ Ольга, которую онъ все еще привыкъ помнить такой чистой, невинной дѣвушкой, не только принимать ее, но и со-

вершенно, повидимому, легко и просто мириться съ двусмысленнымъ положеніемъ своей сестры? Какъ можетъ она допускать ее до такого отвратительнаго позора и отчего не повліяетъ на нее?

Но тутъ Чемезовъ опять съ огорченіемъ вспоминалъ, что онъ не знаетъ еще, что̀ такое и сама эта Ольга, не далеко, быть можетъ, ушедшая отъ сестры въ этомъ отношеніи! А когда ему припоминались ея горячія, полныя увлеченія и искренности рѣчи, онъ опять невольно говорилъ себѣ, что этого не можетъ быть, и онъ самъ предъ собой заступался за нее и оправдывалъ ее.

Конечно, и у нея, вѣроятно, были романы и увлеченія, но не такіе, какъ у Милочки; этому онъ не хотѣлъ и не могъ вѣрить, потому что мысль эта была для него слишкомъ горька и противна. Все въ этой женщинѣ, начиная отъ ясныхъ глазъ, которыми она на всѣхъ смотрѣла такъ смѣло и откровенно, до каждаго ея слова, дышавшаго правдой и горячностью, было такъ просто и искренно; въ ней, по его мнѣнію, была какая-то удивительная смѣсь чистоты и беззаботности, и эта-то присущая ей беззаботность и доводила ее—даже безсознательно для нея самой—до такихъ непостижимыхъ для него сдѣлокъ съ совѣстью, до непослѣдовательности и въ убѣжденіяхъ, и въ поступкахъ. Но какъ бы тамъ ни было, а онъ рѣшилъ, что еще разъ побываетъ у нея, постарается застать ее одну и вызвать на полную откровенность; тогда ему будетъ легче разобра́ться въ ея жизни и въ этой спутанной натурѣ, которая, несмотря на всю видимую открытость свою, не поддавалась поверхностному изученію.

Придя домой и самъ отворивъ дверь своимъ ключомъ, чтобы не безпокоить ни няни, ни Архипыча, Чемезовъ вздохнулъ съ тѣмъ хорошо знакомымъ ему облегченіемъ, которое всегда являлось у него, когда онъ возвращался домой съ какого-нибудь вечера, проведеннаго въ гостяхъ и почти никогда не оставлявшаго у него иного впечатлѣнія, кромѣ легкой усталости и непріятнаго сознанія безцѣльно и безполезно истраченнаго времени.

Его охватывало чувство покоя и тишины, съ убѣжденіемъ, что здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, уже никто не ворвется къ нему, никто не помѣшаетъ ему ни работать, ни отдыхать, ни думать одинъ-на-одинъ, какъ онъ это любилъ.

На встрѣчу къ нему вышелъ Архипычъ, въ своемъ длиннополомъ коричневомъ домашнемъ сюртукѣ; онъ надѣвалъ его только по вечерамъ, „когда посѣтители кончались".

Старикъ служилъ еще его отцу, и Елена Николаевна, всегда

немного боявшаяся, какъ бы брата не обокрали, уговорила его взять къ себѣ обоихъ стариковъ, Архипыча и няню, бывшихъ ихъ крѣпостныхъ, на которыхъ вполнѣ можно было положиться. Въ сущности, няня была нужна ей самой для дѣтей, но она рѣшила уступить ее брату только потому, что при ней будетъ кому позаботиться какъ слѣдуетъ и объ его хозяйствѣ, и о немъ самомъ, и окружить его тѣмъ, почти незамѣтнымъ, но необходимымъ и теплымъ уходомъ и попеченіемъ, на которые способна только любящая женщина, все равно, кто бы она ни была — мать, жена, сестра или няня.

Чемезовъ взялъ стариковъ только по просьбамъ сестры, такъ какъ самъ предпочелъ бы одного молодого толковаго человѣка; но, взявъ ихъ, постепенно такъ привыкъ и сжился съ ними, что почти не могъ уже представить своей жизни безъ нихъ. Правда, старики имѣли много своихъ недостатковъ, часто докучавшихъ ему, и которыхъ онъ никакъ не могъ, сколько ни бился, передѣлать; главнымъ недостаткомъ была ихъ старческая мелочная скупость, распространявшаяся даже и на него; но зато оба они были преданы ему той инстинктивной преданностью, которая встрѣчается только между отживающими уже стариками, вышедшими еще изъ крѣпостного права, этими послѣдними своего рода могиканами.

Архипычъ встрѣтилъ Чемезова, по обыкновенію, съ сумрачнымъ, свойственнымъ ему видомъ и, снявъ съ него пальто, спросилъ его одну и ту же фразу, которую повторялъ каждый вечеръ, хотя и зналъ заранѣе отвѣтъ:

— Чай кушать будете?

— Буду, Архипычъ, буду,—сказалъ Чемезовъ, не понимая, какъ это старику не надоѣстъ его спрашивать всегда одно и то же.

Онъ прошелъ въ свой кабинетъ еще темный, такъ какъ, несмотря на всѣ просьбы и приказанія зажигать тамъ лампу къ восьми часамъ вечера, не могъ все-таки добиться этого отъ экономничавшихъ на керосинѣ стариковъ. Зажегши самъ лампу, онъ увидѣлъ на столѣ принесенный уже курьеромъ портфель и, раскрывъ его, просмотрѣлъ на-скоро опытнымъ навыкшимъ уже взглядомъ лежавшія въ немъ бумаги и затѣмъ прошелъ къ себѣ раздѣваться.

Квартира Чемезова была невелика—всего четыре комнаты, изъ которыхъ и то одна стояла почти пустая. Онъ вполнѣ довольствовался спальней, кабинетомъ и столовой.

Меблирована комната была очень просто; единственнымъ украшеніемъ стѣнъ кабинета служилъ большой портретъ, масля-

ными красками и отличной работы—трехъ дочекъ Елены Николаевны; она подарила этотъ портретъ ему къ рожденію. Веселыя дѣтскія головки, радостно улыбавшіяся ему изъ большой золоченой рамы, казалось, оживляли весь его кабинетъ, и каждый разъ, когда взглядъ Чемезова падалъ въ ту сторону, онъ съ невольной улыбкой останавливалъ его на нихъ дольше, чѣмъ на всемъ остальномъ.

Чай принесла няня. Няня была еще довольно видная женщина съ тою солидно-представительною фигурою и спокойнымъ выраженіемъ въ лицѣ, которое встрѣчается у нѣкоторыхъ старыхъ слугъ, проведшихъ жизнь въ хорошемъ домѣ.

— У Елены Николаевны, видно, были?—спросила она своего воспитанника.—Няня въ минуты особой нѣжности говорила Чемезову „ты“, по старой памяти; но во всякое другое время была не только на „вы“ и звала „Юріемъ Николаевичемъ“, но даже иногда и „вашимъ превосходительствомъ“, произнося этотъ титулъ съ особенно важною гордостью. Несмотря на всѣ убѣжденія Чемезова не титуловать его, она оставалась твердой и непреклонной, говоря, что не слѣдъ ей, барской слугѣ, къ своимъ господамъ почтенія не имѣть; та̀къ, чего добраго, и „другіе“ забудутся, да съ нея, глупой, примѣръ возьмутъ, пожалуй!—добавляла она не безъ ѣдкости, посматривая въ сторону насупленнаго Архипыча, къ которому слегка ревновала своего питомца. Когда-то, какъ разсказывала молва, Архипычъ, тогда еще просто лакей Семенъ, былъ сильно неравнодушенъ къ этой самой Натальѣ Кириловнѣ и даже сватался за нее, послѣ того какъ она овдовѣла первымъ мужемъ, отъ котораго осталась на 23-мъ году. Но Наталья Кириловна замужъ за него не пошла, а предпочла остаться въ няняхъ при дѣтяхъ молодой барыни. Съ тѣхъ поръ, хотя и прошло уже больше тридцати лѣтъ, но Семенъ Архипычъ такъ и не женился ни на комъ другомъ, а судьба привела скоротать имъ старость вмѣстѣ; и теперь Архипычъ еще время отъ времени вдругъ о чемъ-то задумывался, вздыхалъ и сумрачно говорилъ нянѣ:

— Эхъ, Наталья Кириловна, не послушались вы меня тогда: жили бы мы съ вами теперь своимъ домкомъ, были бы у насъ дѣточки, нашей старости на помощь и утѣшеніе, а теперь, что̀ вышло—ни мнѣ, ни вамъ...

Но няня такихъ разговоровъ не любила и только сердилась.

— Будетъ вамъ ужо̀ глупости болтать!—говорила она съ сердцемъ:—вотъ нате-ка вамъ, лучше газетку почитайте вслухъ, не будетъ ли гдѣ войны опять?

— Что мнѣ вамъ газетки читать! вотъ придетъ курьеръ

вашъ, Василій, его и просите, онъ молодой, ему и книжки въ руки!—хмуро, не глядя на нее, отвѣчалъ Архипычъ, еще и до сихъ поръ немножко ревновавшій няню ко всѣмъ молодымъ курьерамъ и сосѣднимъ лакеямъ...

— Ты бы, Архипычъ, затопилъ тутъ каминъ,—сказалъ Чемезовъ:—принявшійся-было за работу, но вдругъ почувствовавшій, что ему и холодно какъ-то, и усталъ онъ, и что вообще ему сегодня будетъ работаться плохо.

— Каминъ?—удивился Архипычъ:—не любившій никакого нарушенія разъ заведенныхъ порядковъ.

— Ну да, каминъ.

— Да вѣдь сегодня ужъ топили его!—сказалъ онъ, притворяясь, что не понимаетъ того, что баринъ проситъ его протопить второй разъ.

— Ну что-жъ такое, и второй разъ протопить можно; иди-ка, иди, ничего, неси дровъ,—приказалъ Чемезовъ съ легкимъ нетерпѣніемъ, чувствуя, что старикъ, прежде чѣмъ исполнить его желаніе, навѣрное ради экономіи, будетъ минутъ пять еще возражать, убѣждая его, что и такъ тепло.

Архипычъ сердито повернулся и ушелъ, что̀-то ворча, а Чемезовъ рѣшилъ, прежде чѣмъ сѣсть заниматься, сначала немного отдохнуть на большой турецкой оттоманкѣ, стоявшей какъ разъ напротивъ камина подъ дѣтскимъ портретомъ.

— Мнѣ что же,—сказалъ хмуро Архипычъ, возвращаясь съ маленькою охапкою дровъ, которую, боясь попортить полъ, онъ осторожно, слегка дрожащими руками, опустилъ предъ каминомъ:—мнѣ что же, вѣдь мнѣ вашихъ дровъ не жалко и каминъ протопить не трудно, а только ужъ топили сегодня, да и дровъ-то и безъ того нынѣшній мѣсяцъ вонъ ужъ третья сажень пошла! По нынѣшнимъ-то морозамъ все равно не натопишься, хоть шесть разъ въ день топи! Только дрова жечь понапрасну будемъ!..

Чемезовъ лежалъ молча, слушая привычную воркотню старика, и, не отвѣчая ему, машинально глядѣлъ, какъ начали вспыхивать, слегка потрескивая, сухія лучинки, и какъ огонь, сначала трепетно и нерѣшительно, точно раздумывая, потухнуть ему или разгорѣться, началъ лизать медленно и какъ бы пробуя каждое дерево, переходя съ одного на другое, отставшую древесную кору, и потомъ, какъ бы найдя приготовленную для него пищу лакомой и достойной, разомъ охватилъ всѣ дрова и ярко запылалъ, освѣщая всю большую комнату красноватымъ дрожащимъ пламенемъ.

Чемезовъ лѣниво, полузакрытыми, утомленными глазами глядѣлъ на огонь, и какіе-то обрывки неясныхъ и ничѣмъ не связанныхъ между собой мыслей роились и потухали въ его головѣ. Онъ думалъ о завтрашнемъ засѣданіи и о томъ, чтò онъ будетъ говорить тамъ и чтò Дольцъ станетъ возражать ему и будетъ ли Рожковъ поддерживать его или примкнетъ къ Дольцу; но среди этихъ размышленій въ ушахъ его вдругъ раздавался громкій хохотъ Барсукова и представлялась его огромная фигура, или вдругъ выскакивала, какъ живая, хорошенькая Милочка, хохочущая среди битыхъ тарелокъ.

Онъ усиливался сосредоточиться на дѣлѣ и ужъ совсѣмъ не желалъ думать ни о Милочкѣ, ни о Барсуковѣ; рябое, заплывшее отъ жира, лицо послѣдняго все носилось почему-то въ его памяти; но едва онъ углублялся въ себя, какъ вдругъ совершенно неожиданно вспоминалъ какой-то анекдотъ объ актрисѣ и генералѣ, который за обѣдомъ разсказывалъ элегантный Ардальонъ Михайловичъ, и мысли его снова спутывались и сбивались.

Все это раздражало его, а огонь, тихо потрескивавшій въ разгорѣвшемся каминѣ и наполнившій комнату пріятной теплотой, невольно убаюкивалъ его, глаза его все больше слипались, и сквозь дремоту гдѣ-то совсѣмъ близко раздавался взволнованный голосъ Ольги и оживало ея разгорѣвшееся лицо съ сверкающими глазами...

Его все сильнѣе интересовалъ вопросъ: чтò такое была, въ сущности, эта женщина?—все, чтò онъ до сихъ поръ видѣлъ и замѣтилъ, не давало ему еще никакого опредѣленнаго отвѣта; она могла быть и чѣмъ-нибудь очень хорошимъ, сердечнымъ и правдивымъ, но могла также быть и вполнѣ испорченной, безнравственной женщиной.

— Да,—сказалъ онъ себѣ, окончательно стряхивая свою дремоту и вставая, чтобы сѣсть за занятія,—чтò же она въ самомъ дѣлѣ такое?

XV.

Елена Николаевна почти недѣлю не видала брата; для нея это было очень много, обыкновенно онъ заходилъ къ нимъ хоть на минуту почти каждый день и много уже, если дня черезъ два или три.

Елена Николаевна сама уже было-хотѣла поѣхать къ нему или послать мужа, чтобы узнать, отчего онъ не идетъ; но ее остановила мысль, что, быть можетъ, онъ дѣлаетъ это нарочно,

чтобы избѣгнуть на нѣкоторое время встрѣчъ съ Мери, а встрѣчи въ ея домѣ легко могли случиться. Это ей было очень грустно и непріятно. Всѣ эти дни думала она о Мери и братѣ и глубоко жалѣла Мери за то горькое и мучительное для каждой дѣвушки оскорбленіе и разочарованіе, подъ которое сама же подвела ее своимъ неудавшимся сватовствомъ. Она невольно чувствовала себя виноватой предъ милой ей дѣвушкой, въ сердцѣ которой своими же стараніями подняла любовь къ своему брату и радостныя надежды, которымъ, очевидно, не суждено было сбыться.

Кромѣ того, Елена Николаевна не привыкла въ своей домашней средѣ встрѣчать противодѣйствіе своей волѣ. Она привыкла къ тому, чтобы всѣ, любя и уважая, охотно подчинялись бы ея разумному, направленному къ общему же благу, вліянію и авторитету, и потому все это вмѣстѣ приводило ее въ дурное настроеніе духа и раздражало противъ брата. Ей казалось, что онъ, изъ одного только упрямства, способенъ лишить самъ себя лучшаго счастья и своихъ же выгодъ. Но она никому объ этомъ не говорила и даже, противъ обыкновенія, и съ мужемъ дѣлилась такими мыслями неохотно. Она чувствовала, что мужъ ея, какъ мужчина, не способенъ такъ чутко и хорошо понять всѣхъ этихъ тонкихъ, сложныхъ, хотя и мелкихъ, быть можетъ, на взглядъ мужчины, ощущеній, и которыя были такъ понятны ей, женщинѣ. Ей было непріятно уже и то, что Аркадій Петровичъ подтрунивалъ теперь шутливымъ тономъ надъ тѣмъ, что Чемезовъ и Мери —вдругъ исчезли куда-то съ ихъ горизонта, сбѣжавъ, очевидно, отъ ея сватовства.

Однако, на шестой день, Чемезовъ, наконецъ, зашелъ опять въ началѣ шестого часа.

Елена Николаевна еще въ залѣ услышала его шаги, но она нарочно сдѣлала равнодушное лицо, рѣшивъ не затѣвать съ нимъ, по крайней мѣрѣ, пока никакихъ непріятныхъ и безплодныхъ къ тому же, въ сущности, объясненій, хотя въ душѣ ей именно ихъ-то и хотѣлось.

— Гдѣ ты пропадалъ, Юрій?—спросила она его спокойно, когда онъ поцѣловалъ ея красивую, бѣлую руку, перерѣзанную сѣтью тонкихъ, голубыхъ жилокъ и украшенную только однимъ гладкимъ обручальнымъ кольцомъ.

— Да все занятъ былъ. А гдѣ же Зина и дѣти?

— Они пошли гулять съ m-lle Marie; ну, что же ты подѣлывалъ все это время?

— Да все тоже, что и всегда.

— Ну, а мы, наоборотъ, очень веселились,—сказала вдругъ

она съ напускнымъ оживленіемъ:—у Архаровыхъ былъ балъ, я возила туда Зину, которая, конечно, осталась въ восторгѣ. Потомъ глядѣли опять Леонтьеву въ „Жаннѣ д'Аркъ" и даже ѣздили, наконецъ, кататься какъ-то утромъ на тройкахъ. Я давно ужъ обѣщала это дѣтямъ; выбрали хорошій, солнечный день и поѣхали.

Чемезовъ слушалъ сестру и чувствовалъ, что, несмотря на ея ласковый тонъ, въ немъ все-таки же есть что-то словно натянутое и недовольное, и зная ее, онъ сейчасъ же угадалъ и причину ея неудовольствія на него, хотя оно и ничѣмъ не высказывалось. Всѣ эти дни онъ, среди массы разныхъ дѣлъ и непривычной для него суеты послѣднихъ дней, совсѣмъ какъ-то не думалъ о Мери, но теперь невольно вспомнилъ о ней, когда понялъ, почему сестра сердится на него.

— „Ну, что же,—сказалъ онъ себѣ со вновь поднявшимся въ немъ вдругъ раздраженіемъ противъ Елены и Мери:—не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, жениться на ея пріятельницѣ только потому, что ей этого захотѣлось! Тѣмъ лучше! по крайней мѣрѣ, теперь это выяснилось и кончится, быть можетъ, разъ навсегда!"

Онъ нахмурился и вдругъ „спрятался въ себя", какъ говорила про него иногда Зина, которая почему-то всегда начинала ужасно бояться его въ такія минуты. Елена Николаевна тоже поняла, что братъ догадался, и такъ какъ ей не хотѣлось теперь же начинать съ нимъ непріятное объясненіе, то она сдѣлала видъ, что будто сбилась со счету въ своей работѣ. И они оба замолчали, она, молча считая свои крестики, а онъ, тихо покачиваясь на качалкѣ.

Кстати раздался звонокъ и затѣмъ сейчасъ же послышался топотъ дѣтскихъ ножекъ и ихъ звонкіе голоса; чрезъ минуту со смѣхомъ и крикомъ вбѣжали въ комнату Зина и всѣ три дѣвочки, внеся на своихъ розовыхъ щекахъ и черныхъ бархатныхъ шубкахъ, свѣжую струю холоднаго морознаго воздуха.

— Мы видѣли институтокъ, мамочка, институтокъ!—кричали дѣвочки на бѣгу, но Зина перебивала ихъ, крича почти такимъ же звонкимъ и дѣтскимъ голосомъ, какъ и онѣ сами.

— Да, вообрази, Елена, ихъ куда-то возили въ придворныхъ каретахъ и съ красными лакеями! Ахъ, Юрій!—вскрикнула вдругъ она, только сейчасъ замѣтивъ брата, и дѣвочки тоже бросились къ нему съ визгомъ и хохотомъ и облѣпили его со всѣхъ сторонъ, цѣлуя и тормоша его.

— Ну, дѣтвора, довольно, а то вы шею сломите!—говорилъ онъ шутя, какъ бы отбиваясь отъ нихъ, но въ сущности только

крѣпче еще прижимая къ себѣ эти милыя, свѣтлыя головки, пахнувшія свѣжимъ воздухомъ... Но пришла m-lle Marie, молодая, некрасивая француженка, и увела ихъ въ дѣтскую раздѣваться.

— А мы завтра опять ѣдемъ Леонтьеву смотрѣть!—объявила въ восторгѣ Зина, которая послѣ второго спектакля положительно бредила только Леонтьевой.

— Поѣдемъ съ нами,—предложила брату Елена Николаевна. Она въ присутствіи дѣтей и Зины никогда не могла долго сердиться.

Чемезовъ отказался, сказавъ, что уже взялъ билетъ. Елена Николаевна съ изумленіемъ подняла на него глаза.

— Уже взялъ?—переспросила она удивленно.

Обыкновенно Чемезовъ такъ неохотно ѣздилъ въ театръ, что его надо было затаскивать туда почти насильно, и потому такое предупредительное вниманіе къ спектаклю Леонтьевой невольно удивило Елену Николаевну.

— „Можетъ быть, онъ это сдѣлалъ нарочно!—пришло ей въ голову:—чтобы я опять не пригласила его вмѣстѣ съ Мери! Но нѣтъ, это вздоръ; гораздо проще было бы совсѣмъ не ѣхать! Нѣтъ, тутъ что-то другое“. И она вдругъ, съ той внезапной, почти безпричинно рождающейся ревностью, на которую способны только женщины, пытливо взглянула на него.

— А что же, ты былъ на томъ обѣдѣ у Обуховыхъ?—вспомнила Зина.

— Былъ.

— Ну, и что же, видѣлъ ее?.. Юрій, миленькій, разскажи!

— Да про что же?—спросилъ Чемезовъ, смѣясь надъ ея нетерпѣніемъ и любопытствомъ.

— Да про все, про все! а главное, какая она: красивая, интересная? Ты вѣдь вѣрно близко видѣлъ ее? Даже и разговаривалъ, быть можетъ?

— И видѣлъ близко, и разговаривалъ, и сидѣлъ даже рядомъ за обѣдомъ.

— Ахъ, вотъ счастливый-то! Ну, и что же она, о чемъ она говорила съ тобой? А глаза у нея какіе?

— Глаза? Не знаю, не разсмотрѣлъ,—сказалъ Чемезовъ, нарочно поддразнивая сестру:—темные, кажется, или сѣрые, что-то въ этомъ родѣ,—хорошіе глаза.

— Ахъ, ну какъ же ты это! И сидѣлъ даже рядомъ, и то не разсмотрѣлъ хорошенько! Ну, а волосы какіе, свѣтлые или темные? она въ „Маріи Стюартъ“ вѣдь въ парикѣ была; и вообще

вся она какая, лучше или хуже, чѣмъ на сценѣ? Очень красивая, вѣрно?

— Ну, ужъ этого, право, не могу тебѣ сказать. Отчасти лучше, отчасти хуже, чѣмъ на сценѣ, а красивая ли—тоже довольно трудно опредѣлить; у Обуховыхъ она мнѣ показалась очень интересной и эффектной, а у себя дома—ужъ нѣсколько отцвѣвшей.

— Какъ, ты даже и у нея былъ?—воскликнула Зина уже въ полномъ восторгѣ. Елена Николаевна ничего не сказала, только мелькомъ взглянула на брата.

— Слышишь, Елена, онъ даже и у нея былъ!

— Слышу,—сухо сказала Елена Николаевна, не отрывая глазъ отъ работы.

— Ахъ, какъ это интересно! ну, разсказывай, Юрій, разсказывай, голубчикъ, скорѣе—во всѣхъ, во всѣхъ подробностяхъ! Въ чемъ она была одѣта и кто у нея былъ, и все, все, все!

И Зина съ разгорѣвшимися отъ предвкушаемаго удовольствія глазами, внимательно и жадно приготовилась слушать, страшно интересуясь всѣмъ, чтò только касалось ея новой любимицы, въ которую она была просто влюблена тѣмъ ослѣпленнымъ очарованіемъ, которое часто является у молоденькихъ дѣвушекъ къ красивымъ, интереснымъ и чѣмъ-нибудь понравившимся имъ старшаго возраста женщинамъ. Но Чемезовъ, уже уловившій странный взглядъ и сухой тонъ старшей сестры, потерялъ вдругъ охоту разсказывать объ этомъ, хотя сначала, напротивъ, намѣревался подробно разсказать сестрамъ обѣдъ у Обуховыхъ и свой визитъ потомъ къ Леонтьевой, думая, что это займетъ и заинтересуетъ ихъ. Но все сегодня, съ самаго прихода его, было ему въ Еленѣ какъ-то непріятно; онъ чувствовалъ, что и онъ, въ свою очередь, тоже только раздражаетъ ее сегодня, и потому, не желая изъ-за пустяковъ ссориться и усиливать другъ въ другѣ непріятное впечатлѣніе, онъ вмѣсто разсказовъ, поднялся и, къ полному огорченію разочарованной Зины, ушелъ, сказавъ, что ему пора идти домой заниматься. Елена Николаевна не удерживала его, и они, противъ обыкновенія, сухо простились другъ съ другомъ, —чтò, въ сущности, было очень тяжело для нихъ обоихъ.

XVI.

Въ тотъ же день, часовъ около восьми вечера, Чемезовъ пошелъ къ Ольгѣ, какъ обѣщалъ ей тò, когда обѣдалъ у нея.

Она была дома, одна и видимо поджидала его.

— Ну,—сказалъ онъ, весело оглядывая комнату и удостовѣряясь, что постороннихъ никого нѣтъ:—на этотъ разъ вы, кажется, дѣйствительно, однѣ?

— Я же вамъ обѣщала,—сказала она просто, привѣтливо улыбаясь ему и протягивая руку. На ней было гладкое черное платье, съ чуть бѣлѣющимъ только у ворота узенькимъ воротничкомъ, и волосы ея были уже не распущены въ безпорядкѣ, а лежали гладко на затылкѣ, заплетенные въ тяжелую, шелковистую косу; въ этомъ видѣ она понравилась ему гораздо больше, чѣмъ прошлый разъ.

Съ незначительными первыми фразами они сѣли на кресла другъ противъ друга, за круглымъ столомъ, и когда чрезъ нѣсколько минутъ всѣ незначительныя фразы были сказаны, они оба вдругъ замолчали, невольно чувствуя каждый въ душѣ, что такъ и разговаривать имъ не стоитъ, и что не для этого они сговорились повидаться наединѣ.

— Ну, Ольга Львовна,—началъ онъ первый, желая скорѣе навести ее на тò, чтò интересовало его:—разскажите же мнѣ о вашихъ!

— Чтò же мнѣ разсказать вамъ о нихъ?—спросила она задумчиво:—ну, живемъ мы все такъ же, по прежнему, и даже на той же самой квартирѣ... Ну, я и мама изображаемъ теперь, такъ сказать, главы семейства; потомъ идетъ Борисъ, это маминъ любимецъ въ сущности, хоть она и не признается въ томъ; ну и, конечно, какъ и всѣ любимцы, вышелъ довольно неудачнымъ...

— Я его хорошо помню,—такой хорошенькій, бѣлокурый мальчикъ былъ.

— Ну, вотъ онъ и теперь же все такой же бѣлокурый и хорошенькій, и въ этомъ-то, кажется, главное его несчастье и есть... Ну, затѣмъ Варя; этой теперь уже 19 лѣтъ, у нея прекрасный голосъ и вообще большія музыкальныя способности,—она учится въ консерваторіи и готовится въ оперу; и, наконецъ, Павлуша,—помните, вы были когда-то его первымъ учителемъ, выучили его шутя азбукѣ и складамъ; ну, этотъ пока еще гимназистъ, хотя тоже подаетъ музыкальныя надежды и по цѣлымъ днямъ разучиваетъ съ Варей разные дуэты на віолончели. Ужъ такое артистическое семейство уродилось!—засмѣялась она, слегка краснѣя, точно ей было совѣстно разсказывать постороннему человѣку, что всѣ ея братья и сестры обладаютъ разными талантами.

— Ну, а Сергѣй?—спросилъ Чемезовъ про своего бывшаго товарища.

— Сергѣй вѣдь только постомъ пріѣзжаетъ къ намъ, да и то не всегда, а остальное время все въ провинціи живетъ. Ахъ, да! есть еще, впрочемъ, одинъ новый членъ въ нашей семьѣ, котораго вы еще не знаете. Это маленькій Сережа, сынъ Сергѣя, бабушкинъ внучекъ и мой крестникъ; это всеобщій любимецъ и баловень у насъ, а бабушка, та совсѣмъ на него не надышется.

— Вотъ какъ! значитъ, Сергѣй женатъ?

— О, нѣтъ, куда ему!—сказала она, смѣясь и махая рукой.

— Отчего же?—спросилъ онъ, удивляясь и не вполнѣ понимая тонъ ея выраженія.

— Да оттого, что онъ нашего, „артистическаго" поля ягода! увлекающаяся натура! зачѣмъ ему жениться, онъ только даромъ жену свою обидитъ,—сказала она не то шутя, не то серьезно.

— Ну, а этотъ ребенокъ... давно онъ у васъ?

— Да ужъ около четырехъ лѣтъ; онъ его намъ крохотнаго еще привезъ, въ пеленкахъ.

— Отчего же онъ у себя его не оставилъ?

— Ну, гдѣ же ему, вѣдь онъ человѣкъ кочевой, сегодня здѣсь, завтра тамъ,—куда же такого крошку за собой таскать!

— А гдѣ же мать этого ребенка?

— О, она давно ужъ разошлась,—сказала она спокойно.

— „Какъ у нихъ все это просто дѣлается!" невольно подумалъ про себя Чемезовъ; онъ привыкъ къ совсѣмъ другого рода отношеніямъ, и не могъ не удивляться тѣмъ, которыя, повидимому, господствовали въ Леонтьевской средѣ.

— Ну, вотъ я вамъ все разсказала,—заключила она послѣ небольшого молчанія:—разскажите теперь вы что-нибудь о себѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—вы не разсказали ничего о самомъ главномъ: о самой себѣ.

— Что̀ же мнѣ вамъ разсказывать о себѣ? — начала она медленно и задумчиво:—вѣдь это всегда или слишкомъ много, или слишкомъ мало.

— Нѣтъ, ужъ если разсказывать, то лучше слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало!—сказалъ онъ, смѣясь, но въ душѣ его невольно поднялась вдругъ какая-то странная тревога:—слишкомъ мало я и самъ о васъ знаю. Ну, вотъ я вамъ помогу,—предложилъ онъ, видя, что она молчитъ, какъ бы затрудняясь, съ чего начать:—когда я уѣхалъ, вамъ было 16 лѣтъ, а чрезъ три года вы уже поступили на сцену. Итакъ, начнемъ сначала: что̀ вы дѣлали въ промежутокъ этихъ первыхъ трехъ лѣтъ?

— Особеннаго, конечно, ничего; сначала кончала свою гимназію, а потомъ приготовлялась подъ руководствомъ отца къ

сценѣ. Отецъ очень серьезно занимался со мной, заставлялъ меня читать классиковъ, выбралъ самъ для меня многія роли, которыя ему казались болѣе подходящими для меня, разучивалъ ихъ вмѣстѣ со мной, объяснялъ мнѣ ихъ характеръ и идею автора, и пріучалъ меня вообще такъ серьезно работать надъ каждою изъ нихъ, что если изъ меня вышла артистка,—прибавила она съ заблестѣвшими вдругъ на глазахъ слезинками,—то, конечно, только благодаря ему. Но первый годъ онъ совсѣмъ не позволялъ мнѣ играть, хотя мнѣ ужасно того хотѣлось, а на второй—началъ разрѣшать, но еще очень рѣдко и только въ тѣхъ пьесахъ и роляхъ, которыя онъ самъ выбиралъ для меня. Меня предлагали ему сейчасъ же опредѣлить на казенную сцену, но онъ предпочиталъ для начала провинцію, гдѣ для меня было больше практики и хода, и потому отправилъ на первый годъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ въ Самару, къ своему большому другу, державшему тамъ театръ. Въ провинціи, въ разныхъ городахъ, конечно, я играла почти три года, а потомъ перешла уже на московскую казенную сцену. Отецъ самъ вывелъ меня, и это, вѣроятно, послужило основаніемъ для той любви въ публикѣ, которую я встрѣтила почти сразу. Два года мы служили съ нимъ вмѣстѣ, на одной сценѣ, играли въ однѣхъ пьесахъ, а потомъ... потомъ онъ умеръ... и такъ внезапно! Это было такъ ужасно, такъ неожиданно... И вотъ, мы осиротѣли, и я осталась на сценѣ уже одна безъ него... Сначала это было страшно и дико какъ-то; я, бывало, никого не могла видѣть въ его роляхъ: Такъ это напоминало его... и то, что его уже нѣтъ. Но потомъ постепенно привыкла, сдружилась, сжилась со всѣми моими товарищами, и публика меня послѣ его смерти точно еще больше какъ-то полюбила,—точно утѣшить меня хотѣла... Но нѣтъ горя, которое не притуплялось бы со временемъ,—и мое мало-по-малу притупилось, и мнѣ уже не дико и не больно, когда въ его роляхъ играютъ другіе... Но онъ всегда живъ въ моемъ сердцѣ, и мнѣ кажется, что сколько бы я ни прожила, хоть до глубокой старости, но я никогда не забуду его и не перестану вспоминать каждый день, каждый часъ почти, никогда не сдѣлаюсь къ нему сколько-нибудь равнодушной, какъ это бываетъ иногда съ другими близкими покойниками... Это былъ такой дивный человѣкъ и такой настоящій артистъ—и такъ любилъ онъ насъ всѣхъ...

— Онъ, значитъ, очень большое вліяніе имѣлъ на васъ и вашу жизнь?

— О, да, очень большое!—сказала она тихо, и они оба замолчали на нѣсколько минутъ.

— Да,—сказалъ Чемезовъ, замѣтивъ, какъ стало грустно ея

лицо, и вмѣстѣ желая вывести ее изъ тяжелыхъ воспоминаній,—но это именно то самое „малое", о которомъ я и самъ съ большей или меньшей точностью могу предположить, а меня интересуетъ другое...

— Чтò же другое?—спросила она какъ-то нерѣшительно и точно неохотно.

— Это все внѣшнее, такъ сказать, а есть нѣчто другое еще, внутреннее, которое вы все обходите мимо...

— Я не обхожу; но вѣдь это довольно трудно такъ взять и начать вдругъ разсказывать о себѣ разныя подробности. Знаете, такая откровенность по заказу не является!

— Я и не хочу этого совсѣмъ; но я думалъ, что это явится само собой, когда мы разговоримся...

— Да, очень можетъ быть, что это и явится, но тогда не надо только подгонять!—сказала она, съ какой-то странной, загадочной усмѣшкой глядя на него:—пускай это придетъ именно „само собой", какъ вы сейчасъ сказали... Вотъ, знаете, я велю подать намъ чаю,—засмѣялась она, вставая, чтобы позвонить:—и за чаемъ это, быть можетъ, явится скорѣй, чѣмъ такъ.

— Вы,—сказала она, отдавъ приказаніе человѣку насчетъ чая и возвращаясь на свое мѣсто:—вы мнѣ тоже ничего о себѣ не разсказали, а я про васъ даже и „слишкомъ мало" не знаю и почему-то, хотя и стараюсь представить себѣ вашу жизнь, но это мнѣ не удается,—все какъ-то ничего не выходитъ.

— Ну, моя жизнь навѣрное покажется вамъ очень неинтересной. Ее можно разсказать въ двухъ словахъ. Утромъ я встаю, прочитываю газету, завтракаю и ухожу на службу, провожу тамъ весь день часовъ до шести, потомъ иду обѣдать въ клубъ или къ сестрамъ, иногда, но очень рѣдко, впрочемъ,—къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Часамъ къ восьми, къ девяти возвращаюсь опять домой, сажусь за мои бумаги и просиживаю за ними, какъ придется, когда и до 12 часовъ ночи, а иногда до часу и до двухъ, и позже. Затѣмъ ложусь спать, а на завтра то же самое, и такъ уже много лѣтъ. Какъ видите, разнообразія не много!—прибавилъ онъ, засмѣявшись, но въ душѣ его вдругъ, неожиданно для него самого, поднялось почему-то тоскливое, горькое чувство.

— Да,—сказала она грустно, съ какой-то жалостью смотря на него:—это не весело... Но вѣдь это тоже только внѣшняя сторона; быть можетъ, внутренняя отраднѣе?

Онъ задумался немного и отвѣтилъ не сразу.

— Внутренняя,—сказалъ онъ серьезно и убѣжденно:—это — мое дѣло.

— Да, я понимаю это, у меня у самой мое дѣло составляетъ

главную суть жизни, но знаете... все-таки это еще не все, все-таки остаются еще какія-то свободныя мѣстечки, и они своего просятъ! Одно дѣло ихъ не заполнитъ, имъ надо что-то еще другое...

Чемезовъ молча, съ спокойной, убѣжденной улыбкой, слушалъ ея сомнѣнія.

— Все зависитъ отъ натуры,—сказалъ онъ:—одну дѣло захватываетъ всецѣло, другая не можетъ сосредоточиться вполнѣ на чемъ нибудь одномъ, на одной какой-нибудь цѣли. И женскія натуры менѣе способны къ подобному сосредоточенію, имъ скорѣе свойственно разбрасываться...

— И потому,—перебила она, почти не слушая его:—уже и потому служба ваша не можетъ удовлетворять васъ вполнѣ, какъ вы это говорите, потому что это холодное, чиновно-бумажное дѣло, въ которомъ нѣтъ ни жизни, ни души, ни страсти! Какъ же оно можетъ удовлетворять человѣка! какъ можетъ наполнять его жизнь! вамъ теперь это такъ кажется, а когда-нибудь вы вдругъ почувствуете, какъ ужасно ошибались!

— Вотъ видите,—сказалъ онъ горячо, начиная волноваться почти такъ же, какъ волновалась она, говоря это:—то, что вамъ представляется сухимъ и скучнымъ, въ чемъ вы видите только одну бумажную чиновную сторону, то составляетъ живое, важное, дорогое для меня дѣло, дѣло общее, потому что оно можетъ сдѣлать много пользы или вреда многимъ, смотря по тому, какъ его вести. И вы думаете, что такой трудъ и задача не стоютъ того, чтобы имъ посвятить всѣ лучшія свои силы; что ихъ все-таки еще слишкомъ мало для того, чтобы они могли создать собой цѣль жизни и труда!

— Да,—воскликнула она упорно:—они могутъ создать собой цѣль труда, но не жизни! Въ жизни есть еще столько другого прекраснаго и великаго, мимо чего вы, быть можетъ, такъ и пройдете, не извѣдавъ и не узнавъ даже никогда ея полной прелести! И какъ потомъ вы будете каяться! Вотъ вы теперь убиваете всѣ ваши силы и умъ, и страсть, и энергію—на ваше дѣло, и воображаете, что вся главная суть жизни должна уходить на придумываніе все важныхъ улучшеній въ немъ, и все это, быть можетъ, очень хорошо для всѣхъ, но какъ это будетъ плохо для васъ самихъ, если и дѣйствительно вся ваша жизнь пройдетъ только въ этомъ!..

— Позвольте, вы говорите...—началъ онъ, но въ эту минуту вошелъ лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ, и Чемезовъ замолкъ, пока онъ уста-

навливалъ его. Никогда и ни съ кѣмъ еще изъ женщинъ ему не приходилось говорить о своемъ дѣлѣ такъ откровенно и горячо. И несмотря на то, что говорить съ ней объ этомъ ему было почему-то пріятнѣе и легче, чѣмъ съ какой бы то ни было другой знакомой ему госпожей, онъ все-таки чувствовалъ, что она глядитъ на вопросъ съ чисто женской, нелогичной и пристрастной точки зрѣнія; и ему это было досадно, потому что, казалось, что она, если только захочетъ, съумѣетъ лучше, чѣмъ всякая другая, понять его и его идею, которая была для него такъ дорога.

Но когда человѣкъ ушелъ, она не стала продолжать спора, а сказала, улыбаясь, и совсѣмъ уже другимъ, спокойнымъ тономъ:

— Вотъ я очень люблю пить чай, но терпѣть не могу разливать его.

— И не умѣете даже!—сказалъ онъ, смотря съ улыбкой, какъ она неловко и неумѣло возилась съ чашками.—Давайте я вамъ лучше помогу; мнѣ у сестры это случалось иногда дѣлать.

— Ахъ, пожалуйста!—засмѣялась она тотчасъ же, передвигая ему подносъ:—а то я непремѣнно что-нибудь разобью или пролью.

Ихъ споръ, въ которомъ они оба за нѣсколько минутъ такъ горячились,—послѣ прихода лакея оборвался самъ собой, и уже ни тому, ни другому не хотѣлось продолжать его, хотя оба они про себя еще продолжали думать о томъ же.

— Послушайте,—спросила она вдругъ, слѣдя, какъ онъ внимательно ополаскивалъ чашки, прежде чѣмъ наливать въ нихъ чай: —отчего вы не женились до сихъ поръ? Право, изъ васъ отличный бы вышелъ семьянинъ.

Онъ разсмѣялся ея неожиданному вопросу и невольно вспомнилъ сегодняшнее неудовольствіе Елены.

— Ну, на это довольно трудно отвѣтить такъ сразу!—сказалъ онъ, передавая ей налитую чашку:—главнымъ образомъ отъ того, что женитьба слишкомъ много бы отнимала у меня времени, и мнѣ уже трудно было бы заниматься такъ, какъ я это могу теперь.

— Только отъ этого!—воскликнула она, изумленно смотря на него.—Но вѣдь это совсѣмъ уже какой-то отвратительный эгоизмъ! Не жениться только потому, что женитьба помѣшала бы заниматься! Да неужели же за всѣ эти годы вамъ ни одна женщина не понравилась настолько, чтобы вы хоть на время упустили это изъ виду? Скажите мнѣ, — сказала она вдругъ, пытливо всматривалась въ него:—любили вы когда-нибудь?

— А вы?—спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— О, конечно!--воскликнула она искренно и точно радостно: — и даже не одинъ разъ! И знаете, знаете, что я вамъ скажу! Никогда я не чувствовала жизнь такой прекрасной, такой осмысленной, какъ въ это время, и никогда не играла я такъ хорошо, какъ именно тогда! Каждое увлеченіе точно сильнѣе еще вдохновляло меня! Я такъ чувствовала, такъ понимала тогда каждую роль, такъ переживала ее сама! Но... но, должно быть, я начала уже старѣть, потому что вотъ уже больше трехъ лѣтъ, какъ это точно потухло во мнѣ... и я очень, очень жалѣю объ этомъ, потому что ничто такъ не краситъ жизнь.

И она замолчала съ задумчиво-мечтательнымъ выраженіемъ на лицѣ, а глаза ея вспыхивали какъ-то нѣжно и страстно,— точно она вспоминала что-то дорогое и милое для нея.

Въ душѣ Чемезова шевельнулось что-то ревнивое къ ней; онъ смотрѣлъ на нее и невольно удивлялся той простотѣ, съ которой она такъ легко говорила о своихъ былыхъ увлеченіяхъ. Ему это было ново въ женщинѣ; онъ думалъ, что другая на ея мѣстѣ стѣснилась бы говорить такъ, а она точно радовалась, что въ ея жизни были увлеченія и вспоминала о нихъ съ удовольствіемъ, почти съ благодарностью даже. Хотя разныя дурныя подозрѣнія объ ея прошломъ, подтверждаемыя на этотъ разъ ея же собственными словами, снова поднялись въ немъ и снова съ какой-то непонятной ему самому болью огорчили его за нее, но симпатія и довѣріе, которыя онъ съ перваго же раза почувствовалъ къ ней, не только не уменьшались, но даже увеличивались и все больше и безотчетнѣе привлекали его къ ней. Она такъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ женщинъ своими и хорошими, и дурными сторонами, что эта новизна невольно заинтересовала его въ ней.

— Вотъ въ этомъ-то и состоитъ существенная разница нашихъ натуръ и нашихъ дѣлъ тоже,—сказалъ онъ вслухъ:—васъ каждое ваше увлеченіе, какъ вы говорите, только сильнѣе вдохновляетъ, вы начинаете играть еще лучше и, слѣдовательно, увлеченіе служитъ только на пользу вашему дѣлу, а меня оно только отвлекало бы отъ работы, мѣшало бы мнѣ сосредоточиться на ней и, слѣдовательно, только вредило бы моему дѣлу. При томъ, вы, повидимому, брали отъ любви только ея радости, а для меня она навѣрное дала бы больше горечи и боли, чѣмъ счастья. Я ужъ по натурѣ склоненъ скорѣе къ болѣзненному, тяжелому чувству увлеченія, чѣмъ къ радостному.

— Ну, что-жъ!—воскликнула она съ блестящимъ взоромъ:— даже и это лучше, чѣмъ ничего!.. Знаете, въ самомъ стра-

даніи любви есть какая-то своя, страстная, захватывающая прелесть, которую ничто другое не дастъ вамъ испытать! Ну, подумайте, подумайте только, чтò вы теперь получаете отъ вашей жизни? Одну ея дѣловую, служебную сторону! Боже мой, да развѣ для этого стоило родиться? А подъ старость у васъ не останется даже воспоминаній. Ничего, кромѣ безплодныхъ и безполезныхъ сожалѣній о томъ, чтò вы могли взять отъ жизни—и не взяли, какъ могли жить—и не жили! И вѣдь тогда ужъ будетъ поздно, тогда ничего уже нельзя будетъ вернуть! Да развѣ есть что-нибудь, чтò можетъ замѣнить молодость, для чего стоитъ жертвовать и ею, и счастьемъ, и любовью. Нѣтъ, нѣтъ, ужасно, ужасно прожить такъ!—добавила она съ дрожью и даже закрыла себѣ на лицо руками.

— Можетъ быть... можетъ быть, вы и правы...—согласился онъ уныло, потому что сознавалъ, что въ словахъ ея есть доля, и даже большая доля, горькой правды, казавшейся еще горче и страшнѣе отъ той горячности, съ которой она говорила все это.— Но я давно все это взвѣсилъ и обдумалъ,—продолжалъ онъ твердо:—и дѣйствую такъ совершенно сознательно и добровольно, потому что—нахожу—такъ будетъ лучше и полезнѣе для работы... На двухъ стульяхъ сидѣть разомъ трудно, Ольга Львовна.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ это отреченіе! Для кого оно?—воскликнула она почти съ негодованіемъ. — И потомъ, вѣдь полъ-міра служитъ, у всѣхъ есть свое дѣло, своя работа, но никому не приходитъ въ голову ломать изъ-за этого всю свою жизнь, отказываться отъ всякаго личнаго счастья и, въ концѣ концовъ, сдѣлаться чуть не аскетомъ какимъ-то!

— Ну,—сказалъ онъ, смѣясь:—и отъ аскетизма, и отъ всѣхъ этихъ страшныхъ жертвъ я еще очень далекъ, положимъ. А если я гляжу на свое дѣло нѣсколько серьезнѣе, быть можетъ, чѣмъ другіе и занимаюсь имъ больше, то я это дѣлаю просто потому, что мнѣ такъ нравится дѣлать. А вы глядите на вопросъ ужъ черезъ-чуръ по-женски. Вамъ кажется, что если человѣкъ не ухаживаетъ и не влюбляется, то онъ уже несчастный человѣкъ, который превратно понимаетъ смыслъ жизни и лишается лучшаго рая, рая Магомета!

Она видѣла, что онъ шутитъ и нарочно поддразниваетъ ее теперь.

— Какой вздоръ! я совсѣмъ не про то говорила!—сказала она, слегка вспыхивая и хмурясь. — Да я вовсе и не посовѣтовала бы вамъ часто увлекаться, влюбляться, и т. д. Это совсѣмъ не въ вашей натурѣ, по-моему вы не годитесь въ лю-

бовники; но вамъ надо жениться, изъ васъ выйдетъ отличный мужъ!—И она засмѣялась тѣмъ легкимъ, безпечнымъ смѣхомъ, къ которому часто, какъ онъ уже замѣтилъ, переходила вдругъ изъ самаго грустнаго или серьезнаго настроенія.

Слово „любовникъ“—такое неженственное, какъ казалось ему, и такое привычное, повидимому, ей—опять слегка покоробило его, но онъ невольно улыбнулся, подумавъ, что Елена, конечно, ужъ никакъ не ожидаетъ, гдѣ нашла себѣ союзника.

— И знаете, что̀ я вамъ скажу,—продолжала она, смѣясь:—вамъ просто случая до сихъ поръ не подходило. А когда онъ явится, вся ваша философія тогда разобьется о жизнь... и вы забудете думать о томъ, что̀ это можетъ помѣшать вашимъ занятіямъ, и будете счастливы, когда вамъ станутъ мѣшать! Знаете, судьба вѣдь всегда такъ наказываетъ. Признайтесь, — до сихъ поръ вы еще ни разу серьезно не любили?

Чемезовъ ходилъ по комнатѣ, когда она задала ему этотъ вопросъ, и отвѣтилъ не сразу. Онъ самъ почти впервые спросилъ себя объ этомъ вмѣстѣ съ нею. Въ молодости и онъ, конечно, увлекался и влюблялся, какъ всякій другой; нравились и за послѣдніе годы нѣкоторыя женщины, иныя больше, иныя меньше. Но все это было какъ-то слабо и, конечно, не серьезно. Серьезнѣе всѣхъ за послѣднее время онъ, пожалуй, думалъ все-таки о Мери... И онъ вдругъ вспомнилъ тотъ вечеръ предъ театромъ, когда ему хотѣлось сдѣлать ей предложеніе, и когда она сидѣла у круглаго стола въ гостиной съ такимъ печальнымъ, пристыженнымъ лицомъ. Онъ невольно взглянулъ почему-то на Ольгу и подумалъ, какая страшная разница въ этихъ двухъ женщинахъ, а между тѣмъ къ нимъ обѣимъ его тянуло какое-то почти одно и то же чувство безотчетной симпатіи.

— Признайтесь...—повторила она, упорно и пытливо смотря на него своими прелестными, яркими отъ блеска, глазами. Все лицо ея, разгорѣвшееся, какъ тогда на обѣдѣ, играло такой жизнью, что, казалось, каждая голубая тонкая жилка на ея вискахъ и каждая пушистая, выскользнувшая прядка волосъ ея трепетала и билась этой горячей жизнью, которой такъ много было въ ней.

— Да,—сказалъ онъ серьезно,—это правда.

— Ага!—воскликнула она съ торжествомъ:—вотъ въ этомъ-то и была только ваша побѣда! А когда вы полюбите, то все сразу измѣнится, и вы сами же отречетесь отъ вашихъ прежнихъ идей. Нѣтъ, — сказала она подходя къ нему и беря его подъ руку: —не бѣгите отъ любви: вы увидите, какъ вамъ станетъ легко и радостно жить, когда подлѣ васъ будетъ любимое, дорогое суще-

ство, вашъ другъ и помощница. Право, вамъ необходимо жениться, а то вы сами незамѣтно для себя зачерствѣете и съузитесь.

— Но отчего же вы сами не выходите замужъ?—спросилъ Чемезовъ.

— О! — воскликнула она быстро:—я... я совсѣмъ другое, я артистка! вотъ мнѣ дѣйствительно нельзя выходить замужъ, моему призванію это дѣйствительно помѣшаетъ! Какая же я буду актриса, если у меня на плечахъ будетъ мужъ, семья, хозяйство и т. д. Выйдетъ только то, что я стану плохой женой и плохой актрисой! Но вѣдь за то,—сказала она съ какимъ-то гордымъ выраженіемъ на лицѣ, — я не отказываюсь отъ любви! Я люблю любовь для любви и не хочу только замужъ; но, прáво, я была бы счастлива и безъ этого!

— Ну, теперь и вы мнѣ признайтесь въ свою очередь,— сказалъ онъ, останавливаясь и пристально смотря на нее:—вѣдь вы любили... не одинъ разъ?..—Онъ чувствовалъ, что вопросъ его грубъ, и боялся, что онъ слишкомъ, быть можетъ, оскорбитъ ее, и все-таки не могъ удержаться—такъ хотѣлось ему знать о ней, наконецъ, правду.

Но, къ его удивленію, она не оскорбилась и не смутилась даже. Она только вдругъ остановилась на пол-дорогѣ и, приподнявъ лицо, съ минуту стояла молча, съ какимъ-то новымъ, строгимъ и задумчивымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Я думаю,—начала она медленно и серьезно:—что я тоже никогда еще не любила. То-есть, не любила такъ, какъ могла бы любить, какъ хотѣла бы любить! О, я могла бы такъ любить, такъ любить!..—воскликнула она съ какимъ-то страстнымъ томленіемъ въ голосѣ, и лицо ея поблѣднѣло, а глаза стали совсѣмъ темными и глубокими.—Но такъ любить можно вѣрно только разъ въ жизни,—проговорила она тихо:—и такъ я еще не любила, но я не разъ горячо увлекалась и принимала это за любовь... но это вовсе не была любовь.

— Значитъ,—сказалъ онъ рѣзко:—вы тоже неправы! Вотъ вы говорите, что я дѣлаю ошибку и чуть не преступленіе, уклоняясь отъ любви, а вы дѣлаете такую же ошибку, только еще болѣе ужасную и непростительную, такъ безпечно размѣнивая себя по мелочамъ!

— Какъ по мелочамъ? — удивленно спросила она, сердито сдвигая брóви.

— Да, по мелочамъ! — повторилъ онъ настойчиво и строго, не смущаясь ея взглядомъ.—Вы, какъ ребенокъ, мѣняете червонецъ на пятаки, воображая, что гораздо выгоднѣе имѣть

больше такихъ мѣдяковъ, чѣмъ одинъ червонецъ! Вамъ дана такая сильная, талантливая натура, а вы губите ее, гоняясь за разными мимолетными увлеченіями; вы воображаете, что они какъ-то красятъ и наполняютъ вашу жизнь и прибавляютъ вамъ жара на два, на три спектакля, и не замѣчаете того, какъ они въ то же время извращаютъ всю вашу натуру и умъ!

Она стояла предъ нимъ съ блѣднымъ, испуганнымъ и оскорбленнымъ лицомъ, но когда онъ остановился на минуту точно для того, чтобы дать ей возразить и оправдаться, она не возразила ни слова и только молча, потемнѣвшимъ взглядомъ смотрѣла на него.

— Вотъ вы,—продолжалъ онъ, видя, что она не хочетъ отвѣчать, и разгорячаясь почему-то все больше и больше:—сейчасъ рисовали мнѣ, какая безотрадная старость ожидаетъ меня въ концѣ концовъ, что мнѣ предстоятъ только одиночество, раскаяніе и сожалѣніе. А развѣ вамъ—не то же самое? Подумайте хорошенько сами... Мы только разными путями идемъ, Ольга Львовна, а придемъ навѣрное къ одному и тому же, т.-е. къ одинаковому же раскаянію и сожалѣнію. И еще Богъ вѣсть, кто изъ насъ двухъ будетъ горче раскаяваться впослѣдствіи, потому что если вы предсказываете мнѣ, что у меня не останется даже воспоминаній, то я предсказываю вамъ, что ваши воспоминанія заставятъ только покраснѣть когда-нибудь васъ же самихъ!

— Неправда!—вскрикнула она съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, правда!—повторилъ онъ, съ силой сжимая ея руку:—правда, и именно потому, что вы часто и поверхностно увлекались, сдѣлавъ себѣ изъ этого чуть не культъ какой-то въ жизни! А когда вамъ въ жизни встрѣтится дѣйствительно серьезная, хорошая любовь, то въ васъ, послѣ всѣхъ этихъ, такъ нравящихся вамъ теперь, пустыхъ и жалкихъ увлеченій, не найдется для нея больше уже ни силы, ни чистоты!

Его упреки и даже самый голосъ становились все рѣзче и раздраженнѣе; онъ самъ сознавалъ это, но, разъ начавъ откровенно высказывать ей свое мнѣніе, не могъ уже болѣе сдержаться и остановиться. Онъ самъ не понималъ, почему все это такъ волнуетъ его! Въ сущности, она была ему теперь совсѣмъ чужая, посторонняя женщина, и ему не должно бы было быть до нея никакого дѣла. Но онъ зналъ ее чистой дѣвочкой, искренно любилъ и уважалъ ея отца и всю ея семью, и это отчасти давало ему нѣкоторое право интересоваться и теперь ея судьбой. Все же говорить ей такъ рѣзко и даже грубо у него, конечно, не было никакихъ правъ, но онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что искренно желаетъ ей добра и что всѣ только умѣютъ вос-

хищаться ею и поклоняться ей, въ глаза говорить только любезности и комплименты, а никто не хочетъ и не смѣетъ высказать ей правды. Пусть же эту правду, даже и слишкомъ рѣзкую, быть можетъ, она услышитъ хоть отъ него, пускай даже разсердится на него за это и даже прекратитъ съ нимъ опять знакомство, но зато что-нибудь все-таки западетъ ей, быть можетъ, въ душу и заставитъ строже и серьезнѣе относиться и къ себѣ, и къ жизни.

— Ну, скажите сами, откровенно,—заговорилъ онъ опять, останавливаясь предъ ней, потому что все время взволнованно ходилъ по комнатѣ.—Чтò вамъ дали ваши увлеченія? Стали ли вы отъ нихъ хоть талантливѣе, по крайней мѣрѣ? Наврядъ! А между тѣмъ лучшая половина вашей жизни ушла на нихъ!

Ольга рѣзко и порывисто отстранила его отъ себя.

— Нѣтъ, — сказала она съ вздрагивающимъ отъ волненія лицомъ:—я понимаю теперь, чтò вы обо мнѣ думаете, и это... это слишкомъ гадко! Быть можетъ, съ вашей точки зрѣнія, я дѣйствительно кажусь совсѣмъ безнравственной и порочной женщиной, но я все же лучше, чѣмъ вы думаете обо мнѣ! Не думайте, — воскликнула она, гнѣвно взглядывая на него:—что я оправдываюсь предъ вами! Мнѣ не въ чемъ оправдываться и я нисколько не стыжусь своихъ поступковъ, но... но вы слишкомъ...—И она, не договоривъ, вдругъ отчего-то заплакала и быстро закрыла себѣ лицо руками.

Онъ невольно смутился отъ ея слезъ, потому что совсѣмъ не ожидалъ ихъ. Ему стало стыдно, что онъ дѣйствительно, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ она заслуживала, оскорбилъ ее; но въ то же время въ душѣ онъ почти предпочиталъ даромъ обидѣть ее, чѣмъ убѣдиться, что его подозрѣнія вполнѣ основательны.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ онъ, подходя къ ней и ласково беря ея руку въ свою:—тѣмъ лучше если я неправъ.

Она молча, не отнимая отъ него руки, но и не отвѣчая на его ласковое пожатіе, плакала съ тихимъ, сдерживаемымъ рыданіемъ.

— Зачѣмъ же вы плачете, Ольга?..—спросилъ онъ смущенно, и такъ какъ она опять ничего не отвѣтила ему,—онъ взялъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ ее, молча прося у нея прощенія за свои жесткія слова.

Ольга слегка вздрогнула и слабо пожала ему въ отвѣтъ руку.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заговорила она, отнимая платокъ отъ своего лица, страшно подурнѣвшаго въ нѣсколько минутъ: — вы хорошо сдѣлали... что высказали мнѣ... все это... только не утѣ-

шайте меня... дайте мнѣ поплакать... потомъ всегда легче бываетъ... А вы правы... все это дѣйствительно гадко, и я гадка... и увлеченія мои гадки... Только все-таки же не до такой степени, какъ вы это думаете... Мнѣ больно... что вы такъ... разочаровались во мнѣ...—договорила она тихо и въ лицѣ ея—еще за минуту такомъ гнѣвномъ и оскорбленномъ—мелькнуло вдругъ что-то дѣтски-робкое и пристыженное, напомнившее почему-то Чемезову дѣвочекъ Елены, которыя, бывало, провинившись въ чемъ-нибудь, просили прощенія у матери или у него съ такими же жалобно-испуганными, пристыженными личиками. И это общее съ ними выраженіе какъ-то разомъ сроднило его съ ней; она вдругъ стала для него еще ближе и милѣе, и онъ еще разъ крѣпко, съ нѣжной лаской, прижалъ къ губамъ ея руку, а она улыбнулась ему еще сквозь слезы, но уже по прежнему привѣтливо.

„— Да,—сказалъ себѣ Чемезовъ мысленно:—у нея прекрасная, гибкая, воспріимчивая натура, только нѣтъ твердой почвы подъ ногами“.

Онъ долго, гораздо дольше, чѣмъ намѣревался, просидѣлъ у нея, и когда собрался уходить, Ольга уже совсѣмъ успокоилась, снова развеселилась и шутила.

— Не думайте,—сказала она ему на прощанье, съ шутливымъ, но упрямымъ выраженіемъ въ лицѣ:—что я совсѣмъ сдалась на ваши убѣжденія и признала себя побѣжденной. Я, правда, расплакалась и наговорила какихъ-то страшныхъ словъ, но это такъ только—просто подъ первымъ впечатлѣніемъ! А въ сущности, я совсѣмъ не убѣдилась и не покорилась! Вѣрнѣе всего, что мы оба неправы и оба ошибаемся, но вы все-таки же больше, чѣмъ я.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ, тоже смѣясь:—это намъ покажетъ будущее! А пока я доволенъ и настоящимъ!

Ольга какъ-то лукаво и загадочно смотрѣла на него, прислонившись головой къ косяку дверей.

— Переходите лучше въ мою вѣру!—сказала она, улыбаясь:—право, моя лучше!

— Нѣтъ, лучше вы въ мою!—сказалъ онъ серьезно.

Она помолчала немного, и по лицу ея опять пробѣжали грустныя, задумчивыя тѣни.

— Каждому своя вѣра дорога,—проговорила она, о чемъ-то вздыхая, но все-таки упрямо покачивая головой.

— И каждому своя кажется истиной!—прибавилъ онъ.

— Да,—воскликнула она, опять смѣясь:—оттого такъ и рѣдки случаи обращенія „на путь истины“, потому что всякій понимаетъ

истину по-своему и никто не знаетъ навѣрное, гдѣ она дѣйствительно!

Разстались они, несмотря на разность вѣръ и убѣжденій— изъ-за чего чуть было совсѣмъ не поссорились—все-таки же самыми искренними друзьями, и Чемезовъ непремѣнно обѣщался заѣхать къ ней еще до ея отъѣзда, а главное—побывать у нихъ, когда будетъ въ Москвѣ.

XVII.

Въ прощальный спектакль Ольги, когда она играла свою лучшую роль—Катерину въ „Грозѣ", театръ, казалось, былъ еще болѣе переполненъ, чѣмъ въ первые два раза.

За ложи и кресла платились бѣшеныя деньги барышникамъ, успѣвшимъ перекупить мѣста и перепродававшимъ ихъ потомъ чуть не за пятерныя цѣны. Говорили, что Леонтьева долго уже не пріѣдетъ въ Петербургъ, и потому всѣ рвались взглянуть на нее въ послѣдній разъ.

Когда Чемезовъ пріѣхалъ, сестры его уже сидѣли въ ложѣ, а Аркадій Петровичъ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, надушенный и сіяющій, встрѣтился ему еще въ корридорѣ, гдѣ разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ.

— А!—воскликнулъ онъ съ удовольствіемъ, увидѣвъ Юрія:— вотъ это отлично! давно бы такъ; а то вѣдь этакъ и до чертиковъ заработаться можно!—И взявъ его подъ-руку, онъ повелъ его въ ложу къ женѣ, оживленно разсказывая дорогой какія-то новости и поминутно раскланиваясь направо и налѣво со своими безчисленными знакомыми.

Чемезовъ шелъ хмуро и молча, размышляя въ душѣ, что гораздо полезнѣе было бы теперь сидѣть дома и заниматься; но онъ обѣщалъ Ольгѣ быть на этомъ спектаклѣ, а разъ обѣщавъ что-нибудь, онъ всегда старался сдержать слово; къ тому же, почти безсознательно для него самого, его невольно тянуло теперь сюда.

— А, ты уже пріѣхалъ!—любезно встрѣтила Елена Николаевна брата, но глаза ея, мелькомъ скользнувшіе по немъ, сухо сказали: „нѣтъ, нѣтъ, я все еще тобою недовольна". Мери съ ними не было, и Чемезовъ, изучившій сестру, понялъ—почему.

— Смотри,—обратился къ нему Аркадій Петровичъ, указывая на одну изъ ложъ:—наши три граціи!

Чемезовъ взглянулъ по направленію, указываемому ему, и увидѣлъ въ бель-этажѣ разряженную во что-то свѣтлое и воздуш-

ное, хорошенькую Милочку, всю залитую брилліантами и сидѣвшую посреди двухъ другихъ такихъ же хорошенькихъ и нарядныхъ женщинъ, какъ и сама она.

Это были Милочкины пріятельницы, считавшіяся вмѣстѣ съ нею самыми хорошенькими женщинами петербургскаго балета, которыхъ по имени и по портретамъ зналъ весь Петербургъ. Милочка очевидно не боялась опасной конкурренціи, зная по опыту, что ея красота только выигрываетъ и еще болѣе привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, когда онѣ появляются вмѣстѣ.

И дѣйствительно, на ихъ ложу устремлялись всѣ бинокли не только мужчинъ, но даже и дамъ, усердно разсматривавшихъ ихъ туалеты, прически и брилліанты. „Граціи“ притворялись вполнѣ равнодушными къ возбуждаемому ими интересу; онѣ небрежно, но мило кокетничали со своими многочисленными кавалерами, поминутно являвшимися въ ихъ ложу, и въ то же время незамѣтно и какъ будто нечаянно принимали особенно красивыя позы и повороты головы, позволявшіе лучше любоваться ими.

Видъ эффектной Милочки и ея присутствіе здѣсь не привели Чемезова въ лучшее настроеніе духа, и онъ все съ тѣмъ же хмурымъ видомъ, какой всегда являлся у него, когда онъ былъ собою недоволенъ, простился съ сестрами и ушелъ искать свое мѣсто въ партерѣ. Увертюра вскорѣ кончилась, и занавѣсъ взвился. Черезъ нѣсколько минутъ вышла Ольга, въ богатомъ, старинномъ русскомъ костюмѣ, чрезвычайно красившимъ ее. Чемезовъ съ невольнымъ пріятнымъ изумленіемъ долго разсматривалъ Ольгу.

Это была сама живая, воплощенная Катерина; все въ ней удивительно подходило къ этой роли. Не только фигура, казавшаяся отъ костюма пышной и крупной, но даже и лицо ея, опять совершенно измѣнившееся и принявшее чисто русскій типъ, тогда какъ въ обыкновенное время оно не имѣло въ себѣ никакой опредѣленной и характерной національности.

Волосы ея, настоящаго каштановаго цвѣта, съ легкими золотистыми искрами, были гладко зачесаны подъ богато расшитую жемчугами голубую кичку; губы казались алыми и пышными, какъ у русскихъ красавицъ, и глаза съ томной поволокой глядѣли то вдумчиво и нѣжно, то вдругъ загорались какими-то безпокойными, горячими огоньками, и даже въ голосѣ ея, слегка пѣвучемъ и ласковомъ (совсѣмъ не такомъ, какой былъ у нея въ „Маріи Стюартъ“) звучали порой страстные грудные звуки. Во всей въ ней, степенной, строго выдержанной и покорной на видъ, чувствовалось что-то тревожное, глубоко затаенное внутри и насильно сдерживаемое ею, но что̀ все-таки не менѣе сильно и

властно видимо рвалось иногда наружу и точно мучило и пугало ее самоё.

Отъ Маріи Стюартъ, переданной Ольгою, у Чемезова остался яркій и цѣльный типъ, невольно воскресавшій порой въ его памяти; но въ Катеринѣ она казалась ему еще лучше, ближе и понятнѣе; быть можетъ, это происходило отъ того, что послѣ проведеннаго вмѣстѣ вечера она вообще стала ему какъ-то ближе и понятнѣе; но вѣрнѣе и отъ того, что Ольга, будучи чисто русской женщиной, хотя и понимала всякую роль и, страстно увлекаясь ею во время игры, всецѣло переходила въ нее, но тѣмъ не менѣе русская Катерина, въ глубинѣ души, была самой ей гораздо ближе и понятнѣе, чѣмъ Марія Стюартъ или Жанна д'Аркъ; потому вся сила ея огромнаго таланта находила себѣ здѣсь полный просторъ и выливалась такъ ярко и такъ просто въ то же время, что невольно всѣхъ захватывала и поражала, будя въ каждой душѣ наболѣвшій родственный себѣ откликъ.

Съ каждымъ актомъ она играла все лучше, все сильнѣе, и, глядя на нее, сознавая невольно ту власть, которою она порабощала и очаровывала всю эту толпу, Чемезовъ почти не вѣрилъ, что эта самая женщина такъ дѣтски и жалко плакала предъ нимъ, и не понималъ, какъ она, такая властная и сильная на сценѣ, могла становиться въ жизни такой слабой, жалкой и безпомощной, какою онъ видѣлъ ее вчера. И какое, въ сущности, могло имѣть для нея значеніе его мнѣніе о ней, когда вся эта тысячная толпа чуть не молится на нее?! И что это, наконецъ, такое было: простой ли внезапный, но искренній порывъ, который, повидимому, вообще очень свойственъ ея натурѣ, или же эгоизмъ до-нельзя избалованной женщины, которая не можетъ выносить сознанія, что есть хоть одинъ человѣкъ, не порабощенный и не очарованный ею и даже дурно думающій о ней?

Нѣсколько разъ въ продолженіе спектакля онъ случайно встрѣчался съ ея глазами, и ему даже казалось, что это была не простая случайность, но что она дѣйствительно видитъ его и вглядывается въ него, точно ища его одобренія.

Букетамъ, корзинамъ съ цвѣтами и другимъ подаркамъ не было конца; подносили послѣ каждаго дѣйствія; и вызовы, и аплодисменты къ концу еще болѣе усилились,—точно наэлектризированная публика окончательно разгорячилась и разошлась.

Въ одномъ изъ антрактовъ съ Чемезовымъ любезно раскланялся г-нъ Донецъ-Гонскій. Онъ, повидимому, чувствовалъ себя отчасти родственникомъ „знаменитости", и потому съ пріятнымъ

видомъ незамѣтно намекалъ объ этомъ тамъ и сямъ, гдѣ не было это еще извѣстно, и вообще старался держаться „на виду", какъ бы принимая оваціи публики и успѣхъ Ольги отчасти и на свой также счетъ. Онъ тоже подносилъ Ольгѣ великолѣпную корзину изъ пунцовыхъ камелій и, встрѣчая знакомыхъ и полузнакомыхъ, любезно бралъ ихъ подъ-руку и, подводя къ оркестру, гдѣ она стояла, какъ бы случайно показывалъ ее.

— Колоссальный успѣхъ! колоссальный!—сказалъ онъ, подходя къ Чемезову и пріятно, но не безъ нѣкоторой нерѣшительности улыбаясь ему.—А вы не зайдете въ ложу къ Людмилѣ Львовнѣ?

— Нѣтъ,—сказалъ Чемезовъ сухо:—я иду къ сестрамъ.

Донецъ-Гонскій не замѣтилъ его сухости или притворился, что не замѣчаетъ ее, и присѣлъ на пустой стулъ подлѣ Чемезова, что тому совсѣмъ не понравилось.

— Мы сегодня затѣваемъ канунъ, такъ сказать, проводовъ Ольги Львовны,—продолжалъ онъ, со своей элегантной манерой нагибаясь къ собесѣднику съ такимъ таинственнымъ видомъ, точно по малой мѣрѣ сообщалъ ему какую-нибудь важную министерскую тайну.—Сейчасъ послѣ окончанія спектакля собираемся всѣ въ квартирѣ Людмилы Львовны, а оттуда на тройкахъ въ „Самаркандъ" къ цыганамъ! Вѣдь Ольга Львовна—страстная любительница ихъ. Она даже и сама очень, очень недурно поетъ цыганскія вещицы!.. Какъ же, какъ же! развѣ вы не слыхали? Помилуйте, пляшетъ, какъ заправская цыганка! Вотъ мы и собираемся немножечко повеселиться на прощанье; не хотите ли присоединиться къ нашей компаніи?

Чемезовъ поспѣшилъ отказаться и, раскланявшись со своимъ любезнымъ собесѣдникомъ, отправился къ сестрамъ.

Этотъ господинъ раздражалъ Чемезова и портилъ ему хорошее воспоминаніе объ Ольгѣ, а извѣстіе, что она въ какой-то компаніи, подобранной, вѣроятно, все тѣмъ же, г. Донецъ-Гонскимъ, ѣдетъ послѣ спектакля ужинать къ цыганамъ, тоже совсѣмъ не нравилось ему, невольно вызывая въ мысляхъ его опять что-то грязное и недостойное Ольги, что ему было почти больно.

Когда Чемезовъ вошелъ къ сестрамъ, онъ засталъ Аркадія Петровича очень взволнованнымъ и негодующимъ на что-то.

— Это позоръ!—говорилъ тотъ, почти сердясь.

— Какой позоръ?—спросилъ Чемезовъ, не понимая, о чемъ онъ говоритъ.

— Да что у насъ въ Петербургѣ нѣтъ такой артистки! И съ какой стати мы уступаемъ ее этой неотесанной, глупой Москвѣ! Да и, наконецъ, на случай крайности, дирекція могла

бы поровну раздѣлять ее—полъ-сезона въ Москвѣ, полъ-сезона у насъ! Послѣ Леонтьевой нашихъ и смотрѣть не хочется!

Елена Николаевна ничего не говорила, но въ глазахъ ея была легкая, недовѣрчивая усмѣшка. Какое-то недоброе чувство закралось къ ней почему-то по отношенію къ этой женщинѣ, и она не могла заглушить его въ себѣ; но точно также она не могла и подавить того невольнаго взволнованнаго очарованія, которое вызывала въ ней эта женщина, какъ артистка.

Все-таки же, съ чисто женскимъ упорствомъ расположенная болѣе слѣдовать своему недовѣрчивому чувству предъ женщиной, чѣмъ восхищенію предъ артисткой, она замѣтила, чуть-чуть косясь на брата:

— Я думаю, она и въ жизни такая же актриса, какъ на сценѣ!

— О, Hélène!—воскликнула съ упрекомъ Зина:—у нея такіе хорошіе глаза! она не можетъ лгать и притворяться!

— Да,—сказалъ Чемезовъ особенно серьезнымъ, почти строгимъ голосомъ: — я рѣдко видѣлъ болѣе искреннюю женщину, чѣмъ она!

— Ты слишкомъ мало еще знаешь ее! — бросила Елена вскользь; но Аркадій Петровичъ пожелалъ примирить обѣ несогласныя стороны.

— Положимъ,—сказалъ онъ, ничуть не подозрѣвая, что еще больше только задѣваетъ Юрія:—это давно уже извѣстная истина, что актеры, а тѣмъ болѣе актрисы, такъ привыкаютъ къ постоянному разыгрыванію чужихъ ролей, что потомъ не могутъ отдѣлаться отъ этого и въ жизни!

— Только не она!—воскликнула опять Зина горячо.

— Ну, я не знаю,—сухо сказалъ Чемезовъ:—съ какихъ это поръ это изреченіе стало давно и всѣмъ извѣстной истиною; кажется, честь его открытія принадлежитъ всецѣло тебѣ!

И не желая больше продолжать непріятнаго разговора, но чувствуя уже по одному сдержанно-насмѣшливому выраженію лица Елены, что она намѣренно отыскиваетъ въ Ольгѣ такіе пороки, какихъ у той, быть можетъ, совсѣмъ и нѣтъ,—онъ вышелъ, удивляясь, съ чего его сестра, обыкновенно такая справедливая и добрая, ни съ того, ни съ сего, совершенно безпричинно и неосновательно нападаетъ на женщину, которой совсѣмъ не знаетъ и которая ей ровно ничего не сдѣлала!..

XVIII.

Въ понедѣльникъ, съ курьерскимъ поѣздомъ, Леонтьева уѣзжала обратно въ Москву, и на вокзалѣ, еще задолго до восьми часовъ, собрались ея друзья, знакомые и просто почитатели таланта, желавшіе проводить ее и взглянуть на нее еще разъ.

Чемезовъ тоже пріѣхалъ; ему также хотѣлось еще разъ повидаться съ ней, но масса всей этой прогуливающейся взадъ и впередъ публики озадачила его. Судя по виду этой публики, онъ сразу догадался, что большинство собралось спеціально для проводовъ Ольги; онъ совсѣмъ этого не предполагалъ и былъ этимъ непріятно разочарованъ. Къ тому же было не мало и его знакомыхъ, узнавшихъ его и которые, здороваясь съ нимъ, съ улыбкой разспрашивали его, не пріѣхалъ ли и онъ на проводы Леонтьевой.

Публика была самая разношёрстная; студенты и военные преобладали. Былъ, между прочимъ, и старый графъ, стоявшій съ огромною бонбоньеркой подъ мышкой и разговаривавшій съ какимъ-то моложавымъ и красивымъ генераломъ. Онъ замѣтилъ Чемезова, но поклонился ему суше, чѣмъ когда либо, видимо недовольный тѣмъ, что этотъ „молокососъ“ поймалъ его на проводахъ актрисы.

Поминутно подъѣзжали все новыя и новыя лица, иногда сразу цѣлыми партіями, но Леонтьевой все еще не было. Наконецъ по толпѣ пробѣжалъ отрывистый говоръ: „пріѣхала, пріѣхала“; всѣ встрепенулись и остановились въ пріятномъ ожиданіи, устремивъ глаза на ту дверь, въ которую должна она была войти. Гвардейцы, проводившіе время ожиданія въ буфетѣ, бросились, наскоро допивая и закусывая, къ платформѣ и, толкая другъ друга, со смѣхомъ и говоромъ, первые обступили ее со всѣхъ сторонъ и загородили другимъ дорогу.

Ольга, пріѣхавшая въ шумной компаніи какихъ-то бритыхъ господъ, по виду актеровъ, которыхъ публика сейчасъ же узнала, Милочки и Донецъ-Гонскаго, шла впереди всѣхъ подъ руку съ Барсуковымъ; сзади нея Милочка, съ какимъ-то блестящимъ кавалергардомъ, напѣвавшимъ ей любезности, кидала направо и налѣво кокетливые, вызывающіе взгляды.

Увидя ихъ, толпа заволновалась и хлынула къ нимъ, а студенты и гимназисты, плотно выстроившіеся двумя рядами по обѣимъ сторонамъ платформы, вдругъ громко зааплодировали, крича:
—Браво, Леонтьева, браво!

Ольга шла, привѣтливо кланяясь направо и налѣво, и все лицо ея, слегка раскраснѣвшееся, съ ярко блистающими глазами, сіяло счастливою улыбкой и радостью успѣха, который всюду встрѣчала она за эти дни и который точно опьянялъ ее, кружа ей голову какимъ-то сладкимъ и жуткимъ, вѣчно новымъ и милымъ, хотя и привычнымъ ей чувствомъ.

Мало-мальски знакомые съ нею поспѣшно подходили къ ней, говоря ей всевозможныя любезности, видимо рисуясь и хвастаясь предъ другими—не столь счастливыми—своимъ знакомствомъ съ знаменитостью.

Она всѣмъ съ благодарною улыбкой пожимала руки, успѣвая каждому сказать что-нибудь пріятное, и, услышавъ неожиданный ею гулъ апплодисментовъ, слегка вздрогнула, покраснѣла, а глаза ея заблестѣли еще ярче отъ растроганныхъ невольныхъ слезъ благодарности и любви ко всему этому незнакомому, но такъ сердечно провожающему ее народу.

— Благодарю васъ, господа!—сказала она своимъ прекраснымъ, чуть-чуть задрожавшимъ голосомъ и, подойдя къ толпѣ неизвѣстныхъ, но милыхъ и близкихъ ей въ эту минуту студентовъ, протянула руку первому изъ нихъ, стоявшему къ ней ближе другихъ, и горячо пожала ее.

Въ ту же секунду апплодисменты снова раздались съ удвоенной силою и сотни молодыхъ, оживленныхъ голосовъ кричали ей съ страстнымъ увлеченіемъ: „возвращайтесь скорѣе! переходите къ намъ! до свиданья!“ и т. д. Всѣ слова сливались въ общемъ восторженномъ и радостномъ гулѣ, и каждый плохо сознавалъ и различалъ, что̀ кричитъ, но каждому невольно хотѣлось что-то кричать, и, толкая другъ друга, молодежь, съ разгорѣвшимися, влюбленными лицами, хлынула за нею къ ея вагону, гдѣ уже устроивали ей купэ, наполняя его букетами и бонбоньерками.

Чемезовъ съ любопытствомъ глядѣлъ на всѣ эти шумныя оваціи и на саму Ольгу, которая, сквозь густую толпу, не видѣла его,—и какое-то смѣшанное чувство и досады, и удовольствія наполнило его: досады за то, что онъ даромъ истратилъ нужное время, тогда какъ теперь ему было очевидно, что имъ не придется даже перекинуться другъ съ другомъ нѣсколькими словами, а удовольствія—невольнаго, почти несознаваемаго—за ея успѣхъ, льстившій почему-то его самолюбію.

Ольга была въ темно-сѣромъ, отороченномъ кругомъ прекраснымъ бобромъ, пальто и въ большой черной фѣтровой шляпѣ à la Рембрандтъ, съ низко спускавшимся страусовымъ перомъ.

Костюмъ этотъ нисколько не подходилъ къ дорожному, но зато шелъ къ ней, и она видимо сознавала это, вообще была сегодня въ ударѣ и казалась чрезвычайно эффектной и красивой; блестя на всѣхъ оживленными глазами, она весело шутила и смѣялась со всѣми, гордая и радостнымъ своимъ торжествомъ, льстившимъ ей какъ артисткѣ и какъ женщинѣ, и уже ничѣмъ не напоминала больше ту усталую, апатичную, старообразную женщину, какою Чемезовъ засталъ ее, когда пришелъ къ ней въ первый разъ съ визитомъ.

Кромѣ посторонней публики, пріѣхала почти и вся труппа петербургскаго театра, и въ воздухѣ стоялъ такой веселый, громкій говоръ, съ поминутно вырывавшимися, знакомыми на слухъ голосами, и вся эта толпа имѣла такой смѣшанный и оригинальный видъ, что невольно привлекала на себя всеобщее вниманіе: и другіе, уѣзжавшіе съ этимъ поѣздомъ, поминутно останавливались подлѣ интереснаго вагона и съ любопытствомъ разсматривали виновницу торжества. Донецъ-Гонскій сегодня чувствовалъ себя видимо еще болѣе родственникомъ и хозяиномъ, чѣмъ вчера; онъ волновался и суетился, угощая всѣхъ шампанскимъ, и голосъ его, съ самымъ пріятнымъ и любезнымъ оживленіемъ, раздавался особенно часто среди другихъ голосовъ. Ольга, разорвавъ два изъ привезенныхъ ей букетовъ, раздавала на память цвѣты всѣмъ желавшимъ получить ихъ отъ нея, и масса рукъ тянулась къ ней и мелькала въ воздухѣ, ловя и перехватывая падавшія розы и камеліи.

Вдругъ она замѣтила Чемезова и поспѣшно, съ радостною улыбкой, какою, впрочемъ, она улыбалась сегодня и всѣмъ другимъ, протянула ему руку.

— Ахъ, какъ я рада, что вы здѣсь!—сказала она, крѣпко сжимая его руку; но сейчасъ же отвернулась и заговорила о чемъ-то, съ такимъ же сіяющимъ блескомъ въ глазахъ, съ молодымъ, розовымъ кавалергардомъ, о чемъ-то спросившимъ ее.

— Ну, теперь всѣ цвѣты вышли!—громко сказала она, обращаясь къ молодежи и показывая имъ пустыя руки; но ей въ отвѣтъ раздались обиженные, просящіе голоса тѣхъ, кому не досталось цвѣтовъ.

— Дѣлать нечего,—разсмѣялась она:—придется еще одинъ букетъ разорвать!—и прежде чѣмъ она договорила это, чьи-то услужливыя руки уже подали ей огромный розовый букетъ, и она снова принялась распутывать его, слегка хмурясь отъ того усилія, съ которымъ развертывалась упругая проволока.

— Мнѣ, пожалуйста!—раздавались смѣющіеся, нетерпѣливые

голоса:—мнѣ не хватило! и у меня нѣтъ!—и вдругъ тонкій свѣжій женскій голосъ покрылъ на мгновеніе всѣ другіе:

— Пожалуйста, дайте и мнѣ!

Чемезову показалось, что это голосъ Зины, но фигуры той, которая крикнула, не было видно и только тянулась поднятая кверху маленькая женская ручка въ шведской перчаткѣ и проворно подхватила бѣлую розу, протянутую Ольгой съ привѣтливой улыбкой.

„— Право, это Зина!—сказалъ самъ себѣ, смѣясь, Чемезовъ:— но Зины тутъ быть не можетъ".

Наконецъ раздался третій звонокъ; всѣ заволновались; послышались прощанья, пожеланія. Ольга обнималась поспѣшно съ сестрой и товарищами; другіе же сами на-скоро ловили ея руки, чтобы пожать ихъ въ послѣдній разъ, и когда поѣздъ тронулся, молодежь, почти вся украшенная ея цвѣтами, какъ трофеями, снова принялась апплодировать и кричать: „пріѣзжайте! не забывайте!!"

Ольга стояла на платформѣ и, сквозь слезы, радостно улыбалась, раскланиваясь теперь издали съ провожавшими ее и махавшими ей шляпами и платками.

— Пріѣзжайте въ Москву!—крикнула она, смотря прямо на Чемезова и привѣтливо кивая ему.

Но Чемезовъ не понялъ хорошо, кому она это закричала— ему, или кому-нибудь другому; во всякомъ случаѣ раньше лѣта онъ ни подъ какимъ видомъ не могъ попасть въ Москву.

Наконецъ поѣздъ скрылся, и толпа стала рѣдѣть и расходиться съ веселымъ говоромъ. Чемезовъ раскланялся кое-съ кѣмъ изъ знакомыхъ и направился къ выходу, обогнавъ по дорогѣ стараго графа, украшеннаго пунцовой розою, и почти уже въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ Зиной и Мери, шедшими впереди его вмѣстѣ съ miss Ольсонъ, компаньонкой Мери.

— Ахъ, такъ это была ты! — воскликнулъ Чемезовъ, полу-строго, полу-смѣясь смотря на сестру.—Я такъ и зналъ; очень хорошо!

Зина и Мери, повидимому, его не ожидавшія, вспыхнули; компаньонка тоже сконфузилась.

— Ахъ, Юрій, миленькій!—заговорила Зина, чуть не плача и умоляющимъ голоскомъ:—пожалуйста, не сердись и не говори сестрѣ! Вѣдь въ этомъ же ничего нѣтъ дурного: я была у Мери, и погода такая хорошая; онѣ пошли меня провожать, и я уговорила ихъ зайти на минуточку сюда—мнѣ такъ хотѣлось погля-

дѣть Леонтьеву вблизи... она такая прелесть!.. Ну, что же тутъ дурного?

— Значитъ, дурно,—сказалъ, поддразнивая ее, Чемезовъ, здороваясь съ Мери и miss Ольсонъ:—если ты такъ боишься; а главное, зачѣмъ ты цвѣты выпрашивала?

— Ну, Юрочка, милый, знаешь, я нечаянно, я и сама не ожидала, что попрошу, и вдругъ попросила! просто и сама не понимаю, какъ это я рѣшилась! Но только теперь,—плутовски замѣтила она, видя, что братъ, въ сущности, не сердится на нее:—я ужасно рада, что все такъ случилось, и что не только вблизи ее видѣла, но даже и розу отъ нея самой получила! Я ее спрячу и буду хранить. Еслибы ты только зналъ, какъ она мнѣ нравится! Когда она дала мнѣ цвѣтокъ и взглянула на меня, мнѣ такъ захотѣлось поцѣловать ее, ну, такъ захотѣлось, просто насилу удержалась!

— Очень хорошо! и еще хвастается! А вы цвѣтовъ не просили?—съ улыбкой обратился Чемезовъ къ Мери; но та только молча улыбнулась въ отвѣтъ и покачала головой.

Англичанка тоже оправдывалась предъ нимъ на дурномъ французскомъ языкѣ, увѣряя, что всячески удерживала „дѣвочекъ", но онѣ не послушали ее и почти насильно потащили ее на вокзалъ.

Какъ ни странно все это показалось Чемезову, но при видѣ Мери въ немъ проснулось сознаніе какой-то неловкости и виновности предъ ней, поднимавшееся въ немъ помимо его воли; стараясь не поддаваться такому сознанію, почти смѣшному въ его годы, онъ нарочно шутилъ и дурачился съ ними, провожая ихъ. Мери была, по обыкновенію, молчалива, но казалась совсѣмъ спокойною и улыбалась на всѣ его шутки и оправданія Зины.

И на ней, и на Зинѣ, были почти одинаковые темные костюмы для гулянья, англійскаго покроя, съ короткими кофточками по таліи, рыжими башлыками и мерлушковыми шапочками. Онѣ обѣ разрумянились на морозѣ и казались такими свѣженькими и хорошенькими, что возвращавшіеся гурьбой студенты и офицеры съ удовольствіемъ оборачивались на нихъ; Зина, тотчасъ же замѣтившая это, только еще больше оживлялась тѣмъ самымъ женскимъ радостнымъ оживленіемъ успѣха и торжества, которое Чемезовъ только-что подмѣтилъ и на лицѣ Ольги.

Мери пришла на вокзалъ, потому что и ее не менѣе, чѣмъ Зину, тянуло взглянуть на эту женщину, о которой всѣ эти

дни повсюду, гдѣ бы она ни была, шли разговоры. Но главная причина была та, что Зина, совершенно невинно, не придавая словамъ своимъ никакого значенія, разсказала Мери, какъ Юрій возобновилъ знакомство съ Леонтьевой, и какъ онъ нѣсколько разъ даже былъ у нея, и, восхищаясь этимъ, она уговаривала Мери непремѣнно пойти на вокзалъ, чтобы поглядѣть проводы.

Мери слушала ее спокойно, по обыкновенію, на видъ; но въ душѣ ея инстинктивно поднималась ревность, особенно когда она припоминала то странное охлажденіе къ ней, которое началось въ Чемезовѣ во время перваго спектакля этой Леонтьевой, и чѣмъ больше разсказывала Зина, тѣмъ сильнѣе убѣждалась она въ причинѣ этого охлажденія, и тѣмъ неудержимѣе влекло ее взглянуть вблизи на эту женщину; она шла съ тѣмъ самымъ чувствомъ болѣзненнаго наслажденія, съ которымъ надавливаешь себѣ больной зубъ и растравляешь иногда незажившую ранку.

Увидѣвъ ее такой прелестной, всѣхъ чарующей, всѣми балуемой, Мери убѣдилась еще больше, что Чемезовъ влюбился въ нее, что онъ не могъ даже не влюбиться; но въ то же время она была оскорблена за него, не понимая, какъ эта женщина могла вполнѣ равнодушно оставлять его въ прочей толпѣ, почти не обращая на него вниманія, и разговаривать, смѣяться такъ весело съ другими, когда онъ былъ подлѣ нея!

Ея гордость возмущалась, но не за себя, хотя ею пренебрегли для другой, а за него, за то, что его, предъ которымъ она, Мери, готова была преклоняться, такъ мало цѣнятъ и любятъ.

Мери видѣла, что онъ смѣется и шутитъ, но не вѣрила ему, убѣжденная по себѣ, что онъ только наружно притворяется равнодушнымъ, а въ душѣ мучается такъ же, какъ мучилась и она сама.

Чемезовъ торопился домой, а потому не сталъ провожать Зину, предоставивъ ее Мери и miss Ольсонъ; онъ распростился съ ними на подъѣздѣ и даже не пошелъ, а поѣхалъ домой, желая хоть сколько-нибудь наверстать потерянное время. Самъ онъ очень удивился бы и даже разсмѣялся, если-бы узнала, чтò думаетъ о немъ Мери. Ничего подобнаго онъ, конечно, не ощущалъ и влюбленнымъ себя въ Ольгу отнюдь не чувствовалъ. Напротивъ, хотя ему и пріятно было встрѣтиться со старой знакомой, воскресившей предъ нимъ далекую, забытую почти уже молодость, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ почти

радъ, что все это, наконецъ, кончилось.—Ну, слава Богу!—сказалъ онъ себѣ, вздыхая съ облегченіемъ, когда, пріѣхавъ домой, сѣлъ за работу:—теперь, по крайней мѣрѣ, опять можно серьезно заниматься.

И тотчасъ же, переставъ думать и объ Ольгѣ, и о всѣхъ своихъ бесѣдахъ и встрѣчахъ съ нею, онъ опять погрузился въ свои бумаги и доклады, но въ головѣ его все еще стоялъ легкій сумбуръ отъ всѣхъ этихъ проводовъ, цвѣтовъ, прощаній, говора и вообще всей этой непривычной для него сутолоки минувшей недѣли.

Мар. Крестовская.

ПОѢЗДКА

ВЪ

СТОВРАТНЫЯ ѲИВЫ

(1889 г.)

I.

18-го марта, чуть свѣтъ, пріѣхали мы въ Сіутъ, главный городъ Верхняго Египта, гдѣ оканчивается линія желѣзной дороги. Большинство пассажировъ вышло на станціи; насъ же, не перемѣняя вагона, провезли до Нила, какъ разъ къ пристани.

Немедленно перебрались мы на пароходъ, взяли билеты и устроились въ доставшихся намъ каютахъ.

Оставалось еще часа три до отхода парохода, и мы воспользовались этимъ, чтобы осмотрѣть Сіутъ и получить, такимъ образомъ, понятіе объ египетскомъ провинціальномъ городѣ.

Поѣздку совершали, конечно, на ослахъ. Между Ниломъ и городомъ въ собственномъ смыслѣ—раскинуты дачи, жилье болѣе состоятельныхъ обывателей, преимущественно европейцевъ; всѣ онѣ размѣщены просторно и окружены садами; послѣдніе обведены глубокими канавами, за которыми насыпи, усаженныя кактусами. Вотъ гдѣ посмотрѣть кактусы: стволы невысокіе, выгнутые, припавшіе къ землѣ, но нерѣдко въ ногу толщиною; вѣтви или, вѣрнѣе сказать, какіе-то широкіе, лопатообразные отростки или ползутъ во всѣ стороны, или поднимаются другъ надъ другомъ и сажени на полторы надъ корневищемъ. Изогнутые стволы

и вѣтви—отростки одного кактуса спутываются и пересѣкаются со стволами и вѣтвями, отростками другихъ; вдобавокъ, они усажены сплошь здоровыми твердыми и длинными иглами; все это вмѣстѣ составляетъ такую ограду, сквозь которую не пробраться ни животному, ни человѣку. Надежна да и красива эта ограда. Особенно она красива теперь, когда кактусы въ цвѣту; на каждомъ отросткѣ сѣраго, зеленаго или сѣро-зеленаго цвѣта десятокъ или дюжина яркихъ цвѣтковъ красно-кирпичныхъ, розовыхъ или малиновыхъ.

Мы проѣхали городскія ворота. У самыхъ воротъ нѣчто въ родѣ нашей гауптвахты и десятка полтора, два солдатъ. Въ городѣ попадаются улицы и узкія, какъ вообще на Востокѣ, и широкія, на европейскій ладъ. Дома сложены преимущественно изъ нильскаго кирпича; только мечети каменныя. Характеръ построекъ въ узкихъ улицахъ тотъ же, что и въ азіатской части Каира; широкихъ, хорошихъ домовъ мало. Проѣхались по городу въ разныхъ направленіяхъ и часа черезъ два вернулись на пароходъ.

Въ первомъ классѣ, кромѣ насъ, оказалось еще три пассажира, всѣ трое англичане: одинъ военный докторъ, а двое—офицеры; всѣ трое ѣдутъ въ Вади-Яльфу. Мѣсто это у вторыхъ нильскихъ пороговъ, въ 1.500 верстахъ отъ Александріи. Тамъ стоитъ англійскій гарнизонъ, наблюдающій за тѣмъ, что дѣлается въ Суданѣ; составъ его постоянно мѣняется, такъ что одни и тѣ же люди рѣдко остаются тамъ болѣе полутора года. Есть, однако, офицеры, принимающіе на себя обязанность пробыть тамъ три года къ ряду; такими особенно дорожитъ британское правительство; они получаютъ ежегодно 2-хъ-мѣсячный отпускъ, не считая въ томъ числѣ время проѣзда отъ Вади-Яльфа до Александріи и обратно, и эти три года по чинопроизводству и по пенсіи считаютъ имъ за шесть лѣтъ службы.

Ушли мы изъ Сіута часовъ въ девять утра.

Почтовый пароходишко, на которомъ мы ѣдемъ, довольно невзраченъ и очень невеликъ. Огромное движущее его колесо прикрѣплено сзади за кормой, какъ въ паровыхъ баржахъ, которыми у насъ по Каспійскому морю возятъ нынче керосинъ наливомъ. Трясетъ оно пароходъ ужасно. Оказалось потомъ, что всѣ нынѣшніе почтовые пароходы египетскаго правительства на Нилѣ построены по одному типу и одинаково неудобно; строили ихъ англичане для экспедиціи своей въ Суданъ; къ каждому пароходу справа и слѣва прикрѣплялась широкая баржа съ войсками и съ припасами, и поэтому-то они и построены такъ, что движущее колесо одно и находится сзади. Когда экспедиція кончилась, боль-

шинство пароходовъ и баржъ оказались англичанамъ ненужными; они и уступили ихъ египетскому правительству, которое и возитъ теперь на нихъ и пассажировъ, и почту. Капитана на пароходѣ нѣтъ. Кто его замѣняетъ—сказать трудно; боцманъ, или кассиръ, или почтовый чиновникъ—не знаю; распоряжался то тотъ, то другой, то третій, но добиться отъ нихъ, кто хозяинъ на пароходѣ, намъ такъ и не удалось.

Важнѣйшей для насъ лично особой былъ прислуживавшій намъ мальчикъ лѣтъ 14-ти. Сначала мы было-ворчали на него, но потомъ только дивились. И въ первомъ, и во второмъ классѣ, онъ убиралъ каюты, чистилъ обувь и платье, подавалъ чай, завтракъ, лёнчъ, обѣдъ и вечерній чай; онъ же исполнялъ всѣ порученія и требованія, и до свѣту, и въ серединѣ дня, и поздно вечеромъ; онъ спалъ не раздѣваясь, сидя на деревянномъ стулѣ; откликался на всякій зовъ во всякую пору, дня и ночи, и отвѣчалъ на всѣхъ языкахъ, на которыхъ обращались къ нему,—во всякомъ случаѣ, не менѣе, какъ на пяти—на арабскомъ, на турецкомъ, англійскомъ, французскомъ и итальянскомъ, да, кажется, понималъ по-гречески и по-нѣмецки.

Мы шли довольно узкимъ русломъ среди совершенно ровныхъ, широкихъ песковъ, составляющихъ въ обыденное время русло рѣки. Я говорю: „въ обыденное время", потому что время нашей поѣздки было временемъ самаго низкаго стоянія водъ Нила.

Мы ѣдемъ Ниломъ и невольно удивляемся. Это не рѣка; это словно большая, широкая улица немалаго города. Движеніе судовъ постоянное—пароходы, груженыя барки, дахабіи, большія лодки и крошечные челноки.

Всего меньше, конечно, пароходовъ. Грузы идутъ почти исключительно сверху внизъ, и потому могутъ пользоваться обоими даровыми двигателями—теченіемъ и вѣтромъ.

Дахабіи, чрезвычайно красивыя, легкія суда съ громадными бамбуковыми мачтами, поворотливыя, прекрасно идущія и по теченію, и противъ теченія, и по вѣтру, и противъ вѣтра; въ нихъ двѣ-три каюты; особенно любятъ ихъ путешественники, не боящіеся потерять много времени и достаточно богатые, чтобы оплатить поѣздку въ нихъ въ теченіе мѣсяца или двухъ. Путешествуютъ въ дахабіяхъ обыкновенно цѣлымъ обществомъ, пять-шесть человѣкъ; берутъ съ собой повара; ночуютъ на суднѣ, а днемъ или идутъ по рѣкѣ, или дѣлаютъ экскурсіи въ глубь долины, преимущественно уже на ослахъ. Дахабію можно нанять и самому или условиться съ драгоманомъ, и тогда уже его дѣло озаботиться объ ѣдѣ, о ослахъ, лошадяхъ и проводникахъ. Есть

египетскіе вельможи, а также богатые англичане и американцы, у которыхъ свои собственныя дахабіи; въ такомъ случаѣ эти послѣднія смотрятъ какъ самыя роскошныя игрушки; корма, носъ, борта покрыты рѣзьбой и вызолочены; палуба или выложена дорогимъ деревомъ, или обита кожей; снасти и такелажъ изумительной чистоты отдѣлки; каюты же устроены какъ пароходные будуары.

Сколько интереснаго для новичка попадается сначала на Нилѣ! Вотъ подходимъ мы къ пристани. У самой барки, къ которой причаливаетъ пароходъ, стоятъ два пѣшихъ полицейскихъ и два всадника, съ карабинами и саблями. Костюмъ полицейскихъ прекурьезный: коротенькія свѣтло-голубыя курточки, обшитыя золотымъ позументомъ, и того же цвѣта брюки; нижняя часть ноги покрыта бѣлыми штиблетами; сапоги огромные, толстые; въ рукахъ у каждаго длинная, порядочной толщины бамбуковая трость, которую они ежеминутно пускаютъ въ дѣло съ самымъ притомъ равнодушнымъ видомъ; на лѣвомъ боку тесакъ, на головѣ красная феска. Едва мы остановились, на пароходъ взошелъ широкій, могучій негръ. Ему на голову взвалили небольшой сундучокъ; одинъ полицейскій пошелъ около него справа, другой—слѣва; одинъ конный поѣхалъ впереди, другой—сзади, и оба держатъ карабины въ рукахъ. Это, видите ли, пароходъ нашъ везетъ мѣсячное жалованье чиновникамъ; на каждой пристани отпускаемъ мы по сундучку, набитому французскими наполеонами или англійскими гинеями, и всюду, подъ добрымъ эскортомъ четырехъ вооруженныхъ людей, отправляются они въ ближайшій городъ. Прежде посылали только съ двумя полицейскими, но въ послѣднее время народъ такъ оголодалъ, что не разъ отбивали у полицейскихъ ящикъ, всегда заключающій отъ 50 до 60.000 франковъ, а то и болѣе; потому и усилили теперь охрану. Но вотъ что̀ замѣчательно и что̀ поразило нашъ глазъ. При конвойныхъ золота начальства нѣтъ; принимая сундукъ, конвойные расписки въ полученіи его не даютъ, а сдающій его чиновникъ ея и не требуетъ. Меня это заинтересовало. Я сталъ разспрашивать, и кассиръ пояснилъ мнѣ такъ. „Всякій знаетъ, когда придетъ пароходъ и что онъ привезетъ деньги; за ними высланы негръ, полицейскіе и конвойные; и пассажиры на пароходѣ, и народъ на пристани видѣли, что сундукъ я сдалъ, а посланные его приняли—чего же мнѣ бояться? Черезъ 1½ часа онъ будетъ на мѣстѣ назначенія, его вскроютъ и пересчитаютъ деньги; а не будетъ его на мѣстѣ черезъ два часа, или не всѣ деньги окажутся въ цѣлости—поднимутъ такой шумъ, что скоро все выяснится".

Идемъ мы рѣкой, нерѣдко въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ отмелей, бывшихъ еще недѣлю тому назадъ подъ водой. Ближайшія къ рѣкѣ пространства ихъ засажены огородиной; между каждымъ рядомъ посадокъ натыканы почти сплошныя стѣнки изъ засохшихъ переломанныхъ пальмовыхъ вай, или что-то въ родѣ низенькихъ соломенныхъ щитовъ; но расположеніе загородочекъ этихъ различное; одинъ—подъ прямымъ угломъ къ рѣкѣ, другія—подъ острымъ или тупымъ, третьи —параллельно. Земля, видите ли, дорога, особенно влажныя мѣста; поэтому, какъ только вода достигнетъ своего наименьшаго уровня, ближайшія къ ней мѣста засаживаются овощами; одни изъ нихъ любятъ отѣненіе, другія—солнопекъ; натыканныя стѣнки и имѣютъ цѣлью или отѣнить растеніе, или, напротивъ, усилить и такъ уже жгучее освѣщеніе—отсюда разнообразіе направленій въ посадкѣ растеній и раздѣляющихъ ряды ихъ стѣнокъ.

Деревни и города попадаются часто, но наружный видъ ихъ мало обѣщающій; всѣ дома сложены изъ необожженыхъ кирпичей, сдѣланныхъ изъ нильскаго ила; такъ они и остаются—темно-сѣрые, не отштукатуренные. Выдѣляются только мечети и минареты ихъ, обыкновенно выкрашенные въ бѣлый цвѣтъ. Кровли домовъ плоскія, нерѣдко у самаго края уставлены высокими горшками, опрокинутыми кверху дномъ; это придаетъ нѣкоторымъ домамъ,—особенно тѣмъ, что побольше,—характеръ башенъ съ бойницами; впечатлѣніе это еще сильнѣе, когда дома трехъ-этажные, стоятъ особнякомъ и имѣютъ пирамидальную форму (т.-е. форму пирамиды, усѣченной на половину высоты, вообще очень любимую въ Египтѣ).

Но вотъ обращаютъ на себя вниманіе наше, особенно въ деревняхъ, высокіе узкіе дома, вокругъ каждаго изъ этажей которыхъ идутъ какіе-то широкіе выступы. Присматриваемся въ бинокли. Выступы словно изъ хворосту. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Устроены они для того, чтобы на нихъ жили и водились голуби, которые въ Египтѣ носятся цѣлыми тучами. На хворостяныхъ, заплетенныхъ соломой, выступахъ этихъ накопляется масса голубинаго помета; его очищаютъ раза два, три въ годъ и большими партіями сбываютъ въ Англію и Германію, гдѣ онъ употребляется какъ одно изъ лучшихъ удобрительныхъ средствъ.

Нерѣдко на берегу видимъ людей, идущихъ съ толстыми кривыми палками въ рукахъ; палки эти они отъ поры до времени прикладываютъ къ колѣну, отламываютъ кусокъ, препровождаютъ въ ротъ и потомъ жуютъ. Это сахарный тростникъ. При первой болѣе продолжительной остановкѣ драгоманъ нашъ m-r Дмитри

(мы взяли его съ собой въ Верхній Египетъ) купилъ намъ нѣсколько кусковъ его. Довольно вкусно,—сокъ дѣйствуетъ очень прохлаждающе; древесину выплевываютъ.

Въ этой части теченія Нила не мало сахарнаго тростнику; его переработываютъ на особыхъ заводахъ; въ одинъ день мы проѣхали мимо трехъ изъ нихъ.

День склоняется къ вечеру. Темнота наступила быстро. На пароходѣ зажгли огни. Пообѣдали. Опять вышли на палубу. Какъ холодно! ужъ мы на 23° широты, а чуть солнце зашло—приходится кутаться въ плэдъ.

Но вотъ появились свѣтящіяся точки... одна, двѣ, а потомъ и цѣлая сотня. Это городъ—мѣсто ночевки. Пароходы ходятъ только днемъ. Причалили и стали.

19-го марта, рано утромъ, двинулись дальше.

Чѣмъ больше подвигаемся мы къ югу, тѣмъ чаще попадаются вдоль береговъ „садуфы" и „сакіи"—приспособленія для поднятія воды на окрестныя поля.

Для устройства „садуфа" выкапываютъ у самаго берега яму такъ, чтобы въ нее свободно втекала вода рѣки; на откосѣ берега ставятъ столбъ съ утвержденнымъ вверху его длиннымъ бревномъ въ видѣ коромысла и съ прикрѣпленной къ концу его бадьей; устройство точь-въ-точь какъ журавли нашихъ колодцевъ; бадьей зачерпываютъ воду изъ ямы, подымаютъ вверхъ, гдѣ и выливаютъ въ другую яму, откуда вода канавками расходится по полямъ. Таково устройство садуфа въ Нижнемъ Египтѣ, гдѣ берега Нила невысоки; дальше, вверхъ по теченію, садуфы изъ одноярусныхъ обращаются въ двухъ-трехъ- и даже четырехъ-ярусные. Первая яма —у поверхности Нила, вторая—на откосѣ берега, аршина четыре выше первой, третья—на томъ же откосѣ, тоже аршина на четыре надъ второй, и т. д., и надъ каждой по журавлю; изъ первой ямы воду подымаютъ журавлемъ и льютъ во вторую; изъ второй въ третью и т. д. У каждаго изъ журавлей работаетъ одинъ или два человѣка. Такимъ образомъ, въ Верхнемъ Египтѣ приходится каждую, нужную для поливки, бадью воды зачерпнуть четыре раза и четыре же раза поднять ее вверхъ работой человѣческихъ мускуловъ прежде, чѣмъ дойдетъ она до уровня полей. Отъ восхода солнца до самаго его заката работаетъ у каждаго садуфа отъ 6 до 10 человѣкъ (отъ 4 до 8 собственно подымаютъ воду, остальные направляютъ воду по канавамъ); работаютъ они нагіе, какъ мать родила, не имѣя на себѣ ничего кромѣ пояса благо-

пристойности, работаютъ на горячемъ тропическомъ солнцѣ, работаютъ даже нерѣдко при жгучемъ дыханіи хамсина. Смотришь на эту работу и диву-дивишься. Поставить бы, кажется, насосъ— и двухъ человѣкъ за-глаза довольно. Но нѣтъ, какъ ни дешево стоитъ насосъ, средствъ на устройство его нѣтъ, а трудъ феллаха нипочемъ. И работаютъ тысячи ихъ, вдоль всѣхъ береговъ Нила, работаютъ какъ каторжные... Изрѣдка только, тамъ, гдѣ къ рѣкѣ подходятъ земли богатыхъ владѣльцевъ, является нѣкоторое сбереженіе человѣческаго труда, замѣной его быками или буйволами; для этого вмѣсто „садуфа" устроивается „сакія". Въ берегѣ вырывается нѣчто въ родѣ узкаго, въ аршинъ шириной, заливчика; въ него вставляется огромное колесо, много больше нашихъ мельничныхъ; на наружной сторонѣ обода насажены кувшины. Низъ колеса въ водѣ, и потому кувшинчики, одинъ за другимъ, наполняются ею; когда, съ поворотомъ колеса, кувшинъ, полный воды, окажется на самомъ верху, вода выливается въ резервуаръ, устроенный немного ниже уровня верхней части колеса; отсюда вода, если берегъ невысокъ, расходится по полю, или же колесомъ второй „сакіи", черпающей воду изъ этого уже резервуара, подымается еще выше.

Чѣмъ больше подымаемся мы по Нилу, тѣмъ рѣже попадаются города. Деревень все же много, но не у самаго берега. Онѣ преимущественно на возвышенностяхъ, менѣе затапливаемыхъ рѣкой, и всегда притомъ у одного изъ безчисленныхъ каналовъ, прорѣзывающихъ долину по всѣмъ направленіямъ.

Каналы—одна изъ главныхъ особенностей Египта; ими достигается болѣе равномѣрное распредѣленіе разлива, они же даютъ воду для поливки такихъ частей долины, которыя безъ содѣйствія ихъ не произвели бы ни былинки, а теперь родятъ богатѣйшія жатвы. Каналы самой разнообразной величины; есть шире и глубже нашей Фонтанки; по нимъ вверхъ и внизъ ходятъ суда на парусахъ, а есть въ два, три аршина ширины. Вдоль береговъ и большихъ, и малыхъ каналовъ—„сакіи" и „садуфы", также какъ и вдоль Нила. Когда воды рѣки уже сильно спадутъ, выходы изъ каналовъ закрываются чѣмъ-то въ родѣ „застолокъ", подобныхъ нашимъ мельничнымъ; вода, слѣдовательно, сверху изъ Нила, иногда за многіе десятки верстъ, можетъ еще входить въ каналъ, но выхода ей уже нѣтъ; она, значитъ, у устья канала будетъ стоять выше, чѣмъ безъ запруды, и такимъ образомъ наполняетъ второстепенные и третьестепенные каналы, которые безъ этого не принесли бы населенію столь необходимую имъ влагу.

Мѣстность вдоль по Нилу очень однообразна. Рѣка проходитъ въ восточной части долины, преимущественно невдалекѣ отъ аравійской цѣпи горъ; западныя же ливійскія возвышенности отдѣлены отъ Нила почти всей шириной долины и съ парохода едва замѣтны въ видѣ легкихъ холмовъ, всегда покрытыхъ дымкою. Иногда рѣка подходитъ къ самымъ скаламъ аравійской цѣпи. Совсѣмъ отвѣсно высятся тогда онѣ надъ нею. Желтые и сѣрые камни этихъ громадъ смотрятъ сумрачно, грозно и дико. Нерѣдко зіяютъ въ нихъ глубокія мрачныя пещеры. Не природа образовала ихъ. Она выдвинула изъ нѣдръ земли сплошныхъ могучихъ великановъ, и люди, многія тысячелѣтія тому назадъ, поднялись на страшную высоту и высѣкли пещеры эти, добывая въ нихъ тѣ огромные камни, изъ которыхъ сложены были потомъ пирамиды. И чѣмъ ближе къ Нилу, чѣмъ отвѣснѣе, выше и неприступнѣе скалы, тѣмъ болѣе выбито въ нихъ пещеръ, тѣмъ больше ихъ и тѣмъ мрачнѣе смотрятъ онѣ. Неудивительно, что это именно такъ; двигать по суху безъ дорогъ тысячепудовые камни куда тяжелѣе, чѣмъ со скалы, отвѣсно внизъ, осторожно спустить ихъ на судно и водой доставить туда, гдѣ воздвигались искусственные исполины-пирамиды.

Но мѣстъ, гдѣ горы неприступными головокружительной высоты, обрывами спускаются прямо въ рѣку, не много. Обыкновенно горы излучистой линіей тянутся вдоль лощины, гдѣ течетъ теперь Нилъ, то приближаясь къ нему сажень на двѣсти, на триста, то уходя на версту, на двѣ и даже на три. Пейзажъ выигрываетъ или тогда, когда онѣ здѣсь прямо у берега, или когда онѣ тамъ всего дальше. Въ первомъ случаѣ дѣйствуютъ на глазъ и воображеніе громадность, дикость и рѣзкость формъ; во второмъ случаѣ размѣры уменьшаются, формы округляются, дикій характеръ вовсе стушевывается; а между тѣмъ солнечные лучи, проходящіе сквозь воздухъ, полный мелкихъ, невидимыхъ глазу частицъ, освѣщающіе горы подъ острымъ угломъ, придаютъ имъ лиловатый оттѣнокъ, и только гребни ихъ вырисовываются надъ зеленоватой площадью долины.

Но все это вторые планы пейзажа. Къ нимъ можно причислить и города, и деревни, и кущи пальмъ, преимущественно на западной, лѣвой сторонѣ нильской долины.

Первые же планы куда какъ мало приглядны. Рѣка протоками идетъ по обсохшему руслу. То направо, то налѣво тянутся песчаныя безконечныя отмели. Самые берега изъ засохшаго ила, безъ всякой растительности, и всѣ слоями отъ 1/4 до 1/2 аршина толщины каждый.

И сколько ни идемъ мы—все тоже и тоже.

Ходишь, смотришь, вглядываешься—и все тоже. Тѣ же пески, тѣ же берега, то же освѣщеніе. Утомительное, тяжелое однообразіе.

Невольно взглянешь на пароходъ, даже заинтересуешься, что̀ на немъ дѣлается.

Удивляютъ насъ, признаться, спутники наши, англичане. Ѣдятъ они какъ и мы. Но пьютъ на удивленіе. Мы знаемъ, что подъ египетскимъ солнцемъ днемъ мясо ѣсть не слѣдуетъ, а отъ спиртныхъ напитковъ—Боже избави. Для нихъ же, видно, законъ этотъ не писанъ. Вчера былъ вѣтеръ сѣверный, и потому было не такъ-то жарко. Сегодня же вѣтра нѣтъ. Жжетъ солнце неумолимо. Натянули надъ палубой тентъ, и все же дышать нечѣмъ. Докторъ-англичанинъ тоже жалуется на жару и начинаетъ прохлаждаться. Потребовалъ тарелку чего-то въ родѣ пикулей, до того нашпигованныхъ перцемъ, гвоздикой и тому подобнымъ, что я самаго маленькаго кусочка съѣсть не могъ; взялъ онъ также пол-бутылки сельтерской воды и бутылку рому,—и прохлаждается. Просидѣлъ часа полтора, съѣлъ $^1/_4$ часть пикулей, выпилъ съ стаканъ сельтерской воды и не оставилъ ни одной капли рому. Приходитъ одинъ изъ офицеровъ; докторъ говоритъ ему: „прекрасное отъ жары средство сельтерская вода и капельку рома для вкуса“, и вотъ пресерьезно требуютъ они еще бутылку рому и уже вдвоемъ допиваютъ остатокъ сельтерской воды и осушаютъ ромъ.

Кормятъ на пароходѣ невозможно скверно, берутъ же за обѣдъ и завтракъ пол-гинеи съ лица, т.-е. по $12^1/_2$ франковъ, по тогдашнему курсу болѣе 5 рублей; обѣдъ куда хуже, чѣмъ полутора-рублевый въ любомъ петербургскомъ ресторанѣ; тоже и завтракъ. За все остальное нужно платить отдѣльно, а цѣны очень серьезныя: напр., пол-бутылки сельтерской воды 60 коп. Шесть дней провели мы на пароходѣ, три дня ѣдучи вверхъ и три дня возвращаясь, и каждый день ѣда обходилась намъ по 10 руб. съ лица, а чай былъ съ нами московскій.

Бродя по пароходу, усѣлся я какъ-то у самаго носа въ третьемъ классѣ, наблюдая суетню прислуги и нѣкоторыхъ изъ пассажировъ. Прямо противъ меня, вытянувшись пластомъ на самомъ солнышкѣ, лежитъ юноша лѣтъ 20—21, видимо европеецъ и сѣверянинъ. Долго внимательно смотрѣлъ онъ на меня, и потомъ вдругъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ обратился ко мнѣ: „далеко ли ѣдете?“ Удивился я. Оказывается—воспитанникъ московскаго межевого института; заболѣлъ, доктора послали

его на югъ, начальство же дало годовой отпускъ. Вотъ и поѣхалъ онъ сначала на Кавказъ, оттуда, въ октябрѣ, въ Каиръ. Средствъ мало, думалъ при содѣйствіи консульства получить какую-нибудь работу или уроки—ничего не вышло. Позвали его недавно въ гости въ Вади-Яльфу, да и билеты на проѣздъ туда и обратно дали,—вотъ и ѣдетъ, а въ маѣ опять на Кавказъ. Призналъ онъ меня по цвѣтной вышивкѣ ворота моей рубашки.

Ночевать остались въ Кенэ, третьемъ по величинѣ городѣ Египта, болѣе 100.000 жителей.

На слѣдующій день, 20-го марта, берега были все тѣ же. Въ Нилѣ воды какъ будто бы побольше; на глазъ это, впрочемъ, мало замѣтно, но обозначается движеніемъ парохода. Въ первый день нашего пути мы то-и-дѣло садились на мель; это, впрочемъ, задерживало насъ мало; песокъ на днѣ рѣки настолько неплотный, что стягиваются съ него очень легко,—покачаются, покачаются на мѣстѣ, сразу дадутъ сильный задній ходъ и—пошли. Во второй день врѣзывались мы въ мель всего разъ, да нѣсколько разъ зацѣплялись дномъ парохода. Теперь же, въ третій день, идемъ совершенно свободно. Одна изъ особенностей Нила состоитъ въ томъ, что количество воды увеличивается въ немъ не къ устью, а отъ устья вплоть до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Атбара, несущая воды сѣверной Абиссиніи. Съ перваго раза это можетъ показаться страннымъ, но это такъ въ дѣйствительности и очень притомъ естественно. Отъ впаденія Атбары до устья Нилъ проходитъ около 2.500 верстъ, не принимая *ни одного* притока; между тѣмъ идетъ онъ по песчаному руслу, въ странѣ вѣчнаго солнца и жары; количество воды въ рѣкѣ не только поэтому не увеличивается, но масса ея теряется, путемъ просасыванія въ почву, испареніемъ и еще болѣе отводится каналами на орошеніе полей.

Къ полудню будемъ въ Луксорѣ, на развалинахъ древнихъ стовратныхъ Ѳивъ. Прежде мы думали проѣхать еще дальше до Ассуана и первыхъ пороговъ—это верстъ на двѣсти выше Ѳивъ,—но выяснилось, что въ такомъ случаѣ мы или вовсе не будемъ имѣть времени для осмотра замѣчательныхъ развалинъ ѳивскихъ храмовъ, или же намъ придется очень долго жить въ Луксорѣ, такъ какъ пароходы, по окончаніи сезона, ходятъ не часто.

Не было еще одиннадцати часовъ, когда m-r Дмитри началъ указывать намъ далеко впереди на правомъ берегу рѣки

какіе-то высокіе предметы. Одинъ онъ называлъ обелискомъ, другой—пилономъ, третій—большою залой и т. д. Мы, однако, ничего разобрать не могли, поняли только, что эти отдаленные великаны, замаскированные другими постройками—остатки громаднѣйшаго карнакскаго храма.

Но вотъ показалась деревушка; среди нея высится европейское зданіе съ вывѣскою: Hôtel Karnac. Проходимъ мимо—окна забиты, нѣтъ и признака жизни. Намъ объясняютъ, что хозяева другого отеля, Hôtel Louxor, гдѣ мы должны остановиться, купили Hôtel Karnac для устраненія конкурренціи, а купивъ его—заколотили всѣ входы и выходы.

Но вотъ и пристань. Раздались пароходные свистки. Мы причалили. Наконецъ-то мы у цѣли нашего долгаго странствованія.

Нетерпѣливо сбѣжали мы съ парохода и быстро взобрались на кручу берега. Пыльная набережная окружала насъ; налѣво лѣпились крохотные домики; направо возвышались какія-то развалины; передъ нами—Нилъ, за нимъ—широкая долина, а дальше—разорванные гребни горъ.

На той почвѣ, которую попираемъ мы теперь, стоялъ одинъ изъ величайшихъ городовъ не Египта только, а всего древняго міра. Сто воротъ, сто выходовъ было изъ него и—въ случаѣ войны—2.000 съ головы до ногъ вооруженныхъ воиновъ выходило изъ каждыхъ воротъ.

По этому Нилу, что̀ спокойно струитъ передъ нами тихія воды свои, многіе вѣка звучали тимпаны, гремѣло оружіе, къ небу неслись грозные крики безчисленныхъ ратей, съ угрозой врагамъ подымались они по немъ далеко, далеко за предѣлы эѳіопскіе или спускались къ морю, а тамъ шли и несли знамена фараоновъ до Каспія и до уходящаго въ небо хребта кавказскаго.

А эти пустынные, тамъ за долиной разорванные гребни горныхъ кряжей! Тысячелѣтія хранили они въ нѣдрахъ своихъ могилы фараоновъ и бренные останки ихъ,—да и кто знаетъ, не хранятъ ли они и теперь могилъ и останковъ куда болѣе того, что̀ открыто было до сихъ поръ? Мы направились въ гостинницу мимо величественной колоннады, остатка прежняго храма, потомъ свернули по узенькой песчаной улицѣ и шли вдоль высокой каменной стѣны, но вотъ въ ней ворота—это входъ въ гостинницу.

Цѣлыхъ три дня видѣли мы вокругъ себя только скалы, пески да неприглядные илистые берега. И вдругъ разомъ, пере-

ступивъ только порогъ калитки, очутились мы въ роскошномъ тропическомъ саду.

Широкая, убитая щебнемъ, дорожка, ведетъ къ отелю. Направо, налѣво и впереди, у самыхъ стѣнъ гостинницы, высятся стройныя пальмы. Между ними и вокругъ нихъ, на веселящемъ зеленью своею газонѣ—олеандры, сплошь покрытые своими чудными колокольчиками; кусты розъ, сажени въ полторы высотой, сверху до низу усыпанные алыми и розовыми цвѣтами и бутонами, раскинулись между стволами тополей и грецкихъ орѣховъ; померанцы стоятъ, какъ молокомъ облитые своими крохотными бѣлыми цвѣточками; пестрыя клумбы высятся вдоль дорожекъ; зелень блеститъ весенней свѣжестью. Отовсюду несетъ пріятной сыростью только-что обильно облитой земли.

Отель двухъ-этажный. Внизу кругомъ его крытая галерея, аркадами отдѣленная отъ сада; во второмъ этажѣ, какъ разъ надъ нею, широчайшая терраса, тоже охватывающая все зданіе. Намъ, по выбору нашему, дали комнаты во второмъ этажѣ окнами на сѣверъ, съ выходами на террасу.

Мы заказали завтракъ. Спѣшно устроились у себя въ нумерахъ и пошли смотрѣть садъ. Оказалось, что за окончаніемъ сезона въ порядкѣ только лицевая сторона его отъ входа; остальное не прибрано, не выметено, но все же хорошо. Пальмы, бамбукъ, акаціи, грецкіе орѣхи, лимоны, апельсины, померанцы, рожки, кактусы, алоэ—словомъ, вся южная флора. Но для насъ главная прелесть сада была даже не въ этомъ, а въ живыхъ голосистыхъ его обывателяхъ. Богъ знаетъ, когда въ послѣдній разъ слышали мы птицъ,—еще, конечно, минувшимъ лѣтомъ на родинѣ,—а тутъ ихъ видимо-невидимо; большое пространство, сплошь покрытое растительностью, привлекло пернатыхъ со всей окрестности; весело носятся они съ вѣтви на вѣтвь, щелкаютъ, свистятъ, щебечутъ и поютъ.

Вернувшись въ гостинницу, мы усѣлись въ лекторіи. Но едва успѣли мы развернуть—кто каррикатурный, кто иллюстрированный журналъ, какъ одинъ изъ слугъ пришелъ сообщить, что насъ спрашиваетъ господинъ, и онъ назвалъ длиннѣйшую и мудренѣйшую арабскую фамилію.

Мы подумали, не есть ли это обыденное въ тѣхъ мѣстностяхъ приставаніе, и уже хотѣли отправить „господина“ по добру по здорову, но онъ, изъ другой комнаты видимо слѣдившій за переговорами слуги, самъ появился въ дверяхъ и, любезно раскланиваясь, подошелъ къ намъ. Это былъ мужчина высокаго роста, красивый, видный, одѣтый по-европейски; цѣпочка съ брелоками,

перстни на пальцахъ, чистота и модный покрой жакетки ясно показывали, что не попрошайство—его цѣль. Мы поднялись. Рекомендуется — русскій и британскій, и бельгійскій консулъ въ Луксорѣ. Очень, конечно, рады. По-французски говоритъ плохо, такъ что едва его поймешь. Одинъ изъ насъ обратился къ нему по-италіянски; консулъ обрадовался, и они затараторили очень оживленно. Но вотъ подали завтракъ; за столомъ насъ всего пятеро: какой-то бельгіецъ съ женой да мы трое. Ѣда прескверная; всему, говорятъ, виною конецъ сезона. Въ гостинницѣ 150 нумеровъ, и съ ноября по конецъ февраля рѣдко бываютъ пустые; теперь же занято всего четыре; вся европейская прислуга—повара, прачки, лакеи-кельнеры—уже уѣхали въ Италію и Швейцарію и вернутся оттуда только по окончаніи тамошняго сезона, въ октябрѣ; готовятъ же и служатъ намъ мѣстные.

За завтракомъ мы сидѣли довольно долго. Я спросилъ вторую чашку кофе. Только-что подалъ мнѣ ее слуга и отошелъ къ прилавку, какъ быстро вбѣжалъ другой слуга, очень скоро заговорилъ съ первымъ и энергическими жестами сталъ показывать на насъ вообще и на меня въ особенности. Нѣсколько мгновеній недоумѣніе было видно на лицахъ ихъ, но потомъ они бросились къ намъ. Подававшій мнѣ кофе обратился ко мнѣ тономъ, въ которомъ и восклицаніе, и вопросъ слышались въ одинаковой мѣрѣ: „московъ, московъ, московъ!?“ Я недоумѣвающе смотрѣлъ на него. Тогда, забывъ, повидимому, принятые въ отелѣ порядки, онъ началъ слегка пальцемъ тыкать меня въ плечо, снова повторяя: „московъ, московъ!“... а затѣмъ билъ себя въ грудь и говорилъ: „Коптъ, коптъ! Кристосъ, коптъ! Кристосъ!“

Копты пришли въ восторгъ. Быстро на лѣвой рукѣ засучили они до плеча рукава одежды и показывали татуированный ниже плеча большой православный крестъ. Ударяя по немъ и цѣлуя его, они повторяли: „Московъ, коптъ, Кристосъ, ami, ami, ami! Коптъ, Акъ-падишахъ, ami, ami!“

Большинство сельчанъ Верхняго Египта копты-христіане, въ городахъ же—мусульмане. Здѣшнее христіанство—дѣло проповѣди, трудовъ и мученичества великихъ ѳиваидскихъ отшельниковъ; оно уже со времени женитьбы Іоанна III на Софіи Палеологъ стало видѣть въ Москвѣ своего защитника; побѣды Екатерины надъ турками еще болѣе укрѣпили эту мысль.

Послѣ завтрака мы надумались, что англичане въ консулы дурака не выберутъ, что, слѣдовательно, консулъ можетъ намъ оказаться полезенъ, да и сообщитъ многое, чего безъ знакомства не узнаешь,—поэтому рѣшили сдѣлать ему визитъ. Оказалось,

консульство перешло къ нему отъ отца и не мало содѣйствовало его обогащенію, такъ что онъ самый состоятельный изъ обывателей Луксора. Отъ гостинницы до его дома не болѣе сотни шаговъ. Принялъ онъ насъ предупредительно, угостилъ кофе, щербетомъ, вареньями; показывалъ старое оружіе, монеты и тому подобное, звалъ на слѣдующій день отобѣдать чисто по-арабски, безъ ножей, вилокъ и салфетокъ, и съ арабской кухней, и затѣмъ вызвался проводить въ Карнакъ.

Поѣхали, конечно, на ослахъ. Большой карнакскій храмъ состоялъ изъ множества частей. Главнѣйшая—въ видѣ длиннаго прямоугольника, вытянутаго съ востока на западъ. Къ ней примыкаютъ пристройки. Важнѣйшія изъ нихъ идутъ длинной полосою прямо на югъ, выходятъ за прежнюю ограду храма и тянутся въ видѣ аллеи сфинксовъ, изрѣдка прерываемыхъ постройками меньшихъ храмовъ.

На встрѣчу этой линіи шла прежде другая отъ луксорскаго храма, такъ что обѣ главныя святыни древнихъ Ѳивъ, отстоящія слишкомъ на двѣ версты одна отъ другой, все же соединялись между собою.

Главный входъ въ карнакскій храмъ былъ съ запада, со стороны Нила. Сначала шла аллея сфинксовъ; потомъ небольшой пропилонъ, т.-е. преддверіе, въ родѣ тѣхъ тріумфальныхъ воротъ, которыя особенно часто строились у насъ въ царствованіе Александра I и Николая I; только, конечно, египетскія ворота покрупнѣе нашихъ, складывались изъ огромныхъ камней и не имѣли сводовъ. За пропилономъ—новая коротенькая аллея сфинксовъ, а затѣмъ пилонъ. Каждый пилонъ представляетъ собой не что иное, какъ огромную стѣну, воздвигнутую поперекъ храма, т.-е. по его ширинѣ; стѣна эта въ основаніи шире и все съуживается вверхъ, такъ что наружныя стороны ея наклонены подобно боковымъ гранямъ пирамидъ, но наклонъ только гораздо круче, такъ что издали сооруженіе можно счесть совсѣмъ отвѣснымъ; по самой серединѣ этой стѣны проходъ, отличающійся отъ всякаго рода каменныхъ воротъ нашихъ не одной только громадностью, но и тѣмъ, что стѣнки его скошены вверхъ, какъ и внѣшнія стѣны пилона, и что надъ нимъ верхней покрышки, потолка, никогда не дѣлалось. Первый самый большой пилонъ выстроенъ позже остальныхъ частей главнаго храма, во времена Птолемеевъ; онъ даже не былъ никогда окончательно достроенъ, и, несмотря на это, онъ—самый большой изъ пилоновъ храма; нынѣшняя его высота около 21 сажени, длина 53 сажени, ши-

рина болѣе 7 саженъ. Сѣверная, лѣвая отъ входа, половина его значительно повреждена.

За пилономъ идетъ первый дворъ храма; западную его сторону составляетъ 1-й пилонъ, восточную—2-й пилонъ; сѣверная же и южная—изъ толстыхъ стѣнъ, впереди которыхъ рядъ колоннъ; пространство между стѣнами и колоннами прикрыто сверху огромными камнями, такъ что образуетъ закрытыя галереи. Во дворѣ этомъ на стѣнѣ перваго пилона высѣчена надпись, сдѣланная по распоряженію ученой коммиссіи, сопровождавшей Наполеона въ его экспедиціи; она указываетъ градусы широты и долготы, подъ которыми находятся главнѣйшія развалины Египта.

За первымъ дворомъ идетъ второй пилонъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, но болѣе древній, чѣмъ первые пилонъ и дворъ.

У входа стояли двѣ огромныхъ статуи; одна изъ нихъ еще на ногахъ—это, повидимому, Рамзесъ I.

За вторымъ пилономъ идетъ большая зала колоннъ, замѣчательнѣйшая изъ залъ, оставленныхъ намъ Египтомъ. Потолокъ поддерживался 134 громадными колоннами; 12 изъ нихъ, ближайшихъ къ серединѣ у самой оси храма, чуть-чуть больше остальныхъ. Высота колоннъ этихъ почти 11 саженъ, окружность семь аршинъ, т.-е. каждая изъ нихъ такой же величины, какъ Вандомская колонна въ Парижѣ, воздвигнутая въ память побѣдъ наполеоновской великой арміи. Изъ колоннъ этихъ двѣ упали, одна наклонилась, а остальныя стоятъ, такъ же высоко поднявъ головы, какъ и при постройкѣ ихъ за 15 вѣковъ до Рождества Христова.

И стѣны, и колонны залы покрыты изображеніями, обыкновенно раскрашенными, и надписями. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ картинъ, высѣченная, впрочемъ, на внѣшней сторонѣ пилона, составляющаго восточную стѣну залы, изображаетъ Сети I въ боевой колесницѣ; передъ нимъ склонились побѣжденныя имъ племена; сирійцы и евреи устилаютъ древесными вѣтвями его путь и возносятъ славу царю, „взглядъ котораго, подобно солнцу, даруетъ жизнь“. Другой рисунокъ изображаетъ возвращеніе Сети домой; его встрѣчаютъ подданные, самъ онъ на Нилѣ, въ лодкѣ, подъ которой въ водѣ плаваютъ и играютъ крокодилы и бегемоты. На третьемъ Сети приноситъ жертву богамъ. На четвертомъ Сети избиваетъ колѣнопреклоненныхъ у ногъ его плѣнниковъ, а возлѣ него стоитъ Ѳиваида, олицетворенная женщиной, и подаетъ ему колчанъ, полный стрѣлъ.

За залой колоннъ идетъ третій пилонъ, меньше второго; за третьимъ пилономъ—узкій дворъ, а потомъ четвертый, еще мень-

шій, пилонъ. Передъ проходомъ сквозь этотъ пилонъ, слѣдовательно въ узкомъ дворѣ, стояли два обелиска изъ сіенскаго гранита, въ 11 саженъ высоты каждый; одинъ изъ нихъ упалъ и разбитъ въ куски.

За четвертымъ пилономъ — „дворъ карріатидъ", названный такъ потому, что вдоль стѣны пилона приставлены къ нему огромныя человѣческія фигуры, теперь сильно попорченныя, а частью и вовсе уничтоженныя. Дворъ этотъ былъ нѣкогда украшенъ 24 огромными колоннами; часть ихъ сняли еще при знаменитой царицѣ-регентшѣ Хоттасу, для того, чтобы поставить два обелиска передъ проходомъ въ пятый пилонъ. Эти обелиски — лучшіе изъ оставленныхъ намъ древнимъ Египтомъ; тотъ изъ нихъ, который стоитъ еще на мѣстѣ, имѣетъ болѣе 14 саженъ высоты и почти на три сажени выше украшающаго теперь площадь Согласія въ Парижѣ; оба обелиска эти самой тонкой работы, покрыты письменами, а верхушки ихъ были въ свое время вызолочены.

За пятымъ пилономъ — дворикъ, гораздо меньше предъидущаго, съ выходами на сѣверъ и на югъ. Затѣмъ шестой и наименьшій изъ пилоновъ, замѣчательный своими „географическими таблицами"; это не что иное какъ изображеніе Тутмеса III, грозно занесшаго руку надъ цѣлою толпою плѣнныхъ; они стоятъ рядами, руки связаны сзади; тѣло прикрыто чѣмъ-то въ родѣ щита, на которомъ написано названіе страны или города, откуда взятъ плѣнникъ. Изученіе этихъ именъ — въ связи съ лицомъ и формами плѣнника, до котораго относятся — дали возможность очень пополнить географію древняго міра временъ, на два или на три столѣтія предшествовавшихъ исходу евреевъ изъ Египта; всѣхъ названій было до 1.200, но надписей, сохранившихся достаточно хорошо для того, чтобы прочесть ихъ, осталось всего 628.

За шестымъ пилономъ идетъ небольшой дворикъ, а затѣмъ такъ-называемыя гранитныя комнаты, предшествовавшія самому святилищу; эти комнаты долго принимались за святилище, но Марріэтъ доказалъ ошибочность этого мнѣнія; онѣ невысоки, сложены изъ полированнаго гранита и сплошь покрыты надписями и рисунками, отлично раскрашенными; ихъ окружаетъ нѣчто въ родѣ корридора, на стѣнахъ котораго найдены и прочтены „таблицы лѣтосчисленія", въ которыхъ погодно описаны подвиги Тутмеса III.

Отъ святилища храма, по странной случайности, не сохранилось почти ничего, кромѣ части фундамента. Повидимому, сложено оно было изъ известковаго камня; тутъ, во время наполеоновской экспедиціи, арабы брали камень, употреблявшійся ими

на добываніе извести; отдѣльные камни, зарытые въ землѣ, показываютъ величиной своей, что они должны были служить основаніемъ дѣйствительнымъ гигантамъ.

Около 25 саженъ въ длину занимаетъ почти пустое пространство прежняго святилища. Потомъ начинаются развалины построекъ, отдѣлявшихъ святилище отъ прочаго міра. Такова „комната предковъ", на стѣнахъ которой изображенъ Тутмесъ III, приносящій жертву 57 предшественникамъ своимъ на престолѣ египетскомъ; всѣ они посажены въ четыре ряда и подъ каждымъ изъ нихъ подписано его имя.

Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ залъ и комнатъ, въ одной изъ которыхъ были найдены останки священныхъ крокодиловъ; потомъ еще нѣсколько стѣнъ, образующихъ корридоры и наружную стѣну храма.

Длина всего храма 172 сажени; наибольшая его ширина— длина перваго пилона, 53 сажени, а окружность 445 саженъ, т.-е. почти верста.

При этомъ не слѣдуетъ еще забывать, что все вышеописанное относится только къ главной части храма; къ нему, и съ востока, и съ запада, примыкали и примыкаютъ другіе храмы; въ непосредственной съ ними связи находились искусственныя озера, на которыхъ помѣщались употреблявшіяся при богослуженіи священныя ладьи. Этотъ главный храмъ и важнѣйшіе, примыкавшіе къ нему и составлявшіе съ нимъ нѣчто нераздѣльное, обнесены были толстою стѣной въ формѣ четырехъ-угольника; въ стѣнѣ этой было, повидимому, пять выходовъ,—четыре изъ нихъ черезъ храмы, и только одинъ, близъ сѣверо-восточнаго угла, употреблялся, вѣроятно, для нуждъ обыденной жизни.

Окружность этой стѣны, охватывавшей карнакскій храмъ, со всѣми къ нему пристройками, равняется 1.125 саженямъ, а вся площадь храма внутри этихъ стѣнъ составляетъ около 240 десятинъ, т.-е. не менѣе средней величины помѣстья центральной нашей черноземной полосы.

Постройка храма тянулась безконечно долго. Самыя древнія части его—святилище и комнаты крокодиловъ—возведены фараономъ Усартезеномъ болѣе чѣмъ за три тысячи лѣтъ до Р. Х. Затѣмъ къ храму стали дѣлать пристройки, пригоняя ихъ съ западной его стороны. Главнѣйшія: Тутмеса I (около 1678 до Р. Х.); залъ карріатидъ, великой царицы-регентши Хатосу, установившей большіе обелиски; Сети I и Рамзеса II (съ 1456 по 1339 г. до Р. Х.), воздвигшихъ большой залъ съ колоннами; Торока и Псамметиха (съ 715 по 527 г. до Р. Х.), устроившихъ

первый большой дворъ съ колоннадами, и, наконецъ, Птолемеевъ, сложившихъ первый гигантскій пилонъ (съ 108 по 81 годъ до Р. Х.).

Не видя храма, мы уже знали изъ описаній главнѣйшіе размѣры и пилоновъ, и дворовъ, и колоннъ; но когда увидѣли все это, то были совершенно поражены: все оказалось и красивѣе, и величественнѣе, чѣмъ думали мы, и все сохранилось гораздо лучше, чѣмъ ожидали.

Часа три прошло, пока мы бѣгло, въ общихъ чертахъ, осмотрѣли эту величайшую изъ развалинъ міра; солнце было уже очень низко, и приходилось спѣшить возвращеніемъ домой.

Послѣ обѣда бесѣдовали мы съ супругами-бельгійцáми и потомъ поднялись на широкую террасу, куда выходили двери нашихъ комнатъ. Ночь была удивительно хороша. Тепло; воздухъ насыщенъ запахомъ розъ и померанца; тихо такъ, что листъ не шелохнется, ни звука вокругъ; звѣзды ярко горятъ въ темно-синей, скорѣе даже черной глубинѣ неба.

---

21 марта встали мы чуть свѣтъ, напились кофе и—въ путь. Ѣдемъ на лѣвую сторону Нила осматривать гробницы царей, въ ливійскомъ кряжѣ горъ.

Очень холодное утро! Нилъ переѣзжаемъ въ большой лодкѣ и преусердно кутаемся въ плэды. Остановились у песчанаго откоса; здѣсь лодка будетъ ожидать нашего возвращенія. Невдалекѣ толпа погонщиковъ и чуть не цѣлое стадо осѣдланныхъословъ.

Идемъ къ нимъ. Къ каждому изъ насъ бросается нѣсколько человѣкъ. Поднимается неистовый гвалтъ. Высматриваю осла и хочу сѣсть на одного изъ нихъ, но двое здоровыхъ дѣтинъ не только не помогаютъ мнѣ, а тянутъ долой. Съ сотоварищами моими тоже. Вижу—m-r Дмитри что-то неистово кричитъ по направленію къ лодкѣ. Трое дюжихъ гребцовъ съ веслами въ рукахъ бросаются къ намъ. „Остановитесь, подождите, господа!“ —вопитъ m-r Дмитри. Начинается свалка. Дмитри, гребцы и часть погонщиковъ колотятъ остальныхъ. Особенно усердствуетъ m-r Дмитри; ременная короткая плеть его дѣйствуетъ преисправно. Черезъ минуту или двѣ вся группа раздѣлилась; около насъ остались Дмитри, гребцы, человѣкъ пять погонщиковъ и двѣ дѣвочки; отдѣлены отъ насъ и побиты человѣкъ десять, двѣнадцать. Усаживаемся верхомъ. Оказывается, что возлѣ насъ тѣ погонщики, съ которыми наканунѣ заключилъ условіе m-r Дмитри. Остальные явились въ надеждѣ оттѣснить ихъ и захватить кліентовъ. Многіе изъ нихъ и награж-

дены за это ударами веселъ и кнута,—и все же ничего, смотрятъ весьма спокойно.—„Оттого эти канальи и уважаютъ меня больше всѣхъ драгомановъ, вмѣстѣ взятыхъ“, говорилъ m-r Дмитри, „что расправа у меня съ ними короткая и... энергичная“.

Обращаютъ на себя вниманіе наше дѣвочки. Одной лѣтъ девять, другая примѣрно на годъ старше. Обѣ онѣ босыя, въ длинныхъ черныхъ платьяхъ, съ черными же покрывалами, падающими съ головы назадъ, на плечи; цвѣтныя бусы, голубыя, красныя, желтыя, бѣлыя, висятъ на шеѣ. Обѣ худощавы, стройны, съ черными прелестными глазами. Та, что постарше, удивительно хороша собою. Возлѣ нихъ—большіе высокіе глиняные кувшины. Съ любопытствомъ поглядываютъ онѣ на насъ. Но вотъ перекинулись онѣ нѣсколькими словами, опять посмотрѣли на насъ, ловкимъ и быстрымъ движеніемъ подняли кувшины на голову, затѣмъ подошли къ намъ и граціозно раскланялись съ нами. Я уже сидѣлъ на своемъ ослѣ и, перегнувшись съ сѣдла, ласково потрепалъ по щекѣ Фатьму,—такъ звали старшую. Веселый смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ. Фатьма потеряла свою серьезность, побѣжала къ m-r Дмитри и весело затараторила съ нимъ по-арабски. Мы, конечно, хотѣли знать, зачѣмъ здѣсь эти дѣвочки. М-r Дмитри объяснилъ, что намъ предстоитъ путь, который продлится отъ семи до восьми часовъ, что нигдѣ мы не встрѣтимъ ни капли воды, что обойтись безъ нея, а тѣмъ болѣе завтракать, немыслимо, и что дѣвочки эти побѣгутъ за нами, неся на головѣ свои полные водой кувшины. Онѣ не знали, согласятся ли „господа“ взять ихъ съ собою, но наша привѣтливая встрѣча Фатьмы убѣдила ихъ, что „господа“ ничего противъ нихъ не имѣютъ и при прощаніи не забудутъ труды ихъ. Мы сомнѣвались только, поспѣютъ ли за нами дѣвочки пѣшкомъ, да еще и съ такими кувшинами на головахъ. Но m-r Дмитри сказалъ, что Фатьма—его старинная знакомка: „ей одиннадцатый годъ, и она уже третій сезонъ провожаетъ къ гробницамъ царей *моихъ* путешественниковъ“. Что же касается свѣжести воды, то чѣмъ жарче будетъ день, тѣмъ холоднѣе вода въ кувшинахъ; они сдѣланы изъ очень пористой глины, солнечные лучи вызываютъ испареніе, которое такъ охлаждаетъ ихъ, что вода становится холодной, словно ледяной.

Наконецъ мы двинулись. Путь нашъ идетъ сначала по песчаному дну рѣки. Потомъ взбираемся на островъ, низкій, тоже песчаный — обыкновенную нильскую отмель, — затѣмъ переѣзжаемъ притокъ Нила, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже по водѣ, и, наконецъ, взбираемся на берегъ, на нильскую долину, каждая

пядь которой обработана, засѣяна и приноситъ удивительные урожаи, благодаря ежегоднымъ разливамъ рѣки.

Съ полчаса ѣхали мы среди посѣвовъ вызрѣвающей пшеницы, арбузовъ, огурцовъ и луку. Пшеница и лукъ занимаютъ особенно много мѣста. Попадаются изрѣдка группы пальмъ, гораздо чаще тамарискъ и касторовое дерево; послѣднимъ въ одномъ мѣстѣ усажена тропинка на цѣлыхъ пол-версты или болѣе.

Проѣхали мимо деревни. За нею каналъ, и вдругъ совершенно неожиданное зрѣлище. Въ каналѣ и по откосамъ его работаетъ человѣкъ полтораста или двѣсти, почти всѣ голые, только головы обернуты чалмой; у большинства въ рукахъ большія круглыя корзины. Одни стоятъ на днѣ канала, теперь совсѣмъ сухого, и копаютъ; другіе подходятъ къ нимъ, вмѣстѣ съ ними насыпаютъ землею корзинки, подымаютъ ихъ на голову и выносятъ изъ канала наверхъ. Это—чистка канала. При разливѣ Нила илъ осѣдаетъ всего болѣе въ тихихъ и удаленныхъ отъ стержня теченія мѣстахъ и, слѣдовательно, въ ближайшихъ къ краю долины каналахъ; ихъ, поэтому, приходится чистить ежегодно. Это огромная работа. Мы видѣли рядомъ вычищенныя части канала и такія, къ работѣ надъ которыми еще не приступали. Въ вычищенныхъ вынуто земли сажени на полторы въ глубину. Кто-то изъ изслѣдователей Египта исчислилъ, что ежегодная очистка каналовъ требуетъ такого количества труда, что имъ можно бы было вырыть $^1/_8$ всѣхъ нынѣ существующихъ каналовъ страны, а еслибы не производить эту ежегодную очистку, то черезъ три года $^7/_{10}$ нынѣ обработываемой площади обратились бы въ совершенную пустыню.

Мы переѣхали каналъ. Опять потянулись поля. Снова перебрались черезъ протокъ рѣки и затѣмъ сразу очутились въ пустынѣ.

Мы въѣзжали въ дикую долину, быстро съуживавшуюся впереди насъ. Дно долины твердое, чуть-чуть прикрытое тонкимъ налетомъ сѣраго песку и густо усѣянное камнями разной величины, отъ куринаго яйца до самой крупной тыквы. Мы ѣдемъ словно по руслу рѣки. Такъ оно и есть. Здѣсь, на мѣстѣ стовратныхъ Ѳивъ, дождь бываетъ въ два, въ три года разъ. Но когда пойдетъ дождь, вода сбѣгаетъ въ эту долину со всѣхъ окрестныхъ холмовъ, и потокъ пріобрѣтаетъ такую силу, что несетъ съ собою всѣ эти камни.

Подъемъ становится круче, а долина все ýже и ýже. Вотъ поворотъ. Отъѣхали немного и очутились въ замкнутомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ.

Направо и налѣво, и впереди, и сзади насъ высятся крутыя горы. Кажется, будто онѣ сплошь залиты были когда-то разжиженной глиной; она застыла и въ нее вкраплены въ дикомъ безпорядкѣ кучи камней сѣрыхъ, бурыхъ, желтыхъ, коричневыхъ, иногда черныхъ; камни эти—и мелкіе, въ человѣческую голову, и гигантскіе утесы въ десятки сажень; углы камней неправильны, остры; самыя горы изборождены рытвинами, обрывами, пропастями. Никакого, ни самаго малѣйшаго признака растительности или почвы. Глина, кремни, известняки. Солнце не видно за гребнями окружающихъ насъ высотъ, но свѣтитъ оно убійственно ярко. Ни шелеста въ воздухѣ, ни признака дуновенія вѣтра. Прямо надъ головой раскинулся шатеръ небеснаго свода, и что̀ за сила и яркость его темно-синяго цвѣта! Смотришь надъ головой—глазамъ неловко, а взглянешь нѣсколько въ бокъ, такъ, чтобы край неба сливался съ верхушкой горы—и невольно закрываешь глаза: противоположность между буро-сѣрой массой камней и яркимъ свѣтящимся сводомъ небесъ такъ сильна и шатеръ небесъ сіяетъ такъ изумительно, что глазамъ становится невыносимо.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже дорога. Чѣмъ дальше, тѣмъ у̂же долина.

Ни сосредоточенная мысль Данте, ни пылкое воображеніе Гюстава Доре́ не показали намъ ничего подобнаго и не въ силахъ были бы создать хоть сколько-нибудь приближающееся къ долинѣ этой по дикости, по безнадежности, скажу болѣе—по отталкивающей, отвратительной пустынности ея.

Но вотъ еще поворотъ дороги. Горы надъ нами становятся ниже. Вотъ обозначилась груда мелкихъ камней—это слѣдъ раскопокъ, человѣческой работы. Даже эта безжизненная масса кажется привлекательной, даже она останавливаетъ на себѣ вниманіе и, какъ слѣдъ чего-то живого, оживляетъ это проклятое мѣсто. Куча эта—раскопанный входъ первой царской могилы.

Могилы вырывались въ горѣ, а по установкѣ гроба входы нерѣдко задѣлывались и засыпались такъ, что трудно было разъискать ихъ. Теперь открыто болѣе 40 могилъ, и надъ входомъ каждой поставленъ нумеръ. Мы осмотрѣли пять изъ нихъ. Типъ устройства одинъ и тотъ же. Въ середину горы идетъ наклоненный корридоръ или лѣстница; оканчиваются они комнатой, въ формѣ куба, иногда же продолговатой; въ комнатахъ большихъ размѣровъ встрѣчаются колонны: двѣ, три, четыре, а въ одной даже и шесть; затѣмъ идетъ новый спускъ, обыкновенно тщательно задѣлывавшійся, потомъ опять комната или новый спускъ и т. д. Устроивать себѣ могилу начиналъ каждый фараонъ, какъ

только вступалъ на престолъ, и чѣмъ болѣе правилъ онъ, тѣмъ больше расширялась могила, т.-е. тѣмъ болѣе уходили внутрь горы все новые и новые комнаты и спуски. Въ то же время, чѣмъ дольше правилъ фараонъ, тѣмъ тщательнѣе становилась отдѣлка стѣнъ, спусковъ и комнатъ его гробницы, тѣмъ разнообразнѣе были картины и тѣмъ лучше окраска ихъ.

Наибольшая и наилучше отдѣланная гробница — Сети I, умершаго около 1400 до Р. Х., послѣ 51 года царствованія. Отъ самаго ея входа—крутая лѣстница въ 27 ступеней, затѣмъ широкій проходъ или корридоръ, новая лѣстница и еще корридоръ, вводящій въ продолговатую комнату, всѣ стѣны которой покрыты рисунками, изображающими переходъ Сети I въ другой міръ, причемъ онъ является и, такъ сказать, рекомендуется разнымъ божествамъ; по рисункамъ комнаты этой можно было бы думать, что это конечный пунктъ гробницы; въ этой мысли еще болѣе могла укрѣпить находка въ одномъ изъ угловъ комнаты начатаго, не вполнѣ оконченнаго и на̀-скоро затѣмъ задѣланнаго спуска; но Бельцони, первый изслѣдователь этой усыпальницы, зная, какъ долго царствовалъ Сети, усомнился въ томъ, чтобы здѣсь кончалась его гробница; онъ принялся слегка выстукивать стѣны массивнымъ желѣзнымъ стержнемъ и вслушивался въ звукъ, который получался при этомъ; долго повторяя этотъ опытъ, онъ пришелъ къ заключенію, что въ одномъ изъ угловъ комнаты звукъ менѣе глухъ, чѣмъ въ прочихъ, и что тамъ, слѣдовательно, можетъ оказаться пустота. Онъ приказалъ ломать стѣну, и черезъ нѣсколько времени предположенія его оправдались—открылся новый спускъ; за нимъ слѣдовала комната въ четыре сажени въ длину и ширину и потолокъ; стѣны ея покрыты были удивительно отчетливо выполненными рисунками, сохранившимися притомъ безподобно; одинъ изъ наиболѣе интересныхъ изображаетъ представителей главнѣйшихъ, извѣстныхъ тогда человѣческихъ расъ, присутствующихъ при погребеніи фараона; египтяне окрашены въ красный цвѣтъ, азіатскіе народы представлены болѣе свѣтлыми; негры черные, а обитатели сѣверо-западной части африканскаго побережья, острововъ и полуострововъ Средиземнаго моря—бѣлые, съ голубыми глазами и заостренной бородой. За этой комнатой новый спускъ и комната, въ которой рисунковъ относительно мало; много ихъ расчерчено чернымъ, но почему-то они не были исполнены. Но гробница углубляется еще болѣе; еще длинный проходъ и комната, потомъ еще проходъ, а за нимъ самая большая изъ всѣхъ комнатъ гробницы, потолокъ которой подпертъ шестью могучими колоннами; затѣмъ еще проходъ и, наконецъ,

комната, въ которой помѣщенъ былъ саркофагъ, нынѣ покоящійся въ Британскомъ музеѣ Лондона. И этимъ не кончается гробница. Дальше идетъ длинный корридоръ, конечная часть котораго обрушилась такъ, что нельзя быть увѣреннымъ, представляетъ ли этотъ проходъ остатокъ работы, прерванной смертью Сети, или же и за нимъ есть другія погребальныя помѣщенія.

Длина гробницы Сети отъ входа до конца послѣдняго спуска 71 сажень; при общемъ углубленіи ея, считая отъ поверхности входного порога—26 сажень.

Всѣ стѣны и потолки лѣстницы, проходовъ и комнатъ покрыты рисунками, выбитыми въ нихъ и потомъ раскрашенными. Чистота отдѣлки удивительная, лучше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ гробницахъ Египта, за исключеніемъ только гробницы Ти, близь сахàрской пирамиды. Но предметы рисунковъ все мрачные. У входовъ въ комнаты и корридоры чудовищныя змѣи вытягиваются вверхъ, упираясь на хвостъ и изображая какъ бы грозныхъ стражей входовъ; въ комнатахъ тѣ же змѣи вьются и скользятъ недалеко отъ полу. Нерѣдко видишь изображенія избіеній плѣнныхъ или сожженія преступниковъ. Даже религіозныя сцены и тѣ подернуты мрачнымъ флёромъ—загробный судъ души, очистительныя ея испытанія, мученія, которымъ она подвергается. Надо думать, что на стѣнахъ гробницъ помѣщались рисунки въ зависимости отъ характера и воззрѣній того лица, для котораго изготовлялась гробница. Такъ, въ гробницѣ Сети господствуютъ сюжеты мрачнаго характера; совсѣмъ не то въ гробницѣ Рамзеса III. Здѣсь исполненіе рисунковъ куда хуже, но зато предметъ ихъ много веселѣе; по преобладанію мотивовъ домашней, обыденной жизни гробница эта нѣсколько напоминаетъ гробницу Ти. Вотъ, напримѣръ, цѣлая толпа рабовъ, рѣжущихъ и варящихъ мясо и зелень, а тамъ другіе съ помощью сифоновъ разливаютъ вино изъ большихъ бочекъ въ малые сосуды. Здѣсь роскошно убранная комната, съ вазами, леопардовыми шкурами вмѣсто ковровъ, съ цѣлыми бассейнами воды, и другая, вся увѣшенная знаменами, разнообразнѣйшимъ оружіемъ и чѣмъ-то въ родѣ барабановъ и флейтъ. Тутъ—сѣятель на нивѣ, съ которой только что сошли плодотворныя нильскія воды, а тамъ—кормежка цѣлыхъ стай домашнихъ, а теперь частью и дикихъ птицъ. А вотъ и артистическая сцена—изображеніе божества, передъ которымъ двое музыкантовъ играютъ на арфахъ. Очень хороши формы этихъ арфъ, и очень живо передано движеніе пальцевъ играющихъ.

Удивительно интересны всѣ эти рисунки на стѣнахъ царскихъ гробницъ. Но невольно овладѣваетъ досадливое чувство, которымъ

мы обязаны современнымъ путешественникамъ: съ вандальствомъ, совершенно неизвинительнымъ въ наше время, портятъ они стѣны гробницъ всюду, гдѣ эти стѣны не изъ твердаго гранита или песчаника. Путешественники, при содѣйствіи, конечно, проводниковъ, отбиваютъ себѣ на память отъ стѣнъ болѣе или менѣе крупные куски рисунковъ, и чѣмъ тоньше работа въ гробницѣ, тѣмъ болѣе обезображена она; особенно пострадала гробница Сети, со стѣнъ которой отбита чуть не половина рисунковъ.

Евг. Картавцевъ.

ДОЛГОЛѢТІЕ
ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ и ЛЮДЕЙ.

Имѣя въ виду представить въ настоящемъ трудѣ цѣлый рядъ фактовъ и соображеній, касающихся продолжительности земной жизни организованныхъ существъ и, въ частности, человѣческой жизни, мы вполнѣ сознаемъ всю трудность подобнаго рода задачи. Дѣло въ томъ, что явленія жизни уже сами по себѣ представляются крайне сложными и запутанными; попытки къ выясненію, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, механизма тѣхъ или другихъ жизненныхъ функцій наталкиваются обыкновенно на непреодолимыя почти препятствія, допускающія для насъ пониманіе лишь самой ничтожной и то пассивной стороны явленій, въ то время какъ главная, активная сторона явленія остается внѣ сферы нашего пониманія и не поддается пока никакимъ физико-химическимъ и, слѣдовательно, механическимъ объясненіямъ.

Было время, и еще весьма недавно, когда изслѣдователи, увлеченные грандіозными успѣхами естествознанія, вызванными примѣненіемъ къ изученію явленій жизни физико-химическихъ способовъ изслѣдованія, полагали, что всѣ явленія жизни могутъ быть цѣликомъ объяснены извѣстными намъ законами физики и химіи, господствующими и въ сферѣ неорганической, мертвой природы, и потому большинство изслѣдователей начинало смотрѣть на органическій, живой міръ, какъ на механизмъ, представляющійся полемъ дѣйствія тѣхъ же физико-химическихъ силъ природы, а на науки, занимающіяся имъ, т.-е. на физіологію и біологію, какъ на прикладную физику и химію животнаго или растительнаго организма.

Время этихъ увлеченій, по мѣрѣ поступательнаго хода нашихъ познаній, начинаетъ, однако, постепенно исчезать, такъ какъ мы видимъ со дня на день, что даже самыя простыя явленія жизни, уже не говоря о болѣе сложныхъ, не поддаются однимъ только физико-химическимъ объясненіямъ, а требуютъ признанія еще чего-то, связаннаго съ жизнью работающихъ элементовъ, и это нѣчто и есть живая протоплазма, дѣйствующая нерѣдко наперекоръ извѣстнымъ намъ физико-химическимъ силамъ мертвой природы.

Чтобы иллюстрировать сказанное, начнемъ съ самыхъ сравнительно простыхъ явленій усвоенія организмомъ воспринимаемыхъ извнѣ пищевыхъ веществъ. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что, благодаря дѣйствію пищеварительныхъ соковъ, пищевыя вещества, т.-е. бѣлки, углеводы и отчасти жиры, превращаются въ растворимыя соединенія, поступленіе которыхъ въ кровь и лимфу могло бы быть проще всего объяснено законами всасыванія или диффузіи сквозь оболочки кишечныхъ стѣнокъ. Такъ оно и допускалось въ теченіе многихъ лѣтъ, пока болѣе тщательныя изслѣдованія не доказали, что объясненіе это недостаточно. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, поступленіе въ кровь и лимфу переваренныхъ пищевыхъ веществъ опредѣлялось простыми физическими законами диффузіи, то всосанныя вещества должны были бы изъ полости кишечнаго канала проникать въ одинаковой степени какъ въ лимфу, такъ и въ кровь. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что бѣлки и углеводы поступаютъ изъ пищеварительнаго канала почти исключительно въ кровь и на дальнѣйшемъ пути направляются всѣ черезъ печень; жиры же поступаютъ въ лимфатическую систему. Очевидно, что живая клѣточная оболочка кишечной стѣнки, черезъ которую должны проходить переваренныя пищевыя вещества, не относится индифферентно къ прохожденію черезъ нее растворовъ и смѣсей различныхъ веществъ, а дѣлаетъ между ними выборъ, и токъ однихъ веществъ направляетъ въ кровь, токъ же другихъ въ лимфу, чего никакъ нельзя понять, руководясь одними только физическими законами диффузіи сквозь мертвыя животныя перепонки.

Дѣло, впрочемъ, не ограничивается однимъ только выборомъ и направленіемъ токовъ просачивающихся веществъ, такъ какъ они во время прохожденія сквозь внутреннюю клѣточную оболочку кишекъ еще претерпѣваютъ химическія превращенія, благодаря темнымъ для насъ еще функціямъ живой клѣточной протоплазмы. Такъ, пептоны, происшедшіе изъ бѣлковъ пищи, поступая въ клѣтки, выстилающія изнутри слизистую оболочку кишекъ,

уже успѣваютъ до поступленія ихъ въ кровь превратиться вновь въ бѣлокъ, а жиры, химически разложенные въ кишечномъ трактѣ, попадая въ тѣ же клѣтки, выстилающія ворсинки кишекъ, вновь превращаются въ нихъ въ жиръ и несутся далѣе въ видѣ таковаго въ лимфатическую систему.

Относительно мелкораздробленнаго жира пищи или жировой эмульсіи полагали, что онъ въ видѣ мельчайшихъ капелекъ проникаетъ черезъ капиллярные ходы въ покрышкѣ клѣтокъ кишечныхъ ворсинокъ, при чемъ послѣднія своими движеніями дѣйствуютъ на подобіе присасывающаго ихъ насоса, и слѣдовательно думали объяснить весь этотъ актъ чисто физическимъ путемъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что дѣятельными агентами въ поглощеніи жировыхъ капелекъ являются бѣлыя кровяныя тѣльца, которыя, благодаря активнымъ движеніямъ своей протоплазмы, проникаютъ между клѣтками кишечнаго эпителія, просовываютъ свои длинные отростки, вылавливаютъ ими капли жира и, нагруженныя ими, разносятъ его по тѣлу. Изъ этого одного уже видно, какъ далеки физическія объясненія процессовъ усвоенія пищевыхъ веществъ отъ истинныхъ явленій, протекающихъ при этомъ.

Во всѣхъ фазахъ процесса усвоенія пищевыхъ веществъ изъ кишечнаго канала мы встрѣчаемся не съ простыми физическими явленіями всасыванія и диффузіи, а съ активной дѣятельностью живыхъ клѣтокъ, выражающейся явленіями выбора, захватыванія, проглатыванія и проталкиванія ими веществъ въ опредѣленномъ направленіи и даже превращенія ихъ въ новыя соединенія. Между тѣмъ вся эта активная сторона жизнедѣятельности клѣточной протоплазмы рѣшительно не поддается никакому физико-химическому объясненію и представляется для насъ пока непостижимой тайной.

Если уже такія сравнительно простыя явленія всасыванія пищевыхъ веществъ изъ кишечнаго канала отнюдь не поддаются извѣстнымъ намъ физико-химическимъ законамъ, то легко себѣ представить, какъ должны быть далеки отъ нихъ явленія болѣе сложнаго характера, протекающія въ другихъ рабочихъ органахъ нашего тѣла—въ различныхъ железахъ, въ мышцахъ и особенно въ нервной системѣ. И въ самомъ дѣлѣ, каждая железа, выработывающая тотъ или другой сокъ, производитъ его, благодаря жизнедѣятельности протоплазмы составляющихъ ее спеціальныхъ клѣтокъ, при чемъ физическіе процессы фильтраціи и диффузіи составныхъ частей крови и лимфы въ железу почти вовсе не играютъ при этомъ активной роли. Кровь доставляетъ лишь сырой матеріалъ, который переработывается специфической жиз-

венной дѣятельностью железистыхъ клѣтокъ; превращается въ особенные продукты, изъ которыхъ иные вовсе не существуютъ ни въ крови, ни въ лимфѣ; притомъ нѣкоторые изъ этихъ продуктовъ, напр. слюна, выгоняются тѣми же железистыми клѣтками въ выводные протоки железъ и притомъ подъ давленіемъ, стоящимъ выше артеріальнаго давленія. При такомъ положеніи вещей, конечно, не можетъ быть и рѣчи о законахъ фильтраціи или диффузіи, опредѣляющихъ будто бы дѣятельность железъ, такъ какъ послѣднія дѣйствуютъ какъ разъ въ направленіи противоположномъ этимъ простымъ физическимъ законамъ. Тутъ мы имѣемъ опять дѣло съ специфической дѣятельностью живой протоплазмы желѣзистыхъ клѣтокъ, обладающихъ свойствами выбора веществъ изъ крови, переработки ихъ въ новые продукты и выведенія ихъ въ строго опредѣленномъ направленіи. Подъ какіе—спрашивается—извѣстные намъ законы физики и химіи можно подвести эту внутреннюю активную работу живыхъ железистыхъ клѣтокъ? Химія намъ даетъ возможность опредѣлить природу поступающихъ въ железу и выводимыхъ изъ нея продуктовъ,—но и только; сама же внутренняя работа клѣтокъ остается для насъ пока величайшей тайной, раскрыть которую пока никакъ не удается со всѣмъ арсеналомъ нашихъ современныхъ физико-химическихъ способовъ изслѣдованія.

Возьмемъ другой рабочій органъ тѣла—мышцу, какъ представителя механической работы въ тѣлѣ. Намъ извѣстно, что, пока она жива, она способна усвоивать вещества изъ крови, поддерживающія ея цѣлость и превращающіяся въ ней въ живую протоплазму мышечныхъ клѣтокъ; намъ извѣстно, что подъ вліяніемъ непосредственныхъ раздраженій или нервныхъ импульсовъ мышца приходитъ въ сокращеніе и съ такою силою, что можетъ поднимать тяжести иногда въ 100 кратъ бо̀льшія вѣса самой мышцы. Мы можемъ физико-химическими способами опредѣлить механическую работу мышцы и химическіе продукты, развивающіеся въ мышцѣ при ея дѣятельности,—но и только. Хотя знанія эти представляютъ высокую теоретическую и практическую важность, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что главная активная сторона жизнедѣятельности мышечной клѣтки именно и есть ея способность выбирать изъ крови нужные для своего питанія продукты, способность превращать ихъ въ живое мышечное вещество, которое при раздраженіи разлагается и сокращается; всѣ эти стороны жизнедѣятельности мышцы не поддаются никакому физико-химическому объясненію, и мы призваны пока только слѣдить за ходомъ этого сокращенія, за быстротой распростра-

ненія мышечной волны, за колебаніями этихъ величинъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, и вовсе не въ состояніи понять, съ точки зрѣнія современныхъ физико-химическихъ знаній, самый процессъ мышечнаго возбужденія, обусловливающій ея сокращеніе. Все это остается для насъ пока величайшей тайной.

Чтò же сказать послѣ этого о дѣятельности наиболѣе сложной системы нашего тѣла—именно нервной системы, т.-е. головного и спинного мозга со всѣми примыкающими къ нимъ нервными стволами; съ одной стороны, система эта служитъ почвой развитія обширнаго міра психическихъ явленій, а съ другой—источникомъ развитія нервныхъ импульсовъ, посылаемыхъ ко всѣмъ органамъ тѣла и управляющихъ ими, т.-е. ускоряющихъ, замедляющихъ, усиливающихъ и ослабляющихъ ихъ дѣятельность. Безсиліе нашихъ механическихъ и физико-химическихъ познаній въ дѣлѣ объясненія нервныхъ функцій представляется колоссальнымъ. Оставляя пока въ сторонѣ механизмъ возникновенія психическихъ явленій, посмотримъ, чтò намъ извѣстно относительно вліянія нервовъ на функціи рабочихъ органовъ. Намъ извѣстно, что каждая мышца въ тѣлѣ, каждая железа соединена съ нервомъ, и при нормальныхъ условіяхъ эти органы приходятъ въ дѣятельность только тогда, когда по нерву пробѣгаетъ нервное возбужденіе, исходящее изъ того или другого нервнаго центра. Но то, какимъ образомъ возбужденіе, дошедшее до живой протоплазмы мышечнаго волокна, вызываетъ его укороченіе, а дошедшее до железистой клѣтки вызываетъ отдѣленіе сока, остается величайшей тайной, не поддающейся пока никакимъ механическимъ, другими словами, физико-химическимъ объясненіямъ. Намъ извѣстны начало акта—нервный импульсъ—и конецъ—дѣятельность рабочаго органа; все же находящееся въ промежуткѣ остается для ума нашего пропастью, не находящей пока объясненія.

Механизмъ дѣйствія нервнаго импульса на рабочій органъ, составляющій активную сторону явленія, представляется для насъ совершенно темнымъ, несмотря на то, что законы распространенія нервнаго возбужденія и окончательные эффекты этого возбужденія въ органахъ изучены достаточно подробно. Ускользаетъ всегда активная сторона этого вліянія, непосредственно связанная съ жизненными свойствами клѣточной протоплазмы органовъ.

Что касается возникновенія міра психическихъ явленій, начиная отъ простѣйшихъ чувственныхъ впечатлѣній и кончая высшими элементами сознанія, т.-е. представленіями, понятіями, чувствами и аффектами, то тутъ мы находимся еще въ большемъ

затрудненіи. Мы твердо знаемъ, что всѣ элементы психической жизни непосредственно связаны съ цѣлостью опредѣленныхъ анатомическихъ единицъ, а именно нервныхъ центровъ, уничтоженіе которыхъ ведетъ къ исчезновенію и самаго психическаго акта: напримѣръ, уничтоженіе одного центра головного мозга ведетъ къ слѣпотѣ, уничтоженіе другого—къ глухотѣ, третьяго—къ исключенію опредѣленныхъ представленій, четвертаго—къ нѣмотѣ. Что же касается до того, какимъ образомъ возбужденіе, доносимое изъ какого-нибудь органа чувства до опредѣленнаго нервнаго центра, ведетъ къ появленію хотя бы самаго простѣйшаго ощущенія, о томъ у насъ нѣтъ и слѣда какого-нибудь намека, и многіе полагаютъ даже, что этотъ мостикъ, связывающій матеріальную протоплазму нервнаго центра съ психической функціей его, останется на вѣки для насъ недоступнымъ, какой бы высоты и совершенства ни достигли наши физико-химическія знанія въ самомъ отдаленномъ будущемъ.

Если механизмъ функцій органовъ недоступенъ пока физико-химическимъ объясненіямъ, то еще менѣе подчиняются какимъ-либо законамъ механики, физики и химіи—явленія развитія какъ органовъ въ отдѣльности, такъ и цѣлаго организма въ общемъ, явленія развитія органическихъ формъ изъ первоначальнаго яйца и явленія наслѣдственности. Силы наслѣдственности и органическаго развитія не находятъ себѣ никакихъ отдаленныхъ аналогій въ мертвой, неорганической природѣ и окружены, несмотря на существующія нѣкоторыя гипотезы о нихъ, непроницаемымъ пока мракомъ.

Нами, конечно, не безъ цѣли приведены всѣ вышеуказанные факты и соображенія, рисующія массу трудностей и все безсиліе физико-химическаго объясненія, даже отдѣльныхъ, сравнительно простыхъ, функцій органовъ, не говоря о болѣе сложныхъ силахъ, дѣйствующихъ въ живыхъ организмахъ. И если даже тутъ мы встрѣчаемъ много темнаго и необъяснимаго, то насколько недоступнѣе для насъ долженъ представляться другой, болѣе общій вопросъ о продолжительности жизни, т.-е. о такомъ явленіи, которое неразрывно связано съ совокупной дѣятельностью всѣхъ органовъ тѣла, всѣхъ почти живыхъ клѣточныхъ образованій его.

Тѣмъ не менѣе мы рѣшились избрать этотъ вопросъ предметомъ нашего изслѣдованія въ виду, во-первыхъ, громаднаго интереса, представляемаго имъ для каждаго изъ насъ, и во-вторыхъ, въ виду его важнаго общественнаго значенія. Оправданіемъ же того, что мы взялись на этотъ разъ за изложеніе пред-

мета, самого по себѣ еще темнаго и представляющаго много загадочнаго, можетъ служить то обстоятельство, что хотя жизненныя явленія и бываютъ въ корнѣ своемъ, т.-е. въ самомъ механизмѣ, ихъ производящемъ, весьма темными и трудно объяснимыми, тѣмъ не менѣе они протекаютъ въ строго-опредѣленномъ порядкѣ, въ зависимости отъ опредѣленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій существованія организмовъ. Другими словами, явленія жизни, а слѣдовательно и продолжительность жизни, подобно всѣмъ остальнымъ явленіямъ природы, протекаютъ съ извѣстной закономѣрностью, изученіе которой и даетъ въ руки человѣка возможность *до нѣкоторой степени* управлять явленіями жизни и, слѣдовательно, направлять ее въ сторону наиболѣе выгодную для нуждъ человѣчества. Не слѣдуетъ забывать того, что еслибы явленія жизни не протекали съ извѣстной закономѣрностью, то не могло бы быть и рѣчи о существованіи біологическихъ наукъ, призванныхъ улавливать непоколебимую причинную связь между жизненными явленіями и опредѣленными внутренними и внѣшними условіями, среди которыхъ они протекаютъ.

Вотъ съ этой-то именно точки зрѣнія намъ и предстоитъ говорить о продолжительности жизни, какъ объ одной изъ сторонъ жизни организмовъ, которая, подобно остальнымъ жизненнымъ функціямъ, должна находиться въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій существованія организмовъ. Разобраться въ этой массѣ условій, такъ или иначе опредѣляющихъ продолжительность жизни организмовъ, опредѣлить значеніе каждаго изъ этихъ условій въ дѣлѣ сокращенія или удлиненія срока жизни—вотъ къ чему, въ сущности, сводится цѣль настоящаго изслѣдованія.

Задача, поставленная въ такой формѣ, поддается болѣе или менѣе тщательной разработкѣ, въ особенности если не ограничиться при этомъ одной только продолжительностью человѣческой жизни, но распространить такое же изслѣдованіе и на міръ животныхъ и растеній.

Только сравнительно физіологическимъ изслѣдованіемъ и могутъ выясниться тѣ основныя начала, которыя опредѣляютъ естественную продолжительность жизни въ различныхъ классахъ животнаго царства, и тѣ многообразныя внутреннія и внѣшнія условія, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ срокъ нашей жизни.

Мы позволимъ себѣ, однако, прежде чѣмъ приступить къ прямой задачѣ настоящаго изслѣдованія, остановиться нѣкоторое

время на общей характеристикѣ жизненныхъ явленій и на общихъ свойствахъ тѣхъ живыхъ механизмовъ, которые являются носителями жизни. Подобное вступленіе необходимо какъ для точнаго уразумѣнія предѣльности жизни вообще, такъ и для выясненія механизма индивидуальной смерти.

I.

Каждому изъ насъ извѣстно, что всѣ живыя существа—преходящи, что они рано или поздно погибаютъ и не только отъ насильственной смерти, вызываемой какими-нибудь болѣзнями, поврежденіями и т. д.,—но и помимо этого, отъ естественной старческой смерти, наступающей даже и при самыхъ лучшихъ условіяхъ существованія. Если жизнь на землѣ и носитъ характеръ безсмертія въ смыслѣ ея вѣчнаго существованія въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, то это, конечно, зависитъ отъ того, что она переходитъ отъ одного индивидуума къ другому въ безчисленномъ рядѣ поколѣній,—самые же индивидуумы безслѣдно погибаютъ.

Чтобы составить себѣ болѣе или менѣе точное представленіе о причинахъ предѣльности нашей земной жизни, объ естественныхъ границахъ ея, намъ нужно познакомиться ближе съ основными условіями дѣятельности аппаратовъ, являющихся носителями жизни, а именно животныхъ и растительныхъ организмовъ.

Животные организмы, разсматриваемые съ объективной стороны и съ точки зрѣнія общей динамики, являются простыми превращателями энергіи. Эту энергію они черпаютъ постоянно извнѣ и подвергаютъ ее безконечному ряду превращеній, но новой энергіи они не создаютъ; они утилизируютъ въ этомъ смыслѣ силы напряженія, вводимыя вмѣстѣ съ пищевыми веществами и съ кислородомъ вдыхаемаго воздуха, утилизируютъ живую силу согрѣвающей ихъ внѣшней теплоты и даже дѣйствующаго на нихъ свѣта и превращаютъ все это въ живыя формы энергіи, выражающіяся въ различныхъ жизненныхъ функціяхъ, отдѣлительныхъ, механическихъ и психическихъ, и составляющихъ въ совокупности то, что мы называемъ жизнью.

Однѣ физико-химическія науки не могутъ, какъ мы убѣдились въ томъ, объяснить механизмовъ, участвующихъ въ этихъ превращеніяхъ, такъ какъ живыя существа имѣютъ своеобразный способъ дѣйствія, свой modus faciendi—для превращенія этой энергіи. Этотъ своеобразный способъ превращенія опредѣляется

жизненными свойствами тѣхъ механизмовъ, изъ которыхъ сложены животныя тѣла, и природа которыхъ остается еще для насъ темной.

Такими дѣйствующими живыми единицами въ животныхъ и растительныхъ организмахъ являются,—какъ то̀ уже извѣстно со временъ знаменитыхъ изслѣдованій Швана и Шлейдена,—клѣтки. Всѣ онѣ, какъ показываетъ исторія развитія организмовъ, происходятъ изъ первоначальной зародышевой клѣтки—яйца—путемъ подраздѣленія послѣдняго вслѣдъ за его оплодотвореніемъ. Самые низшіе, простѣйшіе организмы могутъ состоять изъ одной клѣтки, т.-е. быть одноклѣточными; по мѣрѣ же усложненія и усовершенствованія организмовъ мы видимъ, что они слагаются изъ цѣлой массы клѣтокъ, уже дифференцированныхъ какъ по своей формѣ, такъ и составу; клѣтки эти, складываясь въ органы, обусловливаютъ ихъ разнообразныя функціи. Однѣ изъ нихъ—мышечныя клѣтки—приноровлены, по преимуществу, для механическихъ двигательныхъ функцій; другія—железистыя клѣтки—для приготовленія разнообразныхъ соковъ или химическихъ продуктовъ; третьи—для воспринятія впечатлѣній внѣшняго міра и переведенія ихъ въ ощущенія и другіе психическіе акты; четвертыя, вытянувшись въ форму нервныхъ волоконъ, служатъ въ качествѣ проводниковъ возбужденія, двигающагося какъ отъ периферіи къ центрамъ, такъ и отъ послѣднихъ къ рабочимъ органамъ тѣла и т. д.

Словомъ, всѣ главныя звенья сложныхъ живыхъ существъ являются въ формѣ клѣточныхъ элементовъ, образовавшихся первоначально изъ зародышеваго яйца путемъ послѣдовательнаго его размноженія, и, несмотря на спеціализированность функцій клѣтокъ отдѣльныхъ органовъ тѣла, каждая изъ нихъ сохранила общія свойства живой протоплазмы, т.-е. способность питаться, дышать, т.-е. поглощать кислородъ и выдѣлять углекислоту, способность измѣнять свою форму и даже размножаться. Только эти общія свойства живой протоплазмы, обнаруживаемыя даже любой амебой или бѣлымъ кровянымъ шарикомъ,—при спеціализаціи клѣтокъ сложныхъ организмовъ распредѣляются по разнымъ клѣткамъ неодинаково. Въ однѣхъ рѣзко выдается сократительность и, слѣдовательно, способность къ механической функціи; въ другихъ—функціи химическаго производства; въ третьихъ—функціи чувства и ощущеній; въ четвертыхъ—размноженія и дѣленія, и т. д. Такимъ образомъ, клѣтка является элементарнымъ организмомъ, а животный или растительный организмъ—не отдѣльной единицей, а собраніемъ или, такъ сказать, государствомъ, состоя-

щимъ изъ клѣтокъ съ дифференцированными функціями и, слѣдовательно, государствомъ, въ которомъ царитъ принципъ раздѣленія труда.

Въ этомъ-то и лежитъ главная существенная разница между низшими одноклѣточными организмами и высшими; такъ, у первыхъ каждая частица протоплазмы обладаетъ всѣми почти жизненными функціями—питанія, дыханія, сократительности, чувствованія и размноженія, тогда какъ у вторыхъ эти функціи неравномѣрно распредѣлены между клѣтками, входящими въ ихъ составъ: въ однѣхъ развиты по преимуществу однѣ функціи, а въ другихъ другія.

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать себѣ автономію клѣтокъ, входящихъ въ составъ живыхъ организмовъ, и полагать, что онѣ суть совершенно отдѣльные другъ отъ друга элементарные органы, не связанные между собою. Такое представленіе не вязалось бы хорошо съ единствомъ организма, съ солидарностью его частей при многообразіи составляющихъ его клѣточныхъ элементовъ. Болѣе тщательныя изслѣдованія послѣдняго времени показали, что въ растительныхъ и, въ особенности, животныхъ организмахъ, многія клѣтки связаны между собою мостиками той же живой клѣточной протоплазмы, и, слѣдовательно, при размноженіи клѣтокъ во время развитія организма, процессъ ихъ подраздѣленія совершается не вполнѣ. Въ животныхъ тѣлахъ такими сообщающими мостиками являются часто длинныя нити въ формѣ нервныхъ волоконъ, и, быть можетъ, что все, что̀ принадлежитъ къ нервной системѣ, или все, что̀ связано съ нею, какъ, напр., мозгъ головной и спинной, органы чувствъ, мышечная система, многія железы, электрическіе аппараты нѣкоторыхъ рыбъ и т. д.—представляютъ одну общую систему многихъ милліардовъ клѣтокъ, связанныхъ между собою нитями. Конечно, нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ организмѣ существуютъ клѣтки, представляющія изолированныхъ индивидуумовъ, какъ напр. красные и бѣлые шарики, свободно плавающіе въ крови и лимфѣ. Но число ихъ—сравнительно съ остальными, связанными посредствомъ мостиковъ и нитей, клѣтками—представляется незначительнымъ, и потому мы въ правѣ допустить, что многіе милліарды клѣтокъ, входящихъ въ составъ тѣла, представляютъ одну или много двѣ системы клѣтокъ, неразрывно связанныхъ между собою мостиками и нитями. Благодаря послѣднимъ, мы и можемъ съ анатомической точки зрѣнія понять единство, индивидуальность всего живого существа при дифференцированіи его частей, при спеціализаціи ихъ функцій, лежащей въ основѣ подраздѣленія

труда. Этотъ же принципъ подраздѣленія труда основанъ на началѣ высшей цѣлесообразности, на что̀ указывалъ еще Аристотель, по словамъ котораго любой инструментъ можетъ быть совершеннымъ только тогда, когда онъ удовлетворяетъ не многимъ цѣлямъ, а только одной.

Итакъ, всѣ живыя существа представляютъ въ общемъ одно и то же строеніе, одинъ и тотъ же ходъ развитія, если за элементарную часть ихъ мы примемъ клѣтку.

Изъ сказаннаго непосредственно слѣдуетъ, что гнѣздами жизни, носителями ея, служатъ живыя клѣтки организма. Но каждая клѣтка сама состоитъ частью изъ форменной матеріи, частью изъ пропитывающей ее жидкости; не выпадаетъ ли и здѣсь роль носителя жизни на долю форменной матеріи?

Какъ физіологическія, такъ и микроскопическія изслѣдованія доказываютъ, что студневидное состояніе клѣточнаго содержимаго представляетъ весьма интимную смѣсь абсолютно жидкаго и абсолютно твердаго вещества,—смѣсь, соотвѣтствующую по консистенціи густой, какъ бы, кашицѣ. Твердыя части представляются въ формѣ зернышекъ и—что̀ въ особенности важно—чрезвычайно тонкихъ нитей, образующихъ часто родъ чрезвычайно плотнаго войлока, пропитаннаго жидкостью. Во всѣхъ почти клѣткахъ имѣются двоякаго рода волоконца; одни изъ нихъ обладаютъ свойствомъ притягивать красящія вещества и энергически окрашиваться ими; волоконца же другого рода или вовсе не обладаютъ этимъ свойствомъ, или только въ чрезвычайно слабой степени. Окрашивающіяся же волоконца собраны внутри клѣтки въ видѣ клубка, пропитаннаго жидкостью, и образуютъ такъ-называемое клѣточное ядро, тогда какъ неокрашивающаяся часть войлока—волоконецъ, пропитанная тоже жидкостью, окружаетъ клѣточное ядро и образуетъ то, что̀ называютъ клѣточной протоплазмой. Существуетъ не много данныхъ, выясняющихъ вопросъ о томъ, являются ли носителями жизни клѣточныя волоконца, или пропитывающая клѣтку жидкость. Несмотря на всю трудность этого вопроса, его все же можно рѣшить съ достаточной положительностью, какъ на это указываетъ проф. Пфлюгеръ.

Извѣстно, что раздражительность, т.-е. способность возбуждаться всякаго рода раздражителями и реагировать на нихъ разнообразными формами дѣятельности, составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ живыхъ образованій. Если взять осевой цилиндръ нерва, то онъ подъ микроскопомъ представляется состоящимъ изъ цѣлой массы продольно-расположенныхъ волоконецъ, которымъ и приписывается всѣми физіологами способность раздражительности. Между

прочимъ М. Шульце было доказано, что эти волоконца, доходя до нервнаго центра, непосредственно переходятъ въ немъ въ систему нитей и волоконецъ клѣточной протоплазмы; отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что волоконца и нити въ протоплазмѣ нервныхъ центровъ суть также раздражительныя образованія. Такъ какъ между волоконцами осевого цилиндра нервныхъ стволовъ, конечно, существуетъ жидкость, также какъ между волоконцами нервныхъ центровъ, то можно было бы все-же думать, что именно эта-то жидкость и представляется раздражительной; къ счастью есть опытъ, доказывающій противоположное. Такъ, Гальвани уже въ концѣ прошлаго столѣтія показалъ, что электрическій токъ не возбуждаетъ нерва, если онъ проходитъ чрезъ него поперекъ, т.-е. перпендикулярно къ направленію нервныхъ волоконецъ осевого цилиндра; при этомъ даже самыя сильныя электрическія раздраженія не возбуждаютъ вовсе нерва.

Эта зависимость раздраженія отъ угла, образуемаго направленіемъ раздражающаго тока съ нервными волоконцами, рѣшительно говоритъ въ пользу того, что волоконца, а не пропитывающій ихъ сокъ, и составляютъ раздражительное вещество. Вѣдь для жидкости рѣшительно все равно, подъ какимъ бы угломъ ни проводить чрезъ нее токъ. Но такъ какъ волоконца нервныхъ клѣтокъ являются непосредственнымъ продолженіемъ волоконецъ осевыхъ цилиндровъ нервныхъ стволовъ, то естественно, что и въ нервномъ центрѣ раздражительнымъ веществомъ являются волоконца, а не пропитывающій клѣтку сокъ.

Наконецъ, въ пользу той же мысли говорятъ еще слѣдующія данныя. Нервные центры головного мозга новорожденныхъ животныхъ, хотя и богаты сокомъ, мало или даже до поры до времени вовсе не раздражительны, и въ нихъ какъ разъ въ эту пору несравненно слабѣе развиты волоконца какъ въ протоплазмѣ, такъ и въ ядрѣ. Съ появленіемъ же волоконецъ появляется и раздражительность, и слѣдовательно они-то и представляютъ анатомическій субстратъ нервной раздражительности.

Наконецъ, легко понять, что волоконца же нервныхъ центровъ представляютъ физическій субстратъ и психическихъ функцій. Такъ, образы воспоминанія, запечатлѣвшіеся въ нашемъ мозгу, суть, какъ извѣстно, переходящіе въ сознаніе слѣды, оставляемые въ нервныхъ центрахъ головного мозга внѣшними чувственными впечатлѣніями. Такъ какъ при извѣстныхъ заболѣваніяхъ головного мозга образы, хранимые въ нашей памяти, въ большей или меньшей степени исчезаютъ, то очевидно, что они до этого были фиксированы въ какомъ-то веществѣ головного мозга, и такимъ

веществомъ можетъ быть, конечно, лишь твердое, а не жидкое, вѣчно мѣняющееся, подвижное вещество мозга. Твердымъ же веществомъ и являются волоконца нервныхъ центровъ.

И мышечныя клѣтки представляютъ тѣ же особенности, что и нервныя, такъ какъ опытами Германна несомнѣнно доказано, что и длинныя мышечныя клѣтки, состоящія также изъ продольно-расположенныхъ волоконецъ, невозбудимы электрическимъ токомъ, когда послѣдній пропускается поперекъ нихъ, перпендикулярно къ мышечнымъ волоконцамъ, и слѣдовательно мы въ правѣ заключить, что и здѣсь раздражительность присуща не соку, пропитывающему мышечныя клѣтки, а волоконцамъ, изъ которыхъ эти клѣтки состоятъ.

Сказанное о нервныхъ и мышечныхъ клѣткахъ, вѣроятно, имѣетъ полное примѣненіе и ко всѣмъ остальнымъ клѣткамъ организма.

Мы въ правѣ поэтому заключить, что веществомъ, обусловливающимъ специфическія жизненныя функціи, являются волоконца, изъ которыхъ сплетены клѣтки, и слѣдовательно волоконца эти и суть носители жизни. Изслѣдованіями Либерманна, Шульце и др. несомнѣнно доказано, что волоконца клѣтокъ суть всѣ безъ исключенія бѣлковой натуры, или производныя бѣлка. Сама же жидкость, пропитывающая клѣтки, представляетъ растворъ бѣлковыхъ и другихъ питательныхъ веществъ, находящійся въ постоянномъ физическомъ и химическомъ взаимодѣйствіи съ волоконцами клѣтокъ.

Какъ цѣлый организмъ представляетъ систему клѣтокъ, такъ и каждая клѣтка, съ своей стороны, представляетъ систему мельчайшихъ элементарныхъ органовъ, являющихся въ формѣ волоконецъ и зернышекъ. Эти-то послѣдніе элементы и суть носители жизни, и слѣдовательно отъ свойствъ этихъ элементовъ и зависятъ характеристическія особенности жизненныхъ явленій, а въ томъ числѣ—и предѣльности жизни.

Органическая матерія въ лицѣ первичныхъ клѣточныхъ волоконецъ и зернышекъ представляетъ опредѣленный запасъ энергіи, который вѣчно изъ состоянія напряженія переходитъ въ ту или другую форму живой силы, благодаря крайне неустойчивому состоянію живого бѣлковаго вещества. Это послѣднее вѣчно стремится къ болѣе стойкому размѣщенію своихъ атомовъ, ведущему прямо къ разрушенію первоначальнаго живого вещества. Возьмемъ для примѣра сперва цѣлый организмъ, а затѣмъ и отдѣльные его органы. Мы знаемъ, что организмъ ежедневно выводитъ цѣлый рядъ веществъ, являющихся продуктами разложенія составныхъ его частей, т.-е. бѣлковъ, углеводовъ, жировъ, а именно въ формѣ

мочевины, углекислоты, воды и другихъ продуктовъ. Выдѣленіе этихъ продуктовъ прекращается съ момента наступленія смерти, и слѣдовательно этотъ процессъ прижизненнаго разрушенія веществъ въ тѣлѣ составляетъ безусловную характеристическую особенность жизни.

Сказанное о цѣломъ организмѣ въ общемъ доказывается на отдѣльныхъ его органахъ—железахъ, мышцахъ, нервной системѣ. Выдѣленная изъ тѣла мышца, пока она жива, продолжаетъ выдѣлять угольную кислоту и поглощать кислородъ и, при сокращеніи, т.-е. при дѣятельности, усиленно развиваетъ углекислоту и рѣзко измѣняетъ свою реакцію въ кислую, указывая тѣмъ самымъ на свое разрушеніе. Всякая железа, поработавшая нѣкоторое время, дѣлается, со стороны содержанія въ ней твердыхъ веществъ, несравненно бѣднѣе, нежели покоящаяся, и слѣдовательно она во время работы усиленно разрушалась. Наконецъ, всякая напряженная мозговая работа сопровождается усиленнымъ выведеніемъ фосфорно-кислыхъ соединеній, указывая тѣмъ самымъ на усиленное разрушеніе мозговой ткани, какъ извѣстно богатой фосфоромъ.

Всѣ эти процессы прижизненнаго разрушенія тканей не могутъ быть, однако, приравнены къ процессамъ разрушенія мертвыхъ матеріаловъ путемъ ихъ горѣнія; помѣстите горящую лучинку въ атмосферу, лишенную кислорода, и она мгновенно тухнетъ, тогда какъ живая лягушка при тѣхъ же условіяхъ продолжаетъ еще жить въ теченіе почти 20 часовъ, выдѣляя все время углекислоту, мочевину,—и пока эти процессы разрушенія продолжаются, до тѣхъ поръ и длится самая жизнь. Очевидно, что процессы прижизненнаго разрушенія тканей не могутъ быть приравнены къ процессамъ горѣнія или прямого окисленія, а подходятъ ближе всего къ процессамъ взрывчатаго разложенія органическихъ соединеній, примѣромъ которыхъ можетъ служить порохъ, динамитъ и т. д. Вещества эти, подобно живымъ организмамъ, могутъ разлагаться и давать въ числѣ продуктовъ разложенія углекислоту въ атмосферѣ, лишенной кислорода, или даже въ безвоздушномъ пространствѣ.

Такъ какъ атомы, изъ которыхъ сложены взрывчатыя органическія соединенія, находятся въ состояніи нестойкаго равновѣсія, подобно ножику, балансирующему вертикально на своемъ остріѣ, то нуженъ только толчокъ для того, чтобы они сложились въ новую, болѣе стойкую форму соединеній, причемъ кислородъ, нужный для образованія продуктовъ окисленія, дается кислородомъ, заключеннымъ въ самомъ взрывчатомъ веществѣ—въ порохѣ

или динамитѣ. Такимъ толчкомъ для пороха, динамита, служитъ либо теплота, либо механическій ударъ, причемъ внезапнымъ развитіемъ массы газообразныхъ продуктовъ обусловливается взрывъ, сопровождаемый развитіемъ тепла, свѣта, механической работы.

Громадныя аналогіи съ взрывчатыми веществами представляетъ въ этомъ отношеніи и живая матерія въ лицѣ бѣлковыхъ волоконецъ и зернышекъ, изъ которыхъ сотканы клѣтки какъ растительныхъ, такъ и въ особенности животныхъ организмовъ. И въ нихъ, подобно пороху, взрывчатыя разложенія мыслимы только при извѣстной степени тепла, при извѣстныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ и толчкахъ, потрясающихъ нестойкіе атомы живой матеріи и переводящихъ ихъ въ новыя, болѣе стойкія соединенія. При этомъ, какъ и въ случаѣ со взрывчатыми разложеніями пороха, динамита и т. д., потенціальная энергія, заключенная въ живой матеріи, превращается въ теплоту, свѣтъ, электричество, механическую работу и такія колебанія атомовъ, которыя лежатъ въ основѣ нервнаго возбужденія и нервной дѣятельности. Приведенныя аналогіи мы позволимъ себѣ еще подкрѣпить указаніемъ на тотъ многозначительный фактъ, что всѣ извѣстныя намъ взрывчатыя органическія соединенія мертвой природы безъ исключенія суть тѣла, содержащія азотъ. А кому же не извѣстно, что и живая матерія въ лицѣ своихъ первичныхъ элементовъ, т.-е. клѣточныхъ волоконецъ и зернышекъ, есть по преимуществу тѣло бѣлковое и, слѣдовательно, богатое азотомъ. И въ нихъ, конечно, образованіе окисленныхъ продуктовъ разложенія—углекислоты, мочевины и друг., должно совершаться на счетъ внутренняго кислорода, входящаго въ составъ частицъ живой матеріи, подобно тому, какъ сгараніе пороха совершается на счетъ кислорода селитры, заключенной въ самомъ порохѣ. Кислородъ же воздуха, столь необходимый для жизни, идетъ только на выстраиваніе новой живой матеріи, находящейся постоянно въ состояніи безпрерывнаго разрушенія.

Итакъ, бѣлковыя волоконца и зернышки, изъ которыхъ выстроены клѣтки организма, представляютъ, въ сущности, жизненный порохъ, который, путемъ безконечнаго ряда безпрерывныхъ взрывовъ, обусловливаетъ развитіе живыхъ силъ, проявляющихся въ формѣ животной теплоты, электричества, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—свѣта, механической работы и нервной энергіи во всемъ ея разнообразіи.

Устраните—хотя бы пониженіемъ окружающей температуры—эти взрывчатыя разложенія живой матеріи, и жизнь постепенно

угасаетъ, переходя сперва въ состояніе мнимой смерти, а затѣмъ, смотря по степени и продолжительности охлажденія, и въ настоящую смерть, безъ всякой возможности возврата къ жизни.

Спалланцони показалъ на многихъ улиткахъ, что при температурѣ около нуля градусовъ онѣ перестаютъ поглощать кислородъ и выдыхать углекислоту, сердце у нихъ останавливается, и прекращается обращеніе соковъ: онѣ впадаютъ въ зимнюю спячку, представляющую вполнѣ явленія мнимой смерти. Какъ только, однако, весной температура достигаетъ 11^0, такъ вновь возвращаются жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ поглощеніе кислорода и выдѣленіе углекислоты. Эти наблюденія Спалланцони были подтверждены Гаспаромъ, который уже путемъ искуственнаго охлажденія животныхъ переводилъ ихъ въ мнимую смерть, а послѣдуюшимъ согрѣваніемъ оживлялъ ихъ. Аналогичные наблюденія и опыты продѣланы были Реомюромъ, Россомъ, Кирби и др. надъ насѣкомыми въ различныхъ стадіяхъ развитія, надъ рыбами, жабами и лягушками. У всѣхъ этихъ животныхъ оказалось возможнымъ—постепеннымъ пониженіемъ до нуля окружающей температуры и даже нѣсколько ниже—прекращать на время жизнь, причемъ животныя могли насквозь промерзать и обращаться въ массу твердую, какъ ледъ, и тѣмъ не менѣе постепеннымъ, весьма медленнымъ оттаиваніемъ удавалось нерѣдко приводить ихъ въ жизнь. Палласъ свидѣтельствуетъ, что во многихъ сибирскихъ озерахъ вода промерзаетъ вплоть до самаго дна, и слѣдовательно замерзаютъ вмѣстѣ съ нею и обитатели ея, караси, и тѣмъ не менѣе послѣдніе съ наступленіемъ весны вновь оживаютъ.

Впрочемъ эта способность впадать въ мнимую смерть при извѣстныхъ степеняхъ охлажденія свойственна не однимъ только низшимъ, но даже и млекопитающимъ животнымъ, какъ на это указываютъ опыты Сэсси и Шатена, въ особенности если животныя подвержены зимней спячкѣ. При 0^0 и нѣсколько ниже наступаетъ у нихъ полная летаргія, причемъ всѣ функціи тѣла прекращаются—сердце и кровообращеніе останавливаются, а равнымъ образомъ и дыханіе. Поглощеніе кислорода и развитіе углекислоты совершенно пріостанавливаются, и самыя сильныя раздраженія не въ состояніи пробудить животное. Повидимому, и на человѣка холодъ можетъ дѣйствовать аналогичнымъ образомъ. Въ высшей степени интересна въ этомъ отношеніи неудержимая наклонность къ засыпанію у людей, подвергающихся сильному холоду и охлажденію; было бы крайне интересно, еслибы было при этомъ доказано, что причиной исчезновенія сознанія служитъ паденіе температуры мозга. Крайне любопытны въ этомъ отношеніи наблю-

денія Фодзергиля, изъ которыхъ мы приведемъ лишь одно. Въ Сѣверномъ Валлисѣ былъ найденъ замерзшій человѣкъ, который въ теченіе 7 часовъ пролежалъ въ снѣгу въ состояніи мнимой смерти безъ пульса и дыханія, и тѣмъ не менѣе вновь возвращенъ былъ къ жизни путемъ медленнаго и постепеннаго согрѣванія.

Все сказанное относится къ животному царству. Что же касается растительнаго, то каждому, конечно, извѣстно, въ какой тѣсной зависимости находится жизнь растеній отъ окружающей температуры, какъ замираетъ жизнь растеній во время зимнихъ холодовъ, и какъ пробуждается она съ наступленіемъ весеннихъ теплыхъ дней.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы показать ту близкую зависимость, въ которой стоятъ процессы взрывчатаго разложенія живой матеріи, лежащіе въ основѣ жизненныхъ функцій, отъ внѣшней теплоты.

Какъ порохъ какого-нибудь заряженнаго орудія воспламеняется при поднесеніи къ нему высокой температуры—искры, такъ и въ мнимо-умершемъ существѣ пламя жизни разгорается при постепенномъ его согрѣваніи. Въ принципѣ оба процесса вызова разряда представляются тождественными. Если же для воспламененія пороха жизни достаточно такъ мало теплоты, сравнительно съ высокой температурой искры, то причина тому дана въ крайне неустойчивомъ химическомъ равновѣсіи атомовъ, изъ которыхъ сложена живая матерія, которая по устойчивости своей можетъ быть дѣйствительно сравнена, какъ это и дѣлаетъ Пфлюгеръ, съ ножомъ, балансирующимъ на кончикѣ своемъ. Малѣйшаго толчка, сотрясенія, достаточно, чтобы нарушить это равновѣсіе.

И въ самомъ дѣлѣ, проведите кончикомъ иглы по поверхности обнаженной мышцы, и она тотчасъ сократится, тотчасъ усиленно образуетъ углекислоту, жадно поглотитъ кислородъ и разовьетъ теплоту и электричество. Тотъ же эффектъ получится, если мышцу раздражать электрическимъ ударомъ или привести ее въ дѣятельность нервнымъ импульсомъ, представляющимъ, какъ извѣстно, крайне слабую силу.

Минимальное количество свѣта раздражаетъ уже глазъ, минимальной силы звукъ уже приводитъ въ дѣйствіе ухо, и все это отчетливо доказываетъ, какъ воспріимчива живая матерія ко всякаго рода раздражителямъ. Существуютъ факты, доказывающіе прямо, что дѣйствіе свѣтовыхъ раздраженій сказывается даже усиленіемъ взрывчатаго разложенія живой матеріи. Такъ, если опредѣлить количество выдѣляемой углекислоты и поглощаемаго кислорода у кролика въ одномъ случаѣ, когда на глаза его надѣты

очки съ свѣтлыми прозрачными стеклами, вполнѣ пропускающими свѣтъ, и въ другомъ, когда вмѣсто нихъ надѣты очки съ темными стеклами, мало пропускающими свѣтъ, то въ первомъ газовый обмѣнъ значительно больше, чѣмъ во второмъ.

Очевидно, что даже такой нѣжный раздражитель, какъ свѣтъ, и тотъ способенъ усиливать взрывчатое разложеніе живой организованной матеріи, лежащее въ основѣ жизненныхъ функцій, и, слѣдовательно, переводить потенціальную энергію частицъ живой матеріи въ живую силу ихъ движенія. А такъ какъ живая сила движенія атомовъ и выражается ихъ температурою, то легко допустить, что всякіе раздражители вліяютъ на процессы взрывчатаго разложенія живой матеріи путемъ измѣненія температуры составляющихъ ее атомовъ, и всякое согрѣваніе ихъ влечетъ усиленное взрывчатое разложеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на дѣло извѣстный физіологъ Пфлюгеръ.

Понятно послѣ всего сказаннаго, что элементарнѣйшія частицы живой матеріи, т.-е. клѣточныя волоконца и зернышки, представляющіе физическій субстратъ жизненныхъ явленій, должны подвергаться во все время жизни безпрерывному разрушенію, такъ какъ организмы, живя въ опредѣленной средѣ, подвергаются все время цѣлой массѣ самыхъ разнообразныхъ раздражителей, изъ которыхъ каждый въ большей или меньшей степени ведетъ къ усиленному взрывчатому разложенію живой матеріи и, слѣдовательно, къ ея разрушенію, лежащему въ основѣ всѣхъ жизненныхъ функцій.

Еслибы дѣло ограничивалось сказаннымъ, то легко понять, что живой матеріи, этого пороха жизни, хватало бы не надолго, и организму пришлось бы скоро гибнуть. Чтобы составить себѣ приблизительное представленіе о томъ, какъ долго могъ бы просуществовать при этомъ организмъ, укажу на то, что прекращеніе дыханія не переносится млекопитающими животными и человѣкомъ болѣе нѣсколькихъ минутъ. Фактъ этотъ объясняется, конечно, тѣмъ, что за прекращеніемъ дыханія устраняется подвозъ свободнаго кислорода воздуха въ тѣло, а кислородъ необходимъ для возстановленія живой организованной матеріи, потратившейся за это короткое время, вслѣдствіе процессовъ прижизненнаго взрывчатаго разложенія. Лишеніе же пищи переносится животными и людьми въ теченіе нѣсколькихъ недѣль только потому, что въ тканяхъ и органахъ, крови и лимфѣ, существуютъ запасы питательныхъ веществъ для возстановленія разрушающейся живой матеріи.

Если животныя холоднокровныя, напр. пресмыкающіяся, земно-

водныя, рыбы, выносятъ отсутствіе дыханія несравненно дольше, чѣмъ млекопитающіяся, то это только потому, что жизнь у нихъ протекаетъ несравненно медленнѣе, а согласно съ этимъ и взрывчатыя разложенія живой матеріи бываютъ менѣе энергичными и совершаются въ меньшихъ размѣрахъ, свидѣтельствомъ чего можетъ служить тотъ фактъ, что они выдѣляютъ на единицу вѣса тѣла за то же время несравненно меньше углекислоты, чѣмъ млекопитающія. Поэтому имъ и хватаетъ на болѣе долгій срокъ запаса живой взрывчатой матеріи, и они гораздо дольше могутъ обходиться безъ введенія въ тѣло свободнаго кислорода воздуха. Зато птицы, обладающія наиболѣе скорымъ темпомъ жизни, истрачиваютъ несравненно быстрѣе запасъ живой матеріи и труднѣе переносятъ отсутствіе кислорода, нежели млекопитающія животныя.

Во всякомъ случаѣ, какой бы организмъ мы ни взяли, мы видимъ, что порохъ жизни, которому онъ обязанъ всѣми своими жизненными отправленіями, быстро истрачивается, и еслибы порохъ этотъ не подновлялся, то организму суждено было бы скоро погибнуть. Между тѣмъ мы видимъ, что живые организмы могутъ жить годами, столѣтіями, безъ нарушенія правильнаго хода жизненныхъ функцій. Очевидно, что живой организованный порохъ, являющійся носителемъ жизни, заключаетъ въ себѣ и условія для своего возобновленія, и тѣмъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ взрывчатыхъ веществъ неорганическаго міра. Можно сказать болѣе того, что порохъ жизни въ самомъ процессѣ своего взрывчатаго разложенія находитъ условія, благопріятствующія его усиленному возстановленію, если только внѣшнимъ міромъ доставляются организму тѣ элементарныя начала, которыя должны войти въ составъ разрушившейся живой матеріи. Доказательствомъ тому можетъ служить тотъ общеизвѣстный фактъ, что органы, напр. мышцы, усиленно упражняемые, т.-е., другими словами, усиленно разрушающіеся, крѣпнутъ и даже увеличиваются въ своемъ объемѣ.

Эта способность живой матеріи, живыхъ клѣточныхъ волоконъ и зернышекъ, къ возстановленію составляетъ одну изъ величайшихъ тайнъ жизни, для которой невозможно подыскать ни единой аналогіи въ мертвой природѣ. Явленія кристаллизаціи неорганическихъ соединеній, возстановленіе разрушенныхъ частей кристалла, о которыхъ и можно было бы подумать, конечно, не представляютъ ничего общаго съ явленіями возстановленія живой матеріи, такъ какъ послѣдняя образуется путемъ синтеза изъ разнообразныхъ питательныхъ веществъ, не имѣющихъ ничего общаго съ организованной живой матеріей, тогда какъ кристаллы

возстановляются изъ растворовъ тождественныхъ съ ними соединеній и, слѣдовательно, отличаются отъ маточнаго разсола только въ физическомъ отношеніи. Обсуждая вопросъ о возстановленіи живой матеріи, мы стоимъ, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ одной изъ величайшихъ загадокъ жизни, а именно со стремленіемъ живой матеріи къ бытію, несмотря на ея безпрерывное разрушеніе.

Если загадка эта неразрѣшима пока для живой матеріи животныхъ организмовъ, то она тѣмъ болѣе непостижима въ мірѣ растительныхъ организмовъ. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ пища животныхъ и человѣка содержитъ уже готовыя сложныя органическія соединенія, стоящія со стороны своего элементарнаго состава очень близко къ веществамъ, изъ которыхъ выстроены живыя клѣтки, то тутъ вопросъ о возстановленіи представляется для пониманія болѣе легкимъ, такъ какъ животному въ формѣ пищи доставляется, такъ сказать, почти готовый порохъ, и остается только выяснить, какимъ образомъ клѣтки фиксируютъ этотъ мертвый матеріалъ пищи и придаютъ ему характерныя особенности живой матеріи. Съ общей точки зрѣнія, для теоріи жизни несравненно бо́льшую важность представляетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ растительныя клѣтки изъ простѣйшихъ соединеній, забираемыхъ ими извнѣ—углекислоты, азотнокислыхъ соединеній почвы и т. д., образуютъ живую клѣточную протоплазму, не имѣющую ничего общаго съ ними. Несмотря на то, что синтетическая, созидающая способность растительныхъ клѣтокъ и можетъ быть отчасти понята съ химической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе способъ дѣйствія организующихъ силъ клѣтокъ остается въ глубокомъ мракѣ.

Трудность уясненія себѣ процессовъ возстановленія вѣчно разрушающейся живой матеріи усугубляется еще тѣмъ, что они относятся къ разряду такъ-называемыхъ моллекулярныхъ процессовъ, не доступныхъ, какъ извѣстно, непосредственному наблюденію глазомъ, вооруженнымъ даже самыми сильными увеличительными приборами нашего времени.

Очевидно пока только то, что процессы возобновленія живой протоплазмы идутъ рука объ руку съ процессами ея взрывчатаго разложенія, и если послѣдніе служатъ источникомъ развитія живыхъ силъ, лежащихъ въ основѣ жизненныхъ функцій, то первые, т.-е. процессы возстановленія, обезпечиваютъ намъ извѣстную продолжительность жизни. Безъ процессовъ разрушенія не было бы функцій, безъ процессовъ возстановленія жизнь была бы мгновеніемъ. Поэтому мы въ правѣ заключить вмѣстѣ съ Пфлюге-

ромъ, что жизнь есть вѣчное бытіе и вѣчное исчезаніе, протекающія въ совершенно особенно организованной матеріи.

Но тутъ мы должны задаться слѣдующаго рода вопросомъ: вся ли живая матерія сплошь подвергается во время жизненнаго процесса разрушенію и возобновленію,—какъ это полагаютъ нѣкоторые,—или же, напротивъ того, въ клѣткахъ при всей взрывчатой разрушаемости составляющей ихъ живой матеріи имѣются частицы болѣе стойкія, менѣе разрушающіяся и обладающія организующей силой, благодаря дѣятельности которыхъ мертвыя питательныя вещества, обращающіяся въ сокахъ организма, превращаются безпрерывно въ живую организованную матерію клѣтки, взамѣнъ разрушающихся частей ея? На нашъ взглядъ, идея признанія среди живого клѣточнаго вещества организованныхъ частицъ, изъ которыхъ однѣ слабо или даже вовсе не разрушаются и призваны только реорганизировать разрушающіяся части живой матеріи, а другія служатъ матеріаломъ взрывчатаго разложенія для развитія живыхъ силъ,—является безусловно необходимой и это по многимъ причинамъ.

Для удобства изложенія назовемъ первыя — созидающими, вторыя же — разрушающимися частицами живого клѣточнаго вещества. Признаніе созидающихъ частицъ является логической необходимостью по слѣдующимъ причинамъ. Еслибы живая матерія состояла вся изъ сплошь разрушающагося и сплошь возобновляемаго вещества, то въ виду быстрой разлагаемости живой матеріи все тѣло должно было бы сполна возобновляться нѣсколько разъ въ теченіе жизни, и тогда стало бы непонятно, какимъ образомъ могли бы сохраняться индивидуальныя особенности организма, крѣпко засѣвшіе слѣды давно минувшихъ впечатлѣній, какимъ образомъ могла бы сохраняться непрерывность нашего *я*, тянущагося непрерывной нитью иногда въ теченіе столѣтія. По приблизительнымъ вычисленіямъ Бернуллы, человѣкъ теряетъ въ теченіе года $^2/_3$ своего тѣла, а въ концѣ двухъ лѣтъ изъ него остается лишь $^1/_{15}$ часть. Такимъ образомъ человѣкъ, прожившій напримѣръ 80 лѣтъ, долженъ былъ бы въ теченіе этого срока выстроиться за̀-ново 24 раза. Какимъ образомъ при этомъ могла бы сохраниться одна и та же индивидуальность личности, одно и то же *я*, еслибы въ то же время не было въ клѣткахъ тѣла стойкаго живого вещества, слабо разрушающагося и призваннаго хранить слѣды пережитыхъ впечатлѣній? Очевидно, что эта организующая неизмѣнная, жизнеупорная матерія должна существовать; она и образуетъ живой неизмѣнный остовъ тѣла, призванный направлять реорганизацію вѣчно разрушающихся частицъ

живой матеріи и выливать ихъ въ опредѣленныя формы и въ опредѣленныя химическія соединенія.

Далѣе, едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что эта жизненная организующая матерія должна быть прямымъ потомкомъ зародышевой плазмы оплодотвореннаго яйца, этой элементарной клѣтки, обладающей высшими степенями организующей дѣятельности, и изъ которой путемъ подраздѣленія развивается цѣлый организмъ. Если мы предположимъ, что въ теченіе процесса развитія организма изъ одной яйцевой клѣтки, путемъ дѣленія, образовалось нѣсколько милліардовъ клѣтокъ, то все же не подлежитъ сомнѣнію, что въ каждой изъ этихъ клѣтокъ сохранились слѣды живого яйцевого вещества, отличающагося столь высокимъ жизнеупорствомъ и постоянствомъ, что оно является переносчикомъ какъ физическихъ, такъ и психическихъ свойствъ отъ предковъ къ потомкамъ и опредѣляетъ собою наслѣдственность. Для насъ очевидно, что организующія начала въ каждой живой клѣткѣ организма должны быть прямыми отпрысками живого вещества, входившаго въ составъ зародышеваго яйца, этой исходной точки развитія всего организма.

Наконецъ, путемъ признанія такого созидающаго начала въ живыхъ клѣткахъ отдѣльно отъ разрушающейся части ихъ, намъ дѣлается понятнымъ и тотъ необъяснимый инымъ путемъ фактъ, что упражненіе органовъ въ извѣстномъ предѣлѣ, связанное съ усиленнымъ взрывчатымъ разложеніемъ живого вещества, сопровождается и усиленной реорганизаціей его, усиленнымъ развитіемъ упражняемаго органа, какъ это прямо видимъ, напримѣръ, на мышечной системѣ. Фактъ этотъ едва ли могъ быть объясненъ иначе какъ тѣмъ, что взрывчатыя разложенія живого разрушающагося клѣточнаго вещества служатъ въ то же время возбудителями созидающаго начала той же клѣтки, приводящими его въ усиленную дѣятельность, а черезъ это и къ усиленному восполненію разрушенныхъ частей.

Что касается того, какъ распредѣляются въ клѣткѣ созидающая и разлагающаяся части живого вещества, то объ этомъ имѣются лишь отдаленные намеки. Повидимому, ядра клѣтокъ служатъ по преимуществу мѣстомъ расположенія созидающихъ началъ, созидающихъ силъ, тогда какъ остальная часть клѣтки, т.-е. протоплазма ея, представляетъ взрывчатое живое вещество.

Факты, на которые опирается это мнѣніе, сводятся, въ сущности, къ слѣдующему. Мы уже видѣли выше, что волоконца и зерна клѣточной протоплазмы отличаются отъ таковыхъ же элементовъ клѣточнаго ядра. Послѣдніе, свернутые въ клубокъ, не-

сравненно легче притягиваютъ красящія вещества и окрашиваются ими, тогда какъ волоконца протоплазмы остаются къ нимъ въ большинствѣ случаевъ индифферентными. Затѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что химическая конституція ядра иная, чѣмъ конституція протоплазмы, и содержитъ особый видъ бѣлка—фосфоръ, содержащій такъ-называемый нуклеинъ, котораго нѣтъ въ протоплазмѣ. Замѣчательно, что содержащія фосфоръ органическія соединенія находятся именно въ клѣткахъ организма, принимающихъ наибольшее участіе въ развитіи и размноженіи, какъ напримѣръ въ икрѣ, въ молокахъ рыбъ и т. д. Очевидно, что присутствіе содержащаго фосфоръ соединенія и въ клѣточномъ ядрѣ можетъ служить намекомъ на созидающую силу его.

Кромѣ того, опытами доказано, что ядерное вещество разрушается, разлагается несравненно труднѣе вещества протоплазмы; такъ, обработывая клѣтки желудочнымъ сокомъ, можно видѣть, что ядерное вещество не растворяется, не переходитъ въ пептонъ, тогда какъ протоплазма дѣлаетъ это съ большей легкостью; очевидно, что ядерное вещество болѣе стойко, менѣе поддается разложеніямъ, нежели протоплазма клѣтки, а это свойство даетъ намекъ на то, что въ немъ содержатся вещества болѣе жизнеупорныя, на долю которыхъ и можетъ потому выпадать роль созидающаго начала. Кромѣ того, Клодъ-Бернаромъ было доказано, что печеночныя клѣтки, лишенныя ядра, не въ состояніи образовывать гликогена; наконецъ, и что особенно важно, непосредственныя наблюденія надъ процессами размноженія клѣтокъ доказали, что первыя форменныя измѣненія въ клѣткѣ начинаются прежде всего въ клѣточномъ ядрѣ и уже затѣмъ только они распространяются и на клѣточную протоплазму. Слѣдовательно, направляющія, созидающія силы должны исходить изъ ядернаго вещества или, строго говоря, изъ ядерныхъ волоконецъ и зернышекъ.

Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что для двухъ главныхъ характеристическихъ теченій жизни, а именно взрывчатаго разрушенія и созиданія живого вещества, имѣются два опредѣленныхъ физическихъ субстрата: одинъ изъ нихъ, находящійся въ протоплазмѣ, а именно жизненный порохъ, доставляетъ матеріалъ для взрывчатыхъ разложеній, результатомъ которыхъ является развитіе живыхъ силъ и функцій организма; другой же—физическій субстратъ, гнѣздящійся преимущественно въ клѣточномъ ядрѣ, служитъ цѣлямъ возобновленія сгарающаго во время жизни пороха, т.-е. цѣлямъ созиданія живого вещества, а слѣдовательно силы, присущія этому созидающему субстрату, и заводятъ, такъ сказать, часы жизни. Итакъ, въ каждой клѣткѣ организма при-

ходится допустить присутствіе агентовъ для двухъ противоположныхъ теченій жизни—разрушенія и созиданія, и еслибы оба теченія находились все время въ равновѣсіи, то жизнь, строго говоря, должна была бы быть безпредѣльной. Между тѣмъ мы видимъ, что все живое—преходяще, что все живое рождается для того, чтобы рано или поздно умереть.

Въ чемъ же лежитъ причина предѣльности жизни, если организмы, носители жизни, носятъ въ себѣ всѣ условія для самопочинки, для возобновленія пороха жизни?

II.

Для разъясненія этого вопроса обратимся прежде всего къ пути, описываемому жизненнымъ процессомъ, и посмотримъ, не дастъ ли онъ намъ нѣкоторыхъ указаній насчетъ причинъ нарушенія равновѣсія между двумя главными теченіями жизни—созиданіемъ и разрушеніемъ. Изъ всего вышеизложеннаго непоколебимо слѣдуетъ, что при всей взрывчатой разлагаемости живой матеріи жизнь—безъ созидающихъ въ организмѣ силъ—длилась бы въ сущности лишь мгновеніе. Посмотримъ же теперь, поддерживаются ли созидающія силы въ организмѣ въ теченіе всего цикла жизни на одной и той же высотѣ? Представимъ себѣ организмъ, идеально здоровый, проходящій свой жизненный путь безъ болѣзней, безъ повреждeній, достигающій глубокой старости, незамѣтно угасающій и прекращающій свое существованіе вслѣдствіе старческихъ измѣненій и слабости.

Каковы фазисы, представляющіеся на этомъ длинномъ пути?

Жизнь, въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, начинается съ рожденія; затѣмъ организмъ постепенно ростетъ, достигаетъ апогея своего развитія для того, чтобы, продержавшись нѣкоторое время на немъ, начать спускаться по наклонной плоскости, выражающейся разслабленіемъ жизненныхъ функцій, которое, прогрессируя все болѣе и болѣе, заканчивается смертью. Жизнь, слѣдовательно, является какъ бы эффектомъ первоначальной метательной силы, которая, достигши извѣстной высоты, уменьшается, ослабѣваетъ и на вѣки угасаетъ.

Начиная отъ рожденія и кончая послѣднимъ вздохомъ старца, жизнь слѣдуетъ сперва по пути роста и прогресса, а затѣмъ—упадка и разрушенія; во всякой жизни различаютъ, слѣдовательно, одинъ періодъ восходящій и другой періодъ нисходящій, представляющій въ совокупности то, что̀ называютъ обыкновенно ду-

гою жизни. Жизненный путь можно, слѣдовательно, удобства ради, представить въ видѣ дуги, начало которой отмѣчаетъ рожденіе, а конецъ—смерть; высшая точка дуги соотвѣтствуетъ апогею жизни, восходящая часть—періоду роста и развитія, а нисходящая—періоду упадка и разрушенія.

Подобная кривая представляетъ, конечно, только то, что протекаетъ во-очію передъ нами.

Въ дѣйствительности же жизнь загорается гораздо раньше акта рожденія въ зародышевомъ яйцѣ, тотчасъ вслѣдъ за его оплодотвореніемъ, и съ этого момента она все время слѣдуетъ прогрессивному развитію; только вся эта часть жизненной дуги протекаетъ внѣ нашего обычнаго кругозора и соотвѣтствуетъ періоду внутри-утробнаго развитія.

Опредѣленныя части этой дуги жизни соотвѣтствуютъ различнымъ возрастамъ жизни, послѣдовательно и незамѣтно переходящимъ другъ въ друга. Такъ, подраздѣленію дуги жизни на четыре части, а именно: на періодъ роста, періодъ прогресса, періодъ силы и ослабленія—соотвѣтствуютъ четыре возраста человѣческой жизни: дѣтство, юность, взрослый возрастъ и старость; возможно, конечно, подраздѣлить еще и эти періоды или возрасты жизни еще на меньшіе періоды, а именно: періодъ жизни оплодотвореннаго яйца, образованіе зародыша, внутри-утробная жизнь, первое и второе дѣтство, юность, молодость, взрослый возрастъ, возмужалость, первая старость, установившаяся старость, дряхлость и престарѣлость, всего 13 періодовъ. Всѣ эти возрасты не отдѣлены другъ отъ друга рѣзкими границами, а связаны такими тонкими переходами, что они вначалѣ неощутимы. А между тѣмъ живыя тѣла мѣняются съ каждымъ мгновеніемъ, и мы завтра уже будемъ не вполнѣ точно тѣмъ, чѣмъ мы представляемся сегодня. Не подлежитъ одно только сомнѣнію, что человѣческое тѣло, а равнымъ образомъ и всѣ животныя тѣла, претерпѣваютъ безпрерывныя измѣненія, начиная съ момента оплодотворенія яйца, соотвѣтствующаго начальной точкѣ дуги жизни, и кончая послѣдней точкой ея, упирающейся въ землю, куда мы всѣ и возвращаемся. Между тѣмъ, разсматривая жизнь одного и того же индивидуума въ болѣе или менѣе отдаленные промежутки времени, легко замѣтить въ тканяхъ и органахъ тѣла глубокія измѣненія, являющіяся печатью времени.

Между всѣми этими переворотами, происходящими, впрочемъ, вполнѣ постепенно, есть одинъ, который рѣзко бросается въ глаза, и который наблюдается при наступленіи половой зрѣлости; кромѣ

этого есть еще климактерическій періодъ у женщинъ, соотвѣтствующій прекращенію половыхъ функцій.

Конечно, весь циклъ этихъ измѣненій протекаетъ во времени съ различной скоростью, смотря по роду и виду взятыхъ животныхъ и растеній; другими словами, жизнь имѣетъ различную продолжительность, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Тѣмъ не менѣе, ко всѣмъ болѣе или менѣе развитымъ живымъ существамъ примѣнима вышеуказанная дуга жизни съ ея восходящей частью, нисходящей и апогеемъ развитія.

О деталяхъ этой дуги жизни для животныхъ и растеній намъ извѣстно, конечно, очень мало, и вѣрно только то, что она неодинакова у различныхъ животныхъ и растеній. Къ подраздѣленіямъ же ея во времени у человѣка была сдѣлана попытка знаменитымъ физіологомъ Флурансомъ. Онъ говоритъ, что жизнь человѣка раздѣляется на двѣ приблизительно равныя половины: на періодъ роста и убыванія. Каждый изъ этихъ періодовъ подраздѣляется на двѣ части, а отсюда и вытекаютъ четыре возраста жизни: дѣтство, молодость, возмужалый возрастъ и старость. Наконецъ, каждый изъ этихъ четырехъ возрастовъ подраздѣляется еще на два возраста, а именно: существуетъ первое и второе дѣтство, первая и вторая молодость, первый и второй возмужалый возрастъ, первая и вторая старость.

Трудно, конечно, опредѣлить нормальную продолжительность каждаго изъ этихъ возрастовъ. Во всякомъ случаѣ, Флурансъ предлагаетъ слѣдующіе сроки для возрастовъ: первое дѣтство—отъ рожденія до 10 лѣтъ, это собственно дѣтство; второе дѣтство—отъ 10 до 20 лѣтъ, это собственно юношескій возрастъ; первая молодость—отъ 20 до 30 лѣтъ, вторая—отъ 30 до 40 лѣтъ; первый возмужалый возрастъ—отъ 40 до 55 лѣтъ, второй—отъ 55 до 70 лѣтъ. Въ 70 лѣтъ начинается первая старость, продолжающаяся до 85 лѣтъ, и съ этого момента начинается вторая и послѣдняя старость.

Конечно, подобное распредѣленіе возрастовъ во времени представляетъ много условнаго, много шаткаго, въ виду громадности индивидуальныхъ колебаній, такъ какъ иной юноша смотритъ уже старцемъ, и наоборотъ, сохранившійся старецъ можетъ быть живѣе иного юноши. Но, такъ или иначе, намъ не кажется неправдоподобной эта схема Флуранса, въ виду того, что люди въ счастливыхъ случаяхъ доживаютъ до 100 и болѣе лѣтъ, какъ мы убѣдимся впослѣдствіи.

Итакъ, непрерывной струей смѣняетъ одинъ возрастъ другой,

Сказанное относительно хода развитія вѣса и роста цѣлаго организма въ различные фазисы жизни относится, конечно, и къ ходу развитія отдѣльныхъ органовъ тѣла, хотя мы встрѣчаемся здѣсь съ нѣкотораго рода особенностями. Различные ткани и органы въ ходѣ своего развитія не совпадаютъ какъ другъ съ другомъ, такъ и съ развитіемъ всего организма вообще. Такъ, напр., срокъ существованія грудной железы оказывается несравненно болѣе кратковременнымъ, чѣмъ жизнь ея обладателя. Глазъ, достигающій высшей степени своего развитія въ дѣтствѣ, по прозрачности его среды и подвижности его мышцъ, служитъ въ это время, по большей части, въ качествѣ игрушки; въ послѣдующіе же возрасты жизни, когда служба его была бы всего нужнѣе для дѣятельнаго еще мозга, онъ впадаетъ въ сравнительно неподвижное и помутненное, старческое состояніе.

Абсолютный вѣсъ мозга у новорожденныхъ равенъ приблизительно 400 грам.; въ теченіе перваго года онъ увеличивается почти вдвое и достигаетъ своего максимума между 20—30 годами, послѣ чего онъ остается до 50—60 л. возраста in statu quo; далѣе же наступаетъ уменьшеніе вѣса мозга.

Скелетъ достигаетъ предѣла своего приблизительно въ то же время, когда организмъ достигаетъ своего наибольшаго роста, и заростаніе различныхъ эпифизовъ почти совершенно оканчивается на 25-мъ году жизни. Точно также и увеличеніе мышечной системы совпадаетъ съ наростаніемъ вѣса тѣла, тогда какъ головной мозгъ, напр., рано достигаетъ границъ своего объема и вѣса.

Сосудистые и пищеварительные органы могутъ продолжать увеличиваться до очень поздняго возраста. Такимъ образомъ мы должны придти къ заключенію о существованіи естественныхъ внутреннихъ границъ и для развитія и роста каждой изъ системъ органовъ въ отдѣльности. И для нихъ существуютъ періоды роста, развитія и полнаго расцвѣта строенія и функцій—и затѣмъ регресса, упадка и угасанія.

Только линіи развитія отдѣльныхъ системъ органовъ тѣла не совпадаютъ какъ другъ съ другомъ, такъ и съ линіей роста и вѣса всего организма въ цѣломъ при его развитіи. Благодаря только этому и возможно видѣть, что организмъ, напр., физически разбитый, истощенный, съ низкой мышечной силой, можетъ обладать высокой интеллектуальной и нервной дѣятельностью.

При этомъ развитіи организмовъ изъ зародышеваго оплодотвореннаго яйца легко замѣтить, что первыми функціонирующими аппаратами являются аппараты растительной жизни, т.-е. той, которая заправляетъ функціями питанія и роста организма. Сюда

относятся система кровообращенія съ сердцемъ и съ сосудами, система пищеварительныхъ и дыхательныхъ органовъ, тогда какъ нервная и мышечная системы, лежащія въ основѣ такъ-называемыхъ животныхъ функцій, т.-е. сферы чувствованій и движенія, отстаютъ въ своемъ развитіи и доразвиваются послѣдовательно путемъ постепеннаго упражненія ихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Организмы развиваются, слѣдовательно, какъ бы изнутри кнаружи, тогда какъ упадокъ и угасаніе жизненныхъ функцій слѣдуютъ обратному порядку—отъ периферіи къ центру, т.-е. сначала постепенно исчезаютъ животныя функціи, т.-е. ослабѣваетъ и притупляется сфера чувствованій и движеній, и затѣмъ только начинаютъ ослабѣвать растительныя функціи, т.-е. отправленія органовъ кровообращенія, дыханія, пищеваренія, завѣдующихъ вообще явленіями питанія.

Изъ представленнаго очерка съ очевидностью слѣдуетъ, что, судя по ходу вѣса и роста организма въ теченіе жизненнаго процесса, балансъ тѣла, т.-е. опредѣленное status quo, поддерживается лишь въ теченіе сравнительно коротваго промежутка времени, приблизительно между 40 и 50 годами, тогда какъ до этого срока организмъ идетъ все время на прибыль, а послѣ 50 лѣтъ на убыль.

Сказанное о человѣкѣ имѣетъ, конечно, силу и для всѣхъ сложныхъ организмовъ какъ животнаго, такъ и растительнаго царства, и среди нихъ мы встрѣчаемся съ періодомъ жизни, ведущимъ тѣло, какъ со стороны вѣса, такъ и роста, на прибыль, причемъ прогрессивно ростутъ и совершенствуются функціи; за нимъ наступаетъ періодъ баланса, statu quo, въ высшей точкѣ развитія, и подъ конецъ періодъ упадка и слабости, характеризующій старость и незамѣтно переходящій въ смерть.

Но, конечно, всѣ эти фазы жизни несравненно менѣе изучены на животныхъ, нежели на человѣкѣ, вслѣдствіе чего мы и будемъ придерживаться въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ преимущественно организма человѣка. Какимъ же образомъ, спрашивается, естественнѣе всего объяснить себѣ эти три періода жизни: періодъ прибыли и роста организма, періодъ баланса на высшей точкѣ развитія и, наконецъ, періодъ потерь и упадка, ведущаго неминуемо къ полному угасанію жизни? Съ запасомъ развитыхъ уже выше свѣденій легко приступить къ анализу этихъ явленій.

И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что въ основѣ жизни лежатъ два противоположныхъ теченія живой матеріи — это ея разрушеніе, идущее рука объ руку съ созиданіемъ. Если въ началѣ

жизни прибыль роста и вѣса идетъ съ такой неимовѣрной силой и скоростью, то очевидно, что образовательные, созидательные процессы въ организмѣ берутъ перевѣсъ надъ процессами разрушенія живой матеріи; благодаря только этому, и можетъ откладываться въ тѣлѣ на счетъ веществъ, забираемыхъ имъ извнѣ, живая матерія, на счетъ которой прибываютъ ростъ и вѣсъ организма.

Затѣмъ, съ теченіемъ жизни, прибыль организма постепенно ослабѣваетъ и, наконецъ, къ 40-му году наступаетъ физическое status quo; очевидно, что въ этомъ періодѣ образовательные процессы постепенно падали и уравнялись по силѣ съ процессами разрушенія живой матеріи. Срокъ этого равновѣсія, однако, длится, быть можетъ, 10 лѣтъ, лѣтъ до 50-ти, чтобы уступить мѣсто другому обратному теченію — перевѣсу процессовъ разрушенія надъ процессами образовательными, результатомъ чего являются паденіе вѣса, уменьшеніе роста, упадокъ силъ, ведущій къ смерти.

Смерть нормальная сама является выраженіемъ полнаго исчезновенія образовательныхъ функцій и господства однихъ только разрушительныхъ процессовъ въ организмѣ.

Доказать вѣрность этихъ положеній возможно слѣдующимъ образомъ. Если взять человѣка взрослаго и здороваго и изслѣдовать химически приходъ и расходъ его тѣла, т.-е. количество суточно вводимыхъ имъ вмѣстѣ съ пищей и питьемъ углерода, водорода, азота, кислорода, сѣры и т. д. и выводимыхъ имъ путемъ выдѣленій веществъ, то окажется, что количества эти приблизительно равны. У него легко установить приблизительное равновѣсіе въ приходѣ и расходѣ веществъ, и только при этомъ условіи и мыслимо сохраненіе вѣса тѣла изо дня въ день in statu quo.

Возьмемъ теперь организмъ юный, ростущій и идущій на прибыль. Такого же рода сопоставленія между приходомъ и расходомъ съ отчетливостью указываютъ на перевѣсъ прихода надъ расходомъ, т.-е. такой организмъ задерживаетъ въ тѣлѣ часть вводимыхъ извнѣ элементовъ и не отдаетъ, слѣдовательно, въ теченіе сутокъ сполна въ своихъ выдѣленіяхъ элементовъ, введенныхъ въ формѣ пищи. Такъ, у юныхъ ростущихъ организмовъ не удается установить ни азотнаго, ни какого другого равновѣсія, такъ какъ азотъ вводимыхъ бѣлковъ идетъ не только на пополненіе разрушающагося во время жизни живого бѣлковаго вещества, но и на отложеніе его въ тканевыхъ элементахъ тѣла для ихъ роста и развитія. Поэтому на единицу вѣса тѣла дѣти

требуютъ больше пищевого бѣлка, нежели люди взрослые, и въ особенности старцы, и только при этомъ они въ состояніи правильно развиваться.

Такъ, непосредственными опытами Софіи Гиссе, Камерера, Уффельмана и др. доказано, что на каждый килò вѣса дѣтей отъ $1^1/_2$ до $2^1/_4$ лѣтъ приходится вводить 4,3 грам. бѣлка; въ 4—5 лѣтъ—около 3,7 грамма; въ 10—11—всего 2,6 грамма; а взрослый человѣкъ нуждается всего въ 1,8 грам. на килò своего вѣса. Эти числовыя данныя съ очевидностью показываютъ, какъ сильно нуждается ростущій организмъ въ бѣлкѣ для развитія и роста своихъ тканей; азотъ мертваго бѣлка пищи, превращающагося въ плоть и кровь организма, при ростѣ его уже не попадаетъ въ выдѣленія, задерживается въ тѣлѣ и поэтому азотнаго равновѣсія нельзя бываетъ и получить на ростущихъ организмахъ дѣтей, и такъ какъ тѣломъ ихъ задерживается больше, нежели выводится, то это и должно вести къ прибыли организма. То, чтò мы сказали для азота пищи—вполнѣ доказано и для кислорода вдыхаемаго воздуха.

Взрослый человѣкъ выводитъ весь почти кислородъ, усвоиваемый изъ воздуха въ теченіе сутокъ, въ видѣ CO^2, за малой частью того кислорода, который выводится вмѣстѣ съ окисленными продуктами, азотъ содержащими, каковы мочевина, мочевая кислота и т. д. Во всякомъ случаѣ, легко подвести у него балансъ между всей суммой поглощеннаго кислорода и выведеннаго въ формѣ различныхъ окисленныхъ продуктовъ. Ничего подобнаго, оказывается, не бываетъ въ ростущихъ организмахъ. Приходъ кислорода у нихъ всегда бываетъ больше расхода его; кислородъ въ тѣлѣ задерживается и идетъ на образованіе взрывчатыхъ живыхъ соединеній живой клѣточной протоплазмы, находящейся въ состояніи роста. Наконецъ, если взять тотъ періодъ жизни, который соотвѣтствуетъ закату нашихъ дней, то тутъ мы встрѣчаемся какъ разъ съ явленіемъ обратнымъ. Приходъ въ тѣло веществъ бываетъ меньше расхода. Старикъ выводитъ обыкновенно больше азота, водорода, кислорода, сѣры и другихъ элементовъ, чѣмъ усвоиваетъ ихъ извнѣ путемъ питанія и дыханія, и это объясняется, конечно, легче всего ослабленіемъ созидательныхъ процессовъ и преобладаніемъ надъ ними разрушительныхъ процессовъ. Отсюда понятно постепенное паденіе вѣса и роста тѣла въ старческомъ возрастѣ.

Итакъ, мы видимъ, что въ юномъ, ростущемъ возрастѣ процессы образовательные преобладаютъ надъ процессами разрушенія;

въ возмужаломъ тѣ и другіе находятся приблизительно въ равновѣсіи, а подъ старость начинаютъ преобладать процессы разрушенія.

Объяснить такія колебанія возможно было бы а priori двоякимъ путемъ: или тѣмъ, что созидающія силы въ организмѣ, начиная дѣйствовать самымъ энергичнымъ образомъ съ момента оплодотворенія яйца, постепенно ослабѣваютъ по мѣрѣ теченія лѣтъ и подъ-конецъ, изсякая совершенно, приводятъ его къ смерти; или же тѣмъ, что процессы разрушенія живой матеріи, при постоянствѣ процессовъ созиданія, будучи всего слабѣе въ началѣ развитія, съ ходомъ послѣдняго все болѣе и болѣе возрастаютъ, уравниваются по силѣ и обширности съ процессами возстановленія и затѣмъ, пересиливая ихъ, ведутъ къ упадку и разрушенію.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что изъ этихъ двухъ предположеній послѣднее не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Такъ, непосредственными опытами доказано, что процессы разрушенія тканей, о которыхъ можно судить по количеству выводимыхъ тѣломъ продуктовъ метаморфоза, бываютъ даже сильнѣе выражены въ юномъ возрастѣ, чѣмъ во взросломъ и старости. При старости—ихъ приходится на единицу вѣса тѣла даже меньше, чѣмъ въ возмужаломъ возрастѣ, и слѣдовательно ясно, что кривая роста, баланса и упадка организма обусловливается не повышеніемъ разрушительныхъ процессовъ въ организмѣ, при постоянствѣ созидающихъ силъ, а, напротивъ того, постепеннымъ упадкомъ, ослабленіемъ созидающихъ силъ, которыя подъ-конецъ истощаются и тѣмъ самымъ уступаютъ вполнѣ мѣсто разрушительнымъ процессамъ въ организмѣ.

Итакъ, изъ представленнаго хода развитія организмовъ видно, что первоначальный напоръ созидающихъ, организирующихъ силъ бываетъ въ самомъ началѣ, послѣ оплодотворенія яйца, самымъ высокимъ, благодаря чему плодъ, въ теченіе какихъ-нибудь первыхъ 10 мѣсяцевъ внутри-утробнаго развитія, достигаетъ почти трети всего будущаго роста организма и $^1/_{20}$ вѣса всего взрослаго тѣла, увеличившись за это время противъ первоначальнаго зародышеваго яйца со стороны вѣса въ 96.000 разъ, а со стороны длинника—въ 13.500 разъ. Затѣмъ ростъ организма нейдетъ уже столь быстрыми шагами, а, постепенно ослабѣвая къ наступленію возмужалаго возраста, останавливается на нѣкоторое время на опредѣленной высотѣ, для того, чтобы затѣмъ начать обратное движеніе въ сторону упадка вѣса и размѣровъ, характеризующее старческій возрастъ.

Очевидно, что созидающія силы организма, по мѣрѣ роста его, постепенно ослабѣваютъ и, достигнувъ равновѣсія съ процессами разрушенія, обусловливаютъ на время status quo организма, послѣ котораго, продолжая свое прогрессивное паденіе и истощаясь все болѣе и болѣе, уступаютъ мѣсто разрушительнымъ процессамъ, подъ властью которыхъ организмъ идетъ быстро къ разрушенію и къ смерти. Итакъ, кривая жизни опредѣляется ходомъ энергіи созидающихъ силъ организма, и какъ только энергія эта изсякнетъ, такъ наступаетъ царство смерти. Конечно, тутъ рѣчь идетъ объ естественной, старческой, но не насильственной смерти.

Ив. Тархановъ.

ОДИНОКІЙ

ЭТЮДЪ.

...Лугановы наняли квартиру на Алексѣевской улицѣ.

Квартира была небольшая, но удобная, въ нижнемъ этажѣ. Наверху жили сами хозяева—Стаховскіе.

Лугановы много слышали объ этой семьѣ. Михаилъ Васильевичъ Стаховскій, еще не старикъ, плотный и загорѣлый, съ красивыми сѣдыми бакенбардами—имъ понравился. Въ городѣ его звали: „кремень-человѣкъ". Онъ началъ безъ денегъ и безъ образованія, и къ пятидесяти годамъ у него было доходное мѣсто въ банкѣ и домъ.

О женѣ его, которую почти никто не видалъ, ходили самые странные толки: она была еще молодая женщина, но отъ постояннаго вспрыскиванія морфія—почти сумасшедшая.

Ее жалѣли, но только тѣ, кто ея не видалъ, а видѣвшіе молчали и покачивали головою.

Нина Луганова хотѣла больше всего познакомиться съ молодымъ Стаховскимъ. Она слышала, что онъ очень привлекателенъ, и кромѣ того ее заинтересовала исторія перваго брака Михаила Васильевича: жена умерла отъ чахотки, и за нею умирали почти каждый годъ ея дѣти, къ которымъ перешла эта болѣзнь.

Одна дочь, уже замужняя, умерла недавно, оставивъ ребенка. Послѣдній сынъ, двадцати-восьми лѣтъ, былъ па очереди; его-то и хотѣлось увидать Нинѣ.

Михаилъ Васильевичъ сказалъ какъ-то сыну за обѣдомъ, что хорошо бы ему познакомиться съ жильцами: люди, кажется, веселые; дочка совсѣмъ молоденькая, лѣтъ шестнадцати, и недурна.

Нина точно была недурна: средняго роста, крѣпкая и розо-

вая, съ совсѣмъ дѣтскими карими глазами и длинной каштановой косой,—она казалась иногда даже хорошенькой.

На предложеніе отца познакомиться съ жильцами Пьеръ (его всѣ почему-то звали на французскій ладъ) сказалъ, что познакомится непремѣнно, и дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ имъ визитъ.

Нина разочаровалась.

Она знала, что Пьеръ очень избалованъ своими успѣхами; сама видѣла нѣсколько барышенъ и барынь, по слухамъ, влюбленныхъ въ него еще до его недавней поѣздки за границу,—и удивилась всему этому послѣ перваго визита Пьера. Онъ ей совсѣмъ не понравился.

Но время шло; визиты стали повторяться чаще; Пьеръ видимо ухаживалъ за Ниной.

Одинъ разъ онъ принесъ ей недурную акварель своей работы, потомъ прислалъ букетъ; Нинѣ это было пріятно.

Но все-таки они были далеки, разговаривали только при другихъ и очень церемонно. Ихъ сблизилъ вечеръ, когда, наконецъ, Пьеръ согласился принести свою скрипку.

Онъ игралъ цѣлый часъ.

Нина—хотя и слышала раньше, что онъ долго занимался въ Вѣнѣ—была поражена. Цѣлый вечеръ она молчала. Съ тѣхъ поръ они стали друзьями.

Домъ со двора былъ окруженъ балконами, какъ всѣ южныя постройки; стеклянная галерея вела въ большой флигель, угрюмый и пустой, съ заколоченными окнами. Въ глубинѣ двора начинался садъ, неширокій, но очень тѣнистый лѣтомъ.

Теперь деревья, несмотря на конецъ февраля и очень теплую погоду, стояли еще голыя, бесѣдки казались унылыми, и только около забора и корней деревьевъ росла свѣжая трава да темныя фіалки.

Пьеръ, сбросивъ съ себя пальто, усердно копалъ „свою" грядку.

Каждый годъ онъ самъ вскапывалъ ее садилъ цвѣты и аккуратно поливалъ ихъ.

Его радовали и занимали пышныя маргаритки и геліотропъ; онъ искренно огорчался, если цвѣты погибали.

Этой весной онъ обѣщалъ Нинѣ посадить цвѣты, какіе она захочетъ; сѣмена были куплены, и сегодня Пьеръ вмѣстѣ съ Ниной собирался работать въ саду.

Пьеръ не вскопалъ и половины грядки, но уже усталъ.

Онъ снялъ мягкую коричневую шляпу и сѣлъ отдохнуть на скамейку подъ деревомъ.

Съ утомленнымъ, немного осунувшимся лицомъ, онъ казался совсѣмъ больнымъ въ это солнечное утро.

Пьеръ давно зналъ и давно привыкъ къ тому, что онъ красивъ. Волнистые темные волосы, кудрявая бородка, тонкій носъ и очень бѣлый, высокій лобъ—дѣйствительно были красивы. Даже худоба его не портила, а худъ онъ былъ такъ, что все платье его казалось сдѣланнымъ не по немъ: рукава слишкомъ широки, синяя курточка висѣла складками.

Улыбка у него была необычайно милая и кроткая. Нина часто говорила, что еслибы онъ дѣйствительно былъ избалованъ и самонадѣянъ,—онъ не умѣлъ бы такъ улыбаться.

Но выраженіе его глазъ часто пугало ее; она не понимала, отчего они такіе странные?

А это были просто глаза больного человѣка; взглядъ, который пугалъ Нину, былъ безучастенъ: здоровые люди такъ не смотрятъ.

Пьеръ зналъ съ дѣтства, что рано умретъ отъ чахотки, и привыкъ къ этой мысли. Онъ не кончилъ гимназіи—но его и не принуждали; увлекся рисованіемъ—но учился не серьезно, точно „пока"; поѣхалъ за границу, послушалъ лекціи въ университетахъ; занялся музыкой и учился долго; потомъ вдругъ сразу бросилъ все и вернулся домой.

Но все-таки мысль о неизбѣжной смерти не дѣлала его несчастнымъ. Болѣзнь измѣняла его такъ медленно и постепенно, что онъ не замѣчалъ перемѣны, и думалъ:

„Еще не теперь, еще поживу... хоть немного-то. Вотъ полечусь"...

И онъ усердно лечился.

Увидавъ Нину, онъ очень обрадовался.

Нина тихонько подошла и, краснѣя, протянула ему руку.

Пьеръ ухаживалъ за нею сначала по привычкѣ, какъ за каждой хорошенькой дѣвочкой; это всегда было его развлеченіемъ; теперь онъ видѣлъ, что самъ нравится ей, и ему эта дѣвочка становилась все милѣе.

— Вы устали?—сказала Нина.—Дайте, я вамъ помогу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего, я самъ...—Пьеръ испугался, что она его считаетъ больнымъ.—Мнѣ ужъ немного осталось, я сейчасъ кончу...

Нина, все еще розовая, сѣла и молчала.

Пьеръ изрѣдка взглядывалъ на нее и думалъ, что она очень хорошенькая сегодня въ своемъ синемъ фланелевомъ платьицѣ, съ кружевной косынкой на головѣ.

— Я, вотъ, думалъ утромъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ, —сказалъ, наконецъ, Пьеръ.—И нахожу, что правъ былъ. Что-жъ, всякій по-своему думаетъ... Вы, вотъ, съ Юмомъ согласны; а я вѣрю, что я умру, а душа моя не умретъ...

— Но почему? На какихъ основаніяхъ?—спросила Нина, вдругъ вспыхнувъ. Она только-что прочла статью Юма и со всѣми спорила о существованіи души...

— Да безъ всякихъ основаній, если хотите... Вотъ я вамъ что скажу, Нина Владиміровна...—Онъ кончилъ работу, поднялъ шляпу и сѣлъ рядомъ съ Ниной на скамейку.—Вы знаете, мать у меня умерла,—я еще маленькій былъ, не помню; а вотъ въ третьемъ году братъ умеръ, да семь мѣсяцевъ назадъ—сестра; этихъ я любилъ, видѣлъ, какъ они умирали; теперь я совсѣмъ одинокъ на свѣтѣ, и я былъ бы очень несчастенъ, еслибы зналъ, что они навсегда умерли. А я чувствую, что это не такъ; я ихъ по прежнему люблю, и даже мнѣ кажется иногда, что я съ ними по прежнему связанъ.

Нина слушала его и молчала. Онъ въ первый разъ говорилъ съ ней о себѣ; ее удивляла и радовала его откровенность.

— Вотъ я сейчасъ сказалъ, что я одинъ на свѣтѣ,—продолжалъ онъ между тѣмъ.—Вы, вѣрно, подумали: чего онъ жалуется? У него отецъ есть, все-таки родная семья... А вы знаете, мой отецъ—сухой человѣкъ. Онъ меня мало любитъ. Я росъ слабый, больной, старшія сестры меня нѣжили, баловали... А теперь... Вы видѣли Людмилу Антоновну?

Людмила Антоновна была мачиха Пьера. Нина видѣла ее раза два и теперь со страхомъ вспоминала эту маленькую, худенькую женщину, почти раздѣтую, съ растрепанной свѣтлой косой и крошечнымъ некрасивымъ личикомъ. Глаза у нея были полузакрыты, вѣки опухшія; нервная, порывистая, безпрестанно сжимая маленькія, костлявыя руки, она говорила рѣзко и какимъ-то книжнымъ языкомъ.

Нина ея боялась.

На вопросъ Пьера Нина только кивнула головою.

— Видѣли? Знаете?—И Пьеръ печально улыбнулся.—Ну такъ вотъ мы съ ней не въ ладахъ. Отецъ ее слушаетъ. Я, конечно, человѣкъ не энергичный, къ тому же больной,—что-жъ я могу? Ну и ссоримся. Велитъ мнѣ отдѣльную посуду покупать: заражу будто

бы ихъ... А я развѣ такъ ужъ боленъ?—прибавилъ онъ вдругъ съ безпокойствомъ:—я еще, слава Богу... Теперь комната ей моя понадобилась: хочетъ сулемой ее вымыть, новыми обоями оклеить и жить въ ней. Меня во флигель переводятъ, а мнѣ это тяжело: тамъ моя сестра умерла. Можетъ, и меня туда на смерть переведутъ...

Онъ былъ взволнованъ. Нина хотѣла—и не знала, что ему сказать. Они помолчали.

— Что-жъ, я Людмилу Антоновну не виню,—продолжалъ Пьеръ.—Ея жизнь тоже несчастная... Вышла замужъ—институткой молоденькой. Ну, отецъ, конечно, очень строгъ къ ней былъ. Она и морфій-то въ первый разъ приняла, чтобы отравиться, да не умерла, а только заснула. Понравилось ей, и привыкла потомъ. А посмотрите, какая она умная, начитанная... Какъ стихи сочиняетъ... Всѣ новыя книги раньше выписывала; ну, теперь, конечно, гдѣ-жъ... Нѣтъ, я ее очень не виню... Однако, что же это я вамъ жалуюсь,—вамъ, можетъ, скучно?—прибавилъ онъ, улыбнувшись.—Вотъ васъ и домой зовутъ. Въ самомъ дѣлѣ, не простудиться бы намъ. Тепло, да не лѣто.

Онъ заботливо надѣлъ пальто и застегнулся. Они пошли къ выходу.

Съ каждымъ днемъ Пьеръ все меньше и меньше обращалъ вниманіе на выходки мачихи.

Вопросъ о переходѣ его во флигель оставался открытымъ, а пока онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ своей веселой, просторной комнатѣ, какъ разъ надъ комнатою Нины, рисовалъ, писалъ стихи или путевыя воспоминанія, чувствовалъ себя отлично и въ прекрасномъ настроеніи.

Нина немножко удивлялась: она привыкла думать, что у мужчины всегда есть одно опредѣленное, серьезное дѣло.

— Развѣ вамъ не скучно?—спрашивала она.

— Нѣтъ, мнѣ никогда не бываетъ скучно; я же всегда занятъ. Почитаю, на скрипкѣ поиграю, потомъ пойду погулять, потомъ порисую... День и проходитъ.

Нина не могла понять, что неизбѣжность ранней смерти сложила всю его жизнь на особый ладъ, и нельзя къ нему прилагать мѣрку другихъ, здоровыхъ людей.

Чѣмъ ближе онъ ей становился, тѣмъ меньше вѣрила она въ его болѣзнь, въ смерть... Она даже почти никогда не думала объ этомъ. Она начинала его любить какъ-то „для себя“. Ей хотѣлось, чтобы онъ былъ съ ней, говорилъ съ ней, хотѣлось нравиться ему... Но когда мать гдѣ-нибудь на вечерѣ говорила ей:

— Зачѣмъ ты заставляешь танцовать молодого Стаховскаго? Вѣдь ему можетъ сдѣлаться хуже. Какой несчастный!..

Нина всегда отвѣчала съ неудовольствіемъ:

— О, мама, вовсе онъ не такъ боленъ! Право, онъ, пожалуй, выздоровѣетъ!..

Они каждый день видѣлись въ саду.

Нина въ душѣ считала себя очень умной, потому что читала Юма и Милля. Она была увѣрена, что и Милль, и Юмъ, интересуютъ ее.

Часто она думала о себѣ въ третьемъ лицѣ, какъ о героинѣ романа, любовалась собою, и ей въ особенности нравилось, что она читаетъ серьезныя книги.

Нина давно рѣшила, что Пьеръ не уменъ и мало развитъ: ужъ слишкомъ просто онъ судилъ обо всемъ.

Быть можетъ, она была права.

Рѣшивъ это, она, однакоже, не могла относиться къ Пьеру сверху внизъ, какъ ей хотѣлось, а напротивъ, робѣла и краснѣла. „Точно дѣвчонка!“ сердилась она на себя.

Пьеръ замѣчалъ это и добродушно улыбался про себя.

Нина ему очень нравилась.

Онъ видѣлъ другихъ, и болѣе красивыхъ, и болѣе привлекательныхъ, но въ Нинѣ для него была своя, особая привлекательность.

Ему нравилось, что ей только шестнадцать лѣтъ, что она такъ наивно краснѣетъ и не умѣетъ скрывать, что̀ чувствуетъ. Ему нравилось, что она не боится въ легкомъ платьѣ до поздней ночи сидѣть въ саду, гдѣ сыро, танцуетъ на балахъ до упаду, бѣгаетъ на перегонки съ своимъ братомъ гимназистомъ,—и ей ничего.

Пьеръ и завидовалъ, и удивлялся, и радовался этому.

Когда въ саду они сидѣли на одной скамейкѣ, рядомъ, ему часто казалось, что между ними есть какая-то связь, и что въ ней столько жизни и здоровья, что хватитъ на нихъ обоихъ.

Нина была искренно удивлена, встрѣтивъ разъ въ сумеркахъ, на одной изъ аллей, Пьера съ толстой черноглазой дѣвочкой на рукахъ.

Дѣвочка въ бѣломъ вышитомъ платьицѣ была прехорошенькая и казалась очень довольной своимъ положеніемъ.

Пьеръ немного сконфузился.

— Это Люся, дочка моей сестры,—сказалъ онъ.—Мы съ ней друзья. Вотъ узнала меня; какъ давно не видала, а сейчас

ко мнѣ, къ первому, пошла. Завтра провожать ее надо ѣхать,—она вѣдь тутъ за 60 верстъ живетъ,—въ Ахаларахъ. У одной нашей родственницы воспитывается. Отецъ все въ разъѣздахъ... Вотъ привезли со мной повидаться на денекъ...

И онъ ласкалъ румяную дѣвочку, поглаживая рукой ея волосы.

— Надо будетъ у нихъ погостить. Няньчиться стану,—продолжалъ онъ, улыбаясь.—Я и такъ дѣтей люблю, ну а эта еще и родная.

Нина никогда не видѣла его такимъ радостнымъ. Ей стало больно.

— Такъ вы надолго?—спросила она, и въ голосѣ у ней были слезы.

— Да, недѣльки двѣ поживу. А что?

— Не ѣздите! Мнѣ скучно безъ васъ.

— Вамъ безъ меня скучно? Отчего?—Онъ улыбался.

— Просто скучно. Я къ вамъ привыкла...

— Вотъ Люсѣ тоже скучно безъ меня. Да и вовсе вамъ не будетъ скучно... Черезъ двѣ недѣли я вернусь.

Нина больше ничего не говорила. Онъ съ Люсей скоро ушелъ домой. Въ саду было сыро и душно. Отъ вчерашняго дождя сразу распустились яблони и черешни, и теперь стояли точно зимой—бѣлыя отъ сплошного цвѣта. Отъ земли поднимался какой-то теплый паръ. Стемнѣло. Нина сѣла на скамейку и долго плакала.

„Вѣдь я въ него влюблена, совсѣмъ, по настоящему влюблена!“ думалось ей.

Въ Ахаларахѣ Пьеру не пожилось.

Вдобавокъ онъ простудился, сталъ больше кашлять и такъ осунулся, что самъ это замѣтилъ.

Но, вернувшись черезъ полторы недѣли и увидавъ, какъ обрадовалась ему Нина, онъ снова повеселѣлъ.

Дома онъ становился все привѣтливѣе и проще. Онъ не скрывалъ, что ухаживаетъ за Ниной; имъ обоимъ казалось это простымъ и естественнымъ; они ждали такого же отношенія къ себѣ и отъ другихъ.

Михаилъ Васильевичъ отлично все замѣчалъ, но считалъ одной шуткой и развлеченіемъ.

— Однако ты, другъ, окончательно погибъ,—сказалъ онъ разъ, усмѣхаясь.

— Погибъ!—шутливо отвѣтилъ Пьеръ.

— Влюбился по уши,—продолжалъ отецъ.—И тебѣ не стыдно?

— Что-жъ дѣлать...

— Ужъ не думаешь ли жениться?

Пьеръ вдругъ сталъ серьезенъ.

— А отчего бы и не жениться?

Отецъ нахмурилъ брови. Онъ увидалъ, что Пьеръ не шутитъ. Онъ, Пьеръ, хочетъ жениться! Михаилъ Васильевичъ рѣшительно не понималъ, что̀ случилось съ сыномъ. Вѣдь онъ знаетъ же, что боленъ, что скоро умретъ; отъ него этого никогда не скрывали. И онъ самъ прежде часто говорилъ о смерти. А теперь вдругъ—жениться!

Развѣ сказать ему прямо, что это безуміе, потому что черезъ полгода его не будетъ въ живыхъ?.. Это тяжело, но сдѣлать это нужно.

— Милый Пьеръ...—началъ Михаилъ Васильевичъ.

Но Пьеръ, точно предчувствуя, что̀ скажетъ отецъ, и, можетъ быть, боясь его словъ,—вдругъ поднялся со стула и вышелъ изъ комнаты.

Въ эти послѣдніе дни, когда онъ думалъ о любви,—онъ забылъ о смерти.

„Мнѣ кажется, что онъ любитъ меня“, — писала Нина по ночамъ въ своемъ дневникѣ. „Если любитъ, то навѣрно скажетъ скоро, скоро, до нашего отъѣзда на дачу. О, еслибы скорѣе... Я такъ буду счастлива“...

Пьеръ, дѣйствительно, рѣшился сказать ей все до отъѣзда Лугановыхъ.

Ему никогда еще не было такъ хорошо. Онъ мечталъ, какъ они заживутъ... Не здѣсь,—у него вѣдь остался маленькій капиталъ послѣ матери,—они поѣдутъ куда-нибудь на югъ, ну, хоть на Мадейру, и Люся съ ними...

А когда онъ поправится—Пьеръ уже не сомнѣвался, что поправится—они переѣдутъ въ Вѣну, онъ станетъ доучиваться въ консерваторіи... Потомъ концерты... Потомъ... И онъ уносился далеко.

Съ каждымъ днемъ онъ все больше привязывался къ Нинѣ. Онъ видѣлъ, что она ждетъ его слова, начиналъ—и вдругъ обрывалъ разговоръ, стараясь не смотрѣть на Нину, чтобы не встрѣтить удивленный взоръ ея милыхъ глазъ.

Приближался канунъ отъѣзда.

„Вотъ наканунѣ и скажу“,—подумалъ Пьеръ, и успокоился.

Была ночь. Пьеръ спалъ.

Онъ легъ рано и сейчасъ же заснулъ. Маленькіе часы на письменномъ столѣ прозвонили двѣнадцать, потомъ часъ и, наконецъ, два.

Со вторымъ ударомъ Пьеръ вдругъ проснулся, сразу, какъ будто кто-нибудь дотронулся до него, и открылъ глаза.

Кругомъ было темно и тихо.

Онъ не могъ дать себѣ отчета: что это?—Чувство? Мысль? Но какая рѣзкая, простая и ужасная—сознаніе смерти!

Онъ понялъ, что уже не живетъ, что „она" тутъ, около него; понялъ ее, какая она,—и въ душѣ нашелъ глубокое смиреніе и покорность.

Все, что̀ было близко,—отошло куда-то, и та, прежде милая, живая дѣвушка—казалась теперь безконечно чуждою.

Онъ стоялъ на переходѣ, и это одно было для него важно и велико.

Пьеръ зажегъ свѣчу, всталъ и прошелся по комнатѣ; и мало-по-малу прежде яркая мысль начала исчезать, уступая внѣшнему міру, и съ нею исчезало чувство. Онъ хотѣлъ удержать его, потомъ припомнить,—напрасно.

Онъ повторялъ себѣ: „вѣдь я умираю"... И уже самъ опять и вѣрилъ, и не вѣрилъ этому.

На другой день Нина уѣзжала.

Они простились. Нина плакала.

Но онъ былъ безучастенъ и не могъ сказать ей—ничего...

Въ Кинеизѣ рѣдко выпадало такое веселое лѣто, какъ въ тотъ годъ. Вечера, спектакли, верховыя прогулки по горамъ,—каждый день что-нибудь новое, и дачникамъ, а въ особенности дачницамъ, жилось очень хорошо.

Надо сказать правду—первое время Нина ни въ чемъ не принимала участія, сидѣла дома грустная, не читала Милля, и даже ея розовыя щеки слегка поблѣднѣли.

По ночамъ она нерѣдко плакала. Печаль ея была непритворна.

Но прошелъ цѣлый мѣсяцъ; и потому ли, что она не глубоко любила Пьера, или потому, что ей было шестнадцать лѣтъ, но она становилась все веселѣе, начала танцовать и рѣже вспоминала о Пьерѣ.

Черезъ три мѣсяца послѣ разлуки Нина вдругъ замѣтила, что ей очень весело, а Пьера она забыла.

„Онъ меня не любилъ,—подумала Нина, — ну и я разлюбила; такъ и слѣдуетъ".

Она слышала, что Пьеръ уѣхалъ лечиться въ Кисловодскъ, и танцовала со спокойнымъ сердцемъ.

Нина и ея мать пили чай на балконѣ, когда въ палисадникѣ скрипнула калитка.

Мать смотрѣла на гостя и не узнавала, но Нина узнала вмигъ.

— Стаховскій!—торопливо шепнула она матери и, стараясь быть спокойной, сошла со ступенекъ террасы на встрѣчу Пьеру.

При одномъ взглядѣ на него она поняла, сама не зная какъ, что нужно быть спокойной и нужно сразу узнать его.

Теперь уже нельзя было сомнѣваться,—это умирающій человѣкъ.

Онъ похудѣлъ, хотя былъ худъ и раньше, согнулся въ плечахъ, какъ старикъ, и осторожно ступалъ больными ногами.

Коротко остриженные волосы, сухіе и точно неживые, почему-то особенно поразили Нину.

Но онъ не сознавалъ перемѣны: вновь увидавшись съ Ниной, замѣтивъ, что она покраснѣла, онъ сдѣлался веселъ, шутилъ, смѣялся своимъ добрымъ смѣхомъ; ему казалось, что этихъ трехъ мѣсяцевъ не было, что опять весна, и Нина не уѣзжала.

Тамъ, на водахъ, онъ не могъ ужиться. Онъ былъ боленъ, воды не помогали, онъ сталъ тосковать о Нинѣ.

Онъ рѣшилъ, что все глупости и надо поѣхать къ ней, поправить дѣло.

И онъ поѣхалъ.

Къ вечеру второго дня Пьеръ предложилъ Нинѣ пройтись.

Онъ шелъ съ усиліемъ, но не хотѣлъ показать, что ему трудно.

Они миновали дачи и спустились съ горы въ ложбину, окруженную скалами.

Въ бѣлый выступъ камня былъ вставленъ образъ, а подъ нимъ журчала чистая, какъ стекло, вода.

Этотъ ключъ здѣсь называли „Святымъ источникомъ".

Они остановились на минуту отдохнуть передъ тѣмъ, чтобы идти назадъ, на гору.

Сумерки быстро надвигались.

Они стояли другъ передъ другомъ молча, но Нина понимала, что случится что-то ужасное, и непремѣнно сейчасъ.

— Нина Владиміровна,—сказалъ Пьеръ,—я, вы знаете, сначала не думалъ сюда пріѣхать, но потомъ я не могъ... Я только для васъ... И теперь я хочу васъ просить...

Онъ остановился, какъ бы ища слова.

Нина видѣла передъ собой это темное, худое лицо, глаза, глубоко впавшіе, блѣдныя, улыбающіяся губы, и жаль ей стало его въ первый разъ. И эта жалость дала ей такое горе, такое отчаяніе, какого никогда не давала любовь.

Пьеръ въ эту минуту взглянулъ на нее и сразу понялъ все. Онъ вспомнилъ ту ночную мысль, которую забылъ съ тѣхъ поръ.

Это былъ конецъ. Они вернулись, не сказавъ другъ другу ни слова.

Осень наступала ранняя, холодная.

Восточный вѣтеръ, дувшій два дня, сразу сорвалъ всѣ листья съ деревьевъ.

Во дворѣ у Стаховскихъ перемѣна: флигель открылъ свои ставни, и окна, точно глаза, смотрѣли еще угрюмѣе.

Внутри онъ раздѣлялся на три громадныя, высокія комнаты, холодныя и почти пустыя.

Въ средней помѣстили Пьера, когда онъ вернулся въ городъ.

Мачиха ожидала исторій, но ничего не случилось. Ему было уже все равно.

Эти два мѣсяца онъ прожилъ день за днемъ, ни о комъ не спрашивалъ, говорилъ мало. Даже извѣстіе, что Люся неожиданно умерла отъ дифтерита, онъ принялъ равнодушно. А со смертью Люси онъ терялъ единственное существо, быть можетъ, любившее его.

Онъ только старался избавиться отъ физическихъ страданій. У доктора онъ попросилъ опіума,—тотъ сказалъ, что хорошо, послѣ.

Тогда онъ пришелъ къ мачихѣ и просилъ дать ему морфія. Но она испугалась и не дала.

Наконецъ онъ слегъ.

Онъ ничего не говорилъ, не отвѣчалъ, когда его спрашивали, и лежалъ неподвижно, повидимому спокойно.

Мачиха у него не бывала, но отецъ заходилъ ежедневно. Ему взяли сестру милосерія.

Онъ лежалъ такъ уже два дня, когда пріѣхалъ докторъ.

Взявъ руку больного, посмотрѣвъ на него съ минуту, онъ вышелъ.

— Ну что?—спросилъ отецъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Онъ безъ сознанія. Агонія... Я еще заѣду...

— Нѣтъ, что-жъ, если вы думаете... Медицина безсильна...

— Какъ угодно,—сказалъ докторъ и ушелъ.

Отецъ вернулся въ спальню.

Больной лежалъ въ томъ же положеніи. Мутный свѣтъ изъ-за приподнятой занавѣски освѣщалъ его лицо. Осеннія мухи жужжали и бились на стеклѣ.

Отецъ постоялъ немного.

— Закрыть бы его чѣмъ-нибудь,—прошептала сидѣлка, молоденькая и миловидная дѣвушка.—А то мухи пожалуй будутъ безпокоить.

Его осторожно покрыли кисеей, и еслибы не ея тихое и мѣрное движеніе, можно бы подумать, что это лежитъ мертвый человѣкъ.

Такъ прошелъ еще день—и наступила ночь.

Передъ разсвѣтомъ заснувшая сидѣлка была разбужена какимъ-то страннымъ шумомъ.

При свѣтѣ потухающей, догорѣвшей свѣчи въ тазу, она увидѣла, что больной сидитъ на постели, сбросивъ съ себя почти все.

Его лицо было покрыто сѣроватымъ налетомъ, давно безмолвныя губы разомкнулись, онъ что-то говорилъ, но сидѣлка не могла понять; наконецъ, она разобрала: „отца... скажите... на минуточку... Неужели—это?..“

Сидѣлка бросилась къ двери; она слышала, какъ съ трескомъ потухла свѣча, но уже не воротилась. Она пробѣжала пустую комнату и длинную стеклянную галерею; въ корридорѣ большого дома она разбудила горничную:

— Кончается,—говорила она, плача и дрожа:—отца зоветъ, на минуточку...

— Нельзя, не велѣли будить,—объяснила горничная.

— Да вѣдь кончится сейчасъ...

— Не велѣлъ будить ни за что; я не смѣю.

— Ахъ ты, Господи! Пойдемте хоть вы со мной!

— Я? Мнѣ въ той комнатѣ бывать вовсе не приказано, я за барыней хожу. А вы-то сами что-жъ?

— Да не могу, жалко мнѣ, страшно... Непривычная я, въ первый разъ...

И бѣдная дѣвушка плакала.

— Ишь ты, какое дѣло,—сказала горничная.—Ну ужъ посидите здѣсь до утра на сундукѣ, ничего. А будить не велѣно.

Когда утромъ вошли въ комнату больного, онъ недвижно лежалъ на подушкахъ такъ же, какъ и наканунѣ.

Лицо его было, какъ у многихъ умершихъ, свѣтло и спокойно. Но въ одной, уже застывшей, рукѣ у него нашли разорванный и судорожно смятый кусокъ кисеи.

Нина была на похоронахъ.

Сухой и вѣтреный осенній день; солнце на желтомъ позументѣ гроба; кругомъ грустныя, спокойныя лица.

Мачиха, въ длинномъ креповомъ вуалѣ, громко рыдала и била себя въ грудь.

Когда гробъ опускали въ могилу, и отецъ, протянувъ впередъ руку, торжественно проговорилъ: „прощай, Пьеръ!“—Нина замѣтила какую-то некрасивую, бѣдно-одѣтую дѣвушку, горько плакавшую.

Можетъ быть, хоть она любила его?

„Гдѣ же онъ теперь?“ думала Нина. „Какъ странно: вотъ и я чувствую, что онъ есть, есть,—все равно гдѣ“.

Сквозь печаль, въ самой глубинѣ ея души было чувство тихой радости и успокоенія.

Ей припомнились добрые глаза покойнаго и его слова: „а я, вотъ, вѣрю, что я умру, а душа моя не умретъ“.

З. Гиппіусъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

III *).

По указанію профессора римской словесности Дмитрія Львовича Крюкова я запасся въ Петербургѣ руководствомъ Отфрида Мюллера по археологіи искусства, а управляющій домами графа Строганова размѣнялъ мнѣ русскія ассигнаціи на голландскіе десятифранковые червонцы и, привыкши услуживать своимъ сіятельнымъ патронамъ высокою цѣною, взялъ для меня билетъ на пароходъ до Любека не второго класса, а перваго, чѣмъ нанесъ не малый ущербъ моему кошельку и обрекъ меня на исключительное положеніе между первоклассными пассажирами изъ великосвѣтскаго общества. Въ потертомъ сюртукѣ скромнаго покроя и въ черной шолковой манишкѣ вмѣсто голландскаго бѣлья, я казался темнымъ пятномъ на разноцвѣтномъ узорѣ щегольскихъ костюмовъ окружавшей меня толпы. Впрочемъ это нисколько не смущало меня, потому что, и сидя въ каютѣ, и гуляя по палубѣ, я не имѣлъ ни минуты свободной, чтобы обращать на кого бы то ни было вниманіе, уткнувъ свой носъ въ книгу Отфрида Мюллера. Все время на пароходѣ я положилъ себѣ на ея изученіе, чтобы исподволь и загодя подготовлять себя къ спеціальнымъ занятіямъ по исторіи греческаго и римскаго искусства и древностей въ Римѣ и Неаполѣ. На другой же день плаванія мнѣ случилось замѣтить, что между моими спутниками перваго класса я прослылъ за скульптора или живописца, отправленнаго изъ Академіи Художествъ въ Италію для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ. Это очень польстило моему самолюбію, и

*) См. выше: апрѣль 469 стр.

тѣмъ болѣе, что я ѣду въ такой дальній путь и съ такою возвышенною цѣлью, тогда какъ всѣ другіе направлялись—кто веселиться въ Парижъ, Лондонъ или Вѣну, а кто полоскать свой желудокъ на минеральныхъ водахъ.

Бурная погода и супротивный вѣтеръ замедлили наше плаваніе на цѣлыя сутки, и я успѣлъ свести знакомство съ двумя молодыми людьми своего десятка. Одинъ былъ коммиссіонеръ торговой конторы изъ петербургскихъ нѣмцевъ (фамиліи не припомню), а другой – офицеръ военной Академіи Миловановъ, для чего-то командированный за границу, оба пассажиры второго класса. Въ нихъ нашелъ я себѣ первыхъ путеводителей при самомъ вступленіи моемъ въ Травемюнде, на материкъ чужой земли. Миловановъ поѣхалъ на лошадяхъ въ Гамбургъ, гдѣ будетъ ждать меня въ „Штрейптсотелѣ", а нѣмецкій коммиссіонеръ остался со мною въ Любекѣ, въ одной хорошо уже извѣстной ему скромной гостинницѣ.

Солнце, спускавшееся къ закату, освѣщало кое-гдѣ своими косыми лучами улицы, по которымъ мы направлялись въ свою гостинницу. У высокихъ и узкихъ домовъ странной, невиданной мною архитектуры на скамьяхъ сидѣли ихъ хозяева, мужчины и женщины, тоже въ странныхъ для меня костюмахъ. Впрочемъ по улицамъ было малолюдно и тихо, но мнѣ казалось какъ-то празднично и торжественно.

Не удивляйтесь, если скажу вамъ, что съ этого самаго вечера въ продолженіе всего двухлѣтняго пребыванія моего за границею насталъ для меня безпрерывный свѣтлый праздникъ, въ которомъ часы, дни, недѣли и мѣсяцы,—представляются мнѣ теперь нескончаемою вереницею все новыхъ и новыхъ какихъ-то радужныхъ впечатлѣній, нечаянныхъ радостей, никогда прежде неиспытанныхъ наслажденій и захватывающихъ духъ поразительныхъ интересовъ. Я тогда былъ еще очень юнъ и лѣтами, и душою, въ возрастѣ нынѣшнихъ гимназистовъ, которые вступаютъ въ университетъ: мнѣ только-что минулъ двадцать-одинъ годъ. Я не зналъ ни людей, ни свѣта, и кромѣ своего Керенска, гдѣ родился, кромѣ пензенской гимназіи и казеннокоштнаго общежитія въ университетѣ, съ придачею мещерскаго и дворцоваго корпуса въ Кремлѣ, я ничего другого не видалъ и не помнилъ. И вдругъ передо мною открылась необъятная и манящая въ даль перспектива отъ Балтійскаго моря по всей Германіи, черезъ Альпійскія горы въ широкую Ломбардію, къ Адріатическому морю въ Венецію, а оттуда черезъ Альпы во Флоренцію, Римъ и наконецъ на берега Средиземнаго моря, съ Неаполемъ и Везувіемъ,

съ Геркуланомъ и Помпеею. У меня духъ занимало, голова кружилась, я ногъ подъ собой не чуялъ въ стремительномъ ожиданіи все это видѣть, перечувствовать и пережить, усвоить уму и воображенію. Я заранѣе мечталъ пересоздать себя и преобразовать, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что не мечтаемая мною, а настоящая дѣйствительность своимъ чарующимъ обаяніемъ превзойдетъ самыя смѣлыя фантастическія мои ожиданія, потому что въ этихъ романтическихъ грезахъ мнѣ недоставало тогда ни очерковъ, ни красокъ, чтобы воплотить неясныя и пылкія мои стремленія—dahin, dahin, wo die Citronen blühen!

Надъ умами и сердцами господствовалъ тогда мечтательный романтизмъ съ безотчетнымъ вѣрованіемъ во всевозможное и невозможное, съ выспренними полетами въ невѣдомыя, таинственныя области, съ религіознымъ поклоненіемъ искусству для искуссства. Обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда Италія, опустѣлая, убогая и порабощенная въ своемъ настоящемъ и такъ неистощимо богатая и могущественная въ художественныхъ памятникахъ своего прошедшâго,—будто необъятное кладбище всемірныхъ гигантовъ, сооружавшихъ нѣкогда столпотвореніе европейской цивилизаціи. Туда эмигрировала изъ своего отечества княгиня Волконская, приняла католичество и въ Римѣ построила себѣ безподобную виллу въ громадныхъ аркахъ и устояхъ античнаго водопровода. Въ этой виллѣ жилъ и давалъ уроки сыну княгини Степанъ Петровичъ Шевыревъ прежде, чѣмъ сталъ нашимъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ. Туда въ Италію уѣхалъ умирать въ 1840 г. знаменитый въ то время Станкевичъ. Зиму 1840—1841 г. провелъ въ Римѣ Гоголь и потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возвращался туда же. Меня заманивалъ и уносилъ романтическій потокъ времени, и я строилъ себѣ воздушные замки и вѣровалъ въ возможность ихъ осуществленія тамъ—далеко, куда направлялись мои задушевныя идеи, помыслы и думы, и гдѣ я надѣялся привести въ исполненіе предначертанные мною планы.

Чтобы вы вполнѣ уяснили себѣ это свѣтлое и торжествующее настроеніе моего духа, я долженъ обратить ваше вниманіе на мое личное положеніе и на внѣшнія условія, опредѣляемыя тогдашнимъ порядкомъ вещей. Въ то время еще не было дешевой переправы въ даль по желѣзнымъ дорогамъ, возможной теперь и для людей съ ограниченными средствами; но кое-гдѣ, какъ новинку, начинали уже проводить ихъ на малыхъ разстояніяхъ. Ѣхать на лошадяхъ изъ Россіи не только въ Италію, но даже и въ Берлинъ или Дрезденъ, возможно было тогда для лю-

дей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, обезпеченныхъ. Сверхъ того, отъѣзжающихъ за границу облагали у насъ тяжелымъ налогомъ съ каждаго лица по пятисотъ рублей. Мнѣ, бѣдняку, разумѣется, и во снѣ не снилось очутиться въ Италіи. Моимъ радостямъ не было конца, когда на-яву выпало на мою долю такое великое счастье.

Но довольно о моемъ праздничномъ ликованіи. Больше не буду вамъ докучать имъ въ разсказѣ о моихъ странствованіяхъ по Германіи и Италіи. Впрочемъ, чтобы познакомить васъ съ моими личными впечатлѣніями и чувствами отъ того далекаго времени во всей ихъ наивной свѣжести юношескихъ волненій, я буду кое-гдѣ изрѣдка приводить вамъ выдержки изъ своихъ путевыхъ записокъ. Къ моему крайнему сожалѣнію онѣ сохранились у меня только въ переплетенныхъ книжкахъ, которыя я сталъ заводить, начиная съ Венеціи. До тѣхъ поръ я писалъ ихъ на почтовыхъ листахъ большого формата, съ раскрашенными вверху картинками, изображающими ландшафтъ зданія или обывателей тѣхъ мѣстностей, гдѣ я запасался этою бумагою. Въ теченіе полустолѣтія иллюстрированные листы, не связанные въ тетрадь, какъ-то сами собою, безъ моего вѣдома, разлетѣлись въ разныя стороны, и у меня не осталось ни одного. А жаль: въ нихъ—хорошо помню—были писаны прекурьезныя строки о моихъ восторгахъ, когда я, наконецъ, почувствовалъ себя въ Италіи, спускаясь съ снѣжныхъ высотъ тирольскаго Бреннера къ необозримой равнинѣ ломбардскихъ виноградниковъ...

Пора, однако, воротиться къ моему спутнику, нѣмецкому коммиссіонеру, котораго я оставилъ на одной изъ улицъ Любека. Мы помѣстились въ хорошо извѣстной ему скромной гостинницѣ. На другой день онъ показывалъ мнѣ примѣчательности города. Изъ нихъ помню только одну—и такъ живо, будто и теперь вижу ее передъ собой. Это было изображеніе „Пляски Смерти" на стѣнѣ фресками въ какой-то церкви, если не ошибаюсь, въ Marien-Kirche. Я касаюсь этой подробности для того только, чтобы дать вамъ понятіе, насколько былъ я подготовленъ въ московскомъ университетѣ, когда могъ уже интересоваться такою антикварною вещью, которая и теперь составляетъ предметъ спеціальныхъ занятій.

Вечеромъ я отправился въ Гамбургъ—навѣстить поджидавшаго меня Милованова—и провелъ вмѣстѣ съ нимъ дня три въ ошеломившемъ меня водоворотѣ увеселеній и забавъ этого богатаго торговаго города. Я спѣшилъ въ Дрезденъ, гдѣ надѣялся подготовить себя серьезными занятіями, чтобы сознательно поль-

зоваться тѣмъ, что по моимъ соображеніямъ и планамъ ожидало меня въ Италіи. Но Лейпцигъ соблазнилъ меня, и я застрялъ въ немъ недѣли на двѣ. Меня тянуло въ аудиторіи университета. Изъ профессоровъ ясно припоминаю только двоихъ. Это были: во-первыхъ, старикъ Кругъ, непосредственный ученикъ великаго Канта, въ синемъ долгополомъ сюртукѣ и въ ботфортахъ, на шеѣ высокій бѣлый галстухъ; и во-вторыхъ, филологъ Германъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, щегольски одѣтый въ лѣтній костюмъ и со шпорами на сапогахъ, потому что пріѣзжалъ въ университетъ съ дачи верхомъ на своей лошади. Онъ читалъ тогда библіографическое обозрѣніе гимновъ Гомера, то-есть о рукописяхъ, въ которыхъ онѣ дошли до насъ, о печатныхъ изданіяхъ, о варіантахъ, о комментаріяхъ. Разумѣется, не обошлось безъ того, чтобы я не познакомился кое съ кѣмъ изъ студентовъ, а съ однимъ даже подружился на „ты“. Это былъ сынъ сельскаго пастора по фамиліи Шульце.

Изъ частыхъ сношеній съ нимъ въ моей памяти навсегда сберегся одинъ случай, потому что далъ мнѣ наставительный урокъ о вѣжливой аккуратности, которая охраняетъ личность ближняго отъ посягательства на его свободу безпрепятственно располагать своимъ временемъ. Однажды мы съ Шульце положили на завтрашній день ѣхать куда-то за городъ утромъ ровно въ девять или десять часовъ, хорошо не припомню,—только именно ровно въ назначенный часъ, минута въ минуту. Поджидая своего товарища, я сидѣлъ у открытаго окна, которое выходило на улицу, а внизу подъ нимъ былъ входъ въ гостиницу. Время отъ времени я посматривалъ въ ту сторону улицы, откуда долженъ былъ идти Шульце. Вотъ онъ, наконецъ, идетъ, приблизился къ самому подъѣзду гостинницы, остановился, будто кого ждетъ, потомъ направился дальше въ другую сторону улицы, а я все наблюдаю за нимъ изъ своего окна; вотъ онъ повернулся, возвращается назадъ, опять постоялъ у подъѣзда и наконецъ вошелъ въ гостинницу. „Кого это ты поджидалъ и прогуливался взадъ и впередъ по улицѣ?“ спросилъ я, когда онъ очутился въ моемъ нумерѣ. „Да никого, — отвѣчалъ онъ: — я десятью минутами пришелъ раньше и не хотѣлъ помѣшать тебѣ“. Конечно, это была уже через-чуръ нѣмецкая аккуратность, но самый пересолъ ея тѣмъ сильнѣе внушилъ мнѣ твердое рѣшеніе дорожить минутами не только своего времени, но и чужого, и не безпокоить никого въ неурочный часъ.

Отъ Лейпцига до Дрездена была уже проведена желѣзная дорога, и я въ первый разъ въ жизни поѣхалъ по этому ново-

изобрѣтенному пути. Я ликовалъ и для пущей радости засѣлъ въ вагонъ перваго класса, и все время до самаго конца оставался въ немъ одинъ-одинёхонекъ, безпрепятственно наслаждаясь небывалыми ощущеніями головокружительной быстроты поѣзда.

Въ Дрезденѣ по рекоменданціи лейпцигскихъ студентовъ я остановился и провелъ цѣлый мѣсяцъ въ одной недорогой, но очень хорошенькой гостинницѣ, въ такъ-называемомъ Новомъ-Городѣ (Neustadt), въ отличіе отъ Стараго-Города, находящагося по ту сторону Эльбы, съ королевскимъ дворцомъ, театромъ, съ Brühlsche Terrasse, съ знаменитою картинною галереею.

О сикстинской Мадоннѣ Рафаэля я уже зналъ, когда еще учился въ пензенской гимназіи, и потомъ наслышался много о ея несказанной красотѣ и величіи. Думаю, только набожные паломники съ такимъ восторженнымъ благоговѣніемъ жаждутъ поклониться Гробу Господню, съ какимъ, по пріѣздѣ въ Дрезденъ, я стремился увидѣть своими собственными глазами великое чудо итальянской живописи. На другой же день я направился изъ своей гостинницы въ картинную галерею. Она находилась тогда не въ Цвингерѣ, какъ теперь, направо отъ See-Strasse, если идти отъ моста на Эльбѣ, а налѣво отъ этой улицы, на площади въ старинномъ зданіи съ крыльцомъ и наружною лѣстницею въ два поворота, безъ навѣса. Ступени и площадки были изъ большихъ каменныхъ плитъ, которыя отъ времени растрескались и порасползлись, изъ расщелинъ пробивалась густая трава и кое-гдѣ мохрами висѣла со ступенекъ. Протоптанные и обитые камни свидѣтельствовали, что когда-то давно много было хожено по этимъ ступенямъ и площадкамъ, а непомятая зеленая бахрома, теперь украшающая ихъ, давала знать, что ветхое зданіе галереи стоитъ въ запустѣніи и рѣдко посѣщается. Въ напряженномъ состояніи моего духа такія пустыя подробности, конечно, промелькнули бы мимо меня незамѣченными, еслибы одинъ внезапный случай не заставилъ меня очнуться и все свое вниманіе сосредоточить именно на этихъ самыхъ мелочахъ. Онъ глубоко врѣзался въ моей памяти со своею обстановкою. Со всего разбѣга пустившись вприть по ступенямъ лѣстницы, я споткнулся и упалъ. Не помню, больно ли я ушибся, да вѣроятно и тогда я не могъ этого почувствовать, потому что мгновенно охватилъ меня страхъ и ужасъ при мысли, поразившей меня какъ громомъ: что же бы это со мной было, еслибы я сломалъ себѣ руку или ногу, прошибъ бы себѣ черепъ о край ступеньки и не увидѣлъ бы никогда сикстинской Мадонны! Она показалась мнѣ въ эту минуту дороже самой жизни. Осторожно приподнявшись, я ощупалъ себѣ

колѣнки и локти, постучалъ нога объ ногу, потянулся, взмахнулъ обѣими руками: вижу, что все обстоитъ благополучно, и усердно перекрестился. Затѣмъ тихохонько поплелся вверхъ по лѣстницѣ, бережно поднимая ногу на каждую ступеньку, чтобы не зацѣпиться объ нее носкомъ или каблукомъ сапога, и по плитамъ площадокъ ступалъ съ пріостановкой, чтобы не поскользнуться на ровной поверхности и не запнуться въ трещинѣ; даже когда приблизился къ входной двери и позвонилъ, я намѣренно отступилъ назадъ, чтобы привратникъ, размахнувъ ее, не зашибъ меня ею и не лишилъ бы меня возможности вступить въ святилище Мадонны.

Только самое первое, еще неиспытанное въ жизни, неизгладимо поражаетъ душу; всякое повтореніе, хотя бы и въ болѣе сильныхъ пріемахъ, дѣйствуетъ несравненно слабѣе. Я и на половину не испытывалъ такого пылкаго волненія, когда потомъ подходилъ въ флорентійской трибунѣ къ Венерѣ медицейской или въ ватиканскомъ бельведерѣ къ пресловутому Аполлону. Потому же и раннія впечатлѣнія дѣтства и юности, впервые прочувствованныя, такъ дороги всякому и милы.

Въ Дрезденѣ мнѣ надобно было запастись необходимыми, настольными книгами и тотчасъ же приняться за ихъ чтеніе и внимательное изученіе. Это были: во-первыхъ, Винкельмана Исторія древняго классическаго искусства въ новомъ, только-что вышедшемъ тогда изданіи, съ обширными примѣчаніями, въ которыхъ новѣйшіе ученые дополнили и исправили Винкельмановъ текстъ, и, во-вторыхъ, Куглера Исторія живописи, вышедшая въ 1838 г. первымъ изданіемъ еще только въ одной книгѣ, которая потомъ въ слѣдующихъ изданіяхъ разрослась въ два тома.

Чтобы подготовить себя къ Италіи, мнѣ слѣдовало воспользоваться дрезденскою картинною галереею и, сколько возможно, ознакомиться съ нею основательно и подробно по указаніямъ Куглера. Эта галерея особенно пригодна для начинающихъ. Составленная въ XVIII столѣтіи по вкусу знатоковъ и любителей того времени, также какъ петербургскій Эрмитажъ и другія старинныя галереи Европы, она ограничивается только цвѣтущимъ періодомъ искусства, начиная съ эпохи возрожденія, за полнѣйшимъ отсутствіемъ произведеній ранняго стиля, изъ которыхъ многія интересны и значительны не столько въ художественномъ отношеніи, сколько въ историческомъ и археологическомъ. Сверхъ того она предлагаетъ отборную коллекцію самыхъ лучшихъ образцовъ живописи итальянской, нѣмецкой, фламанд-

ской и французской. Здѣсь я нашелъ себѣ элементарную школу для первоначальной выработки эстетическаго вкуса.

Къ стыду моему я долженъ признаться вамъ здѣсь, что, отправляясь за границу, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о превосходномъ собраніи картинъ въ нашемъ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Еслибы хоть немножко былъ я съ нимъ знакомъ, то другими глазами взглянулъ бы я на то, что̀ ожидало меня въ дрезденской галлереѣ и уберегъ бы себя отъ напряженныхъ усилій научиться въ короткое время слишкомъ многому.

Въ этомъ же городѣ я порѣшилъ усвоить себѣ хотя бы поверхностную наглядку въ пониманіи пластическаго стиля античной скульптуры. За неимѣніемъ лучшаго, мнѣ пришлось довольствоваться небольшимъ собраніемъ статуй, бюстовъ и барельефовъ въ Japanische Palais, находящемся въ такъ-называемомъ Новомъ-Городѣ, близехонько отъ моей гостинницы. И туда я ходилъ часто, подолгу останавливался передъ мраморными Минервами, Аполлонами и великими людьми Греціи и Рима, съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ подробности античной работы, усиленно добивался уловить, въ чемъ состоятъ ея классическія достоинства и прелесть, о которыхъ я уже успѣлъ довольно начитаться въ Винкельманѣ. Но все было напрасно,—потому ли, что собранные въ музеѣ экземпляры были посредственнаго разряда, или скорѣе потому, что глаза мои вовсе не были воспитаны и прилажены къ воспринятію впечатлѣній, какія производитъ изваянная фигура своими выпуклостями и съ ограниченною со всѣхъ сторонъ округлостью, безъ пособія живописной раскраски и перспективы или, по крайней мѣрѣ, свѣтотѣни. Съ раннихъ лѣтъ я привыкъ видѣть картины, но ни разу не случилось мнѣ встрѣтить ни одной статуи или бюста, на которые я обратилъ бы свое вниманіе.

При разсмотрѣніи античныхъ произведеній дрезденскаго собранія, останавливала меня на каждомъ шагу, смущала и путала одна досадная помѣха, которая не давала мнѣ возможности, безъ указаній каталога, самому отличать настоящую античную работу отъ позднѣйшей поддѣлки, болѣе или менѣе удачной. Надобно знать, что почти ни одинъ мраморный экземпляръ изъ древнихъ греческихъ или римскихъ статуй, бюстовъ или барельефовъ не дошелъ до насъ въ своей цѣлости. У того поломаны руки или ноги, у того отлетѣла голова, а если онъ и съ головою, то непремѣнно уже отскочилъ носъ; у иного руки и цѣлы, но безъ одного или нѣсколькихъ пальцевъ. Обыкновенно всѣ эти увѣчья реставрировались: къ античной фигурѣ придѣлывали ея собствен-

ные члены, если они вмѣстѣ съ нею были найдены въ землѣ или въ щебнѣ развалинъ; если же они не уцѣлѣли, то замѣнялись новыми. И старинный осколокъ, и его позднѣйшая поддѣлка, одинаковымъ образомъ были прилаживаемы въ надлежащемъ мѣстѣ. Чтобы отличить одно отъ другого въ скульптурныхъ произведеніяхъ дрезденскаго собранія, мнѣ приходилось ежеминутно справляться съ каталогомъ, гдѣ это всякій разъ обозначалось.

Однажды, когда я такимъ образомъ упражнялся въ изученіи античнаго стиля привинченныхъ рукъ и ногъ какой-то статуи, ко мнѣ подходитъ одинъ молодой человѣкъ и услужливо предлагаетъ мнѣ облегчить разрѣшеніе мудреныхъ для меня загадокъ. Онъ обратилъ мое вниманіе на два пункта. Новая реставрація какого-либо члена статуи отличается отъ античной, во-первыхъ, разницею въ мраморѣ и, во-вторыхъ, болѣе или менѣе неудачнымъ воспроизведеніемъ натуральности,—а именно эта-то самая натуральность и составляетъ главную суть античной пластики. Объяснивъ наглядно оба пункта на нѣсколькихъ примѣрахъ, мой новый знакомецъ открылъ мнѣ свободный доступъ въ область классическаго искусства. Онъ толковалъ мнѣ съ такимъ знаніемъ дѣла и такъ удобопонятно, что я почелъ его за скульптора и сказалъ ему это. Онъ разсмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что онъ просто студентъ медицинскаго факультета изъ Вѣны, никогда и въ руки не бралъ скульптурнаго рѣзца, но уже привыкъ хорошо владѣть анатомическимъ ножемъ и, препарируя трупы, изучалъ человѣческое тѣло, потому и можетъ отличать въ пластическомъ его изображеніи натуральное отъ ненатуральнаго.

Это знакомство было для меня вдвойнѣ наставительно. Я позавидовалъ германскимъ студентамъ въ томъ, что такъ легко и привольно могутъ они воспитать и образовать свой эстетическій вкусъ въ музеяхъ и галереяхъ, разсѣянныхъ по многимъ городамъ ихъ отечества. Усвоивъ себѣ съ той далекой поры идеальное направленіе, тамошняя молодежь, вступивъ въ зрѣлый возрастъ, могла сознательно отказаться отъ увлеченій идеализма и съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ принять новое направленіе, реалистическое, когда съ половины текущаго столѣтія стало оно забирать себѣ силу. Мой студентъ медицинскаго факультета изъ Вѣны любилъ и понималъ искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнивалъ его съ точки зрѣнія анатомической.

IV.

Въ первыхъ числахъ августа графъ Строгановъ прибылъ въ Дрезденъ изъ Москвы, а графиня съ дѣтьми изъ Карлсбада, чтобы отсюда отправиться на югъ. И я присоединился къ нимъ. Недоставало только старшаго сына, извѣстнаго уже вамъ между студентами московскаго университета, графа Александра Сергѣевича, который долженъ былъ догнать насъ гдѣ-нибудь на дорогѣ.

Съ этихъ поръ я буду въ своихъ воспоминаніяхъ называть Сергія Григорьевича Строганова не по имени и отчеству, а нарицательно „графомъ", какъ всѣ мы привыкли тогда называть его въ университетѣ.

Еще за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ мы ѣхали по всему пути въ экипажахъ до самаго Неаполя. Это была не легкая и быстрая поѣздка за границу, какія теперь производятся по рельсамъ, а старобытное настоящее путешествіе въ родѣ того, какое изобразилъ Карамзинъ въ „Письмахъ русскаго путешественника".

Нашъ пассажирскій поѣздъ состоялъ изъ четырехъ экипажей: три кареты и одна коляска. Въ каретахъ помѣщались: графъ съ графинею и ихъ дѣти, а именно: четыре сына, Александръ Сергѣевичъ, годомъ моложе меня, Павелъ Сергѣевичъ, около шестнадцати лѣтъ, Григорій Сергѣевичъ, десяти, и Николай Сергѣевичъ, полутора года, съ нѣмецкою бонною Амаліею Карловною; потомъ — двѣ дочери: Софья Сергѣевна, пятнадцати лѣтъ, и Елизавета Сергѣевна, тринадцати, съ гувернанткою изъ Лозанны, мамзель Дюранъ. Коляска могла вмѣстить только двоихъ; въ ней ѣхалъ я съ гувернеромъ Павла Сергѣевича и Григорія Сергѣевича, съ нѣмцемъ Тромпеллеромъ, докторомъ филологіи изъ какого-то германскаго университета. Она отличалась замѣчательною прочностью, такъ что въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ нашего странствованія ее ни разу не привелось чинить. Мы съ Тромпеллеромъ очень берегли ее, какъ фамильную примѣчательность, потому что еще во время турецкой войны двадцатыхъ годовъ самъ графъ совершилъ въ этой коляскѣ походъ за Дунай. Изъ каретъ особенно отличалась одна, желтая, громадныхъ размѣровъ и неимовѣрной вмѣстимости. Мы называли ее Ноевымъ ковчегомъ. Въ нее впрягали всегда четверню, а то и цѣлый шестерикъ, между тѣмъ какъ прочіе экипажи обходились только парою лошадей. Впрочемъ для крутыхъ подъемовъ на высоты Тирольскихъ и Апеннинскихъ горъ въ экипажи впрягали воловъ.

При господахъ было всего только трое слугъ: камердинеръ

графа, горничная графини и поваръ Пашоринъ (по имени никогда не называли его, оно такъ и осталось мнѣ неизвѣстно). Въ дорогѣ онъ прислуживалъ мнѣ и Тромпеллеру и состоялъ при нашей коляскѣ, а камердинеръ и горничная помѣщались въ маленькихъ крытыхъ сидѣньяхъ, придѣланныхъ сзади каретъ, гдѣ бываютъ запятки. Вдали отъ родины Пашоринъ былъ для меня хорошимъ образчикомъ русскаго человѣка, вышедшаго изъ простонародья. О немъ придется мнѣ не разъ говорить вамъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Для нашего поѣзда, какъ теперь на желѣзной дорогѣ, былъ своего рода кондукторъ,—только онъ не состоялъ при нашихъ экипажахъ, а всегда опережалъ ихъ на цѣлую станцію и назывался курьеромъ. Онъ долженъ былъ ежедневно распоряжаться нашими остановками, гдѣ удобнѣе и лучше могли мы пообѣдать и ночевать. Такимъ образомъ въ теченіе всего пути отъ Дрездена до Неаполя нашъ день проходилъ такимъ порядкомъ: напившись поутру кофею, въ девять часовъ мы отправлялись въ дорогу; около двухъ часовъ по-полудни останавливались въ гостинницѣ какого-нибудь города или мѣстечка, гдѣ по распоряженію нашего курьера насъ ожидалъ накрытый столъ съ назначеннымъ числомъ кувертовъ. Часа въ четыре мы садились въ экипажи и доѣзжали до станціи, гдѣ въ гостинницѣ уже заранѣе приготовлены были для насъ ужинъ и комнаты для ночлега, съ точнымъ распредѣленіемъ, гдѣ кому помѣститься.

Когда мы водворялись постояннымъ жительствомъ на продолжительное время сначала въ Неаполѣ, на островѣ Искіи и въ Сорренто, а потомъ въ Римѣ, то во всѣхъ этихъ мѣстахъ передъ нашимъ туда пріѣздомъ тотъ же курьеръ долженъ былъ отыскать, нанять и вполнѣ приготовить намъ удобный и помѣстительный домъ или виллу съ мебелью, со столовымъ сервизомъ и со всѣми принадлежностями домашняго обзаведенія и хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ нанять и прислугу въ надлежащемъ количествѣ. Только въ эти продолжительные сроки и нашъ Пашоринъ, оставляя временное служеніе при коляскѣ, принимался за свое кухмистерское искусство, въ которомъ онъ былъ большой мастеръ. Любопытно было бы знать, на какомъ языкѣ объяснялся онъ съ своими итальянскими поваренками, которые ему помогали, и какъ добывалъ провизію, вовсе не умѣя говорить по-итальянски. На это, должно быть, очень хитеръ русскій человѣкъ.

Нашъ курьеръ, по фамиліи Де-Мажисъ, былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, высокій и тонкій, красивъ собою, брюнетъ съ черными усами, расторопенъ, ловокъ и со всѣми одинаково вѣж-

ливъ; свободно говорилъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски и въ особенности по-итальянски. Мнѣ ни разу не случилось спросить его, какой онъ націи и какого званія и положенія. Иные считали его французомъ, иные—итальянцемъ; мнѣ казался онъ безподобнымъ цыганомъ въ типѣ всесвѣтнаго авантюриста. Онъ долженъ былъ имѣть большой успѣхъ у женщинъ, и когда онъ жилъ при насъ одну зиму въ Неаполѣ, а другую въ Римѣ, отъ нечего-дѣлать любилъ приволакиваться за итальянскими красавицами. Это былъ замѣчательный образчикъ той породы курьеровъ, изъ которыхъ русскіе вельможи и англійскіе лорды брали себѣ опытныхъ и надежныхъ путеводителей въ своихъ дальнихъ поѣздкахъ.

Самая медлительность нашего странствованія въ экипажахъ и съ ежедневными остановками приносила мнѣ великую пользу, давая мнѣ возможность безпрепятственно и льготно наблюдать и изучать все встрѣчаемое мною, наслаждаться природою, живописными, оригинальными видами въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ мы обѣдали или ночевали, и знакомиться съ обычаями и порядками ихъ жизни.

Въ болѣе интересныхъ мѣстахъ мы останавливались дня на два, на три, именно въ Нюрнбергѣ, Мюнхенѣ, Инсбрукѣ, Веронѣ, Мантуѣ, Моденѣ и Сіэнѣ, а то и на цѣлую недѣлю, какъ во Флоренціи и Римѣ; только, какъ вы увидите, по особенному случаю прожили мы цѣлый мѣсяцъ въ Болоньѣ. Тогда мы всѣ вмѣстѣ осматривали довольно подробно примѣчательности города съ утра и до самаго обѣда, отправляясь всегда въ экипажахъ, а не пѣшкомъ, чтобы уэкономить время для осмотра и не утомить себя, расхаживая по галлереямъ, дворцамъ и церквамъ. Послѣ обѣда гуляли обыкновенно въ-разсыпную: мамзель Дюранъ съ дѣвицами, Тромпеллеръ со своими учениками, а я самъ по себѣ.

Когда мы разъѣзжали по городу, при насъ состоялъ провожатый, или путеводитель, котораго отряжала намъ гостинница, такъ-называемый лонлакей, по-итальянски—domestico di piazza. Въ то время еще не было подробныхъ и обстоятельныхъ указателей, или гидовъ въ родѣ нынѣшняго общеупотребительнаго Бедекера, и потому печатную книгу по необходимости приходилось замѣнять въ каждомъ городѣ услугами какого-нибудь мѣстнаго обывателя, промышлявшаго ремесломъ лонлакеевъ и чичероновъ, которое особенно распространено было по всей Италіи. Люди этого разряда были вообще очень невѣжественны, не умѣли въ своихъ указаніяхъ отличать важное и существенное отъ мелочей,

не заслуживающихъ вниманія, и крайній недостатокъ свѣденій восполняли утомительною болтовнею, которою думали внушить къ себѣ довѣріе и уваженіе. Путешественники болѣе образованные и знающіе пользовались этими людьми очень осторожно и не позволяли имъ распоряжаться осмотромъ предметовъ тѣхъ мѣстностей, куда они ихъ приводили.

Къ такимъ путешественникамъ принадлежало семейство графа. Онъ былъ человѣкъ высоко образованный, бывалый и опытный. Еще будучи двадцатилѣтнимъ офицеромъ, онъ хорошо познакомился съ Европою, находясь въ походѣ русской арміи противъ Наполеона I, и въ 1815 г. долго оставался въ Парижѣ и особенно былъ заинтересованъ изученіемъ художественныхъ произведеній самаго высшаго достоинства, которыя были похищены въ эту столицу, какъ драгоцѣнные трофеи побѣды, изъ покоренныхъ наполеоновскими войсками странъ и преимущественно изъ Италіи, какъ изъ большихъ городовъ, такъ и изъ маленькихъ. Грабители руководствовались тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и отовсюду тащили отборныя сокровища въ свой Парижъ. Послѣ Вѣнскаго конгресса всѣ эти художественные предметы возвращены были въ Италію и водворены на своихъ прежнихъ мѣстахъ. У итальянцевъ надолго оставалось въ обычаѣ опредѣлять репутацію изящнаго произведенія временною его побывкою въ Парижѣ. Эта голословная оцѣнка была по нраву наемнымъ чичеронамъ, и они еще и въ то время, въ концѣ тридцатыхъ годовъ и въ началѣ сороковыхъ, любили ею пользоваться, хотя бы и не впопадъ, чтобы дороже выставить свой товаръ. Куда бы мы ни пріѣзжали, графъ встрѣчалъ лично знакомые ему предметы или извѣстные по-наслуху и изъ книгъ, а потому и не могъ нуждаться въ дешевыхъ услугахъ наемнаго чичерона.

Онъ не принадлежалъ къ большинству тѣхъ заурядныхъ любителей изящнаго, которые, относясь къ художественному произведенію слегка, какъ къ пріятной забавѣ, умѣютъ оцѣнивать его качества только личнымъ своимъ вкусомъ, иногда тенденціознымъ пристрастіемъ, а то и просто минутнымъ капризомъ. Настоящій знатокъ не довольствуется въ эстетическихъ взглядахъ такимъ узкимъ, крайне субъективнымъ кругозоромъ и провѣряетъ и подкрѣпляетъ свои личныя впечатлѣнія и сужденія научнымъ знаніемъ и опытностью, которую пріобрѣтаетъ многолѣтнимъ и постояннымъ изученіемъ художественныхъ произведеній во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ техническаго ихъ исполненія. Именно такимъ знатокомъ былъ и графъ.

Большую часть времени, свободнаго отъ служебныхъ и обще-

ственныхъ обязанностей, онъ посвящалъ своимъ любимымъ досугамъ эстетическаго и археологическаго содержанія. Даже у себя дома (въ Петербургѣ у Полицейскаго моста) всегда передъ глазами имѣлъ онъ богатое собраніе живописныхъ произведеній лучшихъ мастеровъ итальянскихъ и фламандскихъ отъ эпохи возрожденія, составленное еще въ XVIII столѣтіи. Галерея эта, въ нѣсколько залъ, примыкала своею дверью какъ разъ къ кабинету графа. Это была очень длинная комната съ окнами только по одну сторону; промежутки между окнами и вся противоположная стѣна заняты шкафами въ ростъ человѣка съ книгами на полкахъ и съ разными рѣдкостями въ выдвижныхъ ящикахъ. Тутъ же находилась и драгоцѣнная коллекція греческихъ, римскихъ и византійскихъ монетъ, золотыхъ и серебряныхъ, а частію и мѣдныхъ, наиболѣе рѣдкостныхъ; графъ былъ большой знатокъ въ нумизматикѣ и между спеціалистами по этому предмету славился своею опытностью отличать въ монетахъ оригинальные экземпляры отъ поддѣльныхъ. Критическій тактъ, усвоенный имъ при оцѣнкѣ подробностей этого любимаго предмета, онъ прилагалъ и къ произведеніямъ живописнымъ и скульптурнымъ, между которыми не только у продавцовъ-антикваріевъ, но и въ галереяхъ или музеяхъ, частныхъ и даже публичныхъ, нерѣдко принимаются удачныя копіи за настоящіе оригиналы. На античныхъ монетахъ между прочимъ изображаются олимпійскіе боги и богини, герои и разныя историческія лица въ цѣлыхъ фигурахъ или же только ихъ головы, обыкновенно въ профиль и величиною во всю монету. Внимательное и многократное разсматриваніе этихъ выпуклыхъ рельефовъ, замѣчательно изящной работы, художественно воспитываетъ глазъ и эстетическое чутье къ красотамъ пластическаго стиля. Такимъ образомъ постоянныя упражненія графа въ нумизматическихъ изслѣдованіяхъ образовали въ немъ знатока и опытнаго цѣнителя скульптурныхъ произведеній древне-классическаго искусства.

Теперь прошу припомнить, что я остановилъ васъ этимъ длиннымъ объясненіемъ въ кабинетѣ графа. Мнѣ нужно сказать еще нѣсколько словъ объ этой интересной комнатѣ. На шкафахъ стояли разные художественные предметы изъ металла и мрамора. Самымъ замѣчательнымъ и драгоцѣннымъ изъ нихъ была золотая ваза работы Бенвенуто Челлини, величиною съ большую сахарницу, украшенная рельефами и статуэткою на ея крышкѣ. По стѣнамъ надъ шкапами и въ другихъ мѣстахъ были развѣшены картины старинной итальянской и голландской живописи, преимущественно XV вѣка, которыя въ разное время самъ графъ пріобрѣталъ за

границею. Между ними красовалось безподобное произведеніе Леонарда да-Винчи, изображающее короля Людовика Святого въ типѣ прелестнаго юноши.

Свою охоту и любовь къ раннимъ школамъ западнаго искусства графъ распространилъ и на византійскую и древне-русскую архитектуру и иконопись. Въ теченіе многихъ лѣтъ своего пребыванія въ Москвѣ онъ составилъ себѣ богатую коллекцію старинныхъ иконъ, пріобрѣтеніе которыхъ въ сороковыхъ годахъ и въ началѣ пятидесятыхъ было несравненно удобнѣе, легче и дешевле, чѣмъ теперь. Значительный вкладъ въ это собраніе достался графу по одному счастливому случаю. Въ царствованіе императора Николая Павловича строго преслѣдовались раскольники. Между прочимъ, дано было приказаніе полицейскимъ чинамъ отобрать ихъ раскольничьи иконы изъ моленъ въ ихъ домахъ и скитахъ, а потомъ, какъ запрещенный товаръ, доставлять въ назначенные на этотъ предметъ склады. Графъ узналъ, что въ сараѣ одного изъ московскихъ монастырей свалeнъ цѣлый обозъ этой конфискованной контрабанды, и отправился къ митрополиту Филарету съ просьбою, чтобы онъ разрѣшилъ ему отобрать изъ этого склада, что̀ окажется пригоднымъ для его собранія старинныхъ иконъ. Филаретъ удивился, какой можетъ быть прокъ въ этомъ хламѣ, который онъ уже обрекъ на дрова и подтопку монахамъ того монастыря, но соблаговолилъ уступить просьбѣ графа и позволилъ ему распоряжаться въ монастырскомъ сараѣ, сколько угодно.

На московскомъ археологическомъ съѣздѣ прошлаго 1890 г. завязался оживленный диспутъ о дозволенномъ и запрещенномъ въ изслѣдованіяхъ о византійской и русской иконописи. Тогда почему-то припомнился мнѣ сейчасъ разсказанный анекдотъ. Еслибы графъ былъ живъ и присутствовалъ бы при этомъ диспутѣ, думалось мнѣ, онъ непремѣнно сталъ бы на сторону знанія и науки.

Я намѣренно распространился о многостороннихъ и основательныхъ свѣденіяхъ графа въ археологіи и въ искусствѣ, о его эстетическихъ воззрѣніяхъ и о тонкомъ художественномъ вкусѣ, чтобы вы могли сами видѣть, какого превосходнаго руководителя и истолкователя мы имѣли въ немъ, когда вмѣстѣ съ нимъ обозрѣвали разныя рѣдкости по городамъ Германіи и Италіи. Я, наставникъ его дѣтей, за-одно съ ними превращался тогда въ его ученика и принималъ живѣйшее участіе въ ихъ любознательныхъ интересахъ, въ взрывахъ удивленія и въ юныхъ восторгахъ.

Обаяніе этихъ раннихъ впечатлѣній и авторитетный примѣръ отца оказали плодотворное дѣйствіе на его сыновей, опредѣливъ навсегда характеръ ихъ дѣятельности и спеціальныхъ занятій. Павелъ Сергѣевичъ и Григорій Сергѣевичъ въ теченіе долговременнаго пребыванія въ Италіи составили себѣ съ основательнымъ знаніемъ дѣла и съ художественнымъ тактомъ замѣчательныя собранія памятниковъ искусства, пользующіяся всеобщею извѣстностью. Картинная галерея Павла Сергѣевича, находящаяся въ его петербургскомъ домѣ на Сергіевской, содержитъ въ большомъ количествѣ отличные образцы разныхъ итальянскихъ живописцевъ XIV и XV столѣтій, умбрійскихъ, тосканскихъ, венеціанскихъ, ломбардскихъ, и такимъ образомъ существенно дополняетъ собою собраніе императорскаго Эрмитажа, которое очень бѣдно произведеніями этихъ раннихъ школъ итальянской живописи. Григорій Сергѣевичъ посвятилъ себя изученію и собиранію археологическихъ памятниковъ искусства древне-христіанскаго, ранняго романскаго, византійскаго и отчасти восточнаго, сколько требовалось это послѣднее для его спеціальности. Для размѣщенія своего громаднаго собранія онъ построилъ себѣ въ Римѣ домъ на via Gregoriana, близь Monte Pincio. Тамъ найдете вы и массивные мраморные саркофаги изъ катакомбъ и усыпальницъ, и тяжеловѣсныя мраморныя же плиты съ барельефами изъ упраздненныхъ въ Италіи за послѣднее время монастырей, и статуи, и статуэтки, серебряные потиры, дискосы и чаши, блюда, вазы, и оклады, и диптихи изъ слоновой кости и металла, и всякую другую утварь.

Вы узнаете потомъ, какъ много обязанъ я въ своихъ изслѣдованіяхъ по иконографіи и вообще по искусству назидательнымъ совѣтамъ и указаніямъ графа Сергія Григорьевича, а также и его собственнымъ печатнымъ работамъ по этимъ предметамъ; теперь же, говоря о Строгановскихъ галереяхъ и музеяхъ, разскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ исторіи ихъ собиранія и составленія. Эпизодъ этотъ лично касается меня и дастъ вамъ понятіе о моихъ къ графу отношеніяхъ, какъ прилежнаго ученика, который съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ у своего наставника.

Дѣло было зимою 1848 г., когда я уже читалъ лекціи на каѳедрѣ московскаго университета, но еще въ качествѣ приватнаго преподавателя, безъ всякаго вознагражденія; будучи семейнымъ человѣкомъ, для подспорья въ издержкахъ по хозяйству я давалъ уроки и, между прочимъ, сыну князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, человѣка пожилыхъ лѣтъ, добраго, ласковаго и большого оригинала. Онъ усердно занимался тогда переводомъ псалмовъ царя Давида съ еврейскаго языка на русскій и для выра-

ботки и обогащенія своего слога формами языка народнаго и стариннаго въ нашей древней письменности обратился ко мнѣ за указаніемъ источниковъ и пособій, которые могли бы удовлетворить его. Такъ начались наши сношенія. Я часто бывалъ у него въ кабинетѣ; подолгу бесѣдовали мы о русскомъ языкѣ и слогѣ; я прочитывалъ ему выдержки изъ народныхъ былинъ, изъ лѣтописей изъ „Слова о полку Игоревѣ", а онъ—изъ своего перевода псалмовъ.

Однажды на широкомъ подоконникѣ въ его кабинетѣ я замѣтилъ переломленную на-двое статуэтку изъ бронзы, густо покрытой зеленою патиною. Нижняя половина этой фигуры стояла на маленькомъ мраморномъ пьедесталѣ, привинченная къ нему: это были ноги и часть живота, переломленнаго наискось, а верхняя лежала плашмя на подоконникѣ, то-есть, весь торсъ съ головою и обѣими руками. Если обѣ эти части приставить одну къ другой, то ихъ можно было спаять на линіяхъ излома безъ всякаго изъяна, и тогда вся статуэтка поднялась бы на пьедесталѣ вышиною больше полуаршина. На мой вопросъ объ этихъ обломкахъ, князь мнѣ сказалъ, что онѣ недавно найдены въ кладовой между всякимъ хламомъ, куда попали, вѣроятно, какъ забракованный предметъ изъ вещей, принадлежавшихъ графу Орлову, родственнику его жены, который въ преклонныхъ лѣтахъ долго жилъ на берегахъ Неаполитанскаго залива, интересовался классическою стариною и пріобрѣталъ разныя рѣдкости, между прочимъ изъ раскопокъ Геркулана и Помпеи.

Слова князя возбудили во мнѣ любопытство. Я подошелъ къ подоконнику и только-что взялъ въ руки лежавшую на немъ верхнюю половину статуэтки, какъ увидѣлъ передъ собою самую точную копію Аполлона Бельведерскаго; въ изумленіи и радости я сказалъ князю о своемъ мгновенномъ впечатлѣніи. „И мнѣ показалось, что это вещь недурная,—отвѣчалъ онъ:—я приглашалъ къ себѣ Волкова; онъ ее видѣлъ и обѣщался на дняхъ опять придти и купить ее у меня въ свой магазинъ рѣдкостей". Слова эти обдали меня и жаромъ, и холодомъ, совсѣмъ ошеломили: въ одинъ и тотъ же моментъ я и обрадовался, что Аполлона можно пріобрѣсти, и вмѣстѣ страшно испугался: вотъ-вотъ сейчасъ же явится передъ нами ненавистный купецъ, заплатитъ свои деньги, навсегда похититъ съ моихъ глазъ это сокровище, которое промелькнетъ для меня какъ неразгаданное видѣніе. Я былъ тогда такъ взволнованъ, что теперь не могу припомнить ни слова, какъ просилъ я князя о позволеніи, не медля ни минуты, взять съ собою эту драгоцѣнность и показать ее графу Сергію Гри-

горьевичу Строганову, который, какъ любитель и знатокъ искусства, разсмотритъ ее съ надлежащимъ вниманіемъ и непремѣнно пріобрѣтетъ ее, если она дѣйствительно такъ хороша, какъ мнѣ кажется.

Разумѣется, князь не отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ, и я благополучно привезъ изломанную статуэтку домой. Только тутъ разглядѣлъ я ее какъ слѣдуетъ. При полнѣйшемъ согласіи съ мраморнымъ Аполлономъ Бельведерскимъ въ постановкѣ и движеніяхъ всей фигуры и въ замѣчательно изящномъ воспроизведеніи этого античнаго типа, бронзовая статуэтка представляетъ одну чрезвычайно важную особенность. Она держитъ въ рукѣ какой-то клокъ отрепья или ветоши, а мраморная статуя бельведерская — лукъ, съ котораго только-что слетѣла пущенная стрѣла. Бронзовая рука составляетъ нераздѣльную принадлежность всей фигуры, мраморная же придѣлана вновь, потому что первоначальная, античная не была найдена въ щебнѣ развалинъ, изъ котораго выкопали эту статую. Полагая статуэтку копіею бельведерскаго оригинала, я спутался въ своихъ соображеніяхъ и объяснялъ себѣ это различіе произволомъ кописта. Недовѣріе къ себѣ смущало меня, и я опасался явиться къ графу съ торжествующимъ видомъ человѣка, который сдѣлалъ важное открытіе. Я хорошо зналъ его строгій скептическій взглядъ на предметы, и мнѣ было жутко и боязно при мысли, что изъявленіе моей радости онъ встрѣтитъ саркастическою насмѣшкою, какъ это случалось не разъ. Вы не вполнѣ поняли бы всю силу волновавшихъ меня сомнѣній, если бы я не объяснилъ вамъ одной особенности въ моихъ отношеніяхъ къ графу. Въ теченіе всей моей жизни съ безграничною любовью къ нему я привыкъ соединять обаяніе того страха, который внушилъ намъ, студентамъ московскаго университета, нашъ милый инспекторъ Платонъ Степановичъ Нахимовъ, при всякомъ неладномъ случаѣ угрожая намъ именемъ графа. Такъ и остался я на всю жизнь студентомъ передъ своимъ попечителемъ.

Съ цѣлью разсѣять свои недоумѣнія насчетъ статуэтки и подкрѣпить себя авторитетнымъ одобреніемъ какого-нибудь знатока, прежде чѣмъ повезу ее къ графу, я ничего лучше не могъ придумать, какъ показать ее моему доброму товарищу Павлу Михайловичу Леонтьеву, который тогда въ московскомъ университетѣ читалъ лекціи по классической археологіи. Я немедленно послалъ къ нему приглашеніе, чтобы онъ сегодня же пріѣхалъ ко мнѣ по одному важному дѣлу; везти же мнѣ самому эту драгоцѣнность къ нему я опасался, чтобы дорогою какъ-нибудь ее

не попортить. Леонтьевъ не замедлилъ явиться, съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ статуэтку во всѣхъ ея подробностяхъ и завѣрилъ меня, что я не ошибся въ своемъ мнѣніи о ея достоинствахъ. Я очень уважалъ осторожность и сдержанность въ его оцѣнкѣ художественныхъ произведеній и съ бодрымъ и веселымъ расположеніемъ духа повезъ свою находку къ графу на другой же день утромъ въ девять часовъ, чтобы непремѣнно застать его дома.

Зная нетерпѣніе графа, когда онъ можетъ быть чѣмъ-либо заинтересованъ, я сперва высвободилъ свою драгоцѣнность изъ толстаго свертка бумаги и потомъ уже вошелъ къ нему въ кабинетъ, бережно неся ее въ обѣихъ рукахъ. И по голосу, и по взгляду, какими онъ встрѣтилъ меня, я тотчасъ же замѣтилъ, что попалъ къ нему въ добрый часъ, и, объяснивъ ему въ короткихъ словахъ, откуда и какъ добылъ я эту статуэтку, положилъ обѣ ея половины передъ нимъ на столъ около чашки кофе, который онъ тогда пилъ. Не говоря ни слова, онъ взялъ въ лѣвую руку верхнюю часть статуэтки, а въ правую лупу и внимательно сталъ разсматривать головку Аполлона, всю кругомъ, и особенно медлилъ на волосахъ и потомъ уже сталъ обозрѣвать прочіе члены, останавливаясь подолгу на впадинахъ и на линіяхъ сгиба. Такъ продолжалось по малой мѣрѣ четверть часа, и съ каждой минутой промедленія усиливалась моя радость: графъ заинтересованъ, и дѣло мое выиграно. Окончивъ свой осмотръ, онъ взглянулъ на меня сіяющимъ отъ самодовольства взглядомъ и сказалъ: „статуэтка была вся позолочена: у древнихъ мастеровъ было въ обычаѣ золотить бронзовыя вещи только особенно изящныя и цѣнныя по работѣ; зеленая патина такъ густо наросла на ней, что только кое-гдѣ въ углубленныхъ линіяхъ волосъ можно подмѣтить въ лупу немногіе остатки бывшей позолоты“. Какъ опытный знатокъ, графъ началъ свой археологическій анализъ съ того, съ чего и слѣдовало прежде всего начать, и уже потомъ онъ сталъ разсматривать художественныя достоинства статуэтки и много ею любовался. Особенную цѣну онъ полагалъ въ ней указанному мною выше ея отличію отъ бельведерской статуи. То, что̀ казалось мнѣ клокомъ отрепья, графъ призналъ за шкуру того змія, котораго Аполлонъ поразилъ своею стрѣлою. По мнѣнію графа и бельведерская статуя въ первоначальной своей цѣльности, вѣроятно, вмѣсто лука держала въ рукѣ этотъ же трофей побѣды надъ страшнымъ животнымъ. Если это такъ, то, по мнѣнію графа, бронзовая статуэтка должна получить важное значеніе въ исторіи классическаго искусства.

Онъ оставилъ ее у себя, а мнѣ поручилъ спросить князя Юрія Алексѣевича, какую ему угодно будетъ назначить за нее цѣну. Нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, и я тотчасъ же отправился къ князю. Не имѣя охоты быть посредникомъ торговыхъ переговоровъ, я сказалъ ему, что графъ желаетъ статуэтку пріобрѣсти и проситъ его прислать за деньгами, сколько будетъ она стоить.

Съ великимъ нетерпѣніемъ желая узнать, чѣмъ кончилось начатое мною дѣло, я на силу могъ принудить себя обождать нѣсколько дней, пока не воспослѣдуетъ успѣшный результатъ этихъ сношеній. Наконецъ являюсь къ графу. Весело встрѣчаетъ онъ меня, а самъ хохочетъ. „Вотъ полюбуйтесь-ка",— говоритъ:—„какой милый чудакъ вашъ князь Долгоруковъ! Вотъ вамъ письмо, которое принесъ мнѣ отъ него какой-то старенькій священникъ". Въ немногихъ строкахъ проситъ князь графа вручить подателю письма, сельскому попу, на построеніе храма пятьсотъ рублей,—„цѣну идола, котораго доставилъ вамъ профессоръ Буслаевъ". Послѣднюю фразу помню и теперь слово въ слово. Итакъ, драгоцѣнность была пріобрѣтена въ строгановское собраніе художественныхъ произведеній всего за полтораста рублей по нынѣшнему счету.

Впослѣдствіи мнѣніе графа объ отношеніи бронзовой статуэтки къ мраморной статуѣ получило въ наукѣ авторитетное значеніе. По крайней мѣрѣ такъ было въ 1875 г., когда мы вмѣстѣ съ графомъ слушали публичную лекцію секретаря германскаго археологическаго института въ Римѣ, Гельбига, которую читалъ онъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ въ Ватиканѣ, и именно въ томъ самомъ „Бельведерѣ", отъ котораго получила свое прозвище эта знаменитая статуя, въ немъ издавна красующаяся. Гельбигъ развивалъ ту мысль, что оба произведенія, какъ строгановская статуэтка, такъ и ватиканская статуя, не что̀ иное, какъ античныя копіи римской работы съ какого-то недошедшаго до насъ превосходнаго греческаго оригинала, и что первая копія, сохранившаяся вполнѣ, совершеннѣе второй и по изяществу работы. Съ тѣхъ поръ я не занимался классическою археологіею, и потому не знаю, какъ рѣшается этотъ вопросъ въ настоящее время.

V.

Разсказывая вамъ о свѣденіяхъ графа по археологіи и исторіи искусства, я незамѣтно для себя увлекся на цѣлыя тридцать шесть лѣтъ впередъ отъ того пункта, на которомъ я оборвалъ хронологическую нить моихъ воспоминаній. Теперь прошу васъ припомнить, какъ всѣ мы, отправляющіеся на югъ, собрались въ августѣ 1839 г. въ Дрезденѣ.

Отсюда черезъ Хемницъ отправились мы къ Нюрнбергу, гдѣ остановились дня на три. Весь городъ съ своими домами, церквами, фонтанами переселилъ меня изъ XIX столѣтія въ XV и XVI, когда онъ строился вновь и перестроивался за̀-ново: только оправа этой драгоцѣнности, то-есть маститыя крѣпостныя стѣны съ проѣздными башнями, да старинный императорскій за̀мокъ отступаютъ лѣтъ на триста въ темную давность. Это была для меня раскрытая книга германскихъ древностей, въ которой каждая улица, каждая площадь, казались мнѣ отдѣльными листами громаднаго фоліанта, несокрушимый окладъ котораго крѣпко заматорѣлъ въ плесени и копоти отъ всякихъ непогодъ многодавнихъ вѣковъ. По архитектурнымъ и скульптурнымъ памятникамъ Нюрнберга одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ составилъ довольно полное историческое обозрѣніе германскаго искусства отъ древнѣйшихъ временъ и до начала XVII вѣка.

Особенно заинтересовалъ меня въ Нюрнбергѣ собственный домъ Альбрехта Дюрера, многоярусный, высокій и узкій, въ стилѣ прочихъ зданій этого города. Въ нижнемъ этажѣ его мастерская, гдѣ онъ писалъ свои безсмертныя произведенія, обширная зала подъ сводами, мощенная камнемъ; высоко отъ пола большущія окна въ формѣ полукружія размѣщены въ такомъ разстояніи одно отъ другого, чтобы давать привольный свѣтъ для работы живописца. Во второмъ этажѣ жилые покои; изъ нихъ осталась у меня въ памяти одна горница, нѣчто въ родѣ кабинета: у стѣны поставецъ съ дверцами и ящиками, посреди большой четыреугольный столъ съ массивными креслами. Тутъ Дюреръ сидѣлъ и читалъ или писалъ; около стоитъ самопрялка его жены. Въ обаяніи этой обстановки, перенесшей меня за триста лѣтъ назадъ, я былъ самъ не свой,—будто попалъ въ какое святилище, изъ котораго выйду уже не тѣмъ, чѣмъ я былъ прежде.

Послѣ Нюрнберга Мюнхенъ произвелъ на меня на первый разъ самое невыгодное впечатлѣніе: на плоской равнинѣ городъ совсѣмъ новый, дома въ прямыхъ и широкихъ улицахъ однооб-

разны и незанимательны, ничѣмъ на себѣ не останавливаютъ вниманія; по мѣстамъ голые пустыри, на которыхъ кое-гдѣ поднялись громадныя зданія, только-что отстроенныя; и въ такомъ-то городѣ намъ рѣшено было пробыть цѣлую недѣлю. Попавъ въ него, я вовсе не слыхалъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о королѣ Людовикѣ Баварскомъ, великомъ строителѣ нашего столѣтія, который въ нѣсколько лѣтъ претворилъ заурядный провинціальный городъ въ настоящую столицу баварскаго королевства, украсивъ и обогативъ ее сокровищами изящныхъ искусствъ. Чтобы свой Мюнхенъ уравнять въ художественномъ отношеніи съ другими городами Германіи, онъ вознамѣрился въ невзрачной, дюжинной его обстановкѣ устроить нигдѣ небывалый колоссальный архитектурный музей изъ церквей и другихъ зданій разныхъ стилей, начиная отъ древне-классическаго и до стиля возрожденія.

На другой день по пріѣздѣ прежде всего мы отправились по церквамъ, чтобы подъ руководствомъ графа сдѣлать общій историческій обзоръ храмового зодчества византійскаго, романскаго и готическаго. Въ Дрезденѣ я учился понимать скульптуру и живопись по Винкельману, Отфриду Мюллеру и Куглеру, а въ Мюнхенѣ первымъ моимъ наставникомъ въ исторіи архитектуры былъ графъ. Онъ любилъ и внимательно изучалъ это искусство и сродную съ нимъ орнаментику, и впослѣдствіи по тому и другому предмету издавалъ свои монографіи, хорошо извѣстныя спеціалистамъ.

Какъ дрезденская галерея была мнѣ введеніемъ и преддверіемъ для Италіи по живописной части, такъ мюнхенскій музей древностей, называемый „Глиптотекою“ —по скульптурной въ классическомъ античномъ стилѣ.

Глиптотека своимъ фасадомъ обращена на широкую площадь: большое зданіе въ видѣ античнаго храма, на планѣ четыреугольника, который своими сторонами обнимаетъ внутренній дворъ, или атріумъ. По образцу древне-греческихъ и римскихъ строеній наружныя стѣны этого музея глухія, и только со двора освѣщается онъ окнами. Ежедневно я приходилъ въ него часовъ въ девять утра и оставался до самаго обѣда, а вечеромъ по Винкельману и Отфриду Мюллеру провѣрялъ разсмотрѣнное мною сегодня и готовился на завтра. Изъ книги Отфрида Мюллера я зналъ, что ни въ Римѣ, ни въ Неаполѣ, я ничего не найду по исторіи скульптуры древнѣе и значительнѣе египетскихъ или эгинскихъ группъ, добытыхъ королемъ Людовикомъ Баварскимъ съ острова Эгины, гдѣ нѣкогда украшали онѣ храмъ Аѳины, или Минервы. Мраморныя

фигуры изображаютъ греческихъ воиновъ и троянскихъ въ пылу битвы; между ними возвышается сама Аѳина-Минерва въ боевомъ вооруженіи. Этотъ драгоцѣнный памятникъ далекой старины, состоящій изъ цѣлаго сонма статуй, своимъ суровымъ архаическимъ стилемъ задолго предшествуетъ цвѣтущему періоду греческой скульптуры временъ Фидіаса и Праксителя. Изъ прочихъ пластическихъ произведеній богатаго мюнхенскаго собранія назову вамъ только одну статую такого высокаго достоинства и настолько меня поразившую своимъ изяществомъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ, навсегда привыкъ ее ставить на ряду съ самыми высшими твореніями греческаго рѣзца, каковы, напримѣръ: ватиканскій Лаокоонъ, капитолійскій умирающій Гладіаторъ, неаполитанскій Геркулесъ Фарнезскій, парижская Венера Милосская и друг. Это—пьяный молодой Фавнъ. Онъ сидя спитъ, закинувъ голову назадъ, удрученный и отуманенный виномъ. Въ чертахъ его лица и во всѣхъ членахъ чувствуешь, какъ тревожно, смутно и тягостно ему спится; однако вся фигура его, величавая, стройная и прекрасная производитъ симпатическое впечатлѣніе изящнаго, а не омерзеніе или гадливую, презрительную усмѣшку,—ничего такого, что̀ обыкновенно вызывается видомъ невоздержнаго опьяненія.

Въ Мюнхенѣ, кромѣ графа, по счастливой случайности явился мнѣ еще другой учитель въ лицѣ любимаго, дорогого моего профессора Степана Петровича Шевырева. Когда я уѣзжалъ изъ Москвы въ чужія земли, онъ не могъ напутствовать меня своими наставленіями и совѣтами, потому что самъ находился уже за границею, куда отъ министерства народнаго просвѣщенія былъ командированъ принять для московскаго университета одну богатую старопечатными изданіями библіотеку, находившуюся въ какомъ-то мѣстечкѣ недалеко отъ Мюнхена. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ этотъ городъ, онъ поспѣшилъ увидаться съ графомъ и доложить ему о результатахъ своихъ занятій по ревизіи той библіотеки. Разумѣется, я часто и много бесѣдовалъ съ своимъ милымъ профессоромъ и особенно объ Италіи, которую онъ хорошо зналъ, проведши долгое время въ Римѣ у княгини Волконской въ качествѣ учителя ея сына. Свои указанія онъ скрѣпилъ мнѣ для памяти довольно подробною запискою съ перечнемъ важнѣйшихъ предметовъ по исторіи искусства въ тѣхъ городахъ Италіи, которые мы намѣревались посѣтить. Сверхъ того, онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ Франческо Мàзи, одному изъ библіотекарей ватиканской библіотеки. По оффиціальной своей службѣ онъ назывался „scrittore latino“, то-есть латинскій пи-

сецъ. Надобно полагать, что этотъ титулъ ведетъ свое начало отъ того далекаго времени, когда до изобрѣтенія книгопечатанія хранитель рукописной библіотеки былъ вмѣстѣ и писцомъ, которому вмѣнялось въ обязанность обогащать ее рукописями собственнаго своего издѣлія. Въ силу своего оффиціальнаго положенія Франческо Мази былъ хорошимъ знатокомъ римской литературы и бойко и правильно говорилъ по-латыни. Проживая въ Римѣ, Степанъ Петровичъ бралъ у него уроки, чтобы навыкнуть свободно и по возможности безошибочно вести разговоръ на латинскомъ языкѣ.

Изъ Мюнхена мы направились къ Иннсбруку. Только тогда догадался я и оцѣнилъ важное преимущество нашей съ Тромпеллеромъ открытой коляски передъ тремя каретами, въ которыхъ прочіе наши спутники могли смотрѣть изъ своихъ оконъ только по обѣимъ сторонамъ, тогда какъ мы обозрѣвали цѣлый полукругъ горизонта съ далекою перспективою впереди, куда направлялись. Мы приближались къ тирольскимъ Альпамъ. До сихъ поръ я зналъ только холмы, крутые берега да овраги, а настоящихъ горъ въ натурѣ никогда не видывалъ, и теперь съ живѣйшимъ любопытствомъ глядѣлъ впередъ, чтобы уловить тотъ моментъ, когда выступятъ изъ млѣющей дали первые очерки горныхъ высотъ. На первый разъ я былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ: вдоль небосклона показалась длинная гряда сѣрыхъ облаковъ съ свѣтло-розовыми отливами отъ легкаго отблеска солнечныхъ лучей. Я досадовалъ, что облака закрываютъ передо мною даль. Такъ прошло съ четверть часа, а можетъ быть и больше. Тромпеллеръ по своему обыкновенію молчалъ. Наконецъ, я спросилъ его, какъ онъ полагаетъ, скоро ли покажутся тирольскія Альпы?—„Да онѣ давно уже передъ нами",—отвѣчалъ онъ и указалъ мнѣ рукою на прозрачно-туманную полосу, которую я принялъ за облака. Эта ошибка вдвое усилила мой интересъ къ новизнѣ еще неиспытанныхъ мною до тѣхъ поръ впечатлѣній. Не спуская глазъ, я съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ наблюдать, какъ безформенная, растянувшаяся масса моихъ облаковъ мало-по-малу стала выдѣлять изъ себя свои суставы, которые неровными зубцами поднимались вверхъ; какъ изъ-подъ туманныхъ пятенъ тамъ и сямъ начинали выглядывать линіи утесовъ и стремнинъ и какъ, наконецъ, вполнѣ обозначались и четко вырѣзались на синемъ небосклонѣ темные силуэты горныхъ хребтовъ съ долинами и разсѣлинами. Всматриваясь въ дальнія высоты, я не замѣтилъ, какъ съ широкой равнины, по которой шла дорога, мы очутились между каменистыхъ холмовъ, и вмѣстѣ

съ этою перемѣною изъ-за пригорковъ я уже не могъ видѣть самыхъ горъ. Холмы поднимались все выше и выше, превращаясь въ утесы: это были уже отроги тѣхъ самыхъ Альпъ, которые недавно казались мнѣ облаками, и когда мы въѣхали въ широкую долину, на которой, какъ въ глубокомъ, огромномъ гнѣздѣ, усѣлся по берегамъ своей рѣки Иннсбрукъ, я увидѣлъ себя, наконецъ, въ самомъ центрѣ горнаго хребта, который со всѣхъ сторонъ кругомъ меня на моихъ глазахъ поднимается отъ своихъ подножій, сначала покрытый кустарникомъ, травою и цѣлыми лѣсами, а потомъ чѣмъ выше, тѣмъ обнаженнѣе, каменистѣе и безпріютнѣе, и, наконецъ, высоко надо мною врѣзывается своими вершинами въ далекое небо.

Въ Иннсбрукѣ догналъ насъ старшій сынъ графа, Александръ Сергѣевичъ, мой товарищъ по московскому университету. Здѣсь пробыли мы не больше двухъ дней и раннимъ утромъ отправились въ путь. Дорога шла все вверхъ, проложенная какъ обыкновенно вдоль карниза горныхъ спусковъ: по одну ея сторону непрерывныя стѣны каменныхъ утесовъ поднимаются высоко къ небу, а по другую—крутой обрывъ надъ пропастями ущелій, по которымъ свирѣпо мчатся потоки, а то надъ глубокою и широкою долиною съ деревеньками, садами, огородами и лугами.

Познакомившись съ горами и въ общемъ ихъ видѣ, и въ разныхъ подробностяхъ, я насытилъ свое любопытство, сколько было мнѣ нужно, иересталъ интересоваться окружающими меня чудесами природы. Мнѣ было не до того. Я уткнулъ свой носъ въ исторію живописи Куглера, чтобы основательнѣе подготовить себя къ тому, что̀ буду изучать въ городахъ Италіи, по которымъ лежитъ нашъ путь: благо Куглеръ внесъ въ свою книгу самый подробный указатель мѣстностей, гдѣ находится каждое изъ описываемыхъ имъ художественныхъ произведеній, въ какомъ городѣ, въ какомъ зданіи, публичномъ или частномъ, въ какой церкви, и притомъ въ которой именно изъ ея капеллъ, на стѣнѣ или надъ жертвенникомъ. Изящное въ искусствѣ стало для меня уже вполнѣ доступно, но къ живописной ландшафтности природы я былъ еще вовсе безучастенъ. Какъ всякій простолюдинъ, я относился къ ней, такъ сказать, себялюбиво и корыстно, съ точки зрѣнія удобства и пользы, или помѣхи и вреда, какіе доставляетъ она человѣку. Въ этомъ отношеніи я стоялъ почти на одной ступени съ нашимъ добродушнымъ слугою Пашоринымъ: онъ терпѣть не могъ всѣхъ этихъ горъ, которыя безъ всякой нужды топырщатся вверхъ, и, сидя на козлахъ нашей коляски, пребывалъ въ самомъ угрюмомъ расположеніи духа, искоса по-

глядывая въ глубину пропастей, по окраинѣ которыхъ тянулась наша дорога, и презрительно покачивалъ головою, что-то бормоча про себя. Мы съ нимъ переживали еще гомерическій періодъ знаменитаго странствователя Одиссея, который оцѣнивалъ достоинство живописныхъ ландшафтовъ дикой, невоздѣланной мѣстности только съ практической точки зрѣнія, какъ на прибыльныя угодья, которыя хорошо было бы засѣять пшеницею, засадить виноградными лозами и населить стадами овецъ. Въ такомъ гомерическомъ настроеніи духа, неспособномъ къ эстетическому наслажденію красотами природы, я прожилъ почти цѣлый годъ въ Италіи; даже безподобный Неаполитанскій заливъ съ своими восхитительными берегами, на которыхъ въ Неаполѣ я провелъ всю зиму до конца апрѣля мѣсяца, не могъ увлечь и плѣнить моего сердца своими прелестями. Только на островѣ Искіи, куда переѣхали мы на лѣто, въ первый разъ проснулось въ душѣ моей эстетическое чутье къ явленіямъ природы. Его разбудилъ во мнѣ величайшій изъ живописцевъ всѣхъ вѣковъ и всего міра—само солнце.

Наша вилла стояла на самомъ верхнемъ уступѣ высокой горы, которая, поднявшись изъ морской глубины со своимъ вулканическимъ кратеромъ съ утесами, долинами, ущельями, пропастями, и образуетъ весь этотъ островъ, называемый Искіею. Тотчасъ же отъ виллы идутъ внизъ крутые спуски по малой мѣрѣ версты на двѣ, кое-гдѣ перемкнутые довольно широкими выступами, на которыхъ гнѣздятся бѣлые домики, то въ разсыпную, то кучками, а далеко внизу разлилось до самаго горизонта Средиземное море, прямо отъ насъ—къ западу, а налѣво—къ югу, и только съ правой стороны пригородили его живописные берега Италіи, тянущіеся непрерывною цѣпью горъ въ непроглядную даль. Шагахъ во ста отъ нашей виллы на зеленомъ лугу поднялся сплошной каменистый утесъ въ видѣ кровли, какія бываютъ на русскихъ деревенскихъ избахъ, не особенно крутой и на верху съ гребнемъ, а съ другой стороны довольно отлогимъ спускомъ ниспадалъ онъ далеко въ темное ущелье. Послѣ обѣда до вечерней прогулки часовъ въ шесть я часто уходилъ къ этому утесу, влѣзалъ на его вершину, усаживался на ней, спустивъ ноги на длинный откосъ, обращенный къ морю на западъ, и читалъ свою книгу, ни разу не обращая ни малѣйшаго вниманія на простирающуюся передо мной великолѣпную панораму. Однажды, отведя глаза отъ книги, я пораженъ былъ необычайной внезапностью: точно ударило всего меня огненною полосою, которая протянулась прямо на меня по всему морю отъ пламеннаго багроваго

шара, который остановился на краю далекаго небосклона, и чѣмъ ярче рдѣлась эта полоса, тѣмъ чернѣе и мрачнѣе казалась морская поверхность. Когда въ этотъ день я воротился домой, я долго не могъ успокоиться отъ обуявшаго меня, поразительнаго впечатлѣнія и записалъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, что сегодня я видѣлъ кровавый закатъ солнца. Очнувшись такимъ образомъ отъ безучастнаго равнодушія къ природѣ, усердно принялся я наблюдать и любоваться съ своего утеса, какъ вечернее солнышко каждый день закатывается по новому, на иной ладъ, и до безконечности разнообразитъ одни и тѣ же общіе очерки панорамы причудливыми переливами своихъ радужныхъ лучей.

Теперь возвращаюсь за десять мѣсяцевъ назадъ къ тому дню, когда, оставивъ Инсбрукъ, мы поднимались къ перевалу черезъ тирольскія Альпы. Къ стыду моему я долженъ признаться вамъ, что этого перевала я вовсе и не замѣтилъ, будучи углубленъ въ изученіе своего Куглера. Около полудня стемнѣло, заморосилъ мелкій дождь; мы съ Тромпеллеромъ отъ него спрятались, поднявши верхъ коляски и спустивъ фордекъ. Я не переставалъ читать свою книгу. Кругомъ было тихо и сумрачно; изъ-за частаго кустарника по обѣимъ сторонамъ бѣлѣлись снѣжныя верхушки горъ. Вдругъ слышу изъ оконъ ѣхавшей передъ нами кареты радостные крики: „Мы заѣхали въ облака! мы забрались въ самое облако! вотъ оно—я ухватился за него!“ это были голоса дѣтей графа: изъ одного окна высунулъ свою голову и руки Григорій Сергѣевичъ, а изъ другого—Елизавета Сергѣевна. Только благодаря этимъ шумливымъ восторгамъ, я узналъ, что мы очутились на самомъ высшемъ пунктѣ перевала въ верховьяхъ самаго Бреннера, съ котораго идетъ уже спускъ широкой равнины Ломбардіи.

Кстати замѣчу здѣсь, что отъ моего вниманія проскользнулъ и перевалъ черезъ Апеннины между Болоньею и Флоренціею, только на другой манеръ и еще болѣе для меня неизвинительно. На крутые подъемы горы наши экипажи медленно тащили впряженные въ нихъ волы, которые такъ лѣниво и сдержанно ступали, что каждый изъ насъ могъ ровнымъ и некрупнымъ шагомъ опередить ихъ. Когда часа черезъ два мы поднялись выше чѣмъ на половину горы, солнце направо отъ насъ уже клонилось къ закату. Соскучившись отъ томительнаго, еле замѣтнаго передвиженія флегматическихъ воловъ, графъ съ дѣтьми и даже сама графиня вышли изъ экипажей, а за ними и мы съ Тромпеллеромъ. Это была для всѣхъ самая пріятная прогулка въ горномъ воздухѣ вечерѣющаго дня. Дѣти прыгали, разминая свои отси-

дѣлыя ножки, и бѣгали по дорогѣ взадъ и впередъ; гувернантка и гувернеръ остерегали ихъ, чтобы они не приближались къ окраинѣ спусковъ, которые круто обрывались по правую руку; графъ шелъ съ графинею. Только я, самъ по себѣ, медленно переступая по лѣвой сторонѣ вдоль стѣны сплошныхъ утесовъ, ни на что и ни на кого не обращалъ вниманія, углубившись въ свое чтеніе. Вдругъ подходитъ ко мнѣ графъ. „И не стыдно вамъ— говоритъ онъ—быть такимъ педантомъ! Уткнули носъ въ своего Куглера. Бросьте его и обернитесь назадъ. Смотрите повсюду кругомъ вотъ на эти необъятныя страницы великой книги, которую теперь передъ нами раскрываетъ сама божественная природа". Я обернулся назадъ и сталъ смотрѣть. Изъ-за скалъ внизу разстилалась передо мною въ туманную даль широкая равнина. По ней, какъ на разрисованной ландкартѣ, тамъ и сямъ волнами поднимались и спускались холмы и пригорки; между ними бѣлѣлись маленькими кучками усадьбы, деревни и города; тянулись темныя полосы и нити рѣкъ и каналовъ. Я разглядывалъ подробности, которыя и теперь будто вижу передъ собою, но цѣлое ускользало отъ моего вниманія: никакихъ страницъ божественной книги я не видѣлъ, и для изученія Италіи предпочиталъ настоящую, бумажную ландкарту съ напечатанными на ней кружочками для городовъ, съ извивающимися линіями для рѣкъ и съ бахромою изъ черточекъ для горныхъ хребтовъ.

Но довольно отступленій. Прошу припомнить—онѣ задержали меня на высотахъ тирольскаго Бреннера. Теперь, когда при яркомъ освѣщеніи полуденнаго солнца спускались мы къ благословенной цвѣтущей равнинѣ Ломбардіи, вы сами догадаетесь, какими глазами я могъ и умѣлъ взглянуть на этотъ единственный во всей Европѣ безконечный садъ сплошныхъ виноградниковъ, далеко внизу уходившій за полукруглую линію небосклона. Я несказанно радовался, что наконецъ во-очію предстала предо мною сама Италія; но, окидывая своими взорами это зеленое пространство, которое называли мнѣ безподобнымъ садомъ, я въ своихъ думахъ, мечтахъ и ожиданіяхъ населялъ его тѣми итальянскими городами, гдѣ буду изучать археологію и искусство. Я былъ тогда еще неисправимый педантъ.

Претвореніе моихъ причудливыхъ, туманныхъ грезъ въ живую дѣйствительность началось съ Вероны, гдѣ пробыли мы дня два. Въ узенькой улицѣ, недалеко отъ нашей гостинницы, стоялъ старинный потемнѣлый домъ въ нѣсколько этажей; надъ входомъ была вывѣска съ изображенною на ней большою мужскою шляпою. Когда намъ указали на вывѣску, я подумалъ, что насъ поведутъ

въ магазинъ какого-нибудь знаменитаго шляпныхъ дѣлъ мастера. Но это изображеніе—по-итальянски: „Capello“ (по-нашему шляпа) —есть не что иное, какъ гербъ знаменитой фамиліи Капулетти, прославленной Шекспиромъ. Потомъ видѣли мы другой большой домъ, такой же одряхлѣвшій и заматерѣлый: онъ принадлежалъ фамиліи Монтекки. Изъ лекціи Августа Шлегеля я уже хорошо ознакомился съ трогательною драмою Шекспира, и теперь вы сами можете догадаться, по романтическому настроенію моего воображенія, о нахлынувшихъ на меня юношескихъ восторгахъ, когда, вмѣсто малеванныхъ театральныхъ декорацій, на самомъ дѣлѣ очутилась передо мной та мѣстность, тѣ два дома въ ихъ мрачной средневѣковой обстановкѣ, гдѣ жили, любили другъ друга, тревожились, радовались и страдали Ромео и Юлія, оба вмѣстѣ, однѣми и тѣми же взаимными тревогами, радостями и страданіями. Дѣйствительность этой любовной идилліи закончилась для меня въ Веронѣ еще болѣе реальнымъ финаломъ. Сцена мѣняется. Въ небѣ было облачно; вперемежку моросилъ дождь, заволакивая легкою дымкой низменности горы, а на ея пологомъ скатѣ — кладбище. Общей обстановки припомнить не могу, да вѣроятно и тогда я ее вовсе не замѣтилъ, потому что все мое вниманіе сосредоточилъ на себѣ только одинъ предметъ, который глубоко врѣзался въ моей памяти. Это былъ гранитный бураго цвѣта саркофагъ. Я пришелъ туда одинъ со сторожемъ изъ монастырской братіи. „Здѣсь погребены на вѣчное успокоеніе—сказалъ онъ мнѣ—злосчастные Ромео и Юлія“. Надъ саркофагомъ поднималось невысокое деревцо—хорошо помню—съ крупными листьями; съ нихъ изрѣдка скатывались и падали на бурый гранитъ тяжелыя капли дождя, которыя чудились мнѣ тогда настоящими слезами.

Самымъ существеннымъ, драгоцѣннымъ вкладомъ для моихъ археологическихъ разысканій оказался въ Веронѣ знаменитый римскій амфитеатръ, который сохранился до сихъ поръ почти въ нетронутой своей цѣлости отъ далекихъ временъ, когда былъ онъ построенъ, такъ что въ сравненіи съ нимъ самъ Колизей въ Римѣ представляется обезображенною развалиною громадныхъ размѣровъ. Послѣ обѣда, передъ солнечнымъ закатомъ, мы всѣ вмѣстѣ, подъ руководствомъ графа, внимательно обозрѣвали веронскій амфитеатръ во всѣхъ его подробностяхъ, начиная отъ арены и темныхъ переходовъ подъ сводами до самыхъ верхнихъ ступеней для сидѣнья зрителямъ, или точнѣе—до выступовъ, которые, огибая кругомъ всю внутренность зданія, все ниже и ниже спускаются своими рядами къ самой аренѣ. Это былъ для меня первый урокъ по исторіи классической архитектуры, данный мнѣ

на изученіи настоящаго античнаго оригинала, а не въ его копіи и подражаніи или въ печатномъ рисункѣ.

Изъ Вероны черезъ Мàнтую и Модену пріѣхали мы въ Болонью, гдѣ намѣревались остаться не больше трехъ дней, но застряли на цѣлый мѣсяцъ. Елизавета Сергѣевна, младшая дочь графа, довольно сильно простудилась, и потому рѣшено было обождать ея полнаго выздоровленія, опасаясь тронуться съ мѣста въ дальній путь черезъ Апеннинскій хребетъ.

Прежде всего я долженъ сказать о нашей болонской гостинницѣ. Она, какъ и всѣ другія въ Италіи того времени, ничѣмъ не была похожа на нынѣшніе щегольскіе отели, съ ихъ широкими и свѣтлыми корридорами, на которые съ обѣихъ сторонъ выходятъ отдѣльные нумера. Это былъ не что иное, какъ обыкновенный жилой домъ хозяевъ средней руки и скромнаго состоянія, и однако въ немъ помѣщалась, какъ вы сейчасъ увидите, самая лучшая въ городѣ гостинница. Только-что вошли мы изъ прихожей въ небольшую простенькую залу съ тремя затворенными бѣлыми дверями и съ темнымъ отверстіемъ узенькаго корридора, какъ тотчасъ же были изумлены нежданнымъ-негаданнымъ сюрпризомъ, будто перенеслись изъ далекой Болоньи на родину: дѣти съ обычнымъ своимъ любопытствомъ бросились къ дверямъ; кто-то изъ нихъ закричалъ:—На двери написано карандашомъ по-русски: „Жуковскій“!—а въ отвѣтъ откликнулись другіе два голоса:—А на этой двери написано: „Назимовъ“!—А на этой: „Философовъ“! Оказалось, что мы попали въ ту самую гостинницу, въ которой прошлою зимой останавливался со своею свитою Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, когда путешествовалъ по Италіи. Въ комнатахъ изъ залы помѣщались особы, означенныя поименно на каждой изъ трехъ дверей; самъ же Цесаревичъ занималъ внутренніе покои изъ корридорчика, которые теперь отведены были для графини съ ея дочерьми. Куда ни появлялся въ этой странѣ наслѣдникъ престола, вездѣ его встрѣчали итальянцы восторженными и радушными пріемами, превозносили его доброе сердце, привѣтливость и чарующую красоту. Я самъ не разъ слышалъ отъ многихъ изъ нихъ, особенно въ Римѣ, съ какимъ увлеченіемъ и какъ любовно восхваляли они его въ своихъ поэтическихъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ: „Angelo celeste, Angel di Dio“...

Чтобы воспользоваться продолжительною остановкой въ Болоньѣ, я отпросился у графа дней на десять въ Венецію вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ и Тромпеллеромъ. По дорогѣ мы посѣтили Феррару, Пàдую, Виченцу и нѣкоторыя изъ виллъ на

берегахъ Бренты, которую еще прославляли тогда поэты въ своихъ стихотвореніяхъ.

Только теперь вполнѣ уяснилось мнѣ, что я совсѣмъ уже вступилъ во второй періодъ моего умственнаго развитія и совершенствованія. Въ пензенской гимназіи и въ московскомъ университетѣ я былъ школьникомъ и ученикомъ: то были года ученія —Lehrjahre; затѣмъ, въ слѣдъ за благотворнымъ переворотомъ въ моей жизни, наступили года странствованія и приключеній —Wanderjahre. Оба эти термина, которыми Гёте раздѣлилъ свой романъ о Вильгельмѣ Мейстерѣ на двѣ части, восходятъ своимъ началомъ къ далекимъ временамъ, когда зачиналось, слагалось и формировалось въ городахъ среднее сословіе рабочихъ горожанъ. Они дѣлились на разные цехи, каждый по своему мастерству или по спеціальнымъ занятіямъ. Всякій горожанинъ приписывался къ какому-либо цеху: такъ, напримѣръ, поэтъ Данте—къ цеху аптекарей, въ который были зачислены ученые и литераторы. Цеховое учрежденіе было приведено въ строгую систему и закрѣплено письменными уставами, которые можно найти и теперь въ архивахъ и библіотекахъ. Чтобы сдѣлаться настоящимъ мастеромъ своего ремесла, надобно было непремѣнно пройти два послѣдовательные періода для достиженія полной и окончательной выучки, и именно—годà „ученія“ и годà „странствованія“. Сначала каждый рабочій учится въ мастерской своего хозяина, а потомъ, усвоивъ отъ него все, чтò онъ могъ и умѣлъ ему передать, отправляется въ путь по другимъ городамъ, чтобы практически ознакомиться съ техническими пріемами и вообще съ производствомъ и успѣхами своего ремесла у болѣе извѣстныхъ и лучшихъ мастеровъ, работая подъ ихъ руководствомъ. Усовершенствовавшись въ своей спеціальности, онъ возвращается домой и держитъ экзаменъ у своего хозяина и у компетентныхъ судей и, послѣ успѣшно выдержаннаго испытанія, возводится изъ учениковъ въ почетное званіе мастера, при совершеніи торжественнаго церемоніала съ разными обрядами и рѣчами, который въ подробности былъ опредѣленъ и формулированъ въ цеховомъ уложеніи... Такъ и я, послѣ двухлѣтняго самостоятельнаго изученія классическихъ древностей и вообще исторіи искусства и литературы, воротился домой и выдержалъ магистерскій экзаменъ у своихъ профессоровъ.

Главными мастерскими, въ которыхъ, по цеховой градаціи, мнѣ суждено было изъ дюжиннаго ученика выработать въ себѣ „мастера“, то-есть магистра, были для меня на первый годъ берега Неаполитанскаго залива, а на второй — вѣчный городъ Римъ. По пути въ Неаполь, въ разныхъ городахъ, гдѣ мы останавливались

на болѣе или менѣе короткіе сроки, мнѣ приходилось довольствоваться для изученія исторіи искусства только бѣглымъ обозрѣніемъ ея главныхъ періодовъ по отдѣльнымъ школамъ и по стилямъ, а изъ подробностей—только самыми крупными и особенно выдающимися, и то по указаніямъ графа Сергѣя Григорьевича,—каковы, напримѣръ, древнѣйшія произведенія итальянской живописи XIII-го вѣка, въ которыхъ на основѣ византійскихъ преданій цвѣтущей эпохи уже выступаютъ проблески высокаго изящества той благодатной среды, гдѣ черезъ двѣсти лѣтъ могли народиться Микель-Анджело и Рафаэль. Изъ такихъ драгоцѣнностей назову вамъ двѣ запрестольныя иконы: одну въ сіэнскомъ соборѣ съ изображеніями страстей Господнихъ въ отдѣльныхъ четыреугольникахъ, стариннаго живописца Дуччіо-ди-Буонъ-Инсенья, а другую—во Флоренціи, въ одной изъ капеллъ церкви Maria Novella съ изображеніемъ Богоматери съ Младенцемъ Іисусомъ Христомъ, писанную знаменитымъ Чимабуэ, о которомъ Данте упоминаетъ въ своей Божественной Комедіи.

Сосредоточивъ всѣ свои интересы на изученіи археологіи и искусства въ связи съ исторіею литературы, повсюду въ Италіи я ни на что другое не обращалъ свое вниманіе, какъ только на такіе предметы, которые могли удовлетворять этимъ моимъ интересамъ. Гуляя по улицамъ и площадямъ города, я видѣлъ зданія, дворцы и церкви, портики, фасады и колоннады, а людей, которые мнѣ встрѣчались, и не замѣчалъ; для моихъ взоровъ существовала тогда только мѣстность, а не обыватели, которые ее населяютъ. Улица съ жилыми домами и заросшая высокою травою и кустарникомъ, пустырь съ развалинами античныхъ или средневѣковыхъ построекъ складывались для моего воображенія въ одно цѣлое. Я весь поглощенъ былъ монументальностью Италіи и постольку же мало обращалъ вниманія на ея жителей, какъ и на разнообразныя красоты ея природы. Впрочемъ и сами итальянцы имѣли для меня нѣкоторый интересъ, но только по отношенію къ изучаемымъ мною памятникамъ искусства и вообще старины. Мнѣ казалось, что жители этой страны и существуютъ теперь для того только, чтобы охранять завѣтныя сокровища великаго прошедшаго въ своихъ городахъ и услужливо показывать и объяснять ихъ иностранцамъ. И тогда я слушалъ ихъ внимательно и даже съ уваженіемъ относился къ нимъ, будь то горожанинъ средняго сословія или простолюдинъ въ плисовой курткѣ: я завидовалъ имъ и цѣнилъ ихъ, какъ соотечественниковъ и потомковъ тѣхъ великихъ людей, произведеніями которыхъ я восхищался.

Стремленіе моихъ думъ, поисковъ и задачъ, направленное отъ грустной и невзрачной современности Италіи къ далекимъ вѣкамъ ея славы и величія, отчасти соотвѣтствовало тогда общему настроенію духа ревностныхъ патріотовъ Италіи, когда, въ силу параграфовъ вѣнскаго конгресса, ихъ прекрасная родина изнывала и томилась подъ нестерпимо-тяжелымъ гнетомъ чужеземнаго ига. Они жили только воспоминаніями о прошломъ и надеждами на будущее; настоящаго для нихъ вовсе не было: оно замерло и окоченѣло въ смутномъ кошмарѣ.

Ѳ. Буслаевъ.

ФАНТАЗІЯ

На мотивъ С. Прюдома.

Il sent dans un réveil confus
Les anciennes ardeurs revivre
Et les mêmes anciens refus
Le repousser dès qu'il s'y livre.
Sully Prudhomme.

Словно свѣтомъ зари побѣжденная тьма,
Непосильной разбита борьбою—
Въ яркихъ солнца лучахъ умирала зима,
Побѣжденная юной весною.

И во всемъ ей звучалъ роковой приговоръ:
Въ шумѣ водъ, въ щебетаніи птицы,
Въ тепломъ вѣтрѣ, качавшемъ проснувшійся боръ,
Отъ него же растаялъ и снѣжный уборъ,
И вѣнецъ умиравшей царицы...

И въ лазури небесъ, и въ морской синевѣ
Ей насмѣшка мерещилась злая,
И казалося ей, что въ своемъ торжествѣ
Тихо шепчетъ весна молодая:

— „Уходи, уходи!.. Я съ собою несу
Новыхъ силъ пробужденье и трепетъ.
Слышишь клики и шумъ на поляхъ и въ лѣсу,
Этотъ гомонъ, журчанье и лепетъ?..

„Я сломила твой гнетъ. Уходи, уходи!..
Вмѣстѣ съ жаждою жизни весенней
Станетъ легче дышать наболѣвшей груди
Посреди аромата сиреней“...

И со вздохомъ въ отвѣтъ прошептала зима:
— Для счастливыхъ—твое ликованье;
А для многихъ милѣе мой холодъ и тьма,
Чѣмъ весенняго солнца сіянье.

Подъ унылый напѣвъ разыгравшихся вьюгъ,
Подъ немолчную жалобу моря,
Легче—бремя тоски, одиночества, мукъ,
Легче—гнетъ безъисходнаго горя.

Но едва небеса заблестятъ синевой,—
И душа, порываясь куда-то,
Затоскуетъ сильнѣй неотвязной тоской,
Жаждой свѣта и воли объята...

Станетъ снова манить эта синяя даль,
Увлекая несбыточной грёзой,
И невольно въ душѣ обновится печаль
Вмѣстѣ съ первой расцвѣвшею розой.

Ты счастливымъ несешь новыхъ силъ полноту,
Новой жизни несешь упоенье,
Я же—тѣмъ, кто извѣдалъ ея пустоту,
Кто давно схоронилъ за мечтою мечту—
Холодъ смерти, покой и забвенье...

О. Михайлова.

Мартъ, 1891 г.

ПИСАТЕЛЬ
ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

— Сочиненія Н. В. Шелгунова, въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Спб. 1891.

О составѣ настоящаго изданія авторъ говоритъ, что сюда вошло далеко не все, что̀ было имъ писано, и внесено лишь то, что̀ не имѣло исключительно временнаго интереса.

„Собранныя статьи имѣютъ почти исключительно историческій и научный характеръ. Трактуя о вопросахъ, повидимому, разнообразныхъ—то историческихъ, то педагогическихъ, экономическихъ, критическихъ или публицистическихъ—статьи только дополняютъ одна другую. Проводится въ нихъ постоянно почти одна и та же мысль, въ историческихъ статьяхъ получающая историческое объясненіе, въ экономическихъ—экономическое, въ педагогическихъ—педагогическое, а въ публицистическихъ—публицистическое. Такая внутренняя связь статей сообщаетъ сборнику извѣстную идейную цѣльность, а статья 1-го тома—„Европейскій Западъ"—служитъ какъ бы введеніемъ для всего послѣдующаго изложенія, устанавливая христіанскія основы той общественной нравственности, которой служитъ новѣйшій прогрессъ.

„Статьи, предлагаемыя читателю, писаны въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, до 1891 года, и обнимаютъ періодъ времени въ 30 лѣтъ. Писались статьи всегда или по поводу интересовъ дня, или по поводу вопросовъ, близкихъ для той части общества, для которой онѣ назначались. Если трид-

цатилѣтняя давность не помѣшала статьямъ совсѣмъ устарѣть, то не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что вопросы прошлаго не утратили своего значенія и для настоящаго, а въ продолжающейся ихъ преемственной напряженности видѣть неизбѣжность ихъ ближайшаго практическаго разрѣшенія?"

Другими словами, самъ авторъ, видимо не измѣнившій съ шестидесятыхъ годовъ своихъ взглядовъ, полагаетъ, что они и до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе, что русское общество, представляемое читателемъ, не ушло настолько отъ того времени, когда авторъ началъ свое литературное поприще, чтобы не оставалось нужнымъ то же самое объясненіе извѣстныхъ общественныхъ вопросовъ, какое было нужно и въ шестидесятыхъ годахъ.

Иные рѣшительно отвергаютъ это послѣднее положеніе. Въ новѣйшей литературѣ сплошь и рядомъ можно читать отзывы о шестидесятыхъ годахъ отрицательные и высокомѣрные, какъ объ историческомъ періодѣ, давно пережитомъ и слѣдовательно, по нынѣшнему, отсталомъ и совсѣмъ неудовлетворительномъ. Писатели новыхъ поколѣній, беллетристы, критики, ученые, говорятъ о шестидесятыхъ годахъ свысока, какъ о времени чуть не ребяческихъ идеалистическихъ увлеченій, или необузданныхъ отрицаній; что они сами свободны теперь отъ того и отъ другого и стоятъ, слѣдовательно, на настоящей дорогѣ. Въ чемъ именно состоитъ эта настоящая дорога — остается однако весьма неясно. Въ общественномъ смыслѣ новѣйшія идеи сводятся къ тѣмъ двумъ крайностямъ, которыя указаны были В. С. Соловьевымъ, какъ крѣпостничество и народопоклонство; въ вопросахъ историческихъ, кромѣ изслѣдованій спеціальныхъ и техническихъ, не видно никакого цѣльнаго взгляда, кромѣ неопредѣленной наклонности восхвалять отрицаемую прежде старину; въ „искусствѣ" или въ „поэзіи" (если стоитъ такого названія огромное большинство современной беллетристики) распространяется стремленіе къ мнимому чистому искусству, которое стоитъ превыше обыденныхъ тенденцій, а въ сущности идетъ не далѣе изображенія мелочей по новѣйшимъ рецептамъ „человѣческихъ документовъ" и „протоколовъ" во вкусѣ Зола съ придачею, въ томъ же вкусѣ, извѣстной доли порнографіи, — которой было бы несомнѣнно еще больше, еслибы наша цензура не расходилась съ французскими литературными обычаями. Какъ высшіе общественно-философскіе принципы, въ противовѣсъ и вмѣстѣ въ укоръ шестидесятымъ годамъ, выставляются то теорія культурно-историческихъ типовъ по примѣру Н. Данилевскаго, которая должна освободить насъ отъ всякой обязанности обращать вниманіе на условія и требованія общечеловѣческой циви-

лизаціи, то теорія всечеловѣчества русскаго народа по примѣру Достоевскаго, которая объясняетъ, что мы, уже самимъ фактомъ своего существованія, стоимъ выше всѣхъ народовъ, —и неизвѣстно, должны ли еще чему-нибудь учиться. Таковы общія положенія, въ которыхъ шестидесятые года противопоставляются съ восьмидесятыми, и это противоположеніе безпрестанно повторяется во множествѣ частныхъ примѣровъ и подробностей,—но мы напрасно искали бы правильнаго и полнаго объясненія того, въ чемъ дѣйствительно наше время превзошло и опередило тотъ давно пережитый періодъ. Отрицаніе этого періода почти всегда голословное, хотя и рѣшительное. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ параллель къ нѣкоторымъ явленіямъ нашей внутренней политики, высказывается даже наклонность превознести ту предшествующую историческую эпоху, которой шестидесятые года были теоретическимъ и фактическимъ отрицаніемъ.

Этотъ споръ чрезвычайно характеристиченъ. Обыкновенно полагается, что время, переживаемое обществомъ, народомъ, государствомъ, не проходитъ даромъ, что оно составляетъ прибыль въ ихъ развитіи, и всего чаще дѣлается прямой выводъ, что каждый послѣдующій періодъ тѣмъ самымъ стоитъ выше предъидущаго; если, напротивъ, иные находятъ, что прежнее время (иногда еще имъ самимъ памятное) въ разныхъ отношеніяхъ стояло выше, это предпочтеніе объясняется пристрастіемъ людей ко времени ихъ собственной молодости и отвергается, какъ извѣстная ограниченность взгляда. На дѣлѣ, самая исторія признаетъ эпохи застоя и упадка, такъ что хронологическая послѣдовательность не совпадаетъ съ послѣдовательностью настоящаго прогресса. Эта исторія указываетъ на множество примѣровъ, гдѣ за эпохами расцвѣта и развитія силъ слѣдовали періоды безсилія и увяданія, даже полнаго паденія. Тамъ, гдѣ въ цѣломъ ходѣ вещей не можетъ быть рѣчи о полномъ паденіи, тѣмъ не менѣе могутъ быть періоды видимаго отступленія назадъ, какъ это можно признать въ настоящемъ положеніи нашего общественнаго мнѣнія (мы говоримъ о немъ, насколько оно выражается въ литературѣ). Примѣръ. Съ конца пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ господствующимъ интересомъ русскаго общества было освобожденіе крестьянъ, въ которомъ видѣли (и безъ сомнѣнія очень справедливо) одинъ изъ величайшихъ актовъ русской правительственной власти, одно изъ величайшихъ событій нашей исторіи, которымъ исполнилось самое капитальное требованіе русской народной жизни, съ совершенія котораго впервые становилось возможнымъ истинное развитіе русскихъ *народныхъ* силъ. Въ наше

время мы слышимъ сначала неясныя, потомъ все болѣе смѣлыя, наконецъ рѣшительныя заявленія, что освобожденіе крестьянъ было величайшей ошибкой, которую и слѣдуетъ исправить новому времени. Извѣстнаго рода публицисты (какъ недавно авторъ „Записокъ отшельника“) говорятъ прямо, что русскій народъ (онъ именно есть „народъ-богоносецъ“) слѣдуетъ хорошенько „подтянуть“, стѣснить, довести до полнаго „смиренія“, для того, чтобы онъ могъ исправнѣе выполнить свою роль богоносца. Соединеніе понятій непостижимое; между тѣмъ оно высказывается спокойнѣйшимъ образомъ, какъ поученіе. Для людей шестидесятыхъ годовъ, которые видѣли еще во-очію практику крѣпостного права, освобожденіе крестьянъ являлось не только государственной и народной необходимостью, но и выполненіемъ христіанскаго долга; теперь, для достиженія богоноснаго назначенія русскаго народа, считаютъ нужнымъ его „подтянуть“ и стѣснить,—другими словами, насколько возможно возстановить крѣпостное право. Прежде привѣтствовали уничтоженіе, или по крайней мѣрѣ большее ограниченіе тѣлесныхъ наказаній, какъ унизительныхъ, какъ истребляющихъ чувство человѣческаго достоинства; теперь, напротивъ, рекомендуютъ ихъ распространеніе, увѣряютъ даже, что народъ „скучаетъ“ безъ плетей и розогъ. Итакъ, полное отступленіе, которое, очевидно, заключается не только въ иномъ взглядѣ на отдѣльный вопросъ, хотя бы столь широкій, какъ крестьянскій вопросъ, но въ совершенно иной постановкѣ всего вопроса государственнаго и народнаго, общественнаго и нравственнаго. Обыкновенно, говорится, что наступила „реакція“, другое направленіе совсѣмъ противоположнаго характера, и пріобрѣтенное прежде считается какъ будто потеряннымъ, а сдѣланное прежде—безплоднымъ. Въ дѣйствительности, пріобрѣтенное, однако, не потеряно; совершается просто дальнѣйшее развитіе прежняго процесса. Дѣло въ томъ, что выставленный ранѣе принципъ, какъ, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ крестьянскій вопросъ, охватывалъ такіе крупные интересы, что выполненіе его въ жизни, какимъ было въ этомъ случаѣ 19-е февраля 1861 года, не могло сразу разрѣшить всѣхъ тѣхъ столкновеній, которыя онъ долженъ былъ пробудить въ отношеніяхъ матеріальныхъ и нравственныхъ; въ законодательной формѣ 19-е февраля установило освобожденіе крестьянъ, но на практикѣ жизни не могло вдругъ передѣлать прежнихъ крѣпостниковъ (замѣтимъ—нерѣдко совершенно искренно убѣжденныхъ въ справедливости своихъ взглядовъ) въ безкорыстныхъ друзей народа, и теперь мы убѣждаемся, что четверть столѣтія по совершеніи реформы не въ состояніи была со-

всѣмъ заслонить порядка идей, воспитаннаго передъ тѣмъ цѣлыми вѣками. Теперь только высказываются голоса, заглушенные четверть вѣка тому назадъ первымъ порывомъ реформы; мы видимъ передъ собой не „другое направленіе", а то же самое, какое было издавна, только по различнымъ комбинаціямъ отношеній нашей внутренней политики въ одну минуту повышались одни интересы, а въ другую—другіе. Эти комбинаціи внутреннихъ отношеній, конечно, весьма сложны, но онѣ вовсе не загадочны: опредѣлять ихъ въ настоящую минуту не легко, между прочимъ, по условіямъ нашей печати, но для будущаго историка онѣ будутъ, вѣроятно, достаточно ясны. Отмѣтимъ, напримѣръ, одно весьма существенное обстоятельство, которое было довольно ясно при самомъ началѣ реформы. Въ принципѣ освобожденіе крестьянъ было исторически мотивированнымъ отрицаніемъ цѣлаго политическаго начала старой Россіи, которой вся внутренняя и внѣшняя политическая жизнь была построена на крѣпостномъ правѣ: это право установляло не только въ частности отношенія помѣщиковъ къ подвластнымъ крестьянамъ, но проникало вообще всѣ внутреннія политическія отношенія. Освобожденіе крестьянъ, еслибы оно совершалось одно само по себѣ, составляло бы только частичное удаленіе одной подробности цѣлаго принципа, нисколько не затрогивая остальныхъ; очевидно, однако, что еслибы всѣ остальныя проявленія стараго начала остались неприкосновенными, то своимъ общимъ дѣйствіемъ они должны были бы нейтрализовать реформу, произведенную только въ одной долѣ стараго порядка. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ, въ бòльшей или мѐньшей степени это понимали и само правительство, и заинтересованное общество: оттого какъ только возникла мысль о необходимости преобразованій (въ массѣ общества, возбужденная, очевидно, какъ всѣмъ порядкомъ вещей во второй четверти столѣтія, такъ въ особенности Крымской войной, раскрывшей до очевидности невозможность идти старымъ путемъ), то сразу явился запросъ на преобразованія во всевозможныхъ направленіяхъ. Открылась вдругъ необходимость въ преобразованіи чуть ли не во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни: кромѣ крестьянскаго вопроса, тогда же стали весьма усиленно говорить о необходимости преобразованія стараго суда, полиціи, городского управленія, печати, о необходимости гласности, т.-е. извѣстной свободы общественнаго мнѣнія, объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній; военные заговорили о необходимости преобразованія военнаго дѣла во всѣхъ его отрасляхъ; поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи всей системы воспитанія; возникъ „женскій вопросъ";

найдено было необходимымъ измѣненіе устава университетовъ и т. д. Во многомъ само правительство признавало эту необходимость пересмотра старыхъ порядковъ государственной и общественной жизни: рядомъ съ крестьянской реформой предпринято было преобразованіе всего судебнаго дѣла, реформа земская, городская, совершались перемѣны въ школьномъ дѣлѣ (напримѣръ, чрезвычайно характеристическое превращеніе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, нынѣ опять отмѣненное)—все это въ томъ смыслѣ, къ какому стремилось и самое общество: въ смыслѣ отмѣны стараго крѣпостного и бюрократическаго начала, проникавшаго всѣ отрасли быта, и въ смыслѣ утвержденія и распространенія общественной самодѣятельности и иниціативы. Это было вполнѣ послѣдовательно, потому что если разъ была понята несостоятельность извѣстнаго административнаго начала и необходимость его устраненія, оно должно было быть устранено по всему его существу; иначе, отмѣненное въ одномъ мѣстѣ и сохраненное въ другомъ, оно получило бы подтвержденіе своей жизненности и не замедлило бы распространяться снова и на тѣ области, гдѣ уже было отвергнуто. Такъ это и случилось. Съ самаго начала оказалось, что то время было еще неспособно провести начало преобразованія послѣдовательно; предпринятыя реформы тогда уже обнаруживали признаки двойственности и неполноты; повидимому, являлась мысль, что распространеніе общественной самодѣятельности можетъ повести къ ущербу для авторитета. За первымъ порывомъ реформаторской дѣятельности началось явное отступленіе, которое и было привѣтствовано всѣми приверженцами стараго порядка. Это началось довольно открыто еще съ половины шестидесятыхъ годовъ; чѣмъ дальше, тѣмъ больше это движеніе усиливалось и къ нашему времени кончается открытымъ осужденіемъ реформъ прошлаго царствованія и—весьма послѣдовательно—восхваленіемъ временъ, предшествовавшихъ реформѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—видимымъ желаніемъ, чтобы могло въ той или другой формѣ возвратиться прежнее господство крѣпостного начала. Такимъ образомъ, то явленіе, какое мы наблюдаемъ теперь, есть въ сущности продолженіе процесса, начавшагося одновременно съ самою реформой; надо думать, что процессъ едва ли кончится такимъ возвращеніемъ къ старымъ временамъ, о какомъ теперь многіе начали мечтать,—потому что самая идея реформъ шестидесятыхъ годовъ, надо думать, была принята властью по глубокимъ соображеніямъ исторической необходимости, которыя едва ли потеряли силу. Извѣстно, что основная изъ этихъ реформъ—освобожденіе крестьянъ—была издавна мыслью самого императора

Николая, времена котораго представляются теперь завиднымъ идеаломъ неуклоннаго консерватизма.

Труды писателей, какъ г. Шелгуновъ, могутъ служить чрезвычайно любопытнымъ матеріаломъ для изученія историческаго процесса, о которомъ мы здѣсь говорили. Онъ стоялъ въ числѣ тѣхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, которые съ самаго начала проникнуты были глубокимъ убѣжденіемъ въ необходимости предпринятаго тогда преобразованія русской жизни (иначе тогда и не понимались въ молодомъ поколѣніи начатыя реформы); это убѣжденіе онъ сохранилъ до настоящей минуты, не измѣняя ему ни подъ какимъ давленіемъ совершавшихся потомъ событій, которыя не разъ способны были бы заставить задуматься о томъ, дѣйствительно ли нужны русскому народу тѣ иныя формы, которымъ такъ туго достается проходить въ жизнь. Дѣло въ томъ, что у этого писателя, какъ вообще лучшихъ дѣятелей того времени, ихъ частная мысль о русскихъ общественныхъ дѣлахъ исходила изъ цѣлаго теоретическаго міровоззрѣнія, историческаго и нравственнаго. Въ то время, когда онъ вступилъ на свою литературную дорогу, онъ не былъ уже новичкомъ; напротивъ, онъ былъ собственно человѣкомъ пятидесятыхъ годовъ,—его школа прошла въ Николаевское время; тогда еще онъ началъ свое служебное поприще и, такимъ образомъ, имѣлъ возможность на служебной и житейской практикѣ испытать порядки, правившіе тогда жизнью. Событія конца пятидесятыхъ годовъ и начала шестидесятыхъ опредѣлили направленіе его взглядовъ, которые потомъ только развивались, находя пищу въ новыхъ изученіяхъ и въ новыхъ явленіяхъ русской жизни. Его интересы и вниманіе съ тѣхъ поръ и донынѣ направлялись на вопросы общественнаго развитія, какъ они проявлялись въ судьбѣ цивилизованныхъ народовъ и какъ они отражались въ русской жизни. При этой неизмѣнности интереса, при единствѣ основной точки зрѣнія, сочиненія г. Шелгунова являются въ особенности характернымъ свидѣтельствомъ о направленіи шестидесятыхъ годовъ въ его примѣненіяхъ какъ къ тогдашней жизни, такъ и къ явленіямъ послѣдующаго времени. Если въ свое время онъ былъ вѣренъ тому, что̀ было убѣжденіемъ лучшихъ людей эпохи, то онъ остался вѣренъ этому и впослѣдствіи; онъ остался защитникомъ тогдашняго взгляда на вещи, когда въ практикѣ жизни брали верхъ событія и идеи иного порядка, когда подъ вліяніемъ разнообразныхъ общественныхъ причинъ въ самыхъ молодыхъ поколѣніяхъ, обыкновенно

склонныхъ къ общественному идеализму, стали охладѣвать тѣ стремленія, какими питались многія поколѣнія раньше. Не разъ роли странно перемѣнялись: онъ, писатель давнихъ годовъ, былъ проникнутъ большей твердостью убѣжденія, чѣмъ эти юные мудрецы, уходившіе въ модный пессимизмъ или въ модныя консервативныя теоріи.

Историческое значеніе эпохи, въ которой возникла дѣятельность нашего писателя, а съ нимъ вмѣстѣ и многихъ другихъ, частью гораздо болѣе крупныхъ и частью кончившихъ давно свое поприще, это значеніе во многихъ отношеніяхъ прекрасно опредѣлено во вступительной статьѣ г. Михайловскаго. Поколѣніе, дѣйствовавшее въ шестидесятыхъ годахъ, подготовлялось собственными силами и на свой страхъ въ непосредственно предшествовавшее время, то „доброе старое время", къ которому г. Шелгуновъ прибавляетъ эпитетъ „страшное".

„Школьныя и служебныя воспоминанія Шелгунова,—говоритъ г. Михайловскій,—почти сплошь представляютъ собою поучительнѣйшую картину той, повидимому, необыкновенно стройной, цѣльной, однородной цѣпи отношеній, которая составляла сущность тогдашняго русскаго общества. Это было, дѣйствительно, нѣчто очень стройное и цѣльное, а на иной глазъ, пожалуй, даже обаятельное въ какой-то своей художественной законченности: каждый былъ въ этой цѣпи въ одно и то же время восходящимъ и нисходящимъ звеномъ, каждый имѣлъ свое опредѣленное мѣсто, на которомъ онъ трепеталъ передъ одними, высшими, и заставлялъ трепетать другихъ—низшихъ. Сознательнаго исполненія долга „не токмо за страхъ, но и за совѣсть", здѣсь не было потому, что не было мѣста ни личному убѣжденію, ни личному достоинству, ни, вообще, чему-нибудь такому, что могло бы пестрить картину и нарушать простую гармонію системы".

Крѣпостное право—„составляло фундаментъ всей системы. Фундаментъ столь прочный, что даже всесильный императоръ Николай не находилъ возможнымъ развалить его и, по собственному его выраженію, лишь почиталъ должнымъ передать это великое дѣло своему преемнику „съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи". Цѣлыя поколѣнія съ упорною послѣдовательностью и исключительностью готовились къ двоякой роли: приказывающихъ и исполняющихъ приказанія, и въ результатѣ получились настоящіе виртуозы той и другой функціи, изумительно приладившіеся къ воспитавшей ихъ системѣ. Но когда область двуединой функціи съузилась и расшаталась, эти превосходнѣйшіе въ своемъ

родѣ спеціалисты естественно должны были очутиться въ положеніи рыбъ, вытащенныхъ изъ воды, а о выработкѣ того, что требовалось новымъ историческимъ моментомъ—самостоятельной мысли, знаній, твердыхъ убѣжденій, чувства собственнаго достоинства и признанія таковаго за другими,—система не заботилась и не могла по самому существу своему заботиться. Мало того, весь этотъ умственный и нравственный багажъ пестрилъ систему, не допускавшую никакой пестроты, грозилъ ей разнообразными изъянами и неудобствами, а потому или прямо преслѣдовался какъ контрабанда, или содержался въ сильномъ подозрѣніи. Это было опять-таки вполнѣ естественно и послѣдовательно. Система, до такой степени законченная, должна была даже съ преувеличенною чуткостью относиться къ разнымъ враждебнымъ ей элементамъ. Системѣ, конечно, нужны были по крайней мѣрѣ всякаго рода техники, а положеніе великой европейской державы обязывало и къ нѣкоторой умственной роскоши, хотя бы только показной. Но даже самое невинное и чисто фактическое знаніе могло стать очагомъ критической мысли, а эта послѣдняя была уже рѣшительно враждебна системѣ, враждебна сама по себѣ, какъ таковая, на что бы она ни была направлена. Поэтому всѣ усилія были направлены на урѣзку даже фактическаго знанія до возможнаго minimum'а, опредѣлить который было, конечно, очень трудно, и на приданіе этому minimum'у общей окраски двуединой функціи, что отчасти и достигалось введеніемъ военной дисциплины въ учебныя заведенія, готовившія къ самымъ мирнымъ занятіямъ. Исторія русскаго просвѣщенія того времени представляетъ высокій теоретическій интересъ, въ качествѣ огромнаго соціологическаго опыта, къ сожалѣнію слишкомъ дорого стоившаго".

Указавши затѣмъ, какими скудными познаніями владѣлъ вслѣдствіе этого средній образованный человѣкъ того времени, г. Михайловскій продолжаетъ: „Намъ, позже выступившимъ въ жизнь, трудно себѣ представить, какая страшная, зіяющая пустота должна была раскрыться передъ умами людей, знавшихъ это и только это, когда крымскія неудачи и, наконецъ, паденіе Севастополя, послѣдовавшія за колоссальнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ родной страны, показали, что „краеугольное знаніе" есть заблужденіе. А это ошеломляющее открытіе было чревато многими другими, подобными же. И, наконецъ, вся такъ хорошо прилаженная, такая стройная, такая, повидимому, прочная система оказалась однимъ громаднымъ, сплошнымъ заблужденіемъ. Я знаю, что нынѣ многіе вновь возвращаются къ этимъ заблужденіямъ и видятъ въ нихъ истины, какъ будто исторія и не давала намъ

своихъ страшныхъ уроковъ. Пусть. У насъ теперь рѣчь идетъ не о существѣ дѣла, а о состояніи умовъ тридцать—тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Тогда русскіе люди фатально должны были признать заблужденіемъ все то, что̀ въ предшествовавшую эпоху стояло внѣ всякихъ сомнѣній. Такъ должно было быть по логикѣ событій, такъ и было въ дѣйствительности. Кругомъ, куда ни взглянешь, оказалось пустое пространство, въ которомъ надо строиться за̀-ново"...

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ опять очень вѣрно опредѣляетъ то умственное и нравственное состояніе, въ какомъ очутилось общество и само государство тотчасъ послѣ Крымской войны, когда вдругъ оказалась передъ ними эта пустыня.

„Страшное дѣло строиться въ пустынѣ. Сколько предстоитъ блужданій, напрасной траты силъ, сколько риску и опасностей! Но великое счастье людей шестидесятыхъ годовъ, счастье, которому могутъ позавидовать всѣ послѣдующія поколѣнія, состояло въ томъ, что у нихъ была путеводная звѣзда, сіявшая ослѣпительно яркимъ блескомъ идеала и въ то же время указывавшая обязательную практическую задачу, подлежащую немедленному рѣшенію. Эта путеводная звѣзда называлась „освобожденіе крестьянъ". Такіе великіе моменты рѣдки въ исторіи, это ея свѣтлые праздники, но зато же они отражаются на всѣхъ сторонахъ жизни общества, которому выпали на долю, и, какъ благодатный дождь послѣ засухи, вливаютъ жизнь всюду, гдѣ ея осталось хоть малое, хоть чахлое зерно". Въ то время именно была передъ обществомъ задача, ясная въ общемъ сознаніи, соединявшая всѣхъ лучшихъ людей въ одномъ увлеченіи. Эта задача была — „освобожденіе милліоновъ рабовъ; освобожденіе, возможность и необходимость котораго сразу стали для всѣхъ ясны, хотя одни готовились встрѣтить его съ ликованіемъ, а другіе съ трепетомъ и скрежетомъ зубовнымъ. Если оставить въ сторонѣ этихъ трепещущихъ и скрежещущихъ, которымъ было, конечно, не весело, то огромность счастія жить въ такое время трудно даже оцѣнить. И вотъ почему такъ скоро прошли печаль о крымскихъ потеряхъ и стыдъ за крымскій позоръ. И вотъ почему не страшно было строиться въ пустынѣ за̀-ново. Работа предстояла многосложная и трудная. Неотложность собственно юридическаго факта освобожденія не подлежала никакому сомнѣнію, и развѣ только какія-нибудь Коробочки, заплесневѣвшія въ своихъ гнѣздахъ, питали смутную надежду, что авось Богъ пронесетъ грозу. Но экономическая сторона дѣла, вопросъ аграрный, финансовый, самыя формы освобожденія, вопросъ будущаго устройства крестьянъ,—

все это еще подлежало рѣшенію и допускало различныя рѣшенія, въ числѣ которыхъ были и такія, которыя могли бы свести „на нѣтъ“ самыя существенныя стороны реформы. И разработкою этихъ сложныхъ вопросовъ далеко еще не ограничивалась умственная пища, предложенная русскому обществу великимъ историческимъ моментомъ. Какъ уже сказано, крѣпостное право составляло фундаментъ всей системы, осужденной исторіею на смерть. Его духъ, его образъ и подобіе отражались и во всемъ морѣ государственной жизни, и въ каждой малой каплѣ составляющихъ его водъ. Отношенія государства къ личности и ко всѣмъ функціямъ умственной, нравственной, политической, промышленной, гражданской жизни, отношенія начальства къ подчиненнымъ, суда и слѣдствія къ преступнику, мужей къ женамъ, отцовъ и воспитателей къ дѣтямъ,—все было окрашено тѣмъ же цвѣтомъ. Поэтому обществу и выразительницѣ его нуждъ, желаній и упованій—литературѣ—приходилось вырабатывать цѣлое новое міросозерцаніе, которое обнимало бы и отвлеченные вопросы теоріи, и насущные вопросы практики. Дѣло трудное, но оно оказалось по плечу обществу и литературѣ“.

Приведемъ, наконецъ, еще нѣсколько словъ, гдѣ г. Михайловскій отвѣчаетъ на тѣ обвиненія, какія теперь такъ часто высказываются противъ шестидесятыхъ годовъ и которыя должны тѣмъ самымъ обличать либеральное направленіе и поддерживать новѣйшій индифферентизмъ къ основнымъ вопросамъ общественности, потому что направленіе, распространяющееся теперь, въ сущности сводится или къ прямой враждѣ противъ новѣйшихъ пріобрѣтеній нашей общественной жизни, или къ полному равнодушію.

„Неумные и злобные люди,—говоритъ г. Михайловскій,—слишкомъ крѣпко памятующіе какую-нибудь свою личную обиду отъ толчка, даннаго русскому обществу въ шестидесятыхъ годахъ, или сами побывавшіе въ этомъ водоворотѣ, но не выдержавшіе, а потому страдающіе, подобно большинству ренегатовъ, близорукостью; эти неумные и злобные люди часто хватаются за какую-нибудь частную ошибку или увлеченіе шестидесятыхъ годовъ и празднуютъ по этому случаю легкую побѣду. Побѣда столь же легкая, сколько и не лестная. Если бы у этихъ людей было немножко побольше ума или немножко поменьше злобы, они поняли бы, что эти частныя ошибки и увлеченія должны быть поставлены на счетъ не шестидесятымъ годамъ, а предшествовавшей эпохѣ. Она подготовила и даже прямо создала ту пустоту, въ которой шестидесятымъ годамъ пришлось строиться за̀-ново, и

если отъ нея сохранились матеріалы, которые можно было утилизировать въ новомъ строѣ, то сохранились они отнюдь не благодаря, а напротивъ, какъ разъ вопреки ей. Бѣлинскій, Г., Грановскій, вся такъ-называемая плеяда знаменитыхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, даже славянофилы, все это было не ко двору въ свое время, все это едва терпѣлось въ урѣзанномъ видѣ, а иногда и совсѣмъ не терпѣлось. Мемуары современниковъ сообщаютъ такія, подчасъ комическія, но, въ общемъ, глубоко трагическія подробности о положеніи русской критической мысли въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, что можно удивляться, какъ она совсѣмъ не атрофировалась. И, во всякомъ случаѣ, при этихъ условіяхъ удивительно не то, что въ шестидесятыхъ годахъ были ошибки и увлеченія. Когда ихъ не было?! Онѣ вѣдь, пожалуй, и теперь, въ наше безошибочное время, найдутся. Удивительно, напротивъ, что и общія черты, и многія частности выработаннаго въ шестидесятыхъ годахъ міросозерцанія доселѣ подлежатъ только дальнѣйшему развитію, примѣнительно къ новымъ осложненіямъ жизни и къ поступательному ходу исторіи. Удивительно то, что не было ни гроша и вдругъ сталъ алтынъ. Это удивительное явленіе лишь отчасти объясняется личными достоинствами людей, выступившихъ къ шестидесятымъ годамъ на арену общественной дѣятельности. Коренное же его объясненіе лежитъ въ удивительныхъ свойствахъ задачи, развернувшейся передъ обществомъ. Нынѣшнему даже очень чуткому молодому человѣку надо сильно напрячь свою мысль, чтобы вполнѣ проникнуться потрясающимъ смысломъ этихъ двухъ словъ: „освобожденіе крестьянъ". Прекращеніе возмутительнаго систематическаго правомѣрнаго насилія надъ милліонами человѣческихъ существъ; превращеніе милліоновъ живыхъ вещей, подлежавшихъ куплѣ, продажѣ, залогу, обмѣну и проч., въ милліоны людей; осуществленіе вѣковой мечты народной; конецъ вѣковымъ стонамъ, слезамъ и проклятіямъ,— все здѣсь огромно даже въ чисто количественномъ отношеніи: вѣка, милліоны. И чтобы не выходить изъ области количествъ, припомнимъ, что всѣмъ этимъ вѣкамъ и милліонамъ итогъ былъ подведенъ въ четыре года (1857—1861)".

Эти послѣднія замѣчанія, въ сущности весьма простыя, обыкновенно, однако, не приходятъ въ голову новѣйшимъ обличителямъ шестидесятыхъ годовъ, не только сознательнымъ врагамъ тогдашняго освободительнаго движенія, но и тѣмъ, повидимому, не заинтересованнымъ въ реакціи людямъ новаго поколѣнія, которые искренно воображаютъ, что имъ понятны ошибки того времени и что сами они нашли всю истину. Эти простыя замѣчанія не

приходятъ также въ голову и тѣмъ партизанамъ стараго славянофильства, которые не могутъ простить шестидесятымъ годамъ той упорной борьбы, какую тогдашняя такъ-называемая прогрессивная партія вела противъ славянофильской школы. Очевидно, что для сколько-нибудь правильнаго сужденія о шестидесятыхъ годахъ необходима точка зрѣнія историческая. Это время, правда, еще далеко не стало, въ предѣлахъ нашей литературы, дѣйствительнымъ достояніемъ исторіи: еще слишкомъ многое, и между прочимъ весьма крупное, не могло быть изложено со всею полнотой и съ правильнымъ освѣщеніемъ фактовъ, но, во всякомъ случаѣ, многія стороны того времени уже становятся доступны для историческаго разъясненія: та эпоха, кажется, уже достаточно отдалилась, чтобы допустить безпристрастную оцѣнку. Первымъ условіемъ такого историческаго опредѣленія должно быть сравненіе данной эпохи съ предъидущей и послѣдующей. Сравненіе и теперь уже возможно въ двухъ существенныхъ областяхъ, которыми должна опредѣляться мѣра роста націи,—государства и народа,—въ области внѣшняго преуспѣянія и въ области преуспѣянія умственнаго, которое выражается литературой. Сдѣлаемъ нѣсколько указаній.

Когда въ послѣдній разъ, 19-го февраля нынѣшняго года, праздновалась (тридцатилѣтняя) годовщина 19-го февраля 1861 г. въ тѣсномъ, все болѣе рѣдѣющемъ, кружкѣ бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій и лицъ, принимавшихъ и понынѣ принимающихъ участіе въ трудахъ по устройству крестьянъ, въ этомъ собраніи произнесъ рѣчь П. П. Семеновъ. Этотъ заслуженный дѣятель и въ практической административной области, и въ наукѣ, гдѣ ему принадлежитъ неувядаемая заслуга, человѣкъ и писатель обширныхъ знаній и опыта, вспоминая великій актъ прошлаго царствованія, котораго глубокое нравственное вліяніе и дѣйствіе на умы современнаго общества мы указали сей часъ словами г. Михайловскаго,—сдѣлалъ опытъ сравнить все состояніе русскаго государства и народа съ того момента, когда порѣшена была крестьянская реформа, и до настоящаго времени, черезъ тридцать лѣтъ дѣйствія этой реформы, а также и другихъ, которыя тогда были съ нею тѣсно связаны.

„Вліяніе такой великой реформы, каково было освобожденіе крестьянъ, — говорилъ г. Семеновъ, — не можетъ [1]) измѣряться немногими десятками лѣтъ, но, однакоже, и за тридцать лѣтъ

---

[1]) Въ текстѣ рѣчи, напечатанной въ „Русской Старинѣ“, мартъ, 1891, поставлено по ошибкѣ: „можетъ“.

интересно подвести итоги о томъ, что далъ для Россіи *свободный трудъ* въ теченіе этого еще непродолжительнаго періода.

„Всѣмъ вамъ памятно, какую мрачную картину рисовали защитники крѣпостного права о томъ, что предстоитъ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ. Говорилось въ то время, что земледѣльческая наша промышленность придетъ въ совершенный упадокъ, что помѣщичье хозяйство останется безъ работниковъ, что обширныя пространства земли останутся невоздѣланными, вывозъ хлѣба за границу сократится, освобожденные крестьяне, не руководимые помѣщиками, не съумѣютъ устроить своихъ собственныхъ хозяйствъ, — однимъ словомъ, что Россія пойдетъ быстрыми шагами къ своему ослабленію и разоренію.

„Между тѣмъ, посмотримъ, что являетъ намъ Россія въ 1891 г. по сравненію съ 1861 годомъ, въ отношеніи къ различнымъ элементамъ своихъ производительныхъ силъ.

„*Народонаселеніе* Россіи почти *удвоилось* съ 1859 года. Это тѣмъ болѣе поразительно, что, какъ извѣстно по ревизіямъ текущаго столѣтія, до освобожденія крестьянъ, крѣпостное населеніе *не увеличивалось*, въ то время какъ увеличивалось число государственныхъ крестьянъ; такъ, по 6-й, 7-й, 8-й, 9-й ревизіи крѣпостное населеніе пребывало приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ же цифрахъ, между тѣмъ какъ со времени освобожденія *ростъ* бывшаго крѣпостного населенія представляетъ *замѣчательное явленіе*. Одновременно съ этимъ, ростъ городского населенія принялъ *небывалые размѣры*...

„Очевидно, что для прокормленія двойного количества населенія необходимо и двойное количество хлѣба; отсюда понятно, что производительность хлѣба увеличилась вдвое и нашъ заграничный вывозъ хлѣба увеличился въ еще бóльшей степени. Количество пахатныхъ земель, конечно, далеко не могло увеличиться въ той пропорціи, какъ хлѣбное производство, потому что земли взять не откуда, но достовѣрно то, что во всѣхъ, въ особенности степныхъ губерніяхъ, мало населенныхъ, пахатныя пространства увеличились въ очень большой пропорціи, а уменьшилось пространство пахатныхъ земель лишь въ одной московской и отчасти владимірской губерніяхъ, т.-е. именно тамъ, гдѣ необыкновенное развитіе промышленности дѣлаетъ земледѣльческія занятія невыгодными для населенія.

„Переходя къ фабричной и заводской *промышленности*, мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что она *удесятерилась*, между прочимъ, и вслѣдствіе того, что потребителемъ фабричныхъ произведеній до 1861 года былъ одинъ лишь образованный классъ, между тѣмъ

какъ въ настоящее время потребителемъ произведеній фабрикъ и заводовъ на Руси являются милліоны освобожденнаго народа"...

Г. Семеновъ переходитъ потомъ къ финансовому положенію государства, гдѣ бюджетъ увеличился за это время въ четыре раза, и затѣмъ продолжаетъ:

„Переходя къ росту Россіи въ *духовномъ отношеніи* за послѣднее тридцатилѣтіе, мы видимъ, что *грамотность* увеличилась не менѣе, чѣмъ въ четыре раза. До освобожденія крестьянъ едва ли можно было насчитать болѣе 5 милліоновъ грамотныхъ въ Россіи. Теперь на Руси читаютъ и пишутъ значительно болѣе 20 милліоновъ.

„Освобожденіе крестьянъ вызвало за собой цѣлый рядъ реформъ, совершенно обновившихъ духовную жизнь Россіи,—реформъ, о которыхъ я здѣсь не буду распространяться: онѣ вамъ хорошо вѣдомы. Всѣмъ извѣстно, что *армія* есть непосредственное произведеніе народныхъ массъ. Намъ предсказывали въ 1861-мъ году, что съ упраздненіемъ крѣпостного права боевая сила Россіи придетъ въ упадокъ, и между тѣмъ—чѣмъ является передъ нами армія свободнаго русскаго народа? Вспомнимъ 1876—1878 года, когда она явилась на борьбу не съ одною Турціей, но съ мощной Англіей, турецкими руками боровшейся съ Россіей, между тѣмъ какъ у насъ въ тылу стояла Австрія, готовая при полной нашей неудачѣ обратиться противъ насъ. И что же? русская армія не только доблестно исполнила свое дѣло, но и нѣсколькими блестящими побѣдами завоевала подъ Царьградомъ С.-Стефанскій договоръ между тѣмъ какъ доблестная армія крѣпостной Россіи только легла костьми подъ дымящимися развалинами Севастополя".

Тѣ же громадные успѣхи, какіе представляетъ внѣшнее развитіе государственныхъ силъ, г. Семеновъ указываетъ въ духовномъ развитіи русскаго общества.

„Въ области наукъ и искусствъ,—говоритъ онъ,—въ разсматриваемый періодъ Россія сдѣлала необычайные шаги. Я помню то время, когда въ началѣ 1850-хъ годовъ, во время пребыванія моего въ берлинскомъ университетѣ, иностранцы, нерѣдко отдавая справедливость способностямъ и разностороннему образованію немногихъ русскихъ, учившихся за границей, съ удивленіемъ спрашивали, почему всѣ эти силы и дарованія, въ предѣлахъ собственнаго отечества, не производятъ въ сферѣ наукъ ничего выдающагося? И дѣйствительно, нельзя было не сознаться, что силы эти въ предѣлахъ Россіи, по отношенію къ наукѣ,

дѣлались въ то время почти нулевыми. Между тѣмъ, за истекшій тридцатилѣтній періодъ наука въ Россіи сдѣлала такіе успѣхи, что получила полное и всѣми признанное право гражданства во всемъ образованномъ мірѣ.

„То же самое мы видимъ и въ области *искусства*. Въ то время, когда не далѣе еще какъ въ 1840-хъ годахъ лучшіе наши художники, подобно Брюлову и другимъ, не только представляли единичныя явленія, но являлись только яркимъ отблескомъ школъ иностранныхъ, а самобытной русской школы не существовало, мы видимъ теперь съ каждымъ годомъ, что въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія русскіе художники пошли вполнѣ самостоятельнымъ путемъ и создали дѣйствительно самобытную русскую школу.

„Въ области *литературы* произведенія также русскихъ художниковъ являются настолько оригинальными, что весь міръ является потребителемъ произведеній такихъ писателей, какъ Достоевскій, графъ Левъ Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій, и многихъ другихъ, не только такихъ первоклассныхъ русскихъ писателей, каковы названные нами, но потребителемъ произведеній и второстепенныхъ, безспорно, однако, талантливыхъ, нашихъ же писателей".

Общій выводъ г. Семенова таковъ:

„Обращаясь къ прошлому и сравнивая Россію двухъ разныхъ эпохъ, нельзя не замѣтить, что между Россіей, какою оставилъ своему преемнику императоръ Александръ I, и Россіей, принятой отъ императора Николая императоромъ Александромъ II, несмотря на то, что въ періодъ времени отъ 1825 по 1855 годъ во главѣ нашего отечества стоялъ столь могучій и съ твердой волей государь, какимъ былъ императоръ Николай I, стремившійся, какъ и Александръ II, ко благу и величію своего государства, нѣтъ такой разницы, которая бы свидѣтельствовала о сколько-нибудь значительномъ ея успѣхѣ, въ теченіе тридцатилѣтія, предшествующаго нами разсматриваемому періоду; напротивъ, Россія послѣ севастопольской войны, т.-е. 1855 года, не представляетъ поразительнаго различія съ Россіей 1825 года, т.-е. въ эпоху воцаренія императора Николая, между тѣмъ какъ различіе между Россіей 1861 и 1891 годовъ по-истинѣ поразительно!

„Въ чемъ же кроется причина этого различія?

„Не въ томъ ли, что всѣ усилія обладавшаго желѣзной волей государя Николая I разбивались объ одну непреодолимую преграду, которая была не что другое, какъ *крѣпостное право*;

между тѣмъ какъ послѣднее тридцатилѣтіе начинается великимъ актомъ 19 февраля 1861 г.?"

То, что̀ означено здѣсь только самыми общими чертами, могло бы быть развито въ замѣчательную картину глубокаго измѣненія не только въ матеріальномъ, но и нравственно-общественномъ бытѣ,—картину въ своемъ родѣ единственную въ нашей исторіи и которую можно было бы сравнивать только съ подобными успѣхами нашей общественности въ эпохи Петра, а потомъ Екатерины II. Мы не обольщаемся относительно прочности и распространенности этого измѣненія,—старое время слишкомъ часто давало себя знать своими возвратами,—но въ широкихъ чертахъ жизни, въ бытовыхъ, умственныхъ и нравственныхъ формахъ, обычаяхъ и стремленіяхъ это измѣненіе не подлежитъ сомнѣнію и было необычайно. Довольно указать на то вліяніе, какимъ отражалось въ умахъ и нравахъ преобразованіе суда, введеніе земскихъ учрежденій, извѣстное расширеніе практическаго круга дѣятельности печати и т. д.; образовались обычаи и потребности, совершенно невѣдомые прежнему времени; массѣ общества открылись неслыханные прежде интересы общественнаго мнѣнія, въ невиданной степени развилась общественная самодѣятельность, какъ въ области чисто практической (акціонерныя предпріятія, постройка желѣзныхъ дорогъ и т. п.), такъ и въ области интересовъ умственныхъ, какъ заботы о народномъ образованіи и проч.

Литература шестидесятыхъ годовъ была именно отраженіемъ этого переворота, совершавшагося въ различныхъ областяхъ государственной, общественной и народной жизни, и тѣмъ орудіемъ, которое служило для проведенія въ массу новыхъ понятій. Ея историческое значеніе опредѣляется такимъ же сравненіемъ ея съ предъидущими эпохами, какое дѣлалъ г. Семеновъ между нынѣшнимъ состояніемъ русской жизни и временами Александра I и Николая. Нынѣшніе строгіе критики литературы и общественныхъ явленій шестидесятыхъ годовъ забываютъ именно объ этомъ сравненіи; между тѣмъ довольно сличить то время съ его непосредственными антецедентами, чтобы видѣть и громадную разницу, и большую заслугу послѣдней эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, приходилось строиться въ пустынѣ, по выраженію г. Михайловскаго. Прежній режимъ литературы, гдѣ она едва существовала подъ гнетомъ надзора—теперь почти невѣроятнымъ—ограничивалъ ея содержаніе такимъ минимальнымъ объемомъ, что теперь, при всѣхъ современныхъ неудобствахъ литературы, трудно понять, въ чемъ могъ заключаться ея серьезный

интересъ для читателей, какъ могла она оказывать свое воспитательное дѣйствіе, которое, однако, было. Теперь есть еще не мало людей, которымъ памятно то положеніе вещей, и современные мемуары, въ родѣ записокъ Никитенка, разсказываютъ объ этомъ достаточно для тѣхъ, кто не зналъ того времени личнымъ опытомъ. Предѣлы литературы были ограничены до послѣдней степени, а съ тѣмъ вмѣстѣ было, конечно, ограничено ея содержаніе, объемъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ позволялось знать и мыслить русскому читателю. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Предметы религіозно-нравственнаго характера, которые теперь все-таки болѣе или менѣе доступны для обыкновеннаго литературнаго изложенія, въ то время были абсолютно устранены изъ обращенія и возможны были только въ спеціальныхъ церковныхъ книгахъ. Рядомъ съ этимъ въ литературѣ было совершенно недоступно изложеніе тѣхъ основъ естествознанія, гдѣ оно какимъ-либо образомъ соприкасалось съ традиціонными представленіями старыхъ учебниковъ. Допущеніе этихъ предметовъ въ литературу въ шестидесятыхъ годахъ казалось тогда особымъ пріобрѣтеніемъ, побѣдой. Замѣтимъ при этомъ, что у насъ не однажды указывалось на особое пристрастіе къ естествознанію, отличавшее шестидесятые года; сколько разъ надъ нимъ даже подшучивали, представляя въ смѣшномъ видѣ эту погоню за Фохтомъ и Молешоттомъ, которыхъ жадно читали даже барышни, и т. п.; но забывалось одно, что причина этого особаго интереса заключалась въ томъ, что до тѣхъ поръ эти предметы совсѣмъ отсутствовали въ литературѣ, что такія отрасли знанія, какъ геологія, палеонтологія, біологія и пр., были запрещеннымъ плодомъ, что такимъ образомъ закрыта была возможность знакомиться съ предметами, интересъ къ которымъ составлялъ бы основную и элементарную потребность знанія. Сочиненія по геологіи подлежали духовной цензурѣ, и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ поднята была, напримѣръ, цензурная тревога по поводу невинныхъ публичныхъ лекцій московскаго профессора Рулье, въ которыхъ усматривалось противорѣчіе съ библіей. Г. Михайловскій, пересматривая содержаніе сочиненій г. Шелгунова за то время, замѣчаетъ, что въ новомъ изданіи ихъ исключено многое, относившееся къ естествознанію: это понятно,—въ шестидесятыхъ годахъ естественно-историческія объясненія могли иной разъ понадобиться даже публицисту, какимъ былъ г. Шелгуновъ, и онъ могъ считать подобныя объясненія ненужными теперь, когда по этому предмету собралась уже значительная спеціальная литература, отчасти своя, а еще болѣе того переводная. Далѣе, изъ прежней литературы

были совершенно исключены предметы политическіе, какъ вопросы внѣшней политики, такъ и вопросы политики внутренней, экономическіе и соціальные. Газеты въ ихъ нынѣшнемъ видѣ не существовали; только изданія оффиціальныя, а изъ частныхъ одна пресловутая „Сѣверная Пчела“, могли сообщать извѣстія о внѣшней политикѣ, конечно, всегда должнымъ образомъ процѣженныя и подобранныя; обыкновенный журналъ не могъ бы и помыслить вдаваться въ разсужденія о подобныхъ предметахъ, какъ не подобавшія частнымъ людямъ. Политическіе отдѣлы, какіе имѣетъ теперь каждый значительный журналъ, въ то прежнее время были совершенно неизвѣстны, и понятно, сколько свѣденій, хотя бы чисто фактическихъ, распространилось въ обществѣ уже однимъ появленіемъ этихъ отдѣловъ. Не менѣе опасными и потому недозволительными считались разсужденія о внутреннихъ дѣлахъ. Политическая экономія („народное хозяйство“) считалась наукой опасной; преподаваніе ея въ университетахъ обставлялось предосторожностями, политико-экономическія статьи въ журналахъ возбуждали подозрѣнія цензоровъ и проходили въ печать только при совершенной невинности, т.-е. удаленіи отъ какихъ-нибудь живыхъ интересовъ русскаго быта. Политическая экономія была подозрительна по своему сосѣдству съ соціализмомъ, а одно имя послѣдняго отождествлялось съ покушеніемъ на самыя основы человѣческаго общества. Фантастическія книги французскихъ соціалистовъ, состоявшія въ чисто отвлеченныхъ мечтаніяхъ о будущемъ, имѣющемъ наступить неизвѣстно черезъ какіе вѣка, имѣли самую фатальную репутацію; имѣніе у себя и чтеніе подобныхъ книгъ приравнивались (какъ въ дѣлѣ Петрашевскаго) почти къ непосредственному покушенію противъ государственнаго порядка. Потомъ, какъ извѣстно, эти страшныя теоріи были подробно изложены даже русскими историками соціальныхъ ученій безъ всякой опасности для государства, нашедши, конечно, и приличное опроверженіе. Въ шестидесятыхъ годахъ, къ вопросамъ западной экономической жизни обращался, между прочимъ, и Шелгуновъ, и въ настоящемъ собраніи его сочиненій помѣщена обширная статья о рабочемъ пролетаріатѣ во Франціи и Англіи (1861), которую г. Михайловскій считаетъ даже первою по времени въ нашей литературѣ, приписывая Шелгунову починъ въ этомъ предметѣ; послѣднее, впрочемъ, не точно, такъ какъ за нѣсколько лѣтъ раньше писалъ о томъ Владиміръ Милютинъ.

Было окружено подозрѣніями даже изложеніе самой русской исторіи. Обязательная точка зрѣнія была карамзинская, впослѣдствіи изложенная и проведенная до новѣйшихъ временъ въ формѣ

учебника Устряловымъ. Въ этой исторіи старательно устранялись всѣ диссонансы, которые выдавали бы въ ней бурныя столкновенія жизненныхъ элементовъ; въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ даже систематически устранялось изложеніе смутныхъ эпохъ, народныхъ волненій, такъ что цѣлые періоды, цѣлыя области народной исторіи полагались несуществовавшими. Понятно, что исторія, которая при этомъ получалась, представляла нѣчто очень странное, исполненное лицемѣрныхъ урѣзовъ и умолчаній, и изображала сложную судьбу великаго народа какъ бы съ точки зрѣнія управы благочинія, но не науки. Спеціалисты-историки того времени всего больше заняты были древними періодами (именно въ это время усиленно заботились о разъясненіи норманскаго вопроса), и имъ, по абсолютной невозможности дѣла, не приходила даже мысль, что кромѣ древнихъ вѣковъ требовали бы историческаго объясненія и самые новѣйшіе вѣка. Въ исторіи новаго времени почти исключительно господствовала исторія военная, и опять не было даже мысли, что необходима не меньше исторія внутренняя, исторія бытовыхъ формъ и понятій, какъ онѣ сложились до настоящей минуты и создавали все современное состояніе государства, общества и народа... Въ ряду сочиненій г. Шелгунова мы находимъ, между прочимъ, обширныя статьи по русской исторіи, хотя онъ никогда не занимался спеціально этимъ предметомъ (напр., „Россія до Петра I"); въ его воспоминаніяхъ мы находимъ объясненіе, почему онъ счелъ нужнымъ бесѣдовать со своими читателями, между прочимъ, и о русской исторіи. Дѣло въ томъ, что у людей своего поколѣнія, даже по тогдашнему образованныхъ, онъ именно встрѣчалъ чрезвычайно малое знакомство именно съ этой внутренней исторіей русской жизни, которая объясняла бы формы современной жизни. По нынѣшнему, эти статьи представляютъ обыкновенное популярное изложеніе, но въ то время, очевидно, требовалось объяснять основные факты бытовой исторіи, которые устраняемы были изъ прежней исторіографіи. Можно сказать, что съ шестидесятыхъ годовъ наша историческая литература впервые распространяется на цѣлый объемъ своей задачи, хотя далеко не достигла его и по настоящее время.

Подобнымъ образомъ до крайности неполны и односторонни были тѣ свѣденія, какія имѣлись въ нашей литературѣ по новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ. Само университетское преподаваніе этого предмета съ конца сороковыхъ годовъ подверглось крайне подозрительному надзору, который дѣлалъ невозможнымъ серьезное научное изложеніе. И здѣсь, какъ въ рус-

ской исторіи, исключалось именно то, въ чемъ выражалась внутренняя жизнь европейскихъ обществъ, та борьба общественныхъ элементовъ, то развитіе философскихъ и политическихъ идей, въ которыхъ состояла новѣйшая исторія Европы и гдѣ былъ источникъ умственной жизни самого русскаго общества. Исторія послѣднихъ вѣковъ, начиная съ реформаціи, и особливо исторія новѣйшая съ конца прошлаго столѣтія извѣстны были только крайне отрывочно или совсѣмъ неизвѣстны. Еще въ пятидесятыхъ годахъ съ немалымъ трудомъ проходили въ нашу печать даже такіе спокойные историческіе трактаты, какъ „Разсказы изъ исторіи Англіи“ Маколея. Содержаніе европейской мысли, въ философскихъ и политическихъ теоріяхъ, даже въ произведеніяхъ чистой поэзіи, доходило къ намъ только въ чрезвычайно ослабленныхъ, неясныхъ, отрывочныхъ отголоскахъ и доступно было въ извѣстной степени только немногимъ единицамъ... Почти смѣшно читать въ литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, а затѣмъ и въ литературѣ современной эпохи негодующія жалобы людей извѣстнаго направленія на тогдашнее распространеніе такъ-называемаго „западничества“; можно подумать, что въ самомъ дѣлѣ происходилъ у насъ какой-нибудь безмѣрный наплывъ западныхъ идей, стѣснявшій наши собственныя національныя мысли. Достаточно оглянуться на факты, чтобы убѣдиться, что эти послѣднія были чрезвычайно умѣренны, и что „западничество“, столь пугавшее своимъ мнимымъ крайнимъ преобладаніемъ, ограничивалось, въ сущности, весьма скромнымъ заимствованіемъ изъ европейской литературы немногихъ основныхъ и въ томъ числѣ весьма элементарныхъ познаній философскихъ, историческихъ и литературныхъ (до второй половины пятидесятыхъ годовъ, какъ упомянуто выше, въ этотъ небольшой запасъ не могли входить даже познанія естественно-историческія).

Мы замѣчали, что въ этомъ стѣсненномъ знакомствѣ съ европейской наукой весьма печальную роль играли, между прочимъ, изученія философскія. Въ университетскомъ преподаваніи философія поставлена была крайне скуднымъ образомъ или совсѣмъ отсутствовала. Послѣ сорокъ-восьмого года она и совсѣмъ была устранена, замѣненная преподаваніемъ логики и психологіи, которое поручено было профессору богословія. Философскіе труды, которые производили тогда сильное впечатлѣніе въ европейской литературѣ, у насъ большею частью подвергнуты были строжайшему запрещенію,—этотъ остракизмъ часто лежитъ на нихъ и до сихъ поръ; понятно, что запрещенный плодъ казался тѣмъ болѣе привлекательнымъ, когда являлась возможность добыть завѣтную

книгу, но ея содержаніе и все-таки не входило правильно въ литературу. Нѣтъ ничего мудренаго, что иной разъ завѣтная книга попадала въ руки людей, неспособныхъ понять ее серьезно и схватывавшихъ изъ нея только отдѣльныя мысли, рѣзко противорѣчащія общепринятымъ. Ненавистники шестидесятыхъ годовъ не однажды набрасывались на подобныя увлеченія, распространяя свое осужденіе на всю эпоху, на все ея многознаменательное содержаніе; но прискорбно здѣсь не это, быть можетъ, иногда неразумное, увлеченіе отдѣльныхъ лицъ, а то состояніе литературы, при которомъ она не могла нормальнымъ образомъ познакомиться съ содержаніемъ европейской науки и самостоятельно переработать его собственными силами...

Можно было бы чрезвычайно размножить примѣры, которые указывали бы состояніе тогдашней литературы; но и приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, въ какихъ условіяхъ застали наше общество событія, которыя вдругъ открыли нѣсколько больше простора какъ для мысли и знанія, такъ и для общественной самодѣятельности. Первое впечатлѣніе этого, давно или никогда прежде неиспытаннаго, простора было таково, что наступившее время казалось новою эрой, полнымъ отрицаніемъ всего, что̀ было гнетущаго въ прежней системѣ, твердой опорой для будущаго свободнаго и широкаго развитія. Какъ вѣрно объяснялъ г. Михайловскій, эта великая мысль, „освобожденіе крестьянъ“, наполняла умы настоящимъ энтузіазмомъ; какъ будто не хотѣли видѣть, что дѣйствительность жизни еще не настолько измѣнилась, чтобы можно было питать эти радужныя надежды; очень часто даже въ тѣ годы эта дѣйствительность напоминала о себѣ самымъ недвусмысленнымъ образомъ, но полагалось, что это только уходящіе остатки стараго, которые скоро устранятся совсѣмъ и дадутъ обществу и затѣмъ народу, освобожденіе котораго предвидѣлось въ ближайшемъ будущемъ, идти тѣмъ широкимъ путемъ преуспѣянія, какой обѣщала, повидимому, великая возвѣщенная реформа.

Съ этого историческаго момента существенно измѣняется характеръ литературы, который имъ и опредѣляется. Не однажды говорили у насъ о томъ, кому собственно принадлежитъ заслуга того прогрессивнаго движенія, которое совершалось въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ въ государственныхъ преобразованіяхъ и въ литературѣ; говорилось при этомъ, что это была именно заслуга людей сороковыхъ годовъ, которые воспитали умы для новаго освободительнаго движенія и приготовили людей для исполненія реформъ. Въ дѣйствительности да-

вать такія точныя опредѣленія очень мудрено, даже невозможно. Движеніе было такъ сильно, что оно охватывало тогда людей всѣхъ наличныхъ поколѣній: были здѣсь дѣйствительно настоящіе люди сороковыхъ годовъ, которые были дѣятелями самой литературы сороковыхъ годовъ и теперь стали, между прочимъ, активными участниками въ разъясненіи и рѣшеніи крестьянскаго вопроса (назовемъ Заблоцкаго, Кавелина, Самарина, и пр.); были люди того же или даже болѣе стараго поколѣнія (какъ, напр., самъ Ростовцевъ), которые передъ тѣмъ были даже довольно равнодушны къ вопросу, но теперь увлекались въ движеніе общимъ настроеніемъ минуты; были, наконецъ, люди совсѣмъ молодые, которые въ сущности остались даже внѣ прямого вліянія сороковыхъ годовъ и знали о нихъ только по наслышкѣ. Такимъ же образомъ въ новой литературѣ приняли участіе самыя разнородныя силы: и люди старыхъ литературныхъ кружковъ, которые въ наступавшихъ реформахъ могли видѣть исполненіе давнишнихъ мечтаній, и люди новаго поколѣнія, воспитавшіеся совсѣмъ независимо отъ нихъ. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу воспоминаній г. Фета, мы имѣли случай указывать, что иные, самые патентованные люди сороковыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывались даже позади движенія: они такъ привыкли пребывать въ чисто теоретическихъ стремленіяхъ, что имъ становились непонятны тѣ умственные и общественные запросы, какіе сказывались въ болѣе молодомъ поколѣніи; имъ непонятно было, что когда заявляла о себѣ самая жизнь, то она по необходимости могла и должна была проявляться въ самыхъ разнообразныхъ стремленіяхъ; мы видѣли, что нѣкоторые изъ этихъ патентованныхъ людей сороковыхъ годовъ вскорѣ даже открыто переходятъ въ лагерь стараго застоя и реакціи. Съ другой стороны, такіе же люди сороковыхъ годовъ не только въ шестидесятыхъ годахъ, но и послѣ остались ревностными защитниками новаго направленія русской жизни, въ союзѣ съ людьми новыхъ поколѣній, выросшихъ уже въ новой школѣ и на новыхъ опытахъ нашей дѣйствительности.

Содержаніе новой литературы естественно опредѣлялось потребностями данной минуты, то-есть цѣлой исторической эпохи. Это содержаніе было, съ одной стороны, отрицательное, съ другой —положительное. Ненавистники шестидесятыхъ годовъ множество разъ вооружались противъ этого „отрицанія“, которое приписывалось эгоистическому раздраженію или даже отсутствію патріотизма, но опять достаточно обратиться къ историческимъ условіямъ, чтобы увидѣть всю естественность, законность, даже не-

обходимость этого отрицанія. Современникамъ той эпохи должно быть памятно впечатлѣніе, какое производили на умы, отъ самыхъ вершинъ и до самыхъ скромныхъ областей нашего общества, событія Крымской войны: обычная увѣренность, даже самоувѣренность, съ какою и правительство, и общество относились сначала къ предстоявшей войнѣ, уже вскорѣ послѣ первыхъ столкновеній стали колебаться; стало закрадываться сомнѣніе, точно ли мы такъ хорошо приготовлены къ войнѣ, точно ли въ нашемъ военномъ дѣлѣ, которое въ то царствованіе было первымъ дѣломъ, мы стоимъ наравнѣ съ его успѣхами въ Европѣ. Сомнѣнія мало-по-малу, и даже довольно скоро, смѣнились убѣжденіемъ, что наше военное дѣло представляетъ весьма крупные недостатки, и какъ ни были утѣшительны для патріотическаго чувства военные подвиги, свидѣтельствовавшіе о неизмѣнномъ мужествѣ русскаго войска, о его необычайномъ героизмѣ, какъ въ знаменитую севастопольскую осаду, но это нравственное удовлетвореніе помрачалось все болѣе очевидными доказательствами всякаго рода неустройствъ, скрывавшихся прежде подъ формальною исправностью. Неудача войны все болѣе тѣсно связывалась съ мыслью о неудовлетворительности всей прежней системы. Признаніе этого факта было тогда одинаковымъ дѣломъ и правительства, и общества, и было, безъ сомнѣнія, нравственнымъ актомъ, заслуживавшимъ полнаго уваженія. Если разъ была признана ошибка старой системы, то становилось очевидною потребностью выяснить эти ошибки: здѣсь и былъ главный источникъ того „отрицанія“ и той „обличительной литературы“, которыя особенно развиваются въ это время. Основаніемъ ихъ было такимъ образомъ признаніе заблужденія, всегда почтенное, и стремленіе къ лучшему порядку вещей, который обезпечивалъ бы правду, а затѣмъ и самое благо государства и народа, матеріальное и нравственное. Направленіе вышло по необходимости отрицательнымъ, съ одной стороны, когда литература по естественному интересу обращалась къ тѣмъ предметамъ, которые до тѣхъ поръ старательно скрываемы были отъ гласности и общественнаго мнѣнія, съ другой—когда то время вообще руководилось желаніемъ раскрыть тѣ внутреннія болѣзни и недостатки, которые были созданы прежнимъ порядкомъ вещей и отразились недавно такою печальною военно-политической неудачей. Очевидно, что въ этомъ смыслѣ (а другого оно и не имѣло) „отрицательное направленіе“ не только не было недостаткомъ патріотизма, но было именно однимъ изъ самыхъ страстныхъ его выраженій. Дѣло въ томъ, что и въ то время не было недостатка

въ людяхъ, которые, по старой привычкѣ, всякое осужденіе какого-либо существующаго явленія приписывали злонамѣренности, такъ что и тогда раскрытіе тѣхъ или другихъ золъ нашей общественной гражданской жизни вовсе не давалось легко, а вскорѣ потомъ, уже съ первой половины шестидесятыхъ годовъ, когда за реформаторскимъ движеніемъ наступилъ періодъ реакціи, это направленіе навлекало на себя уже и весьма серьезныя стѣсненія и преслѣдованія. Нужно было не мало внутренняго убѣжденія, чтобы остаться вѣрнымъ этому направленію, гдѣ видѣлась общественная правда и залогъ преуспѣянія, когда кругомъ очевидно ослабѣвалъ общественный порывъ, одушевлявшій первые годы прошлаго царствованія, и взамѣнъ исканія общественной правды все сильнѣе заявляли себя старые эгоистическіе интересы. Съ теперешней точки зрѣнія, когда такъ или иначе значительно выросъ опытъ литературный и общественный, объемъ тогдашняго „отрицанія" въ большинствѣ случаевъ окажется далеко не столь обширнымъ, какъ о немъ говорила молва, и во всякомъ случаѣ столь умѣреннымъ, что литература могла бы переработать его собственными средствами безъ какихъ-нибудь экстренныхъ мѣръ. Предметы, на которые направлялось „отрицаніе", извѣстны: въ сущности, это были тѣ самыя явленія, несостоятельность которыхъ признана была самою правительственной властью, когда она возъимѣла мысль преобразованій. Планъ освобожденія крестьянъ раскрылъ государственную и нравственную невозможность крѣпостного права, и не были ли по своему времени отрицаніемъ „Записки Охотника" Тургенева, которыя еще въ концѣ сороковыхъ годовъ пытались затронуть этотъ вопросъ? Судебная реформа не была ли открытымъ указаніемъ на невозможность прежней формы суда, которая была источникомъ такихъ неправдъ, продажи правосудія, порчи чиновничества и самого общества? Дальнѣйшее изображеніе административныхъ злоупотребленій, грубости господствующихъ нравовъ, лихоимства и т. д. были только продолженіемъ тѣхъ же стараній раскрывать существующее положеніе вещей, чтобы новое освѣжающее начало могло проникнуть и въ тѣ области жизни, куда оно еще не достигало, и т. д. Теперь нерѣдко извращаютъ это прошедшее, представляя дѣло такъ, что отрицательное направленіе принадлежало будто бы именно только такъ-называемой „либеральной" партіи: это совершенно несправедливо. Съ конца сороковыхъ годовъ, потомъ въ пятидесятыхъ и далѣе, тому же отрицанію болѣзненныхъ и ненормальныхъ явленій нашей жизни служило и самое славянофильство. Извѣстные стихи Хомякова, недавно изданныя

стихотворенія Ивана Аксакова (гдѣ, между прочимъ, въ до-реформенную эпоху, онъ восклицалъ: „разбейтесь, силы, вы ненужны" и т. п.), дѣятельность „Р. Бесѣды", „Дня", „Москвы" и проч., убѣждають всякаго безпристрастнаго человѣка, что славянофильство не меньше „западничества", и иногда совершенно паралельно съ нимъ, вооружалось противъ тѣхъ явленій нашей жизни, которыя противорѣчили основнымъ интересамъ общества, и настаивало на необходимости извѣстной свободы общественнаго мнѣнія и самодѣятельности. Повторяемъ, во множествѣ случаевъ подобнаго рода оба лагеря совпадали; разница начиналась лишь тамъ, гдѣ оба искали средства исцѣленія, гдѣ они строили идеалы лучшаго будущаго.

Другую сторону литературы шестидесятыхъ годовъ представляли ея стремленія положительныя. Здѣсь именно начиналась забота—„строиться въ пустынѣ". Не будемъ говорить о томъ, какой трудъ положенъ былъ тогда на объясненіе чисто практическихъ вопросовъ нашей жизни, гдѣ литература, въ духѣ предпринимавшихся реформъ, старалась разъяснять необходимость новыхъ учрежденій. Ограничимся замѣчаніемъ, что если представлялось здѣсь множество разнообразныхъ подробностей, на которыя и не распространялась правительственная программа, если ожиданія извѣстной части общества шли дальше этой программы и забѣгали впередъ, то это было вполнѣ естественно: это опять было исканіе идеала, безъ котораго литература оставалась бы безжизненной записью фактовъ. Практическій бытъ нигдѣ и никогда не шелъ вровень съ этими идеалами, но они всегда указываютъ жизненность развитія, ставятъ обществу все болѣе высокія цѣли. Неудивительно, что при этомъ самые идеалы впадали иногда въ неисполнимое, даже фантастическое; то и другое опять бывало вездѣ и достаточно устранялось практикою жизни и исторіи, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ идеалахъ заключалось и глубоко благотворное вліяніе нравственнаго и умственнаго возбужденія. Итакъ, внѣ этихъ вопросовъ непосредственной бытовой дѣйствительности, тогдашняя литература имѣла передъ собой обширную задачу—общеобразовательную. Было слишкомъ много пробѣловъ въ простыхъ образовательныхъ познаніяхъ. Мы видѣли выше, какими минимальными средствами владѣла литература до-реформенная. До нея доходили вообще только отрывочные отголоски европейскаго знанія, цѣлые отдѣлы науки въ ней просто отсутствовали, и безпристрастный наблюдатель того времени увидитъ, что кромѣ живѣйшаго интереса къ общественнымъ дѣламъ, въ тогдашнемъ обществѣ сказалась еще

въ усиленныхъ размѣрахъ простая *любознательность*, стремленіе пополнить тѣ скудныя свѣденія, какія доставляла прежняя литература и даже университетская наука. Выше мы указывали, что множество такихъ пробѣловъ представляли едва ли не всѣ отрасли науки безъ исключенія: и философія, и естествознаніе, и исторія, и науки политическія, и наконецъ сама русская исторія и русское народовѣденіе. Литература, конечно, не въ состояніи была бы пополнить эти пробѣлы собственными средствами, самостоятельными трудами самихъ русскихъ ученыхъ: извѣстно, что она переполняется въ это время массою переводовъ, а также множествомъ популярныхъ изложеній. Ревность къ пополненію этихъ образовательныхъ свѣденій, какъ извѣстно, доходила до того, что Писаревъ, недовольный произведеніями Салтыкова, считалъ, что ему слѣдовало бы заняться именно составленіемъ популярныхъ книгъ, напримѣръ, по естествознанію. Новѣйшіе строгіе критики находятъ и здѣсь поводъ ополчаться противъ того времени и подшучивать надъ этой погоней за „послѣдними словами науки", надъ этимъ торопливымъ стремленіемъ усвоивать „западное" знаніе, причемъ это усвоеніе оказывалось иногда крайне поверхностнымъ. Но гдѣ же вина этого положенія вещей? Все то, на что съ такимъ любопытствомъ набрасывались тогдашніе читатели, было совершенно ново въ нашей литературѣ, любознательность была совершенно законна, и если являлось при этомъ много поверхностнаго, то причина лежала въ до-реформенномъ положеніи вещей, когда литература, крайне стѣсненная, не могла служить этимъ потребностямъ въ знаніи, и читатель пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ оставался по необходимости неподготовленнымъ. Но для правильной оцѣнки того времени не слѣдуетъ забывать, что рядомъ съ этимъ шли положительные успѣхи спеціальной науки. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, по поводу книжки г. Модестова [1]), какіе, сравнительно съ прежнимъ, необычайные успѣхи сдѣлала наша университетская наука съ тѣхъ поръ, какъ, въ тѣ же годы, еще одна реформа, университетскій уставъ 1863 года, доставила возможность болѣе свободнаго развитія для нашей науки; мы указывали прежде, какими успѣхами сопровождалось то новое положеніе, какое создано было нѣкоторой автономіей университетовъ, поѣздками нашихъ молодыхъ ученыхъ за границу, научными съѣздами, основаніемъ ученыхъ обществъ. Съ другой стороны, русская литература съ тѣхъ же поръ сдѣлала прочное пріобрѣтеніе въ видѣ множества переводовъ

---

[1]) См. Литер. Обозрѣніе, „В. Е.", 1890, августъ.

чисто научныхъ трудовъ, замѣчательный рядъ которыхъ представляютъ, напримѣръ, многочисленныя изданія г. Солдатенкова.

Таково было время, когда началъ свою дѣятельность г. Шелгуновъ. Его труды, собранные въ настоящемъ изданіи, носятъ на себѣ именно печать тѣхъ стремленій, какія одушевляли тогдашнее молодое литературное поколѣніе. Вполнѣ проникнутый одушевленіемъ, охватившимъ въ особенности эти поколѣнія въ эпоху реформъ, онъ посвятилъ свои силы той работѣ, какая, по его мнѣнію, была необходима въ тогдашнемъ положеніи русскаго общества; этому обществу, какъ мы видѣли, недоставало знанія многихъ самыхъ основныхъ положеній общественныхъ наукъ, недоставало во многихъ случаяхъ простыхъ общеобразовательныхъ свѣденій; онъ поражался незнакомствомъ нашего общества съ новой европейской и даже русской исторіей и т. д. Онъ сталъ публицистомъ и популяризаторомъ. Пересматривая настоящее собраніе его сочиненій, куда, замѣтимъ опять, не вошло очень много его трудовъ, имѣвшихъ слишкомъ временный интересъ, мы находимъ слѣдующіе отдѣлы: статьи историческія, по исторіи русской и всеобщей—о значеніи европейскаго запада, прошедшемъ и будущемъ европейской цивилизаціи, о Россіи до Петра Великаго, объ историческомъ прогрессѣ, о чувствѣ свободы; далѣе статьи общественно-педагогическія—о разныхъ вопросахъ воспитанія и педагогической психологіи; статьи спеціально-экономическія; рядъ критическихъ статей—по литературѣ русской и западно-европейской; статьи публицистическія — по различнымъ вопросамъ современной общественности и литературы; наконецъ, воспоминанія, которыя доставятъ будущему историку много характерныхъ указаній о пережитомъ имъ времени.

Мы не будемъ входить въ подробности объ этихъ трудахъ г. Шелгунова: нашей цѣлью было не разбирать тѣ или другія частности его взглядовъ, а лишь указать общія черты писателя, который въ особенности можетъ быть поставленъ въ рядъ характеристическихъ писателей шестидесятыхъ годовъ. Идеямъ и стремленіямъ тѣхъ годовъ онъ остается вѣренъ до конца, не потому, что онъ застылъ разъ навсегда въ понятіяхъ своей молодости, оставаясь безучастнымъ къ дальнѣйшему прогрессу общества, но потому, что его старое міровоззрѣніе кажется ему до сихъ поръ правильнымъ, что для русскаго общества до сихъ поръ, какъ прежде, необходимы тѣ понятія, какія литература вносила въ него тридцать лѣтъ тому назадъ. Внѣшняя жизнь общества испытала съ тѣхъ поръ множество перемѣнъ, вмѣстѣ съ тѣмъ произошли крупныя перемѣны и въ его внутреннемъ настроеніи; но,

по мнѣнію нашего писателя, эти перемѣны происходили слишкомъ часто не въ пользу истинныхъ интересовъ общественнаго развитія. Въ шестидесятыхъ годахъ нашъ авторъ былъ величайшимъ идеалистомъ; онъ не утратилъ идеализма и теперь, но онъ не понимаетъ современнаго молодого поколѣнія, на которомъ, нечувствительно для него самого и не къ его выгодѣ, остался осадокъ различныхъ пережитыхъ въ промежуткѣ мрачныхъ общественныхъ явленій. Нѣкогда молодыя поколѣнія, и съ ними нашъ писатель, одушевлялись восторженными стремленіями къ широкому свободному развитію нашей общественности, мечтали о томъ, что нѣкогда водворится въ ней господство просвѣщенія и соціальной справедливости, мечтали, рискуя преувеличеніями и ошибками, но проникнутые вѣрою въ идеалъ и желаніемъ служить общенародному благу; теперь нашъ старый идеалистъ видѣлъ нѣчто совершенно иное. Не говоря о тѣхъ людяхъ, которые, отбросивъ всякія идеальныя мечты или никогда не имѣвши ихъ, откровенно погнались за житейскими благами; не говоря о толпѣ, которая, подчиняясь даннымъ условіямъ, поглощена исключительно эгоистическимъ разсчетомъ и исканіемъ матеріальной выгоды, этотъ писатель стараго времени съ изумленіемъ видитъ отсутствіе идеальныхъ интересовъ даже въ тѣхъ молодыхъ поколѣніяхъ, какія бываютъ въ молодыхъ, еще создающихся обществахъ спеціальными носителями идеализма. Правда, онъ видитъ нѣкоторыя внѣшнія условія, изъ какихъ создавалось это невѣроятное положеніе вещей. Въ статьѣ о „борьбѣ поколѣній“ нашъ авторъ задаетъ вопросъ о томъ, гдѣ былъ источникъ этого новаго, страннаго міровоззрѣнія молодыхъ поколѣній, переходящаго, наконецъ, въ простую безпринципность, и приходитъ въ нѣкоторый ужасъ при вопросѣ: „что̀ ждетъ впереди эту самую молодежь и что̀ ждетъ Россію, когда подобныя „дѣти“ станутъ „отцами“ и возьмутъ въ свои руки какое бы то ни было кормило, хотя бы просто палку деревенскаго сотскаго?“

Исторически г. Шелгуновъ представляетъ это дѣло такимъ образомъ:

„Групповый возрастъ, создавшій эту новую теорію, долженъ быть отъ 20—30 или нѣсколько болѣе лѣтъ. Молодежь, принадлежащая къ нему, должна была родиться между 1858—1868 гг., кончить гимназію между 78 и 86 гг., а университетъ—между 80 и послѣдующими годами. Время, въ которое слагалась эта молодежь умственно и выработывала себѣ программу жизни, совпало какъ разъ съ наиболѣе печальнымъ временемъ нашей общественной жизни. Тутъ было и 1-е марта 1881 года, и всѣ его дальнѣй-

шія острыя послѣдствія. Общество заметалось, спуталось; оно и прежде было слабо сознаніемъ, а тутъ мысль его и совсѣмъ очутилась подъ спудомъ. Аксаковъ думалъ, что умственный промежутокъ, который открылся теперь передъ обществомъ, и есть именно наиболѣе благопріятный моментъ для того, чтобы общественное сознаніе встало въ томъ направленіи, которое онъ считалъ единственно способнымъ обновить все наше общественно-государственное существованіе. Рядомъ съ этимъ такъ-называемые западники считали необходимымъ продолженіе реформъ въ болѣе широкомъ видѣ и съ болѣе расширенною дѣятельностью интеллигенціи. Но явилось и еще движеніе, направленное именно противъ интеллигенціи. Это было одно изъ самыхъ злополучныхъ и несчастныхъ самоотреченій, продолжающееся и до сихъ поръ. Интеллигенція была сдѣлана козломъ отпущенія за все—и кѣмъ же?—такою же самою интеллигенціей, какъ она. Та самая масса молодыхъ силъ, которая было-устремилась за знаніемъ,—за знаніемъ, которое потребовала теперь сама жизнь, за тѣмъ знаніемъ и образованіемъ, сознанной недостаточности котораго совершенно вѣрно приписывалась вся наша отсталость, всѣ наши внутреннія неурядицы и безпорядки, эта самая молодежь, выдвинутая Россіей, какъ необходимая для нея умственная сила, эта самая интеллигенція стала внезапно какимъ-то общимъ бременемъ и на нее наложили клеймо Каина. Вмѣсто того, чтобы расширить для нея пути, ихъ сжали и сократили: даже печать стала травить ее. И явилось нѣчто анормальное, ставшее въ ученіи гр. Толстого религіей общественнаго обновленія невѣжествомъ. Вопросъ, наконецъ, превратился въ безъисходную дилемму. Или рамки жизни не могутъ быть расширены, чтобы принять въ себя обратно ту часть населенія, которую Россія выдѣляетъ, чтобы получить обратно въ формѣ интеллигентной силы, и въ такомъ случаѣ интеллигенція, конечно, намъ не нужна и гр. Толстой правъ; или же намъ нужна интеллигенція, и Россія, выдѣляя силы для интеллигентнаго ихъ развитія, дѣлаетъ это для того, чтобы ихъ принять въ себя обратно, и, слѣдовательно, имъ долженъ быть открытъ просторъ".

Получались очень странныя явленія. Одни впали въ совершенный индифферентизмъ, образовавши, между прочимъ, „новое литературное поколѣніе"; другіе стали изучать философію индусовъ или отправлялись въ паломничество къ гр. Л. Н. Толстому; только люди „съ иною нравственною наслѣдственностью" нашли другой матеріалъ для своихъ чувствъ и мыслей и, черпая возбуждающую силу въ самой дѣйствительности, искали для нея болѣе

справедливаго настоящаго и болѣе свѣтлаго будущаго. Но вообще такъ-называемое поколѣніе 80-хъ годовъ производитъ на нашего писателя самое удручающее впечатлѣніе. „Въ Россіи,—говоритъ г. Шелгуновъ,—и всегда, во всѣ времена, не переводились два сорта людей: одни—проповѣдывавшіе „назадъ", другіе—„впередъ"; но, кажется, только нашему времени достался въ удѣлъ такой небывалый случай, что тѣ, кто идетъ и ведетъ „назадъ", шумно, смѣло и самоувѣренно рекламируютъ себя какъ поступательную силу, свое „назадъ" возводятъ въ теорію прогресса, и увы!—и въ этомъ-то и заключается весь драматизмъ нашего времени—привлекаютъ къ себѣ молодыя, хорошія, ищущія правды силы, къ сожалѣнію, однако, ни непосредственнымъ чувствомъ, ни умомъ не способныя распознать, что въ словахъ любви, которыми очаровываютъ ихъ слухъ, нѣтъ никакой любви".

Какъ недавно В. С. Соловьевъ, нашъ авторъ видитъ въ этихъ новыхъ теоріяхъ „опрощенія" и т. п. во вкусѣ Л. Н. Толстого только удовлетвореніе эгоистическаго чувства: „Все это были лишь разныя формы личнаго эгоизма, стремленія единоличнаго *я* создать себѣ мѣсто въ природѣ и найти ублаготворяющую атмосферу въ независимомъ личномъ положеніи" [1]).

Мы окончимъ еще одной цитатой, гдѣ нашъ писатель 1860-хъ годовъ останавливается на характеристикѣ „новаго литературнаго поколѣнія", которое относится скептически къ старому идеализму, иронически отзывается объ „идеяхъ высшаго порядка" и радуется тому, что стоитъ въ настоящей дѣйствительности, а на дѣлѣ, по мнѣнію г. Шелгунова, оставаясь только совершенно безпринципнымъ. Новое литературное поколѣніе произвело, наконецъ, своихъ теоретиковъ и критиковъ, которые желаютъ объяснить и доказать его историческое и теоретическое право. На одномъ изъ подобныхъ трактатовъ останавливается г. Шелгуновъ въ другой статьѣ 1888 года.

Критикъ, излагающій взгляды новаго литературнаго поколѣнія, изображаетъ идеалистическія стремленія сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, какъ нѣчто совсѣмъ пережитое, то-есть отжившее и уже ни къ чему непригодное. Старая реальная школа была съ одной стороны, отрицательною—не въ широкомъ смыслѣ, какъ европейскій пессимизмъ, а только, какъ отрицаніе русскаго „варварства" (Грибоѣдовъ, Гоголь, Гончаровъ въ „Обломовѣ" и т. д.); съ другой стороны, она изображала людей, преемственно смѣняв-

---

[1]) „Борьба ли поколѣній ведетъ насъ впередъ", 1888 г. „Сочиненія", т. II, стр. 593—596

шихъ другъ друга и воспитавшихся на обще-человѣческихъ идеяхъ (Онѣгинъ, Чацкій, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ и пр.). Изображая эти типы, наши художники сами же и развѣнчивали ихъ, показывая ихъ несостоятельность передъ жизнью; это всегда были типы героическіе.

„Поколѣніе сороковыхъ годовъ вѣрило въ индивидуальную мысль, въ человѣческій разумъ, въ героя просвѣщенія, но оно не сочиняло этого героя изъ головы, а довольствовалось только тѣмъ, что изображало „канунъ" предполагаемаго пришествія настоящихъ людей.

„Но поколѣніе шестидесятыхъ годовъ на этомъ не остановилось,—говоритъ молодой критикъ и характеризуетъ это поколѣніе такъ: „Оно совершенно отдалось головнымъ, теоретическимъ идеаламъ. Недовольное природой и исторіей, оно раціоналистически построило „новаго человѣка", весьма мало похожаго на дѣйствительнаго, и нашло въ себѣ способность увѣровать въ этого своеобразнаго гомункула; для возведенія реальнаго человѣка въ идеалъ, оно опорожнило его отъ всего того содержанія, какимъ наполнили его природа и органическая жизнь націи, и вложила въ него за̀-ново придуманную, новую душу. О такой операціи несомнѣнно свидѣтельствуютъ всѣ оставшіеся отъ того времени идеалы Лопухова, Рахметова, Свѣтлова, Стожарова и т. п.

„Содержаніемъ идеаловъ сороковыхъ и всѣхъ послѣдующихъ годовъ до самаго послѣдняго времени было стремленіе къ героическому. Человѣкъ, къ которому направлялись идеальные помыслы эпохи, неизмѣнно противополагался толпѣ, массѣ общества, представлялся всегда героемъ, и непремѣнно героемъ особенной жизни, не похожей на обычную, съ ея „естественнымъ" счастіемъ и горемъ, радостями и печалями. Такая простая жизнь объявлялась жалкимъ удѣломъ толпы, мѣщанствомъ, пошлымъ существованіемъ. Герой долженъ быть чуждъ этой жизни и всецѣло отдаться своей высокой цѣли и своему великому дѣлу. Въ сороковыхъ годахъ это великое дѣло заключалось въ служеніи истинѣ, въ проповѣди любви и правды, въ борьбѣ со зломъ и насиліемъ, а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ оно заключалось въ служеніи народу. Это было героическое настроеніе, понимавшее жизнь только какъ борьбу за идеалы,—словомъ, говоритъ критикъ, „то фанатическое настроеніе, которое заставляетъ человѣка отрѣшиться отъ всѣхъ благъ и приманокъ жизни и позволяетъ ему совершать чудеса героизма и самоотверженія въ сферѣ общественной дѣятельности".

„Новое поколѣніе (все это говоритъ критикъ) родилось скеп-

тикомъ и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы — „сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли", и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно проникнулось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника, природы, все являетъ собою одну и ту же тайну бытія и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію.

„Молодыхъ писателей пока еще не много, пишутъ они недавно „и среди нихъ не нашлось еще никого, кто подарилъ бы насъ крупнымъ художественнымъ произведеніемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова", но, тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ наша новѣйшая художественная литература проникнута однимъ и тѣмъ же духомъ, „однимъ и тѣмъ же стремленіемъ *реабилитировать дѣйствительность*". Нѣкоторые изъ нихъ, правда, были еще одушевлены идеальными стремленіями прежняго времени, напримѣръ Надсонъ, Всеволодъ Гаршинъ; печать того же идеализма лежитъ и на нѣкоторыхъ произведеніяхъ г. Короленко.

„Но рядомъ съ этими писателями, продолжавшими традиціи прошлаго (я сдѣлаю теперь большую выписку, потому что дѣло идетъ о квинтъ-эссенціи „новаго" направленія), въ современной литературѣ уже довольно ясно обособилась группа представителей новаго направленія. Въ числѣ ихъ можно отмѣтить гг. Чехова, Ясинскаго, Дѣдлова, Баранцевича, Щеглова, поэта Фофанова. Всѣ они проникнуты духомъ признанія, а не отрицанія дѣйствительности. Г. Чеховъ по самой натурѣ своей пантеистъ-художникъ. Для него въ мірѣ нѣтъ ничего недостойнаго искусства. Все сущее интересно уже потому, что оно есть, и все можетъ быть предметомъ художественнаго воспроизведенія. Достаточно прочесть небольшой томикъ разсказовъ г. Чехова (*Въ сумеркахъ*), чтобы убѣдиться, что ничто въ жизни не имѣетъ для него, какъ для художника, особаго преимущества и всякое ея явленіе можетъ вдохновить его на творчество... Г. Ясинскій работаетъ на томъ же новомъ пути. Его послѣдній романъ „*Старый другъ*" и замысломъ своимъ, и исполненіемъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о намѣреніи автора поднять внутреннее значеніе супружеской любви и всей вообще стихіи брачной жизни... Гг. Баранцевичъ, Щегловъ, Дѣдловъ относятся точно также объективно и свободно къ фактамъ жизни и трактуютъ ихъ совершенно независимо.

Творчество молодыхъ беллетристовъ носитъ еще, правда, характеръ случайности, но это потому, что у новаго поколѣнія нѣтъ еще установившихся практическихъ идеаловъ, которые бы ясно ставили цѣли для его дѣятельности и опредѣляли его отношеніе къ дѣйствительности. Новому поколѣнію (критикъ говоритъ: „современному человѣку“) чужды всѣ условныя точки зрѣнія и категоріи, которыми люди предшествующаго времени мѣряли достоинство различныхъ явленій жизни. Онъ (т.-е. современный человѣкъ) проникнутъ духомъ безгранично свободнаго и терпимаго пантеизма. Онъ не морализируетъ надъ жизнью, не судитъ ея съ точки зрѣнія идеаловъ гражданственности, но относится къ ней совершенно свободно, *исключительно созерцательно*, стараясь только постигнуть ея таинственную сущность. Вотъ почему современные художники наши и относятся такъ безразлично къ дѣйствительности. Какъ опредѣлить, подъ какую общую категорію можно подвести тѣ явленія, въ которыхъ вдругъ откроется художнику тайна жизни, творческая мысль природы? Тутъ нѣтъ границъ и предѣловъ“.

Изложивъ теоретическіе взгляды новаго литературнаго поколѣнія собственными словами его представителя, г. Шелгуновъ очень мало убѣждается ими и, напротивъ, приходитъ къ заключенію, что въ новомъ поколѣніи происходитъ весьма печальный упадокъ мысли и нравственно-общественнаго содержанія.

„Если, — замѣчаетъ г. Шелгуновъ, — все то, что̀ говоритъ критикъ, перевести на простой, обыденный языкъ, не употребляя маскирующихъ литературныхъ словъ, то получится вотъ что: „бросьте, господа, всѣ эти завиральныя идеи, которыя не привели ни къ чему, будьте людьми практическими, сидите каждый подъ своей смоковницей, любуйтесь на природу, а тамъ что̀ будетъ, то̀ и будетъ“.

„А что̀ же будетъ? Критикъ, въ качествѣ толкователя „идей“ новаго поколѣнія, говоритъ, что то, что̀ будетъ, никому неизвѣстно, что будущее составляетъ тайну природы, и что эту тайну природы можетъ открыть внезапно любой молодой беллетристъ, сидящій подъ своей смоковницей въ молчаливомъ созерцаніи природы и занимающійся „пантеизмомъ“.

„Ну, а нужно ли что-нибудь для этого знать? Знать—тоже ничего не нужно, потому что откровеніе, которое снизойдетъ само собою, сниметъ завѣсу со всѣхъ тайнъ бытія. (Молодые беллетристы, какъ разсказываютъ въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ, дѣйствительно все это утверждаютъ. Отрицаютъ они

будто бы и образованіе, и науку, вѣроятно, подъ вліяніемъ Л. Толстого).

„Не выяснится ли лучше непроизвольная характеристика нарождающагося новаго петербургскаго поколѣнія и его „молодыхъ беллетристовъ“, нѣсколько затемненная у критика способомъ его изложенія, слѣдующими сопоставленіями? Я только употреблю отрицательный пріемъ.

„Критикъ говоритъ, что всѣ прежніе идеальные (художественные) типы или люди были несостоятельны, но они всегда знали, чего хотятъ; теперешніе, значитъ, будутъ состоятельными, потому что не знаютъ, чего хотятъ, и не имѣютъ никакого опредѣленнаго общественнаго плана въ жизни.

„Поколѣніе сороковыхъ годовъ вѣрило въ индивидуальную жизнь, въ человѣческій разумъ, въ героя просвѣщенія; теперешніе (молодые беллетристы) не вѣрятъ ни въ какого героя и ни въ какое просвѣщеніе.

„Поколѣніе шестидесятыхъ годовъ сочинило теоретическій идеалъ и выдумало „новаго человѣка“, опорожнивъ его отъ всего того содержанія, какимъ наполнила его природа и органическая жизнь націи; молодые беллетристы никакого человѣка не выдумываютъ, а изъ прежняго вынимаютъ его содержимое и въ такомъ опорожненномъ видѣ заставляютъ его ждать, когда на нихъ (молодыхъ беллетристовъ) снизойдетъ откровеніе и имъ станетъ ясна тайна бытія.

„По идеалу сороковыхъ и всѣхъ послѣдующихъ годовъ человѣкъ представлялся героемъ: въ немъ были гражданскія стремленія, онъ или проповѣдывалъ любовь, правду, справедливость, боролся со зломъ и насиліемъ, или же, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, хотѣлъ служить народу. Новому человѣку героемъ быть не полагается,—ему позволяется только обзавестись молодой и красивой женой, уѣхать на лѣто на дачу и разводить цвѣты.

„Идеалы 40-хъ и 60-хъ годовъ были лишь „сухими логическими произведеніями индивидуальной мысли“,—у новаго же поколѣнія (молодыхъ беллетристовъ) никакихъ индивидуальныхъ мыслей нѣтъ и для нихъ осталась „только дѣйствительность“, въ которой имъ суждено жить, а потому все дѣйствительное они признаютъ справедливымъ и очень имъ довольны.

„Признавъ, что ничто не можетъ быть лучше дѣйствительности, „молодые беллетристы“ задались цѣлью ее „реабилитировать“ и пропагандировать свои принципы беллетристическими произведеніями.

„Критикъ, отрицая совершенно серьезно и убѣжденно все

предъидущее движеніе русской мысли, даетъ, однако, такую характеристику „новаго поколѣнія“ и „молодыхъ беллетристовъ“, что, право, не знаешь, за что ее принять. Но несомнѣнно, что все, что̀ пишетъ критикъ о молодомъ поколѣніи и молодыхъ беллетристахъ, такъ и есть въ дѣйствительности. Они *опорожнили себя отъ всего предъидущаго и эту пустоту еще ничѣмъ не заполнили*.

„Упадокъ мысли „молодыхъ беллетристовъ“ виденъ въ тѣхъ *ничтожныхъ темахъ*, которыя они разработываютъ. Темы эти берутся, бо̀льшею частью изъ газетныхъ корреспонденцій и дневника происшествій, и потому имѣютъ преимущественно полицейскій характеръ. Беллетристическія произведенія молодыхъ беллетристовъ чаще всего—художественный перифразъ газетныхъ сообщеній о какомъ-нибудь мѣстномъ происшествіи или случаѣ, перифразъ, сдѣланный иногда даже вовсе не талантливо. Мальчикъ скралъ у родителей деньги и удралъ съ дѣвочкой-гимназисткой въ Петербургъ, собака съѣла котятъ, церковнаго старосту обманули воры, трусливый лѣсникъ не вышелъ изъ своей хаты на крикъ о помощи—вотъ темы для художественнаго творчества молодыхъ беллетристовъ. Ужъ будто бы это пантеизмъ? Ужъ будто бы вся Россія до того опорожнилась, что для мыслящаго человѣка въ ней нѣтъ ничего, что̀ хотѣлось бы ему понять и объяснить?

„Да хотя бы и сами „молодые беллетристы“! Развѣ они не такое явленіе, надъ которымъ, прежде чѣмъ возводить его въ „перлъ созданія“, слѣдовало бы призадуматься посерьезнѣе. Вѣдь нельзя же превращать въ нуль всю умственную работу предъидущихъ поколѣній, выдвинувшихъ дѣятелей, которыхъ признаетъ и чтитъ вся просвѣщенная Россія и умственнымъ трудомъ которыхъ обновилась вся русская жизнь, и вмѣсто нихъ пропагандировать новыхъ вождей, рекомендуя ихъ какъ людей, у которыхъ внутри пока еще ничего нѣтъ, которые еще ничего не сдѣлали и ничего не сказали, но которые со временемъ (если ихъ посѣтитъ наитіе), можетъ быть, что-нибудь и скажутъ!“ [1])

Съ нѣкоторыми положеніями г. Шелгунова мы бы не согласились, напр. съ тѣмъ, что это новое литературное поколѣніе онъ считаетъ спеціальнымъ порожденіемъ Петербурга и его принадлежностью. Если въ самомъ дѣлѣ преимущественно въ Петербургѣ собралась группа новѣйшихъ писателей этого типа, это объясняется проще присутствіемъ большихъ литературныхъ орга-

---

[1]) „Петербургъ и его новые люди“; „Сочиненія“, т. II, стр. 550—554.

новъ, куда они направляютъ свои труды; правда, что жизнь исключительно петербургская можетъ отражаться неблагопріятно на умахъ подростающихъ поколѣній, удаляя отъ впечатлѣній народной жизни, но во всякомъ случаѣ далеко не одной петербургской группой ограничиваются тѣ особенныя черты, которыя изображаетъ г. Шелгуновъ—эта безпринципность, прикрываемая мнимымъ служеніемъ чистому искусству и какой-то реабилитаціей дѣйствительности (послѣдняя и сама по себѣ достаточно себя реабилитируетъ), и это немного тупоумное самоуслажденіе индійской философіей или опрощеніемъ по рецептамъ Л. Н. Толстого, и это равнодушіе къ наукѣ, всего чаще тожественное съ слабымъ образованіемъ. Причины всей этой умственной неурядицы, которыхъ только коснулся г. Шелгуновъ и которыя были весьма многочисленны, дѣйствовали не на одинъ Петербургъ, а на всю жизнь молодыхъ поколѣній, и результатъ точно также не принадлежитъ одному Петербургу и проявляется не только въ литературныхъ, но и въ иныхъ умственныхъ странностяхъ новаго поколѣнія. Едва ли сомнительно, что тѣ же причины оказали свое дѣйствіе и на нѣкоторыя стороны новѣйшаго научнаго движенія (именно въ области русской исторіи и народовѣденія), гдѣ подобнымъ образомъ можно наблюдать безпринципное поклоненіе факту, боязнь обобщенія и идеала.

По поводу этого спора между 60-ми и 30-ми годами приведемъ еще замѣчаніе г. Михайловскаго, съ которымъ можно вполнѣ согласиться: „Мало понимающему и вяло чувствующему человѣку можетъ показаться, да и было высказано въ печати, что Шелгуновъ является въ этомъ случаѣ представителемъ „отцовъ“, расхваливающихъ, по изстари заведенному порядку, свое отжившее время и брюзжащихъ на поросли молодой жизни, которая ростетъ по своему, не спросясь ихъ, стариковъ. Это, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, очень обыкновенное явленіе: старикамъ съ остывшею кровью, замерзшимъ въ идеяхъ, когда-то жившихъ, но нынѣ уже отжившихъ, завидно глядѣть на кипящую молодость, которая рвется къ новымъ идеаламъ, чуждымъ, непонятнымъ для „отцовъ“. Бываетъ такъ, это точно, но бываетъ и иначе; бываетъ и такъ, что старикамъ обидно смотрѣть на отсутствіе кипящей молодости и какихъ бы то ни было идеаловъ. И тогда старые „отцы“ моложе своихъ старообразныхъ „дѣтей“.

А. В—нъ.

ДЭМОСЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Соч. Гиссинга.

Окончаніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XII *).

Нашъ старый знакомый, Даніель Доббъ, несмотря на то, что онъ разочаровался въ Ричардѣ, попрежнему состоялъ членомъ „союза" и неуклонно посѣщалъ воскресные митинги соціалистовъ. Дѣлалъ онъ это главнымъ образомъ ради наполненія часовъ досуга, а также протестуя тѣмъ противъ недостойнаго поведенія ренегатовъ въ родѣ Ричарда Мотимера, отворачивающихся отъ своихъ собратьевъ при первомъ благопріятномъ для нихъ оборотѣ фортуны. Какъ увидимъ далѣе, фортуна улыбнулась и Даніелю Доббу, однако онъ не возгордился и не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ или, вѣрнѣе, привычкамъ. Онъ любилъ эти шумныя сборища, любилъ слушать пламенныя рѣчи ораторовъ и одобрять ихъ оглушительными аплодисментами. Но никогда бы онъ не пошелъ дальше и не пожертвовалъ бы ничѣмъ ради осуществленія тѣхъ фантастическихъ плановъ, изложеніе которыхъ слушалъ съ такимъ удовольствіемъ.

Въ сущности, онъ не. болѣе вѣрилъ въ переворотъ и водвореніе на землѣ соціалистическаго рая, чѣмъ въ будущую жизнь

---

*) См. выше: апр., 724 стр.

и рай, который обѣщаютъ своимъ слушателямъ клерджимены съ высоты своихъ каѳедръ.

Осенью, одновременно съ крушеніемъ Новаго-Ванлея, умеръ братъ Даніеля, Николай Доббъ, кабатчикъ,—умеръ, не оставивъ дѣтей, и Даніель вступилъ во владѣніе всѣмъ его имуществомъ. Теперь онъ сталъ во главѣ питейнаго заведенія и могъ оставить тяжелый, поденный трудъ фабричнаго. Безполезно говорить, что ему и въ голову не пришло увеличить жалованье персоналу кабачка, состоявшаго изъ одного расторопнаго малаго, подававшаго посѣтителямъ пиво или вино, и служанки.

Теперь онъ до полночи самъ простаивалъ за прилавкомъ, разглагольствуя съ „братьями", у которыхъ хватало достаточно времени и денегъ, чтобы оставить ихъ въ этомъ храмѣ Бахуса. Съ той минуты, какъ Даніель заплатилъ за патентъ на право распивочной торговли крѣпкими напитками, онъ присоединился также къ одному обществу, которое, главнымъ образомъ, ратовало за воскресный отдыхъ: дѣйствительно, этотъ день можетъ считаться самымъ прибыльнымъ для кабатчика, такъ какъ въ теченіе его въ рабочихъ кварталахъ Лондона выпиваются цѣлыя моря джина и портера.

Даніель достигъ завѣтной мечты всякаго рабочаго,—будетъ ли то соціалистъ, или нѣтъ,—а именно, быть *хозяиномъ* и, стоя за прилавкомъ, со степенной важностью судить и рядить о всемъ на свѣтѣ,—впрочемъ, такимъ манеромъ, чтобы не выходило ни два, ни полтора, и никому не было бы обидно. Все на свѣтѣ измѣняется, и Даніель сталъ другимъ. Даже его безнадежная страсть къ Алисѣ мало-по-малу угасла, и образъ ея изгладился изъ его воображенія. Другая женщина вытѣснила изъ его сердца „принцессу".

Женщина эта была Эмма...

Еще задолго до смерти брата Даніеля, однажды къ нему пришла Катерина и разсказала, что Эмма больна, и ей не на что даже довезти ее до больницы.

Даніель сейчасъ же запустилъ руку въ карманъ и далъ необходимую сумму.

Сердце у него было несомнѣнно доброе.

Бѣдная Эмма пролежала въ госпиталѣ болѣе мѣсяца. Даніель постоянно справлялся о состояніи ея здоровья. Наконецъ она могла выписаться и вернуться въ свою бѣдную комнатку, гдѣ и принялась опять за работу.

Спустя немного, Катерина принесла Даніелю половину долга. Ея слишкомъ веселая физіономія показывала, что другая половина

улетучилась по дорогѣ, и перешла въ карманъ какого-либо изъ собратьевъ Даніеля по ремеслу.

Впрочемъ, тогда еще кабатчики не были его собратьями.

Прошло полгода, и вотъ мы видимъ Даніеля за стойкой. Первый дебютъ его въ качествѣ цѣловальника пришелся въ августѣ мѣсяцѣ—время, когда жажда томитъ рабочаго не менѣе, чѣмъ въ лѣтніе жары. Онъ носилъ теперь панталоны изъ хорошаго, плотнаго сукна, бѣлый жилетъ, а по немъ выпускалъ толстую золотую часовую цѣпочку. Чтобы не залить свои манжеты какою-либо спиртною жидкостью, которою ему приходилось ежеминутно наполнять опоражнивающіеся стаканы, онъ обыкновенно засучивалъ рукава. Багровое лицо и мѣднокрасная короткая шея, рыжіе волосы, густо намазанные лимонной помадой, а въ общемъ—физіономія вполнѣ довольнаго своею судьбою человѣка.

Портерная полна народа. У всѣхъ масляные глаза; уста то-и-дѣло широко раскрываются, чтобы принять животворную влагу, не проливъ ни одной капли мимо,—говоръ, табачный дымъ, жара, духота...

Толкуютъ о рѣчи, произнесенной Ричардомъ на послѣднемъ митингѣ.

— Да чего ему надобно, скажите пожалуйста?! — кричалъ одинъ, горячась.

— Достать денегъ, вотъ чего!

— Много есть способовъ доставать деньги, не работая. Вотъ хоть бы къ примѣру—когда языкъ работаетъ не хуже вѣтряной мельницы!—замѣтилъ другой.

— Однако, вѣдь онъ не для себя хочетъ достать денегъ; не правда ли, Даніель?

— Я вамъ объ этомъ скажу въ будущемъ году,—отвѣчалъ кабатчикъ, хитро подмигивая:—ловкіе люди говорятъ, будто мы скоро всѣ будемъ богаты; откуда только намъ свалится богатство—вотъ про это молчатъ! Должно быть, съ неба свалится,—прибавилъ онъ потирая руки

— Лучше бы онъ смотрѣлъ за своей семьей! — замѣтилъ кто-то.

— А что такое?

— А то, что его брата Генри засадили на три мѣсяца въ тюрьму.

— Ну, тутъ Ричардъ ни-при-чемъ. Если его братъ шалопай, онъ тому не причастенъ.

— Вѣрно, это вѣрно. Однако и насчетъ самого Ричарда ходятъ хорошіе слухи...

— Объ чемъ тутъ толковать? Вѣрно одно, что онъ живетъ себѣ припѣваючи, хоть самъ палецъ о палецъ не ударитъ.

— Онъ самъ сегодня утромъ говорилъ, что ему помогаютъ друзья, въ родѣ какъ бы по подпискѣ, что-ли!..

— И это называется соціализмомъ? По-моему, кто своими руками не заработываетъ хлѣбъ, тотъ сиди и молчи, вотъ какъ! Чтò такое соціализмъ? Ну, говори!

— Чортъ его знаетъ, чтò это такое!—отвѣчалъ на этотъ вопросъ одинъ изъ компаніи, прихлебывая глотокъ за глоткомъ изъ своей кружки;—тутъ каждый по-своему толкуетъ. Одно пишутъ въ „Огненномъ крестѣ“, а въ „Набатѣ“ совсѣмъ опять-таки другое. А вотъ Мотимеръ вѣрно заведетъ свою газету.—Такъ они толковали до самаго закрытія заведенія, время отъ времени не забывая промачивать горло, которое, какъ извѣстно, отъ споровъ пересыхаетъ.

За то время, какъ Эмма лежала въ госпиталѣ, Катерина совсѣмъ сбилась съ пути. У нея почти не было работы, и она бòльшую часть времени проводила въ томъ, что шлялась по улицамъ, входила въ таверны и тамъ въ веселой компаніи и въ теплѣ чувствовала себя весьма пріятно. Предоставленныя самимъ себѣ, дѣти ея въ это время играли на лѣстницѣ или на тротуарѣ, пока усталость и наступавшая темнота не прогоняли ихъ домой. Но тамъ кромѣ холода и сырости ихъ ничто не ждало. Они ложились спать, крича отъ голода. Наконецъ Эмма вернулась и привела все въ возможный порядокъ. Благодаря ея настояніямъ, Катерина ходила теперь на работу въ одну мастерскую. Эмма оставалась одна за швейной машиной. Однажды, когда она такъ сидѣла за работой въ одиночествѣ, чиня платье своей сестры, дверь отворилась и вошелъ Даніель.

Онъ остановился какъ бы въ нерѣшительности и осмотрѣлъ комнату, не столько изъ любопытства, сколько ради того, чтобы выиграть время, такъ какъ онъ не зналъ, съ чего ему начать и какъ объяснить цѣль своего прихода. Наконецъ онъ сказалъ:

— Какъ, неужели дѣти уже легли спать?

— Легли и заснули,—отвѣчала Эмма.

Даніель сѣлъ на табуретъ и спросилъ съ важностью:

— Васъ удивило, что я къ вамъ пришелъ, не правда ли?

— Немного.

— Я вотъ зачѣмъ пришелъ. Хотите завтра утромъ я васъ покатаю по городу, т.-е., не одну васъ, но и вашихъ племянниковъ и м-съ Клей? Согласны? а?

— Я отказываюсь; а что касается дѣтей и Катерины, то это ужъ ея дѣло.

— Почему же вы-то не хотите?

— Работы по горло, некогда гулять,—отвѣчала дѣвушка съ печальной улыбкой.

Тщетно Даніель убѣждалъ ее—всѣ его доводы пошли прахомъ. Затѣмъ онъ принялся болтать о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Долго онъ переливалъ изъ пустого въ порожнее, наконецъ какъ-то ему удалось выдавить изъ себя, что онъ собственно пришелъ по дѣлу... Что вотъ какъ теперь и ей, и Катеринѣ, тяжело приходится, а онъ бы могъ имъ помочь, и стали бы они жить гораздо лучше... Кончилъ онъ тѣмъ, что предложилъ ей вмѣстѣ съ Катериной и дѣтьми переѣхать жить къ нему. При этихъ словахъ Эмма поблѣднѣла, низко пригнулась къ своей работѣ и такъ сидѣла, не говоря ни слова.

Даніель продолжалъ:—Въ самомъ дѣлѣ, подумайте объ этомъ... Со мною вамъ жить будетъ покойно. Можетъ быть, я слишкомъ поспѣшилъ. Но я васъ не тороплю. Подумайте прежде... Если вы бѣдны, то это ничего не значитъ; разъ полюбишь кого, то все равно, богатъ онъ или бѣденъ. Ну, подумайте хорошенько и скажите, согласны вы выйти за меня.

Безъ сомнѣнія, Даніель не могъ выбрать болѣе удобнаго момента. Теперь, когда имъ нечего было ѣсть, когда сестра ея предалась порочной жизни и она не могла придумать, что будетъ дѣлать съ дѣтьми,—теперь, казалось бы, предложеніе Даніеля должно быть принято съ радостью.

А между тѣмъ Эмма отказала ему съ непоколебимой твердостью.

Такой неожиданный отвѣтъ смутилъ и ошеломилъ Даніеля.— Я подожду,—пробормоталъ онъ;—обдумайте хорошенько.

Но Эмма сказала свое послѣднее слово.

— Ну, дѣлать нечего, прощайте! — сказалъ Даніель, поднимаясь.

Дверь за нимъ затворилась, и Эмма осталась одна.

Тяжелая, холодная и голодная жизнь представилась ей безконечной сѣрой перспективой, но она осталась тверда въ своемъ рѣшеніи и не пожалѣла, что отказала Даніелю. Около полуночи вернулась Катерина. Лицо ея было красно и глаза налиты кровью. Отъ нея несло водкой.

Эмма рѣшила не говорить ей сегодня о посѣщеніи Даніеля.

XIII.

Чекъ, присланный неизвѣстнымъ благотворителемъ, совершенно измѣнилъ настроеніе Ричарда. Прежде всего онъ поспѣшилъ разстаться съ ненавистными меблированными комнатами въ Понтонвилѣ.

Не говоря ни слова женѣ, Ричардъ принялся искать помѣщеніе, болѣе соотвѣтствующее положенію человѣка, получающаго тысячу фунтовъ годового дохода.

Онъ хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ Адели. Найдя подходящій домъ, онъ, какъ бы случайно, гуляя, указалъ на него Адели, и когда на вопросъ, хотѣлось ли бы ей вмѣсто душныхъ и грязныхъ меблированныхъ комнатъ занимать этотъ свѣтлый, веселый домикъ, она сказала, что очень бы хотѣлось,—онъ съ торжествомъ объявилъ ей, что они хоть сейчасъ могутъ переѣхать. Адель была столь же удивлена, какъ и обрадована. Въ тотъ же день они разсчитались съ содержательницей комнатъ въ Понтонвилѣ и обѣдали уже на новой квартирѣ. Желая отпраздновать новоселье, Ричардъ купилъ двѣ бутылки дорогого вина. Онъ совершенно преобразился.

Глаза его потеряли свое обычное угрюмое и недовѣрчивое выраженіе и свѣтились радостью. Въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа расхаживалъ онъ по новому помѣщенію и, повидимому, былъ даже болѣе доволенъ, чѣмъ когда въ первый разъ вступилъ въ Ванлейскій замокъ.

Онъ не могъ посидѣть на мѣстѣ, говорилъ безъ умолку, толковалъ о томъ, какъ убрать комнаты, подбѣгалъ къ окнамъ и любовался на открывавшійся видъ. Они поселились въ богатомъ кварталѣ, на широкой улицѣ. Онъ объявилъ Адели, что желаетъ, чтобы у нихъ все было какъ въ самыхъ аристократическихъ домахъ, совѣтовалъ ей держать слугъ строго; послѣ обѣда, закуривъ сигару, онъ сталъ высчитывать, сколько будетъ стоить ихъ жизнь, и по его разсчетамъ выходило, что ихъ бюджетъ вполнѣ можетъ вынести всѣ расходы на роскошное помѣщеніе и столъ. Какъ бы то ни было, не оставаться же имъ гнить въ проклятомъ Понтонвилѣ? Теперь можно будетъ пригласить кое-кого изъ друзей.

Онъ посовѣтовалъ женѣ написать м-съ Вальтамъ о перемѣнѣ въ ихъ обстоятельствахъ, не пускаясь, однако, въ излишнія подробности, откуда и какъ имъ пришли деньги.

Теперь Ричардъ надѣялся вновь сильно поднять свои фонды. —Есть люди,—говорилъ онъ,—которые предназначены судьбою на то, чтобы играть выдающуюся политическую роль, быть вождями

партій. Я принадлежу къ ихъ числу. Я обладаю даромъ воспламенять и увлекать толпу. Какъ тебѣ кажется? Вѣдь я правъ?

Жена постаралась подавить улыбку и только сдѣлала утвердительный знакъ.

Такое слабое выраженіе увѣренности въ его необыкновенныхъ данныхъ для роли вождя только пуще подзадорило Ричарда. Ему хотѣлось доказать Адели, что онъ дѣйствительно замѣчательный человѣкъ.—Ты знаешь,—продолжалъ онъ,—я составляю историческое описаніе Новаго-Ванлея, которое будетъ напечатано „союзомъ" на общественный счетъ. Брошюру будутъ продавать въ Бельвикѣ и здѣсь. Я убѣжденъ, что она произведетъ громадное впечатлѣніе. Готовъ пари держать, что въ какой-нибудь годъ я пріобрѣту нѣсколько сотенъ единомышленниковъ.

Въ такомъ духѣ онъ проговорилъ часовъ до трехъ ночи. Адель едва не уснула подъ его болтовню.

Въ скоромъ времени дѣйствительно вышло описаніе Новаго-Ванлея.

М-ръ Кинъ удостоился чести редактировать манускриптъ. Брошюра эта представляла панегирикъ на тридцати-двухъ страницахъ. Между прочимъ, здѣсь фигурировало и имя Адели, которая восхвалялась за ея сострадательность къ женамъ рабочихъ и заботы о воспитаніи ихъ дѣтей.

Читая это, Адель желала провалиться сквозь землю отъ стыда. Однако книжка не имѣла особеннаго успѣха и не произвела того дѣйствія, на которое разсчитывали составители; пришлось даже понизить цѣну ея на половину. Кончилось тѣмъ, что Ричардъ купилъ самъ половину изданія и сталъ раздавать брошюру посѣтителямъ еженедѣльныхъ собраній въ рабочемъ кварталѣ безвозмездно.

Такимъ образомъ изданіе удалось спустить съ рукъ, и м-ръ Кинъ даже такъ разохотился, что началъ подбивать Мотимера выпустить второе изданіе съ портретомъ основателя Новаго-Ванлея.

Хотя тщеславіе Ричарда раздувалось какъ мыльный пузырь съ каждымъ днемъ все больше и въ первую минуту онъ съ восторгомъ принялъ предложеніе Кина, но потомъ благоразумно воздержался.

Между тѣмъ Родманъ попалъ въ крайне затруднительное положеніе.

Еслибы даже Эльдонъ и захотѣлъ предоставить ту сумму, которую Мотимеръ выдѣлилъ изъ наслѣдства въ приданое за сестрою, въ ея пользованіе, то этого нельзя было бы сдѣлать, такъ какъ она уже давно была растрачена Родманомъ.

Съ своей стороны, Ричардъ настаивалъ и утверждалъ, что онъ, не желая быть въ долгу у Эльдона, самъ, съ своей стороны, требуетъ, чтобы Родманъ возвратилъ приданое жены. Такимъ образомъ послѣднему былъ предъявленъ искъ судебнымъ порядкомъ. Дѣло пошло своимъ чередомъ и въ исходѣ его нельзя было сомнѣваться.

Мотимеръ обвинялъ Родмана въ растратѣ женинаго имущества, и когда нотаріусъ Іоттль объявилъ ему отъ имени Эльдона, что послѣдній готовъ потушить дѣло и отказаться отъ иска, онъ возсталъ противъ этого съ благороднымъ негодованіемъ.

— Не въ моихъ правилахъ потворствовать негодяямъ!—объявилъ онъ удивленному нотаріусу. Ему хотѣлось во что бы-то ни стало хорошенько „насолить“ своему зятю, котораго онъ возненавидѣлъ теперь всѣми силами души. Самъ онъ теперь погруженъ былъ въ денежныя заботы. Жизнь, которую онъ велъ, поглощала весь его доходъ, такъ что онъ даже опасался, что не въ состояніи даже будетъ выплачивать матери тотъ скудный пенсіонъ, который позволялъ послѣдней жить въ ихъ старомъ домѣ въ Вильтонъ-скверѣ.

Тамъ же поселился и Генри, проводившій цѣлые дни въ тавернѣ и ровно ничего не дѣлавшій. Кинъ и Родманъ отказались отъ него, считая его погибшимъ. Ричардъ попытался еще разъ направить гуляку на путь истинный, и, благодаря его стараніямъ, одинъ кокстонскій торговецъ желѣзомъ принялъ его въ число приказчиковъ. Прошло два мѣсяца. Генри велъ себя примѣрно. Но увы! вдругъ все рушилось. Ричардъ получилъ телеграмму отъ его хозяина, извѣщавшую, что Генри уличенъ въ кражѣ и арестованъ. Оказалось, что онъ не разъ залѣзалъ въ выручку. При повѣркѣ кассы это, разумѣется, не замедлило обнаружиться. Ричардъ предложилъ внести похищенную сумму, но негоціантъ не хотѣлъ ничего слушать. Тогда-то Генри и попалъ на три мѣсяца въ тюрьму.

Когда Ричардъ сообщилъ своей матери плачевный результатъ безпутнаго поведенія ея сына, она, казалось, мало этимъ опечалилась. Только глаза ея заблистали зловѣщимъ огнемъ, и, грозясь своей исхудалой рукой, она воскликнула:

— Вспомни, что̀ я сказала, когда ты пришелъ ко мнѣ и объявилъ о наслѣдствѣ! Я сказала тогда: богатство—несчастье, если свалится съ неба; оно не доводитъ до добра того, кто его не нажилъ своимъ трудомъ! Ты тогда, конечно, подумалъ: старуха зря болтаетъ, что̀ ее слушать! А съ тѣхъ поръ все пошло вверхъ дномъ, и что далѣе, то хуже. Вотъ къ чему деньги привели: дѣти покинули свою мать! Одинъ ужъ въ тюрьмѣ,—посмотримъ,

что съ другими станется! Что, еслибы вашъ отецъ всталъ изъ могилы? Что, еслибы онъ увидалъ, до какого позора вы дошли? Ты говоришь, что счастливъ съ женой? Не вѣрю я тебѣ.

. . . .

Ричардъ вполнѣ отдался вліянію честолюбія. Мысль—сдѣлаться вождемъ партіи не оставляла его ни на минуту. Между прочимъ онъ составилъ слѣдующій „геніальный", по его словамъ, планъ: —Если только,—говорилъ онъ,—рабочіе согласятся на мое предложеніе, имя мое сдѣлается еще болѣе извѣстнымъ.

Адель, какъ и всегда, должна была первая выслушать, въ чемъ состоитъ геніальный проектъ ея мужа.

— Я нашелъ наконецъ!—вскричалъ онъ однажды вечеромъ, какъ будто его освѣтилъ лучъ свѣта.—Ассоціація въ такомъ лишь случаѣ можетъ быть несокрушима, если основа ея—денежный интересъ, въ которомъ каждый лично заинтересованъ. Я скажу рабочимъ: „Куда идетъ теперь то, что остается отъ вашей заработной платы по удовлетвореніи насущныхъ потребностей? Несомнѣнно въ кабакъ. Что значитъ какихъ-нибудь нѣсколько пенсовъ? Вмѣсто того, чтобы тратить ихъ на джинъ, отдавайте ихъ мнѣ".

Разумѣется, на это они станутъ посмѣиваться и подмигивать другъ другу съ такимъ видомъ, что вотъ ловкій малый, придумалъ отлично. Но я не смущаюсь этимъ и продолжаю: „Представьте себѣ, что каждый изъ васъ еженедѣльно вноситъ мнѣ тридцать пенсовъ (ужъ меньше никто изъ васъ не оставитъ въ кабакѣ!), а посчитайте-ка, сколько такимъ образомъ соберется за цѣлый годъ!"—Что же ты намѣренъ дѣлать съ нашими деньгами?—скажутъ они мнѣ.—„По примѣру капиталистовъ, я ихъ пущу въ оборотъ, такъ чтобы они приносили проценты, положимъ 3 на 100, хотя, конечно, они могутъ принесть больше. Такимъ образомъ, каждый изъ вкладчиковъ на свою долю станетъ получать сперва весьма незначительный доходъ, но потомъ, когда дѣло разростется, все бо̀льшій и бо̀льшій... Тутъ капиталъ будетъ увеличиваться, какъ комъ снѣга! Не нужно особой проницательности, чтобы видѣть, какія выгоды можетъ приносить участникамъ подобнаго рода денежный союзъ"...

Произнеся этотъ длинный монологъ, Ричардъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на жену, ожидая похвалъ своей изобрѣтательности.

— Если ты хочешь такимъ образомъ пріучить рабочихъ къ бережливости,—сказала Адель,—то, конечно, твой планъ можно одобрить.

— Ну, эта сторона вопроса меня интересуетъ весьма мало.

Я стремлюсь лишь къ тому, чтобы имѣть возможность вліять на рабочихъ, объединить ихъ такимъ дѣломъ, которое заинтересовало бы ихъ непосредственной выгодой, а не платоническими надеждами на какое-то будущее благо, которое когда-то еще будетъ. Бороться съ капиталистами ихъ же собственнымъ орудіемъ—какъ хочешь, но это блестящая мысль! Положительно, вдохновеніе меня осѣнило. Посмотримъ, что-то скажетъ „Набатъ". Они тамъ кричатъ, будто я измѣнилъ общему дѣлу, и главное—соціалистическимъ теоріямъ. Съ послѣднимъ я не спорю, пожалуй! но вѣдь главное—цѣль, а средства всѣ хороши, если только они приводятъ къ этой цѣли. Я дѣйствую въ интересахъ соціализма, хотя и кажется, что я въ лагерѣ капиталистовъ; это надо понять!

Адель нашла бы, что̀ возразить мужу, но ограничилась только лишь однимъ замѣчаніемъ:

— Ты увѣренъ, что̀ рабочіе довѣрятъ тебѣ свои деньги?

— Это самый щекотливый пунктъ... Впрочемъ, пользуюсь же я нѣкоторой популярностью и довѣріемъ. Я увѣренъ,—въ концѣ концовъ, мнѣ удастся склонить ихъ на свою сторону. „Союзъ" ничего не будетъ имѣть противъ этого. У меня въ головѣ цѣлый рой блестящихъ операцій. Ежемѣсячно я буду представлять собранію вкладчиковъ отчетъ. Я убѣжденъ, что въ концѣ перваго же мѣсяца каждый пай удвоится. Если даже этого на самомъ дѣлѣ и не будетъ въ первое время, то бумага все терпитъ. Мы сначала должны непремѣнно показать, какъ дѣло сразу двинулось. Это послужитъ приманкой. Ну, а потомъ, ловкими операціями мы дѣйствительно удвоимъ паи и выдадимъ щедрый дивидендъ. Увидишь тогда, какъ выростетъ моя популярность! У меня составится своя партія, которая за меня пойдетъ въ огонь и въ воду!

Съ тѣхъ поръ какъ Мотимеръ снова получилъ возможность жить на широкую ногу, онъ сталъ относиться гораздо лучше къ Адели. Его отвлекала отъ подозрѣній и ревности масса дѣлъ. Честолюбіе заглушило въ немъ всѣ остальныя страсти. Быть можетъ, это было хуже для него самого, но Адель могла теперь вздохнуть свободно.

Какъ и предсказывалъ Ричардъ, „союзъ" отнесся съ полнѣйшей симпатіей къ его новой выдумкѣ. „Набатъ", разумѣется, былъ противъ и напалъ на Мотимера съ остервенѣніемъ. Послѣдній положительно не давалъ ни часа покоя. Почти ежедневно онъ произносилъ громовыя рѣчи въ различныхъ кварталахъ Лондона. Мало-по-малу онъ до того изловчился въ этомъ благородномъ искусствѣ, что уже не считалъ нужнымъ готовить свои спичи, а

говорилъ экспромтомъ. Какъ актеръ, въ сотый разъ играющій свою роль, проводитъ ее почти безсознательно, у него жесты, интонація, все заучено разъ навсегда, такъ и Мотимеръ уже болѣе не волновался, не увлекался самъ, произнося свои тирады. Это стало его ремесломъ. Паѳосъ его былъ поддѣльный. Избитыя мѣста, шаблонныя фразы сами собой соскакивали съ его неутомимаго языка. Нѣкоторые изъ его слушателей чувствовали это, но большинство рукоплескало. Тутъ оказывали магическое дѣйствіе непосредственныя, осязательныя выгоды, которыя сулилъ Ричардъ. Увлеченные всесокрушающимъ краснорѣчіемъ цифры предполагаемаго дивиденда, рабочіе покорно несли ему свои пенсы.

Чего нельзя достигнуть, если преслѣдовать цѣль съ неутомимымъ постоянствомъ! Однако время шло, и Мотимеръ чувствовалъ большое затрудненіе въ денежномъ отношеніи. Онъ ждалъ, какъ манны небесной, новой присылки обѣщаннаго его тайнымъ благотворителемъ фонда.

Проповѣдуя бережливость, Ричардъ держался извѣстнаго афоризма: „поступайте такъ, какъ я вамъ говорю, а не какъ я самъ поступаю". Получивъ порядочную сумму отъ вкладчиковъ, Ричардъ каждую минуту могъ ожидать, что они потребуютъ исполненія его обязательствъ. Удовлетворить же ихъ требованіямъ было не такъ-то легко. Надежда, однако, не оставляла его. Время шло, и вотъ однажды онъ получилъ письмо за подписью нотаріуса. Въ немъ извѣщалось о смерти благотворителя. Въ завѣщаніи его не оказалось никакихъ распоряженій о дальнѣйшей выдачѣ пособій Ричарду Мотимеру; но наслѣдники, зная объ этомъ желаніи покойнаго содѣйствовать благотворительной дѣятельности извѣстнаго соціалиста, согласились выплатить ему причитающуюся сумму за слѣдующій годъ. Но на этомъ дѣло и покончится. Наслѣдники не берутъ на себя никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ.

„Что-жъ,—подумалъ Ричардъ,—и то слава Богу; суммы, которая поступитъ отъ наслѣдниковъ, за глаза хватитъ на то, чтобы расплатиться со всѣми кредиторами и выдать проценты вкладчикамъ. А тамъ видно будетъ! Одна удачная операція—и дѣло станетъ на твердую почву.

Онъ не сказалъ объ этомъ ни слова женѣ. Вообще за послѣднее время какъ-то само собой устроилось, что супруги перестали интересоваться другъ другомъ. Взаимное охлажденіе сдѣлало сносной ихъ совмѣстную жизнь. Адель не чувствовала вообще къ мужу ни симпатіи, ни уваженія. Ричардъ, конечно, помнилъ тѣ оскорбленія, которыя нанесъ ей, и понималъ, что она никогда ихъ не проститъ ему. И такъ какъ холодная кра-

сота его задумчивой жены перестала наполнять сердце Ричарда любовнымъ трепетомъ, то естественно было ему примириться съ положеніемъ вещей, жить своей жизнью, а женѣ предоставить полную свободу. Что она не злоупотребитъ ею—это онъ отлично зналъ.

XIV.

Имущество Родмана продали въ уплату растраченной имъ суммы. Это, разумѣется, привело его въ ярость; но такъ какъ Алиса держала сторону мужа и вмѣстѣ съ нимъ осыпала проклятіями Ричарда, то она и не навлекла на себя его гнѣва. Алиса подчинилась вполнѣ мужу. Влюбленность ея въ этого грубаго человѣка имѣла какой-то болѣзненный характеръ. Родманъ зналъ лучше чѣмъ кто-либо, что Алиса имѣла полное основаніе его ненавидѣть и даже бросить. Въ ея покорности онъ видѣлъ только новое доказательство неотразимости своего вліянія на прекрасный полъ. Его необыкновенная ловкость въ различныхъ сферахъ, хладнокровіе и умѣнье найтись при всякихъ обстоятельствахъ—возвышали его въ глазахъ Алисы и усиливали въ ней чувство обожанія къ этому смѣлому, никогда не унывающему, ко всему относящемуся съ насмѣшливымъ презрѣніемъ человѣку.

— Кажется,—сказалъ онъ однажды,—тебѣ скоро самой придется стирать бѣлье и работать на швейной машинѣ.

Алиса на это отвѣчала, что съ такимъ ловкимъ и практическимъ мужемъ она ничего не боится.

Родманъ на это только засмѣялся.

— Ну, а если я тебя брошу, что ты тогда станешь дѣлать? — продолжалъ онъ.

— Я убью себя!—отвѣчала она совершенно серьезно.

Бѣдная женщина много страдала, видя равнодушіе къ ней мужа, хотя по странной непослѣдовательности человѣческаго сердца его холодность только разжигала ея страсть. Ему нерѣдко случалось не ночевать дома и даже по нѣскольку дней совсѣмъ не показываться на глаза женѣ. Она не смѣла его упрекать и только блѣднѣла и сохла. Быстрое увяданіе красоты, которою она прежде привлекала мужа, тоже приводило ее въ отчаяніе. Начитавшись романовъ, Алиса затѣяла примѣнить на практикѣ тѣ способы возбудить страсть въ мужѣ, къ которымъ прибѣгали разныя героини. Она задумала пробудить ревность въ мужѣ, и притворялась, будто завела интригу, но мужъ сейчасъ же вывелъ ее на свѣжую воду и поднялъ на смѣхъ.

Онъ принялъ дѣятельное участіе въ образовавшейся ирландской молочной компаніи, изъ которой надѣялся сдѣлать себѣ настоящую дойную корову. Въ числѣ акціонеровъ фигурировало нѣсколько ирландскихъ лордовъ, членовъ парламента и нѣсколько крупныхъ капиталистовъ. Компанія имѣла въ виду выгоду; однако къ спекуляціи какъ-то, для пущаго эффекта, пристегнули благотворительныя и соціальныя цѣли. Много толковалось о сближеніи Ирландіи съ Англіей и ихъ взаимномъ умиротвореніи, черезъ посредство торговаго союза съ ирландскими фермерами. Это съ одной стороны.

Съ другой—имѣлась въ виду борьба съ фальсификаторами молочныхъ продуктовъ, отравляющими потребителей, борьба съ маргариномъ и поддѣльнымъ молокомъ. Между прочимъ, въ компаніи участвовалъ нѣкто м-ръ Гиларій, посѣтившій всѣ страны земного шара, наблюдавшій нравы, знавшій людей и проникнутый (все это его собственныя слова) самыми безкорыстными намѣреніями ради блага человѣчества. Онъ развивалъ свои идеи на страницахъ различныхъ журналовъ и газетъ. Господинъ этотъ засѣдалъ въ совѣтѣ администраціи ирландской молочной компаніи.

Однажды онъ и еще одинъ изъ участниковъ въ дѣлѣ завтракали у Родмана. Разумѣется, разговоръ все время вертѣлся на спекуляціяхъ компаніи.

— Что-жъ вы пробовали сондировать Мотимера?—спросилъ Родманъ: — какъ онъ? подается?

— Подается! подается!—вскричалъ м-ръ Гиларій.—Кажется мнѣ, что еще немного поработать надъ нимъ, и онъ ввяжется въ дѣло.

— Вы, конечно, не упомянули моего имени?—обезпокоился Родманъ.

— Боже сохрани! Разумѣется, не упоминалъ.

— А то какъ онъ узнаетъ о моемъ участіи въ дѣлѣ, такъ навѣрно откажется.

— Будьте спокойны,—сказалъ м-ръ Гиларій:—если онъ объ этомъ и узнаетъ, то ужъ тогда поздно будетъ. Я у него былъ два раза. Заразъ представилъ ему, знаете, и коммерческую сторону дѣла, и, такъ сказать, идейную. Принялъ съ восторгомъ. Когда былъ у него второй разъ, захватилъ для пущей убѣдительности отчетъ компаніи.

— А что, говорятъ, таки-довольно нашлось дурачковъ, которые довѣрили ему свои деньги?

— Ловко обчистилъ рабочимъ карманы, нечего говорить. По-

смотримъ только, какъ ему удастся извернуться. Видимо, дорвался человѣкъ.

— Человѣкъ все-таки полезный!—вставилъ Родманъ, который и спалъ, и видѣлъ, какъ бы отомстить своему зятю.

— Не безпокойтесь, мы его не упустимъ.

Кромѣ ирландской компаніи, на рукахъ у Родмана были еще сотни другихъ дѣлъ. Онъ нанялъ себѣ, безъ вѣдома Алисы, небольшую комнату, для того, чтобы имѣть возможность переночевать въ ней или принять какое-либо нужное лицо. Обѣдалъ онъ въ ресторанахъ съ друзьями. Можно себѣ представить отчаяніе Алисы, когда онъ такъ исчезалъ на нѣсколько дней.

Однажды друзья пригласили его послѣ обѣда зайти въ одинъ довольно невзрачный кабачокъ, съиграть партію на бильярдѣ. Заведеніе это ему было хорошо извѣстно. Проходя въ бильярдную, онъ обратилъ вниманіе на женщину, стоявшую у стойки въ ожиданіи приказаній посѣтителей. Онъ сначала мелькомъ взглянулъ на нее, но потомъ видимо заинтересовался ею. Вглядѣвшись въ ея физіономію, онъ быстро повернулся и хотѣлъ увлечь своихъ пріятелей вонъ изъ таверны. Но служанка тоже успѣла его разсмотрѣть.

— Боже мой! — вскричала она: — неужели это вы? Или я обманываюсь!..

При этомъ восклицаніи Родманъ проворчалъ подъ носъ ругательство и, медленно повернувъ къ ней голову, уставился на нее. Нѣсколько секундъ оба, не говоря ни слова, глядѣли другъ другу прямо въ глаза. На видъ ей можно было дать лѣтъ за тридцать; средняго роста; черты лица ея были слишкомъ тонки для служанки въ тавернѣ. Ея поблекшія щеки, потухшіе глаза, морщины на лбу, все говорило о перенесенныхъ страданіяхъ, о тяжелой трудовой жизни.

Наконецъ Родманъ сказалъ:

— Итакъ, Клара, мы опять съ тобой встрѣтились! Ну, какъ живешь?

— Вы теперь себя называете Родманомъ? — спросила женщина.

— Да, близкіе друзья меня такъ называютъ. Но мы не можемъ говорить здѣсь. Выйдемъ на минуту.

— А что если я, выйдя съ вами отсюда, позову полисмена и все ему разскажу?

— Чтò ты ему разскажешь? неужели, ты думаешь, со мною легко справиться даже и закону?

Они вели разговоръ въ полголоса, стоя рядомъ у стойки.

Пріятели Родмана давно уже щелкали шарами въ бильярдной, изумляясь, чего это онъ застрялъ около старой, некрасивой служанки. Посѣтителей было въ залѣ мало, и всѣ они, читая газеты или толкуя о всякомъ вздорѣ, тянули свой грогъ.

При послѣднихъ словахъ Родмана Клара задрожала отъ бѣшенства. Не смѣя кричать, она прошипѣла сдавленнымъ голосомъ:

— Подлый, презрѣнный человѣкъ! ты, безъ сомнѣнія, надѣялся, что я умру съ голоду, или въ госпиталѣ, или еще того хуже! Но теперь, когда я тебя нашла, ты не такъ-то легко отъ меня отдѣлаешься!

— Я дѣйствительно не думалъ тебя встрѣтить въ Лондонѣ. Я полагалъ, что между нами лежитъ океанъ, и ты никогда до меня не доберешься; но видно судьба противъ меня!—сказалъ Родманъ съ замѣчательной откровенностью. Видимо, онъ хотѣлъ, какъ и во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, взять нахальствомъ и дерзостью.

— Ну, а разъ мы встрѣтились,—продолжалъ онъ,—то къ чему намъ ссориться?

Онъ говорилъ это уже когда они выходили изъ таверны.

Повернувъ въ сумрачную, уединенную улицу, Клара спросила Родмана, гдѣ онъ живетъ? Родманъ далъ ей адресъ своей холостой квартиры.

— Если тебѣ не будетъ скучно у меня,—прибавилъ онъ съ беззаботнымъ видомъ неисправимаго шалуна,—то заходи ко мнѣ.

— Зачѣмъ ты меня дразнишь?—вскричала Клара съ досадой. —Ты человѣкъ безсердечный, я это всегда знала. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ ты бросилъ меня съ ребенкомъ на рукахъ безъ всякихъ средствъ. Проклятъ будь тотъ день, когда я съ тобой встрѣтилась! Самый это несчастный день въ моей жизни. До чего я могла дойти, страшно сказать! Откуда мнѣ было достать денегъ, чтобы прокормить себя и ребенка? Чѣмъ жить,—скажи, безсовѣстный? Ты здѣсь шатался, а я между тѣмъ умирала съ голоду въ Нью-Іоркѣ. Только одно меня и спасло—къ самой себѣ не хотѣла потерять уваженія. Я хотѣла остаться честной женщиной, хоть и попался мнѣ мужъ негодяй! Я жила своимъ трудомъ, никого не обирала! Я не могу себя ни въ чемъ упрекнуть. Теперь довольно мнѣ пропадать отъ нищеты. Теперь ужъ я тебя не выпущу, голубчика, нѣтъ! Я—твоя жена, и ты долженъ меня содержать!

Они стояли въ сумракѣ узкой, печальной улицы. Клара кричала почти въ истерикѣ. Родманъ спокойно слушалъ и въ своей плутовской головѣ уже обдумывалъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Этого опытнаго во всевозможныхъ продѣлкахъ мошенника не такъ-то легко было чѣмъ-либо удивить, испугать или поставить втупикъ.

Когда Клара умолкла и, закрывъ лицо платкомъ, стала всхлипывать, онъ заставилъ ее взять себя подъ-руку и заговорилъ вкрадчивымъ, мягкимъ голосомъ:

— Будь благоразумна, Клара. Ты всегда отличалась разсудительностью, выслушай же меня. Ты думаешь, я не вспоминалъ о тебѣ? Ты вѣдь многаго не знаешь,—вѣрнѣе, ничего не знаешь! Но лучше оставимъ прошлое. Съ твоимъ воспитаніемъ, съ твоимъ умомъ, конечно, мѣсто твое не въ грязной тавернѣ. И теперь время испытанія кончилось. Мы опять вмѣстѣ, и напрасно ты думаешь, что я куда-то сейчасъ убѣгу отъ тебя—*теперь* я тебя не покину. Ну, какъ Джекъ? Вѣрно, ужъ большой мальчикъ?

Въ такихъ разговорахъ мужъ и жена дошли до дома послѣдней. Клара жила въ меблированныхъ комнатахъ въ самой бѣдной части Вестминстера. Поднявшись по лѣстницѣ, они вступили въ длинный, сумрачный корридоръ. Его скупо освѣщало полукруглое, запыленное окно въ концѣ. Въ корридоръ выходили двери комнатъ, занимаемыхъ жильцами и жилицами.

Двѣ женщины о чемъ-то оживленно болтали, одна высунувшись изъ полуотворенной двери комнаты, а другая стоя въ корридорѣ. Послѣдняя была хозяйка.

— Вотъ, миссисъ, — сказала Клара хозяйкѣ,—мой мужъ: онъ вернулся недавно изъ дальняго путешествія.

— Очень рада познакомиться съ вами, м-ръ Вилльямсонъ.

М-ръ Вилльямсонъ, онъ же Родманъ, поклонился. Клара носила со дня своего замужства первую фамилію своего мужа.

Комната Клары помѣщалась въ самомъ концѣ корридора. Къ ней вело нѣсколько ступенекъ. Клара достала ключъ и въ темнотѣ съ трудомъ отыскала замочную скважину. Когда ключъ защелкалъ въ замкѣ, изъ-за двери послышался тоненькій голосокъ ребенка:

— Это ты, мама? Я только-что собирался лечь въ постель. Который часъ?

— Тебѣ уже давно пора быть въ постели,—отвѣчала мать, входя въ полутемную комнату. Она зажгла лампу. Комната была небольшая, но довольно опрятная. На кровати сидѣлъ худенькій мальчикъ съ большими, живыми глазами и черными какъ смоль кудрявыми волосами. Клара заперла дверь и устремила безпокойный взглядъ на мужа.

Увидавъ незнакомое лицо, ребенокъ задрожалъ отъ страха.

— Кто это такой? — вскричалъ онъ голосомъ, въ которомъ послышались слезы:—мама, кого это ты привела?

— Я твой отецъ,—отвѣчалъ Родманъ.—Ей Богу, славный мальчишка, Клара!—продолжалъ онъ съ улыбкой, выражавшей гордость отца при видѣ такого большого сына. Ребенокъ молча и съ недовѣріемъ смотрѣлъ на него.

Мать стояла, положивъ руку на перекладину желѣзной кровати, на которой сидѣлъ ея ребенокъ. Слезы катились по ея исхудалымъ и поблѣднѣвшимъ отъ горя и лишеній щекамъ.

— Если ты мой отецъ, — сказалъ вдругъ ребенокъ, нахмурившись: — гдѣ же ты былъ до сихъ поръ и почему мама плачетъ?

— Право, мнѣ этотъ малый нравится!—сказалъ Родманъ, повидимому, искренно.—Можно мнѣ курить у тебя?

Клара сдѣлала утвердительный знакъ. Она подавила рыданія, которыя готовы были вырваться изъ ея впалой груди, вытерла глаза и сѣла.

Родманъ курилъ и толковалъ съ женой. Его изворотливый умъ изобрѣталъ комбинацію, при помощи которой онъ могъ бы выпутаться изъ затруднительнаго положенія.

Онъ зналъ характеръ Клары, зналъ, что она теперь не выпуститъ его изъ виду, а если онъ вздумаетъ бѣжать—сейчасъ же заявитъ обо всемъ полиціи. Съ ней не такъ-то легко справиться—это не Алиса, которою онъ вертѣлъ какъ ему вздумается. Онъ разыгралъ роль отца, притворился, будто необыкновенно интересуется мальчикомъ. Онъ понималъ, что увѣрить жену въ его любви къ ней невозможно, но сынъ—совсѣмъ другое дѣло: она могла подумать, что въ немъ дѣйствительно проснулись родительскія чувства, и если не изъ любви къ ней, такъ ради сына онъ больше уже не кинетъ ихъ.

Разсчетъ его оправдался. Онъ успѣлъ до нѣкоторой степени усыпить недовѣріе Клары. Онъ строилъ планы будущаго, находилъ мальчика развитымъ не по лѣтамъ и съ жаромъ настаивалъ на томъ, что его надо учить, отдать въ какую-нибудь школу. Родманъ проводилъ цѣлые вечера у Клары; нѣсколько разъ она была, въ свою очередь, на его холостой квартирѣ. Онъ толковалъ съ нею о своихъ дѣлахъ и вообще велъ себя какъ примѣрнѣйшій мужъ и отецъ. Жена его начинала льстить себя надеждой, что покончила съ нищетой и несчастьями.

Между тѣмъ и дѣла ирландской компаніи процвѣтали. День, когда Родманъ внесъ имя Ричарда Мотимера въ число акціонеровъ компаніи, былъ счастливѣйшимъ въ его жизни.

Онъ потиралъ себѣ руки съ дьявольской радостью. Вся сумма, собранная апостоломъ соціализма, благодаря его краснобайству, съ несчастныхъ работниковъ, поступила въ вѣденіе негласнаго заправилы компаніи, довѣрена его честности.

Ричардъ сообщилъ Адели о томъ, какую блестящую операцію надѣется онъ совершить. Предпріятіе обставлено всѣми гарантіями. Въ числѣ акціонеровъ нѣсколько лордовъ. Это не простая спекуляція, нѣтъ,—компанія одновременно преслѣдуетъ какъ филантропическія, такъ и политическія цѣли. Дивидендъ громадный.

— Подумай только,—въ восторгѣ вскричалъ Ричардъ,—какой эффектъ будетъ, когда я сообщу участникамъ нашей ассоціаціи о результатахъ придуманной мною комбинаціи!

Однажды Ричардъ вернулся усталый, охрипшій, но съ горящими отъ возбужденія глазами. Онъ началъ говорить о тяжеломъ положеніи рабочихъ, объ экономическомъ кризисѣ и о томъ, что это можетъ ускорить развязку дѣла. О, этого онъ только и жаждетъ! Повести толпы рабочихъ на аристократическіе кварталы, не ради какой-либо бурной демонстраціи (*покамѣстъ* слѣдуетъ воздерживаться отъ насилія,—такого мы мнѣнія: кровавая расплата съ эксплуататорами не уйдетъ отъ насъ, но это потомъ, потомъ!), а пусть только по городу пройдетъ торжественная процессія, чтобы показать численную силу партіи. Я надѣюсь, что это состоится. Они вѣрятъ каждому моему слову, мой авторитетъ ростетъ съ каждымъ днемъ. Я рожденъ быть народнымъ вождемъ.

Между тѣмъ Алиса изнывала, покинутая мужемъ, проводя почти цѣлые дни въ одиночествѣ. Родманъ забѣгалъ домой на минутку и потомъ исчезалъ.

— Дѣла одолѣли, ничего не подѣлаешь!—говорилъ онъ каждый разъ.

Алиса не знала, что̀ ей дѣлать, съ кѣмъ посовѣтоваться, кому излить свое горе. Она подумывала ужъ написать Ричарду, но не смѣла: мужъ запретилъ ей всякія сношенія со своимъ врагомъ.

Къ тому же стояла убійственная февральская погода. Густые туманы, мокрый снѣгъ, превращавшійся на землѣ въ грязныя лужи, порывы вѣтра—еще усиливали мизантропическое настроеніе бѣдной женщины.

Съ тоской глядѣла она на сѣрое небо, и ей казалось, что никогда уже не настанутъ красные дни. И она заливалась слезами. Даже романы ей опротивѣли. Но время шло, и день, съ

котораго долженъ былъ произойти переворотъ въ ея жизни, приближался.

XV.

Отбывъ срокъ тюремнаго заключенія, Генри вышелъ на свободу. Положеніе его было не завидно. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ Вильтонъ-скверъ къ матери. Всѣ отъ него отказались. Онъ спустился такъ низко, что подняться опять представлялось не легкимъ дѣломъ. Однажды вечеромъ онъ безцѣльно брелъ по одному изъ кварталовъ Лондона, заложивъ руки въ карманы, опустивъ голову, терзаемый голодомъ. Холодный вѣтеръ дулъ ему въ спину, онъ дрожалъ отъ холода, но, тѣмъ не менѣе, продолжалъ двигаться все впередъ и впередъ, безъ цѣли, безъ смысла, зная, что помощи ни откуда не будетъ.

Вдругъ, проходя мимо аптеки, онъ увидѣлъ выходящаго изъ нея какого-то субъекта. Безъ всякаго сомнѣнія это Родманъ! Злобное чувство поднялось въ немъ. Не такъ еще давно Генри встрѣтилъ Родмана въ Сити и подошелъ къ нему, но тотъ повернулся къ нему спиной. Что онъ можетъ здѣсь дѣлать въ такой поздній часъ? Генри издали слѣдовалъ за Родманомъ, такъ чтобы онъ не замѣтилъ его.

Наконецъ, тотъ вошелъ въ одинъ домъ крайне невзрачной наружности.

„Видно, его дѣла не блестящи,—подумалъ Генри,—если онъ поселился въ такой трущобѣ. Почему бы не повидать Алису? Она все-таки сестра. Неужели и она отнесется съ такимъ же равнодушіемъ къ моему печальному положенію, какъ и ея мужъ?“

Генри рѣшилъ придти рано утромъ и дождаться, когда Родманъ выйдетъ изъ дома. Вѣроятно, часовъ въ девять онъ уже отправляется по дѣламъ. Тогда Генри можетъ въ отсутствіе Родмана проникнуть въ квартиру и поговорить съ сестрой. Поможетъ же она брату! Ужъ навѣрно брату не откажетъ, хоть и у самой теперь не много. Принявъ это рѣшеніе, Генри двинулся въ путь. Онъ пошелъ быстрѣе, чтобы согрѣться ходьбой. Голодъ терзалъ его внутренности. Онъ готовъ былъ протянуть руку и попросить нѣсколько пенсовъ у перваго попавшагося прохожаго. На дверяхъ одной лавки висѣли раскачиваемые вѣтромъ куски каленкору и фланели. Онъ посмотрѣлъ на нихъ, проходя, и ему подумалось, что никто не замѣтитъ, если онъ протянетъ руку и сниметъ одну изъ нихъ... Улица пустынна. Приказчикъ дремалъ за прилавкомъ. Но онъ не протянулъ руки,—рѣшимости не хватило.

Онъ прошелъ мимо. Пробило полночь. Пошелъ мелкій какъ крупа градъ. Мокрые тротуары обмерзли. Нужно же гдѣ-нибудь провести ночь. Онъ свернулъ въ узкій переулокъ и тамъ нашелъ защищенный отъ вѣтра уголъ подъ навѣсомъ. Онъ забрался туда, сѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и скоро уснулъ мертвымъ сномъ. Генри предпочиталъ такой образъ существованія жизни съ матерью!

Когда настало утро, Генри проснулся. Онъ положительно окоченѣлъ отъ холода. Онъ поспѣшилъ занять наблюдательный постъ около дома Родмана и съ нетерпѣніемъ топтался на одномъ мѣстѣ. Онъ промокъ до костей вчера, одежда его обледенѣла, а теперь опять медленно оттаивала. Опять сталъ его мучить голодъ. Ему казалось, что кто-то рветъ зубами его внутренности. Онъ не ѣлъ уже полтора дня. Долго ждалъ Генри; наконецъ, около десяти часовъ, Родманъ вышелъ изъ дома. Едва только онъ завернулъ за уголъ, Генри однимъ прыжкомъ очутился около двери. Онъ рѣшительно постучался. Ему отворила Клара.

Она приняла его за нищаго и хотѣла уже захлопнуть дверь передъ его носомъ, когда вопросъ стоявшаго передъ нею оборванца:—Дома ли миссисъ Родманъ?—заставилъ ее вздрогнуть и настороживться.

— Кого вы спрашиваете?—спросила она, высовываясь изъ полуоткрытой двери.

— Миссисъ Родманъ.

Клара еще разъ окинула подозрительнымъ взглядомъ страннаго посѣтителя. Онъ внушалъ ей большое недовѣріе. Однако надо было во чтò бы-то ни стало разъяснить, въ чемъ тутъ дѣло.

— А зачѣмъ вамъ ее видѣть?—спросила она.

— Я желаю поговорить съ нею.

— А она знаетъ васъ?

— Разумѣется.

— Какъ же вы узнали, что она живетъ въ этомъ домѣ?

— Не трудно было узнать. Я видѣлъ, какъ ея мужъ вышелъ изъ этихъ дверей, всего за минуту до того, какъ я постучался.

— Вы ошиблись. Здѣсь нѣтъ никакой миссисъ Родманъ.

— Неужели?—вскричалъ Генри съ недовѣріемъ въ голосѣ. Что она, морочитъ его что-ли? Что это за женщина? Онъ никогда ея не видалъ. Можетъ быть, дано приказаніе не пускать его? Но нѣтъ, вѣдь и она его не знаетъ. Все это какъ молнія мелькнуло въ головѣ Генри:—„Тутъ что-то неладно! постойте, м-ръ Родманъ, погодите, мы васъ выслѣдимъ. Вотъ вы гдѣ проводите цѣлыя ночи!“—такъ думалъ Генри.

Между тѣмъ Клара говорила:—Тутъ нѣтъ никакой м-съ Родманъ, я вамъ правду говорю, но разскажите мнѣ, что̀ это за особа, разскажите все.

— Съ удовольствіемъ, если вы мнѣ за это заплатите.

Клара достала кошелекъ и высыпала все его скудное содержимое на ладонь, протянутую Генри.

— Ну, а вы-то кто такая? Васъ-то какъ зовутъ?—спросилъ онъ Клару.

— Клара Вилльямсонъ.

— А кто же вышелъ отсюда сегодня въ десять часовъ?

— Мой мужъ.

— Мужъ?—изумился Генри.—Что-же, у него двѣ фамиліи и двѣ жены?

— Я ничего не понимаю!—вскричала Клара:—кто такая м-съ Родманъ?

— Моя сестра, носящая, какъ и всѣ замужнія женщины, фамилію своего мужа.

Клара провела Генри въ свою комнату и съ жадностью набросилась на него съ разспросами.

— Я вамъ еще дамъ денегъ,—вскричала она, кладя на столъ послѣдніе, бывшіе у нея, гроши,—только разскажите мнѣ все!

Генри усѣлся на колченогій стулъ и подробно изложилъ все о женитьбѣ Родмана на его сестрѣ.

Вдругъ дверь отворилась. Оба повернули голову—передъ ними стоялъ самъ Родманъ. Одного взгляда на нихъ ему было достаточно, чтобы понять, что̀ здѣсь происходило. Онъ отлично замѣтилъ деньги на столѣ. Нахмурившись, онъ подошелъ вплотную къ Генри и, указавъ ему на дверь, сказалъ:—Убирайтесь вонъ!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Генри.—Прощайте, м-ръ Родманъ-Вилльямсонъ!—Затѣмъ онъ положилъ въ карманъ деньги и выскользнулъ изъ комнаты.

Мужъ и жена остались одни. Они молча глядѣли прямо въ глаза другъ другу. Клара была страшна. Съ ней не такъ-то легко справиться. Это не Алиса; Родманъ зналъ это и отлично понималъ затруднительность своего положенія. Но Клару душила ярость, въ сердцѣ же Родмана накипала спокойная, холодная злость. Онъ съ удовольствіемъ убилъ бы эту женщину, но тѣмъ не менѣе не терялъ хладнокровія.

— Ну,—произнесъ онъ, тяжелымъ взглядомъ всматриваясь въ яростное лицо Клары, готовой прыгнуть какъ львица:—что̀ же теперь ты намѣрена предпринять?

— Въ тюрьму тебя засадить, вотъ что̀ я хочу теперь пред-

принять! Мнѣ достаточно извѣстно для этого, мой милый; я вѣдь знаю всѣ твои похожденія, презрѣнный, безчестный, подлый человѣкъ!

И Клара разразилась потокомъ ругательствъ. Родманъ хранилъ гробовое молчаніе и про себя спокойно обдумывалъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Наконецъ, когда Клара устала и остановилась, чтобы перевести духъ, онъ сказалъ ей:

— Выслушай меня. Конечно, ты хоть сейчасъ можешь выполнить то, что̀ грозишься сдѣлать. Но я тебѣ предлагаю вотъ что̀: уѣхать изъ Англіи съ тобою и нашимъ сыномъ. Выбирай, что̀ лучше: удовлетворить ли желанію отомстить и засадить меня въ тюрьму, или поступить такъ, какъ я предлагаю. Черезъ два часа я достану такую кучу денегъ, какой тебѣ и не снилось никогда. Я вернусь съ ними къ тебѣ, и тогда... Или нѣтъ, лучше ты подождешь меня на Вестминстерскомъ мосту. Рѣшай скорѣе. Предупреждаю: мнѣ лично все равно. Я не боюсь тюрьмы. Я для тебя же... Къ *той* женщинѣ я совершенно равнодушенъ и радъ буду съ ней развязаться. Я не буду лгать, не скажу, будто чувствую къ тебѣ какія-нибудь особенно нѣжныя чувства, но мальчишка—это другое дѣло... Отъ *той* у меня нѣтъ дѣтей. Подумай: ну, ты засадишь меня въ тюрьму—какая тебѣ отъ того будетъ польза? А главное мальчикъ: что̀ его ждетъ? нищета, голодъ, холодъ... Станетъ шататься по улицамъ, по кабакамъ... Рѣшай же скорѣе. Время идетъ; если дѣйствовать, то не теряя ни минуты.

Бѣдная женщина вздохнула.

— Кто васъ знаетъ! — сказала она: — у самого сатаны не болѣе черствое и злое сердце, чѣмъ у васъ. Вы хитры и коварны, я васъ знаю. Кто мнѣ поручится, что если я отпущу васъ теперь, вы не надуете меня и не скроетесь?

— Рѣшай скорѣе,—отвѣчалъ Родманъ, посмотрѣвъ на часы: —черезъ нѣсколько минутъ будетъ уже поздно.

— Я пойду съ вами вмѣстѣ туда, гдѣ вы будете получать деньги.

— Невозможно! Или довѣріе ко мнѣ, или иди и доноси полиціи. Впрочемъ можешь быть спокойна — я тебя не брошу, ради сына.

— И у васъ дѣйствительно нѣтъ еще дѣтей?

— Нѣтъ.

— Ахъ, что̀ мнѣ дѣлать?.. Долго вы тамъ пробудете?

— Гдѣ *тамъ*?

— Гдѣ вамъ выдадутъ деньги.

— Мнѣ нужно время, чтобы покончить со всѣми дѣлами. Потомъ я найму фіакръ и ровно въ часъ буду на мосту. Самое большее, если я опоздаю минутъ на двадцать.

— Скажи, гдѣ живетъ твоя жена?—вдругъ вскричала Клара.

— Чортъ побери!—въ свою очередь, крикнулъ Родманъ, теряя терпѣніе:—неужели у тебя не хватаетъ догадки, чтобы понять свою выгоду?

И онъ рѣшительно направился къ двери.

Клара ухватилась за него, желая его удержать. Родманъ не оттолкнулъ ее. Онъ совершенно неожиданно обнялъ ее и покрылъ ея лицо горячими поцѣлуями.

— Я возвращусь,—быстро проговорилъ онъ,—набивъ себѣ карманы банковыми билетами. Мы успѣемъ убѣжать, прежде чѣмъ спохватятся... Я старый волкъ, меня не такъ-то легко изловить. Все это я дѣлаю ради тебя и нашего сына...

И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Клара осталась одна. Поцѣлуи горѣли на ея поблекшихъ щекахъ. Они опьянили ее. Въ груди ея проснулось прежнее чувство къ этому человѣку, и она еще разъ повѣрила ему. Она не имѣла силъ бороться съ нахлынувшимъ чувствомъ, она обезсилѣла и не могла задержать мужа. Ребенокъ сидѣлъ въ кровати и смотрѣлъ на мать большими, удивленными глазами. Клара одѣла его, потомъ собрала свое жалкое имущество и уложила, что̀ было получше, въ небольшой, порыжѣлый сакъ. Въ одиннадцать часовъ она уже была на улицѣ. Шелъ дождь. Она сѣла въ дилижансъ, который и доставилъ ее къ самому Вестминстерскому мосту. Тамъ она слѣзла, и такъ какъ времени до часу оставалось еще порядочно, то зашла въ маленькую таверну и, спросивъ чашку кофе, хлѣба и масла, къ которымъ такъ и не притронулась, ждала условнаго часа. Наконецъ пробило часъ. Она поспѣшила выйти изъ таверны и стала на мосту, развернувъ большой старый зонтикъ. Время шло. Бѣдную женщину била лихорадка. Пробило четверть, потомъ—половину.

Поднялся вѣтеръ и сталъ дуть съ такою силою, что она едва удерживала въ рукахъ зонтикъ, которымъ пыталась защитить отъ дождя своего мальчика. Она не смѣла сознаться самой себѣ, что мужъ обманулъ ее еще разъ. Тоска грызла ей сердце, слезы подступали къ горлу. Полисменъ прошелся мимо нея нѣсколько разъ, затѣмъ спросилъ ее, кого она ждетъ? Она пробормотала въ отвѣтъ что-то невнятное. Подозрительно осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы, полисменъ удалился на другой конецъ моста.

Ребенокъ сталъ плакать и звать мать домой:—Мама, чего мы здѣсь стоимъ? Мама, мнѣ холодно!

Когда часы пробили два, никакихъ сомнѣній больше не могло уже быть, и Клара медленно побрела домой.

Между тѣмъ Генри, подкрѣпивъ силы въ ближайшемъ кабачкѣ, поспѣшилъ увѣдомить Ричарда о томъ, что̀ ему удалось случайно узнать о Родманѣ.

Не заставъ его дома, Генри не смутился и попросилъ служанку доложить м-съ Мотимеръ, что братъ ея мужа желаетъ съ нею говорить.

Внѣшность Генри произвела на Адель самое тяжелое впечатлѣніе. Онъ объявилъ, что имѣетъ сообщить Ричарду весьма важную новость. Онъ подождетъ его прихода, если Адель позволитъ.

Ждать ему пришлось не особенно долго.

— Хорошая новость! — вскричалъ онъ, увидѣвъ входящаго Ричарда.—Родманъ—двоеженецъ. Ты самъ очень легко можешь въ этомъ убѣдиться. Я сегодня видѣлъ его жену. Она дала мнѣ кое-что за сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей относительно ея мужа. Только какъ бы Родманъ не улепетнулъ—онъ знаетъ, что изобличенъ.

— Зачѣмъ же ты не заявилъ сейчасъ обо всемъ полиціи?

Генри хотѣлъ-было объяснить, почему онъ вообще не любитъ вступать въ какія-либо сношенія съ полиціей, но Ричардъ не сталъ его слушать. Онъ схватилъ свою шляпу, зонтикъ и направился къ выходу.

Онъ крикнулъ Адели, что не знаетъ навѣрно, когда возвратится, и чтобы она не ждала его къ обѣду, и сдѣлалъ знакъ Генри слѣдовать за нимъ.

Братья сѣли въ фіакръ и приказали кучеру гнать лошадей. Фіакръ покатился съ наибольшей быстротой, на какую только способны извозчичьи клячи.

Они застали Клару въ состояніи полнаго отчаянія. Она металась по комнатѣ въ безсильной злобѣ. Она уже обо всемъ донесла полиціи, и уже начаты были дѣятельные розыски бѣжавшаго.

Клара разсказала грустную исторію своего замужства. Девять лѣтъ тому назадъ она обвѣнчалась съ Родманомъ, тогда носившимъ фамилію Виллъямсона, и вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ Америку. Тамъ онъ ее бросилъ съ ребенкомъ, и съ тѣхъ поръ она его не видала.

Отъ Клары—Мотимеръ поспѣшилъ къ Алисѣ. Бѣдняжка ду-

мала, что это вернулся ея мужъ, и выбѣжала сама отворять. Увидѣвъ Ричарда, она сразу поняла, что произошло нѣчто необыкновенное.

— Чтò случилось?—вскричала она въ страхѣ:—гдѣ Вилли? Я знаю, что случилось что-нибудь, если ты пришелъ! Говори, чтò такое?

— Успокойся! успокойся!—отвѣчалъ Ричардъ: — ничего такого не произошло, чтобы стоило такъ волноваться. Твой Вилли бѣжалъ. Вотъ и все! Я хотѣлъ тебѣ предложить переѣхать къ намъ.

Алиса всплеснула руками при этихъ словахъ. Ей сжало горло. Потомъ съ нею сдѣлался жестокій нервный припадокъ. Она была какъ безумная.

Потомъ она впала въ какое-то тупое отчаяніе. Не отвѣчая на вопросы, ничего не видя, сидѣла она, подавленная горемъ. Въ такомъ видѣ сдалъ ее Ричардъ на попеченіе Адели.

— Во время твоего отсутствія,—сообщила послѣдняя,—заходили какіе-то три субъекта. Они обѣщали навѣдаться еще разъ вечеромъ.

— Вѣроятно, это члены комитета,—сказалъ Ричардъ съ волненіемъ.

Алису уложили въ постель.

Члены комитета, дѣйствительно, явились подъ вечеръ, какъ обѣщались.

Ричардъ толковалъ съ ними не менѣе получаса. Одинъ изъ нихъ говорилъ такъ громко, что голосъ его разносился по всему дому. Наконецъ все смолкло.

Очевидно, посѣтители ушли. Адель спустилась въ гостиную, встревоженная. Мотимеръ сидѣлъ предъ каминомъ и глядѣлъ на горку багровыхъ угольевъ съ бѣгавшимъ по нимъ синимъ пламенемъ, мѣстами уже подернувшуюся сѣрымъ пепломъ.

Онъ былъ блѣденъ и видимо сильно взволнованъ.

— Чтò случилось?—спросила Адель.

Тотъ повернулъ къ ней свое блѣдное лицо и взглядомъ пригласилъ ее сѣсть на стоявшее возлѣ кресло.

XVI.

— Эти господа—члены комитета нашей ассоціаціи. Одинъ изъ нихъ получилъ сегодня утромъ анонимное письмо, въ которомъ говорится, что ирландская компанія—ловушка для проста-

ковъ. Анонимный корреспондентъ сообщаетъ „изъ вѣрнаго источника“, что секретарь компаніи, Гиларій, скрылся, захвативъ съ собою изрядный кушъ, и это устроилось съ согласія Мотимера, съ которымъ онъ подѣлился барышами. Члены комитета требовали отъ меня доказательствъ, что я не соучастникъ этой мошеннической продѣлки. Но какъ я имъ докажу свою невинность? Я помѣстилъ вклады рабочихъ въ компанію, надѣясь сдѣлать выгодную операцію. Компанія оказалась мошеннической продѣлкой. Теперь меня роковымъ образомъ обвинятъ въ соучастіи.

Ричардъ говорилъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, но въ немъ слышалось отчаяніе. Онъ былъ смертельно блѣденъ.

Поблѣднѣла и Алиса. Обыкновенно отвращеніе къ мужу превышало въ ней всѣ остальныя чувства, но на этотъ разъ гордое спокойствіе, съ которымъ онъ встрѣтилъ новый обрушившійся на него ударъ судьбы, пробудило въ молодой женщинѣ симпатію къ нему.

— Но развѣ можно вѣрить анонимному письму?—вскричала она.

— Они навѣдались въ бюро компаніи и тамъ имъ подтвердили, что Гиларій дѣйствительно бѣжалъ.

— Кто бы могъ написать это письмо?—спросила Адель, задумавшись.

— Угадать трудно. Но у меня столько враговъ. И не можетъ ихъ не быть у человѣка, стоящаго во главѣ движенія. Ну, а ты—вѣришь клеветѣ, которую взводятъ на меня?

Ричардъ при послѣднихъ словахъ устремилъ пристальный взглядъ на Адель; онъ выражалъ такую глубокую тоску, что чувство невольнаго состраданія шевельнулось въ ней.

— Вѣрю ли я?—переспросила она въ смущеніи.

— Считаешь ли ты меня способнымъ злоупотребить довѣріемъ бѣдняка-рабочаго и воспользоваться его трудовыми грошами?

— Нѣтъ, я не считаю тебя способнымъ на это.

— Въ твоемъ голосѣ слышится сомнѣніе. Да, даже ты не увѣрена во мнѣ. Какъ же въ такомъ случаѣ разубѣдить другихъ? Кто мнѣ повѣритъ, если я скажу, что самъ былъ обманутъ этими мошенниками?

— Нѣтъ, Ричардъ, ты напрасно это думаешь. Я тебя считаю честнымъ человѣкомъ и не сомнѣваюсь въ тебѣ.

— Мнѣ отрадно слышать, что ты такъ говоришь. Я чувствую необходимость въ поддержкѣ. Мнѣ предстоитъ страшная борьба и, быть можетъ, послѣдняя,—прибавилъ онъ съ грустью:—но если я буду знать, что твоя вѣра въ меня не пошатнулась хоть въ

томъ отношеніи, что ты не считаешь меня способнымъ на низость, на воровство, то спокойно выдержу ее. Сегодня вечеромъ я долженъ присутствовать на митингѣ въ Клеркенвилѣ. Я надѣюсь, что съумѣю оправдаться передъ вкладчиками. А теперь надо проглядѣть газеты, нѣтъ ли въ нихъ какихъ-либо сообщеній насчетъ нашего дѣла.

Дѣйствительно, подъ заголовкомъ: „Провалъ ирландской компаніи", сообщалось о бѣгствѣ одного изъ заправилъ его, о растратахъ и хищеніяхъ. Ричардъ холоднымъ и даже нѣсколько насмѣшливымъ тономъ сталъ читать статейку женѣ, но она отлично замѣтила, какъ тряслись его руки, въ которыхъ онъ держалъ газету. Онъ кончилъ и воцарилось минутное молчаніе. Наконецъ онъ вскричалъ:

— Я погибъ! Какъ я докажу имъ, что я не причастенъ къ дѣлу! Все кончено, вся карьера разбита! Погибъ, погибъ!

Онъ не могъ одолѣть отчаянія, внезапно овладѣвшаго имъ. Газета выпала изъ рукъ; онъ сидѣлъ, опустивъ на грудь голову; вся поза его выражала полнѣйшую безнадежность.

— Я понимаю, какъ тебѣ это тяжело,—сказала Адель,—но будь мужественъ. Сегодня вечеромъ на митингѣ ты съ ними будешь говорить и все имъ объяснишь.

— Они ничего не захотятъ слышать! Пропали ихъ деньги, ихъ сбереженія, довѣренныя мнѣ! Я осужденъ, я погибъ безвозвратно.

Адель старалась всѣми силами поддержать мужество въ этомъ еще недавно столь самоувѣренномъ и, повидимому, непреклонномъ человѣкѣ.

Въ концѣ концовъ, ей удалось это. Ричардъ поднялъ голову. Взоръ его опять заблисталъ прежней энергіей и отвагой.

— Ты права, —сказалъ онъ,—не должно терять мужества. Я долженъ опровергнуть эту гнусную клевету. Такой человѣкъ, какъ я, не можетъ избѣжать зависти. Они хотѣли бы меня смѣшать съ грязью; мое паденіе доставило бы имъ величайшее удовольствіе. Увидимъ, однако, чья возьметъ! Въ воскресенье я организую небывалый митингъ. Я заткну горло тѣмъ, которые называютъ меня ренегатомъ, предателемъ, лицемѣромъ, и докажу имъ, что они скоты. Неблагодарные! они бросаютъ грязью въ человѣка, преданнаго душой и тѣломъ ихъ интересамъ.

— Ты не долженъ ничего бояться,—успокаивала его Адель;— навѣрно кончится тѣмъ, что они поймутъ свое заблужденіе, подозрѣнія всѣ разсѣятся и тебѣ сдѣлаютъ овацію.

Супруги садились за столъ, когда услышали, что кто-то быстро

сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Вслѣдъ затѣмъ входная дверь отворилась и съ шумомъ захлопнулась. Ричардъ побѣжалъ въ комнату Алисы—она была пуста. Алиса исчезла: не было никакого сомнѣнія —несчастная помѣшалась отъ горя. Ричардъ выбѣжалъ на улицу; за нимъ послѣдовала и Адель съ горничной. Они рѣшили отправиться по тремъ различнымъ направленіямъ. Быть можетъ, они еще успѣютъ ее догнать. Адель разсказала также о случившемся полисмену, который обѣщалъ немедленно дать знать въ сосѣднее полицейское бюро. Однако поиски ни къ чему не привели. Адель долго бродила по сумрачнымъ, пустыннымъ улицамъ квартала и наконецъ вернулась домой. Тамъ она нашла Ричарда. Поиски его не были успѣшнѣе; тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ продолжать ихъ. Алиса не могла уйти далеко. Надо было, тѣмъ не менѣе, поднять на ноги полицію. Адель напомнила ему о митингѣ.

— Они могутъ меня подождать; да если и совсѣмъ не дождутся, такъ и то не бѣда!—раздражительно отвѣчалъ Ричардъ.— Я не успокоюсь, пока не найду сестру.

— Въ такомъ случаѣ я вмѣсто тебя отправлюсь на этотъ митингъ. Я объясню имъ причины, по которымъ ты не можешь самъ явиться.

— Какъ? Ты хочешь туда отправиться?—вскричалъ Ричардъ въ изумленіи:—и ты не побоишься говорить въ такомъ многочисленномъ собраніи?

— Чего же мнѣ бояться? Я должна это сдѣлать, такъ какъ иначе подумаютъ, что ты уклоняешься отъ объясненій, и клевета утвердится еще прочнѣе. Я убѣждена, что—разъ буду говорить съ полной искренностью и чистосердечіемъ—они повѣрятъ мнѣ. Между тѣмъ ты будешь продолжать розыски.

Щеки Адели горѣли, глаза ея сверкали. Въ ней проснулась прежняя жажда жизни и дѣятельности. Она предложила мужу свою помощь подъ вліяніемъ внезапнаго порыва великодушія, столь свойственнаго ея натурѣ. То, какъ отнесся къ этому Ричардъ, его изумленіе и благодарность ей, укрѣпило ея желаніе дѣйствовать. Не въ ея характерѣ было останавливаться на полпути, колебаться и отступать передъ трудностью задачи. Обычную ея покорную кротость часто принимали за слабость характера, но мы уже видѣли, съ какою твердостью настояла она на томъ, чтобы найденное ею завѣщаніе было представлено. Она сѣла въ фіакръ и посмотрѣла на часы: уже девять! Зала должна быть теперь биткомъ-набита. И ужъ, разумѣется, отсутствіе Мотимера вызываетъ самые неблагопріятные для него комментаріи.

— Скорѣе! скорѣе!—кричала она извозчику. Раздраженіе толпы

противъ отсутствующаго оратора должно было возростать съ каждой минутой. Ей казалось, что лошади плетутся черепашьимъ шагомъ. Она вся дрожала отъ нетерпѣнія. Наконецъ—пріѣхала. Толпа народа стояла на улицѣ и у входа въ залу. Ждали Мотимера. Увидѣвъ выходящую изъ фіакра даму, толпа зашумѣла. Послышались замѣчанія, остроты.

— Вы меня подождете здѣсь!—крикнула Адель кучеру. Потомъ она обратилась къ тѣснившимся къ ней рабочимъ, съ изумленіемъ ее разсматривавшимъ:—Я желаю говорить съ членомъ комитета.

Одни встрѣтили эти слова взрывомъ грубаго хохота, другіе закричали:

— Пропустите ее, пропустите госпожу!—Одинъ изъ членовъ комитета съ любезной предупредительностью поспѣшилъ къ ней на встрѣчу. Адель назвала ему себя.

— Мой мужъ не можетъ быть сегодня на митингѣ. Я буду говорить вмѣсто него.

Въ залѣ стоялъ невообразимый гвалтъ. Когда Адель пробиралась черезъ толпу къ эстрадѣ, всѣ глаза устремились на нее.

Поднявшись на эстраду, Адель окинула взглядомъ эту залу, уставленную деревянными скамейками, которую озаряли мерцающимъ свѣтомъ языки газовыхъ рожковъ. Она видѣла прибитый на стѣнѣ длинный списокъ именъ тѣхъ изъ этой безпорядочной, ревущей толпы, которые довѣрили ея мужу свои трудовые гроши.

Она сама удивлялась своему хладнокровію. Одинъ изъ членовъ комитета ироническимъ тономъ объявилъ, что вотъ м-съ Мотимеръ желаетъ произнести рѣчь. Въ отвѣтъ на это толпа захохотала, десятки ногъ застучали объ полъ, но порядокъ скоро возстановился. Нѣсколько дюжихъ молодцовъ, въ косую сажень ростомъ, громовымъ голосомъ потребовали молчанія. Адель стояла на краю эстрады. Она оставила свой ватерпруфъ въ экипажѣ. Одѣтая въ простой, но въ высшей степени изящный костюмъ, въ шляпѣ, стояла она нѣсколько блѣдная, но спокойная. Ея благородная, меланхолическая красота составляла поразительный контрастъ съ рѣзкими, грубыми лицами окружавшихъ ее. Въ этой толпѣ попадались умныя и интеллигентныя лица, но у большинства преобладало выраженіе почти животной тупости. Всѣ приготовились слушать „храбрую даму“, какъ прозвали они Адель. Воцарившееся молчаніе прервалось на минуту возгласами, съ одной стороны, одобрительными, съ другой злобно-насмѣшливыми по адресу Адели.

Она начала говорить:

— Мой мужъ не можетъ сегодня присутствовать на митингѣ, и я пришла просить васъ извинить его. Съ своей стороны, я

рада этому, такъ какъ теперь могу сама защищать передъ вами его честь. Вотъ отчего онъ не можетъ сюда явиться: его сестра убѣжала изъ дому въ припадкѣ безумія. Мужъ теперь разыскиваетъ ее и, быть можетъ, подниметъ гдѣ-нибудь на улицѣ мертвую. Вотъ и все, что̀ я хотѣла вамъ сказать. Еще два слова прибавлю: моего мужа оклеветали передъ вами. Я не буду говорить, въ чемъ именно его обвиняютъ. Но онъ неспособенъ на безчестный поступокъ,—клянусь вамъ! Завтра вы его увидите, и онъ самъ защититъ себя и докажетъ неосновательность взводимыхъ на него обвиненій.

Произнеся эту краткую рѣчь, Адель обратилась къ члену комитета, прося проводить ее до экипажа. Ея мелодичный голосъ произвелъ чарующее впечатлѣніе на толпу, но когда она спустилась съ эстрады, гвалтъ возобновился.

Очутившись среди этихъ возбужденныхъ до послѣдней степени, кричащихъ и махающихъ руками людей, Адель почувствовала, что ей не легко будетъ добраться до противоположнаго конца залы, гдѣ былъ выходъ. Крики усиливались. Ей казалось, что какое-то страшное чудовище съ ревомъ разинуло пасть и сейчасъ поглотитъ ее.

„Дэмосъ“ бушевалъ, но однако среди толпы нашлось съ десятокъ лицъ, которыхъ тронули дышавшія искренностью и чистосердечіемъ, простыя слова молодой, печальной женщины. Они окружили ее, и подъ ихъ защитой она благополучно выбралась изъ залы. Усадивъ ее въ экипажъ, они проводили ее восторженными криками.

Долго еще въ ушахъ Адели звучалъ ужасный ревъ разъяреннаго „дэмоса“. Теперь она дрожала отъ страха, и сама удивлялась, какъ у нея хватило смѣлости войти въ берлогу этого звѣря, а еще больше тому, какъ это ей удалось уйти отъ него цѣлой.

XVII.

Поутру къ Мотимеру явился полицейскій агентъ. Онъ объявилъ, что его сестра поднята въ безсознательномъ состояніи на улицѣ и отправлена въ ближайшій госпиталь. Ричардъ сейчасъ же отправился къ сестрѣ и нашелъ, что везти ее домой въ такомъ положеніи было бы крайне опасно.

Въ утреннихъ газетахъ появились подробности относительно краха ирландской компаніи. Тутъ только узналъ Ричардъ объ участіи въ этой мошеннической спекуляціи Родмана, дѣйствовав-

шаго подъ другимъ именемъ. Ричардъ пришелъ въ ярость,—увы! безполезную.

— Я готовъ присягнуть,—кричалъ онъ,—что именно Родманъ—авторъ того анонимнаго письма, которое возбудило противъ меня вкладчиковъ. Очевидно, онъ дѣйствовалъ сообща съ этимъ негодяемъ Гиларіемъ. Вмѣстѣ разграбили кассу, вмѣстѣ бѣжали. И этотъ мошенникъ еще не пойманъ! Полиція положительно спитъ. Впрочемъ, кажется, Гиларія уже захватили въ Думрѣ, но Родмана не такъ-то легко поймать. Какой ловкій плутъ! По истинѣ способность лгать не краснѣя можетъ сдѣлать человѣку карьеру: ложью весь свѣтъ пройдешь. Двоеженецъ, воръ, и кто знаетъ, какія еще преступленія скрыты въ его прошломъ! И подумать только, что я могъ довѣриться такому человѣку! Я, впрочемъ, всегда его опасался—у него и физіономія мошенническая. Вѣдь я не хотѣлъ этого брака. Но что можно было сдѣлать съ Алисой? Готовъ пари держать, что мошенникъ уже давно на континентѣ.

Мотимеръ злился и на своихъ сотоварищей, членовъ комитета. Онъ читалъ въ ихъ взглядахъ недовѣріе къ себѣ. На самомъ ли дѣлѣ было такъ, или ему только такъ казалось, благодаря тому, что онъ настроилъ себя извѣстнымъ образомъ, но видимо они весьма неохотно пожимали ему руку, а нѣкоторые при встрѣчѣ съ нимъ прямо отворачивались. Только теперь онъ понялъ, какое громадное количество враговъ и завистниковъ нажилъ онъ за время своей славы.

Ему пришло также въ голову, что если Родманъ будетъ пойманъ, онъ не преминетъ назвать его въ числѣ своихъ соучастниковъ. Это страшно мучило его.

Все это время Адель поддерживала его своимъ мужествомъ, стараясь ободрить мужа, совершенно упавшаго духомъ.

— Вотъ,—съ горечью говорилъ онъ,—плоды моей дѣятельности, моего безкорыстнаго служенія идеѣ! Я теперь хорошо понялъ этихъ „друзей“ и „братьевъ“! Что я выигралъ? Я пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ ради нихъ,—а они? Какая черная неблагодарность!

Адель, однако, надѣялась на благопріятный исходъ. Если мужъ ея невиненъ, то не можетъ быть, чтобы онъ не восторжествовалъ надъ клеветой и завистью.

Супруги цѣлые часы проводили въ разговорахъ, обсуждая сообща положеніе дѣла. Она говорила спокойно, сдержанно, Ричардъ же постоянно переходилъ къ лирическимъ изліяніямъ на

тему о своемъ благородствѣ, самоотверженіи, безкорыстіи и неблагодарности толпы.

Расхаживая по комнатѣ, какъ звѣрь по клѣткѣ, онъ ругалъ Родмана на чемъ свѣтъ стоитъ. Потомъ сводилъ рѣчь на Алису, и голосъ его проникался искреннимъ чувствомъ:—Бѣдная,—говорилъ онъ,—всего тяжелѣе мнѣ то, что, благодаря этому Родману, мы съ ней за послѣднее время не видались и вообще охладѣли другъ къ другу. Но если она выздоровѣетъ, то поселится съ нами. Ты увидишь, Адель, она въ сущности хорошая дѣвушка. Подъ твоимъ вліяніемъ она можетъ развиться.

Наступилъ роковой день. Ричардъ долженъ былъ произнести передъ толпой свою защиту. Митингъ долженъ былъ происходить подъ открытымъ небомъ.

Адель, предчувствуя опасность, грозившую мужу, просила его хранить хладнокровіе. Вѣдь спокойное достоинство произведетъ на толпу гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ возбужденность и страстность.

— Прощай, Ричардъ!—сказала она, протягивая свою щеку для поцѣлуя:—желаю тебѣ всякаго успѣха.

— Прощай!—отвѣчалъ Мотимеръ. — Ты хорошая женщина. За эти дни я понялъ и оцѣнилъ тебя. И еслибы ты знала, какъ стыдно мнѣ за прошлое мое поведеніе съ тобою! Прости мнѣ тѣ оскорбленія, которыя я наносилъ тебѣ! Быть можетъ, я дѣйствительно гнался за призракомъ, самъ себя не понималъ; какъ бы то ни было, если я вернусь съ этого митинга, если все благополучно кончится, я брошу политику и общественную дѣятельность. Мы поселимся всѣ вмѣстѣ... Я очень виноватъ передъ своею матерью... Я передъ многими еще виноватъ. Ну, да что каяться! Прощай. Знай, что я никогда не забуду твоей доброты и глубоко уважаю твое великодушное сердце!

Тронутая до глубины души, Адель стояла, забывъ въ широкой рукѣ Ричарда свою маленькую ручку. Слезы овлажили ея взоръ. Ричардъ еще разъ поцѣловалъ ее и вышелъ.

По дорогѣ онъ заѣхалъ въ госпиталь, гдѣ лежала Алиса; она не узнала его. Ничего нельзя было разобрать изъ словъ, которыя она произносила въ бреду, за исключеніемъ имени Родмана. Терзаемый самыми противоположными чувствами, стоялъ Ричардъ у кровати сестры. Потомъ поцѣловалъ ее въ лобъ и, предоставивъ сидѣлкѣ ухаживать за ней, отправился на митингъ.

На Клеркенвель-Гринѣ, большой, треугольной площади, коляску, въ которой пріѣхалъ Мотимеръ, окружила собравшаяся здѣсь толпа. Онъ долженъ былъ говорить стоя въ экипажѣ.

Въ этой толпѣ, однако, оказалось довольно много сочувствующихъ ему. Они составили нѣчто въ родѣ отряда тѣлохранителей, обступивъ экипажъ. Изъ нихъ выдѣлялся нѣкто Редгринъ, геркулесъ съ желѣзными мускулами, нѣкогда на митингѣ подносившій Мотимеру адресъ, по случаю оставленія имъ Новаго-Ванлея. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ разбитіи оконъ въ замкѣ, и даже не будь его—едва-ли бы и состоялась эта манифестація. Теперь онъ похаживаетъ около экипажа, готовый дать отпоръ всякому, кто осмѣлился бы коснуться священной особы „друга народа". У него видимо чешутся руки, онъ красенъ и бросаетъ свирѣпые взоры изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

Вслѣдъ за Ричардомъ пріѣхалъ и м-ръ Уэстлекъ. Онъ вошелъ въ его экипажъ и сталъ съ нимъ рядомъ.

Поодаль образовался другой кружокъ—друзей Родгауза. Этотъ враждебный Ричарду станъ отдѣлялся отъ него многочисленной толпою индифферентныхъ лицъ, по большей части не заинтересованныхъ въ дѣлѣ и, во всякомъ случаѣ, неспособныхъ имѣть, а тѣмъ болѣе отстаивать собственное мнѣніе и готовыхъ,—смотря по тому, какъ сложатся обстоятельства—пристать безразлично къ той или иной партіи.

Враги Мотимера, подписчики „Набата", собирались дать рѣшительное сраженіе, и заранѣе уже торжествовали побѣду. Наканунѣ вечеромъ ихъ шумное собраніе происходило возлѣ одного кафé, въ Гокстонѣ. Сторонники Родгауза на этомъ собраніи были снабжены драгоцѣннѣйшими подробностями относительно ирландской компаніи, помѣстившей суммы, довѣренныя рабочими Мотимеру. Конечно, здѣсь не сомнѣвались въ его сообществѣ съ Гиларіемъ и Родманомъ. Совершенно игнорировали процессъ, благодаря которому дружба между ними превратилась въ вражду. Общая выгода ихъ соединила. Родгаузъ потиралъ руки. Насталъ, наконецъ, удобный случай отомстить Мотимеру за всѣ его выходки противъ „Набата", и окончательно убить его популярность.

И теперь, на площади Клеркенвель-Грина, сторонники его шныгали въ толпѣ, щедро расточая клеветы на Мотимера и поджигая народъ противъ него. Здѣсь находятся и знакомые намъ несравненные ораторы гг. Коусъ и Кулленъ. Даніель Доббъ тоже пришелъ на площадь. Со всякой манифестаціей онъ теперь соединялъ практическій разсчетъ. Онъ зналъ, что отъ крика у всѣхъ пересохнетъ горло, и тогда начнется усиленное потребленіе живительной влаги. „Чѣмъ больше наорутъ, тѣмъ больше выпьютъ",—думалъ онъ, съ саркастической улыбкой посматривая

на возбужденныя лица „братьевъ". Толпа все прибывала; волненіе усиливалось. Гвалтъ стоялъ такой, что нельзя было разслышать ораторовъ, пытавшихся говорить. Наконецъ ужъ геркулесъ-Редгринъ взобрался на подножку коляски и, приставивъ ко рту обѣ ладони, заревѣлъ громовымъ голосомъ, покрывшимъ крики толпы: „Вниманіе!" Однако еще долго пришлось ждать, пока толпа немного утихла, и Ричардъ, стоя въ коляскѣ, могъ начать говорить. Къ нему вернулось обычное спокойствіе. Къ тому же онъ помнилъ совѣтъ Адели хранить хладнокровіе на митингѣ. Его величавая фигура, властное слово, самоувѣренность—произвели глубокое впечатлѣніе на толпу.

Ричардъ говорилъ о той порѣ, когда еще, полный юношескаго пыла, онъ мечталъ объ освобожденіи своихъ собратьевъ изъ-подъ гнета капитала, о первыхъ шагахъ своихъ на поприщѣ общественнаго дѣятеля, о томъ, какъ онъ думалъ употребить свое состояніе, о надеждахъ основать общество на новыхъ началахъ. Вотъ его прошлое; оно безупречно и не позволяетъ допустить мысли, что онъ способенъ присвоить себѣ деньги рабочихъ, въ чемъ его обвиняютъ теперь. Неужели же онъ могъ быть сообщникомъ Родмана? Анонимное письмо, которому вѣрятъ его собратья, написано несомнѣнно этимъ негодяемъ. Онъ, вмѣстѣ съ другими, довѣрился компаніи, надѣясь совершить выгодную операцію, пустивъ въ оборотъ собранныя имъ деньги, и такимъ образомъ обогатить вкладчиковъ. Лучшія намѣренія руководили имъ.

Едва кончилъ Мотимеръ, какъ какой-то рабочій, взобравшись на плечи двухъ другихъ, завопилъ съ высоты этой импровизированной каѳедры, что онъ требуетъ слова, что онъ—одна изъ жертвъ Мотимера, однимъ глоткомъ потребившаго все, скопленное имъ съ такимъ трудомъ въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Тутъ уже Ричардъ не выдержалъ и закричалъ гнѣвнымъ, напряженнымъ голосомъ:—Вы лжете! О, я васъ отлично знаю! Вы вчера распространили слухи, будто я не посмѣю явиться на митингъ, и называли меня мошенникомъ и трусомъ; сегодня я вамъ возвращаю это, называя васъ гнуснымъ лжецомъ. Вы мнѣ всего-на-все внесли нѣсколько пенсовъ! Самое большее, что вы на это выпили бы лишнюю кружку пива. Вотъ что̀ я объявляю во всеобщее свѣденіе: вся сумма, внесенная вкладчиками, вмѣстѣ съ наросшими на нее процентами, будетъ уплачена мною!

— Хорошо! Не удалось стянуть наши денежки трудовыя, такъ и обѣщаетъ отдать! А потомъ убѣжитъ къ своему зятюшкѣ, ищи вѣтра въ полѣ! Мы это все отличнымъ манеромъ понимаемъ.

Поднялся страшный гвалтъ. Послышались свистки. Положеніе

Ричарда становилось критическимъ. Онъ всюду видѣлъ злобныя лица, изъ всѣхъ устъ излетали проклятія и ругательства, всѣ кулаки угрожали ему. Удивительно, сколько ненависти къ нему накопилось въ сердцахъ этихъ людей. Толпа бушевала, какъ море, готовая каждую минуту растерзать ненавистнаго ей человѣка, которому еще такъ недавно рукоплескала, называя чуть-ли не благодѣтелемъ, героемъ, мученикомъ за общее дѣло.

Новый ораторъ взгромоздился на плечи товарищей и, указывая пальцемъ на Мотимера, стоявшаго въ коляскѣ съ гордо приподнятой головой, закричалъ:

— Посмотрите на этого низкаго человѣка! Если выступятъ на свѣтъ Божій разныя его дрянныя дѣлишки и гнусныя продѣлки, вѣрно онъ перестанетъ задирать носъ. Въ то время, когда еще онъ былъ такимъ же, какъ и мы грѣшные, бѣднякомъ, не разъѣзжалъ въ колясках и не жилъ во дворцахъ, онъ обѣщалъ одной бѣдной работницѣ жениться на ней. Когда же ему досталось отъ дяди состояніе, какъ онъ поступилъ? А вотъ какъ. Онъ отказался отъ своего слова, надулъ бѣдную дѣвушку и женился на знатной миссъ, которая пошла за него только потому, разумѣется, что онъ былъ богатъ.

Ораторъ остановился на минуту, продолжая указывать обличительнымъ жестомъ на замѣтно поблѣднѣвшаго Мотимера и какъ бы давая время толпѣ прочесть на его лицѣ подтвержденіе своихъ словъ. Затѣмъ съ удвоенной яростью, сопровождая каждую фразу угрожающими жестами, ораторъ завопилъ:—Я не все еще сказалъ. Знайте, что этотъ человѣкъ, котораго вы видите теперь передъ собою, не только обманулъ дѣвушку, которой далъ свое слово, но и оклеветалъ ее, очернилъ ея честное имя! Чтò вы на это скажете? Вотъ каковъ этотъ господинъ, который называетъ себя другомъ народа и притворяется, будто отдаетъ всего себя его интересамъ! Если онъ способенъ на такіе поступки,—для него, очевидно, нѣтъ ничего святого, это человѣкъ безъ совѣсти и чести.

— Да! да! это вѣрно!—завопили безчисленные голоса.

Мотимеръ стоялъ какъ преступникъ, выслушивающій обвинительный актъ. Сердце его что-то сжало какъ тисками. Онъ поблѣднѣлъ какъ полотно и опустилъ голову на грудь. Каждая черта его лица выражала жестокую муку. Онъ задыхался и не могъ вымолвить ни слова.

Крики становились все яростнѣе. Толпа напирала на коляску. Редгринъ мигнулъ своимъ, и они окружили ее, приготовляясь дать

отпоръ нападавшимъ. Казалось, поднимался грозный валъ и шелъ на Мотимера, готовый обрушиться на него и поглотить его.

Митингъ кончился и началась свалка.

Враги Ричарда вопіяли о мщеніи. „Дэмосъ" бушевалъ, жаждалъ крови, грозилъ, скрежеталъ зубами. Ослѣпленные страстью, рабочіе лѣзли впередъ. Инстинктъ разрушенія подавилъ всѣ человѣчныя чувства. Понимая, что положеніе его становится критическимъ, Мотимеръ сошелъ съ коляски. Друзья окружили его, но ихъ было слишкомъ незначительное число, чтобы они могли противостоять нападающимъ. Полицейскіе агенты тоже не могли остановить свалку. Выскакивая изъ экипажа, Ричардъ потерялъ свою шляпу. Его затолкали, разодрали ему рукавъ пальто, кто-то схватилъ его за грудь и растерзалъ ему рубашку. И защищавшіе, и нападающіе одинаково мяли его, вырывая другъ у друга.

Еслибы толпа отбила Ричарда у кучки защищавшихъ его, онъ бы погибъ. Теперь ему удалось пробиться черезъ нее къ узкому переулку. Друзья его загородили дорогу рвавшейся толпѣ, а самъ онъ побѣжалъ, надѣясь свернуть въ какую-нибудь сосѣднюю улицу и ускользнуть отъ своихъ преслѣдователей. Онъ бѣжалъ и слышалъ за собой дикіе вопли разъяренныхъ рабочихъ. Они смяли загораживавшихъ имъ дорогу друзей Мотимера и теперь гнались за нимъ по пятамъ. Вдругъ Ричардъ замѣтилъ у одного дома группу женщинъ. Одна изъ нихъ махала ему, крича:—Сюда! сюда!—Задыхаясь, подбѣжалъ онъ къ ней. Она держала на-готовѣ открытую дверь. Онъ проскользнулъ вслѣдъ за нею, и женщина захлопнула дверь подъ самымъ носомъ гнавшихся за Ричардомъ. Онъ спасенъ!

Опершись на стѣну, Ричардъ перевелъ духъ. Давно наступили сумерки. Они стояли на площадкѣ полутемной лѣстницы, и Ричардъ не могъ разглядѣть лица своей спасительницы. Онъ слышалъ вопли толпы, бушевавшей на улицѣ. Они хотѣли выломать дверь и били въ нее палками и всѣмъ, что ни попадалось подъ руки.

— Этотъ домъ вашъ?—спросилъ Ричардъ стоявшую передъ нимъ женщину.

— Нѣтъ. Но хозяйка ушла. Постойте, я заложу дверь на крюкъ, а то они разобьютъ замокъ и войдутъ.

Ричардъ задрожалъ. Какой знакомый голосъ! Повидимому, женщина эта сохраняла полное спокойствіе и хладнокровіе. Заложивъ дверь на крюкъ, она повела его въ комнату.

— Эмма!—сказалъ Ричардъ, вглядываясь въ ея лицо.—Эмма, неужели это вы?

— Да, это я,—отвѣчала дѣвушка.

Какъ! эта дѣвушка—та самая, за которую толпа хотѣла растерзать его? И въ ея сердцѣ нѣтъ противъ него злобы, она не жаждетъ отомстить ему, нѣтъ—она спасаетъ его, вырываетъ изъ рукъ толпы, отворяетъ ему дверь своего дома!

— Вы не ранены, Ричардъ?—спросила она его, и ея голосъ прозвучалъ такъ сочувственно, какъ голосъ ангела.

— Нѣтъ, нисколько.

Въ эту минуту двое дѣтей робко вышли изъ темнаго угла, въ которомъ до тѣхъ поръ прятались, и, подойдя къ своей теткѣ уцѣпились за ея платье.

— Кромѣ васъ и дѣтей никого нѣтъ въ домѣ?—спросилъ Мотимеръ.

— Никого.

— Не могу ли я какъ-нибудь убѣжать другимъ ходомъ?

— Нѣтъ, другого хода нѣтъ.

— Они, наконецъ, разобьютъ дверь, и что̀ тогда съ вами будетъ, Эмма! Я предпочитаю лучше умереть самому, чѣмъ подвергать васъ опасности. Я выйду къ нимъ лучше... Слышите? Они ломятся... Слышите, какъ ревутъ, кричатъ, свистятъ? Это народъ. Они жаждутъ крови... а я жажду смерти. Постойте, это окно выходитъ на улицу?

Онъ подошелъ къ окну и открылъ его. Оно было довольно высоко отъ пола. При слабомъ свѣтѣ погасавшаго дня онъ замѣтилъ кровь, которая струилась съ головы Эммы по щекѣ и сбѣгала на платье.

— Боже мой! вамъ пробили голову!—вскричалъ онъ въ ужасѣ.

— Меня успѣлъ ударить палкой одинъ изъ догонявшихъ васъ,—отвѣчала Эмма съ кроткой улыбкой, унимая кровь платкомъ.

— Подлые люди!—проскрежеталъ Ричардъ.—Отойдите подальше отъ окна! Они, замѣтивъ меня, могутъ кинуть камнемъ и еще попадутъ въ васъ.

— Полиція успѣетъ разогнать ихъ прежде, чѣмъ они выломаютъ дверь.

Ричардъ открылъ окно, прося Эмму отойти. Но она молча покачала головой и осталась возлѣ него. Толпа ревѣла на улицѣ. Всѣ глаза были устремлены на домъ. Мотимеръ высунулъ голову. Вся улица была наводнена народомъ. Его имя во всѣхъ устахъ. Онъ глядѣлъ на это море головъ, слышалъ проклятія своихъ „братьевъ“... Онъ замѣтилъ вдали офицера, скакавшаго впереди отряда констеблей, сверкавшихъ своими касками. Моти-

меръ вздохнулъ съ облегченіемъ.—Слава Богу, вотъ и полиція. Мы спасены!—сказалъ онъ.

— Отойдите отъ окна, Ричардъ, я васъ умоляю!—просила Эмма.

Но онъ не слушался.

— Я хочу видѣть, какъ они будутъ колотить эту сволочь,—злобно промолвилъ онъ.

И, высунувшись изъ окна, онъ сталъ махать руками полицейскимъ.

Въ это мгновеніе камень, брошенный кѣмъ-то изъ толпы, ударилъ его въ високъ.

Ричардъ откинулся назадъ, зашатался и навзничь грохнулся на полъ.

Между тѣмъ полиція разгоняла толпу. Очистивши улицу, оцѣпили домъ, поставили на перекресткахъ кордоны.

Открывъ двери, полицейскіе проникли въ домъ. На полу лежалъ Ричардъ. Эмма стояла возлѣ на колѣняхъ, сжимая его холодныя руки. Она, казалось, потеряла сознаніе. Дѣти Катерины плакали, дрожа отъ страха.

Вслѣдъ за полиціей въ домъ прошло нѣсколько сердобольныхъ сосѣдокъ. Онѣ ахали, причитали, толкуя о происшествіяхъ этого вечера. Послали за докторомъ. Эмма оставалась все въ той же позѣ, неподвижная; она не плакала и не отвѣчала ни слова на вопросы. Всякій разсказывалъ о происшедшемъ на свой ладъ. Докторъ явился наконецъ. Онъ немедленно распорядился удалить изъ комнаты всѣхъ зѣвакъ. Эмму онъ не трогалъ, принявъ ее за вдову покойнаго.

Онъ заговорилъ съ ней, постарался привести ее въ себя и, замѣтивъ, что голова ея повязана, осмотрѣлъ ея рану—она была неопасна. Что же касается Мотимера, то онъ уже окоченѣлъ. Тѣло положили на кровать. Докторъ уѣхалъ, и Эмма осталась одна около того, кого она любила всю жизнь... Она слышала, какъ шептались за дверью сосѣдки. Онѣ могли говорить со смѣхомъ о томъ, что произошло. Даже видъ мертваго тѣла не могъ связать имъ языки. Лампа скуднымъ свѣтомъ озаряла низкую, мрачную комнату. Она вглядывалась въ это холодное лицо. Недвиженъ лежалъ тотъ, въ комъ еще такъ недавно кипѣли силы. Въ этой головѣ роились планы; теперь она безжизненна. Какой-то бредъ охватывалъ порою Эмму. Ей вдругъ представлялось, что онъ не умеръ, что онъ спитъ. Она робко называла его по имени, но онъ не отзывался на ея призывъ.

. . . .

Катерина вернулась домой поздно ночью. Она предложила Эммѣ смѣнить ее, но та отказалась и просила оставить ее одну. Тогда Катерина пошла болтать съ сосѣдками. Эмма слышала, какъ открывали и закрывали двери, какъ спускались и поднимались по лѣстницѣ, слышала голоса полисменовъ подъ окнами, просившихъ зѣвакъ не толпиться и проходить.

Эмма вдругъ почувствовала, что слезы полились изъ ея глазъ. Онѣ струились сами собой. Она подняла тѣло Ричарда, прижалась къ его безмолвному сердцу и, рыдая, называла его нѣжными именами... Въ эту минуту кто-то постучался въ двери. Вошла женщина. Вуаль скрывалъ ея лицо. Она подошла къ Эммѣ и, откидывая вуаль, сказала.

— Я жена Ричарда.

Эмма поднялась-было на встрѣчу ей и замерла, вглядываясь въ лицо вошедшей дамы.

— Мнѣ сказали внизу, что я найду здѣсь миссъ Эмму. Это вы, не правда ли?—продолжала Адель.

— Да, миссисъ,—отвѣчала тихо Эмма.—Печальнымъ, кроткимъ взоромъ смотрѣла она на ту, которая была причиной ея несчастья.

— Вы мнѣ позволите остаться здѣсь? Можетъ быть, вы устали и хотите уйти?

Эмма не отвѣчала. Адель подошла къ постели и долго смотрѣла въ лицо своего мертваго мужа.

Ей пришли на умъ послѣднія слова его, полныя симпатіи къ ней, сказанныя имъ, когда онъ сегодня прощался съ нею, отправляясь на митингъ. Быть можетъ, этотъ человѣкъ во многомъ былъ виноватъ, но какова бы ни была его вина—онъ искупилъ ее своею трагическою смертью. Передъ его могилой должна умолкнуть злоба и клевета; если же нѣтъ, то она сама будетъ защищать его память. Эмма вышла изъ комнаты и черезъ минуту вернулась съ угольями. Она затопила каминъ, и затѣмъ двѣ женщины провели безъ сна остатокъ ночи около тѣла.

XVIII.

Весна. Чистый, прозрачный, цѣлительный воздухъ; поля одѣты изумрудной, молодой зеленью; все въ ванлейской долинѣ цвѣтетъ, зеленѣетъ, и вся она приняла веселый, словно праздничный видъ, какъ будто нога „дэмоса“ никогда не попирала ея склоновъ. Можно ли теперь представить себѣ, что еще такъ недавно высокія, фаб-

ричныя трубы извергали клубы чернаго дыма, застилавшаго эту дѣвственную лазурь небесъ траурной дымкой! Что мѣрный стукъ тяжелыхъ молотовъ, свистъ и грохотъ машинъ раздавался тамъ, гдѣ теперь взвивается жаворонокъ и серебристою пѣснью оглашаетъ поля!

Губертъ сдержалъ слово: онъ снесъ до основанія Новый-Ванлей, не оставилъ слѣда его многочисленныхъ строеній; снова открылся горизонтъ и можно видѣть вершину Станбэри и черное облако, стоящее надъ промышленнымъ Бельвикомъ.

Не менѣе года протекло со дня трагической смерти Ричарда.

Было прекрасное апрѣльское утро. Губертъ Эльдонъ стоялъ съ пасторомъ на одномъ изъ возвышенныхъ пунктовъ долины, съ жадностью вдыхая теплое вѣяніе восточнаго вѣтра.

— Все по старому!—вскричалъ Губертъ радостно.

— Завидую вашему оптимизму; однако, прошлаго уже не воротишь, міръ преобразился, и все идетъ иначе,—возразилъ клерджименъ, задумчиво поникая головой.—Теперь даже фермеры заразились новыми идеями. Лучшее доказательство—молодой Больтонъ. Соціалистическія бредни вскружили ему голову, онъ поссорился со старикомъ отцомъ и уѣхалъ въ Бельвикъ, гдѣ и занялся „пропагандой", т.-е. превратился въ постояннаго посѣтителя кофеенъ и кабачковъ, гдѣ съ трубкой въ рукѣ ораторствовалъ за кружкой. Кончилось это тѣмъ, что онъ какъ-то попалъ въ исторію съ полиціей и теперь приговоренъ къ двухнедѣльному тюремному заключенію. Отбудетъ срокъ—опять за тоже примется.

— Пусть ихъ! я остаюсь вѣрнымъ старымъ идеаламъ. Зелень, деревья, голубое небо—вотъ чему я поклоняюсь. Въ этой долинѣ и бѣдняку будетъ легче жить, чѣмъ рабочему, обладающему достаткомъ, среди грязи и копоти фабрикъ. Первый живетъ въ общеніи съ природой и потому сохранитъ обликъ человѣческій.

Собесѣдники помолчали.

— А замѣтили вы,—началъ опять Губертъ,—во вчерашнемъ нумерѣ „Belwick chronicle" письмо м-съ Мотимеръ? Это отвѣтъ на нападки одной газеты на ея покойнаго мужа. Она его защищаетъ, какъ убѣжденная соціалистка!

— Вы къ ней несправедливы. По-моему, это ей дѣлаетъ честь. Съ той минуты, какъ имя Ричарда стало достояніемъ исторіи соціалистическаго движенія (вѣдь и у этого движенія есть своя исторія!) и разныя журнальныя шавки начали позорить его память, называть его чуть ли не предателемъ, жена его имѣетъ полное право защищать его. Неужели же она должна молчать? Я высоко ставлю эту женщину. Это—благородное и великодуш-

ное существо. Впрочемъ, я надѣюсь, вы перемѣните о ней мнѣніе, если обсудите дѣло спокойно и безпристрастно.

— Какъ вы хотите, чтобы я былъ безпристрастенъ! Меня грызетъ ревность. Я не могу понять, какъ она могла полюбить подобнаго человѣка. Ну, да что говорить! Оставимъ это. Поговоримъ о другомъ, о моихъ проектахъ этимъ лѣтомъ совершить поѣздку на континентъ въ Германію, для осмотра тамошнихъ музеевъ. Что вы думаете объ этомъ?

Но клерджименъ, казалось, не слыхалъ Эльдона. Онъ думалъ о своемъ. Воцарилось молчаніе.

Наконецъ, онъ сказалъ:

— Извините, что я опять возвращаюсь... Вотъ вы то-и-дѣло твердите, что м-съ Мотимеръ любила своего мужа. Мнѣ кажется, что вы это такъ только говорите... Я не думаю, чтобы вы были искренно въ этомъ убѣждены...

— Совершенно искренно. Почему вы такъ сомнѣваетесь въ моей искренности?

— Мнѣ такъ кажется, что вы нарочно себя увѣрили...

— Позвольте: почему она вышла за него замужъ? Въ силу какихъ причинъ она вдругъ превратилась въ ярую защитницу соціалистическихъ доктринъ, когда до замужства ненавидѣла самое слово „соціализмъ“ и всѣ эти *измы* приводили ее въ ужасъ? Съ какой стати упрашивала она меня пощадить всю эту затѣю Мотимера и чуть ли не быть его преемникомъ и продолжателемъ его дѣла? Наконецъ, теперь—то, съ какимъ жаромъ защищаетъ она его отъ газетныхъ нападокъ, доказываетъ, какъ она его любила. Примите все это въ соображеніе, и вы поймете меня. Тутъ цѣлый рядъ разительныхъ доказательствъ. Сомнѣнія быть не можетъ въ значеніи приведенныхъ мною фактовъ.

— Такъ-то такъ,—отвѣчалъ пасторъ:—аргументы ваши съ виду неотразимы, но... тутъ нужно принять въ разсчетъ еще кое-что... Пожалуй найдутся не менѣе вѣскія доказательства совершенно противоположнаго. Я хорошо знаю, что она согласилась на предложеніе Мотимера только послѣ того, какъ разочаровалась въ васъ, когда ей представили васъ въ такомъ свѣтѣ, что она не могла уже больше считать васъ достойнымъ быть избранникомъ честной и порядочной женщины. Далѣе, примите въ разсчетъ, что тутъ старались мать и братъ, и ихъ вліяніе играло большую роль. Наканунѣ того дня, какъ дала свое согласіе, Адель приходила ко мнѣ, но не застала меня дома. Я въ это время съ вами шелъ по деревнѣ и мы бесѣдовали... помните? Зачѣмъ она ко мнѣ приходила? Весьма возможно, что,

какъ дѣвушка набожная, она въ критическую минуту жизни хотѣла посовѣтоваться съ духовнымъ отцомъ.

— Почему же вы мнѣ тогда этого не сказали?—вскричалъ Губертъ.

— Увы, было слишкомъ поздно! На слѣдующій день, утромъ, я отправился къ нимъ, но мнѣ не удалось видѣть Адели. Мать меня встрѣтила и торжественно сообщила о помолвкѣ.

— Но все ея дальнѣйшее поведеніе? Что̀ вы на этотъ счетъ скажете?

— Женщина такого рода, какъ она—гордая, полная чувства собственнаго достоинства, добродѣтельная—и не могла иначе вести себя. Съ той минуты, какъ она стала женой Мотимера, она уже долгомъ считала сохранять ему непоколебимую вѣрность во всю жизнь и защищать его память по смерти. Что же касается ея просьбъ не уничтожать филантропическаго предпріятія ея мужа, то, во-первыхъ, она считала это долгомъ, и, наконецъ, почему же его идеи, при ближайшемъ ознакомленіи съ ними, не могли измѣнить ея взглядовъ? Кстати, вы вѣдь передъ отъѣздомъ побываете въ Лондонѣ у м-ра Уэстлека?

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Губертъ съ разсѣяннымъ видомъ.

— Совѣтую побывать.

Оба замолчали и направились внизъ по склону горы, каждый думая о своемъ.

Вальтамы оставили Ванлей и поселились въ окрестностяхъ Бельвика. Такъ было удобнѣе для Альфреда, занимавшаго теперь видное мѣсто и нѣсколько укротившаго свой ярый радикализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ съ каждымъ днемъ разсыропливалъ густую квинтъ-эссенцію своихъ соціалистическихъ идей и, по мѣрѣ матеріальныхъ успѣховъ, какъ водится, становился все болѣе и болѣе умѣреннымъ. Конечно, сказывалось на немъ и вліяніе жены. Богобоязненная Летти, незамѣтно для своего мужа, забрала его въ руки,—впрочемъ, не путемъ открытаго противорѣчія его взглядамъ и стремленіямъ, но тѣмъ окольнымъ, которымъ дѣйствуютъ всѣ, даже самыя кроткія и, повидимому, беззащитныя и уступчивыя супруги, и всегда съ успѣхомъ.

Альфредъ превратился въ умѣреннаго радикала. Прошло около трехъ мѣсяцевъ со смерти Ричарда, когда Адель пріѣхала въ Бельвикъ повидаться съ родными. Летти обрадовалась ей несказанно. Адель поразила ее своимъ здоровымъ видомъ. Она вновь расцвѣла; это была прежняя Адель, какою знала ее Летти до ея замужства. Грація, доброта, умъ, свѣтившійся въ ея полныхъ жизни глазахъ, все пріобрѣло только бо̀льшую закончен-

ность. Одѣта она была съ меньшимъ ригоризмомъ, и Летти не могла удержаться, чтобы не сказать, что она никогда еще не видѣла ее такой очаровательной. Этотъ комплиментъ заставилъ Адель покраснѣть отъ удовольствія. Но вслѣдъ затѣмъ лицо ея приняло строгое выраженіе; впрочемъ, скоро тихая грусть смѣнила его, и нельзя было опредѣлить, чѣмъ это вызвано—воспоминаніемъ ли о недавнемъ прошломъ, или это—чувство неудовлетворенности настоящимъ, съ неопредѣленными надеждами на будущее.

М-съ Вальтамъ пріютила у себя Алису Родманъ. Она оправилась отъ своей болѣзни довольно быстро. Чувства ея, выражавшіяся съ такою силою, не были особенно глубоки, и, возмущая поверхность ея души, не проникали въ глубь ея. Она много плакала, тосковала, но время сдѣлало свое дѣло. Разрушительно дѣйствуютъ лишь тѣ незримыя, глубоко затаенныя въ сердцѣ, чувства, подтачивающія самые корни человѣческой жизни. Благодаря своей натурѣ, Алисѣ нечего было страшиться этихъ незримыхъ враговъ, неотступныхъ, постоянныхъ и гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ шумные припадки безумной горести. Когда Родманъ былъ, наконецъ, пойманъ, судимъ за совокупность совершонныхъ имъ преступленій и, наконецъ, сосланъ въ каторжныя работы, она уже успѣла оправиться и позабыть обманщика. Теперь она чувствовала себя свободной; законъ отомстилъ за нее, и спокойствіе сошло въ ея душу.

М-съ Вальтамъ тоже радовалась, что все, наконецъ, пришло къ благополучной развязкѣ; одно лишь теперь являлось терніемъ въ ея жизни—фантазія, пришедшая Адели, писать въ газетахъ.

— Безъ сомнѣнія,—говорила она Летти, защищавшей всегда своего друга и находившей все въ ней прекраснымъ:—Адель не дюжинная женщина. Но все-таки напрасно она пишетъ. И къ чему также было ей брать на себя долги мужа? Она вовсе не обязана была выплачивать вкладчикамъ суммы, довѣренныя ими покойному Мотимеру. Все это, быть можетъ, и великодушно, и благородно, но неблагоразумно, положительно неблагоразумно...

Въ тотъ день, когда Адель пріѣхала изъ Лондона къ роднымъ, въ судьбѣ Алисы произошла счастливая перемѣна.

Ея давнишній обожатель, м-ръ Кинъ, нынѣ одинъ изъ соредакторовъ бельвикской газеты, сдѣлалъ ей предложеніе.

Алиса съ радостью немедленно согласилась. Такимъ образомъ Адель уѣхала въ Лондонъ, успокоенная насчетъ своей бѣдной золовки.

Она не забыла также несчастную Эмму. Съ помощью

м-ра Уэстлека дѣвушка получила хорошее мѣсто. Адель была у нея нѣсколько разъ. Она говорила, что самый голосъ этого кроткаго существа звучалъ въ ея ушахъ какъ небесная музыка. Улучшеніе въ положеніи сестры отозвалось и на Катеринѣ.

Лишь о Генри не было ничего слышно. Впрочемъ его судьба и не интересовала особенно никого.

Со Стеллой молодая вдова видѣлась очень часто.

Однажды, когда пріятельницы сидѣли вмѣстѣ, ведя оживленный, задушевный разговоръ, слуга доложилъ, что м-ръ Губертъ Эльдонъ желаетъ видѣть миссисъ.

Услыша это имя, Адель задрожала и вся вспыхнула. Сердце ея забилось, замирая въ какой-то сладкой надеждѣ. Въ головѣ ея вдругъ возникло сознаніе, что она свободна, что тотъ, кого она любила такъ давно, Губертъ, предметъ ея первой и единственной любви, сейчасъ войдетъ, увидитъ ее, заговоритъ съ нею...

Ей было стыдно своихъ чувствъ, но она не могла справиться съ собою.

Онъ вошелъ—спокойный, холодный, и ея волненіе вдругъ улеглось. Онъ заговорилъ съ хозяйкой, потомъ обратился и къ ней:

— Передъ отъѣздомъ изъ Англіи,—сказалъ онъ,—я хотѣлъ написать вамъ, но счастливый случай свелъ насъ вмѣстѣ, и я объясню на словахъ. Видите ли, дѣло касается выдачи того ежегоднаго пенсіона, который назначилъ въ своемъ завѣщаніи дядя вашего покойнаго мужа выдавать ему, а въ случаѣ смерти послѣдняго—женѣ его. Такъ вотъ я и хотѣлъ, чтобы покончить съ этимъ, предложить вамъ сразу весь тотъ капиталъ, доходъ съ котораго долженъ поступать ежегодно въ ваше распоряженіе. Такъ, мнѣ кажется, будетъ удобнѣе и для васъ, и для меня.

Когда Эльдонъ произносилъ эти слова, голосъ его звенѣлъ холодно, металлически, какъ звенятъ монеты, когда ихъ считаютъ.

Холодъ прошелъ по сердцу Адели; она не понимала значенія словъ, произносимыхъ Губертомъ,—лишь звукъ ихъ былъ понятенъ ей: онъ говорилъ о разлукѣ, объ окончательномъ разрывѣ, о гибели едва распустившихся надеждъ ея.

Она отвѣчала, что согласна на его предложеніе и находитъ его планъ весьма разумнымъ; потомъ спросила, продолжаетъ ли онъ такъ же интересоваться искусствомъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—но какъ дилеттантъ.—Еще было сказано нѣсколько столь же безсодержательныхъ фразъ, и они разстались. Два дня спустя она подписала какой-то актъ, при-

несенный нотаріусомъ, и отъ него узнала, что Губертъ уѣзжаетъ вечеромъ.

Итакъ, все кончено! Наступилъ вечеръ. Адель сидѣла одна въ своей комнатѣ. „Теперь онъ долженъ быть уже въ морѣ!“ — думала она. И только въ эту минуту поняла Адель, какъ горячо любила она этого человѣка.

И вдругъ ей доложили о приходѣ Губерта. Онъ желаетъ ее видѣть! зачѣмъ? неужели опять какія-нибудь дѣла? Боже, что за мученье! Опять этотъ суровый, холодный тонъ, опять пережить всѣ невыносимыя муки сознанія, что все погибло, что тотъ, кто былъ ей дороже жизни, разлюбилъ ее, не понялъ или ужъ и опредѣлить нельзя, почему, когда она стала свободна, вдругъ отвернулся отъ нея!

Она сошла въ гостиную, чувствуя, что не въ силахъ скрыть свое волненіе, что онъ по лицу ея угадаетъ, въ какомъ она состояніи въ эту минуту.

Боже мой, до свѣтскихъ ли приличій въ такую минуту!

Но едва она взглянула на Губерта, какъ поняла, что онъ пришелъ не по дѣлу, что это—прежній Губертъ.

Онъ стоялъ блѣдный, взволнованный, дрожащій. Онъ глядѣлъ на нее съ безконечной тоскою.

— Я думала, вы уже теперь далеко!—сказала она просто.

— Да, я хотѣлъ... я думалъ уѣхать сегодня же, но... я не могъ уѣхать, не увидавъ васъ, не поговоривъ съ вами...

— Но о чемъ же мы будемъ говорить?

Выраженіе внутренней, мучительной боли прошло по блѣдному лицу Губерта.

— Неужели вы не можете угадать?—вскричалъ онъ:—неужели вы не понимаете, не видите, что я не могу съ вами разстаться, что вы для меня все, что я не могу жить безъ васъ! Увы, на чтò я могу надѣяться, чего еще ожидать! Итакъ, за безумныя увлеченія юности я долженъ заплатить счастьемъ всей моей жизни! А между тѣмъ это несчастное увлеченіе пронеслось какъ облако надъ моей душою, не оставивъ ничего въ моемъ воспоминаніи, кромѣ горечи поздняго раскаянія. Да, слишкомъ поздно! Вы презираете меня. Вашъ холодный взглядъ сказалъ мнѣ это. Но клянусь вамъ, клянусь всѣмъ, чтò ни есть для меня святого—васъ одну любилъ я и буду всегда любить!

— Зачѣмъ же вы не сказали мнѣ этого раньше?—тихо спросила Адель, низко опуская голову.

— Боже мой, я и затѣялъ это дѣло съ передачей вамъ капитала лишь затѣмъ, чтобы имѣть право видѣть васъ и гово-

рить съ вами!.. Но ваша суровость, холодный, строгій видъ оледенили меня... Слова замерли на моихъ губахъ.

— Итакъ, мы взаимно притворялись другъ передъ другомъ холодными и равнодушными!—сказала Адель, поднимая голову. Все лицо ея свѣтилось счастливой улыбкой.

— Къ чему вспоминать прошлое!—продолжала она:—все прошло, миновалось, какъ мрачное, тяжелое сновидѣніе... Настоящее—въ нашихъ рукахъ!

Губертъ смотрѣлъ на нее восторженнымъ взглядомъ. Она склонилась къ нему. Облако притворнаго равнодушія, окутывавшее такъ долго ее, разсѣялось, и она предстала передъ нимъ во всемъ блескѣ своей одухотворенной красоты, какъ рабыня, разбившая, наконецъ, свои цѣпи.

А. Э.

НОВАЯ КНИГА РЕНАНА

—*E. Renan,* Histoire du peuple d'Israel. Tome troisième. Paris, 1891.

Эрнестъ Ренанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей—немногочисленныхъ въ Россіи, но въ западной Европѣ встрѣчающихся довольно часто,—которые долго сохраняютъ свѣжесть мысли, бодрость духа, способность и охоту къ усиленному умственному труду. Ему скоро минетъ семьдесятъ лѣтъ—а между тѣмъ сочиненіе, предпринятое имъ въ старости, подвигается впередъ скорѣе, чѣмъ работа его зрѣлаго возраста. Послѣдній (седьмой) томъ „Исторіи происхожденія христіанства" вышелъ въ свѣтъ двадцать лѣтъ спустя послѣ перваго. Три тома „Исторіи израильскаго народа" быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ—и не дальше, какъ черезъ годъ, исполнится, быть можетъ, надежда, выраженная Ренаномъ въ предисловіи къ первому тому: онъ приведетъ къ концу второе крупное дѣло своей жизни. Едва ли, однако, онъ и тогда оставитъ перо. Если восьмидесятилѣтній Гюго продолжалъ писать стихи, если восьмидесятилѣтній Гладстонъ соединяетъ политическую дѣятельность съ литературной работой, если даже у насъ восьмидесятилѣтній Рѣдкинъ напечаталъ, въ три послѣдніе года передъ смертью, чуть ли не больше, чѣмъ въ теченіе всей прежней жизни, то мы не видимъ причины, почему семидесятилѣтній Ренанъ не могъ бы приступить къ осуществленію своей завѣтной мечты—къ составленію исторіи древней Греціи, которая служила бы „параллелью къ исторіи іудаизма и христіанства". Подъ рукою такого художника и мыслителя, какъ Ренанъ, старая

задача получила бы новую прелесть. Ему незачѣмъ было бы повторять факты, много разъ изложенные, незачѣмъ было бы даже останавливаться на спорныхъ вопросахъ политической и экономической исторіи; большимъ пріобрѣтеніемъ былъ бы и общій очеркъ цивилизаціи, столь дорогой и близкой Ренану. „Греція—говоритъ онъ въ предисловіи къ первому тому „Histoire du peuple d'Israel“ — положила основаніе гуманизму, раціональному и прогрессивному. Наша наука, наше искусство, наша литература, наша философія, наша нравственность, наша политика, наша стратегія, наша дипломатія, наше морское и международное право — все это греческаго происхожденія. Созданная Греціей рамка человѣческой культуры можетъ быть расширяема до безконечности; но прибавлять къ ней нечего, все существенное имѣется въ ней на-лицо. Прогрессъ всегда будетъ заключаться въ развитіи задуманнаго Греціей, въ исполненіи того, чему она представила превосходные образцы“. Понятно, какой высокій интересъ представляла бы подробная мотивировка этой основной идеи.

Проходя молчаніемъ, по примѣру прежнихъ нашихъ замѣтокъ о Ренанѣ [1]) и на основаніи тѣхъ же, какъ и прежде, соображеній, многое—и наиболѣе существенное — въ третьемъ томѣ „Исторіи израильскаго народа“, мы остановимся на одной любопытной чертѣ, свойственной и предъидущимъ частямъ этой книги, и другимъ сочиненіямъ Ренана. Ренанъ—большой любитель параллелей между разными историческими эпохами, между прошедшимъ и настоящимъ. Въ „Антихристѣ“, напримѣръ, осада Іерусалима римскими войсками вызываетъ автора на разсужденія, прямо или косвенно примѣнимыя къ только-что окончившейся тогда осадѣ Парижа. Разсказывая про еврейскихъ зелотовъ, онъ думаетъ, очевидно, о французскихъ коммунарахъ. Въ „Христіанской церкви“ онъ уподобляетъ одного изъ дѣятелей II вѣка — Ламеннэ, другого—модному проповѣднику въ модной парижской церкви. Во второмъ томѣ „Histoire du peuple d'Israel“ матеріалъ для сравненій черпается Ренаномъ изъ исторіи исламизма и реформаціи, изъ произведеній Микель-Анджело, изъ недавняго прошлаго французской прессы, изъ современной публицистики. Тотъ же самый пріемъ, только въ бо́льшихъ еще размѣрахъ, мы встрѣчаемъ и въ разбираемой нами теперь книгѣ. „Меня упрекали—говоритъ, по этому поводу, Ренанъ—за слишкомъ частое сопоставленіе давнишнихъ событій съ движеніями нашей эпохи.

[1]) О первомъ томѣ „Исторіи израильскаго народа“ мы говорили въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1888 г., о второмъ—въ № 5 за 1889 г.

Не моя вина, если я опять навлеку на себя неудовольствіе риторовъ. Исторія древняго іудаизма—лучшій примѣръ противоположности между вопросами политическими и соціальными. Тогдашніе израильскіе мыслители были первыми изобличителями мірской неправды; они первые возстали противъ неравенствъ, злоупотребленій, привилегій, безъ которыхъ немыслимо существованіе войска и сильнаго общества. Они шли въ разрѣзъ съ интересами своего маленькаго народа—но способствовали, зато, основанію великаго религіознаго зданія, послужившаго пріютомъ для человѣческаго рода. Это—урокъ, въ высшей степени поучительный. Націи, посвящающія себя соціальнымъ вопросамъ, должны погибнуть, но погибнуть славною смертью, если только этимъ вопросамъ принадлежитъ будущее. Разсудительные люди въ Іерусалимѣ, за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова, пылали гнѣвомъ противъ пророковъ, дѣлавшихъ невозможнымъ всякое военное или дипломатическое предпріятіе. А между тѣмъ какимъ несчастьемъ, въ данномъ случаѣ, была бы побѣда разсудительности! Іерусалимъ остался бы нѣсколько дольше столицей незначительнаго царства —но не сдѣлался бы религіозной столицей человѣчества". Мы думаемъ, что возраженіе Ренана обращено не по надлежащему адресу. Несимпатичной или фальшивой манера Ренана должна казаться не столько „риторамъ", сколько строгимъ и сухимъ ученымъ, враждебнымъ всякому проблеску субъективизма. Кто признаетъ за историкомъ право быть поэтомъ, кто цѣнитъ въ исторіи не одно только безстрастное изображеніе прошедшаго, но и проблески свѣта, бросаемаго имъ на настоящее и будущее, тотъ ни въ какомъ случаѣ не присоединится къ числу систематическихъ обвинителей Ренана. Писатель живой, воспріимчивый, глубоко заинтересованный всѣмъ совершающимся вокругъ него, озабоченный грядущими судьбами своего народа и всего образованнаго міра, не можетъ отрѣшиться отъ злобы дня, въ особенности когда предметъ, его занимающій, соединенъ съ нею множествомъ неразрывныхъ нитей. Неудивительно, если онъ переступаетъ иногда за предѣлы научнаго изслѣдованія и даже научной гипотезы; неудивительно, если онъ даетъ волю своей фантазіи и своему чувству. Конечно, мы должны различать между этими порывами и точными выводами изъ достовѣрныхъ данныхъ; мы должны помнить, что *замѣной* послѣднихъ первые служить не могутъ— но это еще не значитъ, чтобы для нихъ вовсе не было мѣста въ области исторіи. Ренанъ — историкъ того же типа, какъ и Мишле́, Кине́, Огюстенъ Тьерри. Подобно имъ, онъ вноситъ въ исторію поэтическое чутье, даетъ въ ней право гражданства до-

гадкамъ, смѣлымъ скачкамъ мысли, переносящейся изъ вѣка въ вѣкъ, сближающей отдаленное и разнородное. Исходныя точки Ренана, его убѣжденія и симпатіи — совершенно иныя, чѣмъ у только-что названныхъ писателей; аналогиченъ только способъ обращенія съ историческимъ матеріаломъ. Провозгласить незаконность этого способа—значило бы осудить цѣлый рядъ произведеній, составляющихъ украшеніе и гордость французской исторической литературы. Другое дѣло—примѣненіе метода въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, къ каждому отдѣльному вопросу. Ошибки, преувеличенія, натяжки представляются здѣсь не только возможными, но и неизбѣжными, именно вслѣдствіе безграничной свободы творческаго воображенія.

„Націи, посвящающія себя соціальнымъ вопросамъ, должны погибнуть". Въ этихъ словахъ предисловія къ третьему тому „Исторіи израильскаго народа" выражена мысль, давно занимающая или, лучше сказать, преслѣдующая Ренана. Мы встрѣчаемъ ее уже въ одной изъ самыхъ раннихъ его статей, посвященной сочиненію Эвальда (Geschichte des Volkes Israel) и вошедшей въ составъ сборника, озаглавленнаго: „Etudes d'histoire religieuse". „Могущественное дѣйствіе греческаго генія на древній міръ"— говоритъ молодой, въ то время еще мало извѣстный авторъ — „началось только тогда, когда Греція не играла больше политической роли. Первою причиной упадка Италіи было стремленіе ея къ универсализму, къ умственному первенству въ Европѣ, котораго она надолго и достигла, но за которое заплатила полнѣйшимъ безсиліемъ во внутреннихъ, домашнихъ дѣлахъ своихъ. Кто знаетъ, не распространятся ли повсюду французскія идеи, когда сама Франція не будетъ болѣе существовать? *Чтобы дѣйствовать на міръ, нужно умереть для самого себя;* народъ, дѣлающійся миссіонеромъ религіозной мысли, не имѣетъ, кромѣ нея, другого отечества, такъ что въ этомъ смыслѣ слишкомъ большая религіозность убиваетъ народъ, препятствуетъ чисто-національной его организаціи". То же самое Ренанъ повторяетъ, съ бо̀льшею еще настойчивостью, лѣтъ пятнадцать спустя, послѣ катастрофъ 1870—71 г. „Нація, посвящающая себя религіознымъ и соціальнымъ задачамъ,—читаемъ мы въ „Антихристѣ", — погибаетъ для политической жизни. Въ тотъ день, когда Израиль сдѣлался *царскимъ священіемъ и языкомъ святымъ, избраннымъ отъ всѣхъ языкъ* (Исходъ XIX, 5 и 6), было рѣшено, что онъ не будетъ похожъ на другіе народы. Противоположныя призванія несовмѣстимы; за превосходство въ одномъ отношеніи всегда приходится платиться слабостью въ другомъ. Народамъ

предстоитъ выборъ между долгимъ, спокойнымъ, безвѣстнымъ существованіемъ того, кто живетъ только для самого себя, и бурнымъ, смутнымъ поприщемъ того, кто живетъ для человѣчества. Нація, волнуемая религіозными и соціальными проблемами, *какъ нація* почти всегда бываетъ слаба. Страна, мечтающая о царствѣ Божіемъ на землѣ, живущая для общихъ идей, приноситъ этимъ самымъ въ жертву свою собственную будущность, теряетъ свое государственное, политическое значеніе. Такова была судьба Іудеи, Греціи, Италіи; такова, быть можетъ, будетъ судьба Франціи. Носить въ себѣ огонь нельзя безнаказанно". Проходитъ еще пятнадцать лѣтъ—и Ренанъ остается вѣрнымъ своей излюбленной идеѣ. Изображая послѣднія минуты самостоятельной жизни іудейскаго царства, историкъ восклицаетъ: „опасно положеніе націи, чреватой религіею. Навуходоносоръ и Титъ несомнѣнно были орудіями божественнаго закона. *Народъ, работающій для человѣчества, всегда становится жертвой своего всемірнаго дѣла.* Изъ двухъ противоположныхъ элементовъ, выработанныхъ исторіей Израиля: героическаго, рыцарскаго — и монашескаго, суроваго, святого, одинъ непремѣнно долженъ былъ пасть подъ ударами другого... Идеальные Іерусалимы всегда приносятъ несчастье. На Іерусалимахъ реальныхъ они всегда отзываются атрофіей, развалинами, пожарами". Прямо и непосредственно эти общіе тезисы Ренаномъ къ Франціи не примѣняются; но ее, именно ее онъ по прежнему имѣетъ въ виду, когда говоритъ о народахъ обреченныхъ на гибель, приносящихъ себя въ жертву великой идеѣ. Только этимъ объясняется настойчивость, съ которою Ренанъ постоянно возвращается къ одной и той же темѣ. Въ новыхъ варіаціяхъ, какъ и въ старыхъ, слышится интенсивность чувства, свидѣтельствующая о томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о чемъ-то бóльшемъ, чѣмъ отвлеченный выводъ изъ объективно наблюдаемыхъ явленій. Для насъ совершенно понятенъ генезисъ идеи, проводимой Ренаномъ — но менѣе понятно упорство, съ которымъ онъ до сихъ поръ ее проводитъ.

Молодость Ренана совпадаетъ съ эпохой, когда для Франціи наступила какъ бы расплата за длинный рядъ политическихъ и соціальныхъ экспериментовъ. Спокойствіе и благосостояніе, данное ей умѣренно-либеральнымъ режимомъ іюльской монархіи, она промѣняла на тревоги и смуты республиканскихъ новшествъ. Достигнувъ своего апогея въ іюньскомъ возстаніи, эти тревоги уступили мѣсто реакціи, закончившейся возстановленіемъ имперіи. Изъ Эоловой пещеры, прежде и больше всего испытывавшей на себѣ самой потрясенія порождаемыхъ ею бурь, Франція превра-

тилась въ потухшій костеръ, подъ пепломъ котораго, невидимое для большинства, но замѣтное для проницательнаго глаза, опять разгоралось еще болѣе сильное пламя. Свидѣтелемъ этого превращенія, отчасти испуганнымъ, отчасти гордымъ, былъ Ренанъ: испуганнымъ—потому что его созерцательной натурѣ не улыбалась перспектива новыхъ грозъ, гордымъ—потому что его патріотическому чувству льстила передовая роль, предназначенная Франціи. Изученіе судебъ Израиля, занимавшее тогда Ренана, какъ необходимая подготовительная ступень въ исторіи христіанства, укрѣпило его въ той мысли, что новому избранному народу предстоитъ участь стараго, что Франція ляжетъ костьми на пути, пролагаемомъ ею для общаго блага. Отсюда, думается намъ, настроеніе, уже къ концу пятидесятыхъ годовъ овладѣвшее Ренаномъ и оставившее неизгладимый слѣдъ въ его міросозерцаніи. Движеніе, ознаменовавшее собою послѣдніе годы царствованія Наполеона III, пробужденіе и быстрый ростъ такъ-называемыхъ разрушительныхъ стремленій, пропаганда международнаго общества рабочихъ, франко-прусская война, коммуна—все это должно было показаться Ренану подтвержденіемъ его догадокъ, началомъ конца, имъ предчувствуемаго и предвидимаго. Поразительно-яркой, для предубѣжденнаго ума, являлась аналогія между римлянами и нѣмцами, между евреями и французами, между „непримиримыми" въ родѣ сыновей Гіоры и „непримиримыми" въ родѣ Делеклюза или Феликса Піа. Осада Парижа происходила какъ разъ въ то время, когда Ренанъ готовился къ описанію осады Іерусалима; неудивительно, что послѣдняя сдѣлалась для него какъ бы прообразомъ первой. Обезсиленная, униженная Франція, терзаемая междоусобіями на глазахъ торжествующаго врага, соединяла въ себѣ, повидимому, всѣ признаки жертвы, безповоротно осужденной. Утѣшительно было думать, что эта жертва не будетъ напрасна, что въ гибели французскаго народа—залогъ спасенія для міра. Не пора ли, однако, разстаться съ иллюзіями, какъ печальными, такъ и радостными? Не ясно ли, что Франція, какъ государство, французы, какъ нація, вовсе, покамѣсть, не обречены на смерть, искупительную для человѣчества? Раны, нанесенныя Франціи въ 1870 и 1871 г., давно зажили, не оставивъ по себѣ ни слабости, ни болѣзни; побѣжденные пользуются чуть ли не лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ побѣдители и многіе изъ числа нейтральныхъ зрителей боя. Не въ одной только Франціи, съ другой стороны, подготовляются основы будущаго общественнаго строя. Въ этой работѣ участвуютъ, на равныхъ правахъ, многіе другіе народы—и едва ли не первое мѣсто, по распространенности и

интенсивности движенія, занимають тріумфаторы 1870—71 г. За кѣмъ, въ концѣ концовъ, останется рѣшительная инициатива, кто перейдетъ, раньше и успѣшнѣе другихъ, отъ мысли къ дѣлу, отъ отрицанія къ творчеству—этого теперь опредѣлить нельзя. Вѣковой опытъ свидѣтельствуетъ, правда, объ экспансивной силѣ идей, пущенныхъ въ оборотъ подъ французскимъ флагомъ; но нельзя отрицать, что за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ нѣмецкіе, англійскіе, американскіе голоса раздавались громче французскихъ—и находили болѣе отзывчивое эхо. Инерція глубоко вкоренившагося взгляда уменьшаетъ въ Ренанѣ чуткость къ измѣнчивымъ явленіямъ современной жизни.

Допустимъ, однако, что Франція, больше чѣмъ какая бы то ни было другая страна, „живетъ для общихъ идей“, „работаетъ для человѣчества“. Слѣдуетъ ли отсюда, что политическому существованію Франціи грозитъ серьезная опасность, что французскій народъ, *какъ народъ*, какъ самостоятельная національная единица, доживаетъ свои послѣдніе дни? Намъ кажется, что вовсе не слѣдуетъ. Въ основаніи разсужденій Ренана лежитъ, прежде всего, логическая ошибка, выражаемая формулою: post hoc, ergo propter hoc. Паденію іудейскаго царства предшествовалъ порывъ къ высокому религіозному идеалу: ergo—между этими двумя явленіями существуетъ причинная связь. Дѣйствіе греческаго генія на древній міръ началось лишь тогда, когда окончилась политическая роль Греціи: ergo—послѣдняя мѣшала первому, умственное вліяніе могло возникнуть только на развалинахъ государственной самостоятельности. Но почему же, въ такомъ случаѣ, погибло царство израильское, почему не уцѣлѣла ни одна изъ мелкихъ народностей, окружавшихъ Іудею? Моавитяне, аммонитяне, филистимляне не служили идеѣ, не „умирали для самихъ себя“—и, тѣмъ не менѣе, исчезли безслѣдно. Подъ ударами ассиріянъ палъ Дамаскъ, подъ ударами Александра Македонскаго пала Финикія—а между тѣмъ ни Дамаскъ, ни Тиръ не имѣли ничего общаго съ Іерусалимомъ. Особенности іудейскаго духа способствовали, наоборотъ, возрожденію іудейскаго государства и сравнительной его долговѣчности. Нѣкоторую долю самостоятельности Іудея удерживала за собой даже тогда, когда кругомъ нея все сливалось въ безразличіи римскаго подданства. Насталъ моментъ, когда Іерусалимъ былъ поглощенъ Римомъ, но виновниками финальной катастрофы были тѣ элементы іудаизма, которымъ меньше всего были свойственны отличительныя черты великаго духовнаго движенія, связаннаго съ именами Исаіи, Іереміи и Іезекіиля. Что касается до древнихъ грековъ, то можно ли при-

числять ихъ къ сонму народовъ, „принесшихъ себя въ жертву идеѣ“? Служеніе идеѣ сосредоточивалось, на почвѣ Эллады, всецѣло въ Аѳинахъ, сохраняя и здѣсь оттѣнокъ ярко-національный; къ другимъ народамъ греки, не исключая аѳинянъ, относились съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и не только не заботились о томъ, чтобы раздѣлить съ ними результаты своей умственной работы, но считали эти результаты для нихъ недоступными, къ нимъ непримѣнимыми. Если вліяніе эллинской цивилизація проникло за предѣлы Греціи лишь послѣ потери ею политической самостоятельности, то это объясняется весьма просто македонскими завоеваніями, широко раздвинувшими область знакомства съ греческимъ языкомъ, греческимъ искусствомъ и греческой наукой. Столь же неубѣдительна, наконецъ, и ссылка Ренана на примѣръ средневѣковой Италіи: раздробленность, предрѣшавшая политическую подчиненность, водворилась въ Италіи еще тогда, когда не было рѣчи объ умственномъ ея превосходствѣ надъ Европой. Высшее напряженіе умственныхъ и нравственныхъ силъ совмѣстно, притомъ, съ высшимъ развитіемъ политическаго могущества: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить Англію временъ Кромвелля, Францію временъ революціи.

Если бы и можно было признать, что за великую роль въ исторіи человѣчества Іудея, Эллада, средневѣковая Италія заплатили политическимъ безсиліемъ и національнымъ упадкомъ, то основывать на этомъ какія-либо предсказанія, видѣть въ этомъ разгадку будущаго было бы все-таки крайне рискованно. Слишкомъ многое измѣнилось, съ тѣхъ поръ, въ взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, въ процессѣ развитія человѣческой мысли. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ каждая національность жила замкнутою жизнью, ревниво охраняя свое умственное достояніе, избѣгая общенія съ иноплеменными и иновѣрными чужестранцами. Національный характеръ имѣла даже религія; пріуроченными къ *своей* націи, и *только* къ ней, считались даже боги. Бывали, конечно, заимствованія и подражанія—но они касались, преимущественно, внѣшнихъ сторонъ быта, полезныхъ открытій и изобрѣтеній, а не того, что составляло сущность національнаго міросозерцанія. При такомъ положеніи вещей національность, углубляющаяся въ вѣчныя загадки бытія или приступающая къ коренной реформѣ своего общественнаго строя, могла, пожалуй, очутиться въ невыгодномъ положеніи сравнительно съ сосѣдями, ничѣмъ не отвлеченными отъ вопросовъ завоеванія или самообороны. Другое дѣло—теперь, когда во всемъ образованномъ мірѣ существуетъ непрерывный обмѣнъ мыслей, вѣрованій, стремленій, когда ни одно духовное

движеніе не остается исключительною принадлежностью той почвы, на которой оно возникло. Солидарность государствъ и народовъ постоянно ростетъ, различія между ними постоянно сглаживаются, подъ напоромъ новыхъ идей и новыхъ интересовъ. Между европейскими націями нѣтъ такой, которая жила бы только для себя — и нѣтъ такой, которая жила бы только для другихъ. Онѣ всѣ живутъ, между прочимъ, для цѣлаго, въ составъ котораго онѣ входятъ; различна и измѣнчива только степень участія ихъ въ великомъ дѣлѣ. Все заставляетъ думать, что роковые вопросы, отъ которыхъ зависитъ судьба грядущихъ поколѣній, будутъ разрѣшены совокупнымъ трудомъ цивилизованныхъ народовъ, а не усиліями одного изъ нихъ, жертвующаго собою для общаго блага.

Событія 1870—71 г. оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ Ренана. Теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ, онъ вспоминаетъ о нихъ почти столь же часто, какъ и въ „Антихристѣ", написанномъ подъ живымъ впечатлѣніемъ двукратной осады Парижа. Когда Навуходоносоръ въ первый разъ приближался къ Іерусалиму, пророкъ Іеремія видѣлъ въ немъ не столько врага отчизны, сколько исполнителя божественныхъ велѣній, мстителя за грѣхи Израиля. Отсюда сравненіе Іереміи съ французскимъ публицистомъ, который, въ 1870 г., сталъ бы называть пруссаковъ орудіями Промысла, радоваться ихъ побѣдамъ и предсказывать французамъ еще худшія пораженія, если они не покаятся и не исправятся. Конечно,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—„проповѣдь Іереміи, еслибы она была услышана, могла бы предупредить ужасное кровопролитіе; но патріотъ, говорящій, въ критическую минуту, о могуществѣ врага, всегда навлекаетъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Представимъ себѣ, что въ іюлѣ 1870 г. французскій писатель, надѣвъ на шею хомутъ, сталъ бы ходить по улицамъ Парижа, предвѣщая торжество пруссаковъ; такая экзальтація показалась бы, безъ сомнѣнія, въ высшей степени предосудительною. Оправданіемъ для прозорливости могутъ служить только совершившіеся уже факты, осуществившіяся предсказанія... Безспорно, Іеремія былъ правъ; но какъ печально быть правымъ, когда ошибка—на сторонѣ патріотическихъ иллюзій!" Наступаетъ вторая осада Іерусалима. „Извѣстно,—замѣчаетъ Ренанъ,—что въ осажденныхъ столицахъ—въ особенности если онѣ, какъ Іерусалимъ или Парижъ, имѣютъ характеръ религіозный и гуманитарный,—партіи ожесточаются и почти неизбѣжно доходятъ до эксцессовъ. Седекія и его полководцы хотѣли защищаться во что бы то ни стало. Іеремія, заранѣе увѣренный въ несчастномъ исходѣ осады, стоялъ за немедленную сдачу халдейцамъ. Прави-

ленъ, въ сущности, былъ взглядъ престарѣлаго пророка; но есть случаи, когда истинная мудрость заключается въ предоставленіи свободы безумцамъ"... По мнѣнію Ренана, изъ всѣхъ современныхъ типовъ самый схожій съ израильскими пророками—это „журналисты самаго крайняго оттѣнка"; Іеремія напоминаетъ Феликса Піа. Аналогіи этого рода чрезвычайно нравятся нашему историку. Мы встрѣчались съ ними и раньше, во второмъ томѣ „Histore du peuple d'Israel"; въ третьемъ томѣ онѣ повторяются намѣренно, а не случайно („on ne peut trop le répéter", говоритъ Ренанъ). Намъ кажется, наоборотъ, что каждое повтореніе уменьшаетъ цѣнность параллели, не столько мѣткой, сколько смѣлой. Въ первый разъ она поражаетъ читателя, останавливая его вниманіе именно той небольшой долей правды, которую она въ себѣ заключаетъ; но когда она приводится вновь, еще и еще, тогда все яснѣе и яснѣе выступаютъ на видъ ея натяжки. Феликсъ Піа—личность недостаточно крупная и цѣльная, чтобы выдержать сравненіе съ однимъ изъ самыхъ яркихъ образовъ прошедшаго; современный журнализмъ—явленіе слишкомъ утонченное и сложное, чтобы быть поставленнымъ на ряду съ величественной простотой давно умолкнувшей силы. Слишкомъ различны, въ обоихъ случаяхъ, побужденія, цѣли, средства дѣйствія. Не даромъ же Ренанъ, нѣсколько раньше, уподобилъ Іеремію *воображаемому* французскому публицисту, который *сталъ бы* предсказывать, въ 1870 г., побѣду пруссаковъ. Такого публициста, на самомъ дѣлѣ, не было вовсе; не такова была роль, которую игралъ Феликсъ Піа... Когда Ренанъ говоритъ о „шайкѣ крикуновъ" (bande de hurleurs), мѣшавшихъ защитѣ Іерусалима, и прибавляетъ: „on ne peut les comparer qu'aux journalistes radicaux de nos jours"—онъ увлекается, очевидно, нерасположеніемъ къ современному французскому радикализму и вноситъ въ исторію настроеніе, ближе подходящее къ памфлету. Иногда это настроеніе выражается даже въ выборѣ терминовъ, рѣзкихъ, поносительныхъ, граничащихъ съ бранью: *глупое* удивленіе (sotte admiration), *тупоумныя* мечты (rêves niais), *отвратительныя* декламаціи (odieuses déclamations). Замѣтимъ, что всѣ подобные эпитеты примѣняются Ренаномъ не къ нашимъ современникамъ, а къ дѣятелямъ той эпохи, которой посвящена его книга.

Гораздо больше сближенія между давно минувшимъ и настоящимъ удаются Ренану тогда, когда они не затрогиваютъ больныхъ мѣстъ его души. Не всегда, быть можетъ, точныя и строго научныя, они словно придвигаютъ насъ къ изображаемымъ событіямъ, помогаютъ намъ понять ихъ внутренній смыслъ, зна-

ченіе ихъ для тогдашней жизни. Навуходоносоръ, послѣ перваго взятія Іерусалима, выводитъ оттуда въ плѣнъ царя, царское семейство, придворныхъ, должностныхъ лицъ, наиболѣе достаточныхъ жителей. „Побѣдители — замѣчаетъ по этому поводу Ренанъ—воображали себѣ, что націю можно обезглавить, какъ человѣка. Они не понимали, что уничтожить части, хотя бы и наиболѣе важныя—не значитъ еще прекратить жизнь великаго цѣлаго. Чтобы погубить небольшую грядку, достаточно сорвать маковки у немногихъ цвѣтковъ—но скошенный лугъ даетъ, нѣсколько времени спустя, урожай еще болѣе обильный. Образъ дѣйствій Навуходоносора отличался крайнею поверхностностью. Представимъ себѣ, что изъ Парижа, съ цѣлью положить конецъ его значенію, были бы изгнаны всѣ богатые и важные люди, но оставлена на мѣстѣ масса населенія, включая журналистовъ и публицистовъ. Именно такъ поступили вавилоняне; зажигательныхъ элементовъ, наполнявшихъ Іерусалимъ, они не коснулись,— и новый взрывъ былъ неизбѣженъ". Чтобы опредѣлить характеръ сношеній, происходившихъ между Іерусалимомъ и первой серіей вавилонскихъ плѣнниковъ, Ренанъ сравниваетъ ихъ съ перепиской между ссыльными 1871 г. и коммуналистами, оставшимися въ Парижѣ. Благочестивыхъ евреевъ, живущихъ въ Вавилонѣ, но ничего въ немъ не видящихъ и не желающихъ видѣть, Ренанъ представляетъ себѣ похожими на нижне-бретанскихъ крестьянъ, случайно перенесенныхъ въ Парижъ, но душою пребывающихъ въ своей возлюбленной деревушкѣ, скромное прозябаніе которой для нихъ гораздо привлекательнѣе столичной суеты. Мечты вавилонскихъ плѣнниковъ о порядкѣ, который они установятъ у себя дома, послѣ возвращенія—это, въ глазахъ Ренана, нѣчто въ родѣ воздушныхъ замковъ, постройкою которыхъ занимались приближенные графа Шамбора. Свободное развитіе іудейскихъ теократическихъ учрежденій, въ эпоху персидскаго протектората, иллюстрируется примѣромъ греческой общины въ Смирнѣ. Огражденная турецкимъ господствомъ отъ политической агитаціи, эта община—если вѣрить Ренану—живетъ болѣе нормальною жизнью, чѣмъ независимое греческое королевство... Увеличеніе числа левитовъ, знаменующее собою эпоху вавилонскаго плѣненія, объясняется тѣмъ, что въ принадлежности къ этому сословію многіе видѣли залогъ безбѣднаго существованія. „Учрежденіе, доставляющее цѣлой группѣ людей возможность праздной жизни — говоритъ, по этому поводу, Ренанъ,—увеличиваетъ шансы прочности той системы, въ составъ которой оно входитъ. Исламизмъ охраняется въ особенности вакуфами и другими источниками дохо-

довъ, поддерживающими лѣность софтъ. Янсенизмъ держится до сихъ поръ только въ Утрехтѣ, потому что только въ Утрехтѣ сохранились доходныя мѣста, предназначенныя для янсенистовъ". Когда Ассирія угрожала іудейскому царству, мысль о союзѣ съ Египтомъ была столь же привлекательна для іудейскихъ патріотовъ, какъ мысль о союзѣ съ Россіей—для современныхъ французовъ, непримиримыхъ враговъ Германіи. Противники патріотовъ, проповѣдовавшіе, послѣдовательно, подчиненіе Ассиріи, Вавилону, Персіи, являются, въ глазахъ Ренана, основателями политики, которой постоянно слѣдовали папы. Съ точки зрѣнія этой политики, сила—синонимъ божественной воли; кто не слушается сильнаго, тотъ отказываетъ въ повиновеніи какъ бы самому Богу... Послѣдніе годы царствованія Іосіи напоминаютъ Ренану послѣдніе годы царствованія Карла X. Партія благочестивыхъ людей, послѣ сраженія при Мегиддо (въ которомъ былъ убитъ Іосія), „очутилась въ такомъ же положеніи, въ какое революція 1830 г. поставила клерикальную котерію. Іоакимъ (сынъ Іосіи) сдѣлался предметомъ такого же осужденія, какое постигло, со стороны католическихъ писателей, Людовика-Филиппа. Въ сущности, однако, движеніе, начавшееся при Іосіи, продолжалось и при его преемникахъ, подобно тому какъ католическое движеніе не было остановлено іюльскимъ переворотомъ".

Сравнительный методъ оказываетъ Ренану существенныя услуги не только какъ способъ освѣщенія отдѣльныхъ фактовъ, но и какъ источникъ болѣе широкихъ обобщеній. Онъ подчеркиваетъ нѣсколько разъ сходство религіознаго движенія, возникшаго въ Іудеѣ въ концѣ VIII-го вѣка, возобновившагося во второй половинѣ VII-го и восторжествовавшаго въ VI-мъ вѣкѣ, съ протестантизмомъ, открывающимъ собою новую исторію. И тамъ, и здѣсь было стремленіе назадъ, къ болѣе древней и болѣе высокой религіи; и тамъ, и здѣсь предстояло устранить постороннія примѣси, побороть суевѣрія, обезпечить неприкосновенность возстановленнаго вѣроученія. Іерусалимскій храмъ, при Іезекіи, не былъ расширенъ, не былъ украшенъ, но былъ *очищенъ*, какъ церковь св. Петра въ Женевѣ—при Кальвинѣ. Примѣру Іезекіи, приказавшаго разломать мѣднаго змія, слѣдовали иконоборцы XVI-го вѣка, когда разрушали готическія статуи. Іудейскіе пуритане похожи на протестантскихъ еще въ одномъ отношеніи: искореняя одну категорію предразсудковъ, они удерживали и даже усиливали другую... „Въ наше время,—говоритъ Ренанъ,—нравственный ригоризмъ приноситъ человѣчеству столько же зла, сколько и добра; но въ другія эпохи онъ былъ полезенъ. Намъ теперь позволительно

принимать сторону Маріи Стюартъ противъ Нокса; но въ XVI столѣтіи протестантизмъ, даже фанатическій, больше служилъ прогрессу, чѣмъ католицизмъ, даже умѣренный". То же самое слѣдуетъ сказать и объ іудейскомъ фанатизмѣ VII-го или VI-го вѣка. Признавая, такимъ образомъ, *относительное* право фанатизма, Ренанъ, тѣмъ не менѣе, возстаетъ противъ его крайностей, выставляетъ на видъ его опасность. Удивляясь фанатикамъ, онъ не можетъ сочувствовать имъ. „Фанатики—говоритъ онъ—считаютъ себя притѣсненными, какъ только не могутъ быть притѣснителями. Всего больше они ненавидятъ терпимость. Они скорѣе согласятся быть гонимыми, чѣмъ пользоваться равными правами съ заблуждающимися. Когда ихъ преслѣдуютъ, они жалуются—но они считаютъ себя обиженными, когда имъ мѣшаютъ преслѣдовать другихъ. Они вѣдь такъ твердо убѣждены, что на ихъ сторонѣ истина... Удовлетворить ихъ—невозможно. Если что-нибудь дѣлается въ ихъ пользу, они принимаютъ это какъ должное; если имъ въ чемъ-нибудь отказываютъ, отказъ кажется имъ преступленіемъ". Піетистовъ VII вѣка Ренанъ сравниваетъ съ современной „арміей спасенія", назойливой, высокомѣрной въ своемъ смиреніи, или съ „папелардами" (ханжами) временъ Людовика Святого, возбуждавшими антипатію современниковъ. Въ ихъ исключительности и замкнутости, въ ихъ боязни оскверниться, прикоснувшись къ грѣшнику—т.-е. ко всякому, не раздѣляющему ихъ взглядовъ,—Ренанъ усматриваетъ зародышъ фарисейства. Въ рукахъ лица, облеченнаго властью, программа піетистовъ становится въ высшей степени опасной. Политика Филиппа II-го—естественный результатъ воззрѣнія, въ силу котораго иначе вѣрующій признается злодѣемъ, врагомъ самого Бога. Можно возставать противъ человѣческихъ жертвоприношеній — и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлять новыя кровопролитія. „Сколько времени—съ грустью восклицаетъ Ренанъ — понадобилось человѣческому уму, чтобы убѣдиться въ безнаказанности всякаго искренняго *мнѣнія*—и въ невозможности отличить, путемъ формальнаго разслѣдованія, искреннее мнѣніе отъ неискренняго!"

Чрезвычайно интересны у Ренана сопоставленія, относящіяся къ вопросамъ экономическаго характера. Охрана бѣдныхъ противъ богатыхъ, составляющая отличительную черту законодательства и проповѣди послѣднихъ вѣковъ іудейскаго царства, выводится Ренаномъ, отчасти, изъ общепринятаго на Востокѣ взгляда. „Бѣдный и теперь признается тамъ, a priori, добрымъ, богатый —злымъ. Слова св. Іеронима: omnis dives aut iniquus, aut haeres iniqui (каждый богачъ или самъ творилъ беззаконія, или наслѣ-

довалъ творившему ихъ) вполнѣ согласны съ господствующимъ восточнымъ міросозерцаніемъ. Когда я однажды хвалилъ своему драгоману жителей деревни, только-что нами посѣщенной, онъ отвѣтилъ мнѣ: это и не можетъ быть иначе, вѣдь они бѣдны". Большая разница, однако, чувствовать смутное нерасположеніе къ богатству, смутную симпатію къ бѣдности—или предложить и провести дѣйствительныя мѣры въ ущербъ богатымъ и въ пользу бѣдныхъ. Существеннымъ прогрессомъ было, въ свое время, введеніе благотворительности въ область законодательства и права. „Въ первобытномъ человѣчествѣ сила царила единовластно. Слабый нашелъ для себя защиту весьма поздно. Первыми заступниками за притѣсненныхъ были израильскіе пророки—и вотъ почему имъ принадлежитъ столь выдающееся мѣсто въ исторіи цивилизаціи". Къ этому же времени относится одна изъ самыхъ смѣлыхъ попытокъ къ огражденію слабаго—попытка установить солидарность между людьми, ограничить до крайности роль военной и гражданской власти, уничтожить роскошь, промышленность, торговлю. Нѣсколько позже возникаютъ проекты, напоминающіе Фурье—проекты, вовсе упраздняющіе свѣтское правительство, войско, политику. Точки соприкосновенія съ современнымъ соціализмомъ обрисовываются, по мнѣнію Ренана, все яснѣе и яснѣе. Эту сторону іудейства авторъ „Исторіи израильскаго народа" нѣсколько разъ противополагаетъ эллинизму. Во многихъ отношеніяхъ,—говоритъ онъ,—превосходство Греціи ясно уже въ концѣ VII вѣка. „Она еще едва умѣетъ владѣть письмомъ; ея несравненная гомерическая эпопея передается изъ устъ въ уста, ея лиризмъ выливается въ пѣсняхъ и пляскахъ—но Ѳалесъ милетскій и другіе ясные умы уже намѣчаютъ натуралистическія теоріи вселенной, Солòнъ уже пытается основать разумное и справедливое государство. Израиль не имѣетъ и не будетъ имѣть ни государственности, ни философіи, ни свѣтской литературы; его роль, тѣмъ не менѣе, огромна. Онъ положилъ начало протесту бѣдняка, корпоративному братству, стремленію къ равенству и житейской правдѣ. Греція создала вѣчную рамку цивилизаціи; Израиль дѣлаетъ къ ней дополненіе или существенную поправку, внося въ нее заботу о слабомъ, упорное требованіе индивидуальной справедливости. Наши арійскія цивилизаціи, жертвующія личностью, слишкомъ жестоки; имъ недостаетъ состраданія, недостаетъ слезъ... Въ Іудеѣ VII вѣка зарождалось нѣчто въ высшей степени важное—зарождалось религіозное настроеніе, независимое отъ догмата, составляющее утѣху и силу жизни. Человѣкъ, по удивительному еврейскому выраженію, начиналъ *искать Бога*"... „Греція,

—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—Греція, создавшая столь много прекраснаго—искусство, науку, философію, свободу,—не создала гуманитаризма; она для этого слишкомъ презирала варваровъ". Первый гуманитарный мыслитель, по мнѣнію Ренана, жилъ въ эпоху вавилонскаго плѣна. Это—учитель всѣхъ тѣхъ, которые вѣрятъ въ лучшее будущее, въ превращеніе людского горя и людскихъ страданій.

Отказывая іудаизму въ способности создать философію, Ренанъ приписываетъ ему, однако, нѣчто въ родѣ философіи исторіи, которую потомъ заимствовалъ отъ него католицизмъ и которая получила окончательную обработку въ извѣстномъ сочиненіи Боссюэ (Discours sur l'histoire universelle). Это—теорія бичей Божіихъ, которыми Богъ наказываетъ народы. Исполнивъ свою разрушительную роль, орудіе, въ свою очередь, подвергается разрушенію; наказывается, въ концѣ концовъ, и тотъ, который наказывалъ другихъ. Первымъ бичемъ Божіимъ является Навуходоносоръ; за нимъ слѣдуетъ длинный рядъ другихъ, доходящій, съ точки зрѣнія католическихъ историковъ-богослововъ, до нашего времени. Ренанъ возстаетъ противъ этой теоріи, слишкомъ легко обращаемой въ способъ оправданія избіеній и кровопролитій. „Нѣтъ,—восклицаетъ онъ,—бичъ Божій не находится ни въ чьихъ рукахъ и не несетъ никакой службы. Аттила ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть разсматриваемъ какъ орудіе Божества. Онъ —только зло, только отрицаніе Бога" [1]). Болѣе симпатично Ренану другое направленіе іудейской мысли; это—иронически-грустное отношеніе къ земной славѣ, сознаніе ничтожества людскихъ усилій. „Греція удивительно хорошо понимала тѣ небольшія, ребяческія удовольствія, которыя доставляетъ человѣку общественная жизнь; но для нея не была доступна глубокая печаль, возбуждаемая зрѣлищемъ падающихъ царствъ, напрасно мятущихся народовъ, тщеты и неизбѣжной гибели всего существующаго". Выразить эту печаль и проникнуть въ ея источникъ было дано только іудеямъ. „Надъ отдѣльными національностями,—восклицаетъ Ренанъ,—возвышается вѣчный идеалъ. Соціализмъ, по всей вѣроятности, положитъ конецъ патріотизму и осуществитъ на самомъ дѣлѣ слова похороннаго гимна: judicare saeculum per ignem". Рука объ руку съ печалью идетъ, однако, надежда—и въ этомъ Ренанъ также видитъ черту сходства между отдаленнымъ прошедшимъ и нашей эпохой. „Для соціалистовъ,—гово-

---

[1]) Ренанъ противорѣчитъ здѣсь самому себѣ: мы видѣли уже, что въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Навуходоносора „орудіемъ божественнаго закона".

ритъ онъ,—не существуетъ разочарованія. Неудачные опыты ихъ не смущаютъ; рѣшеніе вопроса еще не найдено, но оно будетъ найдено. Имъ никогда не приходитъ въ голову, что рѣшенія вовсе нѣтъ—и въ этомъ заключается ихъ сила. Понять, что все человѣческое не серьезно и неопредѣленно (avoir vu que les choses humaines sont un à peu près sans sérieux et sans précision)—это большой шагъ впередъ въ философіи; но это, вмѣстѣ съ тѣмъ, отреченіе отъ всякой активной роли. Будущее принадлежитъ надѣющимся (l'avenir est à ceux qui ne sont pas désabusés). Горе тѣмъ, о которыхъ говоритъ апостолъ Павелъ—qui spem non habent!" Во всемъ этомъ мы видимъ не столько сужденіе о предметѣ, занимающемъ Ренана, сколько отраженіе личныхъ чувствъ самого автора, признакъ внутренняго раздвоенія, извѣстнаго намъ изъ прежнихъ его сочиненій. Ренанъ—скептикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, мыслитель и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтатель. Онъ не можетъ вѣрить, но не можетъ и вовсе обойтись безъ вѣры; будущее представляется ему въ мрачныхъ краскахъ, но онъ желалъ бы видѣть его въ розовомъ свѣтѣ. Отсюда измѣнчивость настроенія и тона, нигдѣ не выразившаяся столь ярко, какъ въ концѣ X-ой главы шестой книги. Утѣшенія и обѣщанія, много столѣтій сряду примиряющія людей съ тяжестью дѣйствительной жизни, перестали бы быть необходимыми—говоритъ Ренанъ—„въ такомъ лишь случаѣ, еслибы человѣчество достигло матеріальнаго довольства, упраздняющаго мечту. Но еслибы такое положеніе дѣлъ наступило, оно быстро привело бы къ глубокой порчѣ, къ массѣ злоупотребленій; опять понадобились бы герои, жертвы, искупители, слуги Іеговы. Это—волшебный кругъ, въ которомъ вращается жизнь. Будемъ надѣяться, что въ конечномъ результатѣ получается какой-либо прогрессъ. Въ области науки это неизбѣжно; *въ области человѣческой нравственности—это болѣе сомнительно*" (espérons que le résultat définitif se solde en quelque progrès. Dans l'ordre de la science, cela est sûr. Dans l'ordre de la moralité humaine, cela est plus douteux). Надежда, такимъ образомъ, высказана здѣсь только для того, чтобы тотчасъ же быть взятой назадъ или низведенной на степень едва ли осуществимой грезы. Несправедливость, въ глазахъ Ренана, неустранима и неискоренима; пока существуетъ жизнь, будетъ существовать и несправедливость. Неудержимое стремленіе къ добру и правдѣ Ренанъ считаетъ отличительною чертою „великихъ расъ"—но въ торжество этого стремленія онъ, очевидно, не вѣритъ.

Наименѣе привлекательную форму субъективизмъ Ренана принимаетъ тогда, когда изложеніе событій прерывается предполо-

женіями о томъ, что могло бы случиться при другихъ условіяхъ, а также одобрительными или неодобрительными восклицаніями, практическими афоризмами, мнимо-поучительными выводами. Къ чему, напримѣръ, такія догадки: „еслибы Сеннахерибъ возвратился побѣдителемъ изъ Египта и взялъ Іерусалимъ, не было бы іудаизма, не было бы, слѣдовательно, и христіанства"... „Не будь Іереміи, религіозная исторія человѣчества приняла бы другое направленіе"... „Движеніе, руководителемъ котораго былъ Іосія, удалило бы израильскій народъ отъ его настоящаго призванія, еслибы появленіе Навуходоносора — какъ, впослѣдствіи, появленіе Тита—не возстановило преобладанія великихъ идеалистовъ". Довольно странное впечатлѣніе производятъ и вставки въ родѣ слѣдующихъ: „браво, Израиль! мы, революціонеры, также говорили нѣчто подобное"... „А честь, развѣ она ничего не стоитъ?" (рѣчь идетъ о совѣтѣ, данномъ Седекіи—сдаться вавилонянамъ, чтобы спастись отъ смерти). „Когда власть не намѣрена принять, по отношенію къ непримиримымъ своимъ противникамъ, самыя рѣшительныя мѣры, пускай она лучше оставляетъ ихъ въ покоѣ; придирками (tracasseries) она только увеличиваетъ ихъ силу". Въ этихъ послѣднихъ словахъ мы слышимъ не Ренана-историка и мыслителя, а Ренана, черпающаго изъ своихъ воспоминаній (о послѣднихъ годахъ второй имперіи) политическую мудрость не особенно высокаго сорта. То же самое можно сказать и о слѣдующихъ изреченіяхъ: „военное сословіе не должно отдавать себя въ руки благочестивыхъ людей; царь не долженъ принимать программы дѣйствій ни отъ ханжей, ни отъ демократовъ"... „Идеалистъ, не имѣющій отечества—человѣкъ опасный; его слѣдуетъ остерегаться".

Дарместетеръ—авторъ статьи объ „Исторіи израильскаго народа", помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Revue des deux mondes",—называетъ оба главныя сочиненія Ренана „великимъ созидательнымъ дѣломъ нашего вѣка" (la grande oeuvre constructive du siècle). Только „банальная и поверхностная критика" можетъ, по его мнѣнію, видѣть въ Ренанѣ одну иронію, одно разочарованіе. Воспитаніе Ренана, условія, при которыхъ онъ началъ свою дѣятельность, его широкій умъ, доступный для самыхъ различныхъ видовъ мысли и чувства, „все предназначало его къ тому, чтобы дать понять Франціи и европейскимъ вольтеріанцамъ прочно-божественное въ вѣрованіяхъ человѣчества". Чтобы хорошо понимать религію, нужна нѣкоторая доля скептицизма, но нужно также воображеніе вѣрующаго. Въ религіозной критикѣ Ренана свободное отношеніе къ

предмету въ первый разъ оказалось исполненнымъ симпатіи, проникнутымъ любовью. Благодаря этой критикѣ, XX вѣкъ будетъ лучше подготовленъ къ пониманію истины; его религія „будетъ сліяніемъ пророческаго духа и науки“ (elle naîtra de la fusion du prophétisme et de la science). Намъ кажется, что въ мнѣніи Дарместетера заключается крупное преувеличеніе и крупная несправедливость—та самая несправедливость, съ которою мы прежде встрѣчались неоднократно въ словахъ самого Ренана. Чрезмѣрно возвышая Ренана, Дарместетеръ чрезмѣрно уменьшаетъ заслуги нѣмецкой науки. Она не только очистила путь, не только подготовила матеріалы—она подала примѣръ „соединенія симпатіи съ свободой“, совершенно напрасно признаваемаго теперь монополіей французскаго историка. Какъ художникъ, какъ мастеръ слова, Ренанъ стоитъ, быть можетъ, выше нѣмецкихъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, хотя и между ними есть безспорно-даровитые писатели (назовемъ, для примѣра, Целлера и Гаусрата); но въ пониманіе и освѣщеніе предмета онъ едва ли внесъ что-либо существенно-новое. Едва ли, поэтому, его сочиненія могутъ быть названы „великимъ созидательнымъ дѣломъ нашего вѣка“; правильнѣе было бы сказать, что они составляютъ одно изъ самыхъ блестящихъ художественныхъ его произведеній. „Созидательная сила“ не свойственна скептицизму—а Ренанъ, прежде всего и больше всего, скептикъ, съ замѣтной примѣсью эпикуреизма. Въ его душѣ разочарованіе—или, лучше сказать, „безочарованіе“—рѣдко уступаетъ мѣсто беззавѣтному увлеченію. Если религія XX-го вѣка будетъ такою, какою ее представляетъ себѣ Дарместетеръ, то не сочиненія Ренана сдѣлаются главною ея основой; въ нихъ для этого слишкомъ мало „пророческаго духа“.

К. Арсеньевъ.

ИЗЪ ОМАРА КАЙЯМА

Съ персидскаго.

1.

Умѣрь желанія и жажду бренныхъ благъ,
Коль счастья хочешь ты; съумѣй порвать оковы,
Которыми тебя опуталъ свѣтъ суровый,
Съ земнымъ добромъ иль зломъ связавъ твой каждый шагъ...
Живи, довольный всѣмъ: спокойное движенье
Сіяющихъ небесъ прерваться не должно,
    А нашей жизни суждено
Исчезнуть въ вѣчности, блеснувши на мгновенье...

2.

Безумцы въ мірѣ есть, которыхъ самомнѣнье
Во мракъ надменности и чванства завело;
Иныхъ влечетъ мечта о райскомъ наслажденьи,
О зàмкахъ, гдѣ всегда прохладно и свѣтло,
Гдѣ гуріи нѣжнѣй и краше розъ Востока...
Безумцы! Какъ они обманутся жестоко!
Аллахъ! настанетъ день—и съ тайны бытія
Завѣсу темную сорветъ рука твоя,
И обнаружится, что всѣ они упали
Далеко отъ тебя, во мглу безбрежной дали...

3.

О, бойся тѣло отдавать
На пищу горю и страданьямъ,
Томясь слѣпымъ любостяжаньемъ,
Предъ бѣлымъ серебра сіяньемъ,
Предъ желтымъ златомъ трепетать!
Спѣши съ друзьями пировать,
Пока веселья часъ не минетъ
И теплый вздохъ твой не остынетъ:
Твои враги на пиръ тогда
Придутъ, какъ хищная орда!..

4.

Счáстливо сердце того, кто въ жизни прошелъ неизвѣстный,
Шолковыхъ тканей не зналъ и пряжи волнистой Кашмира,
Кто, словно птица-Симургъ, вознесся къ лазури небесной,
А не гнѣздился совой въ развалинахъ этого міра...

5.

Достойнѣй, чѣмъ весь міръ воздѣлать, заселить—
Въ одной душѣ людской печали утолить,
И лаской одного въ неволю заковать—
Чѣмъ тысячѣ рабовъ свободу даровать!..

6.

Я непокорный рабъ... Гдѣ-жъ воля, власть твоя?!
Душа моя черна, объята мглой порока...
Гдѣ-жъ свѣтъ дающее, всевидящее око?!
О, если ты намъ рай, всесильный нашъ судья,
Даешь за то, что мы блюдемъ твои велѣнья,
Ты выполняешь долгъ—и больше ничего!
Гдѣ-жъ милосердіе, свѣтъ лика твоего,
Куда-жъ дѣвается твое благоволенье?!..

7.

Скажи, ты знаешь ли, за чтò въ устахъ народныхъ
Лилея, кипарисъ названье „благородныхъ“
Стяжали съ давнихъ поръ?
Для люда грѣшнаго ихъ воздержанье—диво:

Ей десять языковъ дано—и молчалива!
А у него сто рукъ—и онъ ихъ не простеръ!..

8.

Коль знаменитъ ты въ городѣ—ты „худшій изъ людей"!
Коль ты забьешься въ уголъ свой—ты „вредный чародѣй"!..
Святымъ ли будь, пророкомъ ли—разумнѣе всего
Здѣсь быть для всѣхъ невидимымъ, не видѣть никого!..

9.

Зла рѣчь твоя, мулла, и ненависть—ей мать!
Ты все зовешь меня безбожникомъ, невѣрнымъ...
Ты правъ, я уличенъ! Я преданъ всякимъ сквернамъ,
Но... будь же справедливъ: тебѣ ли обвинять?!.

10.

Никто на свѣтѣ не проникъ
Въ начала вѣчнаго тайникъ;
Не могъ никто ступить ни шагу
За грани личнаго мірка!
Я вижу: отъ ученика
До тѣхъ, кто насъ ведетъ ко благу,
Несовершенно все и вся,—
Все то, что̀ матерью зачато,—
Несовершенства ядъ нося
Отъ дней разсвѣтныхъ до заката!..

11.

Нѣтъ въ суетной любви могучаго сіянья:
Какъ пламя зыбкое въ минуту погасанья,
Она не можетъ дать живящаго тепла!
Ея наслѣдіе—холодная зола!
Но кто божественной любовію пылаетъ,—
Ни отдыха, ни сна, ни пищи тотъ не знаетъ!

Въ сіяньи радостномъ взойдетъ ли яркій день,
Иль міръ окутаетъ чадрою ночи тѣнь,
Несутся ль мѣсяцы, годá чредой крылатой—
Все призракъ для души, любовію объятой!..

12.

Назначьте свиданье, друзья:
Когда подъ землей буду я,
Сойдитесь въ условленномъ мѣстѣ!
Завѣту вѣрны моему,
Возрадуйтесь сердцемъ тому,
Что дружно пируете вмѣстѣ!..

Когда-жъ виночерпій младой
Къ вамъ съ чашей войдетъ круговой,
Рубины заблещутъ огнями
Въ живительномъ старомъ винѣ,—
Пусть каждый, вздохнувши по мнѣ,
Пьетъ въ память о бѣдномъ Кайямѣ!...

13.

Въ могилахъ спящіе землѣ возвращены,
Частицы праха ихъ разсѣяны повсюду,—
Разсѣяны, какъ пыль!.. Какому жъ злому чуду,
Увы, подвержены ничтожества сыны?!
Какой напитокъ ихъ такъ держитъ въ опьянѣньи,
Въ невѣденьи всего, въ тревогахъ и сомнѣньи,
И будетъ омрачать разсудокъ ихъ всегда,
До дня послѣдняго суда?!..

14.

О, другъ! зачѣмъ пещись о тайнахъ бытія,
Въ безуміи желать того, чтò невозможно?!
Мечтой безплодною охвачена тревожно,
Напрасно смущена зачѣмъ душа твоя?!
Будь счастливъ, веселись: при сотвореньи свѣта
Никто вѣдь у тебя не спрашивалъ совѣта!..

15.

Однажды ночью въ тихомъ снѣ
Мудрецъ явился мнѣ
И нѣжнымъ голосомъ участья
Повѣдалъ: „Роза счастья
„Во снѣ не можетъ расцвѣтать!..
„Чѣмъ смерти подражать,
„Вина хлебни-ка: подъ землею
„Наспишься въ часъ покоя!“...

16.

То сокровененъ Ты, невидимъ никому,
То открываешься въ твореньяхъ, какъ Зиждитель...
О, нѣтъ сомнѣнія! себѣ лишь самому
Въ утѣху Ты творишь созданій чудныхъ тьму:
Ты—сущность зрѣлища и вмѣстѣ самъ Ты—зритель!..

В. Величко.

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

ЕЯ

СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ.

I.

Въ послѣдніе годы, именно въ послѣднее пятилѣтіе, вопросъ о кустарной промышленности изъ области теоретическихъ разсужденій перешелъ на практическую почву. Семидесятые годы и начало восьмидесятыхъ годовъ, по отношенію къ вопросу о кустарной промышленности, были по преимуществу годами ея изслѣдованія. Систематическое изученіе кустарной промышленности, какъ извѣстно, было впервые предпринято московскимъ губернскимъ земствомъ, которое приступило къ такого рода работамъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, на первыхъ же порахъ своей статистической дѣятельности. Вслѣдъ за московскимъ земствомъ на томъ же поприщѣ выступила коммиссія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, учрежденная въ декабрѣ 1872 г. при департаментѣ торговли и мануфактуръ министерства финансовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго Е. Н. Андреева. Дѣятельность этой коммиссіи продолжалась 15 лѣтъ и въ результатѣ дала XVI томовъ по вопросу о положеніи интересующей насъ отрасли народнаго хозяйства. Въ началѣ 80-хъ годовъ производились изслѣдованія кустарной промышленности по порученію коммиссіи для устройства кустарнаго отдѣла на всероссійской выставкѣ 1882 года, и харьковской коммиссіей—по изученію кустарной промышленности. Затѣмъ идетъ непрерывный рядъ работъ

по этой части земскихъ статистическихъ отдѣленій и нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ (нижегородскаго, вологодскаго, тверского и др.). Обширный матеріалъ, собранный по вопросу о кустарной промышленности, ждетъ теперь съ одной стороны—сводки, обработки, приведенія его въ систему, съ другой—практическаго примѣненія въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, направленныхъ на поддержаніе и развитіе этой важной стороны крестьянскаго хозяйства и обоснованныхъ на почвѣ данныхъ мѣстныхъ изслѣдованій ея.

Практическихъ попытокъ къ содѣйствію кустарной промышленности предпринималось за послѣднее время много въ различныхъ формахъ. Общій толчокъ работамъ въ этомъ направленіи былъ данъ всероссійской выставкой 1882 года [1]. Первымъ и непосредственнымъ практическимъ результатомъ вліянія этой выставки было учрежденіе въ Москвѣ кустарно-промышленнаго музея. Музей открытъ въ маѣ 1885 года, по мысли покойнаго В. И. Орлова; цѣли его состоятъ главнѣйшимъ образомъ въ содѣйствіи къ сбыту кустарныхъ произведеній и въ ознакомленіи съ ними публики. Къ сожалѣнію, ограниченность средствъ, отпускаемыхъ земствомъ на музей (5.000 р. въ годъ) лишаетъ его серьезнаго значенія. Насколько незначительны обороты музея, можно судить по тому, что за періодъ времени съ 1885 по 1888 гг. въ музей поступило и продано кустарныхъ издѣлій всего на 53.488 руб. Примѣру Москвы вскорѣ послѣдовало вологодское земство, гдѣ открыта постоянная выставка кустарныхъ издѣлій въ общемъ на тѣхъ же началахъ, на какихъ она существуетъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, какъ московскій, такъ и вологодскій промышленные музеи имѣютъ въ виду главнѣйшимъ образомъ освободить кустаря отъ зависимости скупщиковъ. Такая постановка дѣла въ Вологдѣ удостоилась даже Высочайшаго одобренія, и въ общемъ ее нельзя не признать наиболѣе цѣлесообразною и наиболѣе соотвѣтствующею кореннымъ нуждамъ кустарнаго производства. Иного характера попытки съ цѣлью поднятія кустарной промышленности встрѣчаемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

[1]) Источниками по вопросу о мѣрахъ для поддержанія кустарной промышленности служили намъ: „Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи“, вып. XI—XIII. См. также: 1) „Русская Мысль“ 1888 г., №№ 10 и 11, ст. Я. Абрамова—„Очерки современнаго земства“; 2) „Дѣло“ 1887 г., № 2, Внутреннее обозрѣніе; „Дѣло“, 84 г. № 5. „Участіе земства въ развитіи кустарныхъ промысловъ“; 3) В. Н. Оглоблинъ.—„Кустарное крашеніе и мѣры къ поднятію вообще кустарной промышленности“; 4) „Саратовскій Листокъ“ 89 г., № 214; 5) „Волжскій Вѣстникъ“ 89 г., №№ 206, 251 и 252; 6) Указатель Смоленской выставки 1889 г. С. 1889 г.; 7) Указатель нижегородской кустарно-промышленной выставки 1885 г. Н. Н., 1885 г.

Здѣсь мѣстное отдѣленіе „Императорскаго техническаго общества" устроило „постоянную выставку кустарныхъ произведеній и рукодѣлій нижегородской губерніи" съ цѣлью помочь дѣлу техническаго усовершенствованія кустарнаго дѣла. Изъ другихъ губерній, имѣющихъ кустарно-промышленные музеи или рѣшившихъ учредить ихъ, назовемъ: казанскую, пермскую, смоленскую, вятскую, псковскую, курскую и бессарабскую.

Промышленные музеи представляютъ собою первую категорію практическихъ мѣропріятій на пользу кустарной промышленности. Другою группою начинаній этого рода являются кустарно-промышленныя и сельско-хозяйственныя выставки, устроиваемыя во многихъ провинціальныхъ городахъ земскими и иными учрежденіями. Исходнымъ пунктомъ и примѣромъ въ этомъ дѣлѣ служитъ также всероссійская выставка 1882 года; ея образцово устроенный кустарный отдѣлъ имѣлъ, какъ извѣстно, громадное воспитательное значеніе для русскаго общества. Хотя провинціальныя выставки носятъ мѣстный характеръ, тѣмъ не менѣе онѣ разростаются часто до значительныхъ размѣровъ, привлекая къ себѣ сотни экспонентовъ и нерѣдко изъ весьма отдаленныхъ уголковъ Россіи. Такъ напр., на выставкѣ въ Смоленскѣ (1889 г.) фигурировали экспоненты изъ черниговской, полтавской, подольской и оренбургской губерній; на выставкѣ въ Казани (1886 г.) были экспоненты изъ Вологды и др.; саратовская выставка (1889 г.) имѣла 700 экспонентовъ, 20.000 посѣтителей и дала $4^1/_2$ тыс. руб. сбора; масса наградъ, изъ которыхъ много первостепенныхъ, досталась крестьянамъ. На нижегородской выставкѣ (1885 г.) было 462 экспонента; изъ нихъ 312, т.-е. 67%, падаетъ на долю крестьянъ-кустарниковъ. Въ теченіе 80-хъ годовъ выставки происходили въ губерніяхъ: саратовской, казанской, нижегородской, смоленской, екатеринославской, кіевской, курской, псковской, вологодской, архангельской, бессарабской, тифлисской, черниговской, тульской и др. Затѣмъ въ провинціи въ теченіе 80-хъ годовъ было устроено три всероссійскихъ выставки: въ Одессѣ (1884 г.), Харьковѣ (1887 г.) и Екатеринбургѣ (1887 г.). Эти выставки имѣли несомнѣнный успѣхъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о всероссійской ремесленной выставкѣ, бывшей въ Москвѣ въ 1885 году.

Изъ другихъ начинаній по интересующему насъ вопросу укажемъ на слѣдующія:

Въ ярославской губерніи для поддержанія кустарной промышленности губернское земство выдало въ 1870—72 гг. 12 сыроварнямъ въ 4 уѣздахъ 8.693 руб. Земство удержалось отъ дальнѣйшаго вспомоществованія, вслѣдствіе крушенія многихъ

сыроваренъ въ тверской губерніи. Въ тульской губерніи секретарь мѣстнаго статистическаго комитета, г. Борисовъ, принялъ роль посредника между кустарями и рынкомъ. Въ 1882 г. онъ вошелъ въ соглашеніе съ торговымъ домомъ Сонинъ и Мороховецъ въ Харьковѣ, затѣмъ получилъ предложеніе доставлять издѣлія кустарей (металлическія вещи) тамбовской и екатеринославской земскимъ управамъ, харьковской и оренбургской городскимъ управамъ и одному изъ иностранныхъ коммиссіонеровъ г. Москвы. Издѣлія продавались на 30, 40 и 50% дешевле противъ цѣнъ, существующихъ на фабрикахъ или въ тульскихъ магазинахъ мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлій. Первый годъ (82) продано издѣлій на 1.100 р., второй—на 2.250 р., третій—на 5.235 р. Тверское земство на первыхъ же порахъ своего существованія образовало особый капиталъ для выдачи ссудъ разнообразнымъ промысловымъ артелямъ. Такъ, были образованы 14 сыроварныхъ артелей почти съ 500 членовъ, 28 гвоздарныхъ артелей съ 233 членами, 5 сапожныхъ артелей, кузнечно-слесарная, канатно-веревочная, льно-трепальная и 19 смолокурныхъ. Всѣмъ этимъ артелямъ земство выдало десятки тысячъ рублей въ ссуду и устроило два склада—сыровъ и желѣза. Но результаты этого опыта, стоившаго столь огромныхъ усилій, получились плачевные. Изъ многочисленныхъ товариществъ, организованныхъ тверскимъ земствомъ, остались лишь артельныя сыроварни г. Верещагина, пользующіяся до сихъ поръ покровительствомъ земства и правительства, которое отчасти помогало также и смолокуреннымъ товариществамъ, обнаружившимъ наибольшую жизненность. Вятское губернское земство вызвало на свѣтъ существованіе извѣстной воткинской артели кустарей, выдавъ послѣднимъ ссуду въ нѣсколько тысячъ рублей. Воткинская артель существуетъ уже нѣсколько лѣтъ, имѣетъ значительный составъ, занимается преимущественно приготовленіемъ земледѣльческихъ орудій, ведетъ дѣло довольно широко, имѣетъ два склада своихъ издѣлій въ Воткинскомъ заводѣ и въ Нижнемъ и, кромѣ того, продаетъ свои издѣлія чрезъ коммиссіонеровъ въ Москвѣ, Казани и др. Къ сожалѣнію, дѣла артели, вслѣдствіе несогласій между ея членами, идутъ за послѣднее время неудачно.

Существенную услугу кустарямъ курской губерніи оказало мѣстное земство. Въ новооскольскомъ уѣздѣ названной губерніи имѣется $2^1/_2$ тыс. кустарей-сапожниковъ, находившихся въ полной зависимости отъ крупныхъ хозяевъ-предпринимателей. Въ виду этого губернская управа въ 1886 году вошла въ переговоры съ военнымъ интендантствомъ объ устраненіи ненужныхъ подрядчи-

ковъ и сдачѣ подрядовъ непосредственно самимъ кустарямъ. Новооскольская уѣздная управа изъявила полное согласіе на роль посредника между кустарями и интендантствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ новооскольское земство ассигновало 20.000 рублей въ безпроцентную ссуду мѣстнымъ кустарямъ. Воронежское сельско-хозяйственное общество пришло къ убѣжденію въ необходимости: 1) избавить кустарей отъ эксплуатаціи различныхъ перекупщиковъ, получающихъ кустарныя издѣлія за безцѣнокъ, а продающихъ весьма выгодно, и 2) доставить кустарямъ дешевый кредитъ, чтобы дать имъ возможность производить лучшій товаръ.

Но наиболѣе серьезнымъ образомъ организованъ кредитъ кустарямъ въ царевококшайскомъ земствѣ казанской губерніи и въ пермскомъ губернскомъ земствѣ. У перваго дѣйствуетъ особая ссудная касса, учрежденная девять лѣтъ назадъ (въ будущемъ году она празднуетъ десятилѣтіе своего существованія). Первоначально касса имѣла цѣлью собственно развитіе смолокуренія въ уѣздѣ, но затѣмъ распространила свои операціи на всѣ мѣстные промыслы. Ссуды выдаются только артелямъ. Размѣры дѣятельности кассы постепенно возростаютъ. Въ 1880 г. получили ссуды—31 артель, а въ 1886 г.—уже 195 артелей, въ составѣ болѣе 1.000 человѣкъ. Всего выдано со дня открытія кассы по 1-е авг. 1887 г.—83.241 руб. Всего больше взято на смолокуреніе, затѣмъ на вырубку бревенъ и дровъ, выдѣлку корытъ и чашекъ, выдѣлку полозьевъ и ободьевъ, выдѣлку мочала и заготовку лыкъ и, наконецъ, тканье рогожъ. Касса открыла свои дѣйствія при капиталѣ въ 10.000 рублей, ассигнованныхъ казанскимъ губернскимъ земствомъ заимообразно срокомъ на 20 лѣтъ. Затѣмъ царевококшайское земство ежегодно ассигнуетъ на расширеніе оборотовъ кассы по 1.000 рублей. Кромѣ того, въ теченіе 7 лѣтъ касса имѣла 4.842 р. прибыли. Такимъ образомъ, къ 1-му авг. 1887 года оборотный капиталъ кассы достигалъ почти 22 тыс. рублей.

Пермское губернское земство въ послѣдніе годы постановило создать особое учрежденіе подъ именемъ „кустарно-промышленнаго банка". Цѣль его—содѣйствовать развитію кустарной промышленности путемъ дешеваго кредита кустарямъ. Кредитъ открывается банкомъ: 1) сельскимъ обществамъ, учреждающимъ какія-либо артельныя промышленныя предпріятія; 2) товариществамъ изъ кустарей-одиночекъ; 3) кустарямъ, работающимъ цѣлыми семьями; 4) ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, и 5) земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, заводскимъ управленіямъ и заслуживающимъ довѣрія частнымъ обществамъ—на устройство тор-

говыхъ кустарно-промышленныхъ складовъ готовыхъ издѣлій и сырыхъ для кустарей матеріаловъ и жизненныхъ припасовъ. Основной капиталъ банка опредѣленъ первоначально въ 50.000 р.

Говоря объ учрежденіяхъ, возникающихъ для содѣйствія кустарной промышленности, слѣдуетъ упомянуть о появленіи въ послѣднее время въ С.-Петербургѣ фирмы „Русскій Кустарь“ и объ организаціи въ Москвѣ особаго общества, съ цѣлью поощренія кустарныхъ производствъ и сбыта ихъ на востокъ Россіи и въ Азію.

Важную роль въ дѣлѣ улучшенія кустарной промышленности играютъ кустарные комитеты, устроенные въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ—правда, весьма немногихъ—губерніяхъ. Первый по времени комитетъ открытъ въ Вологдѣ. Но размѣры его дѣятельности весьма скромны и ограничены. Комитетъ чрезъ своихъ членовъ входитъ въ сношенія съ кустарями и предлагаетъ имъ работать для выставки, которая выдаетъ кустарямъ авансомъ часть стоимости издѣлій, а остальную—по продажѣ послѣднихъ. Принимаются комитетомъ также мѣры по улучшенію техники кустарныхъ промысловъ. Болѣе широкимъ образомъ поставлены комитеты въ пермской губерніи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь дѣятельность красноуфимскаго комитета, учрежденнаго мѣстнымъ земствомъ въ 1887 году. Цѣль комитета—поднятіе экономическаго благосостоянія населенія путемъ развитія новыхъ промысловъ и улучшенія существующихъ. Для практическаго осуществленія задачъ комитета земское собраніе ассигновало въ его распоряженіе $^1/_3$ суммы, предназначенной ранѣе земствомъ на устройство крестьянскаго уѣзднаго земскаго банка, что составляетъ 10 тыс. рублей, а въ ближайшемъ будущемъ достигнетъ 30 тыс. руб. Комитетъ устроилъ складъ кустарныхъ издѣлій, куда послѣднія принимаются съ выдачею авансомъ $^2/_3$ стоимости товара. Принятымъ предметамъ составляется прейсъкурантъ, причемъ къ цѣнѣ, назначенной кустарями, накидывается 5% на торговые расходы склада. Прейсъ-куранты разсылаются разнымъ лицамъ, торговымъ фирмамъ, учрежденіямъ и проч. Кромѣ того комитетъ заводитъ коммиссіонеровъ, которые развозятъ образцы, модели, рисунки и раздаютъ кустарямъ заказы на тѣ или иныя издѣлія. По образцу красноуфимскаго комитета губернское земское собраніе учредило „пермскій губернскій комитетъ для содѣйствія сельскому хозяйству и промышленности“. Цѣль его—дѣлать по отношенію ко всей губерніи то же, что дѣлаетъ красноуфимскій комитетъ по отношенію къ своему уѣзду. Подоб-

наго же рода кустарный комитетъ открытъ лѣтомъ 1888 года и вятскимъ губернскимъ земствомъ.

II.

Практическая дѣятельность общественныхъ учрежденій, направленная на пользу кустарной промышленности, не могла не отозваться и на правительствѣ. Въ послѣднее время нашимъ правительствомъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ къ удовлетворенію тѣхъ или иныхъ нуждъ кустарнаго производства. Въ этихъ начинаніяхъ видную роль занимаетъ дѣятельность упомянутой выше коммиссіи министерства финансовъ. Ея работами, между прочимъ, вызвано въ 80-хъ годахъ учрежденіе въ С.-Петербургѣ состоящей подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Маріинской школы кружевницъ, устройство ивовой плантаціи, къ которой впослѣдствіи предполагается присоединить и учебную мастерскую для плетенія, образованіе музея кустарныхъ производствъ и др. Коммиссія помогала дѣлу организаціи воткинской артели кустарей, причемъ министерство государственныхъ имуществъ доставило кустарямъ улучшенные образцы орудій и машинъ, выдавала пособія нѣкоторымъ кустарямъ на провинціальныхъ выставкахъ и т. д. Общія мѣры для развитія и улучшенія кустарныхъ промысловъ, по формулировкѣ коммиссіей, должны состоять: 1) въ доставленіи дешеваго и хорошаго матеріала, какъ-то: стали, мѣди, подѣлочнаго дерева, особенно цѣнныхъ породъ дуба, ивы (для корзинъ), льна, всякаго рода пряжи; 2) въ доставленіи хорошихъ орудій работы; 3) въ обученіи хорошимъ пріемамъ работы; 4) въ доставленіи хорошихъ образцовъ, моделей и рисунковъ; 5) въ учрежденіи сырьевыхъ, потребительныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ—для доставленія рабочимъ нужныхъ средствъ производства при умѣренномъ кредитѣ; 6) въ учрежденіи общественныхъ мастерскихъ, и 7) въ учрежденіи складовъ для продажи кустарныхъ издѣлій въ Россіи и за границей.

Изъ болѣе раннихъ правительственныхъ мѣропріятій на пользу кустарной промышленности слѣдуетъ упомянуть о попыткахъ этого рода министерства финансовъ при управленіи М. X. Рейтерна, которое оказывало нѣкоторое время непосредственную ссуду кустарямъ въ размѣрѣ 20—30.000 р. въ годъ. Но вскорѣ министерство отказалось отъ подобнаго вспомоществованія, такъ какъ на-ряду съ кустарями стали являться за ссудами и ку-

лаки, которые ловко воспользовались этими ссудами для своихъ цѣлей.

Въ 1884 году въ правительственныхъ сферахъ было возбуждено ходатайство объ устройствѣ въ Павловѣ ремесленнаго училища. Ежегодное содержаніе училища исчислено въ 11.000 руб. Горбатовское земство участія въ этомъ дѣлѣ не приняло. Губернское земство въ 1888 году выразило сочувствіе идеѣ и готовность придти на помощь тогда, когда будутъ выяснены всѣ условія организаціи такой школы. Въ 1886 году министромъ внутреннихъ дѣлъ изданъ циркуляръ, обращающій вниманіе губернаторовъ на полезность мѣстныхъ промышленныхъ выставокъ и рекомендовавшій устройство ихъ. Но главнѣйшимъ правительственнымъ актомъ въ разсматриваемой нами сферѣ является постановленіе государственнаго совѣта, отъ 21-го марта 1888 года, по которому завѣдываніе кустарными промыслами сосредоточено въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, по департаменту земледѣлія и сельской промышленности, причемъ постановлено отпускать въ распоряженіе министерства по 35.000 р. въ годъ, на расходы по усовершенствованію кустарной промышленности и на вознагражденіе назначаемымъ для надзора за ней лицамъ.

Такимъ образомъ, дѣло непосредственной и систематической помощи массѣ крестьянъ-кустарниковъ, получивъ правительственную санкцію, переходитъ теперь на вполнѣ прочную и организованную почву. Современное положеніе интересующаго насъ вопроса выдвигаетъ на сцену необходимость удовлетворенія главнѣйшимъ образомъ двухъ основныхъ условій: расширенія матеріальныхъ средствъ, употребляемыхъ правительственными и общественными учрежденіями на дѣло содѣйствія кустарной промышленности и объединеніе всѣхъ практическихъ работъ и начинаній по этой части въ одну стройную, опредѣленную систему. О недостаточности суммы 35.000 р., отпускаемой министерству государственныхъ имуществъ на дѣло кустарной промышленности, распространяться излишне. Въ этомъ случаѣ достаточно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что даже Финляндія перещеголяла насъ въ этомъ отношеніи. Финляндскимъ сенатомъ въ 1884 г. на распространеніе и улучшеніе кустарныхъ промысловъ въ Финляндіи ассигновано 500.000 марокъ, около 200.000 р. на наши деньги. Важность единства въ практическихъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ въ виду благосостояніе кустарей и прогрессъ ихъ производства, также для всякаго очевидна. Другое дѣло— вопросъ о томъ, какъ достигнуть такого единства. Трудность правильнаго разрѣшенія этой задачи станетъ намъ понятна, если

мы примемъ во вниманіе съ одной стороны ту необычайно-сложную сѣть человѣческихъ интересовъ и отношеній, которая затрогивается въ данномъ случаѣ, съ другой—то чрезвычайное разнообразіе фактическихъ условій, въ какихъ находится у насъ кустарное производство. Первое обстоятельство требуетъ вполнѣ объективной работы; поэтому интеллигентные люди, стоящіе въ сторонѣ отъ всякихъ интересовъ промышленныхъ группъ, могутъ дать дѣлу съ этой стороны надлежащее разрѣшеніе. Совсѣмъ иное—обстановка кустарной промышленности. Здѣсь требуется такое детальное знакомство со всевозможными условіями кустарнаго производства и самой жизни разнообразныхъ категорій кустарей, такое пониманіе этого производства и этой жизни,—какое для насъ, культурныхъ людей, является трудно-доступнымъ. Правда, по вопросу о кустарной промышленности собранъ за послѣднее время обширный и цѣнный матеріалъ. Но стоитъ принять во вниманіе безконечное разнообразіе и постоянную измѣняемость мѣстныхъ условій жизни, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько этотъ матеріалъ является недостаточнымъ въ данномъ случаѣ. Вотъ почему намъ кажется, что желательное разъясненіе и разрѣшеніе интересующихъ насъ вопросовъ можетъ быть достигнуто лишь путемъ съѣздовъ, составленныхъ съ одной стороны изъ лицъ, теоретически и фактически знакомыхъ съ положеніемъ кустарной промышленности, съ другой—изъ представителей самихъ кустарей-производителей. При этомъ чрезвычайно важно выбрать и пригласить именно тѣхъ изъ кустарей, которые являлись бы типическими представителями массы и могли бы въ истинномъ видѣ представить общественно-экономическія нужды крестьянъ-кустарниковъ. Достигнуть этого, конечно, не легко. Промышленная жизнь народа слагается совершенно иначе, чѣмъ жизнь земельная. Насколько послѣдняя характеризуется общиннымъ духомъ, настолько въ сферѣ промышленной, наоборотъ, господствуетъ антагонизмъ и конкурренція. Какъ ни глубоко различіе между крупной, капиталистической и кустарной, народной формой промышленности, тѣмъ не менѣе послѣдняя всегда носитъ въ себѣ капиталистическія начала въ болѣе или менѣе развитомъ состояніи. Отъ одного и того же кустарнаго промысла различныя группы промышленниковъ, разъединенныя въ своихъ интересахъ, должны имѣть на съѣздѣ и различныхъ представителей. Намѣтить такія однородныя по своимъ промышленнымъ интересамъ группы кустарей, намѣтить и отдѣльныхъ представителей отъ нихъ, можно лишь на мѣстахъ производства. Словомъ, мы видимъ, что дѣло организаціи проектируемыхъ нами съѣздовъ

представляется довольно сложнымъ и сопряженнымъ съ разнаго рода подготовительными работами. Но останавливаться передъ этимъ, конечно, не слѣдуетъ. Предлагаемый путь является едва ли не самымъ раціональнымъ и наиболѣе достигающимъ цѣли выясненія тѣхъ или иныхъ вопросовъ по кустарной промышленности и цѣли объединенія практическихъ мѣропріятій, предпринимаемыхъ для ея развитія. Несмотря на громадную роль, какую играетъ въ народномъ хозяйствѣ кустарная промышленность, по вопросу о ней у насъ дó сихъ поръ не было съѣзда, если не считать отдѣленія кустарной промышленности и артели, не имѣвшаго мѣста на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1882 году. Но дѣятельность этого отдѣленія (равно какъ и съѣзда вообще) была такъ неудачна, что о какихъ-нибудь серьезныхъ результатахъ ея не можетъ быть и рѣчи. Число членовъ отдѣленія было ничтожно, ни одного кустаря въ засѣданіяхъ его ни участвовало. Пренія и обсужденіе вопросовъ шли вяло и безъ системы. Даже такіе кардинальные вопросы, какъ вопросъ о томъ—„что такое кустарное производство?“— не были на съѣздѣ выяснены и формулированы сколько-нибудь точнымъ и опредѣленнымъ образомъ.

Между тѣмъ подобный съѣздъ по кустарной промышленности является одною изъ наиболѣе жгучихъ и настоятельныхъ потребностей кустарнаго дѣла. Въ интересахъ этого дѣла крайне желательно, чтобы такой съѣздъ состоялся въ возможно близкомъ будущемъ. Помимо практическихъ нуждъ въ сферѣ интересовъ кустарной промышленности назрѣло много вопросовъ чисто-теоретическаго характера, надлежащее выясненіе которыхъ возможно лишь на съѣздахъ. Такъ напр., въ настоящее время представляется необходимость существенныхъ измѣненій въ тѣхъ програмахъ, по которымъ производились мѣстныя изслѣдованія кустарной промышленности. Эти програмы являются теперь уже въ значительной степени устарѣвшими и несоотвѣтствующими современнымъ запросамъ по этой части. Самый матеріалъ, собранный по этимъ программамъ, является теперь уже до извѣстной степени неудовлетворительнымъ и проблематичнымъ. Матеріалъ этотъ знакомитъ насъ почти исключительно съ экономическими условіями жизни и дѣятельности кустарей. Что же касается бытовой, этнографической стороны вопроса, то она обыкновенно игнорируется мѣстными изслѣдователями. Между тѣмъ громадная важность названной стороны вопроса не подлежитъ сомнѣнію. Поэтому нельзя не отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ тѣмъ изданіямъ по кустарной промышленности, которыя касаются и бытовой обста-

новки кустарнаго производства. Къ числу такого рода изданій принадлежатъ работы нижегородскаго статистическаго комитета. Въ виду этого будетъ далеко не лишнимъ дать здѣсь характеристику бытовой жизни крестьянства въ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ нижегородской губерніи.

III.

Нижегородская губернія принадлежитъ къ числу самыхъ промышленныхъ губерній Россіи. И что̀ особенно замѣчательно—въ здѣшней промышленности всецѣло господствуетъ мелкая, кустарная форма производства. Что касается крупной, капиталистической промышленности, то она получила здѣсь самое незначительное развитіе. Въ этомъ отношеніи нижегородская губернія рѣзко отдѣляется отъ своей сосѣдки, владимірской губерніи, да и вообще отъ всѣхъ губерній центральной промышленной полосы Россіи, гдѣ рядомъ съ широкимъ развитіемъ кустарничества находимъ и колоссальные обороты фабрикъ и заводовъ. По оффиціальнымъ свѣденіямъ департамента торговли и мануфактуръ, въ нижегородской губерніи имѣлось въ 1884 году 338 фабрикъ и заводовъ, сумма производства которыхъ не превышала 16.201 тыс. руб., а число рабочихъ равнялось 7.443 чел. Между тѣмъ во владимірской губерніи фабрикъ и заводовъ числилось за то же время 426, сумма производства которыхъ опредѣлялась въ 88.827 тыс. руб., а число рабочихъ достигало 102.893 чел. Въ столь же, сравнительно, крупныхъ величинахъ выражаются размѣры производствъ капиталистической промышленности и въ другихъ центральныхъ губерніяхъ промышленной полосы Россіи [1]).

О томъ же, насколько распространена въ нижегородской губерніи кустарная промышленность и насколько значительно ея экономическое значеніе, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Въ нижегородской губерніи насчитывается до 320 видовъ различныхъ кустарныхъ производствъ, а сумма ихъ ежегодной выработки опредѣляется въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Одно село Павлово, горбатовскаго уѣзда, производитъ ежегодно своихъ знаменитыхъ металлическихъ издѣлій на сумму до одного милліона рублей и даетъ занятіе 1.642 кустарямъ. Вмѣстѣ съ Павловымъ тѣмъ же производствомъ занято до 80 селеній горбатовскаго уѣзда. Другимъ центромъ металлическаго производства

---

[1]) Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи и Царства Польскаго. Составилъ П. А. Орловъ. Изд. второе. Спб. 1887 г.

является въ губерніи такъ-называемая Красная-Рамень, семеновскаго уѣзда, 1/6 часть населенія котораго занята именно этимъ производствомъ. Еще болѣе широкое распространеніе имѣютъ въ губерніи промыслы по обработкѣ дерева (мочальный, рогожный, смоляной, скипидарный, дегтярный, угольный, производство бондарное, колесное, санное, дужное, столярное и всевозможныхъ другихъ, крупныхъ и мелкихъ деревянныхъ издѣлій). Въ семеновскомъ уѣздѣ однѣхъ ложекъ выработывается ежегодно до 4 милліоновъ штукъ, на сумму 35.000 руб., а всей деревянной посуды на 80 тыс. рублей. Затѣмъ слѣдуютъ производства: посконной, льняной пряжи и тканей, кожевенное, мѣховое, валеночное, кошмоваленное, поташное, солодовенное, гончарное, кузнечное, маслобойное и др. Кустарная промышленность здѣсь не только не падаетъ, но, наоборотъ, ростетъ съ году на годъ. Объ этомъ мы можемъ отчасти судить по увеличенію здѣсь числа мелкихъ промышленныхъ единицъ. Въ 1862 году считалось въ нижегородской губерніи всѣхъ мелкихъ промышленныхъ заведеній, за исключеніемъ фабрикъ и заводовъ и за исключеніемъ промышленниковъ въ домахъ и на сторонѣ, 14.373 (по оффиціальнымъ свѣденіямъ), а въ 1871 году такихъ мелкихъ промышленныхъ единицъ имѣлось уже 23.904 (по оффиціальнымъ же свѣденіямъ). Дальнѣйшее развитіе кустарной промышленности уже не вызываетъ здѣсь увеличенія числа промышленныхъ заведеній, число которыхъ остается болѣе или менѣе постояннымъ. Такъ, въ 1881 г. мелкихъ промышленныхъ заведеній считалось здѣсь 22.087, а въ 1888 году—22.135 (по оффиціальнымъ свѣденіямъ). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о числѣ кустарей на домахъ и можемъ ограничиться лишь общимъ указаніемъ на ростъ промысловъ во многихъ отрасляхъ производствъ.

Чтобы познакомиться съ тѣмъ вліяніемъ, какое оказываетъ на бытъ здѣшняго крестьянства кустарная промышленность, мы остановимся на разсмотрѣніи сравнительно незначительнаго района, обнимающаго два уѣзда—нижегородскій и ардатовскій. Съ этой цѣлью мы воспользуемся именно цѣннымъ матеріаломъ, содержащимся въ изданныхъ за послѣднее время, подъ редакціей секретаря нижегородскаго статистическаго комитета А. С. Гацискаго, двухъ выпускахъ „Нижегородскаго Сборника" (т. VII и VIII), обнимающихъ данныя по кустарной промышленности названныхъ уѣздовъ [1]), а частью также другими источниками, о которыхъ упомянемъ въ текстѣ.

---

[1]) Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижег. губ. стат. комитетомъ подъ редакціей А. С. Гацискаго. Томъ VII. Н. Н. 1887 г. Томъ VIII. Н. Н. 1889 г. Изслѣ-

Кустарная промышленность въ названныхъ уѣздахъ получила широкое развитіе, что видно изъ нижеприводимыхъ данныхъ по этой части. Интересъ, представляемый этими уѣздами, усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что кустарная промышленность находится здѣсь въ чистомъ видѣ мелкаго, обыкновенно домашняго производства. Процессъ капитализаціи не сдѣлалъ здѣсь сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ, въ чемъ мы убѣдимся изъ послѣдующаго изложенія. Поэтому природа интересующихъ насъ явленій должна выразиться здѣсь въ наиболѣе яркой и типической формѣ.

IV.

Въ разсматриваемомъ районѣ кустарная промышленность съ давнихъ поръ свила себѣ прочное гнѣздо. Въ настоящее время въ нижегородскомъ уѣздѣ работаетъ 24.826 кустарей, а сумма ихъ производства достигаетъ четырехъ милліоновъ рублей. Въ ардатовскомъ уѣздѣ 31.872 кустаря выработываютъ ежегодно издѣлій на сумму около $1^1/_2$ милліона рублей. Меньшая производительность ардатовскаго уѣзда объясняется тѣмъ, что въ немъ главнѣйшіе промыслы—лѣсные и сельско-хозяйственные, въ то время какъ въ нижегородскомъ уѣздѣ, рядомъ съ такого рода промыслами, существуетъ важный центръ металлическаго производства въ с. Безводномъ, дающій ежегодно издѣлій на сумму до $1^1/_2$ мил. руб. Насколько мелкій и самостоятельный характеръ имѣетъ здѣсь кустарная промышленность, можно судить по тому факту, что количество наемныхъ рабочихъ является здѣсь крайне ограниченнымъ. Въ нижегородскомъ уѣздѣ ихъ имѣется 400 человѣкъ, что составляетъ всего лишь 1,6% общаго числа кустарей этого уѣзда. Въ ардатовскомъ уѣздѣ процентъ наемныхъ рабочихъ (190 чел.) равняется 0,6. Домашняя система крупнаго производства (принимая опредѣленіе г. Корсака) существуетъ здѣсь лишь въ промыслахъ села Безводнаго (приготовленіе металлическихъ полотенъ, крючковъ, цѣпей и т. п.) и частью въ кузнечномъ производствѣ (нижег. уѣздъ).

Приступая къ разсмотрѣнію той роли, какую играетъ въ разсматриваемыхъ уѣздахъ кустарная промышленность, отмѣтимъ прежде всего тотъ основный фактъ, что кустарная промышленность нисколько не измѣнила здѣсь издавна установившагося, обыч-

---

дованіе гг. Маракина, Звѣздина, Ягодинскаго, Языкова, Спасскаго, Комарова и Владимірскаго.

наго склада общественно-бытовой [1]) жизни мѣстнаго крестьянства. Нижегородскій крестьянинъ является и теперь такимъ же сѣрымъ мужикомъ-лапотникомъ, съ присущимъ ему оригинальнымъ міровоззрѣніемъ, какимъ онъ былъ въ прежнее время. „Складъ жизни вполнѣ деревенскій“—такими словами характеризуютъ обыкновенно здѣшнюю крестьянскую жизнь мѣстные изслѣдователи разсматриваемыхъ нами промысловъ.

Главнымъ занятіемъ кустарей разсматриваемыхъ уѣздовъ является и донынѣ земледѣліе. Промыслы служатъ лишь подспорьемъ къ нему, представляя собой, при всей своей важности, занятіе второстепенное, „работу отъ сохи—на время“, по выраженію мѣстныхъ кустарей. Не даромъ здѣсь сложилась пословица: „безъ земли хоть до упаду работай, а сытъ не будешь“. Количество дней въ году, посвящаемыхъ промыслу, чрезвычайно различно и обусловливается не только родомъ производства, но и, напримѣръ, числомъ рабочихъ въ семьѣ. Семьи многолюдныя, съ большимъ числомъ рабочихъ, ведутъ промыселъ круглый годъ, нѣсколько лишь сокращая его на время полевыхъ работъ. Какого-либо антагонизма между промысломъ и земледѣліемъ, который замѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ кустарныхъ районахъ Россіи, здѣсь не существуетъ. Несмотря, на крайне неблагопріятныя условія сельскаго хозяйства (плохую песчаную и суглинистую почву, недостаточность надѣла и т. п.), здѣшніе кустари крѣпко держатся за землю и тщательно воздѣлываютъ ее. Привязанность къ землѣ здѣшнихъ кустарей, равно какъ и крестьянъ вообще, выражается, между прочимъ, въ томъ, что они при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшатъ расширить свои владѣнія, купить земли, нанять ея подъ посѣвы или подъ пастбище и т. д. Обработка земли производится самими кустарями. Сдача земли въ аренду и обработка ея при помощи наемныхъ рабочихъ или чужимъ инвентаремъ встрѣчается лишь въ видѣ исключеній. Такого рода факты зарегистрированы лишь въ слѣдующихъ немногихъ селеніяхъ кустарей разсматриваемаго района. Въ промыслѣ по окраскѣ пряжи и тканей кустари, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, воздѣлываютъ землю при помощи работниковъ. Въ шерстобитномъ производствѣ изъ 10 кустарей-домохозяевъ одинъ (и то по старости) обработываетъ землю при помощи наемнаго работника.

[1]) Вопросовъ чисто-экономической категоріи: величины заработка, размѣровъ основного и оборотнаго капиталовъ, условій закупки матеріала и сбыта товаровъ, значенія скупщиковъ и т. п., мы касаться въ настоящей статьѣ не будемъ, такъ какъ въ общемъ экономическая обстановка здѣшняго кустарнаго производства носитъ обычныя, присущія ей черты и не представляетъ ничего особеннаго, исключительнаго.

Изъ 77 земледѣльческихъ дворовъ кустарей-вязальщиковъ 13 безлошадныхъ домохозяевъ съ начала полевыхъ работъ сдаютъ принадлежащіе имъ надѣлы на обработку, за 40 р. съ тягла, а сами уходятъ на сторонніе заработки: въ работники, на баржи, на мельницы и т. п. Въ с. Полянахъ (одно изъ четырехъ селеній, занятыхъ производствомъ лаптей) „песчаная почва земли, въ совокупности съ небольшимъ надѣломъ, отбиваютъ у кустаря охоту къ земледѣлію, а потому, съ наступленіемъ весны, онъ обыкновенно отдаетъ принадлежащій ему надѣлъ на обработку, а самъ отправляется сбирать цыплятъ и яйца и перепродаетъ ихъ въ Нижнемъ". Въ промыслахъ по производству дугъ и по пилкѣ лѣсу, нѣкоторые изъ крестьянъ нанимаютъ себѣ для обработки земли рабочаго. Въ гончарномъ производствѣ (въ с. Виняевѣ) два хозяина держатъ по одному работнику. Работникомъ они пользуются какъ для полевыхъ работъ, такъ и для веденія гончарнаго промысла. Вотъ и всѣ случаи примѣненія несамостоятельнаго труда въ дѣлѣ воздѣлыванія земли здѣшними кустарями.

Землевладѣніе повсюду общинное. Насколько сильны въ здѣшнемъ крестьянствѣ общинные права и порядки, можно судить по слѣдующему отзыву объ этомъ предметѣ одного изъ священниковъ нижегородскаго уѣзда. „Пріобрѣтеніе разнаго рода имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, равно добросовѣстное владѣніе имуществомъ временно, пользованіе пахатными землями, сѣнокосными лугами и пр. обсуживается общественнымъ сходомъ, составляется письменный приговоръ, который передается къ свѣденію въ волостное правленіе. *Въ частности.* Никто не можетъ продать ни дома, ни лошади, ни коровы и т. п. въ чужое общество, безъ вызова охотника на покупку изъ своего общества: *въ противномъ случаѣ односельскій покупатель отбиваетъ купленную вещь себѣ и задатокъ, если онъ полученъ, выдается покупателю постороннему*" [1]). О крѣпости общинныхъ началъ мы не можемъ также судить по той настойчивости, съ какой здѣшнія общества отстаиваютъ свои земельныя права противъ поползновеній отдѣльныхъ домохозяевъ къ выкупу земли и обособленію отъ міра.

„Общинное начало—пишетъ одинъ изъ коренныхъ обывателей нижегородскаго уѣзда—еще настолько сильно господствуетъ въ понятіяхъ крестьянъ, что никакіе соблазны, весьма могущественные при другихъ обстоятельствахъ, не могутъ склонить ихъ добровольно согласиться на выкупъ надѣловъ кѣмъ-либо изъ ихъ

---

[1]) Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ нижегородскаго уѣзда. Ст. свящ. Борисовскаго. Нижег. Сб. Т. III, стр. 218. Н. Н. 1870 г.

односельчанъ. Въ этихъ случаяхъ дѣло принимаетъ иногда острый оборотъ. Съ домохозяевъ, выкупившихъ землю, общество снимаетъ часть душевыхъ надѣловъ, не даетъ ихъ обработывать и грозитъ выслать изъ общества. Въ дер. К. мѣстный становой приставъ былъ не въ состояніи уговорить крестьянъ подчиниться обстоятельствамъ, и потребовалась командировка исправника и непремѣннаго члена для улаживанія дѣла. Замѣчательно, что даже богатые крестьяне теряютъ, при такихъ условіяхъ, охоту выкупать землю. „Общество не любитъ, когда выходятъ на выкупъ,— сказалъ богатый крестьянинъ, имѣющій болѣе ста десятинъ земли. Я, было, тоже хотѣлъ выкупиться, просилъ общество честью отпустить меня, дозволить мнѣ выкупить $2^1/_2$ души (онъ владѣетъ 4 или 5 душ.) и вино сулилъ, да нѣтъ—не согласились, а ссориться съ обществомъ я не желаю“ [1]). Изъ сказаннаго сейчасъ понятнымъ становится тотъ фактъ, что изъ общаго числа здѣшнихъ кустарей всего лишь трое выкупили землю въ полную, единоличную собственность.

Артельное начало, какъ извѣстно, рѣдко находитъ себѣ примѣненіе въ кустарномъ производствѣ. Однако въ разсматриваемомъ районѣ мы находимъ до семи случаевъ этого рода. Въ промыслѣ по гонкѣ дегтя два завода—одинъ въ с. Шонихѣ, пятиказанный, а другой въ Березникахъ, двухъ-казанный—составляютъ общую принадлежность—первый 3, а второй 2 владѣльцевъ. Въ первомъ заводѣ два владѣльца имѣютъ по два казана, третій— одинъ; во второмъ каждый дегтярь владѣетъ однимъ казаномъ. Постройка подобныхъ общихъ заводовъ производится на соединенныя средства пайщиковъ, по числу взятыхъ каждымъ на себя казановъ. Въ угольномъ промыслѣ лѣсъ для углей самостоятельными угольщиками покупается въ большинствѣ случаевъ артелями въ 3—4 человѣка. Но больше-артельныя покупки происходятъ рѣдко. Кустари, занимающіеся производствомъ лаптей, закупаютъ липнякъ, соединяясь всегда артелями, человѣкъ въ 10—12. Въ прядильномъ промыслѣ „часто семьи соединяются между собой, чтобы составить необходимый для производства комплектъ въ четыре человѣка“. При производствѣ дугъ, когда нуженъ бываетъ помощникъ дужнику, а въ семьѣ нѣтъ члена, способнаго замѣнить подобнаго помощника, призывается сосѣдъ или еще кто-нибудь, и, благодаря такому сотрудничеству, дѣло благополучно кончается безъ наемныхъ рабочихъ. Въ гончарномъ промыслѣ менѣе богатые кустари обжигаютъ свои горшки въ чужихъ горнахъ. За

---

[1]) „Волжскій Вѣстникъ“ 1888 г., № 245. Изъ нижегородскаго уѣзда. А. С.

обжиганіе горшковъ ничего не платятъ. Имѣющій собственный горнъ охотно отдаетъ его во временное пользованіе, потому что горнъ нагрѣтый, теплый, при слѣдующемъ обжигѣ требуетъ дровъ несравненно меньше. Нѣкоторые горшечники устроиваютъ общіе горны—сообща человѣкъ 5 и 7. Для первоначальнаго нагрѣванія въ холодное время, осенью, мечутъ жребій, кому обжигать первому,—слѣдовательно, кому больше всѣхъ придется истратить дровъ. Въ Котовкѣ (горшечниковъ—15 домохозяевъ) всѣ горны общіе. Здѣсь они устроиваются каждый годъ; послѣ каждой полой воды приходится или поправлять горнъ, или строить за̀-ново. Артельныя заведенія существуютъ здѣсь и въ кузнечномъ производствѣ (артельныя кузницы).

V.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ внутренней стороны здѣшней народной жизни. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса, констатируемъ прежде всего тотъ фактъ, что грамотность кустарей интересующаго насъ района, какъ и вообще всего здѣшняго населенія, стоитъ далеко не на высокомъ уровнѣ развитія. Въ ардатовскомъ уѣздѣ на 132.232 чел. населенія имѣется всего лишь 58 школъ, а грамотныхъ числится лишь 2.000 чел., т.-е. грамотные составляютъ лишь 1,5% всего населенія. Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится нижегородскій уѣздъ, гдѣ на 115.600 чел. населенія имѣется 84 училища, въ которыхъ обучалось въ 1884 г. (годъ изслѣдованія промысловъ) 3.931 чел. Но грамотность, сама по себѣ, имѣетъ еще мало значенія въ жизни и мало оказываетъ вліянія на духовное развитіе народа. Важнѣе въ данномъ случаѣ знать существующія у крестьянъ наклонности и стремленія въ этой сферѣ, а также взгляды ихъ на тѣ или иныя явленія человѣческой жизни, ихъ обычаи и традиціи, суевѣрія и предразсудки и т. п. По этому вопросу изслѣдователи даютъ любопытный матеріалъ. Оказывается, что какъ въ ардатовскомъ, такъ и въ нижегородскомъ уѣздахъ, различнаго рода печальные предразсудки и суевѣрія составляютъ неизмѣнный удѣлъ населенія. Вотъ какія именно указанія находимъ по этой части въ разсматриваемыхъ выпускахъ „Нижегородскаго Сборника“.

„Въ селеніяхъ, занимающихся производствомъ земледѣльческихъ орудій (нижег. уѣздъ), крестьяне до сихъ поръ „въ трудныя, тяжелыя минуты своей жизни обращаются за полученіемъ извѣстной помощи, извѣстнаго совѣта къ ворожецамъ и знахарямъ.

Центромъ средоточія послѣднихъ служатъ села Новое Ликѣево и Чернуха. Въ первомъ изъ нихъ знахарь Шуминъ, по отзывамъ жителей, лечитъ нѣкоторыя наружныя болѣзни, преимущественно килу; во второмъ крестьянинъ Скаредовъ отчитываетъ разнаго рода бѣсноватыхъ и кликушъ. Дымъ ладона, воскуреннаго при отчитываніи подъ носомъ душевно-больного, положительно одуряетъ, задушаетъ несчастнаго и приводитъ его въ страшное, неописанное бѣшенство, вызывающее искреннее сожалѣніе со стороны посторонняго человѣка и нескрываемую радость Скаредова, считающаго это за хорошій знакъ—за признакъ ужаснаго мучительнаго состоянія находящихся въ немъ „нечистыхъ духовъ". Крестьянка Анна Гурычева, или, какъ она называется на языкѣ мѣстныхъ жителей „Гурычиха", гадаетъ по ковшу воды съ пущеннымъ въ нее березовымъ уголькомъ о судьбѣ пропавшаго имущества, о лицахъ, произведшихъ кражу, о состояніи и дѣйствіяхъ отсутствующаго человѣка и т. п." Замѣчательно, что при этомъ грамотность въ названныхъ селеніяхъ стоитъ высоко. Изъ 13 селеній, занятыхъ упомянутымъ производствомъ, въ семи имѣются земскія школы; изъ нихъ въ 6 селеніяхъ эти школы существуютъ уже давно, а въ одномъ школа устроена всего лишь 4 года назадъ. Точно также у скорняковъ, несмотря на сравнительно значительное распространеніе грамотности, среда ихъ „полна различныхъ суевѣрій, которыми легко пользуются ловкіе, умѣющіе ловить въ мутной водѣ рыбу, люди—знахари и знахарки. Майданская крестьянка, Дудорова, называемая заочно Лушкой Дудоровой, просто „Дудорихой", и въ глаза „Лукерьей Ивановной", соединяетъ, по просьбѣ свекра или свекрови, тестя или тещи, черезъ извѣстные ей и навороженные ею травы и корешки, разошедшихся почему-либо „молодыхъ", возвращаетъ покинутой женѣ мужа и покинутому мужу жену, получая, разумѣется, за состоявшійся „сводъ" холстикъ или два хорошей ткани и до сыта водки".

Въ с. Безводномъ (центръ металлическаго производства) у крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что „человѣка скоропостижно умершаго, но выпившаго передъ этимъ хотя рюмку водки, не слѣдуетъ хоронить, и дѣйствительно, его не хоронятъ по христіанскому обряду, а зарываютъ гдѣ-нибудь въ оврагѣ, въ отдаленіи отъ кладбища". Въ селеніяхъ Виняевѣ и Котовкѣ (гончарный промыселъ) жители очень религіозны и вмѣстѣ съ тѣмъ суевѣрны. Религіозность, напримѣръ, котовцевъ, во время присутствія тамъ мѣстныхъ изслѣдователей, выразилась только въ томъ, что они „устроили молебствіе о дождѣ, и всѣ вообще въ настоящее время хлопочутъ объ открытіи у нихъ прихода, который недавно былъ

у нихъ закрытъ. Суевѣрія вообще жителей и въ частности гончаровъ мѣшаются съ религіозными воззрѣніями. Особенно суевѣрія выходятъ наружу при совершеніи брака и похоронъ. Такъ, вѣрятъ, напр., тому, что у кого изъ молодыхъ вѣнчальная свѣчка сгоритъ больше, тотъ скорѣе умретъ, и т. п. При похоронахъ вѣрятъ тому, что если покойникъ глядитъ однимъ глазомъ, то въ этой семьѣ будетъ еще другой мертвецъ, и т. п.".

Далѣе, здѣшнее населеніе „вѣруетъ въ существованіе лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ, летучихъ огненныхъ змѣй и т. п. Вѣруетъ въ судьбу, приговаривая: „такъ на роду написано", „судьбу не обойдешь, не объѣдешь". Также вѣруетъ народъ въ посмертное существованіе и броженіе на землѣ неестественной смертью умершихъ, какъ-то: удавленниковъ, опившихся, отравившихся и т. п." [1])

Любопытны нѣкоторыя подробности въ вѣрованіяхъ крестьянъ относительно домовыхъ и т. п. „Переходя изъ стараго дома въ новый, домохозяинъ приглашаетъ домового съ собой на жительство, въ новый домъ. Мѣстомъ жительства домового считаютъ въ домѣ подпечку, откуда крестьянинъ часто слышитъ или стонъ—къ худу, или шелестъ—къ добру. Равно признаютъ существованіе домового и въ каждомъ дворѣ, гдѣ онъ любимой скотинѣ, напримѣръ лошади, заплетаетъ косы и путаетъ гриву, а нелюбимую душитъ и гоняетъ. Въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ самъ гоняетъ домового, связавъ пукъ изъ травы, называемой въ простомъ народѣ „чертогономъ", ходитъ по всему двору ихлещетъ по всѣмъ мѣстамъ, приговаривая: „не озорничай, живи хорошенько, скотинушку-матушку люби" [2]).

Но рядомъ съ только-что приведенными фактами изслѣдователи констатируютъ явленія и совершенно иного порядка. Въ молодомъ поколѣніи замѣчается работа разумной мысли и наклонность къ пріобрѣтенію знаній. „Занимаясь раздачею книгъ народу,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей промысловъ (г. Маракинъ),—я замѣтилъ, что большій % читающихъ приходится на молодое поколѣніе и меньшій % на пожилое. Первое имѣетъ сильный спросъ на книжки историческаго содержанія, знакомящія преимущественно съ отечествовѣдѣніемъ, второе—на книги духовно-нравственнаго содержанія". „Нельзя не отмѣтить того отраднаго факта,—замѣчаетъ другой изслѣдователь (г. Звѣздинъ),—что въ настоящее время крестьянинъ начинаетъ посылать въ школу не

---

[1]) Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ нижегородскаго уѣзда. Нижег. Сб. Т. III, стр. 211.

[2]) Ibid., стр. 213.

только сына, но и дочь". Тотъ же изслѣдователь сообщаетъ, что въ селѣ Маломъ Сескинѣ (жители заняты производствомъ саней) съ появленіемъ въ 1879 году школы нѣкоторые изъ санниковъ стали выписывать журналъ „Родина", затѣмъ въ числѣ другихъ крестьянъ накупили довольно изрядное количество книгъ, преимущественно духовно-нравственнаго содержанія: Библію, Евангеліе, Псалтырь. Въ лѣтнее время праздникомъ въ деревнѣ Татарской (работаютъ колеса) нерѣдко встрѣтишь группы мужиковъ въ 10 до 15 человѣкъ, сидящихъ на завалинѣ и безмолвно внимающихъ чтенію бойкаго грамотѣя, знакомящаго слушателей съ священной, или русской исторіей. Сосѣди ихъ, больше-сескинцы, увидя добро, оказываемое школою, пригласили одного, обучавшагося въ мало-сескинской школѣ крестьянскаго парня, для обученія своихъ работниковъ грамотѣ, за что и платятъ ему по 2—3 рубля въ зиму. Эта школа грамотности существуетъ вотъ уже третій годъ, и число учениковъ ея не бываетъ ниже 20".

О внутреннемъ содержаніи бытовой жизни народа мы можемъ судить, между прочимъ, по существующимъ у него пословицамъ. Появленіе нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) изъ циркулирующихъ здѣсь пословицъ можетъ быть прямо отнесено къ печальнымъ результатамъ вліянія на крестьянъ промысловыхъ занятій. Таковы пословицы: „Деньги — не Богъ, а полъ-Бога есть"; „Деньги — черви, а безъ нихъ люди—черти"; „Дальше положишь—ближе возьмешь". Но, если не ошибаемся, названными тремя пословицами и исчерпывается весь репертуаръ пословицъ этой категоріи. Приведемъ затѣмъ нѣкоторыя другія, наиболѣе характерныя изъ встрѣчающихся здѣсь пословицъ, считая излишнимъ дѣлать къ нимъ какіе-либо комментаріи:

1) Міръ согрѣшитъ—царь умолитъ; а царь согрѣшитъ—весь міръ не умолитъ.
2) Грозную тучу Богъ пронесетъ.
3) Гдѣ просто—тамъ ангеловъ со сто.
4) Куда вѣтерокъ, туда и разумокъ.
5) Мужъ и жена—одна сатана.
6) На Бога положишься—не обложишься.
7) Не поя, не кормя, недруга не наживешь.
8) Нѣтъ тяжелѣе Богу молиться да долги платить.
9) Начальнику первая чарка—первая и палка.
10) Не той бойся собаки, которая лаетъ, а которая молчитъ.
11) Пусти Оку въ Волгу.
12) Съ именемъ Иванъ, безъ имени болванъ.
13) Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.

14) Хорошо на Дону, да не какъ на дому.

15) Щи—всему голова [1].

Изъ сохранившихся здѣсь съиздавна обычаевъ мѣстные изслѣдователи обращаютъ вниманіе на дозволеніе, какое даютъ здѣшніе крестьяне своимъ дѣтямъ — двадцатилѣткамъ, записаннымъ въ призывные списки, мѣсяцъ или два передъ призывомъ погулять съ виномъ и гармоникой. „До сихъ поръ еще сочувствіе мѣстнаго населенія къ зачисленнымъ въ военную службу сильно и выражается съ его стороны кое-какими пожертвованіями и сборомъ, или сходбищемъ на окончательные проводы новобранца. До сихъ поръ еще провожаемые поютъ подъ звуки гармоники:

Ужъ какъ шли-прошли солдаты молодые,
А за ними идутъ матушки родныя.
Онѣ идутъ, слезно плачутъ,
Въ огорченьицѣ словечушка не молвятъ.
Вы не плачьте, наши матушки родныя!
Не тужите, наши жены молодыя!
Не ходить вамъ по бѣлу свѣту за нами,
Не топтать вамъ мать сыру землю ногами...
Не наполнить вамъ сине море слезами...
Намъ дороженька указанная,
Вся березками усаженная...
Наше царство широкохонько,
Насъ угонятъ далекохонько.

Главнѣйшимъ актомъ крестьянской жизни, вокругъ котораго сосредоточиваются всѣ интересы всей семьи, является актъ женитьбы. „Бѣднѣйшій изъ крестьянъ тратитъ на свадьбу сына сто рублей, а то и больше; тратитъ деньги, которыхъ часто у него нѣтъ, которыя онъ занялъ гдѣ-нибудь по частямъ, за громадные проценты. Эта не своя сотня рублей, истраченная почти на вѣтеръ, даетъ долго знать себя крестьянину: она заставляетъ его ѣсть послѣ того только сѣрыя щи, заставляетъ его вообще жить кое-какъ, въ-проголодь. Не отстаетъ бѣднякъ и въ одеждѣ отъ богатаго или зажиточнаго крестьянина: его дочери-невѣсты имѣютъ почти такіе же растегаи, головки и кафтанчики, какъ и дочери богача; его сынъ-женихъ одѣтъ не хуже сына любого изъ зажиточныхъ крестьянъ".

---

[1]) Нижег. Сб. Т. III, стр. 218.

VI.

Если кустарная промышленность, сама по себѣ, оказала въ общемъ мало вліянія на бытовой укладъ жизни здѣшняго крестьянства, то общія условія по-реформенной жизни, напротивъ, внесли много новыхъ — правда, большею частью внѣшнихъ, но тѣмъ не менѣе существенныхъ—измѣненій въ самые глухіе уголки разсматриваемаго района. Интересенъ взглядъ самихъ крестьянъ на тѣ измѣненія, какія произошли у нихъ за послѣднее время,—взглядъ ихъ на прошлое и настоящее своей жизни. „Въ старину-то,—говорятъ они,—гораздо было спокойнѣе житье-то: меньше всего спрашивалось, а хлѣба-то и всего было больше. Бывало, старики-то и обувь-то себѣ сдѣлаютъ сами,—лапотки сплетутъ; и онучи-то у нихъ не куплены,—бабы напрядутъ шерсть-то, да и выткутъ; и шуба-то у нихъ не купленая,—изъ своихъ овчинъ; и кафтанчикъ-то у нихъ изъ своего сукна, али изъ своей забурки; и рубашка-то со штанами своей бабой сдѣланы; и свѣтъ-отъ былъ свой и не аховый, какъ ныньче. Совсѣмъ аховый: купишь лампу, а она разобьется; а этихъ стеколъ, такъ просто и не напасешься: то-и-дѣло бьютъ бабы, али ребятишки; да и карасинъ-то иногда не довезешь изъ города: разбилъ бутылку—и его какъ не бывало. А прежде-то что? Прежде-то нащепаютъ лучинки, да и жгутъ ее; спички сами дѣлали. Пожаровъ-то было на рѣдкость супротивъ нынѣшняго: наши-то деревни, сказываютъ старики, по сту годовъ не гарывали. Избы строились простыя, черныя; въ сѣнкахъ пола не дѣлали,—поломъ-то служила голая земля. А ныньче вонъ какіе хоромы-то дѣлаютъ,—только бы барину и жить; такъ и то ужъ молодому-то народу не нравятся; придетъ какой-нибудь молодецъ изъ солдатъ, наглядится тамъ на чистоту барскихъ домовъ, да и зачнетъ здѣсь носомъ-то пофыркивать: какъ говоритъ, кисло въ избѣ-то. Надо, тятя, форточку сдѣлать, —и угару-то бы не было!.. Слышь ты что̀—кисло, говоритъ! строй, говоритъ, какую-то форточку!.. Да, вотъ тутъ и поживи въ нынѣшнія-то времена!.. Бани строились не такія, какъ ныньче: запустятъ, бывало, срубы-то въ яму, заваляютъ ихъ сверху землей —и ладно; полъ-отъ въ нихъ земляной былъ. Чаи-то да сахары-то не распивали—тогда и въ заводѣ этого не было. Праздники справляли полегче нынѣшняго: пили все больше пиво. А пива-то тогда дѣлались густыя да хорошія, крѣпкія—съ одной чайной чашки зашумитъ въ головѣ. Въ одежду народъ тогда больно-то не лѣзъ: на бабахъ все свое было съ головы до ногъ; а ныньче

бабы-то вонъ какія „лягухи" стали,—подавай имъ все ситцевое. Сады-то тогда были знаешь какіе—по двѣсти да по четыреста яблоней въ огородѣ было; обихаживали ихъ старики хорошо—ну, они и родили имъ хорошо и выручали ихъ. А ныньче гляди что̀: всѣ посохли; и себѣ-то яблочковъ-то нѣтъ, не то что ужъ на продажу. Мясцо-то тогда народъ-отъ поѣдалъ почитай что каждый день: заколетъ овечекъ-то, да и въ кадку; а ныньче и въ престольный-то праздникъ его многіе не видятъ. Хлѣба-то было у каждаго вдоволь; тогда и самымъ богатымъ человѣкомъ считался тотъ, у кого запаснаго хлѣба было больше. На базары народъ не ѣздилъ,—не зачѣмъ было; всего своего хватало. Вотъ почему и въ деньгахъ народъ меньше нуждался и жилъ, не убивая себя работой; вотъ почему и народъ тогда былъ крѣпче тѣлосложеніемъ и дольше жилъ. По зимамъ-то прежній-то народъ ничего не дѣлалъ: какъ разсвѣтаетъ,—позавтракаетъ, да и на волю въ чушки играть, да ѣздить верхомъ другъ на другѣ. Наиграется до сыта—идетъ обѣдать; пообѣдаетъ, попрядетъ маленько и—опять гулять. А нынѣшній что̀? Онъ съ малолѣтства затягается въ работѣ, работаетъ и зиму и лѣто каждый день, не зная отдыха, а все не поспѣваетъ обуть-одѣть себя, все ѣстъ впроголодь противъ прежняго народа; оттого, пожалуй, мало и живетъ".

Таковы представленія здѣшняго крестьянства о преимуществахъ прошлой жизни. Въ этихъ представленіяхъ нельзя не признать нѣкоторой односторонности. До-реформенныя условія и вліянія жизни, нѣтъ сомнѣнія, при всей своей непривлядности, представляли нѣкоторыя матеріальныя выгоды, въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова; о нихъ только и вспоминаютъ. И разсматриваемая нами мѣстность не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. „Великій актъ освобожденія,—говоритъ изслѣдователь нижегородского уѣзда, г. Маракинъ,—и другія условія, развили въ крестьянинѣ бойкость и какое-то глухое сознаніе своей силы. Относительно послѣдней онъ выражается такъ: „Я, говоритъ, міръ". Но пока еще результатомъ этого сознанія является сутяжничество на попа, писаря, урядника, иногда на станового пристава. Вотъ почему крестьянинъ нынѣ, изъ-за того лишь, чтобы дать попавшейся ему на встрѣчу парѣ или тройкѣ съ полицейскимъ чиновникомъ дорогу, не своротитъ уже свою лошадку съ возомъ въ сугробъ снѣга; вотъ почему нынѣ уже не стоятъ, какъ бывало, въ Рождество или Новый годъ передъ квартирой станового пристава обозы, съ жертвуемыми крестьянскимъ населеніемъ уѣзда важному и страшному квартиранту телятами, гусями, свиньями и т. п. Вотъ почему нынѣ крестьянинъ уже

не боится полиціи, не боится ея наѣздовъ, даже и въ бѣдѣ, не боится ея наѣздовъ, бывшихъ прежде какимъ-то страшнымъ нашествіемъ на него".

Отсутствіе забитости, бодрость и энергія составляютъ вообще одну изъ типическихъ чертъ въ характерѣ и настроеніяхъ здѣшняго народа. Эти качества не оставляютъ мужика при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Три селенія (сс. Шелокша, Вередѣево и д. Старое Ликѣево), занимающіяся бондарнымъ производствомъ, поставлены обстоятельствами судьбы въ крайне незавидное положеніе. При выходѣ на волю ни одно изъ этихъ селеній не получило ни одной сажени лѣса, и общій размѣръ душевого надѣла не превышалъ 1,05 десятины на наличную душу. Нужда заставляетъ крестьянъ нанимать громадное количество земли, именно 2.134 дес., платить за это громадную сумму денегъ и, сверхъ того, покупать постоянно топливо. Лѣсъ на послѣднее покупается осиновый и покупается у своего прежняго владѣльца, по 75 р. за десятину. Но лѣса этого не хватаетъ на годовыя потребности крестьянина, и недостающее количество крадется имъ изъ тѣхъ же барскихъ угодій. Рѣдкій мѣсяцъ пройдетъ безъ того, чтобы довѣренный помѣщика не произвелъ совмѣстно съ полѣсовщиками у голытьбы названныхъ селеній обыска, и рѣдкій изъ этихъ обысковъ не увѣнчается ожидаемымъ успѣхомъ. Ни страхъ наказанія, ни налагаемый за совершонную кражу штрафъ, не пугаютъ крестьянъ. „И радъ бы не воровать,—говоритъ мужикъ,—да безъ этого не обойдешься; топить нечѣмъ, нѣтъ переметнику на дворъ, на мякинницу, а купить не на что. Вѣдь ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не навозомъ же мнѣ топить избу-то? Чай я не въ безлѣсной губерніи-то живу?!"

Но несмотря на столь бѣдственныя условія жизни, крестьянинъ названныхъ селеній не кажется угрюмымъ, не кажется забитымъ; нѣтъ, онъ еще строитъ насчетъ своей бѣдности шутки, даже разскажетъ при случаѣ, какъ къ нему нужда забралась въ домъ. „Ко мнѣ нужда не вдругъ, исподволь, незамѣтно подкатывалась; она вѣдь хитрая собака. Сначала она ко мнѣ сзади, съ заднихъ воротъ зашла; прошибла ихъ, да на дворъ, съ двора-то да въ сѣнки, а изъ сѣнокъ-то ужъ въ избу. Никакъ ее изъ избы-то не выживу, окаянную: забилась въ ней на полати, да тамъ и сидитъ. Станешь обѣдать, а она съ полатей-то все и смѣется надъ тобой:—у тебя, говоритъ, и щи-то какъ зеркало, глазастыя, потолокъ въ нихъ видать, и хлѣбъ-то, говоритъ, на

половину съ отрубями, да не пропеченъ... Да и чего-чего, окаянная, не наскажетъ"...

Вообще нельзя не признать, что какъ до-реформенная жизнь имѣла нѣкоторыя свои выгоды, хотя и грубо-матеріальныя, такъ и новое, по-реформенное время носило въ самомъ себѣ зародышъ и возможность обновленія. Можно было бы только желать, чтобы такое обновленіе жизни совершалось при сохраненіи здоровыхъ условій стараго и новаго времени. До-реформенные и по-реформенные запросы крестьянства стремятся слиться въ одно живое, органическое цѣлое. Изъ соединенія положительныхъ началъ этихъ двухъ направленій, изъ примиренія этихъ направленій, образуется то, что̀ можетъ дать крестьянамъ благопріятную, желательную почву для развитія сельскаго хозяйства.

В. Пругавинъ.

ПО ИСПОЛНЕНІЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
НА 1890 ГОДЪ.

Исполненіе государственной росписи за 1890 годъ оказалось, какъ это, впрочемъ, легко можно было предвидѣть и было нами предвидѣно [1]), гораздо выгоднѣе первоначальныхъ предположеній, судя по „предварительнымъ кассовымъ свѣдѣніямъ", помѣщеннымъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ" [2]). Свѣденія эти названы „предварительными", потому что не были (и не могли быть къ этому времени) провѣрены окончательно въ контрольномъ порядкѣ, и „кассовыми", потому что представляются собственно итоги суммъ, съ одной стороны, поступившихъ въ государственное казначейство, съ другой—израсходованныхъ казною въ теченіе 1890 года, т.-е. съ 1-го января по 31 декабря включительно.

Въ этихъ свѣденіяхъ значится поступившихъ *обыкновенныхъ* доходовъ $941^1/_2$ м. р. и *чрезвычайныхъ* рессурсовъ около 36 м. р., всего $941^1/_2$ м. руб., при произведенныхъ въ теченіе года расходахъ въ суммѣ около 913 мил. руб., т.-е. менѣе на $28^1/_2$ м. р. Но эта цифра представляетъ собственно размѣръ измѣненія, послѣдовавшаго за годъ въ наличныхъ суммахъ государственнаго казначейства, и не имѣетъ отношенія къ исполненію государственной росписи. Тѣмъ не менѣе, данныя, заключающіяся въ „свѣденіяхъ", а равно и сопровождающія ихъ объясненія органа министерства финансовъ даютъ и теперь возможность съ приблизительною точностью опредѣлить результаты исполненія государственной росписи, которые вполнѣ точно

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", февраль, 1890 г., стр. 827 и др.

[2]) „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли", 24 марта 1891 г., № 12.

могутъ быть извѣстны только въ концѣ года изъ отчета государственнаго контроля.

Изъ „свѣдѣній" непосредственно можетъ быть взята только цифра обыкновенныхъ доходовъ, по которымъ съ 1889 года уничтоженъ льготный срокъ и постановлено, что всѣ поступленія въ теченіе 12 мѣсяцевъ того или другого года считаются принадлежностью росписи этого года, хотя бы поступили въ счетъ росписи года истекшаго (какъ, напр., недоимки) или предстоящаго (напр., зачеты на будущее время переборовъ) [1]. Неточность въ этой цифрѣ, вслѣдствіе того, что она не провѣрена контрольнымъ порядкомъ, не превышаетъ тысячи рублей, и для вывода о результатахъ бюджета значенія не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ слѣдуетъ думать, и министерство финансовъ, прежде опубликованія, сличаетъ съ предварительными свѣденіями государственнаго контроля, также получающаго ихъ своевременно отъ контрольныхъ палатъ.

Такое же правило о зачисленіи всѣхъ суммъ доходомъ по росписи того года, въ которомъ онѣ поступили, существуетъ и для *чрезвычайныхъ* поступленій, но не всѣ такія поступленія могутъ считаться дѣйствительнымъ доходомъ, такъ какъ въ число ихъ включаются часто суммы, полученныя путемъ кредитныхъ операцій: остатки отъ займовъ, конверсій, уплата долговъ и пр.,—что̀, по нашему мнѣнію, неправильно включать въ обороты бюджета того или другого года, такъ какъ бюджетъ долженъ выражать отношеніе годичныхъ государственныхъ потребностей къ средствамъ, нормально поступившимъ въ теченіе года изъ періодическихъ источниковъ.

Что касается расходовъ, то по нимъ сохраненъ льготный срокъ въ 3, въ 4 и даже для нѣкоторыхъ мѣстностей въ 5 мѣсяцевъ; поэтому цифра расходовъ можетъ быть опредѣлена только во второй половинѣ года, слѣдующаго за отчетнымъ. По нѣкоторымъ видамъ расходовъ существуютъ еще болѣе продолжительные сроки; о нихъ мы скажемъ ниже. Но во всякомъ случаѣ предѣлъ размѣра, до котораго могутъ доходить расходы въ истекшемъ году,—это сумма разрѣшенныхъ въ теченіе года кредитовъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ, такъ какъ, во-первыхъ, никакой расходъ иначе, какъ на разрѣшенный законодательнымъ порядкомъ кредитъ, производиться не можетъ, и во-вторыхъ, съ наступленіемъ, напримѣръ, 1891 года не

[1] До 1889 года въ отчетахъ объ исполненіи росписи было три рубрики: доходы: а) авансомъ въ счетъ росписи слѣдующаго года; б) въ отчетномъ году, и в) въ теченіе льготнаго срока, въ продолженіе котораго (3 и 4 мѣсяца) поступали недоимки истекшаго года по податямъ, выкупнымъ платежамъ, пособіямъ казны изъ разныхъ источниковъ, платежамъ частныхъ жел. дорогъ и т. п.

можетъ быть уже разрѣшенъ какой-либо кредитъ на счетъ росписи 1890 года.

Изъ предварительныхъ свѣденій, принимая въ соображеніе сказанное, можно, относительно исполненія государственной росписи 1890 года, сдѣлать слѣдующій выводъ: по росписи *обыкновенныхъ* доходовъ (со включеніемъ оборотныхъ) было исчислено 891½ м. р. и *чрезвычайныхъ* около 16 мил. руб., всего 907½ м. р.; расходы опредѣлены по росписи: обыкновенные въ суммѣ 890 м. р., и чрезвычайные въ размѣрѣ почти 58 м. р.,—всего 948 мил. руб. Такимъ образомъ роспись сводилась по обыкновенному бюджету съ избыткомъ доходовъ на 1½ м. р., а вообще съ недоборомъ въ 40 м. р. Отпущенные въ теченіе года 5½ м. р. сверхсмѣтнымъ кредитомъ должны были привести по росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ къ недобору въ 4 м. р., а по всей росписи—къ недобору въ 45½ м. р. Дѣйствительно же, какъ оказывается, обыкновенныхъ доходовъ поступило не 891½ м. р., а 941½ м. р., что̀ превышаетъ предположенную сумму *обыкновенныхъ* расходовъ, съ дополнительнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ, на 46 м. р., которыми съ избыткомъ долженъ бы покрыться недоборъ по чрезвычайному бюджету, если сумма его доходовъ и расходовъ согласуется съ росписью. Такъ какъ чрезвычайныхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ отпущено не было [1]), то расходы не могутъ превысить выведенной въ росписи суммы. Что касается чрезвычайныхъ поступленій, то ихъ, по предварительнымъ свѣденіямъ, показано около 36 м. р. Но сколько въ этой суммѣ заключается дѣйствительныхъ доходовъ—опредѣлить трудно, хотя въ объясненіяхъ къ свѣденіямъ эти поступленія и поименованы по рубрикамъ. Бо̀льшую часть суммы, около 26 м. р., составляютъ возвраты ссудъ. Нѣкоторая часть этихъ возвратовъ, дѣйствительно, можетъ считаться доходомъ, такъ какъ составляетъ лишь оборотъ періодически выдаваемыхъ ссудъ, значащихся въ расходахъ. Но другая составляетъ не что иное, какъ обращеніе въ рессурсы государственнаго казначейства вновь заключеннаго займа, только проведеннаго чрезъ счетъ желѣзно-дорожныхъ обществъ [2]). Разобраться въ

---

[1]) Испрошенъ былъ только сверхсмѣтный кредитъ въ 6 м. р. на погашеніе билетовъ государственнаго казначейства; но такое погашеніе долга не составляетъ бюджетнаго расхода и притомъ уравновѣшивается поступленіемъ суммъ отъ новаго займа, которыя также не принимаются нами въ разсчетъ.

[2]) Въ „свѣденіяхъ“, сообщаемыхъ „Вѣстникомъ Финансовъ“, показано, сверхъ упомянутыхъ поступленій, еще поступленіе 67½ м. р. отъ реализаціи 4½% внутренняго консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа, обращеннаго отчасти (въ суммѣ 42½ м. р., на выдачи желѣзнодорожнымъ обществамъ, отчасти (около 26 м. р.) отчисленнаго на особый желѣзнодорожный счетъ для той же цѣли. Изъ суммы, вы-

этомъ можно будетъ лишь на основаніи болѣе точныхъ свѣденій, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ отчетѣ государственнаго контроля. Пока можно лишь, относительно сверхсмѣтныхъ поступленій, остановиться на заявленіи министерства финансовъ, что и исполненіе бюджета 1890 г. можно себѣ представить, какъ уравновѣшеніе всѣхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ поступленій съ обыкновенными и чрезвычайными расходами, причемъ на сторонѣ поступленій имѣется избытокъ въ 4.010.000 рублей.

Выводъ этотъ основанъ, однако, на предположеніи, что всѣ отпущенные кредиты, смѣтные и сверхсмѣтные, будутъ израсходованы сполна. Но это былъ бы случай безпримѣрный въ лѣтописи нашихъ бюджетовъ: ни разу не случалось, чтобы по росписи не оказалось остатковъ отъ кредитовъ на болѣе или менѣе значительную сумму. За три послѣдніе отчетные года, 1887—1889, такихъ остатковъ было, въ средней цифрѣ, слишкомъ по 12 м. р. въ годъ, и это лишь по кредитамъ, срокъ дѣйствія которыхъ оканчивается льготнымъ срокомъ, т.-е. не далѣе пяти мѣсяцевъ слѣдующаго за отчетнымъ года. Но есть кредиты (строительные, по именнымъ спискамъ казны, по системѣ кредита), дѣйствіе которыхъ простирается на четыре года. Въ отчетахъ по исполненію росписи того или другого года эти кредиты показываются израсходованными сполна, хотя отъ нихъ и бываютъ значительные остатки; ни въ одинъ изъ годовъ эти остатки не были по одному обыкновенному бюджету менѣе 2 м. р., а иногда они доходятъ до гораздо значительнѣйшей суммы. Эти остатки, по принятому нынѣ порядку, причисляются къ доходамъ того года, когда оказались. Такъ, остатки отъ этихъ кредитовъ по росписи 1890 г. попадутъ въ число доходовъ 1894 г., но взамѣнъ къ доходамъ 1890 года будутъ причислены по отчету остатки 1886 года. Такимъ образомъ, слѣдуетъ ожидать, что къ выведенному министерствомъ финансовъ избытку доходовъ въ 4 м. р. присоединится еще до 15 м. р. неизрасходованныхъ остатковъ отъ кредитовъ.

Такой результатъ, столь отличный отъ вывода росписи, является слѣдствіемъ значительнаго превышенія въ поступленіи многихъ доходовъ, противъ первоначальнаго смѣтнаго исчисленія, и преимущественно доходовъ питейнаго (на 15 м. р.) и таможеннаго (на 20 мил. руб.); такая слишкомъ скромная цифра въ росписи 1890 г. и указывалась нами при обозрѣніи этой росписи [1]).

При сравненіи исполненія доходной росписи 1890 года съ испол-

---

данной желѣзнымъ дорогамъ, и послѣдовалъ, очевидно, возвратъ изъ долга въ 15½ м. р., составляющій такимъ образомъ лишь перемѣщеніе долговыхъ обязательствъ.

[1]) „Вѣстникъ Европы“, февраль 1890 г., стр. 830.

неніемъ таковой же росписи 1889 года, выгода оказывается не на сторонѣ только-что истекшаго года, хотя доходы его (941½ м. р.) и превосходятъ доходы 1889 года (927 м. р.) на 14½ м. р. Наибольшая цифра оказываются въ поступленіи отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (53½ м. р. въ 1889 г. и 49½ м. р. въ 1890 г.), вслѣдствіе перехода къ послѣднему году въ казенное управленіе нѣкоторыхъ частныхъ дорогъ, валовой доходъ которыхъ и включенъ такимъ образомъ въ поступленія этого года. Но въ соотвѣтствіе съ этимъ сумма обязательныхъ платежей казны частныхъ желѣзныхъ дорогъ, поступившая въ 1889 году въ размѣрѣ 49½ м. р., въ 1890 году уменьшилась до 38 мил. р. Вмѣстѣ по этимъ двумъ рубрикамъ получено въ 1889 году 83 м. р., а въ 1890 году 87½ м. р., болѣе на 4½ м. р., которые, въ сущности, увеличенія не составляютъ, такъ какъ поглощаются упадающими на казну расходами эксплуатаціи дорогъ, вновь включенныхъ въ казенную сѣть.

Увеличеніе почти на 5 мил. рублей *прибылей отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій* объясняется соотвѣтствіемъ наличности казенныхъ капиталовъ въ 1890 году и увеличеніемъ коммерческихъ прибылей государственнаго банка за 1888 годъ, перечисленныхъ въ доходъ казны въ 1890 году.

Таможенный доходъ, исчисленный по росписи всего лишь въ 121½ м. р., въ дѣйствительности доставилъ 142 м. р.—болѣе, сравнительно съ доходомъ 1889 г., на 4 м. р. Это увеличеніе, по заявленію „Вѣстника Финансовъ“, произошло вслѣдствіе усилившагося въ концѣ года привоза иностранныхъ товаровъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ возражать противъ точности такого указанія, но насъ удивляетъ, что „Вѣстникъ“ вовсе не упоминаетъ о состоявшемся повышеніи съ конца августа минувшаго года нашего таможеннаго тарифа на 20% почти по всѣмъ видамъ ввозимыхъ товаровъ, а по нѣкоторымъ и больше. Между тѣмъ, при небольшой отсталости въ поступленіи за первые 8 мѣсяцевъ 1890 года, противъ того же періода 1889 года, указаннаго повышенія тарифа было слишкомъ достаточно для того, чтобы доходъ увеличился на 4 м. р. Соображая цифры, можно думать, что ввозъ въ послѣдніе мѣсяцы 1890 года не только не увеличился сравнительно съ 1889 годомъ, но, напротивъ, уменьшился. Можно надѣяться, что это обстоятельство будетъ выяснено въ издаваемомъ таможеннымъ департаментомъ отчетѣ о нашей внѣшней торговлѣ, публикуемомъ обыкновенно въ первые мѣсяцы слѣдующаго за отчетнымъ года.

Увеличеніе на 4 м. р., т.-е. до 21½ м. р., *сахарнаго дохода* зависитъ отъ того, что по установленной еще въ 1884 году прогрессивной нормѣ акциза съ сахара, съ періода сахароваренія 1889 —

1899 года, размѣръ акциза повысился на пудъ сахара съ 85 коп. до рубля.

Сумма пособій изъ посторонних источниковъ увеличилась на 3 мил. рублей, отчасти отъ болѣе своевременнаго взноса посторонними учрежденіями платежей въ казну, отчасти отъ поступленій въ первый разъ пособій изъ губернскаго земскаго сбора по приведенію въ дѣйствіе положенія 12 іюля 1889 г. о земскихъ участковыхъ начальникахъ.

Весьма замѣтное уменьшеніе оказалось въ *питейномъ доходѣ*, котораго получено 268$^1/_2$ м. р.,—сравнительно съ доходомъ предшествующаго года, 275 м. р., менѣе на 6$^1/_2$ м. р.,—вслѣдствіе, какъ объясняется въ „Вѣстникѣ Финансовъ", слабаго урожая хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи. Объясненіе это несомнѣнно вѣрно, но оно относится лишь къ сравненію дохода 1890 г. съ доходомъ 1889 года; между тѣмъ мы не разъ указывали, что при нынѣ существующемъ акцизѣ на вино даже доходъ 1889 г. не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Онъ соотвѣтствуетъ немногимъ болѣе 26 мил. ведеръ [1]) безводнаго спирта, оплаченнаго акцизомъ и поступившаго въ народное обращеніе, тогда какъ 10 лѣтъ тому назадъ оплачивалось акцизомъ около 30 мил. ведеръ безводнаго спирта; съ тѣхъ же поръ населеніе значительно возросло. Искать причины этого въ сокращеніи самаго потребленія вина, вслѣдствіе его дороговизны, едва ли вѣрно. Правдоподобнѣе предположеніе, что значительная часть вина, идущаго въ народное потребленіе, ускользала и ускользаетъ отъ оплаты акцизомъ. Въ послѣднихъ отчетахъ департамента неокладныхъ сборовъ явныхъ указаній на это мы, правда, не находимъ, но возникающіе время отъ времени въ разныхъ частяхъ имперіи крупные процессы о незаконномъ производствѣ и выпускѣ вина свидѣтельствуютъ, что и донынѣ въ замѣтномъ размѣрѣ существуетъ зло, рѣзко указанное въ отчетѣ департамента за 1887 годъ, т.-е. за время, когда финансовое управленіе было въ нынѣшнемъ его составѣ, причемъ самый отчетъ составленъ и опубликованъ уже въ половинѣ 1888 года. Вотъ что̀ говорится въ этомъ отчетѣ: „постепенное увеличеніе числа случаевъ тайнаго винокуренія и нѣкоторыхъ видовъ нарушеній правилъ о торговлѣ напитками (контрабанды) продолжало имѣть мѣсто и въ отчетномъ году. Изслѣдуя причины этого явленія, обнаруживается сама собою непосредственная его связь съ постепеннымъ возростаніемъ цѣнъ на вино, происходящимъ, въ свою очередь, отъ постепеннаго увеличенія взимаемаго съ вина акциза.

---

[1]) Изъ дохода 275 мил. р. около 30 мил. патентнаго и другихъ питейныхъ сборовъ; остальные 245 м. р. составляютъ собственно акцизъ съ вина.

Выгода, извлекаемая нарушенiемъ питейнаго устава, увеличивается съ каждымъ годомъ, а сопряженные съ нарушенiемъ рискъ и тяжесть положеннаго за него наказанiя остаются неизмѣнными; неудивительно поэтому, что каждое новое увеличенiе акциза на вино имѣетъ своимъ послѣдствiемъ увеличенiе числа случаевъ обнаруженiя тайнаго винокуренiя и контрабанды. Какъ бы дѣятельность акцизнаго надзора ни была успѣшна, это зло искоренить невозможно" [1]).

Тою же причиной, т.-е. недостаточнымъ урожаемъ, объясняется уменьшенiе на 700.000 р. *въ податяхъ* и на $4^1/_2$ мил. р. *въ выкупныхъ платежахъ* съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и казенныхъ. Такимъ образомъ, въ налогахъ, упадающихъ преимущественно на низшiе классы населенiя, оказывается, какъ это и замѣчаетъ „Вѣстникъ Финансовъ", недоборъ сравнительно съ предшествующимъ годомъ, почти на 11 мил. рублей. Между тѣмъ уже и въ 1889 году поступленiе окладныхъ сборовъ, т.-е. податей и выкупныхъ платежей, значительно уменьшилось противъ 1888 года [2]).

Относительно обыкновенныхъ расходовъ 1890 года, какъ показано выше, можно основываться лишь на цифрѣ росписи, увеличивъ ее на $5^1/_2$ мил. р. сверхсмѣтнаго кредита. Нужно впрочемъ замѣтить, что эти $5^1/_2$ м. р. только случайно, вслѣдствiе измѣненiя въ порядкѣ отпуска кредитовъ, составляютъ расходъ 1890 года. Прежде нѣкоторымъ вѣдомствамъ для задатковъ по разнымъ заготовленiямъ предстоящаго года отпускались авансы, которые потомъ и зачислялись въ расходъ слѣдующаго года, но, по Высочайше утвержденному 22-го января 1891 г. мнѣнiю государственнаго совѣта, эти авансовыя выдачи положено считать расходомъ того года, когда онѣ отпущены, съ примѣненiемъ этого порядка съ 1890 года. Вслѣдствiе этого въ этомъ году пришлось расходъ на авансы оплатить два раза: разъ авансъ, отпущенный въ 1889 году за счетъ 1890 г., и другой разъ, въ размѣрѣ 4 м. р., авансъ на потребность 1891 года. Другая отпущенная сверхсмѣтнымъ порядкомъ сумма въ 1.700.000 р. на оплату купона желѣзнодорожнаго $4^1/_2\%$ займа уравновѣшивается чрезвычайными поступленiями суммъ, полученныхъ отъ финансовыхъ операцiй.

Но и съ этими $5^1/_2$ м. р. общая сумма отпущенныхъ въ 1890 году по обыкновенному бюджету кредитовъ составитъ (безъ оборотныхъ расходовъ) 893 м. р.—болѣе противъ назначенiя по росписи 1889 года (857 мил. р.) на 34 мил. рублей и болѣе дѣйствительнаго расхода

[1]) Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ. С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 148.

[2]) См. „Объяснительную записку къ отчету Государственнаго Контроля за 1889 г.", стр. 20 и 28.

1889 года, 856 мил. р. (безъ оборотныхъ), на 33 мил. руб. Главное увеличеніе расходныхъ назначеній было по вѣдомству путей сообщенія, на 20 мил. р., и изъ нихъ на 17 мил. р. по принадлежащимъ казнѣ желѣзнымъ дорогамъ, и по военному вѣдомству на 7 мил. р. Если отъ назначенныхъ кредитовъ окажется къ истеченію льготнаго расходнаго срока остатокъ приблизительно въ суммѣ 10 мил. рублей, то обыкновенные расходы 1890 года превзойдутъ таковые же расходы 1889 года всего лишь на 23 мил. рублей—увеличеніе, вполнѣ объясняемое обстоятельствами, указанными въ этой статьѣ.

По исполненію всей росписи 1888 года, т.-е. со включеніемъ какъ чрезвычайныхъ поступленій, имѣющихъ значеніе *дохода*, такъ и чрезвычайныхъ расходовъ, оказался избытокъ доходовъ въ 26½ мил. р.; по исполненію росписи 1889 г. этотъ избытокъ достигъ 54½ м. р. [1]). Вслѣдствіе менѣе успѣшнаго поступленія доходовъ въ 1890 году и болѣе крупныхъ чрезвычайныхъ расходовъ въ этомъ году избытокъ доходовъ и не могъ оказаться въ столь же крупныхъ цифрахъ. Но если онъ достигнетъ, какъ выведено выше, 10—15 мил. р., то и въ такомъ случаѣ результатъ исполненія государственной росписи не можетъ не быть признанъ довольно удачнымъ.

Но въ этомъ есть и обратная сторона медали. Государственные финансы не представляютъ аналогіи съ финансовымъ положеніемъ какого-нибудь частнаго хозяйства или акціонернаго предпріятія, въ которыхъ это положеніе прямо соотвѣтствуетъ бо́льшему или меньшему успѣху хозяйства или эксплуатаціи. Государство главныя свои средства получаетъ отъ народонаселенія путемъ налоговъ и сборовъ, прямыхъ или косвенныхъ, причемъ размѣръ получаемыхъ государствомъ средствъ только относительно соразмѣряется экономическимъ благосостояніемъ населенія.

Извѣстно, что четыре года тому назадъ, т.-е. въ самомъ концѣ 1886 года, бывшій министръ финансовъ, получившій въ слѣдующемъ году другое высшее назначеніе, выражалъ мнѣніе о нежелательности введенія новыхъ или увеличенія существующихъ налоговъ. Онъ находилъ это не только несвоевременнымъ, но и излишнимъ, полагая, что съ ослабленіемъ сельско-хозяйственнаго кризиса наступитъ снова естественный ростъ государственныхъ доходовъ. Извѣстно также, что въ половинѣ 1887 года послѣдовало возвышеніе многихъ изъ суще-

---

[1]) Въ обѣ показанныя суммы не вошли остатки отъ заключенныхъ окончательно въ эти года росписей 1884 и 1885 годовъ, составлявшіе по росписи 1884 года (доходъ 1888) около 7½ мил. р., а по росписи 1885 г. (доходъ 1889) около 20 мил. р.

ствовавшихъ налоговъ и введеніе нѣкоторыхъ новыхъ, отъ чего министромъ финансовъ, въ его докладѣ о государственной росписи на 1888 годъ, предвидѣлось усиленіе государственныхъ доходовъ на 52 мил. рублей. Предположенія эти вполнѣ оправдались, и при весьма счастливо сложившихся экономическихъ условіяхъ страны въ трехлѣтній періодъ 1886—1888 г. привели какъ бы въ лучшее положеніе наши финансы; но нельзя упускать изъ вида той почвы, на которой создалось это положеніе. Несомнѣнно, что слишкомъ 200 мил. руб. свободной наличности въ кассахъ министерства финансовъ являются весьма выгоднымъ условіемъ въ политическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, которое подняло нашъ кредитъ за границей и дало возможность предпринять нѣкоторыя весьма выгодныя финансовыя операціи. Но все это, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, получено далеко не нечувствительнымъ обремененіемъ населенія имперіи. Что это бремя значительно—видно изъ того, что при первыхъ же нѣсколько неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ поступленіе налоговъ, упадающихъ именно на низшіе классы населенія, замѣтно сократилось. Даже люди средняго достатка поголовно жалуются на безденежье и затрудняются сводить концы съ концами, именно въ то самое время, когда наше финансовое положеніе улучшилось, и это потому, что послѣднее вытекало не изъ улучшенія экономическаго быта страны. Переплачиваемыя, вслѣдствіе усиленныхъ обложеній копѣйки (на керосинъ, спички, табакъ, сахаръ, спиртъ, потребляемый не на одно питье, каменный уголь, заграничные товары, гербовыя марки и пр., и пр.) ежедневно слагаются—для отдѣльнаго лица—въ десятки копѣекъ и даже въ рубли, а ежегодно въ сотни и сотни рублей, наносящія большой ущербъ частному бюджету. Но это еще не все: усиленные налоги вызываютъ и усиленную регламентацію правильности ихъ поступленія, стѣсняющую производительность страны. Усиленный акцизъ съ табака въ своихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ повелъ почти къ полному устраненію мелкихъ хозяйственныхъ табачныхъ плантацій; налогъ на спички—къ уничтоженію мелкаго спичечнаго производства; строгій гербовый уставъ парализовалъ мелкія кредитныя и торговыя сдѣлки и т. д. Всѣ эти невыгоды, незамѣтныя съ большой высоты финансовыхъ воззрѣній, ощущаются внизу всѣми фибрами въ громадной массѣ мелкаго люда. Къ этому нужно прибавить, что выгоды казны, извлекаемыя изъ усиленія косвенныхъ налоговъ, далеко не равняются бремени, налагаемому ими на населеніе, такъ какъ на каждый лишній рубль, взимаемый такими налогами въ казну, приходится приплачивать два рубля нежелательнымъ посредникамъ этого взиманія, или тѣмъ,

кто, умѣя обходить надзоръ, беретъ весь налогъ цѣликомъ въ свою пользу.

Вотъ почему нельзя не согласиться съ тѣми, которые, несмотря на улучшенное, повидимому, положеніе нашихъ финансовъ, и даже именно вслѣдствіе того, полагаютъ, что пора подумать не объ увеличеніи, а объ ослабленіи налоговъ и даже о полномъ упраздненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ,—напримѣръ, налога на спички, на керосинъ, налога съ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Если же государству нужна извѣстная сумма, то, взамѣнъ многихъ косвенныхъ сборовъ, долженъ быть введенъ уставъ подоходнаго налога, о чемъ не мы одни говоримъ, и говоримъ давно.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1891 г.

Кончина Е. И. В. Великой Княгини Ольги Өеодоровны и Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.—Воспріятіе православія Е. И. В. Великою Княгинею Елисаветою Өеодоровною.—Законъ 12-го марта объ узаконеніи и усыновленіи.—Исторія разрѣшеннаго имъ вопроса.—Условія усыновленія.—Необходимость общаго закона о незаконнорожденныхъ.—Регламентація отхожихъ промысловъ.—Новый финляндскій фабричный законъ.

Въ первый день истекшаго апрѣля послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о кончинѣ Е. И. В. Великой Княгини Ольги Өеодоровны:

„Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ любезнѣйшую тетку Нашу Великую Княгиню Ольгу Өеодоровну. Ея Императорское Высочество, отправившись въ Крымъ для леченія отъ болѣзни, скончалась въ городѣ Харьковѣ, въ 31-й день марта, на 52 году отъ рожденія. Возвѣщая о семъ горестномъ событіи, Мы увѣрены, что всѣ Наши вѣрноподданные раздѣлятъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшей Великой Княгини".

Двѣ недѣли спустя, 13-го апрѣля, скончался Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, о чемъ было возвѣщено въ Высочайшемъ манифестѣ, отъ того же числа:

„По волѣ Всемогущаго Бога Императорскій Домъ Нашъ постигла новая скорбь: Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, скончался 13-го сего апрѣля, на 60 году отъ рожденія. Оплакивая утрату любезнѣйшаго дяди Нашего, жизнь коего была посвящена ревностному служенію Престолу и Отечеству и ознаменована подвигами, стяжавшими ему доблестное имя, Мы увѣрены, что всѣ вѣрные Наши подданные соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшаго Великаго Князя".

Имя Августѣйшаго покойнаго связано съ нашею военною исторіею, на пространствѣ 20 лѣтъ, начиная со времени крымской войны и кончая послѣднею войною съ Турціею въ 70-хъ годахъ, и будетъ

безъ сомнѣнія, оцѣнено историкомъ тѣхъ эпохъ. Въ мирное время онъ составилъ себѣ славу отличнаго организатора кавалеріи и стоялъ во главѣ управленія военно-инженерною частью. Въ военной средѣ— онъ оставилъ по себѣ особенно прочную память своею сердечною добротою, вниманіемъ ко всякой нуждѣ и готовностью оказать помощь и покровительство.

Въ 13-й день апрѣля, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ объявленъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Любезнѣйшая невѣстка Наша, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, познавъ и испытавъ, въ согласіи съ своимъ супругомъ, истину Православія, возжелала, по душевному влеченію своему, соединиться съ Нами въ вѣрѣ и въ общеніи церковныхъ молитвословій и таинствъ. Сегодня воспріяла она, къ великой Нашей радости, Православную Нашу вѣру и святое Мѵропомазаніе.

Возвѣщая всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о семъ желанномъ событіи, повелѣваемъ именовать Ея Императорское Высочество Благовѣрною Великою Княгинею“.

Давно уже мы не вносили въ нашу хронику столь симпатичной, справедливой и полезной мѣры, какъ законъ о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ, Высочайше утвержденный 12-го марта и обнародованный въ началѣ апрѣля. Нельзя сказать, чтобы онъ не оставлялъ желать ничего лучшаго; но шагомъ впередъ, въ области гражданскаго права, онъ несомнѣнно представляется весьма большимъ. Прежде, чѣмъ изложить главныя его основы, интересно бросить взглядъ на исторію разрѣшеннаго имъ вопроса. Быстро, иногда даже слишкомъ быстро, проводятся у насъ, какъ извѣстно, только тѣ законопроекты, которые имѣютъ политическій характеръ и признаются необходимыми для поддержанія или возстановленія порядка, для достиженія цѣлей, намѣчаемыхъ господствующимъ настроеніемъ. Законопроекты другого, болѣе, если можно такъ выразиться, нейтральнаго свойства, подготовляются, передѣлываются, просматриваются и пересматриваются, въ большинствѣ случаевъ, потихоньку, не спѣша. Между первымъ зарожденіемъ мысли и ея осуществленіемъ проходятъ здѣсь, сплошь и рядомъ, многіе годы и даже цѣлыя десятилѣтія. До сихъ поръ, напримѣръ, мы не имѣемъ ни новаго вексельнаго устава, ни новаго устава о торговой несостоятельности, ни новаго закона объ акціонерныхъ обществахъ, хотя неудовлетворительность дѣйствующихъ по всѣмъ этимъ предметамъ постановленій сознана уже давно и переработка ихъ началась еще въ семидесятыхъ годахъ или даже

раньше. Весьма медленнымъ было движеніе и занимающаго насъ теперь закона. Разсматривая, въ началѣ 1880 г., законопроектъ о порядкѣ усыновленія, совершаемаго почетными гражданами, государственный совѣтъ обратилъ вниманіе на запрещеніе усыновлять собственныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, установленное закономъ по отношенію къ купцамъ и дворянамъ. Находя это запрещеніе несправедливымъ и вреднымъ, но не считая удобнымъ пріурочивать его отмѣну къ частной мѣрѣ, касающейся одного только немногочисленнаго сословія, государственный совѣтъ поручилъ министру юстиціи сообразить, не слѣдуетъ ли *вообще* допустить усыновленіе родителями своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Годъ спустя въ высшихъ государственныхъ сферахъ признано было необходимымъ регулировать порядокъ узаконенія дѣтей чрезъ послѣдующій бракъ родителей. Оба вопроса, тѣсно связанные между собою, были, такимъ образомъ, поставлены на ближайшую законодательную очередь—но затѣмъ движеніе ихъ надолго остановилось, хотя въ напоминаніяхъ о настоятельности реформы не было недостатка. Въ 1884 г. коммиссія прошеній, въ вѣденіе которой входили дѣла объ узаконеніи, была замѣнена канцеляріей прошеній, состоящей при императорской главной квартирѣ—и новое учрежденіе не могло не почувствовать потребности въ болѣе точномъ опредѣленіи одной изъ главныхъ своихъ функцій. Почти въ то же самое время с.-петербургское юридическое общество разсматривало два доклада, касавшіеся участи незаконнорожденныхъ дѣтей, и приходило къ единогласному заключенію, что пересмотръ законодательства по этому предмету не долженъ быть откладываемъ до окончанія работъ по составленію новаго гражданскаго кодекса [1]). Прошло, однако, еще шесть лѣтъ, прежде чѣмъ проектъ закона объ узаконеніи и усыновленіи былъ составленъ и внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. А между тѣмъ никакихъ особыхъ затрудненій подготовка его не представляла. Не нужно было терять время на собраніе сложныхъ и разнообразныхъ фактическихъ данныхъ, не нужно было сноситься съ многочисленными мѣстными учрежденіями; предстояло только отвѣтить, такъ или иначе, на нѣсколько простыхъ принципіальныхъ вопросовъ. Самый отвѣтъ былъ, въ значительной степени, предрѣшенъ опытомъ ближайшаго и болѣе отдаленнаго прошлаго.

Стремленіе затруднить или сдѣлать совершенно невозможнымъ узаконеніе незаконнорожденныхъ дѣтей появилось, у насъ въ Россіи,

---

[1]) Неудовлетворительность нашего законодательства о незаконнорожденныхъ была признана еще раньше, первымъ (и до сихъ поръ единственнымъ) съѣздомъ русскихъ юристовъ, засѣдавшимъ въ Москвѣ въ 1875 г.

сравнительно недавно и продолжалось недолго, примѣняясь, притомъ, только къ высшимъ сословіямъ; въ мѣщанской и крестьянской средѣ узаконеніе, въ видѣ приписки къ семьѣ или усыновленія, никогда не встрѣчало противодѣйствія со стороны законодательной власти. Въ началѣ XIX-го вѣка та же форма узаконенія практиковалась весьма широко и по отношенію къ дворянамъ. Вступленіе незаконнорожденныхъ дѣтей въ семью отца, хотя бы и дворянина, признавалось справедливымъ и полезнымъ. Въ запискѣ, составленной по повелѣнію императора Александра I, указывалось на то, что воспитаніе незаконнорожденныхъ дворянскихъ дѣтей, часто отдаляя ихъ отъ прочихъ состояній, ставитъ ихъ въ горестную необходимость „стыдиться собственнаго своего бытія и даже сожалѣть о своемъ просвѣщеніи, раздражающемъ ихъ желанія и указывающемъ имъ мѣсто, къ коему они были рождены и воспитаны и коего, однакожъ, никогда занимать не будутъ“... „Присоединить къ сему должно,—говорилось, дальше, въ той же запискѣ,—что и въ самое среднее состояніе понесутъ они съ собою пятно, общимъ мнѣніемъ на нихъ наложенное, и не иначе, какъ актомъ усыновленія, совершенно изгладиться могущее. И все сіе должны они вытерпѣть безъ всякой вины и часто имѣя всѣ достоинства и права на уваженіе“. Исходя изъ этихъ соображеній, правительство не только не отказывало въ просьбахъ объ усыновленіи „воспитателями“ своихъ „воспитанниковъ“—такова была общепринятая тогда терминологія, позволявшая обходиться безъ прямого упоминанія о незаконнорожденности,—но и установило опредѣленныя на этотъ счетъ правила, отличавшіяся отъ закона только тѣмъ, что они не были обнародованы во всеобщее свѣденіе. Узаконеніе внѣбрачныхъ дѣтей, родители которыхъ вступили затѣмъ въ законный бракъ, разсматривалось какъ нѣчто разъ навсегда разрѣшенное; актомъ особой Монаршей милости сопричисленіе къ законнымъ дѣтямъ являлось только по отношенію къ тѣмъ незаконнорожденнымъ, родители которыхъ оставались необвѣнчанными. На оффиціальномъ языкѣ того времени узаконеніе именовалось усыновленіемъ. Проектъ гражданскаго уложенія, составленный въ 1809 г., разрѣшалъ вопросъ объ узаконеніи вполнѣ согласно съ тогдашней практикой. Силу закона этотъ проектъ, какъ извѣстно, не получилъ; но фактически все оставалось по прежнему, до первыхъ годовъ царствованія императора Николая. Въ 1829 г. состоялся Высочайшій указъ, повелѣвавшій оставлять безъ уваженія всѣ просьбы объ усыновленіи воспитанниковъ и о сопричисленіи внѣбрачныхъ дѣтей къ числу законныхъ, вслѣдствіе позднѣйшаго брака родителей. Въ сводѣ законовъ, скоро послѣ того изданномъ, преобладало то же суровое отношеніе къ незаконнорожденнымъ. Нѣкоторыя статьи, для нихъ невыгодныя, были обоснованы ссылкою на указъ

1800 г., вовсе не въ такой степени ограничивавшій права незаконнорожденныхъ. Въ 1835 г. купцамъ было запрещено усыновлять своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей; въ послѣдствіи времени это запрещеніе было распространено на личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ. Относительно потомственныхъ дворянъ оно разумѣлось само собою, потому что законъ дозволялъ имъ усыновлять только *законнорожденныхъ* своихъ родственниковъ. Возвращеніе къ прежнимъ, гуманнымъ традиціямъ совершилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ самомъ началѣ царствованія императора Александра II. Указъ 1829 г. исчезъ изъ новыхъ изданій свода законовъ гражданскихъ. Узаконеніе, путемъ особыхъ Высочайшихъ повелѣній, внѣбрачныхъ дѣтей (преимущественно—въ виду послѣдующаго брака родителей) сдѣлалось явленіемъ довольно обыкновеннымъ, хотя первоначально и предполагалось допускать его только въ исключительныхъ случаяхъ. Разрѣшалось и усыновленіе „воспитанниковъ", въ прежнемъ значеніи этого слова. При такихъ условіяхъ не было, очевидно, никакой надобности поддерживать противорѣчіе между дѣйствительностью и закономъ, называть возможное—невозможнымъ, сплошь и рядомъ дозволяемое—безусловно запрещеннымъ. Юридическое отношеніе, существующее на самомъ дѣлѣ и широко распространенное, должно было, наконецъ, получить санкцію закона и сбросить съ себя покровъ тайны, ничѣмъ не оправдываемой и ни для чего ненужной. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ мы говорили, на этомъ мѣстѣ, о финляндскомъ законѣ, обезпечившемъ, до извѣстной степени, права незаконнорожденныхъ дѣтей [1]. „Что могло бы помѣшать русскому законодательству,—спрашивали мы уже тогда, — вступить на ту же дорогу? Обычаи или взгляды русскаго народа? Усыновленіе отцомъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, включеніе ихъ въ семью посредствомъ послѣдующаго брака съ ихъ матерью, предоставленіе имъ правъ наслѣдованія послѣ отца—все это, какъ видно изъ трудовъ коммиссіи по изслѣдованію волостныхъ судовъ и изъ книги С. В. Пахмана, явленія вполнѣ нормальныя и повседневныя въ нашей народной жизни. Политическія соображенія? Чѣмъ меньше неполноправныхъ, приниженныхъ, обдѣленныхъ судьбою, тѣмъ больше обезпечено спокойствіе государства. Общественная нравственность? Она будетъ ограждена гораздо больше, когда нарушеніе ея будетъ возлагать на нарушителя извѣстныя обязанности, когда виновнымъ будетъ дана возможность уничтожить, хотя отчасти, вредныя послѣдствія своего увлеченія". Эти же соображенія заставляютъ насъ теперь привѣтствовать отъ души совершившуюся реформу.

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстн. Европы" за 1880 г.

Обратимся теперь къ существу новаго закона. Онъ касается трехъ главныхъ предметовъ: положенія дѣтей, рожденныхъ отъ незаконнаго брака—узаконенія дѣтей незаконнорожденныхъ—и усыновленія. Дѣти, рожденныя отъ незаконнаго брака (т.-е. отъ брака, признаннаго по суду незаконнымъ и недѣйствительнымъ), причисляются дѣйствующимъ законодательствомъ къ разряду незаконныхъ, не имѣющихъ права ни на фамилію отца, ни на законное послѣ него или послѣ матери наслѣдство; участь ихъ, до сихъ поръ, могла быть повергаема судомъ на особое милостивое усмотрѣніе Высочайшей власти въ такомъ лишь случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ былъ вовлеченъ въ противозаконный бракъ насиліемъ или обманомъ. Новымъ закономъ право ходатайства за дѣтей, рожденныхъ въ такомъ незаконномъ бракѣ, не пріурочивается ни къ какимъ заранѣе опредѣленнымъ условіямъ; ходатайство можетъ быть возбуждено каждый разъ, когда судъ усмотритъ въ дѣлѣ „обстоятельства, заслуживающія снисхожденія". Точнѣе опредѣленъ и самый предметъ ходатайства—*сохраненіе* за дѣтьми всѣхъ правъ, принадлежащихъ законнорожденнымъ, а слѣдовательно, между прочимъ, и права наслѣдовать въ имѣніи родственниковъ, отъ котораго прежній законъ устранялъ ихъ безусловно. Если одинъ изъ супруговъ былъ вовлеченъ въ незаконный бракъ насиліемъ и обманомъ, то на усмотрѣніе Государя можетъ быть повергнута не только участь дѣтей, но и участь невиннаго супруга; другими словами, за невиннымъ супругомъ могутъ быть сохранены права, пріобрѣтенныя имъ посредствомъ брака. По отношенію къ дѣтямъ, происшедшимъ отъ недѣйствительнаго брака, родители подчиняются всѣмъ обязанностямъ, установленнымъ по отношенію къ дѣтямъ законнымъ (обязанности пропитанія, воспитанія и т. п.). Всѣ эти постановленія составляютъ, безспорно, существенную перемѣну къ лучшему; но едва ли они могутъ быть признаны вполнѣ цѣлесообразными. Если бракъ былъ заключенъ вслѣдствіе незнанія, хотя бы однимъ изъ супруговъ, о существованіи законныхъ препятствій, или вслѣдствіе принужденія или обмана, жертвою которыхъ сдѣлался одинъ изъ супруговъ, то это могло бы служить, ipso jure, достаточнымъ основаніемъ къ сохраненію за дѣтьми всѣхъ правъ, проистекающихъ изъ законнаго брака. Именно такъ—занимающій насъ вопросъ разрѣшается французскимъ гражданскимъ кодексомъ и нѣкоторыми другими законодательствами (въ томъ числѣ, кажется, и гражданскими законами, дѣйствующими въ остзейскихъ губерніяхъ и въ царствѣ польскомъ); именно такъ предлагало разрѣшить его и петербургское юридическое общество, при обсужденіи, въ 1883 г., реферата г. Дылевскаго. Докладчикъ не дѣлалъ различія между браками недѣйствительными завѣдомо для обоихъ супруговъ и незавѣдомо хотя бы для

одного изъ нихъ; ему возражали, что въ послѣднемъ случаѣ (при такъ-называемомъ путативномъ бракѣ) законность дѣтей должна была бы быть общимъ правиломъ, т.-е. проистекать сама собою изъ факта признанія невиновности одного изъ супруговъ. Значительное большинство голосовъ высказалось въ пользу послѣдняго мнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, единственный доводъ противъ признанія законности дѣтей, рожденныхъ отъ незаконнаго брака, заключается въ томъ, что это могло бы привести къ увеличенію числа недѣйствительныхъ браковъ. Съ опасеніемъ за будущность дѣтей исчезло бы—такъ думаютъ многіе—одно изъ самыхъ крупныхъ препятствій, противодѣйствующихъ теперь заключенію незаконнаго брака. Зная, что дѣти ихъ во всякомъ случаѣ будутъ законными, лица, состоящія, напримѣръ, въ четвертой степени родства, легче рѣшались бы на вступленіе въ бракъ, закономъ запрещенный. Всѣ эти соображенія примѣнимы, однако, исключительно къ бракамъ, незаконность которыхъ заранѣе извѣстна обоимъ супругамъ. Если оба супруга дѣйствуютъ bona fide, то нельзя представить себѣ справедливаго основанія къ отягощенію ихъ судьбы, и безъ того уже весьма печальной. Вынужденное расторженіе брака—величайшее бѣдствіе для супруговъ; къ чему же усугублять его незаслуженнымъ несчастьемъ дѣтей или хотя бы опасеніемъ такого несчастья? Если со стороны одного изъ супруговъ пущенъ былъ въ ходъ обманъ, то это свидѣтельствуетъ о такой силѣ увлеченія, которую едва ли уменьшитъ или удержитъ мысль о безправіи дѣтей, еще не рожденныхъ, а только могущихъ родиться. Угроза закона оказывается здѣсь безсильной по отношенію къ одному изъ супруговъ и жестокой по отношенію къ другому, заслуживающему полнѣйшаго снисхожденія. Сознаніе, что участь дѣтей не подлежитъ никакому риску, что они ничего не потеряютъ отъ расторженія брака—единственное утѣшеніе для обманутаго супруга. *Ходатайство* можетъ быть возбуждено или не возбуждено, уважено или не уважено; вполнѣ обезпеченнымъ и безусловнымъ является только *право*, прямо вытекающее изъ закона.

Новыя правила объ *узаконеніи* отличаются именно тѣмъ достоинствомъ, котораго недостаетъ постановленіямъ о дѣтяхъ, рожденныхъ отъ недѣйствительнаго брака: они создаютъ порядокъ, точно регулированный и устраняющій всякую случайность. Послѣдующій бракъ родителей составлялъ, до сихъ поръ, только *поводъ къ ходатайству* объ узаконеніи до-брачныхъ дѣтей; теперь онъ становится *законнымъ основаніемъ* узаконенія или, лучше сказать, влечетъ за собою, ipso facto, законность дѣтей, прижитыхъ до брака. Legitimatio per subsequens matrimonium включается, наконецъ, и у насъ въ число формально-признанныхъ юридическихъ институтовъ; довершается дѣло, которое

при Александрѣ I было доведено почти до конца (недоставало, какъ мы уже видѣли, только обнародованія постоянно соблюдавшихся правилъ), при Николаѣ I отодвинуто далеко назадъ, при Александрѣ II оставлено въ неопредѣленномъ положеніи. „*Дѣти, рожденныя внѣ брака*, — гласитъ законъ 12-го марта, — *узаконяются бракомъ ихъ родителей*. Узаконенныя дѣти почитаются законными со дня вступленія ихъ родителей въ бракъ и пользуются съ этого времени всѣми правами законныхъ дѣтей, отъ сего брака рожденныхъ". Просьбы объ узаконеніи дѣтей, рожденныхъ до брака, подаются окружному суду. При просьбѣ должны быть представлены: письменное заявленіе отца и матери, что ребенокъ происходитъ отъ нихъ, и метрическія свидѣтельства о рожденіи ребенка и о бракѣ родителей. Въ просьбѣ, поданной по истеченіи года со дня совершенія брака, должны быть объяснены причины, оправдывающія такое промедленіе. Судъ, удостовѣрясь: а) въ возможности происхожденія ребенка отъ признающихъ себя его родителями и въ тождествѣ признающей себя матерью ребенка съ тою, которая означена въ метрическомъ свидѣтельствѣ о его рожденіи; б) въ существованіи законнаго брака между родителями; в) въ отсутствіи законныхъ препятствій къ узаконенію ребенка и г) въ уважительности объясненій о причинахъ замедленія въ подачѣ просьбы объ узаконеніи (если она подана болѣе чѣмъ годъ спустя по совершеніи брака), постановляетъ опредѣленіе объ узаконеніи ребенка и выдаетъ, взамѣнъ прежняго метрическаго свидѣтельства, новое, въ которомъ вовсе не упоминается о незаконномъ происхожденіи ребенка. Чтобы оцѣнить по достоинству всѣ эти правила, достаточно сравнить ихъ съ предложеніями, содержавшимися въ упомянутомъ уже нами рефератѣ г. Дылевскаго. Референтъ находилъ, что непремѣннымъ условіемъ узаконенія посредствомъ послѣдующаго брака должно служить заявленіе о томъ со стороны отца въ самый моментъ брака, тогда же удостовѣряемое надписью на метрическомъ свидѣтельствѣ узаконяемаго ребенка. Противъ этого было замѣчено, что подобныя формальности значительно и безъ всякой пользы затрудняли бы узаконеніе; метрическаго свидѣтельства, напримѣръ, можетъ не быть на-лицо въ моментъ совершенія брака, ускоряемаго въ виду тяжкой, опасной болѣзни одного изъ брачущихся. Большинство общества примкнуло къ этому мнѣнію—и въ томъ же смыслѣ спорный вопросъ разрѣшенъ вновь изданнымъ закономъ. Источникомъ правъ, пріобрѣтаемыхъ до-брачными дѣтьми, признано самое событіе брака; что касается до процедуры узаконенія, то она можетъ быть совершена и въ послѣдствіи времени, даже много лѣтъ спустя послѣ брака. Обязанность объяснить причины, вслѣдствіе которыхъ замедлилась подача просьбы объ узаконеніи, не можетъ

считаться обременительною для родителей, потому что эти причины не перечислены въ законѣ и судъ ничѣмъ не связанъ въ ихъ оцѣнкѣ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ просьба объ узаконеніи будетъ, конечно, слѣдовать непосредственно за бракомъ. Кто рѣшился загладить свою вину и предоставить своимъ дѣтямъ права законнорожденныхъ, тотъ не станетъ, безъ надобности, откладывать совершеніе дѣйствій, ведущихъ къ желанной цѣли—а если ему встрѣтятся при этомъ какія-либо препятствія и задержки, онъ позаботится заранѣе удостовѣрить ихъ существованіе и устранить, такимъ образомъ, всякое недоумѣніе со стороны суда.

Возможно ли узаконеніе, если родители—или одинъ изъ нихъ—умерли послѣ совершенія брака, но до судебнаго опредѣленія объ узаконеніи? Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи буква закона не вполнѣ согласована съ его смысломъ. Узаконеніе совершается, собственно говоря, въ силу самаго факта бракосочетанія; все послѣдующее направлено только къ тому, чтобы его оформить. Между тѣмъ, въ числѣ формальностей оказываются такія, которыя требуютъ, повидимому, личнаго участія родителей. Къ просьбѣ объ усыновленіи должно быть приложено письменное заявленіе отца и матери, что ребенокъ происходитъ именно отъ нихъ. По отношенію къ матери это заявленіе можетъ быть, пожалуй, замѣнено метрическимъ свидѣтельствомъ о рожденіи ребенка, если въ немъ обозначено имя матери; но объ отцѣ незаконнорожденнаго ребенка въ метрическомъ свидѣтельствѣ никогда не упоминается. Что же дѣлать, если отецъ умеръ, не подписавъ заявленія о принадлежности ему ребенка, или умерла, также до подписи, мать, въ метрическомъ свидѣтельствѣ не поименованная? Отказывать, на этомъ основаніи, въ узаконеніи было бы и несправедливо, и противно цѣли закона; но какъ и чѣмъ восполнить отсутствіе письменнаго заявленія? Суду вмѣняется въ обязанность удостовѣриться въ возможности происхожденія ребенка отъ *признающихъ себя* его родителями; какъ же быть, если нѣтъ налицо такого признанія, прямо выраженнаго и облеченнаго въ письменную форму? Устранить всякія сомнѣнія по этому предмету могло бы только точное указаніе способа дѣйствій, котораго долженъ держаться судъ въ случаѣ смерти родителей—или одного изъ нихъ—раньше подписанія заявленія, требуемаго закономъ; но даже и настоящая, не вполнѣ опредѣленная редакція закона допускаетъ возможность широкаго толкованія, наиболѣе соотвѣтствующаго намѣреніямъ законодателя. Мы не видимъ причины, почему нельзя было бы принимать, вмѣсто формальнаго заявленія, другія письменныя доказательства происхожденія ребенка (напримѣръ, письма его отца къ его матери) или даже свидѣтельскія показанія. Представимъ себѣ,

что всѣ родные и друзья покойнаго могутъ удостовѣрить твердое его намѣреніе узаконить ребенка, котораго онъ и до брака съ матерью, и послѣ брака, признавалъ своимъ, содержалъ, воспитывалъ, лелѣялъ; неужели этого не достаточно, неужели ребенокъ долженъ лишиться всѣхъ выгодъ, сопряженныхъ съ узаконеніемъ только потому, что его отцу не было дано еще нѣсколькихъ дней жизни?.. Что касается до самой просьбы объ узаконеніи, то она, очевидно, можетъ быть подана не только родителями, но и другими лицами — т.-е. не только при жизни родителей, но и послѣ ихъ смерти. Это явствуетъ изъ того, что въ законѣ вездѣ говорится о *просителяхъ* вообще, безъ болѣе точныхъ опредѣленій. Само собою разумѣется, что послѣ смерти обоихъ родителей право ходатайствовать объ узаконеніи переходитъ къ лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, или къ самимъ дѣтямъ, если они достигли совершеннолѣтія.

Изъ дѣйствія новыхъ правилъ объ узаконеніи исключаются дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія. Между тѣмъ, даже при существовавшемъ до сихъ поръ порядкѣ (въ этомъ отношеніи и теперь ни въ чемъ не измѣненномъ), законность ребенка, рожденнаго отъ прелюбодѣянія, не была чѣмъ-то безусловно немыслимымъ. Если послѣ зачатія ребенка, но до его рожденія, совершилось, во-первыхъ, расторженіе прежняго брака, во-вторыхъ—заключеніе новаго, между настоящими родителями ребенка, то ребенокъ признавался и признается законнымъ, хотя бы онъ родился черезъ нѣсколько дней или часовъ послѣ бракосочетанія. Уже это одно свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣтъ достаточной причины отказывать дѣтямъ, рожденнымъ отъ прелюбодѣянія, въ правахъ, предоставляемыхъ вообще незаконнорожденнымъ. Невинность дѣтей въ обоихъ случаяхъ совершенно одинакова —а виновность родителей при прелюбодѣяніи хотя и больше, но и она можетъ считаться покрытой послѣдующимъ бракомъ. Ошибочно было бы думать, что возможность узаконенія дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянія, приведетъ къ увеличенію числа прелюбодѣйныхъ связей, уничтоживъ одно изъ самыхъ тяжкихъ послѣдствій прелюбодѣянія. Заранѣе разсчитывать, при вступленіи въ прелюбодѣйную связь, на узаконеніе могущихъ родиться отъ нея дѣтей—нельзя уже потому, что препятствіемъ къ узаконенію, далеко не всегда устранимымъ, является самое существованіе прежняго брака. Какъ затруднителенъ у насъ разводъ и какія ограниченія онъ налагаетъ на супруга, признаннаго виновнымъ—это всѣмъ извѣстно; а кромѣ развода, бракъ расторгается только смертью, время наступленія которой нельзя же опредѣлить заранѣе. И здѣсь, поэтому, мы присоединяемся къ мнѣнію большинства петербургскаго юридическаго общества, высказавшагося въ 1883 г. за возможность узаконенія дѣтей, происшедшихъ

отъ прелюбодѣянія, наравнѣ со всѣми другими незаконнорожденными дѣтьми.

Новыя правила объ узаконеніи установлены только для христіанскаго населенія имперіи. Причины этого ограниченія для насъ неясны. Законный бракъ существуетъ не только въ средѣ христіанъ, но и въ средѣ магометанъ и евреевъ; а гдѣ есть законный бракъ, тамъ есть различіе между дѣтьми законными и незаконными—есть, слѣдовательно, и потребность въ узаконеніи. Быть можетъ, у нехристіанъ она проявляется сравнительно слабо и рѣдко—но это еще не значитъ, что она должна быть оставлена вовсе безъ удовлетворенія. Въ процедурѣ, посредствомъ которой совершается узаконеніе, нѣтъ, рѣшительно ничего непримѣнимаго къ магометанамъ или евреямъ. Нужно надѣяться, поэтому, что распространеніе новаго закона на всѣ вѣроисповѣданія составляетъ только вопросъ времени и времени непродолжительнаго.

Единственный видъ узаконенія, предусмотрѣнный закономъ 12-го марта—это узаконеніе путемъ послѣдующаго брака. На практикѣ узаконеніе допускалось и допускается довольно часто и помимо этого условія. Загладить свою вину передъ незаконнорожденными дѣтьми вступленіемъ въ бракъ съ ихъ матерью далеко не всегда возможно; ея можетъ не быть въ живыхъ, она можетъ быть женою другого лица; въ другомъ бракѣ можетъ состоять и отецъ незаконнорожденнаго ребенка. Между тѣмъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ—особенно въ первомъ—могутъ быть весьма уважительныя основанія къ узаконенію. Само собою разумѣется, что фактически-возможнымъ узаконеніе, при отсутствіи послѣдующаго брака родителей, не перестанетъ быть и при дѣйствіи новыхъ правилъ. Молчаніе закона имѣетъ здѣсь только тотъ смыслъ, что единственнымъ путемъ къ узаконенію, не основанному на послѣдующемъ бракѣ, остается обращеніе къ Монаршему милосердію. Намъ кажется, однако, что тѣ же самыя соображенія, въ силу которыхъ разрѣшено, разъ навсегда, узаконеніе путемъ послѣдующаго брака, говорятъ въ пользу аналогичной регламентаціи нѣкоторыхъ другихъ видовъ узаконенія. Почему, напримѣръ, нельзя было бы принять за правило, что въ случаѣ смерти матери незаконнорожденныя дѣти могутъ быть узаконяемы, судебнымъ опредѣленіемъ, по просьбѣ отца, если только происхожденіе дѣтей именно отъ умершей доказывается метрическими свидѣтельствами о ихъ рожденіи? Почему нельзя было бы предоставить узаконеніе усмотрѣнію суда и въ другихъ случаяхъ, когда безусловно невозможенъ послѣдующій бракъ родителей? Судебное производство—лучшая гарантія всесторонняго, исчерпывающаго разсмотрѣнія данныхъ, отъ которыхъ зависитъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе просьбы объ узаконеніи.

Гораздо менѣе удобно сосредоточеніе подобныхъ просьбъ въ одномъ центральномъ учрежденіи, обремененномъ массою самыхъ разнообразныхъ дѣлъ и отдаленномъ отъ большинства просителей. Большая разница—обратиться въ судъ, близкій, легко доступный и дѣйствующій на основаніи опредѣленныхъ правилъ, или послать просьбу въ другой край имперіи, не зная, въ какомъ порядкѣ она будетъ тамъ разсмотрѣна и не имѣя возможности подкрѣпить ее личными объясненіями. Если узаконеніе, помимо послѣдующаго брака, признается такимъ снисхожденіемъ, которое можетъ исходить только отъ Верховной власти, то опредѣленіе суда, допускающее узаконеніе, могло бы быть представляемо на Высочайшее утвержденіе, подобно тому, какъ это дѣлается въ видахъ облегченія участи дѣтей, родившихся отъ путативнаго брака. Пока дѣла объ узаконеніи—за исключеніемъ случаевъ послѣдующаго брака—остаются подвѣдомственными канцеляріи прошеній, полезно было бы, по крайней мѣрѣ, прямо упомянуть объ этомъ въ законѣ. Нѣтъ причины скрывать возможность узаконенія, даже при отсутствіи брака между родителями; нѣтъ причины умалчивать о порядкѣ, въ которомъ оно можетъ быть достигнуто. Такое молчаніе было понятно, пока узаконеніе считалось чѣмъ-то неблагопріятнымъ для общественной нравственности; но законъ 12-го марта свидѣтельствуетъ о торжествѣ противоположнаго взгляда, вполнѣ гуманнаго и правильнаго. Если для общества и государства важно уменьшеніе числа дѣтей, признаваемыхъ незаконнорожденными, то нельзя не пожелать возможно бо̀льшаго оглашенія способовъ и путей, ведущихъ къ этой цѣли.

Допускается ли споръ противъ *узаконенія?* Молчаніе закона по этому предмету могло бы быть истолковано въ смыслѣ допущенія спора, на основаніи общаго начала, по которому опредѣленіе, состоявшееся въ охранительномъ порядкѣ, не препятствуетъ возбужденію иска, въ порядкѣ тяжебнаго производства; но въ примѣненіи къ данному случаю подобное толкованіе устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ другомъ отдѣлѣ закона прямо предусмотрѣна возможность спора противъ *усыновленія* и назначенъ особый, короткій срокъ для предъявленія иска. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ намѣренія законодателя не входило разрѣшить оспариваніе узаконенія. И дѣйствительно, такое оспариваніе было бы сопряжено, бо̀льшею частью, съ весьма серьезными неудобствами, приводя къ оглашенію семейныхъ тайнъ, затрогивая вопросы, крайне тягостные для родителей узаконеннаго ребенка, и угрожая послѣднему новой потерей правъ, только-что пріобрѣтенныхъ. Есть, однако, лица, которымъ несправедливо было бы вовсе отказать въ правѣ спора противъ узаконенія. Это, во-первыхъ, самъ узаконенный (конечно, послѣ достиже-

нія имъ совершеннолѣтія); во-вторыхъ—лица, считающія себя настоящими его родителями. Первый можетъ быть заинтересованъ въ томъ, чтобы доказать отсутствіе кровной связи между нимъ и названными его родителями; послѣднимъ позволительно желать отмѣны акта, дѣлающаго ихъ посторонними, чужими для собственнаго ихъ ребенка. Во второмъ случаѣ, однако, споръ могъ бы быть допущенъ только тогда, когда ничто не препятствовало бы узаконенію со стороны истцовъ (т.-е. когда они состояли бы въ законномъ между собою бракѣ); иначе выигрышъ дѣла отозвался бы неблагопріятно на интересахъ ребенка, возвративъ его опять въ положеніе незаконнорожденнаго. Самому узаконенному достаточно было бы доказать, что онъ не происходитъ отъ лицъ, его узаконившихъ; лицамъ, признающимъ себя настоящими родителями, слѣдовало бы доказать, сверхъ того, дѣйствительность этого послѣдняго обстоятельства. Родственникамъ узаконителей право оспаривать узаконеніе ни въ какомъ случаѣ принадлежать не должно, потому что съ ихъ стороны споръ не могъ бы имѣть никакихъ другихъ побужденій, кромѣ личныхъ матеріальныхъ интересовъ.

Третій отдѣлъ закона 12-го марта касается *усыновленія*. Характеристичныя его черты—объединеніе правилъ, до сихъ поръ отличавшихся крайнимъ разнообразіемъ, и упрощеніе, а слѣдовательно и облегченіе процедуры усыновленія. Усыновлять разрѣшается лицамъ всѣхъ состояній и обоего пола, подъ условіемъ соблюденія требованій, для всѣхъ одинаковыхъ [1]). Усыновитель долженъ быть правоспособенъ, бездѣтенъ, не моложе 30 лѣтъ и, по крайней мѣрѣ, на 18 лѣтъ старше усыновляемаго. Для усыновленія нужно согласіе родителей усыновляемаго, или его опекуновъ и попечителей, а также его собственное согласіе, если онъ достигъ четырнадцатилѣтняго возраста. Для усыновленія однимъ изъ супруговъ требуется согласіе другого супруга. Усыновитель можетъ передать усыновленному свою фамилію, если послѣдній не пользуется бо̀льшими правами состоянія сравнительно съ первымъ. Для передачи фамиліи потомственнаго дворянина необходимо Высочайшее соизволеніе. Усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами, имѣющіе меньшія права состоянія, пріобрѣтаютъ усыновленіемъ личное почетное гражданство; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ усыновленный сохраняетъ права состоянія, принадлежавшія ему до усыновленія. Усыновленіе мѣщанами и сельскими обывателями совершается, по прежнему, пу-

[1]) Запрещено только усыновленіе христіанъ не-христіанами, и обратно, а также усыновленіе православныхъ раскольниками и сектантами. Въ настоящую минуту нельзя было и ожидать ничего другого.

темъ приписки къ семейству усыновителя; по отношенію къ лицамъ другихъ сословій усыновленіе совершается по судебному опредѣленію, постановляемому въ порядкѣ охранительнаго производства. Усыновленный наслѣдуетъ усыновителю, по закону, только въ имѣніи благопріобрѣтенномъ; въ наслѣдованіи послѣ родственниковъ усыновителя усыновленный участвуетъ лишь тогда, когда имѣетъ на то право по законному съ ними родству. Всѣ эти постановленія не возбуждаютъ ни недоумѣній, ни возраженій; права усыновляемыхъ, сословныя и гражданскія, ограничиваются ими лишь настолько, насколько это неизбѣжно по общему духу нашего законодательства. Пока существуютъ родовыя имѣнія, они не могутъ переходить по наслѣдству къ чужеродцамъ, какими и послѣ усыновленія остаются усыновляемые; пока дворянство сохраняетъ свое настоящее значеніе, сопряженныя съ дворянскимъ званіемъ права не могутъ сообщаться усыновляемому въ силу одного факта усыновленія. Большимъ достоинствомъ новыхъ правилъ является въ нашихъ глазахъ отсутствіе всякихъ ограниченій относительно усыновленія незаконнорожденныхъ. Усыновлять дозволяется *своихъ воспитанниковъ, пріемышей и чужихъ дѣтей* [1]; ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно, усыновленію собственнаго незаконнорожденнаго ребенка (припомнимъ, какое значеніе принадлежитъ у насъ издавна термину: *воспитанникъ*). Конечно, усыновленіе далеко не то же самое, что̀ узаконеніе. Оно возможно только при бездѣтности усыновителя; усыновляемый получаетъ меньше правъ, не становится полноправнымъ членомъ семьи усыновителя. Во всякомъ случаѣ, однако, положеніе его несравненно лучше, чѣмъ положеніе незаконнорожденнаго. Запрещеніе усыновлять собственныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, хотя бы и облеченное въ форму разрѣшенія усыновлять только *чужихъ дѣтей*, имѣло бы, сверхъ того, одно существенно-важное неудобство: оно заставляло бы присутственное мѣсто, отъ котораго зависитъ усыновленіе, входить въ разсмотрѣніе вопроса, дѣйствительно ли усыновляемый—*чужой* по отношенію къ усыновителю, и увеличивало бы число судебныхъ исковъ противъ состоявшагося усыновленія.

Перемѣну къ лучшему законъ 12-го марта внесетъ въ положеніе многихъ незаконнорожденныхъ, но далеко не всѣхъ. Онъ распространяется, во-первыхъ, только на тѣ случаи, когда родители незаконнорожденныхъ *хотятъ* для нихъ что-нибудь сдѣлать; онъ оставляетъ безпомощными, во-вторыхъ, всѣхъ тѣхъ незаконнорожденныхъ,

---

[1]) Мы слышали, что въ первоначальномъ проектѣ говорилось только объ усыновленіи *чужихъ дѣтей*. Если это правда, то настоящая редакція закона принимаетъ смыслъ еще болѣе опредѣленный и знаменательный.

родители которыхъ (за смертью, вступленіемъ въ другой бракъ и т. п.) *не могутъ* прибѣгнуть ни къ узаконенію, ни къ усыновленію. Весьма важно было бы, поэтому, дополнить совершившуюся реформу изданіемъ общаго закона о правахъ незаконнорожденныхъ (на участіе въ наслѣдствѣ послѣ отца, матери и другихъ восходящихъ родственниковъ, на алименты, на воспитаніе и т. п.). Мы слышали, что необходимость такого закона, констатированная государственнымъ совѣтомъ еще въ 1880 г., признана вновь при разсмотрѣніи закона объ узаконеніи и усыновленіи. Нужно надѣяться, что благая мысль не замедлитъ перейти въ дѣло. При пересмотрѣ постановленій о незаконнорожденныхъ будетъ, безъ сомнѣнія, устранена аномалія, въ силу которой обязанность содержать незаконнорожденнаго ребенка можетъ быть возложена на отца только судомъ уголовнымъ, по жалобѣ матери, влекущей за собою, и для нея, и для отца, неудобства и непріятности уголовнаго процесса. За силою ст. 994 уложенія о наказаніяхъ, незаконное сожитіе неженатаго съ незамужней влечетъ за собою для обоихъ церковное покаяніе, а для мужчины, сверхъ того—если послѣдствіемъ сожитія было рожденіе младенца,—обязанность обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе матери и ребенка. По мнѣнію одной изъ петербургскихъ газетъ, эта статья можетъ иногда послужить преградой къ узаконенію дѣтей, такъ какъ родители, заявляя о существовавшей между ними до брака связи, будутъ рисковать отвѣтственностью передъ судомъ. Это едва ли такъ: поводомъ къ возбужденію преслѣдованія по ст. 994 служитъ просьба объ обезпеченіи матери и ребенка, немыслимая послѣ заключенія брака и при желаніи супруговъ узаконить ребенка, родившагося отъ до-брачной ихъ связи. Тѣмъ не менѣе, статьѣ 994 пора исчезнуть изъ нашего уголовнаго кодекса, уступивъ мѣсто *гражданской* обязанности отца (и матери) по отношенію къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ.

Узаконеніе совершалось у насъ, до сихъ поръ, въ чрезвычайномъ порядкѣ, не регулированномъ никакими положительными правилами. Въ такомъ же порядкѣ совершается, какъ извѣстно, и разлученіе супруговъ, de jure—не существующее вовсе [1]), de facto—допускаемое канцеляріею прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя. Не пора ли превратить и его въ формально-признанный и подробно регламентированный институтъ гражданскаго права, подобно тому, какъ это сдѣлано закономъ 12-го марта для узаконенія путемъ по-

---

[1]) Исключеніе составляютъ только случаи ссылки одного изъ супруговъ, безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія (см. статью о разлученіи супруговъ въ № 8 „Вѣстника Европы" за 1884 г.).

слѣдующаго брака? Основанія для реформы въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же; сепарація „по усмотрѣнію" сопряжена съ неудобствами ничуть не мéньшими, чѣмъ тѣ, которыя дали поводъ къ изданію правилъ 12-го марта. Судъ, вѣденію котораго предоставлены теперь дѣла объ узаконеніи и усыновленіи, былъ бы столь же компетентенъ и въ дѣлахъ о разлученіи супруговъ. Еще важнѣе, конечно, была бы передача въ вѣденіе свѣтскаго суда дѣлъ о разводѣ.

Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ", въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ обсуждается, въ настоящее время, вопросъ объ упорядоченіи отхожихъ промысловъ. „Сельскимъ сходамъ предоставляется право не разрѣшать отлучекъ на отхожіе заработки такимъ лицамъ, которыя не получили на то согласія родителей или старшихъ членовъ семьи, а также одноработчимъ. О тѣхъ лицахъ, которымъ можетъ быть разрѣшено отправленіе на заработки, сходы должны составлять приговоры, для безпрепятственной выдачи имъ паспортовъ, причемъ увольняемыя лица должны быть поименованы въ приговорѣ. Такіе приговоры должны быть предъявляемы въ волостныя правленія, а послѣднія представляютъ ихъ земскимъ начальникамъ. Въ паспортѣ, выдаваемомъ волостнымъ правленіемъ, должно быть упоминаемо, что онъ выдается на основаніи приговора схода, утвержденнаго земскимъ начальникомъ, причемъ обозначается ремесло предъявителя паспорта. Сельскіе сходы для составленія списковъ рабочихъ, уходящихъ на отхожіе заработки, должны собираться ежегодно не позже первой половины февраля. Въ тѣхъ случаяхъ, когда уходящіе на заработки занимаются однимъ ремесломъ и отправляются въ одинъ опредѣленный пунктъ, они обязаны избрать изъ своей среды артельнаго старосту, который, согласно Положенію 12-го іюня 1886 г., и совершаетъ договоры на работы, а также завѣдуетъ хозяйствомъ артели. Вмѣстѣ съ тѣмъ земскимъ начальникамъ и земствамъ вмѣняется въ обязанность сообщать волостнымъ правленіямъ о пунктахъ, наиболѣе нуждающихся въ рабочихъ рукахъ, составлять инструкціи артельнымъ старостамъ и вообще всѣми мѣрами содѣйствовать упорядоченію рабочаго вопроса". По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", всѣ эти предположенія заслуживаютъ сочувствія настолько, насколько они ограничиваютъ произволъ главы семейства и сельскаго старосты (отъ котораго зависитъ, въ настоящее время, выдача разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на отлучку). Существенной перемѣны къ лучшему новый порядокъ, однако, не произведетъ, если одинъ произволъ будетъ замѣненъ другимъ, не менѣе опаснымъ. „Можно опасаться,—говорятъ „Русскія Вѣдомости", — что надзоръ земскихъ начальниковъ за от-

хожими промыслами станетъ подъ руководство вліяній, имѣющихъ мало общаго съ тѣми нуждами, удовлетворенію которымъ такіе промыслы служатъ. Извѣстно, напримѣръ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи, и особенно въ черноземныхъ губерніяхъ центральной полосы, землевладѣльцы весьма заинтересованы въ томъ, чтобы удержать на мѣстѣ возможно большее количество рабочихъ. Развѣ невозможно, что, принявъ близко къ сердцу такую заботу и пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ надзора, земскіе начальники постараются затруднить уходъ рабочихъ, и какъ разъ въ ту пору, когда на югѣ, въ степяхъ, спросъ на рабочія руки достигнетъ своего наивысшаго предѣла? Детальная провѣрка основаній, почему сходъ одному разрѣшилъ уходъ на заработки, а другому—отказалъ въ этомъ, окажется въ огромномъ большинствѣ случаевъ непосильною для земскихъ начальниковъ. Существенное значеніе надзоръ земскаго начальника получилъ бы лишь при условіи, что земскій начальникъ поставитъ себѣ цѣлью какое-либо общее направленіе отхожихъ промысловъ, въ смыслѣ ихъ поощренія или, наоборотъ, ограниченія ихъ. Но въ поощреніи этой отрасли народно-хозяйственной дѣятельности врядъ ли предстоитъ надобность, такъ какъ она является самымъ простымъ и доступнымъ способомъ пополненія хозяйственныхъ недочетовъ крестьянской семьи. Всякія же произвольныя стѣсненія отхожихъ промысловъ не только создадутъ искусственныя привилегіи однѣхъ мѣстностей въ ущербъ другимъ, но и будутъ крайне несправедливыми по существу, такъ какъ посягнутъ на право свободнаго передвиженія, которое со времени упраздненія крѣпостной зависимости и временно-обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ сдѣлалось существенною принадлежностью свободнаго крестьянскаго состоянія и закономѣрное пользованіе которымъ, казалось бы, должно быть и въ будущемъ ограждено отъ всякихъ поползновеній". Къ этимъ соображеніямъ почтенной московской газеты мы можемъ только всецѣло присоединиться. Всякое дальнѣйшее распространеніе опеки надъ совершеннолѣтними и правоспособными гражданами представляется тѣмъ менѣе желательнымъ, чѣмъ больше къ нему стремятся представители извѣстныхъ взглядовъ и пожеланій. Еще недавно одинъ изъ земскихъ начальниковъ доказывалъ, правда, въ „Гражданинѣ" (№ 87) необходимость предоставить земскому начальнику учреждать, по своему усмотрѣнію, опеку надъ „пьяницами" (даже если на нихъ не числится никакой недоимки) и назначать къ нимъ опекуновъ. Если принять во вниманіе всю неопредѣленность и растяжимость термина: *пьяница*, то не трудно понять, какую власть надъ личностью и имуществомъ крестьянъ произволъ въ назначеніи опеки надъ пьяницами сосредоточилъ бы въ рукахъ земскаго начальника. Прожектеръ изъ „Граж-

данина" говоритъ, правда, о контролѣ, который принадлежалъ бы, въ подобныхъ случаяхъ, уѣздному съѣзду; но административное присутствіе съѣзда составлено почти исключительно изъ земскихъ начальниковъ и лицъ съ ними солидарныхъ. Въ разрѣшеніи вопроса, „пьяница" ли такой-то—оно, по необходимости, полагалось бы почти всегда на мнѣніе мѣстнаго земскаго начальника.

На страницахъ реакціонныхъ газетъ не перестаютъ раздаваться призывы къ „строгости" и жалобы на „снисходительность". Вотъ, напримѣръ, что̀ мы читаемъ въ корреспонденціи изъ михайловскаго уѣзда, рязанской губерніи („Московскія Вѣдомости", № 84): „самая лучшая внушительная и исправительная мѣра для нашихъ крестьянъ, а преимущественно для молодежи — справедливая *строгость*, и въ случаѣ надобности—тѣлесное наказаніе. У насъ, къ сожалѣнію, хотя новые волостные суды ведутъ дѣла несравненно справедливѣе и лучше прежнихъ пьяныхъ волостныхъ судовъ, тѣмъ не менѣе, какъ они, такъ и земскіе начальники все еще гуманничаютъ (!!) съ крестьянами. Бывшія мировыя учрежденія, а также пьяные и безконтрольные волостные суды болѣе двадцати лѣтъ гуманничали и довели сельское населеніе почти что до безвыходнаго положенія. Крестьяне и въ особенности деревенская молодежь стали ни во что̀ считать свои самыя священныя обязанности, потеряли уваженіе къ старшимъ, родителей не почитаютъ, въ храмъ Божій почти не ходятъ... Во времена крѣпостного права или хотя бы мировыхъ посредниковъ перваго призыва, ничего подобнаго не было слышно; вездѣ царилъ порядокъ, полный почетъ и уваженіе къ старшимъ, а религія стояла на первомъ планѣ и выше всего; а отчего это такъ было? отъ строгости, которая, по нашему мнѣнію, и теперь необходима. Да, наконецъ, и народъ самъ съ нетерпѣніемъ ея желаетъ, онъ съ восторгомъ ждалъ новаго закона и утвержденія земскихъ начальниковъ, въ нихъ-то думалъ онъ встрѣтить всю благодать своего исправленія: защиту, законную и строгую кару. А между тѣмъ и теперь земскіе начальники и волостные суды большею частію присуждаютъ негодяевъ къ штрафу или аресту. Эта мѣра совсѣмъ не спасительная, а разорительная; напримѣръ, за какой-нибудь проступокъ присудятъ взять штрафъ, а гдѣ его взять? У отца или изъ дома; а если не можетъ ничѣмъ уплатить, то сажаютъ подъ арестъ съ зачетомъ по два рубля въ сутки. Да развѣ это наказаніе для мужика? оно еще болѣе балуетъ ихъ. Крестьяне по своей „неразвитости" и то говорятъ: —Что̀ же это такое? въ наказаніе такого-то послали спать съ платой за это по два рубля въ сутки; мы, говорятъ, ничѣмъ не про-

винились, да и то много бы нашлось между нами добровольцевъ взять по 50 коп. въ сутки отсидѣть подъ арестомъ; то ли бы было дѣло, еслибъ ему засыпали 25—50 горячихъ, да, въ случаѣ надобности, повторили бы; вышло бы скоро и хорошо и неубыточно, да и другимъ послужило бы это хорошимъ примѣромъ". Понятно, что корреспондентъ вздыхаетъ по крѣпостномъ правѣ; все, въ его письмѣ, напоминаетъ — и по содержанію, и по тону — взгляды и замашки давно прошедшей эпохи. Такъ думали, такъ выражались помѣщики, бурмистры и старосты „добраго стараго времени". Быть можетъ, между крестьянами найдется и теперь нѣсколько послѣднихъ могиканъ, сохранившихъ уваженіе къ палкѣ (въ особенности, если она гуляетъ не по ихъ спинѣ); но пускай же корреспондентъ и говорилъ бы отъ ихъ имени, а не отъ имени *народа*. Въ чемъ заключается, наконецъ, „короткій смыслъ длинной рѣчи" корреспондента? Арестъ и штрафъ—наказанія, не подходящія для крестьянъ; остаются, значитъ, однѣ розги, да еще въ количествѣ, превышающемъ законную норму. Справедливая строгость оказывается синонимомъ повальнаго сѣченья.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на сообщеніе профессора Янжула о новомъ финляндскомъ фабричномъ законѣ, сдѣланное недавно въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ обществъ и напечатанное въ № 98 „Русскихъ Вѣдомостей". Оказывается, что маленькая Финляндія, позже насъ вступившая на путь охраны фабричныхъ рабочихъ и кое въ чемъ воспользовавшаяся нашимъ опытомъ, теперь далеко насъ опередила. Финляндскій законъ 15-го апрѣля 1889 г., дополненный правилами 21-го декабря того же года, имѣетъ рѣшительныя преимущества передъ нашими фабричными порядками, въ особенности со времени окончательнаго регулированія ихъ закономъ 24-го февраля 1890 года [1]). У насъ работа дѣтей (въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ) можетъ продолжаться до девяти часовъ въ день; въ Финляндіи она ограничена семью часами (или даже шестью съ половиной, потому что въ семичасовой рабочій періодъ входитъ получасовой отдыхъ). У насъ предѣльный возрастъ, дальше котораго не идетъ попеченіе закона—15 лѣтъ; подросткамъ отъ 15 до 18 лѣтъ запрещена только ночная работа, и то лишь въ нѣкоторыхъ производствахъ. Въ Финляндіи запрещеніе ночной работы имѣетъ, по отношенію къ подросткамъ, безусловный характеръ, а дневная ихъ работа не можетъ продолжаться болѣе 14 часовъ, включая обязательный двухчасовой отдыхъ. Заботливость объ обученіи малолѣтнихъ

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1890 г.

рабочихъ у насъ, для фабриканта, факультативна, въ Финляндіи—обязательна. Отвѣтственными за нарушеніе правилъ о работѣ малолѣтнихъ у насъ являются только фабриканты, въ Финляндіи—сверхъ того и родители. Санитарныя и предохранительныя мѣры, касающіяся одинаково всѣхъ рабочихъ, опредѣлены въ Финляндіи точнѣе и полнѣе; фабричной инспекціи предоставлена власть болѣе дѣйствительная и болѣе широкая, чѣмъ въ Россіи. Финляндскіе фабричные инспекторы должны изслѣдовать экономическое и моральное положеніе рабочихъ и способствовать его поднятію; они не только стремятся къ улаживанію споровъ и несогласій между хозяевами и работниками, но и наблюдаютъ, существуютъ ли, напр., въ данномъ мѣстѣ рабочія кассы, и если ихъ нѣтъ, стараются содѣйствовать ихъ учрежденію. Точно то же они дѣлаютъ при отсутствіи на фабрикѣ страхованія рабочихъ отъ несчастья, въ случаяхъ дурного обращенія съ учениками и проч.; повсюду они стараются внести отеческое участіе и заботливость о благѣ и интересахъ рабочихъ. Финляндское правительство занято, въ настоящее время, выработкой проекта объ устройствѣ государственной кассы для рабочихъ, по образцу Германіи; пока же *большая часть* фабрикантовъ (слѣдовательно опять-таки обратно съ остальной Россіей) страхуютъ своихъ рабочихъ отъ несчастій, а сами рабочіе собственными усиліями и съ ихъ помощью заботятся объ устройствѣ обществъ взаимной помощи, потребительныхъ складовъ и больничныхъ и похоронныхъ кассъ.

ТЕОРІЯ КРУПНАГО КОНЦЕССІОНЕРСТВА.

Замѣтка.

Нынѣшняя весна отличается большимъ оживленіемъ въ сферѣ желѣзнодорожнаго дѣла. Возникъ цѣлый рядъ проектовъ постройки новыхъ линій и измѣненія системы управленія на старыхъ. Заговорили объ этомъ не только въ правительственныхъ сферахъ, но и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ газетахъ; пошли большіе споры и взаимная борьба. Словомъ, представилось нѣчто въ родѣ эпизода изъ былой „желѣзнодорожной горячки" конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ.

Разумѣется, если оказывается возможнымъ прибавить къ старымъ рельсовымъ линіямъ нѣсколько новыхъ, обѣщающихъ выгоды странѣ, и существуютъ для того достаточныя свободныя средства, то усиленіе желѣзнодорожнаго строительства въ данную минуту — дѣло желательное и спорить тутъ было бы не изъ чего. Но вопросъ въ данномъ случаѣ не такъ простъ; онъ осложнился новыми попытками введенія въ желѣзнодорожную политику государства старой концессіонной системы, казавшейся уже брошенною. Дѣло не въ томъ только, чтобы строить, но еще въ томъ, не припустить ли при семъ случаѣ опять концессіонеровъ? Есть сферы, въ которыхъ расположеніе къ частнымъ акціонернымъ компаніямъ въ государственномъ дѣлѣ еще не угасло, и вотъ выступленіе разомъ цѣлаго ряда желѣзнодорожныхъ проектовъ стало поводомъ къ воскрешенію принципа концессій. Это-то обстоятельство и придаетъ большой интересъ нынѣшнему желѣзнодорожному эпизоду.

Строительныхъ проектовъ много. Рядомъ съ грандіознымъ проектомъ сибирской дороги выступили проекты линій: отъ Рязани до Казани, отъ Курска до Воронежа, отъ Камышина до села Разсказова близъ Тамбова, отъ Уральска до слоб. Покровской (противъ Саратова, за Волгой), отъ Владикавказа до Петровска на Каспійскомъ морѣ и т. д. Всѣ эти проекты давно сдѣлались гласными, и о нихъ разсуждаютъ во многихъ общественныхъ собраніяхъ. Такъ, казанская городская дума горячо занялась вопросомъ о рязанско-казанской линіи и при этомъ взяла подъ свое покровительство идею отдачи ея обществу московско-рязанской жел. дороги, словно городу нужна не просто желѣзная дорога къ Казани, а непремѣнное участіе московско-рязан-

ской компаніи; какъ будто дѣло этой компаніи—городской вопросъ. Саратовское губернское земское собраніе съ саратовскою думою, напротивъ, хлопочетъ объ устраненіи частныхъ компаній; камышинская дума вступила въ споръ съ саратовскою и т. д. Съ другой стороны, нѣкоторыя газеты, не стѣсняющіяся намекать, будто онѣ выражають мысли какой-то оффиціальной сферы, заговорили о проектахъ передачи непремѣнно частнымъ компаніямъ не только нѣкоторыхъ новыхъ построекъ, но и дорогъ казенныхъ, даже недавно лишь выкупленныхъ казною. Такъ, заговорили, будто существуетъ проектъ передать въ руки частнаго общества либаво-роменскую дорогу, которая, при всей бездоходности своей, только-что выкуплена казною слишкомъ за 4 милліона рублей; будто есть предположеніе также разбить на двѣ части едва въ нынѣшнемъ году выкупленную курско-харьковско-азовскую дорогу и передать эти части двумъ разнымъ частнымъ обществамъ; что готовъ проектъ передачи обществу рязанско-козловской линіи еще казенной козлово-саратовской и т. д. Впечатлѣніе, производимое подобными сообщеніями, выходитъ довольно странное: зачѣмъ было выкупать частныя дороги, платя за нихъ милліоны, даже при бездоходности, если отдавать эти дороги снова въ частныя руки, т.-е. возвращать ихъ въ то же самое положеніе, изъ котораго онѣ только-что выведены путемъ выкупа? Если бы тутъ нужна была частная компанія, то не стоило бы выкупать. Своеобразность такого положенія представляется тѣмъ большею, что она открываетъ безконечную перспективу особаго рода финансовыхъ комбинацій: выкупить, потомъ передать въ частныя руки, опять выкупить, снова передать и всякій разъ платить казенные милліоны. Оправдывая совершившіеся выкупы и предлагаемыя передачи, можно на томъ же основаніи оправдывать и повтореніе ихъ въ будущемъ. Въ объясненіе такимъ комбинаціямъ выдвигается новый принципъ: слѣдуетъ будто бы возстановить систему частнаго концессіонерства, только на немного измѣненныхъ основаніяхъ, а именно: составить небольшое число *крупныхъ* акціонерныхъ компаній и передать имъ хозяйничанье на желѣзнодорожной сѣти. Этотъ принципъ выставляется какъ искомое. Было прежде раздробленное концессіонерство, при которомъ компаніи владѣли одною-двумя ограниченными линіями, а теперь будто бы слѣдуетъ обзавестись крупными концессіонерами, числомъ поменьше, а размѣромъ владѣнія пошире, и тогда все пойдетъ ладно. Итакъ, послѣ эпохи, возбудившей массу нареканій—концессіонерной системы—и кратковременнаго опыта обращенія дорогъ къ казенному управленію, выступаетъ идея возстановленія старой концессіонерной системы, только въ слегка измѣненной формѣ: вмѣсто раздробленнаго концессіонерства—крупное!

При соображеніи несомнѣнно достовѣрныхъ извѣстій о проектахъ новыхъ частныхъ дорогъ (какъ, напр., рязанско-казанской, петровской, и передачи въ частныя руки козловско-саратовской) съ приведенными выше толкованіями неизбѣжно возникаетъ большое недоумѣніе: о чемъ же именно теперь идетъ рѣчь? О допущеніи ли нѣскольких исключительныхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, объясняемомъ какими-либо особенностями данныхъ случаевъ, или о началѣ крупной перестройки въ одной изъ значительнѣйшихъ областей государственнаго хозяйства? Иначе сказать, идетъ ли дѣло о немногихъ исключеніяхъ или о ломкѣ начавшей устанавливаться системы? Недоумѣніе очень важное по существу. Если имѣть въ виду только окончательно опредѣлившіеся факты, то предъ нами только частные случаи; а если придавать значеніе пущеннымъ въ печати и путемъ слуховъ толкованіямъ, то выступаетъ новая попытка воскресить дискредитированное бывшее основное начало желѣзнодорожной политики, — попытка, вызывающая возобновленіе критики ея достоинства.

Разницу эту можно разъяснить еще нѣсколько подробнѣе. Въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ еще возможна нѣкоторая выгодность для казны допущенія постройки частными компаніями. Напримѣръ, московско-рязанская дорога богата, оплачиваетъ свои расходы и затраченный на ея постройку капиталъ и, кромѣ того, даетъ своимъ хозяевамъ крупный дивидендъ, а доходность будущей линіи отъ Рязани до Казани пока проблематична и, по крайней мѣрѣ въ первое время, едва ли будетъ значительна; если эту линію возьметъ на себя казна, то можетъ понести на ней нѣкоторый убытокъ, между тѣмъ какъ общество московско-рязанской дороги будетъ получать въ это время большой дивидендъ; а если соединить обѣ линіи въ рукахъ частнаго общества, сливъ ихъ счеты, то убытки рязанско-казанскаго участка могутъ подрываться прибылями московско-рязанскаго, и общество московско-рязанской дороги должно будетъ употреблять всѣ усилія къ увеличенію доходности соединенной линіи для устраненія своихъ потерь. Такимъ образомъ, собственно въ этомъ частномъ случаѣ еще возможно нѣкоторое соблюденіе финансовой выгоды государства, и вопросъ сведется къ тому,—достаточно ли такое соблюденіе перевѣшиваетъ отступленіе отъ установившагося въ послѣдніе годы принципа сосредоточенія желѣзнодорожнаго дѣла въ казенныхъ рукахъ? Но отсюда еще очень далеко до принятія въ основу новой системы крупнаго концессіонерства. Достоинство этой системы нуждается еще въ сильныхъ доказательствахъ, а защитники ея пока выступаютъ съ запасомъ слабыхъ и спорныхъ соображеній.

Они утверждаютъ, что прежнія злоупотребленія частныхъ компа-

ній стали уже невозможными, такъ какъ права компаній ограничены, правительственный контроль надъ ними усиленъ, а главный предметъ злоупотребленій—тарифы—взятъ подъ руководство министерства финансовъ. Поэтому вредная сторона дѣятельности частныхъ компаній исчезаетъ, а полезную онѣ проявить еще могутъ. Казна, по словамъ этихъ защитниковъ, плохой хозяинъ и не въ силахъ вести коммерческаго дѣла, тогда какъ частные предприниматели бываютъ ловки, изворотливы и умѣлы, и этою ловкостью надо воспользоваться. Что же касается стоимости постройки, то она, при нынѣшнемъ правительственномъ надзорѣ, будетъ одинакова и у казны, и у частныхъ лицъ, слѣдовательно нѣтъ повода избѣгать частныхъ компаній.—Таковы основные аргументы защиты крупнаго концессіонерства, къ которымъ присоединяются еще обычныя, ненужныя газетныя пререканія.

Нельзя, однако, не видѣть слабости и поверхностности этой аргументаціи. Правда, злоупотребленія частныхъ обществъ теперь ограничены и контроль надъ ними усиленъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно дѣлать еще новые дорогіе опыты для извѣданія—не отъищутъ ли и крупныя компаніи новыхъ средствъ къ нарушенію государственныхъ интересовъ. Едва ли слѣдуетъ каждый урокъ покупать цѣною дорогихъ опытовъ, а если ограниченіе компаній признается успѣхомъ для дѣла, то не лучше ли вовсе обходиться безъ ихъ услугъ? Связываться казнѣ съ компаніями значитъ, во всякомъ случаѣ, стѣснять себя въ той или другой мѣрѣ. Возникнетъ, напримѣръ, надобность принять ту или другую мѣру; казенное управленіе осуществитъ ее безпрекословно, а съ частною компаніею, коль скоро эта мѣра не предвидѣна уставомъ, придется торговаться, считаясь съ ея оппозиціею, и дѣлать ей уступки. Далѣе, можно даже согласиться съ повторяемою нынѣ старою фразою, что казна—плохой хозяинъ и не способна къ значительной торговой предпріимчивости, между тѣмъ какъ частные дѣльцы въ этомъ отношеніи гораздо искуснѣе. Но одно и то же искусство не при всякихъ условіяхъ приноситъ одинаковые плоды. Когда частный дѣлецъ работаетъ за свой счетъ и страхъ, онъ искусенъ, ловокъ, изворотливъ и сохраняетъ интересы дѣла, а когда онъ орудуетъ казенными капиталами и на казенную отвѣтственность (какъ при гарантіи), та же ловкость можетъ получить совсѣмъ иное направленіе, не во здравіе казнѣ. Мы и видѣли такіе опыты въ нашей желѣзнодорожной исторіи. Затѣмъ приходится поставить вопросъ—точно ли желѣзнодорожное дѣло даже нуждается въ такой ловкости и изворотливости, какъ чисто торговое дѣло? Задачи желѣзныхъ дорогъ и торговли не совсѣмъ тождественны; первыя проще. Дѣло желѣзныхъ дорогъ—возить пассажировъ и грузы, при бережли-

вой тратѣ эксплуатаціонныхъ средствъ, а въ этой спеціальной области многое уже достаточно выработалось и установилось, и исполняется на казенныхъ дорогахъ не хуже, чѣмъ на прочихъ. Тутъ нѣтъ соображеній, какъ бы во-время и повыгоднѣе купить, перебивъ дорогу конкурренту, да поискуснѣе продать, воспользоваться разницею курса, цѣнъ и т. под. Здѣсь обязательно перевезти то, чтò доставилъ отправитель. Слѣдовательно, вмѣсто общей фразы о торговой умѣлости концессіонеровъ, надо бы конкретно указать, какая именно сторона желѣзнодорожнаго дѣла требуетъ особенной коммерческой смётки. Привлекать грузы? Но грузы придутъ и сами, потому что каждый производитель нуждается въ отправкѣ своего продукта по ближайшей дорогѣ. Онъ отправитъ его непремѣнно, независимо отъ коммерческихъ талантовъ управленія ближайшей дороги, потому что безъ отправки ему быть нельзя. Если же частная предпріимчивость ударится въ сманиваніе грузовъ съ одной дороги на другую, то она принесетъ не пользу, а вредъ. Увѣреніе же, что частныя компаніи будутъ строить за одинаковую съ казною цѣну, только рождаетъ вопросъ: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ нужны компаніи? Къ чему посредники, когда безъ ихъ помощи можно обойтись, ничего не теряя.

Надо еще принять во вниманіе, что разговоры о частныхъ компаніяхъ отличаются условнымъ языкомъ, потому что, въ сущности, акціонерныя компаніи—фикція. Собраніе, какъ давно извѣстно, состоитъ изъ массы подставныхъ акціонеровъ, которыхъ берутъ на прокатъ изъ числа служащихъ въ правленіяхъ, на заводахъ и изъ иныхъ добровольцевъ; объ ихъ коммерческой умѣлости говорить нечего, а дѣйствительные хозяева дѣла—всего два-три человѣка, на большей части дорогъ даже по одному. Стало быть, коммерческая умѣлость компаніи вовсе не выражаетъ умѣлости какой-либо торговой среды, а лишь искусство случайныхъ единицъ, со смѣною которыхъ умѣлое становится неумѣлымъ, и наоборотъ. Стало быть, искомая ловкость частнаго общества еще менѣе гарантирована, нежели жизнь и здоровье одного человѣка. Человѣкъ, оставаясь живымъ и здоровымъ, можетъ просто оставить желѣзнодорожное дѣло и передать его другимъ. Вы, въ разсчетѣ на его искусство, передали ему дорогу по долгосрочному договору, а онъ умеръ или ушелъ, и вы остаетесь связаннымъ по договору съ совершенно неумѣлыми его преемниками, т.-е. цѣль исчезла, а цѣна ея выплачена. Для освобожденія же себя отъ такого договора казнѣ предстоятъ новыя жертвы. Ясно, что не слѣдуетъ злоупотреблять аргументами о коммерческой умѣлости „компаній", которая и не особенно требуется, и не прочна, а дорого стоитъ.

Есть еще аргументъ, но уже совсѣмъ не серьезный, хотя о немъ

серьезно говорятъ: у казны нѣтъ будто бы денегъ на новыя постройки, такъ какъ она должна много затратить на сибирскую дорогу! Спрашивается: гдѣ же возьмутъ денегъ на постройку канцессіонеры? Своихъ, что-ли, у нихъ хватитъ? Вѣдь они тоже станутъ строить или на казенные, или на занятые, при помощи правительственной гарантіи, капиталы. Кредиторы, разумѣется, больше повѣрятъ казнѣ, чѣмъ имъ, и дадутъ казнѣ болѣе выгодныя условія. Стало быть, отъисканіе или неотъисканіе строительныхъ суммъ для казны зависитъ вполнѣ отъ ея желанія, а толковать, что частные строители больше имѣютъ финансовыхъ средствъ, можно развѣ въ шутку.

О сравнительныхъ достоинствахъ казеннаго и частнаго строительства у насъ уже говорилось столько разъ и такъ всесторонне, что даже совѣстно вдаваться по этому дѣлу въ большія подробности. Поэтому, въ виду новой попытки подогрѣть концессіонные инстинкты, можно ограничиться сказаннымъ выше, отмѣтивъ эту попытку какъ интересное явленіе даннаго времени. Вопросъ долженъ быть поставленъ проще: желѣзныя дороги нужны государству—государство и должно на нихъ хозяйничать, а частное участіе можно допускать развѣ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, въ силу какихъ-либо особенныхъ условій, будетъ несомнѣнно доказано, что при этомъ участіи для казны будетъ выгодно. При такой постановкѣ вопроса толки о выгодности развитія *крупнаго* концессіонерства совершенно излишни, и рѣчь сведется лишь къ вопросу, въ какихъ случаяхъ можно допустить исключеніе изъ общаго правила.

В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1891.

Соперничество между княземъ Бисмаркомъ и сигарнымъ рабочимъ Шмальфельдтомъ. —Иллюстрація современнаго положенія народныхъ массъ въ Германіи. — Смерть графа Мольтке.—Внутреннія дѣла въ Австріи.—Дѣйствія кабинета Рудини.—Конфликтъ между Италіею и Соединенными Штатами.—Вопросъ объ европейской эмиграціи для американцевъ.—Международный конгрессъ каменноугольныхъ рабочихъ въ Парижѣ.

Состязаніе князя Бисмарка съ сигарнымъ рабочимъ Шмальфельдтомъ на выборахъ въ 19-мъ ганноверскомъ округѣ представляло любопытное политическое зрѣлище: бывшій германскій канцлеръ, основатель нѣмецкаго единства, не могъ сразу получить достаточное число голосовъ, чтобы быть избраннымъ въ члены имперскаго сейма безъ перебаллотировки; онъ встрѣтилъ серьезнаго противника въ простомъ работникѣ, кандидатѣ соціально-демократической партіи, и этотъ противникъ имѣетъ возможность выступать въ качествѣ вѣрнаго монархиста, защищающаго авторитетъ императора Вильгельма отъ оппозиціонной дѣятельности князя Бисмарка. Положеніе бывшаго руководителя европейской дипломатіи, соперничающаго съ какимъ-то рабочимъ, чтобы попасть въ депутаты парламента, кажется многимъ консерваторамъ крайне унизительнымъ и неловкимъ; одни недоумѣваютъ или огорчаются, другіе злорадствуютъ по поводу „павшаго величія", но есть и такіе, для которыхъ нынѣшній Бисмаркъ, неудачный кандидатъ 19-го округа, соперникъ работника Шмальфельдта на выборахъ, является несравненно болѣе симпатичнымъ, чѣмъ могущественный канцлеръ, предсѣдатель берлинскаго конгресса и авторъ тройственнаго союза.

Между тѣмъ оригинальные выборы, въ которыхъ принялъ участіе князь Бисмаркъ, показываютъ только наглядно то, что современная политическая жизнь культурныхъ народовъ движется по инымъ путямъ, что она далеко ушла отъ принциповъ и традицій меттерниховской эпохи, и что выдающіеся представители государственнаго консерватизма легко приспособляются къ новымъ требованіямъ и условіямъ. Западно-европейская публика привыкла ко всякимъ избирательнымъ случайностямъ: не разъ уже знаменитые политическіе дѣятели побѣждались на выборахъ какими-нибудь малоизвѣстными кандидатами, съумѣвшими пріобрѣсть довѣріе мѣстнаго населенія; подобные случаи бы-

вали и въ Англіи, и во Франціи, но нигдѣ еще не встрѣчалось такого яркаго столкновенія двухъ противоположныхъ теченій, какъ въ недавнихъ голосованіяхъ 19-го ганноверскаго округа. Выборы въ имперскій сеймъ могли происходить въ этомъ округѣ, только благодаря прошлой политикѣ Бисмарка, присоединившаго Ганноверъ къ Пруссіи, объединившаго Германію и устроившаго первый имперскій сеймъ. Соперникомъ Бисмарка на выборахъ могъ быть рабочій Шмальфельдтъ опять только потому, что бывшій канцлеръ ввелъ въ имперскую конституцію принципъ всеобщей подачи голосовъ.

Многочисленные критики новѣйшаго оппозиціоннаго Бисмарка забываютъ какъ будто его крупную творческую роль въ исторіи германскаго парламентаризма; они склонны видѣть мелочные личные мотивы въ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ, имѣющихъ несомнѣнную логическую связь съ давнишними политическими принципами бывшаго канцлера. Но то, что̀ дѣлается и говорится при обладаніи могуществомъ и властью, кажется уже неважнымъ и мелкимъ, когда повторяется лицомъ, утратившимъ могущество и власть; въ этомъ невольномъ оптическомъ обманѣ заключается корень большей части обвиненій и упрековъ, направленныхъ въ послѣднее время противъ Бисмарка. Бывшій канцлеръ былъ часто врагомъ парламентскаго большинства или отдѣльныхъ парламентскихъ партій; но онъ сильнѣе кого бы то ни было способствовалъ развитію парламентаризма въ Германіи, такъ какъ онъ широко смотрѣлъ въ будущее и сознавалъ необходимость народнаго участія въ обсужденіи общенародныхъ дѣлъ. Онъ относился сочувственно къ первымъ попыткамъ организаціи рабочаго движенія, при Лассалѣ; онъ не могъ не видѣть, что народныя массы призваны имѣть рѣшающій голосъ въ государствѣ и что привязать ихъ къ правительству посредствомъ энергической и надежной охраны ихъ интересовъ—важнѣйшая задача власти. Бисмаркъ никогда не держался того мелкаго и поверхностнаго консерватизма, который ищетъ политическихъ гарантій въ сословныхъ перегородкахъ и привилегіяхъ или въ высокомъ имущественномъ цензѣ; въ самые блестящіе періоды своего господства онъ не придумывалъ ограничительныхъ законовъ противъ свободы печати и общественнаго мнѣнія, противъ оппозиціонной критики парламента, противъ принциповъ всеобщаго народнаго голосованія, хотя постоянно долженъ былъ бороться съ многочисленными и вліятельными противниками въ палатахъ и въ журналистикѣ. Когда его оскорбляли въ печати, онъ неизмѣнно обращался къ суду, на правахъ частнаго лица, и аккуратное возбужденіе подобныхъ процессовъ было краснорѣчивымъ доказательствомъ уваженія къ началу равноправности всѣхъ предъ закономъ. Онъ часто дѣйствовалъ круто и рѣзко, но всегда опирался

при этомъ на общіе государственные интересы и никогда не доходилъ до отрицанія народныхъ или общественныхъ правъ во имя своихъ личныхъ взглядовъ и симпатій, какъ это сплошь и рядомъ практикуется въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Дѣятельность его, какъ воинственнаго охранителя мира, не могла вызывать сочувствіе внѣ Германіи; но, какъ представитель права критики и свободы мнѣній, какъ простой кандидатъ въ члены парламента и равноправный соперникъ сигарнаго работника Шмальфельдта, князь Бисмаркъ чрезвычайно интересенъ для постороннихъ наблюдателей. Нѣмецкіе патріоты могутъ быть недовольны и раздражены его поведеніемъ; они могутъ находить, что ему не слѣдовало ни вести оппозицію противъ императора Вильгельма, ни выступать кандидатомъ въ округѣ, гдѣ избраніе его не было вполнѣ обезпечено. Для нѣмецкаго національнаго чувства кажутся одинаково обидными оба эти обстоятельства—и необходимость перебаллотировки для основателя германскаго единства при выборахъ въ члены сейма, и ненужный оппозиціонный образъ дѣйствій бывшаго канцлера, смущающій умы и подрывающій довѣріе къ новымъ нѣмецкимъ правителямъ. Посторонніе наблюдатели, свободные отъ этихъ нѣмецко-патріотическихъ соображеній, не имѣютъ ни малѣйшаго повода уменьшать или игнорировать принципіальную важность спора, поднятаго Бисмаркомъ. Дѣло идетъ о томъ, долженъ ли государственный человѣкъ, возвращающійся къ частной жизни, смотрѣть пассивно и молчаливо на совершающіяся перемѣны или же обязанъ высказываться свободно о происходящихъ событіяхъ, если направленіе ихъ кажется ему несоотвѣтствующимъ интересамъ государства. Существуютъ ли вообще такія условія, при которыхъ политическій дѣятель лишается принадлежащаго каждому гражданину права голоса и критики по отношенію къ текущимъ государственнымъ дѣламъ? Никакихъ подобныхъ сомнѣній не могло бы вовсе возникнуть, напр., въ Англіи, гдѣ издавна примѣняется принципъ свободнаго публичнаго обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ; тамъ глава министерства, выйдя въ отставку, является естественнымъ, наиболѣе компетентнымъ и авторитетнымъ критикомъ своихъ преемниковъ, ибо молчать изъ чувства неловкости можно въ частныхъ дѣлахъ, но не общественныхъ и государственныхъ, затрогивающихъ важнѣйшіе интересы многихъ милліоновъ населенія. Но возможенъ еще взглядъ на государственную службу, какъ на частное отношеніе къ носителю государственной власти; такой взглядъ, всѣми отрицаемый въ теоріи, выражается безсознательно въ обычныхъ разсужденіяхъ консервативной печати. Многіе отзывы князя Бисмарка въ разговорахъ съ газетными корреспондентами могли считаться безтактными, пока въ нихъ обнаружи-

валось только личное неудовольствіе по поводу отставки; но желаніе его имѣть право голоса при парламентскомъ обсужденіи политическихъ вопросовъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что̀ давало бы поводъ къ возраженіямъ съ точки зрѣнія общественной пользы. Графъ Мольтке также состоялъ членомъ имперскаго сейма и прусской палаты депутатовъ, хотя не занималъ уже поста начальника главнаго штаба, и если онъ не позволялъ себѣ критиковать дѣйствія правительства, то это зависѣло не только отъ его личнаго темперамента, но и отъ положенія его, какъ военнаго,—и все-таки нельзя не признать, что военные интересы Германіи могли бы только выиграть отъ указаній и совѣтовъ графа Мольтке, хотя бы не согласныхъ съ мнѣніями правительства. Быть можетъ, откровенная критика графа Мольтке помѣшала бы совершенію такихъ ошибокъ, какъ замѣна графа Вальдерзэ какимъ-то малоизвѣстнымъ генераломъ и частыя перемѣщенія въ высшемъ персоналѣ арміи. Иногда нѣтъ другого способа предупредить крупные промахи, какъ предостеречь отъ нихъ публично; въ Англіи даже оффиціальныя лица не стѣсняются разоблачать недостатки и погрѣшности управленія, когда дѣло идетъ о серьезныхъ дѣлахъ государства. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный генералъ Уольслей, занимая значительное оффиціальное положеніе, публично обвинилъ англійское военное вѣдомство въ небрежности и указалъ на важныя упущенія военной администраціи, на негодность заготовляемаго оружія и на крайнюю слабость военныхъ средствъ на случай внѣшняго столкновенія. Рѣчь генерала Уольслея обратила общее вниманіе на существовавшіе военные порядки и побудила правительство энергически приняться за улучшеніе ихъ; а служебная карьера самого генерала не потерпѣла отъ этого никакого ущерба, хотя публичныя заявленія его были, конечно, непріятны высшему военному начальству. Перевѣшиваютъ ли въ данномъ случаѣ соображенія политической дисциплины или мотивы государственной пользы—это рѣшается совѣстью каждаго, при столкновеніи личныхъ интересовъ съ общественными и національными. Подобно тому, какъ лордъ Уольслей могъ предвидѣть неудобныя для себя послѣдствія своей откровенности, вынужденной сознаніемъ высшаго государственнаго интереса, такъ и князь Бисмаркъ не могъ ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что его критика неизбѣжно закроетъ всѣ пути къ примиренію съ императоромъ Вильгельмомъ. Если тѣмъ не менѣе онъ осуждаетъ правительственныя мѣры, принятыя по личному почину Вильгельма II, то очевидно онъ болѣе дорожитъ пользою государства (какъ онъ ее понимаетъ), чѣмъ расположеніемъ императора и своими личными выгодами; очень многіе на его мѣстѣ поступили бы, разумѣется, совершенно иначе и прежде всего поста-

рались бы войти опять въ милость къ монарху, вмѣсто того, чтобы заботиться исключительно о такомъ или иномъ направленіи политики. Но князь Бисмаркъ былъ всегда политическимъ, а не придворнымъ дѣятелемъ; онъ имѣлъ опредѣленную программу, основанную на стремленіяхъ національныхъ и государственныхъ, а не на своекорыстныхъ интересахъ какихъ-либо сословныхъ или общественныхъ группъ и кружковъ.

Недавно бывшій канцлеръ весьма опредѣленно высказался объ этомъ предметѣ, при пріемѣ одной депутаціи изъ Киля. „Быть консервативнымъ,—замѣтилъ онъ,—не значитъ всегда соглашаться съ желаніями даннаго правительства, ибо послѣднее перемѣнчиво, а основы консерватизма постоянны. Поэтому не нужно и не полезно, чтобы консервативная партія была министерскою при всякихъ обстоятельствахъ; консервативное и министерское не всегда совпадаютъ между собою. Какъ министръ, я часто имѣлъ противъ себя консерваторовъ и не ставилъ имъ этого въ упрекъ, насколько нападки ихъ не имѣли личнаго характера. Правительство, предпринимающее ненужныя нововведенія, дѣйствуетъ анти-консервативно, измѣняя законные и цѣлесообразные порядки безъ побужденія къ тому со стороны заинтересованныхъ населеній. Меня упрекаютъ, что и я не былъ консерваторомъ въ должности министра-президента и канцлера, такъ какъ я уничтожилъ много старыхъ формъ и установилъ много новаго; но при этомъ надо взвѣсить и сравнить цѣну стараго, подлежавшаго уничтоженію, и новаго, создаваемаго на его мѣсто. Мои желанія направлены не противъ нынѣшняго правительства; я хотѣлъ бы только, чтобы оно не дѣлало излишнихъ перемѣнъ и не нарушало правила, выраженнаго въ старомъ латинскомъ изреченіи— quieta non movere. Я говорю это не ради оппозиціи, а потому, что меня интересуетъ успѣшное развитіе порядковъ, въ установленіи которыхъ я участвовалъ. Отъ меня требовали, чтобы я больше не заботился о политикѣ. Никогда не встрѣчалъ я большей глупости, чѣмъ это неслыханное требованіе. Свѣдущіе люди имѣютъ наибольшее право и иногда обязанность подавать свой голосъ при публичномъ обсужденіи вопросовъ, входящихъ въ кругъ ихъ спеціальности, и я думаю, что имѣю нѣкоторыя спеціальныя свѣденія послѣ моей долговременной службы. Мое содѣйствіе можетъ теперь выражаться въ болѣе отрицательной формѣ, но никто не запретитъ мнѣ высказывать свое дѣловое мнѣніе о правительственной мѣрѣ, которую я считаю вредною. Это тоже значитъ быть консервативнымъ,—не министерскимъ, но охранительнымъ“.

Такимъ образомъ, князь Бисмаркъ держится принциповъ полной свободы мнѣній и критики для бывшихъ государственныхъ дѣяте-

лей, какъ и для всѣхъ остальныхъ гражданъ; и дѣйствительно, если всякое частное лицо можетъ публично разсуждать о политикѣ, то не въ правѣ ли вставить свое авторитетное слово и бывшій канцлеръ имперіи, когда дѣло идетъ о новыхъ политическихъ проектахъ и предпріятіяхъ? Точно также вполнѣ понятно, почему князь Бисмаркъ не смущается успѣшнымъ соперничествомъ сигарнаго работника Шмальфельдта и не брезгаетъ „постыдною" перебаллотировкою, чтобы имѣть возможность участвовать въ занятіяхъ имперскаго сейма и публично мотивировать свои взгляды на текущую политику имперіи. Соперничество съ простымъ работникомъ при парламентскихъ выборахъ едва ли вызываетъ въ князѣ Бисмаркѣ какія-либо горькія чувства; напротивъ, оно должно еще ярче напоминать ему о томъ, чѣмъ былъ нѣмецкій народъ прежде и чѣмъ онъ сталъ теперь. Быть можетъ, онъ въ душѣ гордится сознаніемъ, что простой нѣмецкій рабочій способенъ выступить конкуррентомъ перваго государственнаго человѣка Германіи на парламентскихъ выборахъ и что общій культурный и умственный уровень нѣмецкаго рабочаго населенія позволяетъ народнымъ массамъ принимать столь значительное и сознательное участіе въ политической жизни страны. Народъ, среди котораго простые работники обладаютъ такимъ культурнымъ и политическимъ развитіемъ, можетъ по справедливости считать себя призваннымъ къ руководящей политической роли въ Европѣ; не даромъ военные и политическіе успѣхи пруссаковъ съ 1866 года приписывались превосходству прусской народной школы.

Безъ сомнѣнія, не одно военное могущество имѣлъ въ виду князь Бисмаркъ, когда въ томъ же разговорѣ съ консервативною депутаціею упомянулъ съ спокойною гордостью о томъ, что нѣмецкая нація стала „одною изъ первыхъ въ Европѣ" и что только изъ вѣжливости онъ не говоритъ прямо „первою". Недостатокъ культурныхъ средствъ, умственная тьма въ народѣ и обществѣ, привели внѣшнее могущество до-реформенной Россіи къ севастопольскому погрому; богатство культуры, сознательная энергія общественной жизни, процвѣтаніе наукъ и промышленности, свободное развитіе всѣхъ народныхъ силъ надолго обезпечиваютъ за германскою націею передовое мѣсто въ ряду наиболѣе могущественныхъ государствъ материка. Такъ какъ нѣмцамъ неизвѣстенъ культъ смиреннаго невѣжества и безправія, то ихъ политическому господству не грозитъ внезапное крушеніе, въ родѣ севастопольскаго; имъ не грозитъ также катастрофа, подобная седанской, ибо они не обнаруживаютъ признаковъ разслабленія и распущенности, не имѣютъ у себя лицемѣрнаго и развратнаго режима, какъ французы при второй имперіи, а напротивъ, бодро и смѣло идутъ по пути самостоятельнаго и плодотвор-

наго внутренняго развитія, національнаго и общечеловѣческаго, безъ всякихъ искусственныхъ преградъ и задержекъ. А сила государствъ и народовъ заключается именно въ этомъ культурномъ и умственномъ превосходствѣ, въ этой сознательной и разумно направляемой энергіи: предъ ними всегда отступаетъ и имъ неизбѣжно подчиняется стихійная, физическая сила, зависящая лишь отъ численности ревизскихъ душъ, какъ мы это испытали на себѣ въ эпоху крымской войны. Князь Бисмаркъ, при всемъ своемъ консерватизмѣ и при всей односторонности своихъ военно-политическихъ идеаловъ, никогда не употреблялъ своего руководящаго вліянія и авторитета для противодѣйствія свободному умственному и культурному росту нѣмецкаго народа; поэтому онъ можетъ отчасти видѣть свою заслугу въ возможности такого факта, какъ соперничество сигарнаго рабочаго Шмальфельдта при выборахъ въ имперскій сеймъ. Какъ бы то ни было, нѣмецкій работникъ, помѣшавшій своею кандидатурою успѣшному избранію князя Бисмарка въ депутаты и заявляющій притомъ, что избраніе противника было бы непріятною демонстраціею противъ императора Вильгельма,—это живая и краснорѣчивая иллюстрація современной культурной Германіи.

Одинъ изъ наиболѣе типическихъ представителей нынѣшней германской имперіи, главнѣйшій сподвижникъ Вильгельма I и Бисмарка въ дѣлѣ созданія ея національнаго единства и могущества, молчаливый графъ Мольтке скончался на этихъ дняхъ (12-го апрѣля), на 91 году жизни, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Всѣмъ извѣстна выдающаяся роль Мольтке въ событіяхъ, приведшихъ къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи; его организаторскому таланту обязаны нѣмцы своими блестящими военными побѣдами въ 1866 и 1870 годахъ. Имена Кениггрэца и Седана неразрывно связаны съ именемъ тогдашняго руководителя германскихъ армій, начальника главнаго штаба, Мольтке. Мольтке представляетъ рѣдкій примѣръ полководца, соединяющаго громкую военную славу съ безусловною скромностью, отсутствіемъ безпокойнаго честолюбія, исканія власти и популярности. Военное могущество, достигаемое и поддерживаемое всѣми средствами науки и техники, олицетворялось полководцемъ новаго типа, кабинетнымъ, ученымъ дѣятелемъ. Разсчеты и комбинаціи Мольтке приводили къ желаннымъ результатамъ, благодаря хорошей подготовкѣ и неизмѣнной точности исполнителей, общей честности военной администраціи и добросовѣстной аккуратности интендантства;—такія условія не всегда встрѣчаются въ другихъ государствахъ. Въ молодости Мольтке провелъ нѣсколько лѣтъ въ Турціи, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ преобразованіи военныхъ порядковъ; къ этому времени относится сочиненіе

его, вышедшее позднѣе въ Берлинѣ и обратившее вниманіе спеціалистовъ на талантливаго офицера и писателя. Мольтке выдвинулся исключительно своими талантами, знаніями и трудолюбіемъ; онъ столь же мало былъ царедворцемъ, какъ и Бисмаркъ, и оба они одинаково пользовались неограниченнымъ довѣріемъ и уваженіемъ покойнаго Вильгельма I. Изъ трехъ главнѣйшихъ устроителей нынѣшней германской имперіи остался въ живыхъ только одинъ, князь Бисмаркъ, которому недавно (1-го апрѣля, н. ст.) исполнилось 76 лѣтъ. Участники и герои бурныхъ событій сходятъ со сцены: новыя поколѣнія нѣмцевъ воспитаны въ мирѣ и привыкаютъ пользоваться политическими пріобрѣтеніями прошлаго съ полнымъ спокойствіемъ и съ увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, безъ періодическихъ кризисовъ, опасеній и тревогъ. Новые дѣятели, военные и политическіе, не имѣютъ за собою того обаянія, которое справедливо окружаетъ имена Мольтке и Бисмарка. Подъ руководствомъ старыхъ испытанныхъ героевъ войны и политики нѣмецкое общество могло не бояться никакихъ столкновеній, хотя бы на два фронта; а теперь даже горячіе нѣмецкіе патріоты не могутъ скрыть своего скептическаго отношенія къ дипломатіи генерала Каприви и къ военнымъ талантамъ генерала Шлиффена, поставленнаго на мѣсто Мольтке и Вальдерзэ. Миролюбіе является поэтому обязательнымъ и необходимымъ для современнаго нѣмецкаго поколѣнія; желаніе прочнаго мира должно само собою вытекать изъ такихъ естественныхъ фактовъ, какъ исчезновеніе крупныхъ историческихъ фигуръ, обезпечивавшихъ военные и политическіе успѣхи Германіи.

Смерть Мольтке, какъ и удаленіе Бисмарка, напоминаетъ нѣмцамъ, что героическая эпоха миновала для имперіи; всѣ чувствуютъ теперь, что прошла пора смѣлыхъ военныхъ предпріятій и что сохраненіе мира должно быть единственной заботою правительства при настоящихъ обстоятельствахъ. Воинственныя рѣчи, произносимыя иногда Вильгельмомъ II по поводу какихъ-нибудь военныхъ празднествъ, не измѣняютъ этого общаго мирнаго настроенія; къ этимъ рѣчамъ ужъ привыкли, и неопредѣленный, предостерегающій смыслъ ихъ относится лишь къ тѣмъ державамъ, которыя пожелаютъ напасть на Германію, а такихъ державъ не оказывается въ современной Европѣ.

Мирное настроеніе господствуетъ и въ Австро-Венгріи, и въ Италіи. Тронная рѣчь, прочитанная императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ австрійскомъ парламентѣ, 11-го апрѣля (н. ст.), упоминаетъ о внѣшней политикѣ въ весьма успокоительныхъ выраженіяхъ и удѣляетъ наиболѣе мѣста внутреннимъ экономическимъ вопросамъ. Въ числѣ

важнѣйшихъ правительственныхъ задачъ указаны двѣ такія крупныя, какъ завершеніе законодательства объ отношеніяхъ между рабочими и хозяевами и покровительство интересамъ мелкой промышленности; затѣмъ говорится о многихъ второстепенныхъ проектахъ и вопросахъ, требующихъ заботливаго вниманія парламента. Въ виду необходимости разрѣшить эти трудныя задачи, правительство предлагаетъ оставить въ сторонѣ желанія различныхъ партій въ данное время. Другими словами, министерство графа Таафе надѣется обойти самые жгучіе вопросы внутренней австрійской политики, посредствомъ ловко составленной дѣловой программы, могущей одинаково заинтересовать представителей всѣхъ народностей и парламентскихъ группъ. Въ тронной рѣчи упомянуто и о нѣмецко-чешскомъ соглашеніи, какъ о чемъ-то вполнѣ осуществимомъ и желательномъ, хотя отсутствіе Ригера съ товарищами и присутствіе значительной группы младочеховъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о печальной судьбѣ несостоявшагося компромисса. Правительство какъ бы не признаетъ существованія младочеховъ и остается при своей старой точкѣ зрѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно взываетъ къ единенію во имя общеполезныхъ реформъ, предоставляя себѣ отложить на неопредѣленное время всѣ запутанные національные и партійные счеты. Но эти національные споры едва ли допускаютъ такую простую отсрочку; ни чехи, ни нѣмцы не могутъ быть довольны пренебреженіемъ графа Таафе къ ихъ требованіямъ и пререканіямъ. Особенно разочарована нѣмецкая „соединенная лѣвая", готовившаяся уже играть первенствующую роль въ качествѣ главнаго оплота новой правительственной системы; однако оказалось, что графъ Таафе прервалъ переговоры съ этою партіею, которая не могла дать ему желаннаго большинства, и предпочелъ сохранить свободу дѣйствій, чтобы имѣть возможность вступать въ соглашеніе съ различными группами, смотря по обстоятельствамъ, „отъ случая до случая". Единственные два элемента, на которые министерство разсчитываетъ безусловно,—это консерваторы, руководимые графомъ Гогенвартомъ, и польскіе депутаты. Такъ какъ парламентскія партіи образовали уже восемь самостоятельныхъ клубовъ съ особыми политическими программами, съ которыми должно будетъ считаться правительство, то положеніе графа Таафе является довольно затруднительнымъ, и его обширная программа экономическихъ реформъ едва ли достигнетъ предположенной цѣли.

Въ Италіи задачи правительства проще, чѣмъ въ Австріи; но серьезныя финансовыя и колоніальныя затрудненія, унаслѣдованныя отъ политики Криспи, потребуютъ еще многолѣтнихъ усилій, чтобы разрѣшиться болѣе или менѣе благополучно. Министерство Рудини высказало большую правдивость относительно африканскихъ дѣлъ; оно

впервые освѣтило дѣйствительное положеніе, которое тщательно скрывалъ и маскировалъ Криспи, и публикѣ дана возможность судить о ходѣ переговоровъ съ Абиссиніею по документамъ обнародованной теперь зеленой книги. Эти документы уличаютъ бывшаго министра-президента въ крайне странныхъ политическихъ пріемахъ: между прочимъ, мнимый протекторатъ надъ Абиссиніею, который прославлялся какъ блестящій успѣхъ его дипломатіи, основанъ просто на умышленно-невѣрномъ переводѣ абиссинскаго текста договора, подписаннаго негусомъ Менеликомъ. Въ этомъ абиссинскомъ текстѣ сказано, что негусъ имѣетъ право, если пожелаетъ, пользоваться добрыми услугами Италіи для сношеній съ иностранными державами; а въ итальянскомъ текстѣ выражено категорически, что негусъ обязанъ пользоваться посредничествомъ Италіи для сношеній съ чужими государствами. Узнавъ о неточности итальянскаго текста, Менеликъ рѣшительно протестовалъ, а Криспи и его агентъ Антонелли приписывали эти возраженія французскимъ интригамъ. Попытки успокоить негуса и убѣдить его въ преимуществахъ дѣйствительнаго протектората не удались, и переговоры окончились разрывомъ. Разоблаченіе всей этой исторіи наноситъ большой ударъ нравственной репутаціи бывшаго министра-президента. Криспи искалъ внѣшнихъ эффектовъ и успѣховъ въ ущербъ правдѣ, посредствомъ обманчивыхъ комбинацій, сущность которыхъ должна была открыться рано или поздно. По крайней мѣрѣ, итальянцы знаютъ теперь, въ чемъ дѣло, и не могутъ уже заблуждаться относительно характера договорныхъ связей съ Абиссиніею; а безъ откровенности Рудини они до сихъ поръ не понимали бы, почему абиссинскій негусъ позволяетъ себѣ спорить съ итальянскими дипломатами и не подчиняется признанному имъ самимъ протекторату. Понятно, что намеки на скрытое вмѣшательство французовъ вызывали раздраженіе противъ Франціи, такъ какъ повидимому для поступковъ негуса не было другихъ причинъ, кромѣ враждебныхъ происковъ. Между тѣмъ не было, разумѣется, ни малѣйшей надобности въ постороннихъ интригахъ, чтобы объяснить абиссинскому правителю разницу между обязанностью и правомъ, между протекторатомъ и добровольными временными услугами. Фантастическая политика Криспи дорого обошлась Италіи не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи; итальянцы вынуждены теперь расплачиваться за несбывшіяся мечты о внѣшнемъ блескѣ и величіи—мечты, возбужденныя особенно личною дружбою Криспи съ Бисмаркомъ и секретными совѣщаніями въ Фридрихсруэ.

Новѣйшій дипломатическій конфликтъ между Италіею и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, происшедшій уже при министерствѣ Рудини, не имѣетъ въ сущности серьезнаго значенія, хотя

отозваніе итальянскаго посланника изъ Вашингтона составляетъ само по себѣ довольно рѣзкую и крутую мѣру. Временное оффиціальное охлажденіе между обѣими державами пройдетъ, конечно, само собою, безъ замѣтныхъ политическихъ послѣдствій; но можно видѣть нѣчто поучительное въ томъ, что западно-европейскія газеты, за исключеніемъ англійскихъ, высказывались противъ американцевъ и поддерживали требованія и претензіи Италіи. Дѣйствія американскаго правительства въ данномъ случаѣ кажутся многимъ совершенно неосновательными, и въ заграничной печати пущено было по этому поводу не мало ядовитыхъ стрѣлъ по адресу заатлантической республики. Можно было бы думать, что не только въ Италіи, но и въ Германіи, и во Франціи накопилось какое-то скрытое, глухое раздраженіе противъ безцеремонныхъ американцевъ, свободно распоряжающихся въ своей части свѣта и обращающихъ очень мало вниманія на интересы старой Европы; эти американцы, свободные отъ опасеній войны и отъ разорительныхъ военныхъ бюджетовъ, недавно еще закрыли свои рынки для европейской производительности и этимъ нанесли чувствительный ущербъ значительнымъ отраслямъ иностранной торговли. Неожиданный конфликтъ съ Италіею послужилъ матеріаломъ для злорадныхъ разсужденій о томъ, что и Соединенные Штаты не избавлены отъ возможности внѣшнихъ войнъ и могутъ подвергнуться разрушительному дѣйствію броненосцевъ, если будутъ пренебрегать обычаями и потребностями культурныхъ націй; нѣкоторыя газеты, какъ, напримѣръ, серьезная „National Zeitung", сопоставили почему-то Сѣверную Америку съ Россіею въ видѣ двухъ угрожающихъ силъ, враждебныхъ европейской культурѣ и отрицающихъ будто бы условія законности и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ. Названная газета давала при этомъ понять, что культурные народы должны были бы проучить за-одно и русскихъ, и американцевъ, чтобы заставить ихъ усвоить высшіе принципы цивилизаціи; въ этомъ отношеніи весьма полезны и дипломатическіе уроки, въ родѣ того, который дала американцамъ Италія. Подобныя разсужденія сами по себѣ только забавны, но, какъ признаки настроенія, они заслуживаютъ вниманія. Очевидно, усвоенный Соединенными Штатами принципъ: „Америка для американцевъ", вызываетъ неудовольствіе въ Европѣ, и своеобразная американская политика не пользуется популярностью въ старомъ свѣтѣ. Сущность возникшаго оффиціальнаго спора всѣмъ извѣстна: итальянское правительство требуетъ судебнаго преслѣдованія лицъ, виновныхъ въ совершеніи народнаго самосуда надъ девятью итальянцами, заподозрѣнными въ принадлежности къ преступной грабительской шайкѣ въ Нью-Орлеанѣ, а вашингтонскій кабинетъ ссылается на то, что фактъ совершился въ штатѣ Луизіана,

внутреннія дѣла котораго, по союзной конституціи, не подлежать контролю и вмѣшательству центральной власти. Формальный отвѣтъ американскаго министра, Блэна, не могъ быть признанъ удачнымъ; представитель Италіи заявилъ, что ему нѣтъ дѣла ни до американской конституціи, ни до штата Луизіаны, и что онъ можетъ требовать удовлетворенія только отъ центральнаго правительства, при которомъ онъ акредитованъ. И въ самомъ дѣлѣ, по системѣ Блэна выходило бы, что иностранныя державы вовсе не имѣли бы возможности охранять интересы своихъ подданныхъ, живущихъ въ Сѣверной Америкѣ, ибо каждая мѣстность находится въ предѣлахъ какого-нибудь штата, свободнаго отъ воздѣйствія центральной власти, а иноземные посланники не могутъ вступать въ сношенія съ отдѣльными штатами. Союзное правительство отклоняло бы претензіи дипломатическихъ представителей простою ссылкою на конституцію штатовъ, а къ послѣднимъ вовсе нельзя было бы обращаться, какъ къ государствамъ, лишеннымъ права самостоятельныхъ международныхъ сношеній; въ результатѣ оказалось бы отсутствіе всякой дипломатической защиты для иностранцевъ въ Америкѣ, тогда какъ американцы повсюду пользуются охраною своихъ представителей по общимъ правиламъ. Отговорка Блэна не имѣла основанія уже потому, что федеральная власть можетъ всегда оказать извѣстное давленіе на отдѣльные штаты въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣшаны международные интересы, связанные съ возможною отвѣтственностью всего союза. Гораздо болѣе вѣскими были дальнѣйшія возраженія Блэна по существу. Американскій министръ отрицалъ право Италіи требовать для итальянскихъ подданныхъ какихъ-либо особыхъ привилегій, которыхъ не существуетъ для самихъ американскихъ гражданъ; все, чего могутъ домогаться иностранные поселенцы, — это равноправность съ туземнымъ населеніемъ; оказывать имъ еще особую, исключительную защиту мѣстное правительство не обязано, и никакая чужая держава не можетъ жаловаться на примѣненіе къ ея подданнымъ общихъ законовъ и порядковъ, если объ этомъ не установлено спеціальныхъ условій въ международныхъ договорахъ. Въ данномъ случаѣ, очевидно, Италія имѣла право добиваться лишь того, чтобы виновники убійствъ въ Нью-Орлеанѣ подверглись преслѣдованію и наказанію по существующимъ законамъ, т.-е. согласно судебнымъ учрежденіямъ и порядкамъ, дѣйствующимъ въ штатѣ Луизіанѣ; а игнорировать эти мѣстные законы и настаивать на нарушеніи ихъ въ пользу иностранныхъ поселенцевъ не было, разумѣется, никакого основанія. Съ этимъ выводомъ должно было согласиться и итальянское правительство; оно подтвердило, что требуетъ преслѣдованія виновныхъ въ законномъ порядкѣ, и Блэнъ, не возражая противъ

такого требованія, язвительно указывалъ на совершенно иной смыслъ первоначальнаго домогательства, заявленнаго въ категорической и безусловной формѣ. Блэнъ доставилъ себѣ удовлетвореніе, уличивъ итальянскую дипломатію въ явномъ противорѣчіи, которое однако не признавалось римскимъ кабинетомъ, и переписка по этому дѣлу приняла болѣе примирительный оттѣнокъ.

Соединенные штаты вообще крайне недовольны постояннымъ наплывомъ обездоленныхъ переселенцевъ изъ разныхъ государствъ Европы, и высокомѣрное заступничество Италія за ея злосчастныхъ выходцевъ, осужденныхъ народнымъ самосудомъ въ Нью-Орлеанѣ, могло возбудить справедливое негодованіе въ мирномъ американскомъ населеніи. Почему эти гордыя европейскія государства,—могли бы спросить американцы,—не позаботятся объ улучшеніи экономическаго быта своихъ бѣдныхъ подданныхъ, оставляютъ ихъ въ нищетѣ и порокахъ, вынуждаютъ ихъ переселяться въ чужія далекія страны, сваливая съ себя обузу на посторонніе, ни въ чемъ неповинные народы, а потомъ еще надменно выступаютъ въ роли покровителей и защитниковъ этихъ несчастныхъ, когда послѣдніе подверглись печальной судьбѣ на чужбинѣ? Не лучше ли было бы, напримѣръ, еслибы Италія употребляла на улучшеніе хозяйственныхъ условій своего бѣднаго населенія нѣкоторую долю тѣхъ милліоновъ, которые безплодно бросаются на ненужныя предпріятія въ Массовѣ и Абиссиніи, на постоянныя вооруженія ради сомнительной чести союза съ Германіею?

Можетъ ли вообще культурное государство выбрасывать за бортъ часть своего населенія и навязывать ее чужимъ народамъ, какъ это часто проповѣдуется и практикуется въ послѣднее время? Съ какой стати должны Соединенные Штаты давать пріютъ и охрану сотнямъ тысячъ голодныхъ пролетаріевъ, вытѣсненныхъ изъ Европы неблагопріятными или несправедливыми условіями жизни въ тѣхъ или другихъ государствахъ? Пока въ Америкѣ было много свободныхъ земель, для пришельцевъ не только не допускалось никакихъ стѣсненій, но напротивъ, имъ давались всякія льготы и поощренія, и каждый работникъ легко могъ найти себѣ выгодное занятіе; но теперь пустыхъ земель мало, и самимъ американцамъ скоро станетъ тѣсно, и они вправѣ подумать о собственныхъ своихъ интересахъ, о собственной своей будущности. Соединенные Штаты имѣютъ гораздо меньше свободныхъ пространствъ, чѣмъ, напримѣръ, Россія; почему же,—могутъ спросить американцы,—десятки тысячъ русскихъ эмигрантовъ, большею частью безъ всякихъ средствъ къ жизни, бросаются въ Америку и становятся бременемъ для Соединенныхъ Штатовъ, безъ малѣйшаго къ тому основанія?

Въ газетахъ разныхъ европейскихъ странъ—и притомъ такихъ, гдѣ есть много пустыхъ земель,—спокойно предлагается уходить въ чужіе края не только тысячамъ, но и цѣлымъ милліонамъ населенія, неудобнымъ почему-либо для остальной массы гражданъ или для государства; какъ же поступить этимъ чужимъ народамъ, на головы которыхъ могутъ обрушиться эти новыя и неожиданныя нашествія иноземныхъ изгнанниковъ? И если эти несчастные переселенцы допускаются еще пока въ Соединенные Штаты, то неужели выселившія ихъ государства вправѣ претендовать на опекунскую, охранительную роль по отношенію къ этимъ своимъ отбросамъ, великодушно принятымъ на чужбинѣ? Таковы вопросы, которые невольно возбуждаются послѣдними пререканіями между кабинетами римскимъ и вашингтонскимъ. Въ Америкѣ подвергаются суду Линча и туземные граждане; народныя расправы, иногда жестокія, бываютъ и въ другихъ странахъ, и однако эти случаи не давали еще повода къ международнымъ, дипломатическимъ пререканіямъ.

Интересный международный конгрессъ собирался недавно въ Парижѣ. Въ этомъ конгрессѣ участвовало около ста депутатовъ, представителей каменноугольныхъ рабочихъ Германіи, Англіи, Франціи и Бельгіи. По силѣ и твердости организаціи, по дисциплинѣ и общественному такту, а также по матеріальнымъ средствамъ своихъ рабочихъ союзовъ, англичане стояли впереди своихъ континентальныхъ собратьевъ и естественно занимали выдающееся мѣсто въ конгрессѣ; они представляли около полутораста тысячъ англійскихъ рабочихъ и имѣли въ своемъ составѣ, по обыкновенію, двухъ членовъ парламента, въ качествѣ руководителей и ораторовъ. Наиболѣе шумно и рѣзко вели себя делегаты бельгійскихъ рабочихъ; вполнѣ скромными и сдержанными оставались нѣмцы, между которыми выдѣлялись три работника, имѣвшіе извѣстную аудіенцію у германскаго императора въ 1889 году.

Съѣздъ устроенъ былъ для общихъ совѣщаній по вопросамъ, касающимся одинаково интересовъ каменноугольныхъ рабочихъ всѣхъ національностей, причемъ выставлялся на видъ этотъ международный, космополитическій, товарищескій характеръ сближенія между работниками разныхъ государствъ. Но съ перваго же засѣданія съѣзда обнаружилась чисто-національная группировка рабочихъ; французы и особенно бельгійцы отнеслись почему-то съ нескрываемою враждебностью къ англичанамъ, стали придираться къ ихъ заявленіямъ и не стѣснялись довольно грубо обвинять ихъ въ неискренности, въ желаніи завладѣть всѣмъ ходомъ занятій конгресса, въ ущербъ рабочимъ другихъ національностей. Насколько можно судить по газет-

нымъ отчетамъ, эти нападки на англичанъ не вызывались ничѣмъ со стороны послѣднихъ; англичане, привыкшіе къ публичнымъ митингамъ и преніямъ, сохраняли полное самообладаніе и спокойно доказывали неосновательность дѣлаемыхъ имъ упрековъ. Бельгійцы, чувствуя за собою симпатіи французовъ, хотѣли во что бы то ни стало провести на конгрессѣ свое предложеніе о всеобщей забастовкѣ работъ, съ цѣлью добиться для себя лучшихъ матеріальныхъ условій и вмѣстѣ съ тѣмъ завоевать для себя всеобщую подачу голосовъ въ Бельгіи. Разумѣется, эти спеціальные мотивы не имѣли большой цѣны въ глазахъ англичанъ, для которыхъ всеобщая забастовка была совершенно нежелательна; оттого бельгійцы старались увѣрить слушателей, что англійскіе делегаты руководствуются лишь эгоистическими побужденіями, что на дѣлѣ они отвергаютъ принципъ солидарности рабочихъ, признаваемый ими на словахъ. Нѣкоторыя засѣданія отличались бурнымъ характеромъ, и англійскій делегатъ Пикэрдъ, членъ парламента, выбранный генеральнымъ секретаремъ конгресса, поздравлялъ своихъ соотечественниковъ съ тѣмъ, что они не слѣдуютъ примѣру иностранныхъ товарищей и остаются хладнокровными среди шумныхъ и рѣзкихъ пререканій.

Такія пренія не могли, конечно, поддержать духъ солидарности между рабочими; но благоразуміе и твердость англичанъ взяли верхъ надъ увлеченіями противниковъ, и въ заключительныхъ совѣщаніяхъ конгресса господствовалъ уже тонъ дѣйствительнаго товарищескаго общенія. Этотъ задушевный тонъ выразился и въ принятыхъ резолюціяхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить двѣ: во-первыхъ, рѣшеніе добиться восьмичасового рабочаго дня, хотя бы пришлось для этого прибѣгнуть къ всеобщей забастовкѣ, и во-вторыхъ, выраженіе сочувствія и готовности помочь бельгійскимъ рабочимъ, если они вынуждены будутъ пріостановить работы. Въ порывахъ самоотверженнаго чувства англичане не только не отставали, но и превосходили другихъ, и эти порывы имѣли тѣмъ болѣе вѣса съ ихъ стороны, что выражались прямо въ обѣщаніяхъ крупныхъ денежныхъ взносовъ на случай нужды, а деньгами богаты среди рабочаго класса одни только англійскіе рабочіе союзы. Международный рабочій конгрессъ, несмотря на отдѣльные непріятные инциденты, оставилъ послѣ себя внушительное впечатлѣніе: борьба труда съ капиталомъ принимаетъ правильныя, такъ сказать, парламентскія формы, а международная организація рабочихъ обезпечиваетъ успѣхъ въ достиженіи тѣхъ уступокъ, которыя дѣйствительно необходимы для жизни рабочихъ и ихъ семействъ и не подрываютъ притомъ условій развитія и процвѣтанія данной отрасли промышленности.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1891.

— *Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета* (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. *Н. Булича.* Часть вторая. Казань, 1891.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы подробно говорили о первой части сочиненія г. Булича [1]); вышедшая теперь вторая часть представляетъ большой томъ, до 800 страницъ, и исполнена по той же программѣ и съ тою же подробностью. Предполагая болѣе обстоятельно обозрѣть содержаніе новой книги, сообщимъ здѣсь только нѣсколько указаній. Исторія Казанскаго университета начата здѣсь въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ мы не имѣемъ исторіи другого нашего университета; архивный матеріалъ, повидимому, изученъ авторомъ сполна, что̀ называется—исчерпанъ; изложеніе остается вездѣ ровнымъ и спокойнымъ; авторъ какъ бы уклоняется отъ рѣшительныхъ сужденій о людяхъ и событіяхъ, предоставляя говорить фактамъ, и факты дѣйствительно говорятъ много интереснаго. Судьба Казанскаго университета особенно любопытна тѣмъ, что это былъ опытъ „насажденія наукъ“ въ глухой провинціи, конечно, съ благою цѣлью, чтобы науки, укрѣпившись на новой почвѣ, принесли пользу и цѣлому обществу, и данному краю. На дѣлѣ оказалось, во-первыхъ, что для насажденія было крайне мало собственныхъ русскихъ силъ, и каѳедры новаго университета пришлось замѣщать, въ громадномъ большинствѣ, иностранцами, т.-е., какъ обыкновенно у насъ, нѣмцами; во-вторыхъ, что само общество было чрезвычайно равнодушно къ „насажденію“. Долгое время университетъ и общество оставались замѣчательно чуждыми другъ другу; первый понимался какъ новое, какимъ-то образомъ привилегированное, вѣдомство, внушалъ этимъ извѣстный почетъ, но очень долго между университетомъ и обще-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1887, августъ.

ствомъ не завязывалось той внутренней жизненной связи, какая должна бы, повидимому, связать это послѣднее съ органомъ его просвѣщенія. Такъ туго въ дѣйствительности прививалось образованіе и, при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами, такъ забавны становятся пресловутые толки о томъ, что русское общество послѣ Петра „оторвалось" отъ родной почвы и увлеклось Западомъ: увлеченіе было очень умѣренное.

При началѣ своего труда г. Буличъ предполагалъ, доведя исторію университета до попечительства Магницкаго, изложить и самый ходъ знаменитой ревизіи, „но, познакомившись ближе съ этою ревизіею, авторъ убѣдился, что она была въ высшей степени поверхностна, что результаты ея были заранѣе опредѣлены, что при существованіи предвзятаго взгляда на университетъ эта ревизія, произведенная въ нѣсколько дней, была только произвольнымъ актомъ quasi-ревизора. Вотъ почему изложеніе хода ревизіи Магницкаго, по мнѣнію автора, должно примкнуть ко всей исторіи времени Магницкаго и его дѣйствій, какъ попечителя... Время Магницкаго—это новый, большой и оригинальный отдѣлъ въ исторіи Казанскаго университета. Хотя это время достаточно знакомо автору, но разсказъ о немъ выходитъ изъ первоначальныхъ рамокъ задуманнаго имъ труда". Было бы, конечно, весьма желательно, чтобы авторъ, такъ тѣсно ознакомившійся съ источниками исторіи Казанскаго университета, продолжилъ свой трудъ и на эту дальнѣйшую эпоху, которая остается однимъ изъ характерныхъ въ высокой степени эпизодовъ въ судьбѣ нашего образованія.

Настоящій томъ представляетъ въ первыхъ главахъ цѣлый рядъ біографій казанскихъ профессоровъ, преимущественно выписныхъ иностранцевъ, съ указаніемъ ихъ трудовъ и положенія въ русскомъ обществѣ; затѣмъ изложеніе университетскихъ дѣлъ, устройства преподаванія, управленія училищами; любопытная глава посвящена указанію отношеній школы и жизни, и другая глава—описанію студенческихъ нравовъ до 1820-хъ годовъ. Въ заключеніи книги авторъ говоритъ опять о знаменитой ревизіи казанскаго университета, произведенной Магницкимъ, который тогда же сталъ и попечителемъ университета. „Никакими особенными вопіющими злоупотребленіями и якобы полнымъ (?) разстройствомъ университета не вызывалась эта ревизія. За неимѣніемъ гласности, она вытекаетъ главнымъ образомъ изъ массы сплетенъ, возникавшихъ всегда въ пустомъ провинціальномъ обществѣ, постоянно нерасположенномъ къ университету. Магницкій любовно прислушивался къ нимъ и собиралъ ихъ въ Симбирскѣ; онѣ были ему и его единомышленникамъ на руку. Изъ тѣхъ фактовъ, которые мы собрали и изложили въ нашемъ сочиненіи, безпристрастный читатель увидитъ, что исторія этого университета не могла

быть другою, какою была, что не злая, всегда устранимая, человѣческая воля дѣйствовала здѣсь, а вполнѣ могущественные неизбѣжные историческіе факторы"... „Ревизія вытекала изъ глубокаго незнанія страны (Магницкій только слышалъ звонъ, но не понималъ его смысла), изъ своекорыстнаго чувства, изъ честолюбія, изъ стремленія сдѣлать карьеру и т. п., но никакъ не изъ желанія добра родинѣ. Для того, чтобы умѣть дѣлать добро, нужно понимать, въ чемъ оно состоитъ. Назначеніе Магницкаго было, выражаясь по современному, *подтянуть* университетъ, хотя это „подтягиваніе", по нѣмецкому выраженію, направлялось in's Blaue. Этотъ знаменитый терминъ изъ военной дисциплины долженъ быть хорошо знакомъ тому, кто слѣдитъ за исторіей русскаго духовнаго развитія. Университетъ дѣйствительно былъ „подтянутъ". Онъ получилъ совершенно новый видъ; явились новые люди, рабски выполнявшіе предначертанія власти съ новымъ ея направленіемъ".

Репутація этого историческаго дѣятеля достаточно установлена; но, конечно, по обильнымъ матеріаламъ, имѣющимся на самомъ мѣстѣ его подвиговъ, его дѣянія могли бы быть изложены во всей ихъ полнотѣ. Повторимъ, что было бы вообще весьма желательно, чтобы авторъ провелъ и дальше исторію Казанскаго университета, которая и въ этихъ первыхъ книгахъ представила столько исторически любопытнаго.

— *Сибирскіе инородцы*, ихъ бытъ и современное положеніе. Н. М. *Ядринцева*. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Спб. 1891. Изданіе И. М. Сибирякова.

— *Сибирская Библіографія*. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ I. Источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, историческіе и историко-юридическіе акты и документы, письма и мемуары. Составилъ В. И. *Межовъ*. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891.

Неутомимый работникъ по изслѣдованію Сибири и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ ея въ разныхъ отношеніяхъ, г. Ядринцевъ является съ новымъ весьма замѣчательнымъ трудомъ по описанію этой страны. Самый предметъ уже не новъ для автора: отдѣльныя его изслѣдованія о сибирскихъ инородцахъ являлись уже въ журналахъ и ученыхъ изданіяхъ, но въ нашей литературѣ до сихъ поръ недоставало цѣльнаго обозрѣнія сибирскаго инородческаго міра, и новая книга г. Ядринцева восполняетъ давнишній пробѣлъ. Въ извѣстной книгѣ его: „Сибирь какъ колонія", изданной къ недавнему трехъсотъ-лѣтнему юбилею покоренія Сибири, инородцамъ и инородческому вопросу посвящено лишь двѣ небольшія главы; въ настоящемъ со-

чиненіи авторъ даетъ обширное изслѣдованіе этого вопроса, и именно, съ одной стороны, даетъ описательный матеріалъ (татары и бухарцы западной Сибири, вогулы, остяки и самоѣды, алтайскіе тюрки или калмыки), съ другой—рядъ этнологическихъ изслѣдованій. Послѣ общаго введенія, гдѣ онъ установляетъ значеніе инородческаго вопроса, авторъ излагаетъ современную классификацію угро-алтайскихъ племенъ, затѣмъ сообщаетъ данныя по исторіи ихъ культуры, наконецъ ставитъ любопытные общіе вопросы: причины вымиранія инородцевъ и способность ихъ къ культурѣ; взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія; вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири; кочевой бытъ и его значеніе въ исторіи человѣческой культуры. Фактъ вымиранія инородцевъ не подлежитъ сомнѣнію, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ, и всего сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы попали въ экономическое рабство къ русскимъ промышленникамъ: если во многихъ случаяхъ причиной труднаго положенія инородцевъ являются физическія бѣдствія, какъ неурожаи, лѣсные пожары и т. п., и затѣмъ упадокъ промысловъ—рыбнаго, звѣринаго, но главнымъ образомъ вымираніе связано съ экономической безпомощностью. Обыкновенно думаютъ, что вымираніе инородцевъ находится въ зависимости отъ ихъ неспособности къ культурѣ; г. Ядринцевъ отвергаетъ это предположеніе; напротивъ, онъ указываетъ въ быту инородцевъ способности къ культурѣ, которыя могли бы получить развитіе: „мы должны пожалѣть, что этотъ даръ, эти способности инородцевъ утратились, не имѣли надлежащаго выхода и примѣненія,—иначе, что мы не воспользовались ими, такъ какъ они принесли бы пользу въ общей культурѣ человѣчества" (стр. 166). Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ помощи инородцамъ должна быть, конечно, школа, но именно такая, которая не отрывала бы инородца отъ его среды, а напротивъ сохраняла бы его для его племени, въ которомъ его знаніе и могло бы принести пользу. „Обрусѣвшіе инородцы, въ лицѣ переводчиковъ азіатскихъ школъ, писаря и пр., являются обыкновенно самымъ дурнымъ элементомъ и эксплуататорами, взяточниками, и совершенно не имѣютъ никакого благотворнаго вліянія на среду инородцевъ" (стр. 240). Школа должна быть вводима безъ насилія, съ преподаваніемъ на инородческомъ языкѣ, съ учителями изъ самихъ инородцевъ, знающихъ и любящихъ свою народность. Только такая школа можетъ достигнуть своего настоящаго назначенія. „Цѣлью образованія,—говоритъ г. Ядринцевъ, —должно быть: внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его, а не стремленіе оттолкнуть инородца отъ прежней семьи, вырвать его и предоставить массѣ ту же нищету, несчастіе и вымираніе. Только весьма немногіе образованные инородцы сохраняли связи съ

своимъ племенемъ и желали посвятить себя его развитію. Въ числѣ этихъ именъ должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева изъ бурятъ, Николаева якута и Чекана Валиханова изъ киргизовъ, Катанова изъ минусинскихъ инородцевъ. Какъ Валихановъ, такъ и Банзаровъ получили высшее образованіе, они были даровитѣйшими и учеными людьми даже въ европейской средѣ и тѣмъ не менѣе ихъ симпатіи оставались на сторонѣ ихъ несчастнаго племени. Къ сожалѣнію, такія личности только случайно пробивались изъ инородческой среды. Высшее европейское образованіе оставалось чуждо большинству инородцевъ, а между тѣмъ такія личности болѣе всего могли бы принести услугъ инородческому просвѣщенію и позаботиться о судьбѣ своей народности. Въ пробужденіи инстинкта любознательности, духовной жизни и въ сознательномъ отношеніи къ своему настоящему и будущему будутъ лежать залоги сохраненія племенъ отъ вымиранія и гибели. Мы думаемъ, что такое просвѣщеніе будетъ источникомъ жизни и спасителемъ, который воскреситъ легендарнаго, умирающаго отъ голода и бѣдствій, самоѣда. Духъ сибирскаго инородца остается пригнетеннымъ, глубокая меланхолія лежитъ на немъ, мрачная безнадежность сковываетъ его сердце, нѣтъ вѣры въ лучшее, нѣтъ надежды на будущее. Вотъ эту-то вѣру, эту общечеловѣческую надежду и должно создать инородческое просвѣщеніе. Когда инородецъ не увидитъ никакого насилія, опасности въ дѣлѣ привитія образованія, онъ научится уважать его" (стр. 241).

Въ своемъ изслѣдованіи г. Ядринцевъ старался сколько возможно отвѣтить на существенные вопросы, какіе представляются при изученіи быта инородцевъ и которые теперь остаются еще крайне мало выяснены. Фактъ вымиранія инородцевъ не подлежитъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ, относительно многихъ племенъ,—„тѣмъ не менѣе, точнаго научнаго статистико-экономическаго изслѣдованія въ отдѣльности по племенамъ не было сдѣлано; не было выяснено также, въ силу какихъ причинъ вымираютъ инородцы. Есть ли это вымираніе неизбѣжный законъ, тяготѣющій надъ извѣстною расою, или его порождаютъ случайныя неблагопріятныя условія, съ устраненіемъ которыхъ прекращается и вымираніе? Объ этомъ существуютъ разнообразныя сужденія". Стараясь сколько возможно собрать факты по этому вопросу, г. Ядринцевъ старался также собрать вообще данныя о современномъ положеніи инородцевъ и особливо объ ихъ культурныхъ способностяхъ: „разсматриваемый поверхностно, этотъ вопросъ приводилъ ко многимъ противорѣчіямъ и отрицалъ у инородческихъ племенъ способность къ общечеловѣческому развитію". Г. Ядринцевъ несогласенъ съ этимъ рѣшеніемъ: „подобные приговоры могутъ быть произносимы только на основаніи изученія тѣхъ стадій, которыя

переживаютъ инородцы, на основаніи ихъ исторіи, при изученіи ихъ быта, языка, культуры и точномъ изслѣдованіи умственныхъ способностей, такъ или иначе выражающихся въ жизни. Но такихъ опытовъ въ точномъ научномъ значеніи сдѣлано очень мало". Между тѣмъ изслѣдованіе культурнаго быта инородцевъ было бы важно для самой административной задачи ихъ управленія и для всего опредѣленія ихъ положенія гражданскаго. „Въ инородческомъ управленіи возникаетъ все рѣзче вопросъ административно-политическій, касающійся гражданскаго полноправія инородцевъ и гарантій закона въ примѣненіи къ нимъ; затѣмъ нынѣшнее положеніе ихъ возбуждаетъ вопросъ духовнаго развитія и просвѣщенія инородцевъ и тѣхъ племенъ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли и продолжаютъ существовать. Нѣтъ сомнѣнія, что если имъ будетъ доступно развитіе, если они выкажутъ способности, то не могутъ быть отрицаемы для нихъ и общечеловѣческія права, и блага высшаго человѣческаго существованія. Все это вводитъ инородческій вопросъ въ рядъ вопросовъ общечеловѣческихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Въ нихъ лежитъ не только „to be or not to be" (быть или не быть) инородческаго существованія, вопросъ жизни и смерти цѣлыхъ племенъ, но и вопросъ о воспріятіи въ высшую человѣческую среду младшихъ братьевъ, историческое и культурное развитіе которыхъ отстало и было замедлено". Наконецъ, изслѣдованіе сибирскихъ инородцевъ представляетъ великій интересъ для антропологіи, исторіи культуры и исторіи человѣчества вообще.

Съ такихъ широкихъ точекъ зрѣнія представляется г. Ядринцеву вопросъ о сибирскихъ инородцахъ. Въ существующей литературѣ этотъ вопросъ вообще затронутъ очень мало, и обыкновенно только отрывочными данными, никогда не сведенными въ цѣлое; г. Ядринцевъ отмѣчаетъ, что даже простые своды имѣющихся фактовъ и монографіи объ инородцахъ „издаются чаще на иностранныхъ, чѣмъ на русскомъ языкѣ". При изученіи предмета авторъ руководился не только литературнымъ матеріаломъ, но и личными наблюденіями во время служебныхъ поѣздокъ по Алтайскому горному округу (въ 1878 и 1880 годахъ) и другихъ путешествій по Сибири до Иркутска. Понятно, что остается еще цѣлая масса работы для нѣсколько полнаго обозрѣнія инородческаго міра Сибири; но и въ настоящемъ трудѣ г. Ядринцева собрано много весьма цѣнныхъ свѣденій, а въ особенности указана необходимость дальнѣйшаго выясненія научнаго вопроса объ историческо-культурномъ значеніи инородческаго міра и связаннаго съ нимъ практическаго вопроса о современномъ гражданскомъ положеніи инородцевъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Ядринцевъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше цитатъ,

выставляетъ точку зрѣнія просвѣщенную и благожелательную, заслуживающую полнаго сочувствія.

Къ книгѣ приложенъ рядъ статистическихъ таблицъ по разнымъ бытовымъ отношеніямъ инородцевъ западной Сибири: распредѣленіе по племенамъ, процентное отношеніе къ русскому населенію, распредѣленіе инородцевъ по вѣроисповѣданіямъ (магометане, язычники, крещеные), по образу жизни (осѣдлые, полу-осѣдлые, кочевые звѣроловы и рыболовы) и т. д. Значительная часть этихъ данныхъ была собрана самимъ авторомъ.

„Сибирская Библіографія" г. Межова, изданіе которой предпринято г. Сибиряковымъ, представляетъ обширный трудъ, разсчитанный на три тома и долженствующій обнять полную литературу всего напечатаннаго на русскомъ языкѣ о Сибири, слишкомъ за 300 лѣтъ, начиная отъ первыхъ историческихъ актовъ, въ которыхъ упоминается о Сибири, вплоть до настоящаго времени. Великая польза подобнаго труда не требуетъ большихъ объясненій. При недостаткѣ общихъ историческихъ работъ, какимъ вообще страдаетъ наша литература, каждому, предпринимающему то или другое частное изслѣдованіе, приходится перерывать громадный литературный матеріалъ, при томъ нерѣдко мало доступный, рискуя пропусками и тратя каждый разъ время довольно непроизводительно; библіографическіе труды сберегаютъ это время для множества послѣдующихъ дѣятелей, указывая имъ тотчасъ необходимый матеріалъ и давая возможность расширять самое изслѣдованіе.

Библіографическое предпріятіе въ данномъ случаѣ представляется, безъ сомнѣнія, чрезвычайно сложнымъ, и г. Межовъ, предполагая впередъ неполноты, проситъ объ указаніи ему пропусковъ и ошибокъ, и между прочимъ самъ выставляетъ рядъ вопросовъ относительно тѣхъ предметовъ его программы, которые приводили его въ недоумѣніе. Въ началѣ онъ перечисляетъ тѣ работы, какія ранѣе посвящены были тому же предмету. Здѣсь мы не встрѣтили, къ удивленію, тѣхъ библіографическихъ статей, какія помѣщаются за послѣднее время въ московскомъ „Этнографическомъ Обозрѣніи". Говоря далѣе о библіографическихъ работахъ, организованныхъ въ 1885 году при редакціи „Восточнаго Обозрѣнія" въ Петербургѣ и оставшихся, впрочемъ, неизданными, г. Межовъ считалъ долгомъ выразить свою признательность и сочувствіе всѣмъ потрудившимся на этомъ поприщѣ — хотя не видно, чтобы онъ самъ воспользовался этими предшествующими неизданными трудами.

Его собственный планъ состоитъ въ слѣдующемъ. „Въ 1-мъ томѣ помѣщены одни только источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, историческіе и историко-юридическіе

акты и документы, письма и записки (мемуары). Этотъ томъ я считаю важнѣйшимъ для изученія прошедшихъ судебъ Сибири. Подъ вліяніемъ правительственныхъ актовъ и другихъ историческихъ документовъ сложилась умственная, нравственная, общественная, административная жизнь Сибири; они дали, если можно такъ выразиться, своеобразную физіономію всей странѣ, а потому для всякаго историка они должны имѣть первостепенное значеніе. Я не удовольствовался выписать одни заглавія сборниковъ актовъ, такъ какъ для справляющагося съ моей книгой это не принесло бы большого облегченія. Пришлось бы все-таки, для отысканія необходимыхъ свѣденій, имѣть дѣло съ сотнею тысячъ актовъ. Я выписалъ заглавія самыхъ актовъ, которые въ числѣ слишкомъ 6.000, расположены въ 1-мъ томѣ моего труда въ строго-хронологическомъ порядкѣ по царствованіямъ.

„Во второмъ томѣ предполагаю помѣстить исторію съ ея вспомогательными науками: географіею, этнографіею и статистикой, и въ третьемъ остальные отдѣлы: правовѣденіе, политическія и соціальныя науки, педагогику, технологію, сельское хозяйство, естественныя и медицинскія науки: языкознаніе, словесность, беллетристику и, наконецъ, искусства... Въ концѣ всего изданія будетъ приложенъ подробный азбучный указатель именъ и предметовъ“.

Безъ сомнѣнія, для будущихъ изслѣдователей будетъ очень полезенъ трудъ собиранія актовъ, исполненный здѣсь г. Межовымъ, но этотъ трудъ выходитъ уже за предѣлы собственной библіографіи: послѣдняя могла бы удовольствоваться спискомъ тѣхъ изданій, въ которыхъ акты заключаются, и общимъ обозначеніемъ этихъ актовъ. Въ отдѣлѣ лѣтописей мы не встрѣтили двухъ замѣчательныхъ древнихъ памятниковъ: во-первыхъ, статьи „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“, вновь изданной въ 1890 г. Д. Н. Анучинымъ, и извѣстной статьи Крижанича о Сибири.

Мы упомянули выше, что г. Межовъ перечисляетъ тѣ затрудненія, какія встрѣтилъ онъ при составленіи сибирской библіографіи, и которыя онъ, быть можетъ, невѣрно разрѣшилъ. Первое недоумѣніе представляла ему самая территорія, которая неопредѣленно расширилась съ пріобрѣтеніемъ Амурскаго края и новыми завоеваніями въ Средней Азіи; г. Межовъ къ собственной давней Сибири причисляетъ еще области: Приморскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Амурскую, Уссурійскую, островъ Сахалинъ и часть пермской губерніи; послѣднюю въ томъ отношеніи, что нѣкогда она также причислялась къ Сибири. Другое недоумѣніе касалось инородцевъ: многіе изъ нихъ находятся одинаково въ европейской и азіатской Россіи (киргизы, калмыки, вогулы и пр.); такъ какъ пришлось бы перечитать всю литературу о нихъ, чтобы правильно размѣстить ее по мѣсту

нахожденія этихъ инородцевъ, то г. Межовъ рѣшилъ, кромѣ сочиненій, прямо относящихся къ инородцамъ сибирскимъ, помѣстить также и сочиненія, имѣющія общій характеръ или неясно обозначающія въ заглавіи мѣстность описываемыхъ инородцевъ. Въ этомъ нѣтъ бѣды, такъ какъ вся эта литература не очень велика и сочиненія объ одномъ и томъ же племени находятся въ тѣсной связи, живетъ ли это племя въ Сибири или внѣ ея,—но по сосѣдству. Третье затрудненіе касалось біографіи лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Сибири. „Въ этомъ отдѣлѣ,—говоритъ г. Межовъ,—я встрѣтилъ самыя серьезныя затрудненія по незнакомству съ подробною исторіею Сибири. У меня собранъ огромный запасъ біографическихъ статей, но какимъ образомъ можно было узнать, перебирая ихъ, имѣетъ ли какое-либо отношеніе къ Сибири то или другое лицо, если только въ самомъ заглавіи это не отмѣчено". Справляться съ литературой было бы опять очень трудно. „Приходилось обращаться за справками къ лицамъ знакомымъ съ исторіею Сибири и пересмотрѣть энциклопедическіе и біографическіе словари. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ я не могу ручаться, чтобы этотъ отдѣлъ былъ полонъ и безупреченъ". Въ этомъ случаѣ г. Межовъ могъ бы, кажется, найти полезныя указанія въ упомянутыхъ библіографическихъ работахъ, какія дѣлались при редакціи „Восточнаго Обозрѣнія". Относительно лицъ, жизнь которыхъ только отчасти принадлежала Сибири, какъ напр. Меньшиковъ, Сперанскій и другіе, г. Межовъ помѣщалъ ихъ біографіи вполнѣ, „руководствуясь тою мыслью, что біографамъ такихъ лицъ потребуются матеріалы не одной только части жизни, посвященной Сибири, но и вообще всей". Это послѣднее, напротивъ, намъ кажется излишествомъ: сибирскому историку біографія Сперанскаго будетъ нужна только по отношеніямъ къ Сибири; біографія Меньшикова, кромѣ факта пребыванія его въ ссылкѣ, не имѣетъ къ Сибири никакого спеціальнаго отношенія и т. д., такъ что полный біографическій матеріалъ о такихъ лицахъ только понапрасну загромоздитъ библіографію, и т. д.

Какъ бы то ни было, трудъ г. Межова (большой томъ, 485 страницъ въ два столбца) будетъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно полезной настольной книгой для всѣхъ изслѣдователей Сибири. Въ предисловіи онъ сообщаетъ еще любопытное извѣстіе: „Одновременно съ настоящимъ трудомъ выйдетъ въ свѣтъ другой мой трудъ: Библіографія Азіи, т.-е. всѣхъ странъ, составляющихъ ее, исключая Сибирь, изд. главнымъ штабомъ. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть въ нашей литературѣ указатель всего, что̀ было напечатано на русскомъ языкѣ объ Азіи".

— Терскій Календарь на 1891 годъ. Годъ первый. Изданіе Терскаго областного статистическаго комитета. Владикавказъ, 1890.

— Терскій Сборникъ. Приложеніе къ Терскому Календарю на 1891 годъ. Выпускъ первый. Подъ редакціей секретаря комитета П. Стефановскаго. Владикавказъ, 1890.

Мѣстная литература начинаетъ складываться даже въ самыхъ укромныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Прежде всего она является въ послѣднее время въ видѣ полу-оффиціальныхъ изданій, составляемыхъ мѣстными статистическими комитетами; не говоря о комитетахъ земскихъ, даже правительственные статистическіе комитеты въ собираніи и обработкѣ своихъ матеріаловъ волей-неволей сближаются съ дѣйствительною народною и общественной жизнью и проникаются желаніемъ послужить своему краю общеполезными свѣдѣніями, между прочимъ и по всякаго рода мѣстнымъ дѣламъ. Первой формой, въ которой могли быть собраны подобныя свѣденія, представляется календарь, именно такой, который бы кромѣ общихъ справочныхъ свѣденій заключалъ и свѣденія мѣстныя. „Прошло всего 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ право изданія календарей перестало быть исключительнымъ, и конкурренція сдѣлала свое дѣло,—читаемъ мы въ предисловіи „Терскаго Календаря".—Программы календарей постепенно охватывали все большій кругъ свѣденій, а требованія жизни въ свою очередь становились все шире и разнообразнѣе. Теперь никто уже не счелъ бы себя удовлетвореннымъ, найдя въ изданіи подобнаго рода одни лишь мѣсяцесловы да адресъ-календарные указатели. Понятіе о календарѣ, какъ о сборникѣ свѣденій, которыя было бы весьма затруднительно удерживать въ памяти и которыя, однакожъ, необходимы почти ежедневно въ жизненномъ обиходѣ не только частныхъ, но и должностныхъ лицъ, такое понятіе успѣло уже получить у насъ довольно широкое распространеніе. Но изъ дальнѣйшей практики вскорѣ обнаружилось, что календари не могутъ быть универсальными, и что приведенная формула, какъ слишкомъ общая, требуетъ для многихъ случаевъ болѣе или менѣе существенныхъ ограниченій". Ограниченіе должно было состоять именно въ томъ, чтобы календари обогатились матеріаломъ мѣстнымъ. Такъ это дѣйствительно и произошло, и за послѣднія двадцать-пять лѣтъ въ нашей литературѣ появляется множество мѣстныхъ календарей, памятныхъ книжекъ, сборниковъ статистическихъ комитетовъ и подобныхъ изданій, въ которыхъ между прочимъ собралось множество разнообразныхъ свѣденій по мѣстному описанію разныхъ краевъ Россіи. Издатели „Терскаго Календаря", приступая къ своему дѣлу, весьма раціонально желали выяснить тотъ типъ, которому могли бы всего

цѣлесообразнѣе послѣдовать въ своемъ изданіи. Такой типъ уже выработался, а именно они избрали своимъ образцомъ „Харьковскій Календарь“, который издается уже въ теченіе девятнадцати лѣтъ и пріобрѣлъ большія достоинства особенно въ послѣднее время, когда онъ находился подъ редакціей П. С. Ефименка, извѣстнаго изслѣдователя народнаго быта. Харьковскій „Календарь“, кромѣ книги съ обычными календарными свѣденіями, давалъ еще цѣлый рядъ „приложеній“, въ послѣдній разъ дошедшихъ, кажется, до четырехъ томовъ за одинъ годъ. Образецъ принятъ былъ весьма правильно: при скромныхъ средствахъ статистическихъ комитетовъ нужна была большая любовь къ дѣлу и значительный опытъ въ изслѣдованіи народной жизни, чтобы сосредоточивать такую массу полезныхъ трудовъ, какая собирается въ харьковскомъ календарѣ, и оба эти качества, безъ сомнѣнія могли бы служить хорошимъ примѣромъ. „Терскій Сборникъ“ являющійся также „приложеніемъ“ къ календарю, помѣченъ какъ первый выпускъ; слѣдовательно за 1891 годъ послѣдуетъ и продолженіе.

Въ „Календарѣ“, кромѣ общихъ справочныхъ свѣденій, помѣщены разнообразныя мѣстныя свѣденія и мѣстный адресъ-календарь. „Сборникъ“ представляетъ отдѣлы статистико-экономическій и литературно-научный. Въ первомъ помѣщены статьи: о Терскомъ казачьемъ войскѣ; очеркъ движенія частной поземельной собственности на территоріи Терскаго войска; обзоръ минеральныхъ богатствъ Терской области, и статья о нефтяномъ дѣлѣ въ этомъ краѣ. Во второмъ отдѣлѣ находимъ: хронику чеченскаго возстанія въ 1877 году; пѣсни терскаго казачества; пѣсни чеченскія; статью объ обитателяхъ кумыкской плоскости, и замѣтку по вопросу о слѣдахъ гунновъ на Кавказѣ.

Мѣстныя изученія Терской области начались весьма недавно, въ самое послѣднее время. Статистическій комитетъ въ области учрежденъ былъ въ 1872 году, при М. Т. Лорисъ-Меликовѣ, и только въ 1878 явились его первые труды — „Списки населенныхъ мѣстъ“ и „Сборникъ свѣденій о Терской области“, изданные подъ редакціей секретаря комитета, Н. Благовѣщенскаго (это былъ нѣкогда беллетристъ, товарищъ и другъ Н. Г. Помяловскаго и авторъ извѣстной книги объ Аѳонѣ). Затѣмъ изданы были, подъ редакціей Евг. Максимова, „Статистическія таблицы населенныхъ мѣстъ Терской области“, и наконецъ настоящій „Календарь“.

На первый разъ наличныя свѣденія, какія были въ распоряженіи комитета, были крайне неточны и противорѣчивы, и комитетъ могъ только подготовлять путь къ дальнѣйшимъ, болѣе обстоятельнымъ разысканіямъ. И вообще для описанія области требовалось еще очень много труда: „топографическія и геологическія изслѣдованія въ ней

еще не были начаты; въ роли археологовъ, разрывая древнія могилы, въ надеждѣ найти скрытыя тамъ сокровища, подвизались одни лишь полудикіе чеченцы и осетины; историческія работы находились только въ зародышѣ; наличное состояніе отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства вовсе не было изучено; общее экономическое положеніе населенія было выяснено лишь „приблизительно", да и то не во всѣхъ частяхъ области; народно-юридическіе обычаи, устная словесность и другіе показатели нравственно-психологическихъ основъ населяющихъ область племенъ и народностей требовали еще фактовъ и основанной на нихъ объективной оцѣнки"...

Между тѣмъ независимо отъ того, какъ важны были бы многія изъ такихъ свѣденій для заботъ о современномъ благосостояніи края, изученіе Терской области обѣщало бы чрезвычайно интересныя указанія по исторической этнографіи. До сихъ поръ Терское войско вызвало лишь очень немногія историческія изысканія въ трудахъ Попко, Бентковскаго, Казбека, Ѳ. Пономарева, А. Ржевускаго; эти изслѣдованія до сихъ поръ не вполнѣ выяснили первое возникновеніе русскаго населенія на кавказскихъ предгорьяхъ, и еще меньше выяснены этнографическія его свойства. Эта задача была бы тѣмъ важнѣе, что мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ оригинальнѣйшихъ фактовъ въ исторіи русской народности и распространенія русскаго племени. Дѣло въ томъ, что начало Терскаго казачества соединяется съ тѣмъ чисто народнымъ движеніемъ, которое съ XV — XVI вѣка, или даже раньше, раздвигало границы русскаго племени дальше предѣловъ государства, которое потомъ присвоивало и укрѣпляло эти пріобрѣтенія. Такова была нѣкогда промышленно-торговая и вмѣстѣ воинственная колонизація древняго Новгорода; такова была потомъ колонизація казацкая. То же народное движеніе, которое сдѣлало Донъ русскою землею, подвинуло русское населеніе и на черту Терека, къ кавказскимъ предгорьямъ. Свѣденія о первомъ появленіи здѣсь русскихъ очень смутны, но сводятся къ тому, что это произошло около половины XVI столѣтія. „Наиболѣе достовѣрнымъ и опредѣленнымъ приходится признать указаніе, по которому въ 1559 году какіе-то русскіе выходцы завладѣли городомъ Теркотле или Тюмень, находившимся на одномъ изъ рукавовъ р. Терека и, обнеся его стѣной, поселились въ немъ на жительство. Въ числѣ этихъ новоселовъ были и царскіе стрѣльцы, и донскіе, волжскіе и яицкіе казаки и, по обыкновенію такихъ удалыхъ общинъ, разный сбродъ „гулящаго" люда". Это было начало терскаго казачества. Позднѣе въ тѣхъ же краяхъ явились выселенцы съ Дона, будущіе „гребенскіе" казаки („Сборникъ", стр. 7—8). Въ первое время тѣ и другіе жили независимою жизнью свободной военной общины и только позднѣе всту-

паютъ въ извѣстныя отношенія съ государствомъ, которое, желая воспользоваться ихъ услугами, привлекало ихъ въ свою службу „жалованьемъ“. Бытъ этой общины былъ чисто воинственный: съ ближайшими сосѣдями, кумыками, казаки жили обыкновенно въ дружбѣ, но было много другихъ враждебныхъ племенъ, отъ которыхъ приходилось отбиваться. Казацкое войско несло не малый уронъ и „отъ прихода воинскихъ людей“, и отъ убійственнаго климата, но къ нему приходили все новые люди: „то царскіе пушкари и стрѣльцы, быстро дѣлавшіеся казаками, то высылаемые сюда московскимъ правительствомъ плѣнные литовцы и нѣмцы, то ссылаемые раскольники, то, наконецъ, разный вольный гулящій людъ“ (стр. 12). Бытъ складывался въ оригинальной смѣси формъ русскихъ и мѣстныхъ кавказскихъ. Между прочимъ въ войсковой общинѣ было много туземцевъ. „У терскихъ казаковъ были цѣлыя станицы не-христіанъ; гребенцы же были на этотъ счетъ требовательнѣе и принимали въ свою среду только крестившихся. Поводовъ къ переходу туземцевъ въ казачество было очень много: и разгульное веселое житье, и гоненіе на родинѣ, и бѣдность, и бродяжничество, и дружба, и любовь, приводившая къ похищенію невѣсты безъ калыма и бѣгству изъ своего края. Число такихъ перебѣжчиковъ было очень велико; оно придавало различную физіономію отдѣльнымъ станицамъ въ укладѣ ихъ жизни, въ обрядахъ, пѣсняхъ и т. п. Это, наконецъ, приводило къ большому сближенію казаковъ съ ихъ инородческими сосѣдями и къ переимчивости полезныхъ особенностей у нихъ. Своею относительною хозяйственностью гребенцы въ значительной мѣрѣ обязаны женамъ-туземкамъ, вносившимъ и поддерживавшимъ земледѣльческія занятія у казаковъ“ (стр. 15). Казаки переняли у своихъ горскихъ противниковъ одежду и снаряженіе; казачки переняли костюмъ и украшенія отъ кабардинской и чеченской женщины; въ постройкахъ вмѣсто русской избы явилась кабардинская хата съ ея внутреннимъ устройствомъ и убранствомъ; земледѣльческій и хозяйственный трудъ весь былъ свaленъ на женщинъ, которымъ иногда давался на помощь работникъ изъ ногайцевъ или чеченцевъ. Неизмѣннымъ остался только распорядокъ общественнаго казацкаго быта.

Изъ этихъ немногихъ указаній можно видѣть, какъ оригинально долженъ былъ сложиться характеръ и бытъ этого населенія, соединившаго черты русской народности съ разнообразными вліяніями мѣстнаго горскаго племени и обычая. Надо жалѣть, что этотъ край до сихъ поръ не былъ изученъ этнографически съ какою-нибудь полнотой и точностью. Намъ припоминается одна газетная корреспонденція, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гдѣ указывались, рядомъ съ восточными горскими чертами, любопытные остатки русской быто-

вой старины, сохранившіеся, конечно, отъ временъ перваго поселенія. Въ „Сборникѣ“ мы находимъ небольшой сборникъ пѣсенъ терскаго казачества (71 пьеса). Эти пѣсни записаны были болѣе десяти лѣтъ тому назадъ изъ устъ самихъ казаковъ учителями мѣстиыхъ станичныхъ училищъ, по инціативѣ одного изъ начальствовавшихъ лицъ Терской области, полковника С. И. Писарева, и теперь были имъ переданы въ распоряженіе редакціи „Сборника“. Пѣсни очень оригинальны; къ общимъ чертамъ русской народной пѣсни присоединяются мѣстныя особенности и въ содержаніи, и въ самомъ складѣ; для полнаго изученія ихъ надо желать, конечно, болѣе обильнаго собранія. Въ настоящее изданіе вошелъ далеко не весь сборникъ С. И. Писарева, въ которомъ находится „нѣсколько былинъ и сказокъ, довольно много общебытовыхъ пѣсенъ и полные циклы военныхъ, хороводныхъ и свадебныхъ“ (отд. II, стр. 94); редакція „Сборника“ выбрала изъ нихъ „наиболѣе цѣнные“. Къ сожалѣнію здѣсь, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, мы не имѣемъ достаточно увѣренности въ томъ, что тексты были записаны съ точностью, и не знаемъ основаній выбора, сдѣланнаго редакціей. Редакція говоритъ объ этомъ такъ:

„Мы руководствовались, во-первыхъ, желаніемъ устранить изъ „Сборника“ всѣ произведенія, уже опубликованныя раньше въ другихъ изданіяхъ и, наоборотъ, дать исключительное преимущество народному творчеству передъ искусствомъ мѣстныхъ авторовъ, витающихъ, преимущественно, въ сферѣ малоинтересныхъ для насъ личныхъ чувствъ и наклонностей. Нечего и говорить, конечно, о непригодности для цѣлей „Сборника“, стихотвореній Бенедиктова, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова и другихъ поэтовъ, по непонятнымъ причинамъ также попадавшихъ довольно часто въ тетради нѣкоторыхъ изъ гг. учителей. Съ другой стороны мѣстная, чисто-военная поэзія едва ли можетъ дать что-либо спеціально-характерное, ибо выражаемыя ею беззавѣтная отвага и преданность престолу и отечеству, несомнѣнно, составляютъ неотъемлемыя черты всей русской арміи. Что же касается невошедшихъ въ настоящее изданіе нѣсколькихъ сказокъ и т. п. то, вполнѣ сознавая ихъ этнографическій интересъ, мы надѣемся воспользоваться ими для слѣдующаго выпуска „Сборника“.“

Остается неясно, какія были произведенія „опубликованныя раньше въ другихъ изданіяхъ“; какимъ образомъ попадали въ сборники учителей стихотворенія извѣстныхъ поэтовъ; „мѣстная чисто-военная поэзія“, напротивъ, можетъ представить нѣчто „спеціально-характерное“, если это будутъ дѣйствительно народно-казацкія произведенія, а не чье-нибудь личное риѳмоплетство. Желательно, чтобы въ даль-

нѣйшихъ выпускахъ редакція сообщила больше данныхъ по этимъ вопросамъ. Всего лучше было бы, еслибы сборникъ С. И. Писарева былъ пополненъ и провѣренъ новыми этнографическими поисками,—чѣмъ больше данныхъ и сравненій въ этомъ случаѣ, тѣмъ лучше: могутъ встрѣтиться любопытные варіанты; повтореніе „опубликованныхъ раньше" пѣсенъ во всякомъ случаѣ укажетъ ихъ распространеніе; важно позаботиться только о подлинной народности текстовъ и точной ихъ передачѣ. Безъ сомнѣнія, кромѣ пѣсенъ и сказокъ въ мѣстной народной поэзіи есть въ ходу и другіе обычные ея элементы, напр. повѣрья, суевѣрія, легендарныя сказанія религіознаго и историческаго содержанія—они также составляютъ одинъ изъ важныхъ предметовъ этнографическаго изученія и должны бы были привлечь вниманіе собирателей.—А. П.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію были доставлены слѣдующія новыя книги и брошюры:

Амурскій. — О несостоятельности бактеріологіи и вакцинацій. Спб. 91. Стр. 96.

Андреевскій, Ив. Е.—Энциклопедическій Словарь. Т. III. Банки—Бергеръ. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 91. Стр. 480.

Андреяновъ, М. А. — Описаніе коллекцій Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. I. Исторія. Спб. 91. Стр. 103.

Барсуковъ, Ив.—Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. Кн. 1 и 2. М. 91. Стр. 672 и 321. Ц. 5 р. 50 к.

Буличъ, Н. — Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. 1805—1819 г. Разсказы по архивнымъ документамъ. Ч. II. Каз. 91. Стр. 799. Ц. 4 р.

Быкова, М. — Первые разсказы изъ естественной исторіи. Изд. 3-е. Спб. 91. Стр. 80. Ц. 30 к.

Волжинъ, В. А. — Картинки изъ судебной жизни. Спб. 91. Стр. 328. Ц. 1 р. 25 к.

——— Законъ и жизнь. Замѣтки по гражд. судопроизводству, по судоустройству, уголовному судопроизводству и комментаріи къ статьямъ уложенія о наказаніяхъ. Въ 2 томахъ. Спб. 91. Стр. 420 и 444. Ц. 4 р.

Гарбель, А. и К°. — Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 12 и 13. Бератусъ—Бисмаркъ. М. 91. Стр. 527—622. Ц. вып. 40 к.

Губеръ, Ф.—Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Перев. съ 4-го нѣм. изд. Второе русск. изд., исправл. и дополн. по указаніямъ автора, съ 489 черт. Спб. 91. Стр. 662. Ц. 3 р.

Дементьевъ, д-ръ Е. М.—Англійскія игры на открытомъ воздухѣ. Руководство для воспитателей и для юношества, съ 18 рис. М. 91. Стр. 82. Ц. 60 к.

Джаншіевъ, Гр. — Основы судебной реформы (къ 25-лѣтію новаго суда). Историко-юридическіе этюды. Съ приложеніемъ: Описъ „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи". М. 91. Стр. 364—52. Ц. 1 р. 50 к.

Жбанковъ, Д. Н.—Бабья сторона. Статистико-этнографическій очеркъ. Костр. 91. Стр. 136.

Зайкевичъ, А. Е.—Агрономія какъ наука вообще и университетская—въ частности. Харьк. 91. Стр. 55.

Иванюковъ, И.—Основныя положенія теоріи экономической политики, съ Адама Смита до настоящаго времени. 3-е изд., исправл. и дополн. М. 91. Стр. 235. Ц. 2 р. 50 к.

Инграмъ, Дж.—Исторія политической экономіи. Пер. съ англ. И. И. Янжула. М. 91. Стр. 322. Ц. 1 р. 50 к.

Исаевъ, А. А.—Переселеніе въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Спб. 91. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.

Кольраушъ, Ф.—Руководство къ практикѣ физическихъ измѣреній, съ прибавл. статьи объ абсолютной системѣ мѣръ. Перев. съ 6-го изд., Н. С. Дрентельна, съ приложеніемъ проф. И. Бергмана. Съ 83 рис. Спб. 91. Стр. 444. Ц. 3 р.

Кролюницкій, А.—Опытъ математики элементарнаго курса исторіи. М. 90. Стр. 377. Ц. 4 р.

Лебедевъ, Г.—Учебникъ минералогіи. Часть описательная. Вып. 2, съ 314 политип. Спб. 91. Стр. 643.

Лесевичъ, В.—Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 91. Стр. 256. Ц. 2 р.

Линевъ, Д. А.—Причины русскаго нищенства и необходимыя противъ нихъ мѣры. Спб. 91. Стр. 44.

Лопухинъ, А. П.—Исторія христіанской церкви отъ апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Соч. Дж. С. Робертсона и Г. Г. Герцога. Т. II: отъ раздѣленія церквей до нашихъ дней. Спб. 91. Стр. 1290. Ц. за 2 т. 10 р.

Максимовъ, Н. В.—На досугѣ, беллетристическій сборникъ автора книги: „Двѣ войны", б. военнаго корреспондента. Спб. 91. Стр. 388. Ц. 1 р. 50 к.

Мачтетъ, Гр.—Новые разсказы. М. 91. Стр. 257. Ц. 1 р. 50 к.

Межовъ, В. И.—Сибирская Библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ, и однѣхъ только книгъ на иностр. яз. за весь періодъ книгопечатанія. Т. I. Спб. 91. Стр. 485. Ц. 3 р.

Моженъ, Ж. и *Менъ*, В.—Скрипка, альтъ, віолончель, контръ-басъ и гитара. Смычки, канифоль и струны. Новое полное руководство. Перев. съ франц. И. Инякина. Тверь, 91. Стр. 258. Ц. 1 р.

Петровскій, В. И.—Опыты въ стихахъ. Спб. 91. Стр. 62. Ц. 60 к.

Порфирьевъ, И.—Разборъ сочиненія В. Мочульскаго: „Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Спб. Стр. 38.

Прессъ, А.—Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Съ 196 черт. въ текстѣ. Спб. 91. Стр. 209. Ц. 2 р.

Рѣдкинъ, П. Г.—Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. VII. Спб. 91. Стр. 495. Ц. 3 р.

Серебряковъ, П.—Ученіе о душевныхъ движеніяхъ въ примѣненіи къ сценическому искусству. М. 91. Стр. 142.

Скабичевскій, А. М.—Исторія новѣйшей русской литературы (1848—90). Спб. 91. Стр. 523. Ц. 2 р.

Скворцовъ, проф. Ир.—Климатическое леченіе вообще и наши климато-лечебныя мѣста. I. Южный берегъ Крыма и Кавказское черноморское побережье. Спб. 91. Стр. 116.

Санчурскій, Н.—Краткая грамматика латинскаго языка, примѣн. къ учеб-

нымъ програм. 1890 г. Ч. I: Этимологія и Начальныя правила синтаксиса. Спб. 91. Стр. 88.

Сторожевъ, В. Н.—Тверское дворянство XVII в. Вып. 1. Составъ Зубцовскаго и Ржевскаго дворянства по десятнямъ XVII в. Тверь. 91. Стр. 116.

Субботинъ, А. П.—Въ чертѣ еврейской осѣдлости. Вып. II. Бѣлостокъ, Острополь, Полонное, Бердичевъ, Житоміръ, Кіевъ, Одесса и ихъ районы. Спб. 90. Стр. 240.

Судейкинъ, Вл.—Государственный Банкъ, изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Спб. 91. Стр. 520. Ц. 3 р.

Сѣченовъ, И. — Физіологія нервныхъ центровъ. Спб. 91. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 коп.

Тальбергъ, Д. Г.—Русское уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Т. II, вып. 1. Кіевъ, 91. Стр. 214. Ц. 1 р. 50 к.

Тарновскій, В. М.—Половая зрѣлость, ея теченіе, отклоненія и болѣзни. Общедоступное изложеніе. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 91. Стр. 258. Ц. 2 р. 50 к.

Тикноръ.—Исторія испанской литературы. Перев. съ 4-го англ. изд., п. р. Н. И. Стороженка. Т. III. М. 91. Стр. 409. Ц. 3 р. 50 к.

Ходскій, Л. В.—Земскій Ежегодникъ за 1885 и 1886 гг. Сводъ постановл. и другихъ данныхъ изъ журналовъ земскихъ собраній сессіи 1885 и 1886 гг., отчетовъ управъ и проч. Изд. Имп. Вольн. Эконом. Общ. Спб. 90. Стр. 531. Ц. 4 р.

——— Земля и земледѣльцы. Экономическое и статистическое изслѣдованіе, въ 2-хъ томахъ. Спб. 91. Стр. 266 и 314, съ статист. таблицами. Ц. 5 р.

Черепахинъ, Б. П. Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1869 г. въ связи съ предшествующими годами. Полтава. 91.

Шереметевъ, гр. С.—Бородино. Спб. 91. Стр. 17.

Щегловъ, Ив. — Корделія. — Миньона, Петербургская идиллія, Кожаный актеръ, Проводы, Миръ праху.—Спб. 91. Стр. 376. Ц. 1 р.

Ядринцевъ. Н. М. — Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Спб. 91. Стр. 308. Ц. 2 р.

Barrès, M.—Le Jardin de Bérénice. 3-me éd. Par. 91. Стр. 296.

Dingeslteďt, V.—Le régime patriarcal et le droit coutumier de Kirghiz, d'après l'ètude entreprise sous les auspices du gouvernement russe par le général N. Grodekoff. Par. 91. Стр. 96.

Vogüé, Melchior, de.—Spectacles contemporains. Par. 91. Стр. 366.

— Mémoire des ètudiants universitaires de Roumanie relatif à la situation des Roumains de Transilvanie et de Hongrie. Bucarest, 91. Стр. 51.

— Кахетія. Тифл. 91. Стр. 90. Ц. 30 к.

— Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи. Вып. 1-й. Каз. 90. Стр. 120.

— Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерніи. Иркутская губернія, т. I и II. Ирк. 89 и 90.

— Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1889—90 г. Спб. 91.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго общества. Т. 72: Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, 1772—1774 г.—Т. 73: Бумаги гр. А. А. Закревскаго, 1815—52 г.—Т. 74: Журналы Комитета, учрежденнаго Высочайшимъ рескриптомъ, 6-го декабря 1826 г.—Т. 75: Донесенія французскаго повѣреннаго по дѣламъ при русскомъ Дворѣ, за 1727 — 1730 г.—Т. 76: Донесенія англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ Дворѣ съ 1733 г. по 1736 г.—Т. 77: Дипломатическія сношенія Россія съ Франціей въ эпоху Наполеона I, т. II, 1803—4 г. Спб. 1891. Ц. каждаго тома 3 руб.

— Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ. М. 91. Стр. 582. Ц. 4 р.

— Славянская Бесѣда. Литературное изданіе Кіевскаго славянскаго Общества. Кн. II. Кіевъ, 91. Стр. 108.

— Тифлисское Общество взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ. Отчетъ за 1890 г. Тифл. 91. Стр. 51.

— Труды Коммиссіи Имп. Русскаго техническаго Общества по вопросу о желѣзной дорогѣ черезъ всю Сибирь. 1889. По VIII-му отдѣлу Общества. Спб. 89.

— Ученыя записки Имп. Казанскаго университета. Годъ LVIII. Кн. 2. Каз. 91. Стр. 368. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАМѢТКА.

Перемѣщеніе цѣнъ.

— Сельскохозяйственныя и статистическія свѣденія, издав. департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности. Вып. IV.

Уже болѣе десяти лѣтъ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности (мин. гос. им.) издаетъ выпуски свѣденій, касающихся текущей сельско-хозяйственной жизни. Послѣднее изданіе этого рода, выпущенное въ настоящемъ году, касается любопытнаго предмета, отчасти характеризующаго извѣстный „кризисъ": измѣненія цѣнъ на земли въ послѣднія 30 лѣтъ.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ упадка хлѣбныхъ цѣнъ, сильно пошатнулись наемныя и продажныя цѣны на самыя земли. Землевладѣльцы не только потеряли значительную часть своихъ доходовъ, но даже и при ликвидаціи своихъ владѣній оказываются лишившимися части своего состоянія. Явленіе это возбуждало столько жалобъ, что въ дѣйствительности его не сомнѣвается никто. Однако, рядомъ съ этимъ, уже въ самое послѣднее время, выступило другое, противоположное явленіе: земельныя цѣны начали подыматься въ южныхъ, степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще недавно веденіе хозяйства считалось маловыгоднымъ или по крайней мѣрѣ рискованнымъ. Паденіе цѣнъ выразилось тамъ, гдѣ онѣ казались особенно прочными и долгое время только возростали (именно въ сѣверной и средней части черноземной полосы), а подъемъ цѣнъ—въ малонаселенныхъ степяхъ Новороссіи, Дона и т. под. Иначе сказать, въ Россіи началось нѣчто въ родѣ *перемѣщенія* цѣнъ. За обнаруженіемъ такого факта, стало интереснымъ опредѣленіе его географическихъ границъ и еще болѣе—объясненіе его причинъ.

Этому предмету посвященъ послѣдній (IV) выпускъ „сельско-хозяйственныхъ и статистическихъ свѣденій", изданныхъ названнымъ выше департаментомъ. Въ означенномъ выпускѣ сгруппированы отзывы о данномъ явленіи, доставленные многочисленными корреспондентами департамента изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, и полученный матеріалъ представленъ какъ въ цифровомъ видѣ, такъ и въ формѣ картограммъ, изображающихъ означенное явленіе нагляднѣе. Обратимся къ этому источнику.

Пертурбація хлѣбныхъ и земельныхъ цѣнъ стала у насъ чувство-

ваться въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, именно около 1882 года. Зашатавшіяся въ это время цѣны смутили хозяевъ и вызывали разнообразныя объясненія. Сначала казалось, что предъ нами только случайное, кратковременное колебаніе, не имѣющее ничего общаго съ міровыми явленіями, но скоро пришлось сознать, что, напротивъ, мы имѣемъ дѣло съ крутою и хроническою ломкою цѣнъ, и въ объясненіе послѣдней выступили соображенія о вліяніи конкурренціи заокеанскаго хлѣба и германскихъ пошлинъ. Въ виду этого, разсматриваемое изданіе довольно удачно остановилось на 1883 годѣ, какъ поворотномъ пунктѣ, и показываетъ, какъ росли цѣны *до* этого года и какъ измѣнились *послѣ* него.

Для показанія степени чувствительности явленія, можно остановиться на примѣрѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, характерныхъ мѣстностей. Возьмемъ, напримѣръ, сѣверный и средній черноземъ. По черноземнымъ уѣздамъ пензенской губерніи средняя цѣна десятины въ шестидесятыхъ годахъ показана въ 36 рублей; въ семидесятыхъ— уже 69; въ 1883 г.—около 100, а въ 1889 году—только 77 рублей. По другимъ мѣстностямъ чернозема такое же явленіе:

Мѣстности:	Цѣны: 60-е годы.	70-е годы.	1883 годъ.	1889 годъ.
Курская губ.	51 р.	94 р.	186 р.	116 р.
Орловскіе черноземн. уѣзды.	52 „	105 „	145 „	120 „
Тамбов. черн. уѣзды. . . .	50 „	100 „	134 „	107 „

Выходитъ болѣе 20 лѣтъ сильнаго подъема цѣнъ, а затѣмъ паденіе ихъ отъ 15% до 25%.

Теперь посмотримъ южныя степи:

Мѣстности:	Цѣны: 60-е годы.	70-е годы.	1883 годъ.	1889 годъ.
Южн. часть херсон. губ. . .	30 р.	37 р.	45 р.	90 р.
Екатеринославск. губ. . . .	21 „	33 „	50 „	86 „
Сѣв. ч. таврич. губ. . . .	19 „	25 „	56 „	80 „
Южн. ч. донск. обл.	19 „	27 „	33 „	77 „

Стало быть, тутъ получается совсѣмъ иная картина: сначала медленный, а потомъ очень быстрый и уже не прекращающійся подъемъ цѣнъ. Послѣднія измѣнялись и измѣняются все въ одну и ту же сторону, несмотря на хлѣбный кризисъ. Гдѣ хозяйство было рискованное, а населенія мало, тамъ земля дорожаетъ съ каждымъ годомъ.

Перейдемъ теперь къ географическимъ границамъ отмѣченныхъ явленій. Полоса самыхъ высокихъ цѣнъ (выше 100 р. за десятину) въ 1883 году охватывала губерніи: подольскую, южную часть волын-

ской, сѣверную бессарабской, кіевскую, южную часть черниговской, почти всю полтавскую и курскую, сѣверо-западную часть харьковской, восточную орловской, южную тульской и части тамбовской, пензенской, воронежской и симбирской. Съ другой стороны, отъ 30 до 50 р. стоила десятина въ таврической и южной части херсонской, а на Дону земля была даже дешевле 30 рублей. Но черезъ 6 лѣтъ, въ 1889 году, изъ области высокихъ цѣнъ уже вышли всѣ пензенскія и симбирскія земли, и чувствительно понизились цѣны въ остальной восточной части черноземной полосы; а одновременно съ тѣмъ вздорожали земли таврическія, екатеринославскія, на югѣ херсонской губерніи и на Дону. Екатеринославскія и таврическія десятины, цѣнившіяся отъ 30 до 50 р., стóятъ уже отъ 70 до 100 р. При сравненіи же съ началомъ шестидесятыхъ годовъ, особенно сильнымъ оказывается подъемъ цѣнъ въ таврической губерніи, гдѣ бывшія десятирублевыя десятины стали цѣниться отъ 70 до 100. Вздорожали даже безводныя степи Перекопскія, долгое время считавшіяся образцомъ безотрадныхъ мѣстъ.

Словомъ, перемѣщеніе цѣнъ вышло чувствительное и наглядное. Остается вопросъ о причинѣ такого выдающагося явленія. Что земли густонаселеннаго чернозема, производившія массу хлѣба для мѣстнаго потребленія и на вывозъ, стали дешевле—это еще не трудно объяснить вліяніемъ сельскохозяйственнаго кризиса. Подешевѣли продукты, подешевѣла и производящая ихъ земля. Но отчего при наличности того же кризиса могли такъ вздорожать южныя степи? Отчего тутъ хлѣбъ дешевѣлъ, а земля дорожала? Возникшая дороговизна ея наводитъ на мысль, что тутъ въ экономическую жизнь вошелъ какой-то новый могучій факторъ, который успѣлъ побѣдить даже вліяніе кризиса. Но какой же это факторъ? Колонизація? Но по оффиціальнымъ даннымъ не видно, чтобы она сдѣлала въ самые послѣдніе годы очень значительные успѣхи, за исключеніемъ развѣ немногихъ и неширокихъ районовъ. Желѣзныя дороги тамъ тѣ же, чтó были и нѣсколько лѣтъ назадъ. Земельныхъ улучшеній, обводненій и т. под. тоже въ сколько-нибудь большомъ видѣ не замѣтно, а сбытъ хлѣба находится въ болѣе стѣсненномъ положеніи, чѣмъ прежде. Выходитъ какая-то экономическая загадка. Вотъ ее и слѣдовало бы разъяснить многочисленнымъ корреспондентамъ департамента земледѣлія, но они крайне скупы на разъясненія. Изъ новомосковскаго уѣзда (екат. губ.) разъясняютъ собственно мѣстный подъемъ цѣнъ „переселеніемъ въ данный уѣздъ нѣмцевъ-колонистовъ и казаковъ изъ полтавской губерніи", но и это скудное объясненіе представляется единичнымъ. При томъ, какъ ни готовы колонисты покупать земли и платить хорошо, не могли же они шибко поднять цѣны въ такой широкой

области. Ихъ вліяніе могло быть значительно развѣ въ узкихъ районахъ, въ родѣ, напр., Перекопской степи, а тутъ дѣло идетъ о слишкомъ большой полосѣ.

Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ интересно и серьезно, почему нельзя не пригласить нашихъ болѣе серьезныхъ изслѣдователей заняться его основательнымъ изученіемъ. Къ этому можно прибавить еще одно замѣчаніе. Примѣры земельныхъ продажъ случайны и при обобщеніяхъ на широкіе районы могутъ приводить къ недостаточно вѣрнымъ выводамъ, тогда какъ случаи найма земель гораздо чаще и распространеннѣе, представляя во многихъ мѣстностяхъ явленіе постоянное. Поэтому сравненіе наемныхъ цѣнъ по возможности на одни и тѣ же участки, въ 1883 году и въ настоящее время, болѣе способно было бы выяснить дѣйствительныя перемѣны въ доходности и цѣнности земель. Сверхъ того, крайне интересно было бы выяснить еще вліяніе земельныхъ и хлѣбныхъ цѣнъ на цѣны труда и предметовъ потребленія населенія, кромѣ хлѣба. Гдѣ трудъ и эти предметы дорожаютъ и гдѣ дешевѣютъ, и насколько? При отвѣтѣ на такіе вопросы экономическая картина вышла бы шире и назидательнѣе.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Fabian Essays in Socialism. By *G. Bernard Shaw*, *Sidney Webb*, *William Clarke*, *Sydney Olivier*, *Annie Besant*, *Gragam Wallas*, *Hubert Bland*; edited by *G. Bernard Shaw*. London. 1889.
— *Subjects of the Day*, a Quarterly Review of Current Topics. Edited by *James Samuelson*. Socialism, Labour and Capital. London. 1890, № 2, August.
— Socialism New and Old, by *William Graham*. The international Scientific Series, Vol. LXX. London. 1890.

По общему правилу, имѣющему приложеніе во всѣхъ странахъ, вопросъ, практически интересующій въ данную минуту публику, всегда вызываетъ и наибольшее количество изслѣдованій, ему посвященныхъ. Безспорно, однимъ изъ такихъ вопросовъ дня въ современной Англіи нужно считать соціализмъ и вообще рабочій вопросъ; помимо массы брошюръ и болѣе крупныхъ сочиненій, но разсматривающихъ какую-либо одну сторону соціализма (какъ, напримѣръ, книга Вебба [1]) по исторіи англійскаго соціализма, Кауфмана—о христіанскомъ соціализмѣ и пр.), за послѣдній лишь годъ (съ осени 1889 по осень 1890) тамъ напечатаны три большихъ сочиненія, сюда относящихся и изслѣдующихъ вопросъ *со всѣхъ сторонъ*; двѣ первыхъ вышеуказанныхъ книги являются трудомъ многихъ работниковъ. Послѣднее обстоятельство составляетъ въ одно время слабую и сильную сторону такихъ трудовъ: совмѣстная работа многихъ лицъ доставляетъ возможность, конечно, разсмотрѣть вопросъ болѣе разнообразно и съ различныхъ точекъ зрѣнія, но въ то же самое время, если вопросъ обширенъ или подлежитъ спорамъ, то, разумѣется, каждый отдѣльный сотрудникъ связанъ мѣстомъ, а потому и не въ состояніи часто разсмотрѣть вопросъ съ должной полнотой и обстоятельностью; необходимо встрѣчаются при этомъ повторенія того же самаго, idem per idem, разными сотрудниками, какъ бы тщательно редакція ни велась.

Послѣднему упреку подлежатъ одинаково оба первыя сочиненія, но болѣе слабымъ изъ нихъ является, по многимъ причинамъ, именно первое—„Фабіанскіе очерки по соціализму“, названные такъ по имени литературно-ученаго клуба или общества, которое ихъ издало. Книга

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, мартъ, 1890, стр. 442.

эта заключаетъ въ себѣ 8 отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ семью лицами и занимающихъ вмѣстѣ томъ убористой печати, примѣрно, около 230 страницъ. Очерки эти составляютъ собой, какъ заявляютъ издатели въ предисловіи, публичныя лекціи, прочтенныя въ Лондонѣ и другихъ городахъ Англіи передъ весьма смѣшанной публикой, а потому, естественно, должны носить на себѣ характеръ большой общедоступности и поверхностности содержанія. Въ своемъ настоящемъ видѣ эти популярныя лекціи приведены въ нѣкоторый порядокъ и послѣдовательность, но тѣмъ не менѣе, благодаря авторству нѣсколькихъ лицъ, которыя, конечно, не справлялись въ свое время другъ съ другомъ о выборѣ сюжета, классификація является довольно искусственной, случайной и произвольной. Собственно всѣ очерки подведены подъ три главы или отдѣла: „Базисъ соціализма": а) экономическій базисъ—очеркъ редактора *Бернарда Шо* (Shaw); b) историческій—*Сиднея Вебба* (Webb); c) промышленный—*Вилліама Кларка* (Clarke); d) моральный—*Сиднея Оливье* (Olivier). Второй отдѣлъ, „Организація общества": собственность при системѣ соціализма, *Грэма Уоллеса* (Wallas), и промышленность при той же системѣ—*Анны Безантъ* (Besant). Третій отдѣлъ составляетъ „Переходъ или эволюція экономической исторіи", съ двумя очерками того же Бернарда Шо и Губерта Бланда (Bland).

Всѣ перечисленные очерки, несмотря на заманчивыя названія, отличаются крайней легкостью и могутъ удовлетворить лишь скромный вкусъ читателей, хотя, по всей вѣроятности, и многочисленныхъ, но еще недостаточно знакомыхъ съ обильной литературой этого важнаго и жгучаго нынѣ для Европы вопроса. Любопытнѣе другихъ можетъ считаться „Промышленный базисъ соціализма", принадлежащій перу одного изъ членовъ кембриджскаго университета Вилліама Кларка. Очеркъ этотъ содержитъ, между прочимъ, весьма интересное изслѣдованіе, бо́льшею частью на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, о быстромъ ходѣ развитія въ Соединенныхъ Штатахъ разныхъ видовъ комбинацій капиталистовъ, извѣстныхъ подъ непереводимыми еще до сихъ поръ на русскій языкъ именами разныхъ „trust", „ring", „pool" и т. д. Начиная нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ знаменитой комбинаціи рельсопрокатныхъ заводовъ и нормировки, ими установленной для своего производства и доходившей до принудительныхъ, въ силу договора, пріостановокъ работы на нѣкоторыхъ заводахъ, очеркъ прослѣживаетъ одинъ за другимъ рядъ подобныхъ же синдикатовъ по добыванію каменнаго угля, по выдѣлкѣ и очисткѣ керосина, мѣдному производству и сотнямъ другихъ производствъ. и доходитъ, наконецъ, до новѣйшихъ стачекъ въ Америкѣ между производителями предметовъ первой необходимости—мясни-

ками, булочниками, торговцами молокомъ и т. п. Очевидно, политика laisser faire во всѣхъ подобныхъ случаяхъ можетъ въ дѣйствительности представлять собой лишь полное уничтоженіе всякой свободы и угрозу самому существованію народа.

Вторая книга о соціализмѣ является собственно и второй книжкой новаго весьма оригинальнаго журнала, только-что появившагося въ 1890 году подъ редакціей извѣстнаго публициста Джэмса Самуэльсона и подъ названіемъ „Вопросы дня". Оригинальность журнала заключается въ томъ, что онъ выходитъ четыре раза въ годъ, и каждая книжка посвящена всецѣло какому-нибудь одному только вопросу, особенно занимающему или волнующему въ данное время общественное мнѣніе Англіи. Такъ, первая книжка трактуетъ вопросъ о школахъ и народномъ образованіи; вторая—о соціализмѣ и рабочемъ вопросѣ; третья, какъ извѣстно изъ газетъ, занимается ирландскимъ вопросомъ и т. д. Настоящій второй томъ изданія посвященъ, какъ объясняетъ редакторъ въ предисловіи, соціализму въ широкомъ смыслѣ слова, включая сюда всѣ виды распри и способовъ ея разрѣшенія между трудомъ и капиталомъ, съ цѣлью дать читателю не только ясное понятіе о крайне спорномъ выраженіи и значеніи самаго слова „соціализмъ", но и о всѣхъ видахъ тенденцій и движеній въ обществѣ, предназначенныхъ такъ или иначе содѣйствовать бо́льшему равенству между людьми—и притомъ все равно, заслуживаютъ ли эти тенденціи одобренія со стороны авторитетныхъ лицъ или одного осужденія. Чтобы наилучшимъ образомъ выполнить такую сложную. взятую на себя, задачу, редакція пригласила писателей самыхъ разнообразныхъ, какъ по своимъ воззрѣніямъ на соціализмъ, такъ и по общественной дѣятельности, и лишь намѣтила тѣ главныя темы, которымъ они могутъ посвятить свой трудъ. Изъ многаго, что́ вошло въ эту книжку (примѣрно, одного размѣра съ первой), укажемъ: двѣ статьи по исторіи соціализма—священника *Кауфмана*, уже извѣстнаго многими своими трудами по соціализму; недавно умершаго профессора *Торольда Роджерса*—объ отношеніяхъ соціализма къ землѣ и къ труду; статью о рабочихъ союзахъ (Trades Unions) неизвѣстнаго автора, но, очевидно, близко стоящаго къ дѣлу и занимающаго какое-либо оффиціальное положеніе, мѣшающее ему подписаться своимъ именемъ подъ этой темой; статью объ отношеніяхъ коопераций къ соціализму, престарѣлаго изслѣдователя и дѣятеля ассоціацій, *Джоржа Голіока*; статью столь извѣстнаго индивидуалиста и противника соціалистовъ, какъ пресловутый членъ парламента *Чарльзъ Брадло*; очеркъ положенія соціальнаго вопроса въ Америкѣ—священника Вашингтона *Гладденъ*, и, наконецъ, прекрасно написанный, съ большимъ знаніемъ дѣла очеркъ рабочаго движенія въ современной Франціи и Германіи—самого ре-

дактора журнала, *Джэмса Самуэльсона.* Ко всему этому приложено нѣсколько портретовъ лицъ, участвовавшихъ представителями въ берлинской международной конференціи, созванной германскимъ императоромъ по рабочему вопросу; статистическія свѣденія о заработной платѣ; важнѣйшая библіографія по соціальному и рабочему вопросу на всѣхъ главнѣйшихъ языкахъ Европы; указатель и заключеніе или, такъ сказать, прощальное слово читателю со стороны редактора.

Что касается до статей первыхъ двухъ авторовъ, Кауфмана и Торольда Роджерса, то многочисленные труды ихъ по рабочему вопросу слишкомъ общеизвѣстны, чтобы стоило останавливаться долго и знакомиться съ содержаніемъ ихъ очерковъ. Тѣ же недостатки, которые замѣчаются, напримѣръ, въ другихъ сочиненіяхъ *Кауфмана* по соціализму [1]), повторяются и здѣсь: та же расплывчивость изложенія, наклонность къ описательной сторонѣ передъ изложеніемъ теоретическихъ основаній разбираемыхъ ученій и неумѣніе отличать важное отъ неважнаго. Точно также, кто знакомъ даже съ послѣдними трудами *Роджерса,* не говоря уже о его капитальныхъ сочиненіяхъ по исторіи цѣнъ, тотъ можетъ легко себѣ составить понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ и двухъ очерковъ о соціализмѣ того же автора, помѣщенныхъ въ журналѣ „Вопросы дня“ [2]): та же основательность и обширная эрудиція въ знакомствѣ съ экономической исторіей Англіи и та же поспѣшность въ обобщеніяхъ и крайне пристрастное, не всегда справедливое отношеніе къ Рикардо и всей абстрактной школѣ политической экономіи. То же замѣчаніе въ значительной степени относится и къ очерку *Джоржа Голіока* объ отношеніяхъ соціализма къ кооепраціи: подобно своему наиболѣе крупному труду по исторіи англійскихъ ассоціацій [3]), онъ не отличается и въ этой статьѣ способностью останавливаться долго на главномъ предметѣ изложенія и, безпрестанно перескакивая съ одного вопроса на другой, крайне утомляетъ вниманіе читателя. Въ то же самое время близкое отношеніе его, въ теченіе всей его жизни, ко всѣмъ дѣятелямъ кооперативнаго движенія своей страны, доставляетъ ему въ руки такое множество интереснѣйшихъ свѣденій по данному

---

[1]) См. *Kaufmann*: Socialism and Communism. London. 1883; Socialism, its nature, its dangers and its remedies considered; Utopias: Schemes of Social Improvement from Sir Thom. More to Karl Mark. London. 1879; Christian Socialism. London. 1888.

[2]) *Rogers Thorold*: Six Centuries of Work and Wages. 2 Vols. London. 1884; Eight Chapters on the History of Work and Wages (reprint of part of the above). 1885. 1 Vol.: The Economical Interpretation of History. 1889.

[3]) См. *Holyoake G. J.* The History of Cooperation in England, its literature and its advocates. London. 1879; Two vols. Self-Help a Hundred Years Ago. London. 1888.

предмету, которыхъ часто нельзя найти нигдѣ, кромѣ его сочиненій. Въ настоящемъ очеркѣ, напримѣръ, приведены самоновѣйшія статистическія данныя о размѣрахъ, численности и оборотахъ англійскихъ потребительныхъ обществъ лѣтомъ 1890 года, которыя еще нигдѣ не публиковались. Оказывается, число всѣхъ потребительныхъ обществъ въ Англіи, возникшихъ всего лишь въ 1844 году, въ видѣ знаменитаго предпріятія такъ-наз. „рочдельскихъ піонеровъ", составляетъ уже 1.515 товариществъ, съ количествомъ членовъ—1.054.996; другими словами, если считать, что каждый членъ представляетъ собою семью въ 4 человѣка, то окажется, что не менѣе 4 милліоновъ англичанъ пользуются услугами коопераціи. Размѣръ продажи товаровъ всѣми обществами за прошлый годъ составлялъ 40.225.406 фунтовъ стерл., что дало потребителямъ прибылей за одинъ годъ 3.775.464 фунт. стерл. (т.-е. около 30 милліоновъ рублей). Даже вся оптовая торговля, изъ которой потребительныя лавки черпаютъ свои продукты, въ настоящее время изъята изъ рукъ лавочниковъ и принадлежитъ самимъ кооператорамъ, орудуетъ громадными оборотами, напримѣръ, въ такъ-называемомъ „англійскомъ оптовомъ обществѣ" (English Wholesale Society); годовой оборотъ его составляетъ 25 милліоновъ фунт. стерл., и оно снабжаетъ своими товарами, получаемыми со всѣхъ концовъ міра, до 900 обществъ въ разныхъ мѣстахъ страны. Другое такъ-называемое „манчестерское оптовое покупательное общество" (Manchester Wholesale Buying Society) употребляетъ для закупокъ на рынкахъ всего міра 7 милліоновъ фунт. стерл. ежегодно и владѣетъ шестью собственными пароходами для доставки своихъ товаровъ.

Очеркъ неизвѣстнаго автора о рабочихъ союзахъ, ихъ политикѣ и соціальномъ значеніи, послѣ трудовъ Дэнинга, Брентано, и особенно Транта [1]), не даетъ читателю ничего новаго, а между тѣмъ нѣкоторыя мнѣнія весьма спорны и сомнительны: таковымъ, напримѣръ, намъ кажется, можно считать (стр. 117) утвержденіе, что будто бы „англійскіе рабочіе союзы *всегда* были соціалистическими по своимъ тенденціямъ"; напротивъ, все, что̀ извѣстно по исторіи этихъ союзовъ, скорѣе говоритъ обратное, и они всегда чуждались и противились, какъ доказываютъ всѣ ихъ ежегодные конгрессы, даже мысли о расширеніи государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, что̀ составляетъ краеугольный камень соціализма; лишь въ два послѣдніе года произошли въ этомъ случаѣ замѣтныя измѣненія въ ихъ тенденціи, но и теперь, все-таки, старая партія

---

[1]) *Trant, William*: Trade Unions, their origin and objects, influence and efficacy. London. 1884.

трэдсюніонистовъ, стоящихъ исключительно за „самопомощь", составляетъ еще большинство.

Наилучшими статьями въ сборникѣ, по относительной новизнѣ и разнообразію свѣденій, нѣтъ сомнѣнія, представляются очерки самого редактора о французскомъ и германскомъ рабочемъ движеніи и „досточтимаго" Гладдена (Reverend W. Gladden)—о соціальныхъ проблемахъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Сопоставленіе размѣровъ заработка и стоимости продовольствія въ Англіи, сравнительно съ континентомъ, приводитъ Самуэльсона къ заключенію, что какъ ни плохо экономическое положеніе англичанина-рабочаго, оно, все-таки, выше, нежели (не говоря о прочихъ странахъ Европы) французскаго или нѣмецкаго рабочаго (хотя у нихъ и замѣчается въ послѣдніе годы увеличеніе заработка и сокращеніе продолжительности рабочаго дня), и уступаетъ только одному сѣверо-американцу. По этому поводу Самуэльсонъ приводитъ весьма любопытную таблицу, составленную на основаніи данныхъ, собранныхъ Викторомъ Делаге въ Парижѣ, бывшимъ въ 1883 году делегатомъ на международной амстердамской выставкѣ. Оказывается, что въ Амстердамѣ, т.-е. въ Голландіи, рабочій день продолжается 11½ часовъ, и рабочій получаетъ за одинъ часъ 38 сантимовъ; въ Парижѣ—11 часовъ и 52 сантима за часъ; въ Лондонѣ—9 часовъ и 85 сантимовъ; въ Массачузетсѣ въ Америкѣ тоже 9 часовъ въ день и вознагражденія 1 ф. 15 сантимовъ за часъ. Принимая же во вниманіе разницу цѣнъ въ продовольствіи, окажется, что въ Лондонѣ, т.-е. англійскій рабочій, передъ Амстердамомъ или голландскимъ рабочимъ имѣетъ сравнительный выигрышъ въ заработкѣ на 118%, а американскій—даже на цѣлыхъ 175%. Но если размѣры заработка и вообще экономическое положеніе англійскаго рабочаго выше предъ континентальнымъ, напримѣръ голландскимъ или нѣмецкимъ и проч., то оно въ послѣдніе годы значительно уступаетъ именно нѣмецкому рабочему въ обезпеченности существованія, благодаря такъ-называемымъ тремъ соціальнымъ законамъ Бисмарка: въ то время, какъ въ Англіи всѣ отношенія рабочаго къ хозяину до сихъ поръ покоятся на пресловутой свободѣ договора, нѣмецкій рабочій тремя законами (съ 1884 по 1889 годъ) является такъ или иначе обязательно застрахованнымъ на случай несчастія, болѣзни и старости. Кромѣ того, съ восшествіемъ на престолъ нынѣшняго германскаго императора замѣчается стремленіе къ увеличенію жалованья и сокращенію часовъ труда на всѣхъ казенныхъ фабрикахъ и заводахъ, что не можетъ также не отражаться благодѣтельно на положеніи нѣмецкаго рабочаго. Хуже же всего дѣло обстоитъ, по словамъ Самуэльсона, въ республиканской Франціи, гдѣ, предполагается, правитъ страной де-

мократія: тамъ до сихъ поръ жизнь и положеніе рабочаго никакъ не обезпечены.

Несмотря на полную свободу какъ печати, такъ и возможности производить всякіе эксперименты, нигдѣ соціализмъ, какъ система, не имѣлъ такъ мало успѣха, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Ни одно цивилизованное общество до сихъ поръ на землѣ, говоритъ американецъ Гладденъ, не встрѣчало такъ негостепріимно ученіе Лассаля и Маркса, какъ Америка; въ представленіяхъ публики соціализмъ смѣшивался вмѣстѣ съ анархизмомъ и нигилизмомъ, и американское общественное мнѣніе, несмотря по временамъ на могучее рабочее движеніе, было всегда настроено къ соціализму весьма непріязненно. Лишь въ послѣдніе три года,—говоритъ онъ,—замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторая перемѣна: крайности капитализма, злоупотребленія громадныхъ стачекъ, фактическихъ монополій, въ родѣ приведенныхъ выше, чуть не во всѣхъ видахъ производства, вмѣстѣ съ вліяніемъ поворота и въ европейской наукѣ, производятъ соотвѣтствующія перемѣны и въ Америкѣ. Люди, для которыхъ laisser faire вчера было послѣднимъ словомъ экономической науки, нынѣ относятся критически къ этой теоріи и склоняются рѣшительно къ планамъ правительственнаго вмѣшательства. Что̀ особенно любопытно—Гладденъ приписываетъ огромное, по его выраженію, значеніе и вліяніе въ этой перемѣнѣ воззрѣній, въ смыслѣ пробужденія вниманія американскаго общества къ соціальному вопросу, извѣстному роману Беллами „Looking Backward“. „Дѣйствіе,—говоритъ онъ,—которое эта книга произвела на наше общественное мнѣніе, гораздо больше, вѣроятно, нежели наши философы объ этомъ помышляютъ“. Далѣе, онъ проводитъ параллель между исторіей этой книги и знаменитой „Хижиной дяди Тома“, считая ее, въ своемъ родѣ, книгой, въ одинаковой степени дѣлающей эпоху. Національзація телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, вообще, расширеніе государственной функціи, которая еще недавно встрѣчалась въ Америкѣ единодушными протестами, теперь, наоборотъ, все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ почву, прокладывая путь новой общественной организаціи.

Послѣднее изъ указанныхъ сочиненій—*Вилліама Грэма*, профессора политической экономіи въ Бельфастѣ, подъ названіемъ „Новый и старый соціализмъ“,—безпорно составляетъ лучшій и наиболѣе солидный трудъ по соціализму со времени появленія на свѣтъ извѣстной книги Кэркѣта по тому же вопросу (Kurkut, Inquiry into Socialism). Грэмъ извѣстенъ уже раньше, какъ авторъ нѣсколькихъ большихъ сочиненій по соціальному вопросу [1]), а потому, приступая

[1]) *Graham, W.* The Creed of Science, Religions, Moral and Social. Second

къ настоящему труду, напечатанному въ извѣстной „международной научной серіи", онъ имѣлъ уже такую основательную подготовку и разностороннее знакомство съ предметомъ, какъ весьма лишь немногія лица.

Сочиненіе заключаетъ въ себѣ 13 главъ (416 страницъ), которыя можно подраздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: 1) форма соціализма, т.-е. опредѣленіе термина и его виды; 2) исторія соціализма до XIX-го вѣка; 3) современный соціализмъ (отъ Сенъ-Симона до Карла Маркса); 4) новѣйшій соціализмъ и его аргументація; 5-й отдѣлъ называется авторомъ: „Въ соціалистическомъ государствѣ", или изслѣдованіе и критическая оцѣнка всѣхъ реформъ, предлагаемыхъ послѣдователями этого ученія; шестой отдѣлъ, состоящій также изъ нѣсколькихъ главъ, посвященъ разбору дѣйствующихъ и уже практикуемыхъ государствомъ средствъ, способовъ борьбы съ соціальнымъ зломъ. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ, состоящій всего лишь изъ одной главы, трактуетъ предполагаемыя экономическія тенденціи, ведущія къ соціализму (расширеніе государственныхъ функцій, концентрація капитала, кооперативное движеніе и т. д.).

Вотъ планъ интереснаго изслѣдованія Грэма; важнѣйшія же основанія его изложены въ введеніи или предисловіи книги. Онъ такъ выставляетъ задачу своей книги: 1) дать отчетъ о современномъ соціализмѣ, его формахъ и цѣляхъ, и причинахъ появленія и распространенія; 2) изслѣдовать, насколько наиболѣе разумная изъ этихъ формъ или требованій соціализма можетъ оказаться практичной или даже желательной, и 3) опредѣлить и обозначить тѣ экономическія мѣры, которыя могутъ оказаться благодѣтельными и необходимыми добавленіями къ существующей экономической системѣ, и принятіе которыхъ можетъ вызываться естественнымъ ходомъ соціальной эволюціи. Грэмъ весьма обстоятельно и объективно разбираетъ какъ экономическую, такъ и этическую сторону соціализма, обнаруживая вполнѣ научное безпристрастіе къ предмету обсужденія; такъ, въ первомъ случаѣ, оспаривая, при разборѣ ученія Карла Маркса, состоятельность теоріи цѣнности Рикардо, на которой зиждется вся аттака Маркса на капитализмъ, и которая можетъ считаться, въ этомъ смыслѣ, почти фундаментомъ соціализма, авторъ въ то же время рѣшительно отвергаетъ попытку Кернса возстановить теорію заработнаго фонда, находя ее въ научномъ отношеніи вполнѣ безнадежной.

Edition. Revised.—Его же: The Social Problem, in its Economic, Moral and Political Aspects.

Весьма долго онъ останавливается на еще болѣе существенной для соціализма этической сторонѣ трактуемаго предмета, подробно и строго объективно разбирая понятія о „справедливости“ и „несправедливости“ и о моральномъ усовершенствованіи человѣчества, какъ единственно возможномъ условіи осуществленія тѣхъ соціальныхъ идеаловъ, которые являются столь легко достижимыми во всѣхъ соціальныхъ планахъ и фантазіяхъ, начиная съ новѣйшей схемы „генерала“ Бутса и кончая тѣмъ же Беллами. Сопоставляя подробно всѣ доводы pro и contra по этому предмету, Грэмъ приходитъ къ заключенію, что если и замѣчается нѣкоторый нравственный прогрессъ человѣчества въ цѣломъ, то спеціально въ отношеніи эгоизма, лежащаго въ основаніи всѣхъ человѣческихъ дѣйствій,—движенія впередъ, въ смыслѣ улучшенія, незамѣтно, а часто скорѣе наблюдается обратное. Поэтому, согласно съ законами эволюціи, какъ они, напримѣръ, изображаются Гербертомъ Спенсеромъ, который смотритъ по этому поводу даже оптимистически, пройдутъ тысячелѣтія прежде, чѣмъ человѣчество значительно измѣнится въ смыслѣ альтруизма или окажется способнымъ къ воспринятію подобныхъ плановъ. Слѣдовательно, всякая схема, основанная, не говоря уже о насиліи, на прямомъ нарушеніи и рѣшительномъ противодѣйствіи существующимъ экономическимъ тенденціямъ, можетъ считаться лишь напрасной и вредной тратой силъ и средствъ. Съ другой стороны, существующую тенденцію государства—расширять свои функціи въ области промышленности—авторъ признаетъ какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и въ этомъ смыслѣ постепенно, думаетъ онъ, и будетъ совершаться прогрессъ и оказываться должное противодѣйствіе тѣмъ аномаліямъ и неудобствамъ существующаго соціальнаго строя, которыя и вызвали на свѣтъ самое появленіе соціализма. Но пройдутъ,—повторяетъ онъ опять въ заключеніе,—многія тысячелѣтія прежде, чѣмъ человѣческая природа измѣнится настолько, что сдѣлается возможнымъ осуществленіе сколько-нибудь существенныхъ ожиданій теперешнихъ сторонниковъ соціальныхъ реформъ.

Къ недостаткамъ почтеннаго труда профессора Грэма слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что онъ совершенно, безъ достаточной мотивировки, выкинулъ изъ своего сочиненія разсмотрѣніе дѣятельности и воззрѣній Роберта Оуэна и вообще всѣхъ англійскихъ соціалистовъ разныхъ школъ, и въ то же время почти игнорируетъ крайне важный для соціальнаго вопроса ростъ альтруизма въ своей странѣ, какъ онъ выразился особенно за послѣднія 25 лѣтъ у разныхъ англійскихъ писателей различныхъ школъ и направленія, что́ можно прослѣдить на прекрасномъ новѣйшемъ нѣмецкомъ произведеніи,

посвященномъ данному вопросу, Гергарта Шульце-Геверница [1]). Это послѣднее обстоятельство является тѣмъ болѣе страннымъ, что означенное нѣмецкое произведеніе или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ его важнѣйшихъ выводовъ и положеній, судя по намекамъ въ его книгѣ, профессору Грэму уже знакомы.—И. И.

II.

Kaiser und Arbeiter. Aufruf zur Bildung einer kaiserlichsocialistischen Partei, von *Friedrich Bauer*. Bonn, 1891. Стр. 158.

Въ этой книжкѣ объясняются весьма бойко и игриво главнѣйшіе недостатки современнаго капиталистическаго строя и указываются радикальные способы избавиться отъ опасныхъ недуговъ, подрывающихъ основы народнаго хозяйства въ Европѣ. Авторъ предлагаетъ передать въ руки государства всю экономическую дѣятельность страны, всѣ имущества, капиталы и орудія производства; отдѣльныя лица будутъ располагать исключительно своими собственными заработками, зависящими отъ ихъ способностей и знаній; право наслѣдованія будетъ уничтожено, такъ какъ оно развращаетъ молодыя поколѣнія и пріучаетъ ихъ къ бездѣлью; каждый будетъ получать свою плату отъ государства, а женщинамъ и дѣтямъ будетъ выдаваться по 200 и 100 марокъ въ годъ, независимо отъ ихъ участія въ общемъ трудѣ.

Этотъ экономическій идеалъ не представляетъ самъ по себѣ ничего новаго; любопытно только то, что онъ проповѣдуется авторомъ съ точки зрѣнія строго-монархическихъ чувствъ и благонамѣреннаго національнаго патріотизма. По мнѣнію автора, въ Германіи должна необходимо образоваться новая политическая партія, сущность которой выражается двумя словами: императоръ и рабочіе. Изъ современныхъ нѣмецкихъ партій имѣетъ будущность только соціальная демократія; всѣ остальныя политическія группы должны исчезнуть. Черезъ десять лѣтъ, говоритъ авторъ, будутъ существовать только три партіи: „императорско-соціалистическая“, „соціально-демократическая“ и „неисправимые“. На императора Вильгельма II авторъ возлагаетъ самыя обширныя и смѣлыя надежды, относительно осуществленія новой народно-государственной программы. Онъ стоитъ,

[1]) См. *Zum socialen Frieden*, eine Darstellung social-politischen Erziehung des englischen Volkes in neunzehnten Jahrhundert, von *Dr. Gerhart von Schulze-Gaevernitz*. Zwei Bände. Leipzig, 1890.

между прочимъ, и за дальнѣйшее свободное развитіе военныхъ силъ для того, чтобы Германія имѣла возможность отразить, въ случаѣ надобности, „казацкое нападеніе“, нанести намъ многократные сокрушительные удары, отнять у насъ польскія губерніи и завоевать для Австріи Одессу (!). Соединеніе національно-патріотическихъ стремленій и монархической вѣрности съ радикальнымъ соціализмомъ является весьма характерною и интересною комбинаціею, съ которою приходится все чаще встрѣчаться въ новѣйшей литературѣ. Это— продуктъ вполнѣ современный, въ духѣ fin de siècle, и очень можетъ быть, что онъ имѣетъ своего рода будущее, по крайней мѣрѣ въ Германіи. — Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го мая 1891.

Продолженіе „школьнаго казуса" въ саратовскомъ уѣздѣ.—Нормальное отношеніе между земскими и церковно-приходскими школами.—Городскіе выборы въ Дерптѣ.— Московскій комитетъ грамотности. — Еще о штундѣ. — Н. В. Шелгуновъ и П. А. Козловъ †.

Пять мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о „школьномъ казусѣ", приключившемся въ саратовскомъ уѣздѣ [1]). Два сосѣднихъ между собою сельскихъ общества, кувыкское и николаевское, постановили, почти въ одно и то же время, сходные по содержанію и изложенію приговоры о закрытіи въ дер. Кувыкѣ и селѣ Николаевскомъ земскихъ школъ и замѣнѣ ихъ церковно-приходскими. Поводомъ къ этой мѣрѣ было выставлено то обстоятельство, что за школами нѣтъ наблюденія со стороны начальства, и дѣти слишкомъ мало обучаются „божественному". Земское собраніе, въ виду объясненій, данныхъ членами училищнаго совѣта и инспекторомъ народныхъ училищъ, рѣшило оставить обѣ школы на прежнемъ основаніи, просить кого слѣдуетъ о переводѣ мѣстнаго священника (протоіерея Розанова) въ другой приходъ и объ избраніи вмѣсто него другого попечителя, а приговоры сельскихъ обществъ передать на разсмотрѣніе уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Мы получили, въ настоящее время, интересныя свѣденія о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Разслѣдованіе, произведенное крестьянскимъ присутствіемъ, обнаружило, что въ обѣихъ деревняхъ сельскіе сходы, для обсужденія вопроса о школѣ, были созваны по настоянію священника; приговоры, предъявленные сходамъ, были составлены заранѣе, по черновымъ отца Розанова. Когда николаевскій сельскій сходъ колебался утвердить приговоръ, староста далъ знать священнику, который лично прибылъ на сходъ и уговаривалъ крестьянъ закрыть земскую школу. Никто изъ крестьянъ не посмѣлъ противорѣчить батюшкѣ, и приговоръ былъ утвержденъ. Въ приговорахъ говорится о „ненаблюденіи" начальства надъ школами; на самомъ же дѣлѣ, по показанію крестьянъ, начальство часто посѣщало школы. Учительницами въ обѣихъ школахъ крестьяне довольны. Дѣти, учившіяся въ земскихъ школахъ, прилежны къ церковной службѣ, читаютъ родителямъ Евангеліе и знаютъ молитвы. Собравъ

[1]) См. Общественную Хронику въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1890 г.

всѣ эти свѣденія и повѣривъ ихъ на мѣстѣ, крестьянское присутствіе признало приговоры обоихъ обществъ незаконными, неправильно составленными и заключающими въ себѣ выраженія, явно оскорбительныя для училищнаго совѣта. Волостные старшины, сельскіе старосты и сельскіе писаря, участвовавшіе въ составленіи и засвидѣтельствованіи приговоровъ, были подвергнуты дисциплинарной отвѣтственности.

Пока дѣло о приговорахъ разсматривалось въ крестьянскомъ присутствіи, борьба противъ земскихъ школъ, въ Николаевскомъ и Кувыкѣ, разгоралась все больше и больше. Въ концѣ ноября протоіерей Розановъ возбудилъ въ уѣздномъ отдѣленіи епархіальнаго совѣта ходатайство объ открытіи въ Кувыкѣ одноклассной церковной школы; ходатайство это было отклонено, и въ половинѣ декабря разрѣшено было о. Розанову открыть въ Кувыкѣ только церковную школу грамотности. Что касается до села Николаевскаго, то о существованіи тамъ какой-либо церковной школы епархіальному отдѣленію, къ началу нынѣшняго года, ничего не было извѣстно. Между тѣмъ въ Николаевскомъ церковная школа была фактически открыта еще въ половинѣ ноября. Въ день ея открытія ученикамъ земской школы приказано было церковнымъ сторожемъ, отъ имени священника, отправиться въ церковную школу. Нѣкоторые изъ нихъ перестали, съ тѣхъ поръ, посѣщать земскую школу; другіе опять стали ходить туда. Въ концѣ ноября десятскій ходилъ изъ дома въ домъ и говорилъ домохозяевамъ, чтобы они посылали своихъ дѣтей въ училище священника; вслѣдствіе этого число учениковъ въ земской школѣ сразу уменьшилось на половину. Во второй половинѣ ноября нѣчто подобное произошло и въ дер. Кувыкѣ, такъ что къ началу декабря въ кувыкской земской школѣ оставалось только девять учениковъ. Какія послѣдствія имѣло обращеніе уѣзднаго училищнаго совѣта къ начальству протоіерея Розанова—этого мы не знаемъ; но отъ званія попечителя надъ школами николаевскою и кувыкскою онъ, постановленіемъ губернскаго училищнаго совѣта, уволенъ.

Всѣ эти глубоко прискорбные факты были бы немыслимы, еслибы разъ навсегда былъ положенъ конецъ обращенію земскихъ школъ въ церковно приходскія, а тѣмъ болѣе—въ школы грамотности. Число школъ у насъ еще такъ невелико, чтó незачѣмъ заботиться о передѣлкѣ или переименованіи того чтó, есть. Нужно открывать новыя школы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или гдѣ существующія не вмѣщаютъ въ себѣ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Именно въ этомъ—и только въ этомъ—направленіи церковно-приходскія школы могутъ принести существенную пользу. Земство, во многихъ уѣздахъ, не имѣетъ средствъ на дальнѣйшее развитіе школьнаго дѣла; отъ духовенства зависитъ продолжать на-

чатое, ничего не разрушая, а только достраивая, пополняя пробѣлы, проникая въ глухія, отдаленныя мѣстности, не обходя, по возможности, ни одной сколько-нибудь значительной деревни... Половины энергіи, затраченной на разгромъ николаевской и кувыкской земскихъ школъ, было бы достаточно на основаніе нѣсколькихъ школъ грамотности. Одно изъ двухъ: или въ Николаевскомъ и Кувыкѣ населеніе такъ велико, что рядомъ съ земскою школой могла бы найти для себя работу школа церковно-приходская или школа грамотности—или земская школа соотвѣтствовала вполнѣ числу дѣтей школьнаго возраста. Въ послѣднемъ случаѣ не было, очевидно, никакой надобности вытѣснять земскую школу въ пользу церковной, по формулѣ: ôte-toi de là que je m'y mette; въ первомъ случаѣ незачѣмъ было искусственно наполнять новую школу дѣтьми, посѣщавшими старую. Открытіе церковныхъ школъ въ Николаевскомъ и Кувыкѣ было совершено съ явнымъ нарушеніемъ установленнаго порядка, безъ предварительнаго дозволенія епархіальной власти; но даже и при наличности дозволенія возможенъ антагонизмъ между новыми и старыми школами, котораго такъ легко избѣжать, открывая первыя не тамъ, гдѣ уже есть послѣднія. Въ особенности печальна, при такомъ антагонизмѣ, роль крестьянъ, употребляемыхъ какъ боевое оружіе и испытывающихъ похмелье въ чужомъ пиру. Исторія, разыгравшаяся въ саратовскомъ уѣздѣ, поучительна именно тѣмъ, что обнаруживаетъ съ полною ясностью значеніе общественныхъ приговоровъ, служащихъ поводомъ—или предлогомъ—къ школьнымъ превращеніямъ. Правда, въ данномъ случаѣ продиктованные, вынужденные приговоры остались мертвой буквой; земскія школы уцѣлѣли и, нужно надѣяться, уцѣлѣютъ, несмотря на перенесенный ими тяжелый кризисъ. Но вѣдь это объясняется исключительно тѣмъ, что за ихъ защиту, съ рѣдкой въ настоящее время энергіей и еще болѣе рѣдкимъ единодушіемъ, взялись всѣ мѣстныя учрежденія и власти: земское собраніе, земская управа, крестьянское присутствіе, училищный совѣтъ, предводитель дворянства, инспекторъ народныхъ училищъ. Гораздо легче и гораздо чаще образуются теперь коалиціи противоположнаго свойства, враждебныя земской школѣ.

Забываемыя или намѣренно игнорируемыя, заслуги земства въ дѣлѣ развитія народнаго образованія сами напоминаютъ о себѣ каждый разъ, когда возникаетъ мысль о какомъ-нибудь усовершенствованіи въ области церковной школы. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилась недавно интересная и довольно безпристрастная статья, вызванная отчетами церковно-приходскихъ школъ за 1888-89 учебный годъ. Признавая, и совершенно справедливо, что для быстрыхъ успѣховъ грамотности недостаточно однихъ правильно-организован-

ныхъ, дорого стоющихъ училищъ—министерскихъ, земскихъ и церковно-приходскихъ,—московская газета доказываетъ необходимость возможно-бòльшаго распространенія и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно-лучшаго устройства такъ-называемыхъ школъ грамотности, дешевыхъ и удободоступныхъ. Самая слабая сторона этихъ школъ — личный составъ преподавателей, набранныхъ, бòльшею частью, съ борку да съ сосенки. Значительно поднять его могли бы учителя изъ числа окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, еслибы они получили, еще въ бытность въ школѣ, нѣкоторую подготовку къ учительской дѣятельности. Это — мысль вполнѣ основательная, но далеко не новая. Многія земскія школы уже давно, еще до изданія правилъ 13-го іюня 1884 г.—т.-е. до подчиненія школъ грамотности вѣденію духовенства—сдѣлались разсадниками учителей для школъ грамотности. Лучшіе ученики земской школы во многихъ мѣстахъ—напр., въ губерніяхъ пермской и тверской [1])—принимали на себя обученіе въ домашнихъ крестьянскихъ школахъ, подъ руководствомъ и надзоромъ своихъ прежнихъ учителей или учительницъ. Не мало преподавателей въ школы грамотности поставляли и двухклассныя министерскія училища; въ валдайскомъ уѣздѣ, напримѣръ, такихъ преподавателей, въ 1884 г., было двѣнадцать. Наблюденіе за ними принадлежало особому передвижному учителю, приглашенному земствомъ. Въ казанскомъ уѣздѣ усилія учителей земскихъ школъ, руководимыхъ инспекторомъ начальныхъ училищъ, были направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на школы грамотности, хотя бы преподаваніе въ нихъ велось и не бывшими учениками земскихъ школъ. Не ясно ли, что попытка установить духовную связь между церковно-приходскими школами и школами грамотности будетъ не чѣмъ инымъ, какъ *возобновленіемъ* дѣла, начатаго земскими школами и прерваннаго — или, по крайней мѣрѣ, замедленнаго, затрудненнаго—переходомъ школъ грамотности въ завѣдываніе духовенства?.. Само собою разумѣется, что это ничуть не мѣшаетъ намъ сочувствовать мысли, заявленной „Московскими Вѣдомостями"; мы желали бы только, чтобы каждому было воздано должное и чтобы подражаніе не было смѣшиваемо съ творчествомъ... Начавъ со здравія, московская газета скоро, притомъ, сводитъ на упокой. Изъ того, что двухклассная церковно-приходская школа въ состояніи дать хорошихъ (сравнительно) учителей для школы грамотности, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы она могла „замѣнить собою наши въ извѣстной степени дорогія учительскія семинаріи". Одно дѣло—подготовить преподавателя, который стоялъ бы выше черни-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1884 г и № 3 за 1886 г.

чекъ, отставныхъ солдатъ, уволенныхъ за пьянство дьячковъ и другихъ „добровольцевъ грамотности"; и совершенно иное — развить и обучить молодого человѣка настолько, чтобы онъ могъ съ честью стоять во главѣ правильно организованной начальной школы. Компетентная для перваго, двухклассная церковно-приходская школа оказалась бы совершенно недостаточной для послѣдняго. Существенно-различныя задачи требуютъ и существенно-различныхъ учрежденій. Стоять за упраздненіе учительскихъ семинарій могутъ только тѣ, въ чьихъ глазахъ знанія учителя начальной школы развѣ немногимъ должны превышать программу начальнаго обученія.

Въ саратовской епархіи предстоитъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, съѣздъ учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Онъ будетъ продолжаться почти мѣсяцъ; занятія его будутъ заключаться въ чтеніи рефератовъ по вопросамъ обученія и воспитанія, въ предложеніи практическихъ уроковъ, въ разборѣ ихъ достоинствъ и недостатковъ, въ ознакомленіи съ лучшими методами преподаванія. „Примѣръ, достойный подражанія въ другихъ епархіяхъ"!—восклицаютъ, по этому поводу, „Московскія Вѣдомости". Совершенно справедливо; но не мѣшаетъ вспомнить, что этотъ примѣръ, въ свою очередь, является подражаніемъ—подражаніемъ тому, что такъ часто и съ такимъ успѣхомъ предпринималось по отношенію къ земскимъ школамъ. Учительскіе съѣзды созданы земствомъ и повторялись, въ разныхъ концахъ Россіи, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтили преградъ со стороны учебной администраціи. Въ послѣднее время разрѣшалось, большею частью, только чтеніе *курсовъ*, пассивными слушателями которыхъ предоставлялось быть учителямъ и учительницамъ начальныхъ школъ. Между тѣмъ самое полезное въ учительскихъ съѣздахъ—именно *активное* участіе всѣхъ членовъ, живой обмѣнъ мыслей, возбужденіе и разрѣшеніе общими силами вопросовъ, вытекающихъ изъ педагогической практики. Только при такихъ условіяхъ учительскій съѣздъ — какъ мы много разъ лично имѣли случай въ этомъ убѣждаться,—составляетъ событіе въ монотонной, печальной жизни сельскаго учителя; только при такихъ условіяхъ онъ можетъ воодушевить участниковъ къ бодрому, радостному исполненію тяжелаго долга. Хорошо было бы, еслибы иниціатива преосвященнаго саратовскаго привела не только къ организаціи учительскихъ съѣздовъ въ области церковно-приходской школы, но и къ возстановленію ихъ въ области земской или вообще свѣтской школы. Весьма можетъ быть, что при дальнѣйшемъ развитіи дѣла наиболѣе удобной его формой будетъ признана именно та, которая начинала преобладать въ земской сферѣ. *Уѣздный* учительскій съѣздъ имѣетъ на своей сторонѣ большія преимущества передъ губернскимъ (или епархіальнымъ). Только въ уѣздномъ съѣздѣ могутъ

участвовать *всѣ* учителя и учительницы начальныхъ школъ. Поголовное приглашеніе ихъ въ губернскій городъ сдѣлало бы съѣздъ и слишкомъ многочисленнымъ, и слишкомъ дорого стоющимъ [1]); невозможна была бы непринужденная бесѣда участниковъ съѣзда съ его руководителемъ, невозможно было бы сближеніе ихъ между собою. Мы понимаемъ губернскій или епархіальный учительскій съѣздъ въ такомъ лишь случаѣ, если во главѣ его стоитъ выдающійся педагогъ, большой мастеръ своего дѣла (напр. покойный Водовозовъ или баронъ Н. А. Корфъ), съ пріемами и взглядами котораго стоитъ познакомить хоть одну группу учителей; но если руководство съѣздомъ предоставляется дѣятелю болѣе заурядному — все равно, будетъ ли это инспекторъ народныхъ училищъ, начальникъ городского училища, учитель или законоучитель образцовой церковно-приходской школы,—то гораздо лучше пріурочить его къ уѣзду и призвать къ участію въ немъ всѣхъ преподавателей данной категоріи начальныхъ школъ.

Мы всегда охотно подчеркиваемъ хорошее, встрѣчающееся въ газетахъ чужого лагеря. Кромѣ статьи, упомянутой нами выше, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилась недавно еще другая, также посвященная народному образованію и также чуждая обычныхъ тенденцій реакціонной прессы. Это — фельетонъ, озаглавленный: „Хроническій недостатокъ нашихъ земскихъ школъ" (№ 68). Конечно, и здѣсь можно найти не мало поспѣшныхъ и невѣрныхъ обобщеній [2]); но большой заслугой, въ нашихъ глазахъ, является уже и то, что авторъ не унижаетъ земскую школу въ пользу церковно-приходской и предлагаетъ лечить „хроническій недостатокъ" не огнемъ и желѣзомъ, а болѣе мягкими и разумными средствами. Признавая, что преподаваніе закона Божія въ земскихъ школахъ ведется плохо, онъ объясняетъ это не тѣмъ, что онѣ — *земскія*, а другими соображеніями, вполнѣ примѣнимыми и къ церковно-приходскимъ школамъ. „Наши батюшки,—говоритъ онъ,—такъ заняты своими приходскими дѣлами, что школѣ могутъ удѣлить очень мало времени". Можетъ быть, дѣло пошло бы лучше, еслибы учителями состояли—какъ это обыкновенно бываетъ въ церковно-приходскихъ школахъ—лица духовнаго сословія и образованія? И на это, по смыслу фельетона, слѣдуетъ дать отри-

---

[1]) Къ участію въ саратовскомъ епархіальномъ съѣздѣ предполагается призвать только 75 учителей и учительницъ, тогда какъ ихъ, въ десяти уѣздахъ губерніи, безъ сомнѣнія гораздо больше.

[2]) Многое изъ того, что̀ говоритъ авторъ о земскихъ школьныхъ зданіяхъ, о способахъ преподаванія, объ отношеніи преподавателя къ ученикамъ, вполнѣ справедливо быть можетъ, въ примѣненіи къ уѣзду, изъ котораго и о которомъ онъ пишетъ,—но вовсе не подходитъ ко многимъ другимъ губерніямъ и уѣздамъ.

цательный отвѣтъ. Въ той мѣстности, которую преимущественно имѣетъ въ виду авторъ, учителя земскихъ школъ—бо̀льшею частью, воспитанники духовныхъ семинарій; и однако, по удостовѣренію автора, они „зачастую ведутъ преподаваніе закона Божія спустя рукава". Улучшить положеніе земскихъ школъ, по мнѣнію автора, можно только путемъ лучшаго обезпеченія учителей (въ особенности — предоставленіемъ имъ права на пенсію за двадцати-пяти-лѣтнюю службу), освобожденія ихъ отъ опеки безграмотныхъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, основанія школьныхъ и учительскихъ библіотекъ (во многихъ земскихъ школахъ первыя уже существуютъ, кое-гдѣ имѣются и послѣднія), устройства учительскихъ съѣздовъ. Всѣ эти мѣры не имѣютъ ничего общаго съ обычной панацеей нашей реакціонной прессы — упраздненіемъ земской школы и сосредоточеніемъ школьнаго дѣла въ рукахъ духовенства.

Давно, почти семь лѣтъ тому назадъ, мы говорили объ интересномъ разногласіи, возникшемъ между петербургскимъ дворянствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ [1]). Петербургское дворянство, основываясь на текстѣ закона (ст. 33 положенія 25-го мая 1874 г. о начальныхъ училищахъ, въ которой сказано: „дѣла въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ, причемъ, въ случаѣ равенства ихъ, голосъ предсѣдателя — губернскаго предводителя дворянства—даетъ перевѣсъ"), находило, что постановленіе губернскаго училищнаго совѣта, состоявшееся по большинству голосовъ, обязательно въ равной мѣрѣ для всѣхъ его членовъ. Министерство народнаго просвѣщенія, опираясь на инструкцію 1871 г., признавало за директоромъ народныхъ училищъ право не соглашаться съ постановленіемъ совѣта, состоявшимся вопреки его мнѣнію, и переносить спорный вопросъ на разрѣшеніе министерства. Въ 1884 г. петербургское дворянское собраніе вторично возбудило ходатайство о согласованіи инструкціи съ закономъ. Предводители и депутаты „льстили себя надеждой, что министерство приметъ въ соображеніе то положеніе, въ которое отказъ министерства поставитъ предсѣдателя губернскаго училищнаго совѣта. Въ дѣйствительности губернскому предводителю дворянства останется только рѣшительно отказаться отъ предсѣдательствованія въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ и повергнуть на Высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшій докладъ о невозможности оправдать высокое довѣріе Государя Императора, за неданной ему къ тому со стороны министра народнаго просвѣщенія возможности". Не знаемъ, какой отвѣтъ былъ данъ, въ свое время, на это ходатайство; но, если вѣрить „Саратовскому Дневнику" (№ 45),

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „Вѣсти Европы" за 1884 г.

министерство народнаго просвѣщенія осталось при своемъ мнѣніи, а министерство внутреннихъ дѣлъ приняло сторону дворянства, вслѣдствіе чего спорный вопросъ поступилъ теперь на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Нужно надѣяться, что онъ будетъ разрѣшенъ согласно съ ходатайствомъ дворянства. Право директора народныхъ училищъ останавливать рѣшеніе цѣлой коллегіи—явная аномалія, несовмѣстная съ правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла.

Главнымъ объектомъ „добровольческаго усердія", о которомъ мы говорили въ предъидущей хроникѣ, продолжаетъ служить балтійская окраина. Наши „добровольцы" занимаются здѣсь, съ одной стороны, собираніемъ „матеріаловъ" (въ томъ смыслѣ, въ какомъ Салтыковъ употребляетъ это слово въ „Убѣжищѣ Монрепо"), съ другой стороны—ликованіемъ по поводу „мѣропріятій". Въ Дерптѣ—или, по новѣйшей терминологіи, въ Юрьевѣ (на языкѣ „патріотовъ" и Ревель давно уже переименованъ въ Колывань)—происходятъ городскіе выборы. „Юрьевскій" корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" спѣшитъ набросать мрачную картину избирательной агитаціи, объясняющей, по его мнѣнію, побѣду „нѣмецкой партіи". На квартирѣ купца О.—повѣствуетъ онъ, негодуя,—„состоялись тайныя совѣщанія, результатомъ которыхъ была разсылка избирателямъ, на домъ, списковъ кандидатовъ, съ лаконическою, но ясною замѣткой: Bei den bevorstehenden Stadtverordneten-Wahlen werden als Candidaten folgende Herren zu Vorschlag gebracht (въ качествѣ кандидатовъ для предстоящихъ городскихъ выборовъ предлагаются слѣдующія лица). Положимъ, списки эти были разосланы лицамъ, отъ которыхъ, благодаря ихъ индифферентности ко всякимъ общественнымъ дѣламъ или же извѣстной преданности балтійскимъ принципамъ, нельзя было опасаться возраженія противъ такого беззастѣнчиваго навязыванія непрошенныхъ кандидатовъ. Редакторы означенныхъ списковъ не сочли даже нужнымъ скрывать свои фамиліи. Такъ, на конвертѣ одного изъ этихъ списковъ я видѣлъ штемпель фирмы извѣстнаго купца Фр." Итакъ, „тайна", въ сущности, вовсе не была „тайною", и предметомъ избирательной пропаганды были только тѣ, которые и безъ того были уже согласны съ „пропагандистами". Но еслибы это было и не такъ, еслибы списки кандидатовъ и разсылались не однимъ только завѣдомымъ единомышленникамъ, то что же тутъ было бы противозаконнаго или предосудительнаго? Чѣмъ сознательнѣе выборы, тѣмъ лучше—а для сознательности ихъ если не необходимъ, то во всякомъ случаѣ весьма полезенъ предварительный обмѣнъ мыслей между избирателями. Въ той или другой формѣ онъ существуетъ и въ коренныхъ русскихъ

губерніяхъ, часто парализируемый равнодушіемъ и апатіей большинства, но иногда—въ особенности при существованіи такъ-называемыхъ „партій“ — довольно оживленный. Извратить результатъ выборовъ онъ можетъ развѣ тогда, когда усиленной дѣятельности съ одной стороны противополагается вялая инерція съ другой; но виноваты, въ такомъ случаѣ, именно тѣ, которые не умѣютъ или не хотятъ постоять за свои взгляды. Юрьевскій „доброволецъ“ разсуждаетъ такъ: учрежденіями городского общественнаго управленія признаются избирательныя собранія, дума и управа; приватныя сходки избирателей къ числу такихъ учрежденій не принадлежатъ; ergo—ихъ не должно быть вовсе. Логическая ошибка здѣсь очевидна: незаконный характеръ приватныя сходки могли бы получить только тогда, еслибы онѣ присвоивали себѣ какія-либо права или функціи оффиціальныхъ городскихъ учрежденій. Ничего подобнаго нельзя усмотрѣть ни въ совѣщаніяхъ о кандидатахъ, ни въ составленіи и разсылкѣ ни для кого не обязательнаго кандидатскаго списка. Все это можетъ показаться страшнымъ только тому, кто вѣритъ, вмѣстѣ съ берлинскимъ комендантомъ 1806 г., что въ политической жизни безмолвіе и бездѣйствіе—первая и единственная обязанность гражданина (Ruhe ist die erste Bürgerpflicht).

21-го марта дерптская городская дума, въ новомъ составѣ, выбираетъ въ городскіе головы г. фонъ-Эттингена. Одинъ изъ дерптскихъ корреспондентовъ „Московскихъ Вѣдомостей“, сообщая объ этомъ фактѣ, выражаетъ предположеніе, что утвержденъ въ званіи головы г. Эттингенъ не будетъ. Другой корреспондентъ признаетъ неутвержденіе г. Эттингена весьма желательнымъ не только въ виду *личности* избраннаго, „но и вообще, *въ принципѣ*“. Дерптъ,—читаемъ мы дальше,—„имѣя во всемъ характеръ скорѣе губернскаго, нежели уѣзднаго города и будучи при томъ центромъ умственной жизни балтійскаго края, *такъ отдаленъ отъ центра губернской власти, что назначеніе сюда городского головы отъ правительства могло бы имѣть во всѣхъ отношеніяхъ только самыя благотворныя послѣдствія*“ (курсивъ въ подлинникѣ). „Партія отчаянныхъ (!) сепаратистовъ въ лифляндской губерніи,—пишетъ, нѣсколько дней спустя, рижскій корреспондентъ московской газеты,—потерпѣла на дняхъ такую неудачу, съ которою ей будетъ очень трудно поладить. „Двинская Газета“ сообщаетъ, что лифляндскій губернаторъ не утвердилъ г. ф.-Эттингена дерптскимъ городскимъ головой и профессора Эрдмана замѣстителемъ его. Вмѣстѣ съ этимъ фамилія Эттингеновъ, кажется, проиграла свое руководительное положеніе въ балтійскомъ краѣ... Въ русскихъ кругахъ рѣшеніе лифляндскаго губернатора встрѣчено полнымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что балты, чтобы удер-

жать тупую массу публики въ своихъ рукахъ, нарочно всѣми силами распространяли ложный слухъ о томъ, что имъ удалось убѣдить мѣстную администрацію въ томъ, что балтскій сепаратизмъ въ лифляндской губерніи уже сдался, и что, поэтому, дальнѣйшихъ мѣропріятій противъ этой мѣстной язвы вовсе не будетъ". Въ другомъ письмѣ изъ Риги, нѣсколько позднѣйшемъ, неутвержденіе гг. Эттингена и Эрдмана именуется „очень мудрой мѣрой" и выражается сожалѣніе, что дерптской думѣ предоставлено произвести новые выборы, тогда какъ „едва ли не было бы цѣлесообразнѣе прямо назначить голову отъ правительства, дабы не давать повода къ новымъ демонстративнымъ выборамъ въ духѣ сепаратизма". Итакъ, корреспонденты московской газеты обладаютъ даромъ предвидѣнія; одинъ изъ нихъ предсказываетъ рѣшенія административной власти, другой—дѣйствія городской думы... Параллельно съ кампаніей противъ дерптскихъ выборовъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" велась другая—противъ утвержденія барона Гейкинга курляндскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (онъ избранъ на эту должность не въ первый разъ; соперникомъ его былъ графъ Кайзерлингъ, болѣе—если вѣрить московской газетѣ—„склонный сообразоваться съ видами правительства"). „Избраніе барона Гейкинга",—говоритъ рижскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей",—„тѣмъ болѣе поражаетъ, что оно произошло въ Курляндіи, гдѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ дворянству дѣлаются всяческіе авансы, въ надеждѣ вызвать и его на взаимность. Однако, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ и курляндскіе рыцари: авансами пользуются, а сами со своей стороны не сдѣлали еще ни полъ шага, благопріятнаго для русскаго дѣла, и преисправно закрываютъ свои школы и гимназіи изъза введенія въ нихъ русскаго языка". Весьма жаль, что корреспондентъ не объяснилъ подробнѣе, въ чемъ заключаются „авансы", дѣлаемые курляндскому дворянству. Можно сказать почти навѣрное, что при ближайшемъ разсмотрѣніи „авансовъ" они оказались бы не чѣмъ другимъ, какъ отсутствіемъ преслѣдованій и притѣсненій.

Городскіе и дворянскіе выборы въ остзейскомъ краѣ—только одна изъ многихъ сторонъ мѣстной жизни, удостоиваемыхъ благосклоннаго вниманія господъ добровольцевъ. „Послѣдніе годы,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—приносятъ краю массу новыхъ реформъ, но, къ сожалѣнію, не приносятъ сюда изъ Россіи новыхъ людей—русскихъ по происхожденію и духу, носителей идеи единенія края съ государствомъ, людей, служащихъ русскому правительству не только за страхъ, но и за совѣсть. Важное и крайне отвѣтственное дѣло народнаго образованія, за исключеніемъ лишь высшихъ чиновъ учебной администраціи, всецѣло находится въ рукахъ людей стараго

порядка; многіе посты начальниковъ средне-учебныхъ заведеній заняты еще до сей поры нѣмецкими людьми лютеранскаго вѣроисповѣданія, неспособными понимать духовныя потребности православныхъ своихъ учениковъ, взгляды и русскій характеръ подчиненныхъ имъ учителей — русскихъ". Если начальникъ-лютеранинъ не въ состояніи понять православныхъ учителей и учениковъ, то на чемъ же основано предположеніе, что начальникъ-православный ,пойметъ учителей и учениковъ — лютеранъ? А между тѣмъ послѣднихъ (въ особенности—учениковъ) въ учебныхъ заведеніяхъ прибалтійскаго края, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ первыхъ. Мы убѣждены, впрочемъ, что всѣ толки о взаимномъ непониманіи— не что иное, какъ прикрытіе истинной цѣли, преслѣдуемой „добровольцами". Эта цѣль—уничтоженіе мѣстныхъ особенностей, если бы онѣ даже были естественны и законны, замѣна различій, созданныхъ жизнью, мертвеннымъ однообразіемъ, ни для кого, кромѣ добровольцевъ, нежелательнымъ и ненужнымъ. Пора, кажется, было бы признать, что подобная задача неосуществима—неосуществима уже потому, что для нея недостаетъ и всегда будетъ недоставать подходящихъ орудій. Реформы послѣдняго времени—судебная, полицейская, учебная—привели въ остзейскій край множество русскихъ людей, русскихъ по происхожденію и по вѣроисповѣданію [1])—и все-таки жалобы на недостатокъ русскихъ, *настоящихъ* русскихъ, продолжаютъ—какъ видно изъ приведенной нами цитаты—повторяться съ прежнею назойливостью. Почему? Очевидно—потому, что огромное большинство русскихъ пріѣзжихъ все еще не соотвѣтствуетъ идеалу ультра-обрусителей. Послѣдніе успокоятся только тогда, когда все ихъ окружающее облеченное властью будетъ создано по собственному образу ихъ и подобію.

„Добровольцы" водятся у насъ не только на окраинахъ. Къ этой же обширной, постоянно ростущей группѣ слѣдуетъ отнести, напримѣръ, г. Семенковича и его газетнаго единомышленника—автора „Маленькихъ замѣтокъ", помѣщаемыхъ, отъ времени до времени, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Г. Семенковичъ возбудилъ въ московскомъ комитетѣ грамотности вопросъ о необходимости разсылки *въ школьныя библіотеки* книгъ противо-сектантскаго и противо-раскольническаго содержанія. Коммиссія, избранная для разсмотрѣнія этого вопроса, нашла, что при составленіи *общаго* каталога книгъ, рекомендуемыхъ комитетомъ грамотности, нужно будетъ имѣть въ виду

[1]) Припомнимъ, что именно къ этой категоріи принадлежитъ, напримѣръ, значительное большинство мировыхъ судей, слѣдователей, членовъ общихъ судебныхъ мѣстъ и лицъ прокурорскаго надзора.

и книги духовно-полемическія; но во *временной* каталогъ книгъ, разсылаемыхъ комитетомъ — каталогъ, по необходимости ограниченный матеріальными средствами комитета—духовно-полемическихъ книгъ включать не слѣдуетъ, такъ какъ разъясненіе положительныхъ истинъ православія безспорно важнѣе полемическихъ вопросовъ и должно имъ предшествовать. Кромѣ того, коммиссія полагала, что въ задачи комитета грамотности, какъ учрежденія, преслѣдующаго цѣли общеобразовательныя, разсылка книгъ духовно-полемическихъ не входитъ; это составляетъ задачу духовнаго вѣдомства. Къ заключенію коммиссіи членъ ея, товарищъ предсѣдателя комитета, о. архимандритъ Никифоръ, присоединилъ свое *желаніе*, чтобы „нѣсколько наиболѣе доступныхъ для народа книгъ противо-сектантскаго содержанія, представленныхъ на разсмотрѣніе коммиссіи кѣмъ-либо изъ членовъ, были разсмотрѣны коммиссіей и занесены въ *основной* каталогъ, который будетъ составленъ комитетомъ". Противъ заключенія коммиссіи, внесеннаго на разсмотрѣніе комитета грамотности, возражалъ г. Семенковичъ, находя, что необходимо приступить къ разсылкѣ книгъ противо-сектантскаго содержанія немедленно, не стѣсняясь матеріальными средствами комитета. Комитетъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, отклонилъ предложеніе г. Семенковича и принялъ мнѣніе коммиссіи [1]). Въ появившейся, нѣсколько дней спустя, „Маленькой замѣткѣ" указывалось, прежде всего, на противорѣчіе между обѣими частями заключенія коммиссіи, признающей комитетъ грамотности, въ одно и то же время, и призваннымъ, и непризваннымъ къ разсылкѣ духовно-полемическихъ книгъ. На самомъ дѣлѣ коммиссія ни въ какомъ противорѣчіи неповинна. Сначала она говоритъ объ основномъ или общемъ каталогѣ книгъ, *рекомендуемыхъ* комитетомъ грамотности, потомъ—о временномъ каталогѣ книгъ, предназначенныхъ *для разсылки въ школьныя библіотеки*. Очевидно, что къ тѣмъ и другимъ примѣнимы совершенно различныя мѣрки. Въ дальнѣйшихъ нападеніяхъ своихъ на коммиссію—и въ особенности на одного изъ членовъ комитета, участвовавшаго въ преніяхъ (г. Мачтета)—авторъ „Маленькой замѣтки" умалчиваетъ о томъ, что предложеніе г. Семенковича было направлено къ разсылкѣ духовно-полемическихъ книгъ въ *школьныя* библіотеки. А между тѣмъ это обстоятельство чрезвычайно важно. Не даромъ же полемика противъ раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ не включена въ программу преподаванія Закона Божія въ начальныхъ школахъ. Въ школьномъ мірѣ она признается, очевидно, преждевременной и не-

---

[1]) Мы заимствуемъ всѣ эти свѣденія изъ отчета о засѣданіи комитета грамотности, напечатаннаго въ № 96 „Русскихъ Вѣдомостей".

умѣстной; къ чему же вводить ее туда другимъ путемъ, тѣмъ болѣе неудобнымъ, что впечатлѣніе отъ самостоятельнаго чтенія далеко не всегда можетъ быть исправлено или пополнено разъясненіями преподавателя? Къ чему ожесточать дѣтскія сердца, поселять въ нихъ недобрыя чувства по отношенію къ иначе вѣрующимъ? Духовно-полемическая книга похожа, весьма часто, на острое оружіе, которое можно безъ всякихъ опасеній вручить взрослому человѣку, но не ребенку. Вотъ почему предложеніе г. Семенковича кажется намъ печальнымъ „признакомъ времени"—столь же печальнымъ, какъ и защита, встрѣченная имъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (гдѣ онъ и самъ не замедлилъ выступитѣ съ дополнительными обвиненіями противъ комитета грамотности). Гг. обвинители ссылаются, между прочимъ, на уставъ комитета грамотности, въ которомъ сказано, что комитетъ „учреждается для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-христіански нравственномъ основаніи". Но развѣ религіозно-христіанская нравственность должна непремѣнно имѣть рѣзко-вѣроисповѣдный характеръ? Развѣ комитетъ недостаточно исполняетъ свое призваніе, снабжая школьныя библіотеки книгами, „разъясняющими положительныя истины православія"? Не странно ли навязывать ему задачи, чуждыя его цѣлямъ, и заподозривать его „благонамѣренность" только потому, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ конкуррировать съ другими учрежденіями, спеціально призванными къ охранѣ господствующей вѣры?

Наши замѣчанія о способахъ борьбы противъ штунды [1]) вызвали со стороны „Биржевыхъ Вѣдомостей" возраженіе, котораго мы не можемъ оставить безъ отвѣта. „*Вѣстникъ Европы*—такъ разсуждаетъ газета—въ данномъ случаѣ совершенно правъ. По нашему убѣжденію, также слѣдуетъ избѣгать, по возможности, дѣлать изъ религіи средство кары или орудіе пропаганды. Но именно здѣсь, на почвѣ этого послѣдняго, безспорно вѣрнаго, принципа, и можетъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ. Правъ ли будетъ *Вѣстникъ Европы*, если окажется, что штундизмъ есть именно такое недопустимое употребленіе религіи, какъ орудія для достиженія цѣлей, совершенно отличныхъ отъ познаній истиннаго вѣроученія Христа? Что, если штундизмъ, такъ горячо имъ защищаемый (?), при ближайшемъ изслѣдованіи окажется ученіемъ соціально-политическаго характера, самаго нежелательнаго у насъ направленія? Вѣдь тогда на почвѣ того же основного принципа о несмѣшеніи области вѣры съ житейскими дрязгами

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстн. Европы" за текущій годъ.

можно будетъ обратить громы *Вѣстника Европы* на тѣхъ именно, кого онъ защищаетъ—на агитаторовъ и вожаковъ штундизма. Между тѣмъ этотъ послѣдній характеръ штундистскаго движенія, быть можетъ, и послужилъ единственнымъ толчкомъ къ возбужденію вопроса объ энергическомъ искорененіи его совмѣстными дѣйствіями духовныхъ и свѣтскихъ властей". Итакъ, можно быть, въ одно и то же время, и совершенно правымъ, и совершенно неправымъ! Къ такому странному заключенію „Биржевыя Вѣдомости" приходятъ, думается намъ, вслѣдствіе недостаточно опредѣленной постановки вопроса. Одно изъ двухъ: или штундисты, именно потому, что они штундисты, совершаютъ дѣйствія, запрещенныя общимъ уголовнымъ закономъ, и склоняютъ къ тому же другихъ, поддающихся ихъ вліянію—или этого о нихъ сказать нельзя. Въ первомъ случаѣ они навлекаютъ на себя точно такое же уголовное преслѣдованіе, какому подверглись бы и въ случаѣ принадлежности къ одному изъ дозволенныхъ закономъ вѣроисповѣданій; во второмъ случаѣ они являются *только* иначе вѣрующими, не подлежащими ни административнымъ, ни судебнымъ карамъ. Самъ по себѣ штундизмъ—съ точки зрѣнія, общей намъ съ „Биржевыми Вѣдомостями"—не вызываетъ вмѣшательства свѣтской власти уже потому, что въ своей основѣ онъ составляетъ, безспорно, *вѣроученіе*, могущее усложняться, но могущее и не усложняться разными посторонними примѣсями. Если и допустить, что такія примѣси встрѣчаются часто (а этого еще никакъ нельзя признать доказаннымъ), то отсюда вытекаетъ, въ примѣненіи къ каждому отдѣльному случаю, только *предположеніе*, болѣе или менѣе вѣроятное—а одно предположеніе не можетъ служить основаніемъ отвѣтственности или неполноправности. Ошибаются, наконецъ, „Биржевыя Вѣдомости" и тогда, когда говорятъ о „соціально-политическомъ" характерѣ штундизма, какъ объ *единственномъ* поводѣ къ „энергическому его искорененію совмѣстными дѣйствіями духовныхъ и свѣтскихъ властей". Такія совмѣстныя дѣйствія предпринимались у насъ весьма часто и по отношенію къ вѣроученіямъ, въ которыхъ никто не усматривалъ „соціально-политическаго" элемента. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно назвать хотя бы ученіе такъ-называемыхъ пашковцевъ.

Со времени заключенія нашей послѣдней хроники русская литература понесла двѣ потери. 12-го апрѣля, послѣ тяжкой болѣзни, скончался въ Петербургѣ Н. В. Шелгуновъ, неутомимый, честный и даровитый писатель, тридцать лѣтъ занимавшій видное мѣсто между критиками и публицистами прогрессивнаго характера. На старости лѣтъ онъ былъ еще популярнѣе, еще вліятельнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ воз-

растѣ; изъ всѣхъ его статей наибольшимъ успѣхомъ пользовались ежемѣсячныя обозрѣнія нашей общественной жизни, появлявшіяся, въ послѣднее время, въ „Русской Мысли". Въ этой же книжкѣ нашего журнала выше читатели найдутъ статью, по поводу недавно вышедшаго собранія сочиненій Шелгунова.—Другой почившій, П. А. Козловъ, создалъ себѣ почетную извѣстность не столько оригинальными стихотвореніями (хотя и между ними не мало талантливыхъ и симпатичныхъ), сколько переводами изъ Байрона, въ особенности — переводомъ „Донъ-Жуана". Нѣкоторыя изъ стихотвореній П. А. Козлова были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" (1889 г. — №№ 6 и 12; 1890 г.—№№ 2 и 6).

ТРУДЫ ФИНЛЯНДСКАГО СЕЙМА ВЪ 1891 ГОДУ.

III *).

Гельсингфорсъ 13-го (25-го) апрѣля 1891 г.

Сверхъ тѣхъ правительственныхъ предложеній, въ числѣ 21, о которыхъ говорилось въ нашемъ послѣднемъ сообщеніи, поступило еще девять. Изъ нихъ три относятся къ измѣненію нѣкоторыхъ параграфовъ и постановленій, касающихся судопроизводства по уголовнымъ дѣламъ, новаго уголовнаго уложенія, Высочайше утвержденнаго 19-го декабря 1889 года, и устава о всеобщей воинской повинности. Четвертое касается талажнаго сбора, установленнаго съ участіемъ сейма въ пользу городовъ со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, обложенныхъ пошлиною; пятое предлагаетъ продолженіе желѣзной дороги съ гельсингфорсской станціи кругомъ города, по фабричнымъ его частямъ, до гавани; наконецъ, послѣднія четыре заключаютъ въ себѣ проекты введенія акцизовъ съ табака, спичекъ и прессованныхъ дрожжей, а также объ измѣненіи дѣйствующаго положенія о промыслахъ, вызванномъ предполагаемымъ введеніемъ акцизовъ. Всѣ эти предложенія переданы сословіями на предварительное разсмотрѣніе подлежащихъ коммиссій сейма.

Вслѣдствіе принадлежащаго сейму права участія въ устройствѣ финансовъ и установленіи податей и чрезвычайныхъ налоговъ [1]), въ началѣ каждаго урочнаго сейма сообщается, согласно сеймовому уставу, земскимъ чинамъ о состояніи „статнаго" вѣдомства и употребленіи доходовъ казны въ пользу края. Это сообщеніе, со всѣми нужными счетами, а также всѣ предложенія правительства о потребныхъ ассигнованіяхъ сверхъ ординарныхъ поступленій и объ изысканіи средствъ для нихъ, преимущественно путемъ чрезвычайныхъ налоговъ, передаются статной или бюджетной коммиссіи. Коммиссія эта, разсмотрѣвъ, какимъ образомъ употреблены ассигнованныя послѣднимъ сеймомъ суммы, составляетъ бюджетъ на предстоящій финансовый періодъ по суммамъ, ассигнуемымъ сеймомъ, и представляетъ его вмѣстѣ съ своими отзывами касательно статныхъ суммъ и съ

*) См. выше: апр., стр. 814.

[1]) См. статью: „По поводу финляндскаго сейма въ 1891 году", помѣщенную въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы", стр. 840 и 843.

предложеніемъ своимъ о способахъ покрытія необходимыхъ издержекъ сеймовымъ сословіямъ.

По повелѣнію Государя Императора, и къ нынѣшнему сейму, какъ и ко всѣмъ предъидущимъ съ 1882 года, всѣ правительственныя предложенія о потребныхъ ассигнованіяхъ составлены и исчислены на три года.

Согласно этимъ предложеніямъ, на предстоящій финансовый періодъ (1892—1894) потребно на содержаніе финскихъ войскъ,—сверхъ ординарныхъ поступленій милиціоннаго фонда, еще 15.055.816 марокъ; на содержаніе народныхъ училищъ, кромѣ отпускаемыхъ изъ ординарныхъ средствъ на содержаніе учительскихъ семинарій и на инспекцію и кромѣ расходовъ общинъ—3.471.000 мар.; на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ изъ Выборга въ Іоенсу и изъ Таммерфорса въ Бьернеборгъ, сверхъ ассигнованной на этотъ предметъ послѣднимъ сеймомъ суммы—еще 21.510.000 мар., и на расходы по сейму 1894 г. 326.000 мар., всего 40.362.816 марокъ.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ еще прибавить что сеймъ найдетъ нужнымъ ассигновать на продолженіе желѣзной дороги съ гельсингфорсской станціи до гавани и на разныя другія потребности, вызванныя рѣшеніями сейма по поводу внесенныхъ петицій.

Однимъ изъ существенныхъ источниковъ для покрытія вышепредполагаемыхъ расходовъ является налогъ на приготовленіе и продажу спиртныхъ напитковъ.

До возобновленія сеймовыхъ собраній въ шестидесятыхъ годахъ, винокуреніе, согласно дѣйствующему еще съ шведскихъ временъ закону, считалось домашнимъ промысломъ, урегулированнымъ, впрочемъ, закономъ и обложеннымъ—какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ—опредѣленнымъ налогомъ въ пользу казны. Трехмѣсячный срокъ, въ который винокуреніе ежегодно дозволялось съ соблюденіемъ разныхъ постановленій, нерѣдко поощрялъ разгулъ и пьянство, а потому на первомъ же сеймѣ 1863 года принятъ былъ законъ, которымъ прежнее право домашняго винокуренія было отмѣнено и введено приготовленіе хлѣбнаго вина лишь въ большихъ винокуренныхъ заводахъ подъ строгимъ контролемъ; значительно увеличенный налогъ съ винокуренія съ того времени поступаетъ на покрытіе расходовъ, зависящихъ отъ усмотрѣнія сейма. Изъ получаемаго сбора, однако, опредѣлено было отчислять 660.000 марокъ ежегодно въ ординарныя средства казны взамѣнъ бывшаго налога съ домашняго винокуренія и 400.000 марокъ ежегодно для раздѣленія между общинами на ихъ потребности; ежегодные же расходы по контролю доходили до 200.000 марокъ и болѣе.

Вначалѣ, по введеніи новаго закона, налогъ, вслѣдствіе остав-

шихся отъ предъидущихъ лѣтъ значительныхъ запасовъ хлѣбнаго вина домашняго приготовленія, далеко не достигалъ исчисленныхъ размѣровъ; но мало-по-малу поступленія отъ этого налога увеличились и стали давать отъ 4 до 5 милліоновъ марокъ въ годъ, которыя, за отчисленіемъ вышесказанныхъ суммъ, по опредѣленію сеймовъ, поступали въ коммуникаціонный фондъ, назначенный на покрытіе издержекъ по постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Съ другой стороны стало яснымъ, что при такомъ урегулированіи приготовленія и продажѣ спиртныхъ напитковъ и при существующемъ запрещеніи ввоза этихъ напитковъ въ край общее стремленіе къ трезвости могло—въ своей борьбѣ противъ пьянства—найти въ установленіи законодательнымъ путемъ разныхъ мѣръ и ограниченій надежное вспомогательное средство къ достиженію своей цѣли. И дѣйствительно, многочисленныя общества трезвости въ странѣ ухватились за это средство и стали добиваться установленія увеличеннаго налога и все бо̀льшаго и бо̀льшаго ограниченія права приготовленія и продажи спиртныхъ напитковъ. Множество петицій въ этомъ смыслѣ подавались въ сеймы; нѣкоторыя изъ нихъ сопровождались прошеніями съ сотнями, даже тысячами подписей; другія доходили до испрашиванія полнаго запрещенія винокуренія въ странѣ. Противъ такихъ крайнихъ требованій, съ другой стороны, выставлялась опасность слишкомъ увеличеннымъ налогомъ и крайне запретительными постановленіями вызвать лишь развитіе контрабанднаго ввоза и тайнаго винокуренія.

Что касается продажи спиртныхъ напитковъ, то торговля ими въ деревняхъ вовсе запрещена. Въ городахъ распивочная продажа обложена особымъ налогомъ и можетъ производиться лишь съ разрѣшенія городского управленія и при соблюденіи извѣстныхъ правилъ, въ опредѣленномъ этимъ управленіемъ числѣ особыхъ помѣщеній. Вскорѣ по введеніи закона 1865 года о спиртныхъ напиткахъ образовалось въ Гельсингфорсѣ общество съ цѣлью ввести у насъ шведскую, такъ-называемую готенбургскую, систему распивочной продажи. По примѣру гельсингфорсскаго общества образовались понемногу, повсемѣстно въ городахъ, подобныя общества, которыя на деньги, вносимыя членами, выдаютъ имъ не болѣе шести процентовъ ежегодно, назначая всю остальную чистую прибыль съ продажи на общеполезныя предпріятія, преимущественно въ пользу рабочаго и бѣднаго населенія города. Особымъ постановленіемъ воспрещено употребленіе этихъ средствъ на расходы, лежащіе по городовому положенію на обязанности города. Благодаря этимъ обществамъ, которыя въ нѣкоторыхъ городахъ имѣютъ почти исключительную монополію торговли спиртными напитками, осуществлены разныя мѣры въ пользу

бѣднаго класса и устроенъ надлежащій контроль надъ этою торговлею. Такъ напр., гельсингфорсское общество выстроило особое зданіе для народной библіотеки, жертвовало на содержаніе курсовъ для рабочихъ, давало пособія разнымъ благотворительнымъ обществамъ, назначало средства на устройство лечебнаго отъ пьянства заведенія и исправительнаго воспитательнаго заведенія для дѣтей, устроивало на двухъ, близь города лежащихъ, островахъ парки, дабы доставить—особенно рабочему населенію—возможность лѣтомъ, въ праздничные дни, проводить время на свѣжемъ воздухѣ; путемъ субсидій осуществило мысль доставить бѣдному населенію, по самымъ пониженнымъ цѣнамъ, доступъ къ особо устроиваемымъ народнымъ концертамъ и зрѣлищамъ, приступило къ устройству особыхъ „гостинницъ трезвости", и проч. Въ то время какъ нѣкоторыя общества дѣйствуютъ вполнѣ самостоятельно, другія передаютъ всю получаемую ими прибыль городскому управленію, для распредѣленія оной согласно общей цѣли подобныхъ обществъ.

Въ концѣ 1892 года истекаетъ срокъ нынѣ дѣйствующаго положенія о приготовленіи, продажѣ и перевозкѣ хлѣбнаго вина, а потому въ нынѣшній сеймъ внесено предложеніе о принятіи новаго положенія, составленнаго на основаніи выработаннаго особою коммиссіею проекта. Въ этомъ предложеніи сохранены главныя основанія прежняго положенія, но налогъ, однако, нѣсколько увеличенъ, съ 62 до 65 пенни съ каждаго литра выкуренной водки нормальной крѣпости. Минимумъ для розничной торговли предлагается въ 2 литра, а для распивочной продажи вводится непремѣннымъ условіемъ, чтобы она соединялась съ продажею теплой, питательной пищи въ существующихъ гостинницахъ. Право упомянутыхъ выше обществъ располагать прибылью отъ распивочной и розничной торговли предположено значительно ограничить постановленіемъ, чтобы половина ихъ прибыли поступала въ коммуникаціонный фондъ, $^1/_8$—въ распоряженіе обществъ, а остальная часть распредѣлялась бы между городскими управленіями и сельско-хозяйственными обществами. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что предположено распространить новое положеніе на всѣ напитки, содержащіе въ себѣ алкоголя въ 22 процента или болѣе, и понизить минимумъ крѣпости хлѣбнаго вина въ розничной и распивочной продажѣ.

Заключеніе сеймовой коммиссіи, въ которую предложеніе это передано для предварительнаго разсмотрѣнія, еще не поступало въ сословія, а потому трудно предвидѣть исходъ вопроса и насколько сеймомъ будутъ измѣнены частности положенія.

Доходъ съ винокуренія и распивочной продажи, поступающій въ коммуникаціонный фондъ, по вычисленію предложенія составляетъ

за весь предстоящій трехгодичный финансовый періодъ 9.715.000 мар. а часть прибыли обществъ, предполагаемая къ передачѣ въ коммуникаціонный фондъ, за два года 1 милліонъ марокъ. Если къ означенному доходу въ 10,700 тыс. мар. прибавить чистый доходъ съ желѣзнодорожнаго движенія и прочіе доходы коммуникаціоннаго фонда, то составится всего около 17,400 тыс. марокъ прихода. Изъ него прежде всего идутъ 3.456 тыс. марокъ ежегодно на уплаты по желѣзнодорожнымъ займамъ, что̀ вмѣстѣ съ прочими расходами фонда составитъ на весь финансовый періодъ неполныхъ 10,600 тыс. мар., а потому изъ доходовъ фонда останется на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ около 7 мил. мар., къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще 6,500 тыс. мар., переданныя, согласно Высочайшей рѣчи при открытіи сейма, изъ остатковъ статныхъ суммъ въ коммуникаціонный фондъ.

Кромѣ этихъ средствъ, имѣются—для покрытія перечисленныхъ въ правительственномъ предложеніи расходовъ—въ распоряженіи сейма еще сбереженія и остатки отъ исполненія бюджета предъидущаго финансоваго періода, приблизительно въ 13,500 тыс. марокъ, доходъ съ гербовой бумаги, съ чрезвычайнаго налога на солоденные напитки и игорныя карты, чистый доходъ финляндскаго банка и нѣкоторыя другія средства.

До полученія сословіями отзыва бюджетной коммиссіи, конечно, преждевременно распространяться о всѣхъ этихъ имѣющихся средствахъ для покрытія предвидѣнныхъ расходовъ; однако, уже и теперь вполнѣ ясно, что финансовое положеніе нашей страны весьма удовлетворительно; что не предвидится надобности въ какихъ-нибудь новыхъ чрезвычайныхъ налогахъ, и что прибѣгать къ займамъ потребуется развѣ только въ одномъ случаѣ сооруженія новыхъ, не предложенныхъ еще правительствомъ, желѣзныхъ дорогъ.

С. М.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій, по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. Матеріалы для біографіи. Ив. Барсукова. Въ двухъ книгахъ. М. 91. Стр. 672 и 321. Ц. 5 р. 50 к.

Въ нынѣшнемъ году исполнится десятилѣтіе со времени кончины гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ послѣднія 12 лѣтъ своей жизни, долгое время тѣсно связанной съ судьбами сибирскаго востока. При томъ вниманіи, которое вызвано теперь Сибирью, благодаря проектамъ и толкамъ о сибирской желѣзной дорогѣ, очень кстати появляется настоящее изданіе въ видѣ подлинной лѣтописи изъ эпохи присоединенія къ Россіи Пріамурскаго края. Авторъ весьма скромно назвалъ свой трудъ „матеріалами“, но это означаетъ только то, что онъ, какъ на то и указано имъ въ предисловіи, велъ повѣствованіе въ большинствѣ случаевъ собственными словами графа Муравьева-Амурскаго и по его въ высшей степени интереснымъ письмамъ, или въ извлеченіяхъ, или въ полномъ видѣ. Въ то далекое время графу Н. Н. приходилось выдерживать тяжелую борьбу съ центральною администраціею, гдѣ самъ Нессельроде, противодѣйствуя Муравьеву въ его стремленіяхъ укрѣпиться на востокѣ Сибири, возражалъ, что Сибирь для Россіи имѣетъ значеніе „глубокаго мѣшка, въ который спускались наши соціальные грѣхи и подонки въ видѣ ссыльныхъ, каторжныхъ и т. п.“,—а съ присоединеніемъ Амура дно этого мѣшка распорется и ссыльные разбѣгутся, а потому и не слѣдуетъ присоединять этотъ край. Еще въ 1859 г. графъ Н. Н. хлопоталъ о сибирской желѣзной дорогѣ, но встрѣтилъ сильную оппозицію, и оффиціальную, и газетную, провожавшую его до конца жизни. Съ горечью онъ писалъ предъ окончательнымъ отъѣздомъ въ Парижъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, одному изъ своихъ приверженцевъ и преемниковъ по управленію Пріамурскимъ краемъ, совѣтуя ему не повторять его ошибки и махнуть на все рукою, а вмѣсто того послѣдовать „новой системѣ“ администраціи, болѣе удобной: „перестань же ты ломать свои кости! Сойдись съ Катковымъ, пиши въ бумагахъ, что все благополучно—и все будетъ хорошо!“ (т. I, стр. 662). Другого рода интересъ имѣютъ его письма изъ Парижа, наканунѣ паденія имперіи, свидѣтельствующія о прозорливости его, какъ государственнаго человѣка, какимъ гр. Н Н. и былъ въ дѣйствительности: въ 1868 г. онъ, какъ оказывается, предсказывалъ близкое паденіе Наполеона III. Весь второй томъ посвященъ собранію подлинныхъ документовъ, относящихся къ дѣятельности гр. Н. Н., съ 1844 г. по 1861 г., и разсѣянныхъ по различнымъ архивамъ: правительственнымъ и частнымъ. Читая ихъ, нельзя не сознаться, что государственныя способности и характеръ гр. Муравьева по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, болѣе пошли на борьбу, часто безплодную, съ препятствіями, нежели на самое дѣло, и тѣмъ не менѣе имя его будетъ всегда произноситься съ вполнѣ заслуженнымъ имъ уваженіемъ и забудется не скоро, особенно благодаря настоящему труду, посвященному его памяти.

Будда, его жизнь, ученіе и община. Сочиненіе Германа Ольденберга. Переводъ со второго исправленнаго изданія П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1891. Стр. VIII и 308. Ц. 2 р.

Переводъ сочиненія Ольденберга подъ тѣмъ же заглавіемъ появился уже въ 1884 году, въ изданіи г. Солдатенкова, и мы тогда же имѣли случай болѣе подробно указать на интересное содержаніе этой книги, передающей въ легкой и привлекательной формѣ поэтическія преданія о личности Будды, объ его ученіяхъ и общинѣ его послѣдователей. Новый переводъ г. Николаева напечатанъ теперь тѣмъ же издателемъ, безъ всякаго объясненія того, есть ли это простая перепечатка, за распродажею перваго изданія, или это вновь пересмотрѣнный, исправленный и дополненный переводъ; но во всякомъ случаѣ появленіе новаго изданія не можетъ быть названо излишнимъ.

Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. А. А. Исаева. Спб. 91. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.

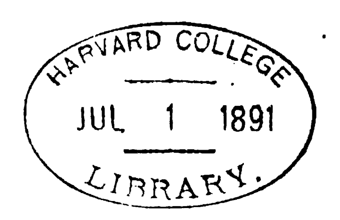
Авторъ предпосылаетъ своимъ личнымъ наблюденіямъ, которыя ему удалось сдѣлать въ средѣ нашихъ переселенцевъ на дальній востокъ лѣтомъ 1890 года, предисловіе съ краткимъ очеркомъ переселеній у другихъ народовъ въ различныя эпохи исторіи человѣчества и изслѣдуетъ главнѣйшіе мотивы къ тому, а именно: религіозное одушевленіе, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ всегда чувствуетъ себя болѣе гражданиномъ міра, нежели какой-нибудь данной мѣстности, и потому переселяется охотно; недовольство общественнымъ порядкомъ на родинѣ и, наконецъ, стремленіе самихъ правительствъ освободиться отъ безпокойныхъ элементовъ. Но въ послѣднее время всѣ тѣ причины уступаютъ мѣсто тяжелымъ экономическимъ условіямъ, которыя, впрочемъ, всегда лежали и лежатъ въ основѣ тѣхъ, вышеисчисленныхъ причинъ; хотя, напримѣръ, крестовые походы—своего рода переселеніе—были повидимому вызваны религіознымъ возбужденіемъ, но этому послѣднему, какъ извѣстно, предшествовали страшныя экономическія бѣдствія западной Европы конца XI вѣка. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ свои личныя, часто интересныя наблюденія на мѣстѣ, въ западной Сибири, надъ печальными условіями нашихъ переселеній, нерѣдко съ „обратнымъ“ движеніемъ, какое испытываетъ армія послѣ тяжкаго пораженія; затѣмъ, второй отдѣлъ посвященъ соображеніямъ автора относительно того выгоднаго вліянія, какое могутъ имѣть переселенія на нашу внутреннюю и внѣшнюю политику, при условіи раціональности ихъ, а въ заключеніе даетъ характеристику тѣхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, могли бы быть признаны раціональными. Нельзя не согласиться съ послѣдними словами почтеннаго автора, гдѣ онъ, въ виду невзгодъ, поражающихъ повсюду нашихъ именно переселенцевъ, скорбитъ о томъ, что все „это постигаетъ русскихъ людей, при нашемъ изобиліи всѣхъ даровъ природы!“ Но, вѣроятно, одного „изобилія даровъ природы“ мало для того, чтобы люди могли быть счастливы.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1891.

Стр.



ГЕРМАНЪ фонъ-ГЕЛЬМГОЛЬТЦЪ

1821—1891 гг. [1]

Въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года исполнится семьдесятъ лѣтъ жизни великаго ученаго и учителя многихъ поколѣній; блестящіе его труды наполняютъ собою половину нашего вѣка [2]) и составятъ крупную долю въ томъ наслѣдіи, какое нашъ вѣкъ передастъ вѣкамъ грядущимъ.

Въ виду того, въ Берлинѣ еще истекшею зимой образовался комитетъ, который вскорѣ сталъ международнымъ. Приглашеніе почтить маститаго дѣятеля, покрытое 170 подписями ученыхъ Европы и Америки, предполагаетъ: увѣковѣчить въ мраморномъ бюстѣ внѣшній обликъ чествуемаго и—основать фондъ для *международной медали имени Гельмгольтца*, которая будетъ присуждаться за выдающіяся изслѣдованія по тѣмъ областямъ науки, гдѣ работалъ Гельмгольтцъ, безъ различія національности авторовъ.

Упреждая дѣйствительный юбилей, мы желаемъ заранѣе и въ болѣе удобное для того время познакомить не-спеціалистовъ со значеніемъ работъ Гельмгольтца и во-время внести московскій вкладъ въ пользу учреждаемаго фонда [3]).

---

[1]) Читано предъ открытіемъ ряда публичныхъ лекцій въ Москвѣ, 4-го, 7-го и 11-го апрѣля, профессоровъ: Н. Е. Жуковскаго, Р. А. Колли, А. Н. Маклакова, А. П. Соколова и Ѳ. П. Шереметевскаго, по поводу предстоящаго 70-лѣтняго юбиле[...]ожденія почетнаго члена московскаго университета, Гельмгольтца, съ цѣлью пе[...]лать сборъ въ берлинскій комитетъ для составленія фонда, изъ котораго, между п[...]имъ, будетъ выдаваться „медаль Гельмгольтца“ за лучшее сочиненіе по его спеці[...]ости авторамъ „всѣхъ безъ различія націй“.—*Ред.*

Докторская его диссертація появилась въ 1842 году.

Срокомъ поступленія взносовъ назначенъ былъ конецъ апрѣля новаго стиля.

Гельмгольтцъ дòрогъ намъ не только какъ геніальный ученый: онъ—въ то же время самый заслуженный—изъ современныхъ насадителей науки вообще, и въ частности—въ нашемъ отечествѣ. Многіе десятки русскихъ натуралистовъ и врачей, получившихъ извѣстность своею общественною дѣятельностью и учеными трудами, обязаны своимъ спеціальнымъ образованіемъ Гельмгольтцу.

Долгіе годы руководя лабораторіями—сперва какъ физіологъ, потомъ какъ физикъ, — Гельмгольтцъ производилъ неотразимое вліяніе своей могучей личностью на молодыхъ людей, отовсюду стекавшихся къ нему на выучку. „Кто разъ пришелъ въ соприкосновеніе съ человѣкомъ первоклассным, у того духовный масштабъ измѣненъ навсегда, — тотъ пережилъ самое интересное, чтò можетъ дать жизнь"... Эти слова говорилъ самъ Гельмгольтцъ, вспоминая о своемъ учителѣ Іоганнѣ Мюллерѣ; эти слова повторитъ каждый изъ его учениковъ при мысли о Гельмгольтцѣ.

Но въ Гельмгольтцѣ мы чтимъ не только спеціалиста-изслѣдователя, спеціалиста-учителя. Передъ нами явленіе вполнѣ исключительное, натура истинно титаническая, — первоклассная изъ первоклассныхъ. Тутъ дѣйствительно есть мѣсто для чествованія международнаго и всенароднаго, для горячаго и восторженнаго привѣта, не только отъ ученыхъ, не только отъ учениковъ,—но и отъ всѣхъ тѣхъ, кому—выше всѣхъ спеціальныхъ отраслей человѣческаго знанія—дорогъ *разумъ*, породившій знаніе, дорогъ *идеалъ человѣка*, какъ воплощенной разумности.

Сперва практическій врачъ, потомъ, поочередно, профессоръ анатоміи и патологіи, физіологіи, физики, геніальный физіологъ и физикъ съ глубокимъ запасомъ математическихъ познаній,—Гельмгольтцъ является, прежде всего, представителемъ единства и цѣльности *естествознанія* въ гораздо бòльшей мѣрѣ, чѣмъ былъ нѣкогда знаменитый Гумбольдтъ. Прибавимъ, что въ наше время, вслѣдствіе особенно быстраго роста отдѣльныхъ частей естествовѣденія, такая универсальность—не дилеттанта, не компилятора, а *изслѣдователя*, пролагающаго новые пути—стала много труднѣе, чѣмъ полвѣка тому назадъ, и, казалось бы, далеко не по силамъ одной личности.

Но и этого мало. Необычайная разносторонность этой феноменально одаренной натуры, его глубокое философское образованіе, его живое чутье къ поэзіи и искусству, ко всему, чтò возвышаетъ и краситъ жизнь, все это даетъ особый колоритъ научному творчеству Гельмгольтца, особый вѣсъ его словамъ даже внѣ широкаго круга естественныхъ наукъ. На ряду съ „логиче-

ской индукціей", столь характерной для естествознанія, онъ обладаетъ въ высокой степени и тою, по его собственному выраженію, „художественной индукціей" (künstlerische Induction), которая проявляется въ созданіяхъ искусства. „Взглядъ художника,—тотъ взглядъ, который такихъ людей, какъ Гёте и Леонардо да-Винчи, и въ наукѣ приводилъ къ великимъ идеямъ,— долженъ быть у всякаго истиннаго изслѣдователя", — говоритъ самъ Гельмгольтцъ, и самъ онъ служитъ живымъ образцомъ этого дара.

Среди своихъ ученыхъ трудовъ, онъ берется порою за тѣ именно, особенно сложные вопросы, гдѣ естествознаніе не довлѣетъ самому себѣ и соприкасается съ цикломъ наукъ о духѣ. Никогда до Гельмгольтца вторженіе натуралиста въ область психологіи и искусства не было сдѣлано такъ властно, такъ твердо и въ то же время съ такимъ тонкимъ чувствомъ мѣры, никогда не сопровождалось оно такимъ блистательнымъ и бодрящимъ душу успѣхомъ. Въ этомъ отношеніи, среди разнообразныхъ трудовъ Гельмгольтца, его изслѣдованія о *зрѣніи* и о *слухѣ* представляются мнѣ наиболѣе оригинальною частью его вклада, центральнымъ пунктомъ его научнаго подвига.

Уже собраніе популярныхъ лекцій и рѣчей Гельмгольтца (Vorträge und Reden) даетъ понятіе объ этой универсальности автора. Нельзя перечитывать безъ наслажденія его художественные эскизы. Одни изъ нихъ посвящены болѣе спеціально работамъ самого Гельмгольтца по физикѣ и физіологіи, съ отступленіями въ область психологіи и эстетики, живописи и музыки. Въ другихъ—авторъ бросаетъ взглядъ на широкія задачи культуры: то говоритъ онъ о взаимномъ отношеніи различныхъ наукъ, то о свободѣ университетовъ; тамъ слѣдитъ за исторіей медицинскаго мышленія, здѣсь анализируетъ Гёте какъ поэта-натуралиста. И вездѣ слово его—вѣско, трезво и глубоко.

Вотъ эта-то *универсальность* представляетъ особенно характерную и удивительную сторону чествуемаго нами ученаго. Среди ростущихъ усложненій человѣческой культуры, среди безчисленныхъ развѣтвленій науки, техники и всѣхъ сторонъ дѣятельности человѣка, жизнь каждаго проходитъ въ узкихъ рамкахъ, уподобляя его одному колесу въ безконечно-сложной машинѣ. Счастливъ тотъ, кто съ любовью выполняетъ свое скромное дѣло; но потребность широкихъ взглядовъ и симпатій неизгладима и драгоцѣнна. Это не одна, такъ сказать, физіологическая потребность отдыха и разнообразія, не только голосъ умственной гигіены: это — законное стремленіе духа жить цѣльной жизнью и

жизнью цѣлаго, чувствовать себя не пассивнымъ, а разумнымъ соучастникомъ въ общей работѣ. Не безъ борьбы, не безъ припадковъ унынія, стараешься примирить въ себѣ частное съ общимъ. И здѣсь-то люди, которые, благодаря особой даровитости, служатъ живымъ примѣромъ такого примиренія,—люди подобные Гельмгольтцу,—получаютъ особую цѣну въ нашихъ глазахъ. Глядя на нихъ, видишь во-очію осуществленіе завѣтнаго идеала, видишь, что многосторонность не всегда есть безплодный дилеттантизмъ, что упорное изученіе спеціальныхъ задачъ не закрываетъ душу для широкихъ горизонтовъ.

Не всякій, даже спеціалистъ-естествоиспытатель, охватитъ во всемъ объемѣ и съ ясной оцѣнкой тотъ рядъ трудовъ, который явился плодомъ неустанной 50-лѣтней дѣятельности такого колоссальнаго ума, а потому всякому полезно и радостно знать, до какой широты духовнаго развитія способенъ подняться человѣкъ; какъ бодро, умѣло и успѣшно справляется онъ съ океаномъ окружающихъ его вопросовъ, догадокъ и сомнѣній, внимательно всматриваясь въ мелочи и не теряя изъ виду общихъ перспективъ. Всякому поучительно познакомиться и съ самымъ содержаніемъ этой работы: въ ней выразился нашъ моментъ въ исторіи мысли, широкій умственный охватъ истекающаго XIX-го столѣтія.

Вотъ тѣ внѣшнія черты жизни Гельмгольтца и тотъ общій ходъ его научныхъ изслѣдованій, которые характеризуютъ его жизнь, богатую, впрочемъ, не столько внѣшнимъ, сколько внутреннимъ своимъ содержаніемъ.

I.

Германъ-Лудвигъ-Фердинандъ фонъ-Гельмгольтцъ родился 31-го (19-го) августа 1821 г. въ Потсдамѣ, гдѣ отецъ его, Фердинандъ Гельмгольтцъ, былъ учителемъ гимназіи. Мать, Каролина, урожденная Пеннъ, происходила изъ англійской семьи, выселившейся въ Германію. Скромныя средства отца побуждали дать сыну медицинское образованіе. Съ 1838 г. молодой Германъ, въ качествѣ воспитанника (élève) медико-хирургическаго института, слушаетъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ. Уроки знаменитаго Іоганна Мюллера привлекаютъ его особенно къ изученію анатоміи и физіологіи. Въ 1842 г. Гельмгольтцъ получаетъ степень доктора медицины, по защитѣ диссертаціи „De fabrica systematis nervosi evertebratorum“, и становится ордина-

торомъ въ берлинской больницѣ Charité, а въ 1843 г.—военнымъ врачомъ въ Потсдамѣ. Въ 1848 г., уже по изданіи своей брошюры „Ueber die Erhaltung der Kraft" (1847 г.), полагающей начало его знаменитости, онъ приглашается въ Берлинъ ассистентомъ при анатомическомъ музеѣ и преподавателемъ анатоміи при академіи художествъ, а въ слѣдующемъ 1849 году—профессоромъ физіологіи и общей патологіи (сперва экстраординарнымъ, а съ 1852 г.—ординарнымъ) въ кёнигсбергскомъ университетѣ. Въ 1855 г., онъ переходитъ на ту же каѳедру въ Боннъ, а въ 1858 г.—въ Гейдельбергъ, гдѣ остается до 1871 г.

На это время профессорства въ Кёнигсбергѣ, Боннѣ и Гейдельбергѣ (1849—1871 г.) приходится наибольшее число работъ Гельмгольтца, которыя, возникая бо̀льшею частью на почвѣ физіологіи чувствъ, переходили въ область чистой физики и даже теоретической механики. Все это время Гельмгольтцъ руководитъ физіологическими работами (особенно въ Гейдельбергѣ, гдѣ при немъ открыто новое зданіе физическаго и физіологическаго институтовъ, такъ-называемое „Friedrichsbau" [1]), и большое число біологовъ и врачей (въ томъ числѣ много русскихъ) перебывали въ его школѣ [2]).

Съ 1870 г., берлинскій университетъ начинаетъ притягивать къ себѣ лучшія научныя силы Германіи. Два гейдельбергскихъ корифея—сперва Гельмгольтцъ (1871 г.), а потомъ и Кирхгоффъ—перешли въ Берлинъ, и только третій изъ знаменитой тріады, Бунзенъ, остался вѣренъ берегамъ Неккара.

Въ Берлинѣ Гельмгольтцъ, уже давно знаменитый какъ физикъ, впервые выступаетъ оффиціально профессоромъ этой науки. Первые годы ему приходится дѣйствовать въ сравнительно небольшой и неудобной лабораторіи, устроенной при его предшественникѣ Магнусѣ въ главномъ корпусѣ университета. Лабораторія Магнуса [3]) была *первою*, по времени основанія, университетскою лабораторіею для физики въ Европѣ [4]), и Гельмгольтцъ—вторымъ ея руководителемъ. Въ 1874 г. для физическаго и физіологическаго институтовъ при берлинскомъ университетѣ от-

[1]) Въ 1875 г., физіологическій институтъ вновь переселился въ отдѣльное зданіе.

[2]) Изъ русскихъ: проф. Е. Адамюкъ, проф. Н. Бакстъ, М. Воиновъ (†), проф. І. Гиршманъ, проф. И. Догель, проф. В. Дыбковскій (†), проф. А. Ивановъ (†), С. Ламанскій, проф. Е. Мандельштаммъ, В. Розовъ (†), проф. И. Сѣченовъ, проф. А. Ходинъ, проф. Ѳ. Шереметевскій, проф. Э. Юнге и др. (Не ручаемся за полноту списка.)

[3]) Прежде того она помѣщалась на квартирѣ Магнуса (на улицѣ Kupfergraben).

[4]) Если не считать гёттингенской, спеціально устроенной для магнитныхъ наблюденій.

крыто новое зданіе (на углу Dorotheenstrasse и Neue Wilhelmstrasse), стоившее до 7 милліоновъ марокъ,—до сихъ поръ величайшій и роскошнѣйшій изъ институтовъ этого рода.

Въ Берлинѣ дѣятельность Гельмгольтца, понятно, принимаетъ нѣсколько иной характеръ, и учениками его являются уже исключительно молодые физики [1]). Тяжелый трудъ руководства физическимъ институтомъ Гельмгольтцъ несетъ до 1888 г., а потомъ, оставаясь профессоромъ физики и сдавъ институтъ перешедшему изъ Страсбурга въ Берлинъ профессору Кундту, назначается президентомъ вновь устроеннаго „Physikalisch-technische Reichsanstalt" въ Шарлоттенбургѣ (близь Берлина). Это—государственная лабораторія для изслѣдованій и измѣреній (между прочимъ, для вывѣрки мѣръ, вѣсовъ и другихъ эталоновъ), не имѣющая педагогическаго характера, нѣчто въ родѣ севрскаго „Bureau des Poids et Mesures".

Гельмгольтцъ состоитъ членомъ всѣхъ главныхъ академій Европы и имѣетъ множество почетныхъ отличій всякаго рода [2]): эти титулы ничего не прибавляютъ къ блеску такого имени. Въ 1883 г. онъ возведенъ германскимъ императоромъ въ дворянство,—почесть, весьма цѣнимая въ Германіи.

Гельмгольтцъ женатъ во второмъ бракѣ. Супруга его извѣстна какъ переводчица нѣсколькихъ популярныхъ книгъ по естествознанію (подъ иниціалами А. Н.). Въ 1889 г. онъ имѣлъ несчастіе потерять сына Роберта, въ самомъ началѣ его ученой карьеры, обѣщавшей выдающагося физика.

II.

Говоря о дѣятелѣ столь многообъемлющемъ и еще современномъ, трудно прослѣдить генезисъ его работъ; руководясь хронологическимъ порядкомъ и внутреннею связью ихъ, можно сдѣлать лишь нѣкоторыя общія замѣчанія и догадки.

Въ своемъ первомъ періодѣ (1842—1871 г.) Гельмгольтцъ

---

[1]) Изъ русскихъ: проф. П. Зиловъ, проф. Р. Колли, В. Михельсонъ, проф. А. Соколовъ, проф. Н. Шиллеръ и др.

[2]) Въ эпохи самаго страстнаго шовинизма въ Германіи, Гельмгольтцъ ни разу не позволялъ себѣ тѣхъ рѣзкихъ выходокъ противъ Франціи, отъ какихъ не свободны даже люди какъ Вирховъ, Дюбуа-Реймонъ, Штраусъ. Въ прошломъ году, присутствуя какъ делегатъ берлинскаго университета на празднованіи 600-лѣтія университета въ Монпелье, онъ былъ предметомъ восторженныхъ овацій со стороны французовъ.

является *физіологомъ* по преимуществу, не только по занимаемой каѳедрѣ, но и по общему теченію своихъ работъ. Не опуская изъ виду задачъ физіологической динамики и глубокихъ вопросовъ о дѣятельности органовъ чувствъ, онъ какъ бы по пути даетъ первоклассныя изслѣдованія въ области механики и физики.

Съ одной стороны, его—какъ и другого, дорогого физикамъ, врача (Ю. Р. Майера)—вопросы о животной теплотѣ, о химическихъ процессахъ въ живомъ и мертвомъ организмѣ, подводятъ къ великому „началу сохраненія энергіи"[1]). Это начало, въ смыслѣ общаго *физическаго* закона, которому подчиняются *всѣ* явленія природы, какъ безжизненной, такъ и живой, входитъ въ сознаніе именно въ 40-хъ годахъ, съ реформою ученія о теплотѣ, вызванною въ особенности опытами Джауля. Подготовленъ этотъ законъ былъ издавна, на тѣсной почвѣ механики; но всеобщую примѣнимость его впервые смутно почувствовалъ Майеръ, и въ строгой формѣ выразилъ Гельмгольтцъ, въ то время еще 26-лѣтній потсдамскій врачъ; о размышленіяхъ Майера онъ не зналъ, и лишь къ концу своего труда познакомился съ первыми опытами Джауля. Съ тѣхъ поръ начало сохраненія энергіи, подкрѣпляемое самыми разносторонними изслѣдованіями, постепенно получаетъ значеніе надежной путеводной нити для всего естествознанія.

Важное значеніе Гельмгольтца въ открытіи этого закона вполнѣ безспорно, хотя самъ онъ опредѣляетъ свою роль какъ „научное формулированіе" закона. Но и теперь еще встрѣчаются порою недоразумѣнія. Одни (даже самъ Майеръ) находятъ, что законъ высказанъ еще Гёйгенсомъ, безъ малаго за двѣсти лѣтъ. Теорему абстрактной механики о томъ, что силы извѣстнаго характера удовлетворяютъ такъ-называемому „уравненію живыхъ силъ", смѣшиваютъ при этомъ съ утвержденіемъ физики, что *всѣ* силы въ природѣ *дѣйствительно* таковы, какъ условно предполагалось въ теоремѣ. Другіе, чувствуя, что сказано что-то новое, но видя, что мысль старая, а фактовъ новыхъ не прибавлено,—недоумѣваютъ, въ чемъ же именно *открытіе*. Въ томъ, что старые факты подведены подъ старую идею?—да; *только* въ томъ, что теперь *всѣ* старые факты подведены подъ идею, найденную когда-то для *немногихъ*, и твердо высказано убѣжденіе, что всѣ новые подойдутъ подъ нее же, что̀ и оправдывается съ тѣхъ поръ на каждомъ шагу. Кажется, немного—а на самомъ дѣлѣ

[1]) Въ своихъ первыхъ трудахъ Гельмгольтцъ говоритъ о сохраненіи *силы* (Erhaltung der *Kraft*), условно употребляя слово *сила* въ томъ смыслѣ, для котораго нѣсколько позже вошелъ въ употребленіе терминъ *энергія*.

колоссальное открытіе! „Въ типографскихъ кассахъ наборщика,— говоритъ Гельмгольтцъ, — свалена вся мудрость міра,—все, что уже открыто и что можетъ быть открыто когда-либо: надо *только* съумѣть подобрать буквы!“

Насколько *новыми* казались эти *старыя мысли* въ сороковыхъ годахъ—видно изъ того, что статью Гельмгольтца: „Ueber die Erhaltung der Kraft“, не рѣшился помѣстить редакторъ спеціально-физическаго журнала (Поггендорфъ), и молодой врачъ напечаталъ ее отдѣльной брошюрой (1847 г.). Впослѣдствіи этотъ небольшой этюдъ (72 страницы) сталъ началомъ европейской славы для автора.

Далѣе, занятія нервною системой и ея отправленіями (начиная уже съ докторской диссертаціи) ведутъ Гельмгольтца двумя длинными путями, чрезъ механику и физику, къ исчерпывающей разработкѣ ученія о зрѣніи и о слухѣ.

Идя по *первому* пути, онъ мимоходомъ даетъ физикѣ изслѣдованіе о смѣшеніи цвѣтовъ, доказательство видимости ультрафіолетовыхъ лучей, опроверженіе Брюстерова ученія о тройномъ составѣ спектра и великолѣпныя физико-математическія главы его „Физіологической Оптики“ (Handbuch der physiologischen Optik, 1-е изд. начато 1856, кончено 1867 г.; 2-е изданіе печатается теперь). Эта объемистая книга (около 900 страницъ) содержитъ полный сводъ литературы предмета, и нѣтъ въ ней страницы, куда геній автора не внесъ бы новаго освѣщенія: удивительное сліяніе кропотливаго труда и глубокой оригинальности. Здѣсь нашли мѣсто всѣ тѣ изслѣдованія Гельмгольтца, которыя произвели эпоху въ офталмологіи: его глазное зеркало (1851 г.), позволившее разсматривать внутренность глаза; теорія аккомодаціи (приспособленія глаза къ разстояніямъ); ученіе о цвѣтовыхъ ощущеніяхъ; анализъ движеній глаза и пр. Изученіе психической стороны зрѣнія приводитъ Гельмгольтца, въ отдѣльныхъ этюдахъ, къ вопросамъ объ основныхъ аксіомахъ геометріи.

Другой путь ведетъ нашего изслѣдователя въ область слуховыхъ ощущеній. Находя крупные недочеты въ физической теоріи распространенія звука, онъ разрабатываетъ за́-ново теорію звучащихъ трубъ, даетъ новый взглядъ на „біенія“ и на „комбинаціонные тоны“ и открываетъ новую категорію этихъ послѣднихъ. Тутъ же, вѣроятно, тоже по пути, возникаютъ классическія изслѣдованія по гидродинамикѣ вообще, въ томъ числѣ знаменитый мемуаръ о вихревыхъ движеніяхъ жидкости (1858 г.). Въ предметѣ, занимавшемъ Лагранжа и Эйлера, Гельмгольтцъ съумѣлъ найти новую сторону, разработалъ ее съ замѣчательной нагляд-

ностью и изяществомъ, и далъ тэму для многихъ позднѣйшихъ изысканій [1]). Проникая, далѣе, въ физіологическую сторону акустики, Гельмгольтцъ доказываетъ способность уха анализировать звукъ на „простые тоны", устанавливаетъ объясненіе „тэмбра" звуковъ (впервые намѣченное Омомъ), иллюстрируя его искусственнымъ синтезомъ гласныхъ буквъ, и подвергаетъ подробному обзору роль частей слухового органа.

Здѣсь мы подходимъ къ преддверію музыкальнаго искусства. Упомянутые факты даютъ Гельмгольтцу возможность формулировать рѣшеніе загадки, ведущей начало отъ Пиѳагора: кàкъ и почему мы ощущаемъ консонансъ и диссонансъ музыкальныхъ звуковъ? Обладаніе техникой и литературой музыки позволяетъ автору не ограничиться общими чертами разъясненія: онъ съ любовью и мастерствомъ развиваетъ его въ приложеніи къ вопросамъ о гаммахъ и аккордахъ, о веденіи голосовъ и гармонизаціи. пропагандируетъ возвращеніе къ натуральному строю и полагаетъ краеугольный камень для будущей „физіологической теоріи музыки". Все это изложено въ трактатѣ: „Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологическая основа для теоріи музыки" (Die Lehre von den Tonempfindungen, als physiologische Grundlage für die Theorie der Musik, 1-е изд. 1863 г., 4-е изд. 1877 г.). Объ этой книгѣ безъ преувеличенія сказано, что она даетъ для акустики то, чтò Ньютоновы „Principia" дали для астрономіи.

Рядомъ съ двумя фундаментальными вопросами физіологіи чувствъ,—науки, можно сказать, созданной Гельмгольтцомъ,—онъ, въ связи съ нѣкоторыми работами по электричеству, впервые измѣряетъ быстроту, съ какою распространяется раздраженіе по нервамъ,—время, въ теченіе котораго чувственное впечатлѣніе доходитъ до сознанія, импульсъ воли передается мускуламъ. Нѣтъ надобности говорить о важности и оригинальности этого результата. Существовавшій предразсудокъ о крайней быстротѣ такихъ процессовъ былъ опровергнутъ рядомъ простыхъ и убѣдительныхъ опытовъ.

Въ позднѣйшемъ, берлинскомъ періодѣ своей дѣятельности (съ 1871 г.), Гельмгольтцъ сосредоточивается на наукахъ собственно-физическихъ. За эти 20 лѣтъ мы имѣемъ рядъ изслѣдованій по теоріи электричества, новое освѣщеніе трудныхъ вопросовъ электрохиміи и термохиміи, новыя работы по механикѣ, теорію аномальной дисперсіи свѣта, изслѣдованіе объ энергіи вѣтра и волнъ,

[1]) Упомянемъ объ остроумной гипотезѣ В. Томсона, по которой атомы обыкновеннаго вещества суть вихри нѣкоторой совершенной жидкости, наполняющей вселенную.

и пр., и пр. Въ бѣгломъ очеркѣ трудно даже обозначить сколько-нибудь яснѣе тэмы этихъ работъ. Укажу только, что своими критическими трудами по электродинамикѣ Гельмгольтцъ способствовалъ паденію теоріи „дѣйствій на разстояніи"; его собственная теорія электричества примыкаетъ къ идеямъ Фарадея и Максвелля, вводя участіе „среды" (эѳира). Остановившись, далѣе, на нѣкоторыхъ загадочныхъ явленіяхъ при электролизѣ (разложеніи жидкостей электрическимъ токомъ), онъ упорно работаетъ надъ этими вопросами (съ 1873 г.) и по поводу ихъ развиваетъ (1882 г.) весьма важный „принципъ свободной энергіи", вытекающій изъ двухъ основныхъ законовъ механической теоріи теплоты; этому принципу несомнѣнно предстоитъ широкая роль въ физической химіи.

Работы Гельмгольтца съ 1842 по 1882 г. (кромѣ упомянутыхъ отдѣльныхъ книгъ по оптикѣ и акустикѣ) собраны въ двухъ большихъ томахъ „Wissenschaftliche Abhandlungen".

Такова, въ бѣгломъ очеркѣ, дѣятельность человѣка, котораго справедливо можно назвать „украшеніемъ рода человѣческаго", какъ былъ нѣкогда названъ Ньютонъ.

Закончу словами самого Гельмгольтца; они мало кому извѣстны, такъ какъ не встрѣчаются въ собраніи его рѣчей и лекцій. Пусть еще разъ промелькнутъ передъ нами нѣкоторые изъ главныхъ мотивовъ его творенія,—излюбленный кругъ идей и ѳбразовъ, которые являлись намъ въ его отдѣльныхъ трудахъ:

„Какъ часто сравнивали человѣческую жизнь съ пламенемъ! И между тѣмъ, даже людямъ умнымъ и образованнымъ нелегко вполнѣ усвоить себѣ важнѣйшую сторону этого сравненія. Что это пламя — эта, повидимому, спокойно сохраняющаяся ткань, мало измѣнчивой формы и состава—все вновь и вновь возсозидается изъ новыхъ паровъ горящаго масла и изъ вновь притекающаго воздуха, что это лишь вихрь, куда втягивается новое вещество,—въ этомъ убѣждаетъ и ежедневный опытъ, и подробное научное изслѣдованіе. Но мысль, что человѣкъ именно въ этомъ отношеніи имѣетъ полнѣйшее сходство съ пламенемъ, что и здѣсь непрерывная смѣна вещества не подлежитъ сомнѣнію—кромѣ развѣ нѣкоторыхъ подчиненныхъ ѳрґановъ, едва участвующихъ въ жизненномъ процессѣ, каковы зубы и упругія волокна,—эта идея противорѣчитъ нашей привычкѣ мысленно подстилать просто неизмѣнную вещественную подкладку подо все, что̀ сохраняется. Въ сущности же то̀, что̀ сохраняется въ человѣкѣ какъ

индивидуумѣ—это вовсе не плоть, изъ которой онъ состоитъ въ данное мгновеніе на самомъ дѣлѣ, и онъ—не что иное какъ сохраняющаяся форма движенія, вихрь, постоянно втягивающій въ себя и выдѣляющій обратно все новое и новое вещество.

„Кромѣ пламени и вихря, физика показываетъ намъ разныя другія формы движенія, которыя, напечатлѣваясь въ веществѣ, безпрерывно измѣняющемся, тѣмъ не менѣе, сохраняются съ соблюденіемъ тончайшихъ своихъ особенностей. Когда свѣтовая волна прошла, въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ, неизмѣримый путь въ міровомъ пространствѣ,—ея образъ колебаній измѣнился такъ мало, что, разложенная призмою, она даетъ намъ точнѣйшее свѣденіе о химической и физической натурѣ своего источника. Еще знаменательнѣе въ этомъ смыслѣ то поученіе, какое даетъ намъ телефонъ,—поученіе, которое, правда, и до изобрѣтенія этого снаряда могло бы сложиться въ проницательной головѣ. Нервныя раздраженія говорящаго или пѣвца порождаютъ звукъ, т.-е. упругія колебанія воздуха; они распространяются, съ точнымъ соблюденіемъ тэмбра, потомъ передаются сперва магниту, затѣмъ мѣдной проволокѣ телефона. Въ магнитѣ они становятся быстрыми перемѣнами магнитности, а въ проволокѣ имъ соотвѣтствуютъ перемѣнные токи электричества, родъ электрическихъ волнъ. На другомъ же концѣ провода электрическія колебанія превращаются опять въ магнитныя, магнитныя—опять въ упругія колебанія воздуха. Эти послѣднія поражаютъ ухо слушателя и становятся опять нервнымъ раздраженіемъ. Въ концѣ-концовъ, тончайшіе оттѣнки ощущенія оратора или пѣвца переходятъ въ душу слушателя. Возбужденное движеніе сохранило всѣ особенности формы, хотя троекратно переходило на новое вещество и при этомъ вполнѣ измѣняло свою сущность.

„Итакъ, формы движенія могутъ сохранить свою особенность даже и тогда, когда были вынуждены переходить въ совершенно измѣненномъ видѣ на иную матерію; онѣ могутъ снова воскреснуть въ прежнемъ видѣ, какъ скоро встрѣтятся новыя условія. Такъ учатъ насъ даже эти сравнительно несложныя физическія явленія" [1]).

Могучій вихрь, неустанно работающій надъ новымъ и новымъ матеріаломъ; яркое пламя, озарившее людямъ много сокровеннаго въ мірѣ внѣшнемъ и въ мірѣ внутреннемъ; стройный звукъ, который раздается на всю землю—вотъ тѣ образы, которые невольно носятся въ воображеніи, какъ эмблемы той плодотворной

[1]) „Nord und Süd", Heft 100 (Juli, 1885).

жизни, которая уже полвѣка длится, на виду у всѣхъ; безсмертіе въ памяти людской вполнѣ обезпечено за такимъ дѣятелемъ, и дѣла его пребудутъ во вѣки съ нами, разростаясь въ новыя побѣды разума надъ силами природы. Но прежде того слѣдуетъ пожелать, чтобы эта энергія еще надолго сохранилась между нами въ той именно формѣ, въ которой она такъ дорогá намъ и такъ родственна. Еще въ молодости Гельмгольтцъ имѣлъ бы право примѣнить къ себѣ слова своего любимаго поэта:

Es kann die Spur von meinen Erdetagen
Nicht in Aeonen untergehn!

т.-е. „Въ Эонахъ жизнь моя земная оставитъ слѣдъ неизгладимый".

Но и послѣднія, такъ сказать, вчерашнія работы семидесятилѣтняго старца свидѣтельствуютъ, что далеко еще не исчерпана его энергія.

Unermüdet schaff'er
Das Nützliche, Rechte,
Sei uns ein Vorbild
Jener geahneten Wesen!

—„Твори неустанно полезное, правое; будь намъ прообразомъ тѣхъ смутно чаемыхъ существъ"!

А. Столѣтовъ.

Москва, 1891.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Разсказъ изъ давно минувшихъ лѣтъ.

I.

Иванъ Петровичъ Черешковъ—сидѣлъ, а Сидоръ Карповичъ Выжмотскій—стоялъ передъ нимъ. Иванъ Петровичъ сидѣлъ въ позѣ непринужденной, какъ человѣкъ, забѣжавшій куда-нибудь совсѣмъ безъ дѣла, нечаянно, а его попросили присѣсть на минутку и подмахнуть двѣ-три бумажки. Его тонкій и прямой станъ, круглая голова съ замѣчательной шевелюрой, для многихъ служившей предметомъ подражанія, и которая между тѣмъ ему ничего не стоила, такъ какъ дана была отъ природы; его полныя щеки, гладко выбритыя; изящная, короткая визитка, синяя съ малиновой крапинкой, бѣлый съ синими цвѣтами жилетъ съ массивной золотой цѣпью, свѣжій воротничокъ, пестренькій галстухъ, —все это придавало его особѣ видъ привѣтливой свѣжести и добродушнаго довольства,—видъ человѣка, всегда неукоснительно выполняющаго свое призваніе и потому не ощущающаго никакихъ мученій совѣсти,—и располагало въ его пользу.

Сидоръ Карповичъ, напротивъ, глядѣлъ угрюмо и даже злостно, какъ человѣкъ, котораго только-что смертельно обидѣли, а онъ не съумѣлъ во-время отплатить тѣмъ же; высокій, массивный, широкій въ плечахъ, съ крупными членами, онъ и лицомъ обладалъ непривѣтливымъ, широкимъ, съ сѣдыми бакенами и выбритымъ подбородкомъ, съ густыми усами, толстыми губами и толстымъ носомъ, который былъ красенъ, но не отъ пива, а отъ табаку. И сюртукъ на этомъ человѣкѣ былъ длинный, ниже колѣнъ, и тоже какъ-то угрюмо висѣлъ на его сутуловатой спинѣ.

Сидоръ Карповичъ подсовывалъ бумаги, и на каждой изъ этихъ бумагъ, до половины исписанной крупнымъ красивымъ почеркомъ, въ самомъ низу стояла скромная подпись: „дѣлопроизводитель Выжмотскій“, причемъ послѣднее слово было изображено стариннымъ кудреватымъ почеркомъ, очень ясно и безъ расчеркиванья; Иванъ Петровичъ подписывалъ эти бумаги, проставляя свою фамилію гораздо выше, подъ самымъ текстомъ послѣ словъ: „старшій членъ управы“. Насколько мало мѣста занимала скромная подпись Выжмотскаго, лишенная даже хотя бы самого маленькаго крючка, настолько обширное поле требовалось Черешкову для изображенія его во многихъ отношеніяхъ знаменитаго имени. Онъ писалъ огромными причудливыми буквами, изъ которыхъ ни одна не походила на другую, причемъ сначала выводилъ: „ерешковъ“, а потомъ уже, продѣлавъ нѣсколько замысловатыхъ выкрутасовъ, возвращался назадъ и изображалъ великолѣпное *Ч*.

— Сидоръ Карповичъ! Ахъ, Боже мой! Когда же конецъ? Вы меня уморили!.. Ахъ ты, Господи!..

Иванъ Петровичъ произносилъ эти слова съ добродушно-комическимъ ужасомъ, преувеличенно разводя руками и пожимая плечами. При этомъ онъ очень мило картавилъ, склонялъ голову немножко на бокъ, на секунду закрывалъ глаза и глубоко вздыхалъ при помощи носа. Сидоръ Карповичъ не обращалъ на это никакого вниманія. Лицо его,—имѣвшее привычку никогда ничего не выражать, а если ужъ, въ силу служебныхъ обязанностей, и выражало что-нибудь, такъ совсѣмъ не то, что̀ онъ чувствовалъ,—и на этотъ разъ напоминало одинъ изъ тѣхъ дешевыхъ бюстовъ, которые изображаютъ похожими другъ на друга всѣхъ знаменитыхъ королей, ученыхъ и поэтовъ.

— Не могу, ваше превосходительство! Ордера̀ остались! Люди ждутъ!—кратко, но выразительно и при томъ очень убѣдительнымъ басомъ говорилъ Сидоръ Карповичъ, и подставлялъ книжку для подписи. Черешковъ, который былъ увѣренъ, что спѣшитъ, такъ какъ ему надо было до двухъ часовъ поѣхать въ три мѣста, а теперь было уже около часу—подчинился. Замѣчено, что когда человѣкъ говоритъ басомъ, оно выходитъ какъ-то убѣдительно, и Сидоръ Карповичъ, который никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ доводовъ, прекрасно справлялся съ людьми разныхъ ранговъ при помощи одного своего баса.

— Наконецъ-то! Фу! Надѣюсь, все?!... Больше вы не будете меня терзать, мучитель мой Сидоръ Карповичъ!?—Иванъ Петровичъ отодвинулъ чернильницу и поднялся съ явнымъ намѣре-

ніемъ удрать отъ Сидора Карповича, и Сидоръ Карповичъ, какъ казалось, ничего не имѣлъ противъ этого, потому что всѣ бумаги были подписаны. Но Черешковъ по его позѣ видѣлъ, что онъ еще намѣренъ приставать къ нему.

— Что̀ вамъ еще отъ меня угодно?—спросилъ онъ, заложивъ руки въ карманы штановъ.

— Гдѣ васъ искать прикажете, въ случаѣ надобности?

— А я почемъ знаю? Сейчасъ иду въ кирпичную коммиссію, я—предсѣдатель; потомъ... потомъ, кажется, у меня экзаменъ въ „школѣ прикладныхъ знаній“, и, наконецъ, какъ вамъ извѣстно, въ два часа назначена закладка но̀вой мусульманской мечети, гдѣ я обѣщалъ быть. Я не хочу обижать и господъ мусульманъ, ибо и они также избиратели... Ну-съ, такъ не угодно ли вамъ самому додуматься, гдѣ слѣдуетъ искать меня!..

Иванъ Петровичъ улыбнулся, потому что всѣмъ было извѣстно, что его нигдѣ никогда нельзя было найти, ибо при сотнѣ обязанностей, которыя онъ исполнялъ, онъ старался быть вездѣ понемножку. Поэтому постороннему наблюдателю казалось, что вся его дѣятельность заключалась въ постоянныхъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Извозчики отъ него заработывали массу денегъ. Это подало поводъ одному гласному, мѣстному остряку, когда въ думѣ разсматривали вопросъ о жалованьѣ членамъ управы, съострить:—Ивану Петровичу жалованья не надо, ему только разъѣздныя дайте!

Схвативъ шляпу и палочку, Черешковъ уже готовъ былъ удрать, но въ это время вошелъ письмоводитель и торжественно объявилъ:

— Иванъ Петровичъ! Его превосходительство господинъ Марципановъ требуетъ васъ къ себѣ.

— Какъ требуетъ? Съ какой стати требуетъ?

— Пришелъ чиновникъ изъ его канцеляріи. Говоритъ, немедленно!..

Иванъ Петровичъ пожалъ плечами.

— Вотъ новости! Что я, подъ его начальствомъ, что-ли, состою? Вотъ невѣжество!.. Да еще немедленно! А мнѣ надо немедленно въ три мѣста!.. Скажите пожалуйста!.. Я, кажется, на общественной службѣ состою, а не у него служу.

Иванъ Петровичъ кипятился. Лицо его выражало негодованіе. Письмоводитель, молодой человѣкъ съ пріятнымъ смуглымъ лицомъ и—въ противоположность Сидору Карповичу—съ либеральной манерой въ обращеніи съ начальствомъ, явно показалъ, что эти

соображенія до него не касаются. Онъ перебилъ Ивана Петровича на полусловѣ:

— Чтò-жъ сказать чиновнику?—И при этомъ слово „чиновникъ“ онъ произнесъ съ явнымъ презрѣніемъ.

— Попросите его сюда!

Письмоводитель вышелъ, и въ кабинетъ сейчасъ же вошелъ толстенькій господинъ съ темнымъ обросшимъ лицомъ, въ мундирѣ съ золотыми пуговицами.

— А! прошу васъ!

Иванъ Петровичъ подалъ ему руку и пригласилъ сѣсть.

— У васъ новые порядки?.. До сихъ поръ было принято „имѣть честь покорнѣйше просить“, и при томъ письменно и заранѣе, а теперь—требуютъ, да еще немедленно!..

Иванъ Петровичъ произнесъ это съ извѣстной дозой сарказма, но уже значительно смягченнымъ тономъ. Чиновникъ развелъ руками.

— Что до меня, то я не болѣе какъ исполнительный органъ!—сказалъ онъ и очень пріятно улыбнулся.

— Но согласитесь, что это странный пріемъ! Если бы я служилъ подъ начальствомъ его превосходительства,—другое дѣло; но вѣдь я на общественной службѣ, сами согласитесь!..

И это было произнесено уже съ явной мягкостью.

— Конечно, конечно!—подтвердилъ чиновникъ.—Да развѣ у насъ это въ разсчетъ принимается? У насъ... у насъ это въ разсчетъ не принимается... сами изволите знать... Но вѣдь я... я—только исполнительный органъ!

Подтвердивъ это вторично, чиновникъ поднялся и объявилъ, что онъ спѣшитъ.

— Чтò же вамъ угодно будетъ передать его превосходительству?

— Вы знаете, чтò передаютъ въ такихъ случаяхъ?.. Ничего-съ, оставляютъ безъ вниманія!.. Только на вѣжливость отвѣчаютъ вѣжливостью.

— Слѣдовательно, я долженъ сказать...

— Скажите... Ну... Скажите, что я сейчасъ буду... Да-съ, вотъ это скажите!..

„Исполнительный органъ его превосходительства“ сперва удивился нѣкоторой непослѣдовательности этого отвѣта, но потомъ какъ бы нѣчто понялъ и сказалъ:—Хорошо-съ, я такъ и передамъ!

— Мое почтеніе!

— Имѣю честь кланяться!..

„Исполнительный органъ“ ушелъ. Къ Ивану Петровичу вдругъ возвратилась вся пылкость его характера.—Это чортъ знаетъ что

такое! Немедленно, понимаете! Немедленно! Точно я у него служу. Однако, какъ вы думаете, Сидоръ Карповичъ, зачѣмъ бы это?

— Не понимаю! — кратко отвѣтилъ Выжмотскій, но въ голосѣ его было что-то зловѣщее. Уже одно то, что онъ не понималъ, не обѣщало ничего хорошаго. Конечно, въ природѣ попадались вещи, которыхъ Сидоръ Карповичъ дѣйствительно не понималъ. Напримѣръ, когда онъ заказывалъ столяру цѣлую партію шкафовъ для „школы прикладныхъ знаній" и городская касса платила за эти шкафы вдвое дороже, чѣмъ они стоили, онъ не понималъ, кто отъ этого страдаетъ. Городская касса? Но вѣдь она не чувствуетъ. Не плачетъ. Зато все, что касалось служебныхъ отношеній, Сидоръ Карповичъ видѣлъ насквозь и понималъ каждую тонкость. На этомъ онъ собаку съѣлъ, и не только съѣлъ, но и не поперхнулся ею. Двадцать лѣтъ онъ состоялъ на службѣ и получалъ чины. Сначала, начавъ съ очень маленькаго, ибо и грамотность его была невелика, онъ повиновался, а потомъ говорилъ одному: „уйди"—и тотъ уходилъ, а другому: „приходи"—и тотъ приходилъ. Достигнувъ чина статскаго совѣтника, онъ снискалъ такое большое довѣріе, что ему было поручено водворять порядокъ среди инородцевъ нѣкоего вновь присоединеннаго края. Какимъ образомъ оправдывалъ онъ довѣріе начальства на этомъ послѣднемъ поприщѣ, никто въ Прирѣченскѣ не зналъ; извѣстно только, что онъ вдругъ остался внѣ всякаго поприща, съ чиномъ статскаго совѣтника и безъ всякой надежды вновь получить потерянное довѣріе. Тогда-то онъ и пріѣхалъ въ Прирѣченскъ и, имѣя на плечахъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ, принялъ скромное званіе дѣлопроизводителя въ городской управѣ, по отдѣленію, которое носило слѣдующее нѣсколько странное названіе: „отдѣленіе по завѣдыванію учебной частью, а также выдѣлкой кирпича". Такое соединеніе столь разнородныхъ функцій, тѣмъ не менѣе, объяснялось очень просто. Собственно говоря, Черешковъ, какъ членъ управы, завѣдывалъ учебной частью, но такъ какъ онъ былъ невѣроятно дѣятельный и подвижной человѣкъ и при томъ не зналъ ни одного предмета, въ которомъ не считалъ бы себя хоть чуточку компетентнымъ, то всякое новое дѣло сваливалось въ его отдѣленіе. Выдѣлка кирпича на городской землѣ была открыта всего два года назадъ, и такъ какъ никто изъ членовъ управы не считалъ себя спеціалистомъ въ этой области, то и ее препроводили въ отдѣленіе Черешкова...

— Вы не понимаете, Сидоръ Карповичъ?—спросилъ Черешковъ съ замѣтной тревогой въ голосѣ.

— Нѣтъ, не понимаю... Только во всякомъ случаѣ...

— Ну?

— Хорошаго ничего не вижу!..

Иванъ Петровичъ разсмѣялся.

— Эхъ, вы! Статскій вы совѣтникъ! Вамъ все кажется, что вы среди инородцевъ порядокъ водворяете!.. Поймите же вы, что я его не боюсь, потому что я па общественной службѣ, по выборамъ, понимаете вы, статскій совѣтникъ? а?

— Понимаю-съ! Ну, а все-таки... примѣры бывали разные. Вотъ хоть бы я. Казалось мнѣ, что я царемъ былъ въ землѣ инородческой, а между тѣмъ... Милости просимъ, безъ разговоровъ, и дѣлу конецъ.

— Ну, со мной-то этого никто не посмѣетъ продѣлать!

— Я не къ тому... Я такъ только вспомнилъ!..

— Да, да, конечно!.. Такъ я пойду къ нему, а оттуда уже прямо въ кирпичную,—сказалъ это Иванъ Петровичъ и вторично взялъ шляпу и палочку; казалось, все это онъ дѣлалъ совсѣмъ просто и спокойно, но глубоко проницающее око Сидора Карповича видѣло, что въ глубинѣ души Черешкова зудилъ червякъ.

„Нечего, братецъ, неустрашимаго изображать. Струсилъ, вижу, что струсилъ!“—разсуждалъ про себя Выжмотскій.—Иванъ Петровичъ вышелъ. Проходя черезъ канцелярію, гдѣ сидѣли за столиками помощникъ Сидора Карповича и два писца, онъ крикнулъ двумъ подрядчикамъ по ремонту учебныхъ зданій, чтобы они проваливали, что никакихъ переговоровъ онъ сегодня вести не можетъ.

Онъ вышелъ на улицу. День былъ чертовски жаркій. Солнце не довольствовалось тѣмъ, что само палило изо всѣхъ силъ, оно накаляло желѣзныя крыши и кирпичныя стѣны домовъ (въ Прирѣченскѣ дома строились изъ кирпича) и ихъ заставляло поддерживать нестерпимую температуру воздуха. Трехъ-этажное зданіе управы стояло почти надъ самой рѣкой, раздѣлявшей городъ на двѣ части, но это ничего не помогало, потому что и вода въ рѣкѣ была почти такъ же горяча, какъ и воздухъ. Иванъ Петровичъ шелъ по набережной. Желтая соломенная шляпа съ широкими полями вздрагивала на его головѣ, потому что его походка, какъ и состояніе духа, была тревожна.

Рѣшительно не могъ онъ понять, что̀ могло вызвать такой, очевидно, сильный гнѣвъ, въ самомъ большомъ, хотя и штатскомъ „генералѣ“ города Прирѣченска.

Вѣдь только недѣлю тому назадъ, когда Иванъ Петровичъ блестящимъ образомъ былъ выбранъ думой на новое четырехлѣтіе,

Марципановъ поздравлялъ его, крѣпко жалъ руку и говорилъ даже, что такіе дѣятели, какъ Иванъ Петровичъ, могутъ служить украшеніемъ любо̀го города и даже столицы. Да и вообще было замѣчено, что его превосходительство „генералъ“ Марципановъ явно благоволилъ къ Ивану Петровичу. Сообразно съ этимъ, и Иванъ Петровичъ въ лѣтнее время каждое утро посылалъ свѣжій букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ супругѣ Марципанова. Букетъ этотъ былъ городской, такъ какъ Иванъ Петровичъ ко всему прочему завѣдывалъ также и городскимъ садомъ, въ которомъ былъ цвѣтникъ. Рѣшительно не могъ понять Черешковъ, что̀ могло послужить поводомъ къ немилости со стороны Марципанова. Онъ припоминалъ все, что̀ случилось за послѣднія недѣли... Ну, тогда Марципановъ поздравлялъ его,—прекрасно. Потомъ, проходя бульваромъ, раскланялся очень любезно; затѣмъ они встрѣтились въ клубѣ, онъ тамъ долго бесѣдовалъ съ нимъ, а прощаясь—жаловался на то, что передъ его квартирой мостовая совершенно испортилась, такъ что кататься въ экипажѣ нельзя, просилъ исправить, и въ заключеніе сообщилъ, что черезъ пять дней семейство его ѣдетъ въ Москву. Наконецъ, вчера они встрѣтились на улицѣ. Черешковъ ѣхалъ на извозчикѣ и снялъ шляпу, Марципановъ—въ коляскѣ, и послалъ ему воздушный поцѣлуй. Вѣдь это было вчера; что̀ же могло случиться за 24 часа, такъ радикально измѣнившее отношеніе къ нему Марципанова?

Проникнутый насквозь недоумѣніемъ, Иванъ Петровичъ прошелъ часть набережной; когда же онъ сталъ приближаться къ квартирѣ Марципанова, слухъ его былъ нѣсколько потревоженъ дружнымъ стукомъ дюжины добрыхъ молотовъ, разбивавшихъ скверный дикарь, которымъ были вымощены лучшія улицы города Приրѣченска, причемъ мостовщики съ особеннымъ усердіемъ старались, чтобы куски были поаккуратнѣе. „Это хорошо“,—подумалъ Иванъ Петровичъ:—„Марципановъ объ этомъ просилъ“. Тутъ онъ наткнулся на пару городовыхъ, стоявшихъ у входа. Городовые почтительно пропустили его и впопыхахъ сдѣлали ему даже подъ козырекъ. Онъ поднялся наверхъ по длинной деревянной лѣстницѣ, застланной темно-малиновымъ ковромъ, и очутился въ передней. Обширная передняя, съ пустынными стѣнами, съ твердыми диванчиками у стѣнъ, съ шкафомъ, наполненнымъ старыми „дѣлами“, и съ столикомъ для писца, была очевидно предназначена исключительно для пріема простой „просящей“ публики. Теперь въ ней не было ни души но едва только Иванъ Петровичъ успѣлъ оглядѣться по сторонамъ, какъ изъ внутренней двери (дверь эта, какъ хорошо было извѣстно Ивану Петровичу,

вела въ кабинетъ самого Марципанова) вышелъ „исполнительный органъ его превосходительства“ и сказалъ оффиціальнымъ тономъ:

— Его превосходительство сейчасъ выйдутъ!

— Вотъ какъ! Выйдутъ?—воскликнулъ Черешковъ; но „исполнительный органъ“ даже усомъ не повелъ, какъ будто находилъ, что это въ порядкѣ вещей, и съ суровою скромностью сѣлъ за столикъ. Это было новое оскорбленіе для Ивана Петровича и, конечно, еще болѣе горькое, чѣмъ первое. Обыкновенно Марципановъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ посѣтителей принималъ въ своемъ кабинетѣ, а его, Черешкова, который могъ служить „украшеніемъ любого города и даже столицы“, не разъ принималъ въ гостиной. И вдругъ теперь его заставляютъ дожидаться въ какой-то передней съ диванчиками для „просящей“ публики. И даже этотъ самый „исполнительный органъ“, который такъ почтительно говорилъ съ нимъ утромъ, повидимому проникся настроеніемъ своего начальства и, смѣясь, смотрѣлъ на него исподлобья. Но что̀ всего хуже, такъ это то, что для всего этого не было никакой видимой причины, а слѣдовательно были невидимыя, что̀ гораздо хуже.

Послышались твердые и въ то же время ускоренные шаги, сопровождаемые легкимъ скрипомъ. „Исполнительный органъ“ быстро поднялся и вытянулся. Дверь распахнулась, — вошелъ, ступилъ три шага и точно по командѣ остановился Марципановъ. Онъ былъ въ парадной формѣ, несмотря на жару, и застегнутъ на всѣ пуговицы. Его тяжеловѣсная, невысокая, но плотная и плечистая фигура пріобрѣтала видъ торжественности отъ массивной золотой расшивки, составлявшей принадлежность его формы. Это обстоятельство въ жаркіе лѣтніе дни дѣлало Марципанова жертвой его мундира. Лицо у него было совсѣмъ мирнаго характера, хотя онъ и старался придать ему обще-генеральскій типъ, выбривая подбородокъ и оставляя маленькія бакенчики, — большія не росли, — тѣмъ не менѣе, ему никакъ не удавалось прогнать съ этого лица выраженіе какого-то комическаго добродушія, свойственнаго людямъ, одареннымъ гораздо больше мягкимъ сердцемъ, чѣмъ проницательнымъ умомъ. Безчисленныя тончайшія морщинки, окружавшія его маленькіе глазки, казались потѣшными въ то время, когда онъ гнѣвался. И гнѣвался-то онъ какъ-то не по-настоящему, а словно по должности самаго большого человѣка въ городѣ Прирѣченскѣ.

Бывали случаи, что онъ кричалъ и размахивалъ руками и вообще старался изобразить разъяреннаго льва, но лицо его ни-

какъ не могло разстаться съ своимъ обычнымъ выраженіемъ самаго добродушнаго существа.

Иванъ Петровичъ, еще недостаточно увѣренный въ томъ, что это—настоящій гнѣвъ, началъ съ того, что улыбнулся съ необычайной для всѣхъ другихъ и обычной для него пріятностью.

— Чѣмъ могу служить вамъ, ваше превосходительство?—сказалъ онъ на всякій случай.

— Рѣшительно ничѣмъ, милостивый государь!—громко отрѣзалъ ему Марципановъ и при этомъ свирѣпо поигралъ глазами.

„Ну, теперь ужъ безповоротно; ужъ ежели пошло на милостиваго государя, такъ, значитъ, дѣло серьезное!"—подумалъ Черешковъ. Марципановъ обыкновенно называлъ его Иваномъ Петровичемъ, а когда Черешковъ, мѣсяца четыре тому назадъ, получилъ дѣйствительнаго статскаго, то онъ цѣлый мѣсяцъ называлъ его—„ваше превосходительство".

— Въ такомъ случаѣ...

Тутъ на Ивана Петровича вдругъ напалъ бѣсъ, и ему захотѣлось сказать одну изъ тѣхъ невинныхъ колкостей, какія онъ вообще былъ мастеръ говорить.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—меня, вѣроятно, по ошибкѣ оторвали отъ дѣла, и мнѣ остается только откланяться вашему превосходительству.

И онъ дѣйствительно поклонился и сдѣлалъ уже полъ-оборота къ дверямъ.

— Постойте!—громоносно крикнулъ Марципановъ:—смѣяться надо мной я не позволю! Приглашаю васъ, милостивый государь, выслушать меня!..

— Всегда готовъ съ особеннымъ удовольствіемъ!..

— Это мнѣ все равно! Вамъ извѣстно, съ какою благосклонностью я всегда относился къ городскому управленію. Вамъ извѣстно это лучше, чѣмъ кому бы то ни было, милостивый государь! Я споспѣшествовалъ ему во всѣхъ его добрыхъ начинаніяхъ, и даже—хотя сознаюсь, что это было очень дурно—сквозь пальцы смотрѣлъ на нѣкоторые его грѣшки... Да-съ! я держался принципа, что намъ слѣдуетъ жить въ мирѣ и поддерживать другъ друга. Но, милостивый государь, ни для какого принципа я не желаю, не могу, не имѣю права жертвовать престижемъ... понимаете?.. который для меня выше и важнѣе всего-съ! Да-съ! И заявляю вамъ прямо, что не потерплю никакихъ ни явныхъ, ни тайныхъ подкапываній. Понимаете?.. Заявляю вамъ прямо объ этомъ, милостивый государь, и прошу на будущее время принять къ свѣденію! Да-съ!..

Иванъ Петровичъ слушалъ съ величайшимъ напряженіемъ, стараясь постигнуть причину такого жестокаго гнѣва, но ничего не могъ постигнуть. Когда же Марципановъ въ концѣ рѣчи дошелъ до „подкапыванія“, Иванъ Петровичъ чуть-было не ахнулъ. У него такъ и рвалось наружу сказать: „мы-то, мы подкапываемся! Господи Боже мой! Да какой же вамъ еще покорности надобно? Ужъ, кажется, кирпичины безъ вашего „не встрѣчаю препятствій“ не сдѣлаемъ! Господи Боже мой!“ Но онъ воздержался и вмѣсто этого сказалъ, насколько могъ, почтительно:

— Не будете ли, ваше превосходительство, такъ добры, объяснить мнѣ, въ чемъ заключается наша вина?

— Объяснить вамъ? Вамъ неясно! Удивляюсь!.. Удивляюсь, милостивый государь, до чего доходитъ безпечность или злонамѣренность, я не знаю, что это!.. Я не понимаю!.. Я затрудняюсь! Господинъ Волохонскій! откройте окно!

„Исполнительный органъ“ подбѣжалъ къ окну и распахнулъ его. Иванъ Петровичъ думалъ, что сдѣлано это для освѣженія его превосходительства, которому, какъ это часто бываетъ, дѣлалось жарко прежде, чѣмъ тому, кого онъ распекалъ. Но оказалось, что тутъ имѣлась въ виду другая цѣль.

— Не угодно ли вамъ, милостивый государь, послушать и взглянуть!—сказалъ Марципановъ, не двигаясь съ мѣста и указывая Ивану Петровичу глазами на раскрытое окно. Едва только раскрылось окно, какъ комната наполнилась оглушительнымъ стукомъ молотовъ, разбивавшихъ камень. Двѣнадцать дюжихъ молодцовъ производили эту работу подъ самыми окнами Марципанова.

Иванъ Петровичъ подошелъ къ окну и внимательно посмотрѣлъ внизъ.

— Я вижу только одно, что здѣсь дѣятельно исполняется желаніе вашего превосходительства!—сказалъ онъ:—вы изволили просить исправить мостовую.

— Милостивый государь! Я не просилъ васъ лишать мое семейство возможности спать по утрамъ и открывать окна для того, чтобы дышать чистымъ воздухомъ.

— Но нельзя безъ стука, ваше превосходительство.

— Но вамъ извѣстно, что мое семейство черезъ три дня уѣзжаетъ въ Москву.

Тутъ Иванъ Петровичъ понялъ, что дѣйствительно сдѣлалъ ошибку. Отъѣзжающему въ Москву семейству исправная мостовая, во всякомъ случаѣ, не къ спѣху. Слѣдовало подождать, непремѣнно слѣдовало. Но развѣ все взвѣсишь и сообразишь, когда

въ головѣ винигретъ изъ школьныхъ наукъ, кирпичей, цвѣтовъ, мусульманскихъ молитвенныхъ пѣснопѣній и еще очень многаго другого! Вѣдь вотъ судьба: онъ думалъ, что дѣлаетъ высокое удовольствіе его превосходительству, а вышло чортъ знаетъ что такое!

— Однакожъ, ваше превосходительство, вы не можете думать, что это сдѣлано съ злымъ намѣреніемъ.

— Конечно, съ добрымъ! — сказалъ рѣзко Марципановъ и саркастически разсмѣялся.—Я очень хорошо освѣдомленъ обо всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ вашихъ и всего этого такъ-называемаго муниципальнаго управленія, милостивый государь. Я смотрѣлъ снисходительно, да-съ! Но когда дѣло дошло до явныхъ подкапываній, я болѣе не потерплю!.. Прошу васъ принять это къ свѣденію!..

Сказавъ это, Марципановъ круто повернулся и ушелъ въ ту дверь, черезъ которую пришелъ.

Иванъ Петровичъ постоялъ съ полъ-минуты, развелъ руками и вышелъ. Очутившись на набережной, онъ распорядился моментально пріостановить работу. Затѣмъ онъ пошелъ въ управу и сталъ въ сильной ажитаціи ходить по своему кабинету. Вошелъ Сидоръ Карповичъ и, робко остановившись у порога, молча ждалъ, что Черешковъ самъ дастъ ему объясненія. Но Черешковъ молчалъ, а пройдясь разъ десять, вдругъ остановился передъ нимъ и сказалъ:

— Отстаньте вы отъ меня пожалуйста!

— Ваше превосходительство, значитъ, въ кирпичную коммиссію не поѣдете?

Иванъ Петровичъ промолчалъ. Сидоръ Карповичъ хотѣлъ непремѣнно вызвать его на объясненіе.

— А какъ же мусульманская мечеть, ваше превосходительство?

— Уб-ир-айтесь вы къ чорту съ вашими кирпичами и съ мечетью, со всѣми этими вашими городскими дѣлами!—вдругъ крикнулъ на него Иванъ Петровичъ и даже показалъ кулакъ.

Сидоръ Карповичъ подумалъ: „дѣло дрянь!“ —и благоразумно вышелъ изъ кабинета.

II.

Въ тотъ день, когда произошло вышеописанное событіе, въ жизни города Прирѣченска имѣли мѣсто три упущенія: кирпичная коммиссія засѣдала безъ Черешкова, въ „школѣ прикладныхъ знаній“ экзаменъ прошелъ безъ него, и, наконецъ, безъ

Ивана Петровича приреченскіе поклонники Магомета заложили фундаментъ своего новаго храма. Впрочемъ, существеннаго вліянія на послѣдующія событія это не имѣло.

Но въ тотъ же день, не успѣло еще зайти солнце, какъ обыватели Приреченска знали въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ всю исторію, происшедшую въ пріемной Марципанова. Первоначальнымъ источникомъ этого свѣденія былъ „исполнительный органъ его превосходительства“; въ этотъ день онъ встрѣтилъ на улицѣ и въ разныхъ мѣстахъ душъ съ сотню знакомыхъ, каждаго останавливалъ и обязательно говорилъ:—Вы не слыхали?

— А что?—спрашивалъ обыватель.

— Сегодня была исторія; его превосходительство отдѣлалъ Черешкова, да какъ отдѣлалъ!.. „Я, говоритъ, до васъ доберусь! Это, говоритъ, ваше самоуправленіе, его давно слѣдуетъ похерить; да-съ, милостивый государь, говоритъ“. То-есть такъ отдѣлалъ, что лучше не надо. И знаете, такъ имъ и слѣдуетъ!.. Ей-Богу!..

Такимъ образомъ, сотня знакомыхъ „исполнительнаго органа“ и нѣсколько сотенъ знакомыхъ этой сотни смотрѣли на дѣло такъ, что Марципановъ почти что выгналъ въ шею Черешкова и обѣщалъ похерить самоуправленіе всѣхъ россійскихъ городовъ. Часовъ въ десять вечера на бульварѣ говорили, что онъ уже продѣлалъ эту операцію, и что самоуправленія больше не существуетъ. При этомъ каждый считалъ своею обязанностью прибавить: „Такъ имъ и надо!“ Впрочемъ, обыватели Приреченска вообще и по всѣмъ статьямъ были того мнѣнія, что, молъ, такъ и надо. Другимъ непосредственнымъ источникомъ былъ самъ Черешковъ. Придя отъ Марципанова въ управу и прогнавъ любопытствовавшаго Сидора Карповича, онъ съ четверть часа ходилъ по кабинету въ страшной ажитаціи. Первой мыслью его было немедленно созвать управу, составить постановленіе протестующаго характера, затѣмъ собрать думу и предложить ей подать жалобу въ узаконенномъ порядкѣ. „Какъ онъ смѣлъ, чортъ возьми, такъ со мной разговаривать?! Во-первыхъ, я—столбовой дворянинъ; во-вторыхъ—я выборное лицо; въ-третьихъ—я дѣйствительный статскій совѣтникъ; наконецъ, въ-четвертыхъ—я былъ предводителемъ“...

Но тутъ онъ внезапно прекратилъ теченіе своихъ мыслей. Онъ что-то вспомнилъ, нахмурилъ брови и даже слегка порычалъ, въ родѣ того, какъ рычитъ собака, когда собирается лаять. Онъ подошелъ къ стоявшему на окнѣ графину, налилъ въ стаканъ воды и выпилъ нѣсколько глотковъ. „Это хорошо,—поду-

малъ онъ, — что Сидоръ Карповичъ кладетъ въ графинъ ледъ. Вотъ меня охладило, и я свое благоразуміе обратно получилъ!“ Получивъ обратно свое благоразуміе, Иванъ Петровичъ сію же минуту припомнилъ, что въ тотъ моментъ вся-то управа состояла изъ Марьюшкина, который ничего знать не хотѣлъ, кромѣ своихъ базаровъ и сигары, вѣчно торчавшей у него во рту,—и самого Черешкова, который завѣдывалъ всѣми остальными частями. Въ самомъ дѣлѣ, голова, настоящій прирѣченскій голова Ѳедоръ Ивановичъ Азорьянцевъ, по случаю жаркаго времени, уѣхалъ въ свое имѣніе, въ сорока верстахъ отъ Прирѣченска. Уѣзжая, онъ сдалъ свою должность Ивану Петровичу. Членъ, завѣдывавшій городскими постройками и войсковыми дѣлами, уѣхалъ въ сосѣдній губернскій городъ, гдѣ были скачки, а на этихъ скачкахъ выступалъ его собственный жеребецъ „Огонь“, которымъ онъ гордился. Впрочемъ, Антонъ Лукичъ Дудыченко—такъ звали этого господина—былъ такъ старъ и болтливъ, что отъ него мало было толку. Наконецъ, Эдуардъ Клишé, родомъ французъ, имѣвшій французскій желудокъ, но до страсти любившій русскій борщъ, просто объявилъ, что отъ соединенія такихъ противоположныхъ данныхъ у него желудокъ пересталъ варить. Онъ пилъ вôды и предавался моціону. Такимъ образомъ, въ виду равнодушія ко всему на свѣтѣ Марьюшкина, управу составлялъ одинъ Иванъ Петровичъ. Созвать же думу въ лѣтнее время можно было развѣ затрезвонивъ разомъ на всѣхъ городскихъ колокольняхъ и выпаливъ изъ тысячи пушекъ... Да и на что жаловаться? Оскорбленіе, нанесенное ему, а слѣдовательно, какъ онъ полагалъ, и всему городскому управленію, было тонкаго свойства и, такъ сказать, оффиціально неопредѣлимо. Его нельзя формулировать. „Обидѣвшись, по причинѣ стука, естественно происходившаго при ударахъ молотовъ о дикарь, генералъ Марципановъ позволилъ себѣ, въ противность обычаямъ вѣжливости“... Но нѣтъ, не то... Можно ли безпокоить высшія власти по поводу неисполненія правилъ вѣжливости? Для этого существуютъ мировые судьи... „При этомъ позволилъ себѣ нѣкоторые оскорбительные отзывы о самоуправленіи, милостиво дарованномъ городамъ россійской имперіи“... А это даже на доносъ похоже. И по здравомъ размышленіи, Иванъ Петровичъ разсудилъ, что для жалобы нѣтъ объекта, сколько-нибудь увѣсистаго. Но, главное... Господи ты Боже мой! Какъ все это случилось? Какъ онъ, Черешковъ, могъ выпустить изъ виду такое важное обстоятельство, какъ проникновеніе назойливаго стука сквозь окна въ спальню ея превосходительства, да еще въ утренніе часы, когда всѣмъ снятся самые сладкіе сны?

Онъ, Черешковъ, который... Э, да что?!.. Надо говорить по чистой совѣсти. Вѣдь въ сущности всѣ его сладкія надежды покоились на Марципановѣ. Общественная служба по выборамъ—это хорошая штука, когда нѣтъ ничего лучшаго (четыре тысячи вмѣстѣ съ разъѣздными); но дѣло это такое: сегодня ты излюбленный человѣкъ, а завтра—пошелъ вонъ! Посредствомъ же Марципанова Черешковъ могъ со временемъ недурно устроиться по администраціи. Ахъ, хорошо получить губернаторскій постъ, хотя бы въ самой худой губерніи! И вѣдь вотъ судьба: этотъ постъ улыбался ему дважды, тогда и теперь. Тогда онъ увлекся, а теперь пустяковъ не сообразилъ...

Тогда,—это было лѣтъ пятнадцать назадъ,—Иванъ Петровичъ Черешковъ дѣйствительно былъ предводителемъ, правда, уѣзднымъ, но и изъ этого скромнаго уголка ему, или по крайней мѣрѣ его воображенію, былъ виденъ широкій горизонтъ. Въ одной обширной губерніи, вольготно размѣстившейся на сѣверѣ Россіи, у него было громадное болото, не приносившее ему никакого дохода; но такъ какъ онъ твердо рѣшилъ въ очень недалекомъ будущемъ, а именно, когда получитъ наслѣдство отъ имѣющей умереть тетки, осушить это болото, то его называли „человѣкомъ будущаго". Человѣкъ будущаго, однако, жилъ красиво, усадьба его была чѣмъ-то въ родѣ заѣзжаго двора для сосѣдей, которыхъ онъ и кормилъ, и поилъ. Никому и въ голову не приходило спросить, откуда у Черешкова брались средства на эту безпрерывную закуску. Дѣло же было очень просто. Черешковъ проживалъ свой московскій домъ, доставшійся ему отъ другой тетки. Хорошій былъ домъ, но и Черешковъ жилъ недурно. За это его выбрали предводителемъ, а онъ уже самъ отъ себя мѣтилъ въ губернаторы. И мѣтилъ онъ не зря, а съ основаніемъ. Въ Петербургѣ у него была рука, и эта рука отъ времени до времени указывала на него кому слѣдуетъ пальцемъ—его и памятовали. Былъ онъ уже статскій совѣтникъ, но это пустяки, потому что вѣдь и Сидоръ Карповичъ дошелъ до статскаго совѣтника, да толку отъ этого было мало. Главное-то не въ этомъ, а въ томъ, что ему *обѣщали* и, можно сказать, въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ. И въ это самое время съ нимъ произошла тогда катастрофа, да такая удивительная, что тѣ, кто потомъ слышалъ объ ней, глядя на Черешкова, не хотѣли вѣрить. А между тѣмъ она дѣйствительно произошла, это Иванъ Петровичъ живо чувствовалъ на своей особѣ.

Въ той губерніи зародился, развился и потомъ сталъ всей Россіи извѣстенъ нѣкій самородокъ—Антонъ Бутузовъ. Вышелъ

онъ изъ крестьянскаго званія, народную школу прошелъ и, имѣя любознательную страсть къ чтенію, множество всякаго рода книжекъ проглотилъ. Неизвѣстно, въ книжкахъ ли онъ такое искусство почерпнулъ, или въ головѣ у него была врожденная идея, только въ скорости онъ выступилъ въ губерніи по винной части, а лѣтъ черезъ пятнадцать, т.-е. къ тому времени, о которомъ рѣчь идетъ, ужъ онъ имѣлъ кабаки по всей губерніи и считался по количеству земли первымъ помѣщикомъ. Купилъ онъ собственно небольшой кусокъ плохенькой земли, а тамъ ужъ земля со всѣхъ сторонъ стала сама собой приростать къ этому куску. Ростетъ себѣ да ростетъ, помѣщичья ли, мужичья ли полоска, Антону Бутузову все равно,—лишь бы приращеніе было. Про него говорили: „онъ умѣетъ! знаетъ дѣло человѣкъ! талантъ имѣетъ!“ И дѣйствительно, это былъ какой-то особенный талантъ пріумноженія. Добро всякаго рода такъ и плыло въ его руки. Въ мѣстномъ обществѣ онъ игралъ выдающуюся роль. Умный, проницательный, начитавшійся умныхъ книжекъ и съумѣвшій изъ нихъ вытянуть тѣ, чтѣ наиболѣе ему было пригодно, а главное, обладавшій даромъ какого-то своеобразнаго краснорѣчія, грубаго, но мощнаго и сильнаго, онъ съ своей гигантской фигурой, въ длинномъ кафтанѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ пушистой бобровой шапкѣ,—настоящій русскій богатырь,—очаровывалъ каждаго и потомъ уже не выпускалъ изъ цѣпей своего обаянія. При этомъ, какъ человѣкъ, который „знаетъ дѣло“, онъ умѣлъ у каждаго взять тѣ, чтѣ ему было надо.

Есть такіе люди, для которыхъ каждый, кто съ ними сталкивается, чѣмъ-нибудь жертвуетъ, и при томъ охотно и незамѣтно, а они, въ качествѣ урожденныхъ счастливцевъ, берутъ эти жертвы, какъ должное. Всѣ жертвовали маленькими услугами Антону Бутузову, и Иванъ Петровичъ съ своей стороны былъ также вполнѣ готовъ принести эту жертву, и даже не маленькую; если же получилось при этомъ нѣчто неожиданное, то виноватъ въ этомъ не онъ, а судьба, которая съиграла съ нимъ штуку. Впрочемъ, это вышло какъ-то нечаянно. Бутузовскіе сосѣди-крестьяне задолжали ему, а Бутузовъ—ничего, терпѣлъ; крестьяне, видя его снисходительность, еще задолжали. Бутузовъ и это попустилъ; тогда сосѣди такъ разлакомились, что и въ третій разъ пришли; Бутузовъ и въ третій далъ. И давалъ онъ суммы немалыя, потому что сосѣдей этихъ было цѣлое село, человѣкъ триста. Наконецъ, онъ нашелъ, что довольно, и вдругъ потребовалъ все разомъ. А мужики только-что собирались просить у него въ четвертый. Разлакомились. Бутузовъ сталъ на почву закона и простеръ руку на мужицкую землю,

но должники на этотъ разъ оказались смѣлые и подняли чуть не бунтъ: прогнали бутузовскихъ приказчиковъ, а когда самъ Бутузовъ пріѣхалъ—чуть не помяли его. Гвалтъ стоялъ надъ селомъ, мужики разсвирѣпѣли, ничего не хотѣли слушать. Тогда Бутузовъ написалъ предводителю, онъ же былъ главное начальство по крестьянскимъ дѣламъ; длинное посланіе Бутузова было малограмотно, но это не мѣшало ему быть убѣдительнымъ и какъ будто исполненнымъ государственной мудрости; по его словамъ выходило, что если не принять рѣшительныхъ мѣръ—завтра подымется весь городъ, послѣ-завтра—губернія, а тамъ... тамъ и вся Россія. Такимъ образомъ, необходимо было пресѣчь зло въ корнѣ, и главное—наказать зачинщиковъ и агитаторовъ, которыхъ Бутузовъ изображалъ настоящими разбойниками. Тутъ у Ивана Петровича волосы стали дыбомъ, и онъ почувствовалъ въ груди своей призваніе спасти отечество. Маленькимъ людямъ кажутся необычайно великими всякаго рода событія, происходящія у нихъ подъ носомъ. Иванъ Петровичъ, само собой, имѣлъ при этомъ въ виду, что „рука“ на сей разъ особенно явственно укажетъ на него, кому слѣдуетъ, а „кто слѣдуетъ“ обратитъ вниманіе на его предусмотрительность и энергію и, наконецъ, ему дадутъ то, что̀ обѣщали. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что домъ въ Москвѣ все больше и больше дѣлался сомнительнымъ источникомъ дохода, и всѣ рессурсы подходили къ концу. Впрочемъ, приступая къ дѣлу, т.-е. требуя по телеграфу изъ губерніи помощи и мчась въ нарочно присланной Бутузовымъ коляскѣ на мѣсто дѣйствія, Иванъ Петровичъ не вѣдалъ еще, что̀ собственно онъ предприметъ; Бутузова онъ никогда и въ глаза не видалъ, но слухами о его подвигахъ и вліяніи была полна губернія; когда же онъ пріѣхалъ на мѣсто и бутузовскіе должники, узнавъ, что онъ тоже „бутузовскій“, встрѣтили его не особенно вѣжливо; онъ ощутилъ въ груди свирѣпость,—и тутъ-то произошла катастрофа. Въ галдѣвшей толпѣ расхаживалъ, размахивая руками, какой-то дѣтина, свирѣпо поводившій глазами и показывавшій всѣмъ кулаки. Иванъ Петровичъ рѣшилъ, что это и есть агитаторъ и зачинщикъ, и скомандовалъ: „драть, безъ снисхожденія“. До того онъ былъ взволнованъ, что и не замѣтилъ весьма страннаго обстоятельства, а именно: мужики, безъ малѣйшаго протеста, схватили дѣтину, сняли съ него все, что̀ требовалось для дѣла, и принялись драть. Напрасно жертва протестовала всѣми бывшими въ ея распоряженіи способами, напрасно она кричала, что это недоразумѣніе, умоляла, потомъ показывала кулаки, проклинала, грозила. Иванъ Петровичъ, рѣшившійся пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, былъ глухъ и

нѣмъ. Но вотъ экзекуція кончилась, дѣтина всталъ, привелъ себя въ порядокъ и, подойдя къ Ивану Петровичу, сказалъ какимъ-то лаявшимъ отъ бѣшенства голосомъ:

— А вотъ я тебѣ, такой-сякой, покажу, какъ сѣчь Бутузова!

— Бутузова?!..

Иванъ Петровичъ обомлѣлъ и остолбенѣлъ. Такъ это Бутузовъ! Онъ высѣкъ Бутузова?! Онъ, который жаждалъ оказать услугу ему и вмѣстѣ отечеству, нанесъ ему такое страшное оскорбленіе, принявъ его за агитатора? Господи ты, Боже мой! Да что же это такое? Что̀ дѣлаетъ съ нимъ судьба? и что̀ теперь будетъ?..

Это былъ моментъ, можетъ быть, единственный моментъ въ жизни Ивана Петровича, когда разсудокъ его помрачился и сердце ожесточилось. Ясное дѣло, что мужики подвели его. Вѣдь онъ ѣхалъ сюда съ цѣлью показать, кому слѣдуетъ, свою распорядительность и непоколебимость,—качества, уже сами по себѣ способныя выдвинуть его впередъ! И вдругъ высѣкъ Бутузова, человѣка, который можетъ сдѣлать все...

Не прошло и недѣли, какъ послѣдовало распоряженіе: отъ должности предводителя его удалить. Пересолилъ. Но это бы еще куда ни шло. Жизнь велика и будущее въ его власти. Такіе ли еще грѣхи забывались и прощались? Не нужно отчаяваться. Между тѣмъ домъ въ Москвѣ къ этому времени совсѣмъ прикончился, и Иванъ Петровичъ сѣлъ на своемъ болотѣ съ выпученными отъ изумленія и отчаянія глазами, безъ всякой надежды въ будущемъ. „Рука“, однако, и тутъ позаботилась о немъ. Въ далекомъ, но тѣмъ не менѣе славномъ городѣ Прирѣченскѣ въ то время блисталъ своими подвигами нѣкій Астровъ, получившій въ тѣхъ мѣстахъ прозваніе „веселаго генерала“. Онъ дѣйствительно былъ человѣкъ веселый, любилъ попѣть, поплясать, штуку выкинуть, стихи даже писалъ, но въ то же время и своей канцеляріей правилъ. Ему Иванъ Петровичъ былъ рекомендованъ, и онъ сейчасъ же выписалъ къ себѣ Черешкова, назначилъ его при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій и сказалъ ему, при этомъ лукаво подмигивая: „только про Бутузова никому не разсказывайте“. Иванъ Петровичъ охотно взялъ этотъ постъ, черезъ мѣсяцъ сошелся съ Астровымъ и сдѣлался въ его домѣ своимъ человѣкомъ; черезъ годъ же онъ былъ принятъ во всѣхъ мѣстныхъ большихъ „домахъ“, какіе, разумѣется, оказались въ наличности, и тоже всѣмъ пришелся по вкусу. А тутъ какъ разъ случилось, что въ мѣстномъ еще очень юномъ муниципалитетѣ, про который веселый генералъ острилъ, что „у него еще на губахъ молоко не обсохло“, освободилось

мѣсто старшаго члена управы. Астровъ подмигнулъ кому слѣдуетъ; Иванъ Петровичъ нанесъ всему составу думы спеціальные визиты; гласные не хотѣли огорчать ни „веселаго генерала", ни Ивана Петровича и выбрали его тутъ же единогласно. Вскорѣ послѣ этого „веселый генералъ" покинулъ свой постъ для болѣе широкаго поприща, а на его мѣсто прибылъ Марципановъ. Какъ это ни странно, а съ этого момента въ сердцѣ Ивана Петровича возродилась надежда получить то, что̀ ему обѣщали и что̀ такъ предательски уплыло изъ-подъ самаго его носа. Членъ управы въ такомъ городѣ, какъ Прирѣченскъ—лицо важное. За время, что онъ находился въ бездѣйствіи (сюда онъ включалъ и горестное состояніе въ званіи чиновника особыхъ порученій), грѣхъ его мало-по-малу стерся въ книгѣ живота, и теперь можно было заполнить чистую страницу новыми подвигами. Оставаться вѣчно на общественной службѣ нѣтъ разсчета. Какое тутъ движеніе? Развѣ въ головы изберутъ? Но, во-первыхъ, его тщеславіе такимъ положеніемъ не удовольствовалось бы. А во-вторыхъ, не изберутъ, ни за что не изберутъ. Поэтому Иванъ Петровичъ билъ въ двѣ точки: первое—обнаруживалъ необычайную дѣятельность, куска не доѣдалъ, ночей не досыпалъ, и все для пользы общественной, а второе—старался угодить Марципанову, справедливо полагая, что судьба его—въ Марципановскихъ рукахъ. Это не стоило ему большихъ хлопотъ. Букеты были городскіе, а съ другой стороны Иванъ Петровичъ былъ обворожительно милъ въ обращеніи и хорошо владѣлъ иностранными языками. Послѣднее обстоятельство ставило его высоко въ глазахъ госпожи Марципановой. Но главное, супругъ ея, самъ Марципановъ, питалъ къ нему какое-то инстинктивное влеченіе. Онъ и самъ не понималъ, почему это. Было ли это таинственное вліяніе „руки", или такъ пришлась ему по вкусу рѣшительность, какую Иванъ Петровичъ проявилъ въ бутузовской исторіи,—неизвѣстно. Но въ какія-нибудь пять лѣтъ онъ успѣлъ представить Черешкова и къ ордену, и къ чину дѣйствительнаго статскаго, тогда какъ остальные члены управы сидѣли безъ движенія на своихъ коллежскихъ, полученныхъ на прежнихъ должностяхъ, когда они состояли на коронной службѣ. Иванъ Петровичъ видѣлъ это и со дня на день ждалъ, что вотъ-вотъ его призовутъ...

И вдругъ...

Да, чортъ возьми! Его „призвали", только иначе, чѣмъ онъ ожидалъ. Неужели же опять уплыло изъ-подъ самаго его носа? И какъ это онъ, въ самомъ дѣлѣ, не сообразилъ, что гораздо лучше было подождать три дня, когда супруга Марципанова

уѣдеть въ Москву! Но, однако, изъ-за такого пустяка... Чортъ знаетъ!.. Какая масса энергіи и самоотверженія погибла!..

Несмотря на дурное настроеніе духа, вечеромъ онъ пошелъ все-таки въ клубъ. Клубъ этотъ назывался „Англійскимъ", хотя въ немъ преобладало русское развлеченіе—винтъ. Иванъ Петровичъ, однако, въ карты не игралъ, а заходилъ сюда изрѣдка для того, чтобы встрѣтиться съ какимъ-нибудь человѣкомъ, понадобившимся ему для общественнаго дѣла. На этотъ разъ его интересовалъ вопросъ, что̀ говорятъ въ городѣ. Едва онъ вошелъ въ клубъ, какъ игроки, между которыми не мало было гласныхъ думы, побросали карты и обступили его. Всѣ были болѣе или менѣе освѣдомлены со стороны „исполнительнаго органа"; поэтому первые вопросы, которыми забросали Ивана Петровича, касались уничтоженія муниципальныхъ вольностей и привилегій.

— Правда ли? Да неужели? Можетъ ли это быть?

Иванъ Петровичъ принялъ видъ человѣка, несказанно удивленнаго этими вопросами.

— Что̀ вы, что̀ вы, господа? Съ чего это вы? Ничего подобнаго не было! Просто... Ну... разумѣется, ему было непріятно... Онъ выразилъ нѣкоторое неудовольствіе, но... само собою въ чрезвычайно деликатной формѣ.

— А этого... насчетъ того, чтобы похерить?.. А?..

— Помилуйте! Да неужели я позволилъ бы такъ со мной разговаривать? Да никогда!

Тутъ Иванъ Петровичъ подумалъ и прибавилъ:—Сначала онъ дѣйствительно имѣлъ этакій тонъ, понимаете, начальственный. То да то, знаете... Но я его этакъ деликатно и тонко... я, знаете, умѣю это... Деликатно и тонко оборвалъ:—Я, говорю, ваше превосходительство, какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ удовольствіемъ выслушиваю дѣлаемое вами внушеніе, но какъ лицо, выбранное думой, могу выслушивать только предложенія и совѣты... И что̀ вы думаете? Сейчасъ смягчился!..

— Браво! Вотъ это браво! Ай да Иванъ Петровичъ! Очень ловко сказалъ! Оборотъ, оборотъ какой! Я, говоритъ, какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ... ха, ха, ха!.. отлично! Но какъ лицо, выбранное думой... Прекрасно... Прекрасно... Превосходно!..

Ивану Петровичу пожимали руки и поздравляли его. Въ особенности были довольны гласные. Что же касается Ивана Петровича, то, начиная сообщать это свѣденіе, онъ не зналъ, что закончитъ его именно такъ, какъ закончилъ; но развѣ можно требовать отъ человѣка, чтобы онъ предвидѣлъ каждый свой шагъ? Такой оборотъ подвернулся,—вотъ и все. Когда же онъ увидѣлъ,

что это произвело хорошее впечатлѣніе, онъ похвалилъ себя за удачную редакцію и уже считалъ своимъ долгомъ поддерживать свою легенду. Впрочемъ, онъ сидѣлъ въ клубѣ не больше часу. По обыкновенію, его ждали неотложныя спѣшныя, экстренно-срочныя дѣла.

Когда Иванъ Петровичъ вышелъ изъ клуба и направился къ своей квартирѣ, дѣйствительность опять встала передъ нимъ во всей своей наготѣ, и въ воображеніи его, при тускломъ свѣтѣ керосиновыхъ фонарей, ясно нарисовалась картина, какъ „нѣчто" обѣщанное и желанное вторично уплывало изъ-подъ самаго его носа. „Нѣтъ, это надо поправить во что бы то ни стало!" — сказалъ онъ себѣ съ необычайною твердостью и рѣшилъ завтра же отправиться къ Марципанову и принести повинную.

III.

На другой день Иванъ Петровичъ проснулся, по обыкновенію, рано, въ семь часовъ. Онъ обладалъ драгоцѣнной способностью всегда хорошо спать. Чтò бы ни случилось, въ какую бы передѣлку ни попалъ онъ, благодѣтельный сонъ приходилъ къ нему въ обычное время, развѣ съ маленькимъ запозданіемъ,—возвращалъ ему силы, освѣжалъ голову. Даже въ ту знаменитую ночь, которая слѣдовала за роковымъ днемъ, когда, вмѣсто желаннаго назначенія, онъ получилъ головомойку, даже и въ ту ночь онъ спалъ такъ же хорошо, какъ всегда.

За чайнымъ столикомъ, въ одиночествѣ, онъ прочитывалъ мѣстныя газеты, въ которыхъ обыкновенно укоряли, стыдили и бранили городское управленіе, изрѣдка касаясь личностей намеками, а еще рѣже называя дѣятелей поименно. На этотъ разъ его вниманіе на минуту остановилось на замѣткѣ, озаглавленной: „Нестерпимое состояніе Карнакской долины". Въ замѣткѣ писалось, что въ этой долинѣ, по которой проходитъ дорога съ хуторовъ въ городъ, послѣ дождя стоитъ невылазная грязь, а въ обычное время рытвины, и что городской управѣ по этому поводу должно быть стыдно.

— Дурень!—добродушно сказалъ Иванъ Петровичъ по адресу репортера:—по этой дорогѣ ѣздитъ всего дюжина бабъ съ молокомъ для продажи! Да и какая тамъ долина между двухъ холмовъ въ два аршина вышины?!..

И сказавъ это, Иванъ Петровичъ сейчасъ же позабылъ и о Карнакской долинѣ, и о репортерѣ, и, наконецъ, о дюжинѣ бабъ

съ молокомъ для продажи. Вообще въ груди его не осталось и слѣда вчерашней тревоги. Инцидентъ съ Марципановымъ казался ему пустяшнымъ недоразумѣніемъ, которое очень легко разъяснится. Стоитъ только ему надѣть фракъ и отправиться къ его превосходительству въ непріемный часъ. Но такъ какъ до девяти часовъ заходить было неприлично, Марципановъ же принималъ отъ девяти до одиннадцати, то Иванъ Петровичъ рѣшилъ побывать у него около двѣнадцати. Тѣмъ временемъ можно было забѣжать въ двадцать мѣстъ и исполнить сорокъ общественныхъ дѣлъ, и Иванъ Петровичъ отправился въ городской садъ, осмотрѣлъ оранжерею, понюхалъ цвѣтовъ и сказалъ, что они прекрасно пахнутъ; освѣдомился, готовится ли обычный букетъ для Марципановой, и узнавъ, что уже готовится, приказалъ на этотъ разъ постараться—и сдѣлать его пороскошнѣе.

— Должно быть, она ныньче именинница! — предположилъ садовникъ.

— Да, да, именинница!—нисколько не затруднился отвѣтить Иванъ Петровичъ, и подумалъ: „хороши, чортъ возьми, именины!" Затѣмъ онъ забѣжалъ на „кирпичное поле", т.-е. мѣсто, гдѣ дѣлали городской кирпичъ, и пощупалъ нѣсколько кирпичинъ съ такою же любовью, съ какою только-что смотрѣлъ и нюхалъ цвѣты; потомъ онъ заѣхалъ въ школу прикладныхъ знаній, вбѣжалъ въ комнату, гдѣ происходилъ экзаменъ, произвелъ нѣкоторый переполохъ, попросилъ „не обращать на него вниманія и продолжать", и черезъ три минуты исчезъ. Отсюда онъ отправился въ управу и отдалъ себя въ распоряженіе Сидора Карповича.

Сидоръ Карповичъ былъ мраченъ. Здороваясь съ Черешковымъ, онъ посмотрѣлъ на него въ высшей степени неодобрительно.

— Что это вы на меня такъ смотрите?—спросилъ его шутливымъ тономъ Иванъ Петровичъ:—точно я васъ стукомъ молотовъ огорошилъ!

— Иванъ Петровичъ!—серьезно и внушительно сказалъ Сидоръ Карповичъ:—не шутите этимъ!

— Чѣмъ собственно, любезный статскій совѣтникъ?

— А собственно этимъ стукомъ... Въ пеклѣ, говорятъ, тоже стукъ вѣчный раздается. Позвольте спросить, Иванъ Петровичъ...

— Ну?!..

— Вчера въ клубѣ вы разсказывали вотъ это, будто вы Марципанову отвѣтили, что, молъ, какъ дѣйствительный статскій,

готовы слушать его, а какъ выбранное лицо—напротивъ... Правда, что это вы говорили въ клубѣ?

— Вы что же это меня экзаменуете? Ну, а если правда?

— Нехорошо! Чрез-вы-чай-но нехорошо, Иванъ Петровичъ!

— Почему же?

— Дойдетъ до него! Ужъ непремѣнно дойдетъ! Вы думаете, у него нѣтъ этихъ... лазутчиковъ? А я вамъ говорю, что они вездѣ есть. И этотъ самый чиновникъ Волохонскій все разузнаетъ и ему разскажетъ... Помяните мое слово!

— Допустимъ. Чтò же изъ этого?

— Какъ что? Обыкновенно, чтò!.. Милости просимъ, да и только!.. Эти дѣла очень просто дѣлаются. Я вѣдь испыталъ, на собственной шкурѣ испыталъ!.. Да-съ!

— Да вѣдь это же разница, почтеннѣйшій мой статскій совѣтникъ. Ваша собственная шкура воровата была, ну, а здѣсь просто стукъ молотовъ,—какое же сравненіе?

— Ахъ-ахъ-а-ахъ! Я вамъ скажу примѣрно: ежели солдатъ на каланчѣ стоитъ и окрестность обозрѣваетъ, и видитъ онъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ дымъ, такъ чтò онъ дѣлаетъ, по вашему? По вашему, онъ махнетъ рукой и скажетъ: это пустяки? Нѣтъ, онъ сейчасъ тревогу дѣлаетъ, потому что дымомъ пожаръ начинается.

— Ну, ладно, ладно, подите вы съ вашими аллегоріями!

— Да вѣдь я такъ. Я, разумѣется, даже и совѣтовать не смѣю, я только въ предупрежденіе.

Во время этихъ здравыхъ разсужденій Сидоръ Карповичъ подсовывалъ Ивану Петровичу для подписи ордеръ за ордеромъ. Иванъ Петровичъ едва успѣвалъ спросить:—А это чтò?

— Это за ремонтъ шкафовъ въ школѣ прикладныхъ знаній... Помяните мое слово, ваше превосходительство, осторожность надобно въ рѣчахъ соблюдать. Вотъ хоть бы я...

— А это что за шестьдесятъ-два рубля?

— Это за вставку стеколъ въ школѣ. Бывшей третьяго дня бурей разбило... Я, напримѣръ, слетѣлъ,—отчего бы вы думали? Вы думаете, за дѣло?

— Какой бурей? Бури никакой ни было! Что вы городите?

— Третьяго дня ночью была буря, мимолетная, этакъ рванўло разъ, два и затихло... Единственно по доносу, да-съ... Конечно, были грѣхи, не отрицаю... Кто безъ грѣха? однако, ежелибъ лазутчикъ, которому я поперекъ дороги сталъ, не донесъ бы, служилъ бы я по сей день и дошелъ бы съ своими грѣхами за спиной до степени...

Иванъ Петровичъ рѣшительно не имѣлъ возможности сосредоточиться на ордерахъ, тѣмъ больше, что Сидоръ Карповичъ, какъ нарочно, въ такіе дни, когда онъ спѣшилъ, заготовлялъ ихъ неимовѣрное количество.

Въ половинѣ двѣнадцатаго вдругъ внезапно собрались тучи, загремѣлъ громъ и пошелъ дождь, да такой крупный и частый, что въ какія-нибудь десять минутъ образовались цѣлые ручьи, благополучно разливавшіеся по городскимъ улицамъ, образуя въ соединеніи съ глинистой почвой порядочную грязь. Тѣмъ не менѣе, Иванъ Петровичъ своего намѣренія не отклонилъ. Воспользовавшись временемъ, когда дождь уменьшился, онъ зашелъ домой, облачился во фрачную пару, взялъ цилиндръ, привелъ въ порядокъ свою природную шевелюру, вышелъ изъ дому, сѣлъ на извозчика, заѣхалъ къ парикмахеру, велѣлъ тщательно очистить себѣ щеки и, наконецъ, прибылъ къ подъѣзду дома, гдѣ жилъ Марципановъ. Улица была пустынна. Въ двухъ мѣстахъ лежали кучки разбитаго дикаря, оставшагося отъ вчерашней катастрофы. Городовые опять сдѣлали Ивану Петровичу подъ козырекъ; онъ поднялся наверхъ и позвонилъ. Вышелъ лакей, отставной гвардеецъ старой службы, статный, сѣдой, почтительный, но любившій поразсуждать.

— Доложи-ка, братецъ, обо мнѣ его превосходительству!— сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Его превосходительство изволили уѣхать!—почтительно отвѣтилъ лакей.

— Куда?—Иванъ Петровичъ былъ удивленъ, потому что въ это время Марципановъ всегда собирался завтракать.

— Въ Карнакскую долину-съ!

— Въ этакій-то дождь?

— Именно-съ... Какъ только дождь пошелъ, сію минуту изволили приказать карету и укатили. Съ ними два чиновника и... и... вотъ ужъ не могу сказать, сколько городовыхъ.

Иванъ Петровичъ сдѣлалъ плечами жестъ крайняго недоумѣнія и спустился внизъ. „Чудеса какія-то!“ —подумалъ онъ: — „кажется, его превосходительство начинаетъ со скуки чудить!“ Дождь въ это время опять усилился; Иванъ Петровичъ по необходимости завернулъ въ подворотню и выжидалъ тамъ. Въ это время ему пришло на мысль нанести визитъ самой Марципановой. Во-первыхъ, это облегчитъ ему доступъ къ сердцу Марципанова, а во-вторыхъ, это будетъ напутственнымъ визитомъ, такъ какъ она завтра уѣзжаетъ.

Марципанова занимала отдѣльную половину, въ которую велъ

особый ходъ, изъ подворотни. Ивану Петровичу стоило только обернуться, чтобы очутиться передъ звонкомъ. Онъ позвонилъ; вышелъ лакей, но уже совсѣмъ другого типа, молодой, съ тщательно-расчесанными шелковистыми баками, обходительный, сдержанный и благовоспитанно-строгій.

— Ея превосходительство дома?

— Дома-съ! Сейчасъ доложу!

Иванъ Петровичъ ждалъ, поставивъ одну ногу на ступеньку, готовый всякую минуту подняться и войти. Въ это время изъ канцеляріи, въ которую ходъ былъ со двора, вышелъ „исполнительный органъ его превосходительства" и, проходя мимо Ивана Петровича, остановился и сказалъ:—Къ ея превосходительству?

Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на него презрительно и отвѣтилъ сквозь зубы:—Да!..

Дверь отворилась и выглянулъ лакей:—Ея превосходительство не могутъ принять, уставши!—сказалъ онъ и какъ-то поспѣшно скрылся и затворилъ дверь передъ самымъ его носомъ.

— Имѣю честь!—сказалъ „исполнительный органъ", какъ-то нахально приподнялъ фуражку и пошелъ со двора. Иванъ Петровичъ даже не взглянулъ на него. „Это уже похоже на отказъ!—подумалъ онъ:—такъ, значитъ, и она... гм... значитъ, серьезно... Н-да!" На лбу у него вдругъ выступило нѣсколько крупныхъ капель пота. Онъ снялъ шляпу и вытеръ лобъ платкомъ. Голова его отяжелѣла отъ множества мыслей и предположеній, разомъ наполнившихъ ее. Почему? За чтò? И какія отъ сего произойдутъ послѣдствія? Чтò надобно предпринять, дабы защитить себя и свое положеніе? Опасно ли это вообще или безопасно? Съ одной стороны, ему казалось, что его, какъ человѣка, выбраннаго гражданами и при томъ не совершившаго никакого проступка, никто не смѣетъ тронуть. А съ другой, всякіе примѣры бывали, и, можетъ быть, Сидора Карповича не обманываетъ его печальная опытность.

Идя по набережной подъ проливнымъ дождемъ, съ опущенной внизъ головой, при чемъ съ пальто и шляпы ручьями стекала вода, Иванъ Петровичъ во-истину походилъ на мокрую курицу. Но онъ не замѣчалъ ни ливня, ни того, чтò попадалось ему подъ ноги. Онъ буквально чуть не ударился лбомъ о зданіе управы, которое встрѣтилось ему на пути. Но онъ очнулся, услышавъ сильный стукъ въ окно. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что членъ управы Марьюшкинъ съ неизмѣнной сигарой во рту стучалъ ему и манилъ его изъ своего кабинета, и, наконецъ, пріотворивъ форточку, сказалъ ему хриплой октавой:

— Коллега, идите-ка, устроимъ засѣданіе управы!

— Засѣданіе!—съ глубоко трагическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ повторилъ Черешковъ. И дѣйствительно, что за интересъ для него представляло теперь управское засѣданіе съ его вопросами городского хозяйства, когда у него исчезала почва подъ ногами? Вѣдь этотъ кирпичъ, каждая кирпичина городского кирпичнаго поля, каждый ученикъ городской школы для него были ступеньками къ „желанному и обѣщанному". И вотъ въ то самое время, какъ ему оставалось рукой подать къ сокровищу, которое лежитъ на самой верхушкѣ, подъ ногами его все шатается, и онъ летитъ стремглавъ внизъ, едва спасая голову. Однако онъ зашелъ въ управу, но не для того, чтобы „засѣдать", а для того, чтобы облегчить душу. Если онъ могъ относиться болѣе или менѣе беззаботно къ вчерашнему инциденту, то этотъ ударъ, который онъ получилъ сейчасъ, эти ужасныя четыре слова: „не могутъ принять, уставши", сразили его. Онъ чувствовалъ потребность высказаться передъ Марьюшкинымъ.

Когда Иванъ Петровичъ, отдавъ на высушку пальто и шляпу слугѣ, вошелъ въ кабинетъ, Марьюшкинъ, сидѣвшій на стулѣ, въ полъ-оборота къ окну, повернулъ къ нему лицо и сказалъ своей октавой:

— Вы, должно быть, у Марципанова были, что во фракѣ?

— Ахъ, Викторъ Алексѣевичъ! Еслибы вы только знали, еслибы только знали!..

— Это вы насчетъ стука молотовъ, должно быть?—пробасилъ Марьюшкинъ и пососалъ сигару.

— Да что стукъ?! Нѣтъ, вы сами посудите: чѣмъ я виноватъ, чѣмъ виноватъ? Пять дней тому назадъ встрѣтились мы съ нимъ...

И Иванъ Петровичъ разсказалъ Виктору Алексѣевичу все, какъ было, стараясь быть точнымъ и ничего не соврать. Марьюшкинъ все время смотрѣлъ на него своими большими, спокойными и добрыми глазами, не выпуская изо рта сигары. На немъ была пиджачная пара свѣтло-сѣраго, веселенькаго цвѣта, свѣжіе, туго накрахмаленные, блестящіе воротничекъ и манжеты, пестрый галстухъ, повязанный широкимъ бантомъ, мелкія лѣтнія ботинки съ лакированными носками и съ какими-то замысловатыми застежками; выше ботинокъ выглядывали щегольскіе полосатые носки. Однимъ словомъ, Марьюшкинъ былъ одѣтъ почти франтовски и имѣлъ видъ человѣка, еще далеко не потерявшаго надежды на романъ. На видъ ему было лѣтъ подъ-шестьдесятъ, но во всей его крѣпкой, слегка подавшейся въ ширь, фигурѣ была масса

бодрости и энергіи. Почти совершенно сѣдые волосы, остриженные ежомъ, были очень густы. Длинные усы, за которыми онъ ухаживалъ, придавали его крупному и оригинальному лицу молодецкій видъ. Даже мѣшки подъ глазами, крупные и очень замѣтные, не только не портили его лица, а придавали ему своеобразный интересъ. Сидѣлъ онъ всегда въ сторонкѣ отъ другихъ, положивъ ногу на ногу, облокотившись лѣвой рукой на спинку кресла и слегка перегнувъ туловище на сторону. Выходило и красиво, и величественно. Ко всему этому надо прибавить, что Викторъ Алексѣевичъ имѣлъ привычку на засѣданіяхъ управы, думы и разныхъ коммиссій больше слушать, нежели говорить, и вообще очень рѣдко высказывалъ свое мнѣніе о предметахъ, не касающихся его отдѣленія. Зато въ распоряженіи базарами и всѣмъ, касающимся торговли, онъ съумѣлъ выговорить себѣ полную самостоятельность.

Марьюшкинъ принадлежалъ къ числу коренныхъ старожиловъ города Прирѣченска. Въ городѣ его всякая торговка и всякій уличный мальчишка знали. И было время, когда онъ занималъ видный служебный постъ. Но какъ-то такъ вышло, что занималъ онъ его занималъ, и вдругъ точно ни съ того, ни съ сего пересталъ занимать. Это было лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Одни говорили, что онъ слетѣлъ; другіе утверждали, что Викторъ Алексѣевичъ кому-то носъ показалъ. Оффиціально было извѣстно, что онъ былъ „уволенъ по прошенію", а самъ онъ никогда никому подробностей не разсказывалъ. Въ городѣ у него была репутація справедливаго и добраго человѣка. Виктора Алексѣевича буквально всѣ любили. Какъ только стало извѣстно, что онъ вышелъ въ отставку, думцы сейчасъ же пригласили его на городскую службу, выбрали его членомъ управы и дали въ его руки торговое дѣло. И сидѣлъ на своемъ мѣстѣ Марьюшкинъ, можно сказать, молча, безъ всякихъ разговоровъ, дѣловито и разумно управляя ввѣренною ему частью, избѣгая какого бы то ни было соприкосновенія съ начальствомъ. Боязнь этого соприкосновенія доходила у него до того, что онъ подъ благовидными предлогами отказывался участвовать даже въ такихъ депутаціяхъ, которыя имѣли въ виду доставить начальству удовольствіе, какъ-то: поднести адресъ, почетный подарокъ, и т. п.; „боюсь данайцевъ и дары принимающихъ", говорилъ онъ, примѣняя извѣстный стихъ къ своему положенію: „самымъ лучшимъ мнѣніемъ начальства пользуется тотъ, кто никогда не показывается къ нему на глаза", пояснялъ онъ, „ибо о немъ начальство никогда не думаетъ, а

посему и повредить ему не можетъ". И въ самомъ дѣлѣ, начальство никогда не пыталось вредить ему...

— Вотъ все, что было, Викторъ Алексѣевичъ!—воскликнулъ Черешковъ, разсказавъ ему свою исторію въ послѣдовательномъ порядкѣ.—Что вы на это скажете? Что посовѣтуете?

— Мой совѣтъ вамъ: наплюйте! То-есть, такимъ образомъ: дѣлайте свое дѣло, вотъ и все!

Надо замѣтить, что Иванъ Петровичъ разсказалъ только то, что было со вчерашняго дня, но, разумѣется, ни однимъ словомъ не коснулся прошлаго съ Бутузовской исторіей и тѣмъ болѣе не упомянулъ о своихъ надеждахъ.

— Вы думаете?—спросилъ онъ и сталъ мысленно примѣнять этотъ совѣтъ къ своему дѣйствительному положенію. Выходило нѣчто малонадежное.

— Ну, а какъ вы полагаете, зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Карнакскую долину?

— А чортъ его знаетъ! Надо полагать, такъ, для прогулки.

— Постойте, постойте!.. Для прогулки? Нѣтъ, не для прогулки! Ну, да, да! я вспомнилъ! Дѣйствительно, сегодня въ газетѣ была замѣтка насчетъ Карнакской долины. Вотъ оно что!.. Такъ онъ поѣхалъ туда провѣрить замѣтку. Каковъ?

— Ну, и пусть себѣ провѣряетъ. Ему больше и дѣлать-то нечего!..

— Да почему? Откуда такая любознательность? Вотъ въ чемъ вопросъ! Прежде вѣдь этого не было. Ахъ, знаете, нѣтъ ничего хуже загадки.

— Да наплюйте, батюшка, наплюйте, вотъ и все!..

Викторъ Алексѣевичъ никакъ не могъ понять крайняго волненія Черешкова изъ-за пустяковъ, а Черешкова бѣсило равнодушіе и спокойствіе Марьюшкина. Такимъ образомъ, во взаимномъ непониманіи другъ друга, они провели часа два, пока дождь совсѣмъ прошелъ и даже сквозь тучъ показалось солнце. Тутъ они собрались уходить.

— Такъ, по вашему, Викторъ Алексѣевичъ, наплевать?—спросилъ еще разъ Черешковъ.

— Наплевать!—убѣжденной октавой отвѣтилъ Марьюшкинъ.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ регистраторъ, съ большимъ пакетомъ въ рукахъ и съ чрезвычайно встревоженнымъ видомъ.

— Это еще что?—спросилъ Черешковъ.

— Пакетъ отъ господина Марципанова. Особый посланецъ принесъ. Сію минуту, говоритъ, пріѣхалъ изъ Карнакской долины и сейчасъ же написали и послали. — Черешковъ выразительно

взглянулъ на Марьюшкина, а Марьюшкинъ махнулъ рукой, какъ бы не желая тратить голоса на произнесеніе своего любимаго слова: „наплевать“.

„Экстренно-срочное. Просятъ немедленно распечатать“. Вотъ что̀ стояло на самой верхушкѣ конверта. А по распечатаніи оказалось слѣдующее: обративъ вниманіе на помѣщенную въ нумерѣ такомъ-то газеты такую-то замѣтку о вопіющемъ состояніи Карнакской долины, его превосходительство немедленно отправился на мѣсто, гдѣ и оказалось, что дѣйствительно глинаный грунтъ дороги, подымающейся на гору, до того размыло, что нѣтъ возможности проѣхать, и пр., и пр. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что прямая и единственная обязанность городского управленія заботиться о внѣшнемъ благоустройствѣ города и его предмѣстій, дабы обыватели не встрѣчали затрудненій, его превосходительство покорнѣйше проситъ немедленно ассигновать сумму, составить смѣту и замостить камнемъ Карнакскую долину.

— Ассигновать и замостить! Немедленно! А!? Каково? Ассигновать сто тысячъ! И это ради дюжины бабъ, которымъ лѣнь объѣхать двѣ версты, гдѣ прекрасная дорога!..

— Да наплюйте, говорю вамъ!—спокойно сказалъ Марьюшкинъ.—Отвѣтьте, что городское управленіе находитъ, молъ, излишнимъ, да и дѣлу конецъ!..

Черешковъ посмотрѣлъ на Марьюшкина съ невыразимымъ укоромъ.

— Вамъ все наплевать, Викторъ Алексѣевичъ! Вамъ хорошо, вы... вы саламандра какая-то, которая въ огнѣ не горитъ. А мнѣ отдуваться надо!.. Господи! Хоть бы ужъ голова пріѣзжалъ!

— Да за что̀ отдуваться-то?

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! съ вами не столкуешься!..

Иванъ Петровичъ потребовалъ пальто и шляпу, которыя немножко просохли, и, попрощавшись съ Марьюшкинымъ, пошелъ домой, сказавъ мимоходомъ Сидору Карповичу, что, въ случаѣ чего-нибудь экстреннаго, прислать къ нему на домъ. У него теперь явился какой-то безсознательный страхъ передъ экстренной бумагой, которая могла придти каждую минуту. Онъ шелъ домой и размышлялъ въ душѣ своей: „Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ ей мѣшаетъ придти? Ничего! развѣ трудно, развѣ долго написать ее? Сѣли и написали. Одни написали, другіе подписали, а третьи въ пакетецъ положили и печать сверху приложили. И бумага идетъ себѣ и приходитъ. Вотъ все, что̀ надо для того, чтобы погубить человѣка. „Въ виду... и принимая во вниманіе... Проявивъ

въ дѣлѣ Бутузова отсутствіе такта и дальновидности, а также во исполненіе... и на основаніи... въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ сложить съ себя званіе"... Господи, Господи! За чтò такая страшная кара? развѣ онъ не раскаялся? развѣ въ теченіе всей своей общественной службы онъ не держался умѣренно-либеральнаго образа мыслей, не старался умножить городскія школы, не былъ простъ, ласковъ и милъ въ обращеніи со всѣми?

Да нѣтъ, это бредъ встревоженной души. Бутузовская исторія давно забыта; Марципановъ разсердился, но ничего не сможетъ ему сдѣлать дурного! Ну, не представитъ къ дальнѣйшему повышенію, не дастъ лестнаго отзыва, ежели спросятъ,—вотъ и все. Но съ выборной должности ему не столкнуть Ивана Петровича никоимъ образомъ. Да вѣдь и Марципановъ не вѣченъ, и его убрать могутъ, и даже поговариваютъ уже объ этомъ. (Впрочемъ, надо замѣтить, что ни о чемъ такъ не любятъ поговаривать въ губернскихъ городахъ, какъ о томъ, что кого-нибудь хотятъ убрать.)

Послѣдній оборотъ мыслей значительно успокоилъ Ивана Петровича. Когда же онъ пришелъ домой и увидѣлъ въ передней на столѣ огромный, прекрасно сдѣланный букетъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, то въ мысляхъ его произошла нѣкоторая путаница.

— Кто прислалъ?—спросилъ онъ горничную.

— Принесли отъ Марципановой!—былъ отвѣтъ.

— Ага!—какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ произнесъ Иванъ Петровичъ и почувствовалъ, что ноги его дрожатъ, а въ глазахъ какой-то туманъ. Разбитой походкой дошелъ онъ до кабинета и сѣлъ въ кресло. Онъ смотрѣлъ въ одну точку на противоположной стѣнкѣ и, казалось, ни о чемъ не думалъ. Губы его сложились въ саркастическую улыбку и тихо произносили: „Изволили не принять! Изволили не принять"!..

Но вдругъ онъ оживился, провелъ ладонью около глазъ, точно разгоняя туманъ, поднялся и сказалъ: „Однако, это мы еще посмотримъ... Н-да-съ! Мы еще посмотримъ!"

И послѣ этихъ словъ отчаянье какъ-то само собой оставило его. Иванъ Петровичъ принадлежалъ къ людямъ, у которыхъ въ душѣ долго не задерживаются гнетущія состоянія. Ихъ какъ-то тянетъ къ веселому жанру. Онъ до того „отошелъ", что даже пропѣлъ, стараясь басить какъ можно толще:

„Будетъ бу-ря! Мы поспо-римъ!
И побо-ремся мы съ ней!
Будетъ буря!"

— Олимпіада! приготовьте-ка столъ къ обѣду! — скомандовалъ онъ. Самъ же сѣлъ за письменный столъ и началъ состав-

лять на-черно письмо о послѣднихъ событіяхъ къ петербургскому родственнику, большому „его превосходительству“, которое энергично дѣйствовало въ его пользу, въ качествѣ „сильной руки“.

IV.

Письмо въ Петербургъ къ большому „его превосходительству“ было отправлено въ тотъ же вечеръ.

Тогда же въ головѣ Ивана Петровича возникъ трудный вопросъ: какъ быть съ букетомъ? Завтра Марципанова уѣзжаетъ въ Москву. Было бы какъ-то неестественно отправить ее безъ букета. Первая дама города Прирѣченска уѣзжаетъ въ Москву и вдругъ—безъ букета! Оно, конечно, „мы поспоримъ“! Это вѣрно, и, въ сущности, Иванъ Петровичъ ничего не боялся, такъ какъ онъ не совершилъ никакого проступка. Но раздражать окончательно Марципанова тоже нѣтъ надобности. Вѣдь онъ—генералъ, а генералъ, хотя бы и штатскій, по глубокому убѣжденію Ивана Петровича, ежели захочетъ, всегда можетъ повредить человѣку.

„Ба! Вотъ вамъ и рѣшеніе! Марьюшкинъ поднесетъ... Отъ него примутъ, хотя бы и съ зубовнымъ скрежетомъ, а примутъ!..“

И онъ тотчасъ же полетѣлъ къ Марьюшкину.

— Голубчикъ!.. Возьмите на себя! — умолялъ онъ Виктора Алексѣевича, повѣдавъ ему о своихъ колебаніяхъ.

— Не хотите ли? Присядьте-ка! Эй, Михайло! приготовь стаканъ...

Марьюшкинъ сидѣлъ на балконѣ собственнаго дома, во второмъ этажѣ, конечно, съ сигарой въ зубахъ, мѣшалъ ложечкой стоявшій передъ нимъ стаканъ съ шери-гоблеръ и собирался тянуть этотъ прохладительный напитокъ черезъ соломенку.

— Благодарю васъ! Значитъ, вы согласны?

— Что такое? О чемъ?

— Ахъ, Боже мой! Букетъ поднести Марципановой... Понимаете, она завтра уѣзжаетъ въ Москву...

— Я—букетъ?—лаконически спросилъ Марьюшкинъ.

— Разумѣется, вы!..

Марьюшкинъ на минуту вынулъ изо рта сигару.

— Кажется, вы меня за дурня принимаете!..

— Почему же?

— Сорокъ лѣтъ назадъ, когда я былъ кадетомъ, я, дѣйствительно, подносилъ букеты барышнямъ, а теперь — храни меня Богъ отъ этого занятія!..

— Но вѣдь это, такъ сказать, оффиціальный букетъ!..

— Не слыхалъ, чтобы когда-нибудь былъ изданъ законъ о поднесеніи букетовъ знатнымъ дамамъ при отъѣздѣ въ Москву.

Лакей принесъ стаканъ шери-гоблеръ, и Марьюшкинъ прибавилъ: — Пососите-ка, Иванъ Петровичъ, холодненькаго. Вамъ это полезно. Вы въ послѣднее время какой-то лихорадочный сдѣлались...

— Такъ вы не возьметесь?

— Да Боже меня сохрани! Всю жизнь считали меня серьезнымъ человѣкомъ, и вы хотите въ шестьдесятъ лѣтъ сдѣлать меня смѣшнымъ...

Иванъ Петровичъ нервно прошелся по балкону, потомъ какъ-то вытянулся и сдѣлалъ оффиціальный видъ. Онъ сказалъ:

— Однакожъ, Викторъ Алексѣевичъ, я прошу васъ, а вы не хотите! Въ такомъ случаѣ, я, какъ старшій членъ управы, замѣщающій городского голову, могъ бы и предложить вамъ!

Марьюшкинъ поднялъ на него глаза и отвѣтилъ съ предобродушнѣйшей улыбкой:—Подите вы къ чорту, Иванъ Петровичъ! Ей-Богу! Пососите-ка прохладительнаго!

Иванъ Петровичъ покраснѣлъ, ибо понялъ, что, въ качествѣ замѣщающаго городского голову, онъ сказалъ большую глупость. Отъ прохладительнаго онъ отказался и ушелъ съ какимъ-то растеряннымъ видомъ. Дорогой онъ рѣшилъ мучительный вопросъ о букетѣ слѣдующимъ образомъ: „Я исполню свой долгъ. Я отправлю букетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Во-первыхъ, это можетъ понравиться; а во-вторыхъ, это имѣетъ такой видъ, будто я не понялъ сегодняшняго маневра Марципановой; не приметъ— это ея дѣло. За симъ я отправлюсь на вокзалъ и оффиціальнѣйшимъ образомъ буду присутствовать при отправленіи въ Москву ея превосходительства. Однимъ словомъ, я сдѣлаю такъ, чтобы рѣшительно не къ чему было придраться“.

Дальнѣйшій ходъ событій былъ слѣдующій.

Иванъ Петровичъ заѣхалъ въ городской садъ и приказалъ садовнику приготовить букетъ еще болѣе роскошный, чѣмъ тотъ, который вернули, и отнести его Марципановой въ девять часовъ утра. Затѣмъ онъ отправился домой и занялся неотложными дѣлами, какъ-то: просмотрѣлъ протоколъ вчерашняго засѣданія кирпичной коммиссіи, состоявшагося безъ него; прибавилъ двѣ страницы къ своему длиннѣйшему докладу думѣ о необходимости замѣны въ народныхъ школахъ обыкновенныхъ форточекъ вертящимися жестяными звѣздами; познакомился съ результатами экзаменовъ въ школѣ прикладныхъ знаній за два дня,

когда онъ отсутствовалъ, и т. д., однимъ словомъ, посвятилъ вечеръ на служеніе общественному дѣлу. Въ двѣнадцать часовъ онъ легъ спать, спалъ всю ночь прекрасно и сновъ никакихъ не видѣлъ. Всталъ въ семь часовъ, совершилъ обычное питаніе, пошелъ въ управу, удовлетворилъ Сидора Карповича по части подписанія ордеровъ и другихъ бумагъ, зашелъ домой, позавтракалъ, одѣлъ фракъ, повѣсилъ на шею орденъ, который получилъ по представленію Марципанова, и поѣхалъ на вокзалъ. Курьерскій поѣздъ отходилъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Иванъ Петровичъ прибылъ за четверть часа до отхода и нашелъ на платформѣ *всѣхъ*, т.-е. старшихъ чиновъ канцеляріи Марципанова, представителей разныхъ вѣдомствъ и самого Марципанова съ семействомъ. Къ своему полному удовольствію, онъ прежде всего увидѣлъ, что Марципанова держала въ рукахъ городской букетъ. Впрочемъ, онъ понималъ, что изъ этого факта не слѣдовало выводить ничего собственно въ его пользу. Просто Марципанова сообразила, что ей, первой дамѣ въ городѣ (она, по крайней мѣрѣ, была увѣрена въ этомъ), неловко будетъ уѣзжать безъ букета, и рѣшила принять. Тѣмъ не менѣе, Иванъ Петровичъ былъ доволенъ. Онъ подошелъ прямо къ ней; она подала любезно ему руку и поблагодарила за присылку букета, но ни слова не упомянула ни о вчерашнемъ днѣ, ни о вчерашнемъ букетѣ. Послѣ этого она сейчасъ же заговорила съ кѣмъ-то другимъ, продѣлавъ это, впрочемъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ. Марципановъ довольно ловко избѣжалъ подачи руки Ивану Петровичу. Онъ очень любезно, съ улыбкой обратился къ Черешкову, какъ бы продолжая прерванный разговоръ:

— Чудныя розы ростутъ въ городскомъ саду! Чудесныя розы!

Этимъ онъ достигъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, говорилъ съ Черешковымъ и, повидимому, любезно, не подавъ, однако, ему руки, а во-вторыхъ, далъ понять, что букетъ считаетъ городскимъ и, слѣдовательно, въ подношеніи его особой заслуги со стороны Ивана Петровича не видитъ. Когда же госпожа Марципанова скрылась въ вагонѣ и поѣздъ двинулся, Марципановъ сказалъ Черешкову уже тономъ вполнѣ оффиціальнымъ:

— Я вчера отправилъ въ управу экстренную и важную бумагу; прошу обратить на нее вниманіе!

— Бумагѣ вашего превосходительства данъ надлежащій ходъ!

Марципановъ уѣхалъ, сдѣлавъ всѣмъ общій поклонъ, а Иванъ Петровичъ взялъ извозчика и направился въ управу. Онъ вспомнилъ, что бумагѣ Марципанова никакого надлежащаго хода не дано, а что лежитъ она безъ движенія на столѣ въ кабинетѣ

Марьюшкина, и ужъ, конечно, Викторъ Алексѣевичъ и не подумалъ прикоснуться къ ней. Такъ и оказалось. Сидоръ Карповичъ, отправившійся въ кабинетъ Марьюшкина, нашелъ ее на столѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вчера ее оставилъ Иванъ Петровичъ. При этомъ почтенный дѣлопроизводитель по учебной части, а также по части выдѣлки кирпича, изрекъ, обращаясь, впрочемъ, къ самому себѣ:

— Этакую бумагу, подписанную этакимъ лицомъ, допускаютъ лежать гдѣ попало, безъ всякаго вниманія! Вотъ ужъ именно— люди не дорожатъ своимъ положеніемъ! Вѣдь Марципанову стоитъ только захотѣть. Милости просимъ и укладывай чемоданъ.—Сидоръ Карповичъ взялъ бумагу съ благоговѣніемъ и понесъ ее въ отдѣленіе городскихъ кирпичей съ такой бережностью и съ такимъ почтеніемъ, точно въ рукахъ его была не бумага, а самъ его превосходительство, господинъ Марципановъ, самый большой „генералъ“ города Приреченска. Иванъ Петровичъ взялъ бумагу и написалъ на ней: „передать въ отдѣленіе городскихъ построекъ для заключенія“. Бѣдный Сидоръ Карповичъ даже пошатнулся, прочитавъ такую резолюцію, но сказать ничего не рѣшился, а только подумалъ: „задастъ онъ вамъ заключеніе“. По его мнѣнію, слѣдовало завтра же созвать думу, ассигновать потребную сумму, а послѣ-завтра приступить къ замощенію. Тѣмъ не менѣе, онъ передалъ бумагу въ регистратуру, а оттуда ее послали въ отдѣленіе городскихъ построекъ, куда она попала только на другой день. Попавъ въ отдѣленіе построекъ, бумага опять была доложена Ивану Петровичу, такъ какъ онъ, за отсутствіемъ Дудыченка, и этой частью завѣдывалъ. На этотъ разъ Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на нее уже съ другой точки зрѣнія, а именно съ точки зрѣнія отдѣленія городскихъ построекъ, поэтому и надпись сдѣлалъ другую: „передается городскому инженеру для осмотра на мѣстѣ и дачи заключенія“. Съ этой надписью бумагу опять отнесли въ регистратуру, которая уже въ третій разъ вписала ее въ книгу, поставивъ на ней третій нумеръ и на слѣдующій день отослала ее инженеру. Слѣдующіе три дня у инженера были заняты ранѣе назначенными осмотрами; поэтому онъ собрался въ Карнакскую долину только на четвертый день, на пятый— написалъ на бумагѣ свое заключеніе, а на шестой представилъ его Черешкову. Этотъ шестой день былъ десятымъ со времени поступленія бумаги отъ Марципанова, и именно въ этотъ день Иванъ Петровичъ получилъ отъ его превосходительства бумагу, которую можно было назвать образцомъ оффиціальнаго раздраженія. Марципановъ требовалъ немедленнаго отвѣта на свое „предложеніе“

и прибавлялъ: „въ противномъ случаѣ, я буду поставленъ въ необходимость принять свои мѣры".

— „Свои мѣры"!—воскликнулъ Иванъ Петровичъ:—это что же такое, и какой вредъ подъ симъ выраженіемъ разумѣть слѣдуетъ? Какъ вы думаете, Викторъ Алексѣевичъ?

— А это надо полагать, что Марципановъ на свой счетъ хочетъ замостить Карнакскую долину!—замѣтилъ Марьюшкинъ.

Иванъ Петровичъ потребовалъ бумагу съ заключеніемъ инженера. Оказалось, что инженеръ не видитъ особенной надобности въ замощеніи Карнакской долины, но не считаетъ это и излишнимъ, полагая, что всякое улучшеніе путей сообщенія полезно. Стоить же это будетъ примѣрно тысячъ семьдесятъ. Сейчасъ же составили бумагу, въ которой объяснили Марципанову, что управа вполнѣ раздѣляетъ его предложеніе, но рѣшить его можетъ только дума, которой и будетъ доложено дѣло.

Когда эта бумага была уже запечатана и сдана разсыльному, въ управѣ появился Антонъ Лукичъ Дудыченко. Онъ только-что вернулся изъ отпуска и явился прямо въ управу. На его въ обыкновенное время мертвенно-блѣдномъ лицѣ теперь игралъ замѣтный румянецъ и во всей его фигурѣ замѣчалось оживленіе. Щеки и подбородокъ были насвѣжо выбриты, усы накрашены свѣжей краской и густо нафабрены; паричокъ, покрывавшій его совершенно обнаженную голову, былъ слегка подстриженъ (полѣтнему). Даже его обыкновенно сгорбленная спина замѣтно выпрямилась.

— О! „Огонь", „Огонь"! Клянусь честью!—восторженно воскликнулъ онъ вмѣсто привѣтствія, пожимая руки Ивана Петровича и Марьюшкина.

— А! Антонъ Лукичъ! Да вы, ей Богу, помолодѣли!..

— Ге! Еще бы! Имѣя такого жеребца, какъ „Огонь"!..

— Вы очень, очень кстати! Расхлебайте-ка кашу, которая тутъ заварилась. Она какъ разъ по вашему отдѣленію!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— И вы знаете, онъ могъ бы взять призъ, еже-либъ (онъ произносилъ это слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) не проклятая ворона! Клянусь честью! Понимаете? Ворона! Въ самую ту минуту, когда онъ опережалъ всѣхъ... Двадцать шаговъ, чтобъ я провалился, и столбъ... Вдругъ ворона надъ самой его головой... Ну, запинка, и призъ пропалъ. Клянусь честью! Но какая онъ лошадь! Что за жеребецъ! Вы знаете, всѣ такъ и сказали: — Антонъ Лукичъ! По правиламъ, конечно, взялъ призъ „Роландъ" госпо-

дина Струйкина, но нравственно, нравственно его заслужилъ „Огонь". Какая онъ лошадь, клянусь честью! Ежелибъ не ворона! Ахъ! какая онъ лошадь! какой онъ жеребецъ! чтобъ я провалился!

— Антонъ Лукичъ!—воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Чтобъ я провалился!—повторилъ Дудыченко, ударяя себя въ грудь:—двѣнадцать тысячъ давали—не взялъ!

— Позвольте, однако, это чортъ знаетъ что такое!—крикнулъ Иванъ Петровичъ, выведенный изъ терпѣнія болтовней Дудыченка:—тутъ дѣло первой важности, а онъ о жеребцѣ своемъ распространяется! Да плевать мнѣ на вашего жеребца!

— Гм... Вотъ вы и разсердились,—промолвилъ нѣсколько опѣшившій Дудыченко:—а въ чемъ же дѣло?

Ему разсказали весь ходъ дѣла.

— Э, это вы неправильно поступили!.. Надо было взять, ну, тамъ какую-нибудь кубическую сажень дикаря, и—дѣло сдѣлано!

— Вы съума сошли?

— Нимало! Клянусь честью!.. Я это сдѣлаю... Я это сейчасъ же сдѣлаю... Я вступаю въ должность...

— Да чтò вы собственно сдѣлаете?

— Собственно вотъ чтò: у насъ найдется съ кубъ дикаря, мы его возьмемъ и свеземъ въ Карнакскую долину и тамъ расспланируемъ, а Марципанову скажемъ: вотъ, ваше превосходительство, не успѣли вы намекнуть, какъ мы уже приступили къ заготовкѣ матеріаловъ... Ну, и этотъ кубъ можетъ себѣ хоть цѣлый годъ простоять...

Дудыченко разсмѣялся по поводу своего остроумнаго оборота и показалъ свои большіе, ровные, бѣлые и здоровые зубы, въ которыхъ былъ только одинъ недостатокъ, а именно тотъ, что они были вставные, за исключеніемъ двухъ самыхъ дальнихъ, которые были гнилы.

— Не вижу въ этомъ надобности'—сказалъ Марьюшкинъ.

— А я вижу! Прошу извиненія, но я вижу! Клянусь честью! Иванъ Петровичъ, я вступаю въ должность!

Дудыченко сейчасъ же пошелъ въ свое отдѣленіе и распорядился сегодня же, сію же минуту начать свозку камня въ Карнакскую долину. Засимъ онъ отправился къ Марципанову. Онъ пріѣхалъ (Дудыченко никогда не ходилъ пѣшкомъ, а всегда ѣздилъ въ коляскѣ) какъ разъ въ ту минуту, когда Марципанову доложили отвѣтъ управы на его предложеніе. Именно въ тотъ моментъ, когда Дудыченко вошелъ въ кабинетъ его превосходительства, Марципановъ кончилъ чтеніе знаменитой бумаги и прямо обратился къ нему:

— Что такое? Десять дней держали мое предложеніе и потомъ—думѣ? Зачѣмъ думѣ? Какая дума? Что̀ такое дума?

— Ваше превосходительство...

— Никакихъ думъ я знать не желаю! слышите? Тутъ дѣло идетъ объ общественной безопасности... понимаете? Въ подобныхъ случаяхъ принимаются экстренныя мѣры... Да-съ!..

— Ваше превосходительство!.. Не извольте сердиться... Извольте выслушать...

— Ну-съ?..

— Это недоразумѣніе. Но едва лишь я пріѣхалъ изъ отпуска, какъ оно разсѣялось, чтобы я провалился, ваше превосходительство!.. Дѣйствительно, дума должна ассигновать тамъ сумму, но что-жъ изъ этого? Дума сама собой, а ваше превосходительство сами собой. Я и приказалъ сегодня же свозить камень въ Карнаксвую долину.

— Садитесь, пожалуйста! Я радъ, что вы вернулись, радъ! Я всегда цѣню, когда вижу готовность споспѣшествовать... Но согласитесь сами, господинъ Дудыченко, когда вамъ оказываютъ систематическую оппозицію...

— О!—воскликнулъ Антонъ Лукичъ, предоставляя Марципанову понимать это восклицаніе какъ ему угодно. Въ душѣ же его при словѣ „оппозиція" раздался смѣхъ: „Иванъ Петровичъ въ оппозиціи! Охъ, потѣха!" подумалъ онъ.

— А я, ваше превосходительство, прошу позволенія похвастаться передъ вашимъ превосходительствомъ,—со льстивымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ промолвилъ Дудыченко.

— Ну-те, ну-те!..

— Мой „Огонь", ваше превосходительство, мой жеребецъ, котораго вы изволили осматривать тогда... какая онъ лошадь, ваше превосходительство! клянусь честью!

— Взялъ призъ?

— Не взялъ, но для меня все равно, что взялъ. Еже-либъ не ворона, взялъ бы... Мнѣ такъ всѣ и сказали. Хотя по правиламъ взялъ „Роландъ" Струйкина, но нравственно его „Огонь" заслужилъ... Чтобы я провалился! Какая онъ лошадь! Что за жеребецъ, ваше превосходительство!

— Очень радъ, очень радъ!..

— Двѣнадцать тысячъ даютъ—не беру... Клянусь честью!..

— Вотъ какъ!..

Дудыченко поднялся.—Ваше превосходительство! Вотъ у васъ есть балкончикъ. Черезъ два часа вы извольте выйти на него и

взглянуть туда, вдаль, по направленію къ Карнакской долинѣ, и вы увидите, какъ идетъ камень, ваше превосходительство.

Марципановъ, при прощаніи, дружески пожалъ руку Дудыченку, а Дудыченко поѣхалъ въ управу съ ликующимъ видомъ.

— Ну, вотъ, онъ уже и не сердится! Видите? И не сердится уже. Жалъ мнѣ руку, говорилъ: „очень, очень радъ"!.. А стόитъ это всего сорокъ-пять рублей съ перевозкой!.. И будетъ себѣ онъ тамъ стоять, этотъ камень, до скончанія вѣка—аминь!.. А все кто? Дудыченко! чтобъ я провалился!

И. Потапенко.

I, Y

Н. А. РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ

Очеркъ музыкальной дѣятельности.

1865—1890 г.

Окончаніе.

III *).

Вскорѣ послѣ „Майской Ночи“ Римскій-Корсаковъ написалъ третью оперу, „Снѣгурочку“, которая была исполнена въ первый разъ на сценѣ въ Петербургѣ 29-го января 1882 года. Народное преданіе о Снѣгурочкѣ, дочери весны и дѣда-мороза, обработано, какъ извѣстно, А. Н. Островскимъ, написавшимъ на этотъ сюжетъ поэтическую весеннюю сказку въ стихахъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ; это произведеніе и взято Римскимъ-Корсаковымъ какъ либретто для его оперы. Это былъ чрезвычайно удачный выборъ; трудно указать сюжетъ, болѣе подходящій къ дарованію Римскаго-Корсакова и къ характеру его творчества. Мы уже говорили, что сказочный міръ—настоящее его царство, гдѣ онъ безусловно не имѣетъ соперниковъ, тотъ міръ, въ которомъ онъ уже создалъ много превосходнаго и новаго („Садко“, „Антаръ“, 3-е дѣйствіе „Майской Ночи“), въ которомъ онъ занялъ, смѣло можно сказать, первое мѣсто послѣ Глинки, творца геніальной, сказочной оперы „Русланъ и Людмила“. Понятно поэтому, что фантастическіе сюжеты всегда при-

---

*) См. выше: май, 5 стр.

влекали музу Р.-Корсакова, и что именно въ этой сферѣ она чувствовала себя наиболѣе привольно и свободно.

Если въ первыхъ двухъ операхъ Римскій-Корсаковъ оставался очень близокъ къ тѣмъ литературнымъ произведеніямъ, по которымъ онъ составлялъ свои оперныя либретто, то въ „Снѣгурочкѣ" это было еще легче. Въ пьесѣ Островскаго нужно было сдѣлать только нѣкоторыя сокращенія, безъ которыхъ ея исполненіе съ музыкой (значительно замедляющей ходъ дѣйствія) превосходило бы всякіе предѣлы театральнаго представленія, и получилось безподобное оперное либретто, написанное превосходнымъ литературнымъ языкомъ. Самое содержаніе пьесы, весь ходъ дѣйствія, всѣ детали, такъ и напрашиваются на музыку; читая „Снѣгурочку" Островскаго, чувствуется, какъ много можетъ дополнить музыка, усиливая обаяніемъ своихъ звуковъ тотъ лиризмъ и особенно тотъ духъ поэтической фантастики, которыми проникнуты здѣсь почти всѣ сцены. То же самое въ отношеніи дѣйствующихъ лицъ; такъ и кажется, что они требуютъ музыкальной характеристики, музыкальной обрисовки, которая несомнѣнно можетъ придать имъ бо̀льшую образность, бо̀льшую рельефность. Весна-красна, спускающаяся на лебедяхъ и журавляхъ на землю будить отъ сна могучую природу въ странѣ безпечныхъ берендеевъ; Дѣдъ-Морозъ, съ подвластными ему лѣшими; ихъ дочь Снѣгурочка, живущая среди людей холодною, безстрастною, выпрашивающая у матери, какъ высшаго дара, „любви дѣвичьей" и погибающая, при первомъ проблескѣ любовнаго чувства, подъ палящими лучами бога Ярилы; престарѣлый царь Берендей, мирно правящій своею страною, горюющій о томъ, что „въ сердцахъ людей замѣтилъ онъ остуду, исчезло въ нихъ служенье красотѣ, а видятся совсѣмъ иныя страсти"; бѣдный мальченко-пастушонко, кудрявый Лель, плѣняющій своими пѣснями сердца всѣхъ женъ и дочерей счастливыхъ берендеевъ,—развѣ это не драгоцѣнные для композитора, новые и свѣжіе типы?.. Понятно, что пьеса Островскаго представляла для Римскаго-Корсакова, особенно при характерѣ и свойствѣ его творчества, драгоцѣнныя данныя, и немудрено, что „Снѣгурочка" вдохновила его на одно изъ самыхъ капитальныхъ и лучшихъ его произведеній, которое составило ему извѣстность и пріобрѣло почитателей болѣе, чѣмъ какое-либо другое произведеніе.

Изучая партитуру оперы „Снѣгурочка", каждый музыкантъ несомнѣнно долженъ придти къ заключенію, что она написана даровитымъ композиторомъ, находящимся въ полномъ расцвѣтѣ творческихъ силъ и владѣющимъ композиторскою техникою въ

совершенствѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, въ смыслѣ мастерства, художественности и изящества фактуры, „Снѣгурочка" стоитъ значительно выше предъидущихъ работъ Римскаго-Корсакова и представляетъ произведеніе въ полномъ смыслѣ слова образцовое. Красота, ясность и чистота гармонизаціи, богатство чудеснѣйшихъ контра-пунктическихъ разработокъ, чисто классическая правильность и изящество формы [1]) и, наконецъ, роскошная, замѣчательно тонкая, кристаллически прозрачная инструментовка, составляютъ достоинство партитуры „Снѣгурочки". Но, кромѣ того, всѣ эти техническія достоинства одухотворены сильнымъ и глубокимъ творчествомъ, сопровождающимъ всю оперу съ начала и до конца; каждая страница носитъ печать вдохновенія, и ни объ одной нельзя сказать, что она написана по музыкальной рутинѣ, что это только работа мастера, а не результатъ художественнаго творчества.

Съ самаго начала оперы слушатель сразу подчиняется обаянію оркестроваго вступленія къ прологу, этой чудесной описательной музыки, иллюстрирующей первое появленіе весны, съ прилетомъ птицъ, съ перекликающимся вдали пѣніемъ пѣтуховъ, съ фантастическимъ изображеніемъ лѣшаго. Никакія, конечно, слова не могутъ дать даже приблизительное понятіе о всей чарующей прелести этого вступленія; надо находиться подъ непосредственнымъ его впечатлѣніемъ, чтобы понять, какъ много можетъ дать музыка для характеристики подобнаго настроенія. Такимъ же настроеніемъ проникнута слѣдующая за вступленіемъ арія Весны, съ превосходной музыкой, но написанной слишкомъ тонко, чтобы производить достаточно сильное впечатлѣніе на большой сценѣ. Далѣе имѣемъ очень оригинальную хоровую музыку: „Пѣсня и пляска птицъ", въ оркестровомъ сопровожденіи которой очень хорошо и остроумно введено звукоподражаніе пѣнію, крикамъ и щебетанью различныхъ птицъ, что сдѣлано безъ всякаго ущерба музыкальному содержанію. Пляска птицъ прекращается съ появленіемъ Дѣда-Мороза, предшествуемаго снѣжною мятелью, изображаемою въ оркестрѣ съ большою художественностью. Пѣсня Мороза („По богатымъ посадскимъ домамъ колотитъ по угламъ"), задуманная и выполненная съ большой

---

[1]) Правильностью формы Римскій-Корсаковъ какъ бы щеголяетъ въ „Снѣгурочкѣ". Въ тѣхъ нумерахъ оперы, въ которыхъ онъ не придерживается общепринятыхъ музыкальныхъ періодовъ въ 4 такта, онъ обозначаетъ цифрами каждый періодъ; такъ, напр., у него есть періоды въ 5 тактовъ (первая пѣсня Леля, вступленіе ко 2-му дѣйствію), періоды въ 7 тактовъ (пляска птицъ), и весь нумеръ строго выдержанъ въ одномъ и томъ же періодѣ.

широтой и размахомъ, очень характерна и типична, но требуетъ исключительныхъ голосовыхъ средствъ (могучаго баса), чтобы произвести полное впечатлѣніе. Отмѣтимъ далѣе красивое появленіе Снѣгурочки и ея арію, съ эффектными фіоритурами, написанными очень музыкально и съ большимъ вкусомъ, а также слѣдующіе затѣмъ хорошіе речитативы Снѣгурочки („Къ нему дѣвицы ходятъ, красавицы"...) и ея аріетту, съ изящной, пѣвучей музыкой, поэтическаго, необыкновенно теплаго настроенія. Укажемъ еще на эпизодъ обращенія Весны къ Снѣгурочкѣ, съ тонкой инструментовкой, звучащей замѣчательно фантастично, и на характерное воззваніе Мороза къ лѣшимъ, съ приказомъ охранять Снѣгурочку, отправляющуюся въ слободу „съ людьми пожить".

Фантастическая музыка этихъ сценъ измѣняетъ характеръ съ появленіемъ толпы народа, везущаго на саняхъ соломенное чучело масляницы. Большой хоръ „Проводы Масляницы", построенный на отличныхъ темахъ чисто народнаго характера, написанъ съ удивительнымъ мастерствомъ и талантливостью и представляетъ очень типичную обрядовую музыкальную картину. Замѣчателенъ слѣдующій послѣ хора речитативъ „Масляницы-соломенное чучело", произносящей свою довольно длинную рѣчь на одной нотѣ, сопровождаемой аккомпаниментомъ съ оригинальнѣйшими гармоніями и коротенькой музыкальной фразой то въ басу, то въ верхнемъ голосѣ. Заключительная сцена пролога полна жизненности и правды: комическія рѣчи подвыпившаго бобыля и сварливой бобылихи, появленіе среди толпы народа Снѣгурочки и ея прощаніе съ лѣсомъ охарактеризованы музыкой съ неподражаемымъ искусствомъ.

Въ первомъ дѣйствіи обратимъ вниманіе на милую сценку Снѣгурочки съ Лелемъ (речитативъ и дуэтино), на двѣ чудесныя пѣсни Леля въ чисто народномъ характерѣ, на изящный хорикъ дѣвушекъ, зовущихъ Леля, на всѣ речитативы этого послѣдняго, отличающіеся красивою мелодичностью и выразительностью, на прекрасную картину „Свадебный обрядъ" (хоръ и соло Купавы и Мизгиря), съ очень хорошей музыкой, проникнутой характеромъ какой-то величавой обрядности. Слѣдующая затѣмъ сцена полна драматическаго движенія (Мизгирь, увлеченный красотою Снѣгурочки, бросаетъ свою невѣсту Купаву): отчаяніе Купавы, ея обращеніе къ Снѣгурочкѣ и Мизгирю, энергическія фразы Мизгиря, комическія фразы бобыля и бобылихи, теплое и задушевное прощаніе Снѣгурочки съ Лелемъ, всѣ эти частные эпизоды, составляющіе одну большую сцену, написаны замѣчательно

правдиво, естественно, интересно и музыкально. Въ финалѣ 1-го дѣйствія, въ которомъ продолжается развитіе предъидущей сцены, находимъ мастерскіе музыкальные пріемы. Весь финалъ построенъ на темѣ жалобъ Купавы къ собравшемуся народу, и тема эта, переходя изъ партіи Купавы въ партіи хора и въ оркестръ, разработана съ замѣчательнымъ разнообразіемъ гармоническимъ и контрапунктическимъ; на этой музыкѣ, составляющей какъ бы общій фонъ финала, рельефно выдѣляются широкія мелодическія фразы Мизгиря и возгласы Купавы. Затѣмъ въ серединѣ имѣемъ еще безподобную музыку заклинаній Купавы, проникнутую мистическимъ характеромъ и отличающуюся горячею страстностью въ концѣ, когда Купава рѣшается броситься въ рѣку; удерживающій ее Лель обращается къ ней съ мелодическимъ речитативомъ („Зачѣмъ топить ретивое сердечко") рѣдкой красоты и искренности. При всѣхъ высокихъ музыкальныхъ достоинствахъ этого финала, въ немъ много драматизма и художественной правды; это одинъ изъ наиболѣе выдающихся нумеровъ оперы.

Второе дѣйствіе (во дворцѣ царя Берендея) начинается интереснымъ оркестровымъ вступленіемъ въ формѣ марша или, вѣрнѣе, шествія, съ легкимъ юмористическимъ оттѣнкомъ. По поднятіи занавѣса, прежде всего находимъ превосходный хоръ слѣпцовъ-гусляровъ („Вѣщія, звонкія струны рокочутъ громкую славу царю Берендею"), который своимъ спокойнымъ величіемъ, народнымъ, чисто эпическимъ характеромъ и замѣчательнымъ мастерствомъ фактуры заслуживаетъ самыхъ высокихъ похвалъ. Далѣе, послѣ сцены царя съ ближнимъ бояриномъ Бермятой, проведенной съ большимъ искусствомъ, слѣдуетъ безподобный дуэтъ царя съ Купавой (пришедшей съ челобитной на измѣнившаго ей Мизгиря) заслуживающій особеннаго вниманія. Обаятельно красивая музыка этого дуэта, полная искренности и теплоты, съ чудеснымъ настроеніемъ, такъ хорошо соотвѣтствующимъ сценическому и драматическому положенію, при изумительной рельефности и естественности музыкальной декламаціи, прозводитъ глубокое, захватывающее впечатлѣніе; невозможно слушать этотъ дуэтъ, не проникаясь сочувствіемъ къ жалобамъ Купавы и къ ласковымъ, участливымъ рѣчамъ царя Берендея. Далѣе укажемъ на „кличъ бирючей", оригинальный по замыслу и превосходный по выполненію [1]); на шествіе царя Берендея, съ тою же музыкою, что и

[1]) Два бирюча сзываютъ народъ на судъ, уснащая свою рѣчь разными прибаутками: „Государевы люди! Бояре, дворяне, боярскія дѣти; веселыя головы, широкія бороды" и т. д. Сначала они выкрикиваютъ поочередно, а въ концѣ ихъ выкрики

въ вступленіи, и на очень красивый и эффектный „гимнъ берендеевъ“, написанный для квартета солистовъ и хора, безъ аккомпанимента. Слѣдующая за симъ сцена суда надъ Мизгиремъ, входъ Снѣгурочки съ бобылемъ и бобылихой такъ же интересны и талантливы, какъ и предъидущія сцены, а каватина царя, по своей мелодичности, по изяществу гармонизаціи и по очаровательной инструментовкѣ, съ соло для віолончели, представляетъ одинъ изъ красивѣйшихъ нумеровъ оперы. Нельзя не обратить вниманіе на речитативы обращенія царя къ Снѣгурочкѣ, на красивый женскій хорикъ боярынь и на очень поэтическій и музыкальный монологъ Леля: „Не мнѣ, великій царь, а солнцу подобаетъ такая честь“... Заканчивается дѣйствіе тѣмъ же „гимномъ берендеевъ“, о которомъ упоминали выше, но здѣсь онъ написанъ для одного хора, безъ солистовъ и съ сопровожденіемъ оркестра, въ который мастерски введены въ концѣ фразы изъ шествія царя.

Въ третьемъ дѣйствіи имѣемъ сцену праздника въ заповѣдномъ лѣсу, начинающагося хороводомъ и комической пѣсней бобыля (съ мужскимъ хоромъ), написанныхъ съ свойственнымъ автору мастерствомъ, но которые какъ-то стушевываются среди предъидущихъ и послѣдующихъ, болѣе яркихъ нумеровъ оперы. Затѣмъ слѣдуетъ вторая каватина царя („Уходитъ день веселый“), съ альтомъ соло, тоже очень красивая и музыкальная, но уступающая первой. Далѣе эффектная бойкая „пляска скомороховъ“ смѣняется чудесной, съ превосходной мелодіей, пѣсней Леля („Туча сѣ громомъ сговаривалась“); эти два нумера сдѣлались самыми извѣстными и распространенными и при исполненіи оперы каждый разъ непремѣнно повторяются. Въ концѣ этой сцены находимъ еще прекрасный мимическій эпизодъ, когда Лель выбираетъ, среди дѣвицъ, Купаву и цѣлуетъ ее, съ обаятельно красивой музыкой, и чудесныя мелодическія фразы царя („Тепломъ проникъ до старикова сердца отчетливый и звонкій поцѣлуй“ и т. д.), съ которыми онъ покидаетъ народный праздникъ.

Вторая часть третьяго дѣйствія заключаетъ большую сцену Снѣгурочки съ Мизгиремъ, который, чтобы заслужить прощеніе отъ царя, долженъ до начала разсвѣта, когда настанетъ Ярилинъ день, увлечь Снѣгурочку своею любовью. Первое аріозо Снѣгурочки, съ ея дѣтски-наивными жалобами, мило и граціозно, но не обладаетъ высокими музыкальными достоинствами. Въ слѣдующемъ затѣмъ дуэтѣ важный недостатокъ тотъ, что онъ написанъ

сливаются вмѣстѣ, причемъ ихъ характернѣйшія речитативныя фразы тождественны, но одинъ вступаетъ тактомъ позже и на кварту ниже другого, такъ что здѣсь имѣемъ чисто каноническую форму музыки.

неудобно для голосовъ, чтò, однако, выкупается, во-первыхъ, хорошей музыкой, а во-вторыхъ, тою страстью и увлеченіемъ, съ какими написана партія Мизгиря, такъ характерно отличающаяся отъ робкихъ, наивныхъ мелодическихъ фразъ Снѣгурочки; въ этомъ послѣднемъ отношеніи этотъ дуэтъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ немъ замѣчательно удачно выдержаны индивидуальныя черты каждаго дѣйствующаго лица (то же самое слѣдуетъ сказать о дуэтѣ Купавы съ царемъ во 2-мъ дѣйствіи „Снѣгурочки", въ которомъ находимъ такія же достоинства въ смыслѣ характеристики дѣйствующихъ лицъ). Дуэтъ заканчивается большой фантастической сценой: въ то время, когда Мизгирь старается силой овладѣть Снѣгурочкой, внезапно появляющійся лѣшій схватываетъ его сзади; Снѣгурочка скрывается въ лѣсу, Мизгирь бѣжитъ вслѣдъ, но передъ нимъ выростаетъ лѣсъ. Призракъ Снѣгурочки то появляется, то опять исчезаетъ; Мизгирь гоняется за призракомъ, лѣсъ принимаетъ разные фантастическіе образы и т. д. Здѣсь Римскій-Корсаковъ—въ области, наиболѣе подходящей къ характеру его творчества, и понятно, что эта волшебная сцена удалась ему вполнѣ хорошо. По силѣ фантазіи и по мастерству фактуры эта сцена представляетъ одно изъ самыхъ выдающихся, самыхъ чудесныхъ мѣстъ въ „Снѣгурочкѣ". Невозможно передать словами всю чарующую прелесть этой музыки, съ массою гармоническихъ и контрапунктическихъ комбинацій, въ высшей степени интересныхъ и художественныхъ; невозможно дать и приблизительное понятіе объ оркестровыхъ краскахъ и колоритности изящнѣйшей инструментовки, имѣющей такое важное значеніе въ этой сценѣ, едва ли не самой фантастической изъ всего написаннаго Римскимъ-Корсаковымъ ранѣе въ подобномъ же родѣ.

Въ концѣ третьяго дѣйствія находимъ еще небольшую, милую сцену, пропускаемую, къ сожалѣнію, при исполненіи оперы. Сцена эта начинается дуэтомъ (Купава и Лель) съ красивой и выразительной музыкой; затѣмъ къ дуэту присоединяется Снѣгурочка и дуэтъ переходитъ въ очень интересное тріо, въ которомъ партія Снѣгурочки написана въ видѣ превосходно сдѣланнаго контрапункта. Здѣсь опять слѣдуетъ обратить вниманіе на строго выдержанную музыкальную характеристику Купавы, Леля и Снѣгурочки, чтò такъ удачно достигнуто, благодаря полифоническому стилю, въ которомъ написана эта сцена.

Четвертому дѣйствію предшествуетъ оркестровое вступленіе, которое представляетъ новое развитіе волшебной сцены въ лѣсу

предъидущаго дѣйствія [1]). Въ началѣ дѣйствія, по поднятіи занавѣса, имѣемъ опять фантастическую музыку: Снѣгурочка взываетъ къ своей матери съ просьбой дать ей чувство любви, котораго она еще не знаетъ. Весна показывается изъ озера и даритъ Снѣгурочкѣ вѣнокъ, пробуждающій ея чувство. Музыка сопровождающая появленіе Весны, отличается такимъ чисто волшебнымъ характеромъ и такою безподобною красотою звука, что безусловно плѣняетъ, чаруетъ и увлекаетъ слушателя. Слѣдующій затѣмъ монологъ: „Изволь, дитя, готова я тебя любовью одарить“ и т. д. Весна поетъ на одной и той же вокальной фразѣ, изъ пяти нотъ, постоянно повторяемой, и это производитъ должное впечатлѣніе; слова Весны, произносимыя на одной коротенькой вокальной фразѣ, звучатъ какъ какое-нибудь роковое вѣщаніе и пріобрѣтаютъ, такъ сказать, стихійный характеръ; но такъ какъ монологъ довольно длиненъ, то здѣсь чувствуется все-таки нѣкоторая монотонность вокальной партіи, хотя и выкупаемая красивой музыкой аккомпанимента. Необыкновенно обаятельное дѣйствіе производитъ поэтическій „хоръ цвѣтовъ“ (соло Весны съ женскимъ хоромъ за сценой), съ чудеснымъ колоритнымъ оркестровымъ сопровожденіемъ, мастерски построеннымъ на вышеупомянутой пятинотной фразѣ Весны, появляющейся въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Послѣ этихъ сценъ встрѣча Снѣгурочки съ Мизгиремъ приводитъ къ любовному дуэту, въ которомъ есть теплота и увлеченіе и хорошая музыка, но который не производитъ достаточно сильнаго впечатлѣнія. Въ финальной сценѣ имѣемъ, во-первыхъ, превосходно и талантливо написанные: шествіе берендеевъ, идущихъ встрѣчать восходъ солнца, и хороводъ съ хоромъ („А мы просо сѣяли“); а затѣмъ здѣсь обращаетъ на себя особенное вниманіе поэтическое, съ тонкой, красивой и глубоко прочувствованной музыкой аріозо Снѣгурочки, съ небольшимъ хоромъ въ концѣ (смерть Снѣгурочки). Заканчивается опера грандіознымъ хоромъ „Пѣснь Ярилѣ-солнцу“, которому предшествуетъ воззваніе царя („Палящій богъ, тебя всѣмъ міромъ славимъ; пастухъ и царь тебя зовутъ; явись!“), проникнутое какимъ-то удивительнымъ мистическимъ настроеніемъ. Заключительный хоръ („Свѣтъ и сила богъ

[1]) Это повтореніе музыки изъ предъидущаго дѣйствія, въ новомъ варіантѣ, сдѣлано не по случайной прихоти автора, но логически вытекаетъ изъ содержанія либретто, по которому видно, что Мизгирь, гоняясь за призракомъ Снѣгурочки, проблуждалъ по лѣсу всю ночь; поэтому вполнѣ раціонально помѣстить—между предъидущими и послѣдующими сценами—этотъ оркестровый нумеръ, иллюстрирующій названныя блужданія Мизгиря.

Ярило"...) построенъ на темѣ очень сильной и типической; написанная въ оригинальномъ ритмѣ $^{11}/_{4}$ и своеобразно гармонизованная, она придаетъ этому хору совсѣмъ особенный характеръ, чего-то необыкновенно сильнаго, властнаго; — здѣсь чувствуется тотъ могучій духъ языческой старины, который живетъ и до сихъ поръ въ народномъ міросозерцаніи, въ народныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ.

„Снѣгурочка"—единственная изъ оперъ Римскаго-Корсакова, входящая въ настоящее время въ репертуаръ петербургской оперной сцены; она исполняется уже десятый годъ и, видимо, ея успѣхъ возростаетъ все болѣе и болѣе. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, сравнительно немногихъ, произведеній, которыя можно слушать много разъ и всегда съ большимъ удовольствіемъ и не мѐньшимъ интересомъ. Въ этой оперѣ встрѣчаемъ рѣдкое соединеніе высокой талантливости съ громаднымъ знаніемъ и изумительнымъ мастерствомъ, то сочетаніе таланта съ техническимъ совершенствомъ, которымъ обусловливается истинно художественное произведеніе, каковымъ поэтому мы и признаемъ оперу „Снѣгурочка".

IV.

Приблизительно въ одно время съ „Снѣгурочкой" Римскій-Корсаковъ написалъ оркестровое произведеніе, названное имъ „Сказка" [1]), эпиграфомъ для которой служитъ извѣстный прологъ изъ „Руслана и Людмилы" Пушкина:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ, и т. д.

Хотя этотъ прологъ помѣщенъ на заглавномъ листѣ партитуры, но его нельзя разсматривать какъ програму музыкальнаго произведенія; таковою здѣсь служатъ только два послѣдніе стиха пролога:

Одну я помню сказку эту,
Повѣдаю теперь я свѣту,

—напечатанные крупнымъ шрифтомъ и прямо указывающіе, что авторъ партитуры не имѣлъ намѣренія дать детальную музыкальную иллюстрацію всѣхъ частныхъ эпизодовъ, намѣченныхъ Пуш-

---

[1]) „Сказка" была исполнена въ первый разъ 10-го января 1881 г. въ симфоническомъ собраніи „Русскаго музыкальнаго общества".

кинымъ въ прологѣ, а хотѣлъ „повѣдать“ одну изъ сказокъ, не опредѣляя съ точностью—какую. И то, что онъ повѣдалъ въ своей партитурѣ „Сказки“, представляетъ въ высшей степени милую и симпатичную музыку. Эта музыка состоитъ изъ небольшихъ, очень красивыхъ темъ, мастерски разработанныхъ, чудесно гармонизованныхъ и связанныхъ между собою интересными, иногда совсѣмъ новыми, оригинальными модуляціями; въ общемъ получается рядъ музыкальныхъ эпизодовъ, прекрасно настроивающихъ слушателя на что-то поэтическое, волшебное, призрачное, оставляя его подъ впечатлѣніемъ постоянно смѣняющихся, какъ бы неуловимыхъ видѣній изъ области сказочнаго міра. Это произведеніе—очень талантливое, интересное, написанное съ обычнымъ у Римскаго-Корсакова изяществомъ фактуры и съ замѣчательно тонкою, художественною отдѣлкою деталей. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ инструментовка. Въ дѣлѣ инструментовки Римскій-Корсаковъ проявляетъ неистощимую изобрѣтательность и въ каждомъ новомъ произведеніи просто изумляетъ своими пріемами, отличающимися каждый разъ новизною и оригинальностью оркестровыхъ комбинацій и красотою звука. Въ партитурѣ „Сказки“ онъ удачно воспользовался, между прочимъ, совсѣмъ новыми эффектами, употребляя отдѣльные инструменты соло и достигая такими пріемами особой отчетливости и ясности въ интерпретаціи тонкихъ музыкальныхъ фразъ и чудеснѣйшихъ контрастовъ въ силѣ и интенсивности оркестроваго звука.

Слѣдующимъ произведеніемъ Римскаго-Корсакова былъ концертъ для фортепіано съ оркестромъ Cis-moll, написанный въ 1882 году и исполненный, въ первый разъ, 27-го февраля 1884 года, въ концертѣ „Безплатной Музыкальной Школы“, Н. С. Лавровымъ, подъ управленіемъ М. А. Балакирева. Концертъ этотъ написанъ въ формѣ фортепіанныхъ концертовъ Листа: онъ заключается въ одной части, основанной на одной главной темѣ, которая является то въ томъ, то въ другомъ темпѣ, съ различными настроеніями и съ разнообразнымъ характеромъ музыки. Кромѣ формы, многіе пріемы по виртуозной орнаментикѣ и по модуляціямъ напоминаютъ Листовскіе пріемы. Тѣмъ не менѣе музыка концерта Римскаго-Корсакова въ общемъ вполнѣ самостоятельна и въ большей своей части имѣетъ чисто русскій характеръ. Она основана на красивой русской народной пѣснѣ [1]), разработанной съ большимъ вкусомъ и талантливостью и являющейся въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и интереснѣйшихъ гармониче-

[1]) См. Сборникъ Балакирева, пѣсня № 18.

скихъ и контрапунктическихъ сочетаніяхъ съ красивыми побочными темами. Въ этой музыкѣ много свѣжести, художественности и мастерской законченности письма, какъ въ деталяхъ, такъ и во всемъ цѣломъ. Фортепіанная партія здѣсь не имѣетъ слишкомъ преобладающей роли; она тѣсно связана съ оркестромъ, составляя съ нимъ одно цѣлое; съ искусствомъ первоклассннаго инструментатора Римскій-Корсаковъ комбинируетъ звуки фортепіано съ звуками струнныхъ и духовыхъ инструментовъ, достигая большихъ эффектовъ, полныхъ вкуса и благородства. Вообще этотъ концертъ инструментованъ замѣчательно тонко, искусно, что̀, при его превосходной музыкѣ, придаетъ ему много красоты и изящества. При изданіи его въ 1888 году, онъ посвященъ „памяти Франца Листа" [1]).

Въ началѣ 1883 года Римскій-Корсаковъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго придворной пѣвческой капеллы [2]). При такомъ назначеніи музыкально-преподавательская дѣятельность Р.-Корсакова, сосредоточенная до того, главнымъ образомъ, въ петербургской консерваторіи, значительно расширилась. Онъ принялъ на себя всю музыкально-педагогическую часть капеллы и состоящихъ при ней регентскихъ классовъ и, кромѣ того, преподаваніе гармоніи, контрапункта и инструментовки, занимаясь въ то же время и съ образовавшимся изъ учениковъ капеллы оркестромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ это дѣло онъ вноситъ присущія ему энергію и даровитость, достигая и здѣсь прекрасныхъ результатовъ; но эта его дѣятельность совсѣмъ замкнутая, не имѣющая общественнаго характера, и о ней можно составить нѣкоторое понятіе развѣ только по ученическимъ концертамъ оркестроваго класса капеллы. Кому случалось бывать на этихъ концертахъ, тотъ, конечно, выносилъ самое пріятное впечатлѣніе при видѣ оркестра, состоящаго изъ учениковъ-подростковъ и частью

---

[1]) Кромѣ концерта, Римскій-Корсаковъ написалъ нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ, которыя въ его творческой дѣятельности особаго значенія не представляютъ, и потому ограничимся только ихъ перечисленіемъ. Въ семидесятыхъ годахъ имъ написаны и изданы слѣдующія фортепіанныя произведенія: „Valse, Intermezzo, etc." (op. 10); „Quatre morceaux pour piano" (op. 11); „Trois morceaux: Valse, Romance et Fougue" (op. 15) и „Шесть фугъ для фортепіано" (op. 17). Въ 1879 году онъ принялъ участіе въ сочиненіи извѣстныхъ „Парафразъ" для фортепіано на неизмѣняемую тему, написанныхъ въ видѣ шутки Бородинымъ, Кюи, Лядовымъ и Римскимъ-Корсаковымъ; послѣднему въ этихъ парафразахъ принадлежатъ восемь варіацій и семь пьесъ, изъ которыхъ особенно выдаются „Колыбельная" и „Трезвонъ".

[2]) Въ то время была предпринята реорганизація пѣвческой капеллы; ея начальникомъ былъ назначенъ графъ Д. С. Шереметевъ и управляющимъ капеллы—М. А. Балакиревъ.

изъ совсѣмъ маленькихъ мальчугановъ и вполнѣ исправно исполняющаго произведенія Бетховена, Мендельсона, Глинки, Берліоза, при томъ же подъ управленіемъ мальчика-дирижера изъ тѣхъ же учениковъ,—или слушая исполненіе учениковъ, выступающихъ въ качествѣ солистовъ на всевозможныхъ инструментахъ, начиная съ фортепіано и скрипки и кончая тромбономъ.

Вскорѣ послѣ начала занятій въ пѣвческой капеллѣ Римскій-Корсаковъ написалъ „Учебникъ гармоніи", отличающійся какъ вполнѣ оригинальнымъ методомъ изложенія, такъ и большою практичностью. Предназначаемый первоначально только для учениковъ капеллы, учебникъ этотъ принятъ въ настоящее время въ классахъ консерваторіи и съ 1886 года выдерживаетъ уже второе изданіе.

Для придворной пѣвческой капеллы Римскій-Корсаковъ написалъ цѣлый рядъ хоровыхъ произведеній церковной музыки изъ литургіи Іоанна Златоуста: двѣ Херувимскихъ, Вѣрую, Милость мира, Тебе поемъ, Достойно есть, Отче нашъ и Воскресный причастный стихъ. Имъ же сдѣлано нѣсколько переложеній, исполняемыхъ во время церковной службы при дворѣ, какъ-то Херувимская (обычнаго напѣва), Да молчитъ всякая плоть, Причастный стихъ, Се женихъ грядетъ, Чертогъ твой вижду и На рѣкахъ Вавилонскихъ.

Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ творческая дѣятельность Римскаго-Корсакова не отличалась особенною продуктивностью; въ этотъ періодъ времени онъ мало написалъ новаго. Въ 1884 году онъ передѣлалъ свою 3-ю симфонію C-dur, о которой мы уже говорили выше. Въ слѣдующемъ году онъ написалъ „Симфоніэтту" A-moll на русскія темы, въ 3-хъ частяхъ, или, вѣрнѣе, также передѣлалъ въ симфоніэтту написанный ранѣе квартетъ для смычковыхъ инструментовъ, остававшійся неизданнымъ. Музыки чисто симфонической, такъ сказать, отвлеченной Римскій-Корсаковъ писалъ вообще не много, и всѣ наиболѣе выдающіяся его произведенія принадлежатъ къ области програмной музыки. Эти послѣднія произведенія совсѣмъ затмили симфоніэтту; она весьма рѣдко исполнялась въ концертахъ и какъ-то мало обращала на себя вниманія. А между тѣмъ это произведеніе такъ талантливо, заключаетъ столько хорошей музыки и такъ превосходно написано, что заслуживаетъ гораздо бо́льшаго, чѣмъ ему воздавалось до сихъ поръ. Въ симфоніэттѣ художественность формы, ясность и простота изложенія, свобода въ развитіи и разработкѣ тематическаго матеріала, гармоническое и контрапунктическое богатство, превосходная инструментовка представляютъ

такія существенныя достоинства, которымъ могутъ позавидовать многіе и очень многіе композиторы. Построенная на красивыхъ, очень разнообразныхъ и типичныхъ русскихъ темахъ, симфоніэтта отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что ея музыка превосходно выдержана въ русскомъ стилѣ и характерѣ, проведенныхъ вездѣ съ строгою послѣдовательностью и законченностью. Русскій характеръ мы находимъ и въ первой части симфоніэтты, allegretto pastorale, производящей такое чудесное впечатлѣніе красотою и изяществомъ своей формы и замѣчательно милымъ свѣжимъ настроеніемъ музыки. Тѣмъ же характеромъ проникнуты и другія двѣ части: спокойное, нѣсколько величавое adagio и бойкое, энергичное scherzo-finale, отличающееся при томъ же такимъ мастерствомъ фактуры, что на эту послѣднюю часть можно указать какъ на образецъ превосходнѣйшей композиторской техники.

Приблизительно въ одно время съ симфоніэттой была написана „Фантазія на русскія темы для скрипки съ оркестромъ". Произведенія этого рода совсѣмъ не въ жанрѣ Римскаго-Корсакова. Въ музыкальномъ отношеніи „Фантазія" довольно слаба, выборъ темъ сдѣланъ неудачно, ни одна изъ нихъ не отличается ни красотою, ни характерностью, а ихъ разработка, сдѣланная съ намѣреніемъ придать пьесѣ виртуозный характеръ, мало интересна. Да и какъ виртуозная пьеса, „Фантазія" не удовлетворяетъ своему назначенію; для этого она недостаточно эффектна и благодарна для солиста-исполнителя. Недостатки эти не выкупаются ни встрѣчающимися мѣстами болѣе удачными по музыкѣ эпизодами, ни красивой инструментовкой.

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ композиторскихъ работахъ Римскаго-Корсакова, написанныхъ имъ въ 1886—1887 гг., въ сотрудничествѣ съ другими. Мы говоримъ о двухъ квартетахъ для смычковыхъ инструментовъ, посвященныхъ издателю русскихъ музыкальныхъ произведеній—М. П. Бѣляеву. Первый квартетъ написанъ Римскимъ-Корсаковымъ, Бородинымъ, Лядовымъ и Глазуновымъ, каждый изъ нихъ написалъ по одной части квартета, вся музыка котораго построена на темахъ, основанныхъ на трехъ нотахъ: B-la-f; въ этомъ квартетѣ Римскому-Корсакову принадлежитъ первая часть. Второй квартетъ состоитъ изъ трехъ частей: первая, озаглавленная „Славильщики", написана Глазуновымъ, вторая, „Величаніе"—Лядовымъ и третья—„Хороводъ",—Римскимъ-Корсаковымъ. Хотя оба эти квартета—не болѣе какъ „pièces d'occasion" и имѣли значеніе любезнаго подарка М. П. Бѣляеву (который, надо замѣтить, альтистъ-дилеттантъ и страстный любитель квартетной музыки), но, тѣмъ не менѣе, они написаны съ такимъ

художественнымъ мастерствомъ, такъ талантливо и заключаютъ столько хорошей музыки, что оба квартета слушаются всегда съ удовольствіемъ и интересомъ.

Малая продуктивность творческой дѣятельности Римскаго-Корсакова въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ объясняется другими его занятіями. Въ это время онъ много работаетъ надъ редактированіемъ и инструментовкой произведеній Мусоргскаго, оставшихся послѣ его смерти (въ 1881 году) неоконченными или неизданными. Тутъ главный трудъ представляла большая опера — или, какъ назвалъ ее Мусоргскій, народная музыкальная драма— „Хованщина", которую Римскій-Корсаковъ привелъ въ порядокъ, окончивъ то, что было въ ней, недописаннаго, и всю инструментовалъ, не исключая и тѣхъ сценъ, которыя были инструментованы прежде самимъ авторомъ. Этотъ громадный трудъ составляетъ важную, цѣнную заслугу Римскаго-Корсакова; благодаря ему, „Хованщина", заключающая многія высокія достоинства, не осталась въ черновыхъ наброскахъ умершаго композитора, а, изданная въ печати, сдѣлалась общимъ достояніемъ. Кромѣ того, эта опера, не принятая, къ сожалѣнію, и совершенно несправедливо, на сцену казенной оперы, была нѣсколько разъ исполнена въ 1886 году въ музыкально-драматическомъ кружкѣ въ Петербургѣ и, несмотря на болѣе чѣмъ скромную постановку и слабыя силы исполнителей-любителей (пѣвцы, хоръ и даже оркестръ), имѣла безусловный успѣхъ. Точно также Римскій-Корсаковъ привелъ въ порядокъ черновой набросокъ оркестровой фантазіи Мусоргскаго „Ночь на Лысой Горѣ", и инструментовалъ ее съ изумительнымъ блескомъ и колоритностью; какъ извѣстно, эта фантазія скоро сдѣлалась самымъ распространеннымъ произведеніемъ Мусоргскаго и въ настоящее время исполняется всюду, гдѣ только есть сколько-нибудь сносный оркестръ. Затѣмъ подъ редакціею Римскаго-Корсакова напечатаны и всѣ остальныя посмертныя оркестровыя произведенія Мусоргскаго (Scherzo, Intermezzo, Маршъ), а также цѣлый рядъ его вокальныхъ произведеній, остававшихся при его жизни неизданными, въ томъ числѣ такія капитальныя вещи, какъ „Пѣсни и пляски смерти".

Это были не первые и не послѣдніе труды Римскаго-Корсакова въ подобномъ родѣ. Еще въ 1870 году онъ инструментовалъ оперу „Каменный Гость" Даргомыжскаго, который передъ смертью завѣщалъ, чтобы его послѣдняя опера была инструментована непремѣнно Римскимъ-Корсаковымъ. Также послѣ смерти Бородина онъ окончилъ и инструментовалъ, въ 1887—88 гг., и его оперу „Князь Игорь" (на этотъ разъ при содѣйствіи Глазу-

нова),—оперу, которую Бородинъ писалъ почти двадцать лѣтъ, и которая при постановкѣ ея, въ недавнее время, на сценѣ составила цѣлое событіе въ музыкальномъ мірѣ. Развѣ все это не великія, не важныя заслуги въ искусствѣ? Развѣ не сказывается въ этихъ работахъ по окончанію чужихъ произведеній какая-то безграничная, беззавѣтная преданность искусству, побуждающая талантливаго художника самоотверженно забывать о собственномъ своемъ творчествѣ и отдавать свои труды, заботы и время на обработку произведеній умершихъ сотоварищей, съ единственною цѣлью сохранить для искусства ихъ неоконченныя работы? Обращаемъ особенное вниманіе на эти факты, какъ совершенно безпримѣрные не только въ области музыки, но, вѣроятно, и въ областяхъ другихъ родовъ искусства.

Безграничная преданность Римскаго-Корсакова искусству и его заботливость о распространеніи и пропагандѣ русской музыки ярко выразились, въ послѣдніе годы, и въ другой сферѣ его артистической дѣятельности—капельмейстерской—устройствомъ ежегодныхъ симфоническихъ концертовъ, предназначаемыхъ исключительно для исполненія произведеній русскихъ композиторовъ.

За послѣднія тридцать лѣтъ русская музыка сдѣлала значительные успѣхи. Съ начала шестидесятыхъ годовъ начали выступать талантливые русскіе композиторы, творческая дѣятельность которыхъ создала большой рядъ произведеній во всѣхъ родахъ музыкальнаго искусства. Однако бо̀льшая часть этихъ произведеній,—несмотря на то, что иныя изъ нихъ существуютъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ,—совсѣмъ мало извѣстны публикѣ, по той причинѣ, что ихъ рѣдко исполняютъ. Обыкновенно большое музыкальное произведеніе, при первомъ его исполненіи, производитъ на неподготовленнаго слушателя весьма смутное впечатлѣніе, вскорѣ совсѣмъ забываемое. Только болѣе или менѣе частыя исполненія даютъ возможность вполнѣ ознакомить слушателей съ музыкальнымъ произведеніемъ; въ противномъ же случаѣ, какъ бы ни была хороша музыка, какъ бы ни былъ талантливъ ея авторъ, не избѣжать имъ полнѣйшаго равнодушія и безучастія публики. Безъ сомнѣнія, именно этимъ объясняются факты, что даже такія высоко-художественныя творенія, какъ симфоническая музыка Бетховена, Шумана, Листа, Берліоза и др., были оцѣнены по достоинству много лѣтъ спустя послѣ того, какъ были написаны, и уже послѣ смерти ихъ авторовъ. Въ этомъ кроется причина, почему всѣ наиболѣе выдающіеся симфоническіе композиторы, особенно наиболѣе самобытные и оригинальные, почти никогда не бываютъ признаваемы своими современниками и только послѣ-

дующія поколѣнія имѣютъ счастіе цѣнить ихъ геній и вполнѣ наслаждаться ихъ художественными произведеніями. Оперные композиторы имѣютъ передъ симфонистами значительныя преимущества; разъ опера поставлена на сценѣ—она исполняется многократно и часто, ее слушаютъ, понимаютъ и оцѣниваютъ, и поэтому оперные композиторы большею частью еще при жизни достигаютъ заслуженной славы или извѣстности. Послѣднее обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о необходимости, для успѣшнаго распространенія музыкальныхъ произведеній, многократнаго и возможно болѣе частаго ихъ исполненія.

Въ этомъ отношеніи русская музыка находится въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Петербургская и московская оперныя сцены, не говоря уже о провинціальныхъ, стоятъ, какъ извѣстно, далеко не на высотѣ своего призванія. Не вспоминаемъ уже того прошлаго, когда даже „Русланъ" Глинки былъ игнорируемъ театромъ, но если обратиться и къ настоящему времени, то тоже ничего хорошаго не увидимъ. Развѣ не печально, что такія талантливыя русскія оперы, какъ „Каменный Гость", „Псковитянка", „Майская Ночь", „Вильямъ Ратклифъ", „Анджело", „Борисъ Годуновъ", „Хованщина"—изгнаны изъ репертуара и остаются забытыми, а для очень многихъ и совсѣмъ неизвѣстными; развѣ не печальны такіе факты, что опера „Князь Игорь" ждала своей постановки цѣлыхъ два года?

Русская симфоническая и камерная музыка находится не въ лучшемъ положеніи. Русское Музыкальное Общество, въ сущности, единственное прочно установившееся учрежденіе, въ симфоническихъ и квартетныхъ собраніяхъ котораго публика привыкла слушать музыку; эти собранія сдѣлались привилегированными, къ нимъ публика относится съ довѣріемъ, считая только то и заслуживающимъ вниманія, что̀ исполняется въ собраніяхъ Русскаго Музыкальнаго Общества. Какъ-то обстоятельства складывались такимъ образомъ, что за все время существованія Русск. Музык. Общества, съ 1863 г., въ Петербургѣ только два года концерты были подъ управленіемъ М. А. Балакирева, несомнѣнно преданнаго русской музыкѣ. Въ московскомъ отдѣленіи Общества было то же самое: только сначала всѣмъ дѣломъ заправлялъ Николай Рубинштейнъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ русская музыка не процвѣтала въ концертахъ Русск. Музык. Общества; исключеніе дѣлалось только для произведеній гг. Рубинштейна и Чайковскаго, состоящихъ подъ особымъ патронатствомъ Общества; имена же остальныхъ русскихъ композиторовъ, особенно принад-

лежащихъ къ такъ-называемому „Балакиревскому кружку", рѣдко появлялись на программахъ концертовъ и даже многія изъ ихъ произведеній никогда въ этихъ концертахъ не были исполнены [1]). Въ прежнее время недостаточность исполненія русской музыки выкупалась, до нѣкоторой степени, концертами „Безплатной музыкальной школы"; но за послѣдніе годы дѣятельность школы значительно сократилась, ея концерты стали очень немногочисленны и рѣдки.

Между тѣмъ въ области русской музыки начали выступать новыя, молодыя композиторскія силы; число русскихъ музыкальныхъ произведеній съ каждымъ годомъ увеличивается и потребность ихъ исполненія начала ощущаться все сильнѣе и сильнѣе. Тогда Римскому-Корсакову явилась идея организовать ежегодные концерты, предназначаемые исключительно для русской музыки. Такимъ образомъ были организованы „Русскіе симфоническіе концерты"; первый изъ нихъ состоялся въ 1885 году, подъ управленіемъ Г. О. Дютша. Въ слѣдующемъ году такихъ концертовъ было четыре (два подъ управленіемъ Корсакова, и два—Дютша); въ 1887 году число ихъ увеличилось до пяти, и съ этого года Дютшъ пересталъ принимать участіе въ этихъ концертахъ, а въ слѣдующіе музыкальные сезоны русскіе симфоническіе концерты были уже въ числѣ шести ежегодныхъ. Концерты эти представляютъ значительный интересъ, заключая всѣ послѣднія новости русской музыки и отличаясь отъ другихъ концертовъ массой новыхъ, нигдѣ еще ранѣе неигранныхъ произведеній; въ ихъ программахъ всегда въ изобиліи красуется столь заманчивая и дорогая для музыкантовъ надпись: „въ первый разъ". Вполнѣ понятно, что „русскіе симфоническіе концерты имѣютъ серьезное и важное значеніе и устройство ихъ составляетъ несомнѣнную и существенную заслугу; поэтому нельзя не пожелать имъ въ будущемъ возможно бо̀льшаго успѣха и широкой популярности.

---

[1]) Напримѣръ: симфоническая поэма „Тамара" Балакирева; первая и третья симфонія „Шехерезада", „Воскресная увертюра", фортепіанный концертъ Римскаго-Корсакова; ни одна изъ трехъ симфоній и ни одно изъ крупныхъ произведеній Глазунова и многихъ др. никогда не появлялись въ концертахъ Русск. Музык. Общества въ Петербургѣ и, слѣдовательно, для ихъ обычныхъ посѣтителей остались совсѣмъ неизвѣстными. Нѣкоторыя произведенія были исполнены только одинъ разъ, какъ напр. вторая симфонія Бородина (въ 1877 г.), „Сказка" Римскаго-Корсакова (въ 1881 г.) и болѣе не повторялись.

V.

Творческая дѣятельность Римскаго-Корсакова за послѣдніе три года, несмотря на всѣ другія его занятія, была очень плодотворна. Въ 1887 году онъ написалъ „Каприччіо на испанскія темы", которое было исполнено въ 1-й разъ въ русскомъ симфоническомъ концертѣ 31-го октября того же года. Это каприччіо, написанное на характерныя народныя испанскія темы, состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Оно начинается Alborada — родъ вступленія, очень блестящаго, эффектнаго, которое сразу овладѣваетъ слушателемъ, производя неотразимое впечатлѣніе своею игривостью, оживленіемъ и энергіей; затѣмъ идетъ рядъ красивыхъ и интересныхъ варіацій на небольшую, но очень рельефную тему, а за ними опять повторяется Alborada, имѣющая здѣсь характеръ ритурнеля. Слѣдующая часть „Scena e canto gitana", замѣчательно колоритная, граціозная, изящная и полная самыхъ оригинальныхъ, неожиданныхъ эффектовъ, переходитъ въ очень бойкое, горячее и увлекательное „Fandango asturiano". Взятыя для каприччіо темы Римскій-Корсаковъ почти не развиваетъ, но варьируетъ и разработываетъ ихъ гармонически и контрапунктически съ такимъ разнообразіемъ, мастерствомъ и вкусомъ, что музыка каприччіо слушается всегда съ большимъ интересомъ. Однако не въ музыкѣ еще главное достоинство этого произведенія, а въ его инструментовкѣ, доведенной до изумительной виртуозности. Хотя и въ предъидущихъ произведеніяхъ, особенно въ „Снѣгурочкѣ" и въ „Сказкѣ", Римскій-Корсаковъ является первоклассными, чисто образцовымъ инструментаторомъ, но въ „Испанскомъ Каприччіо" онъ превзошелъ самого себя, проявляя неистощимую изобрѣтательность въ придумываніи поразительно новыхъ оркестровыхъ эффектовъ, самыхъ небывалыхъ сочетаній инструментовъ. Тутъ также предоставлена значительная роль инструментамъ-соло: скрипкѣ, віолончели, кларнету, флейтѣ, арфѣ, и все это сдѣлано съ удивительнымъ вкусомъ, изяществомъ и громаднымъ умѣньемъ пользоваться лучшими свойствами каждаго инструмента. Перечислить всѣ особенности пріемовъ оркестровки „Каприччіо" нѣтъ возможности. Это одно изъ самыхъ яркихъ, самыхъ колоритныхъ и блестящихъ оркестровыхъ произведеній; оно можетъ поспорить съ замѣчательнѣйшими произведеніями въ этомъ родѣ Берліоза, Листа, Вагнера, а по громадному разнообразію эффектовъ даже и превзойдетъ ихъ. Въ короткій срокъ „Испанское каприччіо" сдѣлалось популярнымъ

произведеніемъ; большой успѣхъ имѣло оно и въ Парижѣ, вызвавъ горячія похвалы въ парижской прессѣ. „Испанское Каприччіо,—писалъ г. Рюэлль въ „Progrès Artistique",—самая восхитительная фантазія изъ всѣхъ, слышанныхъ съ давняго времени. Оно имѣетъ болѣе или менѣе испанскій характеръ, но оно оригинально, прелестно, блестяще съ перваго до послѣдняго такта. Это настоящее чудо по увлекательности, по изобрѣтательности и по инструментовкѣ". Другой музыкальный рецензентъ (въ „Europe-Artiste"), указывая на оригинальность, изящество и необыкновенную эффектность „Каприччіо", прибавляетъ, что оно „не только наслажденіе для слуха, но, кромѣ того, настоящая картина — превосходное изображеніе Испаніи, такой блестящей и такой иногда причудливой (une image parfaite de cette Espagne si brillante, si étrange parfois)" и т. п.

Лѣтомъ 1888 года Римскій-Корсаковъ написалъ два оркестровыхъ произведенія: воскресную увертюру—„Свѣтлый праздникъ" и симфоническую сюиту „Шехерезада"; оба произведенія программныя.

Программа увертюры „Свѣтлый праздникъ" начинается псалмомъ Давида: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его" и т. д., и выпиской изъ евангелія отъ Марка гл. XVI о воскресеніи Іисуса Христа: „И облетѣла благодатная вѣсть весь міръ",—читаемъ далѣе въ программѣ. „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!—поютъ ангельскіе сонмы на небесахъ. Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!—поютъ священнослужители въ православныхъ храмахъ, при дымѣ кадильномъ, при сіяніи безчисленныхъ свѣчей и при звонѣ колокольномъ". Для музыкальнаго воспроизведенія этой программы авторъ заимствовалъ изъ церковнаго обихода чудесныя, типичныя темы, на которыхъ и построена вся увертюра, написанная съ тѣмъ мастерствомъ и талантливостью, какія мы привыкли видѣть и въ другихъ произведеніяхъ Римскаго-Корсакова. Превосходно въ полномъ смыслѣ слова вступленіе, съ ея типичной унисонной темой: „да воскреснетъ Богъ"—въ началѣ—и чудеснѣйшимъ музыкальнымъ изображеніемъ эпизода воскресенія, согласно приведенному въ программѣ евангелію; это очень хорошая музыка, отчасти въ Листовскомъ родѣ, поэтическаго настроенія съ мистическимъ характеромъ. Аллегро увертюры сравнительно менѣе удачно въ чисто музыкальномъ отношеніи, но представляетъ очень яркую картину всеобщаго ликованія и торжества, съ чрезвычайно свѣтлымъ, радостнымъ настроеніемъ. Слушается увертюра съ большимъ интересомъ, чему въ большой степени содѣйствуетъ ея превосходная инструментовка, которая, по красотѣ и полнотѣ

звука, по необыкновенной прозрачности и разнообразію оттѣнковъ, по истинѣ изумительна. И здѣсь опять не мало новыхъ пріемовъ инструментовки, что особенно выступаетъ въ оркестровомъ подражаніи колокольному трезвону, сдѣланномъ съ несравненнымъ правдоподобіемъ, замѣчательною оригинальностью и изящнѣйшею эффектностью.

Содержаніе симфонической сюиты „Шехерезада" заимствовано изъ извѣстныхъ арабскихъ сказокъ, — тѣхъ сказокъ, которыя разсказывала Шехерезада, въ продолженіе „Тысячи и одной ночи", своему суровому супругу и повелителю султану Шахріару, имѣвшему обыкновеніе казнить своихъ женъ послѣ первой ночи, чтобы избѣжать ихъ невѣрности. Слушая сказки, Шахріаръ, побуждаемый любопытствомъ, постоянно откладывалъ казнь Шехерезады и, наконецъ, совсѣмъ оставилъ свое намѣреніе. „Много чудесъ разсказала ему Шехерезада, приводя стихи поэтовъ и слова пѣсенъ, вплетая сказку въ сказку и разсказъ въ разсказъ",—повѣствуетъ программа разсматриваемой нами сюиты; не мало музыкальныхъ вещей далъ въ этомъ произведеніи и авторъ, вступившій здѣсь опять въ ту область сказочной фантастики, которая столь свойственна характеру его творчества и въ которой, какъ мы уже говорили, онъ въ настоящее время безусловно не имѣетъ соперниковъ.

Сюита „Шехерезада" написана въ четырехъ частяхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особенную программу, не детальную, а только едва намѣченную въ немногихъ словахъ, что однакоже даетъ возможность опредѣлить, до нѣкоторой степени, какія именно сказки изъ „Тысячи и одной ночи" руководили фантазіей композитора, когда онъ писалъ ту или другую часть своей сюиты. Первая часть озаглавлена: „Море и Синдбадовъ корабль". Въ началѣ находимъ двѣ темы: одна мужественная, энергичная, состоящая изъ суровыхъ ходовъ басовъ, характеризующая султана Шахріара, вторая—какъ бы женственная, мягкая, съ восточнымъ колоритомъ, порученная скрипкѣ-соло; эта послѣдняя тема, удачно характеризующая разсказчицу Шехерезаду, проведена по всѣмъ частямъ сюиты. Послѣ сжатаго, совсѣмъ лаконическаго изложенія указанныхъ темъ, составляющаго коротенькое вступленіе, слѣдуетъ большое аллегро, построенное на разработкѣ тѣхъ же темъ, являющихся въ разнообразнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ и сочетаніяхъ, съ превосходной гармонизаціей. Это музыка очень колоритная, описательная, пейзажная; изображеніе моря и плаванія корабля Синдбада-морехода—то тихое и спокойное, то полное всякихъ сказочныхъ ужасовъ—сдѣлано такъ характерно, что это,

можно сказать, одна изъ удачнѣйшихъ музыкальныхъ картинъ въ подобномъ родѣ.

Вторая часть—„разсказъ Календера-Царевича“—начинается темой Шехерезады (скрипка соло), за которой слѣдуетъ andantino съ красивой музыкой, въ стилѣ, такъ сказать, повѣствовательномъ; здѣсь тема и ея разработка имѣютъ чисто балладный характеръ. Далѣе, когда разсказъ Календера приводитъ къ необычайнымъ приключеніямъ и разнымъ ужасающимъ происшествіямъ, —композиторъ даетъ полный просторъ своей фантазіи и пишетъ фантастическія музыкальныя картины, задуманныя и выполненныя необыкновенно оригинально, смѣло и ново. Сколько здѣсь совершенно небывалыхъ, неожиданныхъ оркестровыхъ эффектовъ, сколько изобрѣтательности и художественности, сколько блеска, яркихъ красокъ, картинности; слушатель буквально очарованъ этой фантастической музыкой и съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за нею до самаго послѣдняго такта. Нѣсколько уступаетъ двумъ первымъ частямъ сюиты третья часть, озаглавленная „Царевичъ и Царевна“. Она построена на двухъ пѣвучихъ восточныхъ темахъ, изъ которыхъ вторая представляетъ какъ бы новый варіантъ той оригинальной персидской темы, которая взята Глинкой для женскаго хора въ 3-мъ дѣйствіи „Руслана“. Въ разработкѣ этихъ темъ много хорошихъ деталей, въ инструментовкѣ много колоритности и изящества, и въ общемъ это милая музыка, производящая очень хорошее впечатлѣніе своею красотою и спокойнымъ, отчасти мечтательнымъ настроеніемъ, прекрасно контрастирующимъ съ яркими фантастическими картинами остальныхъ частей.

Четвертая и послѣдняя часть сюиты имѣетъ болѣе сложную программу, состоящую изъ нѣсколькихъ эпизодовъ, а именно: „Багдадскій праздникъ. Море; корабль разбивается о скалу съ мѣднымъ всадникомъ. Заключеніе“. Музыка багдадскаго праздника основана главнымъ образомъ на бойкой, живой темѣ, но къ ней присоединяются еще всѣ темы изъ предъидущихъ частей сюиты. Эти темы смѣняютъ одна другую, видоизмѣняются, сплетаются между собою, комбинируются вмѣстѣ; здѣсь безпрестанно мѣняется тактъ, ритмъ, тональность, оркестровые эффекты, получается какой-то калейдоскопъ музыкальныхъ фразъ, звуковъ, тембровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то ослѣпительно-яркая, пестрая картина разнообразнѣйшихъ фантастическихъ эпизодовъ, представленій и образовъ. Здѣсь именно „сказка вплетена въ сказку, разсказъ въ разсказъ“. Неподготовленный слушатель буквально озадаченъ; едва успѣваетъ онъ схватить слухомъ одинъ эпизодъ, какъ онъ уже смѣняется другимъ, третьимъ и т. д. Затѣмъ эта

фантасмагорія исчезаетъ, и въ воображеніи слушателя уже вполнѣ опредѣленно рисуется море и несущійся по волнамъ корабль; что-то угрожающее, роковое слышится въ этой колоритной и картинной музыкѣ; настроеніе слушателя постепенно подготавливается къ чему-то таинственному и, наконецъ, наступаетъ катастрофа— эпизодъ гибели корабля, воспроизведенный въ музыкѣ необыкновенно мощно и выразительно. Далѣе, нѣсколько тактовъ красивой музыки, съ изображеніемъ спокойнаго моря, и слѣдуемое затѣмъ скрипичное соло съ темой Шехерезады приводятъ къ „заключенію", построенному на темѣ султана Шахріара, которая является здѣсь не съ прежнимъ своимъ суровымъ характеромъ, какъ въ началѣ сюиты, а съ настроеніемъ несравненно болѣе мягкимъ, спокойнымъ, умиротворяющимъ. Въ общемъ, „Шехерезада"—превосходная симфоническая сюита, одно изъ наиболѣе выдающихся произведеній Римскаго-Корсакова.

Послѣднимъ произведеніемъ Римскаго-Корсакова, которымъ заканчивается 25-лѣтній періодъ его композиторской дѣятельности, является опера-балетъ „Млада", написанный въ 1889—1890 гг. Планъ и сценаріумъ „Млады" были составлены еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ С. А. Гедеоновымъ, бывшимъ тогда директоромъ императорскихъ театровъ. Въ 1872 году Гедеоновъ задумывалъ поставить свою пьесу на Большомъ театрѣ, при самой роскошной сценической и декоративной обстановкѣ; балетную музыку для „Млады" долженъ былъ писать балетный композиторъ Минкусъ, а оперную часть взялись написать, по предложенію Гедеонова, Римскій-Корсаковъ, Кюи, Бородинъ и Мусоргскій. Ихъ музыка была скоро готова, но постановка „Млады" на сценѣ не состоялась, такъ какъ требовала большихъ денежныхъ затратъ, на что̀ въ то время у театральной дирекціи средствъ не оказалось. Позднѣе „Млада" появилась въ видѣ балета съ музыкой одного Минкуса, поставлена была мало удовлетворительно и успѣха не имѣла; врядъ ли кто и помнитъ теперь этотъ балетъ.

Идея приняться за сюжетъ „Млады" явилась у Римскаго-Корсакова въ 1889 году совсѣмъ случайно, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ томъ году, въ годовщину смерти А. П. Бородина, 15-го февраля, собрался небольшой кружокъ друзей и почитателей покойнаго композитора; занялись просмотромъ оставшихся послѣ него рукописей, проигрывая на фортепіано его произведенія, въ томъ числѣ и то, что̀ было имъ написано въ 1872 году для „Млады". Подъ впечатлѣніемъ такихъ воспоминаній, у Н. А. Римскаго-Корсакова тогда же явилось желаніе писать музыку для

„Млады“, по плану Гедеонова, т.-е. въ видѣ оперы-балета. Не откладывая дѣла, онъ энергично принялся за работу и выполнилъ ее очень быстро. Въ началѣ осени того же года онъ уже проигрывалъ новое произведеніе своимъ близкимъ знакомымъ, а къ концу лѣта слѣдующаго года готова была и вся оркестровка „Млады“. Въ настоящее время партитура и фортепіанное переложеніе „Млады“ печатаются, и можно надѣяться, что „Млада“ будетъ поставлена на сценѣ Маріинскаго театра въ будущемъ сезонѣ, если, конечно, не будетъ найдено нужнымъ выдержать ее нѣсколько лѣтъ подъ спудомъ, какъ тò было сдѣлано, напримѣръ, съ оперой „Князь Игорь“.

Сюжетъ „Млады“ основанъ на древнѣйшей исторіи и преданіяхъ полабскихъ славянъ и заключаетъ сцены ихъ нравовъ, обычаевъ и языческихъ вѣрованій; ея содержаніе можетъ быть передано въ немногихъ словахъ. Дѣйствіе отнесено Гедеоновымъ къ IX—X вѣкамъ и происходитъ въ славянскихъ земляхъ балтійскаго поморья, въ городѣ Ретрѣ, близь Лабы (Эльбы). Ратарскій князь Мстивой, изъ политическихъ видовъ, хочетъ выдать свою дочь Войславу за арконскаго князя Яромира, разсчитывая подчинить тогда Аркону Ретрѣ. Войслава, пылая любовью къ Яромиру, отравила его невѣсту, руйскую княжну Младу, надѣвъ ей на палецъ кольцо съ ядомъ, въ то самое время, когда она вѣнчалась съ Яромиромъ. Яромиръ полонъ воспоминаніями о Младѣ и потому къ Войславѣ совсѣмъ равнодушенъ. Тогда Войслава, молившаяся прежде Радегасту и богинѣ Ладѣ, обращается за помощью къ подземной богинѣ Моренѣ, являющейся къ ней въ образѣ старухи Святохны. Но напрасны чары и волшебства Морены и самого Чернобога: тѣнь Млады постоянно является Яромиру и охраняетъ его отъ козней подземной силы. Рядъ сновидѣній и вѣщаніе призраковъ „стародавнихъ князей“, являющихся Яромиру въ храмѣ Радегаста, открываютъ ему истину; подчиняясь ихъ велѣнію отмстить Войславѣ, Яромиръ закалываетъ ее. Морена, справляя тризну по своей „вѣрной рабѣ“, разрушаетъ храмъ Радегаста и затопляетъ озерными водами Ретру. Въ апоѳеозѣ—тѣнь Млады вводитъ Яромира въ жилище славянскихъ боговъ.

Основываясь на такомъ содержаніи, Гедеоновъ написалъ четыре дѣйствія, заключающія между прочими интересныя народныя сцены, фантастическія и волшебныя картины, въ высшей степени эффектныя, иногда очень поэтическія. Все это чрезвычайно пригодно для блестящей обстановочной пьесы, способной занять на нѣсколько часовъ воображеніе зрителей рядомъ разнообразнѣйшихъ сценическихъ представленій, въ которыхъ правдо-

подобіе дѣйствительности перемѣшано со сказочностью вымысла. Понятно, что отъ музыки для такой пьесы не требуется особенной глубины; но она должна быть достаточно ясна, проста, дескриптивна и колоритна и насколько возможно болѣе блестяща и эффектна. Римскій-Корсаковъ такъ и сдѣлалъ. Простоту и ясность мы найдемъ въ мелодіяхъ „Млады", и въ ихъ разработкѣ, и въ самыхъ музыкальныхъ формахъ. Дескриптивность же музыки, ея колоритность, яркость красокъ, блескъ и эффектность доведены въ „Младѣ" до такой степени, далѣе которой, кажется, уже нельзя идти. Какъ ни блестящи, напр., „Испанское каприччіо", „Воскресная увертюра", „Шехерезада", но „Млада" превосходитъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ инструментовка „Млады". Разбирая предъидущія произведенія Римскаго-Корсакова, мы уже указывали на мастерство и необыкновенное разнообразіе его оркестровыхъ пріемовъ; въ послѣднемъ своемъ произведеніи онъ проявляетъ искусство инструментатора опять совсѣмъ въ новомъ видѣ и опять достигаетъ большихъ результатовъ.

Опера-балетъ „Млада" начинается очень красивымъ и поэтическимъ оркестровымъ вступленіемъ, которое представляетъ превосходную музыкальную характеристику княжны Млады; эта же музыка въ самыхъ разнообразныхъ варіантахъ встрѣчается потомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ тамъ, гдѣ появляется тѣнь Млады. По поднятіи занавѣса, въ первомъ дѣйствіи, на сценѣ—открытыя сѣни въ замкѣ ратарскаго князя Мстивоя (басъ). Князь сидитъ задумавшись, тутъ же княжна Войслава и сѣнныя дѣвушки съ прялками; нѣкоторыя изъ послѣднихъ плетутъ вѣнки для предстоящаго праздника Купалы. Дѣвушки поютъ; ихъ унисонный хоръ очень красивъ, рельефенъ и сопровождается мастерскимъ аккомпаниментомъ, съ удачнымъ подражаніемъ звуку вертящихся прялокъ. Слѣдующая затѣмъ, полная тоски и грусти, пѣсня Войславы (драматическое сопрано) вызываетъ гнѣвъ князя Мстивоя. Онъ осыпаетъ дочь упреками за ея неумѣстную тоску: „Ты въ чемъ клялась мнѣ въ мигъ тотъ роковой, когда съ тобой мы Младу извели, и дорогое брачное колечко съ отравою красоткѣ поднесли?" — язвительно спрашиваетъ онъ Войславу, и требуетъ, чтобы, такъ или иначе, она непремѣнно приворожила къ себѣ князя Яромира, заставила бы его забыть о Младѣ. „Не то я по иному развѣдаюсь съ князькомъ твоимъ арконскимъ; коль не добромъ, такъ силою возьму! А быть Арконѣ подъ рукой у Ретры!" — угрожаетъ онъ, уходя со своими оруженосцами. Въ этой сценѣ много суровой, мрачной энергіи; особенно выдѣляется

эпизодъ объ отравленіи, при посредствѣ кольца, княжны Млады. Эпизодъ этотъ появляется и впослѣдствіи, характеризуя и въ другихъ сценахъ убійство Млады.

По уходѣ Мстивоя, Войслава предается отчаянію, не видя исхода для своей любви къ Яромиру и заканчивая свой страстный монологъ восклицаніемъ: „О, богиня Лада, ты меня отвергла!" Въ это время къ ней подходитъ старуха Святохна (меццо-сопрано), скрывавшаяся въ толпѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, со словами: „Все Лада, Лада! Безъ Лады ни на шагъ!" Она совѣтуетъ изумленной Войславѣ обратиться къ Моренѣ, подземныхъ царствъ богинѣ; Войслава колеблется, но, подстрекаемая Святохной, рѣшается, наконецъ, произнести условное заклинаніе. Раздается подземный громъ, проносится вихрь, наступаетъ темнота, показывается пламя. Святохна превращается въ Морену и торжественно обѣщаетъ Войславѣ, если она будетъ послушной рабой, помощь боговъ мрака. „Теперь я знаменьемъ своимъ тебя отмѣчу",— говоритъ Морена, и по ея знаку на головѣ у Войславы вспыхиваетъ багровый огонекъ. Опять подземный громъ, вихрь—и Морена исчезаетъ. Мастерски написанная музыка, съ ея мрачнымъ волшебнымъ колоритомъ и съ чудесными деталями, иллюстрирующими сценическія частности, должна производить въ этой сценѣ, при исполненіи, очень сильное впечатлѣніе. Музыкальная характеристика Морены сдѣлана превосходно и какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ оригинально, образно и очень рельефно.

Съ исчезновеніемъ Морены мракъ постепенно разсѣивается; за сценой слышны сперва охотничьи рога и затѣмъ постепенно приближающійся охотничій хоръ, съ красивой музыкой свѣжаго, бодраго настроенія. Является съ ловчими и охотниками князь Яромиръ (теноръ), прибывшій въ Ретру на праздникъ Купалы. Мстивой и Войслава радушно привѣтствуютъ гостя. Слѣдующее затѣмъ тріо (Войслава, Яромиръ и Мстивой) довольно красиво, но не отличается особенными музыкальными достоинствами; въ этомъ тріо Войслава выражаетъ свою радость и надежду пріобрѣсти любовь Яромира, который, въ свою очередь, поддается чарамъ обольстительной красоты Войславы. Затѣмъ князья угощаются медомъ, а ловчіе Яромира берутъ дѣвушекъ, становятся въ ряды и начинается танецъ: „Дыня рядовая" (Redowa), съ очень интересной музыкой, превосходно написанной въ ритмѣ мазурки въ довольно умѣренномъ движеніи. По окончаніи танца всѣ уходятъ готовиться на праздникъ Купалы; остается одинъ Яромиръ. Онъ мечтаетъ о красотѣ Войславы; но въ это время слышатся призывающіе его голоса — то голоса свѣтлыхъ духовъ

(женскій хоръ за сценой), и въ облакахъ появляется богиня Лада. Яромиръ прислушивается къ голосамъ свѣтлыхъ духовъ: унисонный женскій хоръ, съ восхитительно красивой, поэтической музыкой, въ родѣ прелестнѣйшаго ноктюрна, навѣваетъ на Яромира сонъ. Онъ засыпаетъ и ему грезятся сновидѣнія, появляющіяся въ глубинѣ сцены, на фонѣ окружающихъ деревьевъ. Первое сновидѣніе: садъ въ окрестностяхъ Арконы; вечеръ; появляются Яромиръ и потомъ Млада (балетные артисты); ихъ объясненіе въ любви. Второе сновидѣніе: бракъ Яромира и Млады въ храмѣ Свѣтовита въ Арконѣ; жрецы и гости,—въ числѣ ихъ Мстивой и Войслава, которая подноситъ Младѣ обручальное кольцо. Млада надѣваетъ его, шатается, падаетъ, и душа ея улетаетъ въ видѣ голубой звѣздочки; сновидѣніе исчезаетъ. Музыка этихъ двухъ мимическихъ сценъ, исполняемыхъ балетными артистами, въ полномъ смыслѣ слова превосходна; трудно съ бо̀льшимъ изяществомъ, съ бо̀льшею фантастичностью и съ бо̀льшею звуковою поэтичностью иллюстрировать музыкой эти два сновидѣнія, чѣмъ это сдѣлано здѣсь Римскимъ-Корсаковымъ. Эти два сновидѣнія, хоръ свѣтлыхъ духовъ и оркестровое вступленіе—составляютъ наиболѣе выдающіеся по музыкѣ нумера въ 1-мъ дѣйствіи. Пробудясь отъ сна, Яромиръ не хочетъ вѣрить сновидѣнію, не хочетъ вѣрить, чтобы дѣйствительно совершилось такое злодѣяніе; онъ убѣжденъ, что Млада умерла по волѣ боговъ. Этотъ монологъ Яромира представляетъ весьма милое, пѣвучее и красивое по музыкѣ аріозо. Дѣйствіе заканчивается бодрымъ и веселымъ мужскимъ хоромъ оруженосцевъ, пришедшихъ звать Яромира на праздникъ Купалы, гдѣ его уже ожидаютъ жрецы, князья, народъ и Войслава.

Дѣйствіе второе происходитъ въ долинѣ на берегу Долинскаго озера; вдали видны городъ Ретра и храмъ Радегаста. Толпы народа, собравшагося на праздникъ Купалы со всѣхъ славянскихъ земель и изъ далекихъ странъ; торговцы и торговки расположились здѣсь же со своими разнообразными товарами. При поднятіи занавѣса торговцы обращаются въ сторону Радегастова храма и просятъ о его помощи въ ихъ торговлѣ. Затѣмъ начинается торгъ; слышны выкрики разныхъ торговцевъ: „хлѣбовъ, зеренъ!“—кричатъ мужскіе голоса; „тонкая есть пряжа; ой, купите пряжи!“—высокимъ сопрано выкрикиваетъ одна торговка; „яблокъ, ягодъ!“ — вторятъ ей другія. „Пращи, сѣкиры, луки, стрѣлы!“—соблазняетъ торговецъ проходящихъ воиновъ; „шкуры звѣриныя, мягкія, пушистыя“, — предлагаетъ другой; „рыба чудесная, съ моря далекаго, рыба!“—прерываетъ его третій. Тутъ

же прохаживается мавръ и теноровымъ речитативомъ въ восточномъ характерѣ, съ красивыми завитушками, рекомендуетъ „поясъ чудный, кованъ златомъ, изъ индѣйскихъ дальнихъ странъ“. „Бусы янтарныя, рарашки (идолы) вѣщіе“,—предлагаетъ варягу молодая торговка; новгородецъ подсмѣивается надъ ними: „не ходи, дружокъ, къ сосѣдкѣ, ой, рарашка не торгуй, спутаетъ тебя рарашекъ, если купишь у нея“, и т. д. Вся эта пестрая картина торга необыкновенно хорошо удалась Римскому-Корсакову; здѣсь много оживленія, разнообразія, естественности, художественной правды; выкрики торговцевъ и торговокъ характерны, типичны и притомъ музыкальны. Все это очень сценично, оригинально, ново, свѣжо и въ высшей степени интересно. Сцена торга—одна изъ лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ во всей „Младѣ“.

На торжищѣ затѣвается ссора между прибывшими на праздникъ новгородцами и мѣстными полабами; готовится кулачный бой. Но въ это время общее вниманіе привлекаетъ на себя группа чеховъ, появляющаяся среди народа, съ Лумиромъ, чешскимъ пѣвцомъ, во главѣ. Лумиръ (альтъ) поетъ, играя на варито (родъ гуслей), и объясняетъ, что они пришли изъ дальней страны поклониться Радегасту и просить его защиты отъ нѣмцевъ, принуждающихъ чеховъ молиться чужимъ богамъ. Пѣніе Лумира,—которому Римскій-Корсаковъ придалъ очень поэтическій характеръ и красивую музыку,—возбуждаетъ народъ и вызываетъ въ нихъ готовность идти противъ „нѣмцевъ-христіанъ“, для защиты угнетаемыхъ ими чеховъ. За сценой слышны трубы и начинается шествіе князей и жрецовъ, подъ звуки музыки, полной блеска, пышности и торжественности. Во время шествія хоръ народа поетъ славу княжнѣ Войславѣ, князю Яромиру, князю Мстивою, всѣмъ полабскимъ князьямъ, всѣмъ славянскимъ землямъ. Затѣмъ главный жрецъ провозглашаетъ: „Молись; народъ! Идутъ святые кони! Гаданія урочный часъ насталъ!“ Въ это время, подъ звуки священныхъ роговъ, нѣсколько жрицъ (дѣвы солнца) вводятъ бѣлыхъ коней, другія жрицы (дѣвы мѣсяца) вводятъ черныхъ коней; коней проводятъ черезъ разложенныя на землѣ копья, наблюдая, какъ они переступаютъ. По окончаніи гаданья жрецы провозглашаютъ, чтобы черезъ три дня весь ратарскій народъ шелъ въ храмъ и несъ жертвы; „и помилуетъ васъ Радегастъ, и покроетъ вамъ хлѣбомъ поля, и дастъ вамъ побѣду на нѣмцевъ!“ Большимъ хоромъ заканчивается эта сцена языческаго славянскаго гаданья, написанная Римскимъ-Корсаковымъ съ тѣмъ мастерствомъ, съ тою художественностью и талантливостью, которыми отличаются лучшія его произведенія. Здѣсь въ музыкѣ найдемъ такой же ха-

рактеръ обрядности и духъ языческой старины, какіе встрѣчали на страницахъ оперы „Снѣгурочка“.

Послѣ гаданья начинается веселье, затѣваются пляски. Сперва идетъ „Литовская пляска“, пляшутъ мужчины съ оружіемъ, представляя какъ бы шуточное сраженіе; музыка, основанная на оригинальной—вѣроятно народной литовской—темѣ, очень типична и интересна. Далѣе слѣдуетъ „Пляска индѣйскихъ цыганъ“ (мужчины и женщины), сначала плавная, граціозная, затѣмъ все болѣе и болѣе оживляющаяся и доходящая до дикаго изступленія; это уже совсѣмъ восточная музыка, необыкновенно колоритная, съ интереснѣйшими деталями, среди которыхъ найдемъ не мало совершенно новыхъ пріемовъ инструментовки. Затѣмъ князь Мстивой приглашаетъ, „обычай древній сохраняя“, завести хороводъ, „веселымъ коло потѣшаясь“. Войслава и Яромиръ входятъ въ общій кругъ и начинается обрядовое „коло“; женскій хоръ запѣваетъ, мужской подхватываетъ напѣвъ. По окончаніи перваго стиха парни и дѣвушки цѣлуются; тѣнь Млады появляется между Войславой и Яромиромъ, препятствуя ихъ поцѣлуямъ. Хоръ поетъ второй стихъ—опять поцѣлуи и опять появленіе тѣни Млады. Послѣ третьяго стиха тѣнь Млады разрываетъ хороводъ и, тихо удаляясь, увлекаетъ за собою Яромира; общее смятеніе; Войслава въ отчаяніи падаетъ на руки отца. Мстивой успокоиваетъ народъ и уводитъ Войславу; коло продолжается. Дѣвушки и парни идутъ къ берегу, поклоняются озеру, бросая въ воду вѣнки и деревянныхъ идоловъ и заклиная „синюю водицу“ сохранять ихъ любовныя тайны; затѣмъ возвращаются, поклоняются лѣсу, чтобы и онъ не выдавалъ ихъ, и скрываются въ лѣсной чащѣ, гдѣ голоса ихъ постепенно затихаютъ. Жрецы на сценѣ провозглашаютъ: „слава свѣтлому Купалѣ“, и занавѣсъ быстро опускается. Вспоминая сходныя съ этимъ коло сцены въ „Снѣгурочкѣ“, какъ напр. „свадебный обрядъ“, „праздникъ въ заповѣдномъ лѣсу“ и т. п., можно составить нѣкоторое общее понятіе о томъ, какъ написана здѣсь эта большая сцена, со всѣми ея сложными перипетіями и съ фантастическимъ появленіемъ тѣни Млады.

Третье дѣйствіе заключаетъ почти исключительно дескриптивную и фантастическую музыку, т.-е. музыку, наиболѣе подходящую къ характеру творчества Римскаго-Корсакова; поэтому смѣло можно предвидѣть впередъ, что въ этомъ дѣйствіи найдемъ много хорошаго. И надежды наши вполнѣ оправдываются; дѣйствительно, въ 3-мъ дѣйствіи „Млады“ заключаются сцены, содержаніе которыхъ воспроизведено и иллюстрировано музыкой съ большою талантливостью. Въ самомъ началѣ, при поднятіи

занавѣса, сцена заполнена густыми облаками, постепенно, мало-по-малу, разсѣивающимися; ясная, но безлунная ночь, въ сумракѣ которой видны очертанія ущелья на горѣ Триглавъ; по темному небосклону скатываются падающія звѣзды. Затѣмъ со всѣхъ сторонъ слетаются тѣни усопшихъ душъ и заводятъ фантастическое купальское коло (кордебалетъ и корифейки). Такія картины иллюстрируютъ большое оркестровое вступленіе и слѣдующую за нимъ балетную сцену, въ высшей степени интересныя, какъ по талантливой музыкѣ, такъ и по инструментовкѣ, достигающей здѣсь изумительной звуковой прелести и такой необыкновенной картинности и изобразительности, что, кажется, въ воображеніи слушателя, подъ впечатлѣніемъ этой музыки, безъ всякой даже сценической обстановки, должны создаваться вполнѣ ясныя, опредѣленныя представленія. Здѣсь удивительно тонко обдумана каждая деталь, каждая мелочь, и въ воспроизведеніи ихъ, какъ и всего цѣлаго, проявлена масса изобрѣтательности, художественности и богатаго творчества. Трудно передать словами красоту и колоритность вступленія и легкую, чисто воздушную грацію музыки, сопровождающей балетную сцену, едва ли не самую фантастическую изо всего, до сихъ поръ имѣющагося въ хореографическомъ искусствѣ.

При дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія появляется тѣнь Млады (балерина-мимистка), спускающаяся по скаламъ и обрывамъ и манящая слѣдуемаго за нею Яромира. Начинается оригинальный дуэтъ: мимика Млады и пѣніе Яромира. Млада объясняетъ своей мимикой, что она призвала сюда Яромира, чтобы онъ зналъ, какъ она любитъ его, заботится о немъ и охраняетъ его. Яромиръ высказываетъ свою тоску, свою печаль, умоляетъ Младу взять его съ собою, проситъ сказать ему хотя одно слово. Млада останавливаетъ его повелительнымъ жестомъ и призываетъ прислушаться къ словамъ свѣтлыхъ духовъ (хоръ за сценой): „О, Яромиръ, конецъ разлуки ужъ не далекъ". Тѣнь исчезаетъ, Яромиръ скрывается за нею. Въ этомъ мимико-вокальномъ дуэтѣ поэтическое настроеніе музыки, мелодическая и гармоническая красота, страстность музыкальныхъ рѣчей Яромира производятъ сильное впечатлѣніе.

Свѣтлый, мягкій характеръ музыки предъидущихъ сценъ совершенно измѣняется въ слѣдующей сценѣ. Раздается подземный гулъ и громъ, слышенъ мрачный подземный хоръ; изъ скалъ и ущелій показываются злые духи, колтки, кикиморы, вѣдьмы (хоръ и кордебалетъ), выползаютъ змѣи, жабы и т. п. Начинаются игры злыхъ духовъ и адское коло съ хоромъ. Здѣсь авторъ даетъ

полный просторъ своей творческой фантазіи и пишетъ дѣйствительно волшебную музыку, поражающую смѣлостью и оригинальностью пріемовъ и которую нужно непремѣнно слышать [1]), чтобы составить о ней представленіе, такъ какъ никакое описаніе пособить здѣсь не можетъ. Смѣло можно сказать, что вся чертовщина, выведенная въ этомъ „шабашѣ духовъ тьмы", никогда еще не была изображена музыкой съ такою фантастичностью, рельефностью, съ такимъ мрачнымъ колоритомъ и съ такою силою изобразительности, какъ это сдѣлано здѣсь Корсаковымъ. Нельзя не удивляться его изобрѣтательности на самые небывалые и разнообразные пріемы и комбинаціи для характеристики разныхъ частностей этого сложнаго, по замыслу, адскаго, шабаша, сохраняя въ то же время цѣльность общей картины и не измѣняя нисколько условіямъ ясности музыки. То же самое слѣдуетъ сказать и о слѣдующихъ сценахъ, такихъ же волшебныхъ, съ такимъ же мрачнымъ колоритомъ. Адское коло прерывается появленіемъ Чернобога (въ видѣ козла), котораго сопровождаютъ Кащей, Морена, Червь, Топелецъ и Чума. Морена проситъ Чернобога помочь Войславѣ, которой не удается увлечь любовью Яромира, не забывающаго своей невѣсты Млады. Чернобогъ обращается за совѣтомъ къ Кащею. Играя на гусляхъ, Кащей вѣщаетъ: „Доколѣ душа Яромира, подъ чарами прелести женской, дней первой любви не забудетъ, не знать Чернобогу удачи, не вѣдать Моренѣ побѣды". Во время пѣнія Кащея наступаетъ холодъ, падаетъ хлопьями снѣгъ, поднимается вьюга, мастерски изображенная въ оркестрѣ. Слѣдуя совѣту Кащея, Чернобогъ производитъ заклинанія, повелѣвая явиться душѣ Яромира и вызывая тѣнь Клеопатры. Декорація мгновенно перемѣняется на роскошный египетскій залъ; посреди тѣнь царицы Клеопатры (балерина), окруженная рабами и рабынями съ лирами, бубнами, цѣвницами и другими инструментами. Душа Яромира (въ бѣлой длинной одеждѣ) поднимается изъ-подъ сцены и сидитъ неподвижно; къ ней тихо слетаетъ тѣнь Млады и становится позади. Начинается сцена обольщенія Яромира—большой балетъ, съ роскошной, эффектнѣйшей музыкой въ восточномъ характерѣ, которая по яркости, колоритности и блеску превосходитъ все написанное Римскимъ-Корсаковымъ ранѣе. Въ этой сценѣ къ оркестру въ партерѣ присоединяется еще небольшой оркестръ на сценѣ (рабы и рабыни Клеопатры), состоящій изъ

[1]) Замѣтимъ, что музыка всего 3-го дѣйствія „Млады" была исполнена въ одномъ изъ русскихъ симфоническихъ концертовъ текущаго года.

цѣвницъ, маленькихъ флейтъ и кларнетовъ, нѣсколькихъ лиръ и разныхъ ударныхъ инструментовъ. Тутъ авторъ достигаетъ совсѣмъ особенной звучности и необычайной фантастичности; это какая-то ослѣпительно-яркая музыкальная картина, написанная съ оригинальностью и выходящею изъ ряда эффектностью. Если при простомъ концертномъ исполненіи эта музыка производитъ необыкновенно чарующее впечатлѣніе, то что же можно предсказать ея исполненію при сценической обстановкѣ, со всею роскошью декоративнаго и хореографическаго искусствъ!

Сцена обольщенія прерывается крикомъ пѣтуха (труба съ сурдиной въ оркестрѣ)—все мгновенно исчезаетъ; новая перемѣна декораціи и освѣщенія сцены. Брезжится утренняя заря, освѣщая Яромира, спящаго на склонѣ горы; затѣмъ восходъ солнца, щебетанье птицъ, пробужденіе Яромира. Такія картины обрисованы здѣсь превосходной музыкой, которая своимъ радостнымъ настроеніемъ контрастируетъ съ волшебной музыкой предъидущихъ сценъ. Заканчивается дѣйствіе очень красивымъ, музыкальнымъ и эффектнымъ обращеніемъ Яромира къ солнцу:

Сіяя, Перунъ-Радегастъ,
Съ богами надъ міромъ царишь ты;
Въ твой храмъ, свѣтлый богъ, я пойду,—
Тамъ тайну жрецы мнѣ откроютъ.

Послѣднее дѣйствіе начинается большимъ идоложертвеннымъ хоромъ (народъ приноситъ жертвы къ храму Радегаста). Основанный на характерной типической темѣ, этотъ хоръ задуманъ и выполненъ очень широко и въ полномъ смыслѣ слова превосходно; въ составъ его входятъ три самостоятельныя группы голосовъ: хоръ ратарскаго народа, хоръ чеховъ и хоръ жрецовъ и жрицъ; кромѣ того, два солиста: Лумиръ (альтъ) и верховный жрецъ (баритонъ). Пользуясь такою массою голосовъ съ большимъ искусствомъ и мастерствомъ, авторъ достигаетъ отличныхъ вокальныхъ комбинацій, разнообразныхъ градацій въ силѣ и интенсивности звука и замѣчательно мощнаго наростанія звуковыхъ массъ. По характеру музыки и ея настроенію идоложертвенный хоръ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ сценическому положенію; онъ весь проникнутъ суровою торжественностью и духомъ архаической старины. По уходѣ молельщиковъ къ храму является Яромиръ и объявляетъ жрецамъ, что онъ пришелъ „за божьей правдой", разсказывая о своихъ сновидѣніяхъ, о явленіи ему на праздникѣ Купалы тѣни Млады, о томъ, какъ онъ почуялъ, что его душа была перенесена въ волшебный дворецъ Клеопатры, и т. д. Очень хорошо написанная музыка этого разсказа удачно

иллюстрируется въ оркестрѣ соотвѣтствующими эпизодами изъ предъидущихъ дѣйствій. Верховный жрецъ, выслушавъ разсказъ Яромира, велитъ ему остаться въ священной рощѣ и ждать ночныхъ видѣній: „то стародавніе князья откроютъ внуку Свѣтовита судьбы его таинственную нить". Яромиръ остается одинъ на ступеняхъ храма; наступаетъ ночь, ему являются призраки и слышны голоса (хоръ за сценой): „Вѣщаютъ князю Яромиру князья Само и Чехъ: Войслава отравила Младу; отмсти!" Черезъ мгновеніе новое явленіе призраковъ и опять голоса: „Вѣщаютъ внуку Свѣтовита, князя Руси, Кій, Щекъ, Хоривъ: Войслава отравила Младу; отмсти!" Наконецъ, въ третій разъ, такимъ же образомъ, являются призраки Ванды и Любуши. Вся музыка явленія призраковъ основана главнымъ образомъ на чередованіи двухъ нотъ „e" и „gis", которыя настойчиво звучатъ въ оркестрѣ въ продолженіе всей сцены, придавая музыкѣ характеръ какой-то непреодолимой настойчивости, характеръ неумолимаго рока, велѣнія судьбы. Оригинальныя гармоніи, оттѣняя частности дѣйствія, сообщаютъ много фантастичности этой сценѣ, музыка которой по производимому впечатлѣнію и по силѣ выразительности заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Слѣдующая сцена Яромира съ Войславой написана съ большимъ увлеченіемъ и драматизмомъ. Войслава страстно выражаетъ свою любовь, но всѣ ея мольбы напрасны. Съ проклятіями Яромиру и Младѣ она хочетъ уйти, но передъ ней встаютъ всѣ призраки предъидущей сцены и опять слышны голоса: „Войслава отравила Младу; отмсти!" Тогда Яромиръ болѣе не колеблется, и со словами: „Мнѣ боги и дѣды велятъ тебѣ отмстить; умри жъ, змѣя!" закалываетъ Войславу. Умирающая Войслава взываетъ къ Моренѣ; та поднимается изъ-подъ земли и, становясь надъ трупомъ Войславы, обѣщаетъ потѣшить свою рабу тризной славною, великою. Морена дѣлаетъ заклинаніе: „Вѣтры буйные, взвейтеся! Воды озерныя, разливайтеся! Стѣны крѣпкія, разрушайтеся!" Въ это время храмъ Радегаста рушится; поднимается буря, озеро разливается и затопляетъ городъ и развалины храма; за сценой слышны голоса погибающаго народа. Затѣмъ буря понемногу стихаетъ, спускается облачный занавѣсъ. Римскій-Корсаковъ большой художникъ на музыкальныя картины подобнаго рода; понятно поэтому, что и для этой сцены разрушенія храма и наводненія онъ написалъ мастерскую дескриптивную музыку, съ свойственною ему художественною изобрѣтательностью и талантливостью.

Заключительная картина задумана очень эффектно и гран-

діозно. По поднятіи облачнаго занавѣса, сцена представляетъ гладкую поверхность воды, изъ которой возвышается Бужъ-камень; на небѣ видна яркая радуга при восходѣ солнца. На вершинѣ Бужъ-камня появляются призраки Яромира и Млады; по облакамъ шествуютъ боги славянской миѳологіи: Перунъ-Радегастъ, Жива, Водникъ, Утренница, Вечерница, Лель и Лада; за ними виднѣются призраки древнихъ князей и воиновъ. Затѣмъ Млада торжественно вводитъ Яромира въ жилище боговъ, при звукахъ призывнаго хора свѣтлыхъ духовъ. Обаятельно красивая, талантливо и мастерски написанная музыка, свѣтлаго, радостнаго настроенія, съ чудесными деталями, подробно иллюстрирующими каждую сценическую частность, сопровождаетъ эту роскошную заключительную картину, сочиненную Гедеоновымъ несомнѣнно подъ вліяніемъ окончанія трилогіи Вагнера: „Кольцо Нибелунговъ", съ которымъ окончаніе „Млады" по содержанію имѣетъ очень много сходства.

Сдѣланнымъ обзоромъ „Млады" мы имѣли въ виду ознакомить читателей съ новымъ интереснымъ произведеніемъ, заключающимъ многія высокія художественныя достоинства. Такому обзору мы не придаемъ значенія критическаго анализа, для котораго наше собственное знакомство съ музыкой этого произведенія—по рукописи автора и по концертнымъ исполненіямъ нѣкоторыхъ оркестровыхъ нумеровъ—слишкомъ недостаточно. Критическая оцѣнка оперы-балета „Млада" немыслима ранѣе его исполненія въ театрѣ, тѣмъ болѣе, что его музыка написана въ видахъ полнаго сліянія ея со всѣми частностями хода дѣйствія и сценической постановки, со всѣми эффектами, какъ декоративными, такъ и хореографическими. Авторъ „Млады" придаетъ большое значеніе полнѣйшей зависимости всей mise en scène отъ музыки его партитуры, чтò обстоятельно объяснено въ написанномъ имъ предисловіи къ „Младѣ", въ которомъ онъ старается оградить свое произведеніе отъ небрежности постановки, отъ тѣхъ искаженій и измѣненій, которымъ, увы! часто подвергаются и геніальнѣйшія оперы. Давно пора композиторамъ заявить свои справедливыя требованія на болѣе уважительное отношеніе къ ихъ художественнымъ произведеніямъ, и потому нельзя не сочувствовать Н. А. Римскому-Корсакову, читая въ его предисловіи, что онъ проситъ дирекціи театровъ, которыя пожелаютъ поставить его оперу-балетъ, „принять во вниманіе слѣдующія его художественныя требованія: 1) опера должна быть даваема безъ сокращеній, потому что длиной своей (около 2-хъ часовъ музыки) она никого утомить не можетъ, и потому что

автору, лучше чѣмъ кому либо, извѣстны его собственныя намѣренія, и онъ за нихъ одинъ въ отвѣтѣ; 2) всѣ сценическія явленія: выходы, уходы, остановки, исчезновенія, освѣщеніе, темнота, громъ, вѣтеръ и проч. должны точно совпадать съ соотвѣтствующими тактами музыки, что подробно означено въ партитурѣ и фортепіанномъ переложеніи съ голосами, которое машинисты, режиссеры и прочія лица, завѣдывающія сценическими движеніями, должны имѣть въ рукахъ во все время представленія. Авторъ придаетъ большое значеніе описательной сторонѣ сценической музыки, и потому не можетъ допустить въ этомъ ни малѣйшаго отклоненія; 3) авторъ не можетъ допустить какихъ-либо измѣненій въ отдѣльныхъ партіяхъ исполнителей; какъ оркестровыя, такъ хоровыя и сольныя партіи написаны имъ *удобоисполнимо.* Замѣна вторыхъ солистовъ въ сценѣ торга во 2-мъ дѣйствіи группами хора допущена быть не можетъ, ибо противорѣчитъ художественному чувству. Замѣна *инструментовъ на сценѣ инструментами оркестра* допущена быть не можетъ; наемъ отдѣльныхъ артистовъ для исполненія этихъ партій слишкомъ незначительно увеличитъ общія затраты, которыхъ требуетъ декоративная и обстановочная часть оперы. По той же причинѣ особые инструменты, требующіеся для музыки на сценѣ во 2-мъ и 3-мъ дѣйствіяхъ, не должны быть замѣняемы обыкновенными инструментами, а спеціально заказаны согласно художественнымъ намѣреніямъ автора, по его указанію".

Будемъ надѣяться, что эти вполнѣ справедливыя „художественныя требованія" автора не только будутъ приняты во вниманіе, но и дѣйствительно выполнены при постановкѣ „Млады" на сценѣ Маріинскаго театра въ Петербургѣ, которое, можно предполагать, состоится въ слѣдующій же театральный сезонъ 1891—1892 годовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы старались возможно полнѣе охарактеризовать двадцатипяти-лѣтнюю, разнообразную и разностороннюю дѣятельность Н. А. Римскаго-Корсакова. Какъ мы видѣли его композиторскіе труды представляютъ богатый и цѣнный вкладъ въ музыкальную литературу. Начавъ съ музыки симфонической, онъ далъ цѣлый рядъ капитальныхъ произведеній: три симфоніи, симфоніэтту, сюиту „Шехерезада", музыкальную картину „Садко", „Сказку", Увертюру на русскія темы, Воскресную увертюру, Сербскую фантазію, Испанское каприччіо; въ области оперной музыки онъ написалъ три такихъ замѣчательныхъ оперы, какъ „Псковитянка", „Майская Ночь" и „Снѣгурочка", и

оперу-балетъ „Млада“, которыхъ однихъ уже было бы достаточно, чтобы составить ихъ автору почетное имя. Затѣмъ, въ числѣ его произведеній имѣемъ болѣе тридцати романсовъ, значительное большинство которыхъ очень талантливыя, вполнѣ художественныя и выдающіяся вещи; нѣсколько отдѣльныхъ хоровъ свѣтской музыки, рядъ хоровъ церковной музыки и превосходный большой сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ дополняютъ его труды въ области вокальной музыки. Далѣе, имъ написанъ фортепіанный концертъ съ оркестромъ, мелкія пьесы для фортепіано и, наконецъ, нѣсколько произведеній камерной музыки для смычковыхъ инструментовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что ни одинъ родъ музыки не чуждъ Римскому-Корсакову и въ каждомъ изъ нихъ онъ далъ талантливые образцы своего творчества. Такое разнообразіе въ композиторскихъ работахъ, свидѣтельствующее о замѣчательной разносторонности дарованія, довольно рѣдкое явленіе. Бо̀льшею частью композиторы, даже наиболѣе одаренные, проявляютъ творчество въ одной какой-нибудь области музыки, и рѣдко, напримѣръ, выдающійся симфонистъ пишетъ хорошія оперы и вообще вокальную музыку; наоборотъ, оперный композиторъ рѣдко имѣетъ успѣхъ въ музыкѣ симфонической. Поэтому нельзя не обратить особенное вниманіе на то, что Римскому-Корсакову въ одинаковой степени доступна какъ симфоническая, такъ и оперная музыка; какъ въ той, такъ и въ другой онъ создалъ много новаго и самобытнаго,—и его „Садко“, Антаръ“, „Сказка“, „Шехерезада“ и др. симфоническія произведенія имѣютъ такое же значеніе въ его творческой дѣятельности, какъ „Псковитянка“, „Майская Ночь“, „Снѣгурочка“ и „Млада“.

Одна изъ существенныхъ особенностей творчества Римскаго-Корсакова заключается въ томъ, что во всѣхъ его композиторскихъ работахъ, несмотря на ихъ разнообразіе, ясно выступаетъ національный русскій характеръ. Въ этомъ отношеніи Римскій-Корсаковъ близко напоминаетъ Глинку; также какъ этотъ послѣдній, онъ твердо стоитъ на національной почвѣ и является вполнѣ русскимъ національнымъ художникомъ.

Композиторскія работы Римскаго-Корсакова настолько серьезны и значительны, что уже однѣми ими вполнѣ подтверждается плодотворность его 25-лѣтней дѣятельности. У насъ въ Россіи композиторы пишутъ вообще значительно менѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Мусоргскій, Бородинъ оставили послѣ себя весьма ограниченное число произведеній. Въ сравненіи съ ними Римскій-Корсаковъ является уже очень пло-

довитымъ композиторомъ, уступая въ этомъ отношеніи изъ русскихъ одному только П. И. Чайковскому. Но дѣятельность Римскаго-Корсакова не ограничивается однѣми композиторскими работами. Не менѣе важное значеніе имѣютъ его въ высшей степени благотворныя для молодого поколѣнія музыкантовъ занятія по преподаванію въ с.-петербургской консерваторіи и въ придворной пѣвческой капеллѣ, его труды по организаціи и управленію русскими симфоническими концертами, столь существенные для распространенія и пропаганды русской музыки и, наконецъ, его работы по окончанію произведеній Даргомыжскаго, Мусоргскаго и Бородина. Всѣ эти труды въ общей ихъ совокупности такъ разнообразны, такъ значительны по своимъ результатамъ и представляютъ такія заслуги, что было бы трудно указать у насъ другую, болѣе обширную, болѣе плодотворную и полезную дѣятельность въ музыкальномъ искусствѣ.

То значеніе, которое имѣетъ Н. А. Римскій-Корсаковъ въ искусствѣ и тѣ симпатіи, которыми онъ пользуется въ музыкальномъ мірѣ, вполнѣ выразились и при чествованіи его 25-лѣтней дѣятельности въ большомъ симфоническомъ концертѣ, исключительно изъ его произведеній, состоявшемся 22-го декабря 1890 г., въ залѣ Дворянскаго Собранія. Юбилейное музыкальное празднество отличалось рѣдкимъ единодушіемъ, теплотою и искренностью. Это было торжественное признаніе его художественныхъ заслугъ въ русской музыкѣ и общее, единодушное выраженіе уваженія къ его таланту и художественной его дѣятельности, отличающейся неистощимой энергіей и безкорыстнѣйшей преданностью искусству.

П. Трифоновъ.

ДОЛГОЛѢТІЕ
ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ и ЛЮДЕЙ.

III *).

Разсмотримъ теперь тѣснѣе и подробнѣе нашъ вопросъ: почему созидающія силы организма по мѣрѣ хода жизни ослабѣваютъ? Мы сознаемъ вполнѣ, что вопросъ этотъ—одинъ изъ труднѣйшихъ въ біологіи, такъ какъ онъ касается величайшей для насъ тайны природы — процесса созиданія, творчества, бытія. Напомнимъ прежде всего, что клѣтки организма суть простѣйшія гнѣзда жизни, —и изъ совокупной дѣятельности ихъ складывается жизнь цѣлаго организма. Въ клѣткахъ протекаютъ рука-объ-руку процессы указаннаго нами выше взрывчатаго разложенія и разрушенія протоплазмы, лежащія въ основѣ функціи, и процессы безпрерывнаго возстановленія, созиданія разрушающагося „жизненнаго пороха"; волоконца и зерна протоплазмы представляютъ скорѣе всего физическій субстратъ для жизненныхъ взрывчатыхъ разложеній, а ядра, въ лицѣ своихъ первичныхъ волоконецъ и зеренъ, служатъ матеріей болѣе жизнеупорной; ей присущи свойства созиданія изъ мертвыхъ питательныхъ веществъ—крови и лимфы живой взрывчатой протоплазмы. Кромѣ того, раньше были указаны данныя, на основаніи которыхъ пришлось допустить, что эта созидающая, болѣе жизнеупорная матерія есть вѣроятнѣе всего остатокъ, минимальный осколокъ—первоначальнаго зародышеваго яйца или, го-

*) См. выше: май, 136 стр.

воря точнѣе, самой существеннѣйшей его части—зародышеваго пузырька.

Но почему эта жизненная, созидающая матерія все-же ослабляется въ своей энергіи по мѣрѣ теченія жизни и подъ-конецъ какъ бы изнашивается, предоставляя всю клѣтку однимъ только процессамъ разрушенія? Для выясненія этого вопроса напомнимъ прежде всего, въ чемъ состоитъ процессъ роста и развитія тканей. Микроскопическая анатомія учитъ насъ тому, что процессъ первоначальнаго развитія организма изъ яйца состоитъ въ актѣ хотя и неполнаго, но все-же рѣзкаго дѣленія яйцевой клѣтки, при постоянномъ воспринятіи веществъ изъ внѣшняго міра и превращеніи ихъ клѣтками въ живое взрывчатое вещество протоплазмы и другія соединенія.

Этотъ процессъ размноженія первоначальнаго зародышеваго яйца идетъ рука-объ-руку не только съ актомъ размноженія клѣтокъ, но и съ увеличеніемъ массы каждой образовавшейся клѣтки путемъ роста какъ самаго ядра, такъ и въ особенности окружающей его протоплазмы. Этихъ двухъ фундаментальныхъ процессовъ, а именно: размноженія клѣтокъ и увеличенія ихъ массы, придерживается во время своей жизни и развитой организмъ, когда ему приходится возстановлять разрушившіяся части тканей. Почему же эта работа созиданія не является постоянной, а истощается, ослабѣваетъ и подъ-конецъ прекращается?

Причинъ для этого можетъ быть собственно нѣсколько. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что въ основѣ естественнаго прекращенія жизненныхъ функцій лежатъ рѣзкія измѣненія тканей, обусловленныя измѣненіемъ какъ строенія, такъ и состава входящихъ въ нихъ клѣтокъ и волоконъ; измѣненія эти ведутъ подъ-конецъ къ порчѣ и прекращенію нормальныхъ функцій тканей и органовъ. Эти регрессивныя измѣненія развиваются съ теченіемъ лѣтъ, вслѣдъ за періодомъ возмужалаго возраста, и были лучше всего изучены Бурдахомъ, Биша́ и Куссмаулемъ на человѣческихъ организмахъ. Объ этихъ измѣненіяхъ, характеризующихъ наступленіе старости, мы скажемъ потомъ; теперь же зададимся вопросомъ о томъ, почему развиваются такія перерожденія тканей и клѣтокъ, которыя ведутъ сперва къ измѣненію, а затѣмъ и къ прекращенію нормальныхъ функцій организма?

Въ общихъ чертахъ можно было бы, конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: причина старческихъ измѣненій тканей, ведущихъ къ смерти, лежитъ въ томъ, что элементы тканей, благодаря безпрерывному употребленію и функціонированію, рано или поздно истощаются, изнашиваются, подобно всѣмъ осталь-

нымъ тѣламъ природы. Но отвѣтъ такой, конечно, страдаетъ неопредѣленностью и едва ли кого въ состояніи удовлетворить. Чтобы вникнуть въ вопросъ глубже, вспомнимъ, что ростъ и упадокъ организмовъ, какъ мы убѣдились въ томъ на основаніи опытныхъ данныхъ, зависитъ отъ прогрессивнаго, въ теченіе жизненнаго процесса, ослабленія созидающихъ силъ клѣтокъ и, слѣдовательно, отъ истощенія того физическаго субстрата, съ которымъ связаны созидающія силы клѣтокъ, а именно созидающаго ядернаго вещества, служащаго прямымъ потомкомъ первоначальнаго зародышеваго яйца. Вопросъ нашъ сводится, слѣдовательно, къ тому, почему это созидающее ядерное вещество истощается по мѣрѣ теченія лѣтъ? Намъ кажется, что отвѣтить на этотъ вопросъ возможно съ точки зрѣнія развиваемыхъ нами взглядовъ безъ особенныхъ затрудненій. Слѣдуетъ только помнить, что, съ нашей точки зрѣнія, созидающая ядерная матерія каждой клѣтки есть болѣе или менѣе отдаленный осколокъ вещества зародышеваго яйца, обладающаго въ столь высокой степени организаторскими созидающими функціями. Что̀ мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія организмовъ?—Изъ первоначальнаго зародышеваго яйца путемъ послѣдовательной сегментаціи и дифференцированія образуется подъ-конецъ безчисленное множество клѣточныхъ образованій, изъ которыхъ въ каждомъ протекаютъ процессы взрывчатаго разложенія и процессы созиданія разлагающагося жизненнаго пороха. Если вспомнить, что однихъ красныхъ шариковъ въ крови у взрослаго человѣка находится до 25 трилліоновъ, т.-е. такое количество, которое, будучи вытянуто въ линію, дало бы цѣпь въ 175.000 километровъ, т.-е въ пять разъ бо̀льшую окружности земли; если вспомнить, что однихъ бѣлыхъ шариковъ находится въ тѣлѣ около 50 билліоновъ, и что сумма всѣхъ остальныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ сотканъ организмъ, не поддается никакому счисленію и можетъ быть по численности сравнена съ безпредѣльнымъ числомъ небесныхъ свѣтилъ; если, далѣе, вспомнить, что въ каждомъ изъ такихъ узелковъ жизни происходятъ процессы разложенія, требующіе безпрерывнаго возобновленія, то легко себѣ представить, въ какой прогрессіи должны убывать созидающія силы организма, имѣвшія первоначальнымъ источникомъ своимъ вещество зародышеваго яйца. На дѣлѣ, этотъ организующій, созидающій элементъ—при процессѣ развитія организмовъ—долженъ при размноженіи и дифференцированіи клѣтокъ дробиться все болѣе и болѣе на такія трилліонныя, квадрилліонныя частицы, которыя, вслѣдствіе своего безконечнаго дробленія при размноженіи клѣтокъ, должны дости-

гать такихъ минимальныхъ величинъ, при которыхъ онѣ уже не въ состояніи обнаруживать никакихъ созидающихъ силъ, и тогда жизненный порохъ, разлагаясь въ теченіе жизни, уже не будетъ въ состояніи возобновляться.

Такимъ естественнымъ предположеніемъ легко объясняется, почему ростъ организма въ началѣ развитія идетъ столь быстрыми шагами, и почему онъ прогрессивно замедляется, по мѣрѣ размноженія и увеличенія числа клѣтокъ, входящихъ въ составъ животнаго тѣла. Чѣмъ менѣе раздроблено созидающее начало зародышевой клѣтки, попадающее въ ядерное вещество каждой клѣтки, тѣмъ сильнѣе оно должно дѣйствовать въ созидающемъ смыслѣ,—и наоборотъ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ становится понятнымъ изсяканіе, изнашиваніе созидающихъ силъ организма по мѣрѣ хода его развитія.

Сказанное остается вѣрнымъ въ обоихъ случаяхъ, а именно, допустимъ ли мы, что тканевыя клѣтки во время жизни остаются тѣми же и только ремонтируются, или что онѣ совершенно разрушаются, и взамѣнъ погибшихъ выростаютъ путемъ размноженія многочисленныя поколѣнія новыхъ клѣтокъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и тотъ, и другой процессы совершаются въ организмѣ. Во взросломъ организмѣ клѣтки мышечныя, нервныя—функціонируютъ и разрушаются, но только не цѣликомъ, ибо процессъ созиданія направленъ въ нихъ къ возобновленію разрушающейся при этомъ части „жизненнаго пороха“, протоплазмы, съ слабымъ участіемъ размноженія клѣтокъ. Въ то же время милліоны красныхъ и бѣлыхъ шариковъ совершенно погибаютъ въ организмѣ; множество эпителіальныхъ клѣтокъ, выстилающихъ кишечный каналъ, кожу—отщепляется и погибаетъ также, какъ и многія клѣтки, входящія въ составъ железъ, сплошь разрушаются и попадаютъ въ соки, приготовляемые ими. Всѣ эти элементы должны замѣняться новыми поколѣніями клѣтокъ, получающимися изъ разложенія остающихся болѣе юныхъ клѣтокъ. Такъ или иначе, слѣдовательно, процессы возстановленія и связанные съ ними процессы роста совершаются по типу или гипертрофіи, или гиперплязіи клѣточныхъ элементовъ, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ принципъ изнашиванія созидающей матеріи представляется вполнѣ естественнымъ. Принципъ изнашиванія, изсяканія созидающихъ силъ, легче всего мирится съ случаями, въ которыхъ процессы разрушенія обхватываютъ цѣлыя клѣтки и когда эти послѣднія должны быть сплошь возобновлены поколѣніями новыхъ клѣтокъ. При этомъ затрата созидающей матеріи

должна быть еще больше, и, слѣдовательно, она должна скорѣе истощиться.

Такимъ образомъ, причиной естественной, нормальной смерти служитъ не изнашиваніе самихъ клѣтокъ, а прогрессивное ограниченіе способности клѣтокъ къ созиданію и къ размноженію, зависящее отъ постепеннаго изсяканія созидающаго ядернаго вещества. На этомъ основаніи мы въ правѣ заключить, что число клѣточныхъ поколѣній, могущихъ развиться въ теченіе всей жизни изъ зародышеваго яйца, благодаря первоначальному запасу въ немъ созидающей энергіи, и опредѣляетъ собою долголѣтіе, ту максимальную продолжительность жизни, до которой могутъ достигать разнообразные организмы.

Количество этой созидающей энергіи представляется для каждаго вида нормированнымъ, и какъ сокращеніе, такъ и увеличеніе продолжительности жизни животныхъ опредѣленнаго вида зависитъ отъ условій, уменьшающихъ или увеличивающихъ число слѣдующихъ другъ за другомъ клѣточныхъ поколѣній, призванныхъ замѣнять отжившія, разрушившіяся части. На растеніяхъ сказанное выражается весьма отчетливо тѣмъ, что когда однолѣтнее растеніе превращается въ многолѣтнее, то это совершается только путемъ образованія новыхъ побѣговъ, т.-е. новыхъ многочисленныхъ клѣточныхъ поколѣній. На животныхъ же процессъ этотъ не замѣтенъ на глазъ, такъ какъ отживающія, разрушающіяся части тканей не остаются на мѣстѣ, а выносятся изъ организма исподволь, замѣщаясь новымъ строительнымъ матеріаломъ. У растеній же старый матеріалъ сохраняется—и на немъ выстроивается новый, старыя клѣтки деревенѣютъ, а новыя берутъ на себя функціи жизни.

Второе условіе, лежащее въ основѣ ограниченности созидающихъ силъ организма, кроется въ сложности организаціи высшихъ животныхъ— въ дифференцированіи клѣтокъ съ образованіемъ отдѣльныхъ органовъ. При этомъ, какъ мы уже замѣтили раньше, клѣтки сохраняютъ лишь въ слабой степени общія функціи живыхъ клѣточныхъ образованій, и онѣ спеціализируются въ дѣлѣ совершеннаго выполненія одной изъ функцій, напр. двигательной, отдѣлительной, нервной и т. д., тогда какъ функціи воспроизведенія, размноженія, т.-е. созиданія, бываютъ въ нихъ вслѣдствіе подраздѣленія труда пониженными и измѣненными настолько, что онѣ могутъ путемъ размноженія воспроизводить только клѣтки себѣ подобныя.

Такъ, печеночныя клѣтки при пораненіяхъ печени могутъ размножаться и давать только печеночныя клѣтки; тоже съ мышеч-

ными и железистыми клѣтками, дающими при размноженіи соотвѣтствующіе имъ элементы. Очевидно, что многообразныя созидающія силы зародышеваго яйца, при сегментаціи и дифференцированіи образующихся изъ него клѣточныхъ поколѣній, ослабѣваютъ и принимаютъ болѣе спеціальный характеръ созиданія только себѣ подобныхъ клѣтокъ.

Въ низшихъ одноклѣточныхъ организмахъ одинъ и тотъ же комокъ живой матеріи служитъ носителемъ какъ соматическихъ, т.-е. тѣлесныхъ функцій, необходимыхъ для поддержанія индивидуальной жизни, такъ и функцій пропагаторныхъ, т.-е. размножительныхъ, направленныхъ къ поддержанію рода. Не то вовсе наблюдается въ организмѣ высшихъ многоклѣточныхъ животныхъ и человѣка, у которыхъ существуетъ уже рѣзкое подраздѣленіе клѣтокъ на соматическія, дѣятельность которыхъ направлена къ поддержанію процессовъ, необходимыхъ для индивидуальной жизни, и на пропагаторныя, обезпечивающія сохраненіе рода. Представителемъ послѣднихъ у одного пола являются оплодотворяющіе элементы, у другого—зародышевыя яйца. Очевидно, что пропагаторныя клѣтки, происшедшія также изъ сегментированія первоначальнаго зародышеваго яйца, служатъ какъ бы мѣстомъ склада, отложенія, того фонда живого вещества, которое сохранило въ самой высшей степени всѣ созидающія силы зародышеваго яйца.

Впрочемъ, такое подраздѣленіе на клѣтки соматическія и пропагаторныя совершилось, конечно, не вдругъ, и до сихъ поръ можно не только у одноклѣточныхъ, но и у многихъ многоклѣточныхъ животныхъ видѣть, что клѣтки соматическія сохранили въ такой высокой степени функціи размноженія, что небольшая часть ихъ, будучи отдѣлена отъ цѣлаго, способна воспроизводить весь организмъ за̀-ново. Такъ, у полиповъ удаленіе любой части тѣла ведетъ къ выростанію изъ нея цѣлаго новаго полипа. У саламандры вслѣдъ за удаленіемъ хвоста выростаетъ черезъ нѣкоторое время новый хвостъ; то же самое наблюдается и съ конечностями; многія улитки воспроизводятъ удаленныя щупальцы, глаза и т. д.

По мѣрѣ усложненія строенія организмовъ эти два рода клѣтокъ — соматическихъ и пропагаторныхъ—обособляются все болѣе и болѣе; первыя берутъ громаднѣйшій перевѣсъ и подраздѣляются, по принципу раздѣленія труда, на отдѣльные спеціальные тканевые группы и органы. По мѣрѣ хода этого развитія онѣ утрачиваютъ все болѣе и болѣе способность воспроизводить большіе участки тѣла, и способность размноженія сконцентрировывается все болѣе и болѣе на пропагаторныхъ клѣткахъ. Та-

кимъ образомъ развитіе зародышеваго яйца и оплодотворяющихъ элементовъ является результатомъ дифференцированія функцій органовъ и подраздѣленія труда.

На основаніи всего сказаннаго мы приходимъ къ слѣдующему общему выводу касательно происхожденія живой созидающей матеріи въ сложныхъ животныхъ организмахъ: имѣя непосредственнымъ источникомъ своимъ частицы размножающагося зародышеваго яйца, часть этой создающей матеріи попадаетъ въ клѣтки разнообразныхъ спеціальныхъ органовъ, призванныхъ служить сохраненію цѣлости индивидуальной жизни, и, спеціализируясь въ нихъ, съ своей стороны, служитъ цѣли какъ безпрерывнаго воспроизведенія, возобновленія сгарающаго „жизненнаго пороха“, такъ и возобновленія путемъ размноженія погибающихъ клѣточныхъ поколѣній. Съ другой стороны, частицы зародышеваго яйца, не спеціализируясь, идутъ въ видѣ запаснаго фонда на приготовленіе новаго зародышеваго яйца, новыхъ оплодотворяющихъ элементовъ, въ спеціальныхъ для того органахъ воспроизведенія, и сохраняютъ за собою въ высокой степени всѣ многообразныя созидающія силы, которыми отличается зародышевое яйцо отъ всѣхъ остальныхъ клѣтокъ организма. Теорія „пангенеза“ принимаетъ, кромѣ того, съ цѣлью объясненія законовъ наслѣдственности, что въ составъ зародышеваго яйца должны входить и тѣ мельчайшія частицы живого вещества, которыя, отдѣляясь отъ каждой клѣтки организма, уносятся соками его и фиксируются воспроизводительными органами.

Изъ представленнаго очерка дѣлается очевиднымъ, что, въ силу дифференцированія органовъ и спеціализаціи функцій, образовательныя созидающія силы соматическихъ клѣтокъ должны по-неволѣ ослабѣвать и подъ-конецъ, изсякать; если что̀ остается отъ организма жизнеупорнаго, жизнеспособнаго, то—это будетъ зародышевое яйцо и оплодотворяющій матеріалъ, которыя при благопріятныхъ условіяхъ обнаруживаютъ высокую степень созидающей энергіи, сказывающейся въ развитіи новыхъ организмовъ, т.-е. въ актѣ поддержанія рода.

Наконецъ, третьимъ факторомъ, обусловливающимъ предѣльность индивидуальной жизни высшихъ организмовъ и человѣка, служитъ борьба тканей и органовъ въ тѣлѣ. Принципы раздѣленія труда и солидарности функцій, благодаря которымъ высшіе организмы одарены столь тонкими и совершенными функціями,—служатъ, съ другой стороны, основой ихъ непрочности, ихъ легкой уязвимости. Дѣло въ томъ, что неравенство частей можетъ служить основой ихъ взаимной борьбы, и борются ткани и

органы не только изъ за-мѣста, занимаемаго ими въ тѣлѣ, но и изъ-за питательныхъ запасовъ, доставляемыхъ имъ кровью и лимфой.

Хорошъ и выгоденъ бываетъ для жизни высшихъ животныхъ принципъ подраздѣленія труда между органами, пока эти послѣдніе своей гармоничной дѣятельностью ведутъ всѣ къ преуспѣянію цѣлаго; когда дань, вносимая ими въ общую экономію тѣла, какъ разъ соотвѣтствуетъ условіямъ, обезпечивающимъ цѣлость всего организма и наиболѣе долгое его существованіе. Къ сожалѣнію, однако, такая гармонія функцій органовъ встрѣчается лишь рѣдко, такъ какъ процессы созиданія и разрушенія различныхъ тканей во время жизни бываютъ далеко не одинаковы, и всякая ткань, обладающая болѣе созидательной и питательной силой, стремится разростись на счетъ другихъ, менѣе сильныхъ въ этомъ отношеніи.

Такими тканями, болѣе жизнеупорными и болѣе стойкими, являются, конечно, тѣ, которыя стоятъ сравнительно на низкой степени развитія и не выполняютъ сложныхъ функцій, каковы, напр., ткань соединительная и жировая. Съ теченіемъ жизни, когда созидающія силы спеціальныхъ клѣтокъ, органовъ,—напр. элементовъ мозга, печени, мышцъ, нервовъ и т. д.,—начинаютъ падать, и когда элементы ихъ начинаютъ атрофироваться, въ это время появляется усиленное разростаніе соединительной ткани, механически стѣсняющей спеціальные рабочіе элементы тканей,—что и можетъ повести къ нарушенію функцій органовъ. И дѣйствительно, мозгъ, печень, мышцы и т. д. старыхъ животныхъ и людей—обыкновенно изобилуютъ соединительной тканью, и эта послѣдняя ускоряетъ атрофію спеціальныхъ элементовъ этихъ органовъ не только вслѣдствіе механическаго сдавливанія ихъ, но и лишая ихъ достаточнаго количества питательныхъ продуктовъ крови, утилизируемыхъ разросшейся соединительной тканью.

Многіе элементы мозга, нервовъ, железистыхъ аппаратовъ и т. д.—отказываются отъ работы вслѣдствіе этихъ неравныхъ условій борьбы съ болѣе простыми элементами соединительной ткани. То же можно сказать и о жировой ткани, относящейся къ типу соединительной ткани; и она при усиленномъ развитіи своемъ можетъ, смотря по мѣсту отложенія, обусловливать сдавленіе органовъ, необходимыхъ для жизни, напр. сердца, и даже служить причиной гибели цѣлаго организма.

Наконецъ, вслѣдствіе неравенства распредѣленія созидающихъ силъ и подъ вліяніемъ получаемыхъ раздраженій, клѣтки соединительной ткани могутъ усиленно разростаться, размножаться и

служить источникомъ образованія опухолей; эпителій, подъ вліяніемъ анормальныхъ раздраженій, возникающихъ даже въ самомъ организмѣ, можетъ давать раковыя опухоли, которыя, стѣсняя окружающіе органы и отнимая у нихъ питательный матеріалъ крови, ведутъ къ нарушенію функцій и къ гибели организма.

Даже въ совершенно нормальномъ организмѣ мы можемъ видѣть, какое громадное значеніе имѣетъ давленіе органовъ другъ на друга, на форму ихъ. Такъ, легкія, напр., носятъ на себѣ отпечатокъ какъ грудной стѣнки, такъ и ограничивающей ихъ снизу діафрагмы; форма печени опредѣляется давящей сверху діафрагмой, и вырѣзка ея справа опредѣляется лежащей тутъ правой почкой; то же можно сказать о селезенкѣ и другихъ органахъ. У рыбъ, напр.,—это очень интересно—печень тянется въ видѣ лоскутовъ, помѣщающихся между кишечными петлями, и формой послѣднихъ опредѣляется и форма этихъ лоскутовъ. Очевидно, что даже одно механическое взаимодѣйствіе органовъ рѣзко отражается на ихъ формѣ, и стòитъ одному изъ органовъ атрофироваться для того, чтобы другой, сосѣдній началъ увеличиваться для занятія свободнаго пространства.

Демонстративнымъ примѣромъ того, какъ органы могутъ бороться изъ-за питательныхъ веществъ крови, можетъ служить фактъ развитія размягченія костей у женщинъ, кормившихъ грудью въ теченіе многихъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что клѣтки молочной железы постоянно выносятъ изъ крови, для образованія молока, опредѣленное количество солей, и ихъ не хватаетъ для пополненія убыли извести въ разрушающихся костяхъ, вслѣдствіе чего новообразованныя кости дѣлаются мягкими, гибкими. Тутъ фактъ борьбы клѣтокъ организма изъ-за извѣстнаго продукта, разносимаго кровью, доказывается съ величайшей отчетливостью. Вотъ еще одинъ не безъизвѣстный примѣръ различной, неравномѣрной разростаемости различныхъ тканей при пораженіяхъ кожи. Извѣстно, что послѣ нѣкоторыхъ пораненій кожи послѣдняя не заростаетъ ровнымъ рубцомъ, а образуется такъ-называемое *дикое мясо*. Оно является результатомъ того, что процессъ размноженія клѣтокъ глубоко-лежащихъ частей кожи опережаетъ процессъ размноженія эпителіальнаго покрова кожи. Это только можетъ зависѣть отъ неравномѣрности распредѣленія созидательныхъ силъ различныхъ тканей. И подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество.

Изъ всего сказаннаго съ отчетливостью вытекаетъ то, что въ многоклѣточныхъ сложныхъ организмахъ, благодаря борьбѣ тканей и органовъ между собою, даются нерѣдко поводы къ нарушенію

той гармоніи въ дѣятельности ихъ, при которой и мыслимы только цѣлость и невредимость организма. Очевидно, что для поддержанія этой гармоніи требуется, кромѣ всего остального, такое распредѣленіе процессовъ созиданія и разрушенія по клѣточнымъ элементамъ тканей и органовъ, при которомъ было бы немыслимо усиленное преобладаніе однѣхъ тканей, одних органовъ надъ другими,—несовмѣстимое съ жизнью цѣлаго организма.

Въ самой организаціи сложныхъ организмовъ даны, слѣдовательно, условія, опредѣляющія предѣльность ихъ жизни. Прогрессивное паденіе созидающихъ силъ организма по мѣрѣ теченія лѣтъ, вслѣдствіе безконечнаго дробленія созидающей матеріи по безчисленнымъ клѣткамъ организма, дифференцированіе организма на отдѣльные ткани и органы, съ спеціальной локализаціей созидательныхъ силъ въ воспроизводительныхъ элементахъ и, наконецъ, борьба тканей и органовъ въ тѣлѣ,—все это, кажется, съ достаточной ясностью указываетъ намъ, почему всѣ сложные организмы смертны, почему смерть должна быть роковымъ, неизбѣжнымъ концомъ ихъ земного существованія.

Въ пользу такого толкованія предѣльности жизни говоритъ еще тотъ важный фактъ, заявляемый извѣстнымъ біологомъ Вейсманномъ, что смерть не есть аттрибутъ, непремѣнно присущій всѣмъ живымъ организмамъ. Существуетъ большое число низшихъ организмовъ, которымъ присуща жизнь безконечная, если только они не разрушаются какими-нибудь внѣшними вліяніями: ударомъ, кипяченіемъ, ѣдкими веществами, ядами, или если они не становятся жертвой другихъ животныхъ. Примѣромъ могутъ служить амёбы и многія инфузоріи. Прекращеніе индивидуальнаго существованія такихъ простѣйшихъ животныхъ совпадае ъ съ ихъ подраздѣленіемъ на двѣ одинаковыхъ половины,—другими словами, у нихъ смерть индивидуальная совпадаетъ съ размноженіемъ. Развѣ можно тутъ говорить о смерти въ нашемъ смыслѣ этого слова, когда нѣтъ передъ нами трупа? Обѣ новообразованныя части при томъ совершенно равны, какъ это вытекаетъ изъ наблюденій надъ euglypha и нѣкоторыми другими корненожками.

Передъ полнымъ почти окончаніемъ дѣленія такихъ организмовъ—отдѣльныя части ихъ бываютъ еще связаны мостикомъ протоплазмы, въ которомъ замѣтны токи клѣточнаго вещества, переходящіе изъ одной половины въ другую; очевидно, что при этомъ происходитъ полное смѣшеніе клѣточнаго вещества обоихъ животныхъ передъ ихъ окончательнымъ разъединеніемъ, и, слѣдовательно, оба животныхъ представляются равными. Затѣмъ, съ

каждой половиной происходитъ вновь подраздѣленіе по тому же типу, и такъ дѣло должно было бы идти до безконечности.

Почему же многоклѣточныя сложныя животныя и растенія лишены этой пріятной перспективы безпредѣльнаго существованія?

Всѣ вышеразвитыя нами положенія и даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, и вмѣстѣ находятъ въ безпредѣльной жизни многихъ одноклѣточныхъ организмовъ полное себѣ подтвержденіе.

У одноклѣточныхъ животныхъ немыслима нормальная смерть потому, что индивидуумъ и клѣтка размноженія—то, что соотвѣтствуетъ оплодотворенному яйцу—представляютъ одно и то же тѣло; созидательная сила зародышевой плазмы не дробится въ каждомъ такомъ простомъ одноклѣточномъ индивидуумѣ на минимальнѣйшія части по дифференцированнымъ клѣткамъ организма, которыхъ здѣсь нѣтъ,—а дѣйствуетъ цѣликомъ, всей силой своей, и обусловливаетъ безконечный рядъ подраздѣленій на двѣ части даннаго существующаго индивидуума.

Очевидно, что смерть естественная, нормальная должна была появиться въ живыхъ организмахъ съ момента усложненія ихъ строенія, съ момента дифференцированія зародышеваго яйца и спеціализаціи функцій, т.-е. съ момента появленія въ нихъ принципа подраздѣленія труда по органамъ, а слѣдовательно, и борьбы органовъ между собою.

Вейсманнъ, говоря о необходимости смерти, не видитъ причинъ основывать ее на прекращеніи размножающей способности клѣтокъ, т.-е. на истощеніи созидающихъ силъ клѣтокъ. „Мы не видимъ,—говоритъ онъ,—основанія, почему отказывать клѣткамъ сложныхъ организмовъ въ способности къ безконечному размноженію и, слѣдовательно, не видимъ основанія, почему и сложный организмъ не могъ бы вѣчно функціонировать, даже полагаемъ, что ограниченіе этой способности къ размноженію, а слѣдовательно и предѣльность жизни является, въ концѣ концовъ, результатомъ приспособленія организмовъ къ окружающимъ условіямъ существованія: индивидуумы изнашиваются и старѣютъ, живя въ окружающей ихъ средѣ, и слѣдовательно вѣчное ихъ существованіе было бы совершенно нецѣлесообразною, безполезною роскошью; эти изношенные индивидуумы, съ точки зрѣнія высшей цѣлесообразности, должны уступать мѣсто болѣе юнымъ, свѣжимъ силамъ, лучше выдерживающимъ борьбу за существованіе и лучше гарантирующимъ сохраненіе рода“. Организмъ, слѣдовательно, по мнѣнію Вейсманна, прекращаетъ свое существованіе не потому, что клѣтки, составляющія его, не могли бы сами по себѣ обладать способностью къ безконечному размноженію и созиданію—и тѣмъ

самымъ къ безпрерывному покрытію разрушающихся частей,—но потому, что эту способность онѣ утратили за негодностью, нецѣлесообразностью ея, такъ какъ въ противномъ случаѣ міръ наводнился бы организмами ветхими, изношенными, которые въ экономіи природы были бы совершенно безполезными.

Итакъ, смерть, съ точки зрѣнія Вейсманна, представляется явленіемъ приспособленія къ внѣшнимъ окружающимъ условіямъ; съ нашей же точки зрѣнія—результатомъ физіологической необходимости.

Впрочемъ, не трудно тотчасъ же замѣтить слабую сторону аргументаціи Вейсманна: еслибы клѣтки сами по себѣ обладали съ самаго начала способностью къ безконечному размноженію и, слѣдовательно, къ безконечному покрытію всѣхъ расходовъ тѣла, какъ признаетъ авторъ, то не было бы причинъ къ изнашиванію, къ состариванію организмовъ, и міръ съ неимовѣрной быстротой населился бы живыми, здоровыми организмами, а тогда не было бы причинъ, съ точки зрѣнія развиваемаго имъ приспособленія, къ превращенію и къ утратѣ столь драгоцѣнной способности клѣтокъ къ вѣчному ихъ размноженію. Одно изъ двухъ: или способность клѣтокъ къ размноженію, къ созиданію—бываетъ физіологически ограничена, и тогда смерть является роковой необходимостью, или,—если клѣтки сложныхъ организмовъ обладали въ началѣ безграничной способностью къ созиданію и размноженію, то жизнь вѣчная, цвѣтущая, была бы правиломъ для всѣхъ организмовъ, и не было бы мотивовъ къ уничтоженію этой способности клѣтокъ съ точки зрѣнія приспособленія.

Но мы, съ своей стороны, привели, какъ намъ кажется, достаточныя физіологическія основанія прогрессивнаго, по мѣрѣ теченія жизни, упадка созидательныхъ силъ клѣтокъ, ведущаго къ роковой развязкѣ, къ смерти. Итакъ, въ зародышевомъ яйцѣ кроются въ скрытой формѣ тѣ силы, которыя, въ силу наслѣдственности, опредѣляютъ будущій ходъ развитія организма и ограничиваютъ его въ пространствѣ и во времени.

Первое—выражается тѣмъ, что организмы выливаются какъ бы въ опредѣленные формы и размѣры; второе же—тѣмъ, что они обладаютъ опредѣленной продолжительностью жизни. Въ зародышевомъ яйцѣ кроется, по выраженію Клодъ-Бернара, какъ бы „траекторія“ будущаго жизненнаго пути, по которой придется пройти развивающемуся изъ даннаго яйца организму.

Почему же, спрашивается, этотъ срокъ земной жизни представляетъ столь рѣзкія колебанія въ мірѣ животныхъ и растеній,

начиная отъ жизни въ нѣсколько часовъ—и кончая жизнью въ нѣсколько столѣтій и даже тысячелѣтій?

IV.

Безконечно разнообразна жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—и какъ безконечно варіируютъ формы, въ которыя она выливается въ различныхъ представителяхъ животнаго и растительнаго царствъ, такъ безконечны и тѣ сроки времени, въ теченіе которыхъ живутъ различные индивидуумы. Мы, конечно, имѣемъ въ виду здѣсь естественную продолжительность жизни, опредѣляемую срокомъ наступленія нормальной старческой смерти, а не насильственной смерти, прерывающей жизнь на самыхъ различныхъ ступеняхъ ея развитія.

Стоитъ, съ одной стороны, представить себѣ срокъ дѣятельной жизни своеобразной маленькой мушки-эфемеры—не болѣе, какъ въ 4—5 часовъ, и съ другой, жизнь въ нѣсколько тысячелѣтій, присущую нѣкоторымъ гигантскимъ деревьямъ Adansonia, Taxodium и т. д., чтобы понять все то безконечное разнообразіе въ продолжительности жизни, съ которымъ мы можемъ встрѣтиться при разборѣ въ этомъ отношеніи различныхъ представителей растительнаго и животнаго царствъ. Намъ и предстоитъ теперь ознакомиться съ продолжительностью жизни такихъ различныхъ животныхъ и растительныхъ формъ и съ тѣми внутренними физіологическими и внѣшними біологическими условіями, которыми нормируется продолжительность ихъ жизни.

Не трудно, конечно, понять, что вопросъ этотъ обставленъ большими затрудненіями въ виду, во-первыхъ, неимовѣрной сложности его и затѣмъ недостатка точно установленныхъ фактовъ касательно долговѣчности громадной группы всѣхъ дикихъ животныхъ различныхъ классовъ. Сложность вопроса обусловливается, конечно, тѣмъ, что нормальная продолжительность жизни есть явленіе, зависящее не только отъ совокупности опредѣленныхъ физіологическихъ условій строенія, состава организма и его органовъ, правильности ихъ функцій и скорости ихъ теченія, но и отъ опредѣленныхъ внѣшнихъ условій существованія, и, наконецъ, законовъ наслѣдственности; недостатокъ же твердо установленныхъ фактовъ касательно нормальной продолжительности жизни животныхъ объясняется трудностью ихъ собиранія.

Еслибы жизнь всѣхъ животныхъ протекала предъ нами такъ же на виду, какъ жизнь домашнихъ животныхъ и людей, то мы

могли бы, конечно, сравнительно легко оцѣнить нормальные ея предѣлы въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ дѣйствительности же дѣло стоитъ иначе. Мы вовсе не въ состояніи наблюдать за тиграми, львами и т. д., живущими въ дикомъ состояніи при нормальныхъ условіяхъ существованія; мы не можемъ слѣдить за ходомъ жизни и вести лѣтопись животнымъ, населяющимъ глубину морей и океановъ, и, слѣдовательно, вовсе не въ состояніи имѣть точныя представленія о продолжительности ихъ жизни; все, чѣмъ мы можемъ воспользоваться для нашей цѣли, такъ это матеріалами, собранными надъ нашими домашними животными и животными въ зоологическихъ садахъ и акваріумахъ. Изъ этихъ данныхъ все-же домашнія животныя представляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ, такъ какъ жизнь дикихъ животныхъ, заключенныхъ въ клѣткахъ и оградахъ зоологическихъ садовъ и въ акваріумахъ, далеко не можетъ считаться нормальной, и, слѣдовательно, по ней нельзя и судить о нормальной продолжительности жизни. Тѣмъ не менѣе, за недостаткомъ лучшаго, приходится довольствоваться и этимъ матеріаломъ, и, кромѣ того, случайными наблюденіями надъ дикими животными, въ особенности птицами, выдававшимися или своеобразнымъ напѣвомъ, или другими знаками, наложенными на нихъ человѣческою рукою.

Всѣми этими данными намъ и придется воспользоваться; они разсѣяны повсюду въ сочиненіяхъ: *Гибеля* — „Млекопитающія животныя"; *Окена* — „Naturgeschichte"; *Брэма* — „Жизнь животныхъ", „Жизнь птицъ"; *Кнауэра* — „Naturhistoriker"; *Вейсмана* и *Флуранса* — „О продолжительности жизни"; *Бурдаха* „Физіологія" и въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ зоологическихъ журналовъ и т. д.

Неполнота матеріала, относящагося къ продолжительности жизни животныхъ, обусловливается еще тѣмъ, что зоологи и ботаники обращали до сихъ поръ несравненно больше вниманія на особенности формъ животныхъ и растеній и на отдѣльныя фазы ихъ развитія, нежели на все время, въ теченіе котораго совершается весь круговоротъ ихъ жизни.

Выше мы уже пришли къ заключенію, что въ оплодотворенномъ яйцѣ и въ оплодотворенномъ растительномъ сѣмени кроются въ скрытой формѣ силы, опредѣляющія будущее развитіе организмовъ въ пространствѣ и во времени. И то, и другое, съ точки зрѣнія клѣточной теоріи развитія организмовъ, значитъ ни болѣе, ни менѣе, что въ зародышевомъ оплодотворенномъ яйцѣ опредѣлена заранѣе, въ силу закона наслѣдственности, вся сумма клѣточныхъ поколѣній, могущихъ развиться на счетъ созидающихъ

силъ зародышеваго яйца, а также и комбинаціи, въ которыя клѣтки должны будутъ сложиться. Первымъ обстоятельствомъ опредѣляется предѣльность жизни, вторымъ же—форма, въ которую долженъ вылиться организмъ.

Съ этой точки зрѣнія наслѣдственность являлась бы главнымъ, если не исключительнымъ, факторомъ, опредѣляющимъ продолжительность жизни,—и трудно, конечно, отрицать это, если вспомнить, что наслѣдственностью опредѣляются всѣ существенныя физіологическія стороны жизни организма: періодъ скрытаго внутриутробнаго развитія, весь періодъ его роста, величина, форма тѣла и т. п. Какъ же продолжительность жизни могла бы сдѣлать изъ этого общаго правила исключеніе! Очевидно, что въ ней, т.-е. въ наслѣдственности, и кроется главный факторъ, опредѣляющій длину жизненной дуги. Но, сваливая продолжительность жизни на наслѣдственность, мы тѣмъ самымъ выясняемъ, конечно, немногое, такъ какъ сама-то наслѣдственность представляетъ для насъ явленіе черезъ-чуръ темное по механизму своего дѣйствія, несмотря на цѣлый рядъ существующихъ теорій, мало, впрочемъ, выясняющихъ существенную сторону дѣла.

Мы могли бы только уподобить роль наслѣдственности въ дѣлѣ поддержанія извѣстнаго срока жизни съ ролью пружины, приводящей въ дѣйствіе часы; смотря по силѣ этой пружины, у однихъ животныхъ часы жизни продолжаютъ ходить иногда цѣлое столѣтіе, въ то время какъ у другихъ они останавливаются спустя нѣсколько часовъ отъ начала ихъ хода. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія о природѣ и характерѣ этой пружины, данной въ дѣйствительности въ формѣ созидательной энергіи вещества зародышеваго яйца, и намъ остается только изучить, съ какими условіями организаціи и жизнедѣятельности организмовъ идетъ рука объ руку тотъ или другой срокъ продолжительности ихъ жизни.

Изслѣдователи давно уже задавались вопросомъ о физіологическихъ причинахъ, опредѣляющихъ продолжительность жизни, но, конечно, первыя изъ этихъ попытокъ представляли не мало дѣтскаго и курьезнаго. Такъ, приведу для примѣра мнѣніе Кардана, серьезно заявлявшаго о томъ, что деревья потому живутъ дольше животныхъ, что они не производятъ движеній. „Мышечныя движенія,—говоритъ этотъ авторъ,—усиливаютъ испарину, и потѣніе сокращаетъ жизнь; чтобы долго жить, надо поэтому вовсе не двигаться“. Вотъ до чего можно было договариться. Всего болѣе изумительно, что Бэконъ, отецъ экспериментальной философіи, проводилъ ту же идею и совѣтовалъ съ цѣлью продленія жизни

маслянистыя втиранія въ кожу для прекращенія кожной испарины. Мопертій требовалъ съ тою же цѣлью покрытія тѣла дегтемъ. Зато Вольтеръ направилъ на всѣхъ этихъ авторовъ острыя стрѣлы своей злой и нещадящей сатиры.

Бюффонъ былъ первымъ авторомъ, вполнѣ сознавшимъ, что каждый видъ животныхъ имѣетъ свой болѣе или менѣе опредѣленный срокъ жизни. Онъ первый попытался установить физіологическій законъ продолжительности жизни и въ основу его положилъ періодъ роста даннаго животнаго вида. Чтобы опредѣлить нормальную продолжительность жизни, говорилъ онъ, надо число лѣтъ, въ теченіе которыхъ совершается ростъ организма, помножить на 7: произведеніе и выразитъ собою нормальную продолжительность его жизни. Такъ, олень, напр., ростущій въ теченіе 5—6 лѣтъ, живетъ всего 7 разъ 5 или 7 разъ 6, т.-е. 35 или 42 года.

Почему, однако, Бюффонъ выбралъ вторымъ множителемъ число 7? Чтобы понять это, слѣдуетъ только напомнить, что въ древнія времена жизнь подраздѣляли на семилѣтія, а это, въ свою очередь, было послѣдствіемъ знаменитаго ученія о кризисахъ, въ которомъ все регулировалось числомъ 7; ученіе же о кризисахъ было, въ свою очередь, послѣдствіемъ еще болѣе стараго ученія о числахъ. Абсурдная идея о реальности чиселъ перешла уже рано изъ философіи въ медицину и сильно повредила правильности и объективности наблюденій, подчиняя ихъ фантастической силѣ закона чиселъ, не имѣющаго ничего общаго, конечно, съ явленіями реальнаго міра.

Конечно, въ ученіи о кризисахъ есть и та вѣрная сторона, что каждая болѣзнь имѣетъ свой правильный ходъ и свое окончаніе послѣ опредѣленнаго времени, опредѣленнаго количества дней, но это зависитъ, конечно, отъ природы самой болѣзни, а не отъ дѣйствительности и специфичности самыхъ чиселъ. Это увлеченіе силой чиселъ было до такой степени велико, и въ особенности числомъ 7, что даже знаменитый Кабанисъ подраздѣлялъ жизнь на періоды въ 7 лѣтъ; такъ, дѣтство кончается, по его мнѣнію, въ 7 лѣтъ, юношескій возрастъ—въ дважды 7, т.-е. въ 14 лѣтъ, молодость—въ 28 лѣтъ и т. д. Вотъ почему, вѣроятно, и Бюффонъ, подпавъ фантастическому вліянію чиселъ при опредѣленіи продолжительности жизни животныхъ, остановился на излюбленномъ раньше числѣ 7, какъ на множителѣ, на который слѣдуетъ помножить число лѣтъ періода роста для того, чтобы получить нормальную продолжительность жизни. Нечего, конечно, говорить, что числа, полученныя этимъ путемъ для продолжи-

тельности жизни животныхъ являются несравненно больше настоящихъ, и, слѣдовательно, способъ Бюффона, безъ всякаго сомнѣнія, неточенъ.

Тѣмъ не менѣе, громадная заслуга его въ томъ, что онъ настаивалъ на связи между общей продолжительностью жизни животныхъ и періодомъ ихъ роста. Чѣмъ быстрѣе заканчивается послѣдній, т.-е. чѣмъ короче онъ, тѣмъ короче бываетъ и вся продолжительность жизни. Ошибка же вся въ томъ множителѣ 7, въ которую Бюффонъ, очевидно, былъ вовлеченъ подъ давленіемъ старинной вѣры въ магическую силу этого числа.

Итакъ, по Бюффону, продолжительность всей жизни животныхъ можетъ измѣряться на основаніи времени ихъ роста. Впрочемъ, уже Аристотель, говоря о срокѣ жизни оленей, указывалъ на то, что долгій срокъ внутриутробнаго развитія и періода роста ихъ служитъ ручательствомъ ихъ долгой жизни. И согласно указаніямъ этого рода продолжительность жизни лошадей равна періоду ихъ роста въ 4 года, помноженному на 7, т.-е. 28 годамъ; собака, ростущая въ теченіе 2-хъ лѣтъ, живетъ 14 лѣтъ; человѣкъ, ростущій, по мнѣнію Бюффона до 16 лѣтъ, долженъ жить въ 7 разъ больше, т.-е. 100 лѣтъ съ лишнимъ.

Бюффонъ, какъ видно, первый положилъ физіологическія основы для рѣшенія вопроса о продолжительности жизни. Конечно, въ его опредѣленіяхъ есть крупныя ошибки, зависящія какъ отъ неточнаго опредѣленія періода роста различныхъ животныхъ и человѣка, такъ и произвольности избраннаго имъ множителя 7. У него не было прочнаго признака, свидѣтельствующаго объ окончаніи періода роста. Такой недостатокъ и былъ пополненъ изслѣдованіями извѣстнаго физіолога Флуранса. Этотъ изслѣдователь показалъ, что ростъ животныхъ и человѣка продолжается до тѣхъ поръ, пока тѣло костей не срослось вплотную съ ихъ хрящевыми оконечностями; съ момента же окончательнаго сращенія ростъ прекращается. У человѣка,—говоритъ Флурансъ, — это сращеніе происходитъ въ 20 приблизительно лѣтъ. Весь же періодъ жизни у большинства животныхъ равняется упятеренному сроку времени ихъ роста. Такъ, ростъ верблюда прекращается въ 8 лѣтъ, и слѣдовательно продолжительность жизни его равна 40 годамъ; ростъ лошади длится 5 лѣтъ, и слѣдовательно вѣкъ лошади равенъ 25 годамъ; у быка періодъ роста равенъ 4 годамъ — срокъ жизни 20 годамъ; у льва періодъ роста равенъ 4 годамъ, срокъ жизни 20 годамъ; у собаки періодъ роста равенъ 2—3 годамъ, срокъ жизни 10—15 годамъ; у кошки періодъ роста равенъ 18 мѣсяцамъ, срокъ жизни

7—8 годамъ; у кролика періодъ роста равенъ 12 мѣсяцамъ, срокъ жизни 5 годамъ, и т. д. И слѣдовательно, у человѣка съ періодомъ роста въ 20 лѣтъ срокъ жизни равенъ приблизительно одному вѣку. Слѣдовательно, вмѣсто множителя 7, принятаго Бюффономъ, Флурансъ остановился на числѣ 5, которымъ должно помножить періодъ роста для полученія нормальной продолжительности жизни. Флурансъ выражаетъ такую увѣренность въ правильности указаннаго имъ способа опредѣленія нормальной продолжительности жизни, что онъ совѣтуетъ прямо примѣнять его къ опредѣленію продолжительности жизни неизвѣстныхъ намъ въ этомъ отношеніи животныхъ.

Такъ, нѣкоторые авторы,—говоритъ онъ,—писали, что слонъ можетъ жить отъ 400 до 500 лѣтъ; Аристотель полагалъ, что слонъ живетъ 200 лѣтъ; другіе оцѣнивали вѣкъ слона въ 130, 140, 150 лѣтъ; Бюффонъ и Кювье, подобно Аристотелю, оцѣнивали его въ 200 лѣтъ. Бленвилль опредѣлялъ его въ 120 лѣтъ. Мы точно также не знаемъ точно срока жизни носорога, гиппопотама, жираффы и т. д., и одно только точное наблюденіе времени сращенія тѣла костей съ ихъ хрящевыми оконечностями могло бы, по мнѣнію Флуранса, доставить намъ требуемыя свѣденія.

Къ сожалѣнію, такихъ точныхъ свѣденій нѣтъ, и Флурансъ, опираясь на одинъ только фактъ смерти молодого слона 30-лѣтняго возраста, у котораго кости оказались еще несрощенными съ ихъ хрящевыми оконечностями и, слѣдовательно, находящимися еще въ періодѣ роста, выражаетъ увѣренность, что слонъ живетъ несомнѣнно болѣе, чѣмъ 5 разъ 30, т.-е. болѣе 150 лѣтъ. Но способъ этотъ даетъ, по мнѣнію Флуранса, обыкновенную продолжительность жизни; между тѣмъ намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ срокъ этотъ можетъ быть далеко превзойденъ; такъ, люди, судя по литературнымъ указаніямъ, могутъ доживать и до 169 лѣтъ, лошадь—до 50, верблюдъ—до 100 лѣтъ, левъ—до 60, собака—до 24, кошка—до 20, и т. д. Какими признаками опредѣляется столь экстраординарный срокъ жизни—о томъ у насъ нѣтъ, по мнѣнію Флуранса, ни малѣйшихъ указаній.

Во всякомъ случаѣ авторъ заключаетъ, что обыкновенный срокъ жизни, опредѣляемый вышеуказаннымъ способомъ, является собственно полвѣкомъ экстраординарной жизни, до которой могутъ достигать животныя при самыхъ наиблагопріятнѣйшихъ условіяхъ ихъ организаціи и внѣшнихъ условій существованія.

Только-что сдѣланное заключеніе, принадлежащее самому Флурансу и допускающее возможность колебаній въ продолжительности жизни въ размѣрахъ, почти удвоенныхъ сравнительно

со сроками, высчитываемыми по его способу, сильно подрываетъ вѣру въ безусловную точность указаннаго имъ способа опредѣленія продолжительности жизни и убѣждаетъ насъ, что продолжительность жизни находится въ зависимости не только отъ періода роста, но, вѣроятно, и отъ цѣлой массы еще другихъ условій, въ разбору которыхъ мы и переходимъ.

Продолжительность жизни животныхъ организмовъ, подобно долговѣчности любого механизма, любой машины, должна была бы à priori прежде всего находиться въ зависимости отъ качества вещественнаго матеріала, изъ котораго выстроены животные организмы, и отъ характера ихъ строенія, т.-е. большей или меньшей сложности ихъ организаціи. Спрашивается теперь: не имѣется ли указаній насчетъ разницы въ составѣ тѣла между животными съ короткой и длинной продолжительностью жизни? Отвѣтъ на вопросъ подобнаго рода могли бы дать тонкіе и точные химическіе анализы какъ вещества зародышеваго яйца, такъ и всего тѣла и отдѣльныхъ органовъ его у различныхъ животныхъ.

Еслибы этимъ путемъ можно было доказать разницу въ химическомъ составѣ однихъ и тѣхъ же тканей и органовъ у различныхъ животныхъ, еслибы выяснилось, что животныя съ короткой продолжительностью жизни обладаютъ живымъ вещественнымъ составомъ, несравненно легче разрушаемымъ, взрывчаторазлагаемымъ и, слѣдовательно, требующимъ несравненно болѣе дѣятельнаго возобновленія со стороны созидающихъ силъ организма, то этимъ былъ бы прежде всего объясненъ фактъ, почему животныя такого состава должны проходить циклъ своей жизни несравненно быстрѣе другихъ и почему они должны раньше погибать. Къ сожалѣнію, фактовъ такихъ не существуетъ, да и не можетъ ихъ и быть при современномъ состояніи развитія нашихъ химическихъ знаній.

Дѣло въ томъ, что живыя клѣтки организма и въ особенности носители въ нихъ жизни—протоплазменныя и ядерныя волоконца и зернышки—представляютъ до такой степени нѣжныя образованія, что малѣйшее переведеніе ихъ изъ условій нормальнаго существованія въ условія, сопряженныя съ производствомъ любого ихъ химическаго анализа, уже убиваетъ живое вещество, и оно, подвергаемое анализу, уже представляется вовсе не тѣмъ, чѣмъ оно было во время жизни.

Для примѣра возьмемъ мы кровь, мышцы и мозгъ. Кровь, по выпущеніи изъ тѣла, съ самаго же начала измѣняется и чрезъ нѣсколько минутъ свертывается, рѣзко преобразуясь въ своемъ составѣ; мышцы, по удаленіи изъ тѣла, вскорѣ совершенно окоче-

неваютъ, измѣняютъ свой составъ и въ нихъ появляются вещества, не существовавшія въ нормальномъ живомъ состояніи; мозгъ или, точнѣе, нервные центры до такой степени нѣжны, что стоитъ ихъ хоть на нѣсколько мгновеній лишить притока свѣжей крови,—какъ тѣ, бываетъ, напр., при остановкѣ сердца,—и тотчасъ появляется обморокъ, выражающій недѣятельное состояніе мозговыхъ центровъ; химическая реакція ихъ при помираніи быстро измѣняется въ кислую, указывая тѣмъ самымъ на наступившія въ нихъ глубокія химическія измѣненія и разложенія.

Сказанное относительно этихъ тканей безусловно вѣрно и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ тканевымъ элементамъ животнаго тѣла, и въ особенности къ столь нѣжному и сложному образованію, каковымъ является первичный источникъ жизни—оплодотворенное зародышевое яйцо. Слѣдовательно, все, что попадаетъ изъ животнаго тѣла въ колбу химика, хотя бы и самаго ловкаго и совершеннаго, уже представляется измѣненнымъ, далеко отстоящимъ отъ того, чѣмъ оно было въ живомъ состояніи; а первая попытка химика разложить это вещество для опредѣленія его состава и конституціи уже окончательно разрушаетъ его, и составить себѣ по этимъ продуктамъ анализа точное представленіе о первоначальномъ живомъ веществѣ точно такъ же невозможно, какъ по дыму нельзя бываетъ опредѣлить то, что сгорѣло.

Вотъ въ чемъ главный камень преткновенія при опредѣленіяхъ живого вещественнаго состава клѣточныхъ образованій тѣла. Преодолѣть эти трудности не представляется пока возможнымъ, и, конечно, не въ недостаткѣ охоты изслѣдователей лежитъ причина нашего невѣденія; напротивъ того, изслѣдователи подвергали химическому анализу всѣ части животнаго тѣла, включая сюда и зародышевое яйцо, и оплодотворяющіе элементы,—и все это только для того, чтобы придти къ тому безуспѣшному заключенію, что мы о составѣ живыхъ тканей, живыхъ клѣтокъ, не имѣемъ и не можемъ пока имѣть ни малѣйшаго представленія.

Вездѣ въ тканяхъ мы находимъ бѣлки разнообразныхъ видовъ, жиры или производные ихъ, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ—углеводы, наконецъ—минеральныя соли и воду. Разницы сводятся собственно къ количественному содержанію этихъ веществъ,—но и только. Но изъ этого едва ли можно вывести что-либо рѣшающее относительно дѣйствительныхъ разницъ клѣтокъ столь разнообразныхъ функцій въ ихъ живомъ состояніи.

Кромѣ легкой разрушаемости и измѣняемости живыхъ тканей, затрудняющихъ химическій анализъ ихъ, мы встрѣчаемся еще съ недостаточнымъ развитіемъ самихъ способовъ химическаго

изслѣдованія, какъ съ важнымъ факторомъ недостаточности нашихъ свѣденій насчетъ состава живыхъ тканей. Способы эти разсчитаны на анализы бѣлковъ, жировъ, углеводовъ, минеральныхъ солей, воды и нѣкоторыхъ продуктовъ распада тканей, и неудивительно, конечно, что эти продукты вездѣ почти найдены въ тканяхъ. А рядомъ съ ними можетъ упускаться изъ виду цѣлая масса другихъ соединеній, для открытія которыхъ не существуетъ еще даже какихъ-либо, мало-мальски сносныхъ, химическихъ способовъ изслѣдованія.

Предѣлы нашихъ знаній всегда разростаются со введеніемъ новыхъ методовъ изслѣдованія, которыми изслѣдователи пользуются для открытія новыхъ соединеній, новыхъ тѣлъ. Пока же методы органической химіи для анализа *живыхъ* тканей представляются еще непочатыми, и неудивительно поэтому, что біологи, говоря о составѣ зародышеваго яйца, нервныхъ центровъ, мышцъ и т. д., по необходимости принимаютъ за составъ живого тѣла то, что̀ относится къ его мертвому состоянію. Обстоятельства этого, конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, такъ какъ разницы одного и того же съ виду вещества въ живомъ и мертвомъ состояніи представляются капитальными; въ первомъ случаѣ оно способно давать рядъ взрывчатыхъ разложеній, свойственныхъ живой протоплазмѣ, и этотъ сгарающій жизненный порохъ способенъ возстановляться дѣйствіемъ силъ созидающей маларіи; въ мертвомъ же веществѣ ничего подобнаго не происходитъ. Очевидно, что сплавъ веществъ въ живыхъ клѣткахъ иной, чѣмъ въ умершихъ, и онъ ускользаетъ отъ насъ, какъ мечта!

Между тѣмъ едва-ли можно сомнѣваться, что въ этомъ составѣ, въ этой амальгамѣ веществъ, свойственныхъ живымъ клѣткамъ, и кроется прямой источникъ развиваемыхъ ими силъ разрушенія и созиданія, лежащихъ въ основѣ жизненныхъ функцій. Тутъ, и ни въ чемъ другомъ, должна лежать первая причина тому, почему въ одномъ зародышевомъ яйцѣ лежитъ въ скрытой формѣ траекторія будущей длинной жизненной дуги, а въ другомъ яйцѣ—траекторія короткой дуги, и потому едва ли правъ Вейсманъ, говоря, что продолжительность жизни не стоитъ ни въ какой зависимости отъ химическаго состава живыхъ тѣлъ, такъ какъ составъ этотъ, по даннымъ современной химіи, является однимъ и тѣмъ же. О какомъ тождествѣ состава тутъ можетъ быть рѣчь, когда о составѣ тканевыхъ элементовъ въ ихъ живомъ состояніи мы не имѣемъ даже и тѣни какого-либо представленія?! Очевидно, что дѣло тутъ въ глубокомъ недоразумѣніи. Мы не въ правѣ говорить о томъ, чего не знаемъ и видѣть

пока не можемъ. Изъ того, что *мертвыя* ткани животныхъ *различной* продолжительности жизни оказываются, положимъ, равными по составу, вовсе не слѣдуетъ, чтобы и всѣ *живыя* ткани ихъ были по составу своему равны. Вѣдь тогда пришлось бы съ такой же логикой придти къ заключенію, что такъ какъ всѣ почти органическія углеродистыя соединенія, разрушаясь, сгарая, даютъ тѣ же продукты — угольную кислоту и воду, то они всѣ должны быть тождественны! Наивность подобнаго заключенія для каждаго, конечно, очевидна. И чтобы выставить это дѣло въ еще болѣе ясной формѣ, приведемъ слѣдующій примѣръ.

Кому неизвѣстна медленность движеній черепахи? Этотъ характеръ движеній является послѣдствіемъ особыхъ свойствъ ея мышечной ткани, которая для совершенія сокращенія требуетъ въ сотни разъ болѣе времени, чѣмъ мышцы, напр., какого-нибудь воробья. Въ чемъ же, однако, можетъ лежать причина такой медленности сокращеній? Да, конечно, въ составѣ и устройствѣ самой мышцы черепахи,—въ томъ, что жизненный порохъ ея протоплазмы неспособенъ къ столь быстрымъ разложеніямъ, на какія способны мышцы другихъ животныхъ. А между тѣмъ находитъ ли химія какія-нибудь существенныя разницы между составомъ черепашьей мышцы и мышцами другихъ животныхъ? Конечно, нѣтъ, такъ какъ она изслѣдуетъ уже мертвую, но не живую мышцу.

Сказанное вѣрно и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ органамъ и клѣткамъ организма, а въ томъ числѣ и къ главной клѣткѣ, опредѣлительницѣ будущей продолжительности жизни — къ оплодотворенному яйцу. Нѣтъ никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что ея химико-физическими свойствами обусловливаются и главныя функціи ея — развивать жизнь въ опредѣленныхъ формахъ и опредѣленной продолжительности. А между тѣмъ, что̀ намъ извѣстно о составѣ зародышеваго яйца въ живомъ состояніи при настоящихъ сравнительно грубыхъ способахъ химическаго изслѣдованія? Конечно, ничего! Но изъ-за этого мы, конечно, не въ правѣ заключить вмѣстѣ съ Вейсманомъ, что составъ тѣла не находится ни въ какой связи съ продолжительностью жизни. Данныхъ для подобнаго заключенія нѣтъ, и, напротивъ того, всѣ аналогіи говорятъ въ пользу того, что химическія свойства зародышеваго яйца въ различныхъ классахъ животнаго должны быть иными, въ виду различія возникающихъ изъ него формъ и различной долговѣчности ихъ. И не трудно было бы à priori охарактеризовать яйца животныхъ съ различной продолжительностью жизни слѣдующимъ образомъ.

Яйца оплодотворенныя, заключающія въ себѣ скрытую энергію будущей короткой и быстротечной жизни, должны были бы заключать въ себѣ съ самаго начала малый запасъ созидающаго организующаго вещества, т.-е. созидающей энергіи съ одновременной наклонностью къ быстрому взрывчатому разложенію образуемаго ею жизненнаго пороха, тогда какъ яйца животныхъ съ продолжительной дугой жизни должны были бы отличаться какъ разъ противоположными качествами, т.-е. въ яйцахъ этихъ долженъ былъ бы заключаться бо̀льшій запасъ дѣятельной созидающей матеріи, т.-е. созидающихъ силъ съ меньшею наклонностью къ взрывчатымъ разложеніямъ образуемаго ими во время жизни жизненнаго пороха. Конечно, это гипотеза, но гипотеза, строго согласуемая съ тѣмъ основнымъ фактомъ, что опредѣлителемъ продолжительности жизни являются свойства самого зародышеваго яйца. Другого логическаго выхода мы не видимъ; что же касается прямыхъ доказательствъ подобной гипотезы, то едва ли удастся когда-нибудь наукѣ преодолѣть всѣ трудности, сопряженныя съ рѣшеніемъ подобной задачи.

Пока же, въ доказательство той зависимости, которая можетъ существовать между продолжительностью хотя бы извѣстнаго періода жизни животныхъ отъ состава яицъ, изъ которыхъ они развиваются, приведемъ единственный намъ извѣстный примѣръ изъ біологіи. Извѣстно, что все пернатое царство можно раздѣлить, по состоянію развитія птенчиковъ, появляющихся на свѣтъ, на такъ-называемыхъ птенцовыхъ и выводковыхъ птицъ. У первыхъ птенчики вылупливаются изъ яицъ еще совершенно неразвитыми, голыми, слѣпыми, неспособными ни бѣгать, ни летать, ни самостоятельно питаться; у вторыхъ же птенчики по вылупливаніи бываютъ почти вполнѣ развиты; ихъ покрываетъ пушокъ, они зрячи, способны ходить, бѣгать, даже летать, хотя еще несовершенно, и способны питаться самостоятельно. Къ птенцовымъ относятся: Accipitres, Scansores, Hyanthes, Psittacae и Oscines, тогда какъ къ выводковымъ: Gallinae, Hydrogallinae, Cursores, Gaullae и Natatores. Въ качествѣ примѣра птенцовыхъ птицъ укажемъ здѣсь на стрижей, ласточекъ, воробьевъ, дроздовъ, канареекъ, соловьевъ, голубей, зябликовъ и т. д., въ качествѣ же выводковыхъ—на куръ, индѣекъ, гусей, утокъ, тетеревей, куропатокъ, коростелей и т. д.

Извѣстно было давно, что срокъ высиживанія яицъ, чрезъ который птенцы появляются на свѣтъ,—т.-е. періодъ жизни, соотвѣтствующій внутриутробному развитію высшихъ животныхъ,—у птенцовыхъ и выводковыхъ рѣзко отличается: у первыхъ пе-

ріодъ этотъ ограничивается приблизительно 14—15 днями, тогда какъ у выводковыхъ онъ колеблется отъ 21—22 дней до 30 и болѣе дней. Чѣмъ же обусловливается такая разница въ продолжительности *сроковъ* высиживанія между птенцовыми и выводковыми птицами, и почему одни изъ нихъ вылупливаются изъ яицъ въ неразвитомъ, безпомощномъ состояніи, другія же—наоборотъ? Пока изслѣдователи не обращали вниманія на составъ яицъ у птенцовыхъ и выводковыхъ птицъ, до тѣхъ поръ причины этихъ разницъ въ срокѣ инкубаціоннаго періода оставались совершенно непонятными. Намъ же удалось доказать, что яйца птенцовыхъ и выводковыхъ птицъ, при сравненіи ихъ между собою, представляютъ между собою рѣзкія отличія со стороны своего состава. У птенцовыхъ, во-первыхъ, бѣлокъ совсѣмъ не тотъ, что у выводковыхъ; названный тата-бѣлкомъ, бѣлокъ этотъ, по свареніи въ крутую, представляется совершенно прозрачнымъ, тогда какъ у выводковыхъ бѣлокъ, какъ извѣстно, непрозраченъ, мраморнобѣлъ, какъ куриный яичный бѣлокъ. Затѣмъ, что еще важнѣе, отношенія между желткомъ и бѣлкомъ яйца у птенцовыхъ несравненно меньше, нежели у выводковыхъ, т.-е. желтокъ, по сравненію съ бѣлкомъ, у птенцовыхъ несравненно болѣе малъ, нежели у выводковыхъ. Такъ, въ то время, какъ желтокъ у выводковыхъ птицъ равенъ $1/3$ всего содержимаго яйца и даже того болѣе, онъ у птенцовыхъ составляетъ всего $1/4$ и $1/5$ долю всего содержимаго. А такъ какъ въ желткѣ заключены главные питательные продукты, необходимые для развитія зародыша, то очевидно, что чѣмъ менѣе этотъ запасъ, тѣмъ скорѣе долженъ истощаться онъ, и тѣмъ, слѣдовательно, скорѣе долженъ закончиться періодъ высиживанія; появляющіеся птенчики уже по одному этому должны появляться на свѣтъ въ менѣе развитомъ видѣ, чѣмъ у выводковыхъ птицъ, у которыхъ запасъ питательныхъ веществъ въ желткѣ несравненно больше, вслѣдствіе большей относительно величины его; поэтому его и хватаетъ на болѣе долгое время, которое растягиваетъ инкубаціонный періодъ, дающій въ результатѣ болѣе развитыхъ животныхъ.

Такому же исходу дѣла способствуетъ и то, что составныя части яйца, т.-е. бѣлокъ и желтокъ птенцовыхъ птицъ, болѣе водянисты, нежели соотвѣтствующія части яицъ выводковыхъ птицъ, и потому заключаютъ меньше твердыхъ питательныхъ началъ, а это, въ свою очередь, обусловливаетъ какъ болѣе короткій срокъ инкубаціи, такъ и менѣе развитое состояніе вылупливающихся на свѣтъ птенчиковъ птенцовыхъ птицъ. Интересно также и то, что тата-бѣлокъ, переваривающійся гораздо легче обык-

новеннаго куринаго бѣлка, находится въ яйцахъ птенцовыхъ птицъ; фактъ этотъ цѣлесообразенъ, въ виду краткости періода инкубаціи, требующаго болѣе быстраго усвоенія зародышемъ запаса яичнаго бѣлка. Вотъ вполнѣ демонстративный примѣръ того, какъ химическимъ составомъ яйца опредѣляются различные сроки извѣстнаго періода жизни птицъ, а именно—инкубаціоннаго періода.

Мы твердо убѣждены въ томъ, что, по аналогіи съ этимъ, и продолжительность всей жизни обусловливается прежде всего химическимъ составомъ зародышеваго яйца, опредѣляющимъ какъ силу созидательныхъ и разрушительныхъ процессовъ, такъ и скорость ихъ теченія по линіи всей жизненной дуги, проходимой животнымъ.

Ив. Тархановъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

VI *).

Въ началѣ ноября 1839 г. мы пріѣхали, наконецъ, въ Неаполь и водворились на цѣлую зиму въ двухъ этажахъ дома, который вполнѣ приготовилъ намъ курьеръ де-Мажисъ со всевозможными удобствами для житья-бытья и домашняго обихода, а также и съ итальянской прислугою; только кухонная стряпня была уже теперь предоставлена въ завѣдываніе нашему Папорину. Домъ этотъ стоитъ на „Кіайѣ", то-есть, на „Набережной", которая отдѣляется отъ моря длиннымъ и широкимъ бульваромъ съ тѣнистыми аллеями, называвшимся тогда „Villa Reale", а теперь— „Villa Nazionale". Въ бель-этажѣ размѣстились графъ С. Г. Строгановъ, графиня, ихъ обѣ дочери съ гувернанткою и двухлѣтній сынокъ со своею нѣмкою Амаліею Карловною. Всѣмъ остальнымъ былъ отведенъ верхній этажъ, пополамъ раздѣленный корридоромъ. На сторонѣ, обращенной на югъ, то-есть, къ Неаполитанскому заливу, двѣ комнаты назначены были для графа Александра и четыре для его младшихъ братьевъ съ гувернеромъ: пріемная, гдѣ мы пили утренній кофе, спальня и двѣ классныхъ комнаты, по одной для каждаго изъ двухъ нашихъ съ Тромпеллеромъ учениковъ, такъ какъ по различію въ лѣтахъ они должны были брать уроки порознь. Моя комната съ однимъ окномъ и со стекольчатою дверью, ведущею на широкую террассу, которая составляла кровлю нижняго этажа, была обращена на сѣверъ, такъ что чуть не въ упоръ передъ моими глазами разстилался живописный ландшафтъ: налѣво съ крутыми спусками горы Пози-

*) См. выше: май, 183 стр.

липо, а направо съ ея вершиною, такъ-называемою „Саро-di-Monte“, которая увѣнчивается твердынями крѣпости Сантъ-Эльмо съ примкнувшимъ къ ея подножію картезіанскимъ монастыремъ св. Мартина.

Немедленно по пріѣздѣ въ Неаполь установился опредѣленный порядокъ моихъ занятій на каждый день по часамъ. Въ половинѣ девятаго мы пили кофе; отъ девяти часовъ до двѣнадцати я давалъ три урока: одинъ—Павлу, другой—Григорію и третій—обѣимъ ихъ сестрамъ вмѣстѣ. Только этимъ и ограничивались мои обязанности наставника въ семействѣ графа, а все остальное время до поздней ночи было предоставлено мнѣ въ полное распоряженіе. Въ полдень мы завтракали, въ пять часовъ обѣдали, въ девять пили чай. Отъ завтрака до обѣда я уходилъ изъ дому на поиски для своихъ изслѣдованій и наблюденій, а вечеромъ провѣрялъ и уяснялъ себѣ по разнымъ руководствамъ и пособіямъ все то, что̀ приходилось мнѣ въ тотъ день видѣть и изучать, а также заготовлялъ себѣ планъ для завтрашнихъ ученыхъ работъ. Кстати замѣчу, что такой же порядокъ дней и часовъ наблюдался и въ Римѣ, гдѣ провели мы слѣдующую зиму. Надобно еще прибавить, что одинъ или два вечера въ недѣлю я отнималъ у своихъ кабинетныхъ занятій для итальянской оперы, которую очень полюбилъ.

Я преподавалъ дѣтямъ русскую исторію, грамматику и словесность, но не одну только ея теорію, то-есть, риторику и піитику, а также и исторію литературы, пользуясь, сколько нужно и возможно, лекціями С. П. Шевырева. Въ научныхъ матеріалахъ для этого предмета за границею я не чувствовалъ никакого недостатка, потому что въ Неаполѣ ожидала насъ довольно полная библіотека русскихъ книгъ, достаточная не только для уроковъ моимъ ученикамъ и ученицамъ, но и для собственныхъ спеціальныхъ занятій моихъ. Каталогъ этой библіотеки былъ составленъ мною еще въ Москвѣ передъ отъѣздомъ за границу и щедро дополненъ самимъ графомъ. Тутъ были собранія сочиненій нашихъ образцовыхъ писателей, начиная отъ Кантемира и Ломоносова до Жуковскаго и Пушкина, Исторія государства россійскаго Карамзина, памятники древне-русской и народной словесности въ изданіяхъ Татищева, Калайдовича, Тимковскаго и друг., а также нѣсколько томовъ Россійской Вивліоѳики по моему выбору. Всѣ эти книги я разставилъ по полкамъ двухъ шкафовъ, которые были уже приготовлены заранѣе къ нашимъ услугамъ въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. При такихъ богатыхъ пособіяхъ и съ небольшою опытностью, пріобрѣтенною мною въ семействѣ ба-

рона Льва Карловича Боде, я могъ уладить свое преподаваніе довольно легко и съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Отецъ иногда бывалъ у меня на урокахъ и обыкновенно высиживалъ весь часъ сполна, особенно въ классѣ своихъ дочерей.

Послѣ хотя и бѣглаго обозрѣнія дворцовъ, храмовъ и разныхъ историческихъ и художественныхъ примѣчательностей въ Венеціи, Флоренціи, Сіэнѣ и въ Римѣ, Неаполь произвелъ на меня невыгодное впечатлѣніе, которое все больше усиливалось по мѣрѣ того, какъ я съ нимъ знакомился. За немногими исключеніями, которыя надобно не безъ труда отыскивать, онъ весь представлялся мнѣ сплошною массою однообразныхъ построекъ двухъ послѣднихъ столѣтій, въ позднѣйшихъ стиляхъ renaissance, барокко, рококо и такъ-называемаго стиля имперіи. Гулять по его многолюднымъ улицамъ, площадямъ и по грязнымъ закоулкамъ я не любилъ, предпочитая вершины горы Позилипо, гдѣ въ полномъ уединеніи, высоко надъ городомъ, бродилъ я по ущельямъ, промоинамъ отъ дождевыхъ потоковъ и по скатамъ, въ зимнее время кое-гдѣ испещреннымъ разными красивыми и пахучими цвѣтами. Мнѣ особенно нравились необыкновенно душистые гіацинты желтаго цвѣта, какихъ у насъ въ Россіи я не видалъ: можетъ быть, это были своего рода нарцизы, но формою каждаго цвѣточка и сочетаніемъ ихъ всѣхъ въ одну густую кисть сходные съ гіацинтами, только по запаху нѣжнѣе и благоуханнѣе ихъ. Всякій разъ, возвращаясь съ Позилипо домой, я приносилъ себѣ большой букетъ этихъ желтыхъ цвѣтовъ и ставилъ ихъ въ сосудъ съ водою.

Но и въ стѣнахъ Неаполя я нашелъ такой неисчерпаемый кладъ для изученія классическаго искусства, такое заманчивое пристанище для моихъ изслѣдованій и наблюденій, какого не могъ мнѣ дать ни одинъ городъ въ Италіи, ни даже самъ Римъ. Это былъ такъ-называемый Бурбонскій музей, который теперь переименованъ въ „Національный", громадное зданіе, стоящее въ верхнемъ концѣ главной неаполитанской улицы Толедо. Этотъ музей въ городѣ слыветъ подъ именемъ Студій (Studii). Главное и неоспоримое преимущество этого музея передъ всѣми прочими художественными собраніями состоитъ не въ картинной галереѣ съ нѣсколькими значительными произведеніями лучшихъ итальянскихъ живописцевъ и не въ богатомъ и обширномъ отдѣленіи греческой и римской скульптуры вообще, а въ единственномъ во всемъ мірѣ собраніи безчисленнаго множества предметовъ, извлеченныхъ изъ раскопокъ Геркулана и Помпеи. Всѣ вещи, находимыя въ стѣнахъ этихъ обоихъ городовъ, были мало-по-малу

переносимы въ это собраніе,—разумѣется, металлическія и каменныя, которыя, пролежавъ множество вѣковъ подъ спудомъ пепла и лавы, или туфа, сохранились во всей цѣлости. Предметы эти имѣли для меня двоякій интересъ: художественный и бытовой. Они воспроизводили передо мною жизнь древнихъ римлянъ, домашнюю и общественную, во множествѣ подробностей, начиная отъ кухонной и столовой посуды, отъ разныхъ ремесленныхъ орудій и снастей до металлическихъ зеркалъ, флаконовъ, вазъ, лампадъ и статуэтокъ изъ внутреннихъ покоевъ римскихъ щеголихъ, вмѣстѣ съ ихъ ожерельями, запястьями и другими драгоцѣнностями, которыя украшали ихъ въ тотъ роковой моментъ, когда были онѣ внезапно погребены подъ вулканическими изверженіями Везувія. Своими глазами видѣлъ я и тѣ стулья, тѣ сѣдалища разныхъ фасоновъ, на которыхъ сиживали обитатели погибшихъ городовъ почти за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, и тѣ кровати, на которыхъ они тогда спали, столики и столы, за которыми они обѣдали, работали или чѣмъ-нибудь пробавляли свои досуги, жертвенники, на которыхъ они возжигали свои куренія. И всѣ эти издѣлія,—будутъ ли то предметы роскоши, или простая кухонная утварь и посуда, съ практическимъ удобствомъ и съ услужливою приноровкою къ дѣлу,—соединяютъ въ себѣ изящество художественнаго произведенія. Помпейскій вкусъ въ изящной обработкѣ предметовъ ремесленнаго мастерства пользуется всеобщею извѣстностью, благодаря копіямъ и подражаніямъ, разсѣяннымъ повсюду въ магазинахъ мебели и кабинетныхъ принадлежностей и въ домахъ зажиточныхъ людей; потому нахожу излишнимъ говорить вамъ, сколько способствовало воспитанію моего эстетическаго взгляда и чутья подробное разсматриваніе и внимательное изученіе металлическихъ издѣлій Геркулана и Помпеи, во множествѣ собранныхъ въ залахъ Бурбонскаго музея. Вещи, которыя особенно меня интересовали и сильно полюбились, къ себѣ манили меня всякій разъ, какъ я проходилъ около нихъ; я останавливался передъ каждою, будто встрѣчалъ стараго знакомаго, любовался ею, провѣрялъ свои прежнія впечатлѣнія, а иногда отыскивалъ въ ней и новыя для себя прелести, которыя до тѣхъ поръ отъ меня ускользали. Такимъ повторительнымъ осматриваніемъ предмета, досужимъ и льготнымъ, я старался выработать въ себѣ ту быструю и какъ бы инстинктивную наглядку, посредствомъ которой пріобрѣтается опытность мгновенно, съ перваго же раза, схватывать общій характеръ, стиль и манеру художественнаго произведенія.

Изъ необозримой массы этихъ издѣлій первое мѣсто въ моихъ

интересахъ занимали, разумѣется, бронзовыя статуи и статуэтки, изображающія боговъ и богинь, эпическихъ героевъ и героинь, центавровъ, тритоновъ и другихъ вымышленныхъ чудовищъ, а также и фигуры обыкновенныхъ людей въ портретахъ историческихъ лицъ и въ разныхъ реальныхъ типахъ, мастерски схваченныхъ художниками изъ дѣйствительной, обиходной жизни ихъ современниковъ. Такимъ же обаятельнымъ реализмомъ удивляли меня изображенія домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ.

Въ отдѣленіи бронзовыхъ вещей особенно полюбились мнѣ два художественныхъ произведенія, на которыя я не могъ досыта налюбоваться. То были статуэтка силена или фавна и статуя Меркурія. Въ статуэткѣ представленъ одинъ изъ спутниковъ и приспѣшниковъ Вакха, или Бахуса, но не изъ породы жирныхъ и обрюзглыхъ силеновъ, а тощій, костлявый и поджарый. Лицо у него не красиво, но и не безобразно, носитъ на себѣ реальный отпечатокъ портрета. Отъ юныхъ безбородыхъ фавновъ онъ отличается небольшою жидкою бородою клиномъ. Онъ пляшетъ, легко переступая на цыпочкахъ, а руки поднялъ вверхъ, прищелкивая пальцами, какъ у насъ прищелкиваютъ деревенскія крестьянки въ хороводахъ. Его крѣпкіе мускулы, взбудораженные по всему торсу плясовыми ухватками, разыгрались волнистыми переливами. Въ этой безподобной фигуркѣ художникъ разрѣшилъ трудную задачу: придать пошлому, неуклюжему граоіозный отблескъ, такъ что смѣшное становится до-нельзя мило. Въ статуѣ изображенъ Меркурій или Гермесъ, быстроногій посланникъ боговъ. Онъ откуда-то издалека спѣшитъ и теперь на минуту присѣлъ отдохнуть, но сидитъ такъ, что во всей его позѣ чувствуется легкость движеній и быстрота его рѣзвыхъ ногъ. Онъ, очевидно, усталъ. Сперщееся дыханіе поднимаетъ грудь его и чуть-чуть вздуваетъ ноздри и сдержанно, но легко вылетаетъ изъ полуоткрытыхъ устъ его, которыя, кажется, уже готовы сложиться въ привѣтливую улыбку. Ему некогда медлить, да и по своей божественной природѣ онъ не нуждается въ отдыхѣ. Онъ не успѣлъ еще подобрать раздвинутыхъ ногъ своихъ въ болѣе спокойное положеніе и готовъ тотчасъ же вскочить и пуститься во всю прыть. Тощій животъ его, втягиваясь внутрь, подался назадъ, а гибкая спина круто нагнулась впередъ, будто натянутый лукъ, который тотчасъ выпрямится, какъ только слетитъ съ него оперенная стрѣла.

Характеристику этого геркуланскаго Гермеса я помѣстилъ изъ своихъ путевыхъ записокъ 1840 г. въ монографіи: „Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь", изданной въ 1851 г., въ Леонтьевскихъ „Пропилеяхъ", а потомъ перепечатанной въ

„Моихъ Досугахъ“, 1886 г. Привожу вамъ эти библіографическія подробности въ тѣхъ видахъ, чтобы вы сами могли судить, насколько могъ успѣть самоучкою въ классической археологіи двадцати-двухлѣтній кандидатъ московскаго университета тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія.

Все пространство каждой изъ залъ геркуланско-помпейскаго отдѣленія наполнено этими металлическими предметами, а на стѣнахъ помѣщены картины, составлявшія лучшее и самое видное украшеніе въ стѣнной живописи обоихъ городовъ, отрываемыхъ изъ-подъ вулканическихъ изверженій. Что̀ я наблюдалъ и изучалъ въ бронзовыхъ вещахъ и вещицахъ по-одиночкѣ и врознь, то̀ представляли мнѣ эти картины въ полномъ объемѣ миѳологическихъ, или идеальныхъ, сюжетовъ и бытовыхъ, или реальныхъ. Отдѣльныя фигуры бронзовыхъ статуй и статуэтокъ собирались передо мною въ цѣльныя группы разнообразнаго содержанія, взятаго изъ миѳологіи, исторіи и ежедневнаго быта, и одноцвѣтные облики, контуры и силуэты темныхъ металлическихъ фигуръ оживлялись и пестрѣли радужными переливами колорита.

Теперь, благодаря дешевымъ фотографическимъ снимкамъ и многочисленнымъ изданіямъ, школьнымъ и ученымъ, въ очеркахъ и въ краскахъ, художественныя произведенія Геркулана и Помпеи сдѣлались доступны повсюду для всякаго образованнаго человѣка; потому нахожу вовсе ненужнымъ вдаваться въ подробности о стѣнной живописи этихъ городовъ. Впрочемъ, и тогда человѣку бѣдному представлялась въ Неаполѣ возможность добывать для себя на мелкія деньги кое-какіе отдѣльные снимки въ литографіяхъ, иногда даже и раскрашенные. Этотъ дешевый товаръ я находилъ себѣ въ одномъ антикварномъ магазинѣ, бывшемъ какъ разъ около Бурбонскаго музея на улицѣ Толедо.

Магазинъ содержалъ въ себѣ преимущественно античные оригиналы изъ бронзы и мрамора, а можетъ быть, и подделки, на которыя итальянцы уже въ ту пору были ловкіе мастера. Въ первый разъ я вошелъ въ него съ тѣмъ, чтобы добавить свои свѣденія по античной скульптурѣ, и случайно увидѣлъ интересовавшіе меня снимки. Торговлю вела молодая женщина лѣтъ тридцати, жена хозяина, человѣка стараго и одержимаго подагрою. Часто заходя въ магазинъ по пути изъ музея домой, я познакомился съ ними обоими; они занимали квартиру при самомъ магазинѣ. Больной старикъ, лежа на диванѣ, былъ всегда радъ моему посѣщенію и передавалъ мнѣ разныя подробности о своемъ антикварномъ товарѣ. Еще интереснѣе и полезнѣе былъ для меня одинъ господинъ, котораго я почти каждый разъ встрѣчалъ въ

магазинѣ, высокій и дюжій, лѣтъ сорока, въ шинели съ длиннымъ воротникомъ и въ шляпѣ съ широкими полями. Онъ былъ въ магазинѣ какъ у себя дома и услужливо показывалъ иностраннымъ покупателямъ античныя вещи и объяснялъ ихъ высокое достоинство. По дружескимъ его отношеніямъ къ молодой хозяйкѣ магазина я сначала думалъ, что онъ ей родственникъ, но вскорѣ узналъ, что это былъ германскій профессоръ Цанъ, который изготовлялъ тогда свое изданіе стѣнной живописи Геркулана и Помпеи. Онъ уже давно проживалъ въ Неаполѣ, и въ послѣднее время, когда я съ нимъ познакомился, ему по какимъ-то подозрѣніямъ строжайше былъ запрещенъ входъ въ Помпею и Геркуланъ. Съ обширными свѣденіями археолога онъ соединялъ опытную наглядку и тонкій вкусъ художника: частыя бесѣды съ нимъ были для меня поучительны и назидательны.

Мои свободные часы между завтракомъ и обѣдомъ ежедневно проводилъ я въ музеѣ, за исключеніемъ праздниковъ, а по вечерамъ велъ записки о томъ, чему и какъ научился я въ тотъ день: мнѣ казалось, будто я составляю лекціи, которыя прослушивалъ въ аудиторіяхъ московскаго университета. Для этой вечерней работы я пользовался, по указанію графа Сергѣя Григорьевича, однимъ многотомнымъ изданіемъ, которое онъ пріобрѣлъ по пріѣздѣ въ Неаполь и все сполна передалъ въ мое распоряженіе. Это было подробное описаніе музея съ учеными изслѣдованіями и съ иллюстраціями, подъ названіемъ: Museo Borbonico. Итальянскіе ученые того времени и особенно въ Неаполѣ далеко отстали въ разработкѣ классическихъ древностей отъ нѣмцевъ, представителемъ которыхъ былъ для меня Отфридъ Мюллеръ, и его руководство по этому предмету, какъ я уже говорилъ вамъ, было для меня настольною книгою; но его голословныя ссылки на первоначальные источники и на разныя спеціальныя монографіи были мнѣ не подъ силу. Напротивъ того, элементарный способъ объясненія и подробнаго изложенія въ описаніяхъ художественныхъ памятниковъ Бурбонскаго музея, низводившій ученое изслѣдованіе до популярной статьи литературнаго журнала, вполнѣ соотвѣтствовалъ разумѣнію и потребностямъ такого, какъ я, малосвѣдущаго любителя археологіи, который до сихъ поръ пробавлялся только Винкельманомъ да учебникомъ Отфрида Мюллера. Въ описаніяхъ геркуланской и помпейской стѣнной живописи, помѣщенныхъ въ изданіи Бурбонскаго музея, все было для меня доступно, понятно и ясно; въ нихъ я находилъ для себя все, что было нужно, не затрудняя себя никакими справками въ другихъ книгахъ по ученой литературѣ классическихъ древностей.

Если сюжетъ картины миѳологическій, мнѣ предлагался подробный разсказъ самого миѳа; если заимствованъ у Гомера, Гезіода, Эврипида, Виргилія или Овидія, то вмѣсто указанія цифрою на главу или стихъ—приводились сполна самые тексты этихъ авторовъ. Такія же подробныя выдержки я находилъ въ этомъ неаполитанскомъ изданіи, гдѣ оказывалось нужнымъ, изъ Павзанія, Плинія, Светонія и другихъ классическихъ писателей, служащихъ источниками для изученія греческихъ и римскихъ древностей.

Воскресные дни проводилъ я за городомъ съ ранняго утра, напившись кофею, и вплоть до обѣда, то-есть до пяти часовъ вечера. Праздничныя свои похожденія и прогулки обыкновенно направлялъ я къ Поццуоли и по берегамъ Байскаго залива до Мизенскаго мыса, почти всегда пѣшкомъ, и только въ крайнихъ случаяхъ, чтобы сократить время, на лодкѣ, а то и верхомъ на ослѣ. Лучшимъ проводникомъ моимъ, постоянно со мною неразлучнымъ, была самая подробная карта окрестностей Неаполя, шириною въ пять четвертей слишкомъ, а длиною около аршина. Бо́льшую часть ея занимаетъ Неаполитанскій заливъ; вверху, почти по серединѣ дугообразной его формы, очерченной берегами, находится планъ Неаполя, величиною въ вершокъ; лѣвую половину дуги составляютъ берега, описываемые скатами горы Позилипо и островами Низитой, Прочидой и Искіей, а правую—сначала низменности и подошвы Везувія и Monte Sant Angelo (горы Святого Ангела) съ Castellamare, а затѣмъ высокіе и крутые берега Сорренто съ его знаменитою по живописности равниною (Piano di Sorrento), окруженною съ трехъ сторонъ высокими горами. Тамъ, гдѣ Неаполитанскій заливъ переходитъ въ Средиземное море, стоитъ островъ Капри, на причудливую форму котораго въ видѣ античнаго сфинкса мы любовались изъ оконъ нашего дома на берегу Кіайи. По этому общему очерку моей путеводной карты вы можете судить, до какихъ мельчайшихъ подробностей означены въ ней всѣ мѣстности по обѣимъ сторонамъ Неаполя. Она указывала мнѣ не однѣ большія и проселочныя дороги для проѣзжающихъ, но и узенькія тропинки по горамъ и равнинамъ между пустырями, виноградниками, садами и огородами, не одни города и селенія, но и отдѣльные домики, лачуги, сараи и амбары, а также и развалины и останки древнихъ римскихъ зданій, разсѣянныхъ повсюду по полямъ, холмамъ и по морскому прибрежью, особенно со стороны Поццуоли.

Именно въ эту-то сторону и направлялись мои еженедѣльныя воскресныя прогулки. Положивъ въ одинъ изъ двухъ кармановъ сюртука свою путеводную карту, сложенную въ небольшіе чет-

вереугольники, я выходилъ на Кіайю и, поворотивъ направо, шелъ подъ тѣнью густыхъ аллей виллы Реале до того мѣста, гдѣ она оканчивается площадью у подножія горы Позилипо, у песчанаго прибрежья. Тутъ около своихъ лодокъ отдыхаютъ и грѣются на солнышкѣ рыбаки и ладзарони, сидятъ и болтаютъ между собою или спятъ; здѣсь же толкутся ихъ жены съ ребятишками. Для продовольствія этой невзыскательной публики торговцы и особенно торговки завели на площади рынокъ съ съѣстнымъ товаромъ, который тутъ же изготовляется: макароны варятся въ котлахъ, рыба поджаривается въ маслѣ на сковородахъ, каштаны пекутся въ тазахъ. И я каждый разъ запасался на этомъ рынкѣ для утоленія голода въ теченіе дня такою провизіею, которую я могъ безнаказанно помѣстить въ другой карманъ своего сюртука, не засаливши его масломъ отъ рыбы или не смочивъ подливкою отъ макаронъ; потому я довольствовался всегда только одними каштанами.

Гора Позилипо, образуя съ этой стороны своими скатами берегъ Неаполитанскаго залива, отгораживаетъ Неаполь отъ тѣхъ мѣстностей и урочищъ, куда я направлялъ свои похожденія. Чтобы попасть тотчасъ же на ту сторону, еще во времена древняго Рима былъ высѣченъ въ каменистомъ кряжѣ горы высокій и довольно широкій проходъ, длинною около полуверсты. Этотъ гигантскій проломъ, стародавній предшественникъ нынѣшнихъ туннелей по желѣзнымъ дорогамъ, называется Позилипскимъ гротомъ. Къ нему прилегаетъ та площадь съ рынкомъ, на которую я выходилъ изъ аллей прибрежной виллы Reale, и минутъ черезъ десять былъ уже на другой сторонѣ Позилипо, на проѣзжей дорогѣ къ Поццуоли, но для сокращенія пути, пользуясь своею картою, тотчасъ же избиралъ себѣ одну изъ тропинокъ, которыми направо отъ дороги испещрены поля съ виноградниками и садами, раздѣленными между собою то изгородью изъ колючаго кустарника, то канавою, то низенькими стѣнками изъ кое-какъ наваленныхъ другъ на друга камней. Эти баррикады иногда преграждали мнѣ путь по тропинкѣ, означенной на картѣ, и я принужденъ былъ переправляться черезъ нихъ по садамъ и виноградникамъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчу кого-нибудь изъ хозяевъ или ихъ работниковъ, и по ихъ указанію продолжаю путь къ назначенной мною цѣли. Такія препятствія нисколько не были мнѣ въ досаду; напротивъ того, они мнѣ нравились и приносили пользу: я короче знакомился съ интересовавшею меня мѣстностью и съ людьми; узнавалъ отъ нихъ разныя подробности и легенды объ урочищахъ, запечатлѣнныхъ громкими именами классической

Если сюжетъ картины миѳологическій, мнѣ предлагался подробный разсказъ самого миѳа; если заимствованъ у Гомера, Гезіода, Эврипида, Виргилія или Овидія, то вмѣсто указанія цифрою на главу или стихъ—приводились сполна самые тексты этихъ авторовъ. Такія же подробныя выдержки я находилъ въ этомъ неаполитанскомъ изданіи, гдѣ оказывалось нужнымъ, изъ Павзанія, Плинія, Светонія и другихъ классическихъ писателей, служащихъ источниками для изученія греческихъ и римскихъ древностей.

Восвресные дни проводилъ я за городомъ съ ранняго утра, напившись кофею, и вплоть до обѣда, то-есть до пяти часовъ вечера. Праздничныя свои похожденія и прогулки обыкновенно направлялъ я къ Поццуоли и по берегамъ Байскаго залива до Мизенскаго мыса, почти всегда пѣшкомъ, и только въ крайнихъ случаяхъ, чтобы сократить время, на лодкѣ, а то и верхомъ на ослѣ. Лучшимъ проводникомъ моимъ, постоянно со мною неразлучнымъ, была самая подробная карта окрестностей Неаполя, шириною въ пять четвертей слишкомъ, а длиною около аршина. Бо̀льшую часть ея занимаетъ Неаполитанскій заливъ; вверху, почти по серединѣ дугообразной его формы, очерченной берегами, находится планъ Неаполя, величиною въ вершокъ; лѣвую половину дуги составляютъ берега, описываемые скатами горы Позилипо и островами Низитой, Прочидой и Искіей, а правую—сначала низменности и подошвы Везувія и Monte Sant Angelo (горы Святого Ангела) съ Castellamare, а затѣмъ высокіе и крутые берега Сорренто съ его знаменитою по живописности равниною (Piano di Sorrento), окруженною съ трехъ сторонъ высокими горами. Тамъ, гдѣ Неаполитанскій заливъ переходитъ въ Средиземное море, стоитъ островъ Капри, на причудливую форму котораго въ видѣ античнаго сфинкса мы любовались изъ оконъ нашего дома на берегу Кіайи. По этому общему очерку моей путеводной карты вы можете судить, до какихъ мельчайшихъ подробностей означены въ ней всѣ мѣстности по обѣимъ сторонамъ Неаполя. Она указывала мнѣ не однѣ большія и проселочныя дороги для проѣзжающихъ, но и узенькія тропинки по горамъ и равнинамъ между пустырями, виноградниками, садами и огородами, не одни города и селенія, но и отдѣльные домики, лачуги, сараи и амбары, а также и развалины и останки древнихъ римскихъ зданій, разсѣянныхъ повсюду по полямъ, холмамъ и по морскому прибрежью, особенно со стороны Поццуоли.

Именно въ эту-то сторону и направлялись мои еженедѣльныя восвресныя прогулки. Положивъ въ одинъ изъ двухъ кармановъ сюртука свою путеводную карту, сложенную въ небольшіе чет-

вереугольники, я выходилъ на Кіайю и, поворотивъ направо, шелъ подъ тѣнью густыхъ аллей виллы Реале до того мѣста, гдѣ она оканчивается площадью у подножія горы Позилипо, у песчанаго прибрежья. Тутъ около своихъ лодокъ отдыхаютъ и грѣются на солнышкѣ рыбаки и ладзарони, сидятъ и болтаютъ между собою или спятъ; здѣсь же толкутся ихъ жены съ ребятишками. Для продовольствія этой невзыскательной публики торговцы и особенно торговки завели на площади рынокъ съ съѣстнымъ товаромъ, который тутъ же изготовляется: макароны варятся въ котлахъ, рыба поджаривается въ маслѣ на сковородахъ, каштаны пекутся въ тазахъ. И я каждый разъ запасался на этомъ рынкѣ для утоленія голода въ теченіе дня такою провизіею, которую я могъ безнаказанно помѣстить въ другой карманъ своего сюртука, не засаливши его масломъ отъ рыбы или не смочивъ подливкою отъ макаронъ; потому я довольствовался всегда только одними каштанами.

Гора Позилипо, образуя съ этой стороны своими скатами берегъ Неаполитанскаго залива, отгораживаетъ Неаполь отъ тѣхъ мѣстностей и урочищъ, куда я направлялъ свои похожденія. Чтобы попасть тотчасъ же на ту сторону, еще во времена древняго Рима былъ высѣченъ въ каменистомъ кряжѣ горы высокій и довольно широкій проходъ, длинною около полуверсты. Этотъ гигантскій проломъ, стародавній предшественникъ нынѣшнихъ туннелей по желѣзнымъ дорогамъ, называется Позилипскимъ гротомъ. Къ нему прилегаетъ та площадь съ рынкомъ, на которую я выходилъ изъ аллей прибрежной виллы Reale, и минутъ черезъ десять былъ уже на другой сторонѣ Позилипо, на проѣзжей дорогѣ къ Поццуоли, но для сокращенія пути, пользуясь своею картою, тотчасъ же избиралъ себѣ одну изъ тропинокъ, которыми направо отъ дороги испещрены поля съ виноградниками и садами, раздѣленными между собою то изгородью изъ колючаго кустарника, то канавою, то низенькими стѣнками изъ кое-какъ наваленныхъ другъ на друга камней. Эти баррикады иногда преграждали мнѣ путь по тропинкѣ, означенной на картѣ, и я принужденъ былъ переправляться черезъ нихъ по садамъ и виноградникамъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчу кого-нибудь изъ хозяевъ или ихъ работниковъ, и по ихъ указанію продолжаю путь къ назначенной мною цѣли. Такія препятствія нисколько не были мнѣ въ досаду; напротивъ того, они мнѣ нравились и приносили пользу: я короче знакомился съ интересовавшею меня мѣстностью и съ людьми; узнавалъ отъ нихъ разныя подробности и легенды объ урочищахъ, запечатлѣнныхъ громкими именами классической

древности, и о вулканическихъ переворотахъ, которые, какъ бы продолжая сотвореніе земли изъ первобытнаго хаоса, въ теченіе многихъ вѣковъ перестроивали всю эту мѣстность на разные лады и дали ей новый видъ. Вотъ, напримѣръ, такъ-называемая „Новая гора“ (Monte Nuovo); она еще на памяти старожиловъ начала нашего столѣтія сама собою выскочила изъ маленькаго озера, которое нѣкогда очутилось на мѣстѣ погасшаго огнедышащаго кратера. Гора эта имѣетъ видъ огромнаго стога, очень аккуратно сложеннаго и старательно округленнаго. Въ 1839 и въ 1840 годахъ она была еще вся черная, не покрытая зеленью, но въ 1875 г., посѣщая эти знакомыя мѣста, я уже не узналъ ее съ перваго раза, потому что она обросла травою и кустарникомъ. А то нѣсколько подальше я видѣлъ большое озеро совсѣмъ круглой формы; вода въ немъ была горькая и противная на вкусъ; не водилось въ ней ни рыбы, ни какой другой живности. Мнѣ разсказывали мѣстные жители, будто когда въ ясную и тихую погоду проѣзжаешь на лодкѣ по этому озеру, то на днѣ его можно видѣть цѣлый городъ съ домами по улицамъ и съ церквами на площадяхъ. Но въ 1875 г. своего фантастическаго озера я уже увидать не могъ: его, говорятъ, спустили въ близлежащее море, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропало и таинственное чарованіе: подводный городъ исчезъ самъ собою, искупивъ, наконецъ, свои содомскіе грѣхи многовѣковою казнію, и теперь оголенное дно озера имѣетъ невзрачный видъ осушеннаго болота; только зіяющая близь него Собачья Пещера попрежнему изрыгаетъ изъ себя смертоносный газъ, въ который для потѣхи иностранцевъ мѣстный сторожъ бросаетъ собаку, и она тамъ, на глазахъ зрителей, минутъ черезъ пятнадцать околѣваетъ въ отвратительныхъ корчахъ. Потому и слыветъ та пещера Собачьею. Когда нюхнешь и глотнешь немножко этого газу, онъ шибнетъ въ носъ, какъ шампанское. Есть въ той мѣстности и настоящій кратеръ стихнувшаго вулкана, который до сихъ поръ пребываетъ въ нерѣшительномъ состояніи ожиданія и называется Сольфатарою. Ровное дно этого кратера, окруженное цѣпью холмовъ, хотя и заросло высокою травой и мелкимъ кустарникомъ, но зыблется и колеблется, когда тяжело ступаешь ногами, и издаетъ изъ подъ себя гулъ, если бросить на него камень фунтовъ въ десять или въ двадцать. У подножья одного изъ сплошныхъ холмовъ, окружающихъ этотъ кратеръ, изъ-подъ огромныхъ камней пылаетъ огненными языками цѣлый костеръ какихъ-то горючихъ веществъ и поднимаетъ надъ собой темный столбъ зловоннаго дыма. Это незаглохшая продушина тѣхъ подземныхъ огненныхъ скоповъ, ко-

торые когда-то гибельными изверженіями пепла, кипучей лавы и камней побѣдоносно громили и хлестали въ облака изъ того самаго жерла, по зыбкой поверхности котораго я гулялъ по травѣ въ жидкомъ и низенькомъ кустарникѣ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этою нерукотворенною диковиною помѣстилась безъ малаго за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени еще другая и такой же овальной формы, но уже дѣло рукъ человѣческихъ: это—античный амфитеатръ, безъ крупныхъ изъяновъ и поврежденій сохранившійся, съ ареною, загроможденною какими-то перегородками, и съ поднимающимися вокругъ нея уступами, на которыхъ когда-то разсаживались сотни, а можетъ быть и тысячи зрителей. Направляясь отъ Позилипо къ Байскому заливу кратчайшимъ путемъ по тропинкамъ между виноградниками и пустырями, я не могъ миновать Сольфатары и амфитеатра и, чтобы отдохнуть отъ скорой ходьбы, всякій разъ дѣлалъ себѣ привалъ и завтракалъ своими каштанами, то сидя на камушкѣ въ жерлѣ кратера, то взобравшись на одинъ изъ уступовъ амфитеатра. Это были для меня завѣтныя, укромныя мѣста, гдѣ въ полнѣйшемъ уединеніи я предавался своимъ романтическимъ грезамъ. Въ какомъ-то чарующемъ обаяніи, непонятномъ и немыслимомъ для людей второй половины истекающаго столѣтія, я мечталъ себя отрѣшеннымъ отъ окружающей меня дѣйствительности и раздвигалъ переживаемыя мною минуты въ необъятное пространство временъ прошедшихъ и будущихъ, которыя такъ осязательно и ярко давали мнѣ ощущать все то, что̀ видѣлъ я тогда передъ собой своими собственными глазами. Отдыхая на каменной скамьѣ амфитеатра, я представлялъ себя однимъ изъ зрителей Августова вѣка, которые забавляются потѣшными представленіями во вкусѣ своихъ кровожадныхъ инстинктовъ. И чудилось мнѣ, какъ близится грозное возмездіе за пролитые на этой аренѣ кровавые потоки неповинныхъ страдальцевъ, и очнется наконецъ отъ своего забытья сосѣдній вулканъ, встрепенется, забурчитъ и заклокочетъ въ своей подземной утробѣ, всколыхнетъ окрестные холмы и долины и разыграется потѣшными огнями, извергая изъ своей глотки сокрушительные снаряды пепла, лавы и громадныхъ камней. И, думалось мнѣ, не будетъ и слѣда ни отъ этого мѣста, гдѣ я сижу теперь на каменной скамьѣ, ни отъ всего того, что̀ я теперь вижу вокругъ себя: на мѣстѣ античнаго амфитеатра очутится равнина, покрытая вулканическимъ пепломъ; потомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ на поверхности пепла наростетъ слой земли, а на ней раскинутся виноградники. По заведеннымъ испоконъ-вѣка порядкамъ и по измѣнчивымъ, коварнымъ обычаямъ той причудли-

вой мѣстности и сама Сольфатара, натѣшившись вдоволь погромами и опустошеніями, наконецъ, угомонится навсегда: изъ ея огнедышащаго жерла хлынутъ потоки зловонной воды и превратятъ кратеръ въ такое же озеро, которое недавно было спущено въ море.

Холмы, между которыми гнѣздятся Сольфатара и амфитеатръ, были для меня переваломъ къ низменностямъ, тянущимся вдоль и вширь отъ береговъ Байскаго залива. Съ высотъ этого перевала разстилался передо мною сплошной пустырь въ видѣ громаднаго пожарища съ торчащими тамъ и сямъ развалинами тѣхъ великолѣпныхъ античныхъ зданій, въ которыхъ когда-то такъ привольно и весело жилось наѣзжавшимъ сюда римскимъ патриціямъ и богачамъ въ свои роскошныя виллы. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время эти пустынныя мѣста, оголенныя на солнечномъ припекѣ, совсѣмъ заглохшія и невзрачныя, очень рѣдко посѣщались путешественниками. Почти всегда я блуждалъ по этимъ урочищамъ одинъ-одинехонекъ и только кое-когда встрѣчу прохожаго бѣдняка или наткнусь на сторожа у такой развалины, которая заслуживаетъ охраненія. Моя карта окрестностей Неаполя была мнѣ единственнымъ проводникомъ. Теперь и вся эта мѣстность, и эта карта съ помѣтами примѣчательностей представляются мнѣ старинными, ветхими хартіями, на которыхъ отъ давности и отъ разныхъ невзгодъ вылиняли и повытерлись всѣ строки, и только кое-гдѣ остались разрозненныя словечки, и то въ искаженномъ и жалкомъ видѣ. Такъ мерещатся теперь мнѣ всѣ эти развалины. Каждая изъ нихъ была для меня тогда знакомъ вопроса, и я старался, какъ умѣлъ, рѣшать себѣ эти вопросы, чтобы изъ малыхъ останковъ возсоздавать въ своемъ воображеніи полную картину античной жизни со всей обстановкою ея интересныхъ подробностей.

Вотъ какъ разъ внизу подо мною, когда я стою на одномъ изъ холмовъ амфитеатра, высунулся въ море маленькимъ мысомъ городокъ Поццуоли, сплошь загроможденный домами, которые тѣсно жмутся другъ къ другу, образуя сѣрую кучу на темносинемъ фонѣ Байскаго залива, который направо огибается полукругомъ пустынныхъ береговъ. Направо же изъ-за этой кучи домовъ выскочило изъ-подъ морской глубины нѣсколько темныхъ торчковъ, въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга слѣдующихъ по прямой линіи отъ города къ той сторонѣ Байскаго залива; всѣ они равной высоты, чуть-чуть поднимаются надъ уровнемъ моря, которое при вѣтрѣ покрываетъ ихъ волнами. Всякій разъ, когда я направлялъ сюда свои похожденія, эти темныя пятна

были для меня любопытной заставкою или фронтисписомъ той древней полинялой хартіи, которую на разные лады я себѣ дешифрировалъ; впрочемъ, они болѣе походили на многоточіе, которымъ писатель обрываетъ недосказанную рѣчь, потому что торчки эти не что иное, какъ столпы или устои съ быками, воздвигнутые руками невольниковъ и рабовъ для громаднаго моста, который сумасбродно замыслилъ взбалмошный Калигула перекинуть отъ Поццуоли (Puteoli) черезъ Байскій заливъ на ту сторону: за смертью императора колоссальная затѣя ограничилась только этими темными пятнами на поверхности моря.

Позавтракавъ своими печеными каштанами въ кратерѣ Сольфатары или на одной изъ ступеней амфитеатра, я спускался къ Поццуоли и отсюда снаряжалъ свои воскресныя экскурсіи по развалинамъ и урочищамъ, то по морю на лодкѣ вдоль береговъ Байскаго залива, то сухопутно, или пѣшкомъ, если имѣлъ цѣлью ближайшія мѣстности, или же верхомъ на ослѣ, когда направлялся въ дальній путь. Въ послѣднемъ случаѣ погонщикъ былъ мнѣ и проводникомъ, и пріятнымъ собесѣдникомъ. Я тогда весь погруженъ былъ въ свои антикварные интересы, еще не понималъ и не искалъ живописныхъ красотъ итальянской природы, которую узналъ и полюбилъ уже потомъ, когда, живучи на островѣ Искіи, какъ вы уже знаете, ежедневно принялся наблюдать со своего обсерваціоннаго поста разнообразныя прелести одного и того же солнечнаго заката. Потому голые пустыри съ искаженными донельзя останками классическихъ древностей вполнѣ удовлетворяли моимъ желаніямъ и стремленіямъ, и на этомъ безлюдномъ просторѣ я созидалъ себѣ воздушные замки, возводя въ своемъ воображеніи смѣлыя реставраціи этихъ жалкихъ развалинъ: вотъ передо мною храмы Геркулеса и Діаны, вотъ термы, или бани Нерона, вотъ виллы Гортензія и Цицерона, вотъ усыпальница Агриппины, а вотъ, наконецъ, и само Мертвое море съ прилежащими къ нему Елисейскими Полями. Тутъ, говорятъ, Виргиліевъ Эней спускался въ кромѣшный адъ повидаться со своимъ отцомъ Анхизомъ, и это небольшое озеро, внушительно называемое моремъ, казалось мнѣ заводью, уцѣлѣвшею отъ той адской рѣки, по которой старикъ Харонъ въ своей ладьѣ перевозилъ тѣни усопшихъ.

Оба эти урочища, соединяемыя съ памятью о Виргиліѣ, были крайними предѣлами моихъ воскресныхъ похожденій; но и направлялись они отъ такого знаменательнаго пункта, около котораго въ теченіе вѣковъ накоплялись и сосредоточивались баснословныя преданія и легенды объ этомъ же римскомъ поэтѣ. Я

говорю о пресловутой могилѣ Виргилія, которую указываютъ со стороны Неаполя высоко надъ входомъ въ Позилипскій гротъ на одномъ изъ уступовъ горы...

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ Неаполѣ, я осматривалъ отдѣльныя подробности, извлеченныя изъ раскопокъ Геркулана и Помпеи, гдѣ каждая изъ нихъ когда-то занимала надлежащее ей мѣсто и своимъ назначеніемъ составляла характеристическую часть цѣлаго, а теперь всѣ онѣ стояли разрозненно по заламъ Бурбонскаго музея, будто убранная въ сараѣ роскошная мебель и всякая драгоцѣнная утварь изъ опустѣлыхъ палатъ, навсегда оставленныхъ ихъ хозяевами. Я долженъ былъ непремѣнно посѣтить эти палаты и чертоги, гулять по ихъ гостинымъ, кабинетамъ, опочивальнямъ и уборнымъ, по террассамъ и портикамъ, огораживающимъ со всѣхъ сторонъ внутренній дворъ, или атріумъ; мнѣ надобно было видѣть своими глазами тѣ самыя стѣны, изъ которыхъ вырѣзаны и перенесены въ Бурбонскій музей картины, видѣть тѣ ниши и другіе укромные уголки, изъ которыхъ убрана туда же разная мебель, тѣ пьедесталы, съ которыхъ сняты тѣ безподобныя статуи, которыми я любовался въ залахъ музея. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я того времени, когда мои фантастическія грезы и воображаемыя реставраціи скудныхъ развалинъ, разсѣянныхъ по берегамъ Байскаго залива, предстанутъ передо мною въ дѣйствительности, олицетворенныя въ цѣльныхъ, изящныхъ формахъ античныхъ храмовъ, театровъ и другихъ общественныхъ и частныхъ зданій, расположенныхъ по улицамъ и площадямъ съ античною же мостовою. Но для выполненія моихъ намѣреній и плановъ не хватало тѣхъ свободныхъ часовъ, которыми я могъ располагать по воскресеньямъ; мнѣ нужны были цѣлые дни и недѣли, и я назначилъ себѣ для осмотра и изученія Помпеи и Геркулана рождественскія святки и святую недѣлю. Теперь по желѣзной дорогѣ отъ Неаполя до Помпеи минутъ двадцать или тридцать, а въ мое время, да еще пѣшкомъ, на этотъ путь надобно было употребить почти цѣлый день, если идти льготно и безъ устали. Я тогда былъ бережливъ и тратилъ деньги только на самое необходимое; потому въ оба раза туда и назадъ предпочелъ пѣшеходную прогулку трясвѣ въ неаполитанской одноколкѣ.

Теперь въ Помпеѣ у самаго входа въ нее есть гостинница, въ которой можно и утолить голодъ, и переночевать; въ то время ничего такого не было и приходилось искать пристанища гдѣнибудь въ окрестности. Самымъ близкимъ было мѣстечко Torre dell'Annunziata, стоящее у моря въ нѣскольких минутахъ ходьбы

отъ Помпеи. Именно тутъ я и нанималъ себѣ на святки и на святую недѣлю комнатку, съ утреннимъ кофе, обѣдомъ и ужиномъ, въ семействѣ одного мастерового, по рекомендаціи нашего камердинера Феличе, очень милаго молодого человѣка, который питалъ ко мнѣ особенное уваженіе за то, что я познакомилъ его съ Декамерономъ Боккачіо, давъ ему для прочтенія свой экземпляръ этой книги.

Рано утромъ, напившись кофе съ козьимъ молокомъ, я отправлялся въ Помпею, въ полдень возвращался на квартиру пообѣдать и тотчасъ же уходилъ туда же, гдѣ и оставался до сумерекъ, а каждый вечеръ проводилъ въ составленіи записокъ обо всемъ, что̀ въ тотъ день осматривалъ и изучалъ.

Мечтательное расположеніе духа такъ-называемыхъ людей сороковыхъ годовъ не могло довольствоваться только ученою разработкою фактовъ далекой старины; они любили возсоздавать ее всю сполна въ своемъ воображеніи и вновь переживать отжившее, какъ Вальтеръ Скоттъ въ своихъ историческихъ романахъ, какъ Викторъ Гюго въ „Notre-Dame de Paris“ или какъ нашъ Пушкинъ въ „Борисѣ Годуновѣ“; такимъ же мечтательнымъ переживаніемъ профессоръ московскаго университета Грановскій увлекалъ своихъ слушателей на лекціяхъ всеобщей исторіи. Имѣя все это въ виду, вы легко можете себѣ представить, какое широкое раздолье нашелъ я для своихъ опытовъ фантастическаго переселенія изъ міра современной дѣйствительности въ далекія области заманчиваго прошедшаго, когда очутился я въ безлюдныхъ улицахъ и на опустѣлыхъ площадяхъ давнымъ-давно отжившаго свой вѣкъ города, будто сказочный рыцарь въ заколдованномъ замкѣ. Разгуливая по опустѣлымъ покоямъ домовъ, по дворамъ, окруженнымъ открытыми галереями или портиками, я населялъ ихъ взамѣнъ живыхъ людей изящными фигурами античнаго искусства, богатый запасъ которыхъ я вынесъ въ своемъ воображеніи изъ коллекцій Бурбонскаго музея, и это тѣмъ легче мнѣ удавалось, что соотвѣтственныя тѣмъ фигурамъ представленія изъ классической миѳологіи римской жизни я встрѣчалъ на каждомъ шагу въ стѣнной живописи, которою въ великомъ изобиліи изукрашены всѣ зданія Помпеи, всѣ частныя, или домашнія, и общественныя помѣщенія, начиная отъ кухни, мелочной лавочки, мастерской рабочаго и до городскихъ бань, или термовъ. Изображенные на стѣнахъ сюжеты большею частью согласуются съ спеціальнымъ назначеніемъ и характеромъ каждой изъ этихъ мѣстностей.

Проводя въ Помпеѣ цѣлые дни рождественскихъ праздни-

ковъ и святой недѣли, я имѣлъ въ виду не однѣ ученыя цѣли въ изслѣдованіи разнообразныхъ подробностей античнаго быта въ связи съ искусствомъ; я не довольствовался тѣмъ, что обогащалъ свой умъ полезными и необходимыми свѣденіями; да я вовсе и не хотѣлъ, даже не могъ насиловать себя напряженнымъ вниманіемъ въ теченіе цѣлаго дня, чтобы все учиться и учиться, да еще въ полнѣйшемъ уединеніи, не встрѣчая живой души, кромѣ сторожей, которые, будучи заняты своимъ дѣломъ, предоставляли меня самому себѣ. Не одна только наука была у меня въ головѣ, но и другія задачи, столько же важныя и обязательныя, какъ и знаніе, а ихъ рѣшеніе было для меня не трудомъ, а освѣжительнымъ отдохновеніемъ и причудливою забавою. Мнѣ хотѣлось до-нельзя свыкнуться со всею окружающею меня обстановкою, вполнѣ перенестись въ нее, сжиться съ нею, и, беззаботно прогуливаясь безъ всякой намѣченной цѣли въ стѣнахъ античнаго города или присаживаясь отдохнуть то на ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ храмъ, то на скамьѣ театра, я воображалъ и чувствовалъ себя какъ дома. Такимъ безотчетнымъ „ничегонедѣланьемъ“ (far niente) я думалъ воспитывать въ себѣ классическое настроеніе духа; мнѣ хотѣлось, чтобы оно обуяло и проняло меня насквозь. Мечтательная романтичность современниковъ Рудина чаяла въ себѣ наитія свыше и восторгалась многимъ, что̀ теперь кажется смѣшнымъ.

Разумѣется, и тогда были люди, которые иначе смотрѣли на вещи и по нынѣшнему знали настоящую цѣну и увлеченіямъ идеальнаго настроенія умовъ, и строгимъ принципамъ положительной, насущной дѣйствительности. Къ такимъ людямъ принадлежалъ графъ Сергѣй Григорьевичъ. Я уже говорилъ вамъ, какъ онъ преслѣдовалъ меня за мое глупое педантство въ непростительномъ равнодушіи къ красотамъ итальянской природы. Теперь въ Неаполѣ я давалъ ему новые поводы издѣваться и подсмѣиваться надо мною. Для него было и странно, и забавно мое полнѣйшее невниманіе къ текущимъ событіямъ дня, къ разнообразнымъ интересамъ современности, и мое упорное укрывательство въ далекія области прошедшаго отъ живыхъ людей съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ заботами и нуждами, съ ихъ увеселеніями и забавами, и особенно въ такомъ бойкомъ, крикливомъ и толкучемъ городѣ, какъ Неаполь, гдѣ живется по-домашнему на улицахъ и площадяхъ.

Чтобы ознакомить меня съ современной дѣйствительностью и съ политическимъ устройствомъ Италіи, гдѣ теперь мы живемъ, графъ совѣтовалъ мнѣ читать газеты; но когда я сказалъ ему,

что сроду никогда ихъ не читывалъ и не умѣю, какъ взяться за нихъ, тогда онъ принялъ надлежащія мѣры для посвященія меня въ таинства дипломатіи и политики. Это дѣло поручилъ онъ своему старшему сыну Александру Сергѣевичу, какъ я уже говорилъ вамъ, моему товарищу по московскому университету, благо былъ онъ кандидатомъ юридическаго факультета. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о современномъ состояніи европейскихъ государствъ, ни даже о формѣ ихъ правленія. Моему учителю надобно было сначала познакомить меня со всѣмъ этимъ, а также и съ именами тогда царствовавшихъ особъ иностранныхъ державъ. Исходя отъ времени вѣнскаго конгресса 1815 года, онъ объяснилъ мнѣ на географической картѣ переустройство западныхъ державъ, предоставивъ первенствующее между ними мѣсто Австріи съ ея тогдашнею хитроумною политикою. Но, не смотря на всѣ старанія моего учителя и на его ловкое умѣнье излагать ясно и занимательно, эта мудреная наука мнѣ не давалась, и я, путаясь во множествѣ подробностей, нисколько для меня не интересныхъ, усвоилъ себѣ только ихъ общій смыслъ. По крайней мѣрѣ мнѣ стало теперь вполнѣ очевидно унизительное положеніе бѣдной Италіи, которую поработили себѣ Габсбурги и Бурбоны, раскромсавъ ее на мелкія части, и чѣмъ больше я сердился на этихъ эксплуататоровъ, тѣмъ живѣе сочувствовалъ бѣдственному положенію народа, изнывавшаго подъ игомъ чужеземнаго захвата, тѣмъ гнуснѣе становились мнѣ тѣ изъ вельможныхъ фамилій итальянскихъ, нѣкогда прославленныхъ доблестями патріотизма, которыя тогда изъ личныхъ выгодъ и ради почестей при дворахъ владѣтельныхъ особъ усердно помогали имъ нажимать и затягивать это иго къ пущей ненависти и озлобленію народа.

Для сформированія моихъ способностей къ пониманію тонкостей политики и для возбужденія во мнѣ охоты къ чтенію газетъ уроки Александра Сергѣевича не пошли мнѣ въ прокъ. Когда черезъ нѣсколько дней графъ Сергѣй Григорьевичъ далъ мнѣ нумеръ любимой имъ аугсбургской газеты „Allgemeine Zeitung“, я, просмотрѣвъ ее, выразилъ ему мое сожалѣніе, что рѣшительно ничего въ ней я не понялъ, и мы порѣшили на томъ, что по крайней мѣрѣ буду читать только прибавленія къ этой газетѣ (Beilage) и именно тѣ статьи, которыя онъ отмѣтитъ мнѣ карандашемъ. Чтеніе ихъ пришлось мнѣ по вкусу, потому что онѣ предлагали обстоятельныя свѣденія о болѣе крупныхъ новостяхъ по литературѣ, искусствамъ и по такимъ научнымъ спеціальностямъ, которыя меня интересовали. Сверхъ того, по указанію графа, сталъ я читать „Исторію Италіи“ Ботты, кото-

рый пользовался тогда авторитетностью образцоваго писателя, какъ нашъ Карамзинъ въ его „Исторіи Государства Россійскаго".

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о житьѣ-бытьѣ въ Неаполѣ мнѣ хотѣлось бы показать вамъ самого себя лицомъ-къ-лицу, хотя бы вскользь и въ профиль, каковъ я тогда былъ, какъ понималъ и чувствовалъ и какими глазами смотрѣлъ на вещи. Для этого привожу свое письмо изъ Неаполя къ барону Михаилу Львовичу Боде [1]), отъ 13-го апрѣля 1840 г., сохранившееся между другими, какъ вы уже знаете, въ его Колычевскомъ архивѣ.

„Пусть мои письма изъ Италіи напомнятъ вамъ мои съ вами московскіе уроки, о которыхъ я вспоминаю съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ теперь пишу къ вамъ. Проводя жизнь спокойную и наблюдательную, я изучилъ Неаполь лучше, нежели сколько я знаю Москву. Впрочемъ Неаполь знаменитъ не самъ собою, не смотря на то, что онъ самый многолюдный городъ во всей Италіи, а своими окрестностями съ огнедышащими горами и изумительными остатками древности, знаменитъ природою, можетъ быть лучшею во всей Италіи, слѣдовательно и во всей Европѣ. Городъ же съ своими обитателями, начиная отъ короля неаполитанскаго и до послѣдняго рыбака, врядъ ли бы заслуживалъ вниманія путешественниковъ, и я увѣренъ, что столько же, а можетъ быть еще болѣе, посѣщали бы они этотъ берегъ Средиземнаго моря, если бы необъятная груда неаполитанскихъ домовъ съ своими жителями — отъ землетрясенія и взрыва своего угрюмаго сосѣда Везувія—провалилась подъ землю. Города, столь грязнаго, не видывалъ я никогда; по узенькимъ улицамъ нужно ходить всегда подъ зонтомъ: иначе изъ оконъ обольютъ васъ всякою дрянью, забросаютъ соромъ, раскроятъ лобъ каменьемъ. По главной улицѣ, называемой Толедо, всегда таскается множество мошенниковъ и воровъ, которые не пропустятъ ни одного неосторожнаго путешественника, чтобы не украсть у него чего-нибудь изъ кармана; въ толпѣ вырываютъ даже изъ рукъ зонты и палки. Вездѣ по улицамъ валяются больные нищіе и калѣки съ ужасными болѣзнями; не одинъ разъ я самъ видалъ на мостовой умирающихъ и даже мертвыхъ бѣдняковъ. Нищіе не даютъ прохода, цѣпляясь за платье проходящихъ, и просятъ хлѣба. Прибавьте къ этому еще особый низшій классъ людей въ Неаполѣ, такъ-называемыхъ лазарони, по имени

---

[1]) Впослѣдствіи онъ принялъ двойную фамилію: Боде-Колычевъ.

евангельскаго Лазаря, прозванныхъ за то, что они, подобно ему, наги и нищи. И дѣйствительно, на дняхъ какъ-то, катаясь на лодкѣ по морю, я видѣлъ одного лазарони, страшнаго старика, до-черна загорѣлаго отъ палящаго солнца и костляваго, полуобнаженнаго. Онъ одинъ стоялъ въ лодкѣ съ длиннымъ весломъ, и я, право, почелъ бы его за адскаго Харона-перевозчика, если бы увидѣлъ его во снѣ. Каждый лазарони есть вмѣстѣ и нищій: онъ живетъ подаяніемъ Христа-ради и пробавляется поденной работою. Къ сожалѣнію, нищенство распространилось здѣсь до того, что почти всякій простолюдинъ готовъ у иностранца просить милостыню, будучи пріученъ къ этому съ малолѣтства. Всему этому виною не столько врожденная лѣность народа, сколько себялюбивое управленіе его короля, слѣдуя которому, и вельможи здѣшніе столько же немилостивы и равнодушны къ бѣдствующему человѣчеству, какъ и онъ самъ".

VII.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1840 г., мы оставили Неаполь, чтобы переселиться на островъ Искію. Но сначала графъ со своимъ семействомъ отправился черезъ живописную долину Кавы—до Салерно, чтобы осмотрѣть знаменитый пестумскій храмъ, а меня отпустилъ на двѣ недѣли въ Римъ, чтобы я, хотя и нàскоро, могъ ознакомиться съ его знаменитыми примѣчательностями, которыя промелькнули передо мною вскользь, какъ фантастическое сновидѣніе, когда мы останавливались въ немъ на короткое время, поспѣшая отдохнуть и успокоиться въ Неаполѣ отъ продолжительнаго странствованія. Эта поѣздка особенно дорога и необходима была для меня потому, что слѣдующую зиму предполагалось провести намъ не въ Римѣ, а гдѣ-нибудь около Ниццы или въ южной Франціи.

Старшій сынъ графа, Александръ Сергѣевичъ, въ концѣ апрѣля прямо изъ Неаполя уѣхалъ въ Россію для поступленія въ военную службу.

Въ половинѣ мая поселились мы на Искіи, въ уединенной и скромной виллѣ, называвшейся Панеллою и болѣе похожей на хозяйственный хуторъ съ фруктовымъ садомъ и виноградникомъ. Елизавета Сергѣевна и Павелъ Сергѣевичъ должны были пользоваться цѣлительными ваннами изъ знаменитыхъ минеральныхъ источниковъ Казамиччолы, того самаго городка, который былъ до тла разрушенъ землетрясеніемъ 1883 г. Уцѣлѣла ли наша

милая Панелла? Она отстояла отъ Казамиччолы всего минутъ на двадцать ходьбы. Обѣ онѣ находились на широкомъ и самомъ верхнемъ ровномъ уступѣ горы, которая образовала нѣкогда весь островъ Искію. Выше этой равнины, гдѣ мы пріютились, жилья уже не было. Около версты отъ Панеллы поднялся далеко въ небо утесистый конусъ или, точнѣе сказать, одна только половина его. То была вершина огнедышащей горы Эпомея. Въ незапамятныя времена при послѣднемъ изверженіи этого вулкана отъ напора кипучихъ веществъ въ его жерлѣ конусъ лопнулъ и другая половина его распалась и раздробилась на осколки, которыми завалило по ту сторону далеко внизу отлогіе спуски горы.

Въ Панеллѣ мы жили по-деревенски: обѣдали въ два часа и ужинали въ десять. Мой день располагался въ такомъ порядкѣ. Я вставалъ въ шестомъ часу и пилъ минеральную воду подъ названіемъ acqua di Castiglione, которую прописалъ мнѣ нашъ врачъ французъ (итальянскіе медики были тогда изъ рукъ вонъ плохи). Эту воду надобно было доставать не изъ Казамиччолы, а далеко внизу у самаго моря, изъ впадающаго въ его волны источника, который билъ ключомъ изъ разсѣлины крутой скалы. Рано утромъ, каждый день мое минеральное снадобье добывала оттуда молоденькая островитянка лѣтъ пятнадцати и приносила мнѣ въ глиняномъ кувшинѣ, держа его рукою на головѣ. Отъ самой виллы внизъ шла зигзагами каменистая дорожка, проложенная по крутому спуску горы, на которомъ былъ раскинутъ виноградникъ. Когда я выходилъ сюда спозаранку пить минеральную воду, утреннее солнце еще не успѣвало подняться изъ-за вершины Эпомея; потому я гулялъ по дорожкамъ въ тѣни, а передо мною подъ синимъ небомъ далеко внизу покоилось и нѣжилось такое же синее море въ сіяніи солнечныхъ лучей; направо, будто свѣтлыя опаловыя облака на окраинѣ горизонта, тянулись въ непроглядную даль гористые берега Италіи. Было прохладно въ моемъ тѣнистомъ пріютѣ. По дорожкамъ было скользко, будто кто нарочно поливалъ ихъ; съ широкихъ листьевъ виноградныхъ лозъ падали на меня крупныя капли свѣжей воды. Сначала я думалъ, что по заведенному на Искіи порядку каждую ночь передъ разсвѣтомъ бываютъ дожди, но потомъ догадался, что то были неизсякаемо обильныя росы, которыми здѣсь въ теченіе всего лѣта поддерживается весенняя свѣжесть травы, цвѣтовъ и древесной листвы.

Къ восьми часамъ я возвращался изъ виноградника и, напившись кофе, отъ девяти до двѣнадцати, какъ и въ Неаполѣ, давалъ уроки своимъ ученикамъ и ученицамъ. Передъ обѣдомъ

Елизавета Сергѣевна и Павелъ Сергѣевичъ отправлялись въ Казамиччолу брать минеральныя ванны, а я освобождался отъ своихъ учительскихъ обязанностей на цѣлую половину дня до самой ночи. Въ полдень я всегда уходилъ изъ своей комнаты съ книгою въ садъ, расположенный между виллою и крутымъ спускомъ того виноградника. Здѣсь оставался я до самаго обѣда, усѣвшись на скамейкѣ подъ тѣнью густой листвы развѣсистаго орѣховаго дерева, и читалъ свою книгу въ освѣжительной прохладѣ легкаго вѣтерка, который ежедневно объ эту пору начиналъ повѣвать и стихалъ къ двумъ часамъ, когда я возвращался къ обѣду. Затѣмъ часовъ до пяти наступала нестерпимая, удушливая жара: наружу палитъ, какъ изъ печки; въ комнатахъ духота, какъ въ банѣ. На это время я оставался въ своей комнатѣ и наглухо затворялъ выходившую на террассу дверь, изъ которой пышало, какъ изъ отдушника. Какъ ни легка была одежда, которую мы, всѣ мужчины, носили въ Искіи, она въ эту пору дня была мнѣ не втерпёжъ. Она состояла изъ бѣлыхъ полотняныхъ панталонъ и голубой холстинковой блузы, безъ помочей и жилетки, потому что то и другое было бы въ тягость; на ногахъ башмаки, на головѣ соломенная шляпа съ широкими полями—и изъ соломы не изъ сплющенной, а изъ цѣльной, одутлой, потому что такая легче, провѣвательнѣе отъ скважинъ между соломинками и устойчивѣе противъ жгучихъ лучей южнаго солнца. Вентиляція изъ окна въ окно не помогала; ни сидѣть нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, ни прилечь на диванѣ не было никакой возможности: удушающая истома одолѣвала. Чтобы хоть немножко освѣжать свою комнату, я время отъ времени поливалъ ея каменный полъ водою изъ рукомойника, но и это ни къ чему не вело, потому что полъ тотчасъ же высыхалъ, какъ въ банѣ каменка, въ которую поддаютъ пару.

Гораздо удачнѣе предохраняло меня отъ жары одно средство, которое оказалось самымъ дѣйствительнымъ. Я нашелъ его въ чтеніи, и именно въ такомъ, которое не требовало напряженныхъ усилій ума, и было настолько интересно, что отвлекало мое вниманіе отъ окружающей меня душной атмосферы, уносило изъ нея воспоминаніями въ радостное прошедшее и затѣйливыми мечтами манило въ будущее. Такимъ чтеніемъ была для меня исторія живописи Куглера. Въ ней я просматривалъ и съ мелочной отчетливостью воспроизводилъ въ своемъ воображеніи описанія тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя видѣлъ въ Дрезденѣ, Нюренбергѣ, Мюнхенѣ, Веронѣ, Мантуѣ, Болоньѣ, Венеціи, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ и тѣ, съ которыми могу ознакомиться на

возвратномъ пути какъ въ этихъ же городахъ, такъ и въ разныхъ другихъ. Гдѣ-то читалъ я, что Кантъ излечивалъ себя отъ кашля и зубной боли усиленнымъ углубленіемъ въ философскія думы. Я воспользовался его рецептомъ для освѣженія себя въ несносной духотѣ.

Около пяти часовъ, когда начинала спадать жара, я выходилъ наружу и отправлялся гулять. Любимымъ мѣстомъ этихъ прогулокъ былъ густой лѣсъ, который разросся съ нашей стороны по всему подножію оголенной вершины Эпомея и вспозалъ на его нижніе крутые спуски. Издали этотъ лѣсъ казался мелкимъ кустарникомъ, а когда войдешь въ него, очутишься подъ высокими старыми деревьями, которыя сплетаются другъ съ другомъ своими развѣсистыми вѣтвями; плющъ и другія ползучія растенія въ великомъ изобиліи густо и плотно одѣвали толстые стволы и сучья и своими тонкими и длинными побѣгами въ видѣ гирляндъ падали книзу. Пробираться въ такой чащѣ было затруднительно и особенно тамъ, гдѣ лѣсъ взбирался на крутизны. Я направлялъ сюда свои прогулки всегда съ однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ, чтобы преодолѣть препятствія и добраться до тѣхъ мѣстъ, гдѣ у самаго подножія скалистаго конуса прекращается всякая растительность. Блуждая по окраинамъ лѣса, я замѣчалъ тамъ и сямъ выемки прогалинъ, которыми открывался путь къ расщелинамъ. Судя по валунамъ и булыгамъ, застилавшимъ ихъ русло, я догадывался, что въ зимнюю пору отъ проливныхъ дождей тутъ мчатся съ высотъ бурные потоки. Именно здѣсь-то и нашелъ я желанное приволье для своихъ прогулокъ, а вмѣстѣ и прямой путь къ тѣмъ заповѣднымъ мѣстамъ, которыя меня такъ манили къ себѣ. Чѣмъ дальше отъ равнины поднимался я по ущелью, тѣмъ больше оно съуживалось и тѣмъ выше становились его берега, съ которыхъ свѣшивались вѣтви кустарника съ густо перепутанными плетями ползучихъ растеній; затѣмъ мой путь преграждали крутые обрывы, на которые надобно было вскарабкиваться и, наконецъ, я изнемогалъ въ борьбѣ съ препятствіями и возвращался вспять. Впрочемъ я любилъ тогда блуждать по трущобамъ и взлѣзать на утесистыя высоты, преодолѣвая всякія затрудненія, и если послѣ отказался отъ достиженія своей цѣли, то совсѣмъ по другой причинѣ. На Искіи, куда ни пойдешь, вездѣ встрѣтишь змѣю, а то и двѣ-три, одну за другой, особенно во время палящей жары, когда онѣ выползаютъ, какъ я думалъ, погрѣться на низенькихъ каменныхъ стѣнкахъ, которыми отгораживаются дороги отъ полей и виноградниковъ. Потому я привыкъ проходить мимо змѣи безъ всякаго опасенія, только бы не наступить ей на хвостъ. Разу-

мѣется, и въ ущельяхъ Эпомея мнѣ попадались змѣи, которыя мелькали всегда только по обѣимъ сторонамъ каменистыхъ спусковъ, а не по руслу, гдѣ лежалъ мой путь, и большею частью являлись по одиночкѣ. Отъ нечего-дѣлать я иногда велъ счетъ, сколько ихъ встрѣчу. Разъ случилось мнѣ зайти въ такое ущелье, гдѣ не болѣе какъ въ минуту насчитывалъ до десятка змѣй, и чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ все больше и больше умножалось число ихъ, такъ что, наконецъ, кругомъ меня по обоимъ спускамъ закишѣли змѣиныя головы съ извивающимися хвостами; мнѣ чудилось, что вижу ихъ и на булыжникѣ, по которому я пробирался. Впрочемъ у страха глаза велики, и я въ переполохѣ бросился назадъ. Съ тѣхъ я поръ пересталъ далеко забираться въ трущобы и дебри эпомейскаго лѣса. Я былъ храбръ и отваженъ въ замышленіи смѣлыхъ предпріятій, но, какъ видите, робѣлъ и трусилъ, когда приходилось ихъ приводить въ исполненіе.

Предъ закатомъ солнца я возвращался въ нашу виллу и съ книгою въ рукахъ усаживался на гребнѣ утеса любоваться красотами природы и постигать безконечное разнообразіе ихъ прелестей, какъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ объ этомъ. Въ 1883 г., профессоръ флорентійскаго института (Instituto di Studi Superiori) и редакторъ „Европейскаго Обозрѣнія“ (Rivista Europea) Анджело де-Губернатисъ предпринялъ издать „Международный Альбомъ“, составленный изъ снимковъ съ автографовъ писателей и ученыхъ, въ пользу неимущихъ семействъ Казамиччолы, пострадавшихъ отъ землетрясенія. Онъ обратился и ко мнѣ съ просьбою быть вкладчикомъ этого изданія. Вотъ вамъ текстъ моего автографа: „На всю мою жизнь Искія оставила по себѣ самыя дорогія и свѣтлыя воспоминанія, потому что, будучи юношею, я провелъ лѣто 1840 года въ Панеллѣ при подошвѣ Эпомея, и тамъ въ первый разъ узналъ я, что такое красоты природы,—и съ тѣхъ поръ полюбилъ ихъ“.

Въ праздничные дни я замышлялъ дальнія прогулки и, напившись кофе, выходилъ изъ дому до самаго обѣда, всегда съ книгою въ рукахъ. Особенно памятны мнѣ прогулки на морскомъ прибрежьѣ около мѣстечка Форіо по скаламъ и песчанымъ откосамъ. Чтобы отдохнуть въ холодкѣ, я усаживался на одинъ большущій камень, подмываемый морскими волнами, въ тѣни крутого утеса. Хорошо мнѣ было тутъ читать свою книгу и время отъ времени поглядывать на тянущіеся вправо отъ Искіи въ необозримую даль гористые берега Италіи, какъ они млѣютъ и таютъ въ прозрачномъ пару жгучихъ лучей поднимающагося къ полудню солнца, которое еще скрывается отъ меня за высокимъ

утесомъ. Иной разъ повѣетъ освѣжительный вѣтерокъ и хлеснетъ о мой камень волною, которая обдастъ меня солеными брызгами.

Въ мѣста отдаленныя я отправлялся верхомъ на ослѣ въ сообществѣ съ его погонщикомъ. Разскажу вамъ объ одномъ изъ этихъ похожденій, которое особенно ярко выступаетъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Налѣво отъ Панеллы, къ юго-западу, есть мысъ, образуемый громадными скалами, которыя отвѣсно спускаются далеко внизъ къ самому морю. Отъ этого высокаго, утесистаго берега отскочила одна скала, но такъ что соединяется съ нимъ, будто мостками черезъ рѣку, каменистой полосою въ длину по глазомѣру около десяти саженъ, а въ ширину, на самой ея рединѣ, не больше какъ въ два аршина. На этой скалѣ въ уровень съ берегомъ небольшая площадка, покрытая травою и изрѣдка мелкимъ кустарникомъ. Попасть туда по узенькой полоскѣ считается на Искіи головокружительнымъ подвигомъ. Есть преданіе, что какой-то императоръ переѣхалъ съ берега на скалу верхомъ на конѣ; потому и называютъ ее островитяне Punta d'Imperatore, то-есть, Императорскій мысъ. И мнѣ захотѣлось испробовать свою храбрость, только не верхомъ, а пѣшеходнымъ путемъ. Я слѣзъ съ своего осла и благополучно перебрался съ берега на площадку, нѣсколько минутъ погулялъ по ней, сорвалъ цвѣточка два-три себѣ на память и посидѣлъ на камушкѣ, обратившись лицомъ на югъ къ Африкѣ, чтобы любоваться безпредѣльностью необъятнаго моря, которое тамъ далеко внизу подмывало эту скалу. Но надобно было воротиться назадъ. При одной мысли объ этомъ, я почувствовалъ какую-то томительную тревогу, а когда подходилъ къ соединительной полосѣ, которая показалась мнѣ теперь и вдвое длиннѣе, и гораздо ўже, все больше и больше одолѣвала меня робость и, наконецъ, обуялъ страхъ и ужасъ: а ну, какъ у меня закружится голова и подкосятся колѣнки? Ну, какъ спотыкнусь о камень? А то вдругъ, откуда ни возьмись, пронесется вѣтеръ и попатнетъ меня, или невзначай заверещитъ оселъ благимъ матомъ и испугаетъ. Позвать на помощь погонщика—опять бѣда: двоимъ идти рядомъ тѣсно, ему идти впереди или назади меня—какая польза? Держать меня своими руками крѣпко, какъ слѣдуетъ, онъ не могъ бы, и мы оба стремглавъ полетѣли бы въ бездну. Вся эта сумятица страховъ и треволненій, которую теперь анализирую вамъ въ подробностяхъ, мгновеннымъ вихремъ промчалась тогда въ моей головѣ, и такъ же мгновенно инстинктивное чувство самосохраненія осѣнило меня твердою рѣшимостью преодолѣть нахлынувшій на меня кошмаръ, который грозилъ мнѣ неминуемой

опасностью. Хотя ноги у меня дрожали, и трепетъ пробѣгалъ по всему тѣлу, но я смѣло вошелъ въ страшившую меня полосу и медленно ступалъ по самой ея срединѣ до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ было настолько просторно, что, въ случаѣ паденія направо или налѣво, я не могъ бы скатиться внизъ; когда же доплелся я до узкой средины, тянущейся около трехъ саженъ, я въ охраненіе себя отъ гибельныхъ случайностей просто-на-просто прилегъ и растянулся ничкомъ по каменистой тропинкѣ, и не спѣша и съ передышкою благополучно перемѣстился на ту сторону. Погонщикъ много смѣялся моей выдумкѣ и говорилъ, что и другимъ робкимъ искателямъ приключеній будетъ совѣтовать, чтобы слѣдовали моему примѣру.

Въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія нашего на Искіи, я чувствовалъ себя въ полнѣйшемъ уединеніи на широкомъ раздольѣ, блуждая по крутизнамъ и по отлогостямъ прибрежья. Рѣдко кого встрѣчу изъ мѣстныхъ обывателей въ деревенскихъ костюмахъ, но ни разу не случилось мнѣ въ эти два мѣсяца видѣть ни одного иностранца или вообще кого-нибудь, кто бы, какъ я, прогуливался для препровожденія времени, а не шелъ по нуждѣ. Искія была тогда пустырь-пустыремъ, и могло ли придти мнѣ въ голову, что убогая и неопрятная Казамиччола преобразится когда-нибудь въ одно изъ самыхъ изящныхъ санитарныхъ убѣжищъ, съ великолѣпными отелями вмѣсто прежнихъ казармъ, съ роскошными и вполнѣ удобными курзалами вмѣсто прежнихъ торговыхъ бань, съ прохладными мраморными галереями, даже съ театромъ, въ который будутъ собираться сотни великосвѣтскихъ зрителей со всѣхъ концовъ міра? Не знаю, чтò сталось съ Казамиччолой теперь, послѣ опустошительнаго разгрома, который сокрушилъ ее до тла въ пагубномъ землетрясеніи 1883 г.

Уединеніе, тишина и безмолвіе въ скитаніяхъ по горамъ и долинамъ Искіи не докучали мнѣ; напротивъ, я ощущалъ въ себѣ какое-то оживительное успокоеніе, которое теперь благотворно сосредоточивало меня послѣ нестерпимой сутолоки, грохотни и гама, которые оглушительно одолѣвали меня на улицахъ и площадяхъ многолюднаго Неаполя. Въ моемъ пустыножительствѣ я не чувствовалъ себя одинокимъ: при мнѣ всегда былъ неизмѣннымъ спутникомъ самъ Дантъ со своей Божественной Комедіей.

Еще въ Неаполѣ я началъ читать эту премудрую поэму, и съ тѣхъ поръ, на многіе года, стала она самою любимою, настольною моею книгою. Въ Неаполѣ я прочелъ Адъ, теперь на Искіи вмѣстѣ съ Дантомъ восходилъ по уступамъ великой горы

Чистилища къ ея вершинѣ съ „Земнымъ Раемъ", который иной разъ, въ счастливыя минуты залетныхъ мечтаній, грезился мнѣ на маковкѣ Эпомея.

Точкою отправленія моихъ ученыхъ занятій въ Панеллѣ и центромъ, къ которому они сводились, былъ Дантъ и его Божественная Комедія; вмѣстѣ съ тѣмъ я слагалъ въ общую сумму отдѣльныя подробности, касающіяся этихъ предметовъ, изъ всего того, что̀ случалось мнѣ встрѣчать по городамъ Италіи, въ которыхъ мы останавливались проѣздомъ. Въ Веронѣ проживалъ Дантъ, изгнанный изъ Флоренціи, у своего покровителя Кана Гранде; въ Падуѣ я внимательно разсматривалъ въ капеллѣ Скровеньи (nell'Arena) знаменитыя фрески Дантова современника и друга—живописца Джіотто, по сюжету соотвѣтствующія разнымъ подробностямъ Божественной Комедіи въ изображеніи Страшнаго Суда и символическихъ фигуръ, означающихъ добродѣтели и пороки. Во Флоренціи я посѣтилъ баптистерій, въ которомъ былъ крещенъ Дантъ, а также и домъ, гдѣ онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ Беатрисою, которую прославилъ на вѣки въ стихахъ и прозѣ; разумѣется, не преминулъ я присѣсть и на томъ камнѣ, на которомъ сиживалъ великій поэтъ и всегда любовался на прекрасный соборъ Maria del' Fiore, съ граціозной колокольней, которую построилъ и украсилъ барельефами тотъ же его товарищъ и другъ Джіотто. Видѣніями загробной жизни, въ таинственномъ обаяніи мистическихъ символовъ, внушенными Божественною Комедіею, вѣяло на меня отовсюду со стѣнъ, расписанныхъ учениками и послѣдователями Джіотто, въ флорентійской церкви Maria Novella и въ прилежащемъ къ ней доминиканскомъ монастырѣ. Это есть та самая церковь, въ которой во время страшной чумы, постигшей Италію въ XIV столѣтіи, собрались веселые собесѣдники Боккачіева Декамерона, кавалеры и дамы, и условились удалиться вмѣстѣ изъ зараженнаго города въ уединенную виллу. Микель-Анджело особенно любилъ эту церковь, и называлъ ее своею невѣстою. Въ Болоньѣ подолгу стоялъ я не разъ подъ наклоненными другъ къ дружкѣ башнями, называемыми Азинеллою и Гаризендою, подъ тѣми самыми, изъ которыхъ съ одною Дантъ сравниваетъ колоссальнаго великана, когда онъ въ аду сталъ нагибаться къ поэту, чтобы поднять его вверхъ.

Дантъ и Джіотто открыли мнѣ путь къ изученію ранняго наивнаго стиля итальянскихъ мастеровъ XIV и XV столѣтій. Это и было главнымъ предметомъ моихъ спеціальныхъ занятій на островѣ Искіи. Лучшимъ и единственнымъ руководствомъ слу-

жила мнѣ уже извѣстная вамъ книга Куглера, не разъ упоминаемая въ моихъ воспоминаніяхъ. Этотъ ученый, сколько мнѣ извѣстно, въ своей исторіи живописи, первый отнесся съ надлежащимъ вниманіемъ и живѣйшимъ интересомъ къ раннимъ итальянскимъ мастерамъ, предшествовавшимъ цвѣтущей эпохѣ Леонарда да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэля. Сверхъ того, графъ Сергѣй Григорьевичъ указалъ и далъ мнѣ двѣ старинныя иллюстрированныя монографіи, которыя какъ нельзя больше соотвѣтствовали моимъ желаніямъ и цѣлямъ. Это были подробныя описанія, во-первыхъ, монастырской церкви св. Франциска въ Ассизи и, во-вторыхъ, собора въ Орвіэто. Въ первой книгѣ я хорошо ознакомился съ тріумфами Цѣломудрія, Смиренія и Нищеты, которыя по сводамъ церкви надъ гробницею св. Франциска Ассизскаго изобразилъ Джіотто, согласно Дантовымъ стихамъ объ этомъ святомъ Божественной Комедіи, а въ другой—съ фресками, которыми Лука Синьёрели, живописецъ XV в., расписалъ одну изъ капеллъ орвіэтскаго собора, заимствуя мелкіе сюжеты изъ разныхъ эпизодовъ Дантовой поэмы, а въ крупныхъ размѣрахъ представивъ воскресеніе изъ мертвыхъ, на страшномъ судѣ, съ такимъ религіознымъ воодушевленіемъ и съ такимъ простосердечнымъ сочувствіемъ къ радостямъ и страданіямъ человѣка, къ его восторгамъ и къ отупѣлому отчаянію, что въ искренности и въ глубинѣ наивнаго чувства превзошелъ самого Микель-Анджело въ его знаменитомъ Страшномъ Судѣ, на задней стѣнѣ Сикстинской капеллы.

Этимъ оканчиваю свои воспоминанія о пребываніи на Искіи. Мы должны были переселиться на соррентскіе берега, но уже безъ графа Сергѣя Григорьевича, который оставлялъ насъ за границею на весь слѣдующій годъ, уѣзжая съ Искіи въ Москву. Передъ его отъѣздомъ было рѣшено, что будущую зиму мы проведемъ въ Римѣ. То-то была для меня великая радость.

VIII.

Въ началѣ августа 1840 г. переселились мы съ острова Искіи на соррентскіе берега, гдѣ прожили два мѣсяца. Для тѣхъ изъ васъ, кому не случилось побывать въ этихъ мѣстахъ, я долженъ сдѣлать бѣглое топографическое ихъ обозрѣніе, чтобы въ общихъ чертахъ дать понятіе о той живописной обстановкѣ, которая со всѣхъ сторонъ меня здѣсь окружала не только въ дальнихъ и близкихъ прогулкахъ, но и изъ оконъ моей комнаты. Прошу васъ припомнить, какъ я ходилъ пѣшкомъ изъ Неаполя

до Помпеи по отлогому взморью. Тотчасъ же затѣмъ отъ Кастелламаре, стоящаго у подножія горы св. Ангела (Monte Sant Angelo), начинается цѣпь горъ съ пересѣкающими ее долинами, которая на протяженіи нѣсколькихъ верстъ образуетъ Соррентскій полуостровъ; потому съ обѣихъ сторонъ спускается онъ къ морю крутизнами. Надъ Неаполитанскимъ заливомъ поднялась на высокихъ, утесистыхъ берегахъ большая равнина (Piano-di-Sorrento), обнесенная горами, то оголенными отъ всякой растительности, то покрытыми кустарникомъ и рощами. Въ концѣ равнины, если направляться отъ Неаполя, стоитъ городъ Сорренто у подножія каменистаго холма, называемаго Capo-di-Monte.

Сначала дней на пять помѣстились мы въ самомъ городѣ Сорренто, въ гостинницѣ „Сирена", близь такъ-называемаго дома Торквато Тасса, гдѣ будто бы родился онъ и провелъ свое дѣтство; потомъ, когда была вполнѣ изготовлена и приведена въ порядокъ наша вилла въ Piano-di-Sorrento, мы переселились туда.

Съ перваго же раза, какъ очутился въ этой живописной мѣстности, какъ побывалъ въ домѣ Тасса и узналъ, что гостинница получила свое названіе отъ тѣхъ сиренъ, которыя заманивали въ морскую глубину Улисса и его спутниковъ именно здѣсь, у береговъ соррентскихъ,—юношеская фантазія моя разыгралась, и я тотчасъ же порѣшилъ дать ей раздольный просторъ въ октавахъ Освобожденнаго Іерусалима и въ гекзаметрахъ Одиссеи. Обѣ эти книги я усердно читалъ въ продолженіе обоихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ нашей виллѣ. Тассову поэму бралъ съ собою на прогулкахъ, а Гомера подробно изучалъ съ комментаріями у себя на дому.

Соррентская равнина (Piano-di-Sorrento) есть не что иное, какъ огромный виноградникъ на нѣсколькихъ квадратныхъ верстахъ въ перемежку съ фруктовыми садами, въ которыхъ высоко надъ другими деревьями, въ живописномъ контрастѣ зеленыхъ оттѣнковъ, поднимаются столѣтнія оливы со своими свѣтлыми и прозрачными вѣтвями и темныя и густыя рощицы „оранжей" (такъ называлъ я тогда апельсиновыя деревья); тамъ и сямъ тянулись далеко вверхъ въ видѣ столповъ ряды кипарисовъ, а то раскидывалось широко и высоко орѣховое дерево съ такимъ толстымъ стволомъ, что не обнимешь его въ одинъ обхватъ. Все это пространство размежевано улицами съ переулками; по обѣимъ ихъ сторонамъ нескончаемо тянутся высокія каменныя стѣны на такомъ разстояніи между собою, чтобы можно было разъѣхаться двумъ встрѣтившимся экипажамъ. Изрѣдка попадаются небольшія постройки для жилья владѣльцамъ виноградниковъ и для хозяй-

ственныхъ угодій и очень немногіе большіе дома для постоя пріѣзжихъ. Въ одномъ изъ такихъ домовъ помѣстились и мы, на лѣвой сторонѣ узенькой улицы, если идти отъ Сорренто. Своимъ фасадомъ выходилъ онъ на улицу съ высокою стѣною передъ окнами. Входъ былъ въ ворота со двора, а за дворомъ раскинулся виноградникъ до самаго обрыва отвѣсно ниспадавшаго морского берега. По одну сторону виноградника была роща оранжей, а по другую фруктовый садъ. Домъ былъ двухъ-этажный, съ небольшею надстройкою въ видѣ башни налѣво, если смотрѣть съ улицы. Въ бель-этажѣ, кромѣ залы, гостиной и столовой, могли удобно размѣститься только сама графиня, ея обѣ дочери съ гувернанткою и трехлѣтній сынокъ съ нѣмкою Амаліей Карловной. Для двухъ старшихъ сыновей, Павла Сергѣевича и Григорія Сергѣевича съ ихъ гувернеромъ, въ домѣ мѣста не хватало. Они занимали небольшой одноэтажный павильонъ съ широкою террасою, выходившею въ садъ съ разными фруктовыми деревьями, обнесенный по обѣимъ сторонамъ густыми лавровыми аллеями. На террасѣ, обращенной къ сѣверо-западу, мы пили утренній кофе; но уроки давалъ я своимъ ученикамъ, спасаясь отъ наступающей жары, всегда въ классной комнатѣ.

Что касается до меня, то я помѣстился именно въ той надстройкѣ, о которой упомянулъ выше. Она занимала лѣвую часть дома; все же остальное пространство его плоской каменной кровли, огороженной по сторонамъ парапетами, было для меня террасою, которая во всѣ два мѣсяца предоставлялась исключительно въ мою собственность. Днемъ на солнечномъ припекѣ выходить на нее не было никакой возможности; раскаленный палящими лучами каменный помостъ жогъ ноги сквозь тонкія подошвы башмаковъ, если остановиться на нѣсколько секундъ. Зато ночью гулять по ней было восхитительно! Подъ темносинимъ небеснымъ сводомъ, который теперь кажется и ниже, и ближе ко всему земному, по одну сторону въ нѣжномъ, привѣтливомъ сіяніи луны какъ-то особенно уютно покоятся соррентскіе холмы и утесы подъ охраною высоко поднимающейся надъ ними горы св. Ангела, а по другую сторону тамъ далеко внизу тихо и мирно въ Неаполитанскомъ заливѣ улеглась темная поверхность моря, по которой тамъ и сямъ скользятъ серебристые отливы луннаго сіянія. И около меня, вездѣ кругомъ тишина и безмолвіе—и въ виноградникахъ, и въ садахъ, и по улицамъ съ переулками. Развѣ иной разъ со стороны Сорренто донесутся призывные звуки любимой въ то время серенады:

Tutti la notte dormino,
Io solo non posso dormire,
Io ti voglio ben assai!

Такъ начинается эта пѣсенка; она, бывало, раздается повсюду вдоль береговъ Неаполитанскаго залива: и рыбакъ, сидя въ своей лодкѣ, распѣваетъ ее своимъ густымъ басомъ; и молоденькая дочка ремесленника, въ домашнемъ неглиже и съ растрепанными волосами, высунувшись по поясъ изъ окна и глазѣя по сторонамъ, выводитъ звонкими руладами: Io ti voglio ben assai; и чопорный франтъ изъ неаполитанскихъ обывателей средней руки, въ потертомъ сюртукѣ, но въ лоснящемся цилиндрѣ, тщательно приглаженномъ щеткою, прогуливаясь вечеромъ по Villa Reale, мурлычетъ все одно и то же: Tutti la notte dormino.

Но мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о моей оригинальной террасѣ. Между мѣстными жителями была распространена одна граціозная легенда, достовѣрность которой съ благочестивымъ усердіемъ подтверждали старожилы. Будто въ одно изъ послѣднихъ изверженій Везувія бурнымъ вѣтромъ помчало въ сторону соррентской равнины черныя тучи песчанаго пепла, которыя мгновенно заволокли все небо и превратили свѣтлый день въ непроглядную ночь. Всѣ ожидали неминучей судьбы, постигшей когда-то сосѣднюю Помпею. Кто могъ и успѣлъ, бѣжалъ куда ни попало, но большею частью попрятались въ своихъ домахъ, потому что наружу не было видно ни зги, а горячій песокъ засыпалъ глаза, лѣзъ въ уши, въ ноздри и въ ротъ, билъ по головѣ и сшибалъ съ ногъ, хотя и вязли онѣ въ пеплѣ выше щиколокъ. Къ счастію, буря стала утихать и песочный ураганъ мало-по-малу ослабѣвалъ и, наконецъ, прекратился. Только на разсвѣтѣ осмѣлились выйти наружу скрывавшіеся въ домахъ. Повсюду навалило пепла чуть не по колѣни. Въ великой радости, что спаслись, прежде всего бросились хозяева на свои плоскія крыши, спѣша освободить ихъ отъ тяжелаго груза, наваленнаго изверженіемъ песчанаго пепла, а то потолки не выдержатъ и обрушатся. И что̀ же видятъ? На каждой кровлѣ и въ Сорренто, и вездѣ въ его окрестностяхъ по ровной и гладкой поверхности пепла протянулась полоса слѣдовъ отъ двухъ босыхъ ножекъ, которыя явственно отпечатлѣлись всѣми своими пальчиками. Въ этомъ необычайномъ явленіи благочестивые жители признали великое чудо, спасшее ихъ отъ гибели. Пречистая Дѣва Марія соблаговолила прослѣдовать по всѣмъ до одной кровлямъ, отпечатлѣвъ на каждой знаки своего шествія. Она же отвратила и ураганъ въ другую сторону. Эта легенда иной разъ приходила мнѣ въ

голову, когда я въ лунныя ночи гулялъ по своей террасѣ. Отъ нечего-дѣлать я любилъ тогда предаваться мечтательнымъ грезамъ, и несбыточное казалось мнѣ возможнымъ. И здѣсь, думалось мнѣ, гдѣ я теперь хожу, оставила по себѣ таинственные слѣды та, которая спасла отъ разрушенія и домъ, гдѣ мы теперь живемъ, и этотъ широкій помостъ для моихъ ночныхъ прогулокъ. И я вызывалъ въ своемъ воображеніи идеальный ликъ Сикстинской Мадонны Рафаэля и представлялъ себѣ, какъ она, спустившись съ облаковъ, по которымъ идетъ на картинѣ, ступаетъ теперь по кровлямъ домовъ соррентской равнины. Въ мое время любили играть въ затѣйливыя мечты, какъ потомъ съ такимъ же заманчивымъ увлеченіемъ стали играть въ акціи и въ другіе цѣнные лоскуты бумаги.

На соррентской равнинѣ мы продолжали вести жизнь по-деревенски, какъ и на Искіи, то-есть, обѣдали въ два часа и ужинали въ десять. Я былъ занятъ уроками тоже всего три часа, отъ девяти до двѣнадцати.

Я вставалъ въ шесть часовъ утра и тотчасъ же шелъ купаться въ морѣ, по совѣту того же врача, который предписалъ мнѣ пить минеральную воду на Искіи. Я долженъ былъ оставаться въ водѣ не дольше пятнадцати минутъ и купаться только два дня сряду, а на третій отдыхать. Непремѣннымъ спутникомъ моимъ и охранителемъ на морскихъ волнахъ былъ извѣстный уже вамъ Пашоринъ, который въ эту раннюю пору былъ свободенъ отъ своихъ кухмистерскихъ обязанностей. Море отъ насъ было, что называется, рукой подать, у самой усадьбы нашей виллы. Стоило только со двора пройти апельсиновую рощу да виноградникъ, и тутъ же широкій и довольно отлогій спускъ къ морю, которое вливается здѣсь въ маленькую бухту, обнесенную со всѣхъ трехъ сторонъ высокими, утесистыми берегами. Такіе уютные уголки съ песчаной равниной, которая едва замѣтно спускается къ морской отмели, итальянцы называютъ „марйною“. Море безъ устали ежеминутно отступаетъ по песку, и на него приливаетъ саженъ на пять, на десять, а то и больше, когда разъиграется. Чтобы попасть къ его постоянному дну, надобно какъ можно скорѣе пробѣжать выступившее изъ-подъ отхлынувшей воды пространство и въ одинъ мигъ вспрыгнуть на катящуюся на встрѣчу волну, какъ бы осѣдлать ее подъ себя, а затѣмъ безъ всякаго усилія и не торопясь плыть впередъ, опускаясь и поднимаясь по широкимъ и отлогимъ волнамъ. Пашоринъ былъ отличный пловецъ, и подъ его бдительною охраною я чувствовалъ себя въ полнѣйшей безопасности. Далеко въ море мы не забирались и

доплывали только до окраины отвѣсной скалы, составляющей правую сторону нашей бухты, и, взглянувъ вправо же на дымящійся Везувій, возвращались назадъ. Въ раннее утро на песчаной „маринѣ", обращенной на западъ, подъ тѣнью высокаго, утесистаго берега, дышалось живительною прохладою. Съ купанья я возвращался одинъ; Пашоринъ уходилъ впередъ, торопясь на свою работу. Чтобы сберечь въ себѣ крѣпительную свѣжесть, медленно, лѣнивымъ шагомъ поднимался я по отлогому подъему дороги въ нашъ виноградникъ и еще медленнѣе пробирался между густыхъ рядовъ виноградныхъ лозъ, отягченныхъ гроздями, и поминутно останавливался, срывалъ съ нихъ самыя спѣлыя ягоды и клалъ себѣ въ ротъ. Такъ продолжалось всегда по малой мѣрѣ минутъ пятнадцать или двадцать, а затѣмъ, выбравъ себѣ самую большую виноградную кисть, уходилъ къ себѣ домой и доѣдалъ свой утренникъ, сидя съ книгою подъ окномъ, обращеннымъ на западъ съ апельсиновою рощею и виноградникомъ на первомъ планѣ, гдѣ я только-что проходилъ, и съ разстилающимся далеко и широко Неаполитанскимъ заливомъ. Я тогда и не слыхивалъ о леченіи виноградомъ, но безъ моего вѣдома угодилъ какъ разъ пользоваться имъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ежедневно за цѣлый часъ до нашего завтрака.

Я уже говорилъ вамъ, что на соррентской равнинѣ я принялся читать „Одиссею" и „Освобожденный Іерусалимъ". Тассъ надоумилъ меня познакомиться и съ Аріостомъ: его Неистовый Роландъ былъ извѣстенъ мнѣ только по-наслышкѣ. Сверхъ того, я здѣсь же докончилъ изученіе Божественной Комедіи. Съ тѣхъ поръ Дантовъ Рай всегда напоминалъ мнѣ прекрасные ландшафты, на которые я любовался изъ оконъ своей комнаты, и мою террасу, по которой прохаживался въ лунныя ночи, какъ живописная гора его же Чистилища неразрывно слилась въ моихъ представленіяхъ съ крутыми подъемами Искіи къ недостигнутымъ мною высотамъ Эпомея. Впечатлѣнія юныхъ лѣтъ глубоко и крѣпко залегаютъ въ душѣ и берегутся въ ней, какъ неотъемлемое сокровище, до глубокой старости.

Однако я не покидалъ и научныхъ изслѣдованій своихъ по классической археологіи. Хотя Соррентскій полуостровъ давалъ для этого предмета плохую поживу въ очень немногихъ и уже черезъ-чуръ искаженныхъ развалинахъ, но у меня подъ руками была сосѣдняя Помпея. Въ видѣ прогулки я туда хаживалъ по праздникамъ на весь день. Искупавшись въ морѣ и наскоро позавтракавъ своею кистью винограда, я успѣвалъ еще въ седьмомъ часу отправиться въ путь въ утренней прохладѣ и, дошедши

до Кастеламаре, дѣлалъ привалъ въ прибрежной остеріи подъ тѣнью высокой горы св. Ангела, которая еще заслоняла восходящее солнце. Тутъ я отдыхалъ и пилъ свой утренній кофе. Насытившись и освѣжившись, часамъ къ десяти я былъ уже въ стѣнахъ Помпеи, гдѣ и проводилъ весь день часовъ до пяти, чтобы возвращаться домой, когда жара начинала спадать. Въ теченіе дня утолялъ голодъ и жажду въ сосѣднихъ съ Помпеею плантаціяхъ, гдѣ хозяева угощали меня виноградомъ, а на возвратномъ пути опять останавливался у подножія горы Sant-Angelo, чтобы въ той же остеріи пообѣдать жареною въ прованскомъ маслѣ рыбою и макаронами съ сыромъ.

Повторительное разсматриваніе помпейской живописи открывало мнѣ разныя подробности, прежде незамѣченныя, и наводило на новыя соображенія и замѣчанія. По вечерамъ я вносилъ ихъ въ свою записную книжку. Въ этихъ замѣткахъ я особенно вдавался въ уясненіе себѣ античнаго стиля этой живописи въ связи съ его позднѣйшимъ возрожденіемъ въ произведеніяхъ итальянскихъ поэтовъ и художниковъ XVI и XVII столѣтій. Такія сравнительныя изслѣдованія, переполненныя ссылками на Овидія, Виргилія, Аріоста и Тасса, должны были подготовлять меня къ тому, что̀ предстояло мнѣ изучать въ Римѣ, когда буду гулять тамъ по дворцамъ и павильонамъ, стѣны и плафоны которыхъ изукрасили миѳологическими и вообще эротическими сюжетами Рафаэль со своими учениками, Караччи, Гвидо Рени и другіе позднѣйшіе живописцы.

Кромѣ Помпеи мнѣ привелось сдѣлать нѣсколько интересныхъ прогулокъ въ лодкѣ по морю, между прочимъ на островъ Капри и въ Амальфи. Разсказывать вамъ по смутнымъ воспоминаніямъ обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ, какъ хорошо мнѣ жилось на соррентской равнинѣ, я теперь не буду, а вмѣсто того предложу вамъ нѣсколько выдержекъ изъ моихъ путевыхъ записокъ, прося милостиваго снисхожденія къ наивной мечтательности юнаго энтузіаста.

Ѳ. Буслаевъ.

ПОѢЗДКА
ВЪ
СТОВРАТНЫЯ ѲИВЫ
(1889 г.)

II *).

Послѣ осмотра гробницъ царей, мы взобрались на самую вершину горы. Передъ нами, какъ на ладони, была та часть нильской долины, гдѣ разстилались когда-то Стовратныя Ѳивы. Центральная часть прежняго города обозначается теперь четырьмя группами развалинъ: на правой сторонѣ—Нила Луксоръ и Карнакъ, на лѣвой—Гурна и Мединетъ-Абу. Развалины эти образуютъ прямоугольный четырехъ-угольникъ, каждая изъ нихъ во главѣ угла, а стороны четырехъ-угольника версты по три длиной. Это была центральная часть города; всѣ же развалины представляютъ площадь, окружность которой около 25 верстъ, что̀ соотвѣтствуетъ показаніямъ Діодора Сицилійскаго: по его словамъ, Ѳивы имѣли 140 стадій въ окружности.

Возвращались мы изъ гробницъ царей другою дорогой—по узкой, крутой тропѣ, въ послѣднее время нѣсколько расширенной, но которая еще въ тридцатыхъ годахъ была, по словамъ Муравьева, доступна только при помощи лѣстницъ и веревокъ.

---

*) См. выше: май, 112 стр.

Внизу, подъ горой, среди колоннъ какихъ-то развалинъ, мы пріютились, наконецъ, чтобы отдохнуть и позавтракать.

Теперь только вполнѣ оцѣнили мы услугу дѣвочекъ, сопровождавшихъ насъ. Холодная вода кувшиновъ ихъ утолила жажду, облегчила завтракъ и дала возможность промыть глаза, обтереть лицо и руки. Какъ были удивлены дѣвочки, когда мы покормили ихъ обильнымъ завтракомъ, взятымъ изъ гостинницы: ни онѣ, ни погонщики ословъ не имѣли съ собой никакихъ запасовъ и, слѣдовательно, на цѣлый день осуждены были оставаться безъ пищи.

Вообще невольно удивляешься, какъ мало ѣдятъ злосчастные египетскіе феллахи; обѣдъ ихъ—какая-то жижица съ укропомъ и лукомъ или чеснокомъ, крохотныя тонкія лепешки, вмѣсто хлѣба, да горсть финиковъ, изрѣдка замѣняемая рисомъ, но и эта ѣда —домашняя, въ обстановкѣ наиболѣе благопріятной; въ другихъ же случаяхъ, на работахъ въ полѣ или по найму—ничего кромѣ сухихъ финиковъ, да воды, и это нерѣдко цѣлыя недѣли подъ-рядъ. Чѣмъ тутъ, кажется, живу быть, а они не только живы, но весь день работаютъ подъ безоблачнымъ жгучимъ небомъ страны своей.

Подкрѣпясь завтракомъ и кофе и отдохнувъ затѣмъ съ часокъ, мы двинулись на осмотръ ближайшихъ отъ стоянки нашей развалинъ.

Большія и прекрасныя сами по себѣ, онѣ, однакоже, кажутся мелкими послѣ величественныхъ громадъ Карнака.

Поэтому на этотъ разъ мы отдали болѣе вниманія іероглифическимъ надписямъ и „картушамъ“ царей.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отстаютъ отъ жизни учебники наши, въ особенности учебники исторіи. Всѣ мы, люди, учившіеся исторіи лѣтъ двадцать-пять, тридцать тому назадъ, привыкли соединять со словомъ іероглифы представленіе о чемъ-то невѣроятно запутанномъ, совершенно даже непонятномъ. Между тѣмъ уже шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ извѣстны были всему ученому міру работы Шамполіона, съумѣвшаго прочесть іероглифы и доказавшаго, что они представляли одинъ изъ наиболѣе легкихъ для пониманія способовъ письма. До работъ Шамполіона мы знали исторію Египта, его бытъ и религію по крайне отрывочнымъ даннымъ, сохранившимся у Геродота, Страбона и Діодора Сицилійскаго. Между тѣмъ безконечныя стѣны, колонны и потолки громадныхъ развалинъ и гробницъ, оставленныхъ древнимъ Египтомъ, сплошь расписаны были рисунками и надписями; но что̀ обозначали эти рисунки, что̀ говорили эти надписи —оставалось

покрытымъ непроницаемою тьмою. Геній Шамполіона раскрылъ и прочелъ эту великую книгу, развернулъ передъ нами исторію одного изъ величайшихъ народовъ, выяснилъ разнообразныя стороны древнѣйшей и чрезвычайно высокой культуры. Послѣдующія изслѣдованія облекли плотью остовъ, созданный Шамполіономъ, обогатили свѣденія наши о бытѣ, религіи и искусствѣ египтянъ, но они не измѣнили ни одного изъ существенныхъ выводовъ геніальнаго француза.

Въ 1798 году найденъ былъ близь крѣпости Розетты камень, теперь извѣстный въ наукѣ подъ именемъ розеттскаго камня, на которомъ выбиты были три надписи: одна іероглифами, другая письменами, которыми покрыты древніе папирусы и которые теперь извѣстны подъ названіемъ „дэмотическихъ“, и третья—на греческомъ языкѣ. Можно было думать, съ огромной долей вѣроятности, что всѣ три надписи означаютъ одно и то же, но на разныхъ только языкахъ. Такъ поняли это во всемъ тогдашнемъ ученомъ мірѣ. Въ греческой надписи было два собственныхъ имени—„Птолемей“ и „Клеопатра“; оба начинались съ большой буквы; въ двухъ другихъ надписяхъ было тоже по два слова, начинавшихся болѣе крупными знаками; естественно было предположить, что эти слова соотвѣтствуютъ словамъ: Птолемей и Клеопатра. Англичанинъ Юнгъ началъ работать надъ этимъ вопросомъ, но изъ изслѣдованія его ничего не вышло, такъ какъ основная его мысль, господствовавшая въ то время во всемъ ученомъ мірѣ, была та, что іероглифы—письмена исключительно символическія. Прошло много лѣтъ, и въ 1821 году за изслѣдованіе розеттскаго камня принялся Шамполіонъ. Онъ попробовалъ совершенно отказаться отъ господствовавшаго тогда пониманія дѣла и теорій и работать по новому пути. Онъ разсуждалъ приблизительно такъ: египтяне были великій народъ и народъ, создавшій высокую цивилизацію. Немыслимо, чтобы великій народъ не оставилъ какого-нибудь слѣда языка своего; а если оставилъ слѣдъ, то гдѣ же какъ не въ своей странѣ, какъ не у потомковъ своихъ? Какой же изъ народовъ Египта всего скорѣе можетъ считаться потомкомъ древнихъ египтянъ? очевидно, копты,—во-первыхъ, потому, что они одни изъ всѣхъ народовъ Египта, о времени перехода которыхъ сюда нѣтъ никакихъ свѣденій, и, во-вторыхъ, потому, что лицо многихъ вождей, фараоновъ или боговъ, изображенныхъ на стѣнахъ развалинъ, очень сходно съ типомъ лица современныхъ коптовъ. Такова была первая посылка Шамполіона. Вторая была менѣе обоснована, но проще. Онъ думалъ: взглядъ на іероглифы какъ на письмена

исключительно символическія—не привелъ ни къ какимъ открытіямъ, не далъ возможности прочесть ихъ. Чтò выйдетъ, если принять іероглифы какъ письмо звуковое, т.-е. если каждый знакъ считать соотвѣтствующимъ вполнѣ опредѣленному звуку?

И вотъ, Шамполіонъ, изучивъ коптскій языкъ и письмо, приступилъ, на основѣ вышеизложенныхъ двухъ посылокъ своихъ, къ изслѣдованію розеттскаго камня. Конечно, онъ остановился прежде всего на словахъ: Птолемей и Клеопатра. Чтò же вышло? Буква *п*—первая въ словѣ Птолемей и пятая въ словѣ Клеопатра. Въ начертаніяхъ словъ обѣихъ не-греческихъ надписей розеттскаго камня первый знакъ одного слова и пятый другого были тождественны по формѣ. Буква *о*—третья въ словѣ Птолемей и четвертая въ словѣ Клеопатра. Въ не-греческихъ надписяхъ третій знакъ одного слова и четвертый другого были тождественны.

Идя такимъ путемъ и съ помощью звуковъ коптскаго языка, Шамполіонъ доказалъ съ полной ясностью, что оба начинающіяся большими знаками слова не-греческихъ надписей розеттскаго камня соотвѣтствуютъ словамъ Птолемей и Клеопатра въ надписи греческой. Затѣмъ, какъ послѣдствіе этого, были установлены имъ два положенія, тогда совершенно новыя: что древнеегипетскій языкъ такъ же близокъ къ коптскому, какъ латинскій къ французскому или итальянскому, и что іероглифы—письмена не символическія, а звуковыя.

Дальнѣйшія изслѣдованія повели къ поразительнымъ открытіямъ; не прошло десяти лѣтъ, и Шамполіонъ не только прочелъ и перевелъ множество надписей, но научилъ отличать іероглифическія изображенія отъ картинъ и даже составилъ грамматику древне-египетскаго языка. Заслуга его была тѣмъ выше, что письмо египетское оказалось сложнѣе, чѣмъ можно было думать вначалѣ при изслѣдованіи розеттскаго камня. Выяснилось, что двѣ не-греческія надписи камня сдѣланы не на разныхъ, а на одномъ и томъ же языкѣ, но разными способами: іероглифами, письмомъ общеизвѣстнымъ всѣмъ сколько-нибудь образованнымъ древнимъ египтянамъ, и способомъ скорописи, письмомъ „дэмотическимъ", употреблявшимся только жрецами, учеными и изрѣдка царями въ письменныхъ сношеніяхъ ихъ.

Разсмотрѣніемъ іероглифовъ и картушей царей преимущественно занялись мы во вторую половину дня, такъ какъ уже порядкомъ намаялись, бродя по гробницамъ царей, взбираясь затѣмъ на горы и спускаясь оттуда.

Домой отправились мы раньше обыкновеннаго, когда солнце было еще достаточно высоко.

Подъѣзжая къ Нилу, я обратился къ спутникамъ:—Ну, какъ, господа! добрались мы почти до тропика, а въ Нилѣ не выкупались,—право совѣстно; давайте окунемся, пополощемся.

Предложеніе было принято. Мы доѣхали до нашей лодки, отпустили до завтра погонщиковъ и дѣвочекъ-спутницъ и раздѣлись въ лодкѣ.

Что за чудная вода въ Нилѣ! — чистая, свѣтлая, совсѣмъ мягкая и очень пріятная на вкусъ. Не даромъ существуетъ арабская поговорка: „кто разъ попробовалъ нильской воды, непремѣнно еще придетъ пить ее". Великолѣпное купанье; мелко только съ нашей стороны, такъ какъ русло теченія у этого берега подъ Луксоромъ. Я забрался въ воду первый, затѣмъ и мои спутники А. И., и К. Н. Я уже вышелъ и почти одѣлся, а А. И. у самой лодки присѣлъ и какъ-то странно разводилъ руками.

-- Вы, А. И., такъ разводите руками, что даже нильскую воду замутили; не пора ли вамъ выбираться въ лодку?

Но А. И. не отвѣчаетъ, а лицо его приняло какое-то особенное выраженіе, не то грустное, не то растерянное.

— Да что вы? ужъ не крокодилъ ли васъ схватилъ за ногу и держитъ?—спрашиваю я шутя.

Но лицо у А. И. изображаетъ чуть не ужасъ; я машинально перегибаюсь изъ лодки и схватываю его за руку.

— Чтò съ вами, чтò съ вами?

— Кольцо, кольцо обронилъ, обручальное кольцо,—растерянно, съ разстановкой, еле выговариваетъ наконецъ несчастный.

Песокъ въ Нилѣ очень неплотный; стоишь, напр., въ сажени отъ берега на сухомъ мѣстѣ; простоишь двѣ-три минуты и уйдешь въ песокъ, а кругомъ прососалась вода. Тяжелое золотое кольцо, упавшее въ такой песокъ, всосется въ него мигомъ, а тутъ, можетъ быть, и самъ А. И., разыскивая его и шаря руками по дну, еще глубже втопталъ его. Моментально кормчій нашъ и гребцы раздѣлись и принялись искать, но напрасно. Полтора часа до захода солнца бились мы тутъ, а кольца всетаки не нашли. Въ самомъ скверномъ настроеніи вернулись мы въ гостинницу. Не разъ вопросъ возвращался къ тому же предмету.

К. Н. принялъ роль обличителя.

— Ну что,—говорилъ онъ:—тратите вы денегъ не мало на разные пустяки, а тутъ что... Я въ такомъ бы случаѣ ничего бы не пожалѣлъ... Весь бы Луксоръ на ноги поднялъ...

— Да и я не пожалѣю,—отвѣчаетъ А. И.:—только чтò толку, добьешься ли?

— А не обратиться ли къ консулу?—посовѣтовалъ я.

Мысль мою приняли. А. И. разсказалъ консулу все и обѣщалъ 1.000 франковъ за находку кольца. Консулъ отвѣчалъ, что не только за тысячу, но и за двѣсти франковъ отыскалъ бы кольцо, что намъ безпокоиться нечего, чтобы мы отдыхали, и напомнилъ о приглашеніи къ нему на обѣдъ, а кольцо—увѣрилъ онъ—отъищется непремѣнно.

Въ восемь часовъ вечера, какъ условлено было наканунѣ, пришли мы къ консулу.

Домъ его построенъ не совсѣмъ такъ, какъ у насъ. Камень очень пористъ, такъ что легко пропускаетъ сквозь себя воздухъ, что, конечно, улучшаетъ вентиляцію; оконъ много, и они довольно велики. Входъ крыльцомъ въ четыре или пять ступеней; съ крыльца стеклянная дверь, и рядомъ съ ней два окна. Первая комната, куда попадаешь прямо съ крыльца, длинная, въ родѣ широкаго корридора; полъ каменный, вдоль стѣнъ узкіе диваны; противоположная входу стѣна сплошная, безъ выходовъ. Изъ первой комнаты двери направо въ кабинетъ и пріемную, большую комнату, въ пять оконъ, два по одному и три по другому фасаду; налѣво отъ входной комнаты двѣ двери: первая, ближайшая къ входу—въ столовую, обставленную широкими турецкими диванами, а вторая, въ самой глубинѣ, ведетъ, видимо, во внутреннюю часть дома, на женскую половину.

Разговоръ плохо клеился. Скоро стали собираться гости. Первымъ пришелъ мѣстный докторъ, арабъ. А. И. что-то особенно присталъ къ нему съ разспросами, все добиваясь, въ какомъ университетѣ прошелъ онъ курсъ медицины, и какая такая его медицина—въ родѣ ли настоящихъ эскулаповъ, или скорѣе какъ знахарки наши; но толку отъ него онъ такъ и не добился. Потомъ пришелъ начальникъ мѣстной полиціи. Затѣмъ губернаторъ луксорскаго округа, родной братъ консула. Но обѣдать не даютъ. Ѣсть хочется до тошноты. А. И. объявляетъ безъ церемоніи, порусски, конечно, что если ему ѣсть не дадутъ, то онъ заснетъ. Начинаемъ думать, не ошиблись ли,—можетъ, званы мы на завтра? Но вотъ въ половинѣ девятаго входитъ въ кабинетъ арабъ-слуга въ бѣлой рубахѣ и чалмѣ и въ синемъ балахонѣ и раздаетъ каждому изъ насъ по полотенцу, а черезъ минуту хозяинъ приглашаетъ гостей въ столовую. Передъ входомъ въ нее стоятъ двое арабовъ: одинъ держитъ тазъ съ крышкой, въ верхней части которой, въ особо для того устроенномъ углубленіи, лежитъ мыло; у другого въ рукахъ нѣчто въ родѣ большого чайника. И тазъ, и чайникъ изъ желтой мѣди съ рисунками, вырѣзанными на ме-

таллѣ, обѣ вещи—очень изящныя. Насъ пригласили приступить къ умыванію, но мы просили начать кого-нибудь изъ мѣстныхъ, чтобы намъ только подражать ему и, слѣдовательно, быть увѣренными, что не сдѣлаемъ ничего, по мѣстнымъ понятіямъ, неприличнаго или неловкаго. Арабъ красивымъ движеніемъ снялъ крышку съ таза, а другой сталъ поливать водой изъ чайника; умывали надъ тазомъ руки, обтирали полотенцами и брали ихъ съ собою. Мы сдѣлали то же.

Столовая—довольно большая комната. По серединѣ ея круглый, весьма немалыхъ размѣровъ столъ, примѣрно аршина полтора въ діаметрѣ. На столѣ огромный круглый мѣдный подносъ, такой величины, что онъ совсѣмъ покрываетъ столъ. Весь подносъ покрытъ очень хорошо вырѣзанными на немъ рисунками; загнутые края около вершка высоты и всѣ изогнуты какъ гофрировка дамской кофточки; на краяхъ этихъ тоже рисунки. Подносъ матовый и вычищенъ превосходно. Мѣста приготовлены для семи человѣкъ; противъ каждаго мѣста у краевъ подноса лежатъ четвертушка круглаго тонкаго хлѣбца, обыкновенная серебряная ложка и другая ложка костяная, очень тонкая и длинная.

Хлѣбъ и серебряная ложка лежатъ какъ у насъ; при приборѣ, гдѣ у насъ ножъ и вилка, тонкая костяная ложка, какъ наша ложечка, ножи и вилки, приготовляемые для пирожнаго и десерта. Въ трехъ мѣстахъ стоятъ на подносѣ блюдечки съ салатомъ изъ огурцовъ.

Вотъ мы и усѣлись. К. Н. проситъ дозволенія записывать названія кушаній. Ему, конечно, разрѣшаютъ это съ большой предупредительностью.

Сидимъ, положа полотенца на колѣни.

Слуга арабъ ставитъ въ серединѣ подноса маленькую мисочку съ какой-то красноватой жидкостью—это *чорба*, супъ изъ голубей и баранины, приправленный томатами (или, что тоже, помидорами). Каждый беретъ его своею ложкой, такъ же, какъ у насъ крестьяне ѣдятъ изъ одной миски. Супъ вкусенъ, потому ли, что аппетитъ у насъ адскій, или потому, что дѣйствительно вкусенъ—не знаю. Кончивъ супъ, гости обтираютъ свою серебряную ложку кусочкомъ хлѣба и, смотря по желанію, или отправляютъ кусочекъ этотъ себѣ въ ротъ, или кладутъ на подносъ у края. Мы предпочли послѣднее. То же повторялось послѣ всякаго кушанья, которое ѣли ложкой; ложки же не перемѣнялись.

Второе блюдо—*бинза*—кругленькія маленькія лепешечки, величиной съ наши старинные трехъ-копѣечники Николаевскаго чекана;

лепешки эти сдѣланы изъ рису, приправлены лукомъ и перцемъ и сильно обжарены на бараньемъ салѣ.

На третье блюдо подали четырехъ вареныхъ *голубей*; хозяинъ собственноручно разрывалъ ихъ на части и подавалъ по куску каждому изъ гостей; кости и остатки складывали тутъ же на подносѣ, каждый у своего мѣста.

Четвертое блюдо—*картофель* въ бараньей подливкѣ съ томатомъ; каждый беретъ его собственными перстами, обмакиваетъ въ соусъ, а по окончаніи ѣды пальцы облизываетъ и потомъ обтираетъ полотенцемъ.

Пятое кушанье—*фаршированная баранья нога*. По тому виду, съ какимъ смотрѣли на нее хозяинъ и гости, и по тону ихъ—видимо это plat de résistance. Хозяинъ успѣлъ уже замѣтить, что аппетитъ у меня лучше, чѣмъ у сотоварищей моихъ, да и къ ѣдѣ пальцами отношусь я мужественнѣе, помня твердо: „взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ", а „назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ". Пробую баранью ногу—хороша; пробую начинку—еще лучше; приготовленіе ея сложное: туда идетъ протертое мясо и рисъ, лукъ, перецъ, гвоздика, коринка и еще разныя специи; ароматъ превосходный. Хозяинъ, видя, что я быстро покончилъ со своей порціей, отламываетъ мнѣ здоровенный кусище и подаетъ, держа его за кость; сотоварищи мои не такъ счастливы—имъ отрываютъ руками и подаютъ мягкія части.

Шестое блюдо—*мелохія*—шпинатъ въ бараньемъ жирѣ; въ него мокаютъ кусочки хлѣба и обсасываютъ ихъ; попробовали и мы было, но не могли продолжать—гадость ужасная.

Седьмое—*кебабъ*—жареные бараньи позвонки и хвостъ—не представляетъ ничего особеннаго.

Восьмое—*косамаши*—то, что мы называемъ „сальсифи", но начиненное рисомъ и бараньимъ фаршемъ.

Хозяинъ особенно усердно угощаетъ меня; онъ даже говоритъ, что хорошихъ гостей у него сегодня только два—я да начальникъ полиціи. И подлинно хороши. Я ѣмъ за двоихъ, полицейскій же—по малой мѣрѣ за четверыхъ. К. Н. такъ даже съ ужасомъ поглядываетъ на него и повторяетъ: „вотъ утроба-то! и на Москвѣ такихъ не видѣлъ, а самъ какъ спичка... не въ коня, видно, кормъ".

Девятое блюдо—*кофта*—бараньи сосиски, съ огромнымъ количествомъ перца.

Десятое—*пилавъ*—рисъ, вареный въ бараньемъ жирѣ.

Одиннадцатое—*рузъ-блябанъ*—рисъ, вареный въ молокѣ съ сахаромъ, съ маленькой примѣсью миндаля и какихъ-то специй.

Это было послѣднее кушанье, и для него-то и были положены длинныя тоненькія костяныя ложки.

Къ концу обѣда, на подносѣ противъ каждаго изъ насъ накопилась препорядочная кучка всякихъ отбросковъ—костей, крошекъ и прочаго. Салатъ, конечно, былъ тоже весь уничтоженъ. Питье давали какое-то неопредѣленное, въ родѣ лимонада. Хмельного не было видно; не пьютъ ли они дѣйствительно, или только иностранцамъ хотѣли показать строгое соблюденіе мусульманскаго правила—не знаю. Подаютъ за столомъ очень быстро. Едва оканчиваетъ ѣду послѣдній гость—блюдо снимается со стола и сейчасъ же становится слѣдующее.

Какъ только встали изъ-за стола, началось умыванье, на этотъ разъ не только рукъ, но и рта, усовъ и бороды. Каждый утирался своимъ полотенцемъ и потомъ отдавалъ его арабу-слугѣ. Хозяина за обѣдъ не благодарили, а немедленно усаживались на окружавшіе комнату диваны, поджавъ подъ себя ноги. Хозяинъ сѣлъ даже первый. Оказалось, обѣдъ не считался конченнымъ. Едва усѣлись гости, кто по-турецки, кто по-нашему, подали кофе, варенье и длинныя трубки. Я не курю. К. Н. и А. И., отказавшись отъ трубокъ, затянулись московскими папиросами. Кофе былъ такъ хорошъ, что я выпилъ три чашки, чѣмъ, видимо, очень польстилъ хозяину.

Не прошло и получаса послѣ обѣда—гости стали подниматься, благодарить хозяина и уходить. Мы послѣдовали общему примѣру.

Темнота была—зги не видно; насъ съ фонарями проводили до гостинницы.

Передъ самымъ сномъ встрѣтили мы конторщика гостинницы. Оказывается, о потерѣ кольца знаетъ уже весь Луксоръ. Консулъ заказалъ особую молитву въ мечети и передъ ней объявилъ, что кольцо „москова" отыскать нужно, что нашедшій его получитъ хорошую награду, а что пока нужно молиться объ удачѣ завтрашнихъ розысковъ.

На слѣдующій день, 22-го марта, встали мы опять чуть-свѣтъ, чтобы ѣхать на тотъ берегъ Нила осматривать развалины Мединетъ-Абу. У того мѣста, гдѣ А. И. обронилъ вчера обручальное кольцо свое, толпилось уже человѣкъ пятьдесятъ; они еще не принимались за работу, выжидая, чтобы солнце согрѣло воздухъ.

Какъ и наканунѣ, двинулись мы на ослахъ. До Мединетъ-Абу всего какихъ-нибудь три версты, и мы скоро пріѣхали туда.

Значительная часть развалинъ этихъ была затянута иломъ и занесена пескомъ, а главное, засыпана горами мусора: въ юго-западной части ихъ образовался даже большой и крутой холмъ, на которомъ стояла арабская деревушка. Теперь, послѣ продолжительныхъ раскоповъ, бо̀льшая часть развалинъ снова увидѣла свѣтъ Божій.

Всѣ здѣшнія древнія постройки обращены были къ Нилу, прямо на востокъ, и вся совокупность ихъ обнесена надежной кирпичной оградой.

Въ настоящее время среди развалинъ этихъ ясно можно отличить три главныя части: храмъ Тутмеса II, Большой храмъ и храмъ Рамзеса III.

Всѣхъ меньше да и не особенно интересенъ храмъ Тутмеса II,—самое, впрочемъ, древнее зданіе всей этой группы. Часть его комнатъ покрыта надписями на коптскомъ языкѣ, потому что въ ней была устроена христіанская церковь и богослуженіе отправлялось нѣсколько вѣковъ подъ-рядъ.

Большой храмъ посвященъ богу Аммону, а выстроенъ Рамзесомъ III. Это—послѣ карнакскаго и луксорскаго храма—самое большое изъ зданій древнихъ Ѳивъ.

Онъ состоитъ—также какъ и храмъ карнакскій—изъ ряда чередующихся пилоновъ, дворовъ съ колоннадами по стѣнамъ ихъ и залъ, заполненныхъ колоннами. Прототипъ колоннъ, какъ и во всѣхъ храмахъ Ѳивъ—стебель священнаго лотоса, увѣнчанный или бутономъ этого цвѣтка, или цвѣткомъ, уже распустившимся; особенность же колоннъ этого именно храма та, что онѣ, изображая лотосъ, представляютъ верхушкой своей увядающій уже цвѣтокъ его; при этомъ бросается еще въ глаза такая особенность: если въ одномъ отдѣленіи потолокъ положенъ надъ колонной прямо на цвѣтокъ, то въ слѣдующемъ на цвѣткѣ лежитъ четырехъ-угольный каменный прямоугольникъ, и на него уже опирается потолокъ.

Храмъ этотъ, воздвигнутый въ память подвиговъ Рамзеса III, замѣчателенъ, кромѣ архитектуры своей, еще рисунками и надписями, посвященными походамъ и побѣдамъ этого одного изъ славнѣйшихъ фараоновъ.

Еще Шамполіонъ описалъ картины, покрывающія три стѣны второго двора храма, представляющія празднованіе годовщины вступленія Рамзеса на престолъ.

На первой картинѣ 12 военачальниковъ выносятъ изъ дворца богатѣйшія носилки, съ установленнымъ на нихъ подобіемъ трона, на которомъ сидитъ фараонъ, украшенный всѣми

знаками своего царскаго достоинства; тронъ осѣняютъ крылами своими золотыя фигуры Истины и Справедливости; передъ нимъ же стоятъ сфинксъ—эмблема Мудрости, соединенной съ Силой—и левъ, символъ Смѣлости; вокругъ трона идутъ дѣти жрецовъ, несущія скипетръ, колчанъ и другіе доспѣхи царя; важные сановники огромными опахалами колеблютъ воздухъ вокругъ царскихъ носилокъ. Впереди идутъ музыканты, родственники царя, и сынъ его, несущій передъ нимъ благовоніе; сзади же—жрецы и воины.

На другой картинѣ царь уже въ храмѣ Горуса; онъ подходитъ къ жертвеннику, плещетъ на него духами и жжетъ ароматы.

На третьей—22 жреца несутъ статую божества; царь идетъ за ними; одинъ изъ жрецовъ читаетъ молитву, установленную на случай, когда божество переходитъ порогъ своего храма.

На четвертой картинѣ верховный жрецъ выпускаетъ изъ рукъ своихъ птицъ, повелительницъ четырехъ странъ свѣта, и проситъ ихъ летѣть и повѣдать Сѣверу и Югу, Востоку и Западу, что Рамзесъ возложилъ на голову свою корону, символъ власти надъ всѣми верховыми и низовыми странами (т.-е. надъ всѣми расположенными и вверхъ, и внизъ по теченію Нила).

На пятой картинѣ Рамзесъ благодаритъ боговъ.

На шестой—онъ золотымъ серпомъ срѣзываетъ снопъ пшеницы и возвращается домой.

Вся живопись этой залы даетъ ясное изображеніе торжественныхъ церемоній древняго Египта. Живопись же наружныхъ стѣнъ храма представляетъ подробное описаніе тѣхъ походовъ и битвъ, которые, въ теченіе семи лѣтъ, требовали напряженія всѣхъ силъ страны, для отраженія соединенныхъ силъ девяти народовъ, и закончились такими блестящими побѣдами, что въ память ихъ воздвигнутъ былъ этотъ храмъ. И самыя картины, и обширнѣйшіе іероглифическіе тексты подъ ними даютъ такое подробное описаніе этой борьбы, какихъ не имѣемъ мы ни объ одномъ историческомъ событіи ранѣе нашествія Ксеркса на Грецію (не считая, конечно, троянскаго похода, такъ какъ передаваемыя Иліадой событія могутъ быть оспорены во многихъ подробностяхъ). Таблицъ и надписей всего десять, и подъ каждой обозначено время, къ которому относятся изображаемыя и описываемыя ими событія. Много мѣста потребовалось бы, чтобы изложить ихъ, и потому скажу только о тѣхъ двухъ, которыя особенно врѣзались мнѣ въ память. Одна изъ нихъ изображаетъ морское сраженіе у устья Нила. Форма и отдѣлка египетскихъ

судовъ, вооруженіе и пріемы борьбы египтянъ, устройство парусовъ и дѣйствіе ими—одни и тѣ же. Противъ нихъ сражается соединенный флотъ нѣсколькихъ народовъ, и суда каждой націи очень отличны отъ судовъ ихъ союзниковъ; отличается и вооруженіе, и способъ управленія, не говоря уже о лицахъ сражающихся. Эта картина поражаетъ удивленіемъ при видѣ того совершенства, съ которымъ рѣзецъ египетскаго художника умѣлъ самыми общими чертами и нерѣдко въ самомъ небольшомъ размѣрѣ передать главнѣйшія особенности типа каждой народности, такъ что всегда отличишь еврея отъ египтянина, негра отъ кочевника сѣверной Африки, жителя островов Средиземнаго моря отъ малоазійца. По той же картинѣ ясно начинаешь понимать, какъ велико, должно быть, было могущество Египта, если и въ тѣ отдаленныя времена, при рѣдкости и враждебности сношеній между чуждыми народами, все же соединялись вмѣстѣ и финикіяне, и жители Малой Азіи, и островитяне, предки древнихъ грековъ, и поселенцы сѣверной Африки, чтобы всѣмъ вмѣстѣ, совокупными силами, ударить на общаго врага.

На другой картинѣ царь представленъ сидящимъ на большомъ возвышеніи; передъ нимъ, но ниже его, стоитъ человѣкъ и пишетъ подъ его диктовку; дальше тянется рядъ запряженныхъ быками и буйволами телѣгъ, наполненныхъ какими-то неопредѣленной формы кусками, а еще далѣе—горы человѣческихъ тѣлъ и головъ. Содержаніе картины поймешь не сразу, но его разъясняетъ подпись. Одно изъ племенъ Палестины, вѣроятно подвластныхъ Египту, ослушалось велѣній фараона, который и пришелъ наказать его; а чтобы дать сосѣднимъ племенамъ понятіе о мѣрѣ взысканія своего, онъ велитъ написать, что хотѣлъ бы послать имъ на показъ головы убитыхъ, но такая посылка потребовала бы слишкомъ много подводъ, а потому приказываетъ онъ оскопить 12.535 человѣкъ и шлетъ сосѣдямъ вещественныя тому доказательства, добавляя, что будетъ и съ ними то же, если когда-нибудь ослушаются воли его.

Трудно передать то сначала отвратительное, а потомъ прямо гнетущее впечатлѣніе, которое производитъ картина эта, когда смотришь на нее, только-что услышавъ переводъ ужасной надписи... Вотъ были времена!.. Болѣе десятка тысячъ оскопленій живыхъ людей, чтобы избѣжать неудобствъ посылки головъ или прикосновенія къ мертвымъ тѣламъ! Я смотрѣлъ на эту картину; мнѣ было противно; и все же я не могъ оторваться отъ нея—воля была подавлена, воображеніе полонено исполинскимъ размахомъ звѣрства, —звѣрства надъ десятками тысячъ людей. И есть еще люди, ко-

торые утверждаютъ, что человѣчество не движется впередъ, что цивилизація—только лицемѣріе!.. Да мыслима ли теперь хоть тѣнь урока, подобнаго Рамзесову, не только у насъ—даже въ Индіи, даже въ Китаѣ?!.. Скажутъ, быть можетъ, что фараонъ этотъ былъ особенно жестокимъ правителемъ, кровожаднымъ звѣремъ. Нѣтъ; его ужасный поступокъ былъ въ нравахъ того времени, а самъ онъ въ обыденной жизни былъ человѣкъ не злой—прекрасный семьянинъ, любящій мужъ и нѣжный отецъ—такъ гласитъ исторія. Одно изъ доказательствъ тому—въ третьемъ храмѣ группы развалинъ Мединетъ-Абу. Этотъ храмъ построенъ тѣмъ же Рамзесомъ III, но рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ храмовъ древняго Египта. Думали даже, что это остатокъ дворца, а не храма; но потомъ такое предположеніе было опровергнуто. Архитектурная особенность этого храма—въ томъ, что онъ выстроенъ въ три этажа и имѣетъ окна, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ храмовъ; окна эти легки, красивы и отлично отдѣланы. Особенность же декоративная въ томъ, что часть выступовъ упирается на тонко-исполненныя карріатиды, и сценамъ войны и жизни внѣшней отведена только одна стѣна; всѣ же прочія представляютъ Рамзеса III въ семьѣ, съ женой и дѣтьми. Эти картины показываютъ человѣка не только не злого, но прямо добродушнаго. Изъ числа ихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе двѣ. Одна на внутренней сторонѣ второго этажа; царь сидитъ въ красивомъ глубокомъ креслѣ; царица стоитъ возлѣ него и подаетъ ему какой-то плодъ, а онъ одной рукой беретъ ее за руку, а другой нѣжно треплетъ за подбородокъ; поза его превосходна, выраженіе лица такъ полно ласки и доброты, губы улыбаются такъ привѣтливо, а глаза смотрятъ такъ тепло и хорошо, что на картину эту смотришь, смотришь и глазъ отвести не хочется. Другая, еще лучшая, картина на наружной стѣнѣ третьяго этажа, такъ что разсмотрѣть ее хорошо можно только въ бинокль и отойдя довольно далеко. Рамзесъ играетъ съ женою въ шахматы. Видимо, онъ сдѣлалъ неожиданный для нея и опасный ходъ; она, только-что смѣявшаяся передъ тѣмъ, какъ будто слегка растерялась и удивленно приподняла лѣвую бровь. Одна изъ ногъ Рамзеса вытянута подъ столомъ и онъ слегка толкаетъ ногу жены; рука царицы съ откинутымъ широкимъ рукавомъ лежитъ на шахматномъ столикѣ, и Рамзесъ, протянувъ руку, чуть-чуть касается жениной ниже локтя, и по положенію пальцевъ видно, что тихонько гладитъ ее; удачный ходъ царя отразился на немъ: нижняя губа словно подобрана, какъ будто чтобы скрыть добродушно-насмѣшливую

улыбку, которая все же пробивается наружу; голова наклонена впередъ, глаза смотрятъ весело и свѣтло.

Высоко у египтянъ стояла женщина, и глубоко внѣдрено было семейное начало на основѣ вниманія, любви и нѣжности къ женѣ и дѣтямъ. Это доказываютъ безчисленныя картины и надписи на стѣнахъ гробницъ и храмовъ и другіе памятники; такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ, въ „Наставленіяхъ Пта-Хотепа",— соотвѣтствующемъ по значенію своему для исторіи бытà Египта нашему Домострою Сильвестра,—между прочимъ, говорится: „если ты человѣкъ благоразумный, устрой хорошо домъ твой; люби жену твою безъ ссоръ, корми ее, говори съ нею—это краса членовъ твоихъ; обливай ее благовоніями; весели ее, пока ты живъ; она—имущество, которое должно быть достойно своего владѣльца".

Болѣе четырехъ часовъ пробыли мы въ Мединетъ-Абу. Къ завтраку нужно было поспѣть въ гостинницу, и въ половинѣ двѣнадцатаго мы были уже у Нила.

Человѣкъ пятьдесятъ по прежнему работало въ водѣ, въ поискахъ за кольцомъ.

У каждаго въ рукахъ—кубической формы жестянки, такія, въ какихъ возятъ керосинъ,—снята только верхняя крышка. Стоятъ работающіе длиннымъ рядомъ, плотно другъ возлѣ друга, жестянки опущены въ воду и каждый захватываетъ ими и загребаетъ въ нихъ песокъ. Шагахъ въ пяти за первымъ рядомъ работаетъ второй рядъ по слѣдамъ перваго, выбирая слѣдующій, болѣе глубокій, слой песку. Когда жестянки наполнятся, весь рядъ выноситъ ихъ на берегъ, разсыпаетъ на пескѣ и, разгребая руками, ищетъ кольцо. Начальникъ полиціи и консулъ лежатъ, развалясь въ лодкѣ, перевозящей насъ черезъ Нилъ, и изрѣдка окрикомъ подбодряютъ рабочихъ.

Мы садимся въ лодку.

— Тутъ есть представители почти каждой луксорской семьи,— говоритъ консулъ.

А. И. безнадежно смотритъ на всю эту возню. Намъ кажется весьма рискованной мысль вычерпать изъ воды Нила слой песку въ полъ-аршина толщиной на пространствѣ саженъ тридцати въ длину и саженъ пятнадцати въ ширину. Но луксорцы смотрятъ на это видимо иначе и работаютъ уже болѣе пяти часовъ и живо, и весело. А. И. говоритъ, что ему совѣстно смотрѣть на нихъ. К. Н. соглашается и предлагаетъ ему во всякомъ случаѣ вознаградить слегка этихъ своеобразныхъ кладоискателей.

— Дамъ я имъ сотню франковъ сегодня вечеромъ,—говоритъ А. И.:—а то и кольцо потерялъ, и совѣстно еще будетъ, что эти несчастные цѣлый день проработали изъ-за меня.

Намъ пора было переѣзжать черезъ Нилъ,—иначе могли бы опоздать къ завтраку. Я поднимаюсь первый... Но что такое?! Направо отъ насъ раздались протяжные сдержанные крики: „охо, ох-хо, ох-хо-хо!" Работавшіе около насъ подняли головы, повернулись, смотрятъ. Еще крики, болѣе громкіе крики. Работающіе кто медленно поворачивается, выходитъ на берегъ и бросаетъ жестянку, кто бѣгомъ кидается къ той кучкѣ людей.

Смотримъ—какого-то феллаха подхватили на руки и подняли на воздухъ. Веселые, радостные крики слышатся со всѣхъ сторонъ. Консулъ вскочилъ, вскочилъ полицейскій, вскочилъ и драгоманъ нашъ Дмитри. Всѣ трое кричатъ неистово. Имъ отвѣчаютъ веселые, довольные голоса.

— Нашли кольцо, нашли!—говоритъ консулъ, и то же повторяетъ за нимъ m-r Дмитри.

Толпа приближается къ намъ. Поднятый на руки феллахъ отбивается; его опускаютъ на землю, онъ лѣзетъ въ воду и, подойдя къ кормѣ, гдѣ сидитъ А. И., осторожнымъ, нерѣшительнымъ движеніемъ подаетъ ему кольцо. Сильное волненіе и сомнѣніе видны на лицѣ его:—„то ли кольцо", повидимому, думаетъ онъ. Совершенно машинально, съ какимъ-то отупѣвшимъ лицомъ, смотритъ А. И. на кольцо и видимо не вѣритъ удачѣ. Мгновенно сомнѣніе его передается и намъ:—Не подкинули ли чужое?— вырывается замѣчаніе у К. Н.

— Да смотрите же внутрь на надпись!—почти неистово кричу я.

А. И. поворачиваетъ кольцо, нагибается, читаетъ. Еще секунда,—и радостное, торжествующее лицо его показываетъ намъ, что сомнѣнія нѣтъ. Это его, его обручальное кольцо.

— По-русски... и годъ... и... и мѣсяцъ, и число... имя...— заикаясь, говоритъ онъ.—Мое, мое!—и быстрымъ движеніемъ надѣваетъ его на палецъ, и опять, словно не вѣря тому, что самъ видѣлъ и прочелъ, снимаетъ его, читаетъ еще разъ и опять плотно надвигаетъ на палецъ.

Съ шумомъ, смѣхомъ и крикомъ толпа окружаетъ лодку. Въ одну минуту сдвинули ее съ мели. Десятка два народу усѣлось съ нами, и мы плывемъ къ Луксору. Насъ встрѣчаетъ толпа, и толпа же провожаетъ насъ до воротъ гостинницы.

Туда входятъ съ нами консулъ и три или четыре человѣка. Консулъ рѣшаетъ, что нашедшій получитъ три наполеона, т.-е.

60 франковъ, цѣлое состояніе для бѣднаго феллаха. А. И. проситъ дать ему 5 наполеоновъ, т.-е. 100 франковъ, и уплачиваетъ 1.000 франковъ, чтобы наградить всѣхъ работавшихъ, такъ какъ безъ общей работы одинъ ничего не сдѣлалъ бы.

Послѣ того мы отправились осматривать луксорскій храмъ, ближайшій къ гостинницѣ и пристани.

Теперь идутъ тамъ раскопки. Кто не видѣлъ подобныхъ работъ въ Мединетъ-Абу и Луксорѣ, тотъ едва-ли представитъ себѣ, какія горы мусора накопляются мало-по-малу среди развалинъ Ѳивъ. Ходили мы, напр., по одной изъ залъ луксорскаго храма; колонны тѣ же, что и въ древнихъ храмахъ, но только показались намъ поприземистѣе; но вотъ подходимъ къ новому ряду ихъ, и за нимъ обрывъ сажени три, четыре,—это французы вычистили мусоръ; въ этой части зала колонны обнажались отъ самаго основанія, и теперь очевидно, что онѣ такъ же стройны и легки, какъ и въ другихъ храмахъ. Но какъ могло накопиться въ серединѣ храма мусору на три, четыре сажени въ высоту!?

Въ луксорскомъ храмѣ особенно замѣчателенъ обелискъ у входа въ первый пилонъ; прежде ихъ было два: одинъ, меньшій, подаренъ Франціи Мегмедомъ-Али и украшаетъ теперь площадь Согласія въ Парижѣ, а другой—и выше, и болѣе тонкой работы—стоитъ еще на своемъ мѣстѣ. Въ томъ же храмѣ есть продолговатый залъ, въ родѣ корридора, раздѣленнаго вдоль на три части двумя рядами колоннъ; всѣхъ колоннъ этихъ 14, и каждая болѣе семи саженъ высоты.

Нѣкоторыя изъ картинъ и надписей превосходно исполнены и очень интересны. Недалеко отъ святилища, напр., на одной изъ стѣнъ, представлено рожденіе строителя храма Аменотепа, причемъ боги не только присутствуютъ при этомъ, но и облегчаютъ матери тяжелое дѣло разрѣшенія отъ бремени.

Одна изъ надписей, прославляя фараона, говоритъ, что ему приносятъ въ дань „и дѣтей своихъ, и лошадей, и безчисленное количество серебра, желѣза и слоновой кости"—такіе даже народы, которые по удаленности своей „не знали не только путь къ Египту, но даже и самое имя его".

Выстроенъ храмъ такъ, что длиною своей онъ параллеленъ Нилу; для защиты его отъ наводненій возведена была при Птолемеяхъ надежная плотина, вполнѣ сохранившаяся и понынѣ и у которой находится теперешняя луксорская пристань.

Остатокъ дня мы употребили на выясненіе себѣ, по имѣвшимся у насъ пособіямъ, нѣкоторыхъ подробностей, касавшихся религіи и божествъ древнихъ египтянъ.

Была ли религія ихъ единобожіемъ или многобожіемъ?

Она была единобожіемъ по существу и многобожіемъ по формѣ, „пантеистическимъ единобожіемъ", какъ мѣтко характеризовалъ ее Шамполіонъ.

„На вершинѣ египетскаго пантеона,—говоритъ Масперо,—парилъ богъ единый, безсмертный, несотворенный, невидимый, сокрытый въ недоступныхъ глубинахъ бытія". Это—„Ну", творецъ и вседержитель. Онъ существо высшее, само собой и само въ себѣ зародившееся, всесовершенное и всезнающее. Не порожденный ни небомъ, ни землею, *Ну*—самъ отецъ отцовъ и матерей мать; самъ себѣ равный, недвижный въ своихъ совершенствахъ, онъ присутствуетъ и въ прошедшемъ, и въ будущемъ. „Я—все", гласитъ о немъ одна изъ надписей; „я—все, что было, есть и будетъ, и ни одинъ изъ смертныхъ не снялъ завѣсы, покрывающей меня". *Ну* всюду чувствуешь, но не осязаешь. Онъ наполняетъ вселенную, но никакой образъ не можетъ дать какое-нибудь, хотя бы самое слабое, представленіе о немъ и о его величіи. Вотъ почему египтяне не строили ему храмовъ, не пытались изобразить его въ какой-нибудь доступной пониманію человѣка формѣ и даже не рѣшались возносить непосредственно къ нему мольбы свои".

Каждое проявленіе *Ну* есть божество. Всѣ божества эти—и велики, и могущественны, но у всякаго свои особыя, только ему одному присущія черты и отдѣльная цѣль существованія. Эти божества хотя и не въ полной мѣрѣ, но все же могутъ быть поняты человѣческимъ разумомъ, а потому люди въ состояніи изобразить ихъ въ томъ или другомъ видѣ; сообразно съ свойствами каждаго люди могутъ обращать и обращаютъ къ нимъ молитвы свои.

Божества эти—посредники между великимъ „Ну" и міромъ, людьми и вещами. Имъ строятъ храмы и приносятъ жертвы; изображеніями ихъ украшаютъ виднѣйшія и красивѣйшія мѣста.

Число этихъ божествъ очень велико. Одни изъ нихъ пользовались исключительнымъ уваженіемъ въ однѣхъ, а другія въ другихъ частяхъ Египта; одни считались какъ бы старшими и болѣе почетными, другія чествовались менѣе.

Въ каждой мѣстности было три божества, троица, пользовавшаяся особымъ почетомъ. Первое лицо троицы—божество дѣятельное мужского пола; оно соединяется обыкновенно съ представителемъ болѣе коснаго принципа, олицетворяемаго богиней; соединеніе ихъ даетъ жизнь третьему существу, нерѣдко столь же и даже болѣе могущественному, нежели произведшіе его.

Всего извѣстнѣе—троицы Мемфиса, Ѳивъ и Абидоса.

Мемфисская троица—Фта, Сахтъ и Иммутесъ. Фта—„властитель мудрости, тотъ, что все исполняетъ съ искусствомъ и мудростью"; „онъ отецъ началъ, творецъ яйца, солнца и луны, тотъ, что воздвигнулъ сводъ небесный". Изображаютъ его обыкновенно стоящимъ на крокодилѣ (символъ побѣды надъ тьмою и зломъ) и съ священнымъ жукомъ на головѣ (символъ творенія). Сахтъ—подруга Фта; она творящая и разрушающая сила природы, она изгоняетъ нечестіе, наказуетъ виновныхъ; изображаютъ ее въ видѣ женщины съ головою львицы. Иммутесъ—сынъ Фта и Сахтъ.

Ѳиванская троица—Аммонъ, Му и Коонъ. Аммонъ во многихъ свойствахъ своихъ сливается съ Горусомъ или Ра, третьимъ лицомъ Абидосской троицы, и потому я не буду здѣсь говорить о немъ.

Троица Абидоса—Озирисъ, Изида и Горусъ. Эта троица пользовалась исключительнымъ почетомъ не только въ Абидосѣ и прилегавшей къ нему части Египта, но и во всей странѣ, на что явно указываетъ множество храмовъ какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ Египтѣ; ея же касается и множество надписей, такъ что египтологи всего полнѣе знакомятъ насъ съ этими именно божествами.

Озирисъ—воплощенное добро и справедливость. Когда зло овладѣло міромъ, Озирисъ спустился на землю и началъ борьбу. Зло, въ лицѣ Тифона, брата Озириса, одолѣло его; онъ былъ убитъ, тѣло его изрублено на куски, и куски эти разбросаны по всей землѣ. Изида, неутѣшная жена Озириса, стала собирать куски этого дорогого ей тѣла, собрала ихъ и похоронила на островѣ Филэ, нѣсколько выше первыхъ пороговъ Нила, въ очаровательнѣйшей изъ мѣстностей Египта. Но, хороня куски тѣла Озириса, Изида не знала еще, что Озирисъ уже воскресъ. А между тѣмъ онъ не могъ не воскреснуть: зло могло временно подавить добро и справедливость, но погибнуть окончательно онѣ не могли. Великая жертва Озириса не осталась безъ слѣда: онъ самъ воскресъ вмѣстѣ съ добромъ и справедливостью. Сыну своему *Горусу*, восходящему сіяющему солнцу, поручилъ онъ отплатить Тифону за поруганіе добра и справедливости, и Горусъ исполнилъ волю отца.

Озирисъ олицетворяетъ добро и справедливость; но временно онъ погибалъ, оставлялъ землю, поэтому онъ же является представителемъ солнца, оставившаго землю,—солнца въ ночи. Какъ представитель добра, Озирисъ овладѣваетъ душой каждаго умер-

шаго, едва только перейдетъ она въ подземное царство, и онъ же защищаетъ ее тамъ отъ всякихъ нападеній. Какъ представитель солнца въ ночи, Озирисъ указываетъ душѣ въ подземномъ царствѣ путь къ судилищу ея. Какъ представитель справедливости, Озирисъ судитъ душу и объявляетъ ей приговоръ. Судитъ же онъ въ присутствіи сына своего Горуса (восходящаго, сіяющаго солнца), причемъ Горусъ держитъ вѣсы, на одной чашкѣ которыхъ добрыя, а на другой злыя дѣла покойника, а Анубисъ (всегда изображаемый человѣкомъ съ шакальей или собачьей головой) заправляетъ душой во время суда, между тѣмъ какъ Тоотъ (божество въ видѣ человѣка съ головой ибиса) записываетъ худыя и добрыя дѣла и постановленное Озирисомъ рѣшеніе.

Итакъ, Озирисъ—олицетвореніе добра и справедливости и солнца въ ночи; онъ страдаетъ за зло, искупаетъ грѣхи людей; онъ—владыка и путеводитель души въ подземномъ мірѣ, и онъ же верховный судья всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

Изображаютъ его обыкновенно въ видѣ человѣка или муміи съ зеленоватой головой.

Изида—сестра и жена Озириса; въ ней прирожденная любовь къ добру; она стремится къ нему, чтобы оно оплодотворило ее; ея отчаяніе, ея слезы облегчаютъ воскресеніе Озириса. Изображаютъ Изиду въ видѣ женщины, на головѣ которой каменная табличка съ ея именемъ.

Горусъ или Ра—сынъ Озириса и Изиды. Озирисъ—солнце въ ночи; его сынъ Горусъ—солнце восходящее, сіяющее. Онъ пользовался особымъ почтеніемъ и поклоненіемъ въ Египтѣ. Послѣ смерти и воскресенія отца своего Озириса онъ, по его приказанію и при содѣйствіи Анубиса и Тоота, поражаетъ Тифона, представителя зла. По этому поводу „похоронный отпустъ“ египтянъ (въ гробъ каждаго покойника клался такой отпустъ) говоритъ: „Силенъ Ра—слабо нечестіе. Высокъ Ра—попрано нечестіе, живъ Ра—погибло нечестіе“. Блескъ побѣды надъ Тифономъ дѣлаетъ Горуса представителемъ торжествующей справедливости и торжествующаго свѣта. Какъ представитель торжествующей справедливости, онъ на судилищѣ Озириса держитъ вѣсы съ добрыми и злыми дѣлами; какъ представитель торжествующаго свѣта онъ восходящее, сіяющее солнце, явленіемъ своимъ побѣдившее тьму; а такъ какъ яркое солнце есть солнце животворящее, то Горусъ—творецъ всѣхъ существъ: животныхъ и людей.

Будучи творцомъ людей, Горусъ естественный представитель нуждъ ихъ и ходатай за нихъ, и передъ другими божествами,

и передъ самимъ великимъ *Ну*; отсюда и весьма распространенное поклоненіе ему.

Вотъ какъ обращается къ Горусу тотъ же похоронный отпустъ: „Слава тебѣ, Горусъ, слава тебѣ! Когда ты движешься по тверди небесной, боги идутъ вслѣдъ за тобою съ радостными криками"... „Ты выходишь, ты восходишь, ты проходишь въ самой выси небесной истиннымъ благодѣтелемъ, по приказу *Ну*. Торжествуетъ небо, радуется земля, ликуютъ боги и люди".

Горусъ считается также главнымъ покровителемъ Египта и отцомъ фараоновъ.

Итакъ, Горусъ или Ра, восходящее сіяющее солнце, облегчаетъ страданія отца своего Озириса, побѣждаетъ зло и тьму, даетъ жизнь и свѣтъ всему на землѣ, помогаетъ отцу въ загробномъ судилищѣ и покровительствуетъ Египту и его фараонамъ.

Изображаютъ Горуса различно; особенно же часто—человѣкомъ съ головой копчика, на которой покоится солнечный дискъ, охваченный сверху змѣей.

Перечисленными божествами далеко, конечно, не исчерпывается египетскій пантеонъ. Но всѣ они образуютъ одну семью, всѣ исходятъ изъ одного начала—отъ великаго *Ну*, всѣ представляютъ первичныя силы или явленія природы. Всѣ они лишь звенья между богомъ съ одной стороны, природой и людьми—съ другой. Они живутъ, движутся, борются и торжествуютъ. Но и борьба, и торжество ихъ—только изъ-за человѣка, и только ради человѣка.

Въ вѣчной заботѣ своей о человѣкѣ,—божества, чтобы укрѣпить въ немъ благочестіе и имѣть при немъ всегдашнихъ представителей своихъ и наблюдателей за нимъ, вложили въ нѣкоторыхъ животныхъ частичку божественнаго существа своего. Естественно, что такимъ животнымъ люди оказывали особый почетъ и уваженіе. Одни изъ этихъ животныхъ распространяли наблюденіе свое на всю страну, и поэтому и почитались всюду—таковъ былъ Аписъ; другіе были вліятельны въ одной мѣстности и не имѣли значенія въ другой.

Итакъ, единство бога и множественность формъ, подъ которыми проявился онъ—основная черта египетской ѳеогоніи. Каждая форма проявленія бога соотвѣтствовала одновременно и извѣстному принципу, и какой-нибудь силѣ или явленію природы; Озирисъ, напр.—олицетвореніе добра и справедливости и представитель зашедшаго солнца,—солнца въ ночи. Поэтому-то Шамполіонъ былъ вполнѣ правъ, назвавъ религію египтянъ „пантеистическимъ единобожіемъ".

Общераспространенное понятіе о религіи египтянъ далеко не соотвѣтствуетъ ея существу; второстепенная добавка къ вѣроученію, касавшаяся почитанія нѣкоторыхъ животныхъ, дала поводъ считать вѣру египтянъ системой грубаго обожанія животныхъ; такою изображали намъ ее въ школѣ; къ этому, правда, прибавляли, что высшіе, развитые классы, поклоняясь животнымъ, видѣли въ нихъ, конечно, только образы божествъ; но и съ такою даже добавкой въ умахъ юношества складывались весьма превратныя понятія.

А между тѣмъ религія Египта—высокая религія, достойная гораздо бо̀льшаго вниманія, чѣмъ отводилось ей до сихъ поръ. Ихъ *Ну*, дѣйствительно, великій богъ. Онъ допустилъ дитя свое, Озириса, совершеннѣйшаго представителя добра, сойти на землю, пасть подъ ударами зла и умереть для того, чтобы добро и справедливость снова могли взять верхъ и спасти людей. Вся семья исшедшихъ изъ *Ну* боговъ—боги-учители и покровители человѣка—нравственные, честные, великодушные. Ни одинъ изъ нихъ не запятнанъ дурнымъ поступкомъ, ни одинъ не служитъ къ соблазну; каждый, напротивъ, даетъ огромный матеріалъ для размышленій и самыхъ глубокихъ, и самыхъ возвышенныхъ...

Вечеромъ отправились мы, А. И. и я, посмотрѣть „алмей". Мы не разъ читали про ихъ танцы; одно изъ лучшихъ описаній такихъ танцевъ встрѣчается у Флобера, кажется, въ „Иродіадѣ"; знаменитая ихъ пчелка художественно описана Максимомъ Дюканъ и г. Крестовскимъ въ его „Дальнихъ водахъ и странахъ". Еще въ Каирѣ думали мы взглянуть на алмей, но знакомцы наши, мѣстные публицисты, объяснили, что тамъ алмей нерѣдко притѣсняетъ полиція, и что лучшія изъ нихъ перебираются на время сезона путешественниковъ въ Ѳивы. Здѣсь же въ Луксорѣ оказалось, что за окончаніемъ сезона хорошія алмеи уже выѣхали, остались же только третьестепенныя. Рѣшили мы взглянуть хоть на этихъ. Звали съ собой К. Н., но онъ сталъ браниться и говорить, что на „срамныя" зрѣлища не ходитъ.

Повели насъ съ фонарями—и вели довольно долго. По дорогѣ Дмитри купилъ нѣсколько бутылокъ вина. Наконецъ, у небольшого, низенькаго домика потушили огонь и осторожно постучали нѣсколько разъ. Дверь открыла какая-то старуха, которая и провела насъ черезъ дворъ къ небольшой постройкѣ; черезъ низенькое крылечко вошли мы въ невысокую комнату, аршинъ семь, восемь длины и аршинъ пять, шесть ширины. Вся комната устлана цыновками; у одной изъ стѣнъ широчайшій диванъ, высотой менѣе шести вершковъ, а длиной во всю ширину ком-

наты; въ противоположной сторонѣ нѣсколько низкихъ скамеечекъ, обитыхъ ковровой матеріей; съ потолка виситъ лампа, въ родѣ тѣхъ, что приняты у насъ въ учебныхъ заведеніяхъ; на подоконникахъ—разная домашняя утварь.

Насъ встрѣтили три женщины и одинъ мужчина. Усадили на диванъ и стали разсыпаться въ любезностяхъ; переводилъ ихъ намъ Дмитри. Мы отвѣчали поднесеніемъ вина, руками того же Дмитри. Черезъ нѣсколько времени мужчина, встрѣтившій насъ, вышелъ. Ему вынесли одну изъ скамеекъ, на которой онъ помѣстился за дверью на крылечкѣ, и началъ играть. Двѣ женщины стали переминаться съ ноги на ногу, какъ бы подготовляя себя къ танцамъ; потомъ движенія ихъ сдѣлались нѣсколько быстрѣе, но ни изящества, ни красоты въ нихъ не было. Къ игравшему на дудкѣ присоединилась старуха, мѣрно бившая въ бубны. Женщины мало-по-малу раздѣвались и, наконецъ, на нихъ не осталось ничего, кромѣ ботинокъ на босу ногу. Все это было въ высшей степени противно. Мы скоро сказали, что съ насъ довольно. Женщины моментально одѣлись, а Дмитри объяснилъ, что третья, оставшаяся въ комнатѣ, молодая и довольно интересная, хочетъ протанцовать намъ свой любимый танецъ. Мы стали-было отнѣкиваться, но и Дмитри, и танцорка, настаивали. Танцовала она въ томъ же костюмѣ, въ которомъ мы нашли ее по приходѣ, и танцовала хотя и безъ особаго увлеченія, но очень недурно.

Музыка шла медленнымъ темпомъ, но мотивъ премилый. Сначала алмея что-то выдѣлывала на мѣстѣ, потомъ стала сгибать ноги какъ разъ такъ, какъ нужно, чтобы сдѣлать реверансъ; затѣмъ изгибала тѣло, то наклоняясь впередъ горизонтально и почти касаясь пола, то откидываясь назадъ, то медленно вращаясь слѣва направо и справа налѣво; но куда бы ни двигалось тѣло, нижняя часть ногъ—отъ колѣна до ступни—и голова были совершенно недвижны. О плавности движеній можно судить по тому, что она поставила на голову пустую бутылку, а на горлышко ея зажженную стеариновую свѣчку, и не только бутылка, но даже и свѣча, ничѣмъ не поддерживаемыя, не шелохнулись ни разу.

Послѣ танца этого Дмитри раскупорилъ одну изъ бутылокъ. Хозяйка стала пить и поить Дмитри. Не прошло и пяти минутъ, какъ одна изъ нихъ усѣлась возлѣ насъ на диванъ. Въ то же время Дмитри, схвативъ другую, сталъ обнимать и цѣловать ее и говорилъ, обращаясь къ намъ: „il faut les encourager“. Что за курьезную картину изображалъ этотъ старый, жирный сатиръ, обнимая танцорку! Но было очевидно, что и хозяйки, и чиче-

роне нашъ, имѣли очень превратныя понятія о намѣреніяхъ нашихъ, а потому мы поспѣшили встать, раскланяться и уйти безъ дальнихъ околичностей.

Какъ потомъ смѣялся надъ нами К. Н., когда мы все разсказали ему!

— И подѣломъ вамъ! Въ вертепѣ побывали, 60 франковъ за это заплатили,—ну, и подѣломъ вамъ, господа!

23-го марта, утромъ рано, отправились мы пѣшкомъ осмотрѣть въ подробности большой карнакскій храмъ и другія связанныя съ нимъ постройки.

Послѣ завтрака, въ третій разъ, поѣхали на лѣвую сторону Нила. Въ поляхъ работающихъ было немного; большая часть хлѣбовъ ужъ убрана, а пахота для третьяго посѣва еле-еле начинается. Убираютъ египтяне жатву очень своеобразно; они не только не косятъ, они даже не жнутъ, а просто-на-просто руками вырываютъ вызрѣвшія растенія и тутъ же вяжутъ ихъ въ небольшіе снопики. Если въ корняхъ оказываются земляные комья, они обтряхиваютъ ихъ. Работа эта, конечно, куда копотливѣе нашей уборки, но зато она разрыхляетъ въ извѣстной степени землю, да и сверхъ того на нивѣ не пропадаетъ ни одинъ стебель, а если хлѣбъ не перезрѣлъ, то не упадетъ ни одинъ колосъ, ни одно зерно. Послѣ такой уборки поле совсѣмъ не имѣетъ того вида, какъ у насъ; оно скорѣе похоже на только-что тщательно вспаханное и забороненное. Такая уборка принята не только для злаковъ, но и для травъ; ихъ также рвутъ руками, но только не вяжутъ въ снопы, а даютъ полежать на солнцѣ, потомъ собираютъ въ кучи, навьючиваютъ на ословъ, везутъ въ деревню и тамъ только складываютъ въ запасъ.

Пашутъ плугами самаго первобытнаго устройства. Запряжка—невольно останавливающая непривычнаго человѣка; идутъ часто въ плугѣ вмѣстѣ волъ и оселъ, верблюдъ и корова; лошади же въ упряжи мы не видѣли ни разу въ Египтѣ, кромѣ, конечно, Александріи и Каира.

Еще одна особенность этой части Египта. Несмотря на то, что намъ приходилось не разъ цѣлыми часами ѣздить и ходить при 50—55° жары по Цельзію (40—44° по Реомюру), въ тѣни никто изъ насъ не вспотѣлъ ни разу; воздухъ до того сухъ, что влажность на тѣлѣ испаряется моментально. Здѣсь, въ стовратныхъ Ѳивахъ, быть можетъ самая сухая мѣстность земного шара. Поясъ тропическихъ дождей начинается южнѣе; съ сѣвера дожди

сюда тоже не доходятъ, такъ какъ до Средиземнаго моря болѣе 800 верстъ; съ востока, отъ Краснаго моря, долина защищена горами, а съ Запада тянутся безбрежныя песчаныя пустыни—Ливійская и Сахара.

Дождь въ Ѳивахъ бываетъ въ два, три года разъ, въ видѣ сильнѣйшаго тропическаго ливня, весьма впрочемъ непродолжительнаго. Его хватаетъ, чтобы обмыть пилоны, колонны и статуи храмовъ, но сырость пропадаетъ очень скоро. Этою сухостью воздуха, быть можетъ, и объясняется то поразительное явленіе, что картины, раскрашенныя четыре, пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, всюду сохранились очень удовлетворительно; а если онѣ писаны на тѣневой сторонѣ стѣнъ и колоннъ или на потолкѣ, то краски ихъ такъ свѣжи и ярки, что имъ можно дать столько лѣтъ, сколько тысячелѣтій тому назадъ наложены онѣ.

На этотъ разъ мы смотрѣли Ремезіонъ и колоссы Мемнона. Ремезіонъ, погребальный памятникъ, въ видѣ храма, сооруженный Рамзесомъ II, въ воспоминаніе собственнаго его царствованія, побѣдъ и славы и чтобъ замѣнить ему гробницу. Въ сочиненіяхъ греческихъ писателей Рамзесъ II извѣстенъ подъ именемъ Сезостриса Великаго; его долго считали грознѣйшимъ и славнѣйшимъ изъ фараоновъ-завоевателей. Имя его стоитъ на огромномъ числѣ памятниковъ, подъ описаніями и картинами блистательнѣйшихъ побѣдъ. Однако тщательныя изслѣдованія послѣдняго времени приводятъ къ тому, что ореолъ славы, окружавшій его, меркнетъ все болѣе и болѣе. Онъ дѣйствительно былъ и побѣдитель, и завоеватель, но совершилъ далеко не всѣ тѣ дѣла, которыя прежде ему приписывались. Многое, что̀ было сдѣлано предшественниками его, и въ особенности Тутмесомъ III, онъ для чего-то пожелалъ представить какъ собственныя свои дѣла; достигнуто это простымъ, хотя и оригинальнымъ способомъ, вводившимъ потомъ въ заблужденіе многія поколѣнія. Я говорилъ уже выше, что у каждой картины и у каждой большой надписи есть „картушъ“ царя, до котораго онѣ относятся („картушъ“—имя царя, написанное іероглифически и о̀бведенное овальной чертой). Рамзесъ II распорядился выбить многіе картуши Тутмеса III и нѣкоторыхъ другихъ фараоновъ и на мѣстѣ ихъ приказалъ начертать свои. Такимъ образомъ, послѣдующія поколѣнія, видя картины и читая надписи, относили къ его дѣламъ многое, сдѣланное Тутмесомъ III и ближайшими его преемниками. Такая подделка могла имѣть тѣмъ болѣе успѣха, что храмы воздвигались обыкновенно цѣлыя столѣтія и память людей, вопреки надписямъ,

не легко удерживала свѣденія, какія именно картины той или другой части зданія относятся до того или другого фараона.

Но Ремезіонъ, къ которому пріѣхали мы, безспорно—созданіе Рамзеса II. Сохранилось отъ этого храма меньше, чѣмъ отъ остальныхъ трехъ большихъ храмовъ Ѳивъ: карнакскаго, луксорскаго и Мединетъ-Абу, такъ какъ онъ сильнѣе всѣхъ пострадалъ при землетрясеніи 27 года до Р. Х. Размѣры храма были очень обширны, а по красотѣ формъ и по богатству украшеній онъ, кажется, превосходитъ всѣ другіе. Во дворѣ, слѣдующемъ за первымъ пилономъ, лежатъ остатки огромной статуи Рамзеса, невольно поражающіе зрителя. Высота статуи была въ восемь съ половиной саженъ, а вѣсъ—около 81.000 пудовъ. И вся громада эта выработана изъ одной каменной глыбы. Невольно поражаешься терпѣніемъ людей, рѣзецъ которыхъ способенъ былъ выполнить такую работу, и удивляешься механическимъ средствамъ, давшимъ возможность на сотни верстъ двигать такія чудовищныя массы. Но сколько затрачено было съ другой стороны безсмысленнаго труда также и персами, которые, по приказанію Камбиза, сбросили съ пьедестала и обезобразили такую поразительную статую!

Картины, сохранившіяся въ храмѣ, посвящены изображенію личныхъ подвиговъ фараона, его строителя. На одной изъ нихъ войско его обращено уже въ бѣгство, но онъ бросается въ толпу враговъ, поражаетъ вождя ихъ и возвращаетъ побѣду знаменамъ своимъ. Потолокъ одной изъ залъ храма выкрашенъ въ цвѣтъ небесной лазури и усыпанъ золотыми звѣздами.

Колоссы Мемнона не далѣе версты отъ Ремезіона; лицомъ они обращены къ Нилу, спиной къ горамъ. Мы подъѣзжали къ нимъ сзади. Странное впечатлѣніе производятъ эти исполины, возвышающіеся среди гладкаго, какъ ладонь, поля. Сидятъ они рядомъ, высоко къ небу вздымаютъ свои головы, а вокругъ нихъ все голо, пустынно, уныло; ни постройки, ни груды камней, ни дерева, ни куста, ни былинки,—одна сѣрая ровная поверхность засохшаго нильскаго ила.

Эти колоссы—самыя большія статуи въ мірѣ. Обѣ почти одинаковыхъ размѣровъ, обѣ изъ цѣльнаго куска камня, обѣ около десяти саженъ высоты. Изображаютъ онѣ, кажется, Аменотефа III, сидящаго плотно, сжавъ колѣни и ноги, опустивъ руки вдоль туловища и чуть-чуть наклонивъ голову.

Одна изъ нихъ снаружи очень попорчена, другая нѣсколько расколота сверху. Кто говоритъ, что это дѣло землетрясенія, а кто—и, кажется, съ бо̀льшимъ основаніемъ—что это работа Кам-

биза. Расколотая статуя — славный, нѣкогда звучавшій при восходѣ солнца, колоссъ. Въ настоящее время доказано, что издававшіеся колоссомъ звуки совсѣмъ не были дѣломъ воображенія слушателей или обмана со стороны жрецовъ; есть въ Египтѣ нѣкоторые роды камней, которые, будучи смочены ночью росой, начинаютъ быстро терять влагу при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, и въ нихъ при этомъ происходитъ какое-то сотрясеніе или движеніе частицъ, сопровождаемое звукомъ. Чтобы слышать этотъ звукъ, нужно, конечно, чтобы масса камня была очень велика и хорошо очищена отъ всякихъ другихъ тѣлъ. Экспедиція ученыхъ, сопровождавшая Наполеона въ Египетъ, занесла въ свои журналы, что въ карнакскомъ храмѣ на восходѣ солнца нерѣдко многіе изъ членовъ ея слышали звуки, очень подходившіе по описанію греческихъ авторовъ къ тѣмъ, что̀ издавала одна изъ статуй Мемнона, только звукъ этотъ былъ слабѣе, что̀ и понятно, такъ какъ въ карнакскомъ храмѣ ни одного монолита, подобнаго колоссамъ Мемнона, не было. Звуки свои колоссъ издавалъ до временъ Птолемеевъ. Тогда вздумали поправить изъяны, сдѣланные временемъ въ статуѣ, и среди работъ этихъ, сопровождавшихся закраской и даже замазкой шапки на головѣ великана, онъ вдругъ замолкъ, повидимому, на вѣки.

У подножія этихъ исполиновъ, также какъ и среди развалинъ карнакскаго храма, можно вполнѣ ясно видѣть, какъ повышается почва Египта, подъ вліяніемъ слоевъ ила, отлагаемыхъ разливами Нила. Камни, на которыхъ стоятъ колоссы, на нѣсколько уже аршинъ въ илѣ, между тѣмъ какъ прежде вода никогда не доходила до нихъ. Въ карнакскомъ храмѣ илъ въ серединѣ храма и, кромѣ того, по колоннамъ и пилонамъ совершенно ясно, до какой высоты захватываетъ ихъ вода; она придала другой цвѣтъ камнямъ, да и кромѣ того точитъ камень такъ, что уже теперь основанія колоннъ тоньше и болѣе разрушены, чѣмъ середина и верхушка ихъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше подниматься будетъ вода, будетъ портить великія развалины и заносить ихъ иломъ. Если ближайшія поколѣнія не займутся тѣмъ, чтобы оградить всѣ памятники египетской старины крѣпкими сплошными каменными плотинами, — храмы, конечно, не простоятъ столько вѣковъ, сколько видѣли они уже до сихъ поръ...

Вторую половину и вечеръ этого дня провели мы очень разнообразно. Сначала пошли къ консулу. Угостилъ онъ насъ кофе и вареньемъ съ холодной водой, потомъ далъ цѣлое представленіе. Вооружилъ нѣсколько человѣкъ такими щитами и копьями, которыми дерутся махдисты, и въ первой отъ крыльца

комнатѣ своего дома устроилъ нѣчто въ родѣ турнира. Зрѣлище оказалось довольно забавное. Люди консула, частью уроженцы Судана, частью принимавшіе участіе въ экспедиціи противъ Махди, изображали собой дикарей и всѣ пріемы борьбы ихъ; они то извивались какъ змѣи, то присѣдали, прикрываясь щитами, то ползали, держа щитъ выше головы, то кувыркались и прыгали, норовя поразить противника. Все это дѣлалось довольно ловко; но какъ все это въ дѣйствительности жалко и ничтожно не только передъ ужасной шрапнелью или ружейными залпами, но даже и передъ сѣрой щетиной штыковъ хотя бы и развернутаго строя!

Послѣ боя бельгійцы отправились домой, а насъ консулъ повелъ по домамъ и лавкамъ разныхъ антикваріевъ. Спутники мои купили какія-то мелочи; К. Н. между прочимъ, пріобрѣлъ маленькую статуэтку Озириса, которой по малой мѣрѣ 4.000 лѣтъ отъ роду. Когда же совсѣмъ стемнѣло, мы всѣ пятеро путешественниковъ, оба драгомана, консулъ и трое слугъ его, двинулись на ослахъ въ карнакскій храмъ посмотрѣть его ночью при бенгальскихъ огняхъ.

Луна еще не всходила, и дорога совсѣмъ была не видна. Не отъѣхали мы и полуверсты отъ Луксора, а въ воздухѣ уже все замерло — ни звука, ни шелеста вѣтерка. Иногда попадались намъ пальмы; фантастически вырисовываются онѣ въ темнотѣ, и какъ-то странно глядятъ сквозь вѣтви ихъ мерцающія въ небѣ звѣзды. Но вотъ впереди передъ нами сумрачно и высоко въ небо подымается какая-то громадная темная масса: это—первый исполинскій пилонъ; вотъ мы уже подъѣхали къ нему вплотную, вотъ вступили въ серединный проѣздъ; глухо отразились отъ стѣнъ его звуки копытъ нашихъ осликовъ, и таинственно глядѣло темное пространство перваго двора; мы въѣхали туда и спѣшились.

Въ залѣ колоннъ и во дворѣ карріатидъ и обелисковъ m-r Дмитри показалъ намъ десятка полтора картинъ,—одна другой лучше. Онъ то заставлялъ насъ уйти въ глубь залы, а самъ въ серединѣ центральнаго прохода зажигалъ красный, синій, желтый или зеленый огни; то помѣщалъ насъ въ серединѣ, а освѣщеніе дѣлалъ сбоку; то посылалъ насъ дальше въ глубину храма, то заставлялъ подняться на нѣкоторую высоту, а самъ оставался внизу. Эффектъ освѣщенія былъ безспорно особенно хорошъ тогда, когда свѣтъ, все поднимаясь, доходилъ до верхушекъ колоннъ. Колонны эти при громадной высотѣ ихъ кажутся снизу слившимися съ небомъ, и только въ тѣ моменты, когда пламя засвѣтитъ особенно ярко и дойдетъ до верхушекъ ихъ,—сумрачно и строго выдвинутся съ воздушной высоты ихъ широкія капители, станутъ

видны на нѣсколько мгновеній и потомъ опять мало-по-малу тонутъ во мракѣ ночи, и самая ночь, по мѣрѣ того, какъ догораетъ и гаснетъ огонь, спускается ниже и ниже, наконецъ охватываетъ также и насъ.

Когда всѣ огни были сожжены, мы вернулись на большой дворъ; оказалось, взошла луна,—правда, въ видѣ узкаго серпа, но все же прибавляя много свѣта. Мы думали возвращаться, но Дмитри услалъ ословъ и погонщиковъ въ противоположную часть храма, и намъ предстояло сдѣлать по развалинамъ чуть не цѣлую версту. Дмитри совѣтовалъ осторожность и вниманіе, чтобы не наткнуться въ темнотѣ на острые углы многочисленныхъ каменныхъ грудъ. Мы ничего противъ прогулки не имѣли; другіе же были какъ будто недовольны. Но Дмитри явно до тонкости зналъ свое дѣло, и едва вступили мы въ середину развалинъ, какъ всѣ сразу и вполнѣ оцѣнили его распоряженія.

Мы до сихъ поръ видѣли развалины эти при яркомъ сіяніи дня, въ глубокой темнотѣ и при дрожащемъ неровномъ свѣтѣ бенгальскихъ огней; теперь увидѣли мы ихъ въ полусвѣтѣ молодого мѣсяца. Картина вышла поразительная; описывать ее я не берусь. Этотъ лѣсъ колоннъ, таинственно дремлющихъ въ полумракѣ ночи; эти тонкія иглы обелисковъ, какъ бы пронизывающія снизу вверхъ и воздухъ, и небо; эти неправильно изломанныя, угловатыя развалины, то рѣзко выступающія освѣщенными углами, то уходящія въ глубь, въ полутѣнь, а потомъ и въ совершенную тьму,—все это и фантастично, и красиво въ высочайшей степени. Но все это, быть можетъ, еще превосходятъ заваленные мусоромъ проходы пилоновъ боковыхъ храмовъ съ разросшимися на нихъ пальмами; сквозь возносящіяся къ небу вѣтви этихъ исполиновъ прорываются таинственныя тѣни; онѣ то движутся на встрѣчу намъ, ростутъ и словно хотятъ охватить и заполонить насъ, то вдругъ быстро, словно боязливо трепеща, удаляются отъ насъ и исчезаютъ.

Всѣ мы разсыпались; каждый отыскивалъ путь по одному лишь общему направленію. Никому не хотѣлось говорить; никто не былъ радъ, если кто другой подойдетъ и вопросомъ или замѣчаніемъ своимъ помѣшаетъ отдаваться всѣми силами души наслажденію дивными развалинами этихъ въ безпорядкѣ разбросанныхъ, громадныхъ пилоновъ, воротъ, залъ, колоннъ, насыпей, пальмъ, всего этого, освѣщеннаго слабымъ сіяніемъ мѣсяца, будто стыдящагося того, что онъ явился въ небѣ такой маленькій и блѣдный, явился и смѣетъ спорить съ красавицей Венерой, сып-

лющей съ ея гордой высоты цѣлый фонтанъ самоцвѣтныхъ, играющихъ всѣми лучами, камней...

Вотъ и наши ослы. Неохотно, вяло и молча усаживаемся мы на нихъ. Консулъ затараторилъ съ драгоманомъ бельгійцевъ; они ѣдутъ впереди, и весь караванъ нашъ вытянулся такъ, что я и Дмитри, ѣдущіе сзади, уже не слышимъ говора передовыхъ; ѣдемъ мы молча. Дмитри не мѣшаетъ мнѣ наслаждаться южной ночью и уноситься мыслью далеко, далеко...

Но вотъ раздался протяжный, жалобный стонъ. Еще разъ, и еще, и еще. Какъ щемяще дѣйствуетъ онъ! Онъ надрываетъ душу. Я оборачиваюсь къ Дмитри.

— Что такое? Неужели здѣсь дитя?! ночью!

Улыбкой отвѣтилъ онъ мнѣ.—Это гіена, обыкновенная гіена. Нерѣдко арабы сосѣднихъ деревень вывозятъ сюда падаль. На нее собираются гіены и шакалы. На нихъ любятъ охотиться англичане въ храмѣ или возлѣ него; такъ чтобы не отбивать отсюда звѣрей, здѣшніе жители и вывозятъ сюда падаль, хотя бы охотниковъ и не было.

Опять послышался тотъ же стонъ, но уже дальше и слабѣе.

Минутъ черезъ двадцать мы опять были въ Луксорѣ. Ѣдемъ черезъ все поселеніе и по базарной площади подъѣзжаемъ къ мечети, гдѣ сегодня торжественное служеніе въ память какого-то святого шейха, особенно почитаемаго въ этой мѣстности.

Вводятъ насъ боковымъ входомъ, надѣваютъ туфли, ведутъ узкимъ корридорчикомъ, и затѣмъ мы оказываемся на самыхъ почетныхъ мѣстахъ: справа—миргабъ, слѣва—гробница шейха. Часть мечети, гдѣ мы теперь, устлана коврами; все же остальное пространство—цыновками. Здѣсь сидитъ губернаторъ, кади, мулла, полиціймейстеръ, консулъ, еще три, четыре человѣка и мы. Всѣ сидятъ, поджавъ подъ себя ноги. Черезъ минуту послѣ того, какъ усѣлись мы, явился негръ, чернѣе чернаго дерева, весь словно отполированный; онъ въ бѣломъ костюмѣ и чалмѣ, съ бѣлыми, какъ жемчужина, зубами, съ ярко-красными губами и такого же цвѣта туфлями; въ рукѣ подносъ съ графинами и стаканами —это лимонадъ и сахарная вода; ловкимъ и красивымъ движеніемъ поднесъ онъ угощеніе нашей спутницѣ дамѣ, бельгійкѣ, потомъ намъ, потомъ губернатору и прочимъ.

Напиться было очень кстати—жарко и душно. Черезъ двѣ, три минуты тотъ же негръ обнесъ всѣхъ тамарисковымъ шербетомъ, а потомъ явился въ третій разъ, нагруженный блюдцами со всевозможными сластями. Пили и ѣли всѣ сидѣвшіе въ почетномъ отдѣленіи мечети. Совершенно неожиданно раздались вдругъ

звуки хорового пѣнія. Пѣло человѣкъ тридцать; голоса молодые и сильные. Пѣніе это хотя и носило тотъ же характеръ, какъ и въ оперѣ, которую уже слышали мы въ Каирѣ, но было гораздо менѣе носовое, менѣе даже гунявое, нежели греческое. Иногда хоръ голосами дѣлалъ такъ, какъ будто онъ по ступенькамъ поднимается все вверхъ выше и выше. Не знаю, что̀ именно (я очень плохой цѣнитель и знатокъ музыки и пѣнія), но что-то въ хорѣ этомъ напомнило мнѣ теноровую сольную партію извѣстнаго духовнаго концерта „Господи, Боже израилевъ“. Затѣмъ хоръ словно спускался назадъ ниже и ниже, высокіе голоса пѣли тише, потомъ вовсе замолкали; усиливались же и расширялись звуки альтовъ, басовъ и октавъ. Во всякомъ случаѣ, пѣніе было очень недурное.

Пробыли мы въ мечети съ часъ, или три четверти часа. К. Н. ходилъ къ хору; остальные сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Проводили насъ очень любезно, сначала внизъ, а потомъ съ факелами до самой гостинницы.

24-го марта встали мы изъ-за духоты рано, хотя никуда не собирались, такъ какъ въ 11 часовъ уходитъ пароходъ, съ которымъ оставимъ мы Ѳивы. Уложились, сходили къ фотографу, накупили его работъ, напились кофе, разсчитались въ гостинницѣ и отправили вещи на пристань.

Въ четверть одиннадцатаго зашли проститься къ консулу.

Мы застали его въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ о чемъ-то горячо спорилъ съ драгоманомъ нашимъ Дмитри. Дмитри, видимо сильно выпилъ, лицо совершенно багровое, сидитъ въ углу комнаты, насупясь, и не всталъ даже, когда мы вошли.

Видя, что происходитъ крупный разговоръ, К. Н. спросилъ консула, въ чемъ дѣло. Тотъ уклонился отъ отвѣта. Дмитри изрѣдка словно стрѣлялъ отрывочными фразами. Мы смотрѣли и ничего не понимали. Послѣ какого-то восклицанія Дмитри, консулъ не выдержалъ и, обращаясь къ К. Н., сказалъ: „Онъ недоволенъ семью двадцати-франковиками, которые я, по приказанію вашему, выдалъ ему послѣ находки кольца; онъ требуетъ еще“.

— Какіе семь наполеоновъ! никогда и никто изъ насъ не просилъ ничего давать ему. Онъ-то въ находкѣ кольца при чемъ? Что̀ это значитъ?!

Консулъ объясняетъ, что Дмитри—тотчасъ послѣ полученія имъ, консуломъ, 1.000 франковъ—пришелъ и сказалъ, что мы приказали выдать ему 140 франковъ; „я и не смѣлъ ослушаться

и выдалъ",—съ выраженіемъ неожиданной застѣнчивости, заключилъ онъ.

— Лжетъ! ничего мнѣ не давалъ, самъ все забралъ; народу развѣ двѣсти, двѣсти пятьдесятъ франковъ досталось.

— Не вѣрьте этому мерзавцу!—вопилъ консулъ.

Видимъ ясно, что тутъ что-то нечисто; понимаемъ, что провели насъ, или, скорѣе, не насъ провели, а обидѣли населеніе. Мы готовы рѣзко вмѣшаться въ дѣло. Но до насъ долетаетъ свистокъ подходящаго изъ Ассуана парохода; стоитъ онъ только 1/4 часа; если не попадемъ на него—придется ожидать недѣлю, и къ пасхѣ намъ не попасть въ Іерусалимъ. Дѣлать нечего, поднимаемся съ мѣстъ, сухо раскланиваемся. Консулъ провожаетъ насъ на крыльцо и говоритъ намъ: „Вы можете опоздать, господа; позвольте, я проведу васъ кратчайшей дорогой".

И онъ идетъ впереди насъ такъ быстро, что мы, всѣ недурные ходоки, едва поспѣваемъ за нимъ...

Вотъ мы и на пароходѣ, на томъ же самомъ, на которомъ пріѣхали; онъ прошелъ до Ассуана, пробылъ тамъ два дня и возвращается назадъ; занимаемъ тѣ же каюты, что и прежде. Устроиваемся. Проходитъ минутъ десять. Пароходъ еще не далъ второго свистка. Выходимъ на палубу. Консулъ тутъ, и горячо начинаетъ толковать намъ, какой негодяй нашъ драгоманъ Дмитри. Но вотъ показывается на набережной самъ Дмитри, идетъ спокойно, не спѣша, и, войдя на пароходъ, говоритъ мнѣ, стоящему подальше отъ консула:

— Каковъ?! Навѣрное сказалъ вамъ, что опоздаете, и повелъ поскорѣе другой дорогой. А тамъ на пути отъ гостинницы къ пристани ждала васъ толпа. Провѣдали, что вы дали 1.000 франковъ, а они получили 200, можетъ быть 250, вамъ и хотѣли жаловаться. Полиціймейстеру *онъ* далъ 100 франковъ, чтобы до васъ никого не допускали. Полиція перегородила тамъ дорогу,—взгляните!

По-русски передаю я слова его сотоварищамъ. Консулъ, кажется, понимаетъ нашу мимику и дѣлаетъ равнодушный видъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Дмитри говоритъ:

— Семь наполеоновъ! что такое семь наполеоновъ? Стоитъ ли о нихъ хлопотать! Эта арабская собака захватила франковъ 500,—это стòитъ. Сейчасъ второй свистокъ, и посмотрите, тогда пустятъ толпу, да и она сама догадается, что вы прошли другою дорогою.

И правда, едва раздался второй свистокъ, какъ изъ-за угла

показались полицейскіе, и къ пристани бѣгомъ бросилась цѣлая толпа. У входа на сходни стояло двое полицейскихъ. Едва добѣжали до нихъ передовые изъ толпы—палки засвистали въ воздухѣ, удары посыпались направо и налѣво. Толпа все же напирала. Тогда на баркѣ, составлявшей пристань, показалась фигура полиціймейстера, котораго мы не замѣчали до сихъ поръ. Зычно крикнулъ онъ; полицейскіе, не спѣша слѣдовавшіе за толпой, бросились впередъ,—и пошла свалка.

Негодованіе овладѣло нами. Мы подбѣжали-было къ трапу, но раздался третій свистокъ, пароходъ дрогнулъ, качнулся и двинулся. Было поздно.

Палочная расправа прекратилась моментально; бившіе и битые спокойно и совершенно равнодушно смотрѣли на отваливавшій пароходъ, а консулъ стоялъ на кручѣ берега, весело смѣялся, оживленно махалъ шляпой, посылалъ намъ воздушные поцѣлуи и кричалъ: „до свиданья, до свиданья, добраго пути!"...

Вотъ мы и на серединѣ рѣки, вотъ спустились къ Карнаку и еле видимъ Луксоръ.

Не до свиданья, а—прощайте, прощайте всѣ вы, и исполины Мемнона, и изящно-расписныя глубины царскихъ гробницъ, и широко разсѣвшіяся дивныя громады Карнака! Прощайте всѣ и навсегда!

Ночь на 25-е марта мы провели въ Кенэ. Тронулись же въ путь поздно. Оказывается, что хотя по теченію пароходъ идетъ скорѣе, но пробудемъ мы въ дорогѣ то же время, что̀ и поднимаясь вверхъ по рѣкѣ. Удивительные порядки! Пришли въ Кенэ засвѣтло и простояли до 9 часовъ утра все для того, чтобы около трехъ сутокъ ѣхать отъ Ѳивъ до Сіута, т.-е. триста верстъ.

Дорога знакомая и однообразная, а жара смертная. Солнце свѣтитъ тускло и уныло, такъ какъ въ воздухѣ стоитъ тонкая желтая пыль, закрывающая даже вторые планы. Душно такъ, что дышать нечѣмъ. Я совсѣмъ разболѣваюсь—это дѣйствіе жары, и кромѣ кофе и чаю полтора сутокъ ничего не беру въ ротъ.

Единственное развлеченіе—пристани. Въ толпѣ мало знакомой страны найдется всегда на что̀ посмотрѣть, чѣмъ заинтересоваться. На каждой пристани нѣсколько человѣкъ встрѣчаютъ и провожаютъ криками: „бакшишъ, бакшишъ!" Едва ли гдѣ въ мірѣ попрошайничество развито болѣе, чѣмъ въ Египтѣ; мы ознакомились съ нимъ уже въ Александріи,—въ Каирѣ оно еще сильнѣе и увеличивается вплоть до самыхъ Ѳивъ.

Низшіе классы египетскаго населенія считаютъ всѣхъ пріѣзжихъ европейцевъ богачами. „Еслибы не были они богачами и еслибы у нихъ было дѣло дома, то зачѣмъ бы пріѣхали они къ намъ въ Египетъ?“—разсуждаютъ арабы и феллахи. Разъ же человѣкъ—богачъ, которому вдобавокъ и дѣлать нечего, естественно стремиться сорвать съ него „бакшишъ“. Поэтому и арабы, и феллахи одинаково пристаютъ къ путешественнику. Какую бы малую услугу ни оказалъ вамъ арабъ, и какъ бы щедро ни заплатили вы ему, онъ все же попроситъ прибавки. Большинство же, особенно въ верхнемъ Египтѣ, окружаютъ васъ и просятъ „бакшишъ“, кажется, только потому, что вы стоите на почвѣ, нѣкогда принадлежавшей предкамъ нынѣшнихъ обывателей. Просятъ старики, просятъ здоровые, бодрые люди, просятъ женщины, просятъ и дѣти. Послѣднія особенно многочисленны и назойливы. Едва вышли вы за ворота отеля, и толпа дѣтей окружаетъ васъ съ криками: „бакшишъ!“. Горе вамъ поддаться на этотъ крикъ: тогда начинаютъ приставать еще несноснѣе, хватаютъ за платье, за руки, за ноги. Показываться безъ провожатаго, знающаго мѣстный языкъ, очень и очень непріятно; энергичные возгласы, а чаще палка или хлыстъ такого провожатаго очень облегчаютъ прогулку. Въ испрашиваніи бакшиша египтяне доходятъ просто до виртуозности. Намъ нерѣдко случалось видѣть цѣлую толпу дѣтей, версты двѣ, три бѣгущихъ по берегу, провожающихъ пароходъ неумолчнымъ крикомъ: „бакшишъ, бакшишъ!“.

Ѣдете иной разъ по деревнѣ—дѣти играютъ; завидя васъ, все моментально останавливается, и вотъ цѣлый рядъ искривившихся физіономій; вы думаете, что напугали ихъ, что они сейчасъ разревутся,—ничуть! они приподнимаются на носкахъ, вытягиваются всѣмъ тѣломъ вверхъ (какъ разъ какъ пѣтухи, когда вздумаютъ огласить воздухъ своимъ сильнымъ и увѣреннымъ „ку-ку-ре-ку!“) и вдругъ сразу на всѣ голоса закричатъ и запищатъ одно и то же слово: „бакшишъ!“. Тѣ, что побольше, ясно кричатъ „бакшишъ“, поменьше: вопятъ „шишъ, шишъ!“, а самые крохотные, полутора, двухлѣтніе клопы, захлебываясь, лепечутъ: „сиссъ, сиссъ, сиссъ!“. Такъ всюду и постоянно.

Подъѣзжая къ одной изъ пристаней, мы замѣтили на ней очень много народу; съ нея же неслись крики, но не „бакшишъ“, а отчаянные, раздирающіе. Подходимъ ближе и видимъ, что съ десятокъ полицейскихъ окаймляетъ бортъ барки, составляющей пристань, а вся она биткомъ-набита народомъ, который топчется и толчется на мѣстѣ, то поднимая, то опуская руки и неистово

воя. Иногда толпа надвигается на полицейскихъ, словно собираясь сбросить ихъ въ воду, но полицейскіе съ самымъ спокойнымъ видомъ вытаскиваютъ исподмышки длинныя бамбуковыя палки и начинаютъ ровно и не спѣша, словно цѣпомъ работая на молотьбѣ, тузить во всѣ стороны не разбирая по чемъ попадаютъ—по тѣлу, по рукамъ, по плечамъ, по лицу или по головѣ; толпа кричитъ, отшатнется, а потомъ опять напираетъ—и опять та же работа полицейскихъ и ихъ палокъ.

Подошли къ пристани. Толпа имѣетъ совсѣмъ особый видъ. На мужчинахъ и женщинахъ платье, или, вѣрнѣе сказать, темносиніе халаты и рубашки, изорванные почти въ клочки; все тѣло, руки, ноги, голова и волосы въ грязи; на женщинъ взглянуть страшно: длинныя космы волосъ залѣплены засохшей—а у иныхъ сырой—грязью, грязь течетъ съ головы на лицо и грудь.

Едва привалилъ пароходъ—и вой усилился. Бросили трапъ. На пароходъ вводятъ шесть молодыхъ мужчинъ, чисто и даже не по-феллахски щеголевато одѣтыхъ. Вся толпа заревѣла какъ одинъ человѣкъ, натискъ на полицію сталъ сильнѣе, палки полицейскихъ свистали теперь въ воздухѣ безъ перерыва, а удары ихъ сыпались какъ градъ.

Оказалось, что населеніе сдаетъ рекрутовъ, которыхъ и ввели на пароходъ. При этомъ въ обычаѣ выражать свое горе воемъ, плачемъ, раздираніемъ лохмотьевъ, особенно для такихъ случаевъ хранимыхъ, обливаніемъ себя грязью съ головы до ногъ. Но чтобы ясно и осязательно дать почувствовать силу горя, бо́льшая часть толпы, всѣ, не только близкіе, но и дальніе родственники, должны подставлять себя подъ палочные удары. Какой бы имѣли смыслъ крики, вой и попытки ворваться будто бы на пароходъ для освобожденія новобранцевъ, если бы попытки эти не сопровождались чувствительною болью! Уклоняться въ этомъ случаѣ отъ ударовъ значило бы не только показать равнодушіе къ увозимымъ новобранцамъ, но и заслужить упрекъ всей деревни, лишающейся здоровыхъ, хорошихъ работниковъ.

Едва сталъ отваливать пароходъ, вой и стонъ усилились еще болѣе. Особенно неистовствовала какая-то старуха, а палки работали. Намъ казалось, что вотъ-вотъ толпа сама свалится и полицейскихъ столкнетъ въ воду. Но лишь корма парохода прошла пристань и узкая полоска воды мелькнула за нею, какъ на пристани мгновенно все преобразилось: вой и крики замолкли, полицейскіе спокойно засунули подъ лѣвую мышку палки свои, толпа равнодушно повернулась къ берегу, а старуха, такъ неиствовавшая за

секунду передъ тѣмъ, съ довольнымъ видомъ стала что-то разсказывать сосѣдкѣ.

Перемѣна была такъ быстра и неожиданна, что мы невольно расхохотались.

Передъ вечеромъ, наконецъ, мы пришли въ Сіутъ, откуда недавно выѣхали въ путь, распростились затѣмъ съ нашимъ пароходишкомъ, перебрались на желѣзную дорогу—и утромъ 26-го марта были въ Каирѣ.

Евг. Картавцевъ.

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Постепенно все вошло опять въ обыкновенную колею въ жизни Чемезова—послѣ отъѣзда Ольги, вырвавшей-было его изъ нея на время,—и дни потянулись по прежнему, въ постоянной работѣ и занятіяхъ. Даже отношенія съ сестрой опять поправились, хотя слегка ощущаемая натянутость еще прорывалась по временамъ.

Маленькая ревность Елены Николаевны къ Леонтьевой прошла сама собой, когда она убѣдилась, что увлеченіе ею брата,—если только было тутъ увлеченіе,—совсѣмъ не серьезно, и что съ ея отъѣздомъ онъ пересталъ вовсе думать о ней.

Зато вопросъ о Мери все еще оставался больнымъ мѣстомъ; объ этомъ они не бесѣдовали больше другъ съ другомъ, и Елена Николаевна даже сказала себѣ, что больше никогда уже не возобновитъ своихъ попытокъ женить брата, потому что это только портитъ ихъ отношенія.

Но Елена Николаевна ошибалась, думая, что братъ вовсе забылъ о Мери; напротивъ, если случалось ему когда серьезно думать и о ней, и о своей женитьбѣ вообще, то это было именно теперь.

При возвращеніи порой въ свою одиноковую квартиру, Чемезова вдругъ охватывала какая-то странная тоска, сознаніе пу-

---

*) См. выше: май, 38 стр.

стоты, одиночества, никогда раньше не замѣчаемыхъ имъ. Онъ старался заглушать все это въ себѣ, но оно все-таки не заглушалось и угнетало его, противъ желанія, какъ какая-нибудь внутренняя только-что начинающаяся болѣзнь, еще не сознаваемая имъ, но уже развивающаяся съ каждымъ днемъ и невольно отразившаяся и на нравственномъ его состояніи.

Даже работа, которую онъ такъ любилъ, и которая обыкновенно всецѣло поглощала его собой, теперь, порою, только хуже еще утомляла его, и онъ уже не чувствовалъ въ себѣ прежней силы, энергіи и свѣжести. Это не было еще явленіемъ постояннымъ и охватывало его только временами, но, тѣмъ не менѣе, оно невольно пугало его, такъ какъ подобные припадки все учащались и усиливались.

Тогда на него нападалъ какой-то ужасъ и уныніе; апатія сильнѣе овладѣвала имъ, и онъ по-неволѣ бросалъ работу и въ безсильной тоскѣ бросался на оттоманку, и, подложивъ руки подъ голову, просиживалъ на ней такъ часъ и два, безцѣльно и угрюмо смотря въ пространство предъ собой, и съ тупымъ отчаяніемъ спрашивалъ себя, не сходитъ ли онъ съума?

Чемезовъ сознавалъ, что ему необходимо отдохнуть, освѣжиться какъ-нибудь, вырваться на волю, а быть можетъ, даже перемѣнить весь образъ жизни,—не то будетъ плохо! Но какъ перемѣнить? Уѣхать куда-нибудь мѣсяца на два теперь, среди зимы, когда дѣла въ полномъ ходу, было невозможно, да онъ и самъ не согласился бы на то, думая о дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ о собственномъ здоровьѣ.

Жениться, какъ совѣтовала сестра? Это, быть можетъ, всего радикальнѣе измѣнило бы весь строй его существованія и, быть можетъ, дѣйствительно помогло бы ему отчасти!

Но сказать это было, конечно, гораздо легче, чѣмъ сдѣлать.

Женитьба почему-то представлялась ему только въ видѣ женитьбы на Мери, и онъ часто останавливался теперь на ней мыслью, часто думалъ и разбиралъ то чувство, которое было у него къ ней. Чувство не сильное и не ясное, но во всякомъ случаѣ пріятное и спокойное. Иногда онъ даже сравнивалъ его съ другими, испытанными въ его жизни еще прежде, и тогда оно выходило такимъ блѣднымъ и ничтожнымъ, что даже былое увлеченіе маленькой Оленькой, въ дни молодости его, казалось, по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ-то болѣе яркимъ и живымъ. Быть можетъ, это зависѣло тогда просто отъ большей свѣжести и воспріимчивости впечатлѣній, чѣмъ теперь, но какъ бы тамъ ни было, а жениться съ такимъ ничтожнымъ запасомъ любви къ своей невѣстѣ было бы, по его

мнѣнію, не только опасно, но даже нечестно. Онъ разбиралъ себя строго и добросовѣстно, какъ всегда, когда дѣло касалось его совѣсти, и находилъ, что съ его испортившимся характеромъ, здоровьемъ, съ этими притупившимися чувствами, неспособными подняться не только до экстаза любви, но даже и до простого увлеченія, онъ не имѣетъ права жениться! Что можетъ дать онъ своей молодой женѣ, кромѣ сознательнаго или безсознательнаго разочарованія и въ мужѣ, и въ жизни съ нимъ! Правда, явятся дѣти, которыхъ онъ всегда любилъ и желалъ имѣть, но Богъ вѣсть, удовлетворится ли полная свѣжихъ силъ, любви и молодости женщина одною этой дѣтской любовью? Не слишкомъ ли этого мало для той, которая будетъ ждать (и съ полнымъ правомъ) любви, такой же горячей и молодой, какая наполняетъ собственное ея существо? Чтѣ дастъ онъ ей взамѣнъ всего этого? Своей женитьбой онъ только испортитъ жизнь Мери, которая съ другимъ будетъ, вѣроятно, гораздо счастливѣе; теперь, увлеченная своимъ чувствомъ къ нему, она не признаетъ этого пока, но тѣмъ не менѣе свяжетъ себя напрасно, и въ концѣ концовъ получится одна тяжелая, нерасторгаемая и непрерывная связь двухъ жизней, неестественно и насильно удерживаемыхъ одна подлѣ другой, а затѣмъ начнется утомительное, постоянное, вѣчное—до смерти одного изъ нихъ—присутствіе въ домѣ другого существа, которое будетъ имѣть полное, почти неограниченное право вмѣшиваться въ каждый его шагъ, во всѣ дѣла, желанія, даже мысли; оно начнетъ, быть можетъ, по своему передѣлывать всю его жизнь, привычки, даже самый характеръ, уже сложившійся и вылившійся въ опредѣленную форму, и измѣнить которую ему уже невозможно, а между тѣмъ—все это будетъ требоваться отъ него постепенно и настойчиво, сначала даже незамѣтно для него самого. Хуже всего, что этотъ друой человѣкъ, эта женщина будетъ чѣмъ-то вѣчно неотъемлемымъ отъ него самого, отъ его собственнаго существованія; избавиться отъ этой зависимости невозможно никогда, потому что противъ того поднимутся и законъ, и общество, и его собственная совѣсть, чтѣ важнѣе всего!..

Онъ самъ терялся, не отдавая, какъ было обыкновенно, яснаго и опредѣленнаго отчета себѣ въ томъ, чего онъ собственно хочетъ, и къ чему стремиться ему? Что-то точно спуталось въ его жизни, но чтѣ это и почему такъ случилось—онъ не понималъ, и приписывалъ все разстроеннымъ нервамъ. Порой ему приходило въ голову, что это сдѣлали отчасти и слова Ольги, которая такъ горячо доказывала ему, что онъ неправильно устроилъ свою

жизнь, ища въ ней не того, чего слѣдовало, и пугала его при этомъ безотрадной, одинокой старостью. Не было ли это просто инстинктивно поднятымъ ею страхомъ въ немъ предъ этимъ одинокимъ будущимъ—инстинктивное желаніе любви, зарожденное ея словами? Елена говорила, правда, то же самое, но въ ея словахъ не было той пылкой страстности и воодушевленія, какое было у Ольги, и потому слова ея не дѣйствовали съ такою же силой.

Ольга сама была вся жизнь, вся воодушевленіе, и потому невольно заражала своимъ вдохновеннымъ жаромъ; не мудрено, что такой страстный проповѣдникъ тронулъ и его, раскрывъ предъ его глазами то, чего онъ раньше не замѣчалъ. Ему теперь снова хотѣлось имѣть подлѣ себя близкое, дорогое существо, которое почти слилось бы съ его жизнью, живя одними радостями и горемъ, одними чувствами и мыслями съ нимъ самимъ; но такого существа не было, а сдѣлать имъ Мери почему-то пугало и не удовлетворяло его.

И пустота нравственная ничѣмъ не заполнялась, а переутомленіе физическое развивалось все сильнѣе, и съ каждымъ днемъ Чемезовъ дѣлался все угрюмѣе и раздражительнѣе.

Къ тому же и по службѣ почти каждый день были какія-нибудь мелкія и ничтожныя непріятности, но все-таки волновавшія его; съ нѣкотораго времени онѣ стали повторяться все чаще и чаще и мучили его гораздо больше, чѣмъ прежде.

Быть можетъ, непріятностей этихъ было нисколько не меньше прежняго; быть можетъ, онѣ были даже плодами его собственнаго утомленнаго и раздраженнаго состоянія духа. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ, вѣроятно, даже не обратилъ бы на нихъ большого вниманія, но теперь все казалось ему въ такомъ преувеличенномъ и непріятномъ видѣ, что послѣ какого-нибудь самаго обыкновеннаго засѣданія, въ которомъ мнѣніе его расходилось съ мнѣніемъ большинства, и ему приходилось спорить, доказывать и убѣждать всѣхъ, онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и физически, и морально; ему начинало казаться, что онъ болѣе чѣмъ когда-либо окруженъ врагами, недоброжелателями и интригами, которые рано ли, поздно ли, но непремѣнно погубятъ и его, и дорогое ему дѣло. Порой онъ даже съ горечью спрашивалъ себя: изъ-за чего и для чего онъ тутъ въ сущности бьется, мучится, хлопочетъ, растрачивая послѣднія силы, здоровье и годы, когда въ концѣ концовъ, все равно, ничего путнаго и прочнаго изъ всего этого не выйдетъ? въ одинъ прекрасный день его смѣстятъ и выбросятъ, какъ надоѣвшую или ненужную, или опасную вещь, а его преемникъ опять все передѣлаетъ по своему или—что

еще хуже—по старому, по избитымъ шаблонамъ, думая, быть можетъ, не столько о дѣлѣ, сколько о самомъ себѣ и своемъ мѣстѣ, а такъ или иначе, криво или прямо, но ему будетъ всегда пріятно удержать за собой мѣсто, которое даетъ хорошее положеніе и средства.

И на него вдругъ находило страстное желаніе бросить все это и уѣхать куда-нибудь въ глушь, въ деревню, гдѣ онъ отдохнетъ и перестанетъ находиться среди этихъ вѣчныхъ волненій, интригъ, несогласій, недовѣрій и т. п., и станетъ жить, не заботясь ни о дѣлѣ, ни о службѣ, ни о карьерѣ, а живя только для самого себя. Быть можетъ, въ этомъ-то и есть истинное значеніе жизни, или, по крайней мѣрѣ, ея покой и счастіе? Не во сто ли кратъ счастливѣе и благоразумнѣе тѣ эгоисты, порой даже очень милые и добродушные, которые думаютъ только о самихъ себѣ, ищутъ въ жизни благъ только для себя, не задаваясь никакими высшими задачами?

Но въ глубинѣ души онъ тутъ же сознавалъ, что никогда этого не сдѣлаетъ и предпочтетъ умереть хоть двадцатью годами раньше, чѣмъ добровольно сойти съ этой дороги, которая, конечно, мучила его и утомляла, но въ то же время уже настолько втянула его въ свою колею и давала все-таки же такое нравственное удовлетвореніе, что онъ даже не могъ представить себѣ своего существованія помимо службы. Желая развлечься хоть немного, онъ пытался выѣзжать и, между прочимъ, былъ раза два у Обуховыхъ, куда его почему-то все тянуло; но каждый разъ послѣ подобныхъ выѣздовъ онъ возвращался домой еще болѣе уставшимъ, раздраженнымъ и неудовлетвореннымъ въ томъ, чего инстинктивно искалъ и чего никакъ не могъ найти.

II.

Елена Николаевна уже давно стала замѣчать, что съ братомъ творится что-то неладное, и тревожно присматривалась къ его осунувшемуся, пасмурному лицу съ красными отъ работы вѣками и угрюмымъ, тяжелымъ взглядомъ воспаленныхъ глазъ. Съ свойственнымъ ей пониманіемъ она угадала, въ чемъ дѣло и поняла, что братъ такъ заработался, что если не прервать занятій хоть на время, то можетъ случиться что-нибудь очень печальное и для него, и для всѣхъ нихъ. Въ душѣ она опять не могла не повторить себѣ съ печальной горечью, что женись онъ—ничего по-

добнаго не было бы; семейная жизнь сама собой отвлекла бы его отъ слишкомъ большой работы.

— Да,—говорила она себѣ, невольно припоминая священное изреченіе:—„не добро быть человѣку едину!“

Но брату она, конечно, теперь уже ни однимъ словомъ не намекала ни на что подобное, опасаясь еще больше раздражить его, и обращалась съ нимъ со сдержанной, нѣжной лаской, какъ съ трудно-больнымъ, которому все позволяютъ и все прощаютъ.

Такъ прошло почти два мѣсяца, а Чемезовъ, на взглядъ сестры, становился все хуже и хуже. Разъ какъ-то онъ пришелъ къ ней въ неурочное время, гораздо раньше того часа, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе уходить со службы. Елена Николаевна сидѣла одна за работой у себя въ комнатѣ, а дѣти и Зина гуляли. Услышавъ въ гостиной шаги брата, она удивилась про себя такому неурочному его приходу, но едва онъ вошелъ и она взглянула на него, какъ поняла, по его поблѣднѣвшему и вздрагивающему по мускуламъ лицу, что съ нимъ что-то случилось и отчего онъ страшно всволнованъ.

— Юрій,—сказала она, испуганно вставая ему на встрѣчу:—что съ тобой?

— Ничего,—сказалъ онъ глухо и сердито и, отстранивъ ее отъ себя, тяжело опустился въ кресло.—Дай мнѣ чего-нибудь, капель или воды, что-ли,—сказалъ онъ отрывисто и не глядя на нее, точно сердясь и стыдясь чего-то въ одно время. Елена Николаевна поспѣшно бросилась въ свою комнату за водой и каплями; но когда воротилась въ гостиную, Чемезовъ, закрывъ конвульсивно сжатыми руками лицо, уже рыдалъ судорожно и истерично, тѣми тяжелыми, мучительными и для себя, и для другихъ слезами, какими плачутъ только люди, рѣдко плакавшіе въ своей жизни. Елена Николаевна не растерялась, и съ свойственнымъ ей присутствіемъ духа, которое она умѣла сохранять въ подобныхъ случаяхъ, молча подошла къ нему и, не разспрашивая ни о чемъ, заставила его только выпить капель и воды; обнявъ его голову, она съ нѣжной лаской приложила ее къ себѣ на грудь и, не мѣшая ему выплакаться, молча стояла подлѣ него, гладя его по волосамъ своей нѣжной, любящей рукою.

Она была даже рада, что тяжелое душевное его состояніе разразилось, наконецъ, этимъ припадкомъ, послѣ котораго могла наступить реакція, и опасалась только, не вызванъ ли такой припадокъ какою-нибудь серьезною причиной.

Отойдя отъ брата на минуту, она плотно затворила всѣ двери и спустила на нихъ тяжелыя портьеры, чтобы никто

изъ людей не могъ увидѣть его въ такомъ состояніи. Когда ему стало лучше и онъ началъ затихать, она, ничего не говоря ему, съ спокойной лаской заставила его подняться и, бережно обнявъ его и поддерживая руками своими, въ которыхъ вдругъ почувствовала почти мужскую силу, повела его въ свою спальню.

Чемезовъ шелъ почти безсознательно, шатаясь, какъ послѣ тяжелой болѣзни, ничего не видя предъ собой и натыкаясь на стоявшую кругомъ мебель.

Елена Николаевна уложила брата на широкой турецкой оттоманкѣ, перенесла туда съ своей постели подушки, дала ему снова капель и закрыла его плэдомъ.

Но его все еще била нервная лихорадка; онъ машинально, съ какимъ-то тупымъ послушаніемъ, исполнялъ все, что̀ приказывала ему сестра, и даже когда, укрывъ его, она сказала ему: „засни, Юрій", онъ покорно закрылъ глаза, смотрѣвшіе послѣ истерики мутнымъ, безъ всякой мысли, взглядомъ, а черезъ нѣсколько минутъ и дѣйствительно заснулъ тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ.

Елена Николаевна тихонько вышла изъ спальни и сѣла въ смежной съ нею комнатѣ, чтобы на всякій случай быть ближе къ брату.

„Нѣтъ,—сказала она себѣ, когда, взявъ въ руки работу, стала размышлять о случившемся:—ему нужно уѣхать куда-нибудь! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—хоть на время, хоть на мѣсяцъ, даже на двѣ недѣли, лишь бы бросить всякую работу и занятіе и даже не думать о нихъ".

Мысль эта и раньше не разъ приходила ей голову, но только не такъ рѣшительно и опредѣленно, какъ явилась теперь, послѣ припадка съ братомъ, и она рѣшила всѣми силами настаивать на томъ и уговорить его уѣхать во что бы то ни стало. Когда Зина и дѣти съ гувернанткой вернулись съ гулянья, она сказала имъ, чтобы они были какъ можно тише, потому что у Юрія разболѣлась голова и онъ заснулъ въ ея спальнѣ; но когда пришелъ со службы Аркадій Петровичъ, Елена Николаевна подробно разсказала ему все и также повторила свое убѣжденіе, что Юрію необходимо отправиться куда-нибудь хоть на недѣлю.

— Обязательно!—согласился Аркадій Петровичъ, внимательно выслушавъ жену:—иначе онъ положительно съума сойдетъ!

— Ну, хоть и не съума,—съ неудовольствіемъ сказала Елена Николаевна, въ душѣ опасавшаяся именно этого, но не желавшая говорить о томъ вслухъ и такъ легкомысленно:—но, во всякомъ случаѣ, это будетъ для него полезно.

Чемезовъ проспалъ до восьми часовъ вечера, почти три часа, чего днемъ съ нимъ никогда не случалось, и Елена Николаевна уже нѣсколько разъ тихонько подходила къ своей спальнѣ и осторожно заглядывала туда.

Наконецъ, онъ проснулся и въ первую минуту никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и что̀ съ нимъ случилось, сознавая только одно, что онъ гдѣ-то не на своемъ мѣстѣ, гдѣ привыкъ спать, и спалъ какъ будто не въ обычное на то время.

Припомнивъ, однако, все, ему стало крайне непріятно, что онъ такъ поддался своимъ нервамъ, и что они довели его до этой глупой истерики, о которой ему теперь было стыдно вспомнить. Чувствуя, какъ все тѣло его еще ломитъ и болитъ, и совѣстясь почему-то выйти къ сестрѣ, онъ продолжалъ лежать молча, подложивъ руки подъ голову, и старался припомнить, изъ-за чего все это случилось съ нимъ.

Въ сущности, все вышло изъ-за такого вздора, что онъ не понималъ даже, какъ могло это взволновать его до такой степени, и объяснилъ это себѣ только своимъ общимъ напряженнымъ состояніемъ..

Началось все это съ того, что ему потребовалась какая-то спѣшная бумага, но оказалось, что она еще не переписана; переписать ее можно было въ какія-нибудь двадцать, тридцать минутъ времени, но онъ, разсерженный такой небрежностью, велѣлъ позвать къ себѣ Линеева, въ рукахъ котораго находилась эта часть.

Линеевъ былъ одинъ изъ самыхъ старыхъ его сослуживцевъ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ; въ свою очередь, и тотъ былъ горячо преданъ своему молодому, но высоко цѣнимому имъ начальнику, и потому раздраженный, сердитый выговоръ Чемезова искренно огорчилъ его; онъ началъ смущенно оправдываться, говоря, что все будетъ сдѣлано сію же минуту. Но Чемезовъ не слушалъ его.

— Нельзя же такъ относиться къ дѣлу, Андрей Ивановичъ!— съ досадою кричалъ онъ:—нельзя! Неужели же я въ самой ничтожной мелочи не могу положиться на васъ? И неужели же у васъ у самого нѣтъ настолько добросовѣстности, чтобы не подводить меня на каждомъ пустякѣ и взваливать на меня одного всю работу, а самому ни о чемъ не думать и не заботиться? Вѣдь ужъ меня не хватаетъ больше; я съ такими помощниками по 24 часа въ сутки работать долженъ, а на это физическихъ силъ не достанетъ... Лучше совсѣмъ не служить, чѣмъ служить небрежно и недобросовѣстно! — взволнованно кричалъ Чемезовъ, и чѣмъ больше кричалъ и сердился онъ, тѣмъ больше хотѣлось ему кри-

чать и сердиться и хотѣлось все больнѣе задѣть бѣднаго Андрея Ивановича, который совсѣмъ растерялся отъ такого неожиданнаго и непривычнаго обращенія.

— Что же, Юрій Николаевичъ,—сказалъ онъ съ огорченной обидой:—если я ужъ такъ плохъ, такъ лучше мнѣ въ отставку подать.

— Да, Андрей Ивановичъ, лучше въ отставку, лучше, чѣмъ такъ...

— Слушаю-съ,—сказалъ совсѣмъ уже огорченный и обиженный чуть не до слезъ Андрей Ивановичъ, огорченный не столько самой отставкой, сколько такимъ несправедливымъ гнѣвомъ:—я не ожидалъ, конечно, что изъ-за такого...

— И я не ожидалъ, Андрей Ивановичъ,—закричалъ Чемезовъ, уже чувствуя, что что-то сдавило и душитъ его за горло и что ему почти дурно:—и я не ожидалъ!..

Бѣдный Андрей Ивановичъ вышелъ, а Чемезовъ, чувствуя, что ему ужъ очень нехорошо, также сейчасъ же уѣхалъ со службы и, взявъ перваго попавшагося извозчика, отправился прямо къ сестрѣ, самъ не отдавая себѣ отчета, почему къ ней, а не домой.

Теперь ему казалось все это такими пустяками, изъ-за которыхъ, конечно, и смѣшно, и стыдно было такъ волноваться, но въ ту минуту это представлялось ему необыкновенно важнымъ и возмутительнымъ.

— Hélène, это ты?—спросилъ онъ, услышавъ, какъ пріотворилась немного дверь.

— Я,—сказала тихо Елена Николаевна и, осторожно войдя въ комнату, подошла къ брату, заслоняя рукой свѣчку отъ его глазъ.

— Ну что, какъ ты себя чувствуешь?—спросила она съ тревожной улыбкой, наклоняясь надъ нимъ и заглядывая въ его лицо.

— Ничего, ничего,—сказалъ Чемезовъ, торопливо и сконфуженно:—теперь все прошло, присядь тутъ.

— Ты меня напугалъ,—сказала она, опускаясь подлѣ него на оттоманкѣ и слегка дотрогиваясь до его лба и рукъ, чтобы узнать, нѣтъ ли у него жару:—я думала, не случилось ли у тебя какой-нибудь непріятности.

Онъ тихо пожалъ въ отвѣтъ ея теплую руку.

— Нѣтъ, пустяки, я просто поссорился немножко съ Андреемъ Ивановичемъ и наговорилъ ему глупыхъ рѣзкостей;—онъ разсказалъ сестрѣ все, что было;—но,—прибавилъ онъ съ слабой виноватой улыбкой,—это такъ ужъ, просто Андрей Ивановичъ подъ-

руку въ недобрый часъ попался... не съ нимъ, такъ изъ-за другого чего-нибудь вышло бы... это давно уже подготовлялось.

— Я такъ и думала,—съ облегченіемъ сказала Елена Николаевна,—что ничего серьезнаго! Ну, съ Андреемъ Ивановичемъ вы, Богъ дастъ, помиритесь, но вотъ въ чемъ дѣло, Юрій: я хочу поговорить съ тобой,—начала она, но, боясь, что онъ сейчасъ же станетъ возражать ей и только опять, пожалуй, раздражится, она ласково взяла его за руку и спокойно, не давая ему прерывать себя, продолжала:—тебѣ необходимо, милый, уѣхать куда-нибудь, хоть на время, иначе ты окончательно разболѣешься.

— Ну, это глупости!—сказалъ онъ, нахмуриваясь и отнимая отъ нея руку:—я не могу бросить дѣло и уѣхать посреди зимы, въ самый разгаръ работы.

Услышавъ въ спальнѣ голоса, Аркадій Петровичъ тоже осторожно просунулъ голову и, увидѣвъ, что Чемезовъ проснулся, тихонько вошелъ въ комнату.

Онъ тоже началъ убѣждать его, доказывая, что иначе онъ себя окончательно погубитъ.

— Можно уѣхать всего на двѣ недѣли, и это все-таки уже поможетъ хоть отчасти: ты отдохнешь и потомъ, запасшись новыми силами, въ нѣсколько дней наверстаешь пропущенное время; а такъ ты только со всѣми перессоришься и повредишь и дѣлу, и себѣ, и другимъ!

Чемезовъ уныло и хмуро слушалъ ихъ; онъ въ душѣ сознавалъ, что они правы и даже болѣе, чѣмъ думаютъ; мысль уѣхать на двѣ недѣли, раньше не приходившая вовсе въ голову, начала невольно улыбаться ему. Онъ и самъ не разъ думалъ объ отъѣздѣ, но это казалось ему неисполнимымъ, потому что отъѣздъ представлялся чѣмъ-то долгимъ, что рѣшительно отрывало его отъ работы, по крайней мѣрѣ, мѣсяца на два, тогда какъ двѣ недѣли вполнѣ устроивали его. Онъ оживился и сталъ съ большей охотой говорить объ этомъ, возражая все слабѣе и слабѣе.

Они всѣ трое вышли въ столовую, гдѣ уже пили чай Зина и дѣти съ гувернанткой; но Чемезовъ, все еще чувствовавшій себя разбитымъ и изломаннымъ послѣ непривычнаго припадка, посидѣлъ недолго и скоро собрался къ себѣ, сказавъ, однако, на прощанье зятю и сестрѣ, что дѣйствительно, постарается уѣхать и съ завтрашняго же дня начнетъ это устроивать.

— Ну, я такъ рада,—сказала весело мужу Елена Николаевна, когда, проводивъ брата, вернулась въ кабинетъ:—онъ согласенъ уѣхать; это непремѣнно освѣжитъ его!

III.

Дня черезъ три послѣ того Оленины вмѣстѣ съ Зиной и Ильей Егорычемъ собрались на николаевскомъ вокзалѣ провожать Чемезова. Чемезовъ уѣзжалъ пока въ Москву, гдѣ жили большіе его друзья, Борковы, но еще не рѣшилъ окончательно, проведетъ ли онъ всѣ двѣ недѣли въ Москвѣ, или проѣдетъ потомъ въ Сосновки, или куда-нибудь въ другое мѣсто. Онъ ѣхалъ безъ опредѣленнаго плана—просто отдохнуть и развлечься.

Съ того самаго момента, какъ отпускъ его былъ рѣшенъ, Чемезовъ повеселѣлъ и оживился, а съ той минуты, какъ онъ пріѣхалъ съ маленькимъ чемоданомъ въ рукахъ на ярко освѣщенный вокзалъ, кипѣвшій суетливой жизнью, онъ пришелъ окончательно въ нервно-радостное состояніе отъ одной только мысли, что, наконецъ, вырвался и свободенъ на цѣлыя двѣ недѣли, казавшіяся ему теперь огромными до безконечности; что будетъ имѣть право ничего не дѣлать и даже не думать ни о дѣлахъ, ни о начальствѣ, ни о подчиненныхъ, а расхаживать себѣ свободнымъ гражданиномъ, заботясь только о собственномъ отдыхѣ, спокойствіи. Маленькій укоръ совѣсти за то, что онъ бросаетъ занятія въ самый разгаръ ихъ, поднимался минутами въ душѣ его, но онъ успокаивалъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что отпускъ такъ, въ сущности, невеликъ, что дѣло отъ него серьезно пострадать не можетъ, а главное, потомъ, съ свѣжимъ запасомъ силъ, онъ, дѣйствительно, все наверстаетъ въ нѣсколько дней усиленной работой.

Съ веселымъ лицомъ и смѣхомъ шутилъ онъ съ сестрами и Ильей Егорычемъ, а Елена Николаевна радовалась, глядя на него, и думала, какъ давно она уже не видѣла его такимъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ,—говорилъ Аркадій Петровичъ, тоже очень довольный бодрымъ видомъ зятя,—пожилъ бы сначала недѣльки полторы въ Москвѣ, погулялъ бы тамъ хорошенько, а затѣмъ проѣхалъ бы въ Сосновки, поохотился бы тамъ дней десять...

— Да Богъ съ тобой! — смѣялся Чемезовъ:—у меня и отпускъ всего на двѣ недѣли; а во-вторыхъ, вѣдь я вовсе не охотникъ!

— Ахъ, да! это дѣйствительно! Но знаешь что! я на твоемъ мѣстѣ, во-первыхъ, взялъ бы да и продолжилъ свой отпускъ на нѣсколько деньковъ, а во-вторыхъ, все-таки же попробовалъ бы

и поохотиться; мудренаго ничего нѣтъ, а между тѣмъ это удивительно освѣжаетъ и укрѣпляетъ организмъ!

— Я думаю пробыть недѣльку въ Москвѣ, а затѣмъ двинусь, куда глаза глядятъ.

— Отправитесь „искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“,—замѣтилъ, добродушно посмѣиваясь, Илья Егорычъ.

— Вотъ именно!

— Благо и „карета“ подана!

Въ шуткахъ и болтовнѣ они не замѣтили, какъ пролетѣло время до третьяго звонка, и, перецѣловавшись со всѣми, Чемезовъ вскочилъ на платформу тронувшагося уже вагона.

— Ну, ну,—говорилъ Илья Егорычъ, подталкивая его туда:—смотрите-ка, какъ бы „карета“-то ваша безъ васъ не уѣхала!

Чемезовъ, оставаясь на платформѣ вагона, весело раскланивался съ ними, перекидываясь послѣдними привѣтствіями и пожеланіями, и милыя, улыбавшіяся ему лица сестеръ и Аркадія Петровича съ Ильей Егорычемъ стали медленно и поочередно проплывать передъ нимъ, все дальше отодвигаясь отъ него съ каждымъ оборотомъ колеса.

Они всѣ кланялись ему, теперь уже издали, и махали платками, точно провожая его въ далекое путешествіе.

Наконецъ, все скрылось, вокзалъ остался далеко назади, и Чемезовъ вошелъ въ свой вагонъ съ пріятнымъ ощущеніемъ теплоты и покоя. На душѣ у него было легко и радостно, точно у школьника, ѣдущаго на вакацію послѣ долгаго и скучнаго заточенія въ школѣ, и онъ припоминалъ, что точно такое же, только еще болѣе усиленное, чувство дѣйствительно охватывало его, когда въ позднѣйшемъ дѣтствѣ онъ, бывало, летѣлъ домой на вакацію, и когда вмѣстѣ съ восторгомъ отъ сознанія своей свободы на него нападало какое-то особенное, радостное дурачество и шаловливость.

Къ тому же и мѣсто попалось очень удобное; правда, отъ окошка немного дуло, а отъ горячихъ, проходившихъ по низу стѣны, трубъ несло сухимъ жаромъ; но онъ этого не замѣчалъ, и все казалось ему чрезвычайно удобнымъ и пріятнымъ. Даже сосѣди попались все такіе милые и симпатичные.

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ нѣкій Орудаевъ, одинъ изъ тѣхъ людей, котораго Чемезовъ не безъ основанія считалъ въ числѣ своихъ главныхъ недоброжелателей. Онъ даже зналъ, что Орудаевъ самъ мѣтитъ на его мѣсто и у многихъ вредитъ ему, но въ общемъ это былъ прекрасно воспитанный, любезный, краси-

вый господинъ, съ великолѣпными густыми бакенбардами и золотымъ пенснэ на орлиномъ носу; они разговорились такъ дружелюбно, что подъ вліяніемъ хорошаго настроенія Орудаевъ сталъ казаться сегодня Чемезову не только пріятнымъ, но почти даже расположеннымъ къ нему человѣкомъ.

Несмотря на намѣреніе Чемезова не только не говорить о дѣлахъ и своемъ департаментѣ, но даже и не думать о нихъ, они съ Орудаевымъ, конечно, заговорили сейчасъ же именно о нихъ, и оказалось, что, противъ обыкновенія, разговоръ этотъ совсѣмъ не волновалъ Чемезова. Онъ говорилъ весело и спокойно, и даже то внезапное сочувствіе и тонкая лесть, которую Орудаевъ высказывалъ ему, не раздражали и не возмущали его, какъ всегда, а только забавляли.

Въ Любани они вмѣстѣ вышли пить чай, и сейчасъ же по отходѣ оттуда поѣзда Чемезовъ раздвинулъ свой диванъ и приготовилъ себѣ на немъ очень удобную постель; такою, по крайней мѣрѣ, она ему казалась. Орудаевъ, надѣвшій на свою, начинавшую уже сильно плѣшивѣть, голову клѣтчатую шолковую шапочку, помѣстился надъ нимъ, и они очень внимательно и заботливо освѣдомлялись другъ у друга, удобно ли имъ, не душно ли, и, наконецъ, пожелавъ одинъ другому спокойной ночи, затихли и скоро заснули подъ мѣрный, однообразный стукъ колесъ.

Чемезовъ за послѣднее время спалъ обыкновенно очень плохо; но эту ночь, несмотря на всѣ дорожныя неудобства, онъ проспалъ такъ крѣпко, какъ это давно уже съ нимъ не случалось, и просыпался всего два, три раза на какихъ-то станціонныхъ остановкахъ.

На утро онъ проснулся окончательно уже подъ самымъ Клиномъ, свѣжимъ и бодрымъ, какъ это было съ нимъ всегда, когда онъ хорошо проводилъ ночь.

На оконныхъ стеклахъ, затѣйливо расписанныхъ морозомъ, горѣла, отражаясь во внутрь вагона, розовымъ отблескомъ, яркая заря начинавшагося солнечнаго утра, и настроеніе Чемезова, страстно любившаго солнце, подъ вліяніемъ этихъ лучей стало еще лучше и бодрѣе. Вымывшись и пообчистившись на станціи въ мужской уборной холодной водой, онъ съ мальчишескимъ аппетитомъ выпилъ свой жидкій кофе, забѣленный снятымъ молокомъ вмѣсто сливокъ, который всѣ пили наскоро, обжигаясь и торопясь кончить до звонка.

Отъ Клина до Москвы Чемезовъ опять продолжалъ разговоръ съ Орудаевымъ, но уже не о дѣлахъ и департаментахъ, а объ разныхъ общихъ московскихъ знакомыхъ, біографіями которыхъ Орудаевъ, знавшій прекрасно, кто на комъ женатъ и кто кому

доводится дядей или теткой, очень любилъ заниматься, а Чемезовъ, все съ усиливающимся чувствомъ пріятнаго ожиданія и нетерпѣнія, беспрестанно поглядывалъ, не видать ли вдали высокихъ колоколенъ и церквей съ золотыми крестами его любимицы матушки-Москвы.

IV.

Чемезовъ остановился не у Борковыхъ, у которыхъ останавливался почти всегда, когда пріѣзжалъ въ Москву, а въ гостинницѣ.

Онъ сдѣлалъ это, во-первыхъ, потому, что не успѣлъ предупредить ихъ о своемъ пріѣздѣ и не зналъ, свободна ли у нихъ запасная, спеціально служившая для пріѣзжавшихъ гостей, комната, а главное потому, что ему почему-то не захотѣлось останавливаться у нихъ на этотъ разъ, и онъ предпочелъ гостинницу, хотя и затруднился бы отвѣтить, почему ему этого не хотѣлось. Чемезовъ очень любилъ Москву; въ ней ему чувствовалось что-то близкое и родное его сердцу; къ тому же съ ней связывались воспоминанія его первой молодости, и потому почти всегда, когда онъ попадалъ въ нее, его охватывало хорошее, добродушное настроеніе.

Въ ней онъ точно умиротворялся и становился добрѣе и спокойнѣе, противъ своего желчнаго, „петербургскаго“, какъ онъ называлъ, настроенія. Нынѣшній разъ это благодушное, пріятное состояніе охватило его еще сильнѣе обыкновеннаго, едва онъ вышелъ изъ вагона на платформу вокзала, запруженнаго пестрымъ, своеобразнымъ, словно не такимъ, какъ въ Петербургѣ, людомъ.

Онъ сѣлъ, предпочитая почему-то щегольской каретѣ, присланной къ поѣзду изъ гостинницы, московскаго „Ваньку“, опять-таки совсѣмъ не похожаго на петербургскихъ извозчиковъ, и поѣхалъ по узкимъ, грязнымъ и безалабернымъ, но милымъ ему московскимъ улицамъ; видѣть ихъ, время отъ времени, у него являлась какая-то потребность.

День, вмѣсто солнечнаго, превратился въ сѣрый, но теплый; въ воздухѣ крутился, не долетая до земли, мокрый снѣгъ, и отъ него и тротуары, и лошади, и мѣховые воротники и шапки на людяхъ, и сами даже эти люди—казались тоже какими-то сѣрыми, мокрыми и облизлыми; но Чемезову погода, которая въ Петербургѣ еще хуже только подѣйствовала бы на развинченные нервы, здѣсь почти нравилась, и онъ съ удовольствіемъ подставлялъ подъ освѣжающія хлопья снѣга свое разгорѣвшееся лицо.

Пріѣхавъ въ гостинницу, онъ опять вымылся, переодѣлся и все въ томъ же радостно возбужденномъ духѣ поѣхалъ къ Борковымъ, заранѣе смѣясь тому, какъ они удивятся, когда онъ такъ неожиданно нагрянетъ къ нимъ.

Тѣ дѣйствительно не только удивились, но даже были поражены, увидѣвъ его.

Съ самимъ Борковымъ Чемезовъ столкнулся почти у самаго его дома, когда тотъ только-что вышелъ изъ подъѣзда.

— Алексѣй Петровичъ, Алексѣй Петровичъ!—громко закричалъ Чемезовъ, увидѣвъ его.

Алексѣй Петровичъ, услышавъ окликъ, обернулся къ нему, но въ первую минуту, отъ неожиданности, даже не узналъ его, и только уже когда Чемезовъ, соскочивъ съ извозчика, бросился обнимать его, Алексѣй Петровичъ убѣдился, что это онъ самый и есть.

— Фу, ты, Господи!—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—Да какими же вы судьбами здѣсь очутились?

— А вотъ взялъ да и очутился!—смѣялся Чемезовъ, съ удовольствіемъ смотря на такъ знакомое ему, благообразное, точно апостольское, лицо Алексѣя Петровича.

Алексѣй Петровичъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокій, худой, сильно сутуловатый, съ большой плѣшью и длинной волнистой бородой, тайной гордостью своего хозяина. Лицо его было правильное, съ тонкими чертами, прекрасными задумчивыми, сѣрыми глазами и съ тѣмъ восковымъ ровнымъ оттѣнкомъ кожи, которая попадается среди монаховъ строгой, воздержной жизни.

— Да съ какимъ же вы поѣздомъ пріѣхали и вещи-то ваши гдѣ же?—спрашивалъ онъ Чемезова, оглядываясь и не видя извозчика съ его вещами.

— Да что ужъ тутъ толковать! пріѣхалъ, да и все тутъ; ведите лучше домой—тамъ все толкомъ разскажу; или вы куда-нибудь направлялись?

— Нѣтъ, это я такъ, на минуточку только вышелъ, тутъ къ нѣмцу одному въ магазинъ за машинами. Ему изъ Лондона новыя только-что прислали, такъ хотѣлъ взглянуть. Да это не къ спѣху, можно и отложить! Ахъ, вы шутникъ, право,—взялъ да и нагрянулъ! Чего же вы не увѣдомили,—я бы васъ еще на вокзалѣ встрѣтилъ!

Чемезовъ расплатился съ извозчикомъ и догналъ Алексѣя Петровича, который звонилъ уже у своего подъѣзда.

Борковы жили въ собственномъ, небольшомъ, каменномъ одноэтажномъ, но очень помѣстительномъ и уютномъ домикѣ, съ зер-

кальными окнами, заставленными цвѣтами и вазочками, и выкрашеннымъ въ веселую, блѣдно-голубую краску—любимый цвѣтъ самой Марьи Дементьевны.

Они имѣли хорошія средства и, будучи бездѣтны, жили довольно широко, но домовито, любя больше къ себѣ принимать, чѣмъ самимъ выѣзжать.

Марья Дементьевна удивилась еще больше мужа.

— Вотъ ужъ не чаяла-то, не гадала!—радостно восклицала она, нѣсколько разъ цѣлуя Чемезова въ голову, пока онъ цѣловалъ ея пухлыя, бѣлыя, унизанныя браслетами и кольцами, руки.

Она тоже ласково попеняла ему, зачѣмъ онъ не далъ знать заранѣе, чтобы Алеша могъ встрѣтить его на вокзалѣ, и сейчасъ же заторопилась завтракомъ для гостя, такъ какъ они съ мужемъ уже позавтракали.

Марья Дементьевна мало походила на своего мужа. Она была женщина полная, рослая, съ широкими плечами, съ добродушно-энергичнымъ лицомъ, некрасивымъ, но очень пріятнымъ, скорѣй походившимъ на мужское, чѣмъ на женское; сходство это еще увеличивалъ ея крупно обрисованный ротъ, съ прекрасно сохранившимися плотными бѣлыми зубами и очень замѣтными черными усиками надъ верхней губой.

Въ манерѣ ея тоже было много рѣзкаго, угловатаго, мужского, а голосъ и обращеніе были громкіе и рѣшительные, „генеральскіе“, такъ что всѣ, кто зналъ ее—а знало ее чуть не пол-Москвы—тàкъ и называли „генеральшей“, и даже почему-то „губернаторшей“.

— Вотъ,—говорили, бывало,—наша губернаторша поѣхала!

Но, несмотря на свою грозную внѣшность, которую хозяйка не только не старалась какъ-нибудь смягчить, но даже не безъ нѣкоторой гордости увеличивала нарочно, Марья Дементьевна въ душѣ была безгранично доброе, хотя и не безпристрастное существо.

Она, какъ большинство людей съ горячимъ темпераментомъ, была подвержена самымъ страстнымъ, почти безпричиннымъ иногда (инстинктивнымъ, какъ она сама выражалась) симпатіямъ и антипатіямъ, и какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ относилась уже вполнѣ цѣльно и пристрастно.

Какъ симпатіямъ своимъ—все равно, къ какому бы классу людей они ни принадлежали, просто ли къ ея знакомымъ, къ артистамъ ли, рабочимъ ли на ихъ фабрикѣ, къ общественнымъ ли дѣятелямъ, или къ нищимъ на той паперти, которую она посѣщала,—Марья Дементьевна готова была сдѣлать все,

отдать чуть не послѣднюю рубашку, хлопотать о нихъ, спорить и защищать ихъ, сердясь чуть не до удара или разлитія желчи;—такъ, зато, и къ антипатіямъ своимъ была страшно придирчива, недовѣрчива и немилостива, и чѣмъ выше была поставлена эта антипатія въ общественномъ положеніи, тѣмъ недоброжелательность и гоненіе Марьи Дементьевны принимали болѣе грозный характеръ.

Замѣчательно то, что бывали еще случаи перехода изъ симпатій Марьи Дементьевны въ антипатіи, но никогда не случалось обратнаго. Никому изъ „антипатій" не удалось ее смирить и расположить въ свою пользу; съ ними она воевала всю жизнь и не поддавалась ни на какія заискиванія нѣкоторыхъ изъ нихъ, оставаясь твердой и вѣрной своему „первому впечатлѣнію".

И надо отдать ей справедливость, у нея было очень вѣрное чутье,—то чутье, которое особенно присуще женщинамъ, и которое, большею частью, такъ вѣрно позволяетъ имъ угадывать людей.

— Ну, кушайте, голубчикъ, кушайте!—угощала она Чемезова, уже сидѣвшаго съ ней за обильнымъ завтракомъ, и съ такимъ усердіемъ подкладывала ему все самые лучшіе и сочные кусочки, какъ будто подозрѣвала, что онъ добрыхъ четыре дня совсѣмъ не ѣлъ.

Въ отношеніи хлѣбосольства и гостепріимства Борковы были истые москвичи, особенно сама Марья Дементьевна, выросшая въ богатой помѣщичьей семьѣ и сохранившая всѣ обычаи стараго русскаго барства; рѣдко у кого, даже и на Москвѣ, ѣли такъ вкусно и принимали такъ радушно, какъ у Борковыхъ.

Одно было у Борковыхъ горе: дѣтей Богъ не далъ; сначала Марья Дементьевна очень горевала объ этомъ, и даже по монастырямъ разнымъ ѣздила, и обѣты на себя налагала, и богатые вклады дѣлала, молилась пламенно и даже къ докторамъ обращалась—ничего не помогало. Но, постепенно привыкнувъ къ своему бездѣтному положенію, она примирилась съ нимъ, а подъ конецъ даже и скучать перестала; зато она, ища все, на кого бы удѣлить запасъ той огромной доброты, которая таилась въ сердцѣ ея, наполнила домъ свой птицами и собаками всевозможныхъ породъ и прозвищъ. А на заднемъ дворѣ устроила даже спеціальное помѣщеніе, которое такъ и называлось „пристанищемъ"; туда собирались всѣ бездомныя и больныя собаки, подобранныя на улицахъ и самой Марьей Дементьевной, и людьми ея.

Иногда подобные субъекты присылались ей даже кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, которые, зная ея доброту, всѣхъ приставшихъ къ нимъ собакъ присылали прямо къ ней. Послѣ этого не мудрено

понять, почему, какъ только на парадномъ крыльцѣ раздавался звонокъ, такъ сейчасъ же со всѣхъ сторонъ поднимался громкій собачій лай и на встрѣчу гостямъ выбѣгала ихъ цѣлая свора. Но и лай этотъ, и сами собаки, — какъ бы наглядѣвшіяся на гостепріимство своихъ хозяевъ и не желавшія отставать отъ нихъ, — былъ лай радушный и привѣтливый. Точно всѣ эти мохнатыя, веселыя морды, съ радостнымъ виляніемъ хвостовъ и визгомъ выбѣгавшія гурьбой въ перегонку на лѣстницу, кричали хозяевамъ: „Марья Дементьевна, Алексѣй Петровичъ! звонятъ, гости звонятъ. Ѳеклуша, Егорка, отворяйте скорѣй!“ А потомъ уже самимъ гостямъ: „Здравствуйте, здравствуйте! милости просимъ, что это васъ давно не видать!..“

Борковы очень удивились, а Марья Дементьевна даже не на шутку разсердилась, узнавъ, что Чемезовъ остановился въ гостинницѣ, а не у нихъ.

— Да съ чего вы это выдумали? Это что еще за новые порядки пошли? — недовольно спрашивала она, напуская на себя самый грозный свой видъ.

Но Чемезовъ остался опять-таки, самъ не отдавая себѣ яснаго отчета — почему, твердъ, несмотря даже на гнѣвъ милой Марьи Дементьевны.

Увидѣвъ, что его не уломать, Марья Дементьевна хоть и надулась на него, но отпустила все-таки довольно милостиво, взявъ предварительно слово обязательно явиться къ обѣду.

Послѣ завтрака Чемезовъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ отправились „путешествовать“ пѣшкомъ по Москвѣ, что̀ они дѣлали почти всегда, когда Чемезовъ пріѣзжалъ въ Москву. Оба они были хорошіе ходоки и любили ходить ровнымъ, быстрымъ шагомъ, и фланируя такимъ безцѣльнымъ, но пріятнымъ образомъ, исхаживали, бывало, по нѣскольку часовъ кряду.

Ни съ кѣмъ и никогда не говорилось Чемезову такъ легко и откровенно, какъ съ Алексѣемъ Петровичемъ, и большею частью именно когда они такъ путешествовали по московскимъ улицамъ.

Самъ Алексѣй Петровичъ говорилъ обыкновенно довольно мало, оживляясь лишь изрѣдка, и тогда дѣлался дѣйствительно замѣчательно краснорѣчивъ и остроуменъ, но съ Чемезовымъ у нихъ всегда находились живыя, интересныя имъ обоимъ темы, которыя были тѣмъ обильнѣе и интереснѣе, что видѣлись они рѣдко.

Чемезовъ подробно разсказалъ Алексѣю Петровичу о всѣхъ своихъ дѣлахъ по службѣ, о разныхъ объясненіяхъ пріятныхъ и непріятныхъ, случившихся у него за послѣднее время съ разными личностями, а также и о своей хандрѣ, и о томъ физическомъ и

нравственномъ упадкѣ силъ, который сталъ замѣчать въ себѣ за послѣднее время.

Алексѣй Петровичъ слушалъ его съ присущимъ ему задумчивымъ, молчаливымъ, казавшимся на первый взглядъ даже разсѣяннымъ, вниманіемъ, изрѣдка только прерывая его короткимъ вопросомъ и замѣчаніемъ, но по его оживившимся прекраснымъ глазамъ Чемезовъ чувствовалъ, что все, что̀ онъ говоритъ, находитъ въ немъ сердечный откликъ и сочувствіе.

Чемезовъ ничего не упомянулъ, однако, о Мери и о своихъ мысляхъ насчетъ женитьбы. Откровенность его съ Алексѣемъ Петровичемъ была больше дѣловая, вѣрнѣе сказать, даже духовная, витавшая порой почти въ философской области, въ которой у нихъ былъ вѣчный живой обмѣнъ мыслей, но говорить о женщинахъ и о своихъ увлеченіяхъ никогда не приходило имъ въ голову, а потому и на этотъ разъ что-то удерживало и стѣсняло Чемезова начать подобный разговоръ.

Пробродивъ такъ вплоть до обѣда, зайдя по дорогѣ и къ нѣмцу, механику, у котораго долго разсматривали его новыя, очень понравившіяся Алексѣю Петровичу, машины, и еще въ другой, книжный магазинъ, гдѣ ему надо было достать какую-то новую книгу по земледѣльческому вопросу,—они, порядкомъ уставъ и проголодавшись, вернулись домой уже къ самому обѣду, въ отличномъ настроеніи духа, которое всегда являлось у нихъ въ первый день свиданія.

V.

Марья Дементьевна уже ждала ихъ. Она пригласила къ обѣду тоже одну свою пріятельницу, съ которой незадолго до того познакомилась. Пріятельница эта была молодая, красивая и очень богатая вдова, и Марья Дементьевна, вообще любившая всѣхъ сватать и объ женитьбѣ Чемезова старавшаяся чуть не больше еще даже Елены Николаевны, прочила ее теперь ему въ жены, прельстясь ея милліонами, скромными манерами и красивой внѣшностью.

— Ну, — встрѣтила она мужа и Чемезова довольно непочтительно:—всю Москву обшагали?

— Всю! — весело отвѣчалъ Чемезовъ, кланяясь интересной вдовушкѣ, которую видалъ еще въ первый разъ.

Марья Дементьевна познакомила ихъ.

— Не стоило бы васъ и обѣдомъ кормить за ваше вѣроот-

ступничество!—сказала она Чемезову, все еще полу-искренно, полупритворно сердясь на него.

— За какое такое вѣроотступничество?

— А за такое, что не у насъ останавливаться вздумали! Ну, да я душа отходчивая, зла не помню, и даже вашу любимую стерляжью селянку заказала! Хоть по настоящему-то вы ее и не заслужили!

— Ну, спасибо,—засмѣялся Чемезовъ, ласково цѣлуя ея руку, которою она чуть-чуть хлопнула его:—а я, чтобы умилостивить васъ, три тарелки ея съѣмъ,—только ужъ не разносите меня больше, а то я, пожалуй, и вправду испугаюсь!

— Да ужъ это она любитъ,—сказалъ, посмѣиваясь на жену, Алексѣй Петровичъ:—вообразила себя и вправду московскимъ губернаторомъ, да и воюетъ со всѣми безъ церемоніи.

— Ну ладно, ладно, молчи ужъ ты, Алексѣй Божій человѣкъ!—сказала съ улыбкой въ глазахъ Марья Дементьевна мужу.

— Марья Дементьевна не воюетъ, а покоряетъ только!—любезно заговорила вдовушка, мимоходомъ обжигая Чемезова своими жгучими глазами:—вотъ и меня даже покорила!

— Вы говорите: „даже и васъ"?—спросилъ Чемезовъ, съ любопытствомъ оглядывая интересную барыньку и почти догадываясь, для какой цѣли пригласила ее Марья Дементьевна:—значитъ, покорить васъ особенно трудно?

— Ну, какъ кому...—загадочно и кокетливо улыбнулась она.

Чемезовъ зналъ о страсти Марьи Дементьевны къ сватовству вообще и къ его—въ особенности; но насколько это раздражало его въ Hélène, настолько тутъ онъ оставался равнодушнымъ и только добродушно подтрунивалъ въ глаза же самой Марьи Дементьевны и надъ ея неутомимыми хлопотами по этому вопросу, и надъ цѣлой коллекціей разныхъ невѣстъ, которыхъ она къ каждому его пріѣзду умудрялась заблаговременно откуда-то заготовлять.

Обѣдъ прошелъ удачно и очень весело. Всѣ были въ духѣ и охотно шутили и смѣялись, а сосѣдство красивой, явно кокетничавшей съ нимъ женщины нисколько не огорчало и не стѣсняло Чемезова. Напротивъ, чувствуя себя теперь вполнѣ свободнымъ отъ работы и всякихъ дѣловыхъ занятій, онъ, встрѣчаясь съ красивыми, игравшими съ нимъ, глазами своей сосѣдки, даже подумывалъ, отчего бы ему пока не приволокнуться за ней немножко, благо времени много и дѣлать нечего. За обѣдомъ разговоръ зашелъ, между прочимъ, о какой-то новой драмѣ и о Леонтьевой, которая была въ ней особенно хороша.

Чемезовъ разсказалъ, какой фуроръ произвела она у нихъ въ Петербургѣ, а также и о томъ, какъ онъ возобновилъ знакомство съ ней и съ ея сестрами.

Оказалось, что и Борковы, и вдовушка, тоже лично съ ней знакомы, а Марья Дементьевна не только была ея страстной поклонницей, но и избрала ее въ число самыхъ горячихъ своихъ симпатій.

— Мы у нихъ даже и капусту въ каждый чистый понедѣльникъ ѣдимъ!—заявила она съ торжествомъ.

— Это еще что за капуста?—удивился Чемезовъ.

— А какъ же, это ужъ у насъ на Москвѣ такой обычай заведенъ,—конечно, не у всѣхъ, но многіе соблюдаютъ,—чтобы въ чистый понедѣльникъ сбираться всѣмъ вмѣстѣ у кого-нибудь изъ знакомыхъ и кутить на постный манеръ! У театральныхъ этотъ капустникъ всегда ужъ у Леонтьевыхъ бываетъ; у нихъ это испоконъ вѣка, при старикѣ еще завелось!

— А вѣдь дѣйствительно, дѣйствительно,—воскликнулъ Чемезовъ:—я теперь припоминаю, бывало что-то въ этомъ родѣ!

— Но какая прелесть эта Ольга Леонтьева!—съ нѣжнымъ восторгомъ сказала Марья Дементьевна:—я въ нее положительно влюблена; вотъ ужъ могу-то сказать: самая горячая моя симпатія!

— Ну, у васъ ихъ, кажется, не мало!—пошутилъ Чемезовъ, но въ душѣ ему было это очень пріятно. Въ сущности, онъ весьма высоко ставилъ мнѣніе Марьи Дементьевны, чуткость котораго она не разъ доказала уже на дѣлѣ.

За послѣднее время, подъ вліяніемъ вѣчной заботы и угнетеннаго состоянія духа, Чемезовъ рѣдко думалъ объ Ольгѣ, какъ-то безотчетно для самого себя оставляя это до другого, болѣе удобнаго на то времени; не думалъ онъ объ ней даже и за всю дорогу отъ Петербурга до Москвы, хотя и рѣшилъ непремѣнно и не разъ побывать у нихъ, и намѣревался сдѣлать это завтра или послѣ-завтра; но поднявшійся объ ней разговоръ опять оживилъ предъ нимъ ея милый образъ, и его вдругъ потянуло къ ней, тою безотчетной, необъяснимой симпатіей, которою тянуло все время, пока она находилась въ Петербургѣ, когда онъ, вопреки своимъ привычкамъ, оставлялъ спѣшныя бумаги и занятія, чтобы лишній разъ побывать у нея или въ театрѣ.

— А что сегодня идетъ?—спросилъ онъ, думая, нельзя ли еще сегодня же вечеромъ побывать у нея, если она свободна.

— Какъ разъ та новая пьеса, о которой мы вамъ говорили.

— Не пойти ли мнѣ посмотрѣть ее?—сказалъ Чемезовъ, вынимая часы.

— А что же, прекрасно! пожалуй, и всѣ не откажутся,—я, по крайней мѣрѣ, съ восторгомъ! — съ полнымъ удовольствіемъ предложила Марья Дементьевна, страстная охотница до театра, готовая тамъ бывать хоть каждый день.

Но, къ ея сожалѣнію, планъ этотъ не состоялся; во-первыхъ, Чемезовъ, желавшій ѣхать одинъ, чтобы сегодня же какъ-нибудь повидаться съ Ольгой, не сочувствовалъ ему, а, во-вторыхъ, интересная вдовушка тоже отказалась. Ей нужно было ѣхать куда-то на вечеръ, и она уже торопилась домой, чтобы отдохнуть и переодѣться.

Алексѣю Петровичу тоже не хотѣлось; онъ любилъ немножко вздремнуть послѣ обѣда, и потому обыкновенно, когда собирались въ театръ, то Борковы обѣдали часомъ раньше. Когда обѣдъ кончился, Марья Дементьевна увела гостей въ гостиную, а Алексѣй Петровичъ незамѣтно удалился къ себѣ.

Вдовушка, къ немалому удивленію Чемезова, предложила довезти его въ своей каретѣ, на что онъ охотно согласился, слегка заинтересовавшись ея кокетствомъ, пріятно щекотавшимъ его самолюбіе.

— Однако, — сказала она, вынимая маленькіе, осыпанные брильянтами, часики и заботливо взглядывая на нихъ:—вы не боитесь опоздать? уже двадцать минутъ восьмого.

— Нѣтъ, если ѣхать, такъ ужъ, разумѣется, лучше къ началу,—сказалъ Чемезовъ съ свойственной ему порой безцеремонностью.

— Въ такомъ случаѣ, я готова,—сказала она, не вполнѣ довольная его нелюбезнымъ отвѣтомъ, и, поспѣшно допивъ большими глотками свой черный крѣпкій кофе, сейчасъ же поднялась и начала прощаться съ хозяйкой.

— Ну, вы, измѣнникъ, — обратилась къ Чемезову Марья Дементьевна:—теперь, чай, на долго пропадете?

— Зачѣмъ же пропадать! Богъ дастъ, завтра же увидимся.

— Нѣтъ вамъ больше отъ меня вѣры; вотъ вѣдь,—пожаловалась она вдругъ вдовушкѣ, уже надѣвшей шляпу и натягивавшей на руку длинныя шведскія перчатки:—на старости лѣтъ измѣнять вздумалъ!

— Это нехорошо!—съ какой-то многозначительной улыбкой сказала та.

— Да ужъ что̀ хорошаго, вѣкъ ему этого не забуду—и добро бы промѣнялъ-то на людей, а то на гостинницу вдругъ! И что̀ они только въ этихъ кабакахъ хорошаго находятъ, понять не могу!

— Нечего, нечего—„не могу"!—поддразнилъ ее Чемезовъ, знавшій, что Марья Дементьевна и сама время отъ времени очень не прочь поужинать послѣ театра гдѣ-нибудь въ ресторанѣ.—А кто насъ съ Алексѣемъ Петровичемъ всегда упрашивалъ: „возьмите меня, пожалуйста, съ собой!"?

— Еще что выдумали! Стану я упрашивать! Захочу, такъ и одна пойду, мнѣ нянекъ не нужно!—И Марья Дементьевна, принявъ самый внушительный видъ и слегка даже подбоченясь о свой полный бокъ, вызывающе посмотрѣла на него.

Наконецъ, всѣ опять распрощались, и проворная, всегда веселая Өеклуша побѣжала впереди ихъ растворить парадную дверь, конвоируемая нѣсколькими собаками, большими и малыми, которыя съ игривымъ подвизгиваніемъ тоже выбѣжали откуда-то провожать гостей.

— А то пріѣзжайте-ка лучше послѣ театра къ намъ чай пить!—крикнула вслѣдъ Марья Дементьевна.

— Нѣтъ, ужъ поздно будетъ,—отозвался Чемезовъ уже съ порога:—до свиданья, до завтра!

Тысячные рысаки вдовушки, едва сдерживаемые толстымъ, бородатымъ кучеромъ, нетерпѣливо били копытами у подъѣзда, вздрагивая своими красивыми мускулами.

Өеклуша, замѣнявшая и лакея, и швейцара, потому что Марья Дементьевна не любила мужской прислуги, ловко отворила дверцы кареты и подсадила господъ.

— Счастливо оставаться!—звонко крикнула она, захлопывая дверцы.

— Прощайте, Өеклуша.

Рысаки разомъ подхватили; собаки съ веселымъ лаемъ бросились на перегонку съ лошадьми, но Өеклуша звонко, на всю тихую улицу, кричала имъ, сзывая ихъ домой.

— Трезоръ, Буянка, Сарданапалъ, Пегаска! куда вы, глупыя! домой!

Карета мчалась, слегка покачиваясь на упругихъ рессорахъ, и лицо вдовушки мелькало предъ Чемезовымъ, то освѣщаемое свѣтлыми полосами пробѣгавшихъ фонарей, то снова тонуло въ сумракѣ.

— А вы рѣдко, кажется, заглядываете въ наши края?—спросила она, пристально смотря на него съ какой-то неопредѣленной, заманчивой улыбкой.

— Нѣтъ, нельзя сказать, почти каждый годъ бываю, а иногда и чаще.—Чемезовъ вообще не любилъ ѣздить въ каретахъ, а эта

казалась ему какъ-то особенно душною и точно пропитанной какими-то сильными, безпокоившими его духами.

— Я только въ этомъ году познакомилась съ Марьей Дементьевной, но мы очень полюбили другъ друга; она замѣчательная женщина, немножко чудачка...

— Да, она прекрасная женщина... Однако, мы уже пріѣхали! — прибавилъ онъ, замѣтивъ не безъ удовольствія, что карета въѣхала въ длинную полосу свѣта освѣщеннаго театральнаго подъѣзда.

Онъ поспѣшилъ поблагодарить свою любезную спутницу, которая подъ конецъ, и своими любезностями, и загадочными улыбками, и великолѣпными глазами, стала точно слегка стѣснять его и казаться даже какой-то приторной.

— Я буду очень рада видѣть васъ у себя,—обязательно сказала она и сама помогла ему открыть дверцу, ручка которой была устроена какимъ-то особеннымъ, будто бы упрощеннымъ, механизмомъ.

Чемезовъ поблагодарилъ и, пожавъ еще разъ ея горячую, надушенную руку, поспѣшно вышелъ на свѣжій воздухъ и всей грудью вдохнулъ его въ себя, съ пріятнымъ чувствомъ облегченія отъ духоты и отъ какой-то странной непріятной неловкости, которую онъ сталъ чувствовать въ присутствіи красивой, любезной и интересной, но почему-то ставшей ему вдругъ противной вдовушки. Спектакль уже начался; въ пустыхъ корридорахъ только безучастно бродили, тихо разговаривая между собой, капельдинеры, да дремали, привезенные кое-кѣмъ съ собой, лакеи. Но на стѣнахъ были вывѣшены пестрые аншлаги, объявлявшіе, что новая пьеса, по болѣзни г-на Рыкалова, отмѣняется, а вмѣсто нея идетъ „Уріель Акоста“.

Чемезову, въ сущности, было все равно, что̀ идетъ; ему хотѣлось только видѣть Ольгу, и онъ встревожился, боясь, что и она тоже не участвуетъ, но, къ его удовольствію, имя ея стояло на афишѣ.

VI.

Выходъ Ольги былъ только во второмъ дѣйствіи; но когда она вышла,—Чемезовъ, все время нетерпѣливо поджидавшій ее, въ первую минуту почти не узналъ ея—до такой степени старинный, богатый голландскій костюмъ, а главное—гримировка, наложенная искусною рукой, художественно измѣняли всю ея фигуру и

лицо, придавая ему типъ строгой, чисто-еврейской, почти библейской красоты.

Онъ съ любопытствомъ и улыбкой разсматривалъ ее въ бинокль, невольно любуясь ею и даже не понимая, какъ умудрялась она достигать гримировкой того, что даже черты ея казались совсѣмъ иными, не говоря уже о манерахъ, жестахъ и даже голосѣ, которые измѣнялись каждый разъ, согласно характеру той роли, которую она передавала. Тотъ, кто смотрѣлъ на нее теперь въ роли Юдиѳи, невольно чувствовалъ въ каждомъ ея движеніи, словѣ и взглядѣ то высокое, духовное развитіе, которое она заимствовала отъ своего учителя и друга, также какъ и то, что это была натура благородная, искренняя, не умѣющая унижаться до лжи и притворства, натура женственная, но самостоятельная, могущая покоряться только тому, кого избирало ея сердце, одна изъ тѣхъ цѣльныхъ и глубокихъ натуръ, которыя способны доходить до самыхъ высокихъ жертвъ не только ради дорогихъ людей, но и во имя идеи.

Когда вошелъ Уріель, глаза ея вспыхнули такой глубокой нѣжностью, она такъ радостно, гордо и покорно пошла къ нему на встрѣчу, что, смотря на нее, становилось яснымъ, до какой безграничной преданности можетъ доходить любящая женщина.

Ея горячія, влюбленныя, полныя молодой вѣры и энергіи, рѣчи поднимали въ Чемезовѣ какое-то странное волненіе, и вся Юдиѳь въ эти минуты, своимъ пламеннымъ и любящимъ образомъ, точно открывала предъ нимъ во-очію женское сердце со всей силой и нѣжностью его любви, и любовь эта, съ такой художественной поэзіей передаваемая ею, невольно очаровывала и привлекала его.

Самое сильное впечатлѣніе произвела она на него въ томъ мѣстѣ, когда раввины въ домѣ самого же Монассе проклинаютъ Акосту.

Она стояла среди народа съ безжизненнымъ, застывшимъ отъ ужаса и горя, лицомъ, какъ бы не видя ни отца, ни друзей, осторожно отведшихъ ее въ сторону отъ Акосты; но когда раввинъ, среди страшныхъ и торжественныхъ проклятій, произнесъ:

— „Не встрѣтишь ты ни разу въ женскомъ сердцѣ горячаго привѣта“...

— „Лжешь, раввинъ!“ —вскрикнула она съ безумной отчаянной силой, и безстрашно, на глазахъ всѣхъ, проклинавшихъ его, бросилась въ объятія Акосты.

И долго еще потомъ, когда занавѣсъ уже спустился, въ ушахъ Чемезова раздавался этотъ вдохновенный, влюбленный и торжествующій крикъ, какъ бы внезапно и невольно вырвавшійся въ

страшную минуту изъ глубины возмущенной души,—и носилось въ памяти блѣдное, дрожащее отъ волненія и гнѣва лицо женщины съ гордо горящими глазами, которая такъ смѣло и открыто призналась предъ всѣмъ народомъ въ своей любви къ Акостѣ въ ту самую минуту, когда всѣ остальные такъ жалко и трусливо поспѣшили скорѣй отойти отъ него.

„Да, — подумалъ Чемезовъ, — такъ любить можетъ только женщина!" И ему стало точно больно и грустно, что въ его жизни не было никогда ни одной, женщины, которая „такъ" любила его... Ему хотѣлось сейчасъ же пойти къ Ольгѣ и увидѣть ее вблизи,—и было жаль, зачѣмъ сегодня, имѣя время, онъ не поѣхалъ къ нимъ. Какъ пройти за кулисы—онъ не зналъ, да и боялся, что его, какъ посторонняго, пожалуй, и не пропустятъ туда; но на его счастье ему попался нѣкій Корѣцкій, страстный любитель театра, знавшій не только всѣхъ артистовъ, но и всѣ выходы, входы и проходы въ каждомъ театрѣ,—и онъ провелъ Чемезова за кулисы, гдѣ попросилъ какого-то маленькаго выходного актера провести Чемезова до уборной „Ольги Львовны", къ которой самъ почему-то не пошелъ.

Давно уже не случалось Чемезову быть за кулисами, и какъ только онъ попалъ туда и очутился въ одномъ изъ узкихъ боковыхъ проходовъ, между нагроможденными декораціями, которыя рабочіе на-скоро устроивали на пустой сценѣ, его охватило какое-то странное и жуткое чувство, смѣшанное съ любопытствомъ, удовольствіемъ и неловкостью.

Откуда-то, вѣроятно изъ раскрытыхъ настежъ дверей мужскихъ уборныхъ, доносился громкій говоръ и взрывы хохота; на встрѣчу поминутно попадались торопливо бѣгущіе буфетные лакеи съ подносами, уставленными чаемъ, пивомъ и бутербродами, горничныя и, вѣроятно, портнихи актрисъ, съ суетившимися, озабоченными лицами, или сами актеры и актрисы, спокойно ходившіе и смѣявшіеся между рабочими и декораціями; и ихъ фигуры—съ загримированными лицами и наклеенными бородами и париками—казались Чемезову здѣсь, вблизи, какими-то странными, необыкновенными и смѣшными, тогда какъ нѣсколько минутъ назадъ, на ярко освѣщенной и отдаленной отъ него сценѣ, онъ не находилъ въ нихъ ничего особеннаго.

Посреди сцены, широко разставя ноги и запрокинувъ голову кверху, стоялъ какой-то худой, повидимому желчный господинъ, вѣроятно режиссеръ, и что-то громко и сердито кричалъ верхнимъ рабочимъ о какомъ-то новомъ потолкѣ съ розовыми разводами.

Онъ недовольно оглядѣлъ Чемезова и, скосивъ на него глаза, отрывисто вполголоса спросилъ у шедшаго впереди его провожатаго:

— Къ кому?

— Къ Ольгѣ Львовнѣ-съ,—поспѣшно и почтительно отвѣчалъ тотъ.

Желчный господинъ ничего на это не отвѣтилъ и, не обращая на нихъ больше вниманія, снова поднялъ голову вверху и принялся кричать, что-то растолковывая не понимавшимъ его, вѣрно, рабочимъ, своимъ нетерпѣливымъ, раздражительнымъ голосомъ.

Чемезову все это было какъ-то странно забавно; онъ сознавалъ охватившую его жуткость и неувѣренность, и это смѣшило его; онъ самъ себѣ казался точно напроказившимъ школьникомъ, потихоньку пробравшимся въ такое запрещенное ему мѣстечко, изъ котораго каждую минуту его могли съ позоромъ вывести, и гдѣ послѣдній рабочій, которому онъ попадался подъ ноги, безцеремонно толкалъ его и на него же еще покрикивалъ, не чувствуя предъ нимъ ни страха, ни почтенія.

Ему, однако, нравилась эта нервная, суетливая, кипѣвшая вокругъ него жизнь, и она какъ бы и его самого заражала своимъ безпокойнымъ, но пріятнымъ волненіемъ.

Наконецъ, его проводникъ, поднявшись на нѣсколько деревянныхъ ступенекъ, остановился предъ маленькой дверью.

— Вотъ-съ,—почтительно обратился онъ къ Чемезову:—это ихняя-съ уборная; извольте здѣсь постучаться.

И онъ удалился съ скромнымъ, но хитрымъ видомъ.

Чемезовъ поблагодарилъ его и осторожно постучалъ.

Его жуткое волненіе сильнѣе поднялось въ немъ почему-то въ эту минуту, пока онъ ждалъ отвѣта Ольги.

— Войдите!—сказалъ ея голосъ.

Онъ отворилъ дверь; она сидѣла спиной къ нему, осторожно поправляя предъ зеркаломъ гримировку глазъ, но, обернувшись слегка въ его сторону и увидѣвъ его, вдругъ вся вспыхнула, глаза ея блеснули радостно и удивленно, и, быстро поднявшись со стула, она стремительно рванулась на-встрѣчу, протягивая къ нему обѣ руки.

— Вы...—воскликнула она тихо, словно не вѣря себѣ:—вы...

Онъ горячо взялъ ея милыя руки, такъ радостно бросившіяся ему на встрѣчу, и крѣпко, одну за другой, поцѣловалъ ихъ.

И вдругъ, только въ эту минуту, когда онъ увидѣлъ такъ близко подлѣ себя ея просвѣтлѣвшее при его входѣ лицо, онъ понялъ, чего

ему такъ мучительно и тоскливо недоставало все послѣднее время и отчего кругомъ казалось такъ пусто и одиноко. Но то̀, что̀ онъ понялъ, не испугало, не смутило и не удивило его даже, а только подняло въ немъ какое-то новое, свѣтлое, отрадное чувство, отъ котораго на душѣ его стало такъ радостно и легко, точно онъ, наконецъ, нашелъ то нѣчто прекрасное и дорогое ему, чего такъ долго искалъ и все не могъ найти...

— Не ждали?—спросилъ онъ тихо, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.

Она отвѣтила не сразу и молча смотрѣла на него сіяющимъ взоромъ, точно о чемъ-то думая, что-то припоминая.

— Нѣтъ,—сказала она съ счастливой, твердой увѣренностью:—я ждала! Я знала, знала,—воскликнула она вдохновенно,—что вы пріѣдете!

И они оба замолчали, съ задумчивымъ, удивленнымъ счастьемъ смотря другъ на друга.

— Я знала...—тихо повторила она.

— А я... я не зналъ!—И онъ крѣпко сжалъ ея горячія руки, удивляясь теперь, какъ онъ могъ не знать, не понимать и не предчувствовать даже того, въ чемъ и заключалась вся суть пережитыхъ дней.

Гдѣ-то, сначала далеко, раздался долгій, дребезжащій звонокъ, который все приближался къ нимъ.

— Звонятъ...—сказала она какъ-то машинально, все еще не отводя отъ него свои прекрасные, озаренные яркимъ свѣтомъ глаза.

— Да, звонятъ...—И онъ невольно выпустилъ ея руки, сознавая, что ей нужно идти на сцену и что имъ пора разстаться.

Въ ту же минуту подлѣ дверей уборной раздался чей-то торопливый голосъ:

— Ольга Львовна, пожалуйте на сцену!

— На сцену?.. да, на сцену, сейчасъ...—сказала она разсѣянно, точно не понимая, куда и зачѣмъ ее зовутъ; но Чемезовъ, уже овладѣвшій собой и усиліемъ воли разрушившій сладкое очарованіе промелькнувшей минуты, понималъ лучше ея, что она не должна медлить.

— Идите...—сказалъ онъ ей нѣжно, но твердо:—мы еще увидимся.

И, пожавъ въ послѣдній разъ ея руку, онъ вмѣстѣ съ нею вышелъ изъ уборной.

Онъ ласково кивнулъ ей на прощанье, и торопливо, боясь задерживать ее, пошелъ къ выходу, но, дойдя до послѣдняго поворота, невольно обернулся назадъ.

Она стояла все на томъ же мѣстѣ и, опустивъ руки, смотрѣла ему вслѣдъ своимъ задумчивымъ, удивленнымъ и разсѣяннымъ взглядомъ, издали сіявшимъ и улыбавшимся ему...

VII.

„Да, вотъ оно что!—сказалъ себѣ Чемезовъ, возвращаясь на свое мѣсто:—вотъ что!“ Онъ чувствовалъ, что ушелъ отсюда однимъ человѣкомъ, а возвращался другимъ, какъ бы обновленнымъ и прозрѣвшимъ, самъ себя почти не узнавая въ этомъ новомъ человѣкѣ, такъ внезапно и съ такой силой проснувшемся въ немъ.

Это и радовало, и поражало его своей неожиданностью; онъ старался, по свойственной ему привычкѣ, точнѣе анализировать и уяснить себѣ свое чувство, но оно какъ бы не поддавалось анализу; анализъ ускользалъ, и оставалось только само чувство, прекрасное, взволнованное и удивленное, съ каждой минутой, съ каждой мыслью точно все сильнѣе и ярче охватывавшее его.

Какъ, когда, почему оно явилось—онъ не зналъ, но чувствовалъ только, что оно началось не сейчасъ, что начало ему положено гдѣ-то очень давно и далеко.

— Да,—подумалъ онъ:—это не неожиданность; неожиданности, въ сущности, не было, но было какое-то странное затмѣніе.

Теперь ему казалось, что „это“ началось еще въ первый спектакль, когда, послѣ такого долгаго промежутка, онъ снова увидѣлъ ее, а можетъ быть даже и раньше, еще въ дни молодости, когда она, милая, чистая дѣвочка, впервые полюбила его. Не даромъ же онъ, избѣгавшій всѣхъ этихъ новыхъ знакомствъ, такъ охотно поѣхалъ къ Обуховымъ, только для того, чтобы увидѣть ее. И все время, что она была въ Петербургѣ, развѣ не влекло его къ ней, несмотря на всю антипатію, которую онъ чувствовалъ къ окружающему ее обществу, а минутами даже и къ ней самой? Но тогда чувство это было неясно, неувѣренно почти безсознательно; онъ, пожалуй, самъ бы не повѣрилъ даже, еслибы подобная мысль пришла ему въ голову, а между тѣмъ, едва она уѣхала, какъ онъ сталъ впадать въ то уныніе и раздраженіе, которыя потомъ такъ сильно овладѣли имъ; конечно, это было также и плодомъ чисто физическаго переутомленія отъ занятій; но кто знаетъ, имѣли ли бы эти занятія такое разрушитель-

ное дѣйствіе, еслибы самъ онъ былъ въ другомъ, болѣе отрадномъ настроеніи?

Не была ли это просто безотчетная тоска по ней? Но всего сильнѣе поражало его, какимъ образомъ онъ, такъ хорошо знавшій себя, такъ привыкшій все разбирать и взвѣшивать въ себѣ, могъ такъ долго не понимать и не замѣчать того, что̀ безсознательно для него самого родилось, развивалось и выросло постепенно въ душѣ его?

Еще даже сегодня ночью, когда, словно движимый инстинктивнымъ предчувствіемъ, такъ радостно стремился въ Москву, онъ почти не думалъ о ней!

Теперь онъ понималъ, почему послѣднее время сталъ часто думать о женитьбѣ, о Мери, почему такъ сильно сталъ ощущать недостатокъ женскаго существованія въ своей жизни; вспоминая тогда Ольгу, онъ воображалъ, что думаетъ о ней только потому, что вообще сталъ думать о женщинахъ, и не понималъ того, что онъ думаетъ о женщинахъ только потому, что думаетъ о ней, и ощущаетъ ихъ недостатокъ въ своей жизни только потому, что ему недоставало ея, Ольги, къ которой безсознательно для него самого стремилось его существо...

Когда она вышла опять на сцену и взглянула въ его сторону, онъ почувствовалъ, какъ она сразу отыскала его въ толпѣ, и глядитъ на него.

Первыя, произнесенныя ею, слова были небрежны и разсѣянны, —словно, все еще отвлеченная и сосредоточенная мысленно на чемъ-то другомъ, она не могла сразу войти въ роль.

Чемезовъ тревожно смотрѣлъ на нее, и радуясь ею, и въ то же время невольно боясь за нее.

Онъ видѣлъ, что она не только не играетъ такъ художественно и горячо, какъ обыкновенно, но просто плохо даже, видимо не думая о томъ, что̀ дѣлаетъ, и говоритъ машинально, по привычкѣ.

И это было замѣтно не одному ему: въ публикѣ чувствовалось легкое удивленіе, и какой-то господинъ, сидѣвшій подлѣ Чемезова, тихо замѣтилъ своей дамѣ:

— Что̀ это съ ней?

Но публика имѣетъ своихъ любимцевъ, и любимцы эти имѣютъ свои права. Имъ многое прощаютъ такого, чего другимъ, даже въ меньшей степени, не простятъ никогда. На ихъ промахи и недостатки толпа, точно безмолвно сговорившись между собой, добродушно закрываетъ глаза, притворяясь, что ничего не замѣ-

чаетъ, а если не замѣтить уже невозможно, тогда всячески старается оправдать и извинить ихъ другъ передъ другомъ.

Такъ было и сегодня: всѣ сознавали, что Леонтьева не въ ударѣ и играетъ плохо; но какъ бы не только вполнѣ прощая ей это за прежнія заслуги, и даже, словно желая ободрить и увѣрить ее, что никто не въ претензіи на нее за это, и чтобы она не безпокоилась такими пустяками,—ее вызывали и апплодировали чуть не больше обыкновеннаго.

Во время антракта Чемезовъ, боясь еще сильнѣе развлечь ее, не пошелъ къ ней въ уборную, какъ ему того хотѣлось, но рѣшилъ, по окончаніи спектакля, дождаться ея у театральнаго крыльца, подлѣ котораго, во времена оны, они, студенты, поджидали, бывало, своихъ „кумировъ".

Въ пятомъ актѣ Ольга была нѣсколько лучше, но все еще ниже обыкновеннаго, и только уже въ самомъ концѣ дѣйствія она опять разыгралась, и слова:

Мой Уріель, и ты могъ думать,
Что та душа, которую такъ нѣжно
Ты развивалъ... не знала, какъ платить
Свой долгъ любви!..

—сказала такъ хорошо, что Чемезовъ невольно понялъ, почему публика такъ легко простила ей испорченный актъ. Для одного этого мѣста стоило придти смотрѣть ее.

Смерть какъ будто боролась въ ней съ любовью, и физическое страданіе, передаваемое ею съ потрясающею силой естественности, какъ бы сливалось съ послѣдними вспышками страстной любви къ Уріэлю; она говорила съ нимъ уже съ трудомъ, среди стоновъ, судорожно вздрагивая въ предсмертныхъ мукахъ, отъ которыхъ лицо ея точно осунулось и посинѣло, но все-таки не отрывала отъ него своихъ глубокихъ влюбленныхъ глазъ, и взглядъ ея все потухалъ и меркъ на миломъ ей лицѣ, черты котораго она точно хотѣла запечатлѣть и унести съ собою въ вѣчность... И она умерла съ этимъ открытымъ, застывшимъ и дѣйствительно потухшимъ взглядомъ... Странное чувство охватило Чемезова, когда занавѣсъ опускался: какое-то жуткое и страстное желаніе увидѣть ее скорѣе опять живою и радостною, какою она стояла предъ нимъ часъ назадъ въ своей уборной, когда ея потухшіе теперь глаза такъ ярко сіяли предъ нимъ.

Надъ театромъ точно пронеслась реальная, дѣйствительная смерть, испугавшая на мгновеніе впечатлительную толпу, напомнивъ ей страшную перспективу въ ту самую минуту, когда она

меньше всего думала о ней и желала только забавляться и наслаждаться.

Тамъ и сямъ виднѣлись блѣдныя, взволнованныя лица, маскировавшія тяжелое впечатлѣніе и инстинктивный страхъ подъ веселыми шутками и аплодисментами.

Чемезовъ радостно вышелъ на морозный воздухъ. Ольга, какъ артистка, не удовлетворила его сегодня даже въ послѣдней сценѣ, хотя провела ее съ потрясающимъ реализмомъ; но реализмъ этотъ былъ ему почему-то непріятенъ. Она была такая большая, истинная артистка, что могла обходиться и безъ него, или, вѣрнѣе сказать, должна была художественно маскировать его силою своего прекраснаго таланта.

Онъ хотѣлъ сказать ей это, а покамѣстъ дожидалъ у подъѣзда ея выхода, и желаніе видѣть ее живой, здоровой и счастливой все усиливалось въ немъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ея фигура, закутанная въ шубу и платокъ, показалась въ узенькомъ „актерскомъ“ подъѣздѣ.

Они сразу увидѣли и узнали другъ друга, и она прямо съ улыбкой пошла къ нему на встрѣчу и, чему-то весело засмѣявшись, взяла его подъ руку такъ просто и спокойно, точно ожидала найти его здѣсь.

— И это... и это я знала! — сказала она, радостно улыбаясь ему.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только крѣпче прижалъ къ себѣ ея руку, сильно, по-мужски, опиравшуюся на него.

Она была безъ шляпы, съ головой, покрытой просто мягкимъ бѣлымъ платкомъ, и блестящій, крѣпкій снѣжокъ, кружившійся въ воздухѣ, падалъ на ея пушистые, чуть-чуть развѣвавшіеся волосы и блестѣлъ въ нихъ алмазными искорками.

— Я провожу васъ,— сказалъ онъ ей тихо, но она крѣпко, точно удерживая, прижала къ себѣ его руку.

— Нѣтъ, зайдите, пожалуйста... мама будетъ такъ рада... Я разсказала ей про нашу встрѣчу въ Петербургѣ, и она очень обрадовалась. Нѣтъ, зайдемъ; хорошо?

Онъ молча кивнулъ ей головой и пошелъ рядомъ съ ней, почти ничего не говоря и только радостно ощущая подлѣ себя ея милое присутствіе.

На душѣ его было какъ-то странно, ново, но хорошо, и ему хотѣлось молчать, внутренно наслаждаясь и созерцая это прекрасное новое чувство, которое озаряло и согрѣвало его какими-то теплыми, свѣтлыми лучами. Ему было жаль говорить и разрушать его сладкое очарованіе словами.

Зато Ольга была вся—жизнь и оживленіе. Она говорила, говорила безъ умолку; глаза ея блистали, щеки горѣли, она поминутно чему-то весело смѣялась и вся была въ какомъ-то нервномъ, порывистомъ возбужденіи, отъ котораго каждый звукъ въ ея голосѣ и каждая жилка на лицѣ трепетали жизнью и радостью.

Чемезовъ почти не слушалъ ея и не различалъ словъ того, что̀ она разсказывала ему, съ наслажденіемъ только прислушиваясь къ ея молодому, ликующему голосу, звучавшему подлѣ него какъ прекрасная музыка, пѣвшая гимнъ радости, счастью и любви...

Ему хотѣлось бы идти такъ, рука объ руку съ нею, слушая эту радостную музыку, еще долго и долго, и онъ невольно поразился, когда чрезъ нѣсколько минутъ они подошли къ какому-то дому, и онъ вдругъ узналъ этотъ домъ, когда-то такъ хорошо знакомый ему.

На минуту они остановились передъ подъѣздомъ, и Ольга, выпустивъ его руку, спѣшила что-то досказать ему, видимо жалѣя и не рѣшаясь, такъ же, какъ и онъ, войти въ этотъ подъѣздъ; но вдругъ, не досказавъ еще до конца одной фразы, снова взяла его подъ-руку и повернула назадъ.

— Тутъ можно обойти кругомъ,—сказала она, прерывая сама себя.

И они пошли опять. Улицы были уже почти пусты,—лишь рѣдкіе прохожіе попадались имъ навстрѣчу, и, близко прижавшись другъ къ другу, они были совсѣмъ одни; только снѣгъ, чистый и пушистый, за̀-ново выпавшій вечеромъ, поскрипывалъ подъ ихъ ногами, да небо, все усѣянное яркими зимними звѣздами, синѣло гдѣ-то высоко и торжественно надъ ними.

И все это старое, вѣчное, привычное, почти не замѣчаемое прежде, казалось Чемезову теперь точно тоже вдругъ обновленнымъ, сіяющимъ и какъ-то особенно прекраснымъ...

VIII.

Они обошли кругомъ по переулку, идя сначала скоро и бодро, а подъ-конецъ, уже невдалекѣ отъ подъѣзда, невольно замедляя шаги, но, подойдя къ нему, снова повернули дальше, снова обошли кругомъ по переулку и слѣдующей улицѣ и опять остановились предъ нимъ на мгновеніе; войти когда-нибудь все-таки же было нужно.

Они вошли—неохотно и нерѣшительно; но какъ только

они очутились на лѣстницѣ, очарованіе разомъ исчезло, и Чемезовъ вдругъ почувствовалъ всю странность и неловкость своего поздняго визита въ домъ, гдѣ не былъ уже двѣнадцать лѣтъ. Ему даже пришло въ голову тутъ же проститься съ Ольгой, отсрочивъ свой визитъ до утра; но Ольга, словно понявъ его мысли, быстро взбѣжала вверхъ и, не давая ему времени возразить, сильно дернула звонокъ.

— Пустяки!—сказала она, ободряя его улыбкой:—у насъ это не рѣдкость; случается, что и въ два часа ночи вдругъ кто-нибудь на огонекъ является.

Однако, несмотря на ея сильный звонокъ, имъ не отворяли. Изъ квартиры неслись всевозможные звуки; слышно было, какъ тамъ пѣли, играли на рояли и смѣялись въ нѣсколько голосовъ.

— У насъ всегда такъ,—полусмѣясь, полусердясь и снова дергая звонокъ, сказала Ольга:—такой въ квартирѣ содомъ стоитъ, что перваго звонка никогда не услышатъ.

Наконецъ, кто-то крикнулъ:

— Павлуша, отвори! звонятъ.

И черезъ секунду въ передней послышались чьи-то шаги, и дверь отворилъ какой-то высокій, худой гимназистъ съ цѣлой копной курчавыхъ темныхъ волосъ на головѣ.

— Всегда три часа звонить нужно!—нетерпѣливо заговорила Ольга, но гнѣвъ ея былъ недологъ, и она сейчасъ же обернулась къ Чемезову и спросила его, уже смѣясь:

— Юрій Николаевичъ, вы не узнаете, кто это?

— Неужели Павля? — недовѣрчиво сказалъ Чемезовъ, съ трудомъ узнавая въ этомъ молодомъ человѣкѣ того розоваго, пухлаго мальчугана, который былъ когда-то его любимцемъ.

— Онъ!—воскликнула Ольга съ торжествомъ:—а ты, Павля, не припоминаешь, кто это?

Павля глядѣлъ на Чемезова съ легкимъ недоумѣніемъ, повидимому, совсѣмъ не припоминая его, но и нисколько тѣмъ не смущаясь: онъ, очевидно, давно уже привыкъ ко всевозможнымъ гостямъ и никому больше не удивлялся.

— Хорошъ!—засмѣялась Ольга,—да онъ тебя азбукѣ еще училъ, твой первый учитель, Юрій Николаевичъ Чемезовъ! Ну, вспомнилъ теперь?

Однако Павля и по этимъ всѣмъ примѣтамъ ничего не могъ припомнить.

— Ну, да это ничего, теперь снова познакомимся,—сказалъ онъ, добродушно встряхивая своей курчавой шапкой. Онъ крѣпко стиснулъ руку Чемезова и улыбнулся при этомъ такъ искренно

и славно, что сдѣлался очень похожъ на Ольгу и сразу сталъ Чемезову чрезвычайно симпатичнымъ.

— Павля, кто тамъ?—раздался изъ гостиной тонкій женскій голосокъ.

Ольга откликнулась за брата.

— Чемезовъ, мама; представьте, онъ пріѣхалъ, и я привела его къ намъ!

— А, Петръ Гавриловичъ, здравствуйте, батюшка, здравствуйте! что это васъ давно не видать было?

— Ахъ, мама, да вы все путаете! то Чересовъ!—засмѣялась Ольга, и, взявъ Чемезова за руку, вошла вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную.

Звуки рояля вдругъ оборвались, и двѣ молоденькія дѣвушки, одна высокая, другая пониже, проворно выскочили изъ-за него и шмыгнули въ сосѣднюю комнату. Чемезовъ не успѣлъ даже разсмотрѣть ихъ. На диванѣ, передъ круглымъ столомъ съ лампой подъ зеленымъ абажуромъ, сидѣла, съ чулкомъ въ рукахъ, толстенькая пожилая женщина въ ситцевой сборчатой блузѣ и темной кацавейкѣ, накинутой поверхъ ея на плечи.

Когда Ольга съ Чемезовымъ вошли, она быстрымъ, ловкимъ движеніемъ сдвинула очки на темя и пристально оглядѣла его всего маленькими добродушными глазками.

И разглядѣвъ, проворно вся всколыхнулась и, путаясь въ длинной ниткѣ упавшаго клубка, съ радостнымъ удивленіемъ поднялась ему на встрѣчу.

— Ахъ, Боже ты мой!—заговорила она пѣвучимъ, тонкимъ голоскомъ:—да вѣдь никакъ это Егорушка? Онъ самый и есть! сразу признала. Охъ ты, голубчикъ мой! да какими же это вѣтрами тебя въ нашу сторону занесло?

И вдругъ, взявъ его голову въ свои пухлыя теплыя ручки, она звонко расцѣловала его въ обѣ щеки.

Вся неловкость Чемезова совершенно исчезла при одномъ взглядѣ на доброе, ласковое лицо Пелагеи Семеновны, и онъ, радуясь теперь, что послушался Ольги и зашелъ къ нимъ, несмотря на поздній часъ, весело смѣялся и крѣпко цѣловалъ эти пухлыя ручки, такъ ласково, словно мальчика, трепавшія его по щекамъ.

Этотъ простой и душевный пріемъ, доказывавшій ему лучше всякихъ увѣреній, что его до сихъ поръ помнятъ и любятъ, не только удивилъ Чемезова, уже привыкшаго къ холодной сдержанности своихъ петербургскихъ знакомыхъ, но и тронулъ его невольно.

Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Пелагея Семеновна такъ обрадовалась ему, и менѣе удивился бы, еслибы она совсѣмъ не признала его. Положимъ, онъ понималъ, что милъ ей, не столько самъ по себѣ, сколько по воспоминанію того времени, которое ей было особенно дорого.

Послѣ смерти мужа она радовалась всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь любилъ и уважалъ его, и съ кѣмъ потому, подъ благовиднымъ предлогомъ воспоминаній, могла цѣлыми часами говорить о немъ.

Но изъ какихъ бы источниковъ ни вытекало ея милое радушіе, Чемезова оно невольно трогало и привлекало къ ней былой симпатіей.

— Хорошъ, хорошъ!—говорила она, опуская снова свое пухленькое тѣльце на диванъ и усаживая его подлѣ себя, пока Ольга ушла переодѣваться.—Сколько лѣтъ и знать не хотѣлъ! Старыхъ-то друзей забывать не приходится,—грѣхъ; пословица-то не даромъ сложена, что старый другъ лучше новыхъ двухъ! Вотъ кабы покойникъ-то мой живъ былъ, ужъ онъ бы тебѣ попенялъ, милый!

Но тутъ она чего-то сконфузилась и спуталась.

— Ужъ вы меня, старуху, извините—я съ тобою, голубчикъ, вѣдь по старому, какъ въ старину, бывало, звала „Егорушка", да „ты", а оно вамъ теперь, можетъ, и непріятно покажется, да языкъ-то привыкъ, по новому-то и не выговаривается.

Но Чемезовъ, на котораго ея „Егорушка" и „ты" пахнули милой, доброй стариной, конечно, поспѣшилъ увѣрить ее, что онъ этому, наоборотъ, чрезвычайно радъ, и что она обидитъ его, если начнетъ обращаться съ нимъ иначе.

— Ну то-то же, батюшка,—сказала она съ доброй улыбкой, разсматривая его лицо, вызывавшее, вѣроятно, въ ея памяти чье-то еще другое, болѣе близкое и дорогое ей:—а то на старости-то переучиваться трудненько. Сережа-то мой, пожалуй, старше тебя кажетъ: весь въ отца пошелъ,—ужъ такъ похожъ, такъ похожъ... даже удивительно...

И она вдругъ тихо всхлипнула, и изъ свѣтлыхъ глазокъ ея побѣжали мелкія слезинки.

— Померъ вѣдь, Егорушка!.. чай, слышалъ, померъ мой голубчикъ!—заговорила она, грустно вздыхая и вытирая глаза кончикомъ платка. Чемезовъ понялъ, про кого она говоритъ, и на мгновеніе ему и самому стало грустно; но онъ еще не успѣлъ сказать ей что-нибудь въ утѣшеніе, какъ она заговорила опять

сама, и уже съ бо̀льшимъ оживленіемъ, даже съ удовольствіемъ точно.

— А ужъ похороны какія были! На рѣдкость, можно сказать! Вѣнковъ-то, вѣнковъ однихъ что̀ было, просто ужасти! И отъ студентовъ, и отъ театровъ, и отъ товарищей, и отъ училищъ разныхъ, и отъ купечества, и отъ акушерокъ, и просто такъ—отъ публики, и все депутаціями, депутаціями! Не знали даже, куда и класть; и гробъ весь обложили, и по стѣнамъ развѣсили, и катафалкъ весь завалили,—нѣтъ, все еще тащатъ, такъ другъ на дружку потомъ ужъ и валили. И чудные все вѣнки были, богатѣйшіе, одинъ лучше другого; два вѣнка даже серебряные прислали. Все начальство высшее за гробомъ шло; артисты всѣ какъ есть, и нашего театра, и опернаго, и балетнаго, и училище театральное; а ужъ публики что̀ было! На панихидахъ да на выносѣ всю какъ есть квартиру заполонили,—просто пройти невозможно было; да что квартиру! лѣстница, голубчикъ, вся полна была; на улицѣ такъ и то толпа стояла, даже полицію приставили! Губернаторъ тоже самъ на выносъ пожаловалъ, съ адъютантомъ своимъ пріѣхалъ, и очень меня утѣшалъ: „не плачьте, говоритъ, Пелагея Семеновна, вашъ мужъ великій, говоритъ, человѣкъ былъ". Такъ и сказалъ: „великій, говоритъ, человѣкъ былъ!" А ужъ телеграммъ, телеграммъ—такъ и не сосчитать, и все сочувственныя такія... Вотъ ужъ именно, можно сказать, со всѣхъ сторонъ матушки Россіи утѣшенія летѣли!

По мѣрѣ того, какъ Пелагея Семеновна вспоминала, лицо ея все оживлялось и веселѣло. Похороны мужа были теперь самой любимой темой ея разговоровъ, на которую, о чемъ бы ни говорили, она всегда умудрялась свести разговоръ. Они такъ льстили ея женину самолюбію, что самый фактъ смерти мужа, котораго она обожала, стушевывался и исчезалъ въ ея представленіи, и оставался только пріятный фактъ торжественныхъ, поразившихъ ее похоронъ. И потому, начиная всегда свое повѣствованіе съ печальнымъ вздохомъ и слезами на глазахъ, она постепенно одушевлялась и оканчивала его почти радостно, съ ликованіемъ и на душѣ, и въ голосѣ.

— Да ужъ надо правду сказать,—продолжала она съ дѣтски счастливой улыбкой на своемъ полненькомъ, розовомъ личикѣ:— не обидѣли старика, почтили покойника на славу! Рѣдкому вельможѣ такія похороны достанутся!

Въ эту минуту вошла Ольга, уже переодѣвшаяся во что-то свѣтлое, мягкое, падавшее на ней свободными, красивыми складками.

Она молча сѣла на ручку дивана подлѣ матери. Все лицо ея играло улыбкой и затаенною радостью, сквозившей во всѣхъ ея нервныхъ, порывистыхъ движеніяхъ, а глаза, искрившіеся и блестѣвшіе ярче обыкновеннаго, поминутно останавливались на Чемезовѣ съ какимъ-то страннымъ, загадочнымъ выраженіемъ, понятнымъ только имъ двоимъ.

Пелагея Семеновна притянула ее къ себѣ и, взявъ ея руку въ свои, нѣжно потрепала ими по ней.

— Вотъ и ей,—сказала она вдругъ, смотря на дочь со своей счастливою улыбкой:—какъ помретъ, такія же почести будутъ.

Чемезовъ и Ольга невольно засмѣялись этимъ наивнымъ материнскимъ мечтамъ, и Пелагея Семеновна добродушно вторила имъ.

— Она у меня вѣдь тоже великая!.. право, такъ и говорятъ: „великая, говорятъ, Пелагея Семеновна, у васъ дочь артистка!" Папенькина дочка!

Ольга покраснѣла и взглянула на Чемезова смущеннымъ, но сіяющимъ противъ ея воли взглядомъ. Похвалы матери, какъ отголосокъ публики, были ей очевидно пріятны, но она не знала, какъ приметъ ихъ Чемезовъ, и потому немного смутилась.

Онъ ласково и задумчиво смотрѣлъ на нее.

— Да,—сказалъ онъ съ нѣжной насмѣшкой:—а вотъ сегодня Ольга Львовна немножко спасовала!

— Ахъ, да, да!—воскликнула Ольга съ искреннимъ огорченіемъ на лицѣ:—и знаете, это ужасно удивляетъ меня... ужасно странно!..—добавила она тихо, точно дѣйствительно внутренно удивляясь чему-то.

Чемезову припомнилось, какъ она говорила ему тогда въ Петербургѣ, что каждое новое увлеченіе только сильнѣе вдохновляетъ ее, и понялъ, чему она удивляется; но ему хотѣлось подразнить ее, какъ иногда хотѣлось дразнить Зину, именно въ тѣ минуты, когда она была особенно мила ему, и онъ спросилъ, смѣясь:

— Ну, развѣ вы даже и мысли не допускаете, что какая-нибудь роль или даже просто одинъ спектакль можетъ вамъ не удаться?

— Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то, но... но странно, что при моемъ... сегодняшнемъ настроеніи и у меня вдругъ... ничего не вышло!—и, проговоривъ это какъ-то торопливо и неохотно, она вся покраснѣла и слегка отвернулась въ сторону.

— А какое же такое у тебя сегодня настроеніе?—спросила Пелагея Семеновна, съ улыбкой разсматривая любимое лицо дочери.

Ольга засмѣялась тихимъ груднымъ смѣхомъ и съ страннымъ выраженіемъ подняла на Чемезова глаза, точно спрашивая у него, какое у нея настроеніе.

— Хорошее!—сказала она съ мечтательной, нѣжной улыбкой и порывисто прильнула къ матери и крѣпко поцѣловала ее.

— Ну, ну,—сказала та, ласково и счастливо трепля ее въ отвѣтъ на поцѣлуй:—пойдемъ-ка лучше чай пить! Пойдемъ, Егорушка, вспомянемъ старину!

И поднявшись нѣсколько тяжело, Пелагея Семеновна поплелась въ столовую той лѣнивой, благодушной походкой съ перевальцемъ, какой ходятъ уже немолодыя, но еще бодрыя и полныя женщины.

Въ столовой раздавались громкіе голоса и взрывы смѣха.

Тамъ сидѣлъ Павлуша со своимъ товарищемъ, тоже гимназистомъ, румянымъ и веселымъ мальчикомъ лѣтъ шестнадцати, и тѣ двѣ барышни, которыя убѣжали при входѣ Чемезова; одна изъ нихъ, высокая, довольно полная, съ красиво развитою грудью и длинной, тяжелой русой косою, разливала чай.

— Варюшка моя,—кивнула на нее Пелагея Семеновна:—чай, теперь ужъ не признать, выросла! а это подруга ея, Катенька; а это Павлинъ товарищъ Киндюковъ, все дѣтвора, — прибавила она, чему-то добродушно посмѣиваясь и опускаясь на мягкое сафьяновое кресло, на которомъ во время оно всегда сидѣлъ покойникъ Леонтьевъ.

„Дѣтвора" поклонилась Чемезову, даже не привставъ, и сама Варюша лишь издали взглянула на него спокойнымъ, равнодушнымъ взглядомъ и молча, не подавая руки и не отвлекаясь отъ своего занятія, кивнула ему головой. Она, очевидно, совсѣмъ не помнила его, потому что была въ то время семилѣтней дѣвочкой, и теперь глядѣла на него какъ на совсѣмъ посторонняго для себя человѣка, одного изъ тѣхъ, которые каждый день появлялись для чего-то въ ихъ квартирѣ. Но Чемезовъ, интересуясь всѣми Леонтьевыми, пристально взглянулъ на нее; она показалась ему видной, рослой дѣвушкой, походившей какъ-то странно, въ одно и то же время, и на Глафиру, и на Ольгу, но на Глафиру нѣсколько больше.

Зато столовую онъ не только сразу узналъ, но она невольно вызвала въ немъ цѣлый рой воспоминаній.

Въ ней все оставалось, какъ было прежде. Не только старинный низенькій буфетъ изъ краснаго дерева и такіе же стулья съ жесткими спинками, но даже матерія на диванѣ и занавѣсахъ осталась все та же.

Пелагея Семеновна замѣтила улыбку Чемезова и, понявъ его мысли, добродушно разсмѣялась.

— Старое, голубчикъ, все старое,—вонъ даже и матерія по сю пору держится; хорошая матерія, ничего что не модная, нынче такихъ прочныхъ ужъ не дѣлаютъ: купцы сказываютъ—не выгодно; нынѣшняя-то матерія продержится года три-четыре, а на пятый, глядишь, и въ отставку уже запросилась, а прежнія-то по двадцати лѣтъ служили! Ну, Варюша, налей гостю чайку!

Всѣ усѣлись кругомъ стола, уставленнаго разнокалиберной чайной посудой и остатками отъ обѣда въ видѣ половины курицы, двухъ телячьихъ котлетъ да развалившейся формочки клюквеннаго киселя, который слегка удивилъ и насмѣшилъ Чемезова, уже отвыкшаго отъ такихъ незатѣйливыхъ, безцеремонныхъ закусокъ „чѣмъ Богъ послалъ". Но молодежь, нѣсколько притихшая при немъ, уничтожала все это съ такимъ завиднымъ аппетитомъ, какъ еслибы это были все самыя изысканныя и вкусныя вещи.

Ольга сидѣла почти молча; въ ней, послѣ слишкомъ сильнаго оживленія, совершалась реакція въ обратную сторону: она не ѣла, не говорила, и на поблѣднѣвшемъ задумчивомъ лицѣ ея только сіяли еще сильнѣе потемнѣвшіе глаза и, порой останавливаясь на Чемезовѣ, улыбались не то ему, не то своимъ какимъ-то мыслямъ.

Чемезовъ тоже чувствовалъ себя уставшимъ, и отъ дороги, и отъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя волной нахлынули на него въ этотъ вечеръ, заставивъ его въ нѣсколько часовъ пережить больше, чѣмъ за нѣсколько предъидущихъ лѣтъ. Но чувство, охватившее его въ ту минуту, когда Ольга бросилась къ нему на встрѣчу, и наполнявшее его своимъ сладкимъ очарованіемъ все время, пока онъ не вошелъ съ ней въ подъѣздъ,—исчезло и съ той минуты уже не возвращалось больше, несмотря на то, что сознаніе любви къ Ольгѣ дѣлалось для него все яснѣе и тверже. Но мысли и чувства его какъ-то сбились, будучи слишкомъ взволнованы, и ему нужно было остаться одному, чтобы окончательно выяснить ихъ и понять самого себя. Онъ слушалъ машинально дѣтскій лепетъ Пелагеи Семеновны, которая говорила одна за всѣхъ, но думалъ совсѣмъ о другомъ, и мысли его были далеко, хотя и не отлетали отъ Ольги.

Во второмъ часу онъ поднялся и сталъ прощаться.

— Куда же это такъ рано?—удивилась Пелагея Семеновна.

— Помилуйте,—засмѣялся Чемезовъ:—какое же рано! скоро два.

— И, батюшка, у насъ и до четырехъ сидятъ; что за счеты, лишь стало бы охоты!

Но Ольга, которая стояла подлѣ матери съ утомленнымъ и вялымъ даже видомъ, не удерживала его. Пелагея Семеновна, прощаясь, наказывала Чемезову почаще заходить къ нимъ, пока будетъ въ Москвѣ.

— Прямо къ обѣду; у насъ, батюшка, безъ затѣй,—говорила она своимъ пѣвучимъ голоскомъ:—мы гостямъ завсегда рады!

Но когда онъ уже вышелъ въ переднюю, Ольга тоже пошла за нимъ.

— Вы будете завтра? — спросила она, беря его за руку и вглядываясь въ него съ такой лаской, просьбой и ожиданіемъ, что онъ почувствовалъ, какъ какія-то еще неясныя и невидимыя, но уже крѣпкія цѣпи связываютъ его съ этой женщиной, еще вчера бывшей для него чужою, и понялъ, что ни ему, ни ей уже нельзя будетъ забыть и отречься отъ сегодняшняго вечера, который выяснилъ имъ ихъ любовь, хотя объ этой любви между ними не было сказано ни слова...

IX.

На другое утро, солнечное и морозное, Чемезовъ проснулся очень рано.

Первое ощущеніе, какъ онъ только открылъ глаза, было ощущеніе чего-то безотчетно радостнаго и пріятнаго. Онъ самъ еще не могъ сообразить, отчего ему такъ хорошо, но сейчасъ же вспомнилъ свой сонъ, а съ нимъ Ольгу, и съ ея образомъ понялъ и причину своего безотчетно радостнаго настроенія.

Обыкновенно онъ плохо помнилъ свои сны, и если помнилъ, то, по бо́льшей части, они оставляли въ немъ тяжелое, непріятное впечатлѣніе; но сегодня сознаніе счастья не покидало его даже во снѣ, и всю ночь онъ видѣлъ Ольгу, ка́къ собственно—онъ это помнилъ смутно, но какъ-то радостно и хорошо, и вмѣстѣ съ тѣмъ упорно; точно мысль его, пораженная ею, не отлетала отъ нея даже и въ безсознательномъ состояніи, и онъ проснулся весь подъ ея живительнымъ, свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Чемезовъ былъ въ такомъ славномъ, нравящемся ему въ самомъ себѣ, настроеніи, какого давно уже не помнилъ, и которое на него опять невольно пахну́ло молодостью, когда подобныя безотчетно радостныя пробужденія были для него еще не въ рѣдкость и вызывались почти безпричинно.

Онъ быстро всталъ и началъ одѣваться. Солнце яркими лучами заливало всю его комнату; въ корридорахъ поминутно раз-

давались звонки, пробѣгали лакеи, а въ сосѣднихъ съ нимъ нумерахъ тоже уже встали и громко смѣялись и разговаривали.

Чемезовъ позвонилъ и велѣлъ подать себѣ холодной воды для умыванья. Онъ самъ себѣ казался помолодѣвшимъ на добрыхъ десять лѣтъ, вслѣдствіе той живой, воспріимчивой впечатлительности, которую онъ чувствовалъ въ себѣ сегодня. Ему все нравилось: и это яркое морозное утро, и холодная, почти ледяная вода, которою онъ мылся, и эти молодые, сильные, веселые голоса за стѣной, и благообразная, русская физіономія московскаго полового, прислуживавшаго ему, и даже самое сознаніе, что онъ не въ Петербургѣ, а здѣсь, въ Москвѣ, къ которой онъ всегда чувствовалъ пристрастіе, свойственное большинству русскихъ людей, и которая сегодня казалась ему точно еще ближе и милѣе, чѣмъ когда-либо. Прямо изъ его оконъ виднѣлся Кремль и Василій Блаженный, и видъ его, вмѣстѣ съ мирнымъ благовѣстомъ, гулко разливавшимся въ морозномъ воздухѣ, охватывалъ его какимъ-то смягченнымъ, хорошимъ чувствомъ.

Но, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы ни думалъ, на что̀ бы ни глядѣлъ, а радостная мысль объ Ольгѣ была все-таки же преобладающею.

Онъ вспоминалъ, все съ тѣмъ же чувствомъ удивленія и счастья, о томъ, что̀ случилось вчера, и думалъ, что̀ будетъ сегодня.

Ему хотѣлось скорѣй увидѣть ее опять, и онъ торопливо допивалъ свой кофе съ горячимъ московскимъ калачомъ.

Было еще только половина десятаго, и, не зная порядковъ дома, онъ не рѣшался идти такъ рано, а въ гостинницѣ ему тоже не сидѣлось, и онъ пошелъ просто такъ, пошататься гдѣ-нибудь по улицамъ, часовъ до одиннадцати.

На улицахъ уже кишѣлъ народъ, тотъ типичный, своеобразный, московскій людъ, среди котораго на каждомъ шагу попадаются характерныя фигуры, невольно удивляющія и порой даже смѣшащія петербуржцевъ, привыкшихъ къ толпѣ почти однообразной, гдѣ большинство фигуръ точно выкроены по одному шаблону и даже какъ бы похожи другъ на друга.

Чемезовъ шелъ бодро и весело, радуясь и тому счастью, которое пѣло въ груди его, и всему, что̀ попадалось на глаза. Онъ шелъ, невольно все ускоряя шаги, и почти безсознательно очутился у подъѣзда Леонтьевыхъ.

Было уже двадцать минутъ одиннадцатаго. Онъ не зналъ привычекъ Ольги. Она могла еще совсѣмъ не вставать, но могла быть уже также и на репетиціи.

„Ну, — сказалъ онъ себѣ, съ какимъ-то жуткимъ волне-

ніемъ, — загадаю: если она дома и приметъ меня, то... то все это, значитъ, дѣйствительно счастье;—если же нѣтъ... то я, значитъ, ошибаюсь, и наша любовь не принесетъ счастья ни мнѣ, ни ей, и лучше, быть можетъ, остановиться во-время“.

Но ему было больно даже мысленно произнести эту фразу отреченія, и въ то же время суевѣріе, котораго раньше онъ никогда не замѣчалъ въ себѣ, было ему странно и смѣшно; тѣмъ не менѣе, онъ вбѣжалъ на верхъ съ тревожно бьющимся сердцемъ, отъ того жуткаго волненія и страха, съ которымъ ожидалъ рѣшенія своей загадки.

Онъ позвонилъ. Въ квартирѣ, противъ обыкновенія, было тихо, и на его звонокъ почти сейчасъ же въ передней послышались чьи-то легкіе торопливые шаги, и дверь отворила сама Ольга.

— Вы!—воскликнулъ Чемезовъ невольно:—сами вы!..

— Я!—сказала она, съ радостной улыбкой протягивая ему руки:—мама у обѣдни.

Онъ поспѣшно скинулъ свое пальто и, взявъ ее за руки, вошелъ вмѣстѣ съ нею въ гостиную.

Нигдѣ никого не было—всѣ, вѣрно, разошлись по своимъ дѣламъ—и они молча, съ счастливыми, улыбающимися другъ другу лицами, прошли прямо въ ея комнату. Тамъ они остановились, и Чемезовъ, самъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, возможно ли то, слѣдуетъ ли, привлекъ Ольгу къ себѣ и, обнявъ ее, долго смотрѣлъ ей въ глаза серьезнымъ, почти строгимъ взглядомъ.

Она не противилась ему, не отстранялась, но молча, съ какой-то задумчивой, нѣжной улыбкой, стояла передъ нимъ, положа на его руки свои, и тогда, откинувъ ей со лба пушистыя пряди вьющихся волосъ, онъ наклонился къ ней и долгимъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ поцѣловалъ ея прекрасные, сіявшіе передъ нимъ глаза...

X.

Трудно было бы найти другую такую же безалаберную и неустроенную, но симпатичную семью, какъ Леонтьевская, гдѣ неправильное и незаконное, но вмѣстѣ съ тѣмъ доброе и благородное—царило бы такъ простодушно и откровенно, какъ у нихъ.

При покойномъ Леонтьевѣ это еще не такъ кидалось въ глаза и шло нѣсколько иначе. Тогда, все-таки, въ домѣ чувствовался глава и хозяинъ, котораго слушали, почитали и нѣсколько даже побаивались остальные члены семьи. Но когда онъ умеръ,

и мѣсто его заступила добродушная, безхарактерная Пелагея Семеновна, привыкшая скорѣе подчиняться сама, чѣмъ другихъ себѣ подчинять,—каждый сталъ дѣлать что̀ хотѣлъ, и въ домѣ завелось почти столько же хозяевъ, сколько было и народу.

Правда, съ тѣхъ поръ семья значительно видоизмѣнилась, и мѣсто Сергѣя, Глафиры и Милочки, разлетѣвшихся въ разныя стороны, заняли подросшіе и нисколько уже не дисциплинированные Борисъ, Варя и Павлуша.

Особеннаго порядка въ строѣ жизни не было и при старикѣ, но послѣ него въ домѣ возстановился вѣчный безпорядокъ и хаосъ. Завтракали и обѣдали не всѣ вмѣстѣ и не въ разъ заведенные на то часы, а когда попало, когда кто могъ и хотѣлъ, и почти каждый отдѣльно. Всѣ Леонтьевы всегда куда-то спѣшили; всѣмъ имъ почему-то было всегда некогда, и все-таки всѣ они постоянно и всюду опаздывали. Это было отличительное свойство всей семьи, изъ которой каждый членъ обладалъ въ большей или меньшей степени пороками и достоинствами другого. Квартира, въ которой они жили уже добрыхъ 20 лѣтъ, была большая и удобная, но все еще до сихъ поръ неустроенная и неприбранная разъ навсегда, какъ слѣдуетъ; къ тому же, то, что̀ убиралось сегодня, завтра опять оказывалось въ безпорядкѣ, и Пелагея Семеновна, наиболѣе аккуратная и заботливая изъ всѣхъ, мало-по-малу и сама махнула, наконецъ, на все рукой и уже не тревожилась больше тѣмъ, что въ гостиной, напримѣръ, занавѣси, снятыя предъ праздниками для мытья, такъ и не навѣшивались потомъ по нѣскольку недѣль кряду, несмотря на то, что давно уже были готовы и только безцѣльно пылились, лежа на рояли.

Въ обстановкѣ ихъ квартиры не было ничего артистическаго, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ старыхъ, засохшихъ лавровыхъ вѣнковъ, висѣвшихъ по стѣнамъ нѣкоторыхъ комнатъ, съ которыхъ сама Пелагея Семеновна каждую недѣлю тщательно сметала пыль и паутину, сохраняя ихъ въ память мужа. Даже комнаты самой Ольги были совсѣмъ обыкновенныя, простыя комнаты, безъ всякой претензіи на роскошь и оригинальность, такъ любимую вообще всѣми артистками. Судя по нимъ, въ ней совсѣмъ не была развита страсть къ блеску и роскоши; кабинетикъ ея былъ еще наряднѣе спальни. Онъ былъ обитъ голубымъ кретономъ съ блѣдными розами и завѣшенъ по стѣнамъ цѣлой коллекціей карточекъ и портретовъ ея отца, родныхъ, ея самой въ разныхъ роляхъ и костюмахъ и всевозможныхъ артистовъ, и русскихъ, и иностранныхъ. А посреди, надъ письменнымъ сто-

ломъ, всегда заваленнымъ книгами и ролями, висѣлъ большой портретъ, масляными красками, покойника Леонтьева, украшенный по золотой рамѣ двумя великолѣпными серебряными вѣнками, которые подносились ему когда-то отъ публики.

Остальныя же комнаты были еще проще и незатѣйливѣе; но Леонтьевы этимъ не стѣснялись, и еще покойникъ-старикъ говаривалъ, бывало, не безъ нѣкоторой гордости, что не красна изба углами, а красна пирогами; къ нимъ пословица эта дѣйствительно подходила болѣе, чѣмъ къ кому-либо. Всякаго, кто разъ побывалъ у нихъ, невольно тянуло опять.

Вѣроятно, именно благодаря этому свойству Леонтьевыхъ, у нихъ съ утра до вечера толкался посторонній, самый смѣшанный и разнокалиберный народъ. Тутъ были и артисты, и студенты, и профессора, и офицеры, и важные сановники, и гимназисты, и художники, и провинціалы, и какія-то старушки, и консерваторки, и т. д., и т. д. И все это являлось въ квартиру Леонтьевыхъ, въ качествѣ добрыхъ знакомыхъ и даже друзей. Нѣкоторые являлись часто, почти каждодневно; другіе же, наоборотъ, явившись разъ, потомъ надолго куда-то исчезали, и снова совершенно неожиданно являлись опять черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а то—и лѣтъ.

При томъ, почти каждый день, то у одного, то у другого члена семьи прибавлялись новые знакомые, которымъ, наконецъ, и сами хозяева давно уже потеряли счетъ.

Леонтьевы всѣхъ принимали одинаково просто и радушно, хотя въ то же время ихъ нельзя было даже назвать особенно любезными. Напротивъ, у нихъ на этотъ счетъ сложилась своя оригинальная манера. У каждаго изъ нихъ были „свои“ гости, на которыхъ остальные—если только тѣ не являлись такъ часто, что по-неволѣ дѣлались „общими“—почти не обращали вниманія, ограничиваясь простыми поклонами или нѣсколькими фразами при встрѣчахъ. Такіе гости проходили прямо въ комнату того, къ кому пришли, и если не заставали того дома—сейчасъ же и уходили.

И въ такихъ случаяхъ, если кто-нибудь интересовался знать, кто пришелъ, то отвѣчали просто: къ Павлушѣ, или къ Варѣ, не называя даже имени пришедшаго. Казалось бы, что при такой постоянной „сутолокѣ“, какъ говорила Глафира Львовна, жизнь не могла бы идти пріятно и мирно, а между тѣмъ всѣ Леонтьевы жили между собой очень дружно и искренно любили другъ друга; если же и происходили иногда маленькія ссоры, то онѣ скоро прекращались и вытекали скорѣе изъ вспыльчивости

Леонтьевскихъ натуръ, чѣмъ изъ домашнихъ безпорядковъ, съ которыми всѣ они уже давно сжились.

Главнымъ, связывающимъ ихъ всѣхъ звеномъ былъ, все-таки же, покойный отецъ, предъ которымъ благоговѣла и преклонялась вся остальная семья, возводя любовь свою къ его памяти почти въ культъ какого-то обожанія. И это было тѣмъ замѣчательнѣе, что старики никогда не были женаты, хотя и прожили вмѣстѣ тридцать лѣтъ такъ дружно и хорошо, что многіе даже и не подозрѣвали этого, и всѣ глядѣли на нихъ какъ на законныхъ супруговъ. Трудно было объяснить, почему такой хорошій и честный человѣкъ, какимъ былъ покойный Леонтьевъ, не позаботился о томъ, чтобы устроить судьбу своей подруги и дѣтей. Было ли это слѣдствіемъ его убѣжденія, что артистъ долженъ оставаться свободнымъ, или вначалѣ онъ не придавалъ серьезнаго значенія своей связи съ хорошенькой, но недалекой выходной актрисочкой, страстно влюбившейся въ него, а потомъ привыкъ и постоянно, со дня на день, все откладывалъ рѣшеніе этого вопроса, пока не умеръ внезапно; но вѣрнѣе, что это вышло такъ все по той же Леонтьевской безпечности.

Тѣмъ не менѣе, ни сама Пелагея Семеновна, ни ея дѣти, никогда не ставили ему этого въ упрекъ и не чувствовали себя отъ этого обиженными и несчастными. Болѣе преданной, вѣрной и любящей жены, какою была всю свою жизнь для него Пелагея Семеновна, старикъ и самъ сознавалъ, что трудно было бы ему найти. Но ей, вышедшей изъ простого народа, дочкѣ дворовой крѣпостной женщины, отданной по фантазіи и великодушію помѣщицы въ театральную дирекцію, изъ которой она вышла круглой сиротой, казалось огромнымъ счастіемъ уже и то, что человѣкъ, котораго всѣ называли знаменитымъ, „великимъ“ актеромъ, тронулся вдругъ ея горячей любовью,—ея, никѣмъ не замѣчаемой, ничтожной выходной актрисочки.

Исторія самой Пелагеи Семеновны была очень несложна. Мать ея была крѣпостной дворовой у богатой, уже немолодой и болѣзненной княгини Радищевой. Княгиня вовсе не претендовала на вѣрность и любовь къ себѣ своего красавца-мужа, страшнаго кутилы и волокиты, и заботилась больше о томъ только, чтобы онъ не запутался въ какую-нибудь вредную связь, которая пагубно отразилась бы на ихъ огромномъ состояніи. Поэтому она была даже довольна, узнавъ о предпочтеніи, которое мужъ оказывалъ ея же собственной дворовой, красивой и степенной женщинѣ Агаѳьѣ, вдовѣ садовника. Но на бѣду Агаѳья, повидимому, не столько радовалась своей чести, сколько тяготилась и стыди-

лась ею, да и самому князю скоро наскучила его деревенская красавица, и онъ предпочелъ въ одинъ прекрасный день уѣхать, пожуировать за границей, куда его постоянно тянуло, и тамъ вскорѣ забылъ, среди разныхъ пикантныхъ похожденій, и супругу, и Агаѳью. Княгиня долго сердилась и на князя, и на Агаѳью, не съумѣвшую удержать его, но потомъ милостиво простила ее и даже приблизила къ себѣ, сдѣлавъ ее своей горничной, и заботилась объ ея дѣвочкѣ, родившейся вскорѣ послѣ отъѣзда князя. Агаѳья, честная до тѣхъ поръ и богобоязненная женщина, вдобавокъ сильно любившая своего покойнаго мужа, считала случившееся съ ней „несчастье" такимъ страшнымъ грѣхомъ, который не надѣялась замолить всю жизнь и изъ-за котораго боялась даже думать о смерти, гдѣ ее ожидалъ отвѣтъ предъ Богомъ и покойнымъ мужемъ. Агаѳья таяла, мучилась, плакала втихомолку и молилась, но чувствуя, что такъ въ міру грѣха ей все равно не замолить, рѣшилась идти въ монастырь вымаливать себѣ прощеніе у Бога и мужа.

Княгиня не воспрепятствовала ей въ этомъ и даже одобрила ея рѣшеніе, пообѣщавъ заботиться объ ея дочкѣ, какъ о своей крестницѣ, и наградить даже приданымъ ее потомъ.

Княгиня долго думала, что̀ ей дѣлать съ дѣвочкой. Она находила, что не слѣдъ хоть и „холопскому" ребенку, но въ жилахъ котораго течетъ все-таки, такъ или иначе, благородная кровь, рости „простой холопкой"; но и воспитать ее какъ барышню ей тоже, по многимъ соображеніямъ, не хотѣлось. И вотъ она надумала отдать дѣвочку въ театральное училище. На взглядъ княгини, это было дѣло самое подходящее. По крайней мѣрѣ, выйдетъ не мужичкой, но и не вполнѣ барыней все-таки. И Палашу отдали по восьмому году. Года черезъ три послѣ ея опредѣленія княгиня умерла, честно сдержавъ слово, данное ею своей горничной, и оставивъ дѣвочкѣ пять тысячъ рублей ассигнаціями на приданое, что̀, по тогдашнимъ временамъ, было очень большими деньгами. Палаша росла въ своемъ театральномъ училищѣ, гдѣ она добросовѣстно выводила разныя сольфеджіо голосомъ, выдѣлывала всевозможныя „па" ногами, къ которымъ у нея не было, въ сущности, ни дарованія, ни охоты. Но въ семнадцать лѣтъ ее выпустили все-таки „по драматической на выхода̀", къ чему у нея все-таки оказалось нѣсколько больше способностей.

Немудрено послѣ этого, что добрая, совсѣмъ одинокая, забитая дѣвушка горячо полюбила перваго человѣка, который сказалъ ей ласковое слово. И когда потомъ этотъ человѣкъ, въ продолженіе почти тридцати лѣтъ, былъ ей дѣйствительно любящимъ му-

жемъ и другомъ, страстно любившимъ ея дѣтей, она не требовала ничего бо́льшаго и, искренно считая себя счастливѣйшей женой и матерью, каждый день со слезами на глазахъ благодарила своего Создателя за то счастье, которое Онъ послалъ ей, недостойной.

— Какія тамъ еще свадьбы! — добродушно говаривала она, бывало, уже много лѣтъ спустя, когда кто-нибудь изъ ея друзей заводилъ объ этомъ рѣчь:—живемъ мы, слава Богу, честно, согласно, дѣтей своихъ любимъ, холимъ, ничѣмъ не обижены, не обдѣлены ни отъ Бога, ни отъ добрыхъ людей, такъ что же, на старости лѣтъ, народъ смѣшить. Было смолоду объ этомъ думать, а смолоду Господь не привелъ, значитъ, такъ Его святая воля повелѣла!—Она чистосердечно считала себя его законной женой предъ Богомъ и предъ своей совѣстью, и никогда въ жизни не пришло ей въ голову дѣйствительно женить его на себѣ. Взглядъ ея невольно передался и дѣтямъ, и только одна Глафира Львовна въ глубинѣ души осуждала отца, но и та, несмотря на всю свою авторитетность, никогда не рѣшалась высказать это открыто въ своей семьѣ. Быть можетъ, мнѣніе Глафиры Львовны и нашло бы себѣ отголосокъ въ комъ-нибудь изъ другихъ дѣтей, но общій тонъ семьѣ послѣ смерти старика давали главнымъ образомъ Сергѣй и Ольга, какъ старшіе и наиболѣе уважаемые другими; они оба обожали отца и послѣ его смерти относились къ его памяти съ еще большей горячностью и чувствительностью. Какъ когда-то самъ старикъ Леонтьевъ былъ представителемъ и гордостью всей семьи, такъ теперь мѣсто его замѣнили Сергѣй и Ольга, какъ бы представлявшіе собой достойное продолженіе его рода и славы, которыми невольно гордились другіе. Даже сама Пелагея Семеновна, вообще страстно любившая всѣхъ дѣтей, почему-то притворялась, что любитъ этихъ двоихъ больше всѣхъ, тогда какъ въ глубинѣ материнскаго сердца любимцами ея были, въ сущности, Боря и Милочка, оба довольно неудачные. Особенно Боря; онъ былъ лѣнивъ, грубъ, заносчивъ, нигдѣ не доучился, потому что отовсюду его выгоняли, либо за лѣность, либо за милое поведеніе, и, едва успѣвъ подрости, онъ уже началъ пьянствовать, кутить и ничего не дѣлать, кромѣ долговъ и скандаловъ. Пелагея Семеновна сильно огорчалась этимъ; плакала изъ-за разныхъ непріятностей съ нимъ чуть не каждый день, но въ душѣ находила. что на него слишкомъ уже всѣ нападаютъ, и чувствовала къ нему ту болѣзненную, мучительную жалость, свойственную только матерямъ, а въ тайнѣ своего загадочнаго, всепрощающаго материнскаго сердца не только любила его больше другихъ, но даже находила и умнѣе, и добрѣе, и красивѣе, и талантливѣе всѣхъ

другихъ своихъ дѣтей, но только несчастнѣе ихъ. Боря былъ главнымъ источникомъ ея горестей и той бездонной данаидовой бочкой, куда проваливались безслѣдно, потихоньку отъ другихъ дѣтей, всѣ ея деньги, брилліанты, серебро, собольи шубы и даже въ видѣ остатковъ прошлаго величія разные костюмы Макбетовъ и Гамлетовъ, оставшіеся отъ старика. Она обрывала себя во всемъ, стаскивала съ себя послѣднія шолковыя платья, экономила, какъ только могла, на хозяйствѣ и подчасъ закладывала даже столовыя ложки,—и все это только для того, чтобы сунуть Борѣ лишніе 10, 20 рублей, которые имъ немедленно же и прокучивались.

А пока, въ ожиданіи какой-нибудь великой будущности, на которую еще не утратили надежды ни онъ, ни Пелагея Семеновна, онъ подвизался на разныхъ клубныхъ сценахъ и шатался по всѣмъ московскимъ трактирамъ, всегда въ полупьяномъ заносчивомъ видѣ, невольно напрашиваясь на непріятности и исторіи, которыми успѣлъ прославиться по всей Москвѣ и за которыя уже получилъ отъ Глафиры Львовны прозвище „домашняго уродца". Но главный ударъ Пелагеѣ Семеновнѣ, сильно пошатнувшій и состарившій ее, нанесла ей все-таки другая ея любимица, Милочка,—ударъ, отъ котораго она долго не могла сначала оправиться и съ которымъ постепенно свыклась и примирилась подъконецъ.

Еще будучи воспитанницей театральнаго училища, Милочка уже имѣла не мало поклонниковъ и много блестящихъ надеждъ, благодаря своей грёзовской головкѣ.

Старые балетоманы замѣтили ее чуть не съ пеленокъ еще и ревниво подкарауливали хорошенькую дѣвочку, съ нетерпѣніемъ ожидая ея выхода.

Какъ только она вышла, у нея оказался великолѣпный выборъ жаждавшихъ сдѣлаться ея избранниками и покровителями. Милочка и сама была не прочь сдѣлать этотъ интересный выборъ; она находила, что брилліанты очень идутъ къ ней, а жить въ собственной роскошной квартирѣ и кататься въ своей коляскѣ гораздо веселѣе и пріятнѣе, чѣмъ жить въ старой квартирѣ родительскаго дома и таскаться съ мамашей на извозчикахъ.

Но покойный Левъ Егорычъ, не женившись самъ, не допускалъ и мысли о чемъ-нибудь подобномъ для своихъ дочерей; онъ строго велъ всѣхъ дѣтей, а Милочку, которая сильно побаивалась его, держалъ особенно строго, отчасти угадывая ея натуру, отчасти же боясь ея слишкомъ хорошенькаго личика. Милочка очень сердилась на это въ душѣ и не понимала, почему Ольга

можетъ пользоваться свободой, а она не можетъ! Ольга даже за границу ѣздила одна—и даже не одна, а съ своимъ обожателемъ Орлинымъ, и никто ей не запрещалъ, и она жила тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, и никто не смѣлъ спросить у нея по возвращеніи, что̀ она тамъ дѣлала; а она, Милочка, даже въ гости не смѣетъ пойти безъ разрѣшенія на то папеньки съ маменькой! И, конечно, Милочка негодовала на все это и находила все это вопіющей несправедливостью.

— А Ольга?—дерзко спросила она разъ у отца, набравшись храбрости.

Старикъ побагровѣлъ отъ гнѣва и такъ взглянулъ на дочку, что та прокляла свою храбрость.

— Не твое дѣло!—грозно крикнулъ онъ на нее:—она не тебѣ чета! Ей хорошія начала самимъ Богомъ въ душу вложены, а тебѣ ихъ въ разумъ вколачиваютъ, да и то ничего путнаго не выйдетъ!

— Уйди, Милочка, уйди, что ты это, что ты! — испуганно говорила Пелагея Семеновна, махая на нее руками.

— Ну, конечно!—воскликнула Мимочка со слезами, но все-таки не смѣя продолжать уже больше на эту тему разговора и уходя:—вѣдь Ольга, всѣмъ извѣстно, папашина любимица, ей все можно!

— Не любимица! — крикнулъ старикъ, тяжело ударяя по столу своей большой рукой:—не любимица, а артистка, талантъ Божій! И что̀ можно ей, тебѣ никогда не позволю,—своими руками убью, но не пущу, пока живъ, на развратъ!

Старикъ былъ фанатикомъ высказанной имъ идеи. Онъ страстно любилъ Ольгу, любя ее еще больше за тотъ талантъ, который перешелъ къ ней отъ него. Онъ съ дѣтства еще подмѣтилъ въ ней его и сталъ изъ года въ годъ работать надъ ней, всѣми силами стараясь еще больше развить и увеличить его. Она была его ученицей и его гордостью. Всѣ его дѣти были болѣе или менѣе талантливы, но въ ней ея талантъ горѣлъ ярче и сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ вмѣстѣ. И старикъ съ гордостью и любовью, не жалѣя ни времени, ни труда, работалъ надъ дочкой, мечтая создать изъ нея великую артистку, такую артистку, которой гордился бы весь русскій театръ и онъ самъ, ея отецъ и создатель! И потому онъ не хотѣлъ слушать ни о какомъ замужствѣ для нея и сердился, когда ему только говорили объ этомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что это погубитъ ее, какъ артистку, и не только помѣшаетъ развиться ея таланту въ полной силѣ и блескѣ, но даже совсѣмъ отниметъ ее отъ сцены.

— Артистка должна быть артисткой и свободной женщиной, а жена должна быть женой и хозяйкой! И когда это насильственно соединяется, то ничего не выходитъ, кромѣ плохой жены и плохой актрисы!—горячо говорилъ онъ, если кто-нибудь убѣждалъ его, что можно быть и актрисой, и замужней женщиной одновременно.

— Да! можно!—восклицалъ онъ сердито:—но тогда уже и мужъ, и жена, оба должны быть актерами, потому что тогда ихъ спасетъ общее дѣло и общая любовь къ этому дѣлу! Но отнюдь не частный человѣкъ! У частнаго человѣка не можетъ быть такой любви къ театру, чтобы онъ соглашался жертвовать для него даже собственной женой. Онъ беретъ жену для себя, а не для театра, и изъ этого выйдетъ только то, что или она погубитъ и испортитъ всю его жизнь, либо онъ погубитъ въ ней актрису. И ей все равно, рано ли, поздно ли, но придется бросить или сцену, или мужа: между двухъ стульевъ садиться не слѣдуетъ!

И старикъ съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ и ревностью относился къ каждому человѣку, въ которомъ угадывалъ претендента на руку дочери, заранѣе боясь и почти ненавидя его за то, что онъ можетъ разрушить самую завѣтную, дорогую его мечту и отбить его Ольгу отъ сцены.

Всячески отговаривая дочь отъ замужства, онъ сознавалъ однако невольно, что, зато, не можетъ требовать отъ нея, чтобы она даже и не полюбила никогда никого. Да онъ и не хотѣлъ этого отъ нея. Онъ прекрасно понималъ ея натуру—пылкую, увлекающуюся и впечатлительную, натуру женщины и художника одновременно, для которой не было возможности прожить безъ любви, холодно и спокойно, какъ могутъ это нѣкоторыя другія женщины. Она, по его убѣжденію, должна была увлекаться и любить, очаровываться и разочаровываться и даже впадать въ ошибки.

Онъ глядѣлъ на нее больше какъ на артистку, чѣмъ какъ на дочь, и находилъ, что для нея, какъ для артистки, все это будетъ даже нужно. Та актриса, которая сама никогда не переживала любви, страданій и увлеченій, всегда, какъ бы талантлива ни была, останется и на сценѣ холодной и дѣланной, хотя эффектной и умной, но она никогда не зажжетъ толпу своимъ огнемъ, никогда не заразитъ и не заставитъ ее слиться съ собой въ своемъ восторгѣ или страданіи.

И старикъ рѣшилъ, что онъ дастъ Ольгѣ полную свободу. Онъ не станетъ стѣснять ее тѣми требованіями, которыя такъ строго предъявлялъ другимъ ея сестрамъ, и которыя были не нужны и не важны для нея, отмѣченной прекраснымъ даромъ

Божіимъ, ради котораго не только онъ, но и другіе простятъ и поймутъ ее.

Этотъ взглядъ его на дочку выяснился окончательно для всей семьи, когда Ольга въ первый разъ уѣзжала въ провинцію.

Она была еще молодою 19-лѣтнею дѣвушкой и уѣзжала изъ дома одна только съ братомъ Сергѣемъ, который нарочно для нея поступилъ на одну съ ней сцену, въ одинъ и тотъ же городъ.

Многіе не одобряли этого, находя, что Ольга еще слишкомъ неопытна и молода для такой полной свободы и для того, чтобы начать жить уже самостоятельно, отдѣльно отъ семьи. И Пелагея Семеновна, слушая всѣ эти предостереженія и совѣты, невольно начинала безпокоиться еще сильнѣе и даже чуть не въ первый разъ въ жизни вступила въ пререканіе изъ-за этого со своимъ мужемъ, говоря, что это не слѣдъ, и мало-ли что̀ можетъ случиться, и т. д., и т. д.

— Оставь!—сказалъ ей старикъ съ спокойною увѣренностью:—я знаю, что̀ дѣлаю. Это не Милочка! Ей нужна провинція для школы и практики; здѣсь ей сразу никогда не дадутъ такого ходу, какой дадутъ тамъ; я ее посылаю въ театръ моего лучшаго друга; онъ будетъ заботиться и наблюдать за развитіемъ ея таланта, какъ заботился бы и наблюдалъ я самъ. Онъ даже поставитъ его, быть можетъ, лучше, чѣмъ поставилъ бы я самъ, потому что я пристрастенъ къ ней, а ему со стороны виднѣе. Года два-три въ провинціи ей необходимы, а тамъ я переведу ее сюда и сразу уже поставлю на ноги. При ея талантѣ, да при той школѣ, которую она прошла со мной, да при томъ опытѣ, который у нея практикой разовьется въ провинціи, изъ нея въ три года выработается такая артистка, которой мы съ тобой, старуха, сами старые актеры, въ ножки поклонимся! Я знаю, что̀ я дѣлаю! а вы мнѣ тамъ разными пустяками мѣшаете! Да развѣ это для нея важно!—воскликнулъ онъ, весь воодушевляясь отъ своей любимой мечты и нервно ероша рукой свои длинные сѣдые волосы, какъ онъ это дѣлалъ всегда, когда волновался. И прекрасные глаза его горѣли вдохновеніемъ, когда онъ мысленно представлялъ себѣ дочь свою уже на сценѣ, окруженную славой великой артистки... И въ эти минуты въ груди его поднимался вдругъ такой восторгъ и благоговѣніе, что онъ, рыдая, готовъ былъ упасть предъ ней на колѣни и цѣловать ея ноги, склонясь предъ ея геніемъ, создавшимся на его глазахъ, его трудами, и въ который излилась лучшая часть его собственной души и плоти... Наканунѣ ея отъѣзда онъ позвалъ ее къ себѣ и, заперевъ дверь, сказалъ ей:

— Вотъ, Ольга, завтра ты уѣдешь... Мы съ матерью въ первый еще разъ выпускаемъ тебя изъ-подъ своего крыла; помни, дочка, что я вѣрю тебѣ, какъ самому себѣ; ты—вся моя гордость, моя надежда, слава; даже, быть можетъ, и я всю свою душу въ тебя вложилъ... Не обмани же меня старика, будь всегда достойна моего довѣрія, моей вѣры въ тебя! Отнынѣ я даю тебѣ полную свободу... не злоупотребляй же ею!.. Я не говорю тебѣ: „не люби", да и не могу сказать этого,—это было бы противъ всѣхъ законовъ природы; на то ты и молода и прекрасна: молодость безъ любви—что утро безъ солнца! И люби, коли полюбится... Но помни, дочка, что есть любовь и есть развратъ! Люби, но не грязни себя! Я пойму твою любовь, прощу тебѣ увлеченіе, ошибку, —больше, дочка: паденіе твое прощу тебѣ, но не прощу разврата и продажности!.. Не увеличь же моего грѣха предъ Господомъ!

— Вотъ!—воскликнула Ольга, страстно схватывая его за руку и вся блѣдная, съ ярко горящимъ, вдохновившимся взоромъ смотря на образъ Спасителя:—вотъ, я клянусь предъ Нимъ моею жизнью, что никогда не обману тебя! Я клянусь тебѣ, что останусь чиста душой и до послѣдняго дня буду помнить слова твои и твою вѣру въ меня! Если я полюблю, я первому скажу тебѣ, и никогда никакое золото не будетъ имѣть власти надо мной! Всю жизнь и всей душой я буду стараться быть достойной тебя и твоей вѣры въ меня, отецъ!..

— Дочка моя, радость моя!—воскликнулъ онъ въ восторгѣ, протягивая къ ней руки, и она, рыдая, упала къ нему на грудь, и они оба вмѣстѣ плакали и цѣловали другъ у друга руки отъ того прекраснаго растроганнаго чувства, которое охватило ихъ такимъ дивнымъ восторгомъ и подняло ихъ отъ земли, унесло съ собою на мгновеніе высоко, въ блаженствѣ вѣры и любви другъ къ другу!

Когда на другой день Ольга уѣхала и Пелагея Семеновна, печально пригорюнившись, сидѣла въ своей опустѣлой комнатѣ, Левъ Егорычъ вошелъ и обнялъ ее.

— Не плачь, моя старуха,—сказалъ онъ, вдругъ цѣлуя ея руку,—а Левъ Егорычъ рѣдко это дѣлалъ:—лучше вѣрь въ свою дочку! Не многимъ отцамъ съ матерью такія дѣти даются, и не то и спрашивать съ нихъ должно, что̀ съ другихъ дѣтей. А если что̀ и случится,—я одинъ за нее Господу отвѣтъ дамъ!.. И грѣхъ ея на свою душу принимаю...

Съ тѣхъ поръ какъ-то молча, безъ объясненій, было принято и всѣми прочими домашними исключительное положеніе Ольги

въ семьѣ. На ту свободу ея, которую разрѣшилъ и подарилъ ей самъ старикъ-отецъ, никто уже не смѣлъ посягать. Даже когда, года черезъ полтора послѣ того, она возвратилась изъ провинціи уже не одна, а влюбленная и счастливая своей первой, радостной, открытой любовью, которую ей даже не пришло въ голову скрывать отъ семьи, никто этимъ не поразился и не возмутился; всѣ приняли это такъ просто и спокойно, какъ будто это было вполнѣ естественно и законно для нея.

Только Пелагея Семеновна поплакала втихомолку да подивилась, что̀ это сталось съ ея старикомъ, который вмѣсто того, чтобы разгнѣваться и раскричаться на дочь, какъ онъ это дѣлалъ съ другими своими дочерьми, часто даже изъ-за пустяковъ, вдругъ принялъ возлюбленнаго Ольги просто, спокойно, даже ласково.

Сначала Пелагея Семеновна думала, что старикъ не догадывается, въ чемъ дѣло; но не догадываться было нельзя: во-первыхъ, онъ бывалъ у нихъ почти каждый день, а во-вторыхъ, Ольга и не скрывалась даже. Съ мужемъ Пелагея Семеновна не осмѣливалась заводить уже больше споровъ насчетъ его взгляда на дочь и на ея права, но съ самой Ольгой она все-таки не выдержала и попробовала.

— Отчего же бы тебѣ, Оленька, и замужъ бы за него не выйти?—робко замѣтила она дочери:—человѣкъ онъ хорошій, молодой, такъ вы другъ друга любите... къ тому же и свой братъ еще, актеръ,—вмѣстѣ бы на однихъ театрахъ и служить бы стали.

— Нѣтъ, мама,—спокойно сказала Ольга, ласково обнимая мать:—я замужъ ни за кого не пойду!

— Ахъ, Оленька, Оленька! какія у васъ съ отцомъ понятія странныя!—сказала она тихо и съ упрекомъ покачивая головой, но больше она ничего не стала говорить, рѣшивъ, что куда же ей противъ ихъ двоихъ идти.

Но зато Милочка воевала и сердилась больше, чѣмъ когда-нибудь.

— Что же это такое?—спрашивала она съ недоумѣніемъ и негодованіемъ, когда оставалась вдвоемъ съ матерью.

Пелагея Семеновна только испуганно махала на нее руками и упрашивала молчать.

Но Милочка вдвоемъ съ матерью всегда дѣлалась очень храбра и не унималась.

— Что же такое, что она—„артистка", какъ говоритъ папаша?! — да развѣ я-то не артистка тоже?! Долго это меня взаперти-то еще держать будутъ!? Я, право, воля ваша, мамаша,

въ одинъ прекрасный день возьму да и сбѣгу просто-на-просто! Не можетъ же онъ меня насильно, за волосы, домой притащить,— мнѣ самой скоро ужъ 20 лѣтъ! Я лучше всего просто за границу уѣду,—пускай тогда кричитъ! Я, мамаша, папашу очень люблю и почитаю, но жить съ нимъ, какъ хотите, больше не могу! Терпѣніе мое лопнуло!

— Что ты, что ты!—говорила со страхомъ Пелагея Семеновна:—перекрестись, Милочка, Христосъ съ тобой! Что ты это въ гробъ насъ, что-ли, уложить хочешь! Такъ погоди, дай хоть помереть-то спокойно! скоро мы и сами туда ляжемъ.

— Да отчего же вы изъ-за Ольги-то въ гробъ не ложитесь? —спрашивала Милочка обиженно:—вѣдь ужъ онъ ее куда больше меня любитъ, а небось не легъ, чуть по головкѣ еще даже не гладитъ! А какъ до меня, такъ и пойдутъ сейчасъ: и въ гробъ, и помирать, и проклинать, и всякій тамъ вздоръ разный!

— Господи!—говорила Пелагея Семеновна со слезами, укоряя свою любимицу:—и какія это нынче только дѣти пошли, какъ они про родителей говорить такъ только рѣшаются! Бога ты не боишься, Милочка, грѣхъ тебѣ!

— Ну, мамаша, слыхала ужъ я это!—сердилась Милочка, и безъ церемоніи клялась ей опять, что, въ концѣ концовъ, непремѣнно все-таки сбѣжитъ!

Конечно, всѣ эти храбрые разговоры Милочка вела только съ матерью и братомъ Борей, а при отцѣ была тише воды, ниже травы, и, несмотря на всѣ свои угрозы и клятвы „непремѣнно сбѣжать", не только не исполняла этого въ дѣйствительности, но даже и думать объ этомъ, пока отецъ былъ живъ, серьезно не рѣшалась.

Но, зато, едва онъ умеръ, Милочка раньше еще, чѣмъ черезъ полгода, объявила матери, что она отъ нихъ „переѣзжаетъ".

Пелагея Семеновна испугалась, разсердилась, плакала, умоляла, грозила проклясть—ничто не помогло.

На крики матери Милочка и сама сердилась: она не маленькая — что это, въ самомъ дѣлѣ, за деспотизмъ!—никто не смѣетъ держать ее насильно. Развѣ она виновата, что встрѣтилась не съ холостымъ, а съ женатымъ человѣкомъ? сердце любитъ не разбирая; да, наконецъ, развѣ и сама-то мамаша была замужемъ за папашей, а между тѣмъ вѣдь прекрасно прожили всю жизнь, а другимъ теперь, небось, запрещаютъ... И Милочка уѣхала.

Эти послѣднія слова поразили бѣдную Пелагею Семеновну ужаснѣе всего остального. Она впервые услышала ихъ отъ своего же ребенка и впервые съ горькою болью почувствовала стыдъ

свой передъ этимъ ребенкомъ, который, выросши, оправдывается передъ ней ея же собственнымъ примѣромъ.—Вотъ когда грѣхъ-то сказался!—говорила она себѣ съ безпомощной тоской и еще горячѣе прежняго плакала и молилась, дабы простилъ Господь ее, окаянную, и отпустилъ бы грѣхъ ея дѣтищу.

Но и тутъ Пелагея Семеновна ни единою мыслью не обвинила и не упрекнула своего покойника, принимая весь грѣхъ на самоё себя.

Долго еще послѣ того не могла она оправиться и даже слегла, заболѣвъ чѣмъ-то вродѣ нервной горячки; а когда черезъ мѣсяцъ поправилась потомъ, то выказала даже совсѣмъ неожиданный и неприсущій ей характеръ, строго запретивъ другимъ своимъ дѣтямъ не только бывать у Милочки, но даже имя ея при себѣ упоминать.

Случилось однако такъ, что черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ спустя Пелагея Семеновна опять простила и приняла свою любимицу. Случилось же это, во-первыхъ потому, что иначе и случиться не могло, такъ какъ съ первыхъ же дней отсутствія дочки, Пелагея Семеновна такъ затосковала по ней, что готова была все простить, лишь бы только снова увидаться съ ней; но совѣстилась первая заговорить объ этомъ и признаться въ томъ другимъ своимъ дѣтямъ. А во-вторыхъ, Боря, несмотря на запрещеніе матери, не переставалъ бѣгать къ сестрѣ. Между ними еще съ дѣтства установилась большая дружба; они были погодки и очень походили другъ на друга лицами, характеромъ и даже вкусами; только у Милочки, какъ у хорошенькой женщины, все это выливалось въ болѣе привлекательную и изящную форму, чѣмъ у Бориса.

Съ переѣздомъ ея ихъ отношенія даже улучшились. У Милочки была прелестная квартира, великолѣпная коляска, отличныя вина за обѣдами и очень веселый кружокъ знакомыхъ, состоявшій изъ богатой молодежи и хорошенькихъ женщинъ, разныхъ ея пріятельницъ по балету. Борѣ все это очень нравилось, и онъ рѣшительно не желалъ, въ угоду какому-то глупому капризу матери, лишать себя всѣхъ этихъ удовольствій и не бывать у сестры. Къ тому же у нея при случаѣ всегда можно было прихватить 10—15 рублей, которые она давала не съ жалобами и мольбами быть экономнѣе, какъ мать, а съ милой безпечной улыбкой, почти не разбирая, какую бумажку даетъ—10-ти или 25-рублевую.

Въ награду за всѣ ея любезности онъ даже взялся помирить ее съ матерью, продолжительный гнѣвъ которой все-таки

тревожилъ Милочку, отнимая отъ ея веселаго существованія нѣкоторую долю беззаботной прелести.

Пелагея Семеновна, обрадовавшись въ душѣ, когда сынъ явился посредникомъ между нею и дочерью, для виду очень горячо повозражала нѣсколько деньковъ, стараясь только передъ другими выдержать подольше характеръ и страстно желая въ душѣ скорѣе увидѣть опять свою дорогую любимицу. Наконецъ, она, какъ бы неохотно все еще, дала ему позволеніе привезти къ ней Милочку.

Другія дѣти, даже Ольга и Сергѣй, не только не отговаривали ее отъ того, но были искренно довольны ихъ примиреніемъ. Милочка въ семьѣ была общая любимица, и безъ нея въ домѣ чего-то не хватало.

Наконецъ, она пріѣхала; примиреніе совершилось. Пелагея Семеновна, увидавъ дочку, забыла все и въ слезахъ упала къ ней на грудь, рыдая и цѣлуя ея лицо, глаза и волосы, точно не вѣря тому счастью, что ея дорогое дѣтище, въ разлукѣ съ которымъ она такъ истерзалась, снова съ ней, подлѣ нея! И Милочка, скромная, робкая и ласковая, тоже плакала, цѣловала материнскія руки и, какъ дѣвочка, умоляла ее простить и не сердиться больше.

Всѣ въ домѣ вздохнули послѣ этого съ облегченіемъ; долгія ссоры были не въ характерѣ Леонтьевыхъ; но Пелагея Семеновна первое время все еще точно стыдилась немножко своей слабости и того, что такъ скоро простила дочь и примирилась съ ея паденіемъ.

— Ну какъ же,—говорила она со слезами и какъ бы оправдываясь и предъ другими, и предъ самой собой,—ну, какъ же мнѣ судить ее строго, когда я сама, грѣшная, въ томъ же виновата; что же я скажу ей? Вѣдь она правду мнѣ тогда отвѣтила, что сами то же дѣлали...

— Нѣтъ, мама,—сказала Ольга, вспыхивая отъ негодованія:— вы этого никогда не дѣлали, вы на содержаніе не поступали, а голодали, когда случалось голодать, вмѣстѣ съ отцомъ; вы всю жизнь были его другомъ и слугой, а въ тысячныхъ коляскахъ не ѣздили...

Но Пелагея Семеновна зарыдала и замахала на дочь руками, мучась еще больше отъ ея словъ.

— Олечка,—сказала она, плача,—да грѣхъ-то все тотъ же! не въ коляскахъ грѣхъ, а въ беззаконіи... И сама я, грѣшница, не понимала того прежде... А какъ она тогда крикнула мнѣ это... такъ вдругъ точно осѣнило чтò... И въ писаніи даже сказано: и по дѣламъ твоимъ воздамъ тебѣ... А она—дитя еще неразум-

ное—откуда ей это постичь было? она обидѣть меня не хотѣла, а Господь устами же ея наказалъ меня...

И Пелагея Семеновна еще долго мучилась и плакала, все какъ-нибудь стараясь оправдать дочь и обвинить себя, и дѣти, видя, какъ мать мучится, сговорились насколько возможно обходить этотъ тяжелый вопросъ, чтобы не разстроивать ее еще больше, тѣмъ болѣе, что толку изъ этого все равно выйти никакого не могло, потому что Милочка, послѣ примиренія съ матерью, чувствовала себя отлично и къ „возвращенію на путь истины“ надеждъ отнюдь не подавала.

Постепенно все обошлось и вошло въ свою колею; съ непріятнымъ фактомъ мало-по-малу свыклись; первое время Милочка соблюдала приличіе, являлась къ матери всегда очень просто одѣтая, держалась скромно, почти застѣнчиво и ни однимъ словомъ не упоминала о своемъ покровителѣ. Но добродушная и любопытная, какъ всѣ женщины, Пелагея Семеновна сама не могла не интересоваться человѣкомъ, который былъ близокъ ея дочери, и сначала косвенно, больше намеками и стыдливо, начала издали заговаривать о немъ.

Милочка это сейчасъ же замѣтила и съ свойственною ей маленькой ловкостью и хитростью не замедлила этимъ воспользоваться; она стала упоминать его имя въ разговорѣ, называя его просто Ардальономъ Михайловичемъ, и послѣ этого заговаривала о немъ все чаще и откровеннѣе, незамѣтно вводя мать во всѣ подробности своихъ отношеній къ нему. Стала показывать, что̀ онъ ей даритъ, разсказывала, какъ сильно любитъ ее и какъ уважаетъ всю ихъ семью, а покойному отцу и Ольгѣ просто поклоняется даже. Иногда пріѣзжала надутая, говоря, что „поссорились“, и мать невольно принимала все больше и больше участія въ ея романѣ.

„Что же,—думала она, безсознательно повторяя слова дочери:—кажется, и вправду человѣкъ хорошій; можетъ, и разводъ потомъ возьметъ да на Милушкѣ женится... Грѣхъ оно только женъ-то съ мужьями разводить... отъ этого счастья-то тоже не бываетъ... Нѣтъ, ужъ лучше пускай такъ живутъ... Да и то сказать, въ нашемъ-то театральномъ мірѣ, почитай, и всѣ такъ живутъ, а въ балетѣ-то у нихъ и того больше... О, Господи, Господи, прости насъ, грѣшныхъ! какъ ни кинь, все одинъ грѣхъ только выходитъ. Съ меня, окаянной, лучше, Господи, взыщи, а она—дитя еще неразумное“...

Ардальонъ Михайловичъ мало-по-малу заочно получилъ, такъ сказать, право семейнаго гражданства.

Видя, что все перемѣнилось къ лучшему, Милочка стала упрашивать мать познакомиться съ „нимъ“.

Пелагеѣ Семеновнѣ въ душѣ и самой этого хотѣлось; до сихъ поръ она видѣла только его карточки, но по карточкамъ чтò поймешь! А Пелагея Семеновна, какъ и многія женщины, была убѣждена, что она по лицу человѣка тотчасъ и душу его видитъ. И вотъ точно также, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было дано Борису разрѣшеніе привезти Милочку, такъ теперь Милочкѣ было дано разрѣшеніе привезти уже самого Ардальона Михайловича.

Былъ назначенъ день, въ который должно было совершиться это семейное событіе, и Пелагея Семеновна не мало волновалась имъ.

Она собственноручно стерла вездѣ пыль, прибрала всѣ комнаты, велѣла Настасьѣ пріодѣться почище, и сама облеклась въ парадный шолковый капотъ, единственный, который уцѣлѣлъ еще отъ Бориныхъ глазъ, и въ тюлевый чепецъ съ лентами, которыхъ въ обыкновенное время никогда не носила, прикрывая свои несѣдые еще каштановые волосы черной косыночкой, а большею частью просто ничѣмъ.

Наконецъ, раздался звонокъ. Сердце Пелагеи Семеновны упало и забилось какъ-то жутко и жалостно; она нàскоро, по привычкѣ, поднявъ глаза къ образу и перекрестившись, торжественно сѣла на кресло въ гостиной и, робко конфузясь въ душѣ, наружно приняла церемонный, совсѣмъ несвойственный ей, важный видъ. „Они“ вошли. „Онъ“ былъ изящный, красивый мужчина, лѣтъ подъ 50, съ великолѣпными бакенбардами и пріятной улыбкой. „Онъ“ сейчасъ же просто и любезно, но почтительно, съ манерой хорошо воспитаннаго человѣка, подошелъ къ рукѣ Пелагеи Семеновны, чѣмъ еще больше взволновалъ и сконфузилъ ее. Милочка тоже казалась смущенной, но, какъ бы стараясь не выказывать этого, нарочно смѣялась и нервно все о чемъ-то болтала, напуская на себя излишнюю развязность.

„Онъ“ одинъ оставался спокоенъ и простъ и почти сразу очаровалъ Пелагею Семеновну. Подъ конецъ визита она совсѣмъ сбросила съ себя церемонную, непривычную ей натянутость и говорила уже, какъ всегда, добродушно и ласково,—безсознательно и невольно для себя раздѣляя къ нему близость своей дочери.

Простились уже совсѣмъ по родственному—„онъ“ нѣсколько разъ съ почтительнымъ и нѣжнымъ чувствомъ приложился къ ея пухленькой ручкѣ, а она съ не-мѐньшимъ чувствомъ поцѣловала его въ надушенную голову.

„Онъ“ очаровалъ даже и Настасью,—что было для него далеко нелишнимъ,—успѣвъ незамѣтно сунуть ей пятирублевую бумажку.

— Ахъ, прекрасный, прекрасный человѣкъ!—наивно восхищалась Пелагея Семеновна, когда они уѣхали, и чувствовала, какъ какое-то тяжелое, угнетавшее ее бремя спало послѣ этого визита съ ея плечъ. Настасья вполнѣ раздѣляла это мнѣніе и со своей стороны находила, что лучшаго, пожалуй, и желать не надо.

Съ этихъ поръ „онъ“ былъ окончательно утвержденъ членомъ семьи, и Милочка перестала уже стѣсняться и пріѣзжала теперь на великолѣпныхъ рысакахъ и вся залитая брилліантами.

Ардальонъ Михайловичъ оказался очень почтительнымъ родственникомъ, и скоро къ нему всѣ привыкли и стали глядѣть на него, дѣйствительно, какъ на какую-то близкую родню, а Пелагея Семеновна, съ ея незлобивой, довѣрчивой душой, и совсѣмъ полюбила его, считая его въ глубинѣ души гораздо болѣе своимъ зятемъ, чѣмъ мужа Глафиры, къ которому почему-то никакъ не могла привыкнуть и всегда чувствовала какую-то холодность и недовѣрчивый страхъ.

Такъ жили Леонтьевы, когда Чемезовъ снова попалъ къ нимъ въ домъ.

Мар. Крестовская.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

по

ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

— Сборникъ Общества любителей Россійской Словесности на 1891 годъ. Москва, 1891.

Историческое знаніе знакомитъ насъ съ прошедшимъ всегда заднимъ числомъ, не только въ томъ смыслѣ, что прошедшее не можетъ быть иначе знакомо новымъ поколѣніямъ, но и въ томъ, что многое, существенно важное для пониманія событій самими современниками, становится общеизвѣстнымъ лишь долго спустя, изъ такихъ матеріаловъ, которые въ свое время по той или другой причинѣ не могли явиться въ свѣтъ, нерѣдко составляя даже строго охраняемую тайну. Вся современная литература, въ томъ числѣ и русская, переполнена такого рода матеріаломъ, описывающимъ давнее и недавнее прошлое, разсказывающимъ многое, повидимому уже хорошо извѣстное, съ новыхъ точекъ зрѣнія, по сообщеніямъ людей, которые нѣкогда были молчаливыми свидѣтелями событій и только потомству могли передать многія важныя подробности и высказать взгляды, въ свое время по необходимости скрываемые. Такъ историческое знаніе постоянно развивается, дополняемое не только новыми подробностями фактовъ, но и подробностями чувствъ и мнѣній, раскрывающихъ намъ внутреннюю жизнь стараго времени. Понятно, сколько бываетъ иногда живѣйшаго интереса въ подобныхъ историческихъ дополненіяхъ, поправкахъ и постскриптахъ. Примѣры этого рода мы не разъ указывали въ нашей новѣйшей литературѣ воспоминаній,

дневниковъ, записокъ и т. п. Мы указывали также, что въ сравненіи съ болѣе развитыми литературами, т.-е. болѣе развитыми обществами, наша историческая литература представляетъ большую неполноту и запоздалость; область историческаго знанія остается крайне тѣсной, какъ остается тѣсной область дѣйствія современнаго общественнаго мнѣнія. Какъ въ старыя времена не имѣли доступа въ литературу самыя невинныя проявленія общественной мысли, такъ и до сихъ поръ кругъ исторіи остается ограниченъ, не простираясь на многія важныя стороны государственной и общественной жизни.

Это отражается и на литературной исторіи. Нѣсколько обстоятельная біографія нашихъ писателей возникаетъ собственно только въ послѣднее время и пишется вообще весьма случайно и отрывочно. Въ послѣднее время посчастливилось въ этомъ отношеніи Пушкину, Гоголю, Жуковскому; другіе продолжаютъ оставаться въ тѣни; нуженъ обыкновенно какой-нибудь долголѣтній юбилей для того, чтобы начали появляться изъ-подъ спуда невѣдомые раньше матеріалы, и какая-нибудь существующая біографія уже скоро начинаетъ обогащаться дополненіями и поправками. Подобное мы увидимъ и въ настоящей книгѣ.

Московское Общество любителей Россійской Словесности (основанное въ 1810 или 1811 году), издавшее настоящій сборникъ, имѣетъ свою не лишенную интереса исторію. Гиляровъ-Платоновъ, съ одной рѣчью котораго (1886 года), мы дальше познакомимся, раздѣлялъ эту исторію на три эпохи: первые 24 года своего существованія Общество проявило значительную дѣятельность, не лишенную важности для своего времени; затѣмъ почти столько же времени оно было въ полномъ бездѣйствіи, и возродилось снова съ конца пятидесятыхъ годовъ, въ совершенно новыхъ условіяхъ литературы и общественной жизни. Въ этотъ послѣдній періодъ оно обнаружило свое участіе въ литературномъ движеніи нѣсколькими замѣчательными фактами, какими были, напримѣръ, изданіе знаменитаго собранія пѣсенъ Кирѣевскаго и содѣйствіе изданію словаря Даля; оно издавало также важные для исторіи литературы сборники статей своихъ сочленовъ („Бесѣды"); въ московской общественной жизни публичныя собранія Общества служили немалымъ возбужденіемъ литературныхъ интересовъ; наконецъ настоящій „Сборникъ" какъ будто указываетъ на предстоящую періодическую публикацію трудовъ Общества и историческихъ матеріаловъ. Какъ увидимъ по примѣру настоящей книги, такое изданіе могло бы обѣщать не мало важныхъ вкладовъ въ исторію нашей литературы и общества.

„Сборникъ“ открывается любопытнымъ документомъ, который сообщенъ былъ Н. С. Тихонравовымъ. Это—„Законы дружескаго литературнаго общества“. Это Общество основано было Жуковскимъ и нѣсколькими его друзьями; уставъ, помѣченный 12-го января 1801 года, составленъ былъ Жуковскимъ и подписанъ его друзьями Андреемъ и Александромъ Тургеневыми, Мерзляковымъ, Кайсаровымъ и нѣсколькими другими.

М. А. Дмитріевъ, въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“, разсказываетъ, какъ довольно близкій младшій современникъ, объ основаніи этого Общества слѣдующее:

„Къ исполненію этой цѣли—соединенія литературнаго образованія съ чистою нравственностью—служило между прочимъ пансіонское общество словесности, составленное изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ воспитанниковъ. Оно составилось при Жуковскомъ. Жуковскій былъ одинъ изъ первыхъ его членовъ и подписался подъ уставомъ, подъ которымъ подписывались и послѣ него всѣ члены, по мѣрѣ ихъ вступленія. Это общество собиралось одинъ разъ въ недѣлю, по середамъ. Тамъ читались сочиненія и переводы юношей и разбирались критически, со всею строгостію и вѣжливостію. Тамъ очередной ораторъ читалъ рѣчь, по большей части о предметахъ нравственности. Тамъ въ каждомъ засѣданіи одинъ изъ членовъ предлагалъ, на разрѣшеніе другихъ, вопросъ изъ нравственной философіи, или изъ литературы, который обсуживался членами въ скромныхъ, но иногда жаркихъ преніяхъ. Тамъ читали вслухъ произведенія извѣстныхъ уже русскихъ поэтовъ и разбирали ихъ по правиламъ здравой критики: это предоставлено было уже не членамъ, а сотрудникамъ, отчасти какъ испытаніе ихъ взгляда на литературу. Наконецъ законами общества постановлено было, между прочимъ, *дружество* между членами и ненарушимая *скромность*, къ которой пріучались молодые люди храненіемъ тайны; тайна же эта состояла въ томъ, чтобы не разсказывать другимъ воспитанникамъ о томъ, что̀ происходило въ обществѣ, и не разглашать мнѣній членовъ о читанныхъ тамъ произведеніяхъ воспитанниковъ. Гдѣ этотъ драгоцѣнный уставъ? Гдѣ та доска, на которой писались имена первыхъ воспитанниковъ, которая висѣла въ залѣ и передавала имена ихъ позднѣйшимъ поколѣніямъ воспитанниковъ? Жуковскій, въ послѣднее время посѣтивъ пансіонъ, спросилъ объ ней Ея уже не было! Грустно было его чувство“.

Литературныя общества подобнаго рода стали распространяться у насъ со второй половины прошлаго столѣтія, а именно со времени царствованія Екатерины II. При недостаточности обра-

зовательныхъ учрежденій, при слабости самой литературы, въ средѣ образованныхъ людей стало распространяться это ревностное стремленіе къ общенію, къ соединенію разрозненныхъ силъ, ко взаимной поддержкѣ: это былъ явный признакъ развивающейся потребности въ просвѣщеніи, признакъ сознанія необходимости поднять литературу, расширить ея содержаніе, образовать языкъ, который слишкомъ часто оказывался явно недостаточнымъ для выраженія понятій, приходившихъ изъ иноземныхъ литературъ, тогда особливо французской и нѣмецкой. Когда шла рѣчь о развитіи литературы, то не было никакихъ сомнѣній о томъ, какова должна быть ея форма и содержаніе: европейскіе образцы представлялись столь высокими, что, казалось, нужно только усердное подражаніе имъ для того, чтобы русская литература могла имъ нѣсколько уподобиться; никакихъ другихъ формъ литературы не представлялось, какъ не представлялось другого образовательнаго содержанія, другихъ поэтическихъ формъ. Позднѣе, нашъ восемнадцатый вѣкъ подвергался безконечнымъ нареканіямъ за это забвеніе началъ собственной народности; но достаточно войти въ положеніе людей восемнадцатаго вѣка, съ пробудившимися умственными и художественными интересами и съ крайне скудными средствами ихъ удовлетворенія, чтобы понять испытанное ими подавляющее вліяніе европейской литературы. То, что могла бы сказать имъ русская народная старина, должно бы было еще быть разыскано и выработано, должно было найти свой языкъ, совмѣститься съ условіями и содержаніемъ новыхъ теоретическихъ познаній (какъ это въ извѣстной степени стало совершаться только къ нашему времени, не безъ помощи той же европейской литературы въ ея новѣйшемъ періодѣ), и когда этого еще не было, иностранные образцы науки, поэзіи, нравственныхъ понятій оставались единственными, и эти образцы могли справедливо поражать своею красотой и возвышенностью. Лучшіе умы и дарованія, какіе представилъ нашъ восемнадцатый вѣкъ, были почти безъ исключенія увлечены содержаніемъ европейской литературы, даже тѣ, у кого въ виду крайности подражанія пробуждалось неясное стремленіе поддержать свои національныя начала, старые нравы и преданія. Извѣстно, что европейскія понятія дѣйствовали не только поверхностнымъ образомъ на менѣе серьезную часть общества, какъ мода, доводившая до потери собственнаго языка, но дѣйствовали и самымъ глубокимъ образомъ на умы даровитѣйшихъ людей, питавшихъ горячее желаніе быть полезными своему народу. По позднѣйшему жаргону, Ломоносовъ, Новиковъ, Карамзинъ были самые несомнѣнные западники,—но

мало людей, которые могли бы быть поставлены въ уровень съ ними по великой національной заслугѣ.

Когда, между прочимъ подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей самой Екатерины II въ первые годы ея царствованія, у людей болѣе или менѣе образованныхъ стала ясно сказываться потребность служить образовательнымъ интересамъ общественной массы и слѣдовательно заботиться о литературѣ, то стали появляться въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а затѣмъ даже и въ провинціи, кружки любителей, превращавшіеся потомъ въ формальныя „общества". Многія изъ нихъ пріобрѣли въ свое время большую извѣстность и играли немалую роль въ развитіи литературы. Къ этимъ чисто образовательнымъ интересамъ присоединились потомъ интересы нравственные въ масонскомъ движеніи, которое въ своей основѣ исходило изъ той же потребности установить сознательныя идеи общественной жизни и въ свою очередь основывало также кружки и общества. Это движеніе было, какъ извѣстно, не свободно отъ большихъ крайностей и иногда приближалось (именно впослѣдствіи) къ настоящему обскурантизму, но во времена Новикова было сильнымъ образовательнымъ средствомъ и заняло почетное мѣсто въ исторіи нашего общественнаго просвѣщенія. Чрезвычайно важно было здѣсь то, что это была чисто общественная иниціатива; успѣхъ этого движенія былъ показателемъ укрѣплявшагося общественнаго сознанія и залогомъ его будущаго распространенія. Съ абсолютной или узко „народной" точки зрѣнія это движеніе могло бы иной разъ показаться абсурдомъ, но опять чрезвычайно характерно, что это движеніе, сложившееся чисто по иностраннымъ образцамъ, въ какомъ-то фантастическомъ подчиненіи иностраннымъ „орденамъ", въ это самое время ставило себѣ свои собственныя общественныя и даже національныя задачи. Такъ въ дѣятельности Новикова и его ближайшаго круга мы видимъ эту заботу о распространеніи гуманности, которой такъ недоставало русскому обществу, и которая въ ту блестяще грубую эпоху доходила до мысли о несправедливости крѣпостного права; видимъ усиленные труды для распространенія просвѣщенія и наконецъ ту замѣчательную заботу объ изученіи старины,—заботу, которая выразилась въ громадной по своему времени „Древней Россійской Вивліоѳикѣ". Историческое преемство нерѣдко сказывается странными на первый взглядъ сопоставленіями; но непосредственная внутренняя связь Карамзина съ Новиковскимъ кругомъ не подлежитъ сомнѣнію. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что подобная историческая связь соединяетъ и „Дружеское общество" Новикова съ тѣмъ „дружескимъ литературнымъ

обществомъ", „законы" котораго писалъ Жуковскій въ январѣ 1801 года. Могло быть здѣсь и внѣшнее преемство, такъ какъ ближайшими друзьями Жуковскаго были Тургеневы, сыновья извѣстнаго Ивана Петровича Тургенева, друга Новикова; но было и внутреннее преемство, когда уже образовался инстинктъ, связывавшій интересъ литературный съ интересомъ нравственнымъ. Жуковскій былъ тогда едва 18-лѣтнимъ юношей; „законы" составлялись въ одну изъ самыхъ глухихъ и тяжелыхъ эпохъ нашей исторіи, когда не было еще надежды на благопріятный поворотъ съ воцареніемъ Александра I, и почти трогательно читать въ первыхъ строкахъ слѣдующее опредѣленіе „цѣли" новаго Общества: „Мы всѣ такъ высоко цѣнимъ лестный талантъ трогать и убѣждать другихъ словесностію, мы всѣ удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили какую-то божественную искру, могущую возжечь въ сердцахъ позднѣйшаго потомства любовь къ Добродѣтели и Истинѣ, которымъ служить есть единственная и главнѣйшая наша должность; мы всѣ льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ безцѣнный талантъ. Да будетъ же сіе образованіе, въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій". Далѣе „предметъ" занятій Общества состоитъ въ томъ, чтобы „очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что̀ изящно, что̀ превосходно". Для лучшаго успѣха въ этихъ упражненіяхъ считалось нужнымъ: „1-е. Особенно заняться Теоріею изящныхъ наукъ. Она покажетъ намъ мачтабъ всего изящнаго и будетъ служить Аріадниной нитью въ Лаберинтѣ [1]) юродствующаго воображенія; 2-е. Разбирать критически переводы и сочиненія на нашемъ языкѣ; 3-е. Можно иногда прочитывать какіе-нибудь полезные книги и объ нихъ давать свой судъ; 4-е. Наконецъ трудиться надъ собственными своими произведеніями, обработывая ихъ со всевозможнымъ раченіемъ. Всѣ сіи упражненія при взаимныхъ пособіяхъ будутъ имѣть сугубую пользу".

Въ „законахъ" опредѣляются дальше всѣ подробности собраній, обязанности президента, секретаря, членовъ, „порядокъ упражненій", при чемъ, между прочимъ, замѣчается, что „въ засѣданіи должно наблюдать возможную благопристойность, какъ въ такомъ мѣстѣ, которое посвящено музамъ и дружеству", и что „въ письмахъ должны, какъ всѣ члены, равно и секретарь наблюдать возможную скромность, въ осторожность отъ почты".

---

[1]) Уставъ Общества напечатанъ въ настоящемъ „Сборникѣ" съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

Въ цѣли Общества входило и благотвореніе. Кромѣ членскихъ взносовъ, участники Общества вносили казначею также деньги для бѣдныхъ; деньги принимались для той же цѣли и отъ посторонныхъ. „Казначей можетъ по своему благоразсмотрѣнію подавать изъ этой суммы помощь бѣднымъ, наблюдая притомъ, чтобы всегда оставались у него въ запасѣ деньги для другихъ несчастныхъ. Если который-нибудь изъ членовъ потребуетъ у казначея денегъ для вспоможенія несчастнымъ, то казначей обязанъ ему дать ихъ, наблюдая вышеписанную осторожность".

Приводимъ еще нѣсколько строкъ изъ послѣдней главы устава. „Вотъ главные законы, которые должны мы сохранять для общей нашей пользы! Они важны и полезны, но для такого уже общества, которое оживлено собственнымъ своимъ духомъ!—Какой это духъ?—Это то же, что̀ соединяетъ насъ всѣхъ въ одно; это то же, что̀ до сихъ поръ составляло радость и счастіе нашей молодости;—это духъ благій дружества, сердечная привязанность къ своему брату; нѣжное доброжелательство къ пользамъ другого"!.. „Не станемъ надѣяться на эти законы! Не будемъ думать, чтобы довольно было ревностнаго ихъ исполненія!—Нѣтъ! Одинъ энтузіазмъ къ доброму, одна истинная любовь къ своимъ сочленамъ—вотъ все, что̀ можетъ вдохнуть душу въ наши законы и заставлять ихъ говорить не въ журналахъ, а въ нашей совѣсти!!"

Настроеніе, выразившееся въ „законахъ", отчасти, вѣроятно, складывалось подъ вліяніемъ сентиментальности Карамзина, но едва ли сомнительно, что кромѣ того были здѣсь отголоски стараго вліянія Новиковскаго общества съ его филантропіей, съ его духомъ объединенія въ дружескій кружокъ для цѣлей нравственнаго совершенствованія, просвѣщенія и самой благотворительности. То же стремленіе собраться въ кружокъ единомыслящихъ людей, преданныхъ интересамъ просвѣщенія, повело нѣсколько лѣтъ спустя къ основанію „Общества любителей Россійской Словесности". Оно заслуживало бы своей исторіи и небольшую попытку ея мы находимъ въ любопытной рѣчи Гилярова-Платонова: „Возрожденіе Общества любителей Россійской Словесности въ 1858 г.", напечатанной въ настоящемъ сборникѣ. Рѣчь эта была читана въ публичномъ собраніи Общества, въ декабрѣ 1886 года, и посвящена была собственно разсказу о томъ, какъ Общество любителей, совсѣмъ заглохшее съ 1830-хъ годовъ, возстановилось опять, съ немалыми трудами, въ 1858 году; при этомъ Гиляровъ коснулся и того характера, какой имѣло старое Общество со времени своего основанія. Онъ справедливо указываетъ, что первоначальная цѣль Общества имѣла чисто формальное направленіе: „распространить

свѣденія о правилахъ и образцахъ здравой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на россійскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочитанныя въ собраніи". Хлопотали не о томъ, что̀ написано, а главное о томъ, ка̀къ написано. Это формальное направленіе господствовало не въ одномъ Обществѣ любителей, но въ цѣлой литературѣ. „Припомнимъ Шишкова и Карамзина, *Бесѣду* и *Арзамасъ*,— говорилъ Гиляровъ,—припомнимъ, что даже при появленіи Пушкина журналы препирались о томъ, допустима ли такая вольность, какъ „топъ" вмѣсто „топотъ", не ошибка ли заглавія *Цыганы* вмѣсто *Цыгане*, и о подобныхъ вопросахъ. И этотъ колоссъ въ исторіи нашего просвѣщенія не служитъ ли самъ въ томъ уликою? Положивъ послѣдній камень въ строеніи литературнаго языка, онъ не оказался вполнѣ равнодушнымъ къ содержанію своихъ произведеній только потому, что былъ слишкомъ геніаленъ. Но безпечность его музы или даже безпринципность, какъ выражались иные, была, по моему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, главнымъ образомъ данью времени, искавшему больше формы, нежели содержанія. Добавлю: въ томъ-то, между прочимъ, и сказалась вся мощь этого художника-титана, что, несмотря на предписываемую временемъ исключительную заботливость о формѣ, онъ явился такимъ воплотителемъ эпохъ и лицъ, какимъ показалъ себя, напримѣръ, въ сценахъ изъ среднихъ вѣковъ, гдѣ въ небольшой рамкѣ представлена полная картина цѣлаго историческаго періода".

Въ свое время Общество, по тогдашнему состоянію ученолитературныхъ силъ, не мало работало надъ вопросами языка и теоріи словесности: таковы были труды Каченовскаго, Калайдовича, Мерзлякова и др., наконецъ Востокова, котораго знаменитое „Разсужденіе" о славянскомъ языкѣ, было издано въ „Трудахъ" Общества. Но, въ концѣ концовъ, Общество не могло существовать въ своемъ прежнемъ видѣ и направленіи: оно могло бы еще работать по изученію языка, но и само это изученіе становилось уже предметомъ доступнымъ только для спеціалистовъ, а литература совершенно ускользала изъ тѣхъ рамокъ, какія ставились первоначальными цѣлями Общества. „Жизнь перешагнула дѣтскій періодъ,—продолжаетъ Гиляровъ,—строеніе языка кончилось, и отъ формы общественная мысль обратилась къ содержанію. На мѣсто изящества потребовалась отъ авторовъ художественность, не стиль, а идеи. Поднялись вопросы жизни, и общественныя дѣла перестали считаться принадлежностью однѣхъ дѣловыхъ бумагъ. Народилась литература, ученою назвать ее

много, но—догматическая, въ формѣ критики и изслѣдованій, содѣйствовавшая сознанію не правилъ грамматическихъ и реторическихъ, а началъ политическихъ и соціальныхъ. Тѣмъ же одѣлся художественный вымыселъ. Явился Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ съ „Записками Охотника". Уволены въ отставку Нарциссы, Аглаи, Хлои, даже и Людмилы съ Дмитріями Донскими, только прикидывавшіеся идеей, а въ сущности служившіе балластомъ, мякиной, чтобы только набить фигуру, во внѣшней отдѣлкѣ которой, какъ въ чучелѣ птицы или звѣря, полагалось главное достоинство. Итакъ, публика созрѣла и не могла не скучать, когда бы ей на засѣданіяхъ стали предлагать безсодержательные стишки съ щегольскою версификаціей (это послѣ Пушкина-то и Лермонтова) или красивыя описанія вымышленныхъ мѣстностей, послѣ Гоголя и Тургенева. А потомъ, смѣшно даже и представить себѣ, чтобы писатели новаго періода, предварительно печатанія, почли себѣ за честь подвергнуть себя суду московской публики чтеніемъ въ открытыхъ засѣданіяхъ. Умственную дѣятельность поглотили журналы со „всероссійскою" публикою; слишкомъ бѣднымъ должно было казаться поощреніе со стороны столь тѣснаго круга, какъ комитетъ при нашемъ Обществѣ, состоявшій притомъ изъ лицъ, голосъ которыхъ для молодыхъ талантовъ не представлялъ и авторитета". Общество, въ 1830-хъ годахъ, умерло незамѣтной смертью, такъ что нельзя даже опредѣлить, когда именно это случилось: публичныя засѣданія становились рѣже, прекратился выборъ должностныхъ лицъ; календари повторяли старые списки членовъ, наконецъ прекратилось и это. „Старики сказывали",— говоритъ Гиляровъ, что Общество боролось съ этой агоніей, желало какъ-нибудь продлить свою дѣятельность, но публика была уже равнодушна. „Наконецъ, стали прибѣгать къ героическому средству: на засѣданія приглашался оркестръ, выписывали чтецовъ, отличавшихся декламаціей; недоставало, чтобы разносили мороженое и угощали шампанскимъ".

Читатель найдетъ въ рѣчи Гилярова подробный и интересный разсказъ о томъ, какъ возобновилось Общество послѣ долголѣтняго перерыва. Мысль возстановить его явилась вслѣдствіе того общественнаго оживленія, какимъ отличались первые годы прошлаго царствованія; желали имѣть пунктъ соединенія для работы на пользу литературы и просвѣщенія, и дорожили именно Обществомъ любителей, потому что оно единственное въ Россіи обладало важнымъ правомъ—правомъ свободнаго слова, подчиненнаго только своей внутренней цензурѣ. „Право это оставалось за нимъ, и оставалось именно потому самому, что Общество перестало жить

фактически; иначе, нѣтъ сомнѣнія, контроль надъ своими публичными рѣчами у него былъ бы отнятъ въ періодъ усиленной общей цензуры, сокращенія слушателей въ университетахъ, изгнанія философіи изъ аудиторій и прочихъ подобныхъ мѣръ. Когда на общественномъ воздухѣ полегчало, о правѣ свободнаго слова, принадлежавшаго Обществу, именовавшемуся Обществомъ любителей словесности, вспомнили". Мысль о его возобновленіи принадлежала Константину Аксакову, исполненіе—М. Н. Лонгинову, впослѣдствіи извѣстному начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати. Исполненіе было нелегко: какъ подступиться къ новому открытію Общества, такъ давно переставшаго дѣйствовать? Можно ли было надѣяться, что за нимъ признано будетъ право существованія, которое такъ долго не заявлялось? Кто съ какимъ-либо основаніемъ можетъ взять на себя иниціативу оффиціальнаго заявленія, что Общество, въ которомъ, конечно, должны были явиться съ нѣсколькими уцѣлѣвшими старыми и новыя лица—желаетъ собраться и дѣйствовать? Обратиться къ старому предсѣдателю (это былъ гр. Строгановъ), по словамъ Гилярова, „значило бы только надоумить администрацію на исправленіе оплошности, которую она допустила—напомнить ей, что она должна постановить и объявить о давно состоявшемся прекращеніи Общества".

Лонгиновъ съумѣлъ обойти эти трудности, разыскалъ нѣсколькихъ старыхъ членовъ Общества, нашелъ его бумаги, велъ переговоры съ администраціей, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Помогло, конечно, время, и бывающіе въ такое время благодушные люди, какими оказались тогда Ковалевскій и Бахметевъ, бывшіе, одинъ за другимъ, попечителями университета.

Отмѣтимъ въ рѣчи Гилярова теплое изображеніе тѣхъ первыхъ годовъ прошлаго царствованія, которые теперь такъ часто изображаются какъ время легкомысленныхъ заблужденій и даже крупныхъ государственныхъ ошибокъ. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „В. Е." приведены были отзывы объ этомъ времени писателя болѣе молодого поколѣнія, Н. К. Михайловскаго; съ этими отзывами вполнѣ совпадаютъ слова писателя изъ поколѣнія болѣе стараго и притомъ иного направленія. Полная одинаковость впечатлѣній, какія оставило то время въ просвѣщенныхъ людяхъ двухъ различныхъ, а иногда почти противоположныхъ направленій, даетъ ручательство, что опредѣленіе было правильно. Приведемъ нѣсколько словъ этого писателя стараго поколѣнія, который не отличался наклонностью къ поэтическимъ увлеченіямъ.

„Теперешніе люди,—говорилъ Гиляровъ,—съ трудомъ и пред-

ставятъ себѣ конецъ пятидесятыхъ годовъ. Намъ легче вообразить времена, слѣдовавшія за царствованіемъ Екатерины или Александра I; съ начальными же годами Александра II наше время не имѣетъ аналогіи. То было состояніе влюбленныхъ передъ свадьбою: апрѣль мѣсяцъ, когда снѣгъ еще на поляхъ, но уже бѣгутъ ручьи, солнце пригрѣваетъ, почки надулись, жаворонки поютъ, скворцы суетятся около гнѣздъ. Облегчилось на душѣ; ждалось чего-то еще неизвѣстнаго, но непремѣнно свѣтлаго; въ умахъ бодрость, силы оживились, старики помолодѣли"...

Приведемъ еще отзывъ Гилярова о главномъ дѣйствующемъ лицѣ, которому Общество любителей, въ практическомъ отношеніи, всего больше было обязано своимъ возстановленіемъ.

„А кто такой былъ этотъ Лонгиновъ, которому поручалась исполнительная часть плана? По литературѣ онъ числился библіографомъ, по службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ; какъ сынъ статсъ-секретаря, онъ принадлежалъ къ большому свѣту и имѣлъ связи при дворѣ. Если для Константина Аксакова догматъ свободнаго слова былъ основаніемъ убѣжденій, къ которымъ онъ относился почти религіозно, то у Лонгинова служеніе тому же принципу было фанфаронадою. Въ виду послѣдующей общественной дѣятельности покойнаго библіографа позволяю себѣ это выраженіе. Собраніе припомнить, что послѣ изданія временныхъ правилъ, опредѣлившихъ съ извѣстными ограниченіями свободу печати, стѣсненіе ея и уродованіе ея правъ начались со времени именно, когда главное управленіе по дѣламъ печати поступило въ руки Лонгинова: онъ былъ зачинщикъ репрессивнаго направленія. Онъ примѣнилъ къ книгамъ средневѣковое аутодафе, придумалъ карательное запрещеніе розничной продажи; безцензурныя изданія обязалъ предварительною цензурою публикацій. Озлобленіемъ онъ дышалъ противъ печати во время управленія ею, видѣлъ въ ней какъ бы личнаго врага, исхищрялся въ средствахъ задавить то свободное слово, котораго выставлялъ себя нѣкогда самымъ рьянымъ защитникомъ и самымъ рѣзкимъ порицателемъ цензурнаго учрежденія: „эти башибузуки печати"... такъ возглашалъ онъ въ какой-то статьѣ, разумѣя цензуру и смакуя это выраженіе, находя его художественно точнымъ. Однимъ изъ предметовъ похвальбы его было, что нѣтъ запрещеннаго русскаго изданія, которое не стояло бы на полкахъ его шкафа. Герценъ былъ однимъ изъ божествъ его Олимпа; для изслѣдованій своихъ онъ выбиралъ преимущественно пикантныя событія, гдѣ являлись страдальцы за свободное слово, Радищевъ, Новиковъ. Не хочу хвалиться проницательностью, но и тогда я

сомнѣвался если не въ искренности, то въ глубинѣ либерализма, которымъ направо и налѣво хвалился Лонгиновъ. Онъ былъ либералъ, пока дѣло его лично не касалось и ограничивалось словами. Съ 1860 года въ тѣхъ же гостиныхъ, гдѣ онъ вопіялъ прежде противъ держимордъ всякаго рода, онъ сталъ разливаться въ негодованіяхъ противъ пути, по которому направились редакціонные комитеты въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ: изъ-подъ краснаго демократа вышелъ плантаторъ; когда его назначили орловскимъ губернаторомъ, онъ поставилъ себѣ за правило противодѣйствовать крестьянскимъ и земскимъ учрежденіямъ во всемъ, во всемъ безъ изъятія, даже по вопросамъ безразличнымъ. На этомъ онъ душу отводилъ, и этимъ хвастался предъ знакомыми".

Въ общемъ характеристика повидимому вѣрна и изображенное лицо вовсе не было единичнымъ въ этомъ родѣ. Нѣкогда Лонгиновъ былъ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей кружка стараго „Современника", и безъ сомнѣнія его литературные интересы были искренни, когда между прочимъ онъ полагалъ очень много труда на библіографическія изысканія о старой литературѣ, гдѣ за нимъ была своя несомнѣнная заслуга въ детальномъ изученіи полузабытой книжной старины. Эти интересы были очевидно живы и въ то время, когда онъ хлопоталъ о возстановленіи Общества любителей. Онъ сталъ здѣсь секретаремъ, и по отзыву Гилярова Общество никогда не имѣло столь дѣятельнаго секретаря: его заботливость объ Обществѣ и энергія были безпримѣрны. Онъ искалъ, понуждалъ, торопилъ. Самый первоклассный режиссеръ театра могъ позавидовать въ рвеніи и искусствѣ, съ какимъ Лонгиновъ *ставилъ* засѣданія, — можно такъ выразиться. Сейчасъ вижу его на публичныхъ собраніяхъ. Онъ весь впивался въ чтеніе; можно сказать сопутствовалъ чтецу, читалъ, только молча, вмѣстѣ съ авторомъ. Въ ожиданіи счастливаго мѣста рѣчи приготовительная улыбка уже озаряла лицо". Но эти интересы были поверхностны. и когда время поставило вопросы болѣе осязательно, когда оказались затронутыми интересы матеріальные, Лонгиновъ безъ особеннаго труда перешелъ на другіе рельсы общественной жизни, какъ перешли тогда многіе изъ гораздо болѣе патентованныхъ людей сороковыхъ годовъ.

Далѣе, находимъ въ Сборникѣ рядъ отдѣльныхъ историческихъ документовъ, заключающихъ новыя біографическія данныя о знаменитыхъ именахъ нашей литературы—Грибоѣдовѣ, Жуковскомъ, Гоголѣ, Бѣлинскомъ, Достоевскомъ. Мы говорили выше о томъ,

какъ складывается біографія даже первостепенныхъ нашихъ писателей: несмотря на множество сообщеній, какими наполнялись въ послѣднее время наши спеціально-историческія изданія и другіе журналы и сборники, несмотря на цѣлыя отдѣльныя изслѣдованія, до сихъ поръ остается неисчерпанной, напримѣръ, переписка Грибоѣдова, Жуковскаго, Гоголя и пр. Документы испытываютъ очень странную судьбу. Изданныя въ „Сборникѣ“ четыре письма Грибоѣдова къ его товарищу-сослуживцу Каховскому, изъ Тавриза отъ 1820 года, напечатаны г. Алексѣемъ Станкевичемъ съ подлинниковъ, принадлежащихъ московскому Историческому Музею. Эти письма находятся въ коллекціи бумагъ, пожертвованной музею въ 1886 году сенаторомъ Н. Н. Селифонтовымъ, гдѣ кромѣ того находятся письма Ермолова и Сперанскаго; письма Грибоѣдова отыскались въ семейномъ архивѣ одного помѣщика костромской губерніи,—архивѣ, состоящемъ по преимуществу изъ бумагъ помѣстнаго, межевого и хозяйственнаго характера, и какъ онѣ туда попали—остается неизвѣстнымъ. Письма относятся къ тогдашней жизни Грибоѣдова въ Персіи и написаны въ той же отрывочной, лаконической манерѣ, какая вообще отличаетъ его переписку. Восемь писемъ Жуковскаго къ Гоголю сообщены Я. К. Гротомъ и идутъ отъ 1842 до 1851 года. Письмо Жуковскаго къ гр. А. П. Толстому, сообщенное г. Гротомъ, писано послѣ смерти Гоголя въ мартѣ 1852 года (въ апрѣлѣ умеръ самъ Жуковскій): онъ проситъ подробностей о причинѣ смерти Гоголя и его послѣднихъ минутахъ, и говоритъ о необходимости позаботиться о благосостояніи семейства Гоголя и о полномъ изданіи его сочиненій, подпискою на которыя и могло бы устроиться это благосостояніе; для приведенія въ порядокъ сочиненій и неизданныхъ „манускриптовъ“ онъ рекомендуетъ въ Москвѣ Шевырева, въ Петербургѣ—Плетнева. Какъ извѣстно, послѣдующія изданія, за исключеніемъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ и „Выбранныхъ мѣстъ“ почти не тронули рукописей Гоголя: въ изданіи г. Кулиша сдѣлано одно важное пріобрѣтеніе—тамъ явилось обширное собраніе писемъ Гоголя, но къ сожалѣнію затемненныхъ пропусками и скрытіемъ именъ лицъ, къ которымъ письма были адресованы и которыя упоминались въ нихъ. Первое, дѣйствительно полное, изданіе Гоголя (10-е) съ подробнымъ изученіемъ „манускриптовъ“, явилось только теперь и составляетъ заслугу Н. С. Тихонравова.

Къ изученію Гоголя относятся въ настоящемъ „Сборникѣ“ новые матеріалы, извлеченные изъ его рукописей г. Тихонравовымъ. Это, во-первыхъ, текстъ повѣсти „Коляска“ въ ея перво-

начальномъ видѣ; во-вторыхъ, составленный Гоголемъ сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ. Словарь довольно великъ, и по поводу его г. Тихонравовъ, въ особой замѣткѣ, разсказываетъ о заботахъ Гоголя по изученію языка. Еще живя въ Нѣжинѣ, Гоголь началъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря; впослѣдствіи онъ оставилъ эту мысль, и когда передъ нимъ открывалось поприще русскаго писателя, онъ сталъ усиленно заниматься изученіемъ русскаго языка. Впослѣдствіи, его враги въ литературѣ и блюстители чистоты языка не однажды обвиняли его въ искаженіи русскаго языка. Нападки были придирчивы, но въ нихъ была и правда: Гоголь часто писалъ весьма неправильно. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, замѣчаетъ г. Тихонравовъ, — провинціальная жизнь стала тускнѣть въ его памяти. „Нужно было изучать языкъ новаго міра, мало того: — нужно было изучать разновидности этого языка по сословіямъ. Прислушиваясь къ живой рѣчи русскаго народа, Гоголь чувствовалъ въ то же время потребность знакомиться съ лексикологіею великорусскаго языка, чтобы правильно на немъ выражаться и писать, чтобы усвоить себѣ русскую литературную рѣчь. Письма Гоголя къ роднымъ и знакомымъ, относящіяся къ его школьному періоду, даютъ намъ возможность составить себѣ ясное понятіе, въ чемъ именно состояли недостатки гоголевскаго языка: письма богаты провинціализмами; слова употребляются въ нихъ нерѣдко совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое закрѣплено за ними въ русскомъ литературномъ языкѣ; не мало словъ, искусственно и неправильно образованныхъ; глаголы, оканчивающіеся на *ся*, употребляются почти постоянно безъ этого мѣстоименія; правила орѳографіи какъ будто неизвѣстны Гоголю“.

Даже въ поздніе годы, въ 1846 году, когда имъ окончены были всѣ напечатанныя при жизни произведенія, Гоголь писалъ къ Плетневу: „Я до сихъ поръ, какъ ни *бьюсь*, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать“. Гоголь самъ указывалъ, что въ его школѣ воспитаніе было довольно плохое, что мысль объ ученіи пришла ему уже въ зрѣломъ возрастѣ, и что онъ началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что даже сты-

дился ихъ показывать. Такъ онъ началъ и изученіе русскаго языка.

Въ составленномъ имъ словарѣ не указаны его источники, но, внимательно разсмотрѣвши содержаніе словаря, г. Тихонравовъ разыскалъ, что составленіе его простирается отъ 1835 до 1848 года, и опредѣлилъ тѣ источники, которыми Гоголь пользовался. Это былъ, во-первыхъ, извѣстный въ свое время этимологическій лексиконъ Рейфа, затѣмъ словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, изданный академіей (1847), и только очень немногое взято изъ стараго словаря Россійской Академіи. Наконецъ нѣсколько словъ внесено было Гоголемъ изъ произведеній духовной литературы, которою онъ началъ интересоваться въ сороковыхъ годахъ, и изъ живого говора. Этимъ словаремъ не кончались впрочемъ заботы Гоголя въ изученіи русскаго языка. Собирая вообще всякія свѣденія о русской жизни, которыя требовались ему для продолженія „Мертвыхъ Душъ", Гоголь между прочимъ собиралъ и особыя слова по разнымъ бытовымъ спеціальностямъ. Такъ, кромѣ разныхъ охотничьихъ терминовъ, продиктованныхъ ему, какъ предполагаетъ г. Тихонравовъ, „спеціалистомъ" С. Т. Аксаковымъ, въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя находятся термины, относящіеся къ лѣсу, къ плотничеству, къ „цѣху, сословію ремесленниковъ", къ „банчишкѣ", къ „избѣ" и ея составнымъ частямъ, „загибанья", наконецъ просто „слова", взятыя изъ народнаго говора или изъ народныхъ пѣсенъ, „прилагательныя", т.-е. народныя прозвища, „птичьи и звѣриные крики", „цвѣты".

Въ бумагахъ Гоголя г. Тихонравовъ нашелъ очень любопытныя указанія, что Гоголь, „часто увлекавшійся планами грандіозныхъ трудовъ", между прочимъ мечталъ даже напечатать „объяснительный словарь великорусскаго языка". Сохранился набросокъ объявленія объ изданіи этого словаря. Объявленіе это осталось ненапечатаннымъ: „смѣлое предпріятіе Гоголя постигла та же судьба, какая выпала на долю его обширной исторіи Малороссіи". Этотъ планъ опять очень характеренъ, указывая, какъ и въ этомъ отношеніи Гоголь былъ далекъ отъ настоящаго положенія литературы: ему казалось возможнымъ предпріятіе, для котораго все-таки требовалась филологическая подготовка или, если дѣло шло о чисто практическомъ содержаніи, какъ было у Даля, требовались десятки лѣтъ упорнаго труда и обращенія съ народомъ.

Въ небольшой статьѣ г. Гольцева о письмахъ Бѣлинскаго къ Бакунинымъ сообщены нѣкоторыя дополненія къ тѣмъ из-

влеченіямъ изъ этой переписки, какія даны были въ моей книгѣ о Бѣлинскомъ. Г. Гольцевъ имѣлъ въ рукахъ (отъ П. А. Бакунина) эти письма, которыми я нѣкогда пользовался, и прибавилъ изъ нихъ нѣкоторыя новыя подробности. Замѣтимъ здѣсь кстати, что изъ той обширной переписки, которая была мною собрана при составленіи біографіи, я дѣлалъ извлеченія лишь въ той мѣрѣ, насколько это было необходимо въ опредѣленныхъ рамкахъ моей работы, а также и въ той мѣрѣ, какая была возможна по внѣшнимъ литературнымъ условіямъ; при болѣе обширныхъ извлеченіяхъ книга, вмѣсто двухъ, легко могла бы разростись до трехъ томовъ. О другомъ новомъ и чрезвычайно любопытномъ матеріалѣ для біографіи Бѣлинскаго, помѣщенномъ въ настоящемъ „Сборникѣ", скажемъ далѣе.

Не мало любопытнаго представляютъ отрывки изъ дневника О. М. Бодянскаго изъ первыхъ 1850-хъ годовъ. Раньше появлялись уже (въ „Историческомъ Вѣстникѣ") другіе отрывки этого дневника, и желательно было бы, чтобы издано было все, что̀ изъ него уцѣлѣло. Настоящія выдержки изъ этого дневника начинаются апрѣлемъ 1852 года и кончаются апрѣлемъ 1856 года. Дневникъ Бодянскаго очень характеренъ: сколько можно судить по изданнымъ отрывкамъ, онъ велся довольно случайно; проходили цѣлые мѣсяцы безъ всякихъ отмѣтокъ, но иногда дѣлались довольно большія записи, когда ему случалось слышать что-либо интересное, въ томъ числѣ и разсказы о старыхъ временахъ, какихъ не мало ходило въ тѣ годы, когда о многихъ событіяхъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія можно было знать не столько изъ книгъ, сколько по преданіямъ и разсказамъ старожиловъ. Такъ напримѣръ Бодянскій записываетъ разсказъ графа Строганова со словъ князя Горчакова объ отношеніяхъ между имп. Павломъ и Суворовымъ. Подъ декабремъ 1852 года Бодянскій передаетъ со̀ словъ того же Строганова нѣкоторыя подробности объ исторіи съ книгой Флетчера, за напечатаніе которой въ русскомъ переводѣ (1848) Бодянскій былъ удаленъ изъ московскаго университета. Бывши у государя, — разсказывалъ гр. С. Г. Строгановъ,— „послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигару, онъ спросилъ меня: „что ты тамъ печатаешь такое?" — „Государь, — отвѣчалъ я,— я печаталъ такое, что̀ всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его, Ѳедора Ивановича; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее непохожей. Уваровъ, по личной ко мнѣ враждѣ, рѣшилъ надѣ-

лать изъ этого шуму и представить В. В. какъ нѣчто зловредное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ и имѣющаго весьма тѣсный кругъ читателей преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка на этотъ журналъ, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его 33, т.-е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только два не подписались".—„Но и архіереямъ не все можно дозволять читать".—„Такъ, государь, но если ученымъ мы не будемъ дозволять знать худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усомнится". — „Хорошо, хорошо, — подхватилъ тогда государь: мы все это уладимъ скоро и пострадавшій отъ Уварова возвратится непремѣнно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро наступитъ". И, точно, ровно черезъ годъ (20-го октября 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ".

Значительная часть настоящаго отрывка дневника приходится къ годамъ Крымской войны. Въ дневникѣ отразился тотъ возбужденный интересъ, съ какимъ общество слѣдило тогда за событіями, притомъ не столько по точнымъ извѣстіямъ печати, въ то время слишкомъ связанной въ этомъ отношеніи, сколько по слухамъ или разсказамъ непосредственныхъ очевидцевъ. Будущій историкъ русскаго общества за то время найдетъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ воспоминаніяхъ, любопытныя черты тогдашняго настроенія. Напримѣръ, въ мартѣ 1854 года, Бодянскій записываетъ: „Говорятъ, что московскій митрополитъ представилъ государю отъ себя приношеніе въ 50 тысячъ серебромъ, и государь отвѣчалъ собственноручно на представленіи отъ синода: „Благодарить, а пожертвованное употребить на возобновленіе храмовъ Божіихъ въ землѣ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, или же храма Софійскаго, когда, дастъ Богъ, *возьмемъ Царьградъ*". Прибавляютъ, что копія съ этого находится у самого Владыки, который многимъ показывалъ ее".

Вѣсть о взятіи Севастополя произвела въ Москвѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. „Ударъ былъ страшный,—пишетъ Бодянскій, —тѣмъ болѣе, что не ожиданъ никѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ и печатнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя".

Отмѣтимъ, наконецъ, разсказъ Бодянскаго о смерти и похоронахъ Грановскаго. Сколько извѣстно, ихъ личныя отношенія не были дружественны, но, какъ увидитъ читатель изъ слѣдующей

выписки, Бодянскій вполнѣ умѣлъ оцѣнить замѣчательную личность своего сотоварища по каѳедрѣ.

„Ничья смерть такъ сильно не поражала университетъ съ незапамятнаго времени, какъ смерть его; всѣ безъ исключенія были подъ гнетомъ ея; съ утра и до поздней ночи двери жилища его не затворялись. Только на третій день вынесли его въ университетскую церковь. Торжественность была полная, но и того полнѣе была она на слѣдующій день, когда хоронили его. Послѣ обѣдни, совершонной ректоромъ семинаріи Леонидомъ, и панихиды, профессора историко-филологическаго факультета, при помощи нѣкоторыхъ изъ другихъ, а также и самого попечителя, вынесли гробъ его изъ церкви до сѣнныхъ дверей и сдали студентамъ, которые понесли гробъ на своихъ рукахъ черезъ весь городъ на Пятницкое кладбище, разстояніемъ верстъ 6. Путь былъ усыпанъ цвѣтами и лавровыми листьями. Давно наша столица не видала такихъ похоронъ, давно никого она такъ славно, такъ единодушно не чтила. Какъ можно сравнить его похороны съ похоронами человѣка, далеко больше его дѣйствовавшаго на томъ же поприщѣ просвѣщенія и притомъ бо́льшею частью во главѣ,—разумѣю похороны бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, случившіяся ровно мѣсяцемъ раньше! Тамъ все было должностное, такъ сказать, заказное; здѣсь, наоборотъ, добровольное, непринужденное чествованіе. Честь и благодарность Москвѣ, умѣвшей понять, оцѣнить и отдѣлить истинныя заслуги отъ мнимыхъ или, по крайности, взять во вниманіе и взвѣсить средства и дарованія двухъ дѣятелей, не увлекаясь громкостью роли перваго, могшей почувствовать, какъ много требовалось истиннаго дарованія и умѣнья отъ покойника, чтобы возбудить къ себѣ такое повсемѣстное и единодушное сочувствіе на томъ низкомъ [1]) поприщѣ, каково поприще профессора. Прекрасно охарактеризовалъ его—въ краткихъ, но полновѣсныхъ словахъ — М. Н. Катковъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, извѣщая по долгу издателя о кончинѣ его. Лучше, благороднѣе и съ большимъ сочувствіемъ и оцѣнкой нельзя сдѣлать, извѣщая о подобномъ событіи. Собираютъ подписку для содержанія на проценты съ нея въ продолженіе двухъ лѣтъ кандидата, желающаго получить магистерство по нашему факультету. Самый прочный и благородный памятникъ покойному! Безъ сомнѣнія, сборъ будетъ больше, чѣмъ сколько нужно“.

---

[1]) Онъ, конечно, хотѣлъ сказать: скромномъ

Самымъ замѣчательнымъ историческимъ документомъ, нашедшимъ мѣсто въ настоящемъ Сборникѣ, является „Дмитрій Калининъ, драматическая повѣсть въ пяти картинахъ“, Бѣлинскаго. Эта пьеса была написана Бѣлинскимъ во время его студенчества, приблизительно въ 1830 или 1831 году. Это было вполнѣ юношеское произведеніе, которымъ Бѣлинскій въ свое время чрезвычайно дорожилъ, какъ первымъ крупнымъ трудомъ на литературномъ поприщѣ, о которомъ онъ тогда мечталъ—не поприщѣ критика, а именно беллетриста и драматурга; но если тогда Бѣлинскій придавалъ своему труду чрезвычайно большое значеніе, то впослѣдствіи, повидимому, совершенно о немъ забылъ, такъ что въ его бумагахъ не осталось экземпляровъ его пьесы. Первое нѣсколько обстоятельное извѣстіе объ этомъ первомъ опытѣ Бѣлинскаго сообщено было, если не ошибаемся, въ воспоминаніяхъ его товарища по университету Прозорова (Библ. для Чтенія 1859). Въ тѣхъ довольно многочисленныхъ письменныхъ матеріалахъ, какіе собралъ я, приступая къ біографіи Бѣлинскаго, его пьесы не оказалось; нѣкоторыя свѣденія по этому поводу я могъ получить только отъ современника и товарища Бѣлинскаго по университету, извѣстнаго впослѣдствіи педагога М. Б. Чистякова, и частью отъ родственника Бѣлинскаго Д. П. Иванова. Въ 1876 году въ „Русск. Старинѣ“ (январь) явились новые матеріалы для біографіи Бѣлинскаго, сообщенные кн. Енгалычевымъ. Происхожденіе бумагъ, явившихся въ „Русск. Старинѣ“, не было указано, но, очевидно, это были бумаги, хранившіяся въ семьѣ, такъ какъ состоятъ главнымъ образомъ изъ писемъ Бѣлинскаго къ его родителямъ и къ брату Константину; здѣсь же нашелся и отрывокъ „трагедіи“. Сличивъ содержаніе этого отрывка съ разсказомъ Чистякова, который былъ секретаремъ студенческихъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ читалась трагедія Бѣлинскаго, и съ напечатаннымъ теперь полнымъ текстомъ „драматической повѣсти“, не трудно видѣть, что пьеса Бѣлинскаго подвергалась значительнымъ переработкамъ, причемъ текстъ, изданный теперь г. Тихонравовымъ, представляетъ ея окончательную форму. Различны были частности исторіи и въ первыхъ редакціяхъ герой назывался не Дмитріемъ, а Владиміромъ [1]).

Отрывокъ, напечатанный кн. Енгалычевымъ, относится къ пятому дѣйствію или картинѣ (стр. 513—530 полнаго текста, напечатаннаго въ настоящемъ „Сборникѣ“). По сличенію, между этими

---

[1]) См. „Жизнь и переписка Бѣлинскаго“, Спб. 1876, т. I, стр. 54.

текстами не оказывается почти никакой разницы, кромѣ разницы въ именахъ.

Содержаніе пьесы въ изданномъ теперь полномъ текстѣ заключается въ слѣдующемъ. Герой пьесы, Дмитрій Калининъ, сынъ дворовыхъ людей помѣщика Лѣсинскаго, рано потерявши родителей, принятъ былъ въ домъ этого помѣщика и былъ воспитанъ имъ наравнѣ съ его дѣтьми и даже пользовался особенною его любовью. Калининъ разсказываетъ своему другу въ началѣ пьесы: „Я слышалъ стороною, что онъ (помѣщикъ) жестоко обидѣлъ моего покойнаго отца и, вѣроятно, чтобы загладить свой проступокъ, обратилъ на меня особенное вниманіе" (впослѣдствіи Калининъ оказывается его сыномъ). Но жизнь Калинина въ этомъ домѣ, однако, была тяжелая; жена Лѣсинскаго ненавидѣла Дмитрія за предпочтеніемъ, какое оказывалъ ему ея мужъ; ненавидѣли его и сыновья Лѣсинскаго, избалованные и грубые, которые стали потомъ вмѣстѣ съ матерью мучителями своихъ крестьянъ. У Лѣсинскихъ была еще дочь Софья, получившая въ домѣ бабушки прекрасное воспитаніе, и когда она вернулась домой, она одна могла понять Дмитрія, который въ своемъ отчужденіи отъ семьи также сталъ мечтателемъ и энтузіастомъ: они полюбили другъ друга. Въ началѣ „драматической повѣсти" мы застаемъ Калинина въ Москвѣ, куда Лѣсинскій послалъ его по какимъ-то дѣламъ: онъ волнуется безпокойнымъ ожиданіемъ, — любовь его къ Софьѣ зашла уже слишкомъ далеко: теперь изъ Москвы онъ написалъ Лѣсинскому, открылъ ему тайну своей любви и ждетъ рѣшенія своей участи. Онъ повѣряетъ свои тревоги другу Сурскому [1]): это человѣкъ, испытавшій разочарованія въ жизни, и онъ безуспѣшно старается внушить Калинину больше хладнокровія—Калининъ разсказалъ ему обстоятельства своей жизни и своей любви; но какъ разъ въ это время Калининъ получаетъ письмо изъ дома: Лѣсинскій умеръ; въ письмѣ молодой Лѣсинскій, новый помѣщикъ, осыпаетъ Калинина злобными насмѣшками, требуетъ возвращенія домой, гдѣ онъ долженъ стать лакеемъ; у старика Лѣсинскаго была приготовлена отпускная, но его наслѣдники ее уничтожили; Софья должна выйти замужъ за нѣкоего князя Кизяева. Отчаяніе Калинина при этихъ извѣстіяхъ доводитъ его почти до безумія.

Во второй „картинѣ" дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ. Изъ разговора прислуги оказывается, что крестьянамъ по смерти Лѣсинскаго нѣтъ житья отъ его наслѣдниковъ. Лѣсинская и его сыновья грабятъ и угнетаютъ крестьянъ; въ то же время Лѣсинская,

[1]) Въ текстѣ кн. Енгалычева: Вельскій.

безжалостная къ своимъ крѣпостнымъ и ко всѣмъ бѣднякамъ, даетъ богатыя подачки странствующимъ монахинямъ и держитъ при себѣ „лицемѣра", который поддерживаетъ ея самодурство текстами изъ писанія. Къ Софьѣ пріѣхала ея воспитательница въ домѣ бабушки, Рудина, и Софья повѣряетъ ей свою любовь.

Въ третьемъ дѣйствіи сцена въ городкѣ, находящемся въ трехъ верстахъ отъ деревни Лѣсинскаго. Другъ Калинина, Сурскій, отправился вмѣстѣ съ нимъ, не желая оставить его одного въ его страшномъ отчаяніи и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь спасти его однимъ смѣлымъ замысломъ. На первый разъ онъ успокоиваетъ Калинина. „Я слишкомъ многимъ жертвую моей къ тебѣ дружбѣ, ибо рѣшаюсь на поступокъ чрезвычайно важный и могущій имѣть для меня слѣдствія непріятныя. Въ семъ городѣ живетъ по временамъ мой старинный другъ, съ которымъ я вмѣстѣ учился въ московскомъ университетѣ и, бывши студентомъ, подружился. Онъ служитъ чиновникомъ особыхъ порученій и завѣдуетъ нѣсколькими городами здѣшней губерніи (?), въ числѣ которыхъ находится и этотъ [1]). Онъ теперь въ другомъ городѣ, гдѣ живутъ его родители, и ныньче непремѣнно долженъ быть здѣсь. Я сейчасъ былъ на его квартирѣ, лишь бы онъ пріѣхалъ, а то сію же минуту явится здѣсь, и я вмѣстѣ съ нимъ подумаю, что̀ намъ должно дѣлать для твоего спасенія". Въ ожиданіи друга, Сурскій старается успокоить Калинина, который въ порывахъ горя доходитъ до неистовыхъ укоровъ Провидѣнію, преслѣдующему созданнаго имъ человѣка. Сурскій при этомъ повѣряетъ Калинину свою собственную исторію: онъ также испыталъ обманы счастья. Нѣкогда онъ любилъ и любимая имъ дѣвушка считалась его невѣстой; его отецъ соглашался на его бракъ, но желалъ, чтобы онъ кончилъ сначала курсъ въ университетѣ. Но когда юноша уѣхалъ въ Москву, за его невѣстой сталъ ухаживать безсовѣстный развратникъ, который будто бы хотѣлъ на ней жениться (мать способствовала обману, предпочитая новаго жениха, богатаго князя), но, обманувъ ея простодушіе, бросилъ ее. Съ тѣхъ поръ Сурскій не имѣлъ о ней извѣстій. Между тѣмъ ожидаемый другъ, Томинъ, явился, и планъ, пока не сообщаемый Калинину, составленъ: отъ Калинина требуется только повиновеніе и молчаніе. Планъ состоялъ въ томъ, что Томинъ и Сурскій явятся на балѣ у Лѣсинской; первый знакомъ съ нею и представитъ ей Сурскаго. На балѣ

[1]) Не хотѣлъ ли авторъ драмы сказать, что этотъ другъ Сурскаго былъ губернаторъ? Во всякомъ случаѣ, указаніе общественнаго положенія и предполагаемой роли—странное.

послѣдній сообщитъ Софьѣ, что они устроили планъ бѣгства, что она тайно обвѣнчается съ Калининымъ и дѣло будетъ кончено.

Въ четвертомъ дѣйствіи балъ у Лѣсинской по случаю именинъ ея дочери. Сурскій успѣлъ сообщить Софьѣ задуманный планъ; но затѣмъ происходитъ рядъ неожиданныхъ событій. Сурскій узнаетъ въ Рудиной, воспитательницѣ Софьи, свою бывшую невѣсту; въ князѣ, за котораго Лѣсинская собиралась выдать Софью, Рудина узнаетъ покинувшаго ее обольстителя и въ Сурскомъ—своего прежняго жениха, и падаетъ въ обморокъ. Среди переполоха является Калининъ. Онъ „быстрыми шагами подходитъ къ гостиной; его всклокоченные волосы, посинѣвшія, дрожащія губы, его глаза, налившіеся кровью, пылающіе неистовымъ огнемъ, странныя движенія показываютъ явное помѣшательство ума и какую-то ужасную рѣшительность. Черный, измоченный плащъ небрежно покоится на его плечахъ. Удивленное и пораженное его видомъ собраніе высыпаетъ изъ гостиной въ залу и, не дошедши къ нему, съ ужасомъ отступаетъ назадъ и, ставши около него полукругомъ, хранитъ глубокое молчаніе". Калининъ говоритъ полубезумныя рѣчи; Софья въ ужасномъ волненіи; одинъ изъ ея братьевъ, Андрей, въ ярости, велитъ слугамъ схватить этого „раба", и это послѣднее слово привело Калинина въ окончательное бѣшенство: онъ выхватилъ пистолетъ и застрѣлилъ Андрея. Наконецъ, Калининъ падаетъ безъ чувствъ.

Въ пятомъ дѣйствіи сцена опять тамъ же. Софья, удрученная горемъ, какъ бы потеряла разсудокъ; Рудина напрасно старается привести ее въ себя и успокоить. Князь, женихъ, не смотря на видѣнную имъ сцену, возобновляетъ свои предложенія (Софья—богатая невѣста, а онъ, должно быть, прожился), которыя Лѣсинская принимаетъ съ радостью. Но внезапно снова является Дмитрій Калининъ: въ отсутствіе Лѣсинской, онъ—„вбѣгаетъ въ томъ же самомъ видѣ и положеніи, какъ и въ четвертой картинѣ. На лѣвой рукѣ его виситъ разорванная цѣпь. При взглядѣ на Софью онъ отступаетъ назадъ и, не говоря ни слова, гремитъ цѣпью, устремя на нее мертвые и неподвижные взоры". Онъ бѣжалъ, „обманувъ бдительность стражи", изъ тюрьмы, куда былъ заключенъ послѣ убійства Андрея: онъ хотѣлъ еще разъ видѣть Софью; онъ хотѣлъ услышать отъ нея, что она его не проклинаетъ, и тогда онъ умретъ спокойно. Софья испугана его состояніемъ, но ей отрадно его увидѣть; она знаетъ однако, что они опять будутъ разлучены, и видитъ одинъ исходъ — умереть отъ его руки. Калининъ сначала ужасается этой мысли, но когда она говоритъ ему, что иначе ее заставятъ выйти за ненавистнаго

князя, онъ рѣшается и закалываетъ ее. Послѣ этого ему остается, конечно, заколоться самому, но передъ тѣмъ происходитъ еще новый эпизодъ: входитъ случайно старый слуга, который передаетъ Калинину письмо, которое Лѣсинскій передъ смертью умолялъ этого слугу отдать Калинину. Изъ письма оказывается, что Калининъ былъ сынъ Лѣсинскаго и что, слѣдовательно, Софья была его сестра. Мѣра его отчаянія переполнена и передъ толпой сбѣжавшихся людей, передъ Лѣсинской и Сурскимъ, который также здѣсь оказался, Калининъ произноситъ безумныя рѣчи, проклинаетъ рокъ, такъ ужасно исказившій его жизнь, проклинаетъ отца, который былъ виновникомъ его бѣдствій, и наконецъ закалывается.

Таково содержаніе пьесы, чрезвычайно любопытной для исторіи развитія Бѣлинскаго. Само собой разумѣется, что она и должна быть разсматриваема только съ этой точки зрѣнія, какъ фактъ его тогдашнихъ мыслей и душевнаго настроенія. Онъ былъ юношей двадцати или двадцати-одного года, когда писалъ эту пьесу.

О той порѣ жизни Бѣлинскаго передалъ свои воспоминанія другой изъ его товарищей, Прозоровъ. „Умственная дѣятельность (въ студенческомъ кругу), особенно въ 11-мъ нумерѣ [1]) шла бойко,— разсказываетъ Прозоровъ:—споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на-словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова „Іерусалима“ и очень неблагосклонно отзывались о „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, только-что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ „Вѣстникѣ Европы“. Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана; Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ“.

[1]) Рѣчь идетъ о „нумерахъ“, комнатахъ казенныхъ студентовъ, гдѣ жилъ и Бѣлинскій, находясь въ университетѣ на казенномъ счетѣ.

Чтеніе трагедіи въ студенческомъ кружкѣ заняло нѣсколько вечеровъ; автору дѣлались замѣчанія объ ея недостаткахъ, и Бѣлинскій исправлялъ ее. „Трагедія" превратилась наконецъ въ „драматическую повѣсть" въ чисто романтическомъ родѣ; въ то время, когда шли еще ожесточенные споры о классицизмѣ и романтизмѣ, отразившіеся и въ кружкѣ молодежи, Бѣлинскій, какъ говорятъ, хотѣлъ непремѣнно нарушить три классическія единства, и дѣйствительно ихъ нарушилъ. Пьеса носитъ совершенно романтическій характеръ, но содержаніе не было чуждо дѣйствительности; изъ одного письма Бѣлинскаго къ отцу можно предполагать, что сюжетъ имѣлъ какое-то отношеніе къ лицамъ недавно имъ оставленной родины, пензенскаго Чембара („вы увидите въ моемъ сочиненіи многія лица, довольно вамъ извѣстныя"). Самая трагедія, тогдашнія письма Бѣлинскаго и другія свидѣтельства указываютъ, что именно впечатлѣнія дѣйствительности, негодованіе противъ возмутительныхъ явленій крѣпостного права дали мысль его трагедіи.

Бѣлинскій былъ чрезвычайно занятъ своимъ произведеніемъ; въ одномъ письмѣ его осталась характерная подробность этого юношескаго увлеченія, когда на просьбу брата о присылкѣ ему трагедіи Бѣлинскій отвѣчалъ, что скорѣе готовъ „отрубить себѣ руку и послать ее въ подарокъ" брату, чѣмъ на какое-нибудь время разстаться съ своей трагедіей. Онъ очевидно думалъ, что она произведетъ впечатлѣніе въ литературѣ и что успѣхъ ея вмѣстѣ съ тѣмъ устроитъ его матеріальное положеніе и между прочимъ поможетъ освободиться отъ казеннаго „кошта". Дома не мало опасались его литературныхъ затѣй; кажется, и въ захолустьѣ знали, что писательство составляло не совсѣмъ безопасную карьеру. Но онъ былъ исполненъ самыхъ свѣтлыхъ ожиданій; пьеса казалась ему самой благонамѣренной и нравственной. „Въ этомъ сочиненіи,—писалъ Бѣлинскій домой, когда уже разразилась надъ нимъ цензурная гроза, — въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, *пламенѣющаго любовію къ истинѣ*, со всѣмъ негодованіемъ души, *ненавидящей несправедливость*, я, въ картинѣ довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными: его мысли вольны, поступки бѣшены,—и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная".

Юный энтузіастъ не вoоображалъ, что пламенѣть любовью къ

истинѣ, ненавидѣть несправедливость, „представлять тиранство" вовсе не составляютъ такого достоинства, которое было бы признано въ сухой дѣйствительности; напротивъ, это на первыхъ же порахъ навлекло на него гоненіе. Въ томъ же письмѣ онъ разсказываетъ судьбу своей трагедіи въ цензурѣ, гдѣ засѣдали свои же университетскіе профессора: „Подаю свое сочиненіе въ цензуру,—пишетъ Бѣлинскій,—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ ценсурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе ценсоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: „Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!" Не буду много распространяться,—скажу только, что, несмотря на то, что мой ценсоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ — это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особенныя донесенія".

Съ этимъ разрушены были всѣ его мечты. И раньше его отношенія, какъ студента казеннокоштнаго, къ инспекціи были очень натянутыя; теперь положеніе его ухудшилось во всѣхъ отношеніяхъ. „Лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности, объ освобожденіи отъ казеннаго кошта для того только ласкала и тѣшила меня, довѣрчиваго къ ея дѣтскому, легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... Теперь, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно *опустился: все равно*—вотъ девизъ мой" [1]).

Обратимся къ самой пьесѣ. Можно сказать, что въ каждой строкѣ ея видно, что авторъ есть юноша-энтузіастъ, который напитался тогдашней романтической литературой, изображавшей людей съ необузданными страстями, говорившей восторженнымъ языкомъ (слишкомъ часто похожимъ на реторику), дѣлавшей запросы „року" или самому божеству, ставившей возвышенные идеалы; дѣйствительная жизнь не была совсѣмъ незнакома этой литературѣ и подвергалась обличенію, но тѣмъ не менѣе ускользала отъ настоящаго анализа. Герой надѣленъ идеальными стремленіями и титаническими силами, которымъ трудно было бы найти примѣненіе къ дѣйствительности; обстоятельствами жизни онъ по-

---

[1]) Жизнь и переписка Бѣлинскаго, т. I, гл. II.

ставленъ въ такія условія, что борьба невозможна, и ему остается самому явиться разрушительной силой и погибнуть. Не знаемъ, было ли какое-нибудь дѣйствительное событіе, которое могло бы послужить сюжетомъ для драмы Бѣлинскаго; но оно было возможно, и Бѣлинскій облекъ этотъ сюжетъ въ романтически высокопарную форму. Сценамъ собственно бытовымъ Бѣлинскій старался придать реальную окраску: таковы изображенія „тиранства", напримѣръ, въ рѣчахъ стараго слуги Ивана [1]), или въ сценахъ обращенія Лѣсинской съ ея крѣпостными [2]); таково изображеніе приживальщика въ домѣ Лѣсинской, Сидора Андреевича, котораго авторъ называетъ, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, „лицемѣромъ". Этотъ лицемѣръ по-своему оттѣняетъ домашнее правленіе Лѣсинской. „Правда,—говоритъ она,—и про него мнѣ много говорили худого, напримѣръ, что его выгнали изъ одного дома за ужасный порокъ, да я не больно вѣрю этимъ наговорамъ" (стр. 480). Бѣлинскій такъ изображаетъ это лицо:

„Входитъ подслѣповатая мужская фигура въ долгополомъ сюртукѣ и съ волосами, остриженными по-свѣтски; ея рябое лицо украшено небольшою рыжею бородою; она безпрестанно вертитъ головою; въ одной рукѣ ея четки, а въ другой длинная палка.

„Сидоръ Андреевичъ. Здравствуйте, Лизавета Андреевна! Съ добрымъ утромъ честь имѣю поздравить васъ, сударыня! Здоровы ли вы?

„Лѣсинская. Твоими теплыми молитвами, Сидоръ Андреевичъ, живу кое-какъ. Да вотъ людишки-мошенники все бѣсятъ: такія дѣлаютъ грубости, что терпѣнья нѣтъ да и только. Да вотъ погоди, я справлюсь съ ними.

„Сидоръ Андреевичъ. И доброе дѣло сдѣлаете. Сказалъ Господь: *Нѣсть рабъ болѣе господина своего*! а въ другомъ мѣстѣ: *Раби, повинуйтесь во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.*

„Лѣсинская. И жаль ихъ, окаянныхъ, Сидоръ Андреичъ, да дѣлать-то нечего; пожалуй, дай имъ волю-то, такъ они барынѣ-то и на шею сядутъ да поѣдутъ. Ужъ я ли, кажется, поступаю съ ними не по-христіански?

„Сидоръ Андреевичъ. Бить рабовъ ничуть не грѣшно, а должно; говоритъ русская пословица: *не бить ребра, не видать добра.* Премудрый Сирахъ сказалъ: *любяй сына своего да учинитъ ему раны*; а въ другомъ мѣстѣ священное писаніе гла-

[1]) Картина пятая, стр. 527.

[2]) Картина 2-я; на стр. 475 разсказъ о томъ, какъ Лѣсинская грабитъ своихъ мужиковъ, кто побогаче.

ситъ: *біетъ сына, его возлюбитъ*. Когда дѣтей Господь указалъ бить, то ужъ рабовъ-то и подавно.

„Лѣсинская. Ну, Сидоръ Андреевичъ, ты говоришь какъ книга, тебя любо слушать. Гдѣ это набрался такой премудрости?

„Сидоръ Андреевичъ. Не отъ себя, матушка, отъ Бога: Господь умудряетъ слѣпцы.

„Лѣсинская. Сущая правда; иной весь вѣкъ свой учится, умираетъ на книгахъ, а все не то, что ты. Ты ныньче, пожалуйста, попой ужъ на крылосѣ-то. Право, я не могу отъ слезъ удержаться, когда слышу твой голосъ. Отродясь не слыхивала такихъ пѣвчихъ, какъ ты.

„Сидоръ Андреевичъ. Извольте, матушка, Лизавета Андреевна, для васъ все готовъ сдѣлать, чего ни пожелаете. Нечего сказать, доволенъ вашей милостью. Не оставили вы меня грѣшнаго, за то и Господь не оставитъ васъ".

Софья подъ стать Калинину, героиня въ романтическомъ родѣ. Когда Калининъ познакомился съ ней, она поразила его возвышенностью своей натуры. „Съ какимъ благороднымъ жаромъ говорила она о доблестяхъ добродѣтели!—разсказываетъ Калининъ Сурскому.—Ты не можешь представить, до какой степени восхищаетъ ее всякій благородный поступокъ, до какой степени плѣняетъ все, что только выходитъ изъ предѣловъ обыкновеннаго. Въ одно и то же время она трепетала при имени Брута, какъ великаго мученика свободы, какъ добродѣтельнаго самоубійцы, и при имени Сусанина, запечатлѣвшаго своею кровію вѣрность царю. Болѣе же всего ее восхищала исторія двухъ римлянокъ: Лукреціи и Виргиніи. При этихъ священныхъ для нея именахъ, вмѣсто кроткой задумчивости, блиставшей въ ея глазахъ, сверкали молніи". Они открылись другъ другу въ любви при чтеніи „Фингала" Озерова. Любовь ихъ тотчасъ принимаетъ титаническіе размѣры. „Одно воспоминаніе объ этой священной, незабвенной минутѣ дѣлаетъ меня блаженнымъ, переноситъ на небо... Блаженъ, кто зналъ эту высокую, святую гармонію душъ!.. Любовь наполняетъ все существо мое, дѣлаетъ меня полубогомъ!" Софья, передавая Рудиной исторію своей любви, выражается, что она при этомъ „узнала небо", а въ концѣ драмы, когда Калининъ сталъ уже убійцей, она говоритъ ему: „Ты для меня равно милъ и въ золотѣ и въ рубищѣ. Дмитрій былъ невиненъ— и я его любила; Дмитрій омылъ руки свои въ крови моего брата— и я люблю его еще болѣе; но не убійство, а несчастіе дѣлаетъ его въ глазахъ моихъ милѣе. Дмитрій! ступай въ тюрьму—и я за тобой послѣдую; лети на поле брани—и я туда сопутствую

тебѣ; будь царемъ — и я раздѣлю съ тобою тронъ; будь презрѣннымъ разбойникомъ—и я буду раздѣлять твое мрачное, всегда потопленное въ крови подземелье. Для тебя попираю ногами всѣ узы, соединяющія меня съ людьми". Немного раньше Софья говоритъ такъ: „любовь, эта божественная страсть, которая бываетъ удѣломъ только существъ возвышенныхъ, которая доказываетъ ихъ небесное происхожденіе"...

Недостаточно того, что личная судьба Калинина сложилась трагически несчастливо; это вообще избранная натура (по его мнѣнію), которая презираетъ толпу и требуетъ себѣ привилегіи. Они съ Софьей „попираютъ ногами узы, соединяющія ихъ съ людьми", и въ претензіи, что люди не желаютъ этого одобрить. Въ своемъ негодованіи на несправедливость судьбы и людей, онъ доходитъ до отчаянныхъ протестовъ. Когда Сурскій, успокоивая его, убѣждаетъ его искать утѣшеній въ совѣсти, въ религіи, въ надеждѣ на Бога, терпѣть *здѣсь*, чтобы вѣчно наслаждаться *тамъ*, Калининъ восклицаетъ:

„Вотъ истинно превосходная и вмѣстѣ преутѣшительная философія! Къ несчастію, она только хороша для низкой черни. Какъ!.. Неужели вѣчное блаженство непремѣнно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходитъ! Неужели это премудрое, милосердое Существо, которое мы называемъ Богомъ, посылаетъ людей на землю, какъ колодниковъ на каторгу? Неужели Его благость такъ ограничена, что Онъ не хочетъ сдѣлать Свое лучшее твореніе счастливымъ *здѣсь* и *тамъ*? Нѣтъ, по вашему, Онъ не иначе долженъ сдѣлать его блаженнымъ, какъ сперва потиранивши его, насладившись его муками... Фарисей, ты искажаешь Божество!.." Сурскій отвѣчаетъ, что въ человѣческихъ страданіяхъ виноватъ не Богъ, а сами люди: они имѣютъ разумъ, эту искру божества, а уподобляются скотамъ. Онъ обвиняетъ самого Калинина, что и онъ самъ виноватъ въ своихъ бѣдствіяхъ, но послѣдній не убѣждается доводами друга и разражается новой тирадой. Нѣкогда каждое чувство его была любовь, каждая мысль—благодарность къ этому благому Существу. „А теперь... Теперь въ душѣ моей поселилось какое-то мрачное сомнѣніе, которое, какъ пожаръ разрушительный, истребило въ ней довѣренность къ Промыслу и даже эту сладостную вѣру въ высокое, которою я дышалъ доселѣ. На этотъ міръ, который прежде казался мнѣ столь прекраснымъ, я теперь смотрю какъ на дикую пустыню, въ которой злоба, невѣжество и предразсудки воздвигли изъ костей и труповъ престолъ несчастію!.. О, ежели всѣ мои надежды кончатся моею гибелью... тогда, тогда мое лютое отчаяніе, моя

неистовая ярость на все существующее разольется огненнымъ, клокочущимъ потокомъ, который затопитъ, разоритъ меня, моихъ враговъ и всѣхъ близкихъ ко мнѣ. Тогда уста мои загремятъ хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами!.. Тогда я буду просить Его, чтобы Онъ или превратилъ меня въ прахъ, или далъ мнѣ Свои громы, чтобы я могъ въ одно мгновеніе истребить этотъ чудовищный міръ, истребить этихъ лютыхъ, безсмысленныхъ тварей, которыя населяютъ его" и т. д. Вѣроятно, самимъ авторомъ по цензурнымъ соображеніямъ прибавлено къ этой тирадѣ примѣчаніе: „Такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго чистыми струями религіи и нравственности" (стр. 489).

Отмѣтимъ, наконецъ, тираду противъ крѣпостного права въ пятомъ дѣйствіи. „Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянія содрать шкуру со своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ друзьями, и со всѣмъ, что̀ для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердый Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?"...

Здѣсь опять для смягченія этихъ словъ сдѣлано особое примѣчаніе: „Къ славѣ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства, подобныя тиранства уже начинаютъ совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священнѣйшею обязанностью пещись о счастіи каждаго человѣка, ввѣреннаго его отеческому попеченію, не различая ни лицъ, ни состояній. Доказательствомъ сего могутъ служить всѣ его поступки и, между прочимъ, указъ о наказаніи купчихи Аносовой за тиранское обхожденіе со своею дѣвкою и городничаго за допущеніе онаго, напечатанный въ 77 № „Московскихъ Вѣдомостей" за 1830 годъ, 24-й день сентября. Этотъ указъ долженъ быть напечатанъ въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ россіянъ, умѣющихъ цѣнить мудрыя распоряженія своего правительства, напоминающія слова нашего знаменитаго, незабвеннаго Фонъ-Визина: „Гдѣ Государь мыслитъ, гдѣ знаетъ

Онъ, въ чемъ Его истинная слава—тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться права его; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастія и выгодъ въ томъ, что̀ законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ есть беззаконно".

Кѣмъ сдѣлано это примѣчаніе, самимъ ли Бѣлинскимъ или его цензоромъ, не видно.

Что касается до исполненія пьесы, то приведенныя выписки даютъ понятія о тонѣ, въ какомъ ведено ея изложеніе. Это—вполнѣ рутина тогдашней романтической драмы или романа: необычайныя избранныя натуры, окружаемыя пошлостью дѣйствительности, люди съ возвышенными идеями, говорящіе не иначе, какъ высокопарными фразами и въ концѣ концовъ, въ силу своего разлада съ жизнью, погибающіе—иногда, какъ въ настоящемъ случаѣ, зарѣзавши предварительно нѣсколькихъ человѣкъ. Къ русской жизни драма привязана тѣмъ, что дѣйствіе построено на почвѣ крѣпостного права и связанныхъ съ нимъ нравовъ: въ этомъ живая сторона пьесы, гдѣ многія подробности могли быть списаны прямо съ натуры. Но все вмѣстѣ страшно ходульно, и эта манера совершенно объясняется молодостью автора, который, конечно, принималъ буквально романтическую фразеологію того времени. Это литература еще до-Гоголевская. Въ виду продолжающихся донынѣ споровъ объ историческомъ значеніи Гоголя въ развитіи нашей литературы можно замѣтить, что для Бѣлинскаго, какъ безъ сомнѣнія и для многихъ его сверстниковъ, могущественное впечатлѣніе геніальной глубины Гоголевскаго реализма усиливалось тѣмъ, что они на самихъ себѣ, по своимъ первымъ литературнымъ опытамъ, испытали художественный переломъ, произведенный созданіями Гоголя.

Для личныхъ надеждъ Бѣлинскаго запрещеніе его драмы было страшнымъ ударомъ. Отъ своей пьесы онъ ожидалъ и матеріальнаго обезпеченія, и желанной литературной карьеры, которая уже тогда его привлекала. Мы привели выше его разсказъ, въ письмѣ домой, о постигшей его бѣдѣ. Напомнимъ начало этого письма:

„Сообразивши всѣ обстоятельства моей жизни,—писалъ онъ,—я вправѣ назвать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которыя бываютъ удѣломъ немногихъ избранныхъ—и при всемъ томъ меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать. Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же и, что̀ всего хуже, навлекали

на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества. Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности. Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтренности, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимою. Потомъ поступилъ на *казенный коштъ*... о, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!.. Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу (т.-е. трагедію), которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ не малыя выгоды".

Онъ совсѣмъ упалъ духомъ, и долго послѣ, собственно говоря—всю жизнь, ему приходилось выносить тяжелыя матеріальныя испытанія всякаго рода, которыя однако никогда не могли подавить его восторженнаго идеализма. Одно изъ первыхъ проявленій или первое литературное проявленіе этого идеализма представляетъ изданная теперь пьеса, отысканіемъ которой г. Тихонравовъ сдѣлалъ чрезвычайно интересный вкладъ въ біографію Бѣлинскаго.

Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ: „Кто видѣлъ Бѣлинскаго только на улицѣ, когда, въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубенкѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ, торопливо и неровной походкой, пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ—тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія, и я до нѣкоторой степени понимаю восклицаніе одного провинціала, которому его указали: „Я только въ лѣсу такихъ волковъ видывалъ и то травленныхъ". Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся".

Его дѣтство было тяжелое, заброшенное; съ первой юношеской встрѣчи съ жизнью, въ университетѣ, уже началась эта травля; столкновенія съ грубой педагогіей тѣхъ временъ и первый литературный трудъ, котораго главнѣйшимъ недостаткомъ могла бы быть только юношеская неопытность, навлекли на него гоненіе, и онъ, исключенный изъ университета, остался почти безъ пристанища. Цѣлые годы, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ, однако, занять видное мѣсто въ тогдашней критикѣ, онъ долженъ былъ буквально заботиться о кускѣ хлѣба. „Его свѣденія были не обширны, онъ зналъ мало", пишутъ о немъ его болѣе счастливые друзья: это неудивительно, если вспомнить его бѣдственные Lehrjahre, но его историкъ не долженъ забыть тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ, несмотря на всѣ испытанія, въ немъ неизмѣнно

сохранился благородный энтузіазмъ, наполнявшій всю его дѣятельность.

Въ моей статьѣ: „Для любителей книжной старины“, сдѣлано библіографическое обозрѣніе особаго отдѣла нашей письменности конца XVII и XVIII вѣка, заключающаго довольно большую массу повѣстей, „гисторій“, сказокъ, поэмъ и т. п., которыя составляли популярное чтеніе той эпохи и до сихъ поръ, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, не вызвали еще историко-литературнаго изслѣдованія. Въ цѣломъ набралось больше ста произведеній этого рода и до трехъ сотъ рукописей. Интересъ этихъ произведеній состоитъ въ томъ, что они составили переходное звено между московской письменной стариной и новой литературой, начинавшейся съ XVIII вѣка. Эта литература въ огромномъ большинствѣ переводная, но въ ней были также и опыты самостоятельной русской повѣсти. Источники этихъ переводовъ отчасти могли быть указаны въ западной популярной литературѣ, отчасти остаются еще неизвѣстными. Здѣсь продолжаютъ еще держаться старыя героическія и чудесныя повѣсти XVII вѣка, но къ нимъ прибавляются романы новаго рода, при чемъ оказывается, что печатная литература романовъ нашего XVIII вѣка (она начинается со второй его половины) тѣсно примыкаетъ къ этой рукописной литературѣ первой половины столѣтія. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ популярнѣйшихъ романовъ XVIII вѣка, знаменитый „Телемакъ“, былъ нѣсколько разъ переведенъ въ первой половинѣ столѣтія и ходилъ въ рукописяхъ задолго до перевода Тредьяковскаго. Имена переводчиковъ, трудившихся надъ этой литературой, большею частью остаются неизвѣстными, безъ сомнѣнія по продолженію стараго обычая, когда литературный трудъ очень часто оставался безъименнымъ;—между тѣмъ онъ былъ иногда немаловажный. Нѣкоторые изъ этихъ романовъ бывали огромнаго объема: „Азіатская Баниза“ или „Исторія о Коронатѣ“ и нѣкоторые другіе представляютъ большіе фоліанты въ нѣсколькихъ частяхъ, мелкаго, убористаго письма. Кто были читателями этой литературы—можно судить по записямъ владѣльцевъ на самыхъ книгахъ: это была публика очень пестрая—гвардейскіе офицеры и „салдаты“ (тогда бывало много дворянъ, начинавшихъ съ солдатства), чиновники, купцы, посадскіе люди, наконецъ крестьяне. Иногда, съ записью о принадлежности „гисторіи“, записывается впечатлѣніе отъ „зѣло полезнаго“ чтенія и заклятіе противъ покражи.

Какъ мы замѣчали, и эта литература была переходной сту-

пенью отъ старины къ новой литературѣ, которая, подпадая окончательно западно-европейскимъ вліяніямъ, стала развиваться въ особенности со второй половины прошлаго столѣтія. Въ этихъ переводныхъ романахъ, поэмахъ и т. п. и въ самодѣльныхъ опытахъ подготовлялась та печатная литература второй половины столѣтія, которая лишь мало-по-малу стала вытѣснять давнишнюю привычку къ рукописи. Переходъ былъ такъ нечувствителенъ, что, какъ мы упоминали, во второй половинѣ столѣтія иногда печатались романы и повѣсти, уже рано ходившіе въ рукописяхъ по тѣмъ самымъ или новымъ переводамъ и, наоборотъ, печатныя книги списывались; любопытно, что еще въ половинѣ прошлаго столѣтія о печатныхъ книгахъ употреблялся даже терминъ, что онѣ „написаны“ были въ такой-то типографіи. Въ ряду романовъ чисто популярныхъ, со сказочными приключеніями и не имѣвшихъ никакого особеннаго литературнаго достоинства, въ этой рукописной литературѣ встрѣчались и такія произведенія, какъ „Похвала глупости“ Эразма Роттердамскаго, какъ „Погубленный Рай“ Мильтона, „Похищенный локонъ волосъ“ Попа, какъ „Энеида“ и т. д.

Любопытны въ особенности русскіе опыты и подражанія, отчасти очевидно вызванные этими новѣйшими иностранными образцами, отчасти болѣе или менѣе самостоятельные. Отмѣтимъ, напримѣръ, „Исторію о россійскомъ дворянинѣ Александрѣ“, до сихъ поръ еще не изслѣдованную; въ подробномъ заглавіи она называется такъ: „Гисторія о прекрасномъ и россійскомъ ковалерѣ Александрѣ и о пасторской дочери французскаго государства града Лила лѣпообразной Елеонорѣ, и о прекрасной Тахрѣ, града Парижа королевскаго ѳелтмаршала дочери, како они препроводили жизни свои и злое нещастие ихъ“. Въ одной самодѣльной исторіи указанъ и ея авторъ; это: „Гистория королевича Архилабона. Сочинена трудами правительствующаго сената дѣйствительнаго колегіи юнкора Петра Орлова. Въ Москвѣ съ 6-го марта 1750 года“,—твореніе на темы сказокъ и рыцарскихъ гисторій съ чудесными конями, драконами, воинственными подвигами и т. п. Два любопытные образчика старой повѣсти нашлись въ собраніи г. Тихонравова. Во-первыхъ, „Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скомраховѣ“—передѣлка извѣстнаго „Фрола Скобѣева“, указывающая между прочимъ на большую популярность послѣдняго. Во-вторыхъ, чрезвычайно оригинальный отрывокъ русскаго романа въ виршахъ, писанный, вѣроятно, въ первой четверти прошлаго столѣтія. По сообщенію г. Тихонравова, главы романа были расположены по буквамъ азбуки и сохранились только послѣднія буквы. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ и въ

разсказѣ встрѣчаются подробности чисто русскихъ нравовъ. Повѣствованіе идетъ отъ лица героини. Дѣвица слюбилась съ парнемъ, отецъ случайно объ этомъ узналъ:

„Въ церкви съ сосѣдомъ побранился,
Много укорился.
Пришедъ въ домъ. отецъ мнѣ объявляетъ,
Мать мою сокрушаетъ.
Отецъ мой собакъ съ цѣпей спущаетъ,
Любезнаго отъ меня отлучаетъ".

Когда отецъ находитъ письмо дочери къ ея „любезному", то происходитъ слѣдующее:

„Матери моей объявляетъ,
Трость примаетъ,
Мать убиваетъ:
Мати того письма не знаетъ,
Клятвою себя заклинаетъ;
Тростью отецъ мать мою ударяетъ,
Руку переломляетъ,
Я, млада, того не знаю, —
Въ гостяхъ себя увеселяю".

Мать желала ея супружества съ любезнымъ, но отецъ велѣлъ идти за немилаго. Дѣвица, чтобы успѣть въ своемъ желаніи, подавала милостыню узникамъ и, кажется, заказывала заздравные молебны, но все было напрасно. Дальше читаемъ:

„Хотя по неволе отъ любезнаго отлучна,
...сердце мое отъ него не отлучно.
Не то дорого, что красное золото —
То дорого, что чистое серебро.
Любезному—сметанку,
Немилому—творогъ.
Съ любезнымъ часокъ
Лучше немилаго года.
По неволи вѣнчалась,
Сердцемъ надрывалась.
Къ вѣнчанью везли —
Изъ очей моихъ слезы текли.
Въ церковь ввозятъ,
Къ попову благословенію приводятъ;
Попъ спрашиваетъ:
„Волею ли, а не усилованьемъ?"
И отъ кого вопрошеваетъ:
Уста мои отъ горести кровь запекаетъ;
Страха отъ отца „неволею" сказать боюся,
Да не въ горшею бѣду ввалюся.
Попу отвещеваю —
Въ волю ево себя отдаваю.

Любезной при томъ вѣнчани стоитъ,
Договорныя мои письма въ рукахъ держитъ,
Слезами себя обливаетъ,
Власы на себѣ терзаетъ,
Письма моей руки друзьямъ объявляетъ —
Совѣта прошаетъ;
Желаетъ меня отъ венца отлучити,
Себѣ совокупити.
Письма давъ попу вручити,
Съ немилымъ меня разлучити.
Друзья ево унимали,
Отцомъ меня смертное сокрушеніе объявляли" и т. д.

То-есть, предсказывали, что отецъ сокрушитъ свою дочь на смерть за непослушаніе его волѣ. Вышедши за немилаго, героиня встрѣчаетъ потомъ своего любезнаго на гуляньѣ въ Лефортовѣ. Авторъ порицаетъ родителей, которые отдаютъ дочерей за богатыхъ, но „не нравныхъ".

Весьма курьезная повѣсть сообщена была М. И. Соколовымъ о нѣкоторомъ богатомъ и славномъ гостѣ Карпѣ Сутуловѣ и его женѣ, во вкусѣ старинныхъ (переводныхъ) „смѣхотворныхъ" повѣстей, но въ нѣкоторомъ переложеніи на русскіе нравы. Богатый купецъ Карпъ Сутуловъ, отправившись на куплю въ Литовскую землю, оставилъ женѣ денегъ „на частые пиры, на добрыхъ женъ на своихъ сестеръ", а въ случаѣ недостатка денегъ поручилъ ей обратиться къ его другу Аѳанасію Бердову. Ей пришлось обратиться къ нему, а Бердовъ сталъ дѣлать ей неприличныя предложенія; она пошла за совѣтомъ къ церковному человѣку, сначала къ одному, потомъ къ другому, болѣе высокопоставленному, но и тѣ также дѣлали ей подобныя предложенія, обѣщая все болѣе крупные подарки (сто, двѣсти и триста рублей). Она обѣщаетъ каждому исполнить его желаніе, зазываетъ всѣхъ троихъ по одиночкѣ къ себѣ и затѣмъ, пугая каждаго мнимымъ пріѣздомъ мужа, запираетъ всѣхъ раздѣтыми въ сундуки и на утро везетъ сундуки къ воеводѣ, который отпустилъ заключенныхъ, взявши съ купца 500 рублей, а съ двухъ другихъ по 1000 и 1500 рублей. Деньги воевода раздѣлилъ съ купеческой женой пополамъ, и „похвали ея цѣломудренный разумъ"; когда Карпъ Сутуловъ возвратился отъ купли, она все ему повѣдала „по ряду": „онъ же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила".

Намъ остается упомянуть еще объ одной статьѣ, чтобы отмѣтить весь историко-литературный матеріалъ „Сборника". Это —

статья И. Е. Забѣлина: „Изъ хроники общественной жизни въ Москвѣ, въ XVIII столѣтіи". Она примыкаетъ по содержанію къ давнимъ трудамъ почтеннаго историка и археолога, именно къ статьямъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, которыя были напечатаны имъ въ „Современникѣ" 1852 года и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1860 [1]). Въ этихъ статьяхъ г. Забѣлинъ разсказывалъ о внѣшнемъ устройствѣ Москвы половины XVIII-го столѣтія, о старыхъ обычаяхъ, хранившихся въ народномъ быту, о народныхъ гуляньяхъ, увеселеніяхъ и зрѣлищахъ и тѣхъ нововведеніяхъ, какія стали появляться здѣсь со временъ Петра Великаго; о театральныхъ представленіяхъ всякаго рода, отъ оперы и до представленій пріѣзжихъ иностранныхъ штукмейстеровъ, эквилибристовъ, „позитурныхъ мастеровъ" и т. п. Источниками, откуда авторъ собиралъ свѣденія объ этомъ старомъ бытѣ, была литература того времени, немногія извѣстныя въ 1850-хъ годахъ записки современниковъ, старыя газеты и объявленія, наконецъ историческіе акты. Статьи г. Забѣлина до сихъ поръ сохранили свой интересъ, такъ какъ разработка исторіи стараго нашего обычая, и въ частности стараго московскаго быта, съ тѣхъ поръ подвинулась очень мало, хотя количество матеріаловъ очень возросло и самая тема была бы чрезвычайно любопытна. Въ настоящемъ случаѣ авторъ возвратился къ предметамъ, которые были уже затронуты въ его прежнихъ статьяхъ, именно къ театральнымъ увеселеніямъ старой Москвы, но прежнія свѣденія онъ могъ дополнить новыми данными, извлеченными изъ архивныхъ документовъ. Повидимому, это былъ въ особенности архивъ старой полиціймейстерской канцеляріи. Своему разсказу авторъ предпослалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о распространеніи въ Москвѣ театральныхъ зрѣлищъ, предшествовавшихъ развитію нашей собственной сцены и драматической литературы. Это распространеніе зрѣлищъ было дѣломъ особаго рода интеллигенціи, состоявшей по преимуществу, почти исключительно, изъ *разночинцевъ*; это была среда не дворянская, но посадская, слободская или въ собственномъ смыслѣ городская. Нельзя не замѣтить, что это былъ почти такой же разночинный элементъ, съ какимъ мы встрѣтились выше, указывая читателей той рукописной литературы переводныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, и проч., первой половины прошлаго столѣтія, которая подобнымъ образомъ предшествовала печатной литературѣ второй половины вѣка.

„Руководителями и передовиками этой интеллигенціи явля-

[1]) Онѣ повторены въ „Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи", т. II, стр. 351—506.

лись грамотные люди больше всего изъ отставныхъ или не окончившихъ науки школьниковъ славяно-греко-латинской академіи, особенно въ лицѣ *приказныхъ*, а также и изъ грамотныхъ дворовыхъ людей. Здѣсь нарождалась и своя литература, характеристикою которой могутъ служить отчасти тексты лубочныхъ картинокъ, лубочныя сказки и другія сохранившіяся въ рукописяхъ произведенія народнаго пера и которая, кромѣ передѣлокъ съ иностраннаго, дѣлывала попытки сочинять и отъ своего замысла и драматическія вещи. Очень многое изъ этой литературы исчезло безъ слѣда, какъ исчезла безъ слѣда и литература древнихъ скомороховъ, но кое-что сохранилось и требуетъ внимательнаго обслѣдованія.

„Разночинная интеллигенція посадской Москвы въ первой половинѣ XVIII ст. была единственнымъ хранителемъ, представителемъ и производителемъ театральнаго—если не искусства, то ремесла, которое недалеко находилось и отъ искусства, распространяя о немъ первыя понятія, развивая въ своей публикѣ вкусъ, охоту, потребность въ увеселеніяхъ этого рода.

„Канцеляристы, копіисты, даже стряпчіе за-одно съ дворовыми людьми съ великимъ усердіемъ занимались лицедѣйствомъ и, истрачивая по времени не малую сумму на наемъ помѣщенія, „производили гисторическія всякія приличествующія дѣйствительныя публичныя каммеди для желающихъ благоохотнѣйшихъ смотрителей", съ извѣстною платою за входъ и, конечно, не безъ разрѣшенія и подъ охраною полиціи.

„Урочное время для такихъ представленій бывало всегда на праздникѣ Рождества, когда происходили, по всенародному обычаю, всякія дѣйства ряженыхъ. Этотъ сезонъ народнаго ряженья давалъ законное право присоединять къ его увеселеніямъ и новыя театральныя зрѣлища, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ связывалъ родственными узами новыя театральныя представленія съ древними скоморошескими дѣйствами, которыя всегда въ это празднество работали также съ особеннымъ успѣхомъ. Во мнѣніи народа новый театръ являлся какъ бы потомкомъ театра скомороховъ, тѣмъ болѣе, что, по содержанію, по характеру иныхъ своихъ пьесъ, въ родѣ, напр., Гаера, онъ сохранялъ родственныя черты съ представленіями скомороховъ".

Въ новыхъ матеріалахъ, разработанныхъ имъ теперь, г. Забѣлинъ нашелъ новыя подробности къ тому, что̀ было имъ указано въ его давнихъ статьяхъ. Пріѣзжіе штукмейстеры и домашніе театральные антрепренеры должны были, конечно, обращаться въ полицейское правленіе съ просьбами о разрѣшеніи устройства

зрѣлищъ, а также о присылкѣ полицейскихъ для охраненія порядка. Г. Забѣлинъ приводитъ за многіе годы, съ 1749, примѣры подобныхъ просьбъ и полицейскихъ разрѣшеній, доставляющихъ любопытныя черты нравовъ. Кромѣ иноземныхъ антрепренеровъ, домашніе любители театра были, какъ упомянуто, люди этой разночинной интеллигенціи, дворовые люди, мелкіе чиновники, которые нанимали обыкновенно нѣсколько комнатъ какого-либо барскаго дома для театра и просили полицейскаго разрѣшенія. Иной владѣлецъ такого барскаго дома, сдавши комнаты, кромѣ того, выговаривалъ и самому себѣ право ходить въ этотъ театръ. Такъ одинъ любитель въ 1749 просилъ разрѣшенія „для игранія россійской камеди съ товарѣщи двадцатью человѣки"; на время святокъ отъ 25-го декабря по 8-е января они наняли „двѣ палаты", въ домѣ князя Вяземскаго за двѣнадцать рублей. Другой, вотчинной конторы стряпчій, „происшедшій изъ славяно-греко-латинскихъ наукъ", въ 1755 году, намѣревался „по наукамъ моимъ съ компаніею разныхъ чиновъ людьми производить историческіе всякіе приличествующіе дѣйствительные публичные для желающихъ благоохотнѣйшихъ смотрителей каммеди", и за три мѣсяца за пять покоевъ онъ платилъ десять рублей и т. п. Полиція, разрѣшая играніе комедій, обыкновенно оговаривала, чтобы „смотрѣть накрѣпко, дабы богопротивныхъ игръ не происходило, а чтобы во время той комеди шуму, ссоръ и дракъ не было". Играли, какъ говорилось въ то время, „людьми", или играли „человѣческую комедію", потому что была и кукольная. Совпаденіе этой первоначальной драмы съ упомянутымъ первоначальнымъ романомъ выражалось какъ въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ была одна и та же разночинная среда читателей и сценическихъ исполнителей, такъ и въ томъ, что и романъ, и драма сводились къ общимъ источникамъ и сюжетамъ. Вотъ, напримѣръ, „реестръ, каковы будутъ играны акты", отъ 1749 года: „О храбромъ неаполитанскія земли герцогѣ Ѳридрихѣ; о Кирѣ царѣ Перскомъ и о скиѳской царицѣ Тамирѣ; о Леандрѣ и Лювизѣ; о Ипполитѣ и Жуліи". Двѣ послѣднія пьесы, по всей вѣроятности, заимствованы прямо изъ романовъ съ тѣми же заглавіями, упомянутыхъ въ моемъ указателѣ (о которомъ выше); была и еще пьеса подобнаго рода о Генрихѣ и Мелендѣ, одного происхожденія съ романомъ, названная въ томъ же указателѣ.

Что касается до заботъ полиціи о томъ, чтобы не было въ театрахъ ссоръ и дракъ, то современные документы указываютъ, что заботы не были лишены основанія. Одинъ изъ заѣзжихъ фокусниковъ, какъ разсказываетъ г. Забѣлинъ, вытерпѣлъ буйную

осаду отъ господскихъ лакеевъ, быть можетъ, и по той причинѣ, что, назначивъ цѣны за входъ на свои представленія, онъ объявилъ, что господскіе служители безъ платежа денегъ впущены не будутъ. Оказывается, что при этомъ случаѣ (въ 1758 г.), для охраненія порядка, „со всѣхъ городскихъ командъ (частей) были собраны на дежурство десятскіе въ числѣ ста человѣкъ, которые вмѣстѣ съ пріѣзжими господскими лакеями сами по себѣ составляли уже порядочную толпу, очень способную заводить ссоры и драки между охранителями, смотрѣвшими за порядкомъ, и своевольною господскою дворнею, въ иныхъ случаяхъ очень гордою по высотѣ и знатности своихъ господъ. Здѣсь такимъ образомъ соединялись двѣ арміи, два полка, смотрѣвшіе съ различныхъ сторонъ на свои обязанности и на свое достоинство".

Въ 1761 году, въ январѣ, было опять побоище. Полицейскій офицеръ, приставленный къ оперному дому, доносилъ, что „въ томъ оперномъ домѣ во время театральнаго представленія произошелъ отъ господскихъ людей шумъ и кидали въ окна щепками и мерзляками, и перебили въ двухъ окошкахъ стеклы, а поймать оныхъ (т.-е. кидавшихъ) за темнотою было невозможно, потому что кидали издали изъ-за каретъ". То же повторилось черезъ нѣсколько дней: „отъ господскихъ людей произшелъ азартъ, кидали въ окна каменьями и полѣнами и перебили почти всѣ окошки, а кидали стоя за каретами, издали, и для того виноватыхъ поймать было невозможно". Послали одного солдата, велѣвши ему „надѣть шубу подъ образомъ господскаго человѣка и велѣно присматривать, кто мечетъ". Это, однако, не помогло: „когда тотъ солдатъ, вышедъ, сталъ говорить, чтобъ перестали кидать, тогда Сильвестра Васильева сына Муромцева кучеръ ударилъ онаго солдата въ щоку и сказалъ, что ему до того нужды (чтò ему за дѣло), и называлъ его мошенникомъ, чего ради взятъ подъ караулъ, а взятъ не у своей кареты, а гораздо далеко отъ оной, и ночью изъ-подъ караула бѣжалъ".

Нельзя не вспомнить при этомъ извѣстныхъ жалобъ Сумарокова на то, чтò происходило въ московскомъ театрѣ во время представленія его трагедіи: на сценѣ совершалось дѣйствіе трагедіи, а въ театрѣ стоялъ шумъ отъ пьяныхъ кучеровъ.

Между прочимъ, новыя сообщенія г. Забѣлина, совпадая иногда съ его прежними статьями пятидесятыхъ годовъ и дѣлаютъ возможными нѣкоторыя исправленія. Въ прежнихъ статьяхъ читаемъ: „Въ началѣ 1758 г. пріѣхалъ другой англичанинъ Шпрингенъ и позитурный мастеръ Бержъ съ находящимися при немъ француженками, который зрителямъ искусство свое сталъ показывать въ построенномъ близъ Покровскихъ воротъ, въ лѣс-

номъ ряду, особливомъ домѣ“ [1]). Дальше упоминается (стр. 401) „извѣстный Шпрингеръ и позитурной мастеръ Бержъ“, но слово: „шпрингеръ“ было вовсе не собственнымъ именемъ, а только лишнимъ титуломъ Бержа. Въ настоящей статьѣ [2]) то же лицо упоминается подъ такимъ именемъ: „сотіоръ, шпрингеръ и позитурный мастеръ Бержъ или Бержеръ“. Слово „сотіоръ“ есть французское sauteur, по-нѣмецки Springer, прыгунъ, эквилибристъ.

Кромѣ пересмотрѣнныхъ нами историко-литературныхъ матеріаловъ, въ „Сборникѣ“ помѣщено нѣсколько болѣе или менѣе любопытныхъ беллетристическихъ пьесъ, именно: Двѣ сцены изъ „Антонія и Клеопатры“ Шекспира, въ переводѣ А. Н. Островскаго; монологъ Гамлета, въ переводѣ С. А. Юрьева, и его же „Мысли священника при возношеніи святаго агнца“ изъ Лопе-де-Веги“; „Стенька Разинъ“, двѣ картины изъ неоконченной пьесы Н. А. Чаева; „Баймаганъ, киргизская сказка“, Д. А. Мамина; „Послѣдняя депеша“, разсказъ П. Д. Боборыкина; „Лихоимецъ“ К. Розиной; „Аѳанасій“, разсказъ Л. Н.; наконецъ, „Царь Іоаннъ четвертый“, хроника въ пяти дѣйствіяхъ, кн. А. И. Сумбатова.

Упомянемъ еще: „Отзывъ проф. Ѳ. И. Буслаева о программѣ русскаго языка и словесности, составленной учителями гимназій московскаго учебнаго округа на съѣздѣ 1866 года въ Москвѣ“,— интересный документъ для исторіи постановки русскаго языка и словесности въ гимназическомъ преподаваніи въ министерство гр. Толстого.

Таково разнообразное содержаніе „Сборника“. Пожелаемъ, чтобы выходъ этой книги былъ возобновленіемъ дѣятельности Общества любителей словесности, которое по своему составу могло бы стать важнымъ и полезнымъ участникомъ въ заботахъ нашей литературной жизни и науки. Исторія русской литературы естественно составила бы одинъ изъ его главнѣйшихъ интересовъ, и здѣсь обширныя знанія его нынѣшняго предсѣдателя и въ высокой степени цѣнный историко-литературный матеріалъ, собранный его долголѣтними трудами, могутъ положить авторитетную основу, къ которой, безъ сомнѣнія, примкнули бы и другія силы на пользу историческихъ изученій, едва ли не нуждающихся именно теперь въ освѣщеніи и укрѣпленіи.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Опыты изученія русскихъ древностей, т. II, стр. 400—401.

[2]) Сборникъ, стр. 565.

НЕУДАЧНИКЪ

— Un raté, par Gyp.

I.

Госпожа де-Гюре догнала молодую женщину, которая шла передъ нею, и, дотронувшись до ея плеча краемъ своего большого зонтика, крикнула ей:

— Отлично, Сусанна!.. Такъ-то ты по четвергамъ всегда бываешь дома!—Сусанна быстро обернулась.

— Ахъ, крестная! вы оттуда?.. и пѣшкомъ?..

— Именно! я иду „оттуда", какъ ты говоришь, и до этого „оттуда", по крайней мѣрѣ, семь верстъ!..

— Ахъ, нѣтъ, право не больше двухъ.

— И двѣ весьма порядочныя... Ну, да ничего: я все-таки видѣла дѣтишекъ... Я вышла вмѣстѣ съ твоимъ мужемъ.

— Какъ! такъ онъ не остался дома?

— Нѣтъ, со мною вышелъ, говорю тебѣ.

— Какъ странно!.. Онъ мнѣ сказалъ, что сегодня весь день проведетъ дома.

— Но вѣдь и ты также говорила мнѣ, что въ этотъ день ты всегда дома, а вѣдь это не помѣшало тебѣ... Боже, какую смѣшную рожицу ты сдѣлала! надѣюсь, однако, что я не возбудила въ тебѣ какихъ-нибудь ревнивыхъ подозрѣній?..

И г-жа де-Гюре засмѣялась.

Молодая женщина отвѣчала тономъ, въ которомъ слышалось, что послѣднее замѣчаніе ее укололо:

— Ревновать! съ какой стати? Это было бы просто смѣшно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Знаешь ли, когда я гляжу на тебя и на твоего мужа, мнѣ кажется...

— Что̀ вамъ кажется?

— Что ужъ если одинъ изъ васъ долженъ ревновать, то ни въ какомъ случаѣ не ты! О, ты большая кокетка, Сусанночка. Не возражай! Ты большая, большая кокетка, и къ тому же очень мила и привлекательна.

— Ну ужъ и привлекательна!

— Да... къ чему притворная скромность? Ты очень мила, и сама это лучше меня знаешь.

— Вы говорите это потому, что любите меня, а на самомъ дѣлѣ...

— Та-та-та... Это не я одна говорю. Ну, а твой мужъ...

— Я знаю, что вы не симпатизируете моему мужу.

— Я солгала бы, если бы сказала, что я безъ ума отъ него, но это, во всякомъ случаѣ, вполнѣ порядочный человѣкъ, добрый малый, очень образованный и... безконечно скучный... съ моей точки зрѣнія, конечно, такъ какъ я многихъ знаю, которые, говоря о твоемъ мужѣ, проникновеннымъ голосомъ прибавляютъ:— О, г-нъ Миръ, это человѣкъ выдающійся! Въ высшей степени интересный человѣкъ!..

— И мнѣ кажется, что они правы!—замѣтила Сусанна.

— Я ничего и не говорю противъ. И такъ какъ онъ твой мужъ, я отъ души желаю, чтобы онъ тебѣ всегда казался гораздо болѣе интереснымъ и замѣчательнымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, желаете этого?

— Отъ всего сердца! Тѣмъ болѣе я этого желаю, что, какъ ты знаешь, я находила, что твой мужъ не такой именно, какого бы я желала тебѣ, и сначала относилась къ нему съ большою холодностью. Но кончилось тѣмъ, что я почувствовала къ нему глубокую благодарность за ту доброту, съ которою онъ относится къ тебѣ. Кстати, сколько времени какъ вы женились?

— Двѣнадцать лѣтъ.

— Уже двѣнадцать лѣтъ! Ты все такая же, какою была... еще сохранилось и выраженіе большого ребенка!

И, отставъ немного отъ молодой женщины, г-жа де-Гюре съ нѣжностью любовалась на ея стройную фигуру.

Средняго роста, съ ловко поставленной, на тонкой шеѣ, изящно очерченной головой, Сусанна Миръ не привлекала, однако, въ первую минуту особаго вниманія.

Но кому случалось вглядѣться въ ея большіе, немного холод-

ные, голубые глаза, тотъ невольно вслѣдъ затѣмъ замѣчалъ шелковистые—большая рѣдкость у пепельныхъ блондинокъ—волосы, ротъ, хранящій серьезное, цѣломудренное выраженіе, свѣжій, какъ только-что распустившійся цвѣтокъ,—и мало-по-малу подпадалъ проникающему очарованію, свойственному ея личности.

Кокетка по натурѣ, по инстинкту, сознавая свою привлекательность и умирая отъ скуки въ Нанси, гдѣ служилъ ея мужъ инженеръ, Сусанна имѣла одну только цѣль въ жизни: нравиться, и нравиться всѣмъ, изъ любви къ искусству. Сначала это сильно безпокоило г-жу де-Гюре, но спокойный темпераментъ, строгость принциповъ и выдержка молодой женщины мало-по-малу возвратили ея довѣріе къ ней. Маркиза де-Гюре—женщина высокаго роста, стройная, гибкая, сильная и живая; въ ней было мало привлекательнаго, но много оригинальности. Фигура ея, удивительно подвижная, обладала способностью въ теченіе минуты принять сто различныхъ выраженій.

Сѣрые, искрящіеся глаза, съ тяжелыми вѣками, окаймленными густыми рѣсницами, съ поразительной быстротой изъ веселыхъ становились грустными.

Большія, яркія губы открывали зубы ослѣпительной бѣлизны. Вздернутый нѣсколько носъ составлялъ поразительный контрастъ съ правильнымъ, удлинненнымъ оваломъ ея лица.

Не меньшій контрастъ представляли и волнистые черные волосы съ розовымъ, прозрачнымъ цвѣтомъ лица, который присталъ бы самой сильной блондинкѣ. Щеки ея съ поразительной быстротой то вспыхивали яркимъ румянцемъ, то блекли.

Сколько лѣтъ было маркизѣ?

Тѣ, которые видѣли ее въ первый разъ и мелькомъ, такъ что не замѣчали предательскихъ морщинокъ около глазъ, давали ей лѣтъ такъ тридцать-пять; враги маркизы, которыхъ у нея было много, благодаря ея моложавости и своеобразности языка и обращенія,—такіе враги ея утверждали, что ей не менѣе сорока-пяти; сама же себѣ она давала сорокъ и, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, говорила правду. Скандальная хроника Нанси приписывала маркизѣ не мало приключеній; но никому еще не удавалось подтвердить хотя бы одно изъ взводимыхъ на нее обвиненій вѣскими, несомнѣнными фактами. Она вышла замужъ молоденькой, невинной дѣвушкой, не знающей ни жизни, ни свѣта. Мужа своего она любила, но, ознакомившись съ новыми, налагаемыми супружествомъ, обязанностями, она не упустила изъ виду и свои права, понявъ ихъ весьма своеобразно. Она считала, что невѣрность мужа не менѣе неизвинительна, какъ и невѣр-

ность жены, и сразу поставила своему маркизу слѣдующій ультиматумъ: какъ будетъ онъ вести себя, такъ и она, и если онъ вздумаетъ ее обмануть, то и она не замедлитъ сдѣлать то же самое, единственно „ради успокоенія совѣсти“ и во имя справедливости.

Что мужъ ее обманывалъ, она это знала, а ея злорѣчивые друзья утверждали, что она строго сдержала свое обѣщаніе и вполнѣ „возстановила справедливость“. У нея было двое дѣтей, и она страстно ихъ любила, но они умерли, и свое неудовлетворенное материнское чувство она перенесла на племянника мужа, Жака де-Гюре и на свою крестницу Сусанну.

Сусанна Миръ десяти лѣтъ лишилась матери, и у нея не осталось никого, искренне любящаго ее, кромѣ крестной. Мать ея была изстари дружна съ семействомъ г-жи де-Гюре. Умирая, она поручила свою десятилѣтнюю дочку послѣдней, тогда еще тоже совершенному ребенку, но мать вѣрила въ силу ея характера, знала, что въ ней подъ внѣшней рѣзкостью скрывалось доброе и самоотверженное сердце.

Она была убѣждена, что это юное, но энергичное существо отнесется вполнѣ серьезно къ обязанностямъ крестной матери, о которыхъ обыкновенно такъ мало думаютъ.

Родственники возстали противъ такого рѣшенія и дѣйствительно сначала было-взяли дѣвочку подъ свою опеку.

Отца Сусанна потеряла еще въ раннемъ дѣтствѣ. Ее помѣстили въ монастырь, но каникулы она проводила у своей крестной, тогда уже замужней женщины, у нея же жила и послѣ выхода изъ монастыря. Родственники Сусанны, въ концѣ концовъ, рады были отдѣлаться отъ нея, хотя и твердили постоянно о своихъ жертвахъ въ интересахъ молодой дѣвушки.

Супруги де-Гюре проживали въ Парижѣ съ Рождества до Пасхи, остальную же часть года проводили въ старомъ, безобразномъ замкѣ въ разстояніи одного льё отъ Нанси.

Тамъ-то Сусанна, едва вступившая въ восемнадцатую весну, познакомилась съ г-мъ Миромъ, за котораго и вышла замужъ. Маркиза, не любившая вообще „ученыхъ“ и питавшая прямо отвращеніе къ инженерамъ, была противъ этого брака, но удержать крестницу, конечно, не могла.

— Ну, что же дѣлать,—сказала она, видя себя принужденной уступить:—ужъ если тебѣ такъ нетерпится, выходи за него замужъ; все же это лучше, чѣмъ выйти за офицера!..

Въ глазахъ г-жи де-Гюре, по натурѣ своей склонной къ независимости и домосѣдству, не могло быть худшаго положенія,

какъ выйти за военнаго. Поэтому она всегда трепетала, какъ бы кто-нибудь изъ многочисленныхъ сыновъ Марса, гремѣвшихъ саблей около ея крестницы, не вскружилъ ей голову. Она знала способность Сусанны фантазировать и предаваться сантиментальнымъ мечтамъ.

Бракъ ея былъ счастливымъ. У нея родилось двое дѣтей. Мужъ,—необыкновенно дѣятельный и весьма образованный человѣкъ, заработывалъ много денегъ, и Сусанна, которую всѣ носили на рукахъ, повидимому совершенно была удовлетворена возможностью изумлять обывательницъ Нанси многочисленностью и роскошью нарядовъ и возбуждать въ нихъ недоброжелательство и зависть равнодушнымъ видомъ обворожительной женщины, пресыщенной своими успѣхами.

— По истинѣ, — повторила маркиза, налюбовавшись своей крестницей:—ты имѣешь видъ двадцатилѣтней дѣвушки!

— А мнѣ уже тридцать... Боже, какъ устаешь отъ этой жары!

— Я думаю, въ особенности, когда пройдешь до тебя пѣшкомъ.

— Зачѣмъ же вы шли пѣшкомъ, крестная?

— Я велѣла отложить... къ тому же четвергъ—твой день, и я разсчитывала у тебя отдохнуть.

— Да, правда... это мой день... но...

— О, не безпокойся извиняться! я тебя понимаю. Если мнѣ случится сказать себѣ: сегодня я не выйду изъ дому, меня такъ и подмываетъ выйти. Прощай! Мнѣ нужно зайти въ магазинъ Галле. Ты идешь *туда*, разумѣется?

— Почемъ вы знаете?

— Вотъ еще... Ты идешь на музыку.

Молодая женщина покраснѣла.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Никто не говорилъ... догадаться не трудно—въ глаза бросается. Ты, несмотря на назначенный день, въ половинѣ пятаго, по убійственной жарѣ, идешь за двѣ версты въ платьѣ огненнаго цвѣта! Какъ не догадаться!

— А какъ вы находите, въ самомъ дѣлѣ, мой костюмъ?

— О, ты знаешь вѣдь, что въ этомъ отношеніи наши вкусы діаметрально противоположны. Я ненавижу финтифлюшки—ты ихъ обожаешь; тебѣ нравятся экстравагантныя, широкополыя шляпы à la Gainsborough—я ихъ терпѣть не могу; ты любишь яркіе цвѣта—я предпочитаю оттѣнки блеклые и неопредѣленные.

— Такъ что, по вашему, я безобразно одѣта?

— На мой вкусъ, да... но, быть можетъ, другимъ ты и больше

понравишься именно такъ одѣтая, хотя ты такая хорошенькая, что никакой самый нелѣпый нарядъ тебя не испортитъ.

Г-жа Миръ украдкой взглянула на себя въ зеркало магазина. На ней было красное съ бѣлыми крапинками фуляровое платье и широкополая соломенная шляпа, отдѣланная большими бѣлыми и красными перьями.

— Ну, ступай на музыку,—сказала маркиза;—наслаждайся. Не забудь только, что завтра ты должна обѣдать у насъ „Подъ-Буками“!

— У васъ много будетъ народу, крестная?

— Съ нами человѣкъ пятнадцать... Я еще приглашу кое-кого сегодня вечеромъ. Можно будетъ устроить танцы, если только ты захочешь танцовать.

— Захочу, непремѣнно захочу! До завтра...—Маркиза съ минуту медлила у входа въ магазинъ и глядѣла вслѣдъ молодой женщинѣ, шедшей усталой, невѣрной поступью, какъ будто даже немного волоча ноги по нагрѣтымъ солнцемъ пыльнымъ плитамъ тротуара.

„Ну, какое удовольствіе можетъ находить такая привлекательная, умная и хорошо воспитанная женщина,—думала маркиза,—въ томъ, чтобы, нарядившись въ красное платье, по убійственной жарѣ прогуливаться подъ носомъ толпы дураковъ, хлыщей и шалопаевъ, вмѣсто того чтобы сидѣть въ прохладной тѣни, дома, въ кругу друзей!“

Въ это мгновеніе веселый, молодой голосъ окликнулъ ее.

— Чтò это вы съ такимъ вниманіемъ созерцаете, тетя Шарлотта?

Г-жа де-Гюре обернулась. Передъ ней стоялъ ея племянникъ. Онъ, улыбаясь, смотрѣлъ на нее.

— Да вонъ смотрю на Сусанну...

— На Сусанну?.. Очень любезная особа, нечего сказать... Я заходилъ къ ней. Сказали, что вышла...

— Да вонъ она идетъ.

И маркиза указала молодому человѣку на мелькавшее вдали красное платье. Сусанна повернула за уголъ и скрылась.

— Какъ! эта пунцовая вывѣска и есть г-жа Миръ? У вашей крестницы совсѣмъ нѣтъ вкуса!.. Она не умѣетъ выбирать цвѣта. Ахъ, кстати. Дядя поручилъ мнѣ просить васъ заѣхать за нимъ на музыку и довезти въ своей коляскѣ. Онъ разсчитывалъ, что я встрѣчу васъ у г-жи Миръ.

— На музыку?.. И онъ тоже тамъ!

— Да, онъ будетъ васъ ждать въ питомникѣ парка въ тѣни,

вмѣсто того, чтобы по этой жарѣ возвращаться въ отель. Какъ войдешь на главную аллею, такъ онъ будетъ сидѣть налѣво.

— Хорошо, я его отыщу.

— Если позволите, я васъ буду сопровождать. Я вмѣстѣ съ вами и отправлюсь въ зàмокъ. Конечно, если только вы этого желаете.

— Прекрасно; прикажи же запрягать и пріѣзжай за мною сюда.

Маркиза вошла въ магазинъ стеклянныхъ издѣлій Галле. Она хотѣла выбрать что-нибудь въ подарокъ Сусаннѣ ко дню ея именинъ. Пересмотрѣвъ всевозможныя изящныя стеклянныя вещицы, она остановилась на большой, красивой вазѣ; на ней по мраморному полю были изображены съ блекло-голубыми крыльями фантастическіе, продолговатые жуки и порхающія бабочки.

Когда она затѣмъ усѣлась рядомъ со своимъ племянникомъ, Жакомъ де-Гюре, въ коляску, послѣдній спросилъ ее.

— Скажите мнѣ, тетя, почему это, когда я вамъ сказалъ, что дядя на музыкѣ и проситъ васъ заѣхать за нимъ, вы воскликнули: „И онъ тоже!“? Почему васъ это удивило?

— Меня поразило, что всѣ какъ бы сговорились непремѣнно бѣжать на эту музыку. Вотъ и Сусанна, несмотря на то, что сегодня ея день, тоже побѣжала.

— Однако въ другіе четверги она оставалась дома, хотя музыка была...

Молодой человѣкъ примолкъ, видимо о чемъ-то раздумывая; потомъ произнесъ вслухъ фразу, которую, должно быть, сначала нѣсколько разъ повторилъ про себя:

— Несомнѣнно, она изъ тѣхъ, которыя любятъ, чтобы за ними всѣ ухаживали, всѣ имъ удивлялись...

— Кто это говоритъ?—спросила маркиза съ живостью.

— Я говорю... да и всѣ тоже говорятъ!

— Боже мой, Сусанна—женщина, а всѣ женщины любятъ комплименты, лесть...

— О, далеко не всѣ!

— Желала бы я, чтобы ты мнѣ назвалъ хотя одну такую...

— Одну-то ужъ знаю навѣрно!

— Кто это?

— А вы сами, тетя Шарлотта!

— Это правда... Но я очень жалѣю, что лишена этой способности. Тѣшить свое тщеславіе такъ пріятно! Положительно изъ жизни вмѣстѣ съ нимъ вычеркивается половина удовольствія.

Это уже дряхлость какая-то! Лишаешься массы маленькихъ радостей...

— Ба!.. вы должны быть вполнѣ удовлетворены, сознавая себя такою, какая вы есть...

— Нѣтъ, въ существѣ я, можетъ быть, совсѣмъ не такая... Только не умѣютъ задѣть мою слабую струнку, не умѣютъ польстить такъ, какъ нужно...

— Не попробовать ли отыскать ее, тетя Шарлотта?

— Слишкомъ поздно, милый мальчикъ! Я уже больше не женщина,—я только твоя тетка. Кстати, я было и забыла тебѣ передать кое-что... Мнѣ именно, какъ твоей теткѣ, было поручено сообщить тебѣ объ одномъ важномъ дѣлѣ.

— Мнѣ?.. Чтò такое?

— Не хочешь ли жениться на Иветтѣ де-Шампрё?

— Я!.. развѣ ее отдадутъ за меня?

— Не только согласятся на твое предложеніе, но еще сами забѣжали впередъ и предлагаютъ тебѣ ее.

— Кто мнѣ ее предлагаетъ?

— Да родители, конечно. Они думаютъ, что такъ какъ за дѣвушкой даютъ большое приданое, то ты не осмѣлишься самъ первый сдѣлать предложеніе.

— Да, это въ ихъ вкусѣ... Ахъ, эти Шампрё!

— Повѣрь, что какіе-нибудь разбогатѣвшіе выскочки поступили бы гораздо хуже. Они тебя обнадежили бы съ тѣмъ, чтобы потомъ тебѣ отказать и всюду съ торжествомъ разглашать объ этомъ... Въ самомъ дѣлѣ, тутъ стоитъ подумать! Шампрё—одна изъ самыхъ древнихъ фамилій Франціи; ты вѣдь знаешь, я не заражена сословными предразсудками и, въ сущности, мнѣ все равно, я только такъ напоминаю... Далѣе: они даютъ за Иветтой въ приданое 800 тысячъ франковъ, это уже составляетъ нѣчто, не правда ли?.. И ты въ ихъ глазахъ вполнѣ подходишь къ тому идеалу мужа и зятя, который они себѣ составили... Чтò ты на это скажешь?

— А вы, тетя, какъ посовѣтуете?

— Ты знаешь, что въ моихъ глазахъ бракъ вообще безумство... спѣшу прибавить—для мужчины! Вѣроятно, это мое мнѣніе и не измѣнится никогда, хотя я не прочь была бы имѣть еще нѣсколько маленькихъ племянниковъ, похожихъ, какъ двѣ капли воды, на тебя. Во всякомъ случаѣ, разъ ужъ тебѣ пришла охота жениться, и на роду тебѣ написано, также какъ и другимъ, рано или поздно совершить эту глупость, то, по моему, ты не можешь найти другой такой привлекательной и чистой дѣ-

вушки, какъ Иветта. И родители ея прекраснѣйшіе люди... не говорю уже о приданомъ... довольно кругленькое состояніе.

Жакъ подумалъ нѣсколько мгновеній и отвѣчалъ рѣшительно:

— Я не хочу жениться!

Маркиза внимательно посмотрѣла на него.

— Ты не хочешь жениться? Съ какихъ это поръ ты пересталъ этого хотѣть?.. Замѣть себѣ, что я противъ такого рѣшенія ничего не имѣю, не я буду порицать тебя за него,—напротивъ, оно привело бы меня въ восхищеніе, еслибы только я могла быть увѣрена, что оно добровольное и твердое. Но...

— Но?—переспросилъ молодой человѣкъ съ видимымъ замѣшательствомъ.

— Но такъ какъ всего назадъ тому полгода ты говорилъ совершенно иначе, то я и думаю, что здѣсь замѣшано чье-нибудь вліяніе, какое-нибудь такое обстоятельство, которое временно измѣнило направленіе твоихъ желаній и воззрѣній... или что ты—я не скажу: влюбленъ,—это слово было бы слишкомъ сильно для тебя,—а просто увлекся, ну и...

— Помилуйте, тетя Шарлотта...

— Не возражай пожалуйста! Я и не намѣрена тебя ни о чемъ разспрашивать. Если ты желаешь выйти изъ экипажа, то можешь это сдѣлать—мы пріѣхали!

Жакъ выскочилъ изъ коляски и подалъ руку теткѣ.

Маркиза закрыла свой зонтикъ, такъ какъ онъ былъ безполезенъ подъ великолѣпнымъ зеленымъ сводомъ, который составляли переплетающіяся вѣтви старыхъ липъ. Она внимательно оглядѣла въ черепаховый лорнетъ аллею, при входѣ въ которую они стояли.

— Я нигдѣ не вижу твоего дяди!—сказала она, прибавляя: —и какая же сегодня толпа! Вотъ уже три года, какъ я не хожу въ паркъ на музыку. Что это за господинъ кланяется?

— Это Губеръ де-Тренъ...

— Ахъ, я его и не узнала! Я и съ лорнетомъ не могу ничего разобрать въ этой толпѣ... Меня совсѣмъ ошеломила эта сутолока... И какая пыль! Право, надо быть сумасшедшимъ, чтобы таскаться сюда и находить въ этомъ удовольствіе. И маркиза, прищуривъ глаза, стала разсматривать гуляющихъ, медленно двигавшихся по аллеѣ, одни за другими, едва не наступая другъ другу на пятки, и группы сидящихъ на скамейкахъ подъ деревьями и на круглыхъ площадкахъ, гдѣ скрещиваются аллеи. Всѣ мѣста были заняты, и каждый сидѣлъ какъ въ тискахъ, сдавленный сосѣдями. Толпы офицеровъ колесили вдоль широкой аллеи. Тутъ

были сумрачные артиллеристы, свѣтло-голубые гусары и, наконецъ, скромные пѣхотные офицеры... Прибавьте еще сюда учениковъ Лѣсной школы, которые ходили подъ-руку, и вы поймете, какая здѣсь была толкотня.

Дамы, по бóльшей части разряженныя въ пухъ и прахъ, волочатъ свои юбки по пыльному песку; сухопарыя гувернантки конвоируютъ дѣвочекъ, уже позирующихъ и заботящихся о впечатлѣніи, которое онѣ производятъ на своихъ юныхъ кавалеровъ; великолѣпныя кормилицы катятъ по ногамъ гуляющихъ колясочки, нагруженныя плачущими или спокойно дремлющими среди шума и суеты малютками; порою въ этой снующей взадъ и впередъ толпѣ происходитъ замѣшательство и толкотня, благодаря вылетѣвшему откуда-то мячику, или когда отдавятъ ногу собакѣ, или если какой-нибудь господинъ остановится и начинаетъ поднимать выскользнувшую у него изъ рукъ палку.

Присовокупите къ этому самые разнообразные и ни на минуту не смолкающіе возгласы разносчиковъ, трескъ катящихся серсо, громкій говоръ. Понятно, что даже тѣ, которые сидѣли у самаго кіоска, гдѣ играла музыка, не могли разслышать половины. Но кто же приходитъ на музыку, чтобы ее слушать?!

Единственная цѣль у являющихся въ паркѣ это — „себя показать и на другихъ посмотрѣть“. Тѣ, которые хотятъ смотрѣть на другихъ, придя на музыку, сейчасъ же стараются занять мѣсто поудобнѣе, поближе къ гуляющей толпѣ, откуда бы имъ можно было наблюдать, ничего не упуская изъ поля зрѣнія. Они внимательно слѣдятъ за тѣми сценами, которыя происходятъ въ толпѣ, замѣчаютъ всевозможныя уловки и хитрости, на которыя пускаются кавалеры и дамы, судятъ и рядятъ, не упуская малѣйшей оплошности, злословятъ и клевещутъ съ упоеніемъ. Все — костюмъ, походка, наружность, физическія и нравственныя качества, репутація проходящихъ мимо занятыхъ этими безпощадными судьями стульевъ дамъ и дѣвицъ и сопровождающихъ ихъ кавалеровъ, — все подвергается самой строгой оцѣнкѣ.

Тѣ, которые прогуливаются, пришли, чтобы „себя показать“. Это не такой злой, ядовитый и насмѣшливый народъ, но зато болѣе тщеславный и пустой. Каждый изъ нихъ считаетъ себя центромъ, на которомъ сосредоточивается всеобщее вниманіе, предметомъ зависти и удивленія, и ликуетъ, не зная какъ блеснуть очаровательнѣе.

Дамы съ равнодушнымъ видомъ треплютъ свои платья; мужчины выставляютъ на показъ бѣлоснѣжныя манжеты или играютъ съ небрежностью своими тросточками. Однимъ словомъ, всюду

видишь натянутыя и неестественныя мины и позы, какія обыкновенно принимаетъ человѣкъ, когда думаетъ, что на него всѣ смотрятъ.

Тѣ, которые явились для наблюденія, менѣе элегантны и по большей части дурны собой. Дамы, скрывающія подъ вуалемъ свои напудренныя лица; пожилые франты, чувствующіе, что ихъ время прошло, съ желчными, недовольными физіономіями; старыя дѣвы; золотушные юноши въ очкахъ и старухи съ ридикюлями—весь этотъ людъ, образуя самыя разнообразныя группы, безпощадно перемываетъ косточки прогуливающимся жертвамъ. Нѣтъ репутаціи, которую они бы пощадили, нѣтъ женщины, которой они не смѣшали бы съ грязью. Правда, что изъ числа дамъ, посѣщающихъ музыку и гуляющихъ по аллеямъ питомника, мало найдется безупречныхъ.

„Женскій элементъ“ состоитъ здѣсь исключительно изъ представительницъ полусвѣта, нѣсколькихъ женъ богатыхъ коммерсантовъ fin de siecle и эксцентричныхъ дѣвицъ, сопровождаемыхъ маменьками, принадлежащими къ „смѣшанному“ обществу.

Дамы „высшаго свѣта“ не являются на музыку ни для того, чтобы блистать въ рядахъ гуляющихъ, ни чтобы заниматься пріятной болтовней въ числѣ сидящихъ.

— Чѣмъ больше я гляжу на эту толпу,—говорила г-жа де-Гюре,—тѣмъ удивительнѣе для меня, какъ это Сусанна можетъ проводить здѣсь цѣлые часы! Зачѣмъ она сюда является?

Жакъ отвѣчалъ сухимъ тономъ:

— Зачѣмъ она является сюда? чтобы поражать гг. офицеровъ, студентовъ... и даже лѣсничихъ...

Маркиза посмотрѣла на племянника.

— Съ какимъ смѣшнымъ озлобленіемъ ты это говоришь!..

— Я?..

— Да, ты!.. Я нахожу, что ты сегодня ужъ очень строгъ къ бѣдной Сусаннѣ! Чѣмъ она тебѣ такъ досадила?

— Ничѣмъ... разумѣется, ничѣмъ.

И молодой человѣкъ съ дѣланнымъ смѣхомъ прибавилъ:

— Я строгъ, вѣроятно, потому, что несправедливъ...

Г-жа де-Гюре почувствовала неискренность его смѣха, но не хотѣла приставать къ нему и сейчасъ же перемѣнила тему разговора:

— Однако, твоего дядюшки нѣтъ какъ нѣтъ... Я лучше пойду сяду въ коляску, а ты найди его и приведи ко мнѣ.

— Да вонъ онъ!—сказалъ молодой человѣкъ:—вонъ онъ сидитъ... Тамъ и г-жа Миръ, Монтрё, Дюкло...

— Ахъ, эти Дюкло! что̀ за несносные люди! Во всякомъ случаѣ, надо подойти къ нимъ. Иди же,—я за тобою... Я положительно теряюсь въ этой сутолокѣ...

Жакъ въ сопровожденіи маркизы сталъ пробираться сквозь толпу. Появленіе ихъ производило повсюду сенсацію, вызывая таинственное шушуканье. Гуляющіе обращали вниманіе на нихъ своихъ сосѣдей, подталкивая ихъ локтемъ или колѣномъ. Порою конецъ фразы или отдѣльное восклицаніе выдѣлялось изъ неопредѣленнаго гула и явственно доносилось до нихъ.

— Скорѣй! скорѣй! посмотрите налѣво...

— Зачѣмъ?

— Тише, молчите!..

— Зачѣмъ? что̀ такое?

— Тш-ш-ш... видите? Это маркиза де-Гюре.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! А я ее и не узналъ.

— Съ ней ея племянникъ, Жакъ де-Гюре.

— Замѣтьте, какая у нея шляпка! Какая-то допотопная... теперь такихъ не носятъ...

— Охота, право, одѣваться старухой...

— Я въ первый разъ еще вижу ее на музыкѣ.

— И я тоже!..

— Я думаю, племяннику скучно гулять со своей теткой...

— Почему?

— Онъ, главнымъ образомъ, любитъ тереться около дамъ полусвѣта...

— Они подходятъ къ г-жѣ Миръ... Вотъ она сидитъ съ Дюкло...

— И маленькій Монтрё съ ними...

— Это ужъ само собою разумѣется!

— Почему?

— Ахъ, Господи, какъ вы скучны съ вашими вѣчными „почему“ да „зачѣмъ“! Нѣтъ—чтобы понять съ полуслова. Все объясняй. Но неужели вы ничего не знаете? Всему свѣту извѣстно, что маленькій Монтрё ухаживаетъ за г-жей Миръ.

— Я понимаю его!

— А я такъ иного мнѣнія. Она совсѣмъ мнѣ не нравится. Въ ней нѣтъ ничего особеннаго.

— Кажется, и ея мужъ одного мнѣнія съ вами.

— Почему вы такъ думаете?

— О, еще бы!

— Неужели?.. Вы говорите мнѣ такія вещи, какихъ я положительно не подозрѣвалъ.

— Однако, объ этомъ всѣ говорятъ... У него постоянныя интрижки.

— Скажите! Кто же вамъ это говорилъ?

— Стоитъ разспросить ихъ служанку, толстую Катерину... И платить не надо—сама все разскажетъ...

— Неужели? Скажите!..

— Да, ну и полицейскій передавалъ. Ужъ онъ-то имѣетъ возможность услѣдить за всѣмъ.

Время отъ времени Жакъ, съ трудомъ проталкиваясь въ этой тѣснотѣ, оборачивался взглянуть, какую мину дѣлаетъ его тетка, слыша подобнаго рода отрывочныя замѣчанія. Но маркиза, казалось, ничего не слыхала. Лицо ея, обыкновенно столь подвижное, отражающее малѣйшее чувство, оставалось непроницаемымъ.

Молодой человѣкъ подумалъ:

„Она, кажется, такъ озабочена тѣмъ, чтобы какъ-нибудь не споткнуться на эти стулья, колѣни, тросточки и не упасть, что ничего не слышитъ. Тѣмъ лучше, чортъ побери! Ей бы не очень пріятно было услышать, что семейный союзъ супруговъ Миръ хромаетъ на одинъ бокъ!..“

Маркизъ замѣтилъ жену и племянника, приближающихся къ нему, и пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Г-жа Миръ повернула голову и казалась удивленной и какъ-будто смущенной тѣмъ, что видитъ Жака и г-жу де-Гюре. Она поднялась со своего стула, предлагая его крестной матери, между тѣмъ какъ Монтрё, двадцатипяти-лѣтній молодой человѣкъ, какъ-то ужъ слишкомъ румяный и элегантный, съ своей стороны, поспѣшилъ подставить Сусаннѣ другой стулъ.

— Нѣтъ, я не хочу садиться,—сказала маркиза:—я только заѣхала за мужемъ.

— Посидите съ нами; куда вы такъ торопитесь!—умолялъ г-нъ Дюкло, добродушный толстякъ, немного вульгарный; жену его—ехидный „синій чулокъ“—маркиза положительно не могла выносить.

Г-жа Дюкло была монастырской подругой Сусанны. Дочь доктора Ганюжъ, практиковавшаго въ Нанси, она вышла за Дюкло, богатаго пивовара, не блиставшаго элегантностью и образованіемъ, но зато положительнаго и практическаго человѣка и добраго малаго въ придачу. Ея сестра, тоже подруга г-жи Миръ и такая же дурнышка и „синій чулокъ“, носила фамилію Лемо. Мужъ ея, архитекторъ и по убѣжденіямъ горячій оппортунистъ, заслужилъ особое нерасположеніе маркизы. Его присутствіе отравляло ей существованіе.

— Въ самомъ дѣлѣ, останьтесь!—присоединила г-жа Дюкло свои просьбы къ мужниньмъ:—у васъ еще много времени впереди; я знаю, вы обѣдаете не ранѣе восьми часовъ и, значить, успѣете еще во-время добраться до замка.

И въ то время, какъ г-жа де-Гюре усаживалась, она прибавила:

— Такимъ образомъ вы увидите мою сестру; она сейчасъ придетъ... не понимаю, что это она такъ запоздала! Она должна придти съ братомъ...

— Какъ! — сказала маркиза съ удивленіемъ:—у васъ есть братъ?

Вопросъ этотъ, казалось, раздражилъ г-жу Дюкло, и она отвѣчала жеманнымъ тономъ:

— Да, мой братъ. Онъ воспитывался здѣсь въ Нанси, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ живетъ въ Парижѣ!

— А!.. Сколько же ему лѣтъ?

— Двадцать-два.

— Какую же онъ выбралъ дорогу?—продолжала разспрашивать маркиза, желая изъ вѣжливости показать, что она заинтересована братомъ г-жи Дюкло, между тѣмъ какъ про себя думала:

„Ну, посмотримъ, каковъ еще этотъ новый образчикъ фамиліи Ганюжъ, который до сихъ поръ оставался неизвѣстнымъ мнѣ. Если онъ не уступаетъ своимъ сестрамъ, то, признаюсь, то-то элегантный должно быть молодой человѣкъ!..“

Между тѣмъ Жакъ и юный Монтрё осыпали упреками г-жу Миръ, защищавшуюся весьма вяло:

— Да, да,—говорилъ Монтрё:—Жакъ вполнѣ правъ! положительно безчеловѣчно было забыть свой день!

— Да, главное, ради чего? Ради музыки!—подхватилъ Жакъ:—ну, если бы дѣло шло о чемъ-нибудь болѣе интересномъ и забавномъ, такъ еще куда ни шло...

Юный Монтрё, окинувъ взоромъ публику, проворчалъ:

— Дѣйствительно, есть на что смотрѣть: на всѣ эти рожи!

И онъ вдругъ остановился, разинувъ ротъ и вглядываясь съ удивленнымъ видомъ въ двухъ, медленно приближавшихся къ нимъ, гуляющихъ.

Щеки г-жи Миръ покрылись легкимъ румянцемъ, и она поднялась имъ на встрѣчу, произнося:

— Ахъ, вотъ и Гортензія!..

Г-жа Дюкло повторила за ней, какъ эхо:

— Вотъ и Гортензія!..

Дѣйствительно, это была г-жа Лемо со своимъ братомъ, котораго тотчасъ же и представила:

— Мой братъ, Гастонъ Ганюжъ...

Маркиза обернулась, и въ лицѣ ея, при видѣ молодого человѣка, выразилось столько комическаго изумленія, что Жакъ, рисовавшій концомъ тросточки на пескѣ человѣчковъ, наклонился какъ можно ниже, чтобы скрыть улыбку. Послѣ обоюдныхъ привѣтствій и представленій, и онъ, съ своей стороны, протянулъ руку Гастону Ганюжъ, который вскричалъ:

— Какъ! это вы, Гюре! Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ найти васъ здѣсь!

Изумленіе маркизы дошло до высшаго предѣла.

Какъ ея племянникъ могъ быть знакомъ съ такимъ удивительнымъ субъектомъ? И она устремила вопросительный взоръ на юнаго Монтрё, но по его лицу ясно можно было заключить, что онъ не менѣе ея удивленъ этимъ.

Хотя маркиза, какъ чистокровная парижанка, и была чужда многихъ предразсудковъ, тѣмъ не менѣе, не допускала никакихъ уступокъ и компромиссовъ въ вещахъ, которыя, по ея мнѣнію, переходили границу дозволеннаго и оскорбляли ея глубоко честную и деликатную натуру. Если о тѣхъ, которыхъ она считала въ числѣ своихъ знакомыхъ, разсказывали какія-либо скандальныя исторіи, то—разъ они принадлежали къ числу обыденныхъ, порожденныхъ праздностью и легкомысліемъ, приключеній—она пропускала ихъ мимо ушей.

Положимъ, ей передаютъ, что г-жа X. появляется на ея вечерахъ лишь затѣмъ, чтобы встрѣтить г-на Z., или что г-жа*** назначаетъ у нея въ пять часовъ rendez-vous всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ честь принадлежать къ ея маленькому двору,—подобнаго рода сплетни она всегда пропускала мимо ушей и даже въ глубинѣ души не осуждала, умѣя извинять грѣшки своихъ друзей. Но достаточно было ей заподозрить, что въ ея салонѣ подготовляется или близится къ развязкѣ какая-нибудь дѣйствительно неприглядная интрижка, какъ она приступала къ тщательнымъ и всестороннимъ разслѣдованіямъ, и если это подозрѣніе превращалось въ увѣренность, расправа съ виновными была коротка и безпощадна. При всей своей любезности, маркиза отличалась прямотою и рѣзкостью. Она всегда называла вещи своими именами, терпѣть не могла лицемѣрнаго притворства и позъ и считала своимъ долгомъ смѣло стоять за справедливость, всякій разъ, какъ къ тому представляется случай.

Она не скрывала своихъ чувствъ, и по ея жестамъ, по взгляду,

улыбкѣ можно было всегда легко угадать, чтò происходило въ ея груди. Она терпѣть не могла дипломатію и никогда не стремилась чѣмъ-либо „казаться“, предпочитая всегда быть самой собой.

По первому взгляду на г-жу де-Гюре можно было опредѣлить, чтò она за человѣкъ; съ своей стороны, и о другихъ она составляла мнѣніе по первому впечатлѣнію и потомъ ужъ съ трудомъ перемѣняла его. Она утверждала, что если первое впечатлѣніе иногда и бываетъ хорошее, то при ближайшемъ ознакомленіи съ человѣкомъ оно всегда измѣнится въ другую сторону. Чтò особенно изъ людскихъ причудъ могло ее раздражать и выводить изъ себя—это эксцентричность костюма. Она мирилась еще съ тѣмъ, что женщины носятъ эсктравагантныя платья и шляпы невозможныхъ фасоновъ—это одна изъ ихъ привилегій; но мужчины ни въ какомъ случаѣ не должны подражать имъ—это унижаетъ ихъ, по мнѣнію маркизы.

Конечно, бѣдный молодой человѣкъ, костюмъ котораго эксцентриченъ лишь потому, что сшитъ у дурного портного, всегда могъ разсчитывать быть принятымъ въ салонѣ маркизы. Пусть его шляпа, купленная въ улицѣ Сенъ-Жакъ, такъ мала, что слѣзаетъ ему на затылокъ, или, напротивъ, слишкомъ широка и покрываетъ ему уши; пусть его худо завязанный, сомнительной чистоты галстухъ напоминаетъ большую запыленную бабочку съ трепанными крыльями, съ которыхъ облетѣла блестящая пыль,—тѣмъ не менѣе, онъ можетъ пользоваться расположеніемъ и даже симпатіей маркизы и имѣть преимущество въ ея глазахъ передъ господиномъ, одѣтымъ съ тщательной обдуманностью, носящимъ платье необыкновенныхъ цвѣтовъ и обтягивающимся подобно акробату въ циркѣ, чтобы выставить линіи своего тѣла,—господиномъ, который рядится, душится и изнѣженъ, какъ женщина. Къ подобнаго рода субъектамъ маркиза испытывала глубокое отвращеніе. Она признавала, что мужчина многими сторонами выше женщины, но въ силу этого-то она и не допускала, чтобы онъ принижался до уровня послѣдней. Въ данную минуту странный видъ Гастона Ганюжъ до того ошеломилъ маркизу, что она не нашлась даже, чтò отвѣчать на его, выраженное въ самой изысканной формѣ, привѣтствіе, не могла оторвать отъ него глазъ.

Это былъ молодой человѣкъ роста ниже средняго, довольно широкій въ плечахъ, но съ впалой грудью, съ тонкими, длинными ногами и толстыми колѣнками. Фигура его поражала страннымъ отсутствіемъ гармоніи формъ, хотя въ общемъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ ужъ такъ дурно сложенъ. Лицо довольно

правильное и мыслящее; черные глаза глубоко сидѣли въ глазныхъ впадинахъ; лобъ широкій и высокій, но длинные, небрежно причесанные волосы росли какъ-то слишкомъ далеко отступая отъ лба, почти на темени.

Тонкая верхняя губа, осѣненная пушистыми каштановыми, съ рыжимъ оттѣнкомъ, усами, своимъ рѣзкимъ, намекавшимъ на жестокость характера, очеркомъ составляла замѣчательный контрастъ съ нижней толстой и выдающейся губой. Необыкновенно развитыя, животныя челюсти расширялись къ ушамъ.

Уши у него были необыкновенныя, громадныя, блѣдныя и удивительно безобразной формы. Они плотно прилегали къ головѣ, но были какъ-то странно поставлены: линія ихъ не гармонировала съ оваломъ лица, но мочка уха была обращена впередъ и выступала къ серединѣ щеки; благодаря этому обстоятельству, странныя уши Гастона Ганюжъ, при взглядѣ на него, прежде всего бросались въ глаза.

Завитая, рѣдкая борода его тоже росла какъ-то необыкновенно. На щекахъ не было ни волоска. Борода начиналась на челюстяхъ около ушей и потомъ шла необыкновенно низко подъ подбородкомъ, покрывая до половины длинную шею.

Цвѣтъ лица—скорѣе желчный, чѣмъ блѣдный, переходившій мѣстами въ цвѣтъ старой слоновой кости, взглядъ—смутный и неуловимый—придавали физіономіи молодого человѣка выраженіе болѣзненной тревоги.

Онъ носилъ коричневую мягкую фѣтровую шляпу, высокую, но съ узкими полями, которую сильно заламывалъ назадъ. За ленту шляпы было заткнуто орлиное перо.

Отложные, низкіе воротнички его рубашки позволяли видѣть шею, сморщенную, жилистую, покрытую пухомъ и вообще напоминавшую шею стараго индюка.

Яркій, небрежно завязанный галстухъ съ концами, выпростанными на широкіе отвороты бархатнаго пиджака, необычнаго фасона, украшеннаго безчисленными пуговками; жилетъ—длинный и плотно обтягивающій, подобно женскому корсажу, туловище молодого человѣка, перехватывавшій пополамъ его хилую фигуру; наконецъ, шведскія перчатки безъ пуговокъ, сѣраго, блеклаго цвѣта и зонтикъ изъ сырцоваго шолка на красной подкладкѣ —дополняли его костюмъ; въ общемъ получался удивительнѣйшій „ансамбль“.

Не одна маркиза и юный Монтрё были удивлены странной внѣшностью Гастона Ганюжъ. Всѣ тѣ, которые пришли на музыку „на другихъ посмотрѣть“, обернулись въ его сторону, какъ одинъ

человѣкъ. Нѣкоторые даже сдѣлали поворотъ вмѣстѣ со своими стульями, чтобы лучше разсмотрѣть новое лицо. Въ провинціи происшествія подобнаго рода встрѣчаются съ необыкновеннымъ волненіемъ и производятъ чуть не бунтъ. Почти въ каждомъ городѣ есть свой дурачокъ, прогуливающійся въ рубашкѣ, надѣтой сверхъ платья, или сумасшедшая старуха, босоногая, которая танцуетъ, таская по лужамъ настоящую индійскую кашемировую шаль. Но къ нимъ всѣ уже давно привыкли и приглядѣлись, ихъ всѣ знаютъ и любятъ. Ихъ смерть является чуть ли не общественнымъ горемъ. Но если явится какой-нибудь чудакъ или эксцентрикъ со стороны, то къ такому провинція отнесется крайне сурово; она не можетъ простить тому, кто хочетъ чѣмъ-либо выдѣлиться изъ толпы и обратить такъ или иначе на себя вниманіе.

— Какъ вы поздно!—сказала г-жа Дюкло:—я уже думала, что вы совсѣмъ не придете!..

Г-жа Лемо отвѣчала, взглянувъ нѣжно на брата:

— Гастонъ не могъ придти раньше. Онъ грустилъ.

— Да,—пробормоталъ молодой человѣкъ, болѣзненно улыбаясь:—да... я находился именно въ такомъ состояніи... „грустилъ“, какъ назвала сестра. Но,—продолжалъ онъ, наклоняясь къ Сусаннѣ Миръ,—я обѣщалъ придти и... пришелъ!

Сусанна ничего не отвѣчала; она слушала его съ недоумѣвающимъ и немного смущеннымъ видомъ.

„Та-та-та!—подумалъ Монтрё, между тѣмъ какъ Жакъ внимательно слѣдилъ за молодой женщиной,—такъ вотъ почему она явилась сюда, несмотря на то, что сегодня ея день!“

Гастонъ Ганюжъ продолжалъ улыбаться, причемъ выставлялись его острые, не особенно хорошіе зубы.

Маркизъ де-Гюре презиралъ меланхолію и сантиментальность; его раздражало явное желаніе молодого человѣка позировать и что-то изъ себя изображать. Поэтому онъ воскликнулъ съ веселой насмѣшливостью:

— Можно ли повѣрить, что вы способны грустить? Въ ваши годы! это невѣроятно!..

Ганюжъ посмотрѣлъ съ глубокимъ состраданіемъ на высокаго господина, атлетическаго сложенія, осмѣлившагося спрашивать его такимъ тономъ, и отвѣчалъ:

— Какое значеніе имѣютъ годы для страданія?

— Страданіе! Чортъ побери, прошу у васъ извиненія,—продолжалъ маркизъ:—я не зналъ, что ваша грусть достигаетъ такихъ солидныхъ размѣровъ.

Ганюжъ медленно произнесъ:

— Да, велика грусть моя, но я горжусь моими страданіями, милостивый государь, и я не желалъ бы отъ нихъ излечиться.

— Вы больны?—наивно спросилъ Монтрё, котораго вѣжливость заставляла показывать видъ, что онъ необыкновенно интересуется страданіями Гастона.

Про себя онъ подумалъ:

„Неудивительно, если онъ боленъ!.. У этого малаго такой скверный цвѣтъ лица!"

Ганюжъ даже не удостоилъ его отвѣтомъ. Онъ придвинулся со своимъ стуломъ къ г-жѣ Миръ и началъ съ ней разговаривать, не обращая больше никакого вниманія на остальныхъ.

Г-жа Дюкло наклонилась къ сестрѣ и тихо спросила тревожнымъ тономъ, показывая глазами на брата:

— Чтò такое съ нимъ было?

— Истерика. Онъ рыдалъ... все то же,—отвѣчала г-жа Лемо съ удрученнымъ видомъ.

Маркиза не удержалась и спросила съ любопытствомъ:

— Какой же болѣзнью страдаетъ вашъ братъ?

— Никакой!—вскричалъ г-нъ Дюкло, пожимая плечами.

Но г-жа Лемо, наклонившись къ уху маркизы, тихо отвѣчала ей:

— Онъ страдаетъ неврозомъ. Жестокій неврозъ. Мы уговорили брата пріѣхать сюда. Быть можетъ, нашъ заботливый уходъ нѣсколько облегчитъ его страданія.

— Неврозъ... еще новая болѣзнь!—сказала маркиза:—въ наше время о ней что-то не было слышно.

Ганюжъ услышалъ эти слова; онъ повернулъ голову въ сторону маркизы и произнесъ презрительнымъ тономъ:

— Неврозъ существовалъ во всѣ времена. Виньи страдалъ неврозомъ. Жераръ де-Нерваль... также Ламартинъ. Это свойство темперамента.

— Честное слово, онъ, кажется, гордится своей болѣзнью!—проворчалъ толстякъ Дюкло, опять пожимая плечами.

— Вы, вѣроятно, поэтъ?—вѣжливо спросилъ маркизъ, дѣлая видъ, что онъ не замѣчаетъ тона, которымъ говорилъ молодой человѣкъ.

Ганюжъ, казалось, колебался.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ, наконецъ:—что можно страдать нервнымъ разстройствомъ и не будучи непремѣнно поэтомъ.

— Я долженъ согласиться съ этимъ! — отвѣчалъ, смѣясь, маркизъ.

— А главное,—продолжалъ молодой человѣкъ:—чтò пони-

мать подъ этими двумя словами: „быть поэтомъ“. Если это, по вашему значитъ издавать одинъ или нѣсколько томовъ у Лемера, въ такомъ случаѣ я долженъ вамъ отвѣтить: нѣтъ, я не поэтъ!.. Если же вы называете поэтомъ мечтателя, мысль котораго, постоянно полная экстазомъ идеальной влюбленности, витаетъ, облеченная въ гармоническіе сны, душа котораго постоянно волнуется, очищаемая и наставляемая страданіемъ, то я отвѣчу вамъ: да, я поэтъ!..

— Я предпочитаю поэтовъ, книги которыхъ издаетъ Лемеръ; это мнѣ кажется понятнѣе и проще,—сказала маркиза, съ досадой видя, что Сусанна слушаетъ съ восторгомъ этого фразёра.

Ганюжъ сухо отвѣчалъ:

— Да, конечно. Тѣмъ болѣе, что всякій можетъ „издаваться у Лемера“, какъ вы говорите, но мало тѣхъ, которые способны на нѣчто большее!..

— Гм? *всякій*, говорите вы? Ну, я, напримѣръ, убѣждена, что сама лично никогда не буду ничего издавать.

Жакъ вмѣшался въ разговоръ.

— Ганюжъ пишетъ прелестные стихи, но не печатаетъ ихъ. Онъ только иногда читаетъ ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей.

— Мой братъ пишетъ также и въ прозѣ! — вскричала г-жа Лемо:—теперь онъ работаетъ надъ замѣчательнымъ сочиненіемъ!

— А какъ оно называется? — полюбопытствовала маркиза.

Ганюжъ отвѣчалъ медленно, раздѣльно, съ удареніемъ отчеканивая каждое слово:

— „La raréfaction vibralite du moi“.

— Какъ?—вскричала маркиза, ошеломленная этимъ наборомъ дикихъ словъ:—что̀ вы говорите?

— „La raréfaction vibralite du moi“,—еще съ большей торжественностью повторилъ Гастонъ Ганюжъ. И, снисходя къ слабости умственныхъ способностей своихъ собесѣдниковъ, прибавилъ:

— По всей вѣроятности, вы не понимаете, что̀ я хочу сказать этимъ причудливымъ заглавіемъ. Я постараюсь, однако, объяснить вамъ его смыслъ. Видите ли...

Маркиза прервала его.

— Не трудитесь объяснять,—сказала она рѣзко:—я понимаю смыслъ заглавія вашей книги, только не могу себѣ уяснить, зачѣмъ вы именно такое выбрали.

— Неужели понимаете?—вскричалъ Монтрё, смотря на г-жу де-Гюре съ благоговѣйнымъ изумленіемъ.

— Я знаю, — произнесъ Ганюжъ, вновь поворачиваясь къ

Сусаннѣ Миръ:—я знаю, что всѣ неспособные къ самоуглубленію возстанутъ даже противъ этого заглавія, но оно выражаетъ мою мысль съ достаточной полнотой и ясностью, и тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не оцѣнятъ его. Я и не питаю надежды, что буду понятъ массой; мнѣ даже кажется, что сладко и утѣшительно быть непонятымъ толпой.

— Я думаю,—сказала маркиза,—что у насъ вы вполнѣ насладитесь этой утѣшительной сладостью.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ черезъ плечо, не удостоивая даже повернуться въ сторону маркизы:

— Я ничѣмъ не намѣренъ наслаждаться! Я разсчитываю жить въ Нанси въ полнѣйшемъ уединеніи.

— О, Гастонъ!—начали умолять его обѣ сестры, г-жа Лемо съ г-жей Дюкло:—развѣ ты намъ не обѣщалъ, что, напротивъ, будешь развлекаться?

— Да оставьте вы его въ покоѣ!—опять проворчалъ толстякъ Дюкло.—Пусть его ищетъ уединенія! Для начала явился на музыку: гдѣ же и найти большаго уединенія!..

Ганюжъ, продолжавшій въ полголоса разговаривать съ Сусанной, огрызнулся въ сторону зятя:

— Я *обѣщалъ* придти сюда, и, клянусь вамъ, пришелъ противъ своего желанія... Сегодня выдался именно одинъ изъ тѣхъ дней, когда тихая грусть овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ, и мнѣ хочется остаться наединѣ съ самимъ собою и предаться мечтамъ... Хочется сохранять абсолютную неподвижность, не произнося ни слова, затаивъ дыханіе,—такъ боишься спугнуть крылатую мечту, которая, разъ улетѣвъ, быть можетъ, уже болѣе никогда не возвратится!..

— Чортъ возьми,—вскричалъ Дюкло:—я что-то не замѣтилъ, чтобы ты находился въ такомъ удивительномъ состояніи утромъ, въ кафé!

— Въ кафé?—переспросила съ любопытствомъ г-жа Миръ.

— Да, сударыня, въ кафé! Я въ полдень проходилъ по площади Станислава и замѣтилъ у Бодо вотъ этого господина. Онъ о чемъ-то оживленно разглагольствовалъ, размахивая руками. Смѣю васъ увѣрить,—продолжалъ толстякъ безпощадно, не замѣчая, какъ не нравится это разоблаченіе молодому человѣку:—смѣю васъ увѣрить, что въ эту мунуту онъ за болтовней забылъ свое опасеніе, чтобы у него чего-нибудь не улетучилось, и такъ-таки исправно тянулъ изъ своего стакана, чокаясь съ товарищами!

Маркиза и Жакъ разсмѣялись. Ясно было какъ день, что Гастонъ Ганюжъ просто „позируетъ“ передъ молодой, хорошень-

кой женщиной. Разоблаченіе зятя должно было весьма уронить его въ глазахъ Сусанны. Большая кокетка, постоянно нуждавшаяся въ обожателяхъ и льстецахъ, она не въ состояніи была понять, какъ это мужчины могутъ терять съ пріятелями время, которое можно употребить на ухаживанье и на то, чтобы занимать ее пріятными разговорами. Она не иначе, какъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ отзывалась: „Г-нъ X.—онъ всю жизнь проводитъ въ кафé!"—этимъ она хотѣла сказать: „Г-нъ X.—грязное и грубое животное!"

Сусанна внимательно слушала толстяка Дюкло, и когда онъ кончилъ, то съ лукавой улыбкой обратилась къ поэту:

— А я-то вообразила, что вы и въ самомъ дѣлѣ любите уединеніе!

— Но я, право же, его обожаю!—вскричалъ тотъ въ волненіи:—всякое существо, въ которомъ преобладаетъ духовное начало, обожаетъ уединеніе. По силѣ влеченія къ уединенію можно опредѣлить качества своего „я". Въ уединеніи ничтожные умы чувствуютъ все свое величіе! Только въ уединеніи познаешь настоящую цѣну самому себѣ! Чѣмъ выше человѣкъ, чѣмъ благороднѣе его натура, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ отчужденіи отъ людей.—Ганюжъ умолкъ и потомъ спросилъ, взглянувъ на маркизу, продолжавшую улыбаться:

— Вы находите мои слова смѣшными? А между тѣмъ это единогласное мнѣніе философовъ. Но я, вѣроятно, наскучилъ вамъ. Вы не должны интересоваться философами!..

— Моя тетка любитъ одного изъ нихъ,—сказалъ Жакъ, также не могшій сдержать улыбки:—Шопенгауера.

— А!—пробормоталъ молодой человѣкъ, немного удивленный.

— Да, — подтвердила маркиза:—я страстно люблю Шопенгауера. Не знаю, любите ли вы его, но ужъ, безъ сомнѣнія, съ нимъ знакомы?..

— Ужъ разумѣется! — вставилъ маркизъ. Ганюжъ окинулъ обоихъ сердитымъ взглядомъ. Онъ чувствовалъ, что ему не удается произвести желаемый эффектъ. Его сестры, зять и этотъ чижикъ (такъ называлъ онъ про себя Монтрё), и г-жа Миръ, разумѣется, ничего не знаютъ о Шопенгауерѣ, или если случайно имъ и приходилось читать изъ него какія-нибудь выдержки, то, по всей вѣроятности, они ничего не поняли. Жакомъ онъ менѣе стѣснялся, чѣмъ насмѣшливой маркизой и ея мужемъ. Онъ привыкъ встрѣчаться съ нимъ въ Парижѣ въ кружкахъ, доступныхъ лишь посвященнымъ, и считалъ его „своимъ", на поддержку котораго всегда можно разсчитывать. Сусанна, казалось, скучала. Разговоръ ста-

новился слишкомъ серьезнымъ. Она вообще мало интересовалась областью искусства и отвлеченной мысли, хотя и получила достаточное для женщины образованіе. Она постаралась перемѣнить тему.

— Не знаете ли вы, крестная,—спросила она:—когда состоятся скачки „rallye paper“, въ четвергъ или въ воскресенье?

— Насчетъ этого я ничего не знаю. Спроси лучше тѣхъ, которые въ этомъ компетентны.

И маркиза указала на своего племянника и юнаго Монтрё.

Послѣдній отвѣчалъ:

— На этой недѣлѣ офицерскія скачки. Онѣ до насъ не касаются.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Я не подумала объ этомъ.

Г-жа Лемо сказала тономъ, въ которомъ слышалось уколотое самолюбіе:

— На этотъ разъ, мой бѣдный Гастонъ, мы не можемъ съ тобою быть на „rallye paper“. Господа офицеры не удостоили насъ пригласить въ свое общество, и ты такимъ образомъ будешь лишенъ этого удовольствія.

— Если Гастонъ такъ хочетъ присутствовать на скачкахъ, то я могу доставить ему пригласительный билетъ,—предложилъ Жакъ:—нѣтъ ничего проще этого.

— Но,—не могъ удержаться отъ замѣчанія толстякъ Дюкло: —на „rallye paper“ не найдешь уединенія, и если Гастонъ не желаетъ никого видѣть...

Г-жа Лемо прервала его и отвѣчала Жаку тономъ затаенной обиды:

— Я благодарю васъ за брата. Если бы вы пригласили меня,— ну, тогда бы я отказалась, не желая вамъ надоѣсть своимъ присутствіемъ.

„Ага, понимаю,—подумалъ Жакъ,—ты хочешь этимъ сказать: „пригласите и меня также“. Ну нѣтъ, дудки!..“

И онъ поклонился, не говоря ни слова, и сдѣлавъ только для приличія протестующій жестъ рукою.

— Какъ вы думаете, крестная, завтра на вечерѣ нужно быть въ полномъ декольтѐ или только въ полу-декольтѐ?—спросила вдругъ Сусанна.

— Въ полномъ!.. Я стою за „полное“!—вскричала, смѣясь, маркиза.

Сестры Лемо и Дюкло, раздраженныя мыслью, что предстоитъ какой-то вечеръ, на который онѣ не приглашены, воскликнули въ одинъ голосъ:

— Вы завтра отправляетесь на вечеръ? Куда это? Гдѣ это?

— У тети Шарлотты „Подъ-Буками",—отвѣчала г-жа Миръ.

— А!—произнесли обѣ дамы съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Сусанна, — начала маркиза: — можешь ты мнѣ оказать услугу?.. Я забыла распорядиться насчетъ тапёра на завтра; онъ живетъ около васъ,—могу я на тебя разсчитывать? Ты его пригласишь, не правда ли? Такимъ образомъ, если вамъ придетъ охота тонцовать...

— Но, крестная, мы вѣдь можемъ сами играть по очереди...

— Нѣтъ... нѣтъ! Это меня только будетъ раздражать. Ради того, чтобы съэкономить какой-нибудь луидоръ, заставлять нести такую барщину своихъ друзей! По моему, это и глупо, и неделикатно. Я не могу не жалѣть тѣхъ несчастныхъ, которымъ приходится барабанить по клавишамъ, въ то время какъ другіе танцуютъ. И я по опыту знаю, что, садясь за фортепьяно и произнося банальное: „О, это для меня не составитъ никакого труда, напротивъ, мнѣ очень пріятно способствовать общему веселью!"—всякій внутренно проклинаетъ хозяйку съ ея вечеромъ.

— Такъ... такъ... святая истина!—подтвердилъ Монтрё.

— Даже когда играетъ тапёръ, мнѣ всегда хочется поскорѣе его освободить.

— А я, — объявила г-жа Лемо:—я съ удовольствіемъ могу протанцовать всю ночь на пролетъ!..

„Она говоритъ это, чтобы ее пригласили на завтра!"—подумалъ Жакъ.

Маркизъ посмотрѣлъ на часы.

— Однако, Шарлотта, если ты желаешь обѣдать въ восемь часовъ, то пора пускаться въ путь.

Г-жа де-Гюре поднялась.

— Я также отправлюсь домой, — сказала Сусанна: — мой мужъ—воплощенная аккуратность!

— Вашъ супругъ, по всей вѣроятности, дома,—замѣтила г-жа Дюкло: — было пять часовъ, когда онъ сѣлъ въ трамвай. Онъ намъ говорилъ, что хочетъ еще поработать до обѣда.

— А вы его видѣли?—спросила озадаченная Сусанна.

— Да, я видѣла его у Гортензіи.

— Вашъ супругъ былъ у меня съ визитомъ,—сказала г-жа Лемо и вслѣдъ затѣмъ прибавила:

— Я перемѣнила мой день! Я теперь принимаю моихъ знакомыхъ по четвергамъ, отъ двухъ до пяти.

— А! вы мнѣ и не сказали объ этомъ! Поль прекрасно сдѣлалъ, что побывалъ у васъ! — вскричала молодая женщина, и ея

лицо вновь пріобрѣло веселое выраженіе, улыбка появилась на губахъ.

„Эге! — подумала маркиза, зорко вглядываясь въ свою крестницу: — меня не надуешь! Она ревнуетъ! Ревновать этого бѣднягу, Поля Миръ! Это совсѣмъ въ восточномъ вкусѣ!..“

II.

Замокъ „Подъ-Буками“ возвышается около фермы, выстроенной на развалинахъ древняго аббатства Клерльё, основаннаго въ 1479 году Рене II, графомъ Водемонъ, герцогомъ лотарингскимъ. Къ нему непосредственно прилегаетъ лѣсъ Деге.

Замѣчательный въ архитектурномъ отношеніи лишь витымъ карнизомъ и великолѣпною двойною лѣстницею, подобною той, какою обладаетъ ратуша въ Нанси, зàмокъ, находившійся въ крайне запущенномъ видѣ, когда его наслѣдовалъ маркизъ де-Гюре, внутри состоялъ изъ ряда громадныхъ пріемныхъ покоевъ и нѣсколькихъ, убранныхъ съ холодною роскошью, комнатъ, все же слишкомъ недостаточныхъ, чтобы вмѣстить всѣхъ родственниковъ и приглашенныхъ знакомыхъ.

Старое зданіе было ремонтировано, а кромѣ того недалеко отъ древняго обиталища построенъ былъ большой домъ.

Стѣны его покрывала жимолость и другія вьющіяся растенія. Веселый, свѣтлый домъ этотъ издали походилъ на гигантскій букетъ. Онъ соединялся съ замкомъ крытой галереей въ высоту перваго этажа, для сооруженія которой воспользовались буковой аллеей; стволы деревьевъ послужили пилястрами. Великолѣпный паркъ, сливавшійся съ лѣсомъ, отличался отъ него только своими широкими лужайками, по которымъ бѣжалъ небольшой ручеекъ, впадавшій въ озеро. Широкою зеркальною поверхностью разливались его голубыя, прозрачныя, постоянно спокойныя воды. Только въ Лотарингіи и бываютъ такія озера! Лучшій изъ аппартаментовъ замка—это его громадный вестибюль. Въ глубинѣ лѣстница двумя спусками развертываетъ свои широкія мраморныя ступени, стертыя и сдѣлавшіяся еще ниже отъ времени, хотя и сама по себѣ лѣстница была удивительно отлогая—сорокъ ступеней всего до перваго этажа. Перила изъ кованаго желѣза — чудо по красотѣ и изяществу. Внизу лѣстницы большой бассейнъ, наполненный водяными лиліями и тростникомъ, а въ немъ мраморный дельфинъ, на спинѣ котораго сидитъ мальчикъ, дующій въ раковину. Вода неизсякаемой струей бьетъ изъ нея вверхъ

и, разсыпаясь радужной пылью, падаетъ въ бассейнъ. Чего только не было въ этомъ обширномъ вестибюлѣ, превращенномъ въ выставку базара! Большой билліардъ, во вкусѣ Empire; другой современный, небольшихъ размѣровъ; различныя игры и даже комнатный тиръ для стрѣльбы въ цѣль; диваны; груды подушекъ; звѣриныя шкуры; гамаки и громадные фаянсовые горшки съ цвѣтущими лавровыми и гранатными деревьями.

— Тетя Шарлотта!—воскликнулъ Жакъ, ставившій карамболь:—къ намъ кто-то жалуетъ съ визитомъ.

Маркиза читала газету, покачиваясь въ бамбуковомъ креслѣ; она отвѣчала, не отрывая глазъ:

— Въ половинѣ второго... и по тридцати-градусной жарѣ! Ты бредишь!..

— Онъ вовсе не бредитъ,—возразилъ маркизъ, подошедшій къ окну съ кіемъ въ рукахъ: — вонъ ѣдетъ карета по берегу пруда.

— Это еще не значитъ, что она непремѣнно завернетъ къ намъ. Можетъ быть, она проѣдетъ мимо въ лѣсъ.

— Я отлично вижу, что она заворачиваетъ къ намъ на подъѣздную аллею,—вскричалъ Жакъ:—къ намъ, тетя Шарлотта, право, къ намъ!.. Вотъ совсѣмъ поворотила... Я спасаюсь бѣгствомъ!

— Почему?—спросила маркиза.

Жакъ былъ въ бѣлыхъ, изъ плотной фланели, панталонахъ, застегнутыхъ поверхъ рубашки и стянутыхъ широкимъ поясомъ изъ суроваго шолка; оглядѣвъ свой костюмъ, онъ отвѣчалъ:

— Потому что я въ недостаточно приличномъ одѣяніи!

И схвативъ пиджакъ, который лежалъ, брошенный на диванъ, замѣтилъ:

— Потому еще я намѣренъ спасаться бѣгствомъ, что въ такую жару вновь натягивать свой футляръ слишкомъ ужъ мучительно...

Маркиза поднялась съ кресла, распрямляя свой гибкій станъ, который мягко охватывали складки ея бѣлаго крепового пеньюара.

— Да вѣдь и я не одѣта и не въ болѣе приличномъ костюмѣ, чѣмъ ты.

Она съ минуту всматривалась черезъ лорнетъ въ подъѣзжающій экипажъ и, наконецъ, вскричала:

— Это вовсе не съ визитомъ. Это Сусанна!

— Сусанна!..—пробормоталъ Жакъ, бросаясь къ окну.

Маркиза между тѣмъ забезпокоилась:

— Если она явилась въ такой ранній часъ—значитъ, не можетъ быть къ обѣду. Не заболѣлъ ли кто-нибудь изъ дѣтей!..

— Едва ли,—сказалъ Жакъ, выходя на крыльцо, чтобы помочь молодой женщинѣ выйти изъ кареты:—у нея слишкомъ веселый видъ, чтобы можно было это предположить.

Увидѣвъ, въ какой необыкновенной колымагѣ подъѣхала г-жа Миръ, Жакъ расхохотался:

— Она, вѣроятно, пріѣхала для того, чтобы дать намъ полюбоваться на ея экипажъ,—вскричалъ онъ.

Кузовъ повозки покачивался на животрепещущихъ рессорахъ; внутри онъ былъ обитъ ветхимъ ситцемъ, нѣкогда глянцовитымъ, съ отливомъ, но уже давно выцвѣвшимъ и протертымъ; такую матерію можно встрѣтить только въ провинціи. Влекомая несчастной клячей бѣлой масти, съ облупленными боками и исполосованной ударами кнута спиной, покорной и равнодушной ко всему на свѣтѣ, карета при каждомъ поворотѣ дороги накренивалась на бокъ, при чемъ скрипѣла и трещала, точно кряхтя и охая съ натуги. Молодая женщина вышла, опираясь на руку, которую протянулъ Жакъ, и бросилась на шею маркизы, спросившей ее:

— Чтò случилось? Почему ты пріѣхала въ такой необычный часъ?

— Я пріѣхала, чтобы попросить васъ, крестная, объ одолженіи!

Г-жа Миръ, раскраснѣвшаяся, съ блестящими глазами, видимо была въ волненіи; въ ней что-то замѣчалось ненормальное, и въ то время, какъ маркиза, отведя ее на другой конецъ покоя, говорила съ ней, Жакъ сказалъ своему дядѣ, возобновляя прерванную партію:

— Чтò такое съ крестницей? Она положительно не въ своей тарелкѣ!..

Маркизъ посмотрѣлъ на него, вздернувъ носъ, и сказалъ:

— Сдается мнѣ, что съ нѣкоторыхъ поръ ты что-то ужъ слишкомъ сталъ интересоваться „крестницей"!

— То-есть какъ? Что вы этимъ хотите сказать?

— Такъ, ничего. Я сказалъ это потому, что пришло въ голову. Ты вѣдь знаешь: твоя тетка тебя балуетъ, балуетъ постоянно, чтò для тебя весьма вредно, находитъ очаровательными всѣ глупости, которыя ты выкидываешь, приходитъ въ восторгъ отъ твоихъ любовныхъ похожденій и вообще питаетъ къ тебѣ такую нѣжность, что я, сколько ни ломаю головы, никакъ не могу понять, чѣмъ ты ее возбудилъ.

— Добрая, милая тетя Шарлотта!..—пробормоталъ, улыбаясь, молодой человѣкъ, съ нѣжностью посмотрѣвъ на нее.

— Да... такъ вотъ, несмотря на всю снисходительность къ

тебѣ и твоимъ слабостямъ, добрая, милая тетя Шарлотта не простить тебѣ, если ты вздумаешь волочиться за Сусанной, которую она любитъ не меньше, чѣмъ тебя, и, главное, считаетъ своимъ долгомъ охранять и опекать.

Жакъ хотѣлъ возражать, но маркизъ перебилъ его, обратившись съ вопросомъ къ женѣ, которая въ полголоса о чемъ-то спорила съ г-жею Миръ:

— О чемъ вы толкуете? Можно узнать?

— Я очень огорчена, — отвѣчала маркиза:—я принуждена отказать Сусаннѣ въ томъ, чего она, кажется, сильно желаетъ, но ея просьба такого рода, что я никакъ не могу...

— Что такое? Въ чемъ же состоитъ эта ужасная просьба, которую вы не можете удовлетворить?

— Она желаетъ, чтобы я пригласила на сегодняшній вечеръ супруговъ Дюкло, Лемо и...

— Гастона Ганюжъ?—докончилъ насмѣшливо Жакъ.

— Чортъ побери!—вскричалъ удивленный маркизъ:—надъ этимъ надо, однако, подумать! Это требуетъ еще обсужденія!

— Какъ! еще думать объ этомъ! -- вскричала пылко г-жа де-Гюре:—о чемъ же тутъ думать? дѣло ясное, какъ Божій день! Я не желаю принимать у себя этихъ господъ, которыхъ въ глубинѣ души презираю! Вы всѣ, конечно, предпочитаете притворство и виляніе открытому образу дѣйствія, но я не намѣрена...

— „Всѣ“—это мужчины!—улыбаясь, повернулся маркизъ къ племяннику.

Г-жа Миръ, казалось, была смущена.

— Боже мой, крестная,—произнесла она мягко:—мнѣ очень грустно, что вы противъ нихъ такъ настроены... я не предполагала...

— Ты отлично могла все предполагать! Вотъ ужъ почти недѣля, какъ ты мнѣ о всѣхъ ихъ твердишь, стараясь всячески меня убѣдить, что г-нъ Лемо можетъ быть полезенъ твоему мужу, что г-жа Лемо свѣтлая личность... свѣтлая личность—г-жа Лемо! а? какъ вамъ это нравится?!.

— Но, крестная...

— Согласись, однако, что ничего въ этой женщинѣ нѣтъ привлекательнаго; она именно то, что̀ называютъ „щукой“! А ея мужъ—болтунъ, любопытенъ, трусъ... И ты хочешь, чтобы я ими восхищалась!

— Я отлично знаю,—проворчала Сусанна: — что Гортензія и ея мужъ не внушаютъ вамъ симпатіи, но Дюкло...

— Толстякъ Дюкло еще и такъ, и сякъ,—простой и честный

человѣкъ, и я его люблю больше другихъ; но жена его, г-жа Дюкло, такая же несносная, какъ и ея сестра. Что же касается до ихъ брата, котораго мы вчера имѣли честь узрѣть, то у него видъ... я и говорить не хочу, на кого онъ похожъ...

— Почему же?—съ живостью спросила молодая женщина.

— Потому что, я уже знаю, мои выраженія часто тебя шокируютъ.

— Но,—вскричала Сусанна,—что̀ такое можно сказать объ этомъ молодомъ человѣкѣ, что̀ могло бы меня шокировать? Жакъ его знаетъ и...

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ... Прекрасное знакомство, Жакъ! Подозрительный субъектъ, одѣвается какъ женщина!

— Ну, крестная! ужъ и какъ женщина!..

— А что же? почти что такъ.

Г-жа Миръ обратилась къ Жаку, который съ самаго начала разговора отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него.

— Скажите же что-нибудь, Жакъ!.. Вы обязаны защитить вашего друга.

— Ганюжъ мнѣ вовсе не другъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, оборачиваясь къ Сусаннѣ:—это простое знакомство; совершенно случайно мы встрѣтились въ мастерской художника Анели, одного изъ моихъ друзей, и потомъ часто у него сталкивались. Анели—живописецъ весьма посредственный, пишетъ также стихи. Онъ собираетъ вокругъ себя молодые таланты—писателей, поэтовъ. Одинъ приводитъ другого.

— И у этого шута гороховаго тоже есть талантъ?—спросила маркиза.

— Кто знаетъ? быть можетъ, и есть. Во всякомъ случаѣ, ему такъ объ этомъ напѣли, что онъ и самъ повѣрилъ въ свой геній. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не повѣрить, когда всѣ твердятъ!

— Если ему всѣ говорятъ, что у него есть талантъ, то, вѣроятно, не безъ основанія же!—сухо замѣтила Сусанна.

Жакъ съ улыбкой посмотрѣлъ на нее.

— Милая моя Сусанна, вы упускаете изъ виду то, что молодая школа поэтовъ и художниковъ, по крайней мѣрѣ бо̀льшая ея часть, только и живетъ взаимными восхваленіями! Всякій изъ нихъ, не колеблясь ни секунды, объявляетъ, что его друзья всѣ поголовно таланты и геніи; каждый-то изъ нихъ *высокъ, неподражаемъ* и самое меньшее—*божественно изященъ*. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно пишутъ посредственные стихи или удовлетворительныя картины, но бо̀льшая часть только говоритъ о своихъ будущихъ произведеніяхъ и разсказываетъ сюжеты еще ненапи-

санныхъ картинъ. Ихъ слово, такимъ образомъ, зиждется на еще несозданныхъ, да которыя, быть можетъ, и никогда не увидятъ свѣта, твореніяхъ. Но они такъ привыкаютъ къ мысли, что эти творенія *будутъ созданы*, что имъ начинаетъ казаться, будто они уже и на самомъ дѣлѣ существуютъ. Они считаютъ себя непонятыми геніями и презираютъ всѣхъ тѣхъ, которые не въ состояніи оцѣнить ихъ великихъ дарованій. Они сознаютъ свой геній, созрѣвшій для славы и безсмертія, а между тѣмъ извѣстность ихъ ограничивается кружкомъ такихъ же великихъ людей, какъ и они сами, и за предѣлы его не выходитъ. Ганюжъ тоже принадлежитъ къ числу такихъ неудачниковъ.

— По вашему мнѣнію,—раздражительно спросила Сусанна:—Ганюжъ не болѣе какъ неудачникъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Конечно, у него есть нѣкоторыя достоинства: онъ развитъ, много читалъ и...

— Много заучилъ фразъ,—вставила г-жа де-Гюре.

— Но у него нѣтъ, по моему, ни сердца, ни ума, а только какая-то истерическая, нервная натура; онъ настойчивъ и обладаетъ безконечной дерзостью и наглостью. Будь онъ менѣе тщеславенъ, менѣе занятъ собой и не столь высокаго о себѣ мнѣнія, изъ него могло бы еще кое-что выйти, онъ могъ бы кое-что сдѣлать, могъ бы работать и добиться прочнаго матеріальнаго положенія.

— Такъ по вашему,—спросила Сусанна:—Ганюжъ даже не можетъ создать себѣ матеріальнаго положенія?

— Нѣтъ, онъ всегда такимъ останется и уйдетъ весь на позы, фразы и претензіи.

Сусанна поднялась.

— Такъ какъ моя миссія кончена,—сказала она:—то я могу пуститься въ обратный путь.

— Твоя миссія?—вскричала маркиза:—что ты этимъ хочешь сказать? Тебѣ что-ли они поручили попросить меня о приглашеніи?

— Нѣтъ, крестная, я просто такъ сказала. Вчера я хорошо видѣла, что Гортензіи и Матильдѣ, обѣимъ очень хотѣлось, когда вы стали говорить о предполагавшемся вечерѣ, чтобы вы ихъ пригласили.

— Извини: когда *ты стала* говорить о вечерѣ... Я, впрочемъ, сейчасъ догадалась, что ты заговорила не нарочно, а съ задней мыслью, что тутъ крючокъ и твои обычные маневры...

— Обычные маневры!..

— Да. Ты желаешь, чтобы я плясала по твоей дудкѣ, но этого тебѣ не удастся достигнуть. Я старый воробей!

Тутъ вмѣшался въ разговоръ маркизъ.

— Право, Шарлотта,—началъ онъ вкрадчивымъ голосомъ:— если это доставитъ удовольствіе этому ребенку, то почему бы и не пригласить, почему бы не согласиться на ея просьбу?

— Потому что мы приглашаемъ друзей или тѣхъ, съ которыми пріятно водить знакомство. Но съ какой стати я буду приглашать несносныхъ, глупыхъ и претенціозныхъ людей, которые все будутъ критиковать, начнутъ пересуживать, сплетничать,— людей, положительно шокирующихъ меня, и одинъ видъ которыхъ производитъ во мнѣ такое чувство, какъ будто водятъ ножемъ по стеклу, а главное, которые такъ смертельно скучны? Ужъ и того достаточно, что я чуть не каждый разъ встрѣчаюсь съ ними у Сусанны.

Г-жа Миръ пожала крестной руку.

— До вечера, крестная, и простите мнѣ мою нескромность... Кстати, безполезно... такъ какъ мнѣ это не удалось... безполезно будетъ говорить Полю о моемъ визитѣ къ вамъ, не правда ли? Я ему ничего не сказала, а онъ, пожалуй, узнавъ, станетъ ворчать.

— Вашей кареты нѣтъ у подъѣзда,—объявилъ Жакъ, заглянувъ въ окно:—кучеръ, видно, отложилъ экипажъ, чтобы дать своей клячѣ немного передохнуть. Подождите, я схожу приказать, чтобы онъ запрягалъ.

— А покамѣстъ онъ будетъ закладывать, я погуляю по саду и нарву цвѣтовъ. Вы позволите, крестная?

— Сколько душѣ твоей угодно. Жакъ пойдетъ съ тобою, а я не могу—слишкомъ жарко.

Надѣвъ соломенную шляпу, висѣвшую около двери, молодой человѣкъ пропустилъ впередъ Сусанну.

— Захватилъ съ собою садовыя ножницы? И не подумалъ, вѣрно?—спросила маркиза:—вотъ они, возьми!..

Жакъ взялъ большія мѣдныя ножницы, которыя протягивала ему маркиза, выбѣжалъ на крыльцо и бросился догонять г-жу Миръ, которая уже повернула на дорожку, ведшую къ цвѣточной аллеѣ.

Цвѣточная аллея—широкая, прямая, обсаженная рододендронами и гигантскими азаліями—была окаймлена кустами розъ всевозможныхъ оттѣнковъ и самыми разнообразными цвѣтами. Тутъ были лиліи, васильки, настурціи, піоны, гортензіи, ирисы, Иванъ-да-Марья, резеда, гвоздика—и все это, разсаженное съ замѣчатель-

нымъ вкусомъ, составляло, несмотря на видимую безпорядочность посадки, удивительно удачно подобранный цвѣточный коверъ.

Тамъ и сямъ надъ грудою цвѣтовъ возвышались высокоствольные подсолнечники, выставляя свои золотыя, мохнатыя головы, на которыхъ гудѣли коренастые шмели. Цвѣточная аллея оканчивалась „маковымъ полемъ“—лужайкой, засѣянной махровымъ великолѣпнымъ макомъ самыхъ разнообразныхъ колеровъ.

Маркиза питала необыкновенную нѣжность къ дѣтямъ, цвѣтамъ и животнымъ. Она сама ухаживала за своими цвѣтами. За исключеніемъ Сусанны, никто не смѣлъ переступать невысокій барьеръ изъ вьющихся растеній, заграждавшій входъ въ цвѣтную аллею, болѣе извѣстную подъ именемъ „аллеи г-жи маркизы“.

Сусанна медленно шла между двумя цвѣточными бордюрами. На ней была надѣта батистовая блуза блѣдно-голубого цвѣта, стянутая бѣлой лентой, которая нѣсколько разъ обвивала ея гибкую талію и была завязана сзади, какъ поясъ пансіонерки. Ея пепельные волосы, спускаясь изъ-подъ широкополой соломенной шляпы, украшенной гирляндой васильковъ, толстымъ жгутомъ лежали на затылкѣ, отливаясь серебромъ на длинной, бѣлой, замѣчательно элегантной шеѣ. Жакъ шелъ сзади молодой женщины, любуясь ея походкой, нѣсколько вялой, но полной очаровательной, мягкой граціи. Онъ не говорилъ ни слова, и мало-по-малу имъ овладѣвало какое-то непонятное ему самому томительное безпокойство. Онъ закрывалъ глаза, чтобы не видѣть Сусанны, но и съ закрытыми глазами онъ не могъ отдѣлаться отъ чарующаго впечатлѣнія волнующихся линій ея стана и плечъ, охваченныхъ мягкими складками голубой матеріи.

Наконецъ, желая какъ-нибудь разсѣять это странное волненіе и прогнать звуками голоса оцѣпенѣніе, въ которое оно его повергло, онъ пробормоталъ:

— У васъ такая походка, которая заставитъ всякаго покорно за вами слѣдовать!..

Г-жа Миръ обернулась и вскричала со смѣхомъ:

— Неужели?.. Но вмѣсто того, чтобы любоваться моею походкою, наберите-ка мнѣ цвѣтовъ!..

— Какихъ вамъ цвѣтовъ?.. Укажите, я нарѣжу.

— Какъ! вы даже не съумѣете сами составить букета?

— „Даже“—это ужъ слишкомъ жестоко! Я долженъ, дѣйствительно, сознаться, что мало въ жизни собиралъ цвѣтовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ тетя Шарлотта, въ ту пору, какъ я былъ совсѣмъ ребенкомъ, посылала меня дѣлать букеты для дамъ, „приходившихъ ее видѣть“, мнѣ ни разу такъ и не случалось...

— Ну, вотъ и прекрасно! сдѣлайте мнѣ такой же букетъ, какіе вы дѣлали для дамъ, посѣщавшихъ тетю Шарлотту.

— О, мои букеты выходили очень изящными!—воскликнулъ, смѣясь, молодой человѣкъ:—я подбиралъ ихъ на славу, заботясь, главное, о томъ, чтобы поскорѣе кончить дѣло. Съ этою цѣлью я бралъ лишь тѣ цвѣты, которые покрупнѣе: макъ, подсолнечникъ, вѣтку съ цвѣтами каштана, далію—и букетъ готовъ... но, вѣроятно, такой способъ вамъ не придется по вкусу?

— Нѣтъ. Давайте сюда ножницы,—я буду срѣзать цвѣты, а вы ихъ держите.

И г-жа Миръ, легкая и граціозная, принялась порхать отъ одного куста къ другому, наклоняясь, выбирая и срѣзая гвоздики, розы и роскошныя кисти резеды и все это складывая кучей на руки Жака. Когда ихъ набралось столько, что, лежа на вытянутыхъ впередъ рукахъ молодого человѣка, они закрывали его до самыхъ глазъ, она сказала:

— Теперь поищемъ мѣста въ тѣни, гдѣ бы можно было сѣсть и разобрать цвѣты.

— А вотъ перейдемъ маковое поле и повернемъ направо.

— По берегу ручья, на узенькую дорожку?

— Да; постойте, я пойду впередъ и проведу васъ въ прелестнѣйшій уголокъ.

Пройдя немного, они вступили на узкую дорожку въ чащѣ парка. Вѣтви деревьевъ, сплетаясь надъ нею, образовывали непроницаемый сводъ.

— Берегите глаза!—сказалъ Жакъ:—цвѣты не позволяютъ мнѣ отводить вѣтки. Я не могу тронуться дальше...

— Долго намъ придется идти по этому дѣвственному лѣсу?—спросила, смѣясь, Сусанна.—Несмотря на то, что цѣлыхъ шесть лѣтъ подъ-рядъ проводила лѣтнія каникулы Подъ-Буками, я не знаю этой заглохшей и, надо сознаться, довольно неудобной тропинки...

— Вотъ мы и пришли,—сказалъ молодой человѣкъ, останавливаясь у входа на маленькую, круглую площадку, поросшую травой, образовавшей ровный, зеленый коверъ.

Онъ сложилъ цвѣты на берегу ручья, огибавшаго площадку. Чистыя, прозрачныя воды его съ легкимъ журчаніемъ набѣгали на большіе, мшистые камни, орошая ихъ брызгами и расходясь пѣнистыми струями.

Обернувшись къ Сусаннѣ, Жакъ сказалъ:—Не правда ли, это прелестный уголокъ? Здѣсь всегда тѣнь; ни солнце сюда не за-

глядываетъ и ничей любопытный глазъ. Я сюда прихожу читать и курить.

— Да, здѣсь очень мило,—отвѣчала та.

Она сѣла на землю, около груды цвѣтовъ, какъ ребенокъ, вытянувъ совершенно прямо свои маленькія ножки, обутыя въ башмаки съ необыкновенно тонкими носками, и принялась разбирать розы.

Жакъ легъ на траву ничкомъ, оперъ локти въ землю и, охвативъ голову руками, молча смотрѣлъ на Сусанну, воздушный силуэтъ которой выдѣлялся на сумрачномъ фонѣ зелени.

Ея платье раскинулось на темно-зеленомъ коврѣ, изъ котораго кое-гдѣ выглядывали голубыя головки фіалокъ. Г-жа Миръ задыхалась отъ жары. Снявъ свою большую шляпу, она стала обмахивать ею, какъ вѣеромъ, свое разгорѣвшееся лицо, и пепельныя пряди ея волосъ трепетали вокругъ ея лба и висковъ.

Потомъ она сказала:

— Чѣмъ, однако, мнѣ связать розы? Объ этомъ-то мы и не подумали!

— Объ этомъ мы не подумали! – повторилъ машинально Жакъ.

Она съ минуту была въ нерѣшительности, но вдругъ вскричала:

— Ахъ, я могу воспользоваться лентой моего пояса! Вотъ и отлично. Развяжите его. Мы отрѣжемъ кусокъ садовыми ножницами.

— Но,—пробормоталъ Жакъ:—какъ же вы будете безъ пояса?

— Э, что мнѣ отъ этого сдѣлается! Да и хватитъ остальной ленты. Наконецъ, если даже я и возвращусь въ Нанси въ блузѣ безъ пояса, такъ что отъ того станется?

Жакъ не возражалъ больше; она торопила его, раздражаясь его медленностью и уставъ держать въ рукахъ толстый пукъ стеблей своего букета.

— Ну, поворачивайтесь!.. Можете вы мнѣ помочь? Могу я сама развязать ленту у себя на спинѣ, какъ вы думаете?..

Жакъ придвинулся къ ней.

— Вамъ нужно встать,—сказалъ онъ,—иначе я не могу...

Она стала на колѣни, предоставивъ свою согнутую талію въ распоряженіе Жаку, тоже ставшему на колѣни сзади нея и принявшемуся распутывать длинную ленту. Онъ напрасно старался не видѣть и не чувствовать, а всецѣло заняться возложеннымъ на него порученіемъ; легкое, нѣжное благоуханіе, испарявшееся отъ волосъ и самой кожи Сусанны, юной, пышащей здоровьемъ блондинки, ничѣмъ не душившейся и только употреблявшей пудру съ легкимъ запахомъ фіалокъ, опьянило его и бросилось ему въ

голову, какъ будто онъ окунулся въ атмосферу, пропитанную самыми крѣпкими, пряными благовоніями. Въ вискахъ у него стучало, онъ поблѣднѣлъ, и когда Сусанна повернулась къ нему, смѣясь надъ его неловкостью, онъ вдругъ обнялъ ее и покрылъ ея лицо и шею безумными поцѣлуями. Она вырвалась, съ силой оттолкнувъ его, болѣе удивленная, чѣмъ разсерженная.

— Что съ вами?—вскричала она.

Жакъ поднялся, самъ не менѣе ея удивленный тѣмъ, что̀ сдѣлалъ.

— Я прошу у васъ прощенья, Сусанна!—сказалъ онъ немного хриплымъ голосомъ.—Да, чистосердечно прошу... простите мнѣ мою невѣжливость... но если бы вы знали... если бы вы...

Удивленная, она безмолвно смотрѣла на этого взрослаго мужчину, который задыхался и дрожалъ передъ нею.

Жакъ де-Гюре, высокаго роста, съ длинными, бѣлокурыми, пушистыми усами, съ голубыми глазами и здоровымъ цвѣтомъ лица, оттѣненнымъ загаромъ, широкоплечій, съ стройнымъ, гибкимъ станомъ, былъ красивъ мужественною и благородною красотою. Изящный, развитый, способный быть необыкновенно любезнымъ и привѣтливымъ, когда хотѣлъ, Жакъ, кромѣ того, былъ необыкновенно добръ; это была спокойная, снисходительная и мягкая доброта возвышеннаго и стойкаго характера.

Такъ какъ г-жа Миръ молчала, онъ повторилъ еще разъ:

— Я прошу у васъ прощенія...

— Я прощаю васъ,—отвѣчала она, улыбаясь: — только не повторяйте ужъ этого больше!.. Я положительно не могу понять, почему вы вдругъ это... произвели. Вѣдь ужъ двадцать лѣтъ, мой милый Жакъ, какъ я съ вами имѣю счастье быть знакомой, и до сихъ поръ никогда не замѣчала...

— Никогда... Я это хорошо зналъ. Это меня всегда и останавливало... высказать вамъ...

— А! по вашему, это называется „высказать"?

— Смѣйтесь! Я дѣйствительно въ глубоко-комическомъ положеніи...

— Почему же въ комическомъ?

— Потому что не можетъ быть болѣе невыгоднаго положенія для человѣка, какъ когда онъ взволнованный, дрожащій и смущенный стоитъ передъ женщиною, которая его не любитъ и... никогда не полюбитъ... Потому что вѣдь вы меня никогда не полюбите... Скажите, Сусанна?..

— Нѣтъ!..

— Никогда?..

— Никогда!..

— Я это зналъ!.. и, несмотря на это, я жестоко страдаю, слыша эти слова отъ васъ самихъ. Я васъ такъ люблю!.. Я уже такъ давно васъ люблю!..

Г-жа Миръ оправляла и отряхала платье.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она насмѣшливо:—въ такомъ случаѣ вы очень хорошо умѣли скрывать свои чувства...

— Да, пока я видѣлъ васъ счастливой и удовлетворенной тою жизнью, которая вамъ выпала на долю, я... скрывалъ свои чувства, какъ вы говорите... такъ какъ вѣдь, какъ бы то ни было, я честный человѣкъ, и ни за что въ мірѣ я не рѣшился бы возмутить ваше спокойствіе; но теперь...

— Чтò же теперь?..

— Но теперь, вы сами хорошо это знаете, все перемѣнилось... То, чтò удовлетворяло васъ недѣлю тому назадъ, болѣе уже не удовлетворяетъ... Вы мечтаете о чемъ-то новомъ, неизвѣданномъ,—объ этомъ не трудно догадаться: вѣдь, несмотря на ваши попытки хитрить, ваша чистая душа, ваша дѣтская наивность тотчасъ же выдаютъ васъ... и вотъ, когда вы встрѣтили то, о чемъ мечтали, или, вѣрнѣе, когда вамъ показалось, что вы встрѣтили...

— Что же теперь?

— Теперь мнѣ нѣтъ основанія таить свои чувства, бояться нарушить ваше спокойствіе, оскорбить вашу чистоту... Вы были недоступны для меня, пока я обожалъ въ васъ эту чистоту... Но вы теперь стали для меня такою же женщиною, какъ и всѣ другія, и страсть, которую до сихъ поръ сковывало благоговѣніе, пробудилась и излилась въ необузданномъ порывѣ... Такъ какъ теперь только одна ваша воля можетъ служить затрудненіемъ къ осуществленію пламенной мечты о счастіи... о взаимности...

— Я ничего не понимаю!.. — сказала холодно г-жа Миръ, собирая на травѣ разсыпавшіеся цвѣты.

— Неужели? Въ такомъ случаѣ я выскажусь яснѣе... Я видѣлъ—надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этого—я видѣлъ, что „нѣкто" обратилъ на себя ваше вниманіе... и я былъ безконечно несчастенъ... я говорилъ себѣ: „почему не я? почему вы не меня избрали,—меня, который любитъ васъ такъ безумно? почему предпочли мнѣ другого, который васъ нисколько не любитъ?"

— Я по прежнему не понимаю ни слова! Вѣрно, это на васъ такъ жара подѣйствовала, что вы стали нести такой вздоръ... Да и пора возвращаться: мой фіакръ, вѣроятно, уже поданъ.—И въ сопровожденіи Жака она двинулась по той же заглохшей до-

рожкѣ обратно. Они дошли до дома, не произнеся уже больше ни слова.

Маркизъ ждалъ ихъ, куря трубку на крыльцѣ.

— Тетя проситъ тебя съѣздить въ Нанси,—сказалъ онъ Жаку:—она дастъ тебѣ кое-какія порученія. Ты отправишься вмѣстѣ съ Сусанной, а назадъ пріѣдешь въ экипажѣ, посланномъ за офицерами.

Молодая женщина вспыхнула, и хотя сейчасъ же постаралась подавить смущеніе и скрыть выраженіе неудовольствія, но и маркизъ, и его племянникъ, оба все отлично замѣтили.

— „Та та-та!—подумалъ г-нъ де-Гюре:—ей вовсе не нравится перспектива ѣхать съ нимъ вмѣстѣ до Нанси. Почему бы это? Да и у него что-то опрокинутая физіономія. Ужъ не выкинулъ ли онъ какую-нибудь глупость?..“

А Жакъ говорилъ самъ себѣ:

— „Навѣрно, Ганюжъ поджидаетъ ее при въѣздѣ въ городъ, чтобы тамъ встрѣтиться съ нею какъ бы случайно и узнать о результатахъ ея поѣздки. Я могу только стѣснить... Въ особенности послѣ всего того, что только-что произошло“...

Вслухъ же онъ произнесъ:

— Я не одѣтъ и заставлю слишкомъ долго ждать г-жу Миръ, которая торопится возвратиться.

Сусанна, понявъ, что онъ твердо рѣшилъ не навязывать себя ей въ компаніоны, не могла воспротивиться удовольствію ему поперечить:

— Я тороплюсь домой? Кто вамъ это сказалъ?—вскричала она съ видомъ глубочайшаго изумленія.

И, желая въ то же время изгнать всякую тѣнь подозрѣнія изъ сердца молодого человѣка, она настойчиво прибавила:

— Я вовсе не тороплюсь, напротивъ... Идите одѣваться; я буду очень рада имѣть васъ своимъ спутникомъ!..

— Нѣтъ, благодарю!—сказалъ Жакъ, и въ то мгновеніе, когда старая бѣлая кляча неохотно тронулась въ путь, онъ сказалъ Сусаннѣ вполголоса, оправляя ея платье, чтобы оно не терлось о колесо:

— Я уже достаточно сегодня наглупилъ!..—Затѣмъ онъ вошелъ въ вестибюль. На встрѣчу къ нему по лѣстницѣ спускалась маркиза, держа въ рукѣ листъ; на немъ были записаны порученія, которыя она хотѣла возложить на своего племянника.

— Какъ?—спросила она:—Сусанна уѣхала, не подождавъ тебя?

Г-нъ де-Гюре, улыбаясь, вглядывался въ смущенное лицо своего

племянника. Маркиза тоже внимательно посмотрѣла на него и вскричала:

— Ты, вѣрно, сдѣлалъ какую-нибудь глупость? Говори, что у васъ тамъ вышло?

Нервы молодого человѣка такъ расходились, что при этомъ допросѣ и подъ пристально-устремленными на него взглядами онъ потерялъ всякое самообладаніе. Онъ и раньше едва сдерживалъ готовыя хлынуть слезы, теперь же не въ силахъ былъ подавить ихъ.

— Ничего особеннаго не произошло... Мы шли по дорожкѣ около ручья... Сусанна отпустила вѣтку, и вѣтка ударила меня по глазу...

— Ну, вѣрнѣе, что это ты самъ накуралесилъ!—сказала лукаво маркиза.

Жакъ не отвѣчалъ. Онъ взялъ газету и пошелъ съ нею въ маленькій салонъ, шумно затворивъ за собою дверь.

Крайне удивленная состояніемъ племянника и боясь, что обидѣла его, г-жа де-Гюре послѣдовала за нимъ въ салонъ и, сѣвъ на диванъ, сказала:

— Послушай, что съ тобою?

На этотъ разъ она спрашивала его уже совершенно серьезно.

Онъ повернулся къ ней и отвѣчалъ рѣзкимъ голосомъ съ измѣнившимся лицомъ:

— Я ужасно страдаю... Это глупо, не правда ли?—Затѣмъ, порывисто придвинувшись къ маркизѣ, онъ обвилъ руками ея шею и, прислонивъ голову къ ея плечу, далъ волю душившимъ его рыданіямъ. Г-жа де-Гюре дала ему выплакаться. Взволнованная этимъ неожиданнымъ припадкомъ, она чувствовала, какъ сильно и неправильно стучало сердце въ груди Жака.

Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ младенчества, она не видѣла его плачущимъ. Его горе, проявившееся съ такою силою и видимо серьезное и искреннее, тронуло ее до глубины души. Она сидѣла молча и неподвижно, не утѣшала его, а только лишь ласково проводила рукою по волосамъ молодого человѣка.

— Извините, тетя Шарлотта!—пробормоталъ онъ, наконецъ, среди рыданій:—извините... Я вамъ надоѣдаю со своимъ горемъ, разстроиваю васъ... Но вы одна относитесь ко мнѣ съ добротою... Кромѣ васъ у меня никого нѣтъ, кто бы любилъ меня!..

И онъ приникъ щекою къ ея щекѣ, еще крѣпче обнялъ ее и довѣрчиво прижался къ ней, словно ища у нея защиты, какъ птенецъ подъ крыло матери, повторяя прерывающимся голосомъ, какъ ребенокъ:

— Вѣдь вы меня любите, не правда ли, тетя Шарлотта?

Взволнованная и замѣтно поблѣднѣвшая, г-жа де-Гюре рѣзко оттолкнула его и произнесла тономъ, въ которомъ слышно было много нѣжности, скрытой подъ насмѣшливой грубостью:

— Ты самъ отлично это знаешь, глупый!.. Я тебя люблю, разумѣется, но пусти, ты меня задушишь...

Жакъ отодвинулся, удивленный ея рѣзкостью:

— И вы, и вы также находите смѣшнымъ мое горе?— вскричалъ онъ.—О, еслибы вы знали, какъ мучительно любить, не имѣя надежды на взаимность! Но вы не можете понять этого...

— Ты думаешь?—спросила мягко маркиза.

— Да. Въ васъ есть много прекрасныхъ качествъ, тетя Шарлотта, но въ одномъ вамъ отказала природа: чувствительность не въ вашемъ характерѣ. Я готовъ держать пари, что вы никогда ни въ кого не были влюблены!

— Въ самомъ дѣлѣ, ты готовъ держать пари, что это такъ?

Она засмѣялась. Но въ ея голосѣ, когда она произнесла эту фразу, слышно было такое глубокое душевное волненіе, столько было въ немъ тайной грусти, что удивленный Жакъ вскричалъ:

— Я не знаю... быть можетъ, я ошибаюсь?..

Но маркиза уже овладѣла собою и весело сказала:

— Нѣтъ, ты не ошибаешься... Но дѣло идетъ не обо мнѣ и свойствахъ моего характера. Ты сказалъ, будто любишь... „безнадежно“, какъ въ романсахъ обыкновенно поется?..

— Да... я люблю Сусанну.

— Ухъ!.. Я въ этомъ была увѣрена!.. Давно уже я боюсь этого, даже какъ-то разъ съ твоимъ дядей толковали, благоразумно ли допускать васъ такъ часто видѣться и быть вмѣстѣ. Признаться, особенно я боялась первыя четыре или пять лѣтъ, что ты пріѣхалъ изъ Индіи; потомъ я успокоилась,—не вполнѣ, конечно... И только вчера мои подозрѣнія вновь воскресли.

— Почему же вчера именно?..

— Благодаря нѣкоторымъ признакамъ. Вчера, когда ты возмущался кокетствомъ Сусанны, въ голосѣ твоемъ слышалась такая горечь... И потомъ, на музыкѣ, видно было, какъ тебѣ непріятно, что она такъ заинтересовалась твоимъ декадентомъ.

— „Моимъ“ декадентомъ? позвольте вамъ заявить...

— Оставь, пожалуйста! Надо тебѣ сказать, дитя мое, что ты заводишь плохія знакомства. Но теперь, когда ты хнычешь отъ „безнадежной“ любви, жалуешься на то, что Сусанна тебя не любитъ,—если только она, въ самомъ дѣлѣ, тебя не любитъ,— я могу успокоиться.

— Merci...

— Чудакъ, ты право! не думаешь же ты, я полагаю, что моя привязанность къ тебѣ дойдетъ до того, что я...

— Итакъ, вы предпочитаете видѣть въ роли „избранника" этого декадента, какъ вы его называете?

— Да, я его предпочитаю! Съ декадентомъ у нея ничего не будетъ, кромѣ самаго обыкновеннаго flirt.

— Вотъ это мило! „Обыкновенный" flirt—и безпокоиться, значитъ, не о чемъ!

— Да, не о чемъ! Онъ будетъ передъ нею ломаться, позировать, толковать о Шопенгауерѣ, онъ посвятитъ ее въ тайну своей „la raréfaction vibratile du moi", употребитъ всѣ средства, чтобы заинтриговать ее и... на этомъ все и покончится! Сколько бы онъ ни надсаживался, все-таки дѣло не пойдетъ дальше невиннаго ухаживанія. Не можетъ быть и рѣчи о серьезной связи... Тогда какъ если бы ты былъ на его мѣстѣ...

— Какъ!—вскричалъ молодой человѣкъ съ удивленіемъ:—дѣло не дойдетъ до серьезной связи? Почему вы такъ думаете, смѣю васъ спросить?

— Но ты только посмотри на него! Можетъ ли такой мужчина возбудить настоящее чувство въ женщинѣ? Развѣ это мужчина? Развѣ въ немъ есть что-либо привлекательное?

— Развѣ что!—согласился Жакъ:—если вы думаете, что въ данномъ случаѣ это можетъ имѣть значеніе, то, конечно...

Онъ говорилъ съ видомъ человѣка опытнаго и знающаго женское сердце, знающаго, какъ часто женщины останавливаютъ вниманіе на ничтожныхъ, порочныхъ и болѣзненныхъ субъектахъ. Въ теченіе своей богатой любовными похожденіями жизни онъ не разъ видѣлъ, что женщина вдругъ увлекается безобразіемъ и какъ бы въ этомъ находитъ извиненіе своему увлеченію. Отдаться мужчинѣ не за его физическую красоту, а за интеллектуальную, возвышаетъ женщину въ собственныхъ глазахъ, льститъ ея тщеславію, не менѣе чувственности властвующему надъ женщиной и требующему удовлетворенія. Ей кажется, что такимъ образомъ грубость самаго „увлеченія" исчезаетъ и какъ бы стирается, и любовь дѣлается чѣмъ-то возвышеннымъ и утонченнымъ. Но маркиза не вѣрила въ такую мечтательную любовь, и не допуская, что женщина можетъ любить физически болѣзненнаго и непредставительнаго субъекта, каковъ былъ Ганюжъ, энергично настаивала на своемъ:

— Разумѣется, наружность составляетъ нѣчто! И я достаточно знаю вкусъ Сусанны, чтобы думать, что опасность можетъ

угрожать съ этой стороны. Что же касается тебя, то такъ какъ ты самъ говоришь, что не имѣешь надежды, то не лучше ли тебѣ вмѣсто того, чтобы изнывать здѣсь, не лучше ли тебѣ... отправиться путешествовать?..

Идея отправить путешествовать своего племянника, неожиданно пришедшая въ голову г-жи де-Гюре, необыкновенно какъ ей понравилась; физіономія ея прояснилась, и она продолжала съ увлеченіемъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, почему бы тебѣ не отправиться путешествовать, а? Въ Персію, напримѣръ? Ты вѣдь совсѣмъ незнакомъ съ этой страной,—такъ вотъ и пользуйся случаемъ, отправляйся. Въ это время года особенно полезно для здоровья путешествовать по Персіи!..

— Однако, тетя Шарлотта,—смѣясь, сказалъ молодой человѣкъ:—вы не шутя хотите положить между нами преградой моря и горы. Неужели же я такъ страшенъ въ вашихъ глазахъ? Знаете ли, что вы мнѣ этимъ очень льстите, право!

Маркиза вдругъ покраснѣла до корня волосъ и порывисто встала:

— Я вовсе тебя не боюсь, да и никого другого! Дѣлай такъ, какъ тебѣ кажется лучше, только оставь въ покоѣ Сусанну, объ одномъ прошу тебя!

III.

Когда въ половинѣ восьмого маркиза вошла въ гостиную, почти всѣ приглашенные были на-лицо. Маркизъ, удивленный неисправностью жены, хотѣлъ уже послать спросить ее, почему она не выходитъ.

Бѣлая матерія платья мягко облегала станъ маркизы, въ этомъ костюмѣ еще очень привлекательной, оставляя открытыми плечи и руки. Своей плавной, скользящей походкой маркиза подошла къ г-жѣ Жювизи, своей деревенской сосѣдкѣ, и къ молоденькой герцогинѣ де-Реаль, недавно только обвѣнчанной съ однимъ офицеромъ люневильскаго гарнизона; подойдя къ этимъ дамамъ, маркиза извинилась, что такъ долго не выходила къ своимъ гостямъ.

Жакъ, вглядѣвшись въ лицо тетки, пришелъ къ убѣжденію, что она плакала. Ея глаза какъ-то особенно блестѣли и нижнія вѣки казались помятыми.

— „Въ этомъ я виноватъ,—подумалъ онъ:—напрасно я ей

все разсказалъ. Разъ это вошло ей въ голову, она уже не успокоится, и тревога за свою племянницу будетъ возростать съ каждымъ днемъ. А между тѣмъ, стоитъ ли еще такъ безпокоиться! Бѣдная тетя Шарлотта!“ Онъ любилъ эту грубоватую, добрую женщину, окружавшую его одинокое дѣтство нѣжными попеченіями, любилъ и сознавалъ это.

Онъ чувствовалъ въ эту минуту къ ней глубокое уваженіе и признательность, и ему хотѣлось стать передъ нею на колѣни, какъ онъ это дѣлалъ ребенкомъ, когда желалъ съ ней помириться послѣ какой-нибудь глупой шалости, и сказать ей:

— Будемъ по прежнему друзьями, тетя!

Юный Монтрё, стоявшій возлѣ Жака, толкнулъ его подъ бокъ и сказалъ вполголоса, указывая глазами на маркизу:

— Твоя тетка сегодня необыкновенно привлекательна! Какія у нея плечи, руки, какая кожа! Посмотри-ка! Чтò бы ни говорили, а эта женщина еще можетъ, чортъ побери, хоть кому вскружить голову, право...

И переходя къ тому, чтò его больше всего интересовало:

— Супруги Миръ сегодня, кажется, у васъ не обѣдаютъ?— спросилъ онъ небрежно.

— Не все ли тебѣ равно?—отвѣчалъ Жакъ раздражительно.

— Конечно, не все равно! Это что-нибудь да составляетъ. Эта молоденькая дамочка такъ привлекательна. И, знаешь, мнѣ кажется, что разъ ея супругъ измѣнитъ ей, она не задумается отплатить ему тою же монетою!

— А ты наводилъ на этотъ счетъ справки?

— За кого ты меня принимаешь?.. Нѣтъ... не наводилъ, но другіе говорятъ... ты вѣдь знаешь Нанси?

— И ты думаешь, что если дѣйствительно г-жа Миръ будетъ за это мстить, то она тебя изберетъ орудіемъ своего мщенія?

— Я этого не говорю! Но, конечно, человѣкъ живетъ надеждою. Теперь, когда я почти открылъ тебѣ слабое мѣсто моего сердца, скажешь ты мнѣ наконецъ, мучитель, будетъ сегодня вечеромъ г-жа Миръ или нѣтъ?

— Да, будетъ... Вотъ она!..

Въ гостиную вошла Сусанна въ сопровожденіи своего мужа. Это былъ сорокалѣтній человѣкъ, высокій, массивный, съ довольно вульгарной внѣшностью и манерами. Юный Монтрё поспѣшилъ съ жаромъ пожать ему руку.

Сусанна сѣла и, замѣтивъ Жака, позвала его, сдѣлавъ знакъ рукой, но онъ притворился, будто не замѣчаетъ. Ему подумалось,

что она спѣшитъ задѣть его, а онъ былъ не въ такомъ настроеніи, чтобы спокойно перенести ея насмѣшки.

Маркиза, съ нѣкоторой тревогой наблюдавшая за Жакомъ, подошла къ нему.

— Пожалуйста, подойди къ Іоландѣ!—сказала она:—постарайся ее занять, а то ей, кажется, скучно!

Жакъ покорно поставилъ около герцогини де-Реаль маленькій пуфъ и принялся болтать съ ней, не выпуская изъ виду Сусанну, которая отъ души смѣялась чему-то, что̀ разсказывалъ ей юный Монтрё.

Іоланда де-Гардъ, дальняя родственница маркизовъ де-Гюре, вышла замужъ противъ воли родителей за герцога де-Реаль. Она принесла свою красоту, только-что расцвѣвшую, по двадцатой веснѣ ея жизни, и, кромѣ того, 200 тысячъ ливровъ дохода молодому герцогу, у котораго не было за душой ни гроша, и котораго она полюбила до безумія, сама не зная за что.

Гекторъ де-Реаль—высокомѣрный, обладавшій традиціонной красотой своей фамиліи, подпоручикъ драгунскаго полка—въ общемъ ни своей внѣшностью, ни характеромъ, ни умомъ не оправдывалъ восхищенія, внушеннаго имъ Іоландѣ; трудно было понять, чѣмъ могъ онъ плѣнить такую исключительную натуру, какою была его жена.

Элегантная, милая, безъ всякой претенціозности и жеманства, Іоланда была дѣйствительно аристократкой до конца ногтей. Въ ней во всемъ сказывалась порода. Стройная, съ гибкой таліей, съ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ лица, бѣлокурыми локонами, въ простомъ платьѣ съ прямыми складками, она напоминала изображенія дѣвственницъ на миніатюрахъ старинныхъ молитвенниковъ. Всего только три мѣсяца какъ она была замужемъ, а между тѣмъ бѣдная молоденькая герцогиня уже поняла все безуміе своего увлеченія, но она не потеряла чувства собственнаго достоинства, а готовилась твердо перенести тотъ крестъ, который посылала ей судьба. Въ болѣзненномъ состояніи перваго періода беременности, въ разлукѣ съ родными, благодаря обязанностямъ гарнизонной службы мужа, на первыхъ же порахъ измѣнявшаго ей и кутившаго въ Нанси съ дамами полу-свѣта и даже не старавшагося замаскировать свое поведеніе,—она сознавала, что погубила свою жизнь даромъ, и что ей предстоитъ далеко не радостное будущее. Всѣ относились съ особой почтительностью и уваженіемъ къ этой милой женщинѣ, одинокой и оставленной, которую даже называли поэтому „юной вдовой“, но, благодаря ея сдержанности и исполненному чувства собственнаго достоинства обращенію,

никому и въ голову не приходило, тѣмъ не менѣе, приставать къ ней съ выраженіемъ оскорбительнаго участія и сожалѣнія.

Жакъ оживленно болталъ съ нею, когда Гекторъ де-Реаль неожиданно спросилъ его, видимо заинтересованный:

— Послушайте, Гюре, кто такая эта прелестная женщина, которая говоритъ съ Монтрё?

— Это г-жа Миръ.

— Подруга вашей тетки?

— Крестница...

— А!.. Она замужемъ?

— Да.

— Можете вы меня представить?

— Ея мужу?..

— Нѣтъ, ей самой... для начала. Это единственная хорошенькая женщина на этомъ вечерѣ!..

Замѣтивъ, что жена его улыбнулась на эти слова своей милой, спокойной улыбкой, онъ рѣзко прибавилъ:

— Надобно замѣтить, моя милая Іоланда, что всегда исключаютъ тѣхъ, съ которыми говорятъ.

— Желаете вы, чтобы я васъ представилъ г-жѣ Миръ?— спросилъ Жакъ, котораго раздражалъ тонъ Реаля.

Они прошли на другой конецъ гостиной.

— Сусанна... вотъ герцогъ де-Реаль... Онъ желаетъ быть вамъ представленнымъ...

При приближеніи молодыхъ людей, Монтрё, сидѣвшій около г-жи Миръ, поднялся. Герцогъ занялъ безъ церемоніи его мѣсто, не дожидаясь приглашенія, и, пренебрегая обычными въ такихъ случаяхъ извиненіями, началъ выражать Сусаннѣ свой восторгъ.

— Жаль,—сказалъ юный Монтрё, отходя съ Жакомъ,—что на сегодняшнемъ вечерѣ нѣтъ нашего декадента: онъ бы былъ подъ пару этому Реалю!.. По нахальству они достойны другъ друга...

И такъ какъ Жакъ не отвѣчалъ ему на это ни слова, онъ продолжалъ:

— Какое мерзкое животное этотъ Реаль! О, будь я на мѣстѣ его жены, будь только я женщиною съ такою же красотою и двумя стами тысячъ ливровъ ренты... я зналъ бы, какъ поступить!

— Чтò же бы ты сдѣлалъ?

— Чтò-бы я сдѣлалъ? Да ужъ съумѣлъ бы воспользоваться своимъ положеніемъ!

Жакъ, вглядываясь въ блѣдное, изящное личико, уже немного поблекшее отъ горя, сидѣвшей противъ нихъ герцогини, отвѣчалъ:

— Бѣдное дитя, она не станетъ такъ пользоваться своимъ положеніемъ...

— Тѣмъ хуже! тѣмъ хуже! Она много потеряетъ!.. Ахъ, еслибы женщины знали... Чортъ возьми, я, кажется, еще не поздоровался съ г-жей Жювизи! Вотъ ужъ эта не стала бы много горевать, еслибы ея супругъ ей измѣнилъ!

Жакъ улыбнулся при одной мысли о способности г-на Жювизи измѣнить своей женѣ. Это былъ длинный, поджарый, хилый, истощенный человѣкъ, въ высшей степени благовоспитанный и „comme il faut“; онъ въ пятьдесятъ лѣтъ сохранялъ видъ благонравной скромности и скрытности молодого человѣка, только что вышедшаго изъ-подъ покровительства отцовъ іезуитовъ.

Г-жа Жювизи, въ противоположность своему мужу, не имѣла ни мало благонравнаго вида: это была женщина весьма полная, цвѣтущая и обольстительная, но въ существѣ добродушная и простая. Изъ другихъ гостей здѣсь были: графъ де-Глозъ, командиръ полка, въ которомъ служилъ де-Реаль; г-нъ Лувенъ, служившій въ егеряхъ, другъ маркиза де-Гюре; Губертъ де-Тренъ и Поль Лемеръ (пріятели Жака), и, наконецъ, г-нъ Дюпле, старый холостякъ, безобразный какъ смертный грѣхъ, но остроумный и обладавшій неистощимой веселостью.

Обѣдъ начался съ печальной торжественностью. Маркиза, болѣе блѣдная и нервная, чѣмъ обыкновенно, утратила всю свою обычную живость.

— Посмотри, съ какой пристальностью полковникъ созерцаетъ прелести твоей тетки!—сказалъ Жаку юный Монтрё, сидѣвшій за столомъ какъ разъ около него:—онъ ее положительно пожираетъ глазами! Точно пронзить хочетъ. Впрочемъ она сегодня дѣйствительно великолѣпна, тетушка-то твоя. Она имѣетъ видъ роскошной чайной розы. Женщины ея лѣтъ переживаютъ какъ бы вторую юность, вторичный расцвѣтъ. Ты этого не находишь?

— Да... это весьма возможно!—разсѣянно отвѣчалъ Жакъ, погруженный въ наблюденіе за г-жею Миръ, которой Реаль что-то говорилъ, наклонясь почти къ самому ея уху.

— Безъ всякаго сомнѣнія! Предположи, что вмѣсто того, чтобы быть твоею теткою, она—совершенно посторонняя для тебя женщина... Ты бы, клянусь, посмотрѣлъ на нее совсѣмъ иначе! Честное слово, порою меня такъ и подмываетъ начать за нею волочиться...

— Я тебѣ дозволяю это,—сказалъ насмѣшливо Жакъ.

— Потому что, ты думаешь, она меня спровадитъ съ моимъ ухаживаніемъ?

— Да, я это думаю.

— И я тоже. Ахъ, кстати... знаешь ли мнѣ одинъ офицеръ говорилъ о Дюгазонъ, которая будетъ у насъ осенью, что она обворожительна. Онъ видѣлъ ее въ Ліонѣ.

— Тѣмъ лучше для тебя... для васъ, хотѣлъ я сказать, такъ какъ, вѣроятно, васъ нѣсколько, которымъ...

— Смѣйся сколько тебѣ угодно! Если ты эту осень проведешь здѣсь, ты самъ увидишь. Однако, какъ Реаль-то старается!.. Но, кажется, безъ особаго успѣха. Г-жа Миръ не употребитъ его какъ орудіе мщенія, какъ ты думаешь?

— Говори потише!.. Мужъ близко...

А. Э.

НОВЫЕ СБОРНИКИ
СУДЕБНЫХЪ РѢЧЕЙ

— *С. А. Андреевскаго,* Защитительныя рѣчи. Спб., 1891.
— *К. Ф. Хартулари,* Итоги прошлаго. Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи. Спб., 1891.

Намъ нѣсколько разъ приходилось выражать сожалѣніе о томъ, что русскіе судебные ораторы такъ рѣдко издаютъ сборники своихъ рѣчей. Книга В. Д. Спасовича: „За много лѣтъ" долго оставалась единственною въ своемъ родѣ; прошло шестнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ за нею послѣдовали „Судебныя рѣчи" А. Ѳ. Кони. Теперь, наконецъ, въ этой отрасли литературы наступило усиленное движеніе. Въ началѣ нынѣшняго года вышелъ въ свѣтъ сборникъ рѣчей С. А. Андреевскаго, затѣмъ—сборникъ рѣчей К. Ф. Хартулари; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ожидается новое, значительно пополненное, изданіе рѣчей В. Д. Спасовича. Нужно полагать, что хорошій примѣръ найдетъ еще другихъ подражателей. Судебныя дѣла забываются, вообще говоря, такъ же скоро, какъ и газеты, въ которыхъ печатаются отчеты судебныхъ засѣданій. Сохранить изъ нихъ все то, что̀ заслуживаетъ сохраненія, можетъ только *книга,* а заслуживающими сохраненія представляются въ особенности судебныя рѣчи. Судебное слѣдствіе—матеріалъ слишкомъ тяжеловѣсный, слишкомъ загроможденный мелочами, повтореніями; судебныя пренія—квинтъ-эссенція этого матеріала, воспроизводящая всѣ существенныя его черты и освѣщающая ихъ яркимъ свѣтомъ. Цѣлые процессы во всей ихъ неприкосновенности могутъ быть полезнымъ

предметомъ изученія для спеціалистовъ; хорошо выбранныя судебныя рѣчи интересны для всякаго образованнаго читателя. Тщательный выборъ—вотъ, слѣдовательно, первое условіе, которому долженъ удовлетворять сборникъ судебныхъ рѣчей. Это, конечно, не значитъ, чтобы въ составъ сборника должны были входить исключительно рѣчи, произнесенныя по такъ-называемымъ „громкимъ“ дѣламъ. Степень вниманія, возбуждаемаго судебнымъ процессомъ, не всегда соотвѣтствуетъ его дѣйствительной важности. Занимательное или поучительное дѣло часто остается незамѣченнымъ вслѣдствіе отдаленности мѣста его производства или вслѣдствіе другихъ причинъ, столь же случайныхъ, и, наоборотъ, множество толковъ вызываетъ процессъ любопытный не самъ по себѣ, а только по участвующимъ въ немъ или прикосновеннымъ къ нему лицамъ. Существенно различнымъ бываетъ притомъ положеніе подсудимыхъ по тому же самому дѣлу; въ защитѣ одного изъ нихъ можетъ сосредоточиваться иногда вся „суть“ и соль процесса. Большое впечатлѣніе произвелъ, напримѣръ, процессъ директора духовно-учебнаго управленія при св. синодѣ, Гаевскаго, обвинявшагося (осенью 1866 г.) въ растратѣ казенныхъ денегъ. Это былъ первый случай привлеченія къ отвѣтственности, на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ, высокопоставленнаго должностного лица—и вмѣстѣ съ тѣмъ первый случай совокупной дѣятельности сената и суда присяжныхъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы теперь, двадцать пять лѣтъ спустя, представляла какой-либо интересъ защитительная рѣчь за купца Борова. Боровъ былъ преданъ суду вмѣстѣ съ Гаевскимъ, но игралъ въ дѣлѣ роль менѣе чѣмъ третьестепенную (онъ обвинялся въ томъ, что бралъ въ займы деньги у казначея духовно-учебнаго управленія, Яковлева, вопреки закону, по которому казначей не можетъ, безъ разрѣшенія начальства, заключать какія бы то ни было денежныя сдѣлки). Сборникъ г. Хартулари не потерялъ бы ровно ничего, еслибы изъ его состава были исключены, вмѣстѣ съ рѣчью по дѣлу Борова, еще нѣкоторыя другія, слишкомъ обыденныя и по содержанію, и по формѣ (таковы, напримѣръ, рѣчи по дѣламъ Волкова и Михайлова, Вульфа, Ледожнаго, Лаврентьева, Буянова). Въ сборникѣ г. Андреевскаго, гораздо меньшемъ по объему, мы можемъ указать только одну рѣчь, ничѣмъ не замѣчательную: это—рѣчь въ защиту гг. Нотовича и Василевскаго, обвинявшихся въ самомъ заурядномъ проступкѣ печати (оскорбленіи непремѣннаго члена уѣзднаго крестьянскаго присутствія). Не больше какъ курьезомъ представляется дѣло Лютостонскаго съ Цедербаумомъ.

Вторымъ внѣшнимъ условіемъ, которому долженъ, по нашему мнѣнію, удовлетворять сборникъ судебныхъ рѣчей, представляется сжатое, но достаточно ясное и полное изложеніе обстоятельствъ дѣла, къ которому относится данная рѣчь. До извѣстной степени эти обстоятельства выясняются, конечно, изъ самой рѣчи, но она понимается и усвоивается гораздо легче, если ей предпосланъ общій обзоръ процесса. Съ особенною точностью должна быть передана сущность обвиненія, взведеннаго на подсудимаго, и приговора, постановленнаго судомъ. Въ сборникѣ г. Хартулари вступленія къ отдѣльнымъ процессамъ страдаютъ иногда излишнею подробностью (въ особенности это можно сказать о дѣлѣ флигель-адъютанта Баранова, которому составитель сборника придаетъ, вообще, слишкомъ большое значеніе); въ сборникѣ г. Андреевскаго — чрезмѣрною краткостью, до крайности затрудняющею повѣрку сужденій и характеристикъ оратора. Въ дѣлѣ Вольфрамъ, напримѣръ, мы многому должны вѣрить на слово (или не вѣрить), потому что введеніе къ защитительной рѣчи даетъ намъ только внѣшнюю, сухую формулировку обвиненія, буквально заимствованную изъ обвинительнаго акта. Въ введеніи къ дѣлу Августовскаго не объяснено, въ какомъ именно убійствѣ обвинялся Августовскій — съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, или по внезапному побужденію, или въ запальчивости и раздраженіи, и вслѣдствіе этого нельзя опредѣлить, въ какой степени защита подѣйствовала на присяжныхъ (Августовскій признанъ виновнымъ въ убійствѣ, совершонномъ въ запальчивости и раздраженіи). За рѣчью по дѣлу Мироновича слѣдуетъ короткая замѣтка объ оправданіи Мироновича присяжными засѣдателями, между тѣмъ какъ при второмъ разборѣ дѣла Мироновича (именно томъ, въ которомъ принималъ участіе г. Андреевскій) присяжные вынесли сначала приговоръ условно-обвинительный и оправдали подсудимаго только тогда, когда были обращены предсѣдателемъ къ новому совѣщанію, вслѣдствіе неопредѣленности сдѣланной ими оговорки („да, виновенъ, но безъ преднамѣренія“). Между такимъ исходомъ дѣла и оправданіемъ безусловнымъ, сразу произнесеннымъ, существуетъ несомнѣнно весьма значительная разница. Ее необходимо имѣть въ виду, чтобы правильно понять впечатлѣніе, произведенное на присяжныхъ защитой Мироновича.

Судебныя рѣчи одной своей стороной соприкасаются съ общественной психологіей, другою — съ областью искусства. Содержаніе ихъ знакомитъ съ темными сторонами народной жизни, раскрываетъ несовершенство существующихъ порядковъ, обнаруживаетъ общія и частныя причины преступленій, а ихъ форма—

при извѣстной степени и извѣстномъ свойствѣ ораторскаго таланта — приближаетъ ихъ къ произведеніямъ такъ-называемой изящной литературы. Значительность содержанія судебной рѣчи предрѣшается отчасти предметомъ дѣла. Процессы Протопопова (оскорбленіе начальника), Разнотовскаго (покушеніе на убійство жены), Маргариты Жюжанъ (отравленіе гимназиста гувернанткой, состоявшей съ нимъ будто бы въ любовной связи) принадлежатъ, сами по себѣ, къ числу любопытныхъ страницъ русской жизни [1]). Дѣло Протопопова интересно, сверхъ того, по той роли, которую играла въ немъ—въ первый разъ со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ—психіатрическая экспертиза. Въ сборникѣ г. Андреевскаго аналогичное мѣсто занимаютъ дѣла Вольфрамъ и Мироновича. Попытки извлечь изъ дѣла общій выводъ, общее поученіе, встрѣчаются и у г. Хартулари, и у г. Андреевскаго; у перваго чаще, чѣмъ у послѣдняго. Защита Левенштейнъ, какъ и защита Вольфрамъ, иллюстрируетъ неудовлетворительность законовъ, охраняющихъ права женщины; въ защитѣ Бриллiантова мѣтко указаны недостатки нашей слѣдственной части; въ защитѣ Лебедева—пробѣлы строительнаго устава. Въ обоихъ сборникахъ можно найти прекрасные образцы детальнаго разбора уликъ; такова, напримѣръ, у г. Хартулари—рѣчь по дѣлу Кардашева; у г. Андреевскаго—бо̀льшая часть рѣчи по дѣлу Мироновича. Главная разница между обоими защитниками заключается въ томъ, что въ рѣчахъ г. Андреевскаго гораздо ярче выступаетъ на видъ индивидуальность автора, гораздо бо̀льшую роль играютъ черты, общія адвокату и художнику. Если бы мы захотѣли извлечь изъ разбираемыхъ нами книгъ матеріалъ для бытовыхъ этюдовъ, для характеристики русскаго общества послѣдней четверти XIX-го вѣка, намъ пришлось бы обращаться къ сборнику г. Хартулари столь же часто, какъ и къ сборнику г. Андреевскаго. Наша задача, однако, заключается не въ томъ: какъ и въ статьѣ о французской адвокатурѣ, такъ и въ статьѣ о судебныхъ рѣчахъ А. Ѳ. Кони [2]), насъ интересуетъ въ особенности *судебное краснорѣчіе*, съ его техническими пріемами, съ его психологіей, съ той окраской, которую оно получаетъ отъ личности оратора. Вотъ почему дальнѣйшія наши замѣтки будутъ посвящены почти исключительно книгѣ г. Андреевскаго.

Адвокату, сосредоточивающему все свое вниманіе на оцѣнкѣ

---

[1]) Защитникомъ по всѣмъ этимъ дѣламъ былъ г. Хартулари.

[2]) См. № 1 „Вѣстника Европы“ за 1886 г., и № 4 за 1888 г.

доказательствъ, собранныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, и выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ обвинителемъ, угрожаетъ опасность двоякаго рода: онъ можетъ отвести слишкомъ много мѣста полемикѣ съ прокуроромъ — и посвятить слишкомъ много усилій измѣненію настроенія, вызваннаго обвинительною рѣчью. Полемика — неизбѣжная составная часть защиты; но она не должна служить единственнымъ ея содержаніемъ, не должна (кромѣ развѣ самыхъ простыхъ случаевъ) исключать или замѣнять конструктивную работу, т.-е. изображеніе дѣла — и самого обвиняемаго — въ томъ свѣтѣ, въ какомъ ихъ видитъ защитникъ. Расплываясь въ подробностяхъ, можно упустить изъ виду цѣлое; изъ-за деревьевъ можно не увидѣть лѣса. Неизбѣжно и законно, далѣе, стремленіе защиты изгладить впечатлѣніе, произведенное прокуроромъ — но это стремленіе не оправдываетъ попытокъ разжалобить судей (напримѣръ, ссылками на семейное положеніе обвиняемаго) или запугать ихъ (напримѣръ, призракомъ судебной ошибки), или смягчить комплиментами и похвалами. Страстно-вызывающій тонъ по отношенію къ обвинителю, черезъ-чуръ сладкій, минорный или просительный тонъ по отношенію къ судьямъ — таковы самые обыкновенные недостатки защиты, отъ которыхъ далеко не всегда свободны даже весьма крупные ея представители. Понижая, и съ нравственной, и съ художественной точки зрѣнія, уровень защитительной рѣчи, они далеко не всегда способствуютъ ея практическому успѣху, т.-е. достиженію цѣли, къ которой она непосредственно стремится (оправданію подсудимаго или возможно бóльшему смягченію его участи). Рѣзкія выходки противъ прокурора заставляютъ думать, что энергіей выраженій прикрывается недостаточность содержанія; captatio benevolentiae приводитъ, сплошь и рядомъ, къ прямо противоположному результату [1]). Лучшая гарантія противъ ошибокъ того и другого рода — это желаніе и умѣнье найти главную точку опоры не столько въ слабыхъ сторонахъ обвиненія, сколько въ сильныхъ сторонахъ защиты, не столько въ измѣнчивомъ чувствѣ, сколько въ прочномъ убѣжденіи судей. Чѣмъ глубже обдумана защитительная рѣчь, чѣмъ нагляднѣе защитникъ представляетъ себѣ и слушателямъ картину событія и личность обвиняемаго, тѣмъ меньше надобности прибѣгать къ избитымъ ораторскимъ замашкамъ, обрушиваться на прокурора, разсыпаться передъ судьями. Убѣдительнымъ доказательствомъ этому

---

[1]) Само собою разумѣется, что все сказанное нами о защитѣ примѣнимо, mutatis mutandis, и къ обвиненію, отъ котораго зависитъ, сплошь и рядомъ, самый характеръ защиты. Обвинитель говоритъ первымъ; его умѣренность невольно сдерживаетъ защитника — и наоборотъ.

служатъ рѣчи г. Андреевскаго. Въ возраженія обвинителю онъ не вноситъ ничего крикливаго, раздражительнаго; замѣчанія его о назначеніи суда, о роли судей свободны отъ общихъ мѣстъ, отъ банальныхъ призывовъ къ справедливости и милосердію. Если онъ кореннымъ образомъ расходится съ обвинителемъ въ характеристикѣ обвиняемаго, онъ подчеркиваетъ это разногласіе въ формѣ по возможности безличной. „Конечно,—восклицаетъ онъ, напримѣръ, въ защитѣ Вольфрамъ,—съ извѣстной точки зрѣнія пріятно и полезно поймать образцоваго, типическаго злодѣя и въ назиданіе прочимъ подвергнуть его вивисекціи на судѣ. Но невозможно одно: невозможно карать плоды фантазіи, когда живые образцы громко протестуютъ противъ своего сходства съ вымышленнымъ портретомъ". Въ рѣчи по дѣлу Мироновича упреки прокурорскому надзору, несмотря на всю свою силу, не имѣютъ жгучаго характера, потому что обращены не прямо противъ доводовъ обвинителя, стоящаго лицомъ къ лицу съ защитой, а противъ ряда дѣйствій, исходящихъ отъ цѣлаго учрежденія. Нигдѣ у г. Андреевскаго нѣтъ такихъ укоровъ противнику, какими начинаются, напримѣръ, рѣчи г. Хартулари по дѣламъ Разнатовскаго, Дюкова, Шебалиной; нигдѣ и никогда онъ не обвиняетъ прокурора въ „извращеніи" фактовъ, въ полнѣйшемъ забвеніи правъ и обязанностей присяжныхъ. Нѣтъ у г. Андреевскаго и такихъ приступовъ къ защитѣ, какъ удивленіе „необыкновенному вниманію и терпѣнію" присяжныхъ (рѣчь г. Хартулари по дѣлу Жюжанъ) или заявленіе о тревогѣ, овладѣвшей-было защитникомъ, но разсѣянной ходомъ судебнаго слѣдствія (рѣчь г. Хартулари по дѣлу Разнатовскаго). Мы очень хорошо знаемъ, что подобныя вступленія могутъ быть и бываютъ искренними—но они скорѣе ослабляютъ, чѣмъ усиливаютъ защиту. Во Франціи ихъ допускаетъ и почти требуетъ давно укоренившійся обычай; у насъ они являются приставкой, ни для кого и ни для чего ненужной. Разъясненіе, чего именно защитникъ ожидаетъ отъ суда, цѣлесообразно только тогда, когда особенности даннаго случая позволяютъ опасаться недоразумѣній — и только въ той мѣрѣ, въ какой слова защитника не составляютъ простого повторенія всѣмъ извѣстныхъ истинъ. Подсудимый сознался, обстоятельства дѣла совершенно ясны; къ чему—защита? не лучше ли было бы прямо приступить къ постановленію приговора? Это можетъ придти въ голову присяжнымъ — и вотъ почему г. Андреевскій былъ совершенно правъ, предпосылая защитѣ Зайцева и Вольфрамъ нѣсколько общихъ, но далеко не банальныхъ разсужденій о призваніи защиты. „Когда совершается какое-нибудь преступленіе, — читаемъ мы въ рѣчи

по дѣлу Зайцева,—то предполагается, что всѣ и каждый заинтересованы въ наказаніи виновнаго. Отъ имени общества, отъ имени *всѣхъ* прокуроръ возбуждаетъ преслѣдованіе; здѣсь его устами говорятъ *всѣ* противъ *одного*. Не забудьте: всѣ—противъ одного... въ судѣ! Какой же бы это былъ судъ, еслибы у этого одного не было никакого орудія для борьбы со всѣми?! Это орудіе—дарованная закономъ защита". Дальнѣйшимъ развитіемъ той же мысли служитъ вступленіе къ защитѣ Вольфрамъ. Подробное изслѣдованіе событія, несмотря на сознаніе подсудимаго, необходимо,—говоритъ защитникъ, — „потому что судъ присяжныхъ есть судъ общественный, у дверей котораго толкутся живыя нужды и недуги времени. Еслибы судъ былъ замкнутъ отъ наружнаго свѣта и жизни, какъ замкнутъ почтовый ящикъ; еслибы ему было такъ же безразлично содержаніе вступающихъ въ него дѣлъ, какъ этому ящику безразлично содержаніе бросаемыхъ въ него писемъ, тогда можно было бы отправлять правосудіе механически, только прикладывая къ дѣламъ штемпель закона. Но вы, совершенно незнакомые съ юриспруденціей и доступные только живому голосу правды—вы такъ судить не можете". Совершенно вѣрная мысль облечена здѣсь въ такой мѣткій образъ, что она непремѣнно должна была поразить присяжныхъ и сдѣлать ихъ внимательными къ словамъ защитника. Юристы—замѣчаетъ г. Андреевскій въ рѣчи по дѣлу Августовскаго—„опредѣляютъ нормы вмѣняемости, психіатры создаютъ классификацію душевныхъ страданій; но мы часто видимъ, что простой человѣкъ, призванный въ составъ присяжныхъ засѣдателей, отвергаетъ самые категорическіе выводы юристовъ и экспертовъ. Подсудимаго, не отнесеннаго ни къ какимъ категоріямъ невмѣненія, онъ, на своемъ языкѣ житейскаго здраваго смысла, называетъ *страннымъ*—и это слово такимъ бременемъ ложится на его совѣсть, что его рука не поднимается на обвиненіе".

Изъ того же источника, какъ и излишне-рѣзкія нападенія на прокурора, какъ и излишне-страстныя мольбы, обращенныя къ суду, проистекаетъ иногда еще одна ошибка: полнѣйшее отождествленіе защиты съ объясненіями обвиняемаго, поддерживаніе ихъ во что бы то ни стало, какъ бы очевидна ни была ихъ несостоятельность. Отъ этой ошибки г. Андреевскій столь же далекъ, какъ и отъ другихъ, раньше указанныхъ нами увлеченій. „Когда я получилъ порученіе отъ суда защищать подсудимаго,—говоритъ г. Андреевскій въ рѣчи по дѣлу Августовскаго, — я сознавалъ, что мнѣ невозможно заставить Августовскаго отказаться отъ его собственныхъ воззрѣній на дѣло. Я предоставилъ ему

полную свободу въ системѣ оправданій на судебномъ слѣдствіи, но сохранилъ и за собою полную самостоятельность защиты. Между нами, во многихъ случаяхъ, не будетъ никакой солидарности, и мое объясненіе передъ вами будетъ отчетомъ о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и выводахъ". Подсудимая — читаемъ мы въ рѣчи по дѣлу Вольфрамъ—„не услышитъ отъ меня похвалы своему поступку. Онъ еще остается на ней пятномъ, которое такъ хотѣлось бы снять съ ея души, способной увлекаться хорошимъ. Я не оставлю въ ея воспоминаніи моего сочувствія тому, что̀ въ ней было дѣйствительно дурно. Я привѣтствую и власть, которая призвала ее къ отчету передъ судомъ, и тюрьму, которая заставила ее сосредоточиться, одуматься". Именно такъ долженъ относиться защитникъ къ своему кліенту, не только въ интересахъ правды и общественной нравственности, но даже въ интересахъ, правильно понятыхъ, самого подсудимаго. Вѣрное освѣщеніе дѣла—болѣе надежный путь къ оправдательному или снисходительному приговору, чѣмъ обѣленіе подсудимаго per fas et nefas.

Судебныя рѣчи рѣдко бываютъ свободны отъ многословія и повтореній. Этому есть причины, коренящіяся въ самыхъ условіяхъ судоговоренія. Въ составъ судебныхъ преній всегда входитъ элементъ импровизаціи. Есть, правда, обвинители и защитники, заранѣе составляющіе свои рѣчи и выучивающіе ихъ наизусть или прочитывающіе ихъ такъ искусно, что онѣ производятъ впечатлѣніе живого слова; но и такіе ораторы кое-что вносятъ въ рѣчь экспромтомъ, потому что нельзя предусмотрѣть все могущее обнаружиться на судебномъ слѣдствіи, а дополнить написанное, въ промежутокъ между слѣдствіемъ и преніями, рѣдко позволяетъ время. Чѣмъ меньше въ рѣчи подготовленнаго заранѣе, тѣмъ труднѣе дается оратору сжатость формы. Накопленіе и нагроможденіе эпитетовъ, вставочныхъ предложеній, плеоназмовъ является почти неизбѣжнымъ, потому что это позволяетъ мысли забѣгать впередъ и останавливаться на слѣдующемъ звенѣ, слѣдующемъ фазисѣ аргументаціи. Для судей и въ особенности для присяжныхъ тавтологія обвинителя или защитника, если только она не идетъ дальше извѣстной границы, имѣетъ свою полезную сторону; она облегчаетъ запоминаніе и усвоеніе доводовъ оратора. Выраженные коротко, въ возможно-мѐньшемъ числѣ словъ и предложеній, они слѣдовали бы другъ за другомъ такъ быстро, что многіе изъ нихъ могли бы остаться незамѣченными. Импровизаторъ, въ большинствѣ случаевъ, говоритъ скоро; противовѣсомъ напряженію, требуемому этою скоростью отъ слушателей,

служитъ нѣкоторый избытокъ словъ, замедляющій теченіе мысли. Совершенно инымъ является положеніе читателей; для нихъ многословіе оратора—*только* недостатокъ, ничѣмъ не уравновѣшиваемый и не вознаграждаемый. Впечатлѣніе, получаемое отъ *напечатанной* судебной рѣчи, далеко не всегда, поэтому, совпадаетъ съ тѣмъ, которое она произвела на слушателей. Рѣчи г. Андреевскаго теряютъ въ печати сравнительно мало, потому что у него мало лишнихъ словъ. Его фраза, бо̀льшею частью, коротка и не топчется на одномъ мѣстѣ. Весьма вѣроятно, что многое въ его рѣчахъ было написано заранѣе—но едва ли этимъ однимъ объясняется ихъ сжатость. На адвоката, въ данномъ случаѣ, вліяетъ писатель—писатель строгій къ самому себѣ и другимъ, придающій громадное значеніе внѣшней формѣ, высоко цѣнящій рѣдкіе эпитеты (l'épithète rare) и больше всего опасающійся банальности. Въ „Литературныхъ чтеніяхъ“ г. Андреевскаго мы узнаемъ манеру, свойственную его судебнымъ рѣчамъ; только въ критическихъ статьяхъ она еще болѣе замѣтна, потому что здѣсь, за совершеннымъ отсутствіемъ импровизаціи, ей ничего не мѣшаетъ.

Сжатость защитительной рѣчи, разсматриваемой какъ одно цѣлое, зависитъ, кромѣ разборчивости въ выборѣ словъ, еще отъ одного условія: отъ выбора пріемовъ и средствъ защиты. Тщательно обдуманный и точно исполненный планъ—это необходимая принадлежность всякой хорошей судебной рѣчи, все равно, импровизованной или заранѣе написанной; г. Андреевскому она свойственна не больше и не меньше, чѣмъ всякому другому способному и добросовѣстному защитнику. Различными, однако, могутъ быть самые планы; различнымъ можетъ быть отношеніе къ матеріалу, представляемому судебнымъ слѣдствіемъ и обвинительною рѣчью. Можно задаться мыслью исчерпать *весь* этотъ матеріалъ, не оставить неопровергнутымъ ни одного факта, говорящаго противъ подсудимаго, ни одного довода, приведеннаго обвинителемъ—и можно, наоборотъ, сосредоточить всѣ усилія на немногихъ, наиболѣе важныхъ пунктахъ, едва затрогивая остальные. Понятно, что при второмъ способѣ дѣйствій гораздо легче быть краткимъ, чѣмъ при первомъ. Именно его, въ большинствѣ случаевъ, держится г. Андреевскій; изъ всѣхъ его рѣчей, вошедшихъ въ составъ сборника, безусловною полнотою отличается только одна—по дѣлу Мироновича. Абсолютнаго преимущества нельзя признать ни за тѣмъ, ни за другимъ методомъ; къ однимъ дѣламъ больше подходитъ первый, къ другимъ—послѣдній. Много значитъ, при этомъ, и степень опытности защитника. Система,

предпочитаемая г. Андреевскимъ, всегда сопряжена съ нѣкоторымъ рискомъ. Неважное въ глазахъ защитника можетъ показаться весьма важнымъ съ точки зрѣнія присяжныхъ; склонить вѣсы противъ подсудимаго можетъ какъ разъ то обстоятельство, о которомъ ничего или почти ничего не сказано въ защитительной рѣчи. Чтобы опредѣлить, съ приблизительною точностью, вѣроятность или невѣроятность такого разномыслія, чтобы довести до минимума шансы ошибки нужно обладать большою проницательностью, большимъ навыкомъ, большимъ умѣньемъ переноситься на мѣсто присяжныхъ и ихъ глазами смотрѣть на дѣло. Начинающимъ адвокатамъ система „сосредоточенной защиты"—назовемъ ее такъ для краткости—рекомендована быть не можетъ; но въ рукахъ привычныхъ и искусныхъ она представляетъ большія удобства. Есть случаи, въ которыхъ молчаніе—самое лучшее возраженіе; ничего не сказать противъ слабыхъ сторонъ обвиненія —значитъ, иногда, избрать самое вѣрное средство къ ихъ обезсиленію. Если для оправданія подсудимаго достаточно доказать какое-нибудь одно положеніе, то присоединеніе къ нему другого —или другихъ—можетъ быть истолковано въ смыслѣ неувѣренности въ первомъ; а неувѣренность защитника, хотя бы только кажущаяся, можетъ вызвать колебанія въ умѣ присяжныхъ. Представимъ себѣ, что защита оспариваетъ событіе преступленія, отрицая, напримѣръ (какъ г. Андреевскій—въ дѣлѣ братьевъ Келешъ), самый фактъ поджога; представимъ себѣ, дальше, что, покончивъ съ этимъ тезисомъ, защита допуститъ, условно, возможность поджога и начнетъ доказывать, что онъ не былъ и не могъ быть произведенъ подсудимымъ. Присяжнымъ это весьма легко можетъ внушить размышленіе такого рода: не твердо же, однако, убѣжденіе защиты въ несуществованіи поджога, если она считаетъ нужнымъ утверждать, что поджигателемъ не былъ подсудимый! Безспорно, бываютъ случаи, когда эвентуальная защита совершенно неизбѣжна, когда необходимо предусмотрѣть всѣ комбинаціи обвинительныхъ данныхъ, разобрать всѣ гипотезы, отпарировать всѣ нападенія; но если есть возможность дѣйствовать иначе, если есть основательная надежда достигнуть цѣли, ограничившись однимъ рѣшительнымъ ударомъ, то защита получаетъ цѣльность, служащую источникомъ большой внутренней силы. Еще больше она выигрываетъ при этомъ съ точки зрѣнія, если можно такъ выразиться, эстетической—въ смыслѣ замкнутости, закругленности, концентраціи эффектовъ. Устраняются длинноты, отбрасывается несущественное и второстепенное; свѣтъ падаетъ на одну точку и уже отъ нея отражается на все остальное. Осо-

бенно типичной, по своей сосредоточенности, является рѣчь г. Андреевскаго по дѣлу Келешъ. Глубоко убѣжденный, что пожаръ произошелъ не отъ поджога, защитникъ старается передать это убѣжденіе присяжнымъ—и когда ему кажется, что цѣль его достигнута, онъ заключаетъ свою рѣчь короткимъ перечнемъ уликъ, выставленныхъ противъ подсудимыхъ. И дѣйствительно, всѣ эти улики производятъ впечатлѣніе карточнаго домика, падающаго отъ самаго легкаго прикосновенія. Для читателей, какъ и для присяжныхъ, невиновность братьевъ Келешъ становится совершенно несомнѣнной.

Художественная жилка въ талантѣ г. Андреевскаго оказываетъ ему еще другую услугу: онъ *видитъ* описываемое имъ или хотя бы только имъ воображаемое, видитъ съ такою ясностью, что его глазами начинаютъ смотрѣть и слушатели его или читатели. Въ табачной кладовой братьевъ Келешъ произошелъ пожаръ. Защитнику нужно доказать, что причина пожара была чисто случайная. Онъ рисуетъ, съ этою цѣлью, картину медленнаго, постепеннаго распространенія огня—такого медленнаго и постепеннаго, какимъ оно не могло бы быть при намѣренномъ поджогѣ. „Еще въ десять часовъ вечера, за цѣлыхъ два часа до того, какъ сильный запахъ гари и туманъ дыма вызвали настоящую тревогу, Некрасовъ (одинъ изъ свидѣтелей) чуялъ въ воздухѣ сосѣдняго двора тонкій запахъ той же самой гари, только послабѣе. Первое пламя занялось только тогда, когда выбили окна и впустили въ кладовую воздухъ. Что же это значитъ? Это значитъ, что причина пожара была крошечная, дѣйствовавшая очень вяло, едва замѣтно —причина такая слабая, что она вызывала только перетлѣваніе, дымленіе, чадъ и не вызывала огня. Только пустякъ, только непотушенная папироска, запавшая искорка могла дѣйствовать такимъ образомъ. Отъ искорки гдѣ-то затлѣлся табакъ. Воздухъ сухой, въ кладовой нажарено амосовскою печью; табакъ тлѣетъ и тлѣетъ, дымитъ, пламени не даетъ, но жаръ переходитъ отъ одного слоя табаку къ другому; чѣмъ больше его истлѣло, тѣмъ больше просушились сосѣдніе слои—тихонько и тихонько работа внутри кладовой продолжается. Надымило сперва рѣдкимъ дымомъ, а потомъ и погуще. Вотъ ужъ дыму столько, что его тянетъ наружу; потянулись струйки, черезъ оконныя щели на воздухъ, стали бродить надъ дворомъ фабрики, потянулись за вѣтромъ на сосѣдній дворъ, но еще ихъ мало, на морозномъ воздухѣ ихъ не расчуешь, да если и почуешь, то не обратишь вниманія. Но вотъ дымный запахъ крѣпчаетъ на фабричномъ и на сосѣднемъ дворѣ. Его уже довольно явственно слышитъ Некрасовъ. Но и тотъ не при-

даетъ ему значенія: мало ли, дескать, отчего и откуда, въ зимнюю пору, дымить можетъ. Еще два часа проходитъ—и гарь такъ постепенно, такъ неуловимо увеличивается, что только къ концу этого срока жильцы двухъ сосѣднихъ дворовъ озаботились наконецъ и стали доискиваться причины". Всѣ различные фазисы пожара нарисованы здѣсь такъ живо, что мы точно присутствуемъ при медленной ихъ смѣнѣ—и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно подходимъ къ заключенію, которое выводитъ изъ нихъ защитникъ. „Могъ ли прибѣгнуть къ такой причинѣ, къ такому медленному и невѣрному средству человѣкъ, который желаетъ, умышляетъ, устроиваетъ такъ, чтобы пожаръ произошелъ *непремѣнно*? Нѣтъ, не могъ. Такія штуки выкидываетъ только случай, а не умыселъ. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, зажженной папироской сдѣлать пожаръ—мудреное дѣло; а сколько пожаровъ именно происходитъ отъ неосторожно брошенной папиросы!" Такою же наглядностью отличается описаніе таможни въ защитѣ Айканова, изображеніе полицейскаго обыска, со всѣми его послѣдствіями, въ защитѣ Августовскаго. Вездѣ, гдѣ это возможно и полезно, мысль г. Андреевскаго иллюстрируется картинами, дѣлающими ее болѣе доступной и болѣе убѣдительной для присяжныхъ. Въ дѣлѣ Гальперна защитѣ нужно обратить вниманіе присяжныхъ на отдаленность событій, послужившихъ поводомъ къ процессу. Векселя, подлинность или подложность которыхъ составляла предметъ спора, появились около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. „Легко назвать эту цифру, —восклицаетъ защитникъ,—а попробуйте оглянуться, вообразить себѣ этотъ громадный промежутокъ времени. Вѣдь это, значитъ, во время перваго векселя едва только начинали въ Россіи щипать корпію для болгаръ! А потомъ уже была турецкая война: она возгорѣлась, длилась и кончилась; потомъ пошли страшныя внутреннія потрясенія въ Россіи; сколько треволненій, сколько новыхъ законовъ,—потомъ новое царствованіе, почти десять лѣтъ новаго царствованія! Сколько героевъ, полководцевъ было и сплыло, сколько красавицъ сдѣлались старухами!" Весьма вѣроятно, что это вступленіе помогло присяжнымъ согласиться съ заключительными словами защитника: „черезъ пятнадцать лѣтъ впервые отвѣтить человѣку за его проступокъ наказаніемъ—это что-то противное нашей природѣ! Я могу сказать правосудію: бери, хватай, наказывай меня вò-время, но не отнимай у меня цѣлой четверти моей жизни въ выжиданіи твоего отвѣта! Я страдаю, я, наконецъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ дѣлаюсь; ты караешь уже не того, кто виновенъ, ты караешь другого... Посмотрите каждый на себя

за пятнадцать лѣтъ назадъ, и сознайтесь, что каждый изъ васъ теперь уже другой" [1]).

Въ рѣчахъ защитника-поэта и критика не можетъ, конечно, не играть большой роли психологическій элементъ, почти неизбѣжный, впрочемъ, въ каждой сколько-нибудь выдающейся судебной рѣчи. И дѣйствительно, защиты г. Андреевскаго даютъ богатый матеріалъ для разработки вопроса о значеніи психологіи въ уголовномъ процессѣ. Всего лучше психологическій анализъ удается г. Андреевскому тогда, когда для него имѣется, въ обстоятельствахъ дѣла, прочная фактическая основа. Въ процессѣ Мироновича, напримѣръ, такой основой послужили показанія Семеновой. Защитникъ воспользовался ими съ большимъ искусствомъ, чтобы доказать, путемъ психологическихъ наведеній, виновность Семеновой и, слѣдовательно, невиновность Мироновича. Установивъ, что обстановка преступленія прямо указывала на участіе въ немъ какой-то женщины, г. Андреевскій выставляетъ на видъ всю странность недовѣрія, съ которымъ было встрѣчено обвинительною и слѣдственною властью сознаніе Семеновой. Чтò сказалъ бы себѣ, узнавъ объ этомъ сознаніи, „знаменитый слѣдователь Порфирій—идеальный слѣдователь Достоевскаго? Онъ сказалъ бы: наконецъ-то! я зналъ, что отсюда получится свѣтъ. А чтò сказали въ нашемъ дѣлѣ? Читайте сами въ обвинительномъ актѣ: таковы были обстоятельства дѣла, *какъ вдругъ неожиданно* явилась женщина... Понимаете ли вы теперь, гг. присяжные, всю непростительность этого: *неожиданно*!! Именно—непростительность, потому что какъ возможно было не ожидать того, безъ чего все было во мракѣ, безъ чего нельзя было двигаться впередъ?" Предвзятый взглядъ, выразившійся въ словѣ: *неожиданно*, отразился и на дальнѣйшемъ отношеніи слѣдователей и прокуроровъ къ показаніямъ Семеновой. Въ системѣ провѣрки, которой эти показанія подверглись, „дѣйствовалъ параллельно двойной пріемъ: Семенова чего-нибудь не помнитъ—дѣлаютъ выводъ, что она не знаетъ, она невинна; Семенова что-нибудь разительно ясно передаетъ—говорятъ: она заучила. Такъ вѣдь никогда не переспоришь, потому что противъ насъ играютъ безъ проигрыша". Стоитъ только откинуть предубѣжденіе—и объясненія Семеновой явятся въ совершенно иномъ свѣтѣ; отъ нихъ „повѣетъ ужасомъ правды". „Подставной убійца,—восклицаетъ г. Андреевскій,—можетъ заучить подробности, но онъ въ нихъ никогда не вдох-

[1]) Два векселя изъ числа трехъ, которые были предъявлены Гальперномъ ко взысканію, признаны, по рѣшенію присяжныхъ, подложными, но Гальпернъ по обвиненію въ подлогѣ оправданъ.

нетъ жизни. Только настоящій убійца скажетъ вамъ, напримѣръ, что онъ послѣ преступленія шарилъ въ темныхъ комнатахъ, пользуясь свѣтомъ изъ сосѣднихъ квартиръ; для того, который выдумалъ свое сознаніе, не страшно было бы и со свѣчкой прохаживаться. Только виновный найдетъ эти слова для передачи слышанныхъ звуковъ, какъ выраженіе Семеновой: она (Сарра Бенкеръ) закричала какимъ-то болтающимся языкомъ,—выраженіе, признанное однимъ изъ экспертовъ передающимъ въ точности послѣдствія сотрясенія мозга. Семенова говоритъ: съ лица у меня струился потъ, такъ какъ я была въ пальто и шляпѣ. Вотъ она, неподражаемая правда! Тотъ, кто описывалъ бы убійство съ помощью воображенія, тотъ могъ бы сказать: съ меня струился холодный потъ, я весь содрогался отъ ужаса и т. п. Но только тотъ, кто продѣлалъ всю гимнастику убійства, только тотъ въ состояніи такъ просто объяснить, какъ ему мѣшало, какъ его грѣло теплое платье. А дальше? Когда Семенова описываетъ мученія совѣсти и призракъ убитой, она пишетъ: Сарра меня преслѣдовала—то бокомъ, то прямо смотрѣла на меня или стояла въ своемъ длинномъ ватерпруфѣ со шлейфомъ... Да здѣсь Семенова просто даетъ вамъ руками осязать видѣніе своего мозга! Извѣстно, что Сарра Беккеръ найдена убитою въ чужомъ, не по росту длинномъ ватерпруфѣ. Кто видѣлъ ее мелькомъ, на плохо освѣщенной лѣстницѣ, или кто видѣлъ ее мертвою на креслѣ, гдѣ ватерпруфъ подъ нею сбился, тому не пришло бы и въ голову обратить на это вниманіе, представить себѣ движущуюся фигуру покойной въ этомъ нарядѣ. Но тотъ, кто съ ужасною мыслью въ душѣ, жадными глазами, за спиной дѣвочки, слѣдилъ за ней, когда она беззаботно двигалась въ этомъ нарядѣ по кассѣ, тотъ, конечно, до послѣдняго своего дня не забудетъ шлейфа Сарры Беккеръ!"... Въ дѣлѣ Августовскаго такимъ же драгоцѣннымъ матеріаломъ для защиты послужили письма и дневникъ подсудимаго. „Слогъ Августовскаго тороплнвъ, безпорядоченъ и въ большинствѣ случаевъ теменъ. Давно уже высказана истина, что слогъ человѣка—это онъ самъ, и если внутренняя жизнь Августовскаго такъ сбивчива и туманна, невѣрна и поспѣшна, какъ его письма и рѣчи, то вотъ уже основаніе, чтобы поглубже призадуматься надъ этимъ дѣломъ". Осуждая другихъ, Августовскій, въ своемъ дневникѣ, ни разу, ни на минуту, не допускаетъ мысли, чтобы онъ самъ въ чемъ-нибудь могъ быть виноватъ. „Это недостатокъ,—замѣчаетъ защитникъ,—но недостатокъ, дѣлающій подсудимаго еще болѣе достойнымъ сожалѣнія. Сознаніе своихъ ошибокъ и пороковъ составляетъ для насъ облег-

чающій противовѣсъ гнетущей тяжести горя. Когда говоришь себѣ: я отчасти виноватъ, я заслужилъ... тогда не столь жестокою кажется судьба". Въ этихъ словахъ много правды, и въ примѣненіи къ Августовскому они должны были имѣть тѣмъ бо̀льшую силу, что поводомъ къ нимъ послужили несомнѣнныя данныя, заимствованныя изъ прошлой жизни подсудимаго.

Гораздо труднѣе задача защитника, когда для возстановленія того или другого настроенія, того или другого момента душевной жизни обвиняемаго, приходится прибѣгать къ догадкамъ, къ предположеніямъ, лишеннымъ непосредственныхъ фактическихъ подпоровъ. У г. Андреевскаго такія предположенія поражаютъ иногда своею мѣткостью. Обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину Зайцева—молодого человѣка, почти мальчика, сознавшагося въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія—выставлялось количество ранъ, нанесенныхъ жертвѣ преступленія. „Намъ пересчитываютъ раны,—возражаетъ на это защитникъ,—измѣряютъ ихъ дюймами, слѣдятъ за поворотомъ топора, какъ будто все это имѣло какое-либо значеніе! Посмотрите на разбитые вагоны послѣ крушенія поѣзда; кажется, сколько времени и труда нужно было употребить на то, чтобы расщепить эти кресла, поломать печи, разбить окна! А между тѣмъ все это было дѣломъ одного мгновенія. Здѣсь дѣйствовала такая же страшная, слѣпая сила. Зайцевъ теперь навѣрное не можетъ себѣ составить никакого представленія ни о времени, употребленномъ на преступленіе, ни о количествѣ ударовъ". Столь же удачно опровергается защитникомъ значеніе покупки топора (наканунѣ преступленія), какъ указанія на заранѣе обдуманное намѣреніе совершить убійство. „Для чего подсудимый купилъ топоръ—это не вполнѣ выяснилось, но вы можете думать, что для убійства. Какъ у него руки не дрожали, спросите вы, когда онъ покупалъ это страшное орудіе? Очень просто: онъ думалъ—вѣдь это еще не самое преступленіе, мало ли на что можетъ пригодиться топоръ? Что-жъ, что я его покупаю? Сдѣлаю разножки для лотка... А не то брошу... Къ сожалѣнію, Зайцевъ не психологъ. Онъ не зналъ, что, купивъ послѣ такихъ мыслей топоръ, онъ попадалъ въ кабалу къ этой глупой вещи, что топоръ съ этой минуты станетъ живымъ, что онъ будетъ безмолвнымъ подстрекателемъ, что завтра онъ будетъ служить осязательнымъ слѣдомъ вчерашняго умысла и будетъ самъ проситься подъ руку". Въ той же рѣчи можно найти, однако, и гораздо менѣе удачныя примѣненія психологическаго метода. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ г. Андреевскій душевное состояніе Зайцева передъ совершеніемъ преступленія: „онъ чувствовалъ,

что для завладѣнія деньгами нужно совершить нѣчто ужасное, но онъ, вѣроятно, даже побоялся назвать въ своихъ мысляхъ это ужасное; онъ, вѣроятно, подумалъ: нужно *удалить* сидѣльца, а не *убить*. Онъ зналъ, что *удалять* будетъ не легко, страшно, что у него память отшибетъ на это время, что онъ будетъ опьяненъ, хлороформированъ, какъ во время операціи, но онъ думалъ—несчастное заблужденіе всѣхъ убійцъ,—что послѣ операціи онъ будетъ здоровъ, что онъ купитъ счастье всей жизни". Необразованному, неразвитому юношѣ приписывается здѣсь такая умственная работа, которая возможна только при извѣстной степени начитанности и вдумчивости, при умѣньѣ воображать будущія ощущенія и сравнивать ихъ съ другими, извѣстными по собственному опыту или по наслышкѣ. Ошибку другого рода мы видимъ въ томъ мѣстѣ рѣчи по дѣлу Августовскаго, гдѣ идетъ рѣчь о моментѣ, непосредственно предшествовавшемъ убійству. Августовскаго (бѣжавшаго изъ мѣста административной ссылки) пришли арестовать; ему дали время одѣться, переговорить съ женой; настала пора уводить его изъ квартиры. „Всѣ затихли на мѣстахъ, никто не поднимался первый. Всѣ должны были чего-то ждать. Воздухъ въ комнатахъ напоенъ былъ электричествомъ. Всякій, рѣшительно всякій, долженъ былъ сознавать, что этотъ человѣкъ просто, спокойно не пойдетъ, не можетъ пойти, что онъ еще не все сдѣлалъ, не сдѣлалъ чего-то главнаго, безъ чего онъ не уйдетъ. Здѣсь дѣйствовалъ *непостижимый законъ роковыхъ сплетеній судьбы*. Никто не заикнулся поторопить Августовскаго, *смутно сознавая его странное право на что-то невѣроятное*. Августовскій читалъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ молчаливыхъ взорахъ этотъ *заразительный токъ общихъ неопредѣленныхъ ожиданій обѣщанной и неминуемой грозы*. И больше всѣхъ другихъ сознавалъ онъ, что въ немъ поднялась страшная сила, не растративъ которую, онъ не можетъ съ покорностью агнца переступить порога своего жилища". Это—страница романа, бьющая на эффектъ, но отнюдь не серьезное объясненіе поступка, совершоннаго подсудимымъ. Вычурность языка (см. подчеркнутыя нами выраженія) соотвѣтствуетъ здѣсь натянутости содержанія. На самомъ дѣлѣ, конечно, никто не ожидалъ отъ Августовскаго чего-то чрезвычайнаго, никто, тѣмъ болѣе, не признавалъ за нимъ *права* на что-то необыкновенное. Чувствовалась, быть можетъ, неловкость, всегда сопряженная съ исполненіемъ тягостной, непріятной обязанности—и ничего больше. Верхъ невѣроятности—это предположеніе о причинѣ, направившей руку Августовскаго именно на кухарку: „она менѣе всѣхъ виновата,

но тѣмъ страшнѣе будетъ для присутствующихъ, тѣмъ гаже буду я въ своихъ собственныхъ глазахъ". Почему же, однако, смерть кухарки должна была произвести болѣе устрашающее дѣйствіе, чѣмъ смерть кого-либо другого изъ числа находившихся въ квартирѣ Августовскаго? Почему Августовскому нужно было сдѣлаться какъ можно болѣе гадкимъ въ собственныхъ глазахъ? И развѣ менѣе гадкимъ сдѣлало бы его убійство другого беззащитнаго человѣка?.. Это — не единственный случай, въ которомъ психологическія экскурсіи г. Андреевскаго напоминаютъ поговорку: гдѣ тонко, тамъ и рвется! Защищая Евдокію Вольфрамъ (любовникъ которой, по соглашенію съ нею, покушался на отравленіе ея мужа) противъ упрека въ трусости, въ подбиваніи другого на дѣло, на которое она сама не рѣшалась, г. Андреевскій восклицаетъ: „преданность любовника, готоваго стать изъ-за нея въ драматическое положеніе, соблазнила сантиментальную Вольфрамъ. Ей трудно было устоять отъ соблазна видѣть Козловскаго героемъ". Трудно допустить, чтобы таковы были принудительные мотивы Вольфрамъ,—тѣмъ болѣе трудно, что способомъ убійства избрано было отравленіе, а отравитель никогда и никѣмъ не считается героемъ. Избытокъ психологіи мы видимъ и въ попыткѣ объяснить, почему Семенова рѣшилась убить Сарру Беккеръ. „Безака (любовника Семеновой) нужно насытить деньгами. Но какъ это сдѣлать?.. Убійство? Конечно, нужно именно это преступленіе. Такое глубокое паденіе для своего любовника имѣетъ свою порочную сладость. Такая женщина, какъ Семенова, страстная до болѣзни, всегда видитъ подвигъ въ своей жертвѣ для любовника, какъ бы гнусна ни была эта жертва. Она заботится только объ одномъ: доказать свою ничѣмъ неистребимую привязанность". *Нужно именно это преступленіе*! Такъ смѣло можетъ говорить романистъ, пишущій на тему: любовь и преступленіе, но не адвокатъ, имѣющій дѣло съ реальными лицами и реальными фактами. Послѣдовательность душевныхъ состояній, приписываемую Семеновой, нельзя назвать абсолютно невозможной, но она составляетъ явленіе исключительное, и въ показаніяхъ самой Семеновой (когда она сознавалась въ убійствѣ) дѣйствія ея объяснялись гораздо проще. Въ той же рѣчи за Мироновича г. Андреевскій идетъ еще дальше; онъ берется угадать, что̀ сдѣлалъ бы Безакъ, еслибы онъ былъ на мѣстѣ преступленія. „Очевидно (?), онъ бы скорѣе прикончилъ Сарру и ужъ, конечно (?), больше бы укралъ". Откуда такая увѣренность по отношенію къ человѣку, вовсе не обвинявшемуся въ кражѣ и не подозрѣвавшемуся въ убійствѣ? Это уже не анализъ, а претензія на провидѣніе,

ничѣмъ не оправдываемая и не имѣющая ничего общаго съ задачами защиты.

Сходство судебной рѣчи съ литературнымъ произведеніемъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ различіе—обнаруживается особенно ясно въ нѣкоторыхъ пріемахъ, свойственныхъ и писателю, и адвокату. Сюда принадлежатъ, прежде всего, *сравненія*. Въ романѣ, въ повѣсти, въ стихотвореніи мы требуемъ отъ сравненія только одного: чтобы оно было *удачно*, т.-е. мѣтко, вѣрно, оригинально. Важно также, чтобы сравненій, въ общей сложности, было не через-чуръ много, чтобы они не нагромождались одно на другое, не поглощали, въ ущербъ остальному, вниманіе читателей. Всѣмъ этимъ требованіямъ должна удовлетворять и судебная рѣчь, но къ нимъ присоединяются здѣсь еще другія. Въ литературномъ произведеніи авторъ можетъ идти къ своей цѣли ближайшимъ или окольнымъ путемъ, останавливаться, отступать въ сторону—или даже вовсе не задаваться никакой опредѣленной цѣлью. Совсѣмъ не то—судебная рѣчь: прежде всего и больше всего она должна имѣть дѣловой характеръ. Ораторъ долженъ говорить только то, что̀ относится, прямо или косвенно, къ его главному тезису, что̀ подвигаетъ впередъ обвиненіе или защиту. Самая безъискусственная, строго фактическая, даже сухая судебная рѣчь имѣетъ преимущество передъ самой изящной и колоритной, если въ послѣдней слишкомъ много украшеній, не связанныхъ органически съ основной темой. Сравненія, въ судебной рѣчи, цѣнны и законны лишь настолько, насколько они освѣщаютъ дѣло, помогаютъ судьямъ или присяжнымъ понять значеніе событія, источникъ или мотивъ поступка, настроеніе обвиняемаго. Пояснимъ нашу мысль примѣрами, заимствованными изъ обоихъ разбираемыхъ нами сборниковъ. Защищая таможеннаго чиновника Айканова, обвинявшагося въ злоупотребленіяхъ по службѣ, г. Андреевскій начинаетъ съ слѣдующаго сравненія: „теперь, гг. присяжные, вы сами являетесь таможней; мы, стороны, провозимъ черезъ васъ человѣческій товаръ и подаемъ отвѣсные листки; но не всѣ подаютъ правильныя, откровенныя объявленія, и здѣсь можетъ проскочить контрабанда; почти весь „частный“ товаръ норовитъ какъ бы мимо вашей таможни свернуть прямо домой; изъ чиновниковъ только двое кладутъ повинныя головы, и между ними Айкановъ вручилъ вамъ полный списокъ своихъ прегрѣшеній. Жаль только, что тарифъ, т.-е. списокъ наказаній, спрятанъ у судей, и я не могу его показать вамъ“. Въ другой рѣчи (за Ивана Сушкина, директора лопнувшаго тульскаго банка) г. Андреевскій сравниваетъ банковые крахи съ эпидеміей, а судъ надъ ихъ виновни-

ками—съ карантиномъ, въ которомъ „выдерживаются люди, взятые съ мѣста банковой заразы, и затѣмъ здоровые отпускаются на свободу, а больные прячутся“. Въ рѣчи за Орлова (одного изъ подсудимыхъ по Нечаевскому процессу) г. Хартулари говоритъ о „грандіозномъ укрѣпленіи“, построенномъ обвинительною властью съ цѣлью „положить въ лоскъ весь предстоящій небольшой отрядъ преступныхъ дѣятелей, собранныхъ правосудіемъ подъ стѣнами этого укрѣпленія, во имя общественной и политической безопасности“. Хороши ли эти сравненія сами по себѣ, и въ какой мѣрѣ—на этомъ вопросѣ мы останавливаться не будемъ; для насъ важно только то, что они всѣ одинаково излишни. Что̀ могло бы быть, пожалуй, умѣстнымъ въ статьѣ *по поводу* судебнаго процесса, то рѣжетъ слухъ въ судебной рѣчи. Прелюдія къ защитѣ должна быть составною ея частью, а не внѣшней, случайной приставкой, свободно и незамѣтно отдѣляющейся отъ цѣлаго. Другое дѣло—сравненія, прямо врѣзывающіяся въ суть процесса; поражая слушателей своею образностью, они могутъ перевѣшивать цѣлую массу отвлеченныхъ разсужденій. Въ рѣчи по дѣлу Сушкина, напримѣръ, чрезвычайно удачна ссылка на басню Крылова о котѣ и поварѣ. „Была ли дирекція (тульскаго банка) тѣмъ лакомымъ котомъ, которому поручили *съѣстное стеречи*, а онъ имъ для себя воспользовался? Если такъ, тогда можно сказать дирекціи, что она *плутъ и воръ*, что она *язва*, *и чума*, *и порча здѣшнихъ мѣстъ*, и тогда, *рѣчей не тратя по пустому*, *придется власть употребить*. Но если дирекція ничего не тронула и оказалась не лакомымъ котомъ, а простоватымъ Полканомъ, у котораго, въ отсутствіе довѣрчиваго повара, все утащила подъ носомъ хищная лиса, тогда безполезно производить надъ такой дирекціей экзекуцію, потому что она была и останется только недогадливымъ Полканомъ“. Сравненіе бьетъ здѣсь прямо въ цѣль: оно характеризуетъ наглядно всякую роль директоровъ въ банковыхъ крахахъ и обусловливаемое ею двоякое отношеніе къ нимъ суда. Особенно богата подобными фигурами рѣчь г. Андреевскаго по дѣлу маіора Антропова, обвинявшагося въ небрежномъ надзорѣ за приготовленіемъ сухарей для дѣйствующей арміи. Часть сухарей, о которыхъ шла рѣчь, была направлена въ Бирзулу и тамъ безусловно забракована; другая часть пошла въ Одессу и признана, на одну треть, годною къ употребленію. „Я не могу себѣ представить,—восклицаетъ г. Андреевскій,—чтобы какой-нибудь крылатый духъ своимъ огненнымъ мечомъ разсѣкъ, разогналъ эти партіи: одну—ошуйю, въ Бирзулу, куда пошли одни черные и грѣшные сухари, а другую—одесную,

въ Одессу, куда направились болѣе свѣтлые и праведные сухари". Указавъ на громадное число и отдаленность пекаренъ, ввѣренныхъ надзору Антропова, г. Андреевскій спрашиваетъ: „что могъ видѣть, сдѣлать, уловить Антроповъ? Вѣдь это все равно, что поручить человѣку взростить ниву и сдѣлать его отвѣтственнымъ за годность и полноту каждаго колоса; это все равно, какъ еслибы всѣхъ младенцевъ города Вильны (гдѣ разсматривалось дѣло Антропова) поручить одной нянькѣ и съ этой няньки взыскивать за всѣ разбитые носы! Еслибы маіоръ Антроповъ былъ птица, еслибы онъ могъ, какъ орелъ, взмыть на воздухъ и кружить надъ Бобруйскомъ, еслибы передъ нимъ разверзались кровли всѣхъ пекаренъ—и тогда бы, бросивъ взглядъ въ одну сторону, онъ могъ бы что-нибудь прозѣвать на другой"... Невозможность для братьевъ Келешъ проникнуть въ запертую и опечатанную кладовую, помѣщавшуюся въ четвертомъ этажѣ, иллюстрируется какъ нельзя лучше мимолетнымъ указаніемъ на то, что допустить противное значило бы признать за однимъ изъ Келешъ способность „забиться комаромъ въ щелочку или влетѣть въ кладовую черезъ трубу, какъ вѣдьма". Говоря, въ защитѣ по политическому дѣлу, о невозмутимомъ спокойствіи подсудимыхъ, г. Хартулари спрашиваетъ судей: „Развѣ показаніями своими, которыми они (подсудимые) сами себя обличаютъ въ преступленіи, не напоминаютъ они вамъ тѣхъ самоубійцъ, которые хладнокровно осматриваютъ оружіе, долженствующее лишить ихъ жизни?" Приведенныхъ примѣровъ, къ которымъ можно было бы присоединить еще много другихъ, достаточно, чтобы показать, какимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ защитника служитъ правильно выбранное сравненіе, гармонически слитое съ защитой. Для полноты гармоніи необходимо, конечно, чтобы самая окраска сравненія соотвѣтствовала общему характеру дѣла. Въ защитѣ Антропова легкій, игривый юморъ былъ совершенно умѣстенъ, потому что обвиненіе не было тяжко, добросовѣстность обвиняемаго признавалась даже обвинителемъ. Въ защитѣ Меньщикова—юнкера, покушавшагося на убійство товарища—юмористическая параллель, выводящая на сцену похищеніе Елены прекрасной и троянскую войну, производитъ, наоборотъ, непріятное впечатлѣніе, какъ нѣчто неподходящее къ мрачному колориту дѣла.

Сказанное нами о сравненіяхъ вполнѣ примѣнимо къ афоризмамъ, размышленіямъ, опредѣленіямъ, вплетаемымъ въ ткань защиты. И здѣсь, кромѣ общихъ условій, есть одно спеціальное: мысль должна быть не только вѣрна, не банальна и хорошо выражена — она должна быть органически связана съ защитой.

„Еслибы обвиняемая, — читаемъ мы въ защитительной рѣчи по дѣлу Вольфрамъ, — была воплощенная похоть (какъ старались доказать здѣсь), она бы вошла, какъ очередная, въ ходячую галерею женщинъ Невскаго проспекта, *для которыхъ существуетъ только трактиръ, чужая постель и анатомическая лабораторія*". Эта формула не только говоритъ „многое въ немногихъ словахъ" —она полезна для защиты, сразу обрисовывая извѣстный типъ и подготовляя почву, на которой могла быть доказана непринадлежность къ нему Евдокіи Вольфрамъ. Когда г. Андреевскій говоритъ въ рѣчи за Мироновича: „люди вообще лѣнивы думать, да и не всегда достаточно тонки для этого", и нѣсколько дальше: „даръ чтенія въ чужой душѣ принадлежитъ немногимъ, да и тѣ немногіе ошибаются", онъ не только высказываетъ положенія, вполнѣ оправдываемыя опытомъ—онъ даетъ ключъ къ цѣлому ряду ошибокъ, допущенныхъ полиціей, слѣдователями и прокурорскимъ надзоромъ... При первомъ слушаніи дѣла Мироновича—читаемъ мы въ той же защитительной рѣчи—„неожиданнымъ союзникомъ обвиненія выступилъ профессоръ Сорокинъ. Экспертизу его называли блестящею; прилагательное это я готовъ принять только въ одномъ смыслѣ—экспертиза эта, какъ все блестящее, мѣшала смотрѣть и видѣть. Вѣрнѣе было бы назвать ее изобрѣтательною". И здѣсь немногими штрихами достигнуто весьма многое; изъ обвинительнаго арсенала взятъ хвалебный эпитетъ—и обращенъ въ орудіе защиты. Гораздо рѣже встрѣчаются у г. Андреевскаго опредѣленія спорныя, афоризмы парадоксальные или явно невѣрные, въ родѣ слѣдующаго (защита Зайцева): „когда сорокъ рублей составляютъ все, что мы имѣемъ для нашей жизни—мы ими не дорожимъ". Съ этимъ, конечно, не согласится ни одинъ рабочій, ни одинъ крестьянинъ; сорокъ рублей для людей этого класса (къ которому принадлежалъ Зайцевъ)—цѣлый капиталъ, пріобрѣтаемый иногда цѣною тяжелой многомѣсячной работы.

Насколько законна картинность рѣчи, когда она воспроизводитъ существенныя стороны дѣла, настолько она нежелательна, когда подъ ея прикрытіемъ вводится въ пренія матеріалъ совершенно имъ чуждый. „Однажды, пять лѣтъ тому назадъ",—такъ приступаетъ г. Андреевскій къ защитѣ Зайцева,—„по Невскому, мимо памятника Екатерины, проходилъ извозчикъ съ четырьмя мальчиками. Встрѣтивъ эту группу, вы, вѣроятно бы прошли мимо, не задавшись мыслью: что это за люди? Но глазъ купца Павлова угадалъ въ этихъ мальчикахъ товаръ. Павловъ узналъ отъ извозчика, что мальчики привезены изъ далекой деревни для обученія; онъ выбралъ, наудачу, одного изъ нихъ для своей баш-

мачной лавки. Это и былъ тринадцатилѣтній Зайцевъ". Къ чему это предисловіе, съ его претензіей на наглядность, достигаемую деталями (памятникъ Екатерины, извозчикъ и т. п.)? Такой протоколизмъ былъ бы излишнимъ даже въ романѣ; тѣмъ меньше для него мѣста въ судебной рѣчи. И хорошо еще, еслибы встрѣча у памятника Екатерины имѣла для Зайцева роковой смыслъ, предрѣшила его несчастную участь. Но нѣтъ—у купца Павлова ему жилось не худо, и не поступленіе въ башмачную лавку послужило для Зайцева первымъ шагомъ къ преступленію... За черезъ-чуръ приподнятымъ вступленіемъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ преувеличеній. Трагическій оттѣнокъ пріобрѣтаетъ, въ устахъ защитника, даже такое заурядное событіе, какъ увольненіе загулявшаго приказчика. „Человѣкъ, брошенный на улицу, это—все равно, что блуждающая звѣзда, которою ничто не управляетъ. Мысли такого человѣка не текутъ подобно нашимъ. Онъ слышитъ шумъ, онъ видитъ огромные дома и лица прохожихъ, но той мягкой точки зрѣнія, съ которой на все смотримъ мы, у него нѣтъ. Онъ ни на кого не золъ, никому не завидуетъ; только внутри у него что-то замерло и люди не кажутся ему такими, какъ прежде". „Воля и самообладаніе,—читаемъ мы дальше,—куда-то уходили, сторонясь отъ этого несчастнаго, зараженнаго, отравленнаго". Въ другихъ защитахъ г. Андреевскаго вычурности гораздо меньше; рѣчь по дѣлу Зайцева не даромъ была его адвокатскимъ дебютомъ. По временамъ однако—но очень рѣдко—онъ и позже не вполнѣ свободенъ отъ фразерства. „Августовскій долженъ былъ встрѣтить полицейскаго на петергофскомъ вокзалѣ, *какъ посланника роковой случайности*"... „Жизнь все время везетъ Августовскаго *подъ темнымъ тунелемъ* и никакъ не вывезетъ на свѣтъ"... „Вольфрамъ переворочала въ головѣ важнѣйшіе вопросы человѣчества"... Еще рѣже встрѣчаются у г. Андреевскаго банальные пріемы, соприкасающіеся съ слабыми сторонами французскаго судебнаго краснорѣчія. Таково, напримѣръ, заключеніе рѣчи по дѣлу тульскаго банка: „за Ивана Ивановича Сушкина, какъ говорится, самъ Богъ вступился... Вы не разойдетесь съ гласомъ народа — гласомъ Божіимъ". Говоря о томъ, какъ долго и при какихъ исключительныхъ условіяхъ Вольфрамъ сохраняла вѣрность мужу, г. Андреевскій восклицаетъ: „пусть этой нищей студентки устыдятся тѣ необличенныя развратницы, которыя и понынѣ пользуются славой чистыхъ женъ и которыя передъ тайною измѣной не испытали и сотой доли подобныхъ колебаній!" „Когда-то — такъ заканчивается защита Августовскаго, — къ соблазну цѣлаго языческаго міра, Спаситель отпустилъ блудницу, сказавъ

ей: иди и больше не грѣши! Этотъ божественный приговоръ исправилъ цѣлую жизнь. Это простое средство--пощадить, дать вольно подышать—ни разу не было еще испробовано относительно Августовскаго. Быть можетъ, вы рискнете испытать это новое средство". Къ тому же евангельскому сказанію апеллируетъ и г. Хартулари, въ защитительной рѣчи по дѣлу Левенштейнъ. „Между вами,—говоритъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ,—не найдется, я глубоко въ томъ убѣжденъ, ни одного человѣка, который, послѣ всего слышаннаго и видѣннаго здѣсь на судѣ, припоминая слова нашего Божественнаго Учителя, рѣшился бы бросить камнемъ въ подсудимую: она много любила и многое простится ей!" Левенштейнъ обвинялась въ покушеніи на убійство женщины, изъ-за которой она была брошена человѣкомъ, жившимъ съ ней, какъ съ женой, болѣе пятнадцати лѣтъ (результатомъ покушенія была только легкая рана); Августовскій обвинялся въ убійствѣ ни въ чемъ не повинной передъ нимъ кухарки. Очевидно, что въ дѣлѣ Августовскаго ссылка на евангельскую блудницу имѣла еще меньше основаній, чѣмъ въ дѣлѣ Левенштейнъ;—но не пора ли вообще сдать этотъ аргументъ въ архивъ черезъ-чуръ извѣстныхъ и потому недѣйствительныхъ орудій судебной защиты?.. Любопытно было бы знать, сколько разъ онъ былъ пущенъ въ ходъ одними русскими защитниками, за двадцать пять лѣтъ существованія новыхъ судебныхъ учрежденій?

Прежде, чѣмъ просить для Августовскаго пощады, г. Андреевскій старался достигнуть той же цѣли другимъ путемъ. „Мнѣ представляется,—сказалъ онъ,—что мысленно мы всѣ окружаемъ трупъ молодой и невинной Авдотьи Ѳедоровой (кухарки, убитой Августовскимъ), и вы, судьи, спрашиваете у меня, защитника: неужели оставить это преступленіе безнаказаннымъ? На это я вамъ отвѣчу самымъ вѣрнымъ и точнымъ сравненіемъ, какое мнѣ приходитъ въ голову. Не все ли равно, господа, еслибы эту дѣвушку убила молнія? Совершенно столько же самообладанія было въ той силѣ, которая ее поразила, и, по счастью, такъ же легка была ея минутная кончина. Такое невольное несчастье народъ и религія называютъ грѣхомъ и, Богъ вѣсть, на душѣ ли Августовскаго лежитъ этотъ грѣхъ. Но вѣдь молнія не нуждается въ пощадѣ; пощадить можно только того, кто дѣйствовалъ сознательно, кто хоть сколько-нибудь виновенъ". Защита, прибѣгающая одновременно къ двумъ противоположнымъ способамъ оправданія, грѣшитъ, какъ намъ кажется, избыткомъ усердія. Такой же избытокъ чувствуется въ защитѣ Вольфрамъ, заключеніе которой не свободно отъ мелодраматическаго оттѣнка. Поставивъ въ особую

заслугу Вольфрамъ достоинства чисто-отрицательнаго свойства (то, что она не была падшей женщиной, никогда не посягала на чужую собственность и т. п.), г. Андреевскій заканчиваетъ такъ: „что касается того преступнаго часа въ ея жизни, который запятналъ ее, то, гг. присяжные, за ея прожитыя несчастья и испытанія, за ту дрожь внутреннихъ укоровъ, которую она испытывала въ тѣ минуты, когда въ безвыходномъ положеніи рѣшалась на злодѣяніе, и въ особенности за ту радость, которую она ощутила, когда преступленіе не удалось, за ея дважды согрѣшившую, но привязчивую, глубокую душу ея—простите ее".

Соотвѣтствующее, въ одномъ случаѣ, интересамъ защиты часто не совпадаетъ съ ними въ другомъ; тѣмъ не менѣе защитникъ долженъ избѣгать, по возможности, противорѣчія съ самимъ собою. Конечно, мнѣнія защитника могутъ измѣняться, но именно поэтому ему слѣдуетъ высказывать на судѣ только такіе взгляды, въ правильность которыхъ онъ твердо вѣритъ. Въ рѣчахъ г. Андреевскаго намъ бросилось въ глаза нѣсколько противорѣчій, не одинаково важныхъ, но во всякомъ случаѣ требующихъ разъясненія. Первое изъ нихъ касается вопроса о томъ, могутъ ли служащіе говорить правду, когда ихъ допрашиваютъ по дѣлу ихъ хозяевъ. Въ рѣчи по дѣлу Мироновича защитникъ выражаетъ полное довѣріе къ показаніямъ дворника и няни, находившихся въ услуженіи у подсудимаго. Въ рѣчи по дѣлу Кащеевыхъ онъ говоритъ совершенно другое. „Прислуга и хозяева составляютъ одну сторону, и объясненіямъ ихъ почти никто не даетъ вѣры... Прислуга, которая сжилась съ своимъ хозяиномъ, всегда будетъ на его сторонѣ. Прокуроръ былъ спокоенъ, зная, что вы (присяжные) скажете себѣ: а! это служащіе, имъ вѣрить нельзя. То же самое долженъ былъ подумать и всякій судъ о служащихъ у Кащеевыхъ". Защищая Меньщикова, совершившаго преступленіе изъ мести, г. Андреевскій утверждаетъ, что извѣстная доля мести, какъ чувства натуральнаго, общаго всему человѣчеству, „прокралась даже въ функціи суда; что̀, въ самомъ дѣлѣ, и наказаніе, какъ не возмездіе, месть общественная?" Между тѣмъ, въ защитѣ Айканова выставляется слѣдующее общее положеніе: „все идетъ къ тому, чтобы судъ не мстилъ преступнику, а только исправлялъ его". Въ рѣчи по дѣлу Назарова „горе, мстящее на судѣ", называется „непривлекательнымъ и едва ли достойнымъ". Всего серьезнѣе, въ нашихъ глазахъ, противорѣчіе по вопросу о такъ-называемыхъ „антецедентахъ" (antécédents), т.-е. о значеніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ прошлой жизни обвиняемаго.

„Судьи,—восклицаетъ г. Андреевскій въ защитительной рѣчи

по дѣлу Августовскаго,—всегда должны подходить къ преступленію, проникаться, по возможности, прошлымъ подсудимаго". „Передъ вами,—говоритъ онъ присяжнымъ, защищая Вольфрамъ,—поставили незнакомаго вамъ ранѣе человѣка, и вы знаете, что вы въ правѣ распорядиться остаткомъ его жизни. Понятно, что этотъ человѣкъ имѣетъ несомнѣнное право ознакомить васъ съ первою половиною своей жизни, прежде чѣмъ вручить вамъ остальную. И какъ важно это знакомство съ личностью судимаго человѣка!" Въ рѣчи по дѣлу Назарова г. Андреевскій является, наоборотъ, рѣшительнымъ противникомъ „антецедентовъ"; онъ присоединяется къ мнѣнію, признающему за судомъ право изслѣдовать личность обвиняемаго лишь настолько, насколько она „проявилась въ дѣяніи" (т.-е. въ преступленіи, составляющемъ предметъ дѣла), и допускающему, вдобавокъ, только одинъ способъ изслѣдованія: такъ-называемое „дознаніе черезъ окольныхъ людей". Правда, „антецеденты" являются, въ устахъ г. Андреевскаго, синонимомъ „французской системы откапывать все черное въ жизни подсудимаго"; но вѣдь это отождествленіе совершенно произвольно; этимологическій и техническій смыслъ слова: *антецеденты*—гораздо шире. Мы имѣли уже случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ, именно по поводу дѣла Назарова [1]), что у правосудія не можетъ быть двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ.

Еслибы обвинителю было запрещено касаться прошлой жизни и личныхъ свойствъ обвиняемаго, то это запрещеніе неминуемо было бы распространено и на защиту. Еслибы нельзя было доказывать, извѣстнымъ способомъ, вѣроятность виновности, то нельзя было бы имъ доказывать и вѣроятность невинности. Однажды вступивъ на этотъ путь и оставаясь послѣдовательнымъ, пришлось бы отказаться, во многихъ случаяхъ, отъ раскрытія мотивовъ преступленія, часто коренящихся весьма глубоко въ прошедшемъ подсудимаго и составляющихъ главное его право на снисходительность суда. Зная только отдѣльное дѣйствіе, но не зная человѣка, который его совершилъ или которому его приписываютъ, трудно установить, въ одномъ случаѣ, причину дѣйствія, въ другомъ—вѣроятность или невѣроятность совершенія его даннымъ лицомъ. Пока судъ руководствовался формальной теоріей доказательствъ, пока онъ не видѣлъ и не слышалъ обвиняемаго, пока онъ состоялъ изъ однихъ юристовъ, привыкшихъ разсматривать дѣло какъ совокупность занумерованныхъ бумагъ, до тѣхъ поръ „антецеденты" могли оставаться въ тѣни или выдвигаться на

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

сцену въ сухой, мертвой схемѣ „повальнаго обыска" (прототипа „дознанія черезъ окольныхъ людей"). Въ иномъ положеніи находится судъ, стоящій лицомъ къ лицу съ подсудимымъ, судъ присяжныхъ, ничѣмъ не связанный въ оцѣнкѣ доказательствъ и стремящійся къ обнаруженію не формальной, а матеріальной истины. Такой судъ—какъ справедливо замѣтилъ г. Андреевскій въ защитѣ Августовскаго —*всегда* долженъ приступать къ дѣлу, „проникшись, по возможности, прошлымъ подсудимаго". Мы нарочно подчеркиваемъ слово: *всегда*. Оно показываетъ, что г. Андреевскій не ограничивалъ, въ то время, право изслѣдованія прошлой жизни обвиняемаго одними случаями собственнаго сознанія, не признавалъ его монополіей защиты. Безспорно, въ дѣлѣ Назарова „раскапыванье" прошлаго было доведено до безобразныхъ крайностей, но можно было порицать эти крайности, можно было выставлять ихъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою и не провозглашая общихъ положеній, несовмѣстныхъ съ интересами правосудія и даже съ интересами защиты (т.-е. защиты *вообще*, а не защиты по данному дѣлу). Торжество „дознанія черезъ окольныхъ людей", какъ единственнаго средства узнать что-либо о прошломъ подсудимаго, было бы рѣшительнымъ шагомъ назадъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ.

Дурныя привычки, фальшивые взгляды, существующіе въ обществѣ, могутъ служить извиненіемъ или даже оправданіемъ для отдѣльнаго лица, доведеннаго ими до преступленія, но снисходительность къ ихъ жертвѣ не должна обращаться въ снисходительность—или хотя бы въ подобіе снисходительности—къ нимъ самимъ. Судебный ораторъ—это своего рода проповѣдникъ; чѣмъ меньше общераспространенное зло признается зломъ, тѣмъ рѣзче и тѣмъ яснѣе—разъ что съ нимъ пришлось встрѣтиться обвиненію или защитѣ—оно должно быть выставлено въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Этому основному требованію не удовлетворяетъ рѣчь г. Андреевскаго по дѣлу Кащеевыхъ. Подсудимые обвинялись въ подговорѣ своихъ служащихъ къ ложному показанію подъ присягой. Защитникъ задался цѣлью установить, что еслибы подобное показаніе и было дано, то никакого существеннаго значенія оно бы не имѣло, такъ какъ ему все равно никто бы не повѣрилъ. „Судьи гражданскіе слышатъ ежедневно столько лжи отъ свидѣтелей по дѣламъ объ имуществѣ, и каждой сторонѣ о своемъ имуществѣ такъ свойственно лгать, что приходится махнуть рукою и пропускать эту ложь мимо ушей. Вѣрите ли вы дворнику, который вамъ показываетъ дачу? Вѣрите ли хозяину, когда онъ расхваливаетъ свою квартиру? Можно ли положиться

на то, что̀ говоритъ несостоятельный о своихъ средствахъ, что̀ говоритъ наслѣдникъ о наслѣдствѣ, когда съ него взыскиваютъ пошлины; что̀ говоритъ пассажиръ о своихъ вещахъ передъ таможней, когда переѣзжаетъ границу; что̀ говоритъ самый неисправный контрагентъ о срокѣ, когда съ него взыскиваютъ по договору? *Въ натурѣ человѣческой—уйти отъ пошлины, отъ штрафа, отъ взысканія.* И прислуга, которая сжилась съ хозяиномъ, и даже пріятели и хорошіе знакомые отвѣтчика, всегда будутъ на его сторонѣ,—и вещи упрячутъ отъ судебнаго пристава, и о срокѣ покажутъ въ защиту своего человѣка. Такъ уже водится въ жизни! *Къ такой неправдѣ всѣ снисходительны*". Снисходителенъ къ ней, очевидно, и защитникъ. А между тѣмъ неправда, о которой здѣсь идетъ рѣчь—неправда, безспорно встрѣчающаяся у насъ слишкомъ часто, коренится не столько въ „человѣческой натурѣ", сколько въ особыхъ условіяхъ русской общественной жизни, лишь недавно и очень еще мало поколебавшихся подъ вліяніемъ новыхъ идей и учрежденій. Стремленіе избѣжать платежа пошлинъ—это наслѣдіе того времени, когда высшія сословія гордились свободой отъ налоговъ, всей своей тяжестью упадавшихъ на „податные классы" населенія; привычка лгать на судѣ —это наслѣдіе того времени, когда сложилась боязнь суда, выразившаяся въ цѣлой массѣ народныхъ поговорокъ. Чтобы одолѣть вѣковую неправду, нужно относиться къ ней не съ легкой, добродушной насмѣшкой, а съ рѣшительнымъ порицаніемъ, съ жесткимъ протестомъ. Конечно, это только одно изъ условій успѣшной борьбы—но условіе, во всякомъ случаѣ, существенно-важное и обязательное для всякаго общественнаго дѣятеля. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, мы не можемъ не пожалѣть, что въ другомъ мѣстѣ г. Андреевскій заплатилъ дань модному лже-патріотизму. Мы имѣемъ въ виду слѣдующія слова, сказанныя имъ въ защитительной рѣчи по дѣлу Сушкина: „воззрѣніе на банковыя крушенія съ точки зрѣнія непремѣнно воровства есть мнѣніе раздутое. Надо немножко отрезвиться. *Не мѣшаетъ подумать и о самолюбіи народномъ*, когда изъ конца въ конецъ клеймятъ страну позоромъ... Мы вообще склонны къ самобичеванію, но это уже клевета на Россію, потому что повсемѣстная безчестность при денежномъ дѣлѣ—не только на Россію, но и на человѣчество не похоже"... Замѣтимъ, вдобавокъ, что въ основаніе своей мысли о необходимости пощадить народное самолюбіе г. Андреевскій положилъ совершенно невѣрный фактъ: *повсемѣстность* банковыхъ злоупотребленій. „Бѣда,—говоритъ онъ,—*есть положительно вездѣ*, но въ одномъ мѣстѣ ее прикрываютъ безъ суда,

ликвидаціей или опекой правительства, а въ другомъ—учреждають судьбище". Нужно ли доказывать, что это совсѣмъ не такъ, что „банковая эпидемія", въ самый ея разгаръ, коснулась далеко не всѣхъ частныхъ и общественныхъ банковъ?

Мы не сочли себя въ правѣ умолчать о недостаткахъ, усматриваемыхъ нами въ рѣчахъ г. Андреевскаго, именно въ виду выдающагося положенія, занимаемаго имъ по праву между нашими судебными ораторами. Кому много дано, отъ того много и требуется. Сжатость и образность языка, картинность описаній, „сосредоточенность" защиты, мастерство психологическаго анализа —всѣ эти качества, доведенныя г. Андреевскимъ до высокой степени развитія, дѣлаютъ его рѣчи заслуживающими изученія, въ особенности со стороны начинающихъ адвокатовъ. Для насъ вполнѣ понятно, что „молодые товарищи" г. Андреевскаго, которымъ посвящена его книга, „настойчиво вызывали" его на ея изданіе. Тѣмъ болѣе, думается намъ, необходимо отмѣтить погрѣшности оратора. Онѣ немногочисленны и отнюдь не портятъ общаго впечатлѣнія; нѣкоторыя изъ нихъ, вслѣдствіе окружающаго ихъ наружнаго блеска, могутъ даже показаться достоинствами. Чтобы убѣдиться въ противномъ, нужно вспомнить, что задача защитника—какъ понимаетъ ее, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и самъ г. Андреевскій—не исчерпывается оправданіемъ подсудимаго. У насъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, адвокатъ долженъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, общественнымъ дѣятелемъ.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЕСНА.

На той же я сижу скамейкѣ,
Какъ прошлогоднею весной;
И снова зрѣетъ надо мной
Ожившей липы листикъ клейкій.

Опять запѣли соловьи;
Опять—въ саду пора цвѣтенья;
Опять—по воздуху теченье
Ароматической струи.

На все гляжу, всему внимаю;
И, солнцемъ благостнымъ пригрѣтъ,
Опять во всемъ ловлю привѣтъ
Къ землѣ вернувшемуся маю.

Вновь изъ сосѣдняго лѣску,
Гдѣ уже ландышъ есть душистый,
Однообразно, голосисто
Ко мнѣ доносится: ку-ку...

За цвѣтъ черемухи и вишни,
За эти пѣсни соловья,
За все, чѣмъ вновь любуюсь я—
Благодарю Тебя, Всевышній!

* * *

Пускай живетъ! Хотя старикъ,
Онъ не убогъ и не калѣка;
И мудрость правила постигъ—
Не заѣдать чужого вѣка.

Не только радуетъ его
Все, чтò велико и прекрасно,
А зла и мрака торжество
Волнуетъ ненавистью страстной;—

Но въ мірѣ всѣхъ явленій рядъ
Уму не чуждъ; и, какъ ни малы,
Лишь западутъ въ него—родятъ
Какъ бы мгновенные кристаллы.

О, если жить охота есть,
О, если милъ ему міръ Божій,—
Пускай живетъ! Еще принесть
Онъ можетъ пользу молодежи.

Алексѣй Жемчужниковъ.

ИДОЛЫ и ИДЕАЛЫ

IV *).

Меня укоряли въ послѣднее время за то, что я, будто бы, перешелъ изъ славянофильскаго лагеря въ западническій, вступилъ въ союзъ съ либералами и т. п. Эти личные упреки даютъ мнѣ только поводъ поставить теперь слѣдующій вопросъ, вовсе уже не личнаго свойства: гдѣ находится нынѣ тотъ славянофильскій лагерь, въ которомъ я могъ и долженъ былъ остаться? кто его представители? что̀ и гдѣ они проповѣдуютъ? какіе научно-литературные и политическіе органы печати выражаютъ и развиваютъ „великую и плодотворную славянофильскую идею"? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы сейчасъ же увидѣть, что славянофильство въ настоящее время не есть реальная величина; что никакой „наличности" оно не имѣетъ, и что славянофильская идея никѣмъ не представляется и не развивается, если только не считать ея развитіемъ тѣхъ взглядовъ и тенденцій, которые мы находимъ въ нынѣшней „патріотической" печати. При всемъ различіи этихъ тенденцій отъ крѣпостнической до народнической и отъ скрежещущаго мракобѣсія до безшабашнаго зубоскальства, органы держатся одного общаго начала—стихійнаго и безъидейнаго національнаго, который они принимаютъ или выдаютъ за истинный русскій патріотизмъ; всѣ они сходятся также и въ наиболѣе яркомъ примѣненіи этого псевдо-національнаго начала —въ антисемитизмѣ. Вотъ тотъ дѣйствительный „лагерь", къ которому принадлежатъ мои почтенные противники, но въ кото-

*) См. выше: мартъ, 357 стр.

ромъ я никогда не находился, а потому и не могъ никуда изъ него перейти.

Вмѣсто напрасныхъ, хотя и лестныхъ для меня сѣтованій на этотъ мнимый выходъ изъ несуществующаго славянофильскаго лагеря, слѣдовало бы объяснить дѣйствительный фактъ его исчезновенія; объяснить, почему славянофильская идея сошла со сцены, ничего не сдѣлавши, почему она не возвысила, не одухотворила и не осмыслила нашъ стихійный патріотизмъ чрезъ сознательное выраженіе въ немъ лучшихъ качествъ русскаго національнаго характера, его всеобъемлющей широты и миролюбія, а напротивъ того съ такою легкостью сама уступила мѣсто рабскому воспроизведенію ходячаго во всѣхъ странахъ и ничуть не русскаго шовинизма и политическаго кулачества, такъ что лишь благодаря мудрой и истинно-русской (т.-е. миролюбивой) внѣшней политикѣ нашего правительства Россія избавлена до сихъ поръ отъ недостойныхъ христіанскаго народа и нисколько не оригинальныхъ воинственныхъ предпріятій?

Конечно, и въ старомъ славянофильствѣ былъ зачатокъ нынѣшняго національнаго кулачества, но были вѣдь тамъ и другіе элементы, христіанскіе, т.-е. истинно-гуманные и либеральные. Куда же они теперь дѣвались? Ужъ не перенесъ ли я ихъ съ собою въ „западническій лагерь“, гдѣ, впрочемъ, они и безъ меня присутствовали? Во всякомъ случаѣ, если славянофильство было когда-нибудь живымъ цѣлымъ, то нынѣ этого цѣлаго болѣе не существуетъ; оно распалось на составные элементы, изъ коихъ одни по естественному сродству вошли въ соединеніе съ такъ-называемымъ „западническимъ лагеремъ“, а другіе столь же естественно были притянуты и поглощены крѣпостничествомъ, антисемитизмомъ, народничествомъ и т. д. Но если славянофильство подпало такому химическому процессу, то ясно, что оно перестало быть органическимъ явленіемъ; если оно подверглось разложенію, то значитъ оно умерло, и этотъ несомнѣнный фактъ нисколько не измѣнится отъ того, что кому-нибудь угодно разложеніе трупа называть развитіемъ.

Въ прошломъ году была сдѣлана замѣчательная, хотя совершенно незамѣченная попытка воскресить этотъ трупъ. Я разумѣю журналъ „Благовѣстъ“, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ издававшійся (а можетъ быть и доселѣ издаваемый) маленькою фракціей петербургскаго славянскаго общества съ г. Аѳанасіемъ Васильевымъ во главѣ. Этотъ послѣдній въ нѣсколькихъ руководящихъ статьяхъ далъ превосходное изложеніе подлиннаго славянофильства. Но изложить еще не значитъ оживить. Вмѣсто

невозможнаго воскрешенія вышла весьма поучительная аутопсія. Въ своемъ похвальномъ стараніи воспроизвести принятое имъ ученіе со всею полнотою г. Васильевъ ярко подчеркнулъ то внутреннее противорѣчіе (между христіанскимъ универсализмомъ и языческимъ особнячествомъ и враждою къ чужому), которое было для славянофильства смертельнымъ недугомъ. Достаточно сказать, что въ качествѣ эпиграфовъ этой profession de foi рядомъ съ текстами апостола Павла о христіанской любви стоятъ слова генерала Скобелева о томъ, что всѣхъ нѣмцевъ нужно истребить. Никакой противникъ славянофильства не могъ бы болѣе удачно выставить его слабую сторону, и всякому, при видѣ такого сопоставленія становится ясно, что это двуликое (если и не двуличное) ученіе было неспособно къ дальнѣйшему существованію и развитію. Это подтверждается и судьбою новаго славянофильскаго изданія. Благовѣстъ мнимаго воскресенія оказался на дѣлѣ похороннымъ звономъ, притомъ столь запоздалымъ и несильнымъ, что лишь немногіе его услышали и пожелали покойнику царствія небеснаго.

Общій ходъ разложенія славянофильской идеи былъ мною показанъ въ другомъ мѣстѣ; теперь я хочу остановиться особенно на характерномъ для славянофильства—но и не для него одного—превращеніи высокихъ и всеобъемлющихъ христіанскихъ идеаловъ въ грубые и ограниченные идолы нашего современнаго язычества.

Почтенный ораторъ, котораго рѣчь была ближайшимъ поводомъ этихъ очерковъ, называлъ Россію новымъ Израилемъ, народомъ святымъ и богоноснымъ. Это національное мессіанство составляло, какъ извѣстно, основную мысль стараго славянофильства; также извѣстно и то, что эта мысль въ той или другой формѣ являлась у многихъ народовъ; преобладающій религіозно-мистическій характеръ она принимала въ особенности у поляковъ (товянщизна) и у нѣкоторыхъ французскихъ мечтателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (Мишель Вентрà и т. п.). Въ какомъ отношеніи находится подобное національное мессіанство къ истинной христіанской идеѣ? Мы не скажемъ, чтобы между ними было принципіальное противорѣчіе. Истинный христіанскій идеалъ можетъ принять эту національно-мессіанскую форму, но онъ становится тогда весьма *удобопревратнымъ* (по выраженію духовныхъ писателей), т.-е. легко можетъ перейти въ соотвѣтствующій идолъ антихристіанскаго націонализма, какъ это дѣйствительно и случилось.

Мы называемъ идеаломъ то, что̀ само по себѣ хорошо, что̀

обладаетъ внутреннимъ безусловнымъ достоинствомъ и одинаково нужно для всѣхъ. Такъ напр., человѣчество, устроенное по началамъ справедливости и всеобщей солидарности, человѣчество, живущее „по-божьи", есть идеалъ, ибо справедливость и нравственная солидарность сами по себѣ хороши, представляютъ нѣчто безусловно достойное и желанное для всѣхъ. Въ этомъ качествѣ такой идеалъ и долженъ утверждаться какъ цѣль историческаго процесса и какъ руководящій принципъ нашей дѣятельности, какъ норма, по которой намъ слѣдуетъ исправлять дѣйствительныя общественныя неправды. Вѣрить въ такой идеалъ значитъ, во-первыхъ, признавать, что онъ не есть пустая фантазія, а имѣетъ объективныя основанія въ самой природѣ вещей, будемъ ли мы смотрѣть на эту природу со стороны общаго предопредѣленія и плана въ умѣ и волѣ абсолютнаго всеединаго существа, или же со стороны коренныхъ свойствъ и законовъ природнаго и человѣческаго міра; во-вторыхъ, вѣрить въ идеалъ, значитъ признавать возможность его окончательнаго осуществленія, принимать его какъ задачу разрѣшимую и разрѣшаемую въ историческомъ процессѣ; и, наконецъ, въ-третьихъ, настоящая вѣра въ идеалъ требуетъ, чтобы мы самихъ себя не устраняли отъ этой задачи, а смотрѣли на нее какъ и на наше собственное дѣло, требующее отъ насъ трудовъ, усилій и подвиговъ. При такой дѣятельной вѣрѣ, хотя бы самъ идеалъ и оставался пока неосуществленнымъ, онъ во всякомъ случаѣ нравственно полезенъ для тѣхъ людей и обществъ, которые ставятъ его себѣ цѣлью и дѣйствуютъ въ его направленіи. Если вѣря, такимъ образомъ, въ истинный всеобщій идеалъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрены, что нашъ народъ болѣе прочихъ способенъ проникнуться этою высшею правдою и можетъ больше другихъ сдѣлать для ея осуществленія, т.-е. для блага всѣхъ, что онъ въ этомъ смыслѣ есть народъ избранный, то, конечно, въ такомъ національномъ мессіанствѣ нѣтъ еще ничего ложнаго и вреднаго. Лишь бы только мы старались, чтобы эта наша вѣра въ народъ оправдывалась на дѣлѣ, чтобы онъ, дѣйствительно, показывалъ себя болѣе соотвѣтствующимъ тому идеалу, съ которымъ связано его предполагаемое высшее призваніе. При этомъ и вопросъ національнаго соперничества легко и мирно разрѣшается, ибо если каждый изъ нѣсколькихъ народовъ считаетъ себя богоизбраннымъ или преимущественно христіанскимъ, то, очевидно, правъ изъ нихъ будетъ тотъ, чья національная жизнь и политика окажутся болѣе вѣрными духу Христову. Если не забывать самаго содержанія христіанскаго идеала, въ которомъ нѣтъ мѣста для эгоизма и

несправедливости, то и при крайнемъ патріотизмѣ можно побуждать свой народъ лишь къ первенству въ дѣлахъ правды и любви, а такое первенство по истинѣ ни для кого не обидно.

Но именно нравственно-религіозное *содержаніе* мессіанской идеи сейчасъ же и забывается, и вмѣсто того, чтобы быть дѣйствительнымъ источникомъ обязанностей, эта идея становится номинальнымъ основаніемъ исключительныхъ привилегій въ пользу одного народа и въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Изъ утвержденія, что нашъ народъ есть истинно-христіанскій, не выводятъ того необходимаго, казалось бы, слѣдствія, что онъ во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ своихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, долженъ дѣйствовать по-христіански и никого не обижать, а выводятъ наоборотъ, что ему все позволено для поддержанія и защиты своихъ собственныхъ интересовъ. Этотъ выводъ обусловливается слѣдующимъ обманчивымъ разсужденіемъ: нашъ народъ, какъ избранный, какъ христіанскій по преимуществу, важнѣе и цѣннѣе всѣхъ другихъ; заботясь о его сохраненіи и преуспѣяніи, мы служимъ тѣмъ высшимъ началамъ, которыя онъ собою представляетъ, и если его интересы сталкиваются съ интересами другихъ народовъ, то мы имѣемъ право ставить эти послѣдніе ни во что. Такое разсужденіе ложно въ самомъ основаніи, ибо если нашъ народъ дѣйствительно представитель истинно-христіанскихъ началъ, то его первый интересъ есть справедливость, и слѣдовательно онъ не можетъ ради своихъ интересовъ попирать чужіе. Но послѣдователи національнаго лже-мессіанства забываютъ, что христіанская идея имѣетъ нравственное содержаніе, и преспокойно принимаютъ для своей дѣятельности пресловутое правило, приписанное почему-то іезуитамъ, но на дѣлѣ свойственное мошенникамъ всѣхъ орденовъ и званій,—именно правило, что добрая цѣль оправдываетъ дурныя средства. Нужно ли, однако, доказывать, что въ дѣйствіяхъ нравственнаго порядка невозможно провести раздѣленіе между цѣлями и средствами, и что добрая цѣль тѣмъ и отличается отъ недоброй, что исключаетъ намѣренно-дурные способы достиженія. Упомянутое правило сводится въ сущности къ словесному обману: добрая цѣль разумѣется здѣсь не въ смыслѣ нравственнаго добра, а лишь въ смыслѣ собственной выгоды, и тогда уже само собою понятно, что для субъекта (единичнаго или собирательнаго), ставящаго свою выгоду выше всего, всякія средства одинаково хороши. Но какъ же совмѣстить такую общемошенническую точку зрѣнія съ достоинствомъ народа истинно-христіанскаго? Когда за избраннымъ народомъ признается право на неправду, когда во имя его пред-

полагаемаго нравственнаго преимущества ему внушаютъ дѣйствительно-безнравственную политику,—ясно, что отъ христіанскаго идеала съ его высшими требованіями осталось здѣсь только одно названіе, а на самомъ дѣлѣ воцарился идолъ антихристіанскаго національзма.

V.

Народность *сама по себѣ* есть лишь ограниченная часть человѣчества, могущая стоять въ томъ или другомъ отношеніи къ абсолютному идеалу, но ни въ какомъ случаѣ не тождественная съ нимъ; поэтому когда такой частный фактъ берется какъ онъ есть и возводится въ высшій принципъ, когда отдѣльному народу приписывается исключительная и неотъемлемая привилегія или монополія на абсолютную истину, тогда онъ изъ преимущественнаго носителя и служителя всечеловѣческаго идеала превращается въ безусловный довлѣющій себѣ предметъ нашего служенія, т.-е. въ *идола*, поклоненіе которому основано на лжи и ведетъ къ нравственному, а затѣмъ и матеріальному крушенію. Ложь здѣсь состоитъ въ томъ, что фактъ сложный и относительный, смѣшаннаго качества, съ положительными и отрицательными сторонами, съ остатками и зародышами всевозможныхъ элементовъ, добрыхъ и злыхъ,—выдается за нѣчто безусловно достойное и совершенное; а пагубныя послѣдствія этой лжи заключаются въ томъ, что если данный фактъ (извѣстная народность) сталъ безусловнымъ предметомъ поклоненія въ своемъ наличномъ видѣ, и различіе дурного и хорошаго въ немъ утратилось, то тѣмъ самымъ теряется основаніе и побужденіе его улучшать, возвышать его до истиннаго идеала, противодѣйствовать въ немъ всему злому; а такъ какъ въ нашей земной дѣйствительности зло вообще сильнѣе добра, то дурные элементы въ народѣ, возвеличенные вмѣстѣ съ хорошими, скоро берутъ надъ ними перевѣсъ, и фальшиво обожествленный идолъ становится все болѣе и болѣе обманчивымъ, все менѣе и менѣе достойнымъ нашего поклоненія и служенія.

Защитникамъ идолопоклонства очень на руку двусмысленность слова „служеніе“. Съ одной стороны, „служить“ значитъ безусловно подчиняться и предаваться извѣстному предмету, какъ совершенному благу и высшей цѣли; въ этомъ смыслѣ говорится о служеніи Богу; подобнымъ же образомъ мы служимъ идеаламъ и принципамъ, которые въ своемъ родѣ, такъ или иначе, выражаютъ безусловное совершенство,—служимъ, напримѣръ, истинѣ, справед-

ливости, законности и т. п. Но съ другой стороны, когда дѣло идетъ о предметахъ ограниченныхъ и несовершенныхъ, имѣющихъ лишь относительное достоинство, то слово „служить“ никакъ не должно выражать безусловнаго и всецѣлаго подчиненія и преклоненія, а обозначаетъ лишь *дѣятельность на пользу* даннаго предмета, для доставленія ему тѣхъ благъ, которыхъ онъ самъ въ себѣ не имѣетъ. Это есть дѣятельность, во-первыхъ, *сохраняющая* бытіе даннаго предмета, а во-вторыхъ *улучшающая*, совершенствующая его достоинство и слѣдовательно *разрушающая* его дурныя стороны; именно такимъ образомъ мы служимъ тѣмъ учрежденіямъ и тѣмъ соціальнымъ группамъ, къ которымъ принадлежимъ,—служимъ своей семьѣ, своей профессіи, своему народу и отечеству. Очевидно, что это второго рода служеніе можетъ настоящимъ образомъ совершаться лишь подъ условіемъ перваго. Я не могу служить какъ слѣдуетъ своему отечеству, если я при этомъ не служу истинѣ и справедливости, если я не подчиняю безусловно и себя, и свой народъ высшему нравственному закону. Служеніе этимъ идеальнымъ предметамъ даетъ опредѣленное мѣрило и для оцѣнки патріотическаго служенія. Съ другой стороны, исполнять на дѣлѣ требованія высшаго идеальнаго служенія (въ первомъ смыслѣ) мы можемъ не иначе, какъ только примѣняя и осуществляя ихъ въ той конкретной общественной средѣ, въ которую мы поставлены, и которую мы чрезъ эту свою дѣятельность улучшаемъ и совершенствуемъ (т.-е. служимъ ей во второмъ смыслѣ). Такимъ образомъ эти два рода „служенія“ именно въ силу своего опредѣленнаго различія внутренно связаны между собою, и этою связью обусловливается какъ истинный патріотизмъ, такъ и дѣйствительный прогрессъ человѣчества.

Говорятъ: нельзя *на дѣлѣ* любить человѣчество, или служить ему—это слишкомъ отвлеченно и неопредѣленно; можно дѣйствительно любить только свой народъ. Конечно, человѣчество не можетъ быть ощутительнымъ предметомъ любви, но это и не требуется: довольно если мы свой народъ (или хотя бы ближайшую соціальную среду) любимъ *по-человѣчески*, желаемъ ему тѣхъ *истинныхъ благъ*, которыя не съуживаютъ, а расширяютъ его собственную жизнь, поднимаютъ его нравственный уровень и образуютъ его положительную духовную связь со всѣмъ Божьимъ міромъ. При такомъ истинномъ патріотизмѣ служеніе своему народу, конечно, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и служеніе человѣчеству, хотя бы объ этомъ послѣднемъ мы и не имѣли никакого яснаго представленія. Но когда подъ тѣмъ предлогомъ, что человѣчество есть лишь отвлеченное понятіе, мы начинаемъ поднимать въ

своемъ народѣ его *зоологическую* сторону, возбуждать его *звѣрскіе* инстинкты, укрѣплять въ немъ звѣриный образъ, то кого же и чтò мы тутъ любимъ, кому и чему этимъ служимъ?

Грѣхъ славянофильства не въ томъ, что оно приписало Россіи высшее призваніе, а въ томъ, что оно недостаточно настаивало на нравственныхъ условіяхъ такого призванія. Пускай бы эти патріоты еще болѣе возвеличивали свою народность, лишь бы они не забывали, что *величіе обязываетъ;* пускай бы они еще рѣшительнѣе провозглашали русскій народъ собирательнымъ Мессіей, лишь бы только они помнили, что Мессія долженъ и дѣйствовать какъ Мессія, а не какъ Варавва. Но именно на дѣлѣ и оказалось, что глубочайшею основою славянофильства была не христіанская идея, а только зоологическій патріотизмъ, освобождающій націю отъ служенія высшему идеалу и дѣлающій изъ самой націи предметъ идолослуженія. Провозгласили себя народомъ святымъ, богоизбраннымъ и богоноснымъ, а затѣмъ во имя всего этого стали проповѣдовать (къ счастію не вполнѣ успѣшно) такую политику, которая не только святымъ и богоносцамъ, но и самымъ обыкновеннымъ смертнымъ никакой чести не дѣлаетъ.

VI.

Превращенію мессіанскаго идеала старыхъ славянофиловъ въ того зооморфическаго идола, которому служатъ нынѣшніе націоналисты, соотвѣтствовала и способствовала замѣна религіознаго содержанія вѣроисповѣдною формою. Допустимъ (какъ оно есть и на самомъ дѣлѣ), что православіе по существу своему есть совершенно истинная, вполнѣ адекватная форма христіанства. Но и самое лучшее внѣшнее выраженіе высшей духовной жизни можетъ быть—въ умѣ и чувствѣ людей—отдѣлено отъ самой этой жизни, и въ такомъ случаѣ оно или остается пустою формой, или—чтò еще хуже—наполняется другимъ содержаніемъ, далеко не соотвѣтствующимъ или даже противоположнымъ первоначальному. Старые славянофилы въ свою проповѣдь „православія“ не влагали еще, конечно, содержанія прямо анти-христіанскаго. Но самый тотъ фактъ, что они въ религіозномъ дѣлѣ настаивали преимущественно на вѣроисповѣдныхъ отличіяхъ, на томъ, чтò насъ отдѣляетъ отъ другихъ христіанъ, а не на томъ, что насъ съ ними связываетъ и соединяетъ,—эта замѣна христіанскаго дѣла вѣроисповѣднымъ споромъ ясно показывала, что въ ихъ взглядахъ и чувствахъ данная историческая форма истинной религіи перестала

быть нераздѣльнымъ органическимъ выраженіемъ ея духовнаго содержанія, а получила самостоятельное и преобладающее значеніе. На словахъ эти люди не отдѣляли православія отъ духа Христова; они утверждали, что православіе отличается началомъ любви, духовной свободы и т. д., но они ничего не дѣлали для дѣйствительнаго осуществленія этихъ истинно-христіанскихъ началъ любви и духовной свободы и тѣмъ ясно показывали, что для нихъ главное дѣло не въ этомъ, а только въ томъ, чтобы *во что бы то ни стало* отстоять преимущество *своего* вѣроисповѣднаго элемента передъ *чужими*. Преувеличенное значеніе внѣшней формы въ ихъ проповѣди несомнѣнно обозначало убыль собственно-религіознаго духовнаго интереса, и эта убыль скоро сказалась у насъ самымъ печальнымъ образомъ.

Странное дѣло! Казалось бы на первый взглядъ, что такія выраженія, какъ „христіанство", „духъ Христовъ" и т. п., гораздо менѣе опредѣленны, чѣмъ такія, какъ „православіе", „единая спасающая церковь" и т. п.,—а между тѣмъ на практикѣ оказывается какъ разъ наоборотъ. Во всякомъ вопросѣ личной и общественной нравственности между добросовѣстными людьми никогда не можетъ быть спора о томъ, что̀ согласно и что̀ противно христіанскому духу; тогда какъ съ точки зрѣнія той или другой исторической вѣроисповѣдной формы—если ей придавать самостоятельное значеніе — во всякомъ такомъ случаѣ рѣшеніе оказывается спорнымъ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ пытать и сжигать еретиковъ? По духу Христову ясно, что не слѣдуетъ; ну а съ точки зрѣнія единой спасающей церкви приходится отвѣчать: и да, и нѣтъ. Или общѣе: нужно ли и позволительно ли стѣснять религіозныя убѣжденія человѣка, подавлять ихъ внѣшнею властью? Опять-таки нѣтъ сомнѣнія, что по духу Христову всякое религіозное насиліе и преслѣдованіе невозможно и непозволительно, тогда какъ на формальной почвѣ любого вѣроисповѣднаго учрежденія нельзя получить и на этотъ существенный вопросъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Славянофилы утверждали, напримѣръ, что сущность православія состоитъ въ любви и свободѣ совѣсти, чѣмъ прямо исключалась возможность религіозныхъ стѣсненій и преслѣдованій. Но это оказалось ихъ частнымъ и весьма непрочнымъ мнѣніемъ. Нынѣ люди, имъ единомышленные, но болѣе ихъ компетентные, совершенно иначе высказываются объ этомъ предметѣ. Позволимъ себѣ привести слѣдующую страницу изъ недавняго и повидимому мало замѣченнаго произведенія одного уважаемаго публициста, говорившаго о православіи и во имя православія.

„Поставьте принципомъ, въ истинѣ котораго *потомъ* убѣдитесь, что православную церковь трудно понять съ точки зрѣнія иного исповѣданія и тѣмъ болѣе разнообразныхъ сектъ. Напротивъ, только съ точки зрѣнія православной церкви, какъ съ вершины, видны всѣ кривые пути, на которые уклонились католичество и протестантство со всѣми происшедшими отъ послѣдняго безчисленными сектами. Тогда только вы поймете неизреченную милость Провидѣнія Божія къ нашему народу, призвавшаго его въ свою истинную церковь и удостоившаго его послужить ея сохраненію и распространенію; поймете и то, почему мы обладаемъ такою необъятною территоріею, и отчего народъ нашъ занялъ такое высокое положеніе между другими народами и пріобрѣлъ такое міровое значеніе. Вы поймете, что Богъ съ нимъ и Богъ его возвеличилъ.

„Но въ этомъ случаѣ наши образованные люди пожалѣютъ только себя, такъ какъ сами обратятся на истинный путь. Но они должны пожалѣть и народъ, разлагаемый, какъ мы видимъ, безчисленными сектами, и притомъ въ послѣднее время развращаемый вредными мыслями и дурными примѣрами тѣхъ же ложно образованныхъ людей. Для прекращенія этого зла нужно нашему просвѣщенному обществу прежде всего отрѣшиться отъ двухъ ложныхъ понятій, *о свободѣ совѣсти и о всепрощающей любви* (курсивъ въ подлинникѣ). Нельзя признать право на распространеніе всѣхъ возможныхъ сектъ и заблужденій по принципу свободы совѣсти въ томъ смыслѣ, какъ у насъ затвердили его съ чужого голоса, справедливо признавая, что совѣсть *неприкосновенна* (курс. подл.), но не понимая того, что тамъ, гдѣ они хотятъ видѣть и признать свободу совѣсти, *ея вовсе нѣтъ* (курс. подл.). Истинное ученіе о свободѣ совѣсти принадлежитъ святому апостолу Павлу (1 Коринѳ. X, 23—30) и отъ него усвоено православною церковію. Вотъ въ чемъ оно состоитъ: совѣсть какъ чувство и сознаніе состояній благопріятныхъ и тягостныхъ, испытываемыхъ человѣкомъ по совершеніи добра или зла, есть естественный нравственный законъ, сохранившійся и послѣ паденія человѣка въ его природѣ. Это сознаніе и чувство просвѣтляется познаніемъ закона богооткровеннаго, благодатію Божіею и нравственнымъ трудомъ. Чѣмъ яснѣе и чище становится совѣсть, тѣмъ она чувствительнѣе къ впечатлѣніямъ добра и зла, тѣмъ строже различаетъ и тѣмъ рѣшительнѣе принимаетъ добро и отвергаетъ зло. Когда человѣкъ нравственнымъ трудомъ и очищеніемъ сердца воплощаетъ въ себѣ законъ Христовъ, и когда совѣсть и ея велѣнія становятся *тождественными съ закономъ*

Христовымъ (курс. подл.), тогда человѣкъ получаетъ право и *свободу* (курс. подл.), безъ опасенія нарушить заповѣдь Божію, дѣйствовать по своей совѣсти; тогда онъ можетъ дозволять себѣ примѣненіе закона къ частнымъ случаямъ жизни, и опредѣленіе взаимныхъ отношеній христіанскихъ обязанностей не по буквѣ, а по духу закона; тогда онъ дѣйствуетъ по *свободѣ совѣсти* (курс. подл.). Итакъ, *свобода совѣсти есть высшее совершенство христіанина, котораго нельзя признать за всякимъ человѣкомъ безъ разбора*. У того, кто грѣшитъ безъ страха отвѣтственности, совѣсть *тупа* (курс. подл.), или, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, *сожжена* (курс. подл.) (I Тим. IV, 2); кто фанатически преслѣдуетъ разномыслящаго съ нимъ человѣка, у того совѣсть *искажена* (курс. подл.); кто позволяетъ себѣ извороты и предлоги для уклоненія отъ исполненія обязанности, или для корыстныхъ цѣлей ложно толкуетъ законъ, у того совѣсть *фальшива* (к. п.), или по церковному (?) выраженію *лукава* (курс. подл.) и т. под. Какъ же можно уступить принципъ свободы совѣсти, или дать право дѣйствовать (?) по *своей* (к. п.) совѣсти и изувѣру, и фанатику, и разбойнику? Ихъ совѣсть, напротивъ, требуетъ пробужденія, оживленія, *освобожденія* (к. п.) отъ подавляющихъ ее ложныхъ мыслей, пороковъ и страстей. Итакъ, признавайте за всякимъ человѣкомъ, какъ существомъ свободнымъ, свободу мысли (*но безъ права публичнаго выраженія всякой ложной мысли*), свободу выбора, свободу дѣла, свободу жить или умереть (?), свободу спастись или погибнуть, но никакъ не *свободу совѣсти* (курс. подл.).

„Подобныя же ложныя мысли господствуютъ въ нашемъ образованномъ обществѣ и относительно христіанской любви. Основываясь будто бы на Евангеліи, проповѣдуютъ любовь безграничную, всепрощающую, всетерпящую". Досточтимый авторъ находитъ, напротивъ, что истинная любовь предписываетъ „мѣры исправленія и ограниченія" не только противъ порочныхъ, но и противъ „заблуждающихъ".

„Еще надъ умами нашихъ образованныхъ людей,—продолжаетъ онъ далѣе,—тяготѣетъ ложное мнѣніе о мирѣ христіанскомъ, объ осторожности относительно иновѣрцевъ и сектантовъ изъ опасенія раздражить умы и страсти и произвести въ обществѣ смуты и безпорядки". Подобное опасеніе онъ считаетъ неумѣстнымъ особенно для лицъ начальствующихъ: „когда ты не частный человѣкъ и обязанъ защищать въ своемъ лицѣ права своего общественнаго положенія и власти, тогда дѣйствуй какъ христіанинъ *съ свободною совѣстью*, умѣющій примирить обязанность любви

съ правами власти". И далѣе поясняется: „согласно съ истиннымъ ученіемъ о свободѣ совѣсти и христіанской любви и начальники христіанскіе не должны смотрѣть, сложа руки, на распространеніе у насъ сектъ, а мѣрами дозволенными закономъ, по слову апостола Павла, „вразумлять безчинныхъ" (I Сол. V, 14), „заграждать уста пустослововъ" (Тит. VI, 10, 11), „удалять смущающихъ церковь Божію" (Гал. I, 7) [1]).

VII.

Я вовсе не имѣю въ виду оспаривать изложенное (въ качествѣ истинно-православнаго) ученіе о свободѣ совѣсти. Многое въ немъ совершенно безспорно. Всякій согласится съ такимъ, напримѣръ, положеніемъ: „кто фанатически преслѣдуетъ разномыслящаго съ нимъ человѣка, у того совѣсть искажена". Нельзя спорить также и противъ того положенія, что совершенный христіанинъ, воплощающій въ себѣ законъ Христовъ, имѣетъ полноту духовной свободы,—той свободы, которою пользовались, напримѣръ, мученики. Но вопросъ, который насъ интересуетъ и который также имѣлся въ виду и досточтимымъ авторомъ приведеннаго разсужденія, касался не тѣхъ *совершенныхъ* христіанъ, которые сами *претерпѣвали* гоненія за вѣру отъ язычниковъ, а, напротивъ, тѣхъ несовершенныхъ христіанъ того или другого господствующаго вѣроисповѣданія (скажемъ, напримѣръ, женевскихъ кальвинистовъ, или испанскихъ католиковъ XVI и XVII вѣка), которые не подвергались, а подвергали религіознымъ преслѣдованіямъ иновѣрцевъ и предполагаемыхъ еретиковъ; спрашивается: позволительны ли съ истинно-христіанской точки зрѣнія такія преслѣдованія и вообще какія бы то ни было внѣшнія принудительныя мѣры стѣсненія и ограниченія противъ исповѣданія религіозныхъ убѣжденій, не совпадающихъ съ вѣрою большинства? Дѣло идетъ вовсе не о внутреннихъ, болѣе или менѣе совершенныхъ, состояніяхъ христіанина, подвѣдомственныхъ одному Богу, а только о законномъ и публичномъ, юридическомъ и политическомъ примѣненіи христіанскаго начала вѣротерпимости или религіозной свободы къ различнымъ сектантамъ и иновѣрцамъ. Вопросъ о сво-

[1]) Здѣсь, намъ кажется, почтенный авторъ, не вполнѣ основательно ссылается на св. Павла. Такъ какъ въ эпоху апостола языковъ христіанская церковь была сама лишь гонимою, въ глазахъ язычниковъ, сектою, то всѣ приведенныя выраженія могли относиться только къ внутренней духовной дисциплинѣ христіанскихъ общинъ, а никакъ не къ внѣшнимъ принудительнымъ мѣрамъ противъ сектантовъ.

бодѣ совѣсти въ этомъ смыслѣ (а только въ этомъ смыслѣ онъ есть вопросъ) имѣетъ лишь кажущееся, словесное, а не реальное отношеніе къ тому религіозно-психологическому и религіозно-этическому ученію о совѣсти и ея внутренней свободѣ и неволѣ, которое—по справедливому, но не совсѣмъ точному выраженію нашего автора—принадлежитъ святому апостолу Павлу и отъ него усвоено православною церковью [1]).

Конечно, „свобода совѣсти" есть выраженіе лишь условно-принятое, а въ сущности совершенно непригодное для нашего вопроса, который относится вовсе не къ совѣсти (она, какъ замѣтилъ и авторъ, *неприкосновенна*), а къ праву каждаго лица и каждой религіозной общины свободно исповѣдовать и проповѣдовать свои вѣрованія и убѣжденія. Но именно это право нашъ авторъ и отвергаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: „признавайте, говоритъ онъ, за всякимъ человѣкомъ, какъ существомъ свободнымъ, свободу мысли, *но безъ права публичнаго выраженія всякой ложной* мысли". Если бы существовали общепризнанные судьи, непреложно рѣшающіе, какая мысль ложная и какая истинная, тогда, конечно, не было бы надобности допускать обнародованіе завѣдомой лжи; но именно отсутствіе такихъ судей и весьма частыя и пагубныя ошибки предполагаемыхъ авторитетовъ заставляютъ, въ интересахъ духовнаго преуспѣянія человѣчества, требовать свободы выраженія всякихъ мыслей. Что же касается допускаемой нашимъ авторомъ свободы для *мысли невыраженной*, то такая свобода неотъемлемо принадлежитъ всякому мыслящему существу по природѣ вещей и никѣмъ не можетъ быть ограничена; ибо чужая душа—потемки, и никакое начальство, ни свѣтское, ни духовное, не имѣетъ физической возможности простирать свою власть на сокровенные помыслы людей. Зачѣмъ же говорить о предоставленіи того, что̀ не можетъ быть отнято, и о разрѣшеніи того, чего нельзя запретить?

Основанія, по которымъ нашъ авторъ отвергаетъ свободу публичнаго [2]) выраженія мыслей, заключаютъ въ себѣ, кажется, нѣкоторое недоразумѣніе. „Какъ же можно,—говоритъ онъ,—уступить принципъ свободы совѣсти или дать право дѣйствовать по *своей* совѣсти и изувѣру, и фанатику, и разбойнику?" Право дѣйствія разбойниковъ ограничено уголовнымъ судомъ и его послѣдствіями,

---

[1]) Я говорю: *не совсѣмъ точному*,—потому что апостолъ Павелъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія православной церкви, не имѣлъ никакого особеннаго, лично ему принадлежащаго ученія, а возвѣщалъ вѣчныя истины по вдохновенію свыше.

[2]) О частныхъ выраженіяхъ мысли, напримѣръ, въ интимномъ разговорѣ мужа съ женой, можно сказать то же, что̀ и о мысляхъ невыраженныхъ: ихъ свобода неотъемлема и не подлежитъ никакому вопросу.

и едва-ли кто серьезно станетъ оспаривать необходимость такого ограниченія. Вопросъ не о дѣйствіяхъ. Между правомъ публичнаго исповѣданія своихъ религіозныхъ убѣжденій и правомъ разбойничьихъ дѣйствій есть нѣкоторая существенная разница, тѣмъ болѣе, что разбойники дѣйствуютъ обыкновенно не по совѣсти, а вопреки ей. Съ другой стороны, нашъ авторъ предоставляетъ полную свободу совѣсти и дѣйствій лицамъ начальствующимъ и вмѣняетъ имъ такую свободу даже въ обязанность: „дѣйствуй,— обращается онъ къ начальнику,—какъ христіанинъ *съ свободною совѣстью*". Конечно, среди лицъ начальствующихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разбойниковъ, но фанатики между ними иногда могутъ попадаться, а нашъ авторъ и къ нимъ такъ же безпощаденъ, какъ и къ разбойникамъ: и у нихъ, по его мнѣнію, необходимо отнять свободу совѣсти и дѣйствій, ибо, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, „кто фанатически преслѣдуетъ разномыслящаго съ нимъ человѣка, у того совѣсть *искажена*". Какъ же тутъ быть? Одинъ и тотъ же субъектъ, какъ человѣкъ съ искаженною отъ фанатизма совѣстью не можетъ быть полноправнымъ, и онъ же, въ качествѣ начальника, не только полноправенъ, но имѣетъ даже обязанность дѣйствовать какъ христіанинъ съ свободною совѣстью. Это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено только требованіемъ, чтобы всѣ начальники были совершенные христіане—требованіе явно утопическое.

Мы остановились на этомъ разсужденіи съ цѣлью отмѣтить интересный фактъ: со стороны лицъ вполнѣ компетентныхъ и притомъ примыкающихъ къ славянофильству, религіозная свобода не только не признается за отличительный признакъ православія (какимъ считали ее старые славянофилы), а даже прямо отвергается, какъ пагубное заблужденіе, отъ котораго прежде всего должно отрѣшиться наше общество. Въ чемъ же, однако, состоитъ тогда тотъ кривой путь католичества, который виденъ нашему автору съ его вершины? Мы прежде думали, что эта кривда есть именно религіозная нетерпимость стѣсненія и преслѣдованія иновѣрцевъ и разномыслящихъ. Очевидно теперь, что мы ошибались. Ошибался и поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, когда обращался съ такимъ громоноснымъ обличеніемъ къ папѣ Пію IX:

Не отъ меча погибнетъ онъ земного,
Земнымъ мечомъ владѣвшій столько лѣтъ:
Его погубитъ роковое слово:
„Свобода совѣсти есть бредъ".

Владиміръ Соловьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1891 г.

Высочайшій указъ 17-го апрѣля.—Двадцатипятилѣтіе „новаго" суда.—Два періода въ его исторіи. — Оффиціальный отзывъ о мировомъ судѣ. — Нѣчто о „мѣстоименіяхъ".—Изъ судебныхъ дѣлъ.—Закрытіе финляндскаго сейма.

Е. И. В. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, счастливо избавясь отъ угрожавшей ему 29-го апрѣля, въ Японіи, опасности, возвратился, 10-го мая, въ предѣлы Россіи и совершаетъ теперь путешествіе по Сибири. Въѣздъ Его въ ея предѣлы ознаменованъ закладкой уссурійскаго участка сибирской желѣзной дороги, а также смягченіемъ участи ссыльныхъ. Приводимъ текстъ Именного Высочайшаго указа по этому предмету, подписаннаго 17-го апрѣля и распубликованнаго 12-го мая:

„Въ ознаменованіе посѣщенія Сибири Любезнѣйшимъ Сыномъ Нашимъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ, желая явить милость Нашу тѣмъ изъ отбывающихъ нынѣ въ Сибири наказанія, въ силу судебныхъ приговоровъ, ссыльныхъ, кои по день прибытія Его Императорскаго Высочества въ предѣлы Сибири распредѣлены въ установленномъ порядкѣ къ мѣстамъ причисленія и работъ, повелѣваемъ:

1. Ссыльно-каторжнымъ, которые добрымъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ труду окажутся достойными снисхожденія, уменьшать назначенные судомъ сроки каторги до двухъ третей, безсрочную же каторгу замѣнять срочною на двадцать лѣтъ.

2. Осужденныхъ за преступленія, содѣянныя въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, въ каторжныя работы на сроки менѣе четырехъ лѣтъ, нынѣ же перечислить въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ.

3. Состоящимъ на поселеніи, а равно и имѣющимъ быть переведенными на поселеніе изъ отбываемыхъ ими нынѣ каторжныхъ работъ, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и пріобрѣли осѣдлость, сокращать назначенный закономъ для перечисленія ссыльно-поселенцевъ въ крестьяне десятилѣтній срокъ, а по истеченіи десяти лѣтъ со времени пріобрѣтенія ими своимъ поведеніемъ права на

перечисленіе въ крестьяне разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и признаніемъ ихъ, взамѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 улож. о наказ. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

4. Сосланнымъ на житье въ Сибирь, по истеченіи пятнадцати лѣтъ со дня вступленія состоявшихся о нихъ приговоровъ въ законную силу, дозволить свободное избраніе мѣстожительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній и безъ возстановленія въ прежнихъ ихъ правахъ.

5. Ссыльнымъ, коихъ преступныя дѣянія совершены до 15-го мая 1883 года и коимъ дарованы уже Высочайшимъ манифестомъ, обнародованнымъ въ день Священнаго Коронованія Нашего, милости, означенныя въ статьяхъ 1, 3 и 4 настоящаго указа, предоставить сверхъ того слѣдующія льготы:

а) ссыльно-каторжнымъ сокращать срокъ работъ на одинъ годъ;

б) ссыльно-поселенцамъ, пріобрѣвшимъ право на перечисленіе въ крестьяне, дозволять приписываться къ городскимъ мѣщанскимъ обществамъ Сибири, въ случаѣ согласія сихъ послѣднихъ, безъ права однако выѣзда въ предѣлы европейской Россіи до разрѣшенія имъ сего въ порядкѣ, опредѣленномъ упомянутымъ манифестомъ,—и

в) сосланнымъ на житье въ сибирскія губерніи, по освобожденіи ихъ отъ ссылки въ силу означеннаго манифеста, разрѣшать выдачу паспортовъ безъ наименованія „изъ ссыльныхъ", а равно безъ отмѣтокъ о судимости и красныхъ литеръ о лишеніи правъ.

6. Сосланныхъ на водвореніе за бродяжничество, въ случаѣ обнаруженія ими своего званія, по удостовѣреніи сего мѣстнымъ судомъ, освободить отъ ссылки, съ воспрещеніемъ осужденнымъ послѣ священнаго коронованія Нашего проживать въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ.

Примѣненіе льготъ, изъясненныхъ выше въ статьяхъ 1, 3 и 5 сего указа, предоставляемъ, по принадлежности, министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернаторамъ иркутскому и при-амурскому, по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи осужденныхъ во время пребыванія въ ссылкѣ".

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе со времени открытія въ Петербургѣ и Москвѣ общихъ судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ 1864 г., а въ маѣ мѣсяцѣ—со времени открытія въ столицахъ мирового суда. „Любопытное явленіе,—читаемъ мы въ книгѣ г. Джаншіева: „Основы судебной реформы", вышедшей въ свѣтъ какъ разъ къ судебному юбилею:—вотъ уже минуло двадцать пять лѣтъ, а все еще учрежденія, созданныя 20-го ноября 1864 г., продолжаютъ преимущественно передъ всѣми другими преобразованными учрежденіями носить эпитетъ *новыхъ*. Это не случайность. *Новый* судъ и по пространству интересовъ и явленій, имъ захваченныхъ, и по глубинѣ лежащихъ въ основаніи его *новыхъ* идей, безспорно занимаетъ особое мѣсто въ ряду реформъ прошлаго царствованія". Отнюдь не отвергая этого объясненія, мы думаемъ, что устойчивость эпитета, прилагаемаго къ пре-

образованному суду, имѣетъ еще и другую, болѣе простую причину. Рядомъ съ учрежденіями, призванными къ жизни въ великій день 20-го ноября, состоятъ еще до сихъ поръ учрежденія до-реформеннаго времени; рядомъ съ судебными уставами императора Александра II дѣйствуютъ еще до сихъ поръ процессуальныя правила, изложенныя въ томахъ десятомъ и пятнадцатомъ свода законовъ. Существуютъ еще *старые* судебные департаменты сената, существуютъ еще *старыя* палаты уголовнаго и гражданскаго суда и сходные съ ними *старые* губернскіе суды. Понятно, что при такихъ условіяхъ наименованіе: *новый*—становится необходимой отличительной чертой позднѣйшихъ учрежденій и уставовъ. Одновременное—и весьма продолжительное—дѣйствіе двухъ существенно-различныхъ порядковъ наблюдалось у насъ, правда, не въ одномъ только судебномъ мірѣ: вотъ уже болѣе четверти вѣка, что у насъ есть, напримѣръ, земскія и неземскія губерніи—но такъ какъ въ послѣднихъ земства нѣтъ вовсе, то нѣтъ и причины говорить о *новыхъ* земскихъ учрежденіяхъ, въ противоположность *старымъ*. Постепенность въ территоріальномъ распространеніи реформъ есть наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ; медленность распространенія или даже совершенная его пріостановка была продуктомъ послѣдующаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, думали ли составители судебныхъ уставовъ, что столѣтіе будетъ приходить къ концу — а на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ государства все еще будутъ держаться до-реформенные судебные порядки, только слегка исправленные? Думали ли составители земскаго положенія, что его географическій кругъ дѣйствій, двадцать семь лѣтъ спустя послѣ его изданія, окажется не только не расширеннымъ, но съуженнымъ (земскія учрежденія перестали, какъ извѣстно, существовать въ донской области и въ присоединенномъ къ ней ростовскомъ уѣздѣ)? Думали ли составители закона 6-го апрѣля 1865 г., что безцензурная пресса останется принадлежностью однѣхъ столицъ, да и онѣ будутъ обладать ею въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ?.. Взглядъ, господствовавшій въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, можетъ быть формулированъ такъ: предпринятыя реформы настолько радикальны, что для одновременнаго и повсемѣстнаго ихъ примѣненія не найдется ни средствъ, ни людей; не вездѣ, въ добавокъ, благопріятствуютъ имъ мѣстныя условія. Но пройдетъ нѣсколько лѣтъ —явятся люди, явятся средства, измѣнятся условія, и реформы будутъ введены вездѣ, съ нѣкоторыми лишь развѣ приспособленіями къ особенностямъ даннаго края или даннаго населенія. Семидесятые годы положили начало другимъ мнѣніямъ, восьмидесятые годы доставили имъ преобладаніе—и вотъ почему до сихъ поръ еще приходится говорить о *новомъ* судѣ, въ противоположность *старому*. Еслибы не эта про-

тивоположность, выраженіе: *новый*—должно было бы уступить мѣсто другому, болѣе точному; слѣдовало бы вести рѣчь о судѣ *новѣйшемъ*, потому что ни судебныя учрежденія, ни судебные уставы теперь уже не тѣ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Исторія ихъ, какъ она ни коротка, раздѣляется на два періода: періодъ частичныхъ поправокъ и періодъ коренныхъ измѣненій.

Періодъ частичныхъ поправокъ начался для судебныхъ уставовъ почти непосредственно вслѣдъ за введеніемъ ихъ въ дѣйствіе. Они раздѣляютъ эту судьбу съ другими крупными преобразованіями прошлаго царствованія. Чѣмъ реформа была крупнѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе было стремленіе кое въ чемъ ее сократить, кое-что взять назадъ, кое-что парализовать или сдѣлать менѣе опредѣленнымъ и замѣтнымъ. Проявлялись эти стремленія обыкновенно въ связи съ какимъ-нибудь частнымъ случаемъ и не выходили за предѣлы возбужденнаго имъ вопроса. Такъ напримѣръ, законъ 21-го ноября 1866 г. ограничилъ право земскихъ учрежденій облагать промышленность и торговлю, но оставилъ компетенцію ихъ, во всемъ другомъ, совершенно неприкосновенной. Расширеніе власти предсѣдательствующихъ въ земскихъ собраніяхъ, состоявшееся лѣтомъ 1867 г., ни въ чемъ не измѣнило отношенія земства къ органамъ администраціи. Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ права запрещать розничную продажу періодическихъ изданій было, до 1870 г., единственной перемѣной къ худшему въ положеніи столичной прессы. То же самое мы видимъ и въ области суда. Первый оправдательный приговоръ по дѣлу о проступкѣ печати, произнесенный окружнымъ судомъ (въ Петербургѣ, въ августѣ 1866 г.), влечетъ за собою изъятіе подобныхъ процессовъ изъ вѣденія окружного суда—но пока на мѣсто одного суда ставится другой (судебная палата), представляющій тѣ же гарантіи независимости и безпристрастія. Призывъ къ допросу, у слѣдователя, какого-то важнаго сановника становится поводомъ къ установленію особаго, льготнаго порядка допроса для всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ (законъ 1-го іюня 1868 г.); но этотъ порядокъ не нарушаетъ существенныхъ правъ обвиненія и защиты. Снисходительный, съ извѣстной точки зрѣнія, приговоръ петербургской судебной палаты по такъ-называемому Нечаевскому дѣлу ведетъ, въ 1872 г., къ измѣненію подсудности политическихъ процессовъ; но особое присутствіе сената, замѣняющее собою особое присутствіе палаты, отличается отъ послѣдняго не столько организаціей и степенью власти, сколько способомъ дѣйствій. Болѣе существеннымъ отступленіямъ отъ основныхъ началъ судебной реформы—напр. пріостановкѣ, въ 1874 г., открытія новыхъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, ограниченію, въ 1878 г., компетенціи суда присяжныхъ — приписывается *временной* характеръ; эта

традиція сохраняется до начала восьмидесятыхъ годовъ, отражаясь, напримѣръ, на правилахъ о чрезвычайной и усиленной охранѣ (въ той мѣрѣ, въ какой они соприкасаются съ судебнымъ процессомъ).

Само собою разумѣется, что характеръ эпохи, названной нами періодомъ частичныхъ поправокъ, обусловливается не однѣми только законодательными мѣрами; онъ зависитъ, въ значительной степени и отъ того, какъ *соблюдались* и какъ *примѣнялись* опредѣленія судебныхъ уставовъ. И здѣсь точно также велика аналогія между реформами судебной и всѣми остальными. Уже въ шестидесятыхъ годахъ у насъ не было такой сферы, въ которой, рядомъ съ новымъ закономъ, не дѣйствовали бы старые обычаи, прямо противоположные закону. Правила 6-го апрѣля 1865 г. установляли извѣстный порядокъ запрещенія газеты или журнала,—но не прошло еще и года со времени ихъ изданія, какъ два журнала были запрещены совершенно внѣ этого порядка. Земское положеніе 1-го января 1864 г. не предусматривало распущенія земскихъ собраній,—а между тѣмъ уже въ петербургской губерніи они были не только распущены, но и закрыты, вмѣстѣ съ своими исполнительными органами—управами. Судебными уставами были созданы извѣстныя гарантіи личныхъ правъ и личной свободы—но на самомъ дѣлѣ ограниченіе правъ, лишеніе свободы, допускалось чуть не ежедневно, помимо этихъ и всякихъ вообще гарантій; весьма скоро возобновилось и преданіе военному суду за преступленія, подсудныя, по закону, суду гражданскому. Въ *примѣненіи* судебныхъ уставовъ высшая судебная администрація недолго держалась взглядовъ, господствовавшихъ въ моментъ реформы. Съ судебными уставами случилось то же самое, что и съ положеніями 19-го февраля; вдохновителямъ ихъ недолго суждено было оставаться ихъ исполнителями. Участь С. С. Ланского и Н. А. Милютина раздѣлили Д. Н. Замятнинъ и Н. И. Стояновскій. Насколько непродолжительна была дѣятельность Ю. Ѳ. Самарина и Я. А. Соловьева по осуществленію крестьянской реформы, настолько же мало дано было сдѣлать С. И. Зарудному для осуществленія реформы судебной. Министерство юстиціи, съ осени 1867 г., относилось къ судебнымъ уставамъ приблизительно такъ, какъ преемникъ С. С. Ланского—къ мировымъ посредникамъ перваго призыва, какъ преемникъ П. А. Валуева—къ безцензурной печати. Прямо и рѣшительно измѣнено было немногое, но многое поблекло, многое получило другую окраску; повѣяло другимъ духомъ, перевѣсъ получили другія требованія. Къ этому времени относится, напримѣръ, упадокъ слѣдственной части, не устраненный и послѣдующими мѣрами; къ этому времени относится усложненіе задачъ прокурорскаго надзора, мало гармонирующее съ его первоначальнымъ призваніемъ. Замышлялись, проектировались

и болѣе широкія нововведенія—но они такъ и оставались проектами, по той же причинѣ, по которой не удались планы „ново-дворянской" партіи, образовавшейся въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ и имѣвшей, казалось, серьезные шансы успѣха. Время коренныхъ передѣлокъ еще не настало—и на рубежѣ двухъ десятилѣтій (семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ) фонды судебныхъ уставовъ стояли такъ высоко, какъ ни разу съ 1866 года. Д. Н. Набоковъ возвратился, повидимому, къ традиціямъ Д. Н. Замятнина—но ему же пришлось открыть, нѣсколькими годами позже, другой періодъ въ исторіи нашего суда. Подробную и мѣткую характеристику главнѣйшихъ событій, знаменующихъ этотъ періодъ, можно найти въ упомянутой уже нами книгѣ г. Джаншіева; мы ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями.

Фельетонъ, посвященный „Правительственнымъ Вѣстникомъ" (№ 86) двадцатипятилѣтію новаго суда, также признаетъ многочисленность и существенность измѣненій, произведенныхъ, за это время, въ судебныхъ уставахъ. „Судебные уставы,—такъ разсуждаетъ газета,—внесли въ судебные порядки наши рядъ такихъ принциповъ, формъ и учрежденій, которые, не имѣя почвы въ дѣйствовавшемъ до нихъ процессѣ, не могли быть заранѣе оцѣнены въ отношеніи ихъ практической пригодности и соотвѣтствія съ дѣйствительными условіями жизни. Естественно, поэтому, что по мѣрѣ распространенія уставовъ и накопленія указаній опыта выяснялась необходимость ихъ *частичнаго*, болѣе или менѣе *рѣшительнаго измѣненія*. Въ постоянномъ попеченіи объ интересахъ правосудія, законодательство, пользуясь этими указаніями опыта и стремясь удовлетворить выяснившимся потребностямъ русской жизни, создало, за истекшее двадцатипятилѣтіе, рядъ видоизмѣнившихъ судебные уставы законовъ, носящихъ явные признаки этого стремленія... Но выяснившаяся съ теченіемъ времени необходимость измѣненія судебныхъ уставовъ и болѣе совершеннаго приспособленія ихъ къ нуждамъ дѣйствительности не умалила (?) значенія этого законодательнаго акта. Въ изданныхъ, въ дополненіе, измѣненіе и отмѣну отдѣльныхъ ихъ постановленій, узаконеніяхъ они пріобрѣли лишь новую силу служить интересамъ правосудія". Въ этомъ рядѣ разсужденій можно было бы найти немало спорныхъ пунктовъ. Можно было бы показать и доказать, что многія изъ числа измѣненныхъ или отмѣненныхъ постановленій судебныхъ уставовъ вовсе не шли въ разрѣзъ съ „нуждами дѣйствительности", съ „потребностями русской жизни"; можно было бы усомниться въ томъ, что судебные уставы, въ измѣненномъ ихъ видѣ, обладаютъ большею, чѣмъ прежде, силой „служить интересамъ правосудія"—но все это увлекло бы насъ слишкомъ далеко, и притомъ каждая

отдѣльная передѣлка уставовъ была, въ свое время, подвергаема нами подробному разбору. Мы хотимъ теперь подчеркнуть только одно: *коренной*, *„рѣшительный“ характеръ* измѣненій, какъ выражается и оффиціальная газета. Гдѣ идетъ рѣчь объ измѣненіи *принциповъ*, тамъ совершается нѣчто гораздо бо̀льшее, чѣмъ совокупность частичныхъ поправокъ. И дѣйствительно, въ чемъ заключались *принципы* судебной реформы? Полнѣйшее раздѣленіе властей судебной и административной; независимость суда, обезпеченная по отношенію къ членамъ общихъ судебныхъ мѣстъ ихъ несмѣняемостью, а по отношенію къ мировымъ судьямъ—примѣненіемъ выборнаго начала; безсословность суда, какъ въ смыслѣ личнаго состава, такъ и въ смыслѣ компетенціи, одинаково обнимающей собою всѣ сословія; присоединеніе къ суду, по всѣмъ важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, представителей общества, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей; гласность судебныхъ засѣданій; устность судопроизводства; равноправность обвиненія и защиты—вотъ что̀ было предрѣшено основными положеніями 1862 г. и осуществлено судебными уставами. Вполнѣ неприкосновенными, изъ всѣхъ этихъ принциповъ, остались въ наше время только два послѣднія основныя положенія. Раздѣленіе властей отмѣнено, для самой многочисленной категоріи судебныхъ дѣлъ, положеніемъ 12-го іюля 1889 г., возстановившимъ, въ тѣхъ же границахъ, сословный характеръ суда и подчинившимъ администраціи не только земскихъ начальниковъ, но и городскихъ судей. Несмѣняемость судей ограничена закономъ 20-го мая 1885 г. Судъ присяжныхъ замѣненъ, для множества уголовныхъ дѣлъ, такъ-называемымъ судомъ сословныхъ представителей (законъ 7-го іюля 1889 г.). Гласность процесса значительно стѣснена закономъ 12-го февраля 1887 г. Само собою очевидно, что судъ *новѣйшій*, созданный вышеуказанными постановленіями, существенно отличается отъ суда *новаго*, созданнаго судебными уставами 1864 г. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ новѣйшій судъ не соединяетъ въ себѣ даже такихъ условій, которыя считались необходимыми гораздо раньше судебной реформы. Мы узнаемъ изъ книги г. Джаншіева, что еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ проектахъ графа Д. Н. Блудова, — представлявшаго собою, въ тогдашнихъ высшихъ сферахъ, элементъ несомнѣнно консервативный,—имѣлось въ виду отдѣленіе власти судебной отъ административной и уничтоженіе сословныхъ судовъ. Обозрѣвая развитіе русскихъ судебныхъ учрежденій до 1860 г., гр. Блудовъ находилъ, что, „не взирая на случайныя уклоненія, иногда вынуждаемыя обстоятельствами времени, законодательство наше постоянно стремилось къ освобожденію судовъ отъ *всякаго* вмѣшательства властей административныхъ“. Смѣшеніе властей—такъ разсуждалъ государственный совѣтъ въ 1862 г.—„было

отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія" и должно быть устранено „вмѣстѣ съ уничтоженіемъ причины, оправдывавшей прежній порядокъ". Съ взглядами высшей власти вполнѣ совпадали, въ то далекое отъ насъ время, и мнѣнія консервативной печати; противниками новыхъ судебныхъ учрежденій являлись только реакціонеры „Вѣсти". Въ книгѣ г. Джаншіева можно найти массу любопытныхъ цитатъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей" 1866—68 г., представляющихъ собою краснорѣчивую и убѣдительную защиту независимаго, самостоятельнаго суда. „Независимость суда отъ администраціи, — писалъ тогда Катковъ, — есть самое существенное условіе новаго суда. Безъ полной независимости отъ администраціи наше новое судопроизводство было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Всякое измѣненіе (судебныхъ уставовъ), направленное не къ худшему, а къ лучшему, можетъ клониться лишь къ тому, чтобы судебная власть была не менѣе, а болѣе независимою. Не было ли бы грустно, еслибы изъ начинающагося новаго дѣла была вынута душа его и оставлена шелуха, которая бы давала только сильнѣе чувствовать тщету начинанія? Лучшее пожеланіе русскаго патріота состоитъ въ томъ, чтобы изъ судебной реформы, изъ этого великаго зданія, не было вынимаемо камней, и чтобы измѣненія судебныхъ уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались съ *общимъ духомъ* новой системы". Преемники покойнаго Каткова смотрятъ на дѣло, какъ извѣстно, совершенно иначе.

Но какимъ бы превращеніямъ ни подверглись общіе суды, призванные къ жизни судебными уставами 1864 г., они, во всякомъ случаѣ, существуютъ, и существованію ихъ ничто, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, не угрожаетъ. Не такова судьба мировыхъ судебныхъ установленій. Въ шестнадцати губерніяхъ они уже закрыты, въ двадцати другихъ доживаютъ свои послѣдніе мѣсяцы или годы; упраздненіе ихъ на окраинахъ государства (въ губерніяхъ западныхъ, прибалтійскихъ, привислянскихъ) составляетъ, по всей вѣроятности, вопросъ времени, да они никогда и не соотвѣтствовали здѣсь тому типу мирового суда, который былъ созданъ судебной реформой. Недалеко уже время, когда выборный мировой судъ сохранится, какъ рѣдкость, только въ столицахъ и еще немногихъ, особенно многолюдныхъ городахъ. „Безпристрастный историкъ недавняго прошлаго, — говоритъ г. Джаншіевъ, — отмѣтитъ какъ безспорный фактъ, что если только-что освобожденный изъ рабства народъ пересталъ бояться суда и судей, сталъ убѣждаться, что и для него *законъ писанъ*, то этимъ громаднымъ, въ культурномъ отношенія, переворотомъ Россія обязана, главнымъ образомъ, мировому суду".

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, мы думаемъ, что оно уже теперь распространено гораздо больше, чѣмъ два-три года тому назадъ. Въ пылу газетной аттаки, направленной противъ выборнаго мироваго суда, его недостатки преувеличивались и раздувались, его достоинства умалчивались или оцѣнялись какъ можно ниже. Лишь только цѣль оказалась достигнутою или, лучше сказать, превзойденною,—потому что объ *уничтоженіи* мирового суда сначала не было и рѣчи,—началось обратное движеніе, благопріятное для умирающаго института. Слѣды этого движенія мы нашли даже тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать ихъ,—въ послѣднемъ циркулярѣ черниговскаго губернатора (см. № 113 „Гражданина"). „Не плохо было учреждено, — читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ, — установленіе мировыхъ судей: въ нихъ ждалъ законодатель судей близкихъ къ народу, объ этомъ ясно говорятъ уставы 20-го ноября 1864 г.; но четверть вѣка существованія этого установленія отдѣлила его отъ жизни, затемнила его формализмомъ... Не мировые судьи въ своемъ установленіи были нехороши, а исполнители этой должности уклонились отъ жизни". Конечно, такая похвала судебнымъ уставамъ сильно отзывается нѣкоторымъ снисхожденіемъ администратора къ акту Верховной власти, какимъ были судебные уставы; конечно, довольно странно слышать, что мировой судъ былъ установленъ „не плохо", но характеристично уже и то, что администраторъ, извѣстный своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ учрежденіямъ эпохи реформъ, отдаетъ тѣнь справедливости одному изъ нихъ, и притомъ столь важному, какъ мировой судъ. Если само установленіе признается хорошимъ и цѣлесообразнымъ, но испорченнымъ случайными явленіями, то отсюда только одинъ шагъ до вопроса, почему же не были устранены эти явленія и не было сохранено самое учрежденіе? Если неудовлетворительны были исполнители, то почему не былъ улучшенъ ихъ составъ, почему не былъ поднятъ какъ уровень избирателей, такъ и уровень избираемыхъ, хотя бы, напримѣръ, увеличеніемъ значенія, принадлежавшаго образовательному цензу? Въ указаніяхъ на возможность и необходимость такого образа дѣйствій никогда не было недостатка; стоитъ только вспомнить о многочисленныхъ земскихъ ходатайствахъ, направленныхъ къ измѣненію ст. 34 учрежд. судебн. установленій [1]). Въ ретроспективныхъ сужденіяхъ о мировомъ судѣ не слѣдуетъ, вообще, упускать изъ виду, что самые ревностные его друзья никогда не счи-

---

[1]) Эта статья разрѣшаетъ земскимъ собраніямъ избирать въ мировые судьи, *единогласно*, и такихъ лицъ, у которыхъ нѣтъ требуемаго закономъ имущественнаго ценза. Земскія ходатайства были направлены къ тому, чтобы замѣнить единогласіе большинствомъ, если избираемый получилъ юридическое или хотя бы просто высшее образованіе.

тали его безукоризненнымъ и совершеннымъ. Большимъ пробѣломъ въ его устройствѣ признавалось, напримѣръ, отсутствіе всякой связи между мировымъ судьею и волостными судами. И въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ ученыхъ обществахъ, неоднократно проводилась мысль, что надъ волостными судами должна быть учреждена апелляціонная инстанція, функціи которой всего удобнѣе было бы предоставить мировому судьѣ (или одному, или при участіи нѣсколькихъ волостныхъ судей). Въ этомъ смыслѣ высказалось, напримѣръ, петербургское губернское земское собраніе, когда оно, въ январѣ 1882 г., подготовляло отвѣтъ на извѣстный запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій. Земскіе начальники, какъ видно изъ упомянутаго нами циркуляра черниговскаго губернатора, а также изъ газетныхъ сообщеній, обратили особое вниманіе на правильность производства и рѣшенія дѣлъ въ волостныхъ судахъ, но то же самое, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы и мировые судьи, еслибы законъ подчинилъ имъ волостные суды. Въ активъ новаго порядка, сравниваемаго съ прежнимъ, улучшеніе волостного суда могло бы быть поставлено въ такомъ лишь случаѣ, еслибы мировые судьи не хотѣли или не умѣли, *имѣя на то право*, заняться волостнымъ судомъ, или еслибы надзоръ за волостнымъ судомъ былъ чѣмъ-то безусловно несовмѣстнымъ съ положеніемъ и характеромъ дѣятельности мирового судьи. Ни того, ни другого о мировомъ судѣ сказать нельзя, и новая дѣятельность волостного суда, въ какой бы степени она ни оправдала возлагаемыя на нее ожиданія, отнюдь не можетъ служить аргументомъ противъ прежнихъ судебныхъ порядковъ.

Въ судебномъ процессѣ весьма важно—гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда—все то, что̀ способствуетъ успокоенію тяжущихся и подсудимыхъ, возбуждаетъ въ нихъ довѣріе къ суду, поселяетъ въ нихъ увѣренность въ его безпристрастіи, для всѣхъ одинаковомъ. Съ этой точки зрѣнія большое значеніе имѣлъ обычай, съ самаго начала, какъ бы по безмолвному соглашенію, установившійся въ мировомъ судѣ: обычай говорить всѣмъ *вы*, не различая состояній и сословій. Онъ сразу показывалъ крестьянину или мѣщанину, что передъ судомъ и на судѣ всѣ равны, и что сторонѣ высшей, въ смыслѣ общественной іерархіи, не будетъ дано, въ силу этого одного, преимущества передъ другою. Весьма существенныя удобства однообразіе терминологіи представляло и для самого судьи. Область одного мѣстоименія не можетъ быть съ точностью отдѣлена отъ области другого; есть, такъ сказать, пограничные пункты, на которыхъ судья почти неизбѣжно долженъ колебаться между *вы* и *ты*, или сбиваться съ одного на другое. Какъ, напримѣръ, называть

крестьянина-гласнаго, товарища и сосѣда по земскому собранію, много разъ засѣдавшаго рядомъ съ судьей въ земскихъ коммиссіяхъ или на скамьѣ присяжныхъ? Какъ называть почтеннаго старика, всѣми уважаемаго въ околоткѣ, нѣсколько трехлѣтій сряду занимавшаго должность волостного старшины?.. Единообразное обращеніе на *вы* устраняетъ всѣ подобныя сомнѣнія—и если, въ первое время, оно могло удивлять самихъ крестьянъ, какъ необычная для нихъ форма рѣчи, то теперь къ нему уже давно всѣ привыкли. Намъ могутъ замѣтить, что гораздо болѣе подходящимъ къ русскимъ нравамъ было бы единообразное ко всѣмъ обращеніе на *ты*—то патріархальное *ты*, которымъ прежде не только помѣщикъ называлъ крестьянина, но и крестьянинъ—помѣщика. Мы ничего не имѣли бы и противъ такого обращенія, еслибы только оно было *обоюднымъ* и *всеобщимъ*. И то, и другое, однако, на самомъ дѣлѣ одинаково невозможно. Въ наше время менѣе чѣмъ когда-либо можетъ быть рѣчь о мѣстоименіи *ты* въ оффиціальномъ обращеніи крестьянина къ начальнику (кромѣ коллективныхъ благодарственныхъ адресовъ) и столь же немыслимо это мѣстоименіе въ обращеніи должностного лица къ лицамъ высшихъ сословій. Единственнымъ средствомъ устранить различіе, сразу бросающееся въ глаза и отзывающееся болѣе или менѣе на всемъ тонѣ—а косвенно и на характерѣ—судебнаго разбирательства, было бы сохраненіе добраго обычая, выработаннаго въ первый періодъ дѣятельности новаго суда. Любопытно было бы знать, поэтому, какое мѣстоименіе преобладаетъ въ практикѣ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей? Намъ случилось недавно, въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, присутствовать при разборѣ дѣлъ однимъ изъ провинціальныхъ мировыхъ съѣздовъ, въ мѣстности, на которую вскорѣ будетъ распространено положеніе 12-го іюля 1889 г. Прежде предсѣдательствующіе на съѣздѣ всѣмъ безразлично говорили *вы*; теперь употребляются оба мѣстоименія, смотря по тому, кто стоитъ передъ судейскимъ столомъ. Не обусловливается ли это нововведеніе ожиданіемъ реформы?

Кромѣ книги г. Джаншіева, двадцатипятилѣтію новаго суда посвящена книга г. Хартулари: „Итоги прошлаго". О содержаніи ея идетъ рѣчь выше, въ первомъ отдѣлѣ нашего журнала; съ той темой, которая насъ теперь занимаетъ, связано только предисловіе, въ которомъ авторъ вспоминаетъ о дебютахъ новаго суда. „Необыкновенная осторожность,—говоритъ г. Хартулари,—какъ слѣдствіе неувѣренности, насколько тотъ или другой изъ процессуальныхъ пріемовъ, допущенныхъ въ засѣданіи, соотвѣтствуетъ закону, и въ то же время

видимая озадаченность объ устраненіи поводовъ для кассаціи приговора—все это вызывало въ дѣятельности новаго суда необыкновенную медленность и натянутость. По самымъ ничтожнымъ, въ настоящее время, процессуальнымъ вопросамъ, судъ постоянно удалялся въ совѣщательную комнату и выносилъ оттуда, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени, письменную и подробно мотивированную резолюцію. Правда, что такое методическое отправленіе правосудія весьма импонировало, но въ то же время и тормазило самый ходъ процесса, который, имѣя, напримѣръ, предметомъ обвиненіе въ кражѣ со взломомъ, при собственномъ сознаніи подсудимаго, затягивался иногда почти на цѣлыя сутки. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія судебной практики и по мѣрѣ разъясненія процессуальныхъ вопросовъ рѣшеніями кассаціоннаго сената, упомянутые пріемы суда постепенно исчезали, уступая мѣсто иному направленію процесса, болѣе скорому и свободному отъ излишнихъ формальностей. Такому упрощенію въ порядкѣ веденія засѣданій содѣйствовало отчасти и то, что въ средѣ судей сталъ выработываться типъ предсѣдательствующаго, вполнѣ соотвѣтствовавшій требованіямъ устава. Оберегая достоинство суда, предсѣдательствующіе, о которыхъ мы упоминаемъ, въ то же время относились съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ ко всякому основательному ходатайству и заявленію сторонъ". Съ первой частью этихъ замѣчаній мы можемъ согласиться лишь условно. Излишняя медленность и „натянутость" въ веденіи дѣла вовсе не была общей отличительной чертой первыхъ судебныхъ засѣданій [1]). Она была свойственна только одному изъ первоначально назначенныхъ предсѣдательствующихъ, теперь уже умершему (В. С. Панафидину), человѣку, знающему, добросовѣстному, но робкому, ненаходчивому, вовсе не созданному для публичной дѣятельности. Ему пришлось предсѣдательствовать въ самомъ первомъ засѣданіи окружного суда съ участіемъ присяжныхъ (26-го іюля 1866 г.), и вотъ, именно это засѣданіе, дѣйствительно шедшее черепашьимъ шагомъ, имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, г. Хартулари, когда писалъ характеристику первыхъ шаговъ новаго суда. Конечно, разрѣшеніе процессуальныхъ вопросовъ, теперь кажущихся простыми, требовало тогда сравнительно больше времени, вслѣдствіе полнѣйшей новизны дѣла; но задержка, когда засѣданіемъ руководилъ талантливый предсѣдатель, была не особенно велика, и дѣло шло дальше, не останавливаясь передъ каждымъ минимальнымъ препятствіемъ. Тотъ типъ предсѣдательствующаго, о которомъ говоритъ г. Хартулари, выработался весьма скоро—гораздо раньше, чѣмъ установилась судебная

[1]) Мы говоримъ здѣсь, какъ и г. Хартулари, только о Петербургѣ.

практика и появились первыя кассаціонныя рѣшенія. Врожденное дарованіе и тщательная кабинетная подготовка—а можетъ быть, и участіе въ одномъ изъ тѣхъ юридическихъ кружковъ, о которыхъ упоминается въ предисловіи г. Хартулари и которыхъ было такъ много наканунѣ судебной реформы—помогли первому предсѣдателю окружного суда (Г. Н. Мотовилову) и одному изъ первыхъ его товарищей (А. И. Синицыну) сразу дать примѣръ правильнаго веденія уголовнаго процесса. Г. Н. Мотовиловъ рѣдко предсѣдательствовалъ въ уголовныхъ отдѣленіяхъ, А. И. Синицынъ скоро былъ переведенъ изъ Петербурга въ Тверь, но ихъ непосредственные преемники (В. И. Богаевскій, И. И. Шамшинъ, А. А. Сабуровъ) продолжали начатое дѣло и поставили его на высоту, съ тѣхъ поръ не превзойденную... Какъ бы то ни было, г. Хартулари совершенно правъ, подчеркивая *осторожность*, безпристрастіе и внимательность суда—*новаго* въ томъ смыслѣ, какой имѣло это слово, по отношенію къ суду, четверть вѣка тому назадъ. Въ той же ли степени обладаетъ этими качествами судъ *новѣйшій*? Объ этомъ узнаютъ наши потомки, когда пройдетъ еще четверть вѣка; мы стоимъ еще слишкомъ близко къ событіямъ и не можемъ обнять ихъ однимъ общимъ взглядомъ. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: безпристрастными, внимательными и осторожными современные намъ суды бываютъ далеко не всегда. Приведемъ этому нѣсколько примѣровъ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ штабсъ-капитанъ Сазоновъ совершилъ на имя жены своей, по довѣренности крестьянъ Крутовыхъ, закладную на имѣніе Крутовыхъ, въ суммѣ 20.000 рублей. Она должна была служить обезпеченіемъ не займа, вновь совершоннаго или совершаемаго, а прежняго долга Крутовыхъ Сазоновой. Когда закладная, три года спустя, была предъявлена ко взысканію, Крутовы противъ нея не возражали, находя, что между ними и Сазоновыми существуютъ разсчеты, въ силу которыхъ взысканіе по закладной будетъ погашено. Со времени рѣшенія, присудившаго взысканіе по закладной, прошло три года, прежде чѣмъ Крутовы предъявили къ Сазонову, въ гражданскомъ порядкѣ, искъ, прося окружной судъ либо признать, что по закладной съ нихъ слѣдовало только 6 тысячъ рублей, либо присудить съ Сазонова около 22 тысячъ рублей. Во время производства этого дѣла Сазоновымъ была представлена суду расписка одного изъ Крутовыхъ въ полученіи отъ него вышеупомянутой закладной. Крутовы заявили противъ расписки споръ о подлогѣ, окончательнымъ рѣшеніемъ гражданскаго суда признанный незаслуживающимъ уваженія. Въ 1888 г. одинъ изъ Крутовыхъ обратился къ судебному слѣдователю съ просьбою привлечь Сазонова къ уголовной отвѣтственности за подложное со-

ставленіе вышеупомянутой расписки. По окончаніи предварительнаго слѣдствія составленъ былъ прокурорскимъ надзоромъ (витебскаго окружного суда) обвинительный актъ, въ который было введено еще другое обвиненіе, Сазонову вовсе не предъявленное—обвиненіе въ присвоеніи закладной. Обвинительный актъ былъ утвержденъ, въ этомъ видѣ, петербургскою судебною палатой; Сазоновъ былъ преданъ суду и признанъ присяжными виновнымъ въ обоихъ преступленіяхъ, но присужденъ окружнымъ судомъ къ наказанію (лишенію всѣхъ собственныхъ правъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь) только за подлогъ, потому что присвоеніе, остававшееся безъ преслѣдованія около двѣнадцати лѣтъ, покрыто уголовною давностью. Послѣ объявленія приговора Сазоновъ покушался на самоубійство, но остался, къ счастію, въ живыхъ и могъ, по выраженію оберъ-прокурора, убѣдиться въ преждевременности своего отчаянія. Его защитникъ принесъ кассаціонную жалобу, вслѣдствіе которой сенатъ, согласно съ заключеніемъ оберъ-прокурора (А. Ѳ. Кони), отмѣнилъ не только вердиктъ присяжныхъ и приговоръ суда, но и все производство, какъ неправильно возбужденное и вовсе не подлежавшее разсмотрѣнію въ уголовномъ порядкѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, не съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, которые стоятъ на рубежѣ между областью проступковъ и областью незапрещенныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, одинаково легко поддаваясь причисленію и къ той, и къ другой. Въ процессѣ Сазонова не было ни одного признака, который бы указывалъ на уголовный характеръ дѣйствій обвиняемаго: не было ни злой воли со стороны послѣдняго, ни потери, дѣйствительной или хотя бы возможной, со стороны такъ-называемыхъ потерпѣвшихъ. Правъ Сазоновой на полученіе закладной и на взысканіе по ней денегъ Крутовы никогда не отрицали; передачѣ закладной въ руки кредитора не должна была предшествовать передача денегъ должникамъ, потому что закладная служила обезпеченіемъ стараго долга; не могло, слѣдовательно, быть и рѣчи о *присвоеніи* Сазоновымъ закладной, переходомъ которой въ руки залогодержательницы непосредственно отъ повѣреннаго Крутовыхъ, а не отъ самихъ Крутовыхъ (еслибы это обстоятельство и могло считаться доказаннымъ), ни въ чемъ не нарушались ни права, ни интересы залогодателей. Если, такимъ образомъ, совершенно безразличенъ былъ вопросъ, побывала ли закладная, прежде чѣмъ попасть къ Сазоновой, въ рукахъ Крутовыхъ, то немыслима была и *подложность* бумаги, удостовѣряющей переходъ закладной отъ Сазонова къ Крутовымъ. Ст. 1694 уложенія, подъ которую былъ подведенъ, въ данномъ случаѣ, этотъ мнимый подлогъ, предусматриваетъ только тѣ случаи, когда надъ бланковою подписью будетъ вписанъ актъ, *убыточный или вредный* для ввѣрившаго бланкъ лица,

а въ настоящемъ дѣлѣ расписка, оспоренная Крутовыми, *никакимъ вредомъ или убыткомъ* Крутовымъ не угрожала. Была ли закладная передана Крутовымъ или не была—отъ этого дѣйствительность ея, признанная самими Крутовыми, не измѣнялась ни на одну іоту, какъ не измѣнялась и обязанность ихъ уплатить означенную въ закладной сумму. Если прибавить къ этому преданіе Сазонова суду по обвиненію несомнѣнно покрытому давностью, то нельзя не придти къ заключенію, что со стороны прокурорскаго надзора и обвинительной камеры была допущена, въ данномъ случаѣ, ошибка, невозможная при „осторожномъ" и внимательномъ отношеніи къ дѣлу.

До разсмотрѣнія сената доходило недавно другое дѣло, не менѣе замѣчательное. Дочь еврея В., Хася-Мера (въ крещеніи Каролина), бѣжала изъ отцовскаго дома, приняла христіанскую вѣру и обвѣнчалась съ крестьяниномъ Тадеушемъ П. Отецъ ея заявилъ мировому судьѣ, что дочь похитила у него, передъ бѣгствомъ, денегъ и вещей на сумму болѣе двухсотъ рублей; такое же заявленіе было сдѣлано братомъ бѣжавшей становому приставу. Во время производства слѣдствія обвиняемая неизвѣстно куда скрылась; мужъ ея выразилъ подозрѣніе, что ее убили евреи. По недостатку уликъ дѣло о кражѣ было прекращено, а отецъ и сынъ В. привлечены къ отвѣтственности по обвиненію въ ложномъ доносѣ. Въ обвинительномъ актѣ о преданіи ихъ суду было упомянуто, что, по предположенію П., жена его убита евреями; сказано было также, что обвиняемые ссылались на свидѣтелей, которые при слѣдствіи ничего существеннаго въ оправданіе обвиняемыхъ не показали. Между тѣмъ, еще до составленія обвинительнаго акта, къ слѣдственному производству было пріобщено, вмѣстѣ съ другими актами дознанія объ исчезновеніи Каролины П., письмо, написанное отъ ея имени изъ Нью-Іорка и объяснявшее ея отъѣздъ изъ Европы дурнымъ обращеніемъ съ нею мужа и сосѣдей. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ была получена снятая въ Нью-Іоркѣ фотографическая карточка, въ которой два свидѣтеля (въ томъ числѣ самъ П.) признали портретъ Каролины П. Оба подсудимые вердиктомъ присяжныхъ были обвинены въ ложномъ доносѣ и приговорены судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Изъ всѣхъ различныхъ наказаній за ложный доносъ, колеблющихся между краткосрочнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ и ссылкой на поселеніе, было выбрано, слѣдовательно, самое тяжкое. Мотивированъ этотъ выборъ, въ приговорѣ суда, слѣдующимъ образомъ: ложное обвиненіе, было взведено на Каролину П. единственно потому, что она, будучи еврейкою по происхожденію, приняла христіанство и вышла замужъ за христіанина, а затѣмъ *внезапно и безслѣдно исчезла изъ дома мужа, не имѣя къ тому никакихъ личныхъ побужденій.* Оставляя совер-

шенно въ сторонѣ вопросъ о виновности подсудимыхъ, мы не можемъ не замѣтить, что одинаково поразительными кажутся намъ въ этомъ дѣлѣ и обвинительный актъ, и приговоръ суда. Упомянувъ (собственно говоря—безъ всякой надобности) о предположеніи П., что жена его убита евреями, обвинительный актъ непремѣнно долженъ былъ упомянуть и о письмѣ и портретѣ, опровергающихъ это предположеніе; иначе присяжнымъ легко могло придти на мысль, что они имѣютъ дѣло, въ сущности, не только съ лже-доносчиками, но и съ убійцами. Несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла являлось, дальше, утвержденіе обвинительнаго акта, что свидѣтели, выставленные обвиняемыми, ничего существеннаго въ оправданіе ихъ не показали: два свидѣтеля (католики, а не евреи) удостовѣрили, на предварительномъ слѣдствіи, что по словамъ Станислава П.—брата Тадеуша П., женившагося на Каролинѣ,—Тадеушъ П. получилъ за женою имущества на нѣсколько сотъ рублей. Приговоромъ суда *безслѣдное*, безъ всякихъ личныхъ къ тому побужденій, исчезновеніе Каролины П. признается, во-первыхъ, несомнѣннымъ, во-вторыхъ—увеличивающимъ вину обвиняемыхъ. А письмо и портретъ? Если и допустить, что ими и не *доказанъ* добровольный отъѣздъ Каролины П., то во всякомъ случаѣ они подтверждаютъ его *возможность* и не позволяютъ говорить утвердительно о *безслѣдномъ* и безпричинномъ исчезновеніи Каролины П. Но еслибы даже такое исчезновеніе и было внѣ всякаго спора, обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину обвиняемыхъ, оно все-таки служить бы не могло. Тяжесть преступленія опредѣляется исключительно условіями, существовавшими въ моментъ его совершенія, а не позднѣйшими данными, вовсе съ нимъ не связанными. Обвиненіе въ кражѣ взведено было на Каролину П. въ то время, когда она была еще на-лицо; измѣнить характеръ этого обвиненія, усугубить преступность обвинителей послѣдующее исчезновеніе Каролины отнюдь не могло. Поставить его въ пассивъ обвиняемыхъ—значитъ, въ сущности, заподозрить ихъ, безъ слѣдствія и суда, въ убійствѣ—и, въ добавокъ, въ убійствѣ лица, которое, можетъ быть, находится въ живыхъ. Въ обвинительномъ актѣ и судебномъ приговорѣ по дѣлу В. мы видимъ, поэтому, не только недостатокъ внимательности и осторожности, но и нѣчто гораздо бóльшее: недостатокъ сдержанности и безпристрастія.

Весьма многочисленными стали, въ послѣднее время, дѣла о лютеранскихъ пасторахъ остзейскаго края, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ противъ вѣры. Еще недавно эти дѣла сосредоточивались въ старомъ (пятомъ) судебномъ департаментѣ сената, потому что исходной ихъ точкой служили старые, до-реформенные остзейскіе суды. Теперь они начали доходить до уголовнаго кассаціоннаго департамента, проходя чрезъ вновь учрежденные окружные суды остзейскихъ гу-

берній и черезъ петербургскую судебную палату. Первыми, если мы не ошибаемся, дѣлами этого рода, разрѣшенными въ кассаціонномъ порядкѣ, были дѣла пасторовъ Гримма и Лецiуса. Пасторъ Гриммъ обвинялся, между прочимъ, въ совращеніи крестьянки Василовской изъ православія въ лютеранство. Основаніемъ къ этому обвиненію послужили слѣдующія обстоятельства: Василовская, крещенная по обряду православной церкви и числившаяся православною, рѣшилась, по собственному убѣжденію, безъ всякихъ съ чьей бы то ни было стороны уговоровъ, перемѣнить вѣру и принять лютеранство, больше нравившееся ей потому, что она лучше понимала пастора, чѣмъ православнаго священника. Вслѣдствіе этого рѣшенія, она явилась къ пастору Гримму и просила принять ее на конфирмацію (ей было тогда семнадцать лѣтъ). Пасторъ совѣтовалъ ей отказаться отъ этой мысли и предостерегалъ ее противъ перехода изъ одной вѣры въ другую безъ основательныхъ къ тому причинъ. Василовская настаивала на своемъ желаніи, и Гриммъ согласился, наконецъ, его исполнить; послѣ двухнедѣльной подготовки она была допущена къ конфирмаціи, а нѣсколько лѣтъ спустя обвѣнчана Гриммомъ съ лютераниномъ, по лютеранскому обряду. Рижскій окружной судъ призналъ допущеніе Василовской къ конфирмаціи *совращеніемъ* ея изъ православія въ лютеранство, и присудилъ Гримма, по ст. 187 уложенія о наказаніяхъ, къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ пермскую губернію. С.-петербургская судебная палата подвела дѣйствіе Гримма подъ другую статью уложенія (193, ч. 1), предусматривающую завѣдомое допущеніе православнаго, священнослужителемъ другого христіанскаго исповѣданія, къ исповѣди, причащенію или елеосвященію; но такъ какъ наказаніе, опредѣленное этою статьею, ограничивается удаленіемъ отъ должности, то Гриммъ былъ отъ него освобожденъ на основаніи давности (конфирмація Василовской была совершена въ 1880 г.). На эту часть рѣшенія палаты (приговорившей Гримма, по другому обвиненію, къ восьмимѣсячному тюремному заключенію) прокуроръ палаты принесъ протестъ, утверждая, что ст. 193 уложенія относится только къ совершенію требъ. Конфирмація у лютеранъ—больше чѣмъ треба; совокупность дѣйствій, входящихъ въ ея составъ, имѣетъ цѣлью сознательное усвоеніе лютеранскаго ученія, равносильное, для православнаго, отпаденію отъ православія. Защитники Гримма (присяжные повѣренные Утинъ и Мироновъ) возражали, въ письменномъ объясненіи противъ протеста, что конфирмація, у лютеранъ, есть обрядъ, неразрывно связанный съ первымъ причащеніемъ. Что она не имѣетъ характера пропаганды—это видно уже изъ того, что она обязательна для лицъ, рожденныхъ лютеранами и никогда не пере-

стававшихъ исповѣдовать лютеранское ученіе. Рѣшимость Василовской оставить православіе и перейти въ лютеранство предшествовала конфирмаціи и вовсе отъ нея не зависѣла; между тѣмъ *совращеніе* мыслимо только тогда, когда совратителю принадлежала первая мысль о перемѣнѣ вѣры, когда онъ былъ, такъ сказать, подстрекателемъ, интеллектуальнымъ виновникомъ отпаденія отъ православія. Сенатомъ установлено (въ рѣшеніи по дѣлу Гребенюка, 31 мая 1888 г.), что для признанія кого-либо виновнымъ въ совращеніи необходимы такія дѣйствія, *послѣдствіемъ* которыхъ было бы отпаденіе отъ православія. Этому взгляду сенатъ остался вѣрнымъ и по дѣлу Гримма, отклонивъ протестъ прокурора и оставивъ въ силѣ рѣшеніе петербургской судебной палаты.

Еще интереснѣе вопросъ, подлежавшій разрѣшенію въ дѣлѣ Леціуса. Пасторъ Леціусъ обвѣнчалъ по лютеранскому обряду Ивана Петерсона и Еву Поола, хотя они были крещены по православному обряду и числились православными, о чемъ Леціусъ и былъ извѣщенъ, еще до вѣнчанья, гарьельскимъ православнымъ священникомъ. Привлеченный къ суду, Леціусъ объяснилъ, что считалъ Петерсона и Поола лютеранами, въ силу свидѣтельствъ о конфирмаціи, выданныхъ имъ мѣстными, по жительству ихъ, пасторами. Рижскій окружной судъ, признавая Леціуса виновнымъ въ совершеніи брака, по закону недѣйствительнаго, присудилъ его, на основаніи ст. 1575 уложенія о наказаніяхъ, къ лишенію духовнаго сана и двухмѣсячному тюремному заключенію. Петербургская судебная палата нашла, что Леціусъ обязанъ былъ истребовать метрическія свидѣтельства о рожденіи и крещеніи Петерсона и Поола, и до полученія этихъ свидѣтельствъ не могъ, въ виду ст. 38 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (запрещающей православнымъ отступать отъ православія и переходить въ другую вѣру), считать ихъ лютеранами. Недѣйствительнымъ признается бракъ православнаго съ иновѣрнымъ, доколѣ онъ не совершонъ въ православной церкви православнымъ священникомъ; тѣмъ менѣе можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ бракъ между двумя лицами православнаго исповѣданія, совершонный не въ православной церкви и не православнымъ священникомъ. Руководствуясь этими соображеніями, петербургская судебная палата утвердила приговоръ окружного суда. Кассаціонная жалоба, принесенная на рѣшеніе палаты защитникомъ Леціуса, присяжнымъ повѣреннымъ Утинымъ, оставлена сенатомъ безъ послѣдствій. Она останавливалась особенно подробно на вопросѣ о томъ, терпимо ли, по смыслу нашихъ законовъ, отступленіе отъ православія. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ имѣлъ, въ настоящемъ случаѣ, рѣшающее значеніе: если Петерсонъ и Поола, православные по рожденію, но лю-

теране по вѣрованіямъ, могли быть разсматриваемы какъ лютеране, то къ вѣнчанію ихъ по лютеранскому обряду не было никакихъ препятствій, бракъ ихъ представлялся дѣйствительнымъ и законнымъ, и обвиненіе противъ Леціуса падало само собою. Аргументація г. Утина была въ главныхъ чертахъ такова: область дозволеннаго, терпимаго отграничивается отъ области недозволеннаго и нетерпимаго исключительно уложеніемъ о наказаніяхъ. Чтó не запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, тó дозволено или по крайней мѣрѣ терпимо. Между тѣмъ никакого наказанія за отступленіе отъ православія въ другую *христіанскую* вѣру нашъ законъ не назначаетъ. Ст. 185 уложенія говоритъ только объ отступившихъ въ *нехристіанскую* вѣру, устанозляя, что до возвращенія въ христіанство они не пользуются правами состоянія, и имѣніе ихъ берется въ опеку. Временная потеря правъ есть наказаніе и можетъ быть опредѣлена только уголовнымъ судомъ. Что касается до отступившихъ отъ православія въ другую христіанскую вѣру, то они, на основаніи ст. 188 уложенія, отсылаются для вразумленія къ духовному начальству; до возвращенія ихъ въ православіе принимаются правительствомъ, для охраненія ихъ дѣтей отъ совращенія, указанныя въ законѣ мѣры; въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, на все это время назначается опека и имъ воспрещается имѣть тамъ жительство. Но отсылка для вразумленія—не наказаніе; мѣры по отношенію къ дѣтямъ—только способъ предупредить преступленіе, предусмотрѣнное ст. 190, а опека надъ имѣніемъ потеряла смыслъ съ отмѣною крѣпостного права (вѣрнѣе было бы сказать: съ прекращеніемъ между помѣщиками и крестьянами временно-обязанныхъ отношеній). Во всемъ остальномъ отступившіе отъ православія являются полноправными гражданами. Правило ст. 38-ой—одно изъ тѣхъ запрещеній, которыя не имѣютъ никакого юридическаго значенія; такъ напримѣръ, статья 8-ая того же устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій запрещаетъ прикладываться къ чудотворнымъ иконамъ во время божественной службы, но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ, что нарушеніе этого запрещенія есть проступокъ, подлежащій наказанію. Говоря о *возвращеніи* въ православіе лицъ, отъ него отступившихъ, законъ признаетъ, этимъ самымъ, что впредь до возвращенія они не принадлежатъ къ православной церкви; слѣдовательно — они могутъ быть разсматриваемы, въ это время, какъ иновѣрцы, а иновѣрцы-лютеране могли быть обвѣнчаны по обряду лютеранской церкви. Въ подтвержденіе своего мнѣнія защитникъ Леціуса ссылался на такихъ искренниxъ и убѣжденныхъ православныхъ, какъ И. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. „При всей боли, причиняемой вѣроотступничествомъ, — писалъ И. С. Аксаковъ, — гражданскаго преступленія мы

здѣсь не усматриваемъ. Какъ ни скорбно отпаденіе отъ церкви, но не менѣе, если не болѣе прискорбно, когда внутри самой церкви разрывается у ея сыновъ духовное общеніе съ нею, а между тѣмъ разрывъ этотъ скрывается, страха ради меча государственнаго. Чтò лучше для церкви—малое, но вѣрное стадо, или стадо многочисленное, исполненное волковъ въ одеждѣ овчей?.. Еслибы церковь, помощью государственныхъ средствъ, стала загонять людей въ храмы Божіи и заставлять ихъ исполнять обряды и постановленія церкви, чтò породило бы такое примѣненіе государственнаго начала и пріемовъ къ дѣлу вѣры? Кажется, не нужно и объяснять: ложь, обманъ, лицемѣріе, неуваженіе къ церкви и охлажденіе къ вѣрѣ". „Многіе ли догадываются, — говорилъ, въ свою очередь, Самаринъ, — что уголовныя преслѣдованія за отпаденіе отъ истинной вѣры гораздо, по существу своему, противнѣе духу церкви, чѣмъ такъ-называемому гуманизму или либерализму?"...

Мнѣніе, выраженное въ кассаціонной жалобѣ по дѣлу Леціуса, кажется намъ вполнѣ правильнымъ. Замѣтимъ, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ противоположный взглядъ. Бракъ Петерсона и Поола, въ силу тѣхъ же соображеній, по которымъ осужденъ Леціусъ, долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Обвѣнчаются ли они вновь, по обряду православной церкви — этого заранѣе сказать нельзя; во всякомъ случаѣ ихъ семейная жизнь претерпѣвала и, можетъ быть, до сихъ поръ еще терпитъ колебанія, мало способствующія ея устойчивости и правильности. Допустимъ, однако, что они обвѣнчаны православнымъ священникомъ, обязавшись, предварительно, хранить вѣрность православію. Можно ли быть увѣреннымъ, что обязательство это будетъ ими исполнено? Вѣдь они перешли изъ православія въ лютеранство за шесть слишкомъ лѣтъ до брака; возможно ли будетъ для нихъ, даже при искреннемъ желаніи, отрѣшиться отъ всего того, чтò они въ это время восприняли и усвоили?.. Способствуетъ ли, наконецъ, безусловная невозможность выхода изъ православной церкви распространенію православія между лютеранами остзейскаго края? Нѣтъ ли внутренней связи между увеличеніемъ числа процессовъ, вызванныхъ отпаденіемъ отъ православія, и уменьшеніемъ—по крайней мѣрѣ въ эстляндской губерніи—числа новыхъ обращеній въ православіе? Вотъ цифры, сообщаемыя ревельскимъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 44): въ 1885 г. въ Эстляндіи перешло въ православіе—1.800 человѣкъ; въ 1886 г.—3.576; въ 1887 г.—1.791; въ 1888 г.—264; въ 1889 г.—276.

19-го (31-го) мая въ „Правительствоенномъ Вѣстникѣ" опубликована слѣдующая Высочайшая рѣчь земскимъ чинамъ Финляндіи,

прочитанная генералъ-губернаторомъ Финляндіи, генералъ-адъютантомъ графомъ Гейденомъ отъ Высочайшаго Имени, 16-го (28-го) сего мая, въ тронной залѣ гельсингфорсскаго Императорскаго дворца, при торжественномъ закрытіи финляндскаго сейма:

„Представители финскаго народа.

„Съ истеченіемъ нынѣ срока занятіямъ вашимъ, благодарю васъ за ваши труды на благо страны и за неоднократно высказанныя вами отъ имени финскаго народа чувства вѣрноподданнической преданности ко Мнѣ и Моему Августѣйшему Семейству.

„Поручая васъ и весь Мой финскій народъ милости Всевышняго, объявляю сеймъ закрытымъ и пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ. Въ Гатчинѣ, 11-го мая 1891 года“.

Надобно полагать или по крайней мѣрѣ пожелать, чтобы такія слова, преисполненныя благоволенія и любви къ миру и труду на благо страны, притомъ сказанныя съ высоты Престола, послужили назиданіемъ нѣкоторымъ нашимъ „патріотическимъ“ не по разуму публицистамъ, и тѣмъ положили бы предѣлъ газетной травлѣ финскаго народа, въ которой, конечно, они играли незавидную роль.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1891.

Новѣйшія особенности политической дѣятельности въ Европѣ.—Рабочее движеніе.—Первое мая во Франціи. — Вопросъ о протекціонизмѣ и свободѣ торговли во французской палатѣ депутатовъ. — Положеніе дѣлъ въ Бельгіи и Англіи. — Событія въ Сербіи.

Политическіе вопросы въ Европѣ все болѣе отступаютъ передъ соціальными; политика утрачиваетъ свой кабинетно-дипломатическій характеръ и невольно подчиняется обширному соціальному движенію, которое все глубже и сильнѣе охватываетъ народы. Рабочій классъ сдѣлался крупною международною силою, съ которою должны постоянно считаться государственные люди Запада. Новый могущественный факторъ политической жизни рѣшительно выступаетъ на первый планъ; трудящіяся народныя массы, организованныя въ рабочую демократію, завоевываютъ себѣ видную роль въ государствѣ и возлагаютъ на правителей новыя важныя задачи, требующія прежде всего прочнаго внѣшняго мира. Рабочій вопросъ одинаково занимаетъ теперь всѣ правительства и повсюду волнуетъ умы; никто не пытается уже закрывать глаза на дѣйствительность и отрицать или умалять первостепенное значеніе экономическихъ и соціальныхъ требованій „четвертаго сословія".

Эта метаморфоза политической жизни въ западной Европѣ совершается на нашихъ глазахъ; она выяснилась съ особенною яркостью послѣ отставки князя Бисмарка, именемъ котораго держался еще искусственный авторитетъ кабинетной дипломатіи старой школы. Насколько рѣзко обозначилась совершившаяся перемѣна за послѣднее время, можно видѣть изъ того поразительнаго равнодушія, съ какимъ общественное мнѣніе относится къ одной изъ недавнихъ основъ европейской политики—къ такъ-называемой „лигѣ мира". Давно ли политическая печать занималась почти исключительно толками объ этомъ тройственномъ союзѣ, о степени его прочности и долговѣчности, объ условіяхъ его возобновленія въ будущемъ, объ отношеніяхъ къ нему Англіи и другихъ державъ? Казалось бы, что теперь больше чѣмъ когда-либо долженъ считаться интереснымъ вопросъ о союзахъ, въ виду водворенія новаго министерства въ Италіи и въ виду возникновенія нѣкоторыхъ темныхъ точекъ на горизонтѣ австро-германской дружбы; газеты упоминали о переговорахъ итальянскаго прави-

тельства съ германскимъ относительно возобновленія союза, но объ этомъ говорится въ тонѣ полнаго безразличія, какъ о чемъ-то несущественномъ и устарѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, сложныя и тонкія политическія комбинаціи, приведенныя въ дѣйствіе княземъ Бисмаркомъ, кажутся теперь какъ бы устарѣвшими и безцѣльными; каждое государство, связанное или не связанное системою союзовъ, направляетъ свои заботы въ другую сторону—въ сторону народно-хозяйственныхъ интересовъ, отдаляясь все болѣе отъ тѣхъ одностороннихъ дипломатическихъ точекъ зрѣнія, которыми руководились творцы и участники лиги мира. Перспектива войны, безпокоившая правительства и народы до послѣднихъ лѣтъ, уходитъ какъ будто въ неопредѣленную даль. Прекратились даже газетныя разсужденія и пророчества на эту тему; воинственная полемика, періодически возникавшая и сѣявшая тревогу въ недавнее время, истощила, повидимому, свои рессурсы и не производитъ уже никакого эффекта на публику. Газеты вынуждены удѣлять главное вниманіе рабочимъ стачкамъ и манифестаціямъ, происходящимъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ Европы; такъ и важнѣйшія событія истекшаго мѣсяца вертѣлись около празднованія 1-го мая рабочими, въ связи съ сосредоточенными къ этому дню симптомами рабочаго броженія.

День 1-го мая выбранъ былъ международнымъ рабочимъ конгрессомъ 1889 года въ Парижѣ для ежегоднаго повсемѣстнаго напоминанія о требованіяхъ рабочаго класса, для проявленія и поддержанія солидарности рабочихъ различныхъ странъ и въ то же время для съѣздовъ, собраній и празднествъ; на этотъ день предполагалась общая пріостановка работъ, гдѣ она окажется возможной и осуществимой. Послѣдній пунктъ болѣе всего тревожилъ умы; хозяева предпріятій категорически заявляли заранѣе, что не допустятъ произвольной забастовки на одинъ день, и что неявка какого-либо рабочаго повлечетъ за собою немедленное увольненіе его съ фабрики или завода. Еще въ прошломъ году, при первомъ празднованіи 1-го мая, ожидались по этому поводу столкновенія и безпорядки; но тогда дѣло прошло благополучно, отчасти подъ вліяніемъ примирительныхъ усилій и воззваній комитета нѣмецкой соціально-демократической партіи. Опасенія высказывались и въ настоящемъ году, задолго до 1-го мая, такъ какъ рабочіе были возбуждены неуступчивостью и упорствомъ хозяевъ во время происходившихъ стачекъ, а во многихъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Бельгіи, рабочее населеніе дѣйствительно переживало крайне тяжелый экономическій кризисъ. Въ сущности трудно было понять непреклонность руководителей крупной промышленности въ вопросѣ о празднованіи одного дня въ году по общему желанію рабочихъ; самое это желаніе рабочаго класса могло быть признано довольно невин-

нымъ, при современномъ положеніи рабочей демократіи на Западѣ. Рисковать возбужденіемъ серьезныхъ безпорядковъ, продолжительныхъ волненій и забастовокъ ради одного спорнаго дня—было, повидимому, неразсчетливо и странно; нельзя было надѣяться на мирное отступленіе и подчиненіе рабочихъ, а, напротивъ, слѣдовало ожидать усиленія вражды и злобы, т.-е. такихъ чувствъ, которыя и безъ того въ достаточной степени накопились среди рабочихъ противъ хозяевъ. Хозяева не имѣютъ, конечно, ни малѣйшаго интереса въ томъ, чтобы сознательно питать и поддерживать противъ себя непріязненныя чувства излишнею суровостью и твердостью въ мелочахъ; строгая политика относительно 1-го мая являлась только отголоскомъ стараго предразсудка о преимуществѣ непреклонной стойкости въ борьбѣ съ народнымъ движеніемъ—предразсудка, имѣвшаго еще свой традиціонный смыслъ для правительственной власти, но совершенно неосновательнаго и произвольнаго по отношенію къ частнымъ предпринимателямъ и хозяевамъ. Стойкость, опирающаяся на военно-политическую силу государства, можетъ иногда достигнуть предположенной цѣли; но неразумно оставаться непреклоннымъ безъ крайней въ томъ нужды, не обладая принудительною властью, въ ущербъ общимъ интересамъ и своимъ собственнымъ,—тѣмъ болѣе когда дѣло идетъ о „меньшей братіи", о бѣднѣйшей трудящейся части населенія.

Какъ бы то ни было, принципъ непреклонности, усвоенный почему-то хозяевами крупныхъ предпріятій въ данномъ случаѣ, обходился очень дорого на практикѣ и приводилъ къ печальнымъ послѣдствіямъ; во многихъ мѣстностяхъ произошли уличныя схватки, а въ маленькомъ французскомъ городкѣ Фурми (Fourmies), на сѣверѣ, недалеко отъ бельгійской границы, разыгрались кровавыя сцены, возбудившія волненіе во всей Франціи. Ружья Лебеля были испробованы на безоружной уличной толпѣ, причемъ пострадали и женщины, и дѣти; оказалось 9 человѣкъ убитыхъ и еще больше раненыхъ. Военный отрядъ былъ поставленъ для защиты одного завода отъ забастовавшихъ рабочихъ, желавшихъ помѣшать работать своимъ болѣе уступчивымъ товарищамъ; работы на заводѣ продолжались подъ охраною войска, и на этихъ невольныхъ охранителей хозяйскихъ интересовъ обрушилось все негодованіе и раздраженіе толпы. Солдаты и офицеры подверглись оскорбленіямъ и насиліямъ; нѣкоторые были ранены камнями, и отряду ничего не оставалось дѣлать, какъ пустить въ ходъ оружіе, въ необходимости самообороны. Возбужденная толпа разсѣялась, оставивъ на мѣстѣ нѣкоторое количество жертвъ—большею частью ни въ чемъ неповинныхъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

Враги республиканскаго правительства и особенно противники

нынѣшняго министерства Фрейсинэ-Констана воспользовались этимъ непріятнымъ событіемъ для рѣзкихъ нападеній на республику, на ея руководителей и агентовъ; многочисленные патріоты по профессіи, оппозиціонные элементы всѣхъ оттѣнковъ, съ буланжистами во главѣ, подняли сильный шумъ въ журналистикѣ противъ ненавистнаго имъ министра внутреннихъ дѣлъ, Констана, главнѣйшаго будто бы виновника и зачинщика „убійствъ". Депутатъ Дюмэ, принадлежащій къ рабочей соціалистической партіи, обратился къ министерству съ запросомъ по поводу вызывающихъ распоряженій и дѣйствій властей противъ мирныхъ манифестацій рабочихъ; къ Дюмэ присоединился буланжистъ Эрнестъ Рошъ. Пренія въ палатѣ были горячія; оба депутата громили правительство на основаніи свѣденій, собранныхъ и провѣренныхъ ими лично на мѣстахъ. Эрнестъ Рошъ развернулъ въ палатѣ привезенную имъ изъ Фурми окровавленную рубашку, прострѣленную шестью пулями; онъ утверждалъ, что солдаты стрѣляли безъ обычныхъ предупрежденій, и что стрѣльба продолжалась нѣсколько минутъ. Нѣкоторые депутаты, въ томъ числѣ графъ Мэнъ, энергически требовали парламентскаго слѣдствія; министръ Констанъ старался успокоить оппозицію чисто фактическимъ изложеніемъ и сопоставленіемъ оффиціальныхъ данныхъ, изъ которыхъ можно было ясно видѣть, что нападающею стороною были рабочіе или подстрекавшіе ихъ анархисты, и что войско очутилось въ состояніи необходимой обороны; при такихъ условіяхъ нельзя говорить о виновности властей и арміи. Представитель крайней лѣвой, Мильеранъ, доказывалъ, что великая вина и ошибка правительства заключается въ самомъ фактѣ выставленія военной силы противъ рабочихъ, т.-е. противъ мирнаго трудящагося народа, и что никакихъ серьезныхъ конфликтовъ не произошло бы, еслибы министръ Констанъ обнаружилъ больше довѣрія къ рабочему классу и оставилъ въ сторонѣ свои предупредительныя мѣры. Констанъ и Фрейсинэ рѣшительно отвергали эту точку зрѣнія, отстаивая необходимость охраны общественной безопасности отъ насильственныхъ попытокъ, въ которыхъ несомнѣнно участвовали рабочіе; наконецъ, отъ происшедшихъ схватокъ пострадали и солдаты и офицеры, которые долго выдерживали нападенія толпы прежде чѣмъ пустить въ ходъ оружіе. Назначеніе парламентскаго слѣдствія, по словамъ Фрейсинэ, было бы явнымъ выраженіемъ недовѣрія къ исполнительной власти вообще, а не къ одному лишь нынѣшнему министерству. Большинство палаты, разумѣется, согласилось съ правительствомъ и не пожелало возбуждать министерскій кризисъ въ угоду буланжистамъ, но въ сущности засѣданіе 4-го мая (н. ст.) никого не удовлетворило. Палата выразила свое сожалѣніе о случившемся, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинаковое

сочувствіе къ рабочимъ и къ арміи; но что-то весьма существенное оставалось недосказаннымъ и незатронутымъ въ этихъ шумныхъ и безплодныхъ преніяхъ. Обвинялось правительство за слишкомъ строгія инструкціи и за употребленіе войскъ для защиты порядка; но почему понадобились эти охранительныя военныя мѣры и чьи рѣшенія и интересы охранялись путемъ кровопролитія?

Очевидно, при всякомъ политическомъ режимѣ должны быть предупреждаемы и устраняемы попытки насилій, отъ кого бы онѣ ни исходили; при всякой правительственной системѣ возможны случайныя уличныя столкновенія между сборищами гражданъ и полицейскою или военною силою, охраняющею общественную безопасность. Войско выставляется для поддержанія порядка не потому, что предполагается какой-то антагонизмъ между арміею и народомъ, а единственно лишь вслѣдствіе недостаточности полицейскихъ агентовъ, находящихся въ распоряженіи администраціи при данныхъ обстоятельствахъ. Слѣдовательно, не въ мѣрахъ и дѣйствіяхъ властей заключается источникъ столкновеній. Стычки въ Фурми и въ другихъ мѣстахъ произошли исключительно вслѣдствіе упорнаго рѣшенія фабрикантовъ и заводчиковъ продолжать работы въ день 1-го мая; войскамъ пришлось только ограждать эти заводы и фабрики отъ напора забастовавшихъ рабочихъ, стремившихся насильно прекратить работы. Не было бы никакихъ волненій и безпорядковъ, никакихъ кровопролитій и жертвъ, еслибы хозяева предпріятій дѣйствовали болѣе человѣчно и дальновидно, еслибы они не отвергали желаній рабочихъ съ такимъ презрительнымъ высокомѣріемъ, а вступили бы съ самаго начала на путь миролюбивыхъ обоюдныхъ уступокъ и соглашеній. Оппозиціонные ораторы въ палатѣ депутатовъ указывали правительству на примѣръ Англіи и Германіи, гдѣ 1-е мая прошло безъ серьезныхъ замѣшательствъ и безпорядковъ, благодаря будто бы болѣе либеральному образу дѣйствій властей; но дѣло вовсе не въ либерализмѣ или строгости правительствъ, а въ поведеніи предпринимателей и капиталистовъ, отъ которыхъ прежде всего зависитъ состояніе и настроеніе рабочихъ. Полиціи и арміи приходится играть пассивную, исполнительную роль; настоящія пружины движенія остаются въ рукахъ крупныхъ хозяевъ, имѣющихъ всегда возможность удовлетворить рабочихъ хотя бы мелкими и второстепенными уступками, для избѣжанія болѣе значительныхъ недоразумѣній. Въ Англіи господствуетъ духъ компромисса, какъ въ промышленномъ классѣ, такъ и въ рабочемъ населеніи; оттого рабочія манифестаціи, какъ и всякія другія, проходятъ тамъ спокойно и сохраняютъ большею частью вполнѣ легальный и мирный характеръ. Духъ соглашенія и легальности утвердился также среди нѣмецкихъ

рабочихъ и хозяевъ; послѣдніе обязаны быть уступчивыми уже въ силу установившейся системы оффиціальнаго покровительства рабочему населенію въ Германіи. Ни въ Англіи, ни въ Германіи вооруженныя силы не были поставлены въ необходимость защищать рѣшенія и интересы хозяевъ отъ рабочихъ, ибо въ обѣихъ этихъ странахъ предприниматели избѣгали обостренія кризиса и не давали повода къ уличнымъ стычкамъ и къ вмѣшательству войска; либерализмъ властей тутъ совершенно ни при чемъ. Французскіе рабочіе, обладающіе болѣе пылкимъ темпераментомъ, имѣли бы также право на нѣкоторое снисхожденіе и уступчивость со стороны крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, но послѣдніе не проявили ни тѣни миролюбія и заранѣе рѣшились во что бы то ни стало поставить на своемъ, хотя бы цѣною кровопролитія. Объ этихъ истинныхъ виновникахъ кровавыхъ столкновеній не вспомнили ни однимъ словомъ революціонные французскіе депутаты, нападавшіе на Констана въ засѣданіи 4-го мая. Даже представители рабочей соціалистической группы какъ будто забыли о существованіи хозяевъ и капиталистовъ, болѣе упорныхъ во Франціи и болѣе увѣренныхъ въ своемъ безусловномъ правѣ, чѣмъ дѣятели крупной промышленности другихъ странъ. Всѣ толковали о мѣрахъ и распоряженіяхъ министерства, когда сущность дѣла заключалась именно въ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, отъ которыхъ зависѣло самое возбужденіе недовольства и протестовъ рабочаго класса. А разъ подготовлена почва для озлобленія и замѣшательствъ, печальныя послѣдствія возникаютъ уже сами собою, подъ вліяніемъ малѣйшей случайности, и нельзя возлагать отвѣтственность за эти факты на простыхъ исполнителей, или на министровъ, озабоченныхъ сохраненіемъ внѣшняго порядка и безопасности.

Объ этой закулисной сторонѣ вопроса не упоминалось въ палатѣ и въ засѣданіи 8-го мая, при обсужденіи проекта амнистіи всѣмъ подвергшимся какому-либо наказанію по суду за участіе въ безпорядкахъ 1-го мая. Проектъ поддерживался крайней лѣвою, и въ его пользу говорили такіе ораторы, какъ Пельтанъ и самъ Клемансо; правительство, какъ и слѣдовало ожидать, отклонило мысль о всепрощеніи, которое могло бы быть сочтено за признакъ слабости и за прямое сознаніе власти въ ошибочности или несправедливости принятыхъ мѣръ. Большинство опять-таки одобрило взгляды, которые развивалъ Фрейсинэ, и отвергло амнистію значительнымъ большинствомъ голосовъ. Клемансо произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе своею патетическою рѣчью въ защиту рабочихъ; онъ указалъ на историческую важность современнаго соціальнаго движенія, на возростающую роль рабочаго класса, на необходимость взглянуть на дѣло шире

и глубже, отречься отъ узкой полицейской точки зрѣнія, могущей привести къ междоусобной войнѣ, и открыто пойти на встрѣчу организующемуся четвертому сословію, чтобы помочь мирному удовлетворенію его законныхъ и осуществимыхъ требованій. Воззваніе „къ миру, забвенію, примиренію" адресовано было ораторомъ спеціально къ министрамъ. „Спасите насъ, республиканцевъ, — закончилъ свою рѣчь Клемансо, — спасите нашихъ дѣтей, не оставляйте имъ этого ужаснаго наслѣдства—междоусобной войны; спасите республику, которая обѣщала водворить справедливость, какъ революція обѣщала свободу; спасите наконецъ отечество, ибо если не дано ему избѣгнуть рѣшенія судьбы, которое повидимому тяготѣетъ надъ нимъ, то по крайней мѣрѣ всѣ граждане должны быть проникнуты единою мыслью, чтобы быть готовыми въ данную минуту, подъ складками трехцвѣтнаго знамени". Это краснорѣчіе, отчасти шаблонное и вульгарное, очень понравилось радикаламъ, хотя намеки на неизбѣжную будто бы патріотическую войну съ нѣмцами всего менѣе умѣстны въ устахъ серьезнаго радикальнаго вождя, разсуждающаго о великихъ соціальныхъ проблемахъ. Самая эта идея — припутать къ рабочему вопросу воинственный патріотизмъ въ духѣ буланжистовъ — свидѣтельствуетъ о крайне поверхностномъ и узкомъ взглядѣ на вещи, не смотря на громкія стереотипныя фразы о важности соціальнаго движенія. Клемансо не замѣчаетъ, что интересы „четвертаго сословія", выступленіе котораго столь горячо привѣтствуется имъ, имѣютъ очень мало общаго съ воинственными слабостями, увлеченіями и традиціями господствующей нынѣ буржуазіи; онъ не видитъ столь яркихъ и крупныхъ фактовъ, какъ международный, космополитическій характеръ рабочаго движенія, солидарность нѣмецкихъ рабочихъ съ французскими и англійскими, присутствіе многочисленныхъ нѣмецкихъ и англійскихъ представителей на недавнихъ рабочихъ конгрессахъ въ Парижѣ и др. Внѣшніе политическіе счеты между культурными народами вполнѣ отрицаются вождями рабочаго класса, и война вовсе не кажется имъ неизбѣжною или законною съ точки зрѣнія патріотизма, насколько дѣло идетъ не о простой оборонѣ отъ нападенія. Французскіе рабочіе сознаютъ уже общность интересовъ съ рабочими другихъ странъ, въ области борьбы съ капитализмомъ; они чувствуютъ себя ближе къ соціалистамъ Англіи или Германіи, чѣмъ къ своимъ собственнымъ богатымъ согражданамъ, стоящимъ во главѣ крупныхъ предпріятій и неумолимо отвергающимъ требованія и желанія рабочихъ. Этотъ рѣзкій антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ во Франціи едва ли имѣетъ какую-либо связь съ дѣйствіями министровъ и ихъ агентовъ, хотя онъ несомнѣнно можетъ вызывать частыя столкновенія, въ которыхъ приходится фигурировать въ концѣ

концовъ и правительственнымъ органамъ, въ качествѣ водворителей нарушеннаго спокойствія и порядка.

Промышленная буржуазія господствуетъ во Франціи крѣпче и прочнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы; она не дѣлится своимъ владычествомъ съ вліятельною аристократіею, какъ въ Англіи, и не имѣетъ надъ собою военно-сословныхъ элементовъ и сильнаго монархическаго авторитета, какъ въ Германіи. Французская буржуазія господствуетъ почти безраздѣльно, такъ какъ рабочее населеніе въ городахъ и селахъ не можетъ еще соперничать съ зажиточнымъ культурнымъ классомъ и невольно подчиняется его руководству въ пользованіи своими политическими правами. Четвертое сословіе только начинаетъ организоваться во Франціи, и оно имѣетъ еще слишкомъ мало своихъ самостоятельныхъ представителей въ выборныхъ учрежденіяхъ, мѣстныхъ и центральныхъ. Этимъ, быть можетъ, объясняется отчасти то обстоятельство, что дѣятели, считающіеся соціалистами и революціонерами, рѣдко нападаютъ на руководителей крупной промышленности за чрезмѣрную черствость относительно рабочихъ, а предпочитаютъ направлять всѣ свои громы на министровъ и ихъ агентовъ: хозяева и предприниматели представляютъ большую и прочную силу, особенно во время выборовъ, и задѣвать эту силу рискованно для депутата или общественнаго дѣятеля, тогда какъ нападки на правительство доставляютъ только популярность въ глазахъ избирателей и публики. Отсюда тѣ фальшивыя ноты, которыя замѣчаются въ преніяхъ французской палаты по рабочему вопросу,—замалчиваніе сущности изъ-за формальныхъ придирокъ, скрываніе дѣйствительныхъ пружинъ изъ-за борьбы съ случайными исполнителями. Представители средняго класса, даже вполнѣ сочувствующіе рабочимъ и старающіеся усвоить ихъ точку зрѣнія, не могутъ все-таки освободиться отъ вліянія той общественной среды, съ которой связаны всѣ ихъ интересы, привычки и понятія. Ихъ соціализмъ остается чѣмъ-то отвлеченнымъ и безпредметнымъ; и въ практическихъ вопросахъ они невольно будутъ слѣдовать обычнымъ буржуазнымъ воззрѣніямъ, приправленнымъ лишь нѣкоторою долею сантиментальной благосклонности къ трудящейся „меньшей братіи". Такое именно впечатлѣніе производятъ рѣчи Клемансо и его единомышленниковъ въ палатѣ депутатовъ по рабочему вопросу.

Такимъ же одностороннимъ характеромъ отличается обсужденіе системы покровительственныхъ пошлинъ по докладу Мелина, предсѣдателя парламентской тарифной коммиссіи. Бывшій министръ и даже глава министерства, Мелинъ, поставилъ себѣ задачей поддержать французское сельское хозяйство повышеніемъ ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ и сырые продукты; поднятіе цѣнъ ослабило бы заграничную

конкурренцію и поправило бы дѣла туземной промышленности, по убѣжденію протекціонистовъ и ихъ новаго предводителя, Мелина. Протекціонисты преобладаютъ въ палатѣ депутатовъ, какъ преобладаютъ вездѣ среди практическихъ дѣятелей, соприкасающихся болѣе или менѣе близко съ интересами промышленности и торговли. Что повышеніе цѣнъ выгодно для производителей и продавцовъ—это до того ясно и просто, что всякія теоріи тутъ совершенно излишни; поэтому протекціонисты относятся насмѣшливо къ научнымъ доктринамъ и опираются больше на „здравый" житейскій опытъ, на требованія и настойчивыя домогательства промышленниковъ, на обязательныя заботы о благѣ отечества, совпадающемъ будто бы съ выгодами производителей и торговцевъ. Французскіе протекціонисты питаются тѣми же обычными софизмами, какъ и единомышленники ихъ въ другихъ странахъ; противъ нихъ возстаютъ приверженцы свободной конкурренціи, имѣющіе за собою авторитетъ французской экономической науки и литературы. Правительство держится, повидимому, золотой середины; оно стоитъ за умѣренныя охранительныя пошлины, въ видахъ поощренія и оживленія тѣхъ отраслей промышленности, которыя наиболѣе испытываютъ на себѣ вліяніе иностраннаго соперничества. Министръ торговли, Жюль Рошъ, привелъ статистическія данныя, изъ которыхъ можно заключить объ относительномъ упадкѣ внѣшней французской торговли, по сравненію съ другими главными державами Европы. До конца шестидесятыхъ годовъ Франція занимала второе мѣсто, послѣ Англіи, по цифрамъ ежегоднаго вывоза (3 милліарда 75 милліоновъ въ 1869 году); въ 1880 году Франція оказывается уже четвертою,—ее опередили сѣверо-американскіе Соединенные Штаты и Германія, хотя абсолютно французскій вывозъ увеличился (3 милліарда 468 милліоновъ). Четвертое мѣсто остается за Франціею и въ 1889 году (3 милліарда 704 милліона), тогда какъ Германія завоевала себѣ второе мѣсто (3 милліарда 958 мил.), а Англія твердо сохраняетъ за собою первенствующую роль въ области всемірной торговли (6 милліардовъ и 279 мил. вывоза). Эти цифры, очевидно, доказываютъ не упадокъ, а менѣе значительный ростъ французской производительности, чѣмъ американской и нѣмецкой. Необычайное развитіе промышленности въ Сѣверной Америкѣ объясняется общимъ возростаніемъ населенія, сосредоточеніемъ народной энергіи на свободной частной дѣятельности, постояннымъ наплывомъ энергическихъ переселенческихъ силъ изъ Европы, отсутствіемъ всеобщей воинской повинности, обязательныхъ вооруженій и обременительныхъ военныхъ бюджетовъ, чувствомъ простора и свободы въ обширной заатлантической республикѣ, никѣмъ не угрожаемой и никого не боящейся. Сравнивать быстрый ростъ

этого государства съ состояніемъ новѣйшей Франціи нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Такъ же точно и Германія ростетъ быстрѣе Франціи вслѣдствіе большей свободы своихъ движеній и болѣе спокойнаго сознанія своего политическаго могущества и преобладанія на континентѣ; этому экономическому росту способствуетъ и бо́льшая плодовитость германскаго населенія. Французы отстаютъ отъ нѣмцевъ не только по цифрамъ внѣшней торговли, но еще болѣе по цифрамъ рожденій; послѣднее важнѣе перваго, такъ какъ изсякаютъ или слабѣютъ, повидимому, самые источники дальнѣйшаго французскаго роста и развитія. Жюль Рошъ не рѣшается приписывать главное вліяніе той или другой таможенной политикѣ; онъ не связываетъ прежнихъ колебаній въ цифрахъ вывоза съ перемѣнами экономическихъ системъ, съ господствомъ протекціонизма или свободы торговли. Тѣмъ не менѣе онъ отстаиваетъ повышеніе пошлинъ, въ надеждѣ на благопріятные результаты для французской промышленности.

Парламентская коммиссія, президентомъ и вдохновителемъ которой состоитъ Мелинъ, предложила пошлины вдвое болѣе высокія, не скрывая своихъ стремленій къ полному торжеству протекціонизма. Мелинъ пользуется большимъ авторитетомъ въ палатѣ, какъ убѣжденный и послѣдовательный выразитель этого экономическаго направленія; онъ пугаетъ слушателей громадными цифрами ежегодныхъ переплатъ или долговъ иностранцамъ, принимая перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ за какое-то бѣдствіе, ведущее къ разоренію страны. Эта старая теорія торговаго баланса, которой повсюду крѣпко держатся протекціонисты, принадлежитъ несомнѣнно къ числу доктринъ, нуждающихся въ научной или фактической провѣркѣ; но протекціонистамъ она кажется вовсе не теоріею, а безспорнымъ фактомъ, несмотря на возраженія и доводы противниковъ. Выгодно, будто бы, только продавать товары за границу, а покупать иностранные продукты разорительно, ибо излишекъ пріобрѣтеній сопровождается вывозомъ золота для уплатъ; поэтому чѣмъ больше вывозится товаровъ сравнительно съ ввозомъ, тѣмъ страна богаче, а народъ, больше покупающій, чѣмъ продающій, неудержимо и безнадежно бѣднѣетъ. Съ этой точки зрѣнія народъ, вынужденный продавать за границу весь добытый хлѣбъ, необходимый для собственнаго своего пропитанія, будетъ богаче народа, имѣющаго возможность быть всегда сытымъ и жить въ полномъ довольствѣ; страна, распродающая свое достояніе изъ года въ годъ и не пріобрѣтающая у иностранцевъ никакихъ усовершенствованныхъ машинъ и орудій производства, должна считаться богаче страны, покупающей чужіе продукты для приспособленія ихъ къ своимъ потребностямъ или для удовлетворенія болѣе утонченныхъ вкусовъ

своего населенія. Самый благопріятный торговый балансъ оказался бы въ такомъ государствѣ, гдѣ водворилось бы хищническое хозяйство для скорѣйшей продажи всего, что только можно, за границу, и гдѣ народъ не имѣлъ бы даже средствъ покупать какіе-либо иностранные товары. Это было бы идеальное состояніе съ точки зрѣнія протекціонистовъ; люди продавали бы, не покупая, и внѣшній балансъ былъ бы блестящій; не было бы тѣхъ переплатъ или долговъ (въ сущности только мнимыхъ), которые пугаютъ истолкователей международнаго торговаго баланса, а народъ находился бы въ полнѣйшемъ экономическомъ упадкѣ.

Не замѣчая этихъ несообразныхъ логическихъ выводовъ и послѣдствій своей системы, протекціонисты смѣло толкуютъ о первостепенной важности возможно бо́льшаго вывоза продуктовъ изъ страны и сокращенія ввоза при помощи покровительственныхъ пошлинъ. Эти мнимые практики, пренебрегающіе экономическими теоріями, ставятъ свою собственную доктрину выше всякихъ доводовъ и фактовъ; поклоненіе доктринѣ торговаго баланса доходитъ у нихъ до явнаго абсурда, до прямыхъ попытокъ искусственнаго разоренія народа. Протекціонистамъ объясняютъ, что возвышеніе цѣнъ на необходимые предметы потребленія будетъ разорительно для бѣднѣйшихъ классовъ общества, что высокіе таможенные тарифы сократятъ вообще международный обмѣнъ и что платить пошлины придется въ сущности не иностранцамъ, а туземному населенію. Эти и подобныя указанія остаются совершенно безсильными противъ протекціонизма, коренящагося въ концѣ концовъ въ сознательной защитѣ спеціальныхъ денежныхъ выгодъ промышленнаго класса на счетъ всего остального народа;—отсюда и непоколебимая стойкость убѣжденія, энергическое отстаиваніе явныхъ несообразностей и софизмовъ, непреклонное пренебреженіе къ доводамъ противниковъ и къ экономическимъ теоріямъ, несогласнымъ съ доктриною баланса. Односторонніе защитники искусственнаго поднятія цѣнъ могутъ быть безусловно честными и доброжелательными людьми; они могутъ быть искренно и глубоко убѣждены въ настоятельной необходимости поддержать промышленность и торговлю посредствомъ пошлинъ, и эта поддержка представляется имъ почему-то долгомъ патріотизма, чѣмъ-то въ родѣ спасенія отечества. Протесты многочисленныхъ потребителей не принимаются ими во вниманіе; люди, которые потребляютъ, а не производятъ для торговли, считаются недостойными защиты и должны безпрекословно подчиняться интересамъ промышленниковъ, уплачивая имъ болѣе или менѣе крупную спеціальную дань, независимо отъ обычныхъ торговыхъ барышей. Во Франціи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, выгоды промышленности смѣшиваются часто съ выгодами

всего общества и государства, хотя большинство населенія можетъ страдать отъ этихъ выгодъ. Прочное установившееся господство промышленной буржуазіи кладетъ свой отпечатокъ на всѣ общественныя воззрѣнія, проявляется въ существующихъ понятіяхъ и идеяхъ, даетъ тонъ всему общественному мнѣнію и настроенію. Это сказывается наглядно и въ тарифной борьбѣ, тянущейся довольно вяло во французской палатѣ и журналистикѣ. Протекціонисты пользуются всѣми преимуществами и заранѣе предчувствуютъ побѣду, такъ какъ опираются на крупные и непосредственные интересы коммерсантовъ; потребители же не имѣютъ столь энергическихъ заступниковъ, ибо для нихъ дѣло идетъ не о барышахъ, которые стоило бы защищать, а объ охранѣ отъ посягательствъ на ихъ скудные карманы со стороны промышленниковъ-протекціонистовъ.

Защитникомъ свободы торговли выступилъ противъ Мелина извѣстный экономистъ и финансистъ Леонъ Сэй; онъ говорилъ остроумно и дѣльно, палата слушала его со вниманіемъ, но поколебать протекціонистскіе взгляды большинства ему не удалось. Противники покровительственной системы не могутъ заинтересовать публику и привлечь къ себѣ общественныя симпатіи, если въ странѣ дѣйствительно замѣчается упадокъ промышленности и торговли, если отовсюду раздаются жалобы на застой въ дѣлахъ, на уменьшеніе оборотовъ и заработковъ; понятно, что многіе хватаются за протекціонизмъ, какъ за возможный якорь спасенія, и разсужденія протекціонистовъ вызываютъ пріятныя надежды и выслушиваются съ сочувствіемъ и вниманіемъ. Протекціонисты берутъ тѣмъ, что они не довольствуются указаніемъ болѣзни, а предлагаютъ положительный и весьма наглядный способъ леченія; въ этомъ смыслѣ они являются практиками, а не простыми доктринерами. Противники ихъ поставлены гораздо хуже; они также признаютъ существованіе застоя или упадка промышленности, но не предлагаютъ никакихъ положительныхъ и непосредственныхъ практическихъ способовъ для скорѣйшаго поправленія дѣлъ. Лекарство, даваемое протекціонизмомъ, можетъ оказаться безполезнымъ или даже вреднымъ; но оно все-таки утѣшаетъ и успокоиваетъ больного. Другіе не доставляютъ этихъ утѣшеній и не даютъ никакихъ лекарствъ, хотя бы обманчивыхъ и невѣрныхъ; они критикуютъ и осуждаютъ чужое леченіе, не предлагая своего собственнаго, и, слѣдовательно, они имѣютъ всѣ признаки безплодныхъ теоретиковъ. Леонъ Сэй говорилъ именно какъ теоретикъ, желающій убѣдить слушателей наглядными практическими соображеніями и примѣрами; но его рѣчи, какъ и вообще рѣчи французскихъ фритредеровъ, не возбуждаютъ довѣрія по той простой причинѣ, что ихъ фритредерство составляетъ общую теорію, примѣняемую лишь

случайно къ охранѣ потребителей и имѣющую въ сущности болѣе широкія основанія и задачи, связанныя съ огражденіемъ экономической дѣятельности отъ неудобнаго государственнаго вмѣшательства. Эти краснорѣчивые ораторы, выступающіе теперь противъ повышенія цѣнъ на необходимые продукты во имя забываемыхъ интересовъ народныхъ массъ, будутъ въ другое время возставать противъ законодательныхъ мѣръ въ защиту рабочаго класса, отстаивать свободу дѣйствій хозяевъ, отрицать законность ограниченій и контроля въ дѣлѣ эксплуатаціи рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Они стоятъ противъ всякаго вмѣшательства власти въ пользу бѣднѣйшихъ элементовъ населенія, и доводы ихъ противъ покровительственныхъ пошлинъ образуютъ лишь часть цѣлой системы всеобщей свободы торговли или фритредерства—системы во многомъ крайне несимпатичной и неосновательной. Вотъ почему рѣчи Леона Сэя и другихъ либеральныхъ французскихъ экономистовъ справедливо не вызываютъ сочувствія, и заступничество ихъ за „меньшую братью" не можетъ быть принято за чистую монету, въ виду извѣстнаго отношенія ихъ къ такимъ государственнымъ мѣрамъ, благодѣтельность которыхъ для рабочихъ несомнѣнно испытана и доказана на опытѣ въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Англіи и Германіи. Непріятный оттѣнокъ бездушнаго доктринерства ослабляетъ впечатлѣніе всей аргументаціи фритредеровъ и отвлекаетъ отъ нихъ публику даже въ тѣхъ случаяхъ, когда доказательства и предостереженія ихъ заключаютъ въ себѣ безспорную истину. И протекціонисты, и приверженцы свободы торговли охраняютъ, конечно, одни и тѣ же промышленные интересы, только разными способами; первые имѣютъ болѣе въ виду временныя или экстраординарныя выгоды, а вторые—выгоды постоянныя и прочныя. Для тѣхъ и другихъ потребности и интересы рабочаго населенія представляютъ область какъ бы постороннюю и чуждую, покрытую неопредѣленнымъ туманомъ; народъ упоминается въ рѣчахъ скорѣе лишь въ смыслѣ риторической фигуры, чѣмъ въ какомъ-либо реальномъ значеніи.

Въ области внѣшней политики водворилось полное затишье въ Европѣ; внутренніе вопросы больше частью также ждутъ оживленія и изрѣдка только получаютъ неожиданные толчки, приносящіе свою долю пользы. Въ Бельгіи, напримѣръ, организовались стачки рабочихъ, и броженіе постепенно распространялось, охватывая значительные промышленные районы въ различныхъ частяхъ страны; предполагалась общая и повсемѣстная забастовка, съ цѣлью побудить правительство приступить къ пересмотру конституціи согласно требованіямъ и интересамъ большинства рабочаго населенія. Въ виду воз-

ростающаго народнаго недовольства сдѣланъ былъ правительствомъ и парламентомъ серьезный шагъ для удовлетворенія рабочаго класса: парламентская коммиссія, на которую возложено было предварительное обсужденіе поднятаго вопроса о пересмотрѣ конституціи, высказалась въ пользу этого пересмотра, который теперь не встрѣчаетъ уже принципіальныхъ возраженій въ средѣ правительственныхъ и консервативныхъ дѣятелей. Благопріятное рѣшеніе парламентской коммиссіи пришлось очень кстати для рабочихъ, такъ какъ стачки организованы были плохо, и рабочіе не долго выдержали бы затѣянную борьбу; поэтому кажущійся успѣхъ въ вопросѣ о пересмотрѣ конституціи принятъ былъ за настоящую побѣду и за вполнѣ достаточный поводъ къ прекращенію стачекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство и парламентская коммиссія дѣйствительно желали сдѣлать уступку рабочему классу, чтобы положить конецъ вредному промышленному кризису и разстройству; поэтому рабочіе имѣютъ основаніе приписывать себѣ удачу, хотя собственные ихъ интересы наиболѣе пострадали. А пока достигнуто нѣкоторое подобіе мира, и рабочее движеніе снова затихло въ Бельгіи.

Въ Англіи политическая жизнь представляетъ мало новаго за послѣднее время; можно отмѣтить только попытку правительства подготовить почву для дарового народнаго обученія, посредствомъ ассигнованія крупныхъ бюджетныхъ излишковъ на содержаніе народныхъ школъ и ихъ учебнаго персонала. Это важное нововведеніе незамѣтно осуществляется канцлеромъ казначейства Гошеномъ, въ видѣ простого дополненія или комментарія къ прошлогоднему бюджету; дѣло идетъ о томъ, на какія общественныя цѣли употребить значительные избытки доходовъ надъ расходами, остающіеся въ свободномъ распоряженіи казны; обыкновенно эти суммы идутъ на пониженіе налоговъ или на расходы по какой-либо важной реформѣ (напр. на устройство мѣстнаго управленія въ 1888 году — 3.800.000 фунтовъ стерлинговъ). Послѣдній финансовый годъ, закончившійся 30-го марта, далъ излишекъ въ $1^3/_4$ милл. ф. ст., и изъ этой суммы предположено назначить около милліона фунтовъ ст. на дѣло безплатнаго народнаго образованія въ Англіи. Либеральная оппозиція отчасти обижена этимъ смѣлымъ усвоеніемъ ея идей консервативными министрами; но мѣра Гошена усиливаетъ популярность правительства въ народѣ, убѣждая всѣхъ и каждаго въ томъ, что торійскій кабинетъ готовъ осуществлять полезныя и либеральныя реформы, въ предѣлахъ возможности. Въ Англіи, конечно, всѣ партіи одинаково признаютъ первостепенную важность распространенія образованія въ народѣ, и тамъ нѣтъ еще такихъ публицистовъ, которые проповѣдовали бы культъ невѣжества и предлагали бы ограничить количество школъ или за-

крыть къ нимъ доступъ для какихъ-либо элементовъ населенія;—до подобныхъ идей англичане еще не дошли и вѣроятно никогда уже не дойдутъ, чѣмъ и объясняется ихъ положеніе и роль въ умственной и экономической жизни Европы и другихъ частей свѣта. Англичанъ не смущаетъ даже такое обстоятельство, какъ принадлежность Гошена къ еврейскому племени; они не видятъ въ этомъ происхожденіи министра ничего такого, что̀ уменьшало бы его способность быть замѣчательнымъ канцлеромъ казначейства и хорошимъ и дальновиднымъ государственнымъ человѣкомъ. Что касается оппозиціонныхъ политическихъ группъ, то онѣ ведутъ себя весьма сдержанно въ оцѣнкѣ торійской политики, чѣмъ вызвали даже выраженіе признательности со стороны лорда Сольсбери (въ его рѣчи въ Гласговѣ, 20-го мая).

Среди этого общаго политическаго затишья произвела нѣкоторую сенсацію извѣстная исторія, разыгравшаяся въ Сербіи, по поводу удаленія бывшей королевы Наталіи изъ Бѣлграда. Это удаленіе сопровождалось уличными безпорядками, стрѣльбою и борьбою, причемъ пострадали и мирные обыватели, и солдаты, и офицеры. Почему королева Наталія выказала такое упорное нежеланіе подчиниться рѣшенію скупщины и совѣтамъ правителей, кто поддерживалъ ее въ этомъ и какіе именно мотивы побуждали ее предпочесть шумное насильственное удаленіе добровольному и спокойному,—это разобрать трудно уже по той простой причинѣ, что въ дѣло могли быть замѣшаны чисто-женскія чувства и женскіе нервы, безъ малѣйшей связи съ какими-либо серьезными политическими или иными интересами. Королева Наталія дѣйствовала до конца какъ женщина, считающая себя оскорбленною и проникнутая лишь одною мыслью—поставить на своемъ; она въ сущности и неотвѣтственна за свои поступки въ политическомъ смыслѣ, такъ какъ не было даже основанія разсчитывать на ея особенный политическій тактъ, на ея благоразуміе и уступчивость. Можно только удивляться тому, что министры и правители, заранѣе подготовленные къ упорному сопротивленію королевы, не съумѣли устроить удаленіе ея болѣе цѣлесообразно и прилично, безъ скандала и кровопролитія. Это шумное, насильственное выселеніе королевы, матери царствующаго короля, при помощи жандармовъ, на глазахъ толпы народа, совершено сербскими государственными людьми, повидимому, во имя прочности королевскаго престола и династіи; но они, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не могли думать серьезно, что возможность подобныхъ публичныхъ сценъ совмѣстима съ поддержаніемъ монархическихъ чувствъ въ населеніи. Все было поставлено ложно въ этомъ продолжительномъ семейно-королев-

скомъ кризисѣ: — и эти постоянные разговоры о славной династіи Обреновичей, происходящей отъ крестьянина Милоша, котораго еще вѣроятно помнятъ многіе сербскіе старожилы; и эти заботы о финансахъ бывшаго короля Милана и милліонныя отступныя суммы, выдаваемыя ему неизвѣстно за что изъ скудныхъ государственныхъ средствъ Сербіи; и эти таинственные намеки на глубокія политическія причины неудачныхъ дѣйствій въ вопросѣ объ удаленіи королевы изъ Бѣлграда; и наконецъ двусмысленное положеніе юнаго короля, удаляемаго за городъ въ день высылки его матери и остающагося будто бы центральною фигурою оффиціальной Сербіи, оплотомъ и представителемъ ея политической будущности. Несчастный юноша, окруженный съ раннихъ лѣтъ политическими интригами, живущій вдали отъ отца, который весело проживаетъ въ Парижѣ, и безъ матери, лишенной права видѣться съ нимъ,—представляетъ собою какъ бы дополнительную иллюстрацію къ оригинальной и интересной картинѣ, нарисованной Альфонсомъ Додэ въ его „Rois en exil“.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1891.

— *Историческое Обозрѣніе.* Сборникъ Историческаго Общества при имп. с.-петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева (1891 г.). Томъ второй. Спб. 1891.

Мы еще недавно говорили о началѣ этого изданія; теперь передъ нами второй томъ Сборника, свидѣтельствующій, что Общество усердно трудится на избранномъ имъ поприщѣ. Во второмъ томѣ находимъ, кромѣ мелкихъ сообщеній, между прочимъ слѣдующія статьи: „Іосифъ II и философія XVIII вѣка", г. Ону; „Общество голодовки", эпизодъ изъ французской исторіи XVIII вѣка, разсказъ объ эксплуатаціи хлѣбной торговли, г. Аѳанасьева; „Политическая экономія и теорія историческаго процесса", г. Карѣева, любопытный пересмотръ новѣйшихъ историографическихъ теорій, связанныхъ съ вопросомъ о политико-экономическихъ отношеніяхъ, которыя начинаютъ представляться самой основой историческаго движенія; далѣе, „Историческое общество лѣтописца Нестора въ Кіевѣ", г. Нестроева, обзоръ дѣятельности этого Общества за 18 лѣтъ его существованія; „Программа историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ", г. Беркута. Въ „Исторической хроникѣ" помѣщены свѣденія объ историко-литературныхъ и историко-юридическихъ курсахъ въ университетахъ, о вступительныхъ лекціяхъ и диспутахъ, о публичныхъ лекціяхъ по исторіи, ученыхъ обществахъ и съѣздахъ, архивахъ и архивныхъ коммиссіяхъ. Въ отдѣлѣ новостей статья г. Бузескула о новооткрытомъ трактатѣ Аристотеля объ аѳинской демократіи, и обширная статья г. Браудо, представляющая обзоръ русской исторической литературы за 1888 и 1889 годы; здѣсь весьма внимательно и довольно подробно пересмотрѣнъ обширный матеріалъ новѣйшей исторической литературы съ нѣкоторымъ освѣщеніемъ отдѣльныхъ трудовъ.

Во второмъ отдѣлѣ „Историческаго Обозрѣнія“ помѣщаются свѣденія о дѣятельности самаго Общества—протоколы засѣданій, списки членовъ, извѣстія о библіотекѣ и т. п.

Въ предисловіи редактора объясняется положеніе изданія въ связи съ личнымъ составомъ и матеріальными средствами Общества, высказываются пожеланія относительно того, что было бы нужно для наиболѣе успѣшнаго исполненія предположенной программы „Обозрѣнія“, и наконецъ соображенія о томъ, можетъ ли новое предпріятіе найти себѣ прочную опору въ нашей современной литературѣ и обществѣ. Относительно матеріала, который былъ бы желателенъ для „Обозрѣнія“, авторъ особенно указываетъ на необходимость статей общаго и руководящаго характера. Таковы были бы именно: a) статьи по теоретическимъ вопросамъ исторической науки; b) обзоры исторической литературы по важнѣйшимъ эпохамъ и явленіямъ; c) характеристики выдающихся историческихъ писателей; d) характеристики крупныхъ историческихъ дѣятелей и наиболѣе замѣчательныхъ историческихъ движеній; e) статьи по вопросамъ преподаванія исторіи. Г. Карѣевъ указываетъ также на желаемую полноту отдѣла критики и библіографіи, отдѣла текущихъ свѣденій о ходѣ историческихъ работъ и преподаванія предмета и т. п., и замѣчаетъ:

„Историческое Обозрѣніе есть предпріятіе коллективное. Издаваясь въ столицѣ государства и ученымъ Обществомъ, имѣющимъ среди своихъ членовъ весьма почтенное количество иногородныхъ дѣятелей науки, нашъ сборникъ какъ бы предназначенъ къ тому, чтобы сдѣлаться со временемъ центральнымъ органомъ исторической науки въ Россіи. Нѣтъ нужды, что предпринимается онъ съ малыми денежными средствами: главная сила должна заключаться въ работѣ членовъ Общества, безъ которой и при деньгахъ предпріятіе не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Отношеніе представителей исторической науки и историческаго преподаванія къ „Историческому Обозрѣнію“, какъ единственно возможныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ его сотрудниковъ, равно какъ отношеніе къ нему читающей публики, безъ сбыта среди которой изданіе, конечно, долго продержаться не было бы въ состояніи,—покажутъ, нуженъ ли въ Россіи общеисторическій строго-научный журналъ, какіе существуютъ у англичанъ, у датчанъ, у итальянцевъ, у нѣмцевъ, у поляковъ, у французовъ, у шведовъ, или же что мы пока еще не смѣемъ мечтать о такой роскоши“.

Поставленный г. Карѣевымъ вопросъ связывается, конечно, съ цѣлымъ вопросомъ о степени распространенія научныхъ интересовъ въ нашемъ обществѣ. Г. Карѣевъ не однажды высказываетъ надежду на „ревностное содѣйствіе“ членовъ Общества, которое должно со-

ставить главную опору ихъ предпріятія, высказывая при этомъ и сожалѣніе, что въ своемъ настоящемъ положеніи Общество не можетъ вознаграждать издаваемые имъ труды гонораромъ; выходило бы такимъ образомъ, что Общество можетъ существовать только даровымъ трудомъ. Намъ это представляется едва ли возможнымъ: безъ сомнѣнія, большинство лицъ, трудами которыхъ наполнялось бы изданіе Общества, находится не въ такомъ положеніи, чтобы имѣть достаточно досуга для даровой работы; при всемъ сочувствіи къ цѣлямъ Общества, эти люди, непремѣнно болѣе или менѣе занятые, находились бы въ физической невозможности посвятить Обществу количество труда и времени необходимое для какой-либо серьезной научной работы. Работа могла бы быть оплачена въ случаѣ успѣха самыхъ изданій Общества; но еслибы этого послѣдняго не было, то являлся бы фатальный вопросъ: составляетъ ли самое предпріятіе Общества какую-нибудь потребность для массы публики; не есть ли трудъ ученаго Общества лишь удовлетвореніе потребности немногихъ спеціалистовъ, и для всей остальной массы читающаго круга онъ совершенно не интересенъ и не нуженъ? Самые вопросы, поставленные въ настоящемъ случаѣ, повидимому, столь значительны, что можно было бы думать, что образованная масса не останется къ нимъ равнодушна и поддержитъ посвященное имъ предпріятіе, но, къ сожалѣнію, мы бывали свидѣтелями такого равнодушія нашей публики къ научнымъ интересамъ, что не рѣшились бы предсказывать вѣрный успѣхъ, какъ бы онъ ни былъ желателенъ: чѣмъ вы подѣйствуете на общество, которое выслушиваетъ толки о слишкомъ большомъ количествѣ, о „перепроизводствѣ“ нашего образованія? При этомъ нынѣшнемъ „перепроизводствѣ“ неуспѣхъ полезнаго изданія былъ бы дѣломъ неудивительнымъ.

Подъ стать пожеланіямъ и ожиданіямъ, какія высказываетъ г. Карѣевъ, статья г. Нестроева сообщаетъ свѣденія о другомъ—также историческомъ—Обществѣ, которое впрочемъ, по инымъ обстоятельствамъ (на которыя можетъ указывать и поставленное въ его заглавіи имя лѣтописца Нестора), получило и иной, менѣе теоретическій и болѣе археологическій характеръ. Г. Нестроевъ произвелъ очень подробное (можетъ быть, слишкомъ подробное) статистическое вычисленіе его дѣятельности — числа членовъ, засѣданій, рефератовъ и т. д., причемъ общій результатъ оказался не вполнѣ удовлетворительнымъ. По выводу г. Нестроева сообщенія, читанныя въ Обществѣ, отличаются случайнымъ характеромъ. „О какой-нибудь систематической работѣ не можетъ быть и рѣчи, и это до нѣкоторой степени естественно, разъ дѣло идетъ объ ученомъ обществѣ, тѣмъ болѣе объ обществѣ, насчитывающемъ небольшое число и лѣтъ суще-

ствованія, и дѣйствительныхъ членовъ. Понятно отсюда, что дать оцѣнку результатамъ, достигнутымъ обществомъ, почти нѣтъ возможности. Вопросовъ затрогивалось не мало. За немногими исключеніями ихъ почти столько же, сколько и прочитанныхъ настоящихъ сообщеній. Далеко, съ другой стороны, не обнимаютъ они *всѣхъ сторонъ* жизни: не мало пробѣловъ можно насчитать въ трудахъ общества, пробѣловъ, которые кажутся иногда нѣсколько странными въ виду громаднаго матеріала, собраннаго тутъ же въ архивѣ, откуда только изрѣдка извлекаются данныя для сообщеній. Но, несомнѣнно, что нѣкоторые шаги въ смыслѣ пополненія пробѣловъ дѣлаются въ послѣднія 9—10 лѣтъ и, въ виду все яснѣе и яснѣе опредѣляющагося направленія трудовъ общества, даютъ надежду на пополненіе ихъ въ будущемъ".

Здѣсь, видимо, другая точка зрѣнія на роль историческаго общества. Г. Нестроевъ полагаетъ, что работы Общества должны обнять всѣ стороны исторической жизни данной страны или народа (относительно общества лѣтописца Нестора онъ полагаетъ, что его работы должны особенно сосредоточиться на исторіи южной Россіи); но историческое общество вообще едвали можетъ ставить себѣ подобную задачу. Для того, чтобы возможна была такая систематическая совмѣстная работа, нужна была бы совсѣмъ иная организація ученаго кружка, извѣстная обязательность труда, указываемаго опредѣленной програмой, и при этой обязательности необходимое матеріальное вознагражденіе труда, словомъ—нужна была бы какъ бы академическая постановка дѣла или, по крайней мѣрѣ, такая, какая бываетъ въ археографическихъ коммиссіяхъ, а не та, какая возможна въ частномъ обществѣ, состоящемъ изъ ученыхъ спеціалистовъ и любителей, которые предоставляютъ Обществу только часть своего досуга и добровольной, безвозмездной работы. Относительно Общества лѣтописца Нестора мы видимъ, напримѣръ, что многія работы, доложенныя здѣсь, появились въ печати вовсе не въ „Чтеніяхъ" Общества, а въ другихъ изданіяхъ, какъ потому, что здѣсь нужно было ждать неопредѣленное время, пока статья дойдетъ до печати, такъ и потому, что въ другомъ изданіи работа сопровождалась бы гонораромъ. Если Общество осуждено такимъ образомъ существовать доброхотными даяніями, возможна ли для него такая систематическая работа, о какой мечтаетъ г. Нестроевъ? Или требовалось бы такое самоотверженное отношеніе къ работѣ, на какое въ обыкновенныхъ условіяхъ даже невозможно разсчитывать. Намъ кажется, что работа въ ученомъ обществѣ и не можетъ быть иною, чѣмъ она есть, то-есть, можетъ быть только объединеніемъ ученыхъ силъ, работающихъ независимо надъ своими задачами, но имѣющихъ въ обществѣ недости-

жимое иначе удобство непосредственной провѣрки своихъ наблюденій или выводовъ съ помощью знанія и опыта сотоварищей по спеціальности. Желательно одно, чтобы общества обладали болѣе значительными средствами для вознагражденія тѣхъ трудовъ, которые были бы имъ предоставлены для изданія, и между прочимъ, напримѣръ, для такихъ необходимо сложныхъ и кропотливыхъ, но очень полезныхъ работъ, какъ библіографическіе обзоры, въ родѣ статьи г. Браудо въ „Историческомъ Обозрѣніи" г. Карѣева.

Когда, такимъ образомъ, историческое Общество въ Кіевѣ, весьма естественно, направляется на изученіе мѣстной исторіи, Общество петербургское стремится, также весьма естественно, къ установленію общихъ вопросовъ историческаго знанія, и рядомъ съ исторіею русской не забываетъ объ исторіи всеобщей. Нельзя не оцѣнить въ особенности вниманія къ теоретическимъ вопросамъ исторической науки, которые у насъ вообще разработываются очень мало, и между тѣмъ имѣли бы существенную важность для непосредственныхъ задачъ самой русской исторіографіи. Историческое изученіе, подъ вліяніемъ многоразличныхъ сосѣднихъ изученій: антропологіи, археологіи, филологіи, экономической науки, ученій политическихъ и нравственныхъ, такъ усложняется и обогащается, что здраво развивающаяся наука не можетъ оставаться чуждой этимъ новымъ изслѣдованіямъ, вліяющимъ на самый методъ работы. Въ послѣднее время это расширеніе теоретическихъ и методологическихъ изученій становится особенно необходимо: новыя поколѣнія ученыхъ все больше вдаются въ чисто детальныя изслѣдованія, за которыми часто невозможно усмотрѣть какихъ-либо цѣльныхъ представленій объ исторіи.

— *Итальянское искусство* въ эпоху Возрожденія. А. *фонъ-Фрикенъ*. Часть первая. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1891.

Имя г. фонъ-Фрикена давно извѣстно по его сочиненію о римскихъ катакомбахъ, которыя онъ старательно изучалъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ точки зрѣнія исторіи искусства [1]). Его настоящій трудъ, хотя посвященный гораздо болѣе поздней эпохѣ, находится однако въ тѣсной связи съ его первой работой: приступая къ эпохѣ Возрожденія, авторъ начинаетъ очень издалека, какъ говорится, съ Адама, а именно, желая разъяснить явленіе Возрожденія по самой глубокой его сущности, г. фонъ-Фрикенъ счелъ нужнымъ

[1]) Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Четыре части. М. 1872—1885.

поставить его въ связь съ цѣлымъ историческимъ движеніемъ европейской цивилизаціи. Возрожденіе онъ представляетъ какъ фактъ, въ которомъ выразилось освобожденіе *арійскаго духа* надъ вліяніями восточными, семитическими, долго господствовавшими въ развитіи западныхъ европейскихъ народовъ.

„Возрожденіе искусствъ въ Италіи,—говоритъ г. фонъ-Фрикенъ, —какъ и всякое историческое явленіе, нельзя разбирать отдѣльно, уединяя его отъ событій, предшествовавшихъ ему, находящихся съ нимъ въ тѣсной связи, способныхъ потому пояснить и вмѣстѣ опредѣлить его значеніе. Пробужденіе арійскаго ума въ Италіи вызвало культуру Возрожденія, подобно тому, какъ по ту сторону Альпъ оно произвело реформу, и возрожденіе искусствъ въ Италіи составляетъ одинъ изъ тѣхъ видовъ дѣятельности освободившагося отъ средневѣковыхъ узъ арійскаго ума, которая проявилась и въ другихъ отрасляхъ умственной жизни итальянцевъ этой эпохи. Потому созданіе идеаловъ въ области фигуративнаго искусства и оживленіе его въ Италіи слѣдуетъ разсматривать въ связи съ ходомъ умственнаго развитія итальянцевъ и какъ освобожденіе отъ началъ Востока семитическаго, чуждыхъ народамъ арійскаго племени, наводнявшихъ Западъ по мѣрѣ того, какъ понижалась классическая культура, и преобладавшихъ въ немъ, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, всѣ средніе вѣка. Возрожденіе искусствъ въ Италіи становится непонятнымъ, если оставить въ сторонѣ, не подвергнувъ изслѣдованію, тѣ элементы, которые оно отстранило, открывая себѣ новые пути. Начала развитія, вызванныя Возрожденіемъ, имѣютъ много точекъ соприкосновенія съ элементами, преобладавшими въ классической цивилизаціи; но между тѣми и другими лежитъ, раздѣляя ихъ, культура особеннаго восточнаго, преимущественно семитическаго, характера, имѣющая съ ними мало общаго и столь же чуждая классическому міру, сколько и эпохѣ Возрожденія. Различіе это издревле и постоянно существовало между арійской и семитической культурой“.

Исходя изъ этихъ основаній, авторъ посвящаетъ обширное введеніе характеристикѣ цивилизаціи восточной (египетской, семитической, тюркской и пр.) и арійской (у древнихъ грековъ и римлянъ и новыхъ европейскихъ народовъ) и находитъ между ними ту принципіальную разницу, что народы восточные съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ отличались развитіемъ религіознаго созерцанія и недостаткомъ развитія политическаго, остановившагося на формахъ первобытнаго восточнаго деспотизма съ порабощеніемъ личности, тогда какъ народы арійскаго племени отличались и отличаются философскимъ анализомъ и развитіемъ политическихъ формъ до признанія и освобожденія личности. Авторъ касался этихъ общихъ историче-

скихъ положеній и въ своемъ прежнемъ трудѣ, и здѣсь развиваетъ ихъ новыми аргументами, собранными изъ новѣйшей литературы по исторіи религіи, цивилизаціи, философіи, наконецъ искусства. Начало древней классической цивилизаціи и искусства (у грековъ) совершалось подъ сильнымъ вліяніемъ восточной культуры (у египтянъ, финикіянъ), но это вліяніе было техническое и внѣшнее; съ теченіемъ времени эллинскіе арійцы освобождаются отъ этого подчиненія, и ихъ болѣе самостоятельное мышленіе и искусство отличаются богатствомъ содержанія и развитіемъ философскаго анализа; напротивъ, въ послѣдующія эпохи упадка снова сказываются черты характера восточнаго.

Въ противоположность народамъ восточнымъ, у древнихъ грековъ была мало развита религіозность, но силою философскаго размышленія ихъ теоретическая мораль выработала возвышенныя понятія, приближавшія древнюю греческую и римскую философію къ нравственнымъ понятіямъ христіанства. „Нѣкоторые писатели церкви,—говоритъ авторъ,—какъ напримѣръ, св. Іустинъ и Климентъ Александрійскій, люди классической культуры, не могли не замѣтить, сколько состраданія къ ближнему и какъ много моральныхъ правилъ, приближающихся къ христіанскому ученію, заключалось въ философскихъ системахъ грековъ и римлянъ и въ ихъ литературѣ. Христіанскіе философы вообще были склонны объяснять это тѣмъ, что мыслители язычники вдохновлялись иногда свыше, что̀ и составляло одинъ изъ доводовъ, употребляемыхъ вѣрующими при убѣжденіи язычниковъ принять христіанство. Св. Іустинъ смотрѣлъ на Сократа какъ на предшественника Христа. Лактанцій, христіанскій писатель IV-го столѣтія, говоритъ, что истина была разсѣяна въ разныхъ философскихъ системахъ, но что христіанство собрало и соединило эти части...

„Писатели церкви, незнакомые съ классической культурой, особенно іудеи по происхожденію, которые смотрѣли на философію какъ на нѣчто подозрительное, вредное, объясняли моральные принципы, заключающіеся въ ней, тѣмъ, что мыслители язычники, повинуясь наущенію дьявола, брали изъ священнаго писанія его истины, иногда съ цѣлью затемнить или обезславить божественное откровеніе“ (стр. 52). Такимъ образомъ даже древній арійскій міръ имѣлъ предчувствіе высокихъ нравственныхъ началъ христіанства, но вообще міръ западный, арійскій, и восточный, не-арійскій, представляли рѣзкую противоположность и въ теоретическихъ, религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ, и въ искусствѣ.

Во времена римской имперіи восточные элементы покоренныхъ Римомъ странъ снова наводняютъ арійскій міръ въ бытовыхъ фор-

махъ, понятіяхъ и искусствѣ, хотя первое христіанство, какъ показываютъ памятники искусства въ катакомбахъ, носило больше классическій, чѣмъ семитическій характеръ.

„Юные народы арійскаго племени, водворившіеся въ земляхъ классической культуры и перенявшіе то, что сохранилось отъ нея, усвоили также и восточныя, семитическія начала, религіозныя и гражданскія, которыми уже было переполнено эллинское и римское общество въ эту эпоху. Франко-германцы приняли христіанство въ ту эпоху, когда въ немъ преобладали семитическіе элементы; а такъ какъ народы эти обладали слишкомъ малой суммой культуры, чтобы преобразовать эти семитическія начала, то послѣднія и получили преобладающее вліяніе въ ихъ цивилизаціи.

„Но при дальнѣйшемъ развитіи этихъ новыхъ, появившихся на сцену исторіи, арійскихъ народовъ, пытливый умъ, склонность къ сомнѣнію, свойственные всѣмъ арійцамъ, снова проявляются среди нихъ и ведутъ къ постепенному и болѣе или менѣе полному освобожденію ихъ ума“.

Къ этому авторъ прибавляетъ еще слѣдующее соображеніе: „Чѣмъ дальше находится народъ арійскаго племени по своему географическому положенію отъ народовъ туранскихъ или семитическихъ, тѣмъ больше онъ сохраняетъ въ себѣ элементовъ чисто арійской культуры: такъ, напримѣръ, германскіе народы поставлены въ этомъ отношеніи въ очень выгодное положеніе. Латинское племя находилось въ соприкосновеніи съ арабами; народы славянскіе—съ турками и монголами. Сближеніе, смѣшеніе какого-либо арійскаго народа съ туранцами или семитами всегда происходило въ невыгоду философскаго развитія и гражданской свободы перваго“.

То новое движеніе, которое выразилось эпохой Возрожденія, было, по объясненію автора, именно фактомъ пробужденія ума народовъ арійскаго племени. Возрожденіе въ Италіи было тѣмъ же, чѣмъ была реформація для народовъ германскихъ, но въ Италіи это освобожденіе арійской мысли обнаружилось гораздо раньше (стр. 114).

Послѣ введенія, занимающаго болѣе трети цѣлой книги, авторъ обращается къ ближайшему изученію предмета. Онъ посвящаетъ небольшія главки объясненію началъ арійскихъ и семитическихъ въ искусствѣ первыхъ христіанъ, замѣчаніямъ о развитіи независимости итальянскихъ коммунъ и о послѣдствіяхъ достигнутаго ими благосостоянія, которое явилось благопріятнымъ условіемъ для развитія искусства, и затѣмъ переходитъ къ біографіямъ и характеристикѣ произведеній замѣчательнѣйшихъ представителей итальянской живописи, отъ Джіотто, во второй половинѣ XIII-го вѣка, до Беноццо

Гоццоли, во второй половинѣ XV-го; онъ заканчиваетъ главой о Данте и его вліяніи на искусство итальянскаго Возрожденія.

Наша литература по исторіи искусства такъ небогата (въ данномъ случаѣ труду г. фонъ-Фрикена предшествуютъ, кажется, только сочиненія покойнаго Вышеславцева о старомъ итальянскомъ искусствѣ и нѣкоторые этюды Ѳ. И. Буслаева), что нельзя не привѣтствовать новаго сочиненія, исполненнаго съ видимой любовью къ предмету. Авторъ хотѣлъ стать, какъ мы видѣли, на широкую историческую точку зрѣнія; но при этой широкой точкѣ зрѣнія не лишнее было бы обратить вниманіе на объясненіе ближайшихъ вопросовъ по исторіи этой поры итальянскаго искусства. Кромѣ общихъ племенныхъ, религіозныхъ основаній, кромѣ общаго характера „вѣка", которыми опредѣляются историческія событія, бываютъ ближайшія условія (которыя, въ концѣ концовъ, также сводятся къ общимъ явленіямъ), какими опредѣляются эти событія въ ихъ непосредственной обстановкѣ. Очевидно, что какъ ни велико было значеніе „арійскаго ума", невозможно объяснять только имъ итальянское Возрожденіе: тотъ же „арійскій умъ" присутствовалъ во всѣхъ арійскихъ племенахъ, и не говоря о тѣхъ изъ нихъ, которыя поставлены были тогда въ условія, особливо неблагопріятныя для ихъ развитія, этотъ умъ издавна съ большою силой проявлялся въ народахъ западной Европы; почему онъ, въ области искусства, высказался именно въ Италіи, а не въ какой-либо иной странѣ? Авторъ лишь въ общихъ чертахъ указываетъ на классическое преданіе, и слишкомъ быстро переходитъ къ самымъ фактамъ и дѣятелямъ Возрожденія. Правда, онъ указываетъ въ цитатахъ на общія сочиненія, посвященныя эпохѣ Возрожденія (Буркгардтъ, Фойхтъ и пр.), но въ данномъ случаѣ не лишено было бы важности дать болѣе подробное объясненіе того, какъ подготовился и совершился тотъ огромный переворотъ, какимъ представляется Возрожденіе въ сравненіи съ предшествовавшими ему вѣками. Эпоха Возрожденія вызвала въ послѣднее время не мало изслѣдованій, касающихся искусства и литературы, которыя могли бы послужить автору многими важными и любопытными объясненіями. Быть можетъ, слѣдовало бы пополнить и указанія на спеціальную литературу объ искусствѣ Возрожденія.

— *Соловушко.* Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ. Составилъ *М. М. Ледерле.* Рисунки барона М. П. Клодта. Спб. 1891.

Эта книжка останавливаетъ на себѣ вниманіе въ ряду изданій, предназначенныхъ для популярнаго, можетъ быть даже народнаго обращенія—какъ своей изящной внѣшностью, такъ и подборомъ со-

держанія. Обыкновенные сборники этого рода, въ видѣ „Пѣсенниковъ“, „новѣйшихъ“, „полныхъ“, „россійскихъ“ и т. п.—давно составили себѣ репутацію сѣробумажныхъ изданій, набранныхъ какъ попало изъ прежнихъ книжекъ этой категоріи, къ которымъ мало-по-малу наростали прибавленія изъ новѣйшихъ, вошедшихъ въ (трактирную) моду романсовъ, и съ самаго начала не очень тонкой работы, а подъ конецъ совершенно опошленныхъ. Давно было пора замѣнить эти изданія сборниками, разумно составленными, не разсчитанными только на вкусъ настоящей „толпы“ и на грубый книгопродавческій оборотъ, и которые, наконецъ, могли бы явиться не только въ простонародной публикѣ, но и въ кругу образованныхъ читателей, куда обычный, традиціонный „Пѣсенникъ“ не получалъ доступа. Такой мыслью и руководился, повидимому, издатель „Соловушки“, г. Ледерле, имя котораго очень извѣстно друзьямъ народной литературы по его трудамъ въ петербургскомъ комитетѣ грамотности. Книжка издана весьма изящно, съ недурными рисунками; содержаніе ея составлено, во-первыхъ, изъ особливо популярныхъ стихотвореній, начиная со старинныхъ: И. И. Дмитріева, Мерзлякова, Котляревскаго, Дениса Давыдова; далѣе Пушкина и его школы и новѣйшихъ поэтовъ, какъ Полежаевъ, Кольцовъ, Цыгановъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Тютчевъ, Майковъ, Фетъ, Полонскій, Ив. Аксаковъ и др.; во-вторыхъ, изъ пѣсенъ народныхъ, и въ-третьихъ, изъ нѣсколькихъ дѣтскихъ и колыбельныхъ пѣсенокъ. Выборъ вообще хорошъ и разнообразенъ; при именахъ писателей указаны годы рожденія и смерти; печать весьма четкая. Словомъ—это хорошо исполненный опытъ улучшить внѣшность и содержаніе популярнаго пѣсенника и вмѣстѣ дать ему доступъ и въ другой кругъ читателей; является только вопросъ относительно распространенія книги въ народной публикѣ—сколько извѣстно, старый обычай народной книжной торговли, имѣющей свой очагъ на Никольской, донынѣ еще крѣпокъ и туго поддается нововведеніямъ, а между прочимъ основанъ и на дешевизнѣ.—А. П.

— *Земля и земледѣлецъ.* Экономическое и статистическое изслѣдованіе *Л. В. Ходскаго*, доцента политической экономіи и статистики въ с.-петербургскомъ лѣсномъ институтѣ. Въ двухъ томахъ. Спб., 1891. Стр. V, 266, 314 и 109. Ц. за оба тома 5 р.

Прежде чѣмъ говорить о содержаніи двухтомнаго сочиненія г. Ходскаго, мы должны остановиться на одной характерной особенности, невольно бросающейся въ глаза при чтеніи этого труда. Въ книгѣ, посвященной спеціально вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи, авторъ почти совершенно не упоминаетъ о работахъ К. Д. Кавелина

по этому предмету! Кавелинъ не названъ даже въ числѣ русскихъ ученыхъ, писавшихъ о поземельной общинѣ (т. I, стр. 62), а въ одномъ мѣстѣ второго тома (стр. 218) опровергается вскользь какое-то мнѣніе, которое автору „доводилось слышать (?) отъ покойнаго К. Д. Кавелина". Зато въ концѣ второго тома мы находимъ весьма странное и даже невѣроятное сопоставленіе журнальныхъ статей г. Ходскаго съ разсужденіями Кавелина, причемъ приводятся параллельно нѣкоторыя выдержки, указывающія какъ будто на возможность заимствованія (которое, конечно, отрицается авторомъ, изъ уваженія будто бы къ покойному изслѣдователю). Это сопоставленіе настолько любопытно, что мы считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ слова г. Ходскаго.

Упомянувъ не одинъ разъ о „прекрасныхъ страницахъ" К. П. Побѣдоносцева объ общинномъ владѣніи (которыя приведены уже раньше, на стр. 104 — 108, и названы при этомъ „прекрасными и глубоко продуманными"), авторъ продолжаетъ:

„Что касается вопроса объ охранѣ не общиннаго, а крестьянскаго землевладѣнія вообще, независимо отъ формъ землевладѣнія, то въ первый разъ эту мысль, опредѣленно высказанную, мы встрѣтили у К. Д. Кавелина, въ одной изъ статей по крестьянскому вопросу, именно помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1881 годъ. Но совершенно независимо отъ вліянія К. Д. Кавелина (я не имѣлъ счастливаго случая быть лично знакомымъ съ К. Д. Кавелинымъ и бесѣдовать о предметѣ) [1]), занявшись изученіемъ сущности крестьянской реформы, мы сами пришли вполнѣ самостоятельно, не будучи тогда знакомы и съ иностранною литературою по данному вопросу, къ выводу о необходимости изъятія крестьянскаго землевладѣнія изъ сферы свободнаго обращенія и изложили эту мысль въ сообщеніи отдѣленію политической экономіи и статистики Имп. Вольно-экономическаго общества 4-го апрѣля 1881 года. Сообщеніе это („Экономическіе принципы крестьянской реформы и ихъ возможное развитіе") было напечатано затѣмъ на первомъ мѣстѣ (sic) въ іюльской книгѣ „Русской Мысли" за 1881 годъ. *Нечего и говорить, что не наша статья побудила К. Д. Кавелина остановиться на томъ же предметѣ*. Мы совершенно увѣрены, что онъ и не читалъ ее, *такъ какъ* о ней не упоминаетъ. Для авторитетнаго ученаго, который самъ былъ поглощенъ работой, ничего удивительнаго было пропустить

---

[1]) Развѣ нужно было личное знакомство съ Кавелинымъ, чтобы знать его мнѣнія по крестьянскому вопросу или подчиняться ихъ вліянію? Ср. выше замѣчаніе автора о томъ, что онъ „слышалъ" какое-то мнѣніе отъ покойнаго Кавелина (гдѣ и какъ, не будучи съ нимъ знакомымъ?). Вѣдь Кавелинъ выражалъ свои взгляды печатно, и можно было не только „слышать" о нихъ, но и читать его разсужденія.

статью автора начинающаго, безъ имени, притомъ еще напечатанную въ лѣтней книжкѣ журнала. *Несмотря на то, что статья К. Д. Кавелина, также какъ и наша, была написана вполнѣ самостоятельно* (!!), *мы еще тогда замѣтили сходство ихъ въ главной мысли*, сводящейся къ неотчуждаемости крестьянскихъ земель, *и даже въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ* (въ выноскѣ сопоставляются сходныя будто бы мѣста у обоихъ авторовъ). Такое сходство мы замѣтили бы (т.-е. отмѣтили бы?) у всякаго другого автора; но это сходство у г. Кавелина доставило намъ большое удовольствіе, потому что оно подтверждало справедливость высказанныхъ нами взглядовъ авторитетомъ признаннаго ученаго и уважаемаго общественнаго дѣятеля" (стр. 307—9).

Всѣ оговорки и почтительныя фразы, которыми авторъ обставилъ свою мысль, не объясняютъ, однако, самаго притязанія г. Ходскаго возбуждать вопросы о первенствѣ по отношенію къ одному изъ старѣйшихъ изслѣдователей и защитниковъ крестьянской поземельной общины въ нашей литературѣ. Если выводы Кавелина подтверждали мнѣніе автора, то съ какою цѣлью онъ указываетъ еще на сходство отдѣльныхъ выраженій и сличаетъ соотвѣтственныя мѣста, къ полному недоумѣнію читателей? Г-ну Ходскому легко было бы избѣгнуть этой странности, если бы онъ обнаружилъ больше вниманія къ литературѣ своего предмета. Онъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто Кавелинъ сталъ впервые заниматься вопросомъ о крестьянскомъ землевладѣніи въ 1881 году, одновременно съ появленіемъ какой-то журнальной статьи г. Ходскаго. Можно было бы подумать, что автору трактата о землевладѣніи совершенно неизвѣстны труды Кавелина, освѣщавшіе темную область поземельной общины и крестьянскаго землевладѣнія еще въ такое время, когда г. Ходскій не только никакихъ статей не писалъ, но, быть можетъ, не ходилъ еще въ школу. Авторъ умалчиваетъ о работахъ Кавелина по вопросу объ общинѣ, напечатанныхъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; онъ не упоминаетъ объ его извѣстныхъ статьяхъ по этому же предмету, помѣщенныхъ въ „Недѣлѣ" (за 1876 или 1877 годъ) и вышедшихъ затѣмъ отдѣльною брошюрою (переведенною и на нѣмецкій языкъ). Если г. Ходскій хотѣлъ сказать, что въ 1881 году Кавелинъ отступилъ въ чемъ-либо отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, то надо было прямо выразить это и объяснить, въ чемъ именно заключалось отступленіе и чѣмъ оно было мотивировано изслѣдователемъ; но ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ у автора. Г. Ходскій обязанъ былъ также вспомнить, что статья Кавелина въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Европы" за 1881 годъ была лишь одною изъ ряда статей и составляла часть цѣлаго сочи-

нія о крестьянскомъ вопросѣ (Спб., 1882), задуманнаго и написаннаго, конечно, гораздо раньше печатанія его по частямъ въ журналѣ. Наконецъ, авторъ упустилъ изъ виду одно элементарное обстоятельство, которое дѣлаетъ вполнѣ излишнимъ и безпредметнымъ все сопоставленіе, о которомъ идетъ рѣчь: такъ какъ указываемая авторомъ статья Кавелина появилась въ книгѣ, вышедшей 1-го сентября, то рукопись должна была находиться въ распоряженіи редакціи не позже конца іюля, ибо въ теченіе августа книга уже печаталась, а іюльская книжка „Русской Мысли" съ статьею г. Ходскаго могла быть получена въ Петербургѣ въ двадцатыхъ числахъ іюля, т.-е. лишь за нѣсколько дней до того, какъ рукопись Кавелина сдана была въ печать. Изъ этого простого разсчета можно видѣть, насколько комичны замѣчанія и догадки г. Ходскаго о томъ, что, разумѣется, не его статья „побудила (!) Кавелина остановиться на томъ же предметѣ" (т.-е. написать цѣлую книгу о крестьянскомъ вопросѣ, которая тогда уже была готова къ печати!), что, вѣроятно, Кавелинъ не замѣтилъ этой статьи, ибо иначе непремѣнно упомянулъ бы о ней (почему?), и что хотя статья Кавелина была написана вполнѣ самостоятельно отъ вліянія статьи г. Ходскаго, тѣмъ не менѣе, существуетъ сходство въ мысляхъ и даже выраженіяхъ и т. д. Кавелинъ долго и старательно подготовлялъ свои работы; его научныя и практическія воззрѣнія, особенно по крестьянскому вопросу, выработались многими годами изученія, и претензія г. Ходскаго на какіе-то счеты съ Кавелинымъ о первенствѣ должна быть признана смѣшною и весьма необдуманною ошибкою.

Къ сожалѣнію, этотъ неудачный эпизодъ въ книгѣ г. Ходскаго имѣетъ видимую связь съ общею литературною слабостью, выражающеюся въ преувеличенной оцѣнкѣ собственныхъ работъ и въ систематическомъ невниманіи и пренебреженіи къ чужимъ трудамъ и даже вообще къ существующей литературѣ предмета. Авторъ не только ссылается постоянно на свои журнальныя статьи и на свои сочиненія, но и сопоставляетъ ихъ съ принимавшимися государственными мѣрами по крестьянскому вопросу; а такъ какъ при этомъ почти совсѣмъ не дѣлается или дѣлается слишкомъ мало указаній на статьи и изслѣдованія другихъ авторовъ, то получается такое впечатлѣніе, точно одинъ г. Ходскій двигалъ литературу и даже правительственную политику по данному предмету, начиная съ 1881 года. Это выходитъ у автора какъ-то совершенно просто—до наивности! Говоря, напримѣръ, о состоявшемся въ 1881 году пониженіи выкупныхъ платежей (т. II, стр. 56), авторъ замѣчаетъ въ выноскѣ: „Не безъ удовольствія вспомнимъ здѣсь, что *мы* также старались отстаивать справедливость, необходимость и возможность пониженія

выкупныхъ платежей, какъ до, такъ и во время созванія коммиссіи по пониженію выкупныхъ платежей, въ нашихъ статьяхъ", и пр. (въ „Русской Мысли" за 1881 годъ). Но для читателей было бы гораздо болѣе пріятно и полезно, еслибы авторъ позаботился указать, что̀ вообще высказывалось тогда въ литературѣ и журналистикѣ разными писателями и изслѣдователями по поводу несоразмѣрной высоты выкупныхъ платежей (начиная съ извѣстнаго труда проф. Янсона), независимо отъ статей одного г. Ходскаго. Въ другомъ мѣстѣ (т. II, стр. 211) мы читаемъ: „Въ настоящее время, когда переводъ на выкупъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ—совершившійся фактъ, намъ особенно пріятно вспомнить здѣсь, что *мы* впервые подняли въ литературѣ вопросъ о необходимости развитія положенія 1866 года въ этомъ смыслѣ въ то время, когда въ правительственныхъ сферахъ еще не возбуждалось даже вопроса о первой переоброчкѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ". „Та же самая мысль была повторена нами въ изданной въ 1882 году книгѣ „Поземельный кредитъ", и пр., съ указаніемъ на 1886 годъ, какъ удобный моментъ для совершенія реформы, въ виду предстоявшей въ этомъ году переоброчки бывшихъ государственныхъ крестьянъ" (стр. 212). И дѣйствительно, бывшіе государственные крестьяне переведены на выкупъ съ 1-го января 1887 года. При этомъ опять-таки г. Ходскій не цитируетъ никакихъ другихъ авторовъ, кромѣ самого себя, чѣмъ лишаетъ читателей возможности провѣрить его самодовольное утвержденіе. Идея неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и даже вообще мысль объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія оказывается также чуть ли не изобрѣтеніемъ г. Ходскаго. Установивъ свое мнимое первенство предъ Кавелинымъ относительно статей 1881 года, авторъ скромно продолжаетъ: „Вопросъ объ охранѣ всего крестьянскаго землевладѣнія, *поднятый* въ Вольномъ экономическомъ обществѣ и на страницахъ „Русской Мысли" (т.-е. г. Ходскимъ) и „Вѣстника Европы" въ 1881 году, очень скоро затѣмъ пріобрѣлъ многихъ сторонниковъ не только въ литературѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ". Но неужели до 1881 года не поднимался и не обсуждался въ нашей печати вопросъ объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія, пока не выступилъ г. Ходскій съ мало замѣченнымъ тогда докладомъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ? Чѣмъ занималась значительная часть передовой журналистики съ начала семидесятыхъ годовъ, какъ не заботливымъ обсужденіемъ вопросовъ объ охранѣ, поддержкѣ и развитіи крестьянскаго землевладѣнія? Этимъ вопросамъ посвящались многочисленныя статьи, напр. въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ покойный Салтыковъ ярко и мѣтко обрисовывалъ новые типы хищниковъ, готовыхъ забрать въ свои

руки крестьянство; наблюдатели народной жизни собирали множество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства, о владычествѣ кабатчиковъ и ростовщиковъ надъ сельскимъ населеніемъ, о необходимости серьезныхъ мѣръ для охраны крестьянъ отъ разоренія.

Если объ охранительныхъ мѣрахъ говорилось больше въ восьмидесятыхъ годахъ, чѣмъ прежде, то это объясняется, конечно, вовсе не какими-нибудь случайными журнальными статьями, а исключительно лишь усиленіемъ тѣхъ печальныхъ хозяйственныхъ явленій въ народномъ бытѣ, которыя все съ большею настоятельностью выдвигали вопросъ о необходимыхъ поправкахъ въ крестьянской реформѣ; тогда же, между прочимъ, особенно усилилась и обнаружила свои опасныя послѣдствія практика досрочнаго выкупа надѣловъ отдѣльныхъ крестьянъ (по 165 статьѣ положенія о выкупѣ) для свободной продажи участковъ въ постороннія руки, къ явному подрыву самыхъ основъ общиннаго владѣнія, вслѣдствіе чего самъ собою возникалъ вопросъ объ отмѣнѣ этой статьи и о болѣе цѣлесообразномъ регулированіи поземельныхъ правъ и отношеній крестьянства. Притомъ многія существенныя стороны народнаго земледѣлія и землевладѣнія впервые освѣщались съ надлежащею полнотою трудами земскихъ статистиковъ; а эти изслѣдованія получили наибольшее развитіе именно въ восьмидесятыхъ годахъ, давая писателямъ новый и богатый матеріалъ для выводовъ и обобщеній. Изъ всего этого обширнаго литературнаго движенія, вызваннаго печальными фактами разстройства экономическаго быта крестьянъ, г. Ходскій помнитъ и выдѣляетъ лишь свои журнальныя статьи, причемъ „не безъ удовольствія" пріурочиваетъ свои личныя заслуги къ движенію восьмидесятыхъ годовъ. „Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—можно съ удовольствіемъ отмѣтить, что идея необходимости охраны крестьянскаго землевладѣнія (выдвинутая впервые, по мнѣнію автора, г. Ходскимъ) не только пробила себѣ путь въ общественномъ сознаніи, но поставлена уже правительствомъ въ ряду вопросовъ, ожидающихъ, повидимому, скораго практическаго осуществленія. Мысль объ охранѣ крестьянскаго землевладѣнія, объ изъятіи крестьянскихъ земель изъ сферы свободнаго обращенія или о неотчуждаемости (конечно, не безусловной) крестьянскихъ земель слѣдуетъ поставить въ активъ 80 годамъ" (т. II, стр. 306)... „Мы подчеркиваемъ здѣсь, что вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель выдвинутъ восьмидесятыми годами, въ виду нерѣдкаго у насъ легкомыслія по оцѣнкѣ историческихъ фактовъ съ предвзятой точки зрѣнія, когда изслѣдователи сознательно или безсознательно не отдаютъ должнаго современнымъ поколѣніямъ или умаляютъ заслуги предшественниковъ" (стр. 309).

И все это для того, чтобы твердо укрѣпить въ памяти читателей „историческій фактъ“ появленія какихъ-то трудовъ г. Ходскаго въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ! Можно ли серьезно говорить объ „удовольствіи“, когда дѣло идетъ о необходимости искусственной охраны поземельнаго строя крестьянъ отъ разложенія? Вѣдь несравненно лучше было бы, еслибы не существовало и не поддерживалось тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ необходимою такую охрану; правда, при этомъ г. Ходскій лишился бы удовольствія имѣть „удовольствіе“—поговорить о своихъ великихъ заслугахъ! Примѣшивать къ крупнымъ вопросамъ и задачамъ народной жизни мелочные интересы личнаго самолюбія и самомнѣнія—болѣе чѣмъ странно; быть можетъ, это и есть одинъ изъ продуктовъ „новыхъ вѣяній“ восьмидесятыхъ годовъ.

Если оставить въ сторонѣ эти особенности труда г. Ходскаго, то въ общемъ слѣдуетъ признать книгу о „Землѣ и земледѣльцѣ“ не-безполезною для лицъ, интересующихся вопросами крестьянскаго землевладѣнія. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что различныя части сочиненія написаны весьма неровно, безъ внутренней связи и системы, безъ надлежащаго ознакомленія съ богатою литературою предмета; это нужно сказать въ частности о первомъ томѣ, представляющемъ какъ бы сборникъ случайно собранныхъ теоретическихъ и фактическихъ свѣденій по поземельному вопросу вообще. Небольшое введеніе, съ указаніями на теоріи Рикардо, „гармонистовъ“ (т.-е. приверженцевъ ученія о гармоніи хозяйственныхъ отношеній), фритредеровъ и соціалистовъ, даетъ читателю весьма смутное и поверхностное понятіе о нѣкоторыхъ политико-экономическихъ школахъ и доктринахъ; затѣмъ, значительнѣйшая часть первой главы пространнаго „очерка развитія поземельной собственности“ составлена почти исключительно по книгѣ Летурнò (L'évolution de la propriété), съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ ссылокъ на Спенсера, Лавелэ и др. Мы указывали въ свое время, что книгою Летурнò (существующею теперь и въ русскомъ переводѣ) можно пользоваться лишь съ большою осторожностью, такъ какъ авторъ, въ качествѣ антрополога, смѣшиваетъ различныя общественно-юридическія явленія и невѣрно примѣняетъ нашу обычную терминологію къ хозяйственному быту дикарей и даже животныхъ; поэтому подробныя извлеченія, дѣлаемыя г. Ходскимъ изъ этого источника, могутъ только затемнить для читателя историко-теоретическій вопросъ о поземельной собственности. Въ этой же первой главѣ приводятся свѣденія по исторіи поземельной общины въ Англіи (по книгѣ Зебома) и у насъ. Такъ какъ г. Ходскій употребляетъ безразлично терминъ „собственность“ въ примѣненіи къ разнороднымъ поземельнымъ правамъ, вытекающимъ изъ политической власти, изъ государ-

ственныхъ раздачъ и изъ земледѣльческаго труда, то получается совершенно невѣрный и неясный взглядъ на историческія судьбы землевладѣнія [1]). Глава о цѣнности земли и поземельной рентѣ интересна тѣмъ, что въ ней авторъ, между прочимъ, „поправляетъ" выкладки Рикардо въ его извѣстной теоріи ренты (стр. 129 и 131); между тѣмъ поправка вызвана простымъ недоразумѣніемъ со стороны самого автора, который упустилъ изъ виду пониженіе цѣнъ на продукты и необходимость бо́льшаго количества ихъ для покрытія необходимыхъ издержекъ производства при гипотезѣ Рикардо относительно сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Далѣе, послѣ главы о мелкой или крестьянской собственности помѣщены очерки поземельныхъ отношеній въ Великобританіи, Германіи, Франціи и въ сѣверо-американскихъ штатахъ; наименьше мѣста удѣлено французскому землевладѣнію (по книгѣ де-Фовилля, стр. 224—240). Бѣдность литературы, которою пользовался авторъ, не могла не отразиться на фактическомъ содержаніи и достоинствѣ этихъ очерковъ. Г. Ходскій въ своей книгѣ не имѣлъ въ виду ни изслѣдованій проф. Мясковскаго (о поземельныхъ отношеніяхъ Германіи и Швейцаріи), ни извѣстныхъ работъ проф. Максима Ковалевскаго, ни трудовъ покойнаго Мэна, существующихъ и въ русскомъ переводѣ (только имя Мэна упоминается вскользь въ одномъ мѣстѣ). Изъ неточностей, допущенныхъ авторомъ, отмѣтимъ невѣрную характеристику американскихъ homestead-laws: по мнѣнію г. Ходскаго, эти законы оберегаютъ жилище и хозяйство, какъ „*неотчуждаемое въ общегражданскомъ смыслѣ имущество*, служащее для экономическаго обезпеченія семьи" (стр. 257, прим.); въ этихъ законахъ выражается стремленіе „по возможности изъять землю изъ сферы свободнаго обращенія, гдѣ она становится спекулятивнымъ товаромъ", и пр. (стр. 266). Между тѣмъ, въ дѣйствительности, охрана жилищъ и хозяйствъ отъ долговыхъ взысканій вовсе не означаетъ неотчуждаемости имущества „въ общегражданскомъ смыслѣ"; имущество, соотвѣтствующее понятію о homestead'ѣ, вовсе не изъято изъ сферы свободнаго обращенія; владѣльцы могутъ распоряжаться имъ и отчуждать безпрепятственно въ постороннія руки.

Болѣе цѣльное впечатлѣніе производитъ второй томъ, касающійся различныхъ сторонъ крестьянскаго дѣла въ Россіи; здѣсь и самостоятельной работы больше, и больше системы и послѣдовательности. По нѣкоторымъ вопросамъ авторъ пользовался архивными источниками (относительно государственныхъ крестьянъ), а въ концѣ книги

---

[1]) Ср. объ этомъ предметѣ статью: „Поземельный вопросъ въ Европѣ и въ Россіи", въ „Вѣстникѣ Европы", 1885, мартъ и апрѣль, а также „Вопросы поземельной политики въ прошломъ", 1890, августъ.

помѣщено большое статистическое приложеніе, дающее цѣнный и отчасти разработанный цифровой матеріалъ. При всей неясности взглядовъ г. Ходскаго на нѣкоторые изъ основныхъ вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія (напр., на общину, на поземельныя права крестьянства и др.), нельзя отрицать серьезныхъ достоинствъ этого тома, представляющаго весьма дѣльный и обстоятельный обзоръ крестьянскихъ положеній и позднѣйшихъ перемѣнъ, хозяйственныхъ итоговъ реформы, дѣятельности крестьянскаго банка и пр. Къ сожалѣнію, и въ этомъ томѣ замѣчается чрезмѣрная скудость литературы, которую имѣлъ въ виду авторъ; онъ не упоминаетъ, напр., ни о трудахъ проф. Иванюкова, ни о многочисленныхъ работахъ г. В. В., ни о статьяхъ и книжкахъ г. Соколовскаго (относительно кредита у крестьянъ). Тѣмъ не менѣе, второй томъ читается съ интересомъ и пользою; онъ даже выигралъ бы, если бы вышелъ отдѣльнымъ сочиненіемъ, безъ перваго тома, который, въ сущности, является излишнимъ и черезъ-чуръ претенціознымъ привѣскомъ къ книгѣ о нашемъ крестьянскомъ землевладѣніи.—Л. С.

Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію были доставлены слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александренко, В. Н. — Изъ переписки княгини Ливенъ съ гр. Греемъ. 1824—41 г. Варш. 91. Стр. 27.

Альбрехтъ, Евг. — С.-Петербургская консерваторія. Спб. 91. Стр. 59. Ц. 75 к.

Апраксинъ, А. Д.—Три повѣсти: Рука объ руку. — Безъ основъ. — Мелкіе люди—мелкія страсти. Спб. 91. Стр. 200. Ц. 1 р.

Веберъ, Г. — Всеобщая исторія. Т. XIII. Восемнадцатое столѣтіе. М. 91. Стр. 933. Ц. 5 р. 50 к.

Гарбель, А. и К°.—Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 14 и 15: Божій міръ—Брюсъ. 31 портр. и 20 рис. въ текстѣ, съ прилож. олеограф. картины: Азіатскіе народы. М. 91. Стр, 623—718. Ц. по 40 к.

Горенбергъ, М. — Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. Спб. 91. Стр. 221. Ц. 1 р. 25 к.

Гуторъ, В. П.—Въ ожиданіи реформы. Мысли о задачахъ музыкальнаго образованія. Спб. 91. Стр. 56.

Гюббенетъ, В. Б.—Къ вопросу о бугорчаткѣ лимфатическихъ железъ. Спб. 91. Стр. 64.

Ивановъ, П.—Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Съ 24 рис. въ текстѣ. Спб. 91. Стр. 159. Ц. 1 р.

Крейсбергъ, Ф.—Учебникъ нѣмецкаго языка. Тифл., 91. Стр. 70.

Крыловъ, Евст.—Опытъ систематическаго повторительнаго курса всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII кл. гимназій. Вып. 1 и 2. Одобрено Учен. Ком. мин. нар. просв. М. 90. Стр. 300. Ц. 1 р. 30 к.

Лебедевъ, Н. А. — Въ одномъ изъ морскихъ госпиталей. Спб. 91. Стр. 52. Ц. 40 к.

Лендеръ, Н.—Путникъ. Очерки и картинки: Азовское побережье, Закавказье, Новороссійскій край и южный берегъ Крыма. Съ картою Чернаго моря. Спб. 91. Стр. 247.

Леонтьевъ, А. и *Мещерскій*, И.—Лѣсъ. Значеніе лѣса. Какъ хозяйствовать въ лѣсу и какъ разводить его. 3-е изд. Спб. 91. Стр. 24. Ц. 10 к.

Минихъ, гр. Эрнстъ.—Россіяне и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Спб. 91. Стр. 328. Ц. 2 р. 50 к.

Никанора, архим., ректора казан.-дух. семинаріи.—Слова и рѣчи, за 1879—89 гг. Каз. 90. Стр. 286. Ц. 2 р.

Никитинъ, А. Н.—Очерки городского благоустройства за границей. Путевыя замѣтки. Спб. 91. Стр. 217. Ц. 2 р.

Никитинъ, В. Н.—Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей 60-хъ годовъ. Спб. 91. Стр. 344. Ц. 1 р.

Обломковъ, П.—Краткій учебникъ географіи. Курсъ I: Общій обзоръ земного шара. Съ рис. въ текстѣ и съ прилож. краткаго обозр. Росс. Имперіи. Спб. 91. Стр. 88. Ц. 60 к.

Обнинскій, П. Н.—Законъ и бытъ. Очерки и изслѣдованія въ области нашего реформируемаго права. Вып. 1: Предварительное слѣдствіе; судебныя пренія; адвокатура; юридическіе вопросы. М. 91. Стр. 423. Ц. 1 р.

Олсуфьевъ, графъ. — Марціалъ. Біографическій очеркъ. М. 91. Стр. 136. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С.—Программа для собиранія свѣденій о томъ, что читаетъ народъ и какъ онъ относится къ школѣ и книгѣ. Изд. 2-е. М. 91. Стр. 32. Ц. 20 к.

Пушкинъ, А. С.—Капитанская дочка. Романъ. Портретъ, съ ориг. Райта, и 12 рис. акад. П. Соколова. М. 91. Стр. 156.

Романовъ, Е. Р.—Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 4. Сказки космогоническія и культурныя. Витебскъ, 91. Стр. 220. Ц. 1 р.

Рѣдкинъ, П. Г.—Изъ лекцій по исторіи философіи права, въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. VII. Спб. 91. Стр. 395. Ц. 3 р.

Свѣтловъ, Валер.—Новеллы. Спб. 91. Стр. 483. Ц. 1 р. 50 к.

——— Крымскіе очерки, Спб. 91. Стр. 288. Ц. 1 р. 25 к.

Слонимскій, Л. З. — Охрана крестьянскаго землевладѣнія и необходимыя законодательныя реформы. Спб. 91. Стр. 104.

Смирновъ, И. Н. Задачи и значеніе мѣстной этнографіи. Изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ 6-го и 12-го апрѣля 1891 г. въ пользу Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Казань, 1891. 8°, 18 стр. Ц. 25 к.

Стахѣевъ, Д.—Обновленный храмъ. Недѣля страстей. Пустынножитель (повѣсть о книгахъ и книжникахъ). Нищета. Спб. 91. Стр. 392. Ц. 1 р. 50 к.

Сторожевъ, В. Н.—Составъ рязанскаго дворянства, по десятнямъ XVII в. Рязань, 91. Стр. 14.

Тельнихинъ, А. Θ. — Помощь самообразованію. Саратовъ. 91. Стр. 243. Ц. 2 р.

Трапезниковъ, Θ. К.—О судьбѣ споръ, микробовъ въ животномъ организмѣ. Спб. 91. Стр. 127.

Тургеневъ, И. С.—Стихотворенія. Изд. 2-е. Просмотр., дополн. и исправл. С. Н. Кривенко. Спб. 91. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Филипповъ, А.—О наказаніи по законодательству Петра В., въ связи съ реформою. М. 91. Стр. 457. Ц. 3 р.

Шаховъ, А.—Гёте и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы

XVIII в., читанныя на высш. женск. курсахъ въ Москвѣ. Спб. 91. Стр. 291. Ц. 1 р. 25 к.

Шереметевъ, гр. Сергій.—Покровское. Спб. 91. Стр. 40.

Яковлевъ, Н. В.—Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. Спб. 91. Стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

Ясенскій, П. Л.—Учебникъ зоологіи. Ч. II: Безпозвоночныя. Спб. 91. Стр. 148. Ц. 75 к.

Ященко, П.—Основныя понятія объ искусствѣ. Литература, музыка, живопись и театръ. Ростовъ-на-Д. 91. Стр. 44.

Cauer, Fr.—Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? Ihr Ursprung und ihr Wert für die ältere athenische Geschichte. Stuttgart. 91. Стр. 78.

— Collection of British authors. Tauchnitz edition: The Sin of Joost Avelingh.—An old Maid' love.—By M. Maartens. Leipzig, 91.

Jünger, dr. H.—Praktische Einführung in der Wechselrecht nach der allgem. Deutschen Wechselordnung etc. Für Juristen und Kaufleute. Berl. 90. Стр. 148.

Okolsky, prof. Anton.—Kwestya reformy gimnasyalnej w Niemczech, Schwecyi i Francyi tudzież wykształcenia klasycznego wobec potrzeb nowoczesnego społeczeństwa. Warszawa. 91. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

— Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, при Импер. Казанскомъ университетѣ. Томъ IX, вып. 1 и 2. Казань. 1891. Ц. 1 р. 25 к. и 1 р. 75 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности ялтинской земской управы 3-лѣтія 1887—1891 гг. Ялта. 91. Стр. 219.

— Матеріалы для статистики Костромской губерніи. Вып. 8. Костр. 91. Стр. 333 и 22.

— Протоколы засѣданій общества психіатровъ въ Спб. за 1890 г. Спб. 91. Стр.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. 3. Харьк. 91. Стр. 341. Ц. 2 р.

— Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго отдѣла Импер. Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при моск. университетѣ. 1891, № 1 (книга VIII) подъ редакціей секретаря отдѣла Н. А. Янчука. М. 1891. 8°. 261 стр. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Edouard Drumont. Le testament d'un antisémite. Paris, 1891. Стр. 456.

Дрюмонъ поставилъ себѣ цѣлью возбудить антисемитическое движеніе во Франціи и, какъ видно изъ его послѣдней книги, потерпѣлъ неудачу въ своемъ предпріятіи. Разочарованный въ людяхъ, не видя поддержки даже среди своихъ бывшихъ друзей и единомышленниковъ, онъ закончилъ (а можетъ быть, и не закончилъ) свою шумную и безуспѣшную пропаганду меланхолическимъ „завѣщаніемъ", которое, въ сущности, оказывается обыкновеннымъ сочиненіемъ на ту же тему, въ духѣ его прежнихъ книгъ—„La France juive", „La fin d'un monde" и La dernière bataille". Личный элементъ выступаетъ въ этой книгѣ не менѣе, чѣмъ въ прежнихъ; авторъ всегда одинаково занятъ самимъ собою, своими личными успѣхами и неудачами, своимъ недовольствомъ и своими разочарованіями. „Есть три человѣка, которыхъ я очень уважаю,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—это Анри Лассеръ, Франсисъ Лоръ и я" (стр. 305). Другихъ людей, достойныхъ уваженія, почти не существуетъ въ современной Франціи, съ точки зрѣнія Дрюмона. Такой грустный выводъ не имѣетъ, конечно, логической связи съ антисемитизмомъ; но онъ дѣйствительно вытекаетъ изъ всѣхъ „разоблаченій" и разсужденій автора.

Дрюмонъ бичуетъ все и всѣхъ въ нынѣшней Франціи; онъ не щадитъ никакихъ именъ, передаетъ скандальные разсказы о самыхъ выдающихся дѣятеляхъ, нападаетъ съ одинаковымъ жаромъ на республиканцевъ и монархистовъ, на буржуазію и высшую аристократію, на Буланже и графа Парижскаго, на финансовыхъ дѣльцовъ и на католическое духовенство. Особенно достается отъ автора высшей духовной іерархіи, епископамъ и кардиналамъ, даже близко стоящимъ къ папскому престолу; о нѣкоторыхъ французскихъ прелатахъ, даже умершихъ, разсказываются такія грязныя и возмутительныя исторіи, какихъ не посмѣлъ бы напечатать ни одинъ изъ принципіальныхъ враговъ католичества. Епископы обвиняются въ систематическихъ растратахъ и хищеніяхъ, въ пошломъ развратѣ, въ недостаткѣ нравственнаго чувства и пониманія, въ сознательной лжи и фальши; въ злобномъ каррикатурномъ видѣ представлены и папскій нунцій въ

Парижѣ, и парижскіе архіепископы, бывшій и настоящій, и покойный монсиньоръ Дарбуа, и даже самъ кардиналъ Рамполла, статсъ-секретарь Льва XIII. Авторъ называетъ всѣхъ по именамъ, сыплетъ рѣзкими словами и оскорбительными кличками, говоритъ прямо о мошенничествахъ и низостяхъ такого-то, и т. д. Отдѣлъ о духовенствѣ (Le clergé „fin de siècle") занимаетъ наибольше мѣста въ книгѣ по объему (почти полтораста страницъ: 237—379).

Читатель невольно останавливается при этихъ разоблаченіяхъ и нападкахъ, задаваясь вопросомъ, который возникаетъ самъ собою: при чемъ тутъ антисемитизмъ? Этотъ же естественный вопросъ вызывается чтеніемъ и прежнихъ сочиненій Дрюмона, посвященныхъ какъ-будто спеціально еврейству и антисемитизму: вездѣ обличается современное французское общество въ его дѣятеляхъ и представителяхъ, безъ различія религіи и происхожденія; вездѣ разсѣяна масса грязныхъ сплетенъ и обвиненій противъ личностей, не нравящихся автору, а разсужденія объ еврействѣ служатъ ему только канвою, на которой онъ разводитъ свои монотонные и грязные узоры. Дрюмонъ начинаетъ съ обличенія еврейства и кончаетъ этимъ; но въ серединѣ онъ нагромождаетъ матеріалъ, не имѣющій ничего общаго съ его исходною точкою зрѣнія и съ желательными ему выводами. Фактическое содержаніе книгъ Дрюмона никакъ не укладывается въ предложенныя имъ рамки и расползается въ разныя стороны, подрывая незамѣтно тѣ идеи и стремленія, которыя, повидимому, руководили авторомъ въ его дѣятельности. Авторъ, правда, говоритъ много и о „царствѣ Ротшильдовъ", о продѣлкахъ Артура Мейера и Эрлангера, и о „торжествующемъ жидовствѣ" во Франціи; но онъ еще хуже отдѣлываетъ Фердинанда Лессепса, котораго называетъ „патріархомъ мошенничества", еще рѣзче нападаетъ на Кристофля, директора „Crédit froncier", на католическихъ дѣльцовъ, успѣшно соперничающихъ съ еврейскими, на разныхъ общественныхъ дѣятелей, свѣтскихъ и духовныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ еврейству. Дрюмонъ жестоко ругаетъ бывшаго руководителя буланжистской агитаціи, „еврея Наке"; но онъ еще сильнѣе выражается о самомъ Буланже и его ближайшемъ сподвижникѣ, Лагеррѣ, не говоря уже о многихъ второстепенныхъ депутатахъ и журналистахъ.

Нельзя сказать, чтобы эта странная особенность обличеній Дрюмона имѣла вполнѣ случайный характеръ; она проявляется у него болѣе откровенно и ярко, чѣмъ у другихъ подобныхъ авторовъ, но она едва ли можетъ быть избѣгнута писателемъ, желающимъ поставить антисемитизмъ на широкую соціально-экономическую почву. Дѣло въ томъ, что важнѣйшіе соціально-экономическіе грѣхи, припи-

сываемые еврейству, присущи въ неменьшей мѣрѣ и другимъ элементамъ коммерческаго или дѣлового міра, и что, обличая, напр., финансовыя продѣлки, ростовщичество, продажность и безчестность въ разныхъ видахъ и формахъ, приходится по-неволѣ вспомнить множество именъ и фактовъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя пріурочить къ еврейству. Печальныя явленія, вызывающія наше негодованіе, обнимаютъ, къ несчастію, гораздо болѣе обширный кругъ лицъ и народностей, чѣмъ хотѣлось бы думать антисемитамъ; даже культурные и набожные англичане едва ли уступятъ кому-либо пальму первенства въ дѣлѣ безпощаднаго извлеченія барышей изъ сомнительныхъ или несправедливыхъ предпріятій. Попытки пріурочить общіе и распространенные соціальные недуги къ грѣхамъ одного еврейства заранѣе осуждены на неудачу, и возникающій на этой невѣрной почвѣ антисемитизмъ остается чѣмъ-то фальшивымъ и не можетъ не впасть въ рядъ внутреннихъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій, какъ это и случилось съ антисемитизмомъ Дрюмона.

H. von Samson-Himmelstjerna. Revanche ou ligue douanière. Fribourg. i. B., 1891.

Въ этой брошюрѣ обсуждаются рѣшенія международнаго сельско-хозяйственнаго конгресса, засѣдавшаго въ Вѣнѣ и выразившаго, между прочимъ, мысль о необходимости прекратить безплодную таможенную борьбу въ предѣлахъ Европы. Конгрессъ предложилъ образовать особое международное общество для распространенія идеи о таможенномъ союзѣ европейскихъ государствъ; этотъ союзъ, который долженъ обнять всѣ страны „центральной и западной Европы", настоятельно вызывается, по мнѣнію конгресса, общими жизненными интересами сельскаго хозяйства и можетъ служить единственнымъ выходомъ изъ затрудненій и кризисовъ, порождаемыхъ соперничествомъ американскаго и австралійскаго производства. Протекціонисты обыкновенно ссылаются на нужды земледѣлія и землевладѣнія, когда предлагаютъ свое обычное лекарство — повышеніе пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства; а теперь сами представители сельско-хозяйственныхъ интересовъ приходятъ къ убѣжденію, что одновременное и повсемѣстное затрудненіе ввоза только усиливаетъ и укрѣпляетъ зло, что искусственное поднятіе цѣнъ при помощи пошлинъ есть только кажущаяся временная поддержка, и что тарифная борьба между отдѣльными государствами не имѣетъ въ сущности никакого практическаго смысла. Система высокихъ пошлинъ, принятая одинаково въ различныхъ странахъ и торжествующая теперь, повидимому, даже во Франціи, ставитъ для всѣхъ производителей одинако-

вые преграды, вездѣ возвышаетъ цѣны и никому не оказываетъ реальнаго и прочнаго покровительства, если не считать крупныхъ посредниковъ и аферистовъ, умѣющихъ всегда извлекать пользу изъ чужихъ бѣдъ. Авторъ брошюры доказываетъ, что международный таможенный союзъ для избѣжанія тарифныхъ излишествъ вполнѣ возможенъ и осуществимъ для европейскихъ государствъ, не исключая и Франціи.

По мнѣнію автора, французы должны отказаться отъ идеи „реванша" и отъ унизительныхъ и напрасныхъ попытокъ добиться во что бы то ни стало русской военной помощи для отнятія Эльзаса и Лотарингіи у нѣмцевъ. Авторъ полагаетъ, что сами эльзасцы примирились съ германскимъ владычествомъ и не думаютъ вовсе объ обратномъ присоединеніи къ Франціи. Этотъ щекотливый пунктъ, затронутый авторомъ, обнаруживаетъ въ то же время слабую сторону защищаемаго имъ проекта таможенной европейской лиги, ибо мотивы политической вражды и воинственнаго патріотизма не могутъ быть устранены посредствомъ логическихъ доводовъ и разсужденій, а нельзя отрицать, что политическое соперничество тѣсно связано съ экономическимъ. Поэтому трудно согласиться съ оптимистическимъ предположеніемъ автора, что идея таможеннаго союза восторжествуетъ во Франціи надъ политическими стремленіями, унаслѣдованными отъ прошлаго, а безъ участія Франціи таможенная лига не достигнетъ цѣли. Но сама по себѣ мысль о превращеніи вредной таможенной борьбы заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюня 1891.

Новыя варіаціи на старую тему о „гніеніи Запада".—„Вѣра въ учрежденія", „упраздненіе государства", господство буржуазіи, культъ „желательнаго" и „смѣшеніе всего въ одну кучу", какъ отличительныя черты западно-европейской жизни.—Еще о „добровольцахъ".—Двадцатипятилѣтіе адвокатской дѣятельности В. Д. Спасовича.—Э. К. Ватсонъ †.—И. Е. Андреевскій †.

„Западъ гніетъ, Западъ разлагается!" Такова была, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, одна изъ любимыхъ формулъ только-что зарождавшагося славянофильства. Теперь славянофильство, какъ организованное цѣлое, болѣе не существуетъ. Его основатели давно сошли со сцены; исчезли и непосредственные ихъ преемники, поддерживавшіе, такъ или иначе, первоначальныя традиціи школы; остались только кое-какіе обрывки нѣкогда стройнаго ученія, повторяемые другими людьми, въ другомъ тонѣ и съ другою цѣлью. Уцѣлѣла, въ этомъ смыслѣ, и формула, приведенная нами выше. По прежнему чувствуется въ ней высокомѣрное отношеніе къ „чужимъ" и „чужому", по прежнему слышится благодарность судьбѣ, сдѣлавшей насъ иными—лучшими, болѣе сильными и свѣжими, чѣмъ наши „ближніе". Разница состоитъ въ томъ, что теперь въ Европѣ не оказывается уже рѣшительно ничего живого и заслуживающаго жизни. „Почему же непремѣнно думать",—восклицаетъ одинъ изъ эпигоновъ славянофильства, считающій себя призваннымъ пополнить его пробѣлы и исправить его ошибки:—„почему же непремѣнно думать, что гніеніе Запада выражается только безбожіемъ и раціонализмомъ, а безсословность и равенство гражданскихъ правъ есть безусловное благо? Гніеніе это выражается и тѣмъ, и другимъ: безвѣріемъ и безбожіемъ—въ области философской; безсословнымъ строемъ и спутанностью соціальныхъ типовъ—въ дѣлѣ государственномъ". На Западѣ, однимъ словомъ, гніетъ все, все безъ исключенія, и Востоку остается только радоваться своей неприкосновенности къ этому гніенію, принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежащія мѣры противъ распространенія опасной заразы. На ту же самую тему пишутся цѣлыя брошюры, претендующія на серьезность и научность. У торжествующихъ и ликующихъ враговъ гніющаго Запада есть, какъ извѣстно, не только свои публицисты, критики и беллетристы, но и свои „философы". Одинъ изъ нихъ,

г. Астафьевъ, спѣшитъ подвести „итоги вѣка" [1]), которому остается прожить еще цѣлыхъ десять лѣтъ. „Она не родила, но по разсчету, по моему, должна родить",—говоритъ Фамусовъ про докторшу, звавшую его въ крестные отцы; такимъ же „разсчетомъ" руководствуется и г. Астафьевъ, заранѣе, хотя и безъ зова, произнося надгробное слово девятнадцатому столѣтію. Его, очевидно, не смущаетъ нѣмецкая пословица: man muss den Tag nicht vor dem Abend loben (правда, въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о похвалѣ, а о порицаніи — но смыслъ поговорки отъ этого ничуть не измѣняется). Онъ не думаетъ о томъ, какой вѣрностью и полнотою отличались бы „итоги" XVII-го вѣка, сведенные въ 1688 г., наканунѣ паденія Іакова II-го, или „итоги" XVIII-го вѣка, сведенные въ началѣ 1789 г., наканунѣ французской революціи. Ему, должно быть, достовѣрно извѣстно, что въ западной Европѣ не случится, въ продолженіе только что начавшагося десятилѣтія, ничего такого, чѣмъ могли бы быть спутаны преждевременные счеты и опровергнуты преждевременные выводы. Допустимъ, однако, что девяносто и сто равны; оставимъ будущее и остановимся, вмѣстѣ съ г. Астафьевымъ, на одномъ прошедшемъ.

Человѣчество вступило въ девятнадцатый вѣкъ — говоритъ г. Астафьевъ—съ непоколебимой вѣрой въ себя, въ свои силы и задачи; теперь, наоборотъ, оно вполнѣ утратило эту вѣру. Рѣшительно отрицая какія бы то ни было безусловныя требованія и законы своего разума, чувства и воли, оно вѣритъ только въ *учрежденія*, признаетъ лишь внѣшнія формы и полезности жизни. Уровень нравственной личности понизился, ея духовное содержаніе оскудѣло. Прошло для запада время Гёте, Байроновъ, Гегелей, Шопенгауеровъ и Бетговеновъ, время Бальзаковъ, Шумановъ и Гофмановъ (?!)—всѣхъ этихъ великановъ, свидѣтельствовавшихъ еще такъ недавно о той высотѣ подъема и глубинѣ содержанія, какія доступны человѣческому духу. Великановъ, говорятъ, и не нужно; на ихъ мѣсто выдвигаются всякія учрежденія, союзы, общества и ассоціаціи. Какъ въ началѣ вѣка часто выражалась мысль, что нѣтъ плохихъ учрежденій, а бываютъ только плохіе люди, такъ въ наше время господствуетъ, наоборотъ, убѣжденіе, что плохи сами по себѣ бываютъ не люди, а только учрежденія. Вѣра въ едино-спасающее учрежденіе надолго упрочила на Западѣ парламентаризмъ; равнодушіе къ интересамъ и задачамъ своего внутренняго міра и болѣе или менѣе полное ихъ отрицаніе привело современнаго человѣка къ *смѣшенію* всѣхъ этихъ задачъ и интересовъ въ одно чудовищное, хаотическое цѣлое. Вѣкомъ *парла-*

[1]) Новая брошюра П. Е. Астафьева озаглавлена: „Изъ итоговъ вѣка" (Москва, 1891).

ментаризма будетъ XIX вѣкъ для будущаго историка его внѣшней жизни, вѣкомъ *смѣшенія*—для историка его духовнаго развитія. Конституціонный строй, съ его девизомъ парламентаризма, требуетъ приниженія духовной личности, приспособленія къ даннымъ независимо отъ нея обстоятельствамъ. Въ этомъ строѣ глубоко и высоко развитая личность не только не встрѣчаетъ для себя благопріятнаго поприща — она прямо неумѣстна, вредна; широко открыта дорога только для безъидейныхъ и безстрастныхъ оппортунистовъ. Отъ свободныхъ политическихъ учрежденій классическаго міра современныя свободныя учрежденія отличаются тѣмъ, что въ древности участіе гражданина въ государственномъ дѣлѣ, вытекая изъ общихъ нуждъ государства, оставалось *служеніемъ* общегосударственной задачѣ, а теперь оно выводится изъ личныхъ правъ и интересовъ и ведетъ къ упраздненію и ограниченію государства, все далѣе отступающаго передъ интересами соціальными, космополитическаго, экономическаго характера. Представитель этихъ интересовъ—средній, торговопромышленный классъ—все болѣе становится настоящимъ обладателемъ политической свободы и распорядителемъ міровыхъ судебъ. Утилитаризмъ, господствовавшій въ древнемъ мірѣ и уступившій мѣсто христіанскому идеализму, опять торжествуетъ въ наше время, но является силой уже не созидающей, а разрушающей. Древній человѣкъ жилъ для своего государства; человѣкъ, вѣрный христіанской идеѣ, жилъ для достиженія высшаго совершенства въ области безкорыстныхъ духовныхъ задачъ; человѣкъ новѣйшаго времени живетъ только для себя, *какъ особи*, помимо осуществленія какихъ бы то ни было иныхъ задачъ, общихъ и духовныхъ. Отсюда либо безнадежный пессимизмъ —если человѣкъ убѣждается въ неосуществимости личнаго счастья,—либо буржуазно-утилитарная эксплуатація природы, людей и идей. Замѣна государства правительствомъ партій, ростъ буржуазіи и ея космополитическихъ, утилитарныхъ интересовъ на счетъ прочихъ классовъ и ихъ національныхъ интересовъ, ограниченіе сферы государственныхъ началъ началами соціально-космополитическими, торжествующій походъ еврейства, все покупающаго въ привыкающемъ все продавать обществѣ — вотъ факты, слишкомъ ясные и общіе, чтобы ихъ замалчивать. Различно можетъ быть только отношеніе къ нимъ. Возможно, подобно П. Леруа-Больё, возмущаться продажностью, корыстнымъ правленіемъ партій, упраздненіемъ государства, и требовать возстановленія неограниченной монархіи,—но возможно и примиряться съ фактами, какъ это дѣлаютъ всѣ друзья „правового порядка", теоретики ограниченія государства и обезсиливающаго его раздѣленія властей. Современное европейское общество пытается жить *безъ идеала*. Въ древне-классическомъ мірѣ высшимъ руководящимъ

началомъ было охраненіе дѣйствительности, въ мірѣ христіанскомъ—достиженіе того, что̀ *должно быть* безотносительно и безусловно; современный человѣкъ поставилъ на мѣсто того и другого лично ему *желательное,* т.-е. то, что̀ *должно быть для личнаго его благополучія.* Желанія, какъ извѣстно, не имѣютъ ни мѣры, ни границы, и неудовлетвореніе ихъ приводитъ къ скукѣ и отчаянію. Между тѣмъ идея желательнаго, поставленная выше идеи дѣйствительнаго, выше идеи долженствующаго быть, упраздняетъ науку о реальномъ (т.-е. знаніе фактовъ), упраздняетъ науку объ идеалахъ (этику, эстетику, логику), упраздняетъ религію, какъ связующее звено той и другой. Искусство, само по себѣ признаваемое неимѣющимъ никакой цѣны и разсматриваемое только съ точки зрѣнія пользы, падаетъ и мельчаетъ; Надсонъ является въ роли Байрона, Глѣбъ Успенскій—въ роли Гоголя! Въ нравственныхъ ученіяхъ, созданныхъ современностью, исходный мотивъ—исканіе своего блага, конецъ—уменьшеніе содержанія дѣйствительности до полнаго ея отрицанія. Къ этому заключенію одни приходятъ путемъ проповѣди состраданія, другіе—путемъ проповѣди альтруистическихъ чувствъ, третьи—путемъ проповѣди самоотреченія во имя разумной любви къ роду. Эта проповѣдь звучитъ очень заманчиво, но заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если я дѣйствительно убѣжденъ въ необходимости самоотреченія, то признаю его необходимость *общую, для всѣхъ,* а гдѣ *всѣ* отъ себя, отъ своего блага отреклись, тамъ одинаково нелѣпы попытки служить своему благу и благу всѣхъ. Этого противорѣчія нѣтъ ни въ евангельскомъ ученіи (люби ближняго *какъ* самого себя), ни въ нравственныхъ ученіяхъ стараго идеализма. Но всѣ прежнія ученія частію упразднены, частію „исправлены" новѣйшей наукой—соціологіей, смѣшивающей въ одну кучу и религію, и нравственность, и науку, и ученіе о благополучіи особи. Государство и народъ, имѣющіе исторію, пріуроченные къ извѣстной территоріи, уступаютъ мѣсто *обществу,* а задача всякаго общества ограничивается производствомъ и распредѣленіемъ тѣхъ или другихъ жизненныхъ благъ. Идею общества воплощаетъ въ себѣ *буржуазія,* представительница чисто-соціальныхъ началъ и интересовъ. Буржуазія, на Западѣ, заняла и занимаетъ мѣсто народа, націи—и съ ней одной считается тамъ государство. Только буржуазіи можетъ сослужить службу парламентаризмъ; только въ ея пользу обращается и конституціонная монархія, тщетно стремящаяся сохранить призракъ государственно-національной и исторической идеи. Чисто-соціальный строй, не знающій ни исторіи, ни національности, ни государственности, не знающій никакого другого идеала, кромѣ мирно-благополучной, сытой и посредственной особи, живущей только собою и для себя, — есть *одичаніе,* какъ въ

смыслѣ общей культуры, такъ и въ смыслѣ счастья отдѣльной личности, и вотъ это-то одичаніе и предстоитъ западной Европѣ.

Такова въ сжатомъ, но возможно-полномъ и точномъ видѣ (мы держались почти вездѣ выраженій самого автора), сущность брошюры г. Астафьева. Поразительна, прежде всего, неправильность нѣкоторыхъ основныхъ ея предпосылокъ. Въ началѣ столѣтія вѣра въ учрежденія вовсе не была слабѣе, чѣмъ въ настоящее время. Формула: „плохи сами по себѣ бываютъ не люди, а только учрежденія", далеко не выражаетъ собою взглядовъ, господствующихъ теперь въ западной Европѣ. Она представляется, наоборотъ, наслѣдствомъ XVIII вѣка, перешедшимъ, почти во всей своей неприкосновенности, къ его преемнику. „Властитель думъ" до-революціонной и революціонной эпохи, вдохновитель Шиллера и Байрона, Шатобріана и madame де-Сталь—Ж. Ж. Руссо—не даромъ провозгласилъ прирожденную доброту человѣка, не даромъ приписалъ его порчу окружающей его обстановкѣ, созданной цивилизаціею. Многочисленные послѣдователи Руссо вывели отсюда возможность быстраго и радикальнаго перевоспитанія личности, путемъ пересозданія учрежденій. Если новая эра всеобщаго счастья казалась, въ 1789 г., столь близкой и столь удобоосуществимой, это объяснялось, отчасти, именно вѣрой въ всемогущество соціальныхъ и политическихъ преобразованій. Одиннадцать лѣтъ спустя, на зарѣ новаго вѣка, эта вѣра не была ни столь всеобщей, ни столь глубокой—но она далеко не изсякла и пріобрѣла массу прозелитовъ. Развѣ не она одушевляла, напримѣръ, французскихъ „доктринеровъ", возлагавшихъ всѣ свои надежды на переустройство французскаго государственнаго строя по образцу Англіи? Развѣ не она способствовала революціямъ іюльской и февральской, а также всѣмъ потрясеніямъ, происходившимъ въ промежутокъ времени между тою и другою? Развѣ не она поддерживала, въ рядахъ французской интеллигенціи и французскаго пролетаріата, культъ республики и конвента, развѣ не она говорила устами Годефруа, Каваньяка и Ледрю-Роллена? Развѣ не она возбуждала въ западно-европейскомъ обществѣ страстный интересъ къ ораторскимъ турнирамъ временъ Людовика-Филиппа? Длинная цѣпь разочарованій, начинающихся съ 1848 г., не уничтожила ее совершенно, но значительно уменьшила ея интенсивность. Тому же результату способствовали многія другія причины. Успѣхи исторической науки раскрыли зависимость учрежденій отъ традицій, привычекъ, племенныхъ свойствъ народа. Англійскій государственный строй оказался, благодаря новымъ изслѣдованіямъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ его привыкли считать съ легкой руки Монтескьё. Исчезла гипотеза о первобытной и прирожденной добродѣтели; развилось и окрѣпло ученіе о наслѣдствен-

ности, бросающее новый свѣтъ на взаимнодѣйствіе среды и личности. Чтобы судить о томъ, до какой степени ошибочно у г. Астафьева опредѣленіе модныхъ теченій, стоитъ только припомнить доктрину современныхъ итальянскихъ криминалистовъ-антропологовъ; вѣдь не Ломброзо же и его единомышленники станутъ утверждать, что нѣтъ и не можетъ быть „плохихъ людей"!.. Конечно, въ теоріяхъ о „преступномъ человѣкѣ" много преувеличеннаго, недосказаннаго даже фальшиваго—но именно этимъ онѣ и характеристичны для нашей fin de siècle, отражающейся въ нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ зеркальцѣ г. Астафьева. „Вѣру въ учрежденія" авторъ смѣшалъ, повидимому, съ чѣмъ-то совершенно инымъ—съ распространяющеюся все больше и больше наклонностью къ ассоціаціямъ всякаго рода. Да, въ наше время возникаетъ много союзовъ, обществъ, товариществъ—но вовсе не вслѣдствіе слѣпой вѣры въ эту форму дѣятельности, а просто въ силу несомнѣнныхъ удобствъ, съ нею сопряженныхъ. Самъ г. Астафьевъ упоминаетъ объ „арміи спасенія", связующимъ звеномъ которой ужъ, конечно, служитъ не „вѣра въ учрежденія". Членъ „арміи спасенія", вступая въ ея ряды, разсчитываетъ не на то, что она вдохнетъ въ него недостающую ему силу, а на то, что она дастъ ему поводъ и случай примѣнить, наилучшимъ образомъ, энергію, чувствуемую имъ въ самомъ себѣ. Вѣдь если объяснять „вѣрой въ учрежденія" всякое стремленіе къ корпоративному единству, то пришлось бы подвести подъ это объясненіе и монашескіе ордена, съ которыми „армія спасенія" имѣетъ много общаго; припомнимъ хотя бы обѣтъ безусловнаго послушанія, обязательный для ея членовъ. „Армія спасенія"—это своего рода протестантское монашество. Къ тому же типу приближаются, быть можетъ, и нѣкоторыя изъ американскихъ „обществъ нравственнаго усовершенствованія", къ которымъ столь неблагосклонно относится г. Астафьевъ. Форма можетъ не соотвѣтствовать содержанію, но исканіе формы—вовсе не синонимъ безсодержательности.

Вѣра въ едино-спасающее учрежденіе—продолжаетъ г. Астафьевъ—приводитъ къ парламентаризму, а парламентаризмъ приводитъ къ приниженію личности. Здѣсь есть, прежде всего, логическій скачокъ. „Едино-спасающимъ учрежденіемъ" одни считаютъ одно, другіе—другое; объектомъ „вѣры" можетъ служить всякая форма правленія, и въ этомъ смыслѣ къ сонму „вѣрующихъ" долженъ быть причисленъ самъ г. Астафьевъ. Такъ ли распространенъ, далѣе, парламентаризмъ, чтобы можно было считать его сигнатурой политической исторіи XIV-го вѣка? Вѣдь если не смѣшивать его съ конституціоннымъ, представительнымъ образомъ правленія—чего, повидимому, не дѣлаетъ и г. Астафьевъ,—то побѣдоноснымъ, господствующимъ онъ является

только въ двухъ западно-европейскихъ государствахъ: Англіи и Франціи. Въ Англіи, притомъ, онъ созданъ не XIX-мъ вѣкомъ и ужъ, конечно, не „вѣрой въ учрежденія"; во Франціи со времени его торжества не прошло еще и четверти вѣка. Въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи, въ Испаніи о *парламентаризмѣ* не можетъ быть и рѣчи. Тезисъ г. Астафьева не выдерживаетъ, такимъ образомъ, самаго легкаго прикосновенія, самой элементарной пробы. Заключается ли въ самомъ существѣ парламентаризма нѣчто неизбѣжно ведущее къ „приниженію личности"—это вопросъ, котораго мы здѣсь обсуждать не станемъ; намъ достаточно показать, что въ странахъ наиболѣе парламентарныхъ значеніе личности не понесло никакого ущерба. Чему, какъ не парламентаризму, обязана Англія вереницей великихъ государственныхъ людей, идущей съ XVII-го вѣка вплоть до нашего времени? Оказывались ли „неумѣстными" и вредными", въ парламентарномъ строѣ, такіе люди, какъ Каннингъ, Робертъ Пиль, Кобденъ, лордъ Джонъ Россель? Принадлежитъ ли Гладстонъ къ числу „безъидейныхъ и безстрастныхъ оппортунистовъ"? Кто изъ наличныхъ, гдѣ бы то ни было, политическихъ дѣятелей можетъ быть поставленъ выше его по числу и важности услугъ, оказанныхъ государству и народу? Во Франціи никто не занялъ мѣста Гамбетты—но потому ли, что существующій порядокъ не даетъ хода первостепеннымъ дарованіямъ, или потому, что ихъ въ настоящую минуту нѣтъ на-лицо? Кто эти выдающіеся политическіе дѣятели, которыхъ держитъ вдали отъ дѣлъ завистливая и близорукая всеобщая подача голосовъ? Ихъ нѣтъ, потому что нельзя же считать политическими дѣятелями Ренана или Тэна, вовсе не созданныхъ для борьбы, для активнаго участія въ государственномъ управленіи. Когда явятся крупныя силы, онѣ будутъ выдвинуты впередъ, какъ былъ до самой смерти выдвигаемъ Тьеръ или Гамбетта. Всегда ли, притомъ, условія противоположнаго свойства способствовали успѣху и способствуютъ успѣху наиболѣе достойныхъ? Пользовался ли Людовикъ XIV, въ вопросахъ внутренней политики, совѣтами Вобана? Долго ли оставались министрами, при Людовикѣ XVI, Тюрго и Мальзербъ? Много ли успѣли сдѣлать для Пруссіи, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, Штейнъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ? Есть ли, наконецъ, какая-нибудь существенная разница между Фрейсине́, Ферри, Гобле́, Констаномъ—и заурядными министрами всѣхъ временъ и всѣхъ порядковъ?

Мы только-что сказали, что въ современной Франціи нѣтъ людей, способныхъ занять мѣсто Гамбетты; нѣтъ, пожалуй, и въ Англіи второго Гладстона или хотя бы второго Дизраели. Не служитъ ли это подтвержденіемъ теоріи г. Астафьева? Очевидно—нѣтъ. Великіе люди не рождаются ежедневно; вездѣ, всегда и во всемъ промежутки

между ними наполняются посредственностями или такъ-называемыми utilités. Во Франціи XVII-го вѣка не оказалось достойныхъ преемниковъ не только для Кольбера, но даже для Лувуа; въ Пруссіи тридцатыхъ годовъ не оказалось достойныхъ преемниковъ не только для Гарденберга, но даже для Лютца и Маассена [1]). То же самое слѣдуетъ сказать и объ искусствѣ. „Великановъ", въ этой области, современная западная Европа дѣйствительно не представляетъ—но развѣ онѣ до сихъ поръ всегда и вездѣ были на-лицо? Развѣ весь XVIII-ый вѣкъ, до самаго появленія Андрé Шенье, не былъ временемъ затмѣнія поэзіи для Франціи, подвластной старому порядку—и развѣ французская поэзія не возсіяла новымъ свѣтомъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, одновременно съ зарей парламентаризма? Если даже считать послѣднимъ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ не Гёте, а Гейне (на что едва ли согласится г. Астафьевъ), то все-таки нѣмецкая поэзія окажется изсякшей еще тогда, когда въ сѣверо-германскихъ государствахъ сохранялись всецѣло старыя учрежденія, а въ южно-германскихъ государствахъ конституціи существовали больше на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Въ бисмарковской Пруссіи, конечно, не было ничего похожаго на парламентаризмъ—но не было и ничего похожаго на поэзію. А Россія, которую самъ г. Астафьевъ постоянно противополагаетъ западной Европѣ? Если у насъ теперь, по его словамъ, „Надсонъ является въ роли Байрона, а Глѣбъ Успенскій—въ роли Гоголя" (въ какой степени это справедливо—предоставляемъ судить читателямъ), если на смѣну уходящихъ людей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не является другихъ, имъ равныхъ, то не ясно ли, что не въ парламентаризмѣ слѣдуетъ искать причину упадка западно-европейскаго искусства? Или, быть можетъ, вліяніе заразы распространяется далеко за предѣлы главныхъ очаговъ ея? Быть можетъ, довольно небольшого меньшинства, платонически сочувствующаго парламентаризму, для того, чтобы заглохло поэтическое и всякое иное творчество въ цѣломъ народѣ? Русское общество, въ своихъ интеллигентныхъ слояхъ, позаимствовало—по словамъ г. Астафьева—„нѣкоторые отравленные плоды растлившей Западъ школы политической жизни"; но между „позаимствованіемъ" и самостоятельнымъ производствомъ—разница слишкомъ большая, и если въ какой-нибудь области русской жизни повторяется явленіе, наблюдаемое на западѣ Европы, то общую ихъ причину, конечно, слѣдуетъ искать въ чемъ-либо независящемъ отъ политическихъ учрежденій.

---

[1]) Лютцъ и Маассенъ—прусскіе министры финансовъ, мало извѣстные за предѣлами Пруссіи, но сослужившіе ей весьма полезную службу.

Парламентарный строй, какъ и всякій другой, имѣетъ, безспорно, свои недостатки, обнаруживающіеся тѣмъ яснѣе, чѣмъ меньше онъ смѣшанъ съ другими элементами. По мнѣнію г. Астафьева, отношеніе къ этимъ недостаткамъ можетъ быть только двоякое: можно или осуждать изъ-за нихъ, безусловно и всецѣло, самыя основы парламентаризма и стремиться къ замѣнѣ его чѣмъ-то прямо противоположнымъ—или же отрицать, игнорировать самые недостатки, возводя ихъ въ перлъ созданія. Неужели нѣтъ средины между этими крайностями? Неужели нужно быть или врагомъ „правового порядка", или слѣпымъ и тупымъ его приверженцемъ? Самое поверхностное знакомство съ западно-европейской жизнью и литературой убѣждаетъ въ томъ, что роковая дилемма существуетъ только въ воображеніи г. Астафьева. Давно уже извѣстно, что свобода сама исцѣляетъ раны, которыя наноситъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о парламентаризмѣ. Лишь только стали замѣтны его слабыя стороны, появилась и забота о томъ, какъ отъ нихъ освободиться—и если цѣль еще не достигнута, то это не значитъ, чтобы она была недостижима. Нужно ли прибавлять, что самые недостатки парламентаризма и не такъ страшны, и не такъ исключительно свойственны ему одному, какъ увѣряетъ г. Астафьевъ. „Продажность", напримѣръ, въ современной Франціи распространена едва ли больше, чѣмъ при Наполеонѣ III. О современной французской юстиціи никто не станетъ отзываться такъ, какъ говорилъ Расинъ (въ своихъ „Plaideurs") о судьяхъ временъ „великаго короля", или Бомарше—о парламентѣ временъ Людовика XVI-го. Англійской администраціи, англійскому суду понятіе о „взяткѣ" остается чуждымъ, не смотря на торжество парламентаризма.

Парламентаризмъ, по мнѣнію г. Астафьева, „упраздняетъ" государство; государство, въ западной Европѣ, „отступаетъ все дальше и дальше передъ интересами соціальными, экономическими". Гораздо правильнѣе было бы сказать, что роль государства постоянно ростетъ, и ростетъ именно потому, что оно все больше и больше принимаетъ участія въ разрѣшеніи соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить кругъ дѣйствій правительственной власти въ Англіи двадцатыхъ и въ Англіи восьмидесятыхъ годовъ. Въ экономической наукѣ падаетъ теорія laissez faire, laissez passer; въ дѣйствительной жизни расширяется область государственнаго вмѣшательства—расширяется до такой степени, что вызываетъ, въ пугливыхъ умахъ, призракъ „грядущаго рабства" [1]). И въ это именно время насъ хотятъ увѣрить, что на западѣ Европы

[1]) Заглавіе извѣстной брошюры Герберта Спенсера.

(ужъ не въ Германіи ли?) государство доживаетъ свои послѣдніе годы! А милитаризмъ, гораздо больше парламентаризма составляющій отличительную черту второй половины XIX-го вѣка—развѣ онъ свидѣтельствуетъ объ „упраздненіи государства"? Чему онъ служитъ — *національнымъ* интересамъ, отодвигаемымъ, если вѣрить г. Астафьеву, на задній планъ, или интересамъ соціальнымъ, экономическимъ, *космополитическимъ*? Хорошъ космополитизмъ, главные представители котораго постоянно готовы броситься другъ на друга изъ-за провинціи, изъ-за колоніи! Столь же глубоко заблуждается г. Астафьевъ и тогда, когда отождествляетъ парламентаризмъ съ торжествомъ буржуазіи и выставляетъ послѣднюю господиномъ положенія, все больше и больше сосредоточивающимъ въ своихъ рукахъ пользованіе политической свободой и распоряженіе міровыми судьбами. О чемъ-то подобномъ можно было говорить въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ, когда во Франціи царила „легальная страна", въ Англіи не былъ еще сдѣланъ второй шагъ на пути къ парламентской реформѣ; но все это давно отошло въ прошедшее. Всеобщая подача голосовъ, введенная во Франціи и Германіи, требуемая въ Бельгіи и Италіи, постепенно осуществляемая въ Англіи, приготовляетъ почву для четвертаго сословія; окончательная его побѣда—вопросъ времени, мѣры и формы. Конечно, буржуазія еще весьма сильна; во Франціи, отчасти и въ Англіи она является еще единственнымъ или главнымъ правящимъ классомъ; но далеко не одно и то же—безостановочно шествовать впередъ или съ трудомъ отстаивать свои позиціи, теряя однѣ, рискуя потерять и другія. Государство, въ виду ростущаго значенія народа, „считается" съ нимъ едва ли меньше, чѣмъ съ буржуазіей; въ его пользу расширяется, большею частью, область государственнаго вмѣшательства, его интересы могутъ быть названы по преимуществу интересами соціальными. Если космополитизмъ ростетъ—до крайности, впрочемъ, медленно и нерѣшительно, въ ущербъ національзму,—то ужъ, конечно, не вслѣдствіе усиленія буржуазіи, а скорѣе вслѣдствіе ея ослабленія. Кто былъ главнымъ носителемъ національной идеи, еще недавно игравшей столь важную роль въ западно-европейской исторіи? Безъ сомнѣнія—буржуазія. Нѣмецкимъ бюргерствомъ, а не аристократіей и не народомъ было водружено въ первый разъ знамя германскаго единства; народъ былъ къ нему равнодушенъ, дворянство считало его символомъ измѣны. Даже потомъ, когда оно очутилось въ сильныхъ рукахъ Бисмарка, кто слѣдовалъ за нимъ съ наибольшимъ энтузіазмомъ, кто подготовилъ и упрочилъ его торжество надъ партикуляризмомъ? Среднее сословіе, представляемое въ особенности національ-либеральною партіею. Въ среднемъ сословіи находили опору Мадзини и Гарибальди, Кавуръ

и Викторъ-Эммануилъ. Среднее сословіе во Франціи—главный хранитель мысли о равенствѣ, въ Англіи—главный очагъ специфически „островитянскаго“ патріотизма. Есть, правда, и буржуазный космополитизмъ, выражаемый формулой: ubi bene, ibi patria; но это — настроеніе отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлаго общественнаго класса.

Охраненію и „любовному усовершенствованію“ дѣйствительности, какъ идеалу классической древности, стремленію къ „безусловно долженствующему быть“, какъ идеалу христіанскаго міра, г. Астафьевъ противополагаетъ культъ личнаго благополучія, культъ *желательнаго* для особи, какъ характеристичную черту современной западно-европейской жизни. Оказывается, однако, что эта же жизнь создаетъ нравственныя доктрины, проповѣдующія альтруизмъ, самоотреченіе, служеніе ближнему. Противорѣчіе очевидное, разрушающее въ самомъ корнѣ всю аргументацію г. Астафьева. Объясняется оно, какъ намъ кажется, тѣмъ, что г. Астафьевъ сравниваетъ величины разнородныя и, слѣдовательно, несоизмѣримыя. Говоря о классической древности и о христіанскомъ мірѣ (какъ будто бы современная Европа перестала быть христіанской!), онъ беретъ самыя глубокія и высокія проявленія тогдашней мысли; говоря о нынѣшнемъ, ненавистномъ ему Западѣ, онъ спускается гораздо ниже и останавливается на одномъ изъ модныхъ теченій, далеко не самомъ интенсивномъ и не самомъ характеристичномъ. И дѣйствительно, развѣ охраненіе и усовершенствованіе существующаго въ видахъ содѣйствія государственному благу было единственной или главной заботой всѣхъ аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, даже въ эпоху полнаго расцвѣта Аѳинъ и Рима? Развѣ не велика была даже въ то время роль сословій и партій, роль эгоистичныхъ личныхъ интересовъ? Развѣ дѣятельность Ѳемистокла, напримѣръ, опредѣлялась только однимъ служеніемъ государственной пользѣ? Развѣ Алкивіадъ и Коріоланъ не вступали въ союзъ съ врагами государства? Развѣ культъ „желательнаго“ не возникъ на эллинской почвѣ и не нашелъ поклонниковъ въ республиканскомъ Римѣ? А въ христіанскомъ мірѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ быть небольшою горстью преслѣдуемыхъ и гонимыхъ, развѣ не стояли на первомъ планѣ стремленія, не имѣющія ничего общаго съ евангельскимъ ученіемъ? Когда и гдѣ „безусловно долженствующее быть“ было руководящимъ началомъ для христіанскаго государства или хотя бы для массы вѣрующихъ? При послѣднихъ римскихъ императорахъ или при первыхъ, послѣ крещенія варварскихъ королей? Во время процвѣтанія феодализма или въ эпоху возрожденія? При „весьма католическомъ“ королѣ Филиппѣ II или „весьма христіанскомъ“ королѣ Людовикѣ XIV? Одно изъ двухъ: нужно либо приложить къ про-

шедшему ту же самую мѣрку, какъ и къ настоящему, либо приложить къ настоящему масштабъ, которымъ измѣряется прошедшее. Въ первомъ случаѣ разстояніе между дѣйствительностью и идеаломъ окажется, и тамъ, и тутъ, одинаково громаднымъ; во второмъ случаѣ придется признать, что современный Западъ вовсе не страдаетъ отсутствіемъ идеаловъ. Проповѣдь альтруизма, самоотреченія, служенія ближнимъ остается пока безъ видимыхъ, широкихъ результатовъ— но такова судьба всякой проповѣди, призывающей къ трудному нравственному подъему. Она *существуетъ*, существуетъ въ самыхъ различныхъ видахъ и формахъ—и этого довольно, чтобы доказать наличность *идеала*, прямо противоположнаго обоготворенію особи. Заключается ли въ новыхъ альтруистическихъ ученіяхъ противорѣчіе, указываемое г. Астафьевымъ,—это, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, безразлично. Если требованіе самоотреченія заходитъ слишкомъ далеко, за предѣлы удобоосуществимаго, то оно удаляется, этимъ самымъ, отъ культа „желательнаго", къ которому г. Астафьевъ такъ неудачно пытается свести все теченіе современной западно-европейской мысли.

Смѣшеніе областей религіи, нравственности, науки, искусства— вотъ черта, дополняющая, по мнѣнію г. Астафьева, характеристику XIX-го вѣка. Гораздо правильнѣе было бы искать это смѣшеніе въ прошедшемъ напримѣръ — въ древности, когда наука и искусство были достояніемъ жрецовъ, или въ средніе вѣка, когда не одна только философія могла назваться ancilla theologiae. XIX-му вѣку свойственны попытки синтеза, болѣе широкаго, чѣмъ прежде, но соединеніе и смѣшеніе—далеко не одно и то же. Можно искать и находить точки соприкосновенія между различными областями и въ то же самое время точнѣе отграничивать каждую изъ нихъ. Повиненъ въ „смѣшеніи" понятій скорѣе всего самъ г. Астафьевъ, въ глазахъ котораго выдѣленіе изъ науки всего метафизическаго равносильно низведенію ея къ чисто-служебной роли. На самомъ дѣлѣ, между тѣмъ и другимъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Именно Ог. Контъ, такъ сильно способствовавшій изгнанію метафизики изъ науки, принадлежитъ къ числу тѣхъ философовъ, которые особенно ярко выставили на видъ различіе между наукой чистой и прикладной, между науками абстрактными и конкретными. Служеніе чистой наукѣ, помимо всякой мысли объ извлеченіи изъ нея практической пользы, въ наше время нисколько не ослабѣло. Рядомъ съ необыкновенными успѣхами прикладныхъ знаній идутъ открытія въ такихъ отрасляхъ науки, какъ астрономія или высшая математика. Для цѣлой категоріи ученыхъ наука продолжаетъ быть драгоцѣнной сама по себѣ; они любятъ ее такою же самоотверженною любовью, какъ любили

ее Паскаль или Ньютонъ (не считавшіе, впрочемъ, ниже своего достоинства и практическое приложеніе научныхъ знаній). То же самое слѣдуетъ сказать и объ искусствѣ. Искусство, не преслѣдующее никакихъ опредѣленныхъ житейскихъ цѣлей, вовсе не отошло въ прошедшее; потеряли свою силу, наоборотъ, ученія, признающія только *полезное* или хотя бы только тенденціозное искусство. Утверждать, что въ настоящее время искусство разсматривается исключительно какъ средство, какъ источникъ пользы—это такой же анахронизмъ, какъ и предполагать, что все клонится къ торжеству буржуазіи. Г. Астафьевъ опоздалъ и тамъ, и здѣсь, по крайней мѣрѣ, на четверть вѣка. Въ шестидесятыхъ годахъ *кое-что* изъ сказаннаго имъ не было бы лишено фактической основы; теперь все одинаково виситъ на воздухѣ.

Читатели не упрекнутъ насъ, надѣемся, въ томъ, что, говоря о брошюрѣ г. Астафьева, мы уклонились отъ нашего главнаго предмета—отъ русской общественной жизни. Вопросъ о „гніеніи Запада"—или, выражаясь словами г. Астафьева, о его постепенномъ „одичаніи"—имѣетъ для насъ, русскихъ, не одно только отвлеченное, теоретическое значеніе; онъ затрогиваетъ, непосредственно и прямо, наши насущные, жизненные интересы. „Западничество" сороковыхъ годовъ, какъ и славянофильство, болѣе не существуетъ; но *отношеніе къ Западу* остается, во многомъ, пробнымъ камнемъ для оцѣнки стремленій и взглядовъ, личныхъ и коллективныхъ. Къ какимъ практическимъ выводамъ приходятъ наши современные анти-западники или псевдо-славянофилы—объ этомъ можно судить, отчасти, по содержанію брошюры г. Астафьева. Мы еще возвратимся къ этой темѣ; въ матеріалахъ для ея разработки, къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка.

Отличительная черта „добровольцевъ", о которыхъ нѣсколько разъ шла рѣчь въ нашихъ хроникахъ, это—избытокъ усердія. Имъ постоянно нужны новыя стѣсненія, ограниченія, запрещенія, преслѣдованія. Едва ли найдется хоть одинъ день, который бы не принесъ съ собою, со стороны реакціонной печати, требованій, жалобъ, сѣтованій, ожиданій этого рода. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" слѣдовали, одно за другимъ, выраженія увѣренности, что избранникъ дерптской городской думы (г. Эттингенъ) не будетъ утвержденъ городскимъ головой: выраженіе радости, когда эта увѣренность оправдалась, выраженіе надежды, что не будетъ утверждено головой и то лицо, которое избрано думой на мѣсто г. Эттингена (г. Бокъ), а должность головы будетъ замѣщена по усмотрѣнію администраціи. Теперь ко всему этому присоединилось сожалѣніе о томъ, что г. Бокъ

утвержденъ городскимъ головою. Неутвержденіе избраннаго головы — это право администраціи, которымъ она пользуется сравнительно рѣдко; *назначеніе* головы — это нѣчто вовсе не предусмотрѣнное городовымъ положеніемъ. Что же слѣдуетъ сказать объ органѣ печати, не только убѣждающемъ администрацію пустить въ ходъ ея дискреціонную власть, но и совѣтующемъ ей поступить прямо вопреки закону? Утвержденіе г. Бока свидѣтельствуетъ о томъ, что не было никакихъ основаній даже для вторичной отмѣны выборовъ, а московская газета предлагала обойтись вовсе безъ выборовъ, лишить думу безспорно принадлежащаго ей права! Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что московскіе газетные „добровольцы" имѣющіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, союзниковъ и въ петербургской печати, остались бы довольны только въ такомъ случаѣ, еслибы *юрьевскимъ* городскимъ головою *назначенъ* былъ коренной русскій, т.-е. русскій по происхожденію. Съ точки зрѣнія все превозмогающаго усердія знаніе русскаго языка признается теперь уже недостаточнымъ для службы въ остзейскомъ краѣ. „Новое Время" напоминаетъ, что „можно владѣть русскимъ языкомъ и въ то же время оставаться чуждымъ Россіи по своей дѣятельности, чему примѣры указываетъ намъ опытъ привислянскаго края". Отсюда выводится пожеланіе, чтобы „русскіе люди изъ внутреннихъ губерній не страшились вообще службы на прибалтійской окраинѣ". Другими словами, пускай нѣмцы, эсты, латыши, отправляются служить куда-нибудь „въ глушь, въ Саратовъ"; оставаясь на родинѣ, они будутъ неизбѣжно возбуждать подозрѣнія „добровольцевъ". Весьма можетъ быть, впрочемъ, что и въ Саратовѣ положеніе ихъ окажется не лучшимъ. Дѣло доходитъ до того, что для навлеченія добровольческой опалы достаточно одной не-русской фамиліи. Учреждается, напримѣръ, новое страховое общество, подъ названіемъ: „Заботливость". Перечисливъ имена учредителей, „Московскія Вѣдомости" восклицаютъ: „ни одной русской фамиліи въ обществѣ имѣющемъ производить операціи въ Россіи! Даже чисто иностранныя общества, хоть для виду, приглашаютъ нѣсколькихъ лицъ съ русскими фамиліями. А здѣсь ни одного! Да и зачѣмъ: вѣдь всѣ учредители, вѣроятно, *русскіе подданные*, хотя не трудно усмотрѣть, что врядъ ли новое „общество будетъ преслѣдовать русскіе интересы". Итакъ, чтобы пользоваться невозбранно своими гражданскими правами, нужно быть не только русскимъ подданнымъ—нужно носить еще русскую фамилію? Гр. Замойскій и гр. Красинскій, гг. Кроненбергъ и Вертгеймъ — русскіе граждане, живущіе въ Россіи; гдѣ же, какъ не въ Россіи, имъ имѣть дѣла, основывать предпріятія? Если каждый изъ нихъ въ отдѣльности можетъ совершать всякаго рода сдѣлки наравнѣ съ Ивано-

вымъ или Петровымъ, то почему же имъ не соединиться въ товарищество или компанію? Неужели приглашеніе — *для виду*, или даже не для виду — нѣсколькихъ лицъ съ русскими фамиліями измѣнило бы въ чемъ-нибудь характеръ новаго общества? Какіе „русскіе интересы" можетъ, притомъ, преслѣдовать страховое общество? Не ясно ли, что всякая акціонерная компанія, русская или не-русская, имѣетъ въ виду свои собственные имущественные интересы—и ничего больше? Эти интересы *могутъ совпадать* съ интересомъ государственнымъ или общественнымъ, но не это совпаденіе является рѣшающимъ моментомъ въ дѣятельности акціонернаго общества.

Одинъ изъ „добровольцевъ", о которыхъ мы говорили въ предъидущей хроникѣ—авторъ „Маленькихъ замѣтокъ" въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", подписывающійся псевдонимомъ: Vox—упрекаетъ насъ въ намѣреніи „утаить шило въ мѣшкѣ". Поводъ къ такому упреку — то, что въ изложеніи инцидента, происшедшаго въ московскомъ комитетѣ грамотности, мы прошли молчаніемъ: во-первыхъ, рѣшеніе комитета не упоминать въ годовомъ отчетѣ о предложеніи г. Семенковича, касавшемся разсылки книгъ противосектантскаго содержанія; во-вторыхъ, другое предложеніе г. Семенковича, направленное къ выясненію взглядовъ самого народа на книги противосектантскія и объясняющія догматы вѣры. Эти два обстоятельства г. Vox называетъ *сущностью дѣла*. Мы думали, наоборотъ,—и продолжаемъ думать,—что сущность дѣла заключалась именно въ томъ, призванъ ли комитетъ грамотности къ разсылкѣ книгъ противосектантскаго содержанія. Останавливаясь исключительно на этомъ пунктѣ, мы не видѣли надобности говорить о всемъ остальномъ. И въ самомъ дѣлѣ, упоминаніе или неупоминаніе о чемъ-нибудь въ отчетѣ комитета грамотности—вопросъ чисто формальный, интересный только для членовъ комитета. Что касается до собиранія, свѣтскимъ учрежденіемъ, свѣденій о томъ, любитъ ли народъ читать книги противосектантскаго содержанія, то оно кажется намъ столь же неудобнымъ, какъ и включеніе книгъ этого рода въ число сочиненій, разсылаемыхъ комитетомъ грамотности. Во Франціи временъ второй имперіи существовалъ законъ, по которому обсуждать пренія законодательнаго корпуса можно было только подъ условіемъ перепечатанія ихъ in extenso. У насъ, къ счастію, не было и нѣтъ ни закона, ни обычая, который обязывалъ бы разсказывать цѣлую исторію, когда хочешь говорить только объ одномъ ея самостоятельномъ эпизодѣ.

31-го мая исполнилось двадцатипятилѣтіе адвокатской дѣятельности В. Д. Спасовича. Читателямъ нашего журнала онъ хорошо извѣ-

стенъ только какъ критикъ, историкъ и публицистъ; не ме́ньшимъ знатокомъ дѣла и мастеромъ формы онъ является и въ своихъ судебныхъ рѣчахъ. Отлагая подробный ихъ разборъ до выхода въ свѣтъ новаго ихъ изданія, ожидаемаго въ непродолжительномъ времени, пожелаемъ петербургской адвокатурѣ долго еще сохранить въ своей средѣ человѣка, глубоко преданнаго интересамъ дѣла и составляющаго одно изъ лучшихъ ея украшеній.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ скончался Э. К. Ватсонъ, писавшій, въ 1866 и 1867 г., статьи въ нашемъ журналѣ, преимущественно по иностранной политикѣ, подписанныя W. Русская журналистика потеряла въ немъ добросовѣстнаго, многосторонне образованнаго дѣятеля. Судьба была къ нему неблагосклонна. Изъ числа изданій, въ которыхъ онъ занималъ выдающееся мѣсто, три („Современникъ", „С.-Петербургскія Вѣдомости" временъ В. Ѳ. Корша и „Молва") прекратились или перешли въ другія руки, и Эрнсту Карловичу приходилось вновь искать постоянныхъ занятій, что̀, при ограниченномъ числѣ ежедневныхъ періодическихъ изданій и при той строгой разборчивости, которою отличался покойный, было сопряжено съ весьма значительными трудностями. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ послѣднее время своей жизни Э. К. Ватсонъ работалъ преимущественно надъ переводами. Подобно В. Ѳ. Коршу, покойный, можно сказать, былъ не только труженикомъ, но и мученикомъ литературы.

Мы уже заключили нашу хронику, когда появилось въ газетахъ извѣстіе о смерти бывшаго профессора и ректора петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго. Это печальное извѣстіе было встрѣчено со всѣхъ сторонъ выраженіемъ сожалѣнія объ утратѣ весьма чувствительной, особенно потому, что покойный, несмотря на исполнившееся сорокалѣтіе поприща его дѣятельности, по окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ, въ 1851 г., можно сказать, до послѣдней минуты работалъ и трудился съ тою же энергіею, какая отличала его въ теченіе всей жизни. Археологическій институтъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, по смерти Калачева, съ 1885 г., и особенно Общество охраненія народнаго здравія понесли въ его лицѣ трудно замѣнимую потерю.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отчетъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за первую четверть 1891 г., и отъ Кассы взаимопомощи при Обществѣ.

I. Съ 1-го января по 8-е апрѣля 1891 г. Комитетъ имѣлъ 9 засѣданій, въ коихъ состоялось 220 постановленій разнаго рода. Назначены: a) продолжительныя пособія семьѣ писателя на 2 года по 25 р. въ мѣсяцъ, вдовѣ писателя на годъ по 25 р. въ м., 3 вдовамъ писателей на годъ по 20 р. въ м., вдовѣ и двумъ престарѣлымъ сестрамъ писателей на годъ по 15 р. въ м., 4 вдовамъ писателей на годъ по 10 р. въ мѣсяцъ, вдовѣ писателя на 6 мѣсяцевъ по 15 р., писателю и писательницѣ на 6 мѣсяцевъ по 15 р., вдовѣ писателя на годъ по 5 р. въ м.; b) на воспитаніе дочери умершаго писателя 150 р. и въ уплату за ученіе 6 учащихся, равно какъ одна стипендія студенту и 50 р. въ счетъ стипендіи другому студенту; c) единовременныя пособія 34 лицамъ въ 300 р., 200 р., 150 р., 100 р. (двумъ лицамъ), 75 р. (тремъ лицамъ), 50 р. (пятнадцати лицамъ), 30 р. (пяти), 25 (семи), 20 р. и 15 р., всего на сумму 2,385 р.; d) срочныя ссуды по 200 р. двумъ писателямъ и безсрочныхъ 4: по 200 р. двѣ, въ 150 р. и въ 100 р.; e) на погребеніе писателя и его вдовы во исполненіе воли покойнаго авансомъ изъ завѣщанной имъ суммы 1.069 р. 80 к. и на покрытіе издержекъ по леченію и на погребеніе другого писателя 300 р. Отказано въ пособіи 26 лицамъ и одному лицу въ помѣщеніи дочери на вакансію за неимѣніемъ послѣдней. Не-денежныя пособія заключались въ хлопотахъ по помѣщенію сына одного умершаго писателя въ учебное заведеніе и по просьбамъ 4 лицъ о льготныхъ или даровыхъ желѣзно-дорожныхъ билетахъ. Въ отчетное время выпущена 2-я книжка разсказовъ В. М. Гаршина. Г. З. Елисеевъ завѣщалъ въ пользу Общества денежныхъ бумагъ на сумму около 30.000 р. и Е. И. Утинъ взялъ на себя безвозмездное веденіе дѣла по этому завѣщанію. А. Н. Плещеевъ пожертвовалъ Обществу 30.000 рублей, изъ коихъ 2.500 р. должны послужить основаніемъ для капитала имени В. Г. Бѣлинскаго. Проф. А. А. Исаевъ и Н. И. Карѣевъ читали въ пользу Общества публичныя лекціи, давшія доходу 94 р. 80 к. и 146 р. 60 к., причемъ расходы по лекціи А. А. Исаева принялъ на себя Я. Г. Гуревичъ. Ц. А. Кюи пожертвовалъ гонораръ за одну статью размѣромъ въ 67 р. 7 к. А. Д. Свербѣевъ, В. О. Португаловъ и А. Г. Борисякъ устроили въ Самарѣ спектакль въ пользу фонда. Общества желѣзныхъ дорогъ николаевской, московско-курской и курско-кіевской давали даровые или льготные би-

леты на проѣздъ нуждающимся литераторамъ. Редакціи „Новостей“ и „Новаго Времени“ безплатно печатали объявленія о публичныхъ лекціяхъ въ пользу Общества, а книжный магазинъ „Новаго Времени“ взялъ на себя продажу билетовъ. Комитетъ выражаетъ благодарность за эти пожертвованія и другіе виды содѣйствія его дѣятельности.

II. Къ 1 января 1891 г. оставалось неприкосновеннаго и именныхъ капиталовъ 168.292 р. 72 к., къ первому апрѣля прибыло 3.755 р. 90 к., итого состоитъ *172.048 р. 62 к.* Расходнаго капитала состояло на лицо къ 1 января 1891 г. 4.277 р. 13 к., къ 1 апрѣля поступило 6.528 р. 96 к., израсходовано 8.436 р. 49 к. и состоитъ на-лицо 2.389 р. 60 к. Переходящихъ суммъ состояло къ 1 января 1891 г. 1.150 р. 40 к., поступило къ 1 апр. 264 р. 45 к., израсходовано 20 р., состоитъ 1.394 р. 85 к. Всего капиталовъ у Общества къ 1 янв. 1891 г. состояло 173.720 р. 25 к., съ 1 янв. по 1 апр. поступило 11.155 р. 91 к., израсходовано 9.063 р. 09 к. Кромѣ того, возросъ долгъ по срочнымъ ссудамъ на 20 р., состояло въ долгу къ 1 янв. 959 р. 25 к., выдано вновь ссудъ 204 р. 45 к., поступило въ погашеніе ссудъ 184 р. 45 к., и къ 1 апрѣля за разными лицами состоитъ срочныхъ ссудъ на 979 р. 25 к. Такимъ образомъ дѣйствительное увеличеніе капиталовъ у Общества за время отъ 1 янв. по 1 апр. 1891 г. составляетъ 2.112 р. 82 к., и всѣхъ капиталовъ у Общества къ 1 апр. 1891 г. числится *175.833 р. 07 к.*

5-го мая 1891 года, въ С.-Петербургѣ состоялось общее собраніе членовъ учредителей Кассы взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ („Литературномъ Фондѣ“) и избрано требуемое уставомъ кассы правленіе для завѣдыванія дѣлами этого учрежденія. Въ составъ правленія вошли: И. Ф. Василевскій, Г. К. Градовскій, Д. Л. Мордовцевъ, О. К. Нотовичъ, А. И. Поповицкій, А. М. Скабичевскій, А. А. Тихоновъ (Луговой), А. К. Шеллеръ и С. Н. Шубинскій. Изъ нихъ избраны на 1891 годъ: *предсѣдателемъ* — Г. К. Градовскій, *секретаремъ*— А. Л. Тихоновъ (Луговой) и *казначеемъ*—И. Ф. Василевскій.

Дѣйствія кассы открыты съ 5-го мая текущаго 1891 года и съ того же дня вступаютъ въ силу какъ права, такъ и обязанности всѣхъ *наличныхъ членовъ* кассы, т.-е. тѣхъ лицъ, которыя занесены въ списокъ учредителей ея и уплатили хотя одну треть вступного взноса.

Члены кассы, не уплатившіе еще своего *вступного взноса* (въ тройномъ размѣрѣ избраннаго ими разряда платежей, § 3 уст.), обязаны внести таковой полностью или частями; въ послѣднемъ случаѣ не менѣе одной трети должно быть уплачено къ 1-му іюля, а остальныя двѣ трети—не позже, какъ къ *1-му октября* текущаго года.

Тѣ изъ членовъ кассы, которые полностью или вовсе не уплатятъ причитающихся съ нихъ вступныхъ взносовъ къ *1-му октября* текущаго года, будутъ считаться выбывшими изъ числа участниковъ кассы, согласно § 23 уст.

Находящіеся въ С.-Петербургѣ члены кассы могутъ производить причитающіеся съ нихъ денежные взносы въ конторахъ газетъ: „Но-

вости" (Невскій просп., № 10) и „Новое Время" (Невскій пр., № 38). Для пріема этихъ взносовъ въ означенныхъ мѣстахъ будутъ находиться особыя, выданныя правленіемъ кассы, книги. Иногородная же денежная корреспонденція, какъ и вообще всѣ письма и заявленія на имя кассы, адресуются: *въ С. Петербургъ, предсѣдателю Кассы взаимопомощи* при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Г. К. Градовскому (Бассейная, 20, кв. 14).

Для полученія, въ случаѣ желанія, квитанцій и отвѣтовъ гг. члены должны представлять или присылать въ кассу надлежащія гербовыя и почтовыя марки.

Гг. члены кассы приглашаются доставить въ правленіе требуемыя § 10 уст. заявленія о томъ, кого они назначаютъ въ качествѣ получателей причитающихся имъ изъ кассы суммъ. (Форма заявленія будетъ разослана гг. членамъ).

Пріемъ новыхъ членовъ производится согласно уставу, для чего лица, имѣющія право быть участниками кассы, должны присылать свои заявленія въ правленіе кассы. Въ заявленіяхъ этихъ, на основаніи § 20 устава, слѣдуетъ указать: данныя о литературной или ученой дѣятельности (буде таковыя не общеизвѣстны), возрастъ заявителя, разрядъ избираемыхъ имъ платежей, порядокъ ихъ взноса и адресъ.

Лица, желающія быть принятыми въ число членовъ кассы съ будущаго года, должны доставить свои заявленія не позже 1-го октября текущаго года.

II. — Отъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Историческое Общество при Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ предприняло изданіе періодическаго сборника подъ названіемъ „Историческаго Обозрѣнія", поручивъ редактированіе его своему предсѣдателю, проф. Н. И. Карѣеву. Желая, чтобы въ этомъ изданіи были сосредоточены извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи историческихъ книгахъ, Комитетъ Общества обращается къ авторамъ-издателямъ историческихъ книгъ съ покорнѣйшей просьбой присылать въ Общество свои труды (начиная съ помѣченныхъ 1891 г.) съ краткими, ими самими составленными, замѣтками (Selbstanzeigen) объ этихъ трудахъ размѣрами отъ нѣсколькихъ строкъ до печатной страницы, дабы въ „Историческомъ Обозрѣніи" могла вестись систематическая библіографія съ краткими указаніями на содержаніе обозначаемыхъ въ ней трудовъ; въ томъ случаѣ, если присланная книга не найдетъ рецензента, будетъ напечатана (цѣликомъ, въ изложеніи или сокращеніи) замѣтка ея автора, для чего такія замѣтки должны содержать въ себѣ то, что обыкновенно авторами пишется въ предисловіяхъ. Самыя книги будутъ поступать въ библіотеку Общества. Посылки могутъ быть адресованы (заказными бандерольными отправленіями) на имя Н. И. Карѣева въ С.-Петербургскій Университетъ (въ

іюнѣ, іюлѣ и августѣ—на Воскресенскую почтовую ст. смоленской губ., сычовскаго уѣзда).

Вышелъ въ свѣтъ второй томъ *Историческаго Обозрѣнія*, сборника Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, изд. подъ ред. Н. И. Карѣева. Цѣна 2 руб. (складъ при типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ. Васильевскій Островъ, 5 линія, д. 28).

Содержаніе. Іосифъ II и философія XVIII в., *А. М. Ону.* Общество голодовки, *Г. Е. Аѳанасьева.* Политическая экономія и теорія историческаго процесса, *Н. И. Карѣева.* Историческое Общество лѣтописца Нестора въ Кіевѣ, *Л. И. Нестроева.* Программа историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ, *В. Н. Беркута.* Новооткрытый трактатъ Аристотеля объ аѳинской демократіи, *В. П. Бузескула.* Обзоръ литературы по русской исторіи за 1888 и 1889 г. *А. И. Браудо.* Историческая хроника. Мелкія замѣтки. Историческое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1890—91 гг. Отчетъ о засѣданіяхъ исторической секціи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ за осенній семестръ 1890 года.

Имѣется въ продажѣ I томъ. Цѣна 2 руб. 50 коп. Третій томъ предположено выпустить въ декабрѣ текущаго года.

III.—Отъ Общества Охраненія Народнаго Здравія.

Съ 1891 г. выходитъ ежемѣсячно журналъ „Общества охраненія народнаго здравія“, подъ редакціей пр.-доцента А. А. Липскаго,—въ размѣрѣ отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ; въ немъ помѣщаются научные доклады, сообщенія и протоколы засѣданій всѣхъ секцій Общества: 1) біологической секціи; 2)—статистической, эпидеміологіи и медицинской географіи; 3)—общественной и частной гигіены; 4)—гигіены школьнаго и дѣтскаго возрастовъ; 5)—бальнеологіи и климатологіи.

Въ вышедшихъ № 3 и № 4 „Журнала“ помѣщены статьи: *Проф. Н. Ѳ. Здекауеръ*: „Къ исторіи возникновенія Института экспериментальной медицины“. *Проф. И. Е. Андреевскій*: „Ходъ развитія законодательствъ по санит. области“. *Д-ръ А. Г. Корецкій*: „Кеммернъ“. *П. А. Дюссиметьеръ*: „Яблочное вино сидръ“. *Проф. И. Е. Андреевскій*: „О нормальной столовой“. Журналы засѣданія секцій. Хроника, и пр. *Д-ръ А. К. Жучинскій*: „Азот. обмѣнъ при молочной діэтѣ“. *Пр.-доцентъ Ѳ. И. Пастернацкій*: „Кисловодскъ въ 1890 г.“ *Д-ръ А. С. Щербаковъ*: „О достиженіи наилучшаго иммунитета при вакцинаціи“. *Отчетъ* Московскаго отдѣла общества. Рефераты. Хроника.

Въ № 5 печатаются: *П. Н. Тарновской*: „*Воровки*“, антропологическое изслѣдованіе. *Д-ра П. Д. Енько*: „Липецкъ, какъ курортъ“. *Д-ра В. В. Святловскаго*: „Обойное производство въ санит. отношеніи“, и пр.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*строч.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
793	17 св.	принудительные	побудительные
795	12 сн.	всякую	двоякую

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ — ІЮНЬ, 1891.

Книга пятая. — Май. стр.

Іюнь. — Книга шестая.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Изъ лекцiй проф. П. Г. Рѣдкина по исторiи философiи права въ связи съ исторiей философiи вообще. Т. VII. Спб. 91. Стр. 494. Ц. 3 р.

Настоящiй выпускъ, уже посмертный, составляетъ заключенiе первой части того общаго плана, который былъ задуманъ авторомъ, съ цѣлью изданiя его трудовъ по университетской каѳедрѣ. Окончивъ въ седьмомъ выпускѣ обозрѣнiе существеннаго содержанiя философскихъ сочиненiй Аристотеля, авторъ присоединилъ ко всему этому обзоръ дѣятельности перипатетиковъ вообще, и закончилъ первую часть изслѣдованiемъ хода философiи въ перiодъ, послѣдовавшiй за Аристотелемъ. Представителями этого перiода являются догматики (стоики и эпикурейцы), скептики, эклектики, синкретики и, наконецъ, неоплатоники, непосредственные предшественники христiанской философiи, избравшей точкою отправленiя именно то, что служило для языческой философiи точкою исхода, а именно, духовное соединенiе человѣка съ божествомъ, какъ верховнымъ благомъ. На этомъ и останавливается первая часть лекцiй покойнаго профессора Рѣдкина, успѣвшаго такимъ образомъ еще при жизни поставить себѣ прочный памятникъ изъ трудовъ собственной мысли, которая въ теченiе всей его дѣятельности была посвящена главнымъ образомъ служенiю наукѣ.

Всеобщая исторiя, Георга Веберa.—Пер. со 2-го изд. Ѳ. Циммермана. Т. XIII. М. 91. Стр. 988. Ц. 5 р. 50 к.

Настоящiй томъ обнимаетъ собою всю вторую половину прошедшаго вѣка, начиная отъ войнъ между Пруссiею и Австрiею и кончая исходомъ французской революцiи, по завершенiи побѣдоносныхъ войнъ Наполеона Бонапарта въ Италiи. Почти половина этого тома посвящена, главнымъ образомъ, обстоятельному изложенiю извѣстнаго умственнаго движенiя въ западной Европѣ въ эпоху такъ-называемаго „просвѣщенiя“, и тѣхъ перемѣнъ въ складѣ общественной жизни, какiя совершились подъ влiянiемъ просвѣтительныхъ идей перiода, непосредственно предшествующаго американской и французской революцiи.

Капитанская дочка, А. С. Пушкина. Романъ. М. 1891. Изд. В. Г. Готье. Стр. 156.

Одно изъ образцовыхъ произведенiй Пушкина въ прозѣ нашло себѣ роскошное изданiе съ превосходно выполненнымъ портретомъ, съ оригинала Райта, и съ 12 рисунками акад. П. Соколова, гравированными на мѣди. Въ рисункахъ соблюдена точно обстановка того времени и костюмы лицъ. Въ иностранныхъ литературахъ подобныя роскошныя изданiя, служащiя какъ бы данью памяти великихъ писателей—не рѣдкость; но у насъ изданiе „Капитанской дочки“ г. Готье имѣетъ мало себѣ подобныхъ.

Стихотворенiя И. С. Тургенева. Изданiе второе, исправл. и дополн. С. Н. Кривенко. Спб. 91. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ обстоятельнаго предисловiя г. Кривенко видно, что новое изданiе является не потому, что первое изданiе все разошлось, но, главнымъ образомъ, оно имѣетъ цѣль—не оставить память Тургенева при этомъ первомъ изданiи, далеко не полномъ и—что всего хуже—преисполненномъ искаженiй, вслѣдствiе недосмотровъ, ошибокъ и опечатокъ. Издатель тщательно возстановилъ текстъ, гдѣ можно, по рукописямъ, или же при помощи сличенiя различныхъ редакцiй, и такимъ образомъ мы имѣемъ теперь поэзiю Тургенева въ достойномъ его имени видѣ. Самъ Тургеневъ, какъ извѣстно, не одобрялъ своихъ стиховъ, но едва ли справедливо издатель считаетъ это „гиперболою самолюбиваго человѣка“; Тургеневъ справедливо сознавалъ, что его стихи ничего не прибавлятъ къ его славѣ первокласснаго писателя, и, очевидно, онъ относился къ этой славѣ серьезно, на что и имѣлъ безспорное право.

Очерки городского благоустройства за границей. Путевыя замѣтки А. Н. Никитина. Спб. 91. Стр. 217. Ц. 2 р.

Если справедливо, что никакое общественное управленiе не въ состоянiи создать городского благоустройства, безъ содѣйствiя хотя бы въ формѣ сознательнаго сочувствiя къ улучшенiямъ, со стороны большинства самихъ управляемыхъ, то нельзя не признать въ этомъ отношенiи всей пользы подобныхъ „путевыхъ замѣтокъ“, написанныхъ, очевидно, для большой публики, а потому общедоступно, весьма живо, очень часто въ видѣ личныхъ бесѣдъ на мѣстѣ, напримѣръ, съ такими авторитетами, какъ Линдлей, извѣстный канализаторъ многихъ городовъ,—и въ то же время серьезно.—по намѣренiямъ автора, несомнѣнно и весьма близко знакомаго съ недостатками нашего городского благоустройства. За границей онъ потому и обращаетъ особенное вниманiе именно на тѣ его части, которыя у насъ составляютъ почти „непочатой уголъ“. Правда, онъ, какъ бы въ извиненiе намъ, проводитъ ту мысль, что за границей все это является „результатомъ *вѣковыхъ* опытовъ и трудовъ“; но кто помнитъ, напримѣръ, Берлинъ, какимъ онъ былъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ 50-хъ годахъ, тотъ долженъ признать, что тогдашнiй Берлинъ ничѣмъ не могъ гордиться даже предъ Петербургомъ, а потому нынѣшнiй — уже никакъ не можетъ быть названъ результатомъ „вѣковыхъ“ опытовъ. Кто не былъ въ Парижѣ съ 50-хъ годовъ, тотъ не узнаетъ нынѣшняго Парижа; въ Латинскомъ кварталѣ, напримѣръ, не осталось буквально камня на камнѣ. Дѣло не въ вѣковомъ опытѣ, а въ томъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ и авторъ, одни города дѣйствуютъ какъ хорошiе „коммерсанты“, поднимая свое дѣло кредитомъ, а другiе уподобляются „мелочнымъ лавочникамъ“; тутъ никакой и вѣковой опытъ не поможетъ. Вотъ это послѣднее—справедливо, и книга, подобная настоящимъ путевымъ замѣткамъ, можетъ, благодаря своей легкой и интересной формѣ изложенiя, распространить въ массахъ публики болѣе правильные взгляды на сущность городского хозяйства. Изданiе снабжено довольно многочисленными и хорошо выполненными иллюстрацiями, очень часто дополняющими весьма кстати приводимое авторомъ описанiе тѣхъ или другихъ интересныхъ пунктовъ, зданiй или сооруженiй.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго Іюня открыта подписка на второе полугодіе 1891 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.--Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

NOV 17 1893
NOV 10 '60 H